ЗАПИСКИ

ФИЛИПА ФИЛИППОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

I.

Не задолго до Французской революціи, родился я. Ужасы о ней разсказываемые поражали даже ребяческій мой слухъ; ибо граница единственной земли, въ которой повторялось ея безразсудное эхо, находилась только въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ я выросталъ. Исполненный вѣрноподданическаго чувства отецъ, благочестивая, православная мать и честный Нѣмецъ прежнихъ временъ, другъ порядка и законовъ, были первые, которые внушили мнѣ омерзѣніе къ ея неистовствамъ. Въ аристократическомъ домѣ два Француза-легитимиста довершили ими начатое. Ослѣпленный предразсудками, отъ которыхъ и понынѣ еще не краснѣю, я не только раздѣлять, ни даже понимать не могъ восторговъ при имени перваго консула республики. Она въ глазахъ моихъ была продолжительнымъ преступленіемъ, а онъ былъ сынъ ея, и долго—ея подпора, ея слава. Скоро всѣ начали думать и говорить согласно съ моимъ образомъ мыслей, скоро похвалы ему превратились въ укоризненную брань, и именно тогда, какъ возстановилъ онъ монархическую власть и всѣ ея формы. Вольнолюбивые видѣли въ немъ тирана, истребителя свободы; царелюбцы называли его хищникомъ престола; Англія, которая тогда безпрепятственно давала направленіе политическимъ мнѣніямъ въ Россіи, распространяла въ ней ненависть къ нему. Вѣнецъ и порфира казались мнѣ запачканными его полуплебейскимъ прикосновеніемъ. Въ консулѣ, равно какъ и въ императорѣ, видѣлъ я все-таки еще революцію: она сокрушала царства, низвергала царей, она сожгла Москву. Когда человѣкъ заберетъ себѣ что-нибудь въ голову, то трудно доказать ему ошибку его.

Весь этотъ волшебный міръ, который столь яркими красками описывали мнѣ старые Французы, съ коими имѣлъ я сношенія, исчезъ въ ужасной безднѣ, подобно городамъ, поглощеннымъ землею или волнами, Помпеѣ, Геркулануму или Винетѣ. Все это дореволюціонное блаженство, которое не суждено мнѣ было видѣть и которое зналъ я по однимъ лишь преданіямъ, оставалось моею любимѣйшею мечтой; но не оставалось ни малѣйшей надежды, чтобъ этотъ золотой вѣкъ могъ когда-либо возвратиться. И вдругъ крутой переворотъ, и быстро за нимъ

Библиотека "Руниверс"

послѣдовавшія происшествія воскресили былое, навсегда казавшееся погибшимъ.

Когда, къ неописанной радости моей, громкими молитвами православнаго духовенства осквернённая цареубійствомъ площадь была очищена и освящена; когда потомокъ Святаго Лудовика, принявъ его наслѣдіе, на заблужденія, на злодѣянія минувшихъ лѣтъ набросилъ мантію его милосердія: я думалъ, что все кончено. Нимало. Два человѣка, одинъ возстановитель законнаго порядка, другой, именемъ его возстановленный, оба движимые различными чувствами, начали создавать нѣчто новое, съ духомъ времени болѣе согласное. Оба льстили себя надеждою—истребить снисходительностью и благодушіемъ силу, затмить славу сверженнаго Наполеона. Возвратившійся Лудовикъ XVIII, на радостяхъ, народу своему октроировалъ, видишь, пожаловалъ хартію. Съ высоты трона, добровольно изливая свободу, онъ могъ надѣяться, что подданные будутъ въ немъ видѣть источникъ вѣчныхъ благъ. Долженъ повиниться въ тогдашнемъ невѣжествѣ своемъ: не обративъ должнаго вниманія на хартію сію, я почиталъ ее новымъ образованіемъ, утверждающимъ королевскую власть. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ камерахъ, вездѣ преимущественно стали показываться Ноальи и Граммоны, Монморанси и Роганы, Ларошфуко и Бофремоны, и я былъ предоволенъ. Не прошло года, и Франція доказала, что желѣзный скипетръ и мечъ Наполеона предпочитаетъ она всѣмъ хартіямъ.

Такой урокъ, данный самимъ Провидѣніемъ, кажется, долженъ бы былъ образумить вѣнценосцевъ; но мнѣнія, предразсудки, привитые въ первой молодости, видно, совершенно исцѣлены никогда быть не могутъ. Если рѣшились уже до того унизить, опозорить Францію, что отдали ее подъ караулъ, то, кажется, въ это время можно бы было себѣ все съ нею позволить. Почему же было пропустить сей единственный случай и, для ея же блага, не сжать, не оковать ея вольности, изъ коей кромѣ самаго худаго, она никакого другаго употребленія, никогда не умѣла дѣлать? Ослаблять ее вѣчными внутренними раздорами могло быть полезно не Россіи, а развѣ только ближайшей ея сосѣдкѣ.

Графъ Прованскій, иначе Мосье, не имѣлъ въ нравѣ ничего схожаго съ двумя добродушными братьями своими, старшимъ благочестивымъ и меньшимъ—въ молодости вѣтренымъ шалуномъ. Онъ былъ настоящій Французъ восемнадцатаго вѣка, слегка философъ, волтеріанецъ, слегка англоманъ. Не насъ однихъ можно упрекать въ страсти къ подражанію; этой слабости, кажется, подвержена бо́льшая часть человѣчества. За нѣсколько лѣтъ до революціи, у Французовъ, точно также какъ и нынѣ у насъ, вошло въ обычай поносить все отечественное,

Библиотека "Руниверс"

ругаться надъ нимъ и восхищаться однимъ только иноземнымъ, то-есть Англинскимъ. Слѣдуя общему движенію, королевскій братъ углубился въ разсмотрѣніе образованій всѣхъ государствъ, но преимущественно съ прилежаніемъ сталъ изучать чудный механизмъ Великобританской правительственной машины, верхъ совершенства между изобрѣтеніями людей. Небо Франціи омрачилось, грозило королевской власти, и можетъ тайно надѣялся онъ возстановить ее въ своей особѣ, посредствомъ новыхъ своихъ теорій. Онъ былъ начитанъ, много писалъ, любилъ поавторствовать и, родясь на ступеняхъ трона, походилъ однакоже на нынѣшнихъ профессоровъ и адвокатовъ, всегда замышляющихъ похитить верховную власть. Но онъ былъ скроменъ, остороженъ, и подобно родственнику своему, развратному герцогу Орлеанскому, не вступалъ въ явную оппозицію. Первые взрывы революціи не испугали его, и когда послѣ взятія Бастиліи, графъ д'Артуа покинулъ отечество, около двухъ лѣтъ оставался онъ еще спокойнымъ зрителемъ народныхъ бурь. Послѣ долгихъ странствованій, послѣднее убѣжище нашелъ онъ въ Англіи, и тамъ вблизи могъ любоваться искусственнымъ устройствомъ ея, которое, къ несчастію такъ много плѣняетъ знакомыхъ мнѣ умнѣйшихъ людей. На гостепріимное лоно любимой имъ земли, казалось, навсегда склонилъ онъ отягченныя тучностію тѣло и думами главу. Въ уединеніи своемъ не переставалъ онъ мечтать объ устройствѣ, которое далъ бы онъ Франціи, еслибъ она соблаговолила его призвать. Возвращаясь въ нее, онъ несъ въ рукахъ любимое чадо свое—плодъ долголѣтнихъ досуговъ, въ тишинѣ Гартвеля имъ взлелѣянное. Оно не спасло Франціи отъ вторженія Наполеона и скорѣе открыло ему путь въ нее; но родительская любовь никогда не позволила ему разстаться съ нимъ.

Въ свободѣ Англіи видятъ обыкновенно главный источникъ ея богатства и могущества. Тамъ, гдѣ вся земля принадлежитъ малому числу большихъ владѣльцевъ и каждый изъ нихъ, по прихоти, можетъ лишить живущаго на ней клочка земли, который питаетъ его съ семействомъ; тамъ, гдѣ съ одной стороны горы золота, а съ другой голодъ, вѣчно ему покорствующій: тамъ, гдѣ содержатель фабрики, высылая изъ нея работника, произноситъ ему смертный приговоръ: не знаю, можно ли почитать тамъ людей свободными? Лорды держатъ народъ, какъ охотники собакъ на сворѣ: онѣ рвутся, лаютъ; а попритяни ихъ немного, они тотчасъ уймутся. Столько же было свободы и едва ли не болѣе въ Венеціанской республикѣ, гдѣ ея вовсе не было. Нѣтъ, Англія сильна безпредѣльною властію, которою пользуются въ ней олигархія рода и аристократія золота; она сильна мѣстностями положенія своего; особенно же она сильна тѣмъ, что всегда свято хранила преданія древности, всегда ихъ держалась, что народная ея гордость всегда

Библиотека "Руниверс"

чуждалась подражанія; что всѣ законы, всѣ учрежденія ея суть произведенія собственной почвы и ни у кого не заимствованы. И не безразсудно ли взять за образецъ страну, съ которой другія не могутъ имѣть ничего общаго? Народы, точно также, какъ всякій человѣкъ въ особенности, также какъ звѣри и растенія, имѣютъ различныя сложенія и склонности. Всякому свое: то, что̀ губительно для пальмы, сохраняетъ березу, и наоборотъ. Одинаковая ли температура нужна бѣлому медвѣдю и Африканскому льву?

Высокая ученость почти всегда отдѣляетъ людей отъ дѣйствительности жизни. Вѣнчанная мудрость въ бархатныхъ сапогахъ совсѣмъ не постигла народный духъ Французовъ. Лудовикъ XVIII полагалъ, что подобно Англіи, самые жаркіе споры въ его камерахъ будутъ исполнены достоинства, сопровождаемы приличіемъ. Напрасно: у этого кипучаго народа словопреніе тотчасъ обращается въ безчинство, ругательство, а оппозиція не что иное какъ постоянный мятежъ. Десятки лѣтъ прошли, и съ каждымъ годомъ видимъ мы, что оно становится все хуже.

Заблужденія императора Александра истекали изъ самаго чистаго источника. Никогда еще не было на тронѣ монарха, оживленнаго столь горячею, столь искреннею любовію къ человѣчеству. Еще въ отроческомъ возрастѣ наставникъ его, Швейцарецъ Лагарпъ, увѣрилъ его, что совершенная свобода есть высочайшее благо для людей. Но видно, что въ отчизнѣ его не слишкомъ ею дорожили: ибо вольные жители горъ, Альпійскіе пастухи цѣлыми тысячами продавали себя иноземнымъ владыкамъ и за деньги проливали кровь свою. Союзная съ нимъ Англія и окружавшіе его совѣтники, ей преданные, утвердили въ немъ желаніе сдѣлаться благодѣтелемъ Россіи, даровавъ ей представительное правленіе. Тильзитъ, который такъ напрасно клянемъ мы, все пріостановилъ. Коль же скоро стали замѣтны несогласія его съ Наполеономъ, явился Нѣмецкій баронъ Штейнъ уполномоченнымъ отъ многочисленныхъ Нѣмецкихъ тайныхъ обществъ. Черезъ него возносили они мольбы свои къ нему, вопили о спасеніи, увѣряя, что не переставали почитать его свободолюбцемъ и видѣть въ немъ будущаго спасителя Германіи. Тогда свобода сдѣлалась для него не только цѣлію, но обратилась и въ средство, и на побѣдоносномъ пути его до Парижа вездѣ встрѣчали его съ вѣнками въ рукахъ. Въ стихахъ и прозѣ превозносили его; поэтъ Раупахъ изобразилъ его въ трагедіи своей Timoleon der Befreuer.

Подъ Французскимъ игомъ, для Нѣмцевъ ненавистнымъ, распространились между ними Французскія революціонныя идеи. Очень искусно научились они смѣшивать слово независимость (что̀ предпола

Библиотека "Руниверс"

глетъ освобожденіе отъ чуждой власти) со словомъ свобода. Нѣмецкіе владѣтельные князья, дабы болѣе возбудить ихъ къ возстанію, обѣщали имъ дарованіе многихъ правъ и вольностей по окончаніи войны. Нужно ли все это было, когда честь и самохраненіе Пруссіи и здравая политика Австріи повелѣвали къ намъ присоединиться, когда не народы, а правительства и войска одинъ за другимъ приставали къ намъ? Наполеонъ на островѣ Св. Елены говорилъ: «Я воевалъ съ Европой для поддержанія монархическаго правила, цари побѣдили меня именемъ народной свободы; они жестоко въ томъ будутъ раскаеваться». И дѣйствительно послѣ его шумно-грозно-созидательнаго вѣка наступило тихо-разрушительное время. Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что первые годы послѣ Наполеона были пора посѣва; черезъ пятнадцать лѣтъ все выросло, созрѣло: горе тѣмъ, которые доживутъ до жатвы.

Англія стояла тогда на вершинѣ могущества своего, блистала величіемъ и богатствомъ, сіяла злобною радостію при видѣ нестерпимыхъ мукъ, на кои осудила безсмертнаго своего противника и, дружелюбно улыбаясь неискуснымъ своимъ подражателямъ, не переставала твердить имъ о свободѣ. Въ странѣ, гдѣ именемъ свободы совершены были неслыханныя злодѣйства, попираемо все священное для людей, разрушены алтари, изгнана вѣра Христова, въ этой странѣ единокровные преемники ея жертвъ провозгласили права ея неоспоримыми. И, наконецъ, богоподобный человѣкъ, который сдѣлался первымъ въ Европѣ и въ мірѣ, всенародно исповѣдывалъ любовь свою къ ней! Послѣ того имя ея признано равнымъ именамъ божества и добродѣтели. Что говорю я? Оно стало выше ихъ. Передъ нимъ всѣ преклоняли головы, и оно сдѣлалось священнымъ для всѣхъ, даже для насъ, которые прежде никогда не произносили его не отъ страха, а отъ невѣдѣнія.

Трудно мнѣ изобразить, какимъ непріятнымъ образомъ былъ я изумленъ, оглушенъ новымъ, непонятнымъ сперва для меня языкомъ, которымъ все вокругъ меня заговорило. Молодость всегда легковѣрна и великодушна, и первая вспыхнула отъ прикосновенія электрическаго слова. Довольно скромно позволялъ я себѣ входить въ сужденія съ молодыми воинами; куды тебѣ! Названія запоздалаго, старовѣра, гасильника такъ и посыпались на меня, и никѣмъ не поддержанный я умолкъ. Любопытно и даже забавно было видѣть иныхъ людей, въ характерѣ которыхъ была рѣзкая противоположность съ правилами, которыя вдругъ начали они поддерживать: изъ раболѣпства стали они прикидываться свободомыслящими. Напримѣръ, старый министръ Козодавлевъ, который всегда смотрѣлъ, откуда при дворѣ дуетъ вѣтеръ, находилъ въ Крыловѣ холопскія чувства, въ Крыловѣ, который въ

Библиотека "Руниверс"

басняхъ своихъ насказалъ такъ много смѣлыхъ истинъ, едва завѣшивая ихъ наготу полупрозрачными прекрасными своими покровами. На дачѣ у себя, передъ всѣми высшими властями пресмыкающійся Уваровъ слѣдующимъ лѣтомъ принималъ насъ въ павильонѣ, посвященномъ памяти Штейна и названномъ его именемъ. Александръ хлебнулъ, и опьянѣли дворъ, гвардія и столица его.

Вообще съ удивленіемъ замѣтить должно, что почти во всѣхъ земляхъ обыкновенно высшее сословіе или аристократія производили народныя возстанія и направляли ихъ противъ законной высшей власти. Не говоря уже о революціи 89 года, которую раздували дюки и маркизы, во время Фронды, знатныя дамы, даже принцессы Монпансье, Лонгевиль принимали сильнѣйшее участіе въ возмущеніяхъ. Въ Нидерландахъ Эгмонтъ и Горнъ были не простые люди; Польшу всегда волновали магнаты; въ Римѣ принчипе, гордые и праздные, всегда непокорны и если въ Венгріи случится бѣда, то навѣрное предсказать можно, что безпокойства произведены будутъ знатнѣйшими ея богачами. Эти люди, ближе другихъ окружая тронъ и ближе другихъ видя слабости сидящихъ на немъ, менѣе всѣхъ уважаютъ ихъ и болѣе всѣхъ завидуютъ имъ. Безразсудные! Стремясь изсушить единственный источникъ ихъ благъ, они неизбѣжно ведутъ согражданъ къ демократіи, для нихъ губительной, истребительной. А тамъ приходитъ раскаяніе; потерявъ или, лучше сказать, погубивъ головы Людовика XVI-го и Маріи Антоанетты, роялисты плакали по волосамъ ихъ.

Въ одной Россіи это дѣло кажется невозможнымъ; попытались было бояре, послѣ смерти Петра II-го, облечься въ верховную власть; но царелюбивый народъ Русскій присталъ даже къ Нѣмцамъ, чтобы свергнуть ихъ. Тутъ дѣло было совсѣмъ иное: изъ угожденія къ царской прихоти, можетъ быть, скоро преходящей, нѣкоторые вельможи стали восхвалять свободу. Если первые были преступны, то послѣдніе подлы: одни искали власти, а другимъ хотѣлось только милостей, повышенія.

Важную ошибку на Вѣнскомъ конгрессѣ вижу я въ непризнаніи Австрійскаго императора попрежнему Римскимъ и главою Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе сдѣлано вслѣдствіе дружелюбнаго угожденія Пруссіи, которая давно домогается взять первенство между Нѣмецкими государствами и повелѣвать ими. При Оттонахъ, которые по примѣру Карла Великаго приняли титулъ Римскихъ императоровъ, Германія дѣйствительно заняла первое мѣсто въ Европѣ. Италія то возставала на нее, то покорялась ей. Крупныя и мелкія части, на кои была она раздроблена, время переплело въ одинъ большой форматъ, и на заглавномъ листѣ стояло имя избраннаго императора, болѣе или менѣе

Библиотека "Руниверс"

сильнаго. Порядокъ сей, существовавшій нѣсколько столѣтій, былъ нарушенъ Наполеономъ, который самъ себя насильственно поставилъ на мѣсто законныхъ императоровъ. Зачѣмъ же, послѣ паденія его, не возстановить было прежній порядокъ? Всѣ эти владѣнія нажалованныхъ имъ королей и великихъ герцоговъ сдѣлались летучими листками (feuilles volantes), на живую нитку пришитыми къ Франкфуртскому сейму. Мелкіе государи сихъ особняковъ не въ силахъ были противиться подданнымъ, которые требовали исполненія данныхъ обѣщаній: подай имъ конституцію, да и только! Одни уступили ранѣе, другіе позже, и началась не сильная, но постоянная борьба народа съ правительствомъ. Нигдѣ не было единства, ни откуда не было главнаго надзора, ни могущаго вліянія. Австрія, единственная твердая блюстительница общенароднаго спокойствія, довольствовалась сохраненіемъ его у себя дома; еслибы дано ей было болѣе власти и правъ, она конечно водворила бы его и въ другихъ Германскихъ странахъ. Непоколебимая въ системѣ управленія своего, Австрія сдѣлалась для всей почти Германіи предметомъ ненависти и презрѣнія, совсѣмъ не ужаса, и съ каждымъ годомъ становилась ей болѣе чуждою. Императорскій титулъ, присвоенный одному небольшому герцогству, около котораго нанизаны разнородныя королевства гораздо обширнѣе и многолюднѣе его, казался также смѣшною несообразностью. Латинское названіе сіе, переживпее Римское величіе и для потомства служащее его изображеніемъ, прилично только западнымъ и восточнымъ наслѣдникамъ Августовъ и Кесарей. Владѣетъ ли онъ старымъ или новымъ Римомъ или довольно силенъ, чтобы имѣть справедливыя притязанія на вѣчные грады, гдѣ временно только господствуютъ тіара и чалма, тотъ только безъ стыда можетъ носить названіе, котораго нѣтъ выше въ мірѣ. Въ столь неопредѣленномъ положеніи, мудрено ли, что Нѣмцы, среди продолжительнаго мира, пользуясь всѣми плодами его, величайшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, все еще недовольны, желаютъ лучшаго и, разъединенные Вѣнскимъ конгрессомъ, ищутъ опять единства? Они волнуются, тоскуютъ, дерзко говорятъ и пишутъ, и замышляютъ что-то недоброе.

Но какъ назвать возстановленіе свободной Польши самодержцемъ Всероссійскимъ? Никогда еще столь великодушнаго ослѣпленія не было видано. Неизвѣстно, кто въ малолѣтствѣ еще успѣлъ увѣрить Александра, будто возвращеніе Россіи отторженныхъ отъ нея западныхъ ея областей должно почитаться преступленіемъ его бабки. Стоило только поприлежнѣе прочитать Русскую Исторію, чтобы найти въ ней оправданіе, или, по крайней мѣрѣ, извиненіе сему великому злодѣянію. Въ самой цвѣтущей молодости, когда первыя впечатлѣнія такъ

Библиотека "Руниверс"

сильно дѣйствуютъ на сердце и на воображеніе, Полька Нарышкина и Полякъ Чарторижскій дали познать ему любовь и дружбу. Привязанность къ нему Польскихъ его подданныхъ представлена ими какъ не вольное сердечное влеченіе, тогда какъ въ Русской добродушной преданности видѣлъ онъ простое исполненіе обязанности. Когда на пути въ Берлинъ, въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъявленій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда Поляковъ, съ новою силой обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него (еслибы по долгу своему онъ не захотѣлъ отдѣлять себя отъ нея), ни ужасы и опустошенія, которыя ровно черезъ двѣсти лѣтъ повторили они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что, будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливость. Онъ былъ остороженъ и неторопливъ въ исполненіи важныхъ предпріятій своихъ: пріобрѣтенное имъ по трактатамъ Польское Царство первое хотѣлъ онъ подвергнуть испытанію конституціоннаго правленія. Желая исподоволь новыхъ подданныхъ своихъ ознакомить со свободой, но зная всю невоздержность Поляковъ, зная, какъ готовы они предаваться всякаго рода упоеніямъ и опасаясь, чтобы они не слишкомъ стали упиваться сей сладкой отравой, вмѣсто противоядія поставилъ онъ межъ ними брата своего Константина.

Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавалъ онъ для Россіи. Это самое, надобно думать, омрачило веселіе, которое безъ того встрѣтило бы его вторичный возвратъ изъ Парижа. Отнюдь не будучи свободомыслящимъ, я, можетъ быть, одинъ въ воспріятіи титула Царя Польскаго видѣлъ событіе счастливое для Россіи и основаніе новаго для нея величія въ будущемъ. Мнѣ казалось, что Польша къ Россіи должна быть въ томъ же отношеніи, какъ при Наполеонѣ Италія была къ Франціи: она граничитъ съ Нѣмецкими владѣніями и, по примѣру Наполеона, Государь можетъ сдѣлаться главою Германскаго союза. Или, думалъ я, Польша будетъ главнымъ звѣномъ той цѣпи, которая потянется отъ нея направо и налѣво и составлена будетъ изъ единокровныхъ ей и намъ Славянскихъ государствъ. Опираясь на Россію, какъ на огромную скалу, они сами, какъ рядъ твердынь, будутъ защищать ее отъ нападеній западныхъ народовъ.

Какъ ошибался я! И какъ все это далеко было отъ мысли Александра! Слава какъ будто прискучила ему; онъ желалъ еще добра, но не искалъ за него возмездія межъ людей и почиталъ себя стражемъ, котораго Всевышній поставилъ для сохраненія мира мірови. На высотѣ

Библиотека "Руниверс"

счастія и успѣховъ внезапно овладѣло имъ уныніе; онъ, весь любовь, испыталъ неблагодарность людей, коимъ благотворилъ, и правительствъ, коихъ былъ искреннимъ и мощнымъ союзникомъ. Можетъ быть, онъ возненавидѣлъ бы родъ человѣческій; новое чувство, которое тогда наполнило его душу, не допустило его до того. Любовь къ Богу всегда болѣе утверждаетъ въ любви къ человѣчеству. Онъ былъ расположенъ къ религіозной мечтательности и во время послѣднихъ странствованій его, къ сожалѣнію, встрѣтилъ онъ одну краснорѣчивую женщину, которая умѣла передать ему свое нео-христіанское ученіе. Это была знаменитая баронесса Крюднеръ *), урожденная Фитингофъ, вдова Русскаго посланника въ Берлинѣ, писательница, великая грѣшница, раскаявшаяся, какъ Магдалина и изъ свѣтской женщины обратившаяся въ площадную проповѣдницу. Въ городахъ и въ селахъ, на открытомъ воздухѣ, на распутіяхъ произносила она трогательныя рѣчи народу, и цѣлыя толпы его слѣдовали изъ мѣста въ мѣсто за новой пророчицей. Изъ многихъ владѣній была она изгоняема и, наконецъ, въ Россіи нашла убѣжище и могилу.

Я старался помѣстить въ этой главѣ все то, что при началѣ 1816 года было, такъ сказать, въ зернѣ и, постепенно развиваясь, впослѣдствіи причинило намъ такъ много горестей и бѣдствій. Въ сей главѣ объясняется многое, что читатель далѣе можетъ встрѣтить въ сихъ Запискахъ.

II.

Поговоривъ о царяхъ, о важныхъ политическихъ интересахъ Европы, долженъ теперь обратиться къ малозначущей особѣ своей, для которой въ семъ 1816 году пришла эпоха жизни болѣе дѣятельной, не совсѣмъ безполезной, какъ было дотолѣ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ, графъ Ламбертъ прислалъ пригласить меня къ себѣ въ канцелярію. Въ объясненіяхъ, которыя мы имѣли, увидѣлъ я чистосердечное желаніе быть мнѣ полезнымъ. «Вы теперь ничего не дѣлаете; не хотите ли чѣмъ-нибудь заняться? Представляется къ тому случай», сказалъ онъ мнѣ. «Слыхали ли вы о генералѣ Бетанкурѣ? Онъ въ большой довѣренности у Государя и по части механики можно почитать его Европейскою знаменитостью. Число фальшивыхъ ассигнацій умножилось; надобно перемѣнить ихъ форму; для того хотятъ устроить особую фабрику, и Государю угодно было дѣло это поручить Бетанкуру. Чрезъ это поставленъ онъ въ близкія сношенія съ министромъ финансовъ, вовлеченъ въ частую пе-

*) Не надобно смѣшивать ее съ другою госпожею Крюднеръ, также великой грѣшницей, Нѣмкой, которая гораздо послѣ нея въ Россію къ намъ пожаловала.

Библиотека "Руниверс"

переписку съ нимъ и другими вѣдомствами, а ни языка Русскаго, ни Русскихъ формъ вовсе не знаетъ. Ему нуженъ чиновникъ, который бы хорошо зналъ Французскій и Русскій языки и на котораго бы могъ онъ совершенно положиться. Онъ просилъ меня о пріисканіи ему таковаго: я былъ коротко съ нимъ знакомъ въ Мадритѣ, когда я находился тамъ секретаремъ посольства. Я ему назвалъ васъ, но не смѣлъ обѣщать ему вашего согласія. Сегодня вечеромъ поѣдемте къ нему вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ это будетъ для васъ пріятное знакомство. Первоначальныя занятія ваши при немъ не будутъ имѣть для васъ ничего обязательнаго, вы будете трудиться почти частнымъ образомъ; пройдетъ недѣли двѣ-три, не болѣе и вы увидите, полюбились ли вы другъ другу; тогда, продолжая оставаться въ министерствѣ, можете вы офиціально быть къ нему откомандированы, и изъ суммъ, назначенныхъ на заведеніе и устройство ассигнаціонной фабрики, можно будетъ удовлетворять васъ приличнымъ содержаніемъ. Впрочемъ это нимало не измѣняетъ нашихъ прежнихъ условій; мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и славною квартирой, при службѣ не весьма утомительной, которое предложилъ я вамъ въ Коммиссіи погашенія долговъ, откроется вмѣстѣ съ нею не ближе какъ въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня. Оно васъ ожидаетъ, и до тѣхъ поръ пройдетъ довольно времени, чтобы вамъ на что-нибудь рѣшиться».

Мы нашли Бетанкура одного въ обширномъ кабинетѣ. Онъ усадилъ насъ вокругъ письменнаго стола своего, разговорился, и знакомство съ нимъ сдѣлалось у меня скоро. Старикъ показался мнѣ живымъ, веселымъ, но не менѣе того почтеннымъ.

Согласно сдѣланнымъ наканунѣ предварительнымъ условіямъ, на слѣдующее утро явился я опять къ нему въ тотъ же кабинетъ. Онъ самъ вынулъ мнѣ небольшую кипу бумагъ, прося меня привести ихъ въ порядокъ. Я разобралъ ихъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣла у меня будетъ немного. Затруднительно было только каждую бумагу писать вдвойнѣ: Бетанкуръ не хотѣлъ подписывать того, чего не понимаетъ, а казенныя мѣста не обязаны были знать по-французски. И для того, на перегнутомъ по-поламъ листѣ, на одной половинѣ Французское подписывалъ Бетанкуръ, а на другой Русское скрѣплялъ я. Надобно было написать сперва бумагу, потомъ перевести ее, переписать и, наконецъ, занести ее подъ нумеромъ въ особую тетрадь. Новый начальникъ мой дивился геніальности моего проворства. Малое количество, самое содержаніе и краткость сихъ бумагъ одни дѣлали трудъ сей неважнымъ.

Долго суждено мнѣ было находиться при этомъ человѣкѣ. По многимъ отношеніямъ былъ онъ лицо весьма примѣчательное, особен-

Библиотека "Руниверс"

но же какъ выраженіе духа времени, смѣшенія аристократическихъ предразсудковъ съ плебейскими промышленными наклонностями. Вотъ почему его самого, семейство его, все, что̀ мнѣ извѣстно о его жизни, хочу я изобразить здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Неподалеку отъ Лилля, во Французской Фландріи, и понынѣ можно найти городокъ или селеніе Бетанкуръ. Предки Русскаго генерала были его владѣтелями и сохранили его названіе. Извѣстно, что̀ за люди были эти *сиры*. Когда, при герцогахъ Бургундскихъ, вся эта страна начала процвѣтать, и приняты сильныя мѣры для безопасности жителей ея богатыхъ, торговыхъ и промышленныхъ городовъ, то владѣтели замковъ, лишившись средствъ вооруженною рукою дѣлать поборы на большихъ дорогахъ, грабительство свое по сосѣдству перенесли на другую свободную стихію. Услугами сихъ пиратовъ воспользовалось правительство небольшаго Португальскаго королевства, которое, будучи прижато къ Атлантическому океану, на него безпрестанно устремляло взоры свои и на его пространствѣ единственно искало себѣ чести и прибыли. Оно не обманулось: еще до Христофора Колумба и Васко-де-Гамы, смѣлыми Португальскими мореплавателями обрѣтены острова Зеленаго мыса, Мадера и Асорскія острова, и розданы имъ. Морякъ Бетанкуръ одинъ изъ сихъ острововъ съ графскимъ титуломъ получилъ въ свое владѣніе; иные говорятъ—даже Мадеру, но я за это не ручаюсь. Только потомки его, видно, лишились своего острова, ибо сдѣлались Гишпанскими подданными и жителями Канарскихъ острововъ; и нашъ Бетанкуръ родился на счастливомъ Тенерифскомъ Пикѣ, въ счастливые для Гишпаніи дни короля Карла Ш.

Есть искусство во̀ время родиться и во̀ время умирать, въ числѣ другихъ Бетанкуръ имѣлъ и это искусство. Что́ бы было съ нимъ, еслибы родился онъ ранѣе? Изъ рукъ самой природы вышелъ онъ механикомъ. Заботясь о благѣ государства своего, Карлъ Ш устраивалъ тогда славныя, покойныя дороги, строилъ мосты, рылъ канавы и чистилъ Гвадалквивиръ, однимъ словомъ создавалъ въ Гишпаніи все то, чего ей не доставало. Ему нужны были инженеры и архитекторы, для нихъ заводилъ онъ школы и, подобно Петру Великому, подданныхъ своихъ посылалъ учиться за границу. Отправленный имъ въ Англію, Бетанкуръ провелъ тамъ молодость свою. Когда Годой, князь постыднаго Мира, ввелъ Бурбона Карла IV въ дружественныя сношенія и союзъ съ Французскою республикой, и Гишпанскимъ подданнымъ открылся свободный путь въ Парижъ, то Бетанкуръ воспользовался тѣмъ, чтобъ посѣтить сей городъ, гдѣ послѣ революціи искусственная часть во всѣхъ отрасляхъ промышленности стала достигать совершенства. Возвратясь въ отечество, сдѣлался онъ нѣчто въ родѣ

Библиотека "Руниверс"

начальника сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, полагать должно, не выше того, что̀ у насъ директоры департаментовъ.

Съ нимъ въ Мадридѣ коротко былъ знакомъ посланникъ нашъ Муравьевъ-Апостолъ и, желая угодить Государю, который имѣлъ одинаковые вкусы съ Карломъ Ш, старался подговорить его пріѣхать въ Россію; но онъ никакъ не могъ рѣшиться. Замѣтивъ, однакоже, что Наполеонъ отечество его съ каждымъ годомъ болѣе подбираетъ въ мощныя когти свои и предвидя бѣду неминучую, самъ, наконецъ, предложилъ себя. За условленную цѣну, по контракту заключенному съ нимъ, какъ съ знаменитымъ художникомъ, не болѣе, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ осенью 1807 года. Сумма, по условію ему назначенная, была не маловажная: двадцать четыре тысячи рублей ассигнаціями, что̀ нынѣ составило бы около девяноста тысячъ. Танцовщицы и пѣвицы, на которыхъ деньги сыплятъ нынѣ безъ счета, едва ли столько получаютъ, а онъ тоже нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ разряду артистовъ: Гишпанскому гранду столько бы не дали. На его бѣду, въ самое время пріѣзда его, курсъ на серебро началъ возвышаться, а на ассигнаціи быстро упадать. Увидѣвъ, что черезъ это лишается онъ болѣе двухъ третей ожидаемаго, сталъ онъ громко роптать; безпрестанно умножая содержаніе его, довели его, наконецъ, до шестидесяти тысячъ рублей. Онъ этимъ не остался совершенно доволенъ: замѣтивъ, что въ землѣ, куда онъ пріѣхалъ, чинъ и военный мундиръ преважное дѣло, сталъ требовать того и другаго, и его приняли въ службу генералъ-маіоромъ по арміи. Тогда притворился онъ обиженнымъ, утверждая, что чинъ сей слишкомъ малъ для человѣка, который въ отечествѣ своемъ былъ министромъ; не вдругъ, но черезъ два года произвели его генералъ-лейтенантомъ. Не помню за что́, Государь пожаловалъ ему Аннинскую ленту; онъ отослалъ ее назадъ, утверждая, что ему, кавалеру св. Іакова Компостельскаго, неприлично принять орденъ ниже его, и на оборотъ Государь прислалъ ему Александровскую ленту. Кто не знаетъ, что орденъ св. Іакова, равно какъ и ордена Виса, Алкантары, Калатравы, Монтеса, суть военно-монашескія братства, разсѣянныя по Португаліи и Гишпаніи, и что Мальтійскій почитается гораздо выше ихъ? Но его ничѣмъ не хотѣли оскорбить.

Я не виню его: по понятіямъ, которыя имѣютъ на Югѣ и на Западѣ Европы, въ землѣ сѣверныхъ варваровъ иностранцы ничего не могутъ выиграть скромностію, а все могутъ брать смѣлостію, наглостію. Съ такимъ содержаніемъ, въ такомъ чинѣ, не трудно было потомку владѣтельныхъ графовъ Мадеры и его семейству приписаться къ нашей аристократіи. Въ нее такъ и врѣзалась, такъ и засѣла въ

Библиотека "Руниверс"

ней жена его, Анна, которой особа имѣла краткость сего имени и совершенно форму небольшой ступки или иготи. Молчаливость почиталась тогда достоинствомъ, а знаніе иностранныхъ языковъ облагораживало каждаго; но еслибъ кто захотѣлъ попристальнѣе вглядѣться въ нее, то легко могъ принять бы ее за кухарку. Занимаясь механикой и посѣщая мастерскія, Бетанкуръ вѣроятно встрѣтилъ ее среди Лондонскаго ремесленнаго народа. Она была католичка, Англичанка съ Французскимъ прозваніемъ, урожденная Жорданъ, какъ она подписывалась, не знаю для чего: ибо кому была до того какая нужда; и чѣмъ могло это умножить ея достоинство? Надобно полагать, что съ молоду была она красива собою; безъ того, кто бы велѣлъ Бетанкуру жениться на бѣдной дурѣ изъ низкаго состоянія? А спѣсива была она такъ, что не приведи Богъ!

Къ счастію, дочери ни съ какой стороны не походили на Анну Ивановну, а скорѣе на родителя, Августина Августиновича. Когда онѣ пріѣхали въ Петербургъ, старшая, Каролина, еще молодая, начинала уже дурнѣть и старѣть, вторая, Аделина, поразила всѣхъ своею красотой, а меньшая, Матильда, была еще ребенкомъ. Жаль было смотрѣть на этихъ милѣйшихъ дѣвицъ, когда переступали онѣ за двадцать лѣтъ. Цвѣтъ лица ихъ вдругъ начиналъ портиться, становиться багровымъ, кожа начинала грубѣть и покрываться угрями. Жаръ въ крови, вырывающійся наружу, былъ у нихъ наслѣдствомъ отъ отца, котораго лицо въ старости безобразилъ густо малиновый цвѣтъ. Когда я началъ ихъ знать, одна только пятнадцатилѣтняя Матильда плѣняла наружностію; а двѣ старшія давно уже перешли за краткій срокъ, который жестокая къ нимъ природа дала ихъ прелестямъ. Но было имъ чѣмъ замѣнить эту великую потерю: каждое слово ихъ выражало грацію ума и сердца; съ восхищеніемъ можно было слушать ихъ, когда онѣ играли на арфѣ и на фортепіано, съ восхищеніемъ любоваться ихъ рисунками и ихъ народною пляской фанданго и воллеро; о качучѣ тогда еще помина не было. Можно ли было удивляться безпредѣльной нѣжности къ нимъ отца, и кто бы не былъ ими счастливъ?

Въ жилахъ у старика пылалъ еще жаръ раскаленнаго неба, подъ которымъ онъ родился и, какъ всѣ вспыльчивые люди, имѣлъ онъ доброе сердце и веселый нравъ. Ума было у него пропасть, и разговоръ его былъ занимателенъ. Аристократическое чувство, правда, никогда не покидало его даже за станкомъ, за которымъ всегда трудился онъ, когда не было у него другаго дѣла; но онъ принадлежалъ къ восемнадцатому столѣтію, въ которомъ общею поговоркой было: poli comme un grand seigneur—учтивъ, какъ великій баринъ. Читатель, съ которымъ какъ можно короче старался я познакомить себя,

Библиотека "Руниверс"

не удивится, узнавъ, что съ такимъ человѣкомъ мы скоро и близко сошлись.

Да какая же была его настоящая должность? можно спросить, и вѣдь не самъ же онъ дѣлалъ машины? Для того чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно за нѣсколько лѣтъ воротиться назадъ и вкратцѣ сдѣлать исторію одной изъ важныхъ отраслей государственнаго управленія. При Екатеринѣ учреждена экспедиція водяныхъ коммуникацій и поставлена на ряду съ коллегіями. При ней весьма благоразумно и успѣшно управлялъ этою частью одинъ гражданскій чиновникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ. Въ первыхъ частяхъ сихъ Записокъ сказалъ уже я, что при учрежденіи министерствъ поступила она въ вѣдомство министра коммерціи, и что въ 1809 году, преобразованная въ особое министерство, подъ названіемъ Главной Дирекціи путей сообщенія, находилась подъ управленіемъ принца Георгія Ольденбургскаго. Тамъ же упомянулъ я объ образованіи особаго корпуса гражданскихъ инженеровъ, коимъ для поощренія даны были военные чины и мундиры. Для пополненія великаго недостатка въ сихъ инженерахъ, начали набирать въ новый корпусъ людей кое откуда, но большей части изъ гражданскаго вѣдомства.

Дабы на будущее время не нуждаться въ нихъ, учреждено для нихъ особое высшее училище, подъ названіемъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія. Для помѣщенія сего новаго заведенія, купленъ былъ за бездѣлицу, за триста тысячъ рублей ассигнаціями, великолѣпный домъ или скорѣе дворецъ князя Юсупова, на Фонтанкѣ у Обухова моста. Продавецъ построилъ его на славу, по образцу отелей Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, между дворомъ и садомъ, съ тою только разницей, что на пространствѣ ими занимаемомъ можно было бы построить три или четыре Парижскіе отеля. Всѣ ученики были своекоштные, и не только ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ жительства въ Институтѣ, ни даже права заглядывать въ садъ, ему принадлежащій. Всѣмъ пользовались завѣдывающіе имъ иностранцы. Онъ состоялъ подъ управленіемъ особаго директора, надъ которымъ были еще принцъ Ольденбургскій, въ видѣ попечителя или покровителя, и генералъ Бетанкуръ, подъ названіемъ главнаго начальника Института. Занимаясь разными проектами и планами, сперва потѣшалъ онъ ими только Императора; но тутъ, по учрежденіи Института, коего былъ онъ настоящимъ основателемъ можно сказать, пріобрѣлъ онъ осѣдлость. Онъ занималъ большую, лучшую часть зданія, которую, находясь при немъ, я посѣщалъ ежедневно. Онъ не принадлежалъ къ корпусу инженеровъ, не носилъ ихъ мундира, числился въ свитѣ Государя и почиталъ себя зависящимъ единственно отъ него. Онъ признавалъ однакоже передъ со-

Библиотека "Руниверс"

бою первенство принца, пока тотъ былъ живъ; но послѣ кончины его сдѣлался совершенно независимъ отъ преемника его, инженеръ-генерала Франца Павловича де-Волана. Зданіе Института со всѣми его принадлежностями было какъ бы отдѣльное царство, въ которомъ господствовалъ онъ самовластно.

Я опять вступилъ въ міръ, мнѣ дотолѣ совсѣмъ неизвѣстный. Подчиненные Бетанкура, коихъ число было небольшое, составляли свиту, штатъ и общество его. Я никакихъ сношеній не имѣлъ съ ними по службѣ, но, каждодневно встрѣчаясь, скоро свелъ съ ними знакомство, котораго не искалъ и не избѣгалъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я не умолчу, ибо почитаю ихъ лицами весьма примѣчательными.

Старый Французъ Сенноверъ, который вступивъ въ нашу службу, оффиціально нареченъ Степаномъ Игнатьевичемъ, былъ директоромъ Института. Онъ былъ уменъ, какъ демонъ, въ котораго конечно нѣкогда вѣровалъ онъ болѣе чѣмъ въ Христа; такъ надобно думать, ибо, принадлежа къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій въ Лангедокѣ и находясь въ королевской службѣ капитаномъ, сдѣлался онъ бѣшенымъ революціонеромъ и санкюлотомъ. Этого бы никакъ нельзя было подозрѣвать, смотря на его спокойный видъ, внимая его безпрестаннымъ шуточкамъ, иногда довольно смѣлымъ, но никогда не переходящимъ за предѣлы благопристойности. Какъ во всѣхъ любезникахъ школы Вольтеровской, нечестіе и безбожіе были въ немъ щеголеваты; но онъ тогда не хвастался ими. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, худъ лицомъ, но полонъ тѣломъ; страждущія отъ подагры ноги его еще болѣе изнемогали отъ тяжести его туловища: онъ съ трудомъ могъ ходить. Я находилъ его не столько пріятнымъ какъ забавнымъ, и во время веселыхъ съ нимъ разговоровъ мнѣ всегда приходилъ на мысль Скарронъ и все повѣствуемое о немъ. О якобинствѣ его я бы умолчалъ и слышанное мною о томъ охотно счелъ бы клеветою, если бъ онъ самъ, увлеченный воспоминаніями о прошедшемъ, какъ объ удальствѣ своей молодости, не разсказывалъ мнѣ иногда о тѣсной дружбѣ своей съ Маратомъ. Мнѣ любопытно было слушать о роскошномъ, раздушенномъ и эпикурейскомъ житьѣ этого ужаснаго человѣка во внутреннихъ комнатахъ его и какъ, выходя съ Сенноверомъ, переодѣвались они въ запачканныя, оборванныя блузы, чтобы на улицѣ болѣе угодить простому народу и заслужить имя друзей его.

Когда Шарлотта Корде лишила его друга, и терроризмъ началъ пожирать самъ себя, Сенноверу удалось бѣжать изъ Франціи. Какъ потомъ изъ Англіи попалъ онъ въ Россію, этого я не знаю; извѣстно только, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ торговалъ онъ въ Петербургѣ выписываемымъ Французскимъ табакомъ. Играя изрядно на

Библиотека "Руниверс"

скрипкѣ, былъ иногда приглашаемъ на вечеринки къ достаточнымъ молодымъ меломанамъ, между прочимъ къ одному г. Маничарову. По пріѣздѣ изъ-за границы, въ собственномъ домѣ послѣдняго остановился Бетанкуръ, ни съ кѣмъ еще не знакомый; первыми знакомыми его были хозяинъ дома и черезъ него Сенноверъ. Старики полюбились другъ другу, можетъ быть, самою противоположностью характеровъ; оба были веселаго нрава, но одинъ весь такъ и кипѣлъ, а въ другомъ страсти совершенно погасли.

Когда нужно было избрать директора для Института Путей Сообщенія, Бетанкуръ предложилъ Сенновера. Какъ это возможно? Королевской службы капитана, котораго къ намъ можно принять не болѣе какъ поручикомъ! Бетанкуръ объявилъ, что достойнѣе его не знаетъ, и что безъ него и самъ онъ не приметъ главнаго начальства. Что́ было дѣлать? Опредѣлили Сенновера исправляющимъ должность директора, а черезъ шесть мѣсяцевъ утвердили въ семъ званіи съ чиномъ генералъ-майора Нарушеніе формъ въ Россіи было какъ будто торжествомъ, услажденіемъ для Бетанкура. Новый успѣхъ скоро долженъ былъ обрадовать Сенновера; на преступныя его заблужденія накинута не мантія, а крестъ Св. Лудовика. По возвращеніи Бурбоновъ, этотъ орденъ данъ всѣмъ тѣмъ, кои до революціи имѣли военные офицерскіе чины во Французской арміи, а ему, не знаю какъ-то, удалось выдать себя за эмигранта. Впрочемъ, въ правилахъ его не оставалось и тѣни республиканизма. Вообще, слово свобода для большей части ея мнимыхъ поклонниковъ есть ломъ, которымъ пробиваютъ, раскалываютъ они преграды, загораживающія имъ путь къ быстрому возвышенію, и который по достиженіи желаемаго, бросаютъ.

Поговоривъ о Сенноверѣ, нельзя же не сказать ни слова о его семействѣ. Также какъ Бетанкуръ, въ Великобританіи нашелъ онъ себѣ подругу, только Англичанку-англиканку, бабу смирную, которая приплелась къ Бетанкуршѣ въ видѣ всепокорнѣйшей собесѣдницы. Я никогда не слыхалъ ея голоса, и въ гостинной у мужа казалась она домашнею утварью, которую забыли вынести. Единственная же дочь ихъ, Стефанія, въ тринадцать лѣтъ изумляла уже живостію и смѣлостію ума и развивающимся кокетствомъ. Можно было предвидѣть, что она пойдетъ далеко, что она будетъ чѣмъ-то, чему тогда не было еще имени. Ожиданія сбылись: Сенъ-Симонизмъ и всѣ богопротивныя секты видѣли ее сильною своею поборницею.

По открытіи Института, начальствовавшіе въ немъ Гишпанецъ и Французъ не должны были забыть сводчика своего Маничарова. Онъ былъ изъ Армянъ. Люди этой націи въ Русскихъ столицахъ обыкновенно бываютъ ювелиры, или торгуютъ шалями, Персидскими и Ин-

Библиотека "Руниверс"

дѣйскими товарами; разбогатѣвши, объявляютъ себя дворянами такой земли, гдѣ ихъ никогда не бывало. Отецъ г. Маничарова до того былъ богатъ, что сыновьямъ его нужно было много времени для разстройства оставленнаго имъ состоянія. Въ старшемъ изъ нихъ, любезномъ моемъ Петрѣ Макаровичѣ, было много оригинальнаго. Главною странностію его, среди завистливаго, себялюбиваго міра сего, почитать можно неистощимую доброту его сердца. Онъ любилъ всѣхъ людей, обожалъ всѣхъ женщинъ, наслаждался всѣми безвредными для чести удовольствіями. Въ шумныхъ, холостыхъ обществахъ, кои предпочтительно посѣщалъ онъ, умѣлъ онъ быть пристоенъ и тихо-веселъ, ласковъ и учтивъ безъ приторности. Онъ былъ добрымъ товарищемъ всѣхъ любителей разгульной жизни, но не имѣлъ задушевныхъ друзей, за то и не имѣлъ ни единаго врага. Его душевное спокойствіе, слегка тревожимое желаніями, безъ труда удовлетворяемыми, сохранило ему молодость ума и, конечно, продлитъ его дни. Сколько поколѣній встрѣтилъ онъ на порогѣ юности и приводилъ изъ нея, самъ никогда ея не покидая. Никогда въ голову не приходила ему служба, какъ вдругъ хозяйственныя дѣла его, пришедши въ упадокъ, не отъ мотовства, а отъ безпечности, заставили его о томъ подумать. Уже былъ онъ лѣтъ сорока, когда черезъ покровительство Бетанкура, не имѣя никакого чина, онъ былъ опредѣленъ въ Институтъ, разумѣется, не воспитанникомъ, а экономомъ онаго, прямо съ чиномъ инженеръ-капитана. Ну что̀ уже и была это за экономія! Изо всѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми тутъ свела меня судьба, онъ болѣе всѣхъ полюбился мнѣ своею привѣтливостію, равенствомъ своего характера.

Образованіе Института было довольно странное. Воспитанники носили шляпу съ перомъ и офицерскій мундиръ съ шитьемъ, только безъ эполетовъ; а произведенные въ офицеры, прапорщики, подпоручики, надѣвъ эполеты, продолжали оставаться въ Институтѣ до поручичьяго чина. Въ немъ сперва было четыре только профессора или преподавателя наукъ. Ими ссудилъ насъ Наполеонъ, прославъ Александру четырехъ лучшихъ учениковъ Политехнической Школы: Базена, Потье, Фабра и Дестрема. Это было, какъ изволите видѣть, совершенно Французское училище. Самые первые ученики, коими оно наполнилось, были все молодые графы да князья, также и сыновья Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англинскихъ ремесленниковъ, садовниковъ, машинистовъ, портныхъ и тому подобныхъ; однимъ словомъ, все то что̀ управляющимъ пришельцамъ казалось цвѣтомъ Петербургскаго юношества. Въ 1812 году четыре Француза объявили, что не могутъ служить правительству, которое находится въ войнѣ съ ихъ отечествомъ и требовали, чтобъ ихъ отпустили: имъ отвѣчали ссылкою въ Сибирь. Ученіе

Библиотека "Руниверс"

на время должно было пріостановиться. Дабы по возможности помочь этой бѣдѣ, нарядили въ мундиръ и въ штабъ-офицерскіе эполеты мусью Резимона, учителя въ частномъ домѣ, довольно свѣдущаго въ математическихъ наукахъ; да какъ другаго иностранца на первый случай не встрѣтилось, то по неволѣ должны были взять Русскаго, недавно произведеннаго въ офицеры Севастьянова, который въ познаніяхъ догналъ и едва ли не перегналъ всѣхъ иностранныхъ наставниковъ своихъ. Послѣ общаго замиренія въ 1814 году, сосланные Французы воротились къ своимъ должностямъ; во все время войны сохраняли они жалованье свое и чины: Базенъ – подполковника, а трое другихъ оставались майорами. Двое изъ нихъ, Фабръ и Дестремъ, вскорѣ, согласно желанію своему, получили мѣста въ округахъ Путей Сообщенія; въ Институтѣ же остались только Базенъ и Потье. О нихъ да позволено будетъ сказать мнѣ нѣсколько словъ.

Уживчивѣе Петра Петровича Базена ни одного человѣка не случилось мнѣ видѣть. Онъ родился въ самомъ центрѣ Парижа отъ бѣдныхъ мѣщанъ и, не совсѣмъ будучи уже ребенкомъ, видѣлъ всѣ ужасы революціи. Съ одной стороны, это научило его осторожности въ изъявленіи своихъ мнѣній, съ другой – породило въ немъ омерзѣніе къ отвратительной грубости развратной Парижской черни. Изъ разговоровъ своихъ старался онъ изгнать все то что̀ могло напомнить о навыкахъ его первой молодости, и говорилъ всегда отборными словами. Не только не позволялъ себѣ кого нибудь порицать, но обо всемъ и обо всѣхъ находилъ средство говорить съ похвалою. Въ душевномъ умиленіи онъ готовъ былъ пасть на колѣни при имени святаго Лудовика XVI, умѣлъ извинять кровожадныхъ Робеспіера и Дантона, ихъ злодѣянія приписывая добрымъ намѣреніямъ, въ Лафайетѣ видѣлъ самаго Вашингтона, приходилъ въ непритворный восторгъ, когда называли Наполеона, дивился мудрости Лудовика XVIII и благородству, рыцарскому духу меньшаго брата его. Онъ имѣлъ удивительный даръ не только со всѣми соглашаться, но каждаго порознь увѣрить, что онъ совершенно одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Я не думаю, чтобъ онъ кого-нибудь обманывалъ: невозможно было льстить цѣлому свѣту; но для борьбы съ заблужденіями его онъ не чувствовалъ въ себѣ довольно убѣжденія и, желая оставаться въ покоѣ, никакого мнѣнія преимущественно не поддерживалъ. Его всѣ чрезвычайно любили, начиная съ меня. Легко было предвидѣть, что по службѣ будетъ онъ имѣть большіе успѣхи въ этой Россіи, которую онъ искренно или притворно любилъ и уважалъ.

Манеры друга его, сотоварища и нѣкогда соученика, Потье, были въ совершенной противоположности съ его тонкою образованностію.

Библиотека "Руниверс"

Въ немъ виденъ былъ мужикъ сѣверной Франціи; тоже просторѣчіе и вмѣсто учтивости добродушіе не безъ лукавства.

Петербургъ какъ фирмаментъ: множество большихъ свѣтилъ движится въ немъ; они одни видимы только простыми глазами, тогда какъ небольшія планеты, около нихъ совершающія путь свой, остаются невѣдомы жителямъ другихъ планетныхъ системъ. Перелетая изъ одной въ другую, въ семъ совершенно новомъ для меня мірѣ, съ вышепоименованными мною лицами, мнѣ было бы не худо; но, какъ уже выше я сказалъ, кромѣ довольно пріятнаго знакомства, другихъ сношеній я съ ними имѣть не могъ. Тотъ же, съ которымъ служба нѣкоторымъ образомъ связывала меня, какъ объясню я ниже, былъ для меня совсѣмъ не находка.

Для заведенія новой ассигнаціонной фабрики купленъ былъ большой домъ откупщика Чоблокова на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста. Надобно было заказать нѣсколько машинъ, другія выписать изъ Англіи; да сверхъ того нужно было растянуть фасадъ по улицѣ и возвести нѣсколько новыхъ строеній внутри двора. Для того опредѣлено было, начиная съ 1-го Марта 1816 года, въ продолженіи двухъ лѣтъ, изъ Казначейства отпускать ежемѣсячно по шестидесяти тысячъ рублей ассигнаціями въ полное распоряженіе Бетанкура, который брался все устроить экономическимъ образомъ. Еслибы мнѣ предложено было храненіе сихъ суммъ и отчетная часть по нихъ, я бы рѣшительно отказался; но былъ другой человѣкъ, который принялъ на себя эту обязанность, тотъ же самый, которому вмѣстѣ съ тѣмъ и поручено бы смотрѣніе за производствомъ работъ.

Во время проѣзда Государя черезъ Брухсаль, вдовствующая маркграфиня Баденская, теща его, навязала ему одного неимущаго Баденскаго дворянина, который, по словамъ ея, былъ весьма искусенъ по механической части. Изъ уваженія къ такой рекомендаціи, Государь на казенный счетъ велѣлъ отправить искусника къ Бетанкуру, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній сдѣлалъ изъ него употребленіе, какое заблаго разсудитъ. Когда Нѣмецъ захочетъ угодить начальнику, никто лучше его не сумѣетъ этого сдѣлать. Въ довѣренность къ Бетанкуру совершенно въѣлся г. Василій Карловичъ Третеръ. Онъ поселился въ Чоблоковомъ домѣ и началъ заниматься перестройкой его, не дождавшись еще высочайшаго утвержденія. Оно не замедлило, и онъ принятъ въ службу прямо инженеръ-майоромъ.

Трудно бываетъ говорить объ иныхъ людяхъ. Обыкновенные пороки легко осмѣять; для изъявленія негодованія, которое производитъ въ душѣ сотворенное зло, всегда сыщутся выраженія; но какъ быть, когда нельзя ни подняться до ужаса, ни спуститься до смѣха? Когда

Библиотека "Руниверс"

чувствуемое презрѣніе такъ сильно, что для изображенія его нѣтъ другихъ словъ, кромѣ тѣхъ, кои порядочный человѣкъ никогда охотно не употребляетъ? Я поставленъ въ эту необходимость и, говоря о Третерѣ, принужденъ назвать его гнуснымъ плутомъ. Дотолѣ зналъ я однихъ только честныхъ Нѣмцевъ; но видно, эта нація совсѣмъ переродилась, и Третеръ былъ первымъ изъ тѣхъ безчисленныхъ примѣровъ, которые наконецъ заставили меня перемѣнить мнѣніе на счетъ его соотечественниковъ.

Впрочемъ, что̀ касается до меня лично, я не имѣлъ никакой причины быть имъ недовольнымъ. Не знаю, какъ объяснялся онъ съ подрядчиками, только мнѣ сообщалъ онъ дурно, съ ошибками по-французски написанныя, заключенныя съ ними условія, и учтиво просилъ по волѣ Бетанкура, переводя ихъ, облечь въ законную форму, на узаконенной гербовой бумагѣ. Я же изъ собственныхъ денегъ долженъ былъ для того нанимать переписчика. Но взаимная наша антипатія была неодолима: отъ рѣчей его, отъ самаго голоса такъ и пахло дерзкимъ, безстыднымъ мошенничествомъ. Быть не только подчиненнымъ его, ни даже начальникомъ, я ни за что̀ бы не согласился, но отказаться имѣть съ нимъ дѣло мнѣ было невозможно. Тоже самое что̀ я, чувствовали къ нему Французы, и самъ Базенъ съ нимъ однимъ только былъ вовсе нелюбезенъ. Если былъ онъ на руку не чистъ, за то и на руку былъ онъ дерзокъ; у себя дома съ подчиненными бѣдными солдатами былъ онъ настоящій палачъ; да и въ Институтѣ къ Русскимъ служителямъ придирался онъ, чтобы безъ всякой причины и безъ всякаго права ихъ поколотить. За нихъ вступались Французы, и изъ того одинъ разъ чуть было не вышелъ у него поединокъ съ Базеномъ. Тутъ въ первый разъ могъ я замѣтить разницу въ расположеніи къ намъ Нѣмцевъ и Французовъ: первые ненавидятъ насъ, какъ возмужалыхъ и непокорныхъ учениковъ, которыхъ надѣялись они вѣчно держать въ опекѣ; послѣдніе видятъ въ насъ побѣдившихъ, но прежде того побѣжденныхъ ими великодушныхъ противниковъ.

Мнѣ такъ надоѣло возиться съ Третеромъ, что я готовъ былъ, не говоря ни слова, воротиться опять въ Министерство Финансовъ; одно новое обстоятельство заставило меня пріостановиться.

Счастливо окончивъ всѣ войны, Государь захотѣлъ предаться вновь нѣкоторымъ изъ прерванныхъ любимыхъ своихъ мирныхъ занятій. Петербургъ захотѣлось ему сдѣлать красивѣе всѣхъ посѣщенныхъ имъ столицъ Европы. Для того придумалъ онъ учредить особый архитектурный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Бетанкура. Ни законность правъ на владѣніе домами, ни прочность строенія казенныхъ и частныхъ зданій не должны были входить въ число занятій сего комитета: онъ дол-

Библиотека "Руниверс"

женъ былъ просто разсматривать проекты новыхъ фасадъ, утверждать ихъ, отвергать или измѣнять, также заниматься регулированіемъ улицъ и площадей, проектированіемъ каналовъ, мостовъ и лучшимъ устройствомъ отдаленныхъ частей города, однимъ словомъ, одною только наружною его красотою. Членами въ него назначены инженеры и архитекторы.

Почти въ тоже время, графъ Ламбертъ, увѣдомляя меня, что штатъ Коммиссіи погашенія долговъ утвержденъ, и что она скоро имѣетъ быть открыта, требуетъ извѣщенія: сохраняю ли я желаніе быть однимъ изъ ея директоровъ? ибо только въ противномъ случаѣ будетъ онъ почитать себя въ правѣ располагать мѣстомъ, на которое есть много просящихся. Прежде чѣмъ дать ему отвѣтъ, объяснилъ я Бетанкуру, что въ настоящемъ не видя ничего положительнаго, твердаго, я не могу отказаться отъ мѣста почетнаго, спокойнаго и выгоднаго. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что новому Комитету, который скоро долженъ будетъ открыть свои засѣданія, нужны канцелярія и чертежная, что онъ поручаетъ мнѣ составить первую и штатъ для обѣихъ, что себѣ, какъ правителю этой канцеляріи, могу я назначить жалованья сколько мнѣ угодно, что онъ все это поднесетъ Императору, и знаетъ напередъ, что все будетъ утверждено. Онъ совѣтовалъ мнѣ не быть слишкомъ скромнымъ, также не забыть достаточной суммы для найма квартиры Комитету, въ которой и я могъ бы имѣть удобное помѣщеніе.

Я разсчелъ, что этотъ Комитетъ не что́ иное, какъ царская забава, что, повидимому, дѣла будетъ въ немъ немного, и что въ небольшомъ участкѣ, службою мнѣ отмежеванномъ, буду я полный господинъ. Къ тому же я всегда былъ немного суевѣренъ: рескриптъ на имя Бетанкура объ учрежденіи Комитета былъ подписанъ Государемъ 3-го Мая, день именинъ и рожденія матери моей, и я видѣлъ въ этомъ счастливое для себя предзнаменованіе. Итакъ, я поѣхалъ къ Ламберту благодарить его за двойныя обо мнѣ попеченія, и объявить, что отъ добра добра не ищутъ, и что я остаюсь доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое по его же рекомендаціи я поставленъ.

Безъ этого проклятаго Комитета сколько бы провелъ я спокойныхъ годовъ! Винить мнѣ некого, кромѣ самого себя. Другіе промахи свои и неудачи всегда любятъ взваливать на людей и на обстоятельства; этому всеобщему пороку по крайней мѣрѣ не былъ я подверженъ. Но какъ избѣгнуть своего предопредѣленія? У меня, видно, на роду было написано увидѣть вблизи всѣ состоянія; неужели для того, чтобъ изобразить ихъ въ сихъ Запискахъ? Коли такъ, то въ слѣдующей главѣ постараюсь представить художниковъ, съ коими пришлось мнѣ коротко ознакомиться.

Библиотека "Руниверс"

III.

Все прежнее поколѣніе архитекторовъ, которые въ концѣ Екатерининa вѣка, при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра, украшали Петербургъ: Гваренги, Захаровъ, Старовъ, Воронихинъ, Бренна, Камеронъ, Томонъ, отошли въ вѣчность, иные не достигнувъ еще старости; оставался одинъ только Русскó, и тотъ за ними скоро послѣдовалъ. Возникли новыя строительныя знаменитости, которыя, по мнѣнію знатоковъ, въ искусствѣ далеко отъ первыхъ отстали. Изъ нихъ четверо посажены членами въ Комитетъ для строеній и гидравлическихъ работъ, какъ я самовольно его назвалъ. Если не портреты съ нихъ, то по крайней мѣрѣ абрисы, крокú хочется мнѣ снять.

Старшій по чину и первый по вкусу и таланту между ними былъ Карлъ Ивановичъ Росси, иностранецъ, родившійся въ Россіи. Кто былъ его отецъ, не знаю; но chacun sait la tendre mère, всякій зналъ родительницу его, нѣкогда первую танцовщицу на Петербургскомъ театрѣ. Въ лѣтописяхъ хореграфіи прославленное ею имя Росси согласилась она промѣнять не иначе какъ на столь же знаменитое имя Ле-Пика, которое въ царствованіе Екатерины громко доходило до отдаленнѣйшихъ отъ столицы провинцій. Въ Кіевѣ съ благоговѣніемъ произносилъ его танцовальный мой учитель Потò, и я затвердилъ его; но мнѣ не удалось восхищаться этою четой: вслѣдъ за смертію Екатерины и она куда-то закатилась. Слава ея однакоже не вдругъ исчезла, и мнѣ въ первой молодости неоднократно случалось читать на афишкѣ: «балетъ сочиненія балетмейстера Ле-Пика.» Дочь госпожи Росси, отъ втораго брака, хотя не поступила на сцену, но и не выступила изъ круга дѣятельности своихъ родителей. Она вышла за Огюста, брата сирены Шевалье, нѣкогда плѣнившей Павла и любимца его Кутайсова. Этотъ Огюстъ долго, очень долго танцовалъ и леталъ передъ нами зефиромъ, пока время, снабдивъ его чрезмѣрною дебелостію, не заставило его надѣть бороду, нашить простой крестьянскій кафтанъ и пуститься очень хорошо плясать по-русски.

Для Росси такой сценической знатности было мало: онъ пожелалъ быть артистомъ еще болѣе благороднаго разряда. Слѣдуя внутреннему признанію, онъ сдѣлался архитекторомъ и на семъ избранномъ имъ пути нажилъ деньги, получилъ чины и кресты. Судьба однакоже не вдругъ отдѣлила его отъ родины, отъ мѣста, гдѣ онъ началъ жить и возрастать. Первымъ произведеніемъ его искусства былъ прекрасный деревянный театръ въ Москвѣ на Арбатской площади, который сгорѣлъ въ большомъ пожарѣ 1812 года. Онъ былъ еще красивъ и молодъ,

Библиотека "Руниверс"

когда его отправили въ Москву; къ тому же былъ артистъ съ иностраннымъ прозваніемъ. Половины сихъ преимуществъ достаточно, чтобы пользующіеся ими въ Москвѣ обрѣтали рай. Кто знаетъ Московскія общества, тому извѣстно, съ какою жадностію воспринимается въ нихъ молодость людей разныхъ состояній. Успѣхи Росси въ сихъ обществахъ были превыше силъ его. Когда онъ воротился въ Петербургъ, друзья съ трудомъ могли его узнать: до того измѣнился онъ въ лицѣ, до того истощенъ былъ онъ наслажденіями, можетъ быть, душевными. Никогда силы къ нему не возвращались; но сіе тѣмъ полезнѣе было для его генія: при изнеможеніи тѣлесномъ замѣчено, что почти всегда изощряется воображеніе. Взамѣнъ здоровья, котораго лишился онъ въ барскихъ домахъ, пріобрѣлъ онъ большой навыкъ въ свѣтскомъ обхожденіи. Онъ былъ привѣтливъ, любезенъ, и съ нимъ пріятно было имѣть дѣло.

За то, первый послѣ него, Василій Петровичъ Стасовъ, былъ совершеннымъ его контрастомъ. Кто онъ? Что онъ? Откуда онъ? Мнѣ вовсе неизвѣстно. Тотъ же мракъ, который изображали его взоры, покрывалъ и происхожденіе его. Онъ, кажется, былъ человѣкъ не злой, но всегда угрюмый, какъ будто недовольный. Суровость его, которая едва смягчалась въ сношеніяхъ съ начальствомъ, была слѣдствіемъ, какъ мнѣ сдается, чрезмѣрнаго и неудовлетвореннаго самолюбія. Онъ хотѣлъ быть законодательною властію Комитета и все предлагалъ правила, правда, стѣснительныя для владѣльцевъ, за то весьма полезныя въ разсужденіи предосторожности отъ пожаровъ.

Третій членъ, Андрей Алексѣевичъ Михайловъ, былъ настоящій добрякъ; другаго названія ему дать не умѣю. Маленькій, веселый, простой этотъ человѣкъ былъ воспитанъ въ Академіи Художествъ и никогда потомъ съ нею не разставался, ни въ званіи академика, ни въ званіи профессора. Онъ никакъ не гнался за геніальностію, ничего не умѣлъ выдумывать, слѣдовалъ рабски за славными образцами, но, подражая имъ, умѣлъ однакоже изъ произведеній ихъ выбирать всегда лучшее.

Всѣ трое были зодчіе домашняго издѣлія; одинъ только четвертый былъ иноземный, хотя и не выписной. Прежде чѣмъ пріѣхалъ онъ въ Россію, г. Антоанъ Модюи посѣтилъ развалины Греціи; въ ихъ священномъ прахѣ искалъ онъ артистическихъ вдохновеній и, какъ мнѣ казалось, мало привезъ ихъ къ намъ съ собою. Какъ объ архитекторѣ, объ немъ говорить почти нечего; но пребываніе многорѣчиваго Парижанина въ классической землѣ Эсхила и Демосѳена усилило въ немъ даръ краснорѣчія, и онъ сдѣлался ораторомъ нашего Комитета. Скоро открылъ я въ немъ новый талантъ: подобно Перро, былъ онъ и сти-

Библиотека "Руниверс"

хотворецъ. Онъ подарилъ мнѣ небольшую тетрадь, по-французски напечатанную въ Петербургѣ подъ названіемъ: *Циркуль и Лира, le Compas et la Lyre,* содержащую въ себѣ его стихотворенія. И что̀ это такое! Ни одинъ ученикъ теперь во Франціи не позволитъ себѣ писать такіе стихи; между прочимъ я помню слѣдующіе:

Caulaincourt, ce mortel dont la reconnaisance
A jamais dans mon coeur grava le souvenir,
En parla près du trône et m'y fit parvenir.

То-есть: «благодарность Коленкура, который возвелъ его на пре столъ», скажетъ тотъ, кто знаетъ по-французски. Дѣло состоитъ въ томъ, что онъ явился здѣсь во время тѣснаго союза Наполеона съ Александромъ, когда Коленкуръ игралъ у насъ такую большую ролю и былъ довольно силенъ, чтобъ и этого шута представить самому Государю. Онъ былъ нрава совсѣмъ непеселаго, но вообще былъ добрый малый, и какъ Французъ, болтливъ и легкомысленъ.

Болѣе или менѣе всѣ эти великіе наши строители принадлежали къ старой школѣ. Для нихъ Ветрувій былъ тоже что̀ Аристотъ для литераторовъ и особенно для драматическихъ писателей. Какъ послѣдніе три единства на сценѣ почитали непреложнымъ для себя закономъ, такъ первые, внѣ четырехъ орденовъ, Дорическаго, Іоническаго, Тосканскаго и Коринѳскаго, видѣли беззаконіе, нарушеніе священнѣйшихъ обязанностей, и композитный орденъ едва только допускали въ своихъ планахъ. Французская революція все ниспровергла, почти все поставила вверхъ дномъ; но, во дни владычества ужасныхъ и смѣшныхъ подражателей древней Греціи и Рима, классицизмъ въ художествахъ, въ наукахъ, во всемъ устоялъ и даже еще болѣе усилился. Въ императорѣ Александрѣ былъ вкусъ артиста, но въ тоже время пристрастіе военнаго начальника къ точности размѣровъ, къ правильности линій; и дабы регулярному Петербургу дать еще болѣе однообразія, утомительнаго для глазъ, учредилъ онъ этотъ Комитетъ. Члены добросовѣстно выполняли его намѣренія; планъ всякаго новостроющагося домика на Пескахъ или на Петербургской сторонѣ, представленный ихъ разсмотрѣнію, подвергался строгимъ правиламъ архитектуры. Одинъ только Бетанкуръ вздыхалъ, видя невозможность въ этомъ случаѣ не сообразоваться съ волею Царя. Мальчикомъ любовался онъ прелестями Аламбры и фантастическими украшеніями Мавританскихъ зданій въ Севильѣ и всегда оставался поборникомъ кудрявой пестроты.

Три инженера участвовали въ засѣданіяхъ Комитета. Одинъ неизбѣжный для меня Третеръ, другой данный мнѣ въ утѣшеніе

Библиотека "Руниверс"

вновь произведенный полковникъ Базенъ. Третій былъ весьма молодой майоръ Андрей Даниловичъ Готманъ, благородной наружности и пріятнаго обхожденія, болѣе всѣхъ отличившійся въ наукахъ воспитанникъ Инженернаго Института, Нѣмецъ, но католикъ, преимущественно знающій одинъ только Французскій языкъ, сынъ садовника, но ультралегитимистъ, благодаря стараніямъ воспитавшаго его архитектора Томона, а еще болѣе его жены.

Кромѣ одного Росси, никто изъ нашихъ членовъ не могъ тогда назвать публичнаго памятника, который былъ созданіемъ его творческой мысли. Другіе занимались дотолѣ одними частными строеніями, которыя, доставляя имъ небольшую прибыль, мало умножали ихъ извѣстность. Только Модюи, получая отъ казны жалованье, рѣшительно ничего не дѣлалъ и обидѣлся, когда ему предложили совершенную перестройку придворныхъ конюшенъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ находятся. Стасовъ не поспѣшился и хорошо сдѣлалъ. Модюи же отвѣчалъ, что можетъ принять на себя возведеніе только тѣхъ зданій, которыя должны увѣковѣчить славу Александра, сдѣлать ихъ обоихъ безсмертными. Онъ нашелъ однакоже средство быть дѣйствительно полезнымъ: этимъ же лѣтомъ принялся онъ за составленіе проектовъ для новаго устройства внутреннихъ населеннѣйшихъ частей города. Въ нихъ было еще много пустырей, обширныхъ кварталовъ, одними садами и огородами занятыхъ; черезъ нихъ сталъ онъ проводить линіи и этимъ способомъ умножать сообщенія и сближать разстоянія. Всѣ его планы были одобрены; но, увы, не ему было поручено ихъ исполненіе. Напримѣръ, по его указаніямъ, по его рисункамъ, на мѣстѣ грязнаго двора передъ Аничковымъ дворцомъ, устроена большая площадь со скверомъ, съ Александринскимъ театромъ и съ высокими вокругъ него зданіями, и пробита улица вплоть до Чернышова моста. По его же проекту съ Невскаго проспекта отъ городской башни открыта новая Михайловская улица, ведущая къ новой площади, въ глубинѣ коей долженъ былъ возвыситься Михайловскій дворецъ, и которой однообразныя большія строенія должны были служить рамой. Все это начато и окончено безъ него и даже послѣ него.

Самоважнѣйшее дѣло, коимъ впродолженіе перваго лѣта, по высочайшей волѣ, занимался Комитетъ, было постановленіе о тротуарахъ, которыхъ прежде не было въ Петербургѣ. Предметъ, конечно, важный, учрежденіе благодѣтельное для пѣшеходцевъ; но и теперь безъ смѣху не могу я вспомнить сильныя пренія, которыя порождалъ сей вопросъ, важность, съ которою его обсуживали. Казалось, что дѣло идетъ объ узаконеніи, отъ котораго зависитъ благосостояніе государства.

Библиотека "Руниверс"

Не помню, въ Іюнѣ или въ Іюлѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхалъ изъ Парижа одинъ человѣчекъ, котораго появленіе осталось вовсе незамѣченнымъ нашими главными архитекторами, но котораго успѣхи сдѣлались скоро постояннымъ предметомъ ихъ досады и зависти. Въ одно утро нашелъ я у Бетанкура бѣлобрысаго Французика, лѣтъ тридцати не болѣе, разодѣтаго по послѣдней модѣ, который привезъ ему рекомендательное письмо отъ друга его, часовщика Брегета. Когда онъ вышелъ, спросилъ я объ немъ, кто онъ таковъ? «Право не знаю», отвѣчалъ Бетанкуръ: «какой-то рисовальщикъ, зовутъ его Монферранъ. Брегетъ проситъ меня, впрочемъ не слишкомъ убѣдительно, найти ему занятіе, а на какую онъ можетъ быть потребу?» Дня черезъ три позвалъ онъ меня въ комнату, которая была за кабинетомъ его и, указывая на большую вызолоченную раму, спросилъ, что я думаю о томъ что она содержитъ въ себѣ? «Да, это просто чудо,» воскликнулъ я.—«Это работа маленькаго рисовальщика», сказалъ онъ мнѣ. Въ огромномъ рисункѣ подъ стекломъ собраны были всѣ достопримѣчательныя древности Рима, Троянова колонна, конная статуя Марка Аврелія, тріумфальная арка Септима Севера, обелиски, бронзовая волчица и проч., и такъ искусно группированы, что составляли нѣчто цѣлое, чрезвычайно пріятное для глазъ. Всему этому придавало цѣну совершенство отдѣлки, которому подобнаго я никогда не видывалъ. «Не правда ли», сказалъ мнѣ Бетанкуръ, «что этого человѣка никакъ не должны мы выпускать изъ Россіи?» — «Да какъ съ этимъ быть?» отвѣчалъ я.—«Вотъ что мнѣ пришло въ голову», сказалъ онъ: мнѣ хочется помѣстить его на фарфоровый заводъ, тамъ будетъ онъ сочинять формы для вазъ, съ его вкусомъ это будетъ безподобно; да сверхъ того можетъ онъ рисовать и на самомъ фарфорѣ.» Онъ предложилъ это министру финансовъ Гурьеву, управлявшему въ тоже время и Кабинетомъ, въ вѣдѣніи коего находился заводъ. Монферранъ требовалъ три тысячи рублей ассигнаціями, а Гурьевъ давалъ только двѣ тысячи пять сотъ; отъ того дѣло и разошлось. Между тѣмъ онъ все становился со мною любезнѣе, до того что я рѣшился посѣтить его и мнимую его мадамъ Монферранъ, почти на чердакѣ, въ небольшой комнатѣ, въ которую надобно было проходить черезъ швальню портнаго Люилье. Онъ же дѣлалъ для меня прекрасные маленькіе рисунки, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, я ни одного у себя не оставилъ, а всѣ раздарилъ въ альбомы знакомымъ дамамъ. За то я и затѣвалъ для него выгодное мѣсто, которымъ долженъ былъ онъ остаться доволенъ. Но пока оставимъ его, чтобы возвратиться къ Комитету.

Я чрезвычайно ошибся, полагая что дѣла въ немъ мнѣ будетъ очень мало. Надобно было составлять журналы засѣданій его; они сна-

Библиотека "Руниверс"

чала были не длинны, и это бы еще не бѣда. Но по примѣру Бетанкура захотѣлъ Модюи, чтобы они писаны были на двухъ языкахъ; къ нему присталъ Третеръ, который также не зналъ по-русски, и Бетанкуръ потребовалъ, чтобы я удовлетворилъ ихъ желаніе. Скоро Модюи принялся витійствовать и подавать нескончаемыя мнѣнія, которыя цѣликомъ долженъ былъ я вносить въ журналъ, переводя ихъ на Русскій языкъ. Съ другой стороны, Стасовъ началъ представлять свои мнѣнія, варварскимъ языкомъ писанныя, и ихъ также осужденъ я былъ переводить на Французскій.

Пусть сыщутъ другую землю, врагами не покоренную, гдѣ иностранцы имѣли бы право требовать, чтобы внутри государства, по ихъ прихоти, дѣла производились не на одномъ отечественномъ языкѣ. Пристрастіе къ тому, что называемъ мы Европейскимъ просвѣщеніемъ, народное самолюбіе наше осуждаетъ на безпрерывныя пожертвованія; безпрестанно подавляя, оно наконецъ совсѣмъ можетъ истребить его. Что изъ насъ выйдетъ тогда? Россія какъ трупъ будетъ тѣло безъ души. Если я вполнѣ не почувствовалъ тогда, сколь это унизительно для нея, то виною мое себялюбіе или эгоизмъ, если угодно. Прежде чѣмъ о ней подумалъ я о себѣ и находилъ обиднымъ, что архитекторы такъ самовольно могутъ располагать моими занятіями, и на этотъ счетъ объяснился съ Бетанкуромъ. «Пожалуста, не смотрите на нихъ, а знайте меня одного», отвѣчалъ онъ; и дѣйствительно иногда случалось мнѣ въ его отсутствіи его именемъ объявлять имъ свою волю. Даже въ напрасномъ обремененіи этомъ видѣлъ я полезное для себя умноженіе труда: мнѣ хотѣлось настоящую жизнь свою, такъ-сказать, оторвать отъ прошедшаго своего бездѣйствія, закалить себя въ работѣ; съ остервенѣніемъ вооружился я противъ своей лѣни и съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ сталъ переводить съ языка на языкъ и Французскую болтовню Модюи, и Русское вранье Стасова.

Первые мѣсяца полтора составлялъ я одинъ всю канцелярію Комитета и, не смотря на все рвеніе мое, мнѣ приходилось не въ мочь. Бетанкуръ все твердилъ мнѣ: «да зачѣмъ не наберете вы канцелярію? вы имѣете на то полную власть.» Это легко было сказать; въ надеждѣ на будущее жалованье заманить людей, которые бы, по крайней мѣрѣ, умѣли переписывать по-французски, было дѣло весьма трудное; однакоже и это не знаю какъ-то мнѣ удалось.

Въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ служилъ столоначальникомъ нѣкто Николай Яковлевичъ Ноденъ. Не знаю, легковѣріе ли его, или довѣрчивость, которую чистосердечіе мое внушало всѣмъ людямъ, а можетъ быть и слабая надежда сколько нибудь умножить средства къ содержанію бѣднаго семейства, понудили его принять мое предложеніе,

Библиотека "Руниверс"

только онъ согласился, не покидая настоящаго мѣста служенія, приходить ко мнѣ на помощь. Онъ былъ воспитанъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ мать его, Француженка, вдова танцмейстера той же націи, была инспектриссою при малолѣтнихъ кадетахъ *). Въ немъ не было достаточно ни способностей, ни познаній, чтобы когда-либо занять какое нибудь высокое мѣсто, но въ канцеляріяхъ такіе люди кладъ: онъ былъ точенъ и неутомимъ. Не столько живости, сколько веселости было у него не въ умѣ, а въ характерѣ и необыкновенная кротость въ душѣ; сердиться онъ никогда не умѣлъ, а только иногда морщился, и за такого помощника, право, мнѣ можно было благодарить Бога.

Я не замедлилъ составленный мною штатъ представить на усмотрѣніе Бетанкура. Ни предсѣдателю, ни членамъ никакого жалованья въ немъ не полагалось. Правителю же канцеляріи, то-есть самому себѣ, назначилъ я по двѣ тысячи пяти сотъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, секретарю по тысячѣ пяти сотъ, а двумъ помощникамъ его только по тысячѣ, да сверхъ того, начальнику чертежной тоже самое что̀ правителю канцеляріи, и двѣнадцати чертежникамъ отъ пяти сотъ до тысячи рублей ежегодно. Служащимъ въ канцеляріи Комитета выговорилъ я право занимать другія должности въ иныхъ вѣдомствахъ, и Нодену, не отнимая его у департамента горныхъ дѣлъ, предназначилъ высокій титулъ секретаря. Мнѣ удалось завербовать ему и двухъ помощниковъ: въ ожиданіи будущихъ благъ, молодой человѣкъ Прудниковъ, служащій въ канцеляріи министра финансовъ, и старшій братъ члена Готмана, учитель въ частномъ домѣ, но числящійся въ какомъ-то вѣдомствѣ, согласились нѣкоторое время трудиться при мнѣ безвозмездно.

Должность начальника чертежной берегъ я для Монферрана и чрезвычайно удивился, когда на сдѣланное мною о томъ предложеніе отъ Бетанкура получилъ отказъ. «Онъ для такой должности еще слишкомъ молодъ», отвѣчалъ онъ. Я, однакоже не отступился и выторговалъ ему, по крайней мѣрѣ, названіе старшаго чертежника, правда, безъ жалованья, но съ квартирою и съ суммою, равною жалованью, въ видѣ награжденія или пособія ему, отъ Комитета выдаваемою. Я долженъ былъ объяснить это Монферрану, который все съ благодарностію готовъ былъ принять, какъ будто предвидя, что все это скоро должно перемѣниться. Первый наборъ чертежниковъ, изъ воспитанни-

*) Въ перепискѣ съ Великимъ Фредерикомъ извѣстный безбожникъ, баронъ Гриммъ, говоритъ про нее слѣдующее: Эта госпожа Naudin какъ бывало ни пойдетъ къ обѣднѣ, дома у нея случится какое нибудь несчастіе. Когда неоднократно сіе повторилось, она воскликнула: Господи, прости меня, но даю клятву, что отнынѣ никогда нога моя не будетъ въ церкви.

Библиотека "Руниверс"

ковъ Академіи Художествъ, сдѣланный съ помощію члена Михайлова, послѣдовавшій, однакоже, не прежде какъ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія Комитета, былъ также весьма удаченъ. Въ числѣ ихъ находились нынѣ извѣстные архитекторы: Брюловъ, Тонъ, Штакеншнейдеръ и Щедринъ.

Переписывались мы болѣе всего съ главнокомандующимъ въ Петербургѣ, Вязмитиновымъ; но въ сношеніяхъ съ нимъ Бетанкуръ, чрезвычайно любимый Царемъ, умѣлъ, однакоже, сохранять совершенное равенство; съ перемѣною обстоятельствъ въ послѣдствіи сіе должно было измѣниться. Съ другой стороны, и я, въ частыхъ сношеніяхъ съ двумя правителями канцеляріи его, никакъ не хотѣлъ признавать ихъ передъ собою первенства. Обоихъ громко обвиняли въ мздоимствѣ; но я такъ уже привыкъ это слышать, что смотрѣлъ на нихъ безъ малѣйшаго отвращенія. Одинъ изъ нихъ, Адамовичъ, имѣлъ притязанія на образованность и пріятность формъ; другой, Перевощиковъ, былъ веселый и ласковый плутъ; тотъ и другой, повидимому, старались мнѣ быть угодными.

Не выходя изъ скромной роли своей, Монферранъ, между тѣмъ, тайкомъ трудился надъ чѣмъ-то важнымъ. На словахъ Государь просилъ Бетанкура поручить кому-нибудь составить проектъ перестройки Исакіевскаго собора, такъ, чтобы сохраняя все прежнее зданіе, развѣ съ небольшою только прибавкою, дать видъ болѣе великолѣпный и благообразный сему великому памятнику. Бетанкуру пришло въ голову для пробы занять этимъ Монферрана, выдавъ ему планъ церкви и всѣ архитектурныя книги изъ институтской библіотеки. Что же онъ сдѣлалъ? Выбирая все лучшее, усердно принялся списывать находящіяся въ нихъ изображенія храмовъ, принаравливая ихъ къ величинѣ и пропорціямъ нашего Исакіевскаго собора. Такимъ образомъ составилъ онъ разомъ двадцать четыре проекта или, лучше сказать, начертилъ двадцать четыре прекраснѣйшихъ миніатюрныхъ рисунка и сдѣлалъ изъ нихъ въ переплетѣ красивый альбомъ. Тутъ все можно было найти: Китайскій, Индѣйскій, Готическій вкусъ, Византійскій стиль и стиль Возрожденія и, разумѣется, чисто Греческую архитектуру древнѣйшихъ и новѣйшихъ памятниковъ.

Въ это время начались ежегодныя, продолжительныя, безпрерывныя путешествія Государя внутри Россіи, которыя не должны были прекратиться для него даже самою его смертію. Не знаю, до какой степени знакомили они его съ духомъ его народа и выгодами его государства. По возвращеніи его, въ глухую осень, изъ перваго такого путешествія, Бетанкуръ представилъ ему Монферрановскій альбомъ, прося одинъ изъ рисунковъ удостоить своимъ выборомъ: вѣр-

Библиотека "Руниверс"

ный вкусъ Его Величества будетъ служить потомъ руководствомъ для исполнителей его воли. Нельзя было не восхититься искусствомъ рисовальщика, и Государь на время оставилъ у себя альбомъ.

На другой день Бетанкуръ, съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и наединѣ въ полголоса сказалъ мнѣ:

— Напишите указъ придворной конторѣ объ опредѣленіи Монферрана императорскимъ архитекторомъ, съ тремя тысячами рублей ассигнаціями жалованья изъ суммъ Кабинета.

Я изумился и не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Да какой же онъ архитекторъ? Онъ отъ роду ничего не строилъ, и вы сами едва признаете его чертежникомъ.

— Ну, ну, отвѣчалъ онъ,—такъ и быть; пожалуйте помолчите о томъ и напишите только указъ.

Я собственноручно написалъ его, а Государь подписалъ.

А утвержденіе нашего штата, не смотря на возвращеніе Императора, все еще день отъ ото дня откладывалось. Наконецъ, только въ Декабрѣ вышло вдругъ милостивое рѣшеніе: на содержаніе Комитета выдать изъ уѣзднаго казначейства всю сумму сполна за весь истекающій годъ, а чиновникамъ—жалованье съ 3-го Мая, со дня подписанія рескрипта Бетанкуру. Сей послѣдній все еще упрямился и, не смотря на великолѣпный титулъ, имъ доставленный Монферрану, опредѣлилъ его къ намъ только что старшимъ чертежникомъ. Онъ же, какъ мнѣ кажется, съ умысломъ ежился и гнулся передъ нимъ, увѣряя его, что во всѣхъ большихъ постройкахъ настоящимъ архитекторомъ, великимъ строителемъ будетъ онъ самъ, Бетанкуръ, а онъ по возможности будетъ стараться облекать въ формы геніальныя его идеи.

Дабы кончить разсказъ о рѣшительномъ устройствѣ пресловутаго Комитета, необходимо долженъ я выступить за предѣлы 1816 года. Въ Генварѣ 1817 нанялъ я для него, равно какъ и для себя, удобную и помѣстительную квартиру, въ домѣ Шмидта, у Семеновскаго моста, на углу Фонтанки и Апраксинскаго переулка. Поселившись въ этомъ пріютѣ, который, по предчувствіямъ моимъ, столько лѣтъ долженъ былъ я занимать, и который, не превышая скудныя средства мои, какъ могъ, старался я лучше прибрать, ощутилъ я необычайную отраду. Мнѣ уже исполнилось тридцать лѣтъ, и тщетно усиливался я дотолѣ найдти постоянное мѣсто и прочную службу, вездѣ встрѣчая неудачи. Оттого-то самая жизнь моя въ Петербургѣ была всегда кочевая; съ одной небольшой квартирки часто переѣзжалъ я на другую малую. Тутъ было нѣчто похожее на осѣдлость, и это единственный домъ, мимо котораго и доселѣ не могу я равнодушно пройдти или проѣхать. Мнѣ сожи-

Библиотека "Руниверс"

тельствовалъ Монферранъ, и первые мѣсяцы сосѣдствомъ его оставался я доволенъ. Послѣ началъ онъ зазнаваться; я долженъ былъ искать средства, чтобы оградить себя отъ непріятностей, которыя готовъ былъ онъ дѣлать, и онъ унялся. Чертежникамъ раздавалъ онъ работу; но они меня гораздо болѣе признавали своимъ начальникомъ. Однимъ словомъ, въ небольшомъ углу своемъ долго оставался я совершеннымъ хозяиномъ.

IV.

Не цѣлую главу, а нѣсколько страницъ въ каждой части сихъ Записокъ посвящаю я обыкновенно описанію современнаго состоянія Русскаго театра. Здѣсь достаточно мнѣ будетъ на то нѣсколько строкъ; ибо въ предыдущей части довольно говорилъ я объ немъ, и остается только назвать нѣсколько новыхъ молодыхъ талантовъ, тогда показавшихся, изъ коихъ нѣкоторые и понынѣ украшаютъ нашу сцену.

Особенно примѣчательны были два актера, Сосницкій въ комедіяхъ и Рамазановъ въ водевиляхъ. Первому, въ цвѣтущія лѣта, удалось попасть въ общество образованныхъ людей; а какъ сверхъ того имѣлъ онъ и врожденное чувство свѣтской пристойности, то первый явилъ себя на сценѣ молодымъ человѣкомъ, котораго можно пустить въ лучшую гостиную. Другой, Рамазановъ, былъ живчикъ, который пѣлъ пріятнымъ голосомъ и весьма естественно игралъ не въ шутовскихъ, а въ веселыхъ и забавныхъ роляхъ.

Главною актрисою въ комедіяхъ была Валберхова, весьма еще не старая и красивая, но не совсѣмъ однакоже и молодая дѣва, дочь посредственнаго танцовщика Лѣсогорова, который перевелъ себя на Нѣмецкій языкъ, дабы внушить зрителямъ болѣе къ себѣ уваженія. Она была, какъ увѣряли, примѣрной нравственности, скромна, добродѣтельна и отказалась отъ брака, для того чтобы прилежнѣе заниматься воспитаніемъ сиротъ, меньшихъ братьевъ и сестеръ. Такія почтенныя свойства вредили однакоже ея таланту, когда приходилось ей играть вѣтренныхъ кокетокъ. Прикованный не любовію, а сожитіемъ, привычкою и общими выгодами къ другой актрисѣ, Шаховской тщетно, говорятъ, вздыхалъ у ногъ ея. Катерина Ивановна Ежова (мадамъ Жегова, какъ называли ее Французскіе актеры) была женщина или дѣвица хитрая и смѣлая. Домохозяйка его и мать его дѣтей, она держала его, какъ говорится, въ ежевыхъ рукавицахъ: змѣей обвилась она вокругъ его огромнаго туловища. Въ роляхъ сердитыхъ барынь на сценѣ заступила она мѣсто Рахмановой, которая по старости отошла на покой. Къ тому же и самый характеръ новаго рода крикуньевъ мало походилъ на тотъ, который такъ искусно изображала Рахманова.

Библиотека "Руниверс"

Также и въ трагедіяхъ играла Валберхова и, казалось бы, гораздо превосходнѣе, если какой-либо второстепенный талантъ могъ бы выдержать сравненіе съ совершенствомъ игры Семеновой. Ни въ Россіи, ни за границей въ трагедіи я никого выше ея не видалъ. На театрѣ она казалась царицей среди подвластныхъ ей рабовъ, и по моему мнѣнію у насъ не умѣли ей довольно дивиться. Старѣющая Каратыгина иногда дерзала также показываться подлѣ Семеновой; а неблагодарная публика, которая прежде, не видавъ лучшаго, столько плѣнялась ею, смотрѣла уже на нее съ отвращеніемъ. Ей обѣщано было новое, живѣйшее удовольствіе: Гнѣдичъ и другъ его, Лобановъ, возвѣстили ей, что въ трагедіи, переведенной послѣднимъ, будетъ она изумлена игрой молоденькой актрисы Степановой, въ ролѣ Ифигеніи. Я видѣлъ это первое представленіе и заодно съ публикой восторговъ не ощутилъ и не изъявлялъ.

Въ отсутствіи Французской труппы не одни мелкіе чиновники и гостинодворцы посѣщали Русскій театръ, но и лучшее общество. Дабы видѣть и слышать Семенову, соглашалось оно выносить неистоваго Яковлева, нашего простонароднаго Лекеня, который многія лѣта продолжалъ еще хрипѣть и ревѣть передъ зрителями. Для молодыхъ ролей, за неимѣніемъ лучшаго, былъ нѣкто Щениковъ; совсѣмъ не помню, когда онъ исчезъ и куда онъ дѣвался. Еще одинъ молодой купчикъ, Брянской, пошелъ въ трагическіе актеры; онъ былъ не безъ дарованій, говорилъ стихи очень внятно и рѣчисто и могъ бы, заступивъ мѣсто Яковлева, избавить насъ отъ него, но, къ сожалѣнію, былъ чрезвычайно холоденъ. Въ это время болѣе десяти лѣтъ уже находился онъ на сценѣ и о сю пору, кажется, не покидалъ ея; послѣ женился онъ на вышереченной Степановой, и она, благодаря сему союзу, и понынѣ еще въ числѣ подставныхъ актрисъ.

Примадонной въ оперѣ все оставалась меньшая Семенова, со столь же пышною красотой и со столь же тощимъ голосомъ. Первый теноръ былъ все тотъ же славный Самойловъ; второй теноръ былъ молодой человѣкъ Климовскій, какъ увѣряли, изъ Малороссійскихъ дворянъ, воспитанный въ придворной пѣвческой школѣ; голосъ у него былъ слабѣе чѣмъ у Самойлова, но еще пріятнѣе, и музыку зналъ онъ лучше. Послѣ большаго пожара старая Сандунова изъ Москвы бѣжала въ Петербургъ и въ немъ осталась; ибо не было надежды, чтобы въ старой столицѣ театръ могъ скоро быть возстановленъ. Она согласилась играть роли старухъ, однакоже по нуждѣ заставляли ее выполнять ролю Весталки и другія, въ которыхъ былъ необходимъ ея уже не свѣжій, но еще сильный и чистый голосъ. Партію баса

Библиотека "Руниверс"

пѣлъ весьма не худо Зловъ, также въ одно время съ нею изъ Москвы пріѣхавшій пѣвецъ.

Танцовальныя зрѣлища лишились Дюпора, вмѣстѣ съ Жоржъ уѣхавшаго во Францію. Неизмѣнная чета Дидло опять осталась тогда одна, чтобы владычествовать въ балетахъ. Двое молодыхъ мальчиковъ, Люстихъ и Шемаевъ, обѣщали было сравняться съ Дюпоромъ, но не сдержали обѣщаннаго: поджилки скоро отказались имъ служить. Члены у Русскихъ бываютъ гибки только въ первой молодости; до старости всегда готовы они и бываютъ въ состояніи пахать и ратовать, но однимъ Французамъ отъ природы дана привилегія до могилы ловко прыгать и вертѣться. Доказательствомъ тому можетъ служить мусью Андре, котораго въ 1803 году видѣли мы довольно пожилымъ Французскимъ актеромъ и который, дабы не разставаться со сценою, въ это время неутомимо продолжалъ плясать на ней, что̀, двадцать лѣтъ спустя, дѣлаетъ онъ и понынѣ. Именной списокъ тогдашнихъ Русскихъ артистовъ заключу я названіемъ искусной танцовщицы и извѣстной красавицы, дѣвицы Истоминой, которая въ продолженіе многихъ лѣтъ плѣняла зрителей и сводила съ ума молодыхъ офицеровъ. Она была причиною нѣсколькихъ поединковъ между ними и даже смерти одного изъ нихъ.

Въ самомъ главномъ управленіи театральномъ произошла тогда большая перемѣна. Вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ при Павлѣ сосланъ былъ въ Москву другой камергеръ, находившійся при Наслѣдникѣ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ вызванъ по воцареніи Александра. Какъ въ характерахъ обоихъ князей-камергеровъ, такъ и въ степени довѣренности къ нимъ Государя была великая разница. Голицынъ былъ человѣкъ добродушный, отмѣнно веселый, но степенный и съ молода склонный къ набожности. Тюфякинъ былъ скученъ, несносенъ, своенравенъ и зналъ одни только чувственныя наслажденія. Видя себя обманутымъ въ надеждѣ сдѣлаться любимцемъ Царя, онъ съ досады поселился въ Парижѣ и выѣзжалъ изъ него только во время разрыва Наполеона съ Россіей, впрочемъ не возвращаясь въ нее. Въ началѣ 1812 года для Русскихъ и въ Европѣ уже не было мѣста; во вниманіе къ прежней, если не службѣ, то преданности, Государь наградилъ воротившагося въ отечество блуднаго Тюфякина званіемъ гофмейстера при дворѣ и вице-директора театральныхъ зрѣлищъ. Въ концѣ 1814 года Александръ Львовичъ Нарышкинъ долженъ былъ сопровождать императрицу Елисавету Алексѣевну во время заграничнаго ея путешествія, и находя, что безъ Французской труппы ему ничего дѣлать, сохраняя званіе главнаго директора, все управленіе свое передалъ въ руки Тюфякина, а тотъ изъ нихъ его болѣе уже

Библиотека "Руниверс"

не выпускалъ. Каждому свое: въ удѣлъ Голицына поступила церковь, Тюфякину достался театръ.

При начальникѣ, который вечеромъ никогда не бывалъ въ трезвомъ видѣ, власть Шаховскаго должна была умножиться. Его сожительница Ежова каждый вечеръ принимала у себя актрисъ, танцовщицъ и воспитанницъ театральной школы; преимущественно же послѣднихъ, дабы дать имъ болѣе ловкости въ обращеніи. Нѣсколько пожилыхъ и большая часть молодыхъ людей Петербурга добивались чести быть принятыми въ ея салонѣ. Освѣщеніе его и угощеніе, по крайнеѣ мѣрѣ чашкою чаю, сопряжено было съ издержками. Какими средствами вознаграждала она себя за нихъ, мнѣ не извѣстно. Изъ вседневныхъ посѣтителей сихъ составлялись дружины хлопуновъ, съ которыми авторъ-хозяинъ всегда могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ. Если литературная слова его чрезъ то нѣсколько увеличивалась, за то честь его жестоко страдала отъ этого. Эти, сначала, столь послушные посѣтители, видно, пріобрѣтая большія права, сдѣлались вдругъ смѣлы и взыскательны. Часто доставалось отъ нихъ бѣдной Ежовой, говорятъ даже самому Шаховскому, до того, что они принуждены были, наконецъ, прекратить свое гостепріимство. Вотъ до чего иногда доводитъ сила страстей, даже самыхъ дозволенныхъ, повидимому, самыхъ полезныхъ просвѣщенію. И теперь безъ душевнаго сожалѣнія не могу вспомнить объ этой эпохѣ жизни слабаго, добраго князя, котораго послѣ пришлось мнѣ такъ много любить.

Пока неуваженіе свѣта и даже знакомыхъ постигало его, избранный имъ спокойный и безотвѣтный его противникъ Жуковскій все болѣе возвышался въ общемъ мнѣніи. Ему, отставному титулярному совѣтнику, какъ пѣвцу славы Русскаго воинства, по возвращеніи своемъ, Государь пожаловалъ богатый бриллiантовый перстенъ съ своимъ вензелемъ и четыре тысячи рублей ассигнаціями пенсіона. Такую блетящую награду сочла Бесѣда, не знаю почему, для себя обидною; а Арзамасъ, признаться должно, имѣлъ слабость видѣть въ этомъ свое торжество.

Другое сильнѣйшее горе ожидало Бесѣду. Въ началѣ 1816 года, Карамзинъ, не бывавшій въ Петербургѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ, пріѣхалъ въ сопровожденіи Вяземскаго и Василія Львовича Пушкина. Самъ Государь принялъ его отлично, можно сказать, дружелюбно. На изданіе уже написанныхъ имъ восьми томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* велѣлъ отпустить ему шестьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, да, сверхъ того, съ чиномъ статскаго совѣтника, далъ ему прямо Анненскую ленту. Петербургъ —городъ придворный, казенный; примѣръ Царя сильно дѣйствуетъ въ немъ на людей; тутъ подражать было не

Библиотека "Руниверс"

трудно: подъ предлогомъ уваженія къ личнымъ достоинствамъ Карамзина, удивленія къ его талантамъ, всѣ на перерывъ стали оказывать ему почтительныя ласки. Твореніе свое хотѣлъ онъ печатать въ Петербургѣ, и для того, на время возвратясь въ Москву, слѣдующею осенью прибылъ онъ со всѣмъ семействомъ своимъ и остался въ немъ.

Въ этой главѣ хочется мнѣ кстати досказать повѣсть о Бесѣдѣ и Арзамасѣ, хотя для того и долженъ буду выступить за предѣлы 1816 года. Одно будетъ не весьма длинно. Бесѣда въ этомъ году какъ будто исчезла, совсѣмъ пропала безъ вѣсти. Единственное засѣданіе ея, на коемъ я присутствовалъ, было едва ли не послѣднее; если потомъ и были они, то не публичныя и вѣрно очень рѣдко, ибо о нихъ и слуху не было. Единственный свѣтъ, ее озарявшій, слабѣлъ и тихо угасъ на берегахъ Волхова: лѣтомъ Державинъ заснулъ вѣчнымъ сномъ въ деревнѣ своей Званкѣ, невольно осудивъ на то и Бесѣду. Божество отлетѣло, и двери во храмъ его навсегда затворились.

Когда старуха-Бесѣда въ изнеможеніи силъ близилась къ концу, въ тоже самое время молодой соперникъ ея все болѣе крѣпился и мужалъ. Вѣкъ его былъ также коротокъ, но онъ оставилъ по себѣ долгія воспоминанія. Новыхъ членовъ, коими онъ обогащался, да позволено мнѣ будетъ назвать здѣсь по порядку, неизвѣстныхъ же читателю стараться познакомить съ нимъ.

Первые имъ воспріятые были прибывшіе изъ-за границы два дипломата. По лѣтамъ своимъ Петръ Ивановичъ Полетика могъ нѣкоторымъ образомъ почитаться намъ ровесникомъ, но онъ всегда былъ старообразенъ: ему не было еще сорока лѣтъ, а казалось гораздо за сорокъ, и потому онъ не совсѣмъ подходилъ подъ стать къ людямъ, изъ коихъ составлялась не академія, а общество довольно молодыхъ еще, пристойныхъ весельчаковъ. Онъ родомъ происходилъ отъ одного изъ Греческихъ семействъ, поселенныхъ въ Нѣжинѣ; отецъ его или дѣдъ, если не ошибаюсь, былъ послѣднимъ архіатеромъ, то-есть, тѣмъ, что мы нынѣ называемъ генералъ-штабъ-докторомъ. Онъ воспитанъ былъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, который такъ много заботился не столько объ умственномъ, какъ о свѣтскомъ образованіи выпускаемыхъ изъ него юношей. Они знали иностранные языки, всего понемногу, хорошо были выучены верховой ѣздѣ, танцованью, и все это было не худо; по крайней мѣрѣ, преподаны имъ средства, при нѣкоторыхъ способностяхъ, самимъ послѣ дѣлать пріобрѣтенія въ области наукъ, тогда какъ нынѣ въ казармахъ, именуемыхъ корпусами, кадеты, отъ коихъ требуется знаніе одной фронтовой службы, сихъ средствъ съ малолѣтства навсегда лишены.

Библиотека "Руниверс"

Нашъ Полетика не безъ пользы употребилъ небольшой запасъ познаній, полученныхъ имъ въ корпусѣ. Не знаю хорошенько, поступалъ ли онъ въ военную службу, только, навѣрное, не долго въ ней оставался. Семейство его находилось подъ особымъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны: старшій братъ его нѣсколько времени былъ секретаремъ ея величества; изъ сестеръ, воспитанныхъ въ Смольномъ монастырѣ, одна попала во фрейлины и жила во дворцѣ. Съ такою опорой рано могъ онъ выбраться на хорошую дорогу, но на ней успѣхами своими обязанъ былъ уже собственному уму. Служа въ Иностранной Коллегіи, состоялъ онъ при разныхъ миссіяхъ и изъѣздилъ почти весь свѣтъ. Мѣсто совѣтника посольства въ Мадридѣ было послѣднее, которое занималъ онъ съ 1813 года; оттуда, послѣ вторичнаго паденія Наполеона, вызванъ былъ въ Парижъ и, по заключеніи мира, причисленный къ дѣламъ коллегіи, прибылъ въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы получить новое назначеніе. Онъ былъ собою не видѣнъ, но умныя черты лица и всегда изысканная опрятность дѣлали наружность его довольно пріятною. Исполненный чести и прямодушія, онъ соединялъ ихъ съ тонкостью, свойственною людямъ его происхожденія и роду службы его; откровенность его, совсѣмъ не притворная, была однакоже не безъ разсчета; онъ такъ искусно, шутливо, необидно умѣлъ говорить величайшія истины людямъ сильнымъ, что ихъ самихъ заставлялъ улыбаться. Онъ не имѣлъ глубокихъ познаній, но въ дѣлахъ службы и въ разговорахъ всегда видѣнъ былъ въ немъ свѣдущій человѣкъ. Не зная вовсе спѣси, со всѣми былъ онъ обходителенъ, а никто не рѣшился бы забыться передъ нимъ. Всѣми былъ онъ любимъ и уважаемъ, самъ же ни къ кому не чувствовалъ ненависти, и если чуждался запятнанныхъ людей, то старался и имъ не оказывать явнаго презрѣнія. Къ сожалѣнію моему, одержимъ онъ былъ сильною англоманіей, и этотъ недостатокъ въ глазахъ моихъ, дѣлая его нѣсколько похожимъ на методиста или квакера, придавалъ ему однакоже много забавно-почтенной оригинальности. Вообще, я нахожу, что благоразумнѣе его никто еще не умѣлъ распорядиться жизнію; онъ умѣлъ сдѣлать ее полезною и пріятною какъ для себя, такъ и для знакомыхъ. Изъ-за морей иногда показывался онъ въ Петербургѣ и потомъ вдругъ исчезалъ изъ него; во время сихъ быстрыхъ появленій, коротко познакомился онъ съ сослуживцами своими, Дашковымъ и Блудовымъ; мнѣ также не разъ случалось съ нимъ встрѣчаться и разговаривать. Лишь только узнали о его пріѣздѣ, единогласно, громогласно призвали его въ наше общество. Онъ мало занимался Русскою литературой, хотя довольно хорошо ее зналъ; но, я повторяю, не одни литераторы намъ были нужны. Его бы слѣдовало принять почетнымъ членомъ: тогда ихъ у

Библиотека "Руниверс"

насъ еще не было, все были одни дѣйствительные, и нареченный Очарованнымъ Челномъ, не знаю какъ-то, ускользнулъ онъ отъ обязанности произнести вступительную рѣчь. Недолго насладились мы его обществомъ: слѣдующею весной назначенъ былъ онъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ.

Вмѣстѣ съ нимъ изъ Мадрида и Парижа пріѣхалъ одинъ юноша, впрочемъ лѣтъ двадцати пяти, пріятель Дашкова. Отецъ Дмитрія Петровича Северина, Петръ Ивановичъ, служилъ когда-то капитаномъ гвардіи Семеновскаго полка въ одно время съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Во дни добродушной старины нашей достаточно было товарищества по службѣ, чтобы составить дружественныя связи между людьми, совершенно разныхъ свойствъ. Дмитріевъ былъ пріятелемъ Северина и еще болѣе жены его, гораздо умнѣе и просвѣщеннѣе мужа своего. Изъ этого заключали, что онъ былъ ея любовникомъ и даже приписывали ему родительскія права на рожденнаго отъ нея сына, хотя она была горбата и настоящій уродъ. Это была сущая ложь, а не клевета: ибо Дмитріева никто не думалъ осуждать за такое молодечество.

Спросятъ, почему Северинъ былъ Нѣмецъ, когда въ фамильномъ имени его нѣтъ ничего Нѣмецкаго? Почему капитанъ гвардіи былъ сынъ портнаго? Послѣдній вопросъ никто не сдѣлаетъ нынѣ, когда въ Россіи искусная маршировка доводитъ до высокихъ чиновъ. Во время же оно гвардія была военно-придворный штатъ; для того, чтобы удостоиться чести быть въ ней офицеромъ, нужны были извѣстное имя и большое покровительство. Чье же имя можетъ быть извѣстнѣе, если не людей, прославившихся въ ремеслахъ? Не все же перомъ да мечемъ; игла и шило также доставляли тогда славу. По однимъ преданіямъ и по стихамъ Дмитріева знаю только я Кроля. Швальная же знаменитость Занфтлебена, закройщика Зеленкова и особенно сапожника Брейтигама мнѣ очень памятны: молодые франты моего времени ими только и клялись. Кто помнитъ ихъ нынѣ? И сколько преемниковъ ихъ потонуло въ забвеніи! И, кажется, даже самъ мусью Буту, передъ которымъ гораздо позднѣе такъ благоговѣла молодежь. Sic transit gloria mundi. По крайней мѣрѣ эти люди умѣли наживать деньги и наживать трехъэтажные каменные дома, предоставляя потомкамъ добывать чести. О портномъ Северинѣ могли дойти до меня только темные слухи и то по случаю знакомства моего съ его почтеннымъ внукомъ. Онъ былъ счастливѣе другихъ собратій своихъ, ибо слава имени его, скромно возникшая на каткѣ, сіяетъ нынѣ въ посольствахъ; жаль только, что безплодіе Дмитрія Петровича не дозволяетъ надѣяться, чтобъ она перешла изъ рода въ роды *).

*) Два раза Северинъ былъ женатъ; послѣдній разъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ на

Библиотека "Руниверс"

Когда Дмитріевъ назначенъ былъ министромъ юстиціи, то отцу-Северину, бывшему при Павлѣ Бѣлорусскимъ губернаторомъ, выпросилъ онъ сенаторство, а сына опредѣлилъ къ себѣ въ канцелярію и далъ у себя квартиру. Хотя мальчикъ вообще былъ чрезвычайно гибокъ передъ начальствомъ, находили на него иногда бѣшеныя минуты, въ которыя съ высшими дѣлался онъ также высокомѣренъ и дерзокъ, какъ съ низшими. Дмитріевъ не переставалъ быть щекотливымъ, а избалованный Северинъ сталъ забываться и послѣ двухлѣтняго сожитія, въ одно утро, послѣдній былъ внезапно изгнанъ своимъ покровителемъ. Съ его же помощію былъ онъ потомъ опредѣленъ въ Иностранную Коллегію и получилъ мѣсто въ Гишпаніи, откуда воротился съ Полетикой. Что́ сказать мнѣ о семъ новомъ сочленѣ нашемъ? Въ сокращенномъ видѣ былъ онъ Уваровъ, съ тою, однако, великою разницею, что послѣдній былъ знатнѣе родомъ, гораздо красивѣе, во сто разъ умнѣе и богаче и даже добродушнѣе его. Я думаю оттого, что безмѣрныя притязанія Уварова давно уже обратились въ права, а Северина и понынѣ еще терзаетъ неудовлетворенное честолюбіе. Съ нами по крайней мѣрѣ не могъ и не умѣлъ онъ позволять себѣ ничего рѣзкаго. Кто же въ первой молодости былъ совершенно золъ? Счастіе почти всегда ласкаетъ юность, да и самыя неудачи такъ скоро забываются посреди тысячи развлеченій, тысячи наслажденій. Въ это время худенькій Северинъ былъ точно на молокѣ испеченный и отъ огня слегка подрумяненный сухарь. Съ годами взволнованная желчь, разливаясь по жиламъ и чертамъ его въ самый непріятный цвѣтъ, наконецъ, окрасила его лицо. Вотъ его наружность. Что́ касается до характера, это было удивительное сліяніе дерзости съ подлостію; но надобно признаться—никогда еще не видалъ я холопство, облеченное въ столь щеголеватыя и благородныя формы. У него были и литературныя права: благоволящій къ нему Жуковскій имѣлъ слабость чью-то басенку въ восьми стихахъ напечатать подъ его именемъ въ собраніи Русскихъ стихотвореній. Онъ былъ совоспитанникъ Вяземскаго, товарищъ по службѣ Дашкова, пріятелемъ обоихъ, и потому-то двери Арзамаса открылись предъ нимъ настежъ.

Сейчасъ только что назвалъ я Вяземскаго, а онъ тутъ и является. Онъ и Пушкинъ, какъ сказалъ я выше, пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и мѣсяца черезъ два съ нимъ же воротились въ Москву. Въ сіе короткое время одинъ усладилъ, а другой потѣшилъ Арзамасъ своимъ соприсутствіемъ. Весело и совѣстно вспомнить нынѣ

одной Нѣмкѣ и отъ обоихъ браковъ не имѣлъ дѣтей. Онъ былъ нѣсколько времени повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи; теперь давно находится посланникомъ въ Баваріи.

Библиотека "Руниверс"

проказы людей, хотя еще молодыхъ, но уже совсѣмъ не мальчиковъ: кто изъ тридцатилѣтнихъ теперь позволитъ себѣ такъ дурачиться? Въ первой части говорилъ уже я о первой встрѣчѣ моей съ Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ, о метроманіи его, о его чрезмѣрномъ легковѣріи; здѣсь нужно прибавить, въ похвалу его сердца, что всегда вѣрилъ онъ еще болѣе доброму, чѣмъ худому. Знакомые, пріятели употребляли во зло его довѣрчивость. Кому-то изъ насъ вздумалось, по случаю вступленія его въ наше общество, снова подшутить надъ нимъ. Эта мысль сдѣлалась общимъ желаніемъ, и совокупными силами приступлено къ составленію страннаго, смѣшнаго и торжественнаго церемоніала принятія его въ «Арзамасъ». Разумѣется, что Жуковскій былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ изобрѣтателемъ; и сіе самое доказываетъ, что въ этой, можно сказать, семейной шуткѣ, не было никакого дурнаго умысла, ничего слишкомъ обиднаго для всѣми любимаго Пушкина.

Ему возвѣстили, что непосвященные въ таинства нашего общества не иначе въ него могутъ быть приняты какъ послѣ довольно трудныхъ испытаній, и онъ согласился подвергнуть имъ себя. Вяземскій успѣлъ увѣрить его, что они совсѣмъ не бездѣлица, и что самъ онъ весьма утомился, пройдя черезъ всѣ эти мытарства. Жилище Уварова, просторное и богато убранное, могло одно быть удобнымъ для представленія затѣваемыхъ комическихъ сценъ. Какъ странствующаго въ мірѣ семъ безъ цѣли, нарядили его въ хитонъ съ раковинами, надѣли ему на голову шляпу съ широкими полями и дали въ руку посохъ пелерина. Въ этомъ нарядѣ, съ завязанными глазами, изъ парадныхъ комнатъ по задней, узкой и крутой лѣстницѣ свели его въ нижній этажъ, гдѣ ожидали его съ руками полными хлопушекъ, которыя бросали ему подъ ноги. Церемонія потомъ начавшаяся продолжалась около часа: то обращались къ нему съ вопросами, которые тревожили его самолюбіе и принуждали морщиться; то вооружали его лукомъ и стрѣлою, которую онъ долженъ былъ пустить въ чучелу съ огромнымъ парикомъ и съ безобразною маской, имѣющую посреди груди написанный на бумагѣ извѣстный стихъ Тредьяковскаго:

Чудище обло, озорно, трезвьно и лаяй.

Сіе чудище, повергнутое послѣ выстрѣла его на полъ и имъ будто побѣжденное, должно было изображать дурной вкусъ или Шишкова. Потомъ заставили его, поддержаннаго двумя аколитами, пронести на блюдѣ огромнаго замороженнаго гуся, а послѣ того... всего не припомню. Между всѣми этими продѣлками, члены произносили ему рѣчи назидательныя, ободрительныя или поздравительныя. Въ заключеніе, изъ темной комнаты, въ которой онъ находился, въ дру-

Библиотека "Руниверс"

гую длинную, ярко освѣщенную, отдернулась огненнаго цвѣта занавѣсь, ее скрывавшая, онъ съ торжествомъ вступилъ въ собраніе и сказалъ рѣчь весьма затѣйливую и приличную. Когда послѣ я спросилъ его, не досадовалъ ли онъ, не скучалъ ли онъ сими продолжительными испытаніями? Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ, c'étaient d'aimables allégories. Подите же послѣ того: родятся же люди какъ будто для того, чтобъ трунили надъ ними.

Въ протоколѣ, который прочиталъ потомъ секретарь Жуковскій, прописанъ былъ весь этотъ обрядъ, въ предыдущемъ засѣданіи якобы совершенный надъ Вяземскимъ. При этомъ всѣ члены, исключая новопринятаго, приступили съ требованіемъ на будущее время отмѣнить его, какъ тягостный для вступающихъ, такъ и довольно убыточный для вступившихъ. Не доставало балладъ, чтобъ давать ихъ названія новымъ членамъ; довольствовались тѣмъ, чтобы для того брать изъ нихъ примѣчательныя имена и слова: вотъ почему въ это же, кажется, засѣданіе Вяземскій нареченъ «Асмодеемъ», Пушкинъ сталъ называться «Вотъ», а Северинъ удачно прозванъ «Рѣзвымъ Котомъ». И дѣйствительно, этотъ, нынѣ старый, тощій котъ, былъ тогда ласковъ, по крайней мѣрѣ съ пріятелями, и про нихъ держалъ въ запасѣ когти, но не выпускалъ ихъ и въ самыхъ манерахъ имѣлъ еще игривость котенка.

Въ слѣдующее засѣданіе приглашены были нѣкоторые болѣе или менѣе знаменитыя лица: Карамзинъ, князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ Салтыковъ — извѣстные моему читателю и, наконецъ, Юрій Александровичъ Нелединскій Молецкій. Всѣ они, вмѣстѣ съ отсутствующимъ Дмитріевымъ, единогласно выбраны почетными членами или почетными гусями: титулъ сей, разумѣется, предложенъ былъ Жуковскимъ. Въ это время только удалось мнѣ видѣть Нелединскаго, невысокаго роста, умнаго, веселаго, толстенькаго старичка, исполненнаго нѣжнѣйшей чувствительности и предававшагося самой грубой чувственности, написавшаго немного прелестныхъ стиховъ и, къ сожалѣнію, такъ много непотребныхъ.

Въ этотъ же день потѣшили и Пушкина. Нѣкогда пріятель и почти ровесникъ Карамзина и Дмитріева, сдѣлался онъ товарищемъ людей, по меньшей мѣрѣ, пятнадцатью годами его моложе. Надобно имъ было чѣмъ нибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его передъ собою. И въ этомъ дѣлѣ помогъ Жуковскій, придумавъ для него званіе «Старосты Арзамаса», съ коимъ сопряжены были нѣкоторыя преимущества. Изъ нихъ нѣкоторыя были уморительныя и остались у меня въ памяти; напримѣръ: мѣсто старосты «Вота», когда онъ на лицо, подлѣ предсѣдателя общества, во дни же отсутствія—въ сердцахъ друзей его; онъ подписываетъ протоколъ... съ приличною размашкой; го-

Библиотека "Руниверс"

лось его въ нашемъ собраніи... имѣетъ силу трубы и пріятность флейты, и тому подобный вздоръ.

Я полагаю, что еслибъ это общество могло ограничиться небольшимъ числомъ членовъ, то оно жило бы согласнѣе и могло долѣе продлить свое веселое существованіе; но Жуковскій безпрестанно вербовалъ новыхъ. Необходимо ихъ представить здѣсь.

Перваго назову я Дмитрія Александровича Кавелина. Гораздо старѣе Жуковскаго, онъ однакоже учился съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, который оставилъ онъ нѣсколько годовъ прежде него. Онъ принадлежалъ къ партіи Сперанскаго, находился подъ покровительствомъ и въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ. Онъ никогда не былъ выскочкою, держалъ себя тихо, скромно, удалялся отъ общества, оттого, можетъ-быть, не увлеченъ былъ ихъ паденіемъ и сохранялъ значительное мѣсто директора Медицинскаго Департамента. Но безъ нихъ онъ какъ бы осиротѣлъ и, какъ кажется, желалъ составить новыя связи, пристать къ чему-нибудь, къ кому-нибудь. Придравшись къ прежнему соученичеству, онъ очень ласкался къ Жуковскому и предложилъ ему печатать его сочиненія въ типографіи своего департамента. Онъ былъ человѣкъ весьма неглупый, съ познаніями, что-то написалъ, казался весьма благоразумнымъ, ко всѣмъ былъ привѣтливъ, а, не знаю, какъ-то ни у кого къ нему сердце не лежало. Дѣйствующее лицо безъ рѣчей, онъ почти всегда молчалъ, неохотно улыбался и между нами былъ совершенно лишній. Жуковскій наименовалъ его «Пустынникомъ». Безнравственность его обнаружилась въ скоромъ времени; постыдные поступки лѣтъ черезъ семь или восемь до того обезславили его, что всѣ порядочные люди отъ него удалились, и въ Россіи, гдѣ общее мнѣніе ко всѣмъ такъ снисходительно, къ нему одному осталось оно немилосердо. Какъ будто сбылось пророчество Жуковскаго: около него сдѣлалась пустыня, и онъ всѣми забытъ.

Одного только члена, предложеннаго Жуковскимъ, неохотно приняли. Не знаю, какія предубѣжденія можно было имѣть противъ Александра Ѳедоровича Воейкова. Я гдѣ-то сказалъ уже, что нашъ поэтъ воспитывался въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ семействѣ Буниныхъ. Катерина Аѳанасьевна Бунина, по мужѣ Протасова, имѣла двухъ дочерей, которыя, выростая съ нимъ, любили его какъ брата; говорятъ, онѣ были очаровательны. Меньшая выдана за сосѣда, молодаго помѣщика Воейкова, который также писалъ стихи, и оттого-то у двухъ поэтовъ составилось болѣе чѣмъ пріязнь, почти родство. Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіи супруговъ, конечно, бросалась въ глаза: онъ былъ мужиковатъ, аляповатъ, неблагороденъ; она же

Библиотека "Руниверс"

настоящая Сильфида, Ундина, существо не земное, какъ увѣряли меня (ибо я только вскользь ее видѣлъ). Неужели это ему ставили въ вину? Да какое неуклюжество не простилъ бы я, кажется, за умъ; а въ немъ было его очень много. Въ душѣ его не было ничего поэтическаго, и стихи, столь отчетливо, столь правильно имъ написанные, не произвели никакого впечатлѣнія, не оставили никакой памяти даже въ литературномъ мірѣ. Лучшее произведеніе его былъ переводъ *Делилевыхъ Садовъ*. Какъ сатирикъ имѣлъ онъ истинный талантъ; всѣ еще знаютъ его *Домъ Сумасшедшихъ*, въ который помѣстилъ онъ друзей и недруговъ: надъ первыми смѣялся очень забавно, послѣднихъ казнилъ безъ пощады. Онъ былъ вольно-практикующій литераторъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому разряду, и потому-то мнѣ не случилось доселѣ упомянуть о немъ. Никто, можетъ быть, такъ хорошо не зналъ Русскую словесность; доказательствомъ любви его къ ней служитъ принятіе званія профессора ея въ Дерптскомъ университетѣ. Это всѣхъ удивило и многимъ не понравилось; наши дворяне, и особенно старинные, какъ онъ, гнушались тогда всѣмъ, что̀ походило на учительство: они не были современниками Гизо и Шевырева. Воейковъ никакъ не обидѣлся даннымъ ему у насъ названіемъ «Дымной Печурки».

Еще одного деревенскаго сосѣда, но вмѣстѣ съ тѣмъ Парижанина въ рѣчахъ и въ манерахъ, поставилъ Жуковскій въ «Арзамасъ». Въ первой молодости, представленный въ большой свѣтъ, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ плѣнилъ его необыкновеннымъ искусствомъ подражать голосу, пріемамъ и походкѣ знакомыхъ людей, особенно же мастерски умѣлъ онъ кривляться и передразнивать уѣздныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ. Съ такою способностію нетрудно было ему перенять у Французовъ ихъ поговорки, всѣ ихъ манеры; и сіе дѣлалъ онъ уже не въ шутку, такъ что съ перваго взгляда нельзя было принять его за Русскаго.

Дочь фельдмаршала графа Ивана Григорьевича Чернышова, фрейлина Анна Ивановна, послѣ смерти отца, передъ цѣлымъ дворомъ обнаружила стыдъ свой; чтобы прикрыть его, строгій, а иногда и снисходительный, императоръ Павелъ велѣлъ скорѣе пріискать ей жениха. Плещеевъ былъ вхожъ въ домъ ея родителя; за него перваго взялись, и онъ тутъ очень кстати случился. Послѣ того молодые супруги удалились въ Орловскую губернію и при жизни ея никогда не возвращались въ Петербургъ.

Въ сельское убѣжище свое перенесли они часть столичныхъ забавъ, къ коимъ пріучена была ея знатность: сюрпризамъ, домашнимъ спектаклямъ, fêtes champêtres, маскарадамъ конца не было. Плещеевъ былъ

Библиотека "Руниверс"

отъ природы славный актеръ, самъ игралъ на сценѣ и другихъ училъ; находили, что это чрезвычайно способствовало просвѣщенію того края. Только брачныя узы забавнику, какъ говорятъ, не всегда казались забавны: онѣ были блестящія и столь же тяжкія для него оковы. Графиня не забывала свой титулъ и была чрезвычайно взыскательна съ мужемъ-дворяниномъ. Деревня ихъ находилась въ сосѣдствѣ съ Бѣлевымъ, а сверхъ того и госпожа Протасова по мужу приходилась теткой Плещееву, почему и Жуковскій всегда участвовалъ въ сихъ празднествахъ. Когда, овдовѣвъ, Плещеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ возвѣстилъ намъ его какъ неизчерпаемый источникъ веселій; а намъ то и надо было. Сначала, дѣйствительно, онъ всѣхъ насмѣшилъ, но вскорѣ за предѣлами фарсы увидѣли совершенное ничтожество его. По смуглому цвѣту лица, всеобщій крестителъ нашъ назвалъ его «Чернымъ Враномъ»; наскучило, наконецъ, слушать этого ворона, даже тогда когда онъ каркалъ затверженое, а своего уже ровно у него ничего не было. Ему было повезло: онъ попалъ въ чтецы къ императрицѣ Маріи, сдѣланъ камергеромъ и членомъ театральной дирекціи; а послѣ Богъ знаетъ, что̀ изъ него вышло.

По заочности были приняты еще два члена: Батюшковъ, какъ уже сказалъ я, подъ именемъ «Ахилла», и партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, подъ именемъ «Армянина». Первый слѣдующею осенью обрадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ, послѣдняго никогда мы межъ себя не видали. Онъ находился въ Москвѣ: тамъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ и Пушкинымъ составили они отдѣленіе «Арзамаса», и засѣданія ихъ посѣщали Карамзинъ и Дмитріевъ. Новыхъ членовъ они не набирали безъ согласія горняго «Арзамаса», не имѣя на то права.

Я все откладывалъ говорить о нѣкоторыхъ членахъ, вступившихъ въ «Арзамасъ», какъ нынѣ полагать должно, съ дурными замыслами. Тяжко мнѣ изображать людей, возбудившихъ во мнѣ пріязнь и уваженіе, послѣ прославившихъ себя преступными заблужденіями, но коихъ память, не смотря на то, все еще осталась мнѣ любезна.

Не стану здѣсь повторять того, что̀ говорилъ я о двухъ братьяхъ Тургеневыхъ, Андреѣ и Александрѣ (объ одномъ погибшемъ во цвѣтѣ лѣтъ; о другомъ, погубившемъ въ себѣ способности и знанія чрезмѣрною лѣностью ума и дѣятельностію тщеславія). У нихъ былъ еще третій братъ Николай, нѣсколькими годами моложе Александра. Искаженная вѣра, мартинизмъ, вольнолюбіе возсѣдали у колыбели сихъ братьевъ, баюкали ихъ младенчество. Честолюбіе между тѣмъ въ каждомъ изъ нихъ развивалось съ лѣтами въ разныхъ видахъ и въ разныхъ степеняхъ. Опредѣленный въ службу по Иностранной Коллегіи, Николай Тургеневъ получилъ безсрочный отпускъ и отправился въ Геттингенъ,

Библиотека "Руниверс"

когда всѣ Нѣмцы кипѣли справедливымъ, но тайнымъ гнѣвомъ на истребителя не только независимости ихъ, но и самаго названія Германіи. Подъ именемъ Рейнскаго Союза, составленнаго изъ подданныхъ корольковъ, она не простиралась даже до Одера, а весь Сѣверъ ея до Любека присоединенъ былъ къ Франціи. Воспрянуть было невозможно: цвѣтъ юношества, всѣ жизненныя силы государства искуснымъ Наполеономъ отрываемы были отъ родины, и мужество ихъ только что болѣе умножало порабощеніе ихъ отечества. Въ университетахъ сильнѣе другихъ профессоры и студенты томились жаждою свободы и горѣли желаніемъ мести. Среди тайныхъ заговоровъ созрѣлъ и возмужалъ нашъ Тургеневъ, присталъ къ извѣстному либералу барону Штейну, и въ 1812 году пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Съ нимъ опять поѣхалъ онъ въ Германію, чтобы жителей возбуждать къ возстанію, что́ было весьма нетрудно, но опять повторю, не знаю, было ли это необходимо нужно. Онъ слѣдовалъ за нашею арміей, употребленъ былъ для разныхъ порученій и въ 1816 году окончательно воротился въ Россію.

Онъ не имѣлъ высокихъ дарованій старшаго брата своего Андрея, а замѣнялъ ихъ постояннымъ трудолюбіемъ. Имѣя врожденное чувство любви къ человѣчеству, оно въ немъ было усилено правилами какой-то превыспренней филантропіи, съ раннихъ лѣтъ ему преподанными. По возвращеніи въ отечество, нашедъ, что въ немъ усердно поклоняются кумиру его, свободѣ, разсчелъ онъ, что приспѣло время освобожденія отъ рабства освободителей Европы,—мысль столь же прекрасная, какъ и безразсудная! Съ безчисленными теоріями уже являлось къ намъ множество иностранцевъ, совершенно не знавшихъ народнаго духа Россіи, ни пороковъ, ни доблестей ея жителей, ни доброй, ни худой ихъ стороны, не подозрѣвающихъ неодолимыхъ препятствій, которыя законодатель долженъ встрѣтить, еслибы дерзнулъ приступить къ совершенному ея преобразованію. Всѣ смотрятъ на примѣръ Петра Великаго и полагаютъ, что у насъ стоитъ только приказать, дабы все измѣнилось. Онъ остригъ только верхушки деревъ, а до корней и онъ не смѣлъ коснуться. Къ числу сихъ иноземныхъ можно приписать и Тургенева, который образовался за границею. Но онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ со мною сколько разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома. Хорошо, еслибъ и другіе Русскіе, подобно ему, перенимали за границей у Европейскихъ народовъ любовь ихъ къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ нихъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы обыкновенныхъ путешественниковъ нашихъ.

Библиотека "Руниверс"

Не знаю, случай или природа, сдѣлавъ его хромымъ, осудили его болѣе на сидячую и уединенную жизнь и отдалили отъ общества, гдѣ мнѣнія, встрѣчая сопротивленіе, нѣсколько умѣряются и смягчаются. Къ тому же онъ былъ одаренъ великою твердостію (обратившеюся послѣ въ ужасное упрямство), а это людямъ почти всегда даетъ верхъ надъ другими. Старшій братъ его, Александръ, обратился и въ кадило, вѣчно передъ нимъ курящееся, и въ трубу, гремящую во всѣ концы хвалы его геніальности. А онъ, просто, былъ человѣкъ съ основательными познаніями, съ благими намѣреніями и несбыточными мечтами. Надобно, чтобы напередъ ты самъ себя увѣрилъ, что ты великій мужъ, потомъ смѣло возвѣсти о томъ: одни по разсѣянности, другіе по лѣни повѣрятъ тебѣ, а когда и очнутся, то дѣло уже сдѣлано, законность притязаній твоихъ всѣми признана. Такъ часто водится у насъ въ Россіи. Однакоже надобно и признаться, что Тургеневъ имѣлъ въ себѣ нѣчто вселяющее къ нему почтительный страхъ и довѣренность; онъ былъ рожденъ, чтобы властвовать надъ слабыми умами. Сколько разъ случалось мнѣ самому видѣть военныхъ и гражданскихъ юношей, какъ Додонскій лѣсъ посѣщающихъ его кабинетъ и съ подобострастнымъ вниманіемъ принимающихъ непонятныя для меня слова, которыя, какъ оракулы, падали изъ устъ новой Сивиллы. Все тѣшило тогда Тургенева, все улыбалось ему. Въ чинѣ надворнаго совѣтника назначенъ онъ на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Ламберта начальникомъ отдѣленія канцеляріи министра финансовъ *), и въ тоже время помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Все это, по мнѣнію его друзей, были только первые шаги, которые, несомнѣнно, немедленно должны были повести его къ званію министра, а ему было только что двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Однакоже, хотя послѣ и получалъ онъ чины и кресты, выше сихъ должностей никогда другихъ не занималъ онъ; читая же изданное имъ въ Парижѣ сочиненіе, можно подумать, что онъ дѣйствительно управлялъ у насъ какимъ-нибудь министерствомъ.

По тѣснымъ связямъ Александра Тургенева съ другими членами, былъ онъ принятъ въ «Арзамасъ» какъ родной, и кажется, ему самому въ немъ полюбилось. Тутъ онъ нашелъ нѣчто похожее на Нѣмецкую буршеншафтъ, людей уже довольно зрѣлыхъ, не забывающихъ студенческія привычки. Въ немъ не было ни спѣси, ни педантства; молодость и надежда еще оживляли его, и онъ былъ тогда у насъ славнымъ товарищемъ и собесѣдникомъ. Въ душевной простотѣ своей, Жуковскій,

*) Это мѣсто было нѣкогда мнѣ предложено и обѣщано, когда я былъ еще моложе его и въ одинаковомъ съ нимъ чинѣ.

Библиотека "Руниверс"

какъ будто всѣмъ предрекая будущій жребій ихъ, далъ Николаю Тургеневу имя убійцы и страдальца «Варвика». Онъ не скрывалъ своихъ желаній и хотя ясно видѣлъ, что ни одинъ изъ насъ серіозно не можетъ раздѣлять ихъ, не думалъ за то досадовать. Вскорѣ, движимый одинаковыми съ нимъ чувствами, вступившій къ намъ новый членъ былъ гораздо его предпріимчивѣе.

Въ первые годы царствованія Екатерины, престолъ ея тѣсно окружали пять братьевъ-молодцовъ, изъ коихъ особенно трое были и ея любимцами, и любимцами народа Русскаго. Четверо изъ нихъ были женаты, но или не имѣли дѣтей, или законное ихъ потомство мужескаго пола въ первомъ поколѣніи прекратилось. Одинъ только, холостой Ѳеодоръ, воспѣтый Державинымъ орелъ

Изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла,
Впереди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла,

имѣлъ четырехъ сыновей, которые рòдствомъ и дородствомъ, мужествомъ и красотою могли равняться съ нимъ и съ братьями его. Я видѣлъ ихъ, когда, самъ почти малолѣтный, посѣщалъ я малолѣтныхъ товарищей моихъ Голицыныхъ въ пансіонѣ аббата Николя, гдѣ они вмѣстѣ съ ними воспитывались. Съ двумя меньшими, Григоріемъ и Ѳеодоромъ Орловыми, тогда и послѣ я вовсе не былъ знакòмъ; съ двумя старшими, Алексѣемъ и Михаиломъ, весьма мало, но случалось встрѣчать ихъ въ обществахъ и говорить съ ними. Всѣ четверо взялись за военное ремесло, всѣ четверо, не съ большимъ двадцати лѣтъ, украшены были Георгіевскимъ крестомъ; двое же меньшихъ, именно тѣ, съ коими не былъ я знакòмъ, остановлены были на пути славы ядрами, оторвавшими у каждаго по ногѣ; одинъ запропастился въ Россіи, другой поселился, говорятъ, въ Италіи. Итакъ, остается мнѣ говорить лишь о старшихъ, или лучше сказать объ одномъ, и развѣ коснуться только другаго.

Завидна была ихъ участь въ юности; завиднѣе ея не находилъ я. Молоды, здоровы, красивы, храбры, богаты, но не расточительны, любимы и уважаемы въ первыхъ гвардейскихъ полкахъ, въ которыхъ служили, отлично приняты въ лучшихъ обществахъ, вездѣ встрѣчая нѣжныя улыбки женщинъ,—не знаю, чего имъ не доставало. Судьба, къ нимъ столь щедрая, спасла ихъ даже отъ скуки, которую рождаетъ пресыщеніе: они всѣмъ вполнѣ наслаждались. Имъ стоило бы только не искушать Фортуну напрасными затѣями, а съ благодарностію принимать ея дары. Старшій братъ, Алексѣй, это и дѣлалъ. А второму, Михаилу, исполненному доброты и благородства, ими дышащему, каза-

Библиотека "Руниверс"

лось мало собственнаго благополучія: онъ безпрестанно мечталъ о счастіи согражданъ и задумалъ устроить его, не распознавъ, на чемъ преимущественно оно можетъ быть основано.

Когда я гляжу на Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, нынѣ графа, мнѣ кажется, я вижу раззолоченную, богатыми тканями изукрашенную ладью. Зефиры надуваютъ парусы ея, и она спокойно и весело плыветъ по теченію величественной рѣки между цвѣтущихъ береговъ; и она будетъ столь же безпечно плыть, я увѣренъ въ томъ, до того самаго предѣла, за которымъ исчезаетъ весь родъ человѣческій. Тамъ порузится она только

Au sein de ces mers inconnues,
Où tout s'abime sans retour.

А бѣдный братъ его, какъ ладья, тяжелымъ грузомъ думъ обремененная, отважно пустился въ море предпріятій и расшибся о первый подводный камень.

Съ перваго взгляда, въ двухъ братьяхъ-силачахъ замѣтно было нѣчто общее, фамильное; но при малѣйшемъ вниманіи легко можно было разсмотрѣть во всемъ великую разницу между ними. Съ лицомъ Амура и станомъ Аполлона Бельведерскаго у Алексѣя примѣтны были мышцы Геркулесовы; какъ лучи постояннаго счастія и успѣховъ, играли румянецъ на щекахъ и вѣчная улыбка на устахъ его. Красота Михаила Орлова была строгаго стиля, болѣе мужественная, болѣе величественная. Одинъ былъ весь душа, другой весь плоть; гдѣ же былъ умъ? Я полагаю, въ обоихъ. Только у Алексѣя былъ совершенно Русскій умъ: много догадливости, смышлености, смѣтливости; онъ рожденъ былъ для одной Россіи, въ другой землѣ не годился бы онъ. Въ Михаилѣ почти все заимствовано было у Запада: въ конституціонномъ государствѣ онъ равно блисталъ бы на трибунѣ, какъ и въ боякъ; у насъ подъ конецъ былъ онъ только что сладкорѣчивымъ, пріятнымъ салоннымъ говоруномъ.

Однакоже и въ Россіи тогда уже былъ онъ хотя самымъ молодымъ, но совсѣмъ не рядовымъ генераломъ. Императоръ имѣлъ о немъ высокое мнѣніе и часто употреблялъ въ важныхъ дѣлахъ. Въ день Монмартрскаго сраженія, его послалъ онъ въ Парижъ для заключенія условій о сдачѣ сей столицы. Послѣ того отправленъ былъ онъ къ Датскому принцу Христіану, объявившему себя Норвежскимъ королемъ, дабы уразумить его и заставить примириться со Швеціей и Бернадотомъ. И такой препрославленный человѣкъ пожелалъ быть съ нами! Съ восторгомъ приняли мы его. Не знаю почему, я думаю, по плавнымъ рѣчамъ его, какъ чистыя струи «Рейна», у насъ получилъ онъ названіе сей рѣки.

Библиотека "Руниверс"

Я говорилъ и даже съ похвалою объ отсутствующемъ сынѣ Катерины Ѳеодоровны Муравьевой, Никитѣ Михайловичѣ. Послѣ войны этотъ юноша воротился къ матери, полонъ радости и надеждъ. Въ званіи офицера генеральнаго штаба года два или три сряду сражался онъ за независимость Европы; тиранъ, ее угнетавшій, палъ, и все обѣщало въ непродолжительномъ времени ей и отечеству его окончательное освобожденіе отъ всякаго поноснаго ига. Бѣдный Муравьевъ! Какъ не быть иногда фаталистомъ, когда видишь людей, которыхъ судьба какъ будто насильно, взявъ за руку, влечетъ къ бѣдамъ и погибели? Добродѣтельный отецъ Муравьева былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; злая мать его была недовольна Государемъ и вѣчно роптала на самодержавную власть; наконецъ, нечестивый Магіеръ (котораго прошу вспомнить) съ младенчества старался якобинизировать его *). Случай свелъ его въ Парижѣ съ Сіэсомъ и, что̀ еще хуже того, съ Грегуаромъ. Французская революція, точно также какъ исторія Рима и республикъ среднихъ вѣковъ читающему новому поколѣнію знакома была по книгамъ. Всѣ дѣйствующія въ ней лица унесены были кровавымъ ея потокомъ; изъ нихъ небольшое число ее пережившихъ, молніеподобнымъ свѣтомъ, разлитымъ Наполеономъ, погружено было во мракъ, совершенно забыто. Встрѣча съ Брутомъ и Катилиной не болѣе бы поразила нашихъ Русскихъ молодыхъ людей, чѣмъ появленіе сихъ историческихъ лицъ, какъ будто изъ гробовъ возставшихъ, дабы вѣщать имъ истину. Все это сильно подѣйствовало на просвѣщенный наукою, но еще незрѣлый и неопытный умъ Муравьева: онъ сдѣлался отчаяннымъ либераломъ.

Слово *либерализмъ* въ это время только что начало входить въ употребленіе. Что̀ значило оно? Въ настоящемъ смыслѣ щедрость; только оно проистекало отъ другаго слова, liberté, то есть свобода. Наши тогдашніе либералы были дѣйствительно люди щедрые, не то что̀ нынѣшніе, коимъ по большой части нечего терять. Почти всѣ тѣ, съ коими тогда я былъ знакомъ, были молодые люди съ богатымъ состояніемъ, по службѣ на прекрасной дорогѣ, которымъ въ настоящемъ порядкѣ вещей будущее сулило всякаго рода успѣхи; и всѣмъ этимъ готовы были они пожертвовать. Чему? Идеѣ. Однимъ словомъ, они готовы были, вопреки пословицѣ, промѣнять ястреба на кукушку, безсмысленно твердящую одно имя — свобода. Ими населена была гостинная госпожи Муравьевой: а какъ всѣ Арзамасцы были также частыми ея посѣтителями, то сынъ ея безъ всякаго затрудненія поступилъ въ ихъ обще-

*) Сіе повтореніе мною сказаннаго считаю необходимымъ, дабы привесть его на память читателю.

Библиотека "Руниверс"

ство. Ему одному только не помню я, какое далъ прозваніе Жуковскій.

Въ началѣ 1817 года былъ весьма примѣчательный первый выпускъ воспитанниковъ изъ Царскосельскаго Лицея; немногіе изъ нихъ остались послѣ въ безъизвѣстности. Вышли государственные люди, какъ напримѣръ баронъ Корфъ, поэты какъ баронъ Дельвигъ, военноученые какъ Вальховскій, политическіе преступники какъ Кюхельбекеръ. На выпускъ же молодаго Пушкина смотрѣли члены «Арзамаса» какъ на счастливое для нихъ происшествіе, какъ на торжество. Сами родители его не могли принимать въ немъ болѣе нѣжнаго участія; особенно же Жуковскій, воспріемникъ его въ «Арзамасѣ», казался счастливъ, какъ будто бы самъ Богъ послалъ ему милое чадо. Чадо показалось мнѣ довольно шаловливо и необузданно, и мнѣ даже больно было смотрѣть, какъ всѣ старшіе братья наперерывъ баловали маленькаго брата. Почти всегда со мною такъ было: тѣ, которыхъ предназначено мнѣ было горячо любить, на первыхъ порахъ знакомства нашего, мнѣ казались противны. Спросятъ: былъ ли и онъ тогда либераломъ? Да какъ же не быть восемнадцатилѣтнему мальчику, который только что вырвался на волю, съ пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ и кипучею Африканскою кровью въ жилахъ, и въ такую эпоху, когда свободомысліе было въ самомъ разгарѣ. Я не спросилъ тогда, за что его назвали «Сверчкомъ»; теперь нахожу это весьма кстати: ибо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ. Я здѣсь не буду болѣе говорить объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ: глава эта и такъ уже слишкомъ растянута. О, еслибъ я могъ дописаться до счастливаго времени, въ которое удалось мнѣ узнать его короче! Его хвалили, бранили, превозносили, ругали. Жестоко нападая на проказы его молодости, сами завистники не смѣли отказывать ему въ талантѣ; другіе искренно дивились его чуднымъ стихамъ, но немногимъ открыто было то, что въ немъ было, если возможно, еще совершеннѣе,—его всепостигающій умъ и высокія чувства прекрасной души его.

Показалось Орлову, что свободная стихія достаточно наполняетъ «Арзамасъ», чтобы сдѣлаться въ немъ преобладающею. Онъ задумалъ приступить къ его преобразованію и дать ему новое направленіе. Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ собрались мы на дачѣ у г. Уварова; засѣданіе открыто было въ павильйонѣ Штейна, какъ въ мѣстѣ особенно вдохновительномъ. Въ приготовленной имъ рѣчи, правильно по-русски написанной, Орловъ, осыпавъ всѣхъ насъ похвалами, съ горестію замѣтилъ, что превосходныя дарованія наши остаются безъ всякаго полезнаго употребленія. Дабы дать занятіе уму каждаго, предложилъ

Библиотека "Руниверс"

онъ завести журналъ, коего статьи новостію и смѣлостію идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи. Расширивъ такимъ образомъ кругъ дѣйствія общества, онъ находилъ необходимымъ и умножить число его членовъ; сверхъ того, предлагалъ каждому отсутствующему члену предоставить право въ мѣстѣ пребыванія его учреждать небольшія общества, которыя бы находились въ зависимости и подъ руководствомъ главнаго. Изумивъ сочленовъ своихъ неожиданностію предложеній, онъ надѣялся вырвать ихъ согласіе.

Не зная какимъ образомъ о намѣреніи его заблаговременно предупрежденный, Блудовъ отвѣчалъ ему также приготовленной рѣчью. Учтивѣе, пристойнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительнѣе нельзя дѣлать опроверженій; онъ доказывалъ ему невозможность исполнить его желаніе, не измѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ общества. Касаясь до распространенія свѣта наукъ, о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей всегда обращается въ факелъ зажигательства; и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ. Когда вспомнишь это преніе, кажется, что будущій жребій сихъ людей былъ написанъ въ ихъ рѣчахъ.

Орловъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело, и всѣ разъѣхались въ добромъ согласіи. Только съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была великихъ замысловъ; тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось вдругъ перейти отъ нея къ чисто-политическимъ вопросамъ. Два вѣка, одинъ кончающійся, другой нарождающійся, встрѣтились въ «Арзамасѣ»; какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи, люди перестали понимать другъ друга и скоро разсѣялись по лицу земли. И дѣйствительно, въ этомъ году, съ отлучкою многихъ членовъ, и самыхъ дѣятельныхъ, прекратились собранія, и «Арзамасъ» тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ. Но прежде кончины своей породилъ онъ чувство, рѣдко, никогда почти нынѣ не встрѣчаемое,—неизмѣнную, твердую дружбу между людей, которые, оказывая великія услуги государству, въ вѣкъ обмана и златолюбія, служили примѣромъ чести и безкорыстія.

Полагать должно, что въ воздухѣ бываютъ и нравственныя повальныя болѣзни: даже меня самого въ это время такъ и тянуло все къ тайнымъ обществамъ. Арзамасскія таинства, совсѣмъ не Элевзинскія, были секретомъ комедіи: мнѣ было ихъ мало. Въ домѣ у Оленина встрѣчалъ я иногда родственника его, одного Московскаго князька Волицына, который стороной, обинякомъ, иносказательно, разъ заговорилъ со мною объ удовольствіяхъ, коими люди весьма разсудитель-

Библиотека "Руниверс"

ные наслаждаются вдали отъ свѣта. Я слушалъ его со вниманіемъ, и наконецъ, онъ предложилъ мнѣ быть проводникомъ моимъ въ масонскую ложу. Я далъ ему отвезти себя въ большой домъ на Фонтанкѣ близъ Аничкова моста; тамъ въ передней далъ завязать себѣ глаза и водить сверху внизъ и снизу вверхъ по комнатамъ. Не изъ опасенія казаться нескромнымъ или нарушить клятвенное обѣщаніе, мною данное, не буду я описывать здѣсь обряда, который совершается надъ вступающими въ масонство, а потому только, что всякій можетъ это найдти въ печатныхъ книгахъ.

Хорошенько не знаю я исторіи этого ордена; усердные масоны возводятъ начало его до жрецовъ Изиды. Послѣ многихъ столѣтій Рыцари Храма обрѣли въ Іерусалимѣ таящійся его неугасаемый огнь и перенесли его въ Европу. Когда они были казнены и сожжены, слабые ихъ остатки скрылись въ Шотландіи и опять, послѣ столѣтій, возродились подъ именемъ Братства Вольныхъ Каменьщиковъ. Происхожденіе это заслуживаетъ вѣроятія, ибо Іаковъ Моле между ними почитается главнымъ святымъ мученикомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальною цѣлію ихъ учрежденія были желаніе мести и ниспроверженіе власти католическихъ государей и папы. Пока власть сія была неограничена, и они, закутанные въ аллегоріи, за непроницаемыми завѣсами ковали и изощряли на нее орудія, ихъ орденъ былъ силенъ и опасенъ. Самая цвѣтущая его эпоха предшествовала Французской революціи. Когда же, послѣ паденія престоловъ, королевская власть хотя опять и возстановлена, но въ камерахъ, въ журналахъ, въ памфлетахъ можно смѣло и явно нападать на нее, существованіе масонства сдѣлалось безсмысленно: народы не такъ уже церемонятся теперь съ царями. Къ намъ вошло масонство во второй половинѣ царствованіи Екатерины, и завелись ложи даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, между прочимъ въ Пензѣ; вскорѣ послѣ начала революціи ихъ велѣно закрыть. Такъ много было еще тогда если не невинности, то невѣдѣнія, что масонство не оставило никакихъ вредныхъ впечатлѣній, ни даже памяти по себѣ. Нашихъ добрыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ тѣшило фармазонство, и иногда замѣняло имъ камедь: они играли въ него какъ въ жмурки или въ фанты, прятались, рядились какъ о святкахъ и далѣе ничего не видѣли. Несовершеннолѣтніе народы, коихъ называютъ варварами, какъ дѣти и обезьяны, все охотно перенимаютъ и все скоро забываютъ, пока не выростутъ и не родится у нихъ собственный смыслъ, собственныя страсти. На воспитателяхъ лежитъ, кажется, обязанность удалять отъ нихъ дурные примѣры.

Послѣ Тильзитскаго мира, въ концѣ 1808 года, прошелъ слухъ о новомъ появленіи у насъ масонства. Правительство, не поощряя его,

Библиотека "Руниверс"

не мѣшало однакоже его распространенію. Оно понравилось своею новизной; любопытство, духъ братства, произведенный тогдашними обстоятельствами и перешедшій къ намъ изъ Германіи, многихъ людей привлекали къ нему. Въ Москву, въ провинціи сначала не скоро оно проникло; вся сила его сосредоточилась въ Петербургѣ. Въ немъ показались два «Востока», или двѣ главныя ложи: одна «Астрея», а другая просто называемая «Провинціальною». Между ними было соперничество, и образовался какой-то схизмъ; не достигнувъ высшихъ степеней ордена, я не могу сказать, какіе догматы произвели ихъ несогласіе. Онѣ назывались также «Ложами-матерями», и каждая изъ нихъ народила много дочерей,—Русскихъ, Француженокъ, Нѣмокъ и даже Полекъ.

Я принятъ былъ въ ложу des Amis du Nord, Французскую, какъ имя ея показываетъ, находящуюся въ зависимости отъ «Провинціальной». Работы производились въ ней, то есть обряды совершались на Французскомъ языкѣ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ отсутствующій генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Жеребцовъ. Мѣсто его заступалъ служащій въ Пажескомъ Корпусѣ полковникъ Оде де-Сіонъ, предобрѣйшій человѣкъ, который не имѣлъ ни нахальства, ни буйства націи, къ которой принадлежалъ, а всю ея веселость и довольно ума, чтобы въ пажахъ и масонахъ вмѣстѣ съ любовію вселять къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Дабы дать понятіе о составѣ сей ложи, назову я главныхъ сановниковъ ея, двухъ надзирателей и обрядодержателя.

Прево де-Люміанъ, Иванъ Ивановичъ, уже старикъ, настоящій оселъ изъ южной Франціи, ко всеобщему удивленію, въ Русской службѣ достигъ до чина генералъ-маіора, и что̀ удивительнѣе по артилеріи что̀, и еще удивительнѣе, при Екатеринѣ. Мужикъ добрый, не спѣсивый, онъ довольствовался мѣстомъ перваго надзирателя, втораго же занято было промотавшимся послѣ сыномъ графа Растопчина, Сергѣемъ. Тутъ свысока смотрѣлъ только Ѳедоръ Ѳедоровичъ, одинъ изъ пяти или шести надутыхъ братьевъ Гернгросовъ, о коихъ, кажется, уже я говорилъ. Онъ нажилъ въ карты довольно большое состояніе и сдѣлался ужаснымъ аристократомъ, во первыхъ потому, что не хотѣлъ посѣщать ни одного второстепеннаго дома въ Петербургѣ, (такъ какъ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ бралъ его иногда съ собою прогуливаться), но болѣе всего потому, что онъ женился на любимицѣ и воспитанницѣ Марьи Антоновны, прелестнѣйшей Англичаночкѣ, миссъ Салли, дочери какого-то столяра. Впрочемъ, можетъ быть, я и грѣшу, говоря о немъ всю правду, тогда какъ братъ его, находясь полковымъ командиромъ въ томъ полку, гдѣ зять мой Алексѣевъ былъ шефомъ, жилъ съ нимъ очень дружно; тогда какъ мать моя другому брату его, во время бѣгства его изъ Смоленска, дала убѣжище и пріютъ у себя

Библиотека "Руниверс"

въ деревнѣ; наконецъ, тогда какъ самъ онъ за мною всегда чрезвычайно какъ ухаживалъ. Секретаремъ былъ отставной актеръ Далмасъ; всѣ же прочіе члены въ этой Французской ложѣ почти на двѣ трети состояли изъ Русскихъ и Поляковъ.

Главная «Провинціальная» ложа состояла изъ должностныхъ лицъ всѣхъ подчиненныхъ ей ложъ, да изъ нѣсколькихъ эмеритовъ, всѣ степени ордена перешедшихъ и во всѣ сокровенныя его таинства проникнувшихъ Великимъ мастеромъ въ ней былъ графъ Михаилъ Віельгорскій, съ которымъ за годъ до того я познакомился; вторымъ же мастеромъ—Сергѣй Степановичъ Ланской, котораго слухъ тогда не былъ еще столько тупъ, какъ нынѣ, а понятія—какъ и всегда. Оба они въ томъ же качествѣ предсѣдали въ подвѣдомственной ложѣ *Елисаветы къ Добродѣтели*, въ которой, равно какъ и въ «Провинціальной», работы производились по-русски. Она должна была служить нормой, образцомъ для всѣхъ другихъ сестеръ своихъ; всѣ узаконеніями установленные обряды соблюдались въ ней съ величайшею строгостію. Въ первомъ изъ общихъ собраній, Віельгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками Храмовниковъ не пользовалось доброю славою; казалось, что нравственности моей грозитъ опасность. Никто изъ Сѣверныхъ Друзей не былъ проникнутъ чувствомъ долга истиннаго, вольнаго Каменьщика: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гульливый; съ трудомъ выдержавъ серіозный видъ во время представленія піесы, спѣшили они понатѣшиться, поѣсть, попить и преимущественно попить; всѣ материнскія увѣщанія «Провинціальной» остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе Елисаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Віельгорскаго, не встрѣтилъ я между ними ни одного человѣка уваженія достойнаго; особенно противенъ мнѣ былъ святоша ихъ, оберъ-прокуроръ Петръ Яковлевичъ Титовъ, отъявленный воръ и безстыдный взяточникъ. Лицемѣріе мнѣ всегда было гадко, а тутъ показалось оно мнѣ и глупо. Изъ чего эти люди бьются, подумалъ я, и кого они думаютъ морочить? Нѣтъ, лучше остаться съ моими Руссо-Французами.

Теперь трудно мнѣ будетъ вспомнить названія всѣхъ существовавшихъ тогда ложъ; постараюсь, однакоже, сіе сдѣлать. Подъ управленіемъ «Провинціальной», или *Владимира къ порядку*, состояли слѣдующія:

1-я *Елисаветы къ Добродѣтели* и 2-я *Сѣверныхъ Друзей*, мною уже названныя.

Библиотека "Руниверс"

3-я *Дубовая Долина*, составленная изъ однихъ Нѣмцевъ разныхъ сословій, только не нисшихъ. Они добросовѣстно, усердно занимались работами, а послѣ трудовъ отдыхали съ тою же важностію за кружками и бутылками и упивались, какъ будто не теряя разсудка.

4-я *Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей* — Русская, подъ управленіемъ втораго и послѣдняго князя Лопухина, Павла Петровича, единственнаго сына князя Петра Васильевича. Одни только военные имѣли право быть въ нее приняты. Тутъ нашелъ я Никиту Муравьева, да еще столь извѣстныхъ послѣ кавалергардскаго Лунина и двухъ Семеновскихъ офицеровъ, братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ. Для одного только фраконосца, великаго Николая Тургенева, отступлено было отъ общаго правила, и онъ тутъ также находился. Всѣ вышеназванные мною скоро перестали посѣщать ложи: масонство имъ наскучило, надоѣло, и сіе самое, кажется, доказываетъ тогдашнюю его безвинность.

5-я *Александра къ Вѣнчанному Пеликану*, въ которой были ремесленники и всякая Французская сволочь. Были еще и другія ложи, но я ихъ или не зналъ, или не помню.

Подъ управленіемъ *Астреи* было болѣе тишины и согласія, болѣе сходства съ вѣкомъ Астреи. На семъ Востокѣ царствовалъ, но не господствовалъ, Русскій вельможа, добрѣйшій человѣкъ, графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ; душею же его былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бёберъ, коренной старый Каменьщикъ, искусившійся въ дѣлахъ масонства, который умѣлъ сохранять дисциплину и порядокъ. «Астрея» была совершенная Нѣмка, ибо подвѣдомственныя ей ложи, по большей части, состояли изъ Нѣмцевъ; изъ нихъ назову я только тѣ, коихъ помню имена: *Петра къ Истинѣ*, *Михаила Избраннаго* и *Трехъ Добродѣтелей*.

Я бы себѣ не простилъ, еслибы ничего не сказалъ о великомъ мастерѣ первой, Егорѣ Егоровичѣ Эллизенѣ. Сей добродѣтельный и ученый врачъ одаренъ былъ вторымъ зрѣніемъ, съ перваго взгляда угадывалъ болѣзнь каждаго; оттого всѣ удачныя его лѣченія. Въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, подружился онъ съ семействомъ моимъ и полюбилъ мое младенчество, въ Петербургѣ потомъ, въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, былъ безвозмезднымъ моимъ цѣлителемъ: я смѣло могъ хворать, имѣя всегда готоваго спасителя, въ полдень, въ полночь, во всякое время дня. Не только когда я претерпѣвалъ крайнюю нужду, даже тогда какъ средства мои дозволяли мнѣ подносить ему дань благодарности, онъ всегда съ досадою отвергалъ ее. Послѣ наставниковъ къ добру, такихъ людей можно, кажется, почитать благодѣтелями своими.

Библиотека "Руниверс"

На волненія въ «Провинціальной» ложѣ спокойно смотрѣла соперница ея, «Астрея», и тайкомъ переманивала къ себѣ недовольныхъ ею. Сѣверные Друзья были весьма многочисленны и бурливы Что̀ удивительнаго? Между ними было много Французовъ и Поляковъ. Сперва послѣдніе взбунтовались и составили изъ себя особливую ложу, подъ именемъ *Бѣлаго Орла*; вскорѣ дурному ихъ примѣру послѣдовали и Русскіе и основали ложу *Россійскаго Орла*. Я помаленьку отставалъ отъ масонства и не зналъ, что̀ въ немъ происходитъ, какъ въ одно утро пріѣхалъ ко мнѣ Гернгросъ съ объявленіемъ, что бо́льшая часть Французскихъ членовъ нашего союза готова отдѣлиться и перейдти къ «Астреѣ», и что онъ главою этого возстанія. Почитая оппозиціей небольшія шутки, которыя изрѣдка позволялъ я себѣ надъ педантствомъ «Провинціальной», предложилъ онъ мнѣ быть участникомъ въ этой Французской революціи. Мнѣ показалось довольно смѣшно и забавно; я согласился, и мы завели ложу подъ названіемъ: des Amis réunis, *Соединенныхъ Друзей*, гдѣ и стали масонствовать по-французски. Великимъ мастеромъ выбранъ Гернгросъ, а на меня взвалили многотрудную должность втораго надзирателя. Сначала это меня нѣкоторымъ образомъ заняло, но скоро наскучило, даже огадилось, и по просьбѣ получилъ я совершенное увольненіе отъ дѣлъ. Симъ кончается исторія моего масонства, коего существованіе скоро прекратилось во всей Россіи; ибо, видя въ немъ непонятную мнѣ опасность, нѣсколько лѣтъ спустя, правительство приказало закрыть всѣ ложи.

Это многочисленное братство продолжаетъ существовать въ западныхъ государствахъ безъ связи, безъ цѣли. Ложи ни что̀ иное какъ трактиры, клубы, казино, и ихъ названія напечатаны вмѣстѣ въ *Путеводителѣ по Европѣ* г. Рейхардта. Нѣкоторая таинственность, небольшія затрудненія при входѣ въ нихъ задорятъ любопытство; разнообразные обряды и мнимое повышеніе нѣкоторое время бываютъ занимательны, и все оканчивается просто одною привычкой. У насъ въ Россіи розгнанная толпа масоновъ разсѣялась по клубамъ и кофейнымъ домамъ, размножила число ихъ, и тамъ, хотя не столь затѣйливо, предается прежнимъ обычнымъ забавамъ.

V.

Мнѣ, право, совѣстно, что въ послѣднихъ трехъ главахъ сряду говорилъ я все о себѣ и о приключавшемся со мною. Какъ быть! Предыдущіе годы были гораздо обильнѣе предметами, болѣе чѣмъ я достойными вниманія читателей моихъ. Во всей Европѣ, какъ и въ Россіи, въ наступившіе годы было или казалось все тихо. У насъ это было дѣйствіемъ успокоенія умовъ, въ другихъ земляхъ слѣдствіемъ

Библиотека "Руниверс"

усталости. Самъ императоръ Александръ какъ будто отказался отъ прежней дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ преобразованіямъ по гражданской части. За то по военной возникли новыя учрежденія, которыя въ отчаяніе приводили войско и народъ.

Неизвѣстно, Аракчеевъ подалъ ли Государю мысль о военныхъ поселеніяхъ, или, усвоивъ ее себѣ, сдѣлался ревностнымъ ея исполнителемъ и черезъ то болѣе чѣмъ когда нужнымъ Царю? Въ древности Римляне на берегахъ Рейна и въ Панноніи заводили вооруженныя колоніи, дабы защитить имперію отъ варварскихъ вторженій. Нынѣ въ Венгріи, вдоль по Дунаю, подъ именемъ Военной Границы поселены храбрые Сербскіе полки. Во дни порабощенія Россіи, ея безсилія и неустройствъ, на южныхъ предѣлахъ ея, безъ ея участія и вѣдома, сама собою встала живая стѣна, составленная изъ ратниковъ, которые удальствомъ своимъ долго изумляли окрестные края. То что́ мудрость человѣческая сдѣлала для охраненія Рима и не спасла его, Провидѣнію угодно было сотворить для насъ. Отъ обоихъ береговъ Днѣпра, отъ пороговъ его, и вдоль по тихому Дону, перстомъ Всевышняго проведена была блестящая черта; она должна была какъ межа означить будущія владѣнія возвеличенной Имъ Россіи. Когда же онѣ достигли этой грани, то черта сама собою, естественнымъ образомъ, стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находимъ ее на берегахъ Кубани и Терека, Урала и Иртыша и, наконецъ, ее видѣли на Амурѣ, до втока его въ Тихое море. Запасъ самимъ Небомъ для насъ приготовленный, за который мы не можемъ достаточно возблагодарить Его,—казачье войско сберегло намъ половину Украйны, помогло взять обратно другую и теперь въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ стоитъ вездѣ на стражѣ, какъ передовые ведеты силъ Русскихъ. Его заслуги неисчислимы.

Ничего съ нимъ общаго не могло имѣть Аракчеевское созданіе. Для чего внутри государства нужны военныя поселенія, и отъ какихъ внутреннихъ враговъ могутъ они защитить его? Вотъ вопросы, которые многіе другъ другу дѣлали. Надобно полагать, что Государь, во время послѣдняго пребыванія своего за границей, убѣдясь въ непокорномъ расположеніи западныхъ народовъ къ правительствамъ своимъ и предвидя въ будущемъ новыя безпокойства, нашелъ необходимымъ для обузданія ихъ сохранить многочисленную армію, которая нужна ему была во время общей войны. Онъ думалъ о средствахъ сдѣлать сіе безъ обремененія государства, и несчастная мысль о военныхъ поселеніяхъ представилась ему. Вѣроятно, онъ открылся въ ней Аракчееву, который, избранъ бывъ главнымъ орудіемъ въ этомъ важномъ предпріятіи, не посмѣлъ, или, скорѣе думать надобно, не захотѣлъ ее

Библиотека "Руниверс"

оспаривать. Сначала, приступая къ дѣлу медленно, Государь, какъ видно, имѣлъ намѣреніе колонизировать всю армію, которая, такимъ образомъ утроенная числомъ, сама бы себя содержала. Первый опытъ сдѣланъ надъ казенными и у помѣщиковъ на сей предметъ скупленными крестьянами въ селеніяхъ Новгородской губерніи, находящихся по близости къ владѣніямъ графа Аракчеева. Заведенный имъ въ достопамятномъ съ той поры селѣ его Грузинѣ ужасный порядокъ, превращающій людей въ безчувственныя машины, сталъ распространяться на несчастныхъ хлѣбопашцевъ, въ окрестности живущихъ, и на воиновъ, посреди ихъ селимыхъ. Въ слѣдующихъ годахъ по этому образцу заведены военныя поселенія въ Бѣлоруссіи, потомъ на Бугѣ и, наконецъ, въ Харьковской губерніи, въ Чугуевѣ. Кажется, что будущая дешевизна содержанія войскъ въ настоящемъ обходилась чрезмѣрно дорого и была раззорительна для казны. Сіе самое остановило распространеніе зла, коего несчастныя послѣдствія были бы неисчислимы. Чего бы не могли сдѣлать полтора милліона людей недовольныхъ, измученныхъ, выведенныхъ изъ терпѣнія, съ оружіемъ въ рукахъ?

Примѣръ казаковъ безъ всякаго пособія, безъ всякаго надзора образовавшихся, первоначально долженъ былъ породить мысль о семъ чудовищномъ учрежденіи. Искусство въ этомъ случаѣ, подражая природѣ, думало превзойдти ее. Произведеніе ея, совокупно съ обстоятельствами, казаки были какая-то особая стихія, въ составъ коей вошли всѣ другія. У нихъ все было свободно какъ степной воздухъ, коимъ они дышали; въ сердцахъ и взорахъ ихъ не угасалъ огонь отваги, движенія ихъ были быстры, какъ теченіе рѣкъ, по коимъ они селились, и между тѣмъ какъ земля ихъ, покорная законамъ той же природы, и они непринужденно повиновались властямъ надъ ними поставленнымъ. А тутъ бѣдные поселенцы осуждены были на вѣчную каторгу. Два состоянія между собою различныя впряжены были подъ однимъ ярмомъ: хлѣбопашца приневолили взяться за ружье, воина за соху. Русскій человѣкъ, трудолюбивый и безпечный вмѣстѣ, послѣ работы вмѣсто отдыха любитъ погулять на свободѣ. Что̀ за дѣло, если изба его не слишкомъ чиста, лишь бы, по пословицѣ, красна она была пирогами. Отъ всего несчастные должны были отказаться: все было на Нѣмецкій, на Прусскій манеръ, все было счетомъ, все на вѣсъ и на мѣру. Измученный полевою работой, военный поселянинъ долженъ былъ вытягиваться во фронтъ и маршировать; возвратясь домой, онъ не могъ находить успокоенія: его заставляли мыть и чистить избу свою и мести улицу. Онъ долженъ былъ объявлять о каждомъ яйцѣ, которое принесетъ его курица. Что̀ говорю я! Женщины не смѣли родить дома: чувствуя приближеніе родовъ, онѣ должны были являться въ штабъ.

Библиотека "Руниверс"

Жестокости Аракчеева не всѣмъ Русскимъ могли быть понятны: его безсердіе было чисто-Нѣмецкое. Онъ любилъ ломать безсильныя препятствія, неволить человѣческую натуру и все подводить подъ одинъ уровень. Всѣ выше мною означенныя подробности принадлежатъ ему исключительно, про многія изъ нихъ не вѣдалъ Царь. Терпѣніе, коимъ одарены Русскіе, у военныхъ поселянъ иногда лопалось: бывали сильныя возмущенія, за которыми слѣдовали кровавыя усмиренія ихъ *).

Между происшествіями въ мирное время важное мѣсто занимаетъ всякая перемѣна министра, и я долгомъ считаю ихъ означить здѣсь.

Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, фельдмаршала князя Салтыкова, не смотря на неудовольствія, которыя имѣли на него, не хотѣли тревожить, не трогали его съ мѣста, со дня на день все ожидая, что, какъ ветхое зданіе, онъ самъ собою разрушится: дѣйствительно, онъ не заставилъ долго ожидать кончины своей. На его мѣсто, въ концѣ 1816 года, назначенъ свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, умный человѣкъ, опытный и свѣдущій въ дѣлахъ, бывшій генералъ-губернаторомъ, генералъ-прокуроромъ и министромъ юстиціи, но состарѣвшійся и слабѣющій. Такой именно предсѣдатель и нуженъ былъ Аракчееву, который одинъ тогда входилъ съ докладами къ Александру, по Совѣту и по Комитету Министровъ, и который во всѣ остальные годы его царствованія могъ почитаться первымъ министромъ.

Въ необычайное время, когда сношенія Русскаго правительства съ иностранными державами превратились болѣе въ личные переговоры Императора съ Европейскими государями, нѣкоторымъ образомъ долженъ былъ измѣниться существовавшій по сей части порядокъ. Управленіе Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ какъ будто отдѣлилось отъ чисто-дипломатической части, и пока старшій чиновникъ первой, Дивовъ, управлялъ ею, два статсъ-секретаря подъ личнымъ наблюденіемъ Александра въ Вѣнѣ и Парижѣ занимались послѣднею.

Я почти мимоходомъ упомянулъ о безпримѣрно-долговѣчномъ министрѣ Нессельроде; здѣсь, кажется, мѣсто подробнѣе говорить о причинахъ возвышенія его и постоянства, съ коимъ сохраняетъ онъ пріобрѣтенное имъ положеніе. Есть люди самые обыкновенные, коихъ имя слѣпой случай какъ бы на зло природѣ дѣлаетъ всемірно-извѣстнымъ, примѣшивая его ко всѣмъ важнымъ событіямъ исторіи ихъ времени. Ихъ краткая біографія можетъ сдѣлаться занимательною.

---

*) Въ разныя времена бываютъ у насъ явленія, нѣкоторымъ образомъ между собою схожія. Напримѣръ устройство Государственныхъ Имуществъ нѣсколько напоминаетъ собою военныя поселенія. Всѣ эти испытанія, всѣ эти попытки преобразовать Россію суть настоящая для нея пытка. О, эти Европа и просвѣщеніе! Они для насъ тоже, что свобода для западныхъ народовъ: сколько ужасовъ и мерзостей ихъ именемъ творится!

Библиотека "Руниверс"

Одинъ изъ членовъ младшей линіи (на берегахъ Рейна) знаменитѣйшаго дома Нессельроде-Эресговенъ, графъ Вильгельмъ, вступилъ въ Русскую службу при Екатеринѣ. Образованность, любезность его доставили ему много успѣховъ при ея дворѣ, и онъ отправленъ былъ ею чрезвычайнымъ посланникомъ въ Лиссабонъ. Неизвѣстно, нужда ли, бѣдность, или любовь заставили его вступить въ неравный бракъ съ дочерью Франкфуртскаго банкира, Еврея Гонтара. Только надобно полагать, что въ Россіи былъ онъ уже женатъ; ибо во время морскаго путешествія на Англинскомъ кораблѣ, почти въ виду Лиссабонскаго рейда, родился нашъ герой, Карлъ Васильевичъ, сынъ его. По нуждѣ, слабаго ребенка поспѣшили на кораблѣ окрестить въ Англиканскую вѣру, въ которой онъ и поднесь остается. Отецъ его былъ протестантъ Лютеранской вѣры, а мать изъ Іудейской недавно перешла въ Римско-Католическую; жена и дѣти его Православныя. Сіе семейство, также какъ и Невскій проспектъ, можетъ служить доказательствомъ достойной похвалы и уваженія вѣротерпимости въ нашей землѣ и въ нашемъ вѣкѣ. Пожалуй, есть люди, которые находятъ въ этомъ совершенное равнодушіе къ вѣрѣ.

Въ изъявленіе особеннаго благоволенія своего къ отцу, Екатерина новорожденнаго сына его пожаловала прямо мичманомъ. Какъ бы изъ волнъ морскихъ возникшій маленькій Тритонъ, Нессельроде, еще въ пеленкахъ, посвященъ былъ бурной стихіи, среди коей родился. Павелъ Первый былъ еще милостивѣе къ этому семейству, и почти малолѣтнаго мичмана взялъ къ себѣ флигель адъютантомъ и перевелъ поручикомъ въ конную гвардію. Но скоро въ юношѣ оказалось совершенное отсутствіе воинственныхъ доблестей, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ; за то произвели его въ дѣйствительные камергеры, то-есть въ четвертый классъ. Тутъ начинается темная эпоха его жизни; объ немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ послѣ Тильзитскаго мира является онъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ. Пробывъ тамъ не болѣе трехъ лѣтъ, предпочелъ онъ находиться въ канцеляріи графа Румянцова. Что могло заманить его туда? Уже вѣрно не ласки канцлера, который о умѣ и способностяхъ его имѣлъ самое невысокое мнѣніе. Можетъ быть, чутье, съ коимъ дѣти Израиля слышатъ близость клада; можетъ быть, тайныя предчувствія ожидающихъ его успѣховъ.

Они не обманули его. Изъ разныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для хорошаго дипломата, усовершенствовалъ онъ себя только по одной части: познаніями въ поваренномъ искуствѣ доходилъ онъ до изящества. Вотъ чѣмъ умѣлъ онъ тронуть сердце перваго гастронома въ Петербургѣ, министра финансовъ Гурьева. Зрѣлая же, немного пере-

Библиотека "Руниверс"

зрѣлая дочь его, Марья Димитріевна, какъ сочный плодъ висѣла гордо и печально на родимомъ деревѣ и безпрепятственно дала Нессельроду сорвать себя съ него. Золото съ нею на него посыпалось; золото, которое для такихъ людей, какъ онъ, тоже что̀ магнитъ для желѣза.

Зачѣмъ вскорѣ послѣ свадьбы отправился онъ въ армію къ Барклаю? На этотъ вопросъ буду отвѣчать какъ Малороссіяне: «не скажу», то-есть не знаю; вѣроятно по тѣмъ же предчувствіямъ, которыя влекли его въ Петербургъ. Въ предыдущей части разсказалъ уже я, какъ сама судьба всунула его въ руку побѣдоноснаго Александра, и какъ пригодился онъ ему въ Парижѣ, гдѣ передъ этимъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Утверждаютъ, что по возвращеніи своемъ оттуда въ 1814 году, Государь на счетъ Нессельроде согласный съ мнѣніями канцлера Румянцова, сказалъ сему послѣднему: «Вы отказались отъ службы; я не хотѣлъ вамъ дать преемника, самъ поступилъ на ваше мѣсто, а по дорогамъ беру съ собою только писца.»

Въ толпѣ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ писецъ игралъ самую низшую ролю. Нельзя было Государю того не замѣтить, и онъ избралъ ему сотрудника, который превосходствомъ своимъ долженъ былъ раздавить Нессельроде; но, по странному стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ и сей соперникъ былъ для него не опасенъ. По окончаніи послѣдней войны съ Наполеономъ, Нессельроде назначенъ управляющимъ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, какъ будто на мѣсто чиновника ея Дивова; заграничная же часть осталась въ рукахъ графа Каподистріи.

Этого человѣка лично я не зналъ, никогда его даже не видывалъ; не со многими былъ онъ коротко знако̀мъ, но отъ сихъ немногихъ много я объ немъ наслышанъ. Боюсь, какъ бы не соврать, говоря о столь важномъ историческомъ лицѣ, но и умолчать о немъ не могу.

Послѣ паденія Венеціанской республики, принадлежавшіе ей Іоническіе острова поступили если не въ подданство, то подъ непосредственное покровительство Россіи, что̀ одно и тоже. Слава этого полезнаго пріобрѣтенія принадлежитъ Павлу Первому, и конечно это одно уже должно смягчить приговоръ надъ нимъ нашего потомства. Мои современники столь же равнодушно посмотрѣли на сіе достославное происшествіе его царствованія, какъ и на уступку владычества надъ сими островами Франціи, сдѣланную сыномъ его при заключеніи Тильзитскаго мира: мнѣ не случилось слышать, чтобы кто-нибудь пожалѣлъ о томъ. Мы еще были весьма не сильны въ Исторіи и въ дѣлахъ внѣшней политики. Когда Англія, которая вскорѣ потомъ присвоила себѣ Іоническіе острова, съ тѣмъ чтобы никогда не возвращать намъ ихъ, — когда

Библиотека "Руниверс"

Англія, говорю я, хорошенько проучитъ насъ, тогда мы будемъ умнѣе и лучше будемъ понимать наши выгоды.

Извѣстно, что Венеціанскіе нобли отвергали всякія титла, каждый изъ нихъ почитая себя частицею достатства или герцогства Венеціанскаго, и что они щедро раздавали графское достоинство подданнымъ республики, живущимъ вдоль Адріатическаго моря *). Уроженецъ изъ Корфу, неимущій графъ Іоаннъ Каподистрія (у насъ Иванъ Антоновичъ), въ Болонскомъ университетѣ, говорятъ, сперва, учился медицинѣ и едва ли не получилъ докторскаго диплома. Ему бы стоило отправиться въ Турцію и практиковать тамъ, чтобы нажить великое богатство; но онъ не имѣлъ склонности къ сему, впрочемъ, столь почтенному и полезному дѣлу. Высокій умъ соединялся въ немъ съ благородствомъ чувствъ и безпримѣрнымъ безкорыстіемъ: онъ казался выходцемъ изъ древней Греціи и современникомъ Аристида. Кажется, въ это время отечество его, освободясь отъ черствaго ига все болѣе ниспадающей республики, познало надъ собой покровительственную власть великой имперіи. Въ это время всѣ восточные христіане, еще не обманутые въ своихъ надеждахъ, видѣли въ Россіи будущую свою спасительницу, а во всѣхъ Русскихъ сердцу милыхъ братій, которымъ одна необходимость препятствуетъ только летѣть къ нимъ на помощь. Каподистрія вступилъ въ Русскую службу, не покидая Корфу.

Ни Итальянское, ни Французское, ни Англинское владычество не приходились по сердцу жителямъ Кефалоніи, Корфу и Занте, кореннымъ Грекамъ. Имъ гораздо радостнѣе было съ сѣверными единовѣрцами своими, которые принесли имъ съ собою жизнь и упованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они, такъ же какъ и Каподистрія, подъ патронатствомъ Россіи, видѣли въ себѣ починъ, зародышъ новой Греціи. Англія, которая, какъ жадный Ахеронъ, никогда изъ рукъ не выпускаетъ добычи своей, истребила въ нихъ всю надежду. Дабы увидѣть по крайней мѣрѣ тѣнь ея на берегахъ Невы, Каподистрія переселился въ Петербургъ. Онъ не показывался въ большихъ обществахъ, за то въ маломъ кругу, который посѣщалъ, возбуждалъ онъ энтузіазмъ. Онъ былъ еще молодъ; не столько красивыя и правильныя черты, сколько благородство ихъ выраженія дѣлали его примѣчательнымъ; высокая наука не пугала въ немъ, а нравилась. Канцлеръ Румянцовъ умѣлъ оцѣнить его достоинства и старался о скорѣйшемъ его повышеніи. Въ это время сблизился онъ съ семействомъ Молдавскаго бояра Стурдзы, коего

*) Мнѣ въ Петербургѣ давалъ уроки Итальянскаго языка нѣкто Варука, который, вмѣсто того чтобы хвастать своимъ графскимъ титуломъ, совѣстился признаваться въ неоспоримыхъ правахъ, которыя на него имѣлъ, и сердился, когда ему о томъ напоминали.

Библиотека "Руниверс"

жена была Гречанка, а дѣти обоего пола имѣли столь много разнообразныхъ познаній, что могли составить изъ себя семейную академію.

Тутъ прерываются свѣдѣнія мои о немъ: гдѣ былъ онъ употребленъ потомъ за границей, какія услуги оказалъ Россіи, мнѣ невѣдомо; знаю только, что въ концѣ 1813 года былъ онъ посланникомъ нашимъ въ Швейцаріи. При императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ находилась тогда за границею любимая фрейлина ея Роксандра Скарлатовна Стурдза, одна изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ, которыхъ я зналъ. Съ воображеніемъ пламеннымъ, имѣла она великую наклонность къ мистицизму, что̀ въ Вѣнѣ сблизило ее съ самимъ Александромъ. По связямъ ея семейства съ Каподистріей, она втайнѣ прочила его себѣ мужемъ и рѣшилась говорить о немъ Государю, который дотолѣ вовсе его не зналъ. По ея совѣту, для испытанія вызвалъ онъ его на конгрессъ и оставилъ его потомъ при себѣ вторымъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ.

Тогда же назначенъ бы онъ былъ министромъ; но, къ сожалѣнію, онъ не зналъ Русскаго языка и, какъ выше я сказалъ, долженъ былъ съ Нессельроде раздѣлять управленіе сею частью. Они оба ходили вмѣстѣ съ докладомъ къ Государю; но послѣдній при немъ присутствовалъ безсловесно. Самолюбіе его должно было жестоко страдать; но не знаю, лестно ли было и Каподистріи сотоварищество его. Безпрестанно сличая сихъ людей между собою, императоръ Александръ невольнымъ образомъ одному изъ нихъ оказывалъ явное предпочтеніе.

По Военному Министерству, коего настоящею главой продолжалъ быть начальникъ штаба князь Волконскій, послѣдовала небольшая перемѣна. Военный министръ графъ Коновницынъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ инспекторъ всей артиллеріи, баронъ Петръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельской, который, вѣрно, былъ добрый человѣкъ, ибо его никто не бранилъ. Похвалъ ему слышалъ я также мало, а только много насмѣшекъ на счетъ его необъятной толщины и зрителей въ ужасъ приводившаго обжорства.

Въ тоже время Министерство Народнаго Просвѣщенія наскучило богатому и гордому графу Разумовскому, который давно уже вздыхалъ о Московскомъ дворцѣ своемъ и о подмосковномъ замкѣ и сталъ проситься въ отставку. Кого было дать ему преемникомъ? Свобода и христіанство были паролемъ и лозунгомъ того времени: одна должна была умѣряема быть другимъ. Дабы дать юношеству нѣкоторымъ образомъ духовное образованіе, избранъ былъ любимецъ государевъ, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь Александръ Николаевичъ, который влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ. Мнѣ почти нечего сказать послѣ всего, что̀ уже говорилъ я объ немъ; могу только

Библиотека "Руниверс"

прибавить, что даже нашихъ знатныхъ людей прежняго времени, столь образованныхъ для свѣта, превосходилъ онъ любезностію и невѣжествомъ.

Малое министерство, коимъ онъ управлялъ, оставлено ему было въ приданое и въ соединеніи съ большимъ составило Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, раздѣленное на два департамента. Директоромъ перваго назначенъ уже управлявшій сею частью Александръ Тургеневъ. Въ этомъ департаментѣ положено быть четыремъ отдѣленіямъ: 1-е для дѣлъ православныхъ, 2-е для Римско-католическихъ, 3-е для протестантскихъ, 4-е для магометанскихъ и Еврейскихъ. Итакъ, Голицыну съ Тургеневымъ удалось господствующую вѣру сравнять не только съ другими терпимыми, но даже съ нехристіанскими; на негодованіе, на ропотъ нашего духовенства эти люди не обратили вниманія. До полученія званія министра, Голицынъ продолжалъ сохранять должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода; тутъ на свое мѣсто избралъ онъ князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, нѣкоторымъ образомъ подчинивъ его департаменту духовныхъ дѣлъ. Должности у насъ, такимъ образомъ, часто подвергаются возвышенію и пониженію курса.

Въ департаментъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ директоромъ Василій Михайловичъ Поповъ, кроткій изувѣръ, смирный, простой человѣкъ, котораго однакоже именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія. Забавно подумать (если можно только назвать сіе забавнымъ), что оба директора чуждались ввѣренныхъ имъ частей: Тургеневъ весь занятъ былъ обществомъ и происками, а Поповъ помышлялъ единственно о дѣлахъ религіозныхъ. Онъ былъ слѣпымъ орудіемъ «Библейскаго Общества», которое не скрывало своего намѣренія, разливая свѣтъ Божественной книги, разсѣять тьму нелѣпостей и суевѣрій, называемыхъ Греко-Каѳолическимъ Восточнымъ исповѣданіемъ. Усердствуя соединенію вѣръ, о чемъ непрестанно молится наша церковь, онъ, вмѣстѣ съ министромъ своимъ, сдѣлался гонителемъ ихъ и покровителемъ всѣхъ сектъ. Размноженіе ихъ послѣдователей, во время управленія Голицына, было неимовѣрное.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, примѣру Разумовскаго послѣдовалъ другой Украинецъ, Трощинскій: онъ былъ правъ. Въ первые полтора года царствованія Александра, по гражданской части былъ онъ ближайшимъ къ нему человѣкомъ. Въ 1806 году вышелъ онъ въ отставку, а въ 1814 опять вступилъ министромъ юстиціи. Но съ 1812 года, исключая двухъ или трехъ, министры никогда не видѣли Царя: всѣ доклады ихъ шли черезъ Аракчеева. Никакая награда, никакое отличіе не ознаменовали тогда вниманія Государя къ Трощинскому; онъ былъ старъ и богатъ

Библиотека "Руниверс"

и, можно сказать, бросилъ службу. Кому было поступить на его мѣсто, если не человѣку, для котораго суетливость и нѣкоторый кредитъ при дворѣ были необходимостью. Старикъ, который никогда не бывалъ въ гражданской службѣ, во время послѣдней всеобщей войны занимавшійся только формированіемъ полковъ и послѣ того остававшійся безъ дѣла, бѣшеный Димитрій Ивановичъ Лобановъ, князь Тильзитскаго мира, по рекомендаціи Аракчеева, назначенъ былъ министромъ юстиціи. Не понимаю, какъ рѣшился Государь вручить вѣсы правосудія разъяренной обезьянѣ, которая кусать могла только не впопадъ.

Въ эти годы одному удачному выбору, сдѣланному Государемъ, съ радостію рукоплескали обѣ столицы, дворяне и войска. Нужно было въ примиренную съ нами Персію отправить посла, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ главное управленіе въ Грузіи. Избранный по сему случаю представитель Россіи, однимъ видомъ, однимъ орлинымъ взглядомъ своимъ могъ уже дать высокое о ней понятіе, а простымъ обращеніемъ, вмѣстѣ со страхомъ, между Персіянами поселить къ ней довѣренность. Умъ и храбрость, добродушіе и твердость, высокія дарованія правителя и полководца, а паче всего неистощимая любовь къ отечеству, къ отечественному и къ соотечественникамъ, все это встрѣтилось въ одномъ Ермоловѣ. Говоря о семъ истинно-Русскомъ человѣкѣ, нельзя не употребить простаго Русскаго выраженія: онъ на все былъ гораздъ. При штурмѣ Праги мальчикомъ схватилъ онъ Георгіевскій крестъ, при Павлѣ не служилъ, а потомъ вездѣ, гдѣ только Русскіе сражались съ Наполеономъ, вездѣ войска его громилъ онъ своими пушками. Его появленіемъ вдругъ озарился весь Закавказскій край, и десять лѣтъ сряду его одно только имя горѣло и гремѣло на цѣломъ Востокѣ. Его наружность и превосходныя качества изображать здѣсь не буду, въ надеждѣ сдѣлать сіе, когда буду описывать время, въ которое осчастливленъ былъ его личнымъ знакомствомъ.

Желая что-нибудь предоставить Нессельроде, Коподистрія не хотѣлъ входить ни въ какія распоряженія при отправленіи посольства въ Персію. Имя Ермолова было весьма привлекательно; но онъ объявилъ, что возметъ съ собою только тѣхъ дипломатовъ, которыхъ ему дадутъ, не участвуя въ ихъ выборѣ. Дашковъ пожелалъ быть совѣтникомъ этого посольства, и Нессельроде, не видавъ еще его, далъ было слово назначить его на сіе мѣсто. Но превосходство ума всегда пугаетъ людей ничтожныхъ. Переговоривъ съ Дашковымъ, Несельроде началъ дѣлать затрудненія, представилъ къ утвержденію совѣтникомъ одного г. Соколова, старѣе его чиномъ, несноснаго невѣжду, а ему велѣлъ сказать: не хочетъ ли онъ быть секретаремъ посольства, зная, что тотъ

Библиотека "Руниверс"

откажется. Черезъ полтора года графъ Каподистрія самъ предложилъ ему въ качествѣ совѣтника отправиться въ Константинополь.

Въ первый разъ послѣ пожара, осенью 1816 года, Государь посѣтилъ Москву, которая изъ развалинъ начинала подыматься. Онъ оказалъ себя въ ней чрезвычайно милостивымъ и щедрымъ. Одинъ указъ, имъ подписанный тамъ, всѣхъ крайне удивилъ. Въ немъ было сказано, что по дошедшимъ невыгоднымъ слухамъ о Сперанскомъ и Магницкомъ, они были удалены отъ должностей, но дабы дать имъ возможность оправдать себя, назначаются они: первый гражданскимъ губернаторомъ въ Пензу, а послѣдній вице-губернаторомъ въ Симбирскъ. Они были не только отставлены, они были сосланы, слѣдовательно, наказаны; за что же, неужели по однимъ только подозрѣніямъ? А это походило на право выслуги, дарованное разжалованнымъ. Вмѣсто того, чтобъ объясниться, это дѣло стало еще темнѣе.

О Сперанскомъ совсѣмъ почти забыли, а когда вспомнили, то уже начали жалѣть о немъ. Не знаю, назвать ли это добродушіемъ Русскихъ или слабодушіемъ ихъ? Онъ два года прожилъ въ Перми, никѣмъ почти не посѣщаемый; но человѣкъ съ высокими думами уединеніе всегда предпочтетъ обществу необразованныхъ людей. Въ бездѣйствіи, въ унынія, онъ обратился, говорятъ, къ Богу, къ Подателю всѣхъ утѣшеній и занялся переводомъ *Подражанія Іисусу Христу* Ѳомы Кемпійскаго. Я стараюсь увѣрить себя, что тутъ не было лицемѣрія, желанія сблизиться вновь съ набожнымъ Императоромъ. Онъ не нажилъ богатства; все имущество его состояло въ небольшой деревнѣ близъ Новагорода, въ которую, по ходатайству сосѣда-Аракчеева, дозволено ему было переселиться. Оттуда, вѣроятно, пошли переговоры. Изо всѣхъ отдаленныхъ губерній мысль о Пензѣ его менѣе пугала: она находилась внѣ большихъ путевыхъ сообщеній; ея уединеніе, здоровый воздухъ ему нравились; тамъ же находилось преданное ему семейство Столыпиныхъ. Теперь нѣсколько словъ о его предмѣстникѣ.

Въ 1815 году скончалась княгиня Варвара Васильевна Голицына. Изъ собственныхъ доходовъ удѣляла она бо́льшую часть сыну своему, дабы онъ могъ княжески поддерживать губернаторство свое; съ ея смертію лишился онъ этихъ средствъ. Дворянамъ между тѣмъ успѣли надоѣсть его совсѣмъ незабавныя проказы. Онъ ничѣмъ не занимался; Арфаловъ же, бывшій секретарь отца моего, въ Пензѣ самъ и правилъ, самъ и грабилъ (какъ Вяземскій сказалъ о Пестелѣ), и величался надъ дворянствомъ, которое начало громко роптать и самому губернатору оказывать холодность и пренебреженіе. И безъ того уже скучалъ онъ обязанностію жить въ Пензѣ: у всѣхъ этихъ Голицыныхъ не было никакого постоянства ни въ мысляхъ, ни въ дѣйствіяхъ; однѣ прихоти

Библиотека "Руниверс"

всегда смѣнялись другими. Въ началѣ лѣта 1816 года князь Григорій Сергѣевичъ по просьбѣ уволенъ отъ службы, и мѣсто, имъ занимаемое болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ него оставалось праздным. Видно, тогда уже намѣрены были назначить Сперанскаго.

Вспоминая прошедшее, мнѣ какъ будто не вѣрилось. По извѣстіямъ изъ Пензы, Сперанскій полюбился тамъ своею кроткою и умѣренною обходительностію. Управленіе ладьею послѣ стопушечнаго корабля не могло казаться важнымъ опытному моряку: оттого-то онъ мало входилъ въ дѣла, подобно предмѣстникамъ своимъ предоставляя большую власть Арфалову, въ которомъ помѣщики начинали уже видѣть неизбѣжную судьбину. Губернаторское мѣсто почиталъ Сперанскій почетною для себя ссылкой. Въ этомъ случаѣ я согласенъ былъ съ его мнѣніемъ и находилъ, что опредѣленіемъ его оно болѣе унижено чѣмъ возвышено.

Возвращаясь къ Пензѣ, мнѣ самому передъ собой дѣлается совѣстно: ибо, давно не говоря ни слова о моемъ семействѣ, я какъ будто совсѣмъ его забылъ. Въ это спокойное время никакихъ большихъ перемѣнъ въ немъ не послѣдовало, исключая одной, о которой буду говорить ниже. Братъ и вторая сестра моя съ мужемъ продолжали за границей пользоваться огромнымъ содержаніемъ, жили тамъ припѣваючи, свободно разъѣзжали изъ Мобёжа и Ретёля въ Парижъ и Брюссель, одимъ словомъ, катались по Франціи, какъ сыръ въ маслѣ. Все болѣе старѣющая мать моя терпѣливѣе переносила вѣчную разлуку съ единственнымъ другомъ сердца своего. Старшая сестра моя, Елисавета, находясь при ней неотлучно, одна заботилась объ ея успокоеніи. Ей перешло гораздо за сорокъ лѣтъ, и она имѣла уже всѣ маленькія слабости старыхъ дѣвокъ, между коими маленькое тщеславіе занимало не послѣднее мѣсто. На публичныхъ балахъ Сперанскій всегда открывалъ ихъ съ нею Польскимъ, а у себя водилъ къ столу, какъ старшую въ чинѣ по матери. Это дѣлало ее совершенно счастливою, и она осталась понынѣ самою сильною защитницей незабвеннаго Михаила Михайловича.

Меньшая сестра моя, Александра, Москву и Петербургъ видѣла только мелькомъ и всю жизнь провела въ провинціи; въ ней было нѣсколько странностей, но и въ нихъ не было ничего столичнаго. Ей уже исполнилось двадцать пять лѣтъ, и я полагалъ, что ее ожидаетъ одинаковая участь съ старшею сестрой; однакоже она умѣла сыскать себѣ жениха въ Пензѣ.

Отъ времени до времени, на показъ читателямъ, все вытаскиваю я Пензенскихъ дворянъ и все не могу кончить, потому что я дѣлаю сіе только въ случаѣ крайней необходимости. Я не гово-

Библиотека "Руниверс"

рилъ еще о семействѣ Юматовыхъ, состоявшемъ изъ матери-вдовы, трехъ замужнихъ дочерей и трехъ сыновей. Старшій, Степанъ Ивановичъ, былъ женатъ, второй, Димитрій, былъ сумасшедшій; а третій, Петръ, еще чрезвычайно молодъ. У нихъ, вмѣстѣ у матери съ дѣтьми, было болѣе полуторы тысячъ душъ въ Саратовской губерніи, гдѣ лѣтомъ жили они въ родовомъ селеніи Юматовкѣ, а на зиму пріѣзжали въ Пензу. Анна Димитріевна Юматова была предобрѣйшая женщина, за то уже черезчуръ проста. Разъ случилось, что одинъ учитель изъ гимназіи, желая похвастаться ученостью, разсказывалъ при ней, какъ городъ Помпею завалило пепломъ изъ Везувія, и она нѣсколько ночей потомъ не могла заснуть въ безпокойствѣ, чтобы подобная бѣда не случилась съ Пензой. Никакого воспитанія дѣтямъ она не дала и не могла дать; только меньшой, семнадцатилѣтній мальчикъ, съ ополченіемъ ходилъ на войну, былъ въ Дрезденѣ, въ Лейпцигѣ и въ Гамбургѣ и между военными за границей немного понатерся. Возвратясь изъ похода, сдѣлался онъ первымъ Пензенскимъ танцовщикомъ и франтомъ. Онъ какъ-то полюбился сестрѣ моей и предложилъ ей руку. Мать моя не хотѣла согласиться по многимъ причинамъ: вопервыхъ потому, что надъ семействомъ Юматовыхъ смѣялся весь городъ, и потому, что женихъ четырьмя годами моложе невѣсты былъ только что коллежскій секратарь, а чинъ въ это время былъ еще преважное дѣло. У насъ пошла о томъ переписка, и я старался склонить мою мать на согласіе, представляя ей, что для дѣвицы, начинающей перезрѣвать, хорошій дворянинъ, добрый человѣкъ, имѣющій пять сотъ душъ, можетъ почитаться находкой. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1816 года совершился сей бракъ.

VI.

Лѣто тысяча восемь сотъ-семнадцатаго года ознаменовано было у насъ однимъ событіемъ, которое всѣ почитали тогда весьма обыкновеннымъ, но которое имѣло важныя послѣдствія для Россіи.

Въ началѣ 1814 года молоденькій великій князь Николай Павловичъ, съ меньшимъ братомъ, проѣзжая черезъ Берлинъ, во время отсутствія короля, во дворцѣ его былъ угощаемъ его семействомъ. Тутъ первый разъ въ жизни влюбился онъ въ старшую дочь его и умѣлъ понравиться сей только изъ ребячества выходившей принцессѣ Шарлоттѣ. Дѣтская любовь сія не потухла, а скоро превратилась въ серіозную, въ настоящую. Дружественныя связи Императора съ королемъ брачный союзъ между ихъ семействами дѣлали возможнымъ, и въ 1816 году всѣ говорили о немъ какъ о дѣлѣ полаженномъ. Но главѣ сильнаго госу-

Библиотека "Руниверс"

дарства, еще усиленнаго новыми пріобрѣтеніями, королю, искренно привязанному къ Лютеранскому исповѣданію, дать дочери своей дозволеніе оставить оное, конечно, должно было казаться великимъ пожертвованіемъ. Надобно полагать, что въ замѣнъ того тогда же тайно условлено было, чтобы великому князю быть непосредственнымъ наслѣдникомъ Императора, мимо Цесаревича.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхала невѣста въ сопровожденіи брата своего, принца Вильгельма; 25 числа, въ день рожденія жениха, было обрученіе, муропомазаніе ея и нарѣченіе Александрой Ѳеодоровной, а 1 Іюля, въ день ея рожденія, была свадьба. Я смотрѣлъ въ открытое окно на торжественный въѣздъ ея: особая честь, которую хотѣли оказать, дабы отличить ее отъ другихъ пріѣзжающихъ въ Россію принцессъ, но которая послѣ, дабы другимъ не было завидно, всѣмъ была отдаваема. Въ открытой коляскѣ сидѣла она между двухъ Императрицъ; миленькое личико ея казалось слегка нахмуреннымъ; вмѣстѣ съ любопытствомъ выражало оно тотъ невольный страхъ, который молоденькія дѣвочки должны испытывать при совершенной перемѣнѣ жизни, при вступленіи въ новое семейство, въ новую отчизну. Всѣ смотрѣли на нее съ нѣжнѣйшимъ участіемъ, вспоминая добродушіе, красоту и несчастія ея матери.

Сзади верхомъ, рядомъ съ Прусскимъ принцемъ, ѣхалъ Государь съ видомъ чрезвычайно-довольнымъ. За нимъ слѣдовалъ Николай Павловичъ. Русскіе тогда еще мало знали его; едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія. Не при немъ онѣ накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію; но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны были потрясать міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы, буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагосклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно-писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ

Библиотека "Руниверс"

любимъ. И даже въ этотъ день ликованья царской семьи я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе.

Вскорѣ послѣ увеселеній по случаю сего брака, одинъ изъ общихъ друзей нашихъ, Жуковскій, опредѣленъ былъ преподавателемъ Русскаго языка къ молодой великой княгинѣ. На сіе мѣсто императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и безъ того милостиво къ нему расположенной, рекомендованъ былъ онъ Карамзинымъ, который, съ семействомъ совсѣмъ переселясь въ Петербургъ, начиналъ уже имѣть великій вѣсъ у Государя и у его матери. Жуковскій понравился новобрачной четѣ и сдѣлался близкимъ къ ней человѣкомъ. По его словамъ, ничего не могло быть трогательнѣе какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому, радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими. Жуковскій скоро и крѣпко прилѣплялся къ тѣмъ, кои оказывали ему любовь, и охотно готовъ былъ всѣхъ хвалить. Вотъ отчего, хотя говорилъ онъ сущую истину, не совсѣмъ ему вѣрили. Я вообще замѣтилъ, что всѣ тѣ, кои пользуются семейнымъ домашнимъ счастіемъ, берегутъ его про себя какъ святыню, и блаженствомъ своимъ не спѣшатъ дѣлиться со свѣтомъ. Счастливый юноша, обожающій брата-Царя, какъ отцомъ имъ любимый, съ такою матерью, какая у него была, съ доброю, вѣрною и прекрасною подругой, съ которою жилъ онъ душа въ душу, имѣя занятія, согласныя съ его склонностями, безъ заботъ, безъ отвѣтственности, безъ честолюбивыхъ помысловъ, съ чистою совѣстію, чего недоставало ему на землѣ? О, какъ тяжелъ послѣ того долженъ былъ показаться ему вѣнецъ! Не даромъ, когда стоило ему надѣть его на себя, двѣ недѣли колебался онъ его принять. Но что̀ о томъ говорить, что̀ еще далеко у насъ впереди.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Государь со всѣмъ семействомъ, со всѣмъ дворомъ своимъ на цѣлую зиму поѣхалъ въ Москву, дабы болѣе поднять послѣ разоренія оживающую столицу. Жуковскій, невзначай придворный человѣкъ, отправился туда же, и съ его отъѣздомъ навсегда прекратились собранія «Арзамаса».

Въ Москвѣ всю зиму веселились и пировали, въ Петербургѣ тоже не скучали; а для меня эта зима была совсѣмъ не забавна. Первый разъ въ жизни посѣтила меня серіозная хроническая болѣзнь. Я почувствовалъ жестокую, мучительную боль въ лѣвой ногѣ; днемъ она утихала, а ночью будила и съ крикомъ заставляла покидать ложе. На счетъ сей болѣзни врачи были несогласны: одни въ ломотѣ видѣли сильный ревматизмъ; другіе полагали, что боль происходитъ отъ прилива къ одному мѣсту дурныхъ соковъ, которыхъ, право, кажется, во

Библиотека "Руниверс"

мнѣ не было. Но всѣ, не исключая Эллизена, находили, что зимой дѣлать нечего, и что я терпѣливо долженъ дожидаться весны, теплаго времени. Нѣкоторые посылали меня за Рейнъ, въ Висбаденъ, утверждая, что тамъ только могу получить я исцѣленіе. Мысль о путешествіи за границу никогда не приходила мнѣ въ голову: для такого предпріятія гдѣ бы взялъ я денегъ? Тутъ все само собою такъ устроилось, что путешествіе сіе сдѣлалось для меня возможнымъ и пріятнымъ.

Постоянно всю зиму Государь не оставался въ Москвѣ, на нѣкоторое время отлучался въ Варшаву и на нѣсколько дней въ Генварѣ пріѣзжалъ и въ Петербургъ. Его присутствіемъ воспользовался исполненный тогда ко мнѣ нѣжности Бетанкуръ, чтобъ испросить мнѣ полугодовой отпускъ съ сохраненіемъ жалованья, да, сверхъ того, съ пожалованіемъ единовременно, въ видѣ вспомоществованія, годоваго моего оклада. Государь велѣлъ сдѣлать представленіе черезъ Комитетъ Министровъ и въ Мартѣ мѣсяцѣ его утвердилъ. Съ другой стороны, мать моя, узнавъ о тягостномъ положеніи моемъ, лишила себя четырехъ тысячъ рублей ассигнаціями, изъ числа сбереженныхъ ею денегъ, и ими снабдила меня на дорогу. Но все это было бы недостаточно, чтобы совершенно обезпечить меня на время сего дальняго (по тогдашнему) путешествія, еслибъ одинъ счастливый случай не пришелъ мнѣ на помощь.

Изъ всѣхъ чиновниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Политикѣ и Блудову болѣе всѣхъ Каподистрія оказывалъ пріязнь и уваженіе; послѣдняго называлъ даже перломъ Русскихъ дипломатовъ. Первый зимой изъ Лондона былъ имъ вызванъ въ Москву и, по его представленію, назначенъ тамъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; Блудовъ же, также призванный въ Москву, на его мѣсто опредѣленъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ. Семейство его въ эти годы нѣсколько умножилось; при малолѣтныхъ дѣтяхъ нужны были няньки, кормилицы, что́ вмѣстѣ съ прислугой заставляло его взять лишній экипажъ. А какъ мнѣ купить таковой было не подъ силу, и я страшился ѣзды въ дилижансахъ, мнѣ незнакомыхъ, а онъ отправлялся не моремъ, а черезъ Германію и Францію, то и предложилъ онъ мнѣ одно мѣсто въ своемъ, съ тѣмъ, чтобы счетъ издержкамъ на одну мою персону свести по окончаніи сей совмѣстной поѣздки. Сколь ни выгодно было для меня предложеніе сіе, я не отъ всякаго бы его принялъ. Вышло на повѣрку, что дѣло обошлось для меня еще дешевлѣ, чѣмъ я ожидалъ; ибо, когда пришлось мнѣ, окончивъ путь, разставаться съ Блудовымъ, онъ объявилъ мнѣ, что счеты потеряны, и что не сто́итъ спорить о такой бездѣлкѣ. Какъ быть? Вся деликатность поступка осталась на его сторонѣ. Однимъ словомъ, я прокатился даромъ.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Еще въ концѣ Марта уступилъ я даровую, казенную квартиру мою помощнику моему Нодену. За высокую для него цѣну, съ семействомъ, жилъ онъ дотолѣ въ наемной. И такъ, слава Богу, при этомъ случаѣ удалось и мнѣ кому-нибудь сдѣлать одолженіе. Я переселился къ Блудову, въ тотъ самый верхній этажъ купленнаго имъ потомъ каменнаго дома на Невскомъ проспектѣ, гдѣ за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ жилъ я такъ печально съ сестрой Алексѣевой. Вскорѣ пріѣхалъ изъ Москвы и Петръ Ивановичъ Полетика и, пользуясь также гостепріимствомъ хозяина моего, поселился со мной рядомъ. У всѣхъ у насъ Апрѣль прошелъ въ сборахъ къ отъѣзду.

Наконецъ, 27-го числа началось второе мое большое и любопытное путешествіе. Такъ же какъ и при описаніи перваго буду я говорать единственно о тѣхъ предметахъ, которые *меня* занимали, которые во *мнѣ* возбуждали вниманіе. Нынѣ размножилась порода туристовъ; изъ самыхъ отдаленныхъ степныхъ губерній нашихъ, провинціалы такъ и валятъ въ чужіе края, и поѣздка за границу сдѣлалась столь обыкновеннымъ дѣломъ, скажу даже столь пошлымъ, что бывало въ старину поѣздка изъ Москвы къ Троицѣ или въ Ростовъ почиталась гораздо важнѣе. Слѣдственно соотечественникамъ разсказывать подробно о томъ, что̀ они всѣ видѣли, а потомству о томъ, что̀ оно, вѣроятно, увидитъ, почитаю занятіемъ совсѣмъ излишнимъ.

Въ день выѣзда нашего погода была самая благопріятная, и я довольно радостно отправился въ путь. Такъ стояла она и слѣдующіе дни; не смотря на то, множество затрудненій и непріятностей должны мы были сначала встрѣтить. Отобѣдавъ въ Петербургѣ, до Стрѣльны по гладкой дорогѣ доѣхали мы довольно шибко; на дворѣ было уже не рано, мы перемѣнили лошадей и намѣрены были ѣхать часть ночи. Шести верстъ не доѣзжая до станціи Кипени, подлѣ Ропши, подымаясь на небольшую гору, нашли мы ужасные сугробы снѣга, которые не успѣли еще стаять. Въ это время совершенно смерклось. Нельзя себѣ представить мучительнѣе ѣзды въ лѣтнемъ экипажѣ по глубокому полурастаявшему снѣгу, въ которомъ каждое колесо пробиваетъ новую колею. Положеніе бѣдной Анны Андреевны было ужасное: она сидѣла съ малыми дѣтьми и женщинами въ большой, тяжелой четвероместной каретѣ и каждую минуту видѣла опасность быть опрокинутою и расшибиться вмѣстѣ съ ними. Съ мужемъ ея слѣдовали мы въ открытой колескѣ и также не весьма веселымъ образомъ качались со стороны на сторону; пѣшкомъ идти было тоже невозможно, ибо на каждомъ

Библиотека "Руниверс"

шагу надобно было проваливаться. Не менѣе трехъ часовъ подвергнуты мы были этой пыткѣ, и шагъ за шагомъ, уже за полночь узрѣли мы, какъ обѣтованную землю, красивый, чистый и хорошо прибранный станціонный домъ Кипени.

Мы спокойно переночевали и думали, что тутъ конецъ страданіямъ нашимъ. На слѣдующее утро яркое солнце освѣтило передъ нами ужасную картину: на необозримомъ пространствѣ глубокій снѣгъ покрывалъ землю и ослѣпительно отражалъ лучи его. Намъ объявили, что придется намъ, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ верстъ бороться съ нимъ. Для Блудова съ семействомъ сыскали пару саней, женщины помѣстились въ коляскѣ, а я поселился одинъ въ опустѣвшей каретѣ и ѣхалъ въ ней, какъ въ ладьѣ по бурнымъ волнамъ. Такимъ образомъ во все утро проѣхали мы одну станцію и въ обѣденное время, достигнувъ Каскова, расположились въ немъ немного отдохнуть. По глупой моей тогда привычкѣ французить и каламбурить, назвалъ я эту станцію casse-cou; Блудовъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и наморщился. Однакоже, чтобы не захватить ночи, должны мы были отправиться далѣе. Непонятно, откуда взялось такое великое количество снѣгу; вѣроятно зимой со всей Россіи нанесло его на сей несчастный пунктъ. А воздухъ, между тѣмъ, былъ чистъ и усладителенъ; смѣшеніе солнечнаго жара со студеными испареніями земли производило пріятную прохладу. Выѣхавшій черезъ недѣлю послѣ насъ изъ Петербурга и обогнавшій насъ въ Пруссіи, Полетика сказывалъ, что на этомъ пути не встрѣтилъ и слѣдовъ снѣга. Послѣ обѣда съ трудомъ могли мы сдѣлать еще одну станцію до Чирковицъ. Тутъ, при въѣздѣ въ селеніе, не избѣгнулъ я цѣлый день грозившей мнѣ судьбины: карета упала на бокъ; какіе-то ларчики, дѣтскія игрушки полетѣли у меня мимо лица, мимо глазъ, ничего не повредивъ, и вся бѣда кончилась для меня небольшимъ испугомъ и великимъ затрудненіемъ вылѣзти изъ опрокинутой кареты. Я вхожу въ подробное описаніе непріятностей этого путешествія, потому что я испыталъ ихъ одинъ разъ, а другому можетъ быть, никогда не удастся.

На другой день, 29-го числа, вздохнувъ, отправились мы далѣе. Мы повстрѣчались съ однимъ весьма малоизвѣстнымъ, хотя и превосходительнымъ дипломатомъ, Крейдеманомъ, который возвращался изъ-за границы и проваливаясь шелъ пѣшкомъ за своей коляской. Съ трудомъ могли мы разъѣхаться и помѣнялись извѣстіями о дорогѣ. Онъ обрадовалъ насъ, сказавъ, что въ двухъ или трехъ верстахъ не найдемъ мы болѣе снѣгу; а мы принуждены были объявить ему, что онъ вступаетъ только въ снѣжную пустыню. И дѣйствительно, скоро стали показываться большіе потоки воды, потомъ грязь, а подъѣзжая къ Ополью,

Библиотека "Руниверс"

нашли совсѣмъ сухую дорогу. Берегъ! берегъ! и на немъ въ умноженіе удовольствія нашего встрѣтила насъ веселая услужливая Нѣмка-трактирщица, которая славно насъ накормила и дешево взяла за обѣдъ. Не замѣшкавшись пустились мы впередъ; въ Ямбургѣ только что перемѣнили лошадей и оттуда какъ бы мигомъ прискакали въ Нарву. Дорога, кажется, была мнѣ знакомая, въ третій разъ проѣзжалъ я тутъ, но ничего не узнавалъ на ней кромѣ красивыхъ почтовыхъ домовъ. Почувствовавъ необычайную усталость, особенно женскій полъ между нами, рѣшились мы остатокъ дня провести въ Нарвѣ, и изъ этого города для меня было настоящее начало нашего путешествія.

Мы въѣхали въ Эстляндію, печальную страну, гдѣ родился отецъ мой, гдѣ природа и люди равно жестоки къ обитающей ее несчастной Чуди, гдѣ послѣдніе завоеватели не могутъ или не хотятъ защитить жителей отъ угнетеній прежнихъ завоевателей. Вмѣсто селеній вездѣ разбросанныя мызы, вездѣ бѣдность, неопрятность и недовольныя лица; кой-гдѣ покажется кирхшпиль, деревянная кирка съ пасторатскимъ строеніемъ. Въ замѣнъ врожденной смѣлости, природнаго смысла и тѣлесныхъ силъ, коими Богъ одарилъ Русскихъ сосѣдей ихъ, бѣднымъ Чухонцамъ послалъ онъ христіанскую вѣру, которая, и въ обнаженномъ лютеранами видѣ своемъ, служитъ имъ утѣшеніемъ и даетъ надежду на лучшій міръ, гдѣ будутъ они равны немилосердымъ баронамъ своимъ. Они всѣ грамотные, не такъ какъ наши православные мужички, которые знаютъ одни лишь церковные обряды и ихъ только исполняютъ. Что бы ни говорили, а эдакъ мнѣ кажется лучше. Со сжатымъ трудами и, по лѣниво-обращающейся крови, тупымъ воображеніемъ Маймистовъ, они не умствуютъ; но у насъ, съ распространеніемъ грамотности, или родится безвѣріе, безнравственность, или размножатся расколы. Нужно только улучшить состояніе священниковъ и быть строже, осмотрительнѣе въ ихъ выборѣ, дабы гласъ Божій изъ устъ сихъ пастырей внятно гремѣлъ между нашими бойкими баранами и велъ ихъ къ благой цѣли. Вотъ меня куда занесло!

Съ дамами и дѣтьми ѣхать скоро невозможно. Проѣхавъ Вайвару, Іеве, мѣста мнѣ знакомыя и на дѣлѣ, и по слуху, сдѣлавъ не болѣе семидесяти верстъ, остановились мы ночевать въ Клейнъ-Пунгернѣ. На другой день, 1-го Мая, подлѣ станціи Ненналь увидѣлъ я въ первый разъ отчизну снѣтковъ, Чудское озеро. Громадныя льдины были еще прибиты къ берегамъ его, и отъ нихъ несло не совсѣмъ пріятною свѣжестію, а само озеро, отражая голубое небо, было красиво и чисто какъ стекло. Сдѣлавъ сто верстъ въ этотъ день, не доѣзжая Дерпта, на послѣдней къ нему станціи Игаферѣ, ночевали мы не весьма покойно. Со званіемъ коммиссара, то-есть по нашему, станціоннаго смотри-

Библиотека "Руниверс"

теля, находился тутъ одинъ молодой еще студентъ, котораго, помню, звали Крейцбергъ. Онъ угощалъ близко отъ насъ пріѣхавшихъ изъ Дерпта товарищей; они курили, пили пиво, пѣли пѣсни, однимъ словомъ предавались Нѣмецкой швермерей. Хотя мы были очень далеко еще отъ Германіи, но все ее уже возвѣщало.

Рано поутру 2 Мая, пріѣхали мы въ Дерптъ и остановились въ деревянномъ одноэтажномъ, чистенькомъ домѣ, который, кажется, назывался гостинница Аландъ. Связи съ Жуковскимъ не только сближаютъ друзей его, но какъ будто роднятъ ихъ между собою. Въ Дерптѣ находилась часть семейства, въ которомъ былъ онъ воспитанъ. Александру Ѳедоровичу Воейкову, женатому на меньшой Протасовой, пришла охота сдѣлаться профессоромъ Русской литературы въ Дерптскомъ университетѣ. Тамъ посѣтила его теща съ старшею дочерью, и онъ нашелъ средство просватать послѣднюю за профессора медицины Мойера; самъ же, видя, что преподаваемою имъ наукой молодые Нѣмцы не хотятъ заниматься, вскорѣ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Какъ страненъ этотъ бракъ долженъ былъ казаться въ Орловской губерніи, откуда Протасовы пріѣхали: дворянская спѣсь Русской барышнѣ прежде никакъ бы не дозволила выйти за профессора, за доктора. Конечно, это предразсудки старины, но я тогда раздѣлялъ ихъ и, полно, не раздѣляю ли еще и понынѣ? По-заочности давно уже будучи знакомы, не помню, кто изъ насъ кого посѣтилъ первый, только помню, что въ этотъ же день обѣдалъ уже я у г. Мойера съ его женой и тещей, Катериной Аѳанасьевной, что подавали все Нѣмецкое кушанье и что я, за три дня до того тонувшій въ снѣгу, сидѣлъ за столомъ въ садикѣ подъ распускающимися липами in's grüne. Послѣ обѣда повелъ насъ г. Мойеръ осматривать городъ. Подъ именемъ Юрьева-Ливонскаго построенный Русскими, которые нигдѣ для частнаго употребленія кромѣ деревянныхъ домовъ не ставили, по близости къ границѣ, вѣроятно, часто разоряемый войною, онъ, подобно укрѣпленной Нарвѣ, не сохранилъ вида древности. Единственный остатокъ ея, католическая соборная церковь, въ которую входили мы, обращена уже была въ университетскую библіотеку. Провели мы вечеръ и ужинали у тѣхъ же Мойеровъ. Тутъ случилась одна гостья, учтивая Нѣмка, которая, желая потѣшить меня, сказала мнѣ, что и она была въ Россіи. «Мнѣ кажется, вы и теперь въ ней», отвѣчалъ я. Отъ этого простаго замѣчанія смѣшалась она и не знала, что̀ сказать.

Я не могу здѣсь умолчать о впечатлѣніи, которое сдѣлала на меня Марья Андреевна Мойеръ. Это совсѣмъ не любовь; къ сему небесному чувству примѣшивается слишкомъ много земнаго; къ тому же, мимоѣздомъ, въ продолженіи немногихъ часовъ влюбиться, мнѣ ка-

Библиотека "Руниверс"

жется, смѣшно и даже невозможно. Она была вовсе не красавица; разбирая черты ея, я находилъ даже, что она болѣе дурна; но во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизъяснимо-обворожительное. Въ ея улыбкѣ не было ничего ни радостнаго, ни грустнаго, а что-то покорное. Съ большимъ умомъ и свѣдѣніями соединяла она необыкновенныя скромность и смиреніе. Начиная съ ея имени, все было въ ней просто, естественно и въ тоже время восхитительно. Другихъ женщинъ, которыя нравятся, кажется, такъ взялъ бы да и разцѣловалъ; а находясь съ такими какъ она, въ сердечномъ умиленіи, все хочется пасть къ ногамъ ихъ. Ну точно она была какъ будто не отъ міра сего. Какъ не вѣрить воплощенію Бого-человѣка, когда смотришь на сіи хрупкіе и чистые сосуды? Въ нихъ только могутъ западать небесныя искры. «Какъ въ одинъ день все это могъ ты разсмотрѣть?» скажутъ мнѣ. Я выгоднымъ образомъ былъ предупрежденъ на счетъ этой женщины; тутъ повѣрялъ я слышанное и нашелъ въ немъ не преувеличеніе, а ослабленіе истины.

И это совершенство сдѣлалось добычей дюжаго Нѣмца, правда, добраго, честнаго и ученаго, который всемѣрно старался сдѣлать ее счастливой; но успѣвалъ ли? Въ этомъ позволю я себѣ сомнѣваться. Смотрѣть на сей неровный союзъ было мнѣ нестерпимо; эту кантату, эту элегію никакъ не умѣлъ я приладить къ холодной диссертаціи. Глядя на госпожу Мойеръ, такъ разсуждалъ я самъ съ собой: «Кто бы не былъ осчастливленъ ея рукой? И какъ ни одинъ изъ молодыхъ Русскихъ дворянъ не искалъ ея? Впрочемъ, кто знаетъ, были вѣроятно какія-нибудь препятствія, и тутъ кроется, можетъ быть, какой-нибудь трогательный романъ.» Она недолго послѣ того жила на свѣтѣ: подобнымъ ей, видно, на краткій срокъ дается сюда отпускъ изъ мѣста настоящаго жительства ихъ.

Разставшись на другой день съ Дерптомъ и Мойерами, дня три ѣхали мы до Риги; оттого что въ иныхъ мѣстахъ не было лошадей, а въ другихъ было много глубокаго песку. Мы первую ночь провели въ Гульбенѣ, другую въ Роопѣ, и видѣли небольшіе города Валкъ и Вольмаръ, которые показались мнѣ замѣчательны въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ даже деревень. Примѣчательно, что въ странѣ, которая болѣе ста лѣтъ вновь принадлежитъ Россіи, начиная отъ Нарвы, совсѣмъ уже не пахнетъ Русскимъ духомъ, что въ ней не услышишь Русскаго слова. Никто не думалъ у насъ о введеніи тутъ народнаго языка нашего сколько-нибудь въ употребленіе, тогда какъ Нѣмецкіе владѣльцы, преданные отдаленному и раздробленному отечеству своему, всячески стараются сохранить и распространить языкъ его между населеніемъ, совершенно ему чуждымъ. Путешествія за границу въ старину почи-

Библиотека "Руниверс"

тались диковинкой, одни знатные господа позволяли ихъ себѣ: имъ удобно и пріятно казалось, выѣхавъ изъ Петергофской заставы, находить тотчасъ преддверіе чужихъ краевъ. Я могу хорошо судить и смѣло говорить о томъ, ибо хотя отнюдь не принадлежалъ къ ихъ сословію, имѣлъ однакоже многія изъ ихъ привычекъ и предразсудковъ. Долженъ покаяться въ томъ: мнѣ наскучило разъѣзжать по Россіи изъ края въ край, и я почувствовалъ непозволительное удовольствіе, когда нѣкоторымъ образомъ переступилъ ея границу.

Прибывъ въ Ригу 5-го числа къ вечеру, съ трудомъ могли отыскать плохую квартиру въ плохой гостинницѣ, которая однакоже называлась отель де-Пари. Не было ни ярмонки, ни дворянскаго съѣзда, а во всѣхъ трактирахъ номера были заняты. Такъ бывало всегда, когда послѣ случалось мнѣ проѣзжать этотъ городъ: содержатели гостинницъ все еще трепещутъ передъ могуществомъ рыцарей и должны всегда держать про нихъ комнаты въ запасѣ. На другой день пошелъ я гулять по городу; его узкія улицы и высокіе старые дома возбудили бы во мнѣ болѣе любопытства, еслибы я не видѣлъ Нарвы. Всѣ эти древніе города на Западѣ болѣе или менѣе между собою схожи; въ средніе вѣка всѣ они были укрѣплены: жители окрестныхъ мѣстъ, часто разоряемыхъ огнемъ и мечомъ, укрывались въ нихъ и тѣснились на небольшомъ пространствѣ подъ защитою каменныхъ стѣнъ и рвовъ, коими были они окружены. Пока я ни приглядѣлся къ нимъ, они мнѣ очень не нравились: мнѣ все казалось, что я вижу запачканныхъ стариковъ въ морщинахъ, которые жмутся и всѣ на одинъ ладъ и покрой; я выросъ и возмужалъ среди простора Петербурга и Русскихъ городовъ. Мнѣ хотѣлось видѣть что-нибудь примѣчанія достойное, и мнѣ указали на залу Черноголовыхъ или Шварцгейптеровъ, Рижскій Музеумъ. Я не очень помню, въ чемъ состояли сокровища, тутъ собранныя, исключая сапоговъ Карла XII *). Долго оставаться тутъ намъ было не для чего: мы ни съ кѣмъ не были знакомы и 7-го числа отправились далѣе. Наканунѣ это было бы труднѣе, ибо въ этотъ день только навели плавучій мостъ черезъ Западную Двину.

Разстояніе между двумя столицами Лифляндіи и Курляндіи такъ невелико, что одна можетъ почитаться предмѣстіемъ другой. Въ нѣсколько часовъ изъ Риги пріѣхали мы въ Митаву, городъ уже новаго изданія, на осмотръ котораго нужно было посвятить еще нѣсколько часовъ. Вотъ что погубило насъ: какъ грозная тѣнь, возсталъ передъ

*) Хотя бы, по примѣру Ревеля, Нѣмцы держали тутъ изсохшій трупъ какого-нибудь герцога Круа, на показъ проѣзжимъ, для потѣхи своей, для прибыли и для доказательства, что и тѣла грѣшниковъ могутъ быть также нетлѣнны, какъ мощи. Увы, православное правительство терпитъ такое безчеловѣчное ругательство надъ святостію могилъ.

Библиотека "Руниверс"

нами умирающій фельдмаршалъ Барклай и цѣлую недѣлю заслонялъ намъ дорогу. Только вечеромъ узнали мы, что онъ находится въ Митавѣ, и что всѣ почтовыя лошади взяты подъ многочисленную свиту его. Настоящимъ образомъ не зная въ какомъ состояніи находится здоровье его, мы разочли, что намъ лучше пустить его впередъ, чтобы не имѣть болѣе затрудненій въ дорогѣ. На другой день выѣхалъ онъ или, лучше сказать, вывезли его не очень рано, и пока самъ Блудовъ, вооруженный казенною подорожной по экстренной надобности, ходилъ къ губернатору за приказаніемъ дать ему лошадей и получилъ его, пошелъ я къ подъѣзду фельдмаршала, котораго прежде не случалось мнѣ видѣть и, стоя въ толпѣ, смотрѣлъ, какъ полумертваго почти выносили его и клали въ карету. Нынѣ не даютъ людямъ спокойно умереть дома; тѣмъ, кои имѣютъ нѣкоторый достатокъ, сіе не дозволяется: по приказанію медиковъ (обыкновенно иностранцевъ), въ предсмертныхъ страданіяхъ должны они напередъ прокатиться по Европѣ.

По прежнему отобѣдавъ, а по нынѣшнему позавтракавъ смотря по часу, въ гостинницѣ г. Мореля, въ которой ночевали, отправились мы. Наканунѣ, въ удовлетвореніе любопытства своего, ходилъ я за городъ посмотрѣть на замокъ герцоговъ Курляндскихъ, не вѣтхое, даже не старое и совсѣмъ не древнее четвероствороннее зданіе безъ укрѣпленій и башенъ, безъ парка и даже безъ сада, посреди чистаго поля, выстроенное не Кетлерами, а Бирономи, и доказывающее варварскій вкусъ этого семейства. Туда влекло меня не одно любопытство, но и желаніе поклониться убѣжищу Бурбоновъ, къ величію и несчастіямъ коихъ я тогда питалъ еще какое-то священное уваженіе. Въ этомъ дворцѣ помѣщено было тогда нѣсколько чиновниковъ, а главныя комнаты оставались пусты на случай пріѣзда тогдашняго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи; теперь помѣщены тамъ всѣ присутственныя мѣста. О сохраненіи историческихъ памятниковъ у насъ немного заботятся. Уходя, сквозь желѣзную рѣшетку заглянулъ я въ подвалы замка, гдѣ находятся гробницы послѣднихъ герцоговъ.

Одного изъ нихъ, знаменитаго Эрнста Іоанна, не защитила рѣшетка отъ поруганія одной бѣшеной женщины; этотъ анекдотъ стоитъ, мнѣ кажется, чтобы найти здѣсь мѣсто. При Павлѣ и сначала при Александрѣ, губернаторами въ Остзейскія провинціи опредѣляемы были все Русскіе. Курляндскимъ былъ нѣкто Николай Ивановичъ Арсеньевъ, человѣкъ смирный; но жена его, Анна Александровна, урожденная княжна Хованская, была совсѣмъ не смирна. Сошедъ въ подвалы, она велѣла открыть гробъ Бирона и плюнула ему въ лицо. Не знаю до какой степени можно осудить это бабье мщеніе; конечно оно гадко, но тутъ не было личности, а наслѣдственное чувство ненависти

Библиотека "Руниверс"

ея соотечественниковъ. Она была женщина не злая, но тщеславная и взбалмошная. Послѣ представленія королевѣ, супругѣ Лудовика XVIII, она ожидала отъ нея посѣщенія и, узнавъ, что она совсѣмъ не расположена его сдѣлать, прогнѣвалась. «Чѣмъ эта дура такъ гордится?» сказала она. «Тѣмъ что она Бурбоньша? Да я сама Хованская». Тутъ видны безразсудность и невѣжество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народное самолюбіе, которое мнѣ не противно.

Отъѣхавъ одну только станцію до Доблена, принадлежащаго вдовѣ послѣдняго герцога, мы опять должны были остановиться. Молодой коммиссаръ, онъ же и содержатель гостинницы и управляющій имѣніемъ герцогини, малый очень учтивый и почтительный, показалъ намъ конюшни, въ которыхъ не оставалось ни одной лошади: не къ чему было такъ торопиться. Но по крайней мѣрѣ пріятности мѣста, гдѣ мы находились, дали намъ возможность терпѣливѣе перенесть нашу невзгоду. Почтовый домъ, въ которомъ мы весьма удобно помѣстились, отдѣленъ былъ отъ развалинъ древняго замка, хорошо сохранившихся, глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго текъ ручей или малая рѣчка. Стараніями коммиссара, разумѣется на деньги владѣлицы, все это пространство засажено было деревьями и устроенъ очень хорошенькій Англинскій садъ. Для насъ тутъ была весьма пріятная прогулка, а для меня особенно занимательно и любопытно было въ первый разъ видѣть настоящія развалины, произведенныя не искусствомъ людей, а ихъ забвеніемъ и дѣйствіемъ времени.

Нашъ передовой, который не заготовлялъ намъ, а отнималъ у насъ лошадей, ѣхалъ сперва довольно поспѣшно. Цѣлыми сутками былъ онъ у насъ впереди, и оттого-то слѣдующіе два дни имѣли мы мало остановокъ. Мы же всегда ночевали; первую ночь провели въ Дрогденѣ, другую въ Рутцау, почти на самой границѣ. Тутъ старикъ коммиссаръ, отставной изъ военныхъ, мнѣ чрезвычайно полюбился своею веселостію и не существующимъ уже нынѣ Нѣмецкимъ добродушіемъ. Утѣхой жизни его была золотая табакерка, которую великая княгиня Марія Павловна въ проѣздъ ему пожаловала; намъ, какъ и всѣмъ у него останавливающимся, выносилъ онъ ее на показъ.

Нельзя было не замѣтить намъ великой разницы между двумя сосѣдними провинціями. Въ Курляндіи, которая также населена Латышами, народъ какъ будто смышленѣе, почва земли плодороднѣе и поля лучше обработаны. Зато она гораздо болѣе онѣмечена, чѣмъ Ливонія; тамъ вездѣ еще встрѣчаются Финско-латышскія названія мѣстъ, а тутъ всѣ они окрещены въ Нѣмецкій языкъ. Однимъ словомъ, Курляндія, кажется, такъ и просится въ Пруссію; и не знаю, хорошо ли дѣлаютъ, оставляя въ ней и понынѣ весь прежній порядокъ.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, 11-го поутру, пріѣхали мы на границу и переѣхали за нее. Тутъ въ Полангенѣ наша Самогиція выдвигается клинышкомъ. Въ этомъ мѣстечкѣ видѣлъ я море, но не видалъ гавани, двѣнадцать лѣтъ спустя найденной тутъ однимъ ученымъ Французомъ, засѣдающимъ въ палатѣ депутатовъ. Ни въ Полангенѣ на нашей границѣ, ни въ Ниммерзатѣ на Прусской не были мы много обезпокоены таможнями. Блудовъ ѣхалъ къ должности по волѣ Русскаго императора, и оттого потомъ нигдѣ не подвергались мы жестокимъ обыскамъ.

Вотъ, наконецъ, я въ Мемелѣ, первый разъ въ заграничномъ городѣ. Хотя мы пріѣхали въ него довольно рано, остановясь въ такъ-называемомъ *Нѣмецкомъ Домѣ*, я не поспѣшилъ насладиться воззрѣніемъ на него. Боли въ ногѣ съ наступленіемъ теплаго времени у меня какъ будто замерли, и я почти забылъ о нихъ; но во время проѣзда черезъ Курляндію сдѣлалось сыро и холодно, и я вновь началъ страдать, что̀ вмѣстѣ съ усталостію совсѣмъ не располагало меня къ прогулкамъ. Еще солнце не сѣло, когда, почувствовавъ облегченіе, заснулъ я богатырскимъ сномъ и проснулся только слѣдующимъ утромъ. Тогда пустился я ходить; но что̀ примѣчательное можно найти въ Мемелѣ? Прямыя улицы, каменные дома порядочные, какъ у насъ, правильно выстроенные. Это какъ разговоръ иныхъ людей небогатыхъ идеями, но благовоспитанныхъ, благопристойныхъ: хорошо говорятъ и ничего не скажутъ. Я пошелъ взглянуть на домъ, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ жила королева, любезная Русскимъ сердцамъ, когда изо всего обширнаго, хотя разбросаннаго государства мужа ея этотъ одинъ уголокъ оставался въ его владѣніи.

Рѣка Нѣманъ, вытекая изъ Славянской земли, при устьѣ своемъ образуетъ тутъ широкій заливъ. Она дала имя свое этому городу, а сама отъ кого получила названіе Мемеля, отъ Нѣмцевъ ли или Самогитовъ—мнѣ неизвѣстно. Вдоль по рѣкѣ сей проѣхали мы, и вотъ отчего: неизбѣжный Барклай выѣхалъ изъ Мемеля только въ день нашего пріѣзда; болѣе двухъ станцій въ сутки, по слабости своей, онъ дѣлать не могъ. Насъ обманули, сказавъ, что онъ выбралъ кратчайшій путь Куришъ-Гафомъ по штранду. Мы бросились въ другую сторону и на первой станціи, въ Прокульсѣ, узнали свою ошибку; но уже было поздно, дѣлать было нечего какъ слѣдовать за тѣмъ, коего встрѣчи мы такъ боялись. Съ нимъ были жена и сынъ, адъютанты и медики, и шествіе его походило на тріумфальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на погребальное. Однакоже надобно признаться, что заграничныя почты устроены лучше нашихъ: на усталыхъ еще послѣ него коняхъ кое-какъ добрались мы на ночлегъ въ плохое мѣстечко Шаматкеменъ.

Библиотека "Руниверс"

Мѣста, коими проѣзжали мы, обитаемы народомъ, который игралъ важную ролю въ исторіи нашего отечества; ибо Самогиты или Жмудь, Ятвяги и Литва все одно и тоже. Но что̀ это за народъ? и откуда взялся онъ? Я долго полагалъ, что онъ смѣшеніе Готѳскаго племени съ Славянскимъ и Финскимъ, но слѣдовъ ихъ нареченій не встрѣчается въ особомъ языкѣ, коимъ говоритъ сей народъ, а по большей части Латинскія слова. Къ тому же въ Славянахъ и въ Финнахъ никогда не было звѣронравія, коимъ сначала отличались сіи дикіе выходцы изъ лѣсовъ; впрочемъ Маджары, или Венгры, тоже Финскаго происхожденія. Должно полагать, что и вся Пруссія нѣкогда населена была Жмудью; многіе изъ древнихъ князей ея носили имя Прусъ. Недолго Литовцы поблистали и погремѣли въ мірѣ. Сперва завоеванная ими обширная православная Русь начала было поглощать ихъ; потомъ, приставъ къ католической Польшѣ, они затмились и исчезли въ ея объятіяхъ. Такъ будетъ со всякимъ государствомъ, которое, не сохраняя своей самоцвѣтности, не старается между покоренными вводить свои нравы, обычаи, законы, языкъ и вѣру: завоеванія будутъ его гибелью, оно потонетъ въ нихъ. Польша, не смотря на свои безпорядки, на безразсудность свою, хорошо это понимала и спѣшила все окрасить собою. Оттого-то она пережила самое себя, оттого-то находишь ее тамъ, гдѣ бы давно ей не должно быть, оттого-то ея духомъ еще полонъ нашъ юго-западный край, гдѣ, за двѣстѣ лѣтъ тому назадъ, имя ея было проклинаемо. Съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ я на Самогитовъ: лица не хороши, но чрезвычайно выразительны.

Проѣзжая слѣдующимъ утромъ по мосту, черезъ Нѣманъ, при въѣздѣ въ Тильзитъ, взглянулъ я на мѣсто свиданія двухъ императоровъ, на мѣсто, гдѣ стоялъ историческій плотъ. Тильзитъ! при имени его обидномъ теперь не поблѣднѣетъ Россъ, сказалъ Пушкинъ. И дѣйствительно, что̀ нашли мы на почтовомъ дворѣ? Французскаго инвалида, не знаю, какъ тутъ оставшагося, который съ гордымъ еще видомъ просилъ милостыню. Пруссаки въ это время съ нами были отмѣнно услужливы; коммиссаръ совѣтывалъ намъ стараться опередить фельдмаршала, далъ свѣжихъ, хорошихъ лошадей и записку къ сосѣду своему, коммиссару на слѣдующей станціи въ Остветенѣ, гдѣ, по словамъ его, Барклай долженъ былъ остановиться обѣдать. Моему нетерпѣнію не было границъ; вслухъ пожелалъ я, чтобы герой нашъ на дорогѣ умеръ и чтобы мы проѣхали по трупу его. Услышавъ мои преступныя желанія, Блудовъ даже вскрикнулъ отъ негодованія. Въ Остветенѣ коммиссаръ наморщился, почесалъ затылокъ, но видно товарищъ его имѣлъ надъ нимъ большую силу: онъ тотчасъ велѣлъ намъ

Библиотека "Руниверс"

дать лошадей. Одной мили не доѣзжая до города Инстербурга, на лѣвой сторонѣ дороги, увидѣли мы небольшую мызу и на дворѣ ея множество каретъ. Мы заключили изъ этого, что вѣрно больной остановился тутъ отдохнуть.

Мы намѣрены были до свѣту выѣхать изъ Инстербурга, но возможно ли это съ дамами? Пока, одѣваясь, мы пили чай, пришли намъ сказать, что фельдмаршалъ въ эту ночь, на видѣнной нами мызѣ, скончался, и что посланный оттуда пріѣхалъ заказывать гробъ. Меня какъ по кожѣ подрало: вмѣсто радости почувствовалъ я угрызеніе совѣсти, точно какъ будто желаніемъ своимъ я уморилъ его. Однакоже карета была у подъѣзда: мы не Римскіе католики и, пожелавъ добродѣтельному еретику царствія небеснаго, пустились въ дорогу. Мы едва могли переводить духъ: такъ скоро перемѣняли намъ лошадей и такъ прытко везли насъ. На каретѣ подъ княжескою короной изображенъ былъ гербъ Блудова вмѣстѣ съ Щербатовскимъ и, сверхъ того, выставлена литера В. Поэтому принимали насъ за семейство или за свиту князя Барклая. Таплакенъ, Велау, Тапіау, Погауенъ,—вотъ станціи или мѣста, черезъ кои вихремъ пронеслись мы до Кенигсберга. Я называю ихъ потому, что они у меня были записаны и что дорога сія въ Тильзитъ, замѣненная другою укороченною, болѣе не существуетъ.

Въ Кёнигсбергѣ, на небольшой площади подвезли насъ къ г. Грегори, къ Нѣмецкому Дому, Deutsches Haus, въ которомъ приготовлена была квартира для покойнаго. На площади нашли мы начальствовавшаго въ городѣ генерала Штуттергейма со всѣмъ штабомъ, во всей формѣ и съ рапортомъ въ рукахъ. Онъ очень удивился, когда мы сказали ему, что трудъ его напрасенъ и что Барклая болѣе нѣтъ. Это было засвѣтло 14 Мая.

Не знаю, почему Кёнигсбергъ почитаютъ Прусскою Москвою? Какія священныя воспоминанія наполняютъ его? Точно также, какъ Венгрію, какъ Ломбардію, какъ Шлезвигъ, Нѣмцы почитаютъ Пруссію заграничнымъ своимъ владѣніемъ; донынѣ не входила она еще въ составъ Германскаго союза. Да что же она такое? Подъ предлогомъ обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру, Тевтоническимъ орденомъ завоеванный приморскій край. Не знаю, по какому праву папы и императоры дали рыцарямъ право владѣнія въ немъ. Они спокойно въ немъ господствовали. Напрасно упрекаютъ Поляковъ въ томъ, что будто бы они добровольно и безпечно дали имъ у себя тутъ утвердиться: добрые католики, они приняли ихъ сначала какъ вспомогательное Христово войско, къ услугамъ ихъ готовое, для обузданія во тьмѣ язычества пребывающихъ, часто непокорныхъ данниковъ ихъ; но скоро, увидя ихъ обманъ, столѣтія воевали съ ними. Съ другой стороны, и

Библиотека "Руниверс"

Литва, вдругъ поднявшаяся, угнетенныхъ единокровныхъ возбуждала къ возстанію, сильно вступалась за нихъ и помогала имъ. И нѣтъ сомнѣнія, что владычество ордена было бы тутъ раздавлено, еслибъ у него не было великихъ богатствъ въ цѣлой Германіи, и еслибъ оттуда безпрестанно не приходили къ нему на помощь новыя рати. Ливонскій орденъ Меченосцевъ, лѣтъ за тридцать прежде того и почти одинаковымъ образомъ основавшійся въ Россіи, вмѣстѣ съ магистромъ своимъ призналъ надъ собою власть его, подчинилъ себя ему, и этотъ союзъ обоимъ былъ чрезвычайно полезенъ. Однакоже, по временамъ, погибель грозила обоимъ; Ягелло, Витовтъ и еще прежде нашъ Александръ Невскій до основанія потрясали ихъ могущество. Польша восторжествовала, но тщеславіе ея довольствовалось званіемъ вассала, которое принялъ орденъ; тогда-то, въ честь Польскаго короля, небольшой городокъ, построенный на Прегелѣ, названъ Королевцемъ. При Казимірѣ IV преобладаніе Польши до того умножилось, до того потѣснилъ онъ рыцарей, что оставилъ имъ одну только восточную половину Пруссіи, и что изъ Маріенбурга на Вислѣ, постоянной резиденціи великаго магистра и главнаго мѣста управленія ордена, они должны были въ послѣдней половинѣ XV вѣка перенести его въ Королевецъ, который, кажется, съ тѣхъ поръ началъ называться Кёнигсбергомъ: древность не весьма древняя. Извѣстно, что въ началѣ XVI вѣка лютеранизмъ нанесъ смертельный ударъ воинственно-монашествующимъ орденамъ, и что Альбертъ Бранденбургскій, магистръ Тевтоническаго, и Готардъ Кеттлеръ—Ливонскаго, принявъ новую вѣру, объявили себя независимыми герцогами, первый въ Пруссіи, послѣдній въ Курляндіи. Тотъ и другой отреклись отъ Нѣмецкой или Святой Римской имперіи и поставили себя подъ покровительство католической Польши. Она въ немъ не отказала имъ, ибо въ совершенномъ отдѣленіи ихъ отъ Германіи видѣла ихъ ослабленіе; къ тому же самъ король Сигизмундъ-Августъ имѣлъ наклонность къ протестантизму. Разсчетъ былъ плохой: послѣ Альберта Пруссія по наслѣдству досталась маркграфамъ и курфирстамъ Бранденбургскимъ, изъ коихъ одинъ пожаловалъ ее королевствомъ, а себя произвелъ въ короли, и кончилось тѣмъ, что часть самой Польши сдѣлалась ихъ добычею. Зачѣмъ вклеилъ я тутъ это краткое историческое начертаніе? Да такъ, пришлось къ слову.

Первый вечеръ, проведенный въ Кёнигсбергѣ, было мнѣ нехорошо; я почувствовалъ лихорадку. Не для меня одного послали за докторомъ; явился Англичанинъ Мотерби, прописалъ мнѣ что-то успокоительное, и на другое утро былъ я какъ встрепанный. Пользуясь лучшимъ состояніемъ здоровья и хорошею погодою, пошелъ я по городу и зашелъ къ Павлу Ивановичу Аверину, управляющему ликвидаціонною

Библиотека "Руниверс"

комиссіей по заграничнымъ разсчетамъ послѣ войны и оканчивающему тутъ свои занятія, который наканунѣ былъ у меня, чтобы удостовѣриться насчетъ слуховъ о кончинѣ Барклая. Онъ человѣкъ съ необыкновенными, можно сказать, съ несносными странностями, и мнѣ хотѣлось бы его здѣсь представить; но говорить о немъ нельзя иначе, какъ пространно, а мнѣ теперь некогда.

Въ это же утро какой-то Нѣмецкій слуга повелъ меня смотрѣть достопримѣчательности; ихъ было немного. Я побывалъ во дворцѣ или замкѣ и въ соборномъ храмѣ. Первый стоитъ на высокомъ мѣстѣ и имѣетъ четыре фаса или лица, выходящихъ на улицы, а внутри дворъ. Одна изъ сторонъ, старинная, построена еще великими магистрами, которые тутъ жили, а нынѣ помѣщаются какіе-то чиновники и какія-то канцеляріи. Другая сторона, гораздо новѣе, выстроена первымъ Прусскимъ королемъ, горбатымъ Фридерикомъ I. Тутъ вѣнчался онъ на престолъ; разумѣется, не мѵропомазывался, и въ точномъ подражаніи Реймской церемоніи не доставало Сентъ-Ампули. Тутъ останавливаются короли, и въ несчастное для нея время полтора года прожила тутъ нынѣшняя королевская фамилія. Комнаты высоки, просторны и довольно богато прибраны; одна показалась мнѣ замѣчательною: она оранжеваго цвѣта, по карнизамъ расписана цѣпь Чернаго Орла, а на стѣнахъ изображенъ синій крестъ его. Изъ нея видъ далеко въ поле; говорятъ, будто Наполеонъ смотрѣлъ тутъ изъ окошка, когда ретирующійся аріергардъ, не знаю, Русскій или Прусскій, сражался съ его войсками.

Третья сторона, послѣ пристроенная, довольно безобразная, заключаетъ въ себѣ службы, кухни, конюшни и тому подобное. Четвертая вся состоитъ изъ одной огромной, нескончаемой залы, называемой Московскою. Пруссаки полагаютъ, что названіе сіе дано ей прихотью королей, тогда какъ она построена прихотью Русской императрицы. По сходству именъ, Елисаветѣ Петровнѣ почудилось, что она имѣетъ неоспоримыя права на Пруссію; она хотѣла тутъ короноваться, и во время Семилѣтней войны велѣла для того выстроить эту залу, которая, подобно большому манежу, до сихъ поръ стоитъ не отдѣланная; нынѣ, говорятъ, устроены въ ней гимнастическія упражненія. Провожатый мой никакъ не хотѣлъ мнѣ повѣрить, что Русскіе воздвигли эту залу, когда болѣе двухъ лѣтъ въ Пруссіи они хозяйничали. Что дѣлать! уже такой обычай у этого кочеваго, варварскаго народа: куда ни придетъ, въ виду непріятеля, подъ пушечными выстрѣлами его, вездѣ строитъ города. Этимъ только въ завоеваніяхъ своихъ отличается онъ отъ Аттилъ и Тамерлановъ. Въ соборной церкви мой проводникъ повелъ меня прямо въ могилѣ Канта. «Что за Кантъ? сказалъ я; я объ немъ

Библиотека "Руниверс"

слыхалъ, но никогда не читалъ его; покажи-ка мнѣ лучше, гдѣ похоронены послѣдніе великіе магистры». Нѣмецъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Для Германіи рѣшительно наступилъ вѣкъ философическихъ бредней.

Продолжаю мой дневникъ. Выѣхавъ изъ Кёнигсберга 16-го числа, мы первый день не сдѣлали даже и одной станціи: ибо, не доѣзжая четверть версты до мѣстечка Бранденбурга, гдѣ почтовый дворъ, мы должны были остановиться. Дышло у кареты переломилось пополамъ, шагу нельзя было сдѣлать далѣе, и мы вошли въ первый попавшійся домишко, въ которомъ было чистенькихъ двѣ комнаты. Но рядомъ съ ними продавались пиво и водка, однимъ словомъ, это былъ кабакъ на берегу моря. Оттуда, къ несчастію, съ самаго утра подулъ сильный сѣверный вѣтеръ, воздухъ сдѣлался вдругъ ужасно холоденъ, а въ жилищѣ нашемъ нѣкоторыя окна были разбиты. Анна Андреевна принуждена была затыкать ихъ подушками, чтобы сколько-нибудь бѣдныхъ дѣтей защитить отъ непогоды. Я былъ въ совершенномъ отчаяніи; одна бѣда дорогой смѣняла намъ другую, и я начиналъ думать, что не попаду къ удобному времени въ мѣсто лѣченія моего. Скуки ради ходилъ я пѣшкомъ въ мѣстечко и видѣлъ барское житье альтмана, который въ одно время содержалъ почту, трактиръ для проѣзжихъ и управлялъ казеннымъ имѣніемъ. Около сутокъ нужно было для сдѣланія дышла, и мы на другой день часовъ въ одиннадцать могли отправиться далѣе.

Дорога, по которой мы ѣхали, нынѣ брошена и проложена другая, гораздо короче. Почему назову я станціи, которыя у меня записаны: Гоппенбрукъ, Браунсбергъ, гдѣ коммисаромъ нашли мы безногаго офицера съ Пуръ-ле-Меритомъ на шеѣ, который бранилъ Французовъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а Русскихъ превозносилъ до небесъ (чего нынѣ не услышишь), Мильгаузенъ, гдѣ мы ночевали, потомъ Прейшъ-Голландъ, Прейшъ-Маркъ, городокъ Ризенбургъ и наконецъ Маріенвердеръ. Дорога была вовсе не занимательна; возили тогда тихо, не такъ какъ послѣ возвращенія короля изъ послѣдней поѣздки въ Россію, и разстояніе до Берлина казалось намъ ужаснымъ.

Маріенвердеръ, мѣсто примѣчательное, часто упоминаемое въ исторіи Тевтоническаго ордена, нѣкогда бывшее тоже главнымъ въ Пруссіи, и стоило бы осмотрѣть его; но мы пріѣхали въ него слишкомъ поздно и выѣхали изъ него слишкомъ рано. Мимоѣздомъ видъ его показался намъ пріятенъ, нѣчто въ родѣ Москвы, смѣшеніе красивыхъ, новыхъ домовъ съ древними хорошо сохранившимися зданіями. Въ это время король чрезъ Познань предпринималъ путешествіе, чтобы поклониться Москвѣ, которая всесожженіемъ искупила независимость

Библиотека "Руниверс"

Европы, навѣстить тамъ любимѣйшую дочь и повидаться съ другомъ-союзникомъ. Въ Маріенвердерѣ нашли мы генерала Борстеля, который ѣхалъ куда-то къ нему на встрѣчу; онъ велъ себя съ нами очень любезно и сказалъ, что, опереждая насъ, вездѣ будетъ заказывать намъ лошадей. Нынѣ никто не повѣритъ, до какой степени Пруссаки, по примѣру государя своего, были предупредительны съ Русскими и какъ охотно они братались съ нами.

Переѣхавъ широкую Вислу, прибыли мы въ незавидный городъ Нови, который Нѣмцы назвали Нейенбургомъ. Тутъ начинается Западная Пруссія, то есть все то, что́ по первому раздѣлу отхвачено отъ Польши, и верстъ на сто тянущійся густой, а мѣстами и дремучій Тухельской лѣсъ, Tuchelsche Heide. Тутъ одинъ лишь высшій классъ, коммиссары, трактирщики говорятъ по-нѣмецки; прислуга же, почтари, всѣ прочіе жители чистымъ Польскимъ языкомъ. Такъ же какъ Нови, всѣмъ мѣстечкамъ даны Нѣмецкія имена; оставлено только *Плохочину*, и то съ прибавкою слова *гроссъ*. На обратномъ пути мнѣ пріятно было встрѣтить тутъ почти земляковъ и услышать почти родные звуки, а тогда мнѣ было досадно: мнѣ казалось, что это отдѣляетъ меня отъ Германіи, куда я спѣшилъ. Время между тѣмъ стояло ясное, холодное, несносное, на каждомъ ночлегѣ приходилось топить, мрачный лѣсъ рождалъ мрачныя мысли; въ Тухелѣ, давшемъ ему названіе, сдѣлалось теплѣе, за то пошелъ безпрерывный, проливной дождь и сдѣлалось грязно; ничего отраднаго не видѣли мы на всемъ пути. Въ городкѣ Коницѣ конецъ лѣсу и Польскому нарѣчію и начало почтовой дороги, по которой ѣздятъ и понынѣ. Только видно, что все еще Славянская страна, ибо часто встрѣчаются Славянскія названія мѣстъ и деревень, какъ напримѣръ Ястровъ *). Послѣ того есть Рушенъ-Дорфъ, коего жители Нѣмцы, но предки, говорятъ, были Русскіе, и я охотно повѣрилъ тому, ибо нигдѣ такъ шибко насъ не везли.

Переночевавъ въ Шлоппе, 22-го числа пріѣхали мы рано въ Гохцейтъ. Утро было радостно, какъ названіе сей деревни (свадьба); день сіялъ, солнце грѣло, а не палило, и на почтовомъ дворѣ, въ небольшомъ саду, какъ роднымъ послѣ разлуки обрадовался я дикимъ каштa-

*) Тутъ уже не Польша, а продолженіе Поморья (Помераніи) или малая Померанія или Померелія, какъ зовутъ ее Нѣмцы, которая болѣе двухъ сотъ лѣтъ имѣла особыхъ князей Самбора, Мстивоя, Вязимира и другихъ. Всѣ они упорно и отчаянно дрались съ орденомъ. Ими основаны Гданскъ (Данцигъ), гдѣ и была ихъ столица, Сталбо (Столпе) и монастырь Олива, гдѣ они и похоронены. На малое это княжество попеременно нападали Бранденбургъ, рыцари и Поляки; окончательно побѣда осталась за послѣдними. Послѣ смерти послѣдняго князя, по пресѣченіи княжескаго рода, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, Польша присоединила этотъ край къ своимъ владѣніямъ. И для чего? для того, чтобы въ восемнадцатомъ его отняли у нея Нѣмцы.

Библиотека "Руниверс"

намъ и тополямъ. Около двадцати лѣтъ разставшись съ Кіевомъ, гдѣ ихъ довольно, жилъ я все на Сѣверѣ и на Сѣверо-востокѣ, а тутъ вдругъ неожиданно перенесли они меня въ счастливое мое ребячество. И потомъ сколь часто случалось мнѣ, какъ ребенку, мгновенно забывать продолжительное горе! Здѣсь же вступали мы въ настоящую Германію, въ Неймаркъ, въ Новую Мархію Бранденбургскую, которая, впрочемъ, тоже не иное что́ какъ отрѣзанный ломоть отъ Помераніи. Наконецъ, я начиналъ прозрѣвать берегъ. Продолжительные дожди испортили однакоже дорогу, и мы не очень поспѣшно могли ѣхать по ней. Въ прекрасной гостиницѣ хорошенькаго города Ландсберга ночевали мы. На другой день увидѣли мы Одеръ, который всегда былъ и долженъ бы оставаться естественною границей Славянскаго племени; но далеко, далеко за него простерлось Нѣмецкое владычество.

На берегу сей рѣки стоитъ Кюстринъ. Въ крѣпость его тогда не въѣзжали, а останавливались на почтовомъ дворѣ среди обгорѣвшаго во время войны и еще не обстроеннаго форштата. Пока приготовляли намъ тутъ обѣдъ и лошадей, взглянулъ я въ зеркало и испугался себя: я весь обросъ бородой. Я спросилъ цырульника; а брить меня привели дѣвку; я нашелъ, что обычай этотъ хорошъ, только довольно страненъ. Въ первый разъ обѣдалъ я тутъ за общимъ столомъ и въ первый разъ увидѣлъ вблизи Прусскихъ офицеровъ, коихъ за нимъ было множество. Какъ назвать то, что́ отличаетъ ихъ отъ воиновъ другихъ націй? Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ для того слова, и на Французскомъ недавно пріискано старинное outrecuidance. Они говорили мало даже между собою, но каждый изъ презрительныхъ взглядовъ ихъ вызывалъ пощечину. Отчего именно Прусскіе офицеры такъ нестерпимы въ обращеніи? Оттого что почти всѣ они Славянскаго происхожденія, изъ Помераніи, изъ Польши, изъ Шлезіи, изъ Лузаціи. Тщеславіе, врожденное въ Славянахъ, въ другихъ земляхъ смягчается ихъ добросердечіемъ, а тутъ оно облечено и закалено въ Нѣмецкую грубость. Побѣды Фридерика ихъ возгордили, побѣды надъ ними Наполеона раздражили ихъ. Ничто имъ, сказалъ я про себя, и спасибо Французамъ. Народное самолюбіе еще болѣе возбуждало во мнѣ досаду. У меня передъ глазами была неприступная крѣпость, осажденная Русскими въ Семилѣтнюю войну; я находился въ одной мили только отъ Цорндорфа и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кунерсдорфа и Гроссъ-Егерндорфа, отъ мѣстъ, гдѣ Русскіе, подъ предводительствомъ не совсѣмъ искусныхъ генераловъ, Апраксина и Салтыкова, разбили въ прахъ первѣйшаго полководца своего времени. Названія мѣстъ славныя, нынѣ забытыя, едва извѣстныя Русскимъ, я васъ вспомнилъ тутъ! «Что́, подумалъ я, еслибы еще когда нибудь случилось.... вѣдь наши

Библиотека "Руниверс"

лучше прежняго отколотили бы ихъ; но увы, не нашему поколѣнію это видѣть».

Этотъ день не попали мы еще въ столицу Прусской монархіи. Двѣ мили не доѣзжая Мюнхеберга, гдѣ мы ночевали, начиналось шоссе, для меня совершенная невидальщина, ибо въ Россіи мы этой роскоши еще не знали. Съ тѣхъ поръ, два вѣнценосца, какъ объятія, начали простирать другъ къ другу шоссе, стараясь по возможности сократить разстояніе, ихъ раздѣляющее.

При самой благопріятной погодѣ, по тополевой аллеѣ, какъ коридоромъ, между двухъ высокихъ зеленыхъ стѣнъ, 24 Мая прибыли мы въ Берлинъ и остановились въ Петербургской гостиницѣ, на Липовой улицѣ, Unter den Linden, столь извѣстной всѣмъ проѣзжающимъ чужестранцамъ. Странно, что города, гдѣ бываю я лѣтомъ, въ хорошую погоду, всѣ мнѣ нравятся; оттого-то, вѣроятно, полюбился мнѣ для всѣхъ скучный Берлинъ. Онъ далеко простирается на Сѣверъ и на Югъ; одна Фридрихсштрассе, пересѣкающая Липовую улицу, имѣетъ три версты протяженія; но кто кромѣ жителей знаетъ тѣ кварталы? Тутъ же, гдѣ мы остановились, на маломъ пространствѣ сосредоточивается вся жизнь Берлина, который послѣ Петербурга регулярностію своею меня удивить не могъ. Липовая аллея, въ четыре ряда деревъ занимающая середину улицы, не знаю длины имѣетъ ли болѣе полуверсты, а она начинается у большаго королевскаго дворца и оканчивается у Бранденбургскихъ воротъ, гдѣ застава и выѣздъ изъ города. По обѣимъ сторонамъ аллеи находятся всѣ гостиницы, а изъ середины ея чрезвычайно пріятный видъ на прекрасные ворота, совершенно Греческія Пропилеи, съ возвышающеюся надъ ними бронзовою Викторіей, похищенною Французами и опять тутъ возстановленною. Тотчасъ за воротами начинается Тиргартенъ, звѣринецъ или паркъ, и бѣлизна колоннъ ихъ еще болѣе виднѣется на густой зелени его деревъ. Удобство немалое изъ центра города, черезъ четверть часа, быть на свѣжемъ воздухѣ, среди прохлады прекрасной рощи.

Нѣкоторыя починки въ каретѣ и необходимость перемыть все бѣлье, ибо на столь продолжительномъ пути мы всѣ обносились, заставили насъ дни на четыре остановиться въ Берлинѣ. Не разъ бывши за границей, Блудовъ успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя знакомства; сверхъ того, какъ немаловажный дипломатическій агентъ, нѣкоторымъ образомъ обязанъ былъ посѣщать Русскихъ дипломатовъ и получалъ отъ нихъ приглашенія. Два дни сряду обѣдалъ онъ у нашего посланника Алопеуса и у Португальскаго Лобо. Я же велъ уличную жизнь, по лѣности моей находя, что на столь короткое время не стоитъ труда представляться и знакомиться. Пользуясь свободою, старался и успѣлъ

Библиотека "Руниверс"

я видѣть почти все, что̀ въ этомъ городѣ есть примѣчательнаго; но подробно описывать видѣнное мною не стану.

Дворецъ великъ; насъ водили по комнатамъ его. Ихъ роскошь была старинная, благоразумная, слѣдственно не изумительная, какъ нынѣ въ Русскихъ дворцахъ: широкіе размѣры, штофные обои, хорошіе паркеты, большія зеркала, мѣстами позолота, все какъ слѣдуетъ, безъ преувеличенія. Нашъ чичероне толковалъ все о какой-то драгоценной *кронѣ* Фридерика; я полагалъ, что это алмазная корона его, а вышло, что подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ люстру изъ восточнаго хрусталя, которая впрочемъ стоитъ, говорятъ, 50 тысячъ рейхсталеровъ. Всего богаче показалась мнѣ комната, убранная по случаю проѣзда императрицы Елисаветы Алексѣевны: всѣ занавѣсы у оконъ и кровати были изъ серебряно-голубаго глазета съ золотыми шнурками, кистями и бахрамой. Особый домъ близъ дворца, въ которомъ жилъ король, отдѣланъ былъ, какъ намъ сказывали, болѣе въ новомъ вкусѣ; но хотя онъ былъ въ отсутствіи, не знаю почему насъ въ него не пустили. Въ самый день пріѣзда нашего посѣтилъ я театръ, называемый Королевскимъ; играли какую-то Нѣмецкую комедію, и весьма не дурно, но мнѣ показалось скучно. Есть еще оперный домъ, въ которомъ бываютъ великолѣпныя представленія; при насъ, лѣтомъ, кажется, не играли въ немъ.

Церквами этотъ городъ не богатъ; ихъ мало, и онѣ не красивы, что̀ и доказываетъ и прежнюю бѣдность этого края, и недостатокъ усердія къ вѣрѣ въ правительствѣ и жителяхъ. Домкирхе или соборъ, въ который входилъ я, чтобы посмотрѣть на могилы послѣднихъ курфирстовъ и первыхъ королей, пространствомъ менѣе всякой Петербургской церкви. Одна католическая, Святой Бригитты, нѣсколько замѣчательна; она построена ротондой по образцу Римскаго Пантеона. Въ воскресный день былъ я у обѣдни въ нашей посольской, домовой церкви, и потомъ у священника Чудовскаго, который показался мнѣ весьма обыкновеннымъ, но весьма порядочнымъ человѣкомъ. Выходя отъ него на Вильгельмштрассе, по близости, завернулъ я на Вильгельмову площадь, на которой, какъ куклы, разставлены мраморныя статуи шести героевъ Семилѣтней войны, Цитена, Зейдлица, Винтерфельда и другихъ.

Всякій вечеръ гулялъ я по Липовой аллеѣ. Мнѣ сказали, что есть Лустгартенъ, увеселительный садъ позади дворца: захотѣлось мнѣ и тамъ погулять. Я нашелъ тамъ большой, совершенный недостатокъ въ одномъ—въ деревьяхъ, за то простору очень много. Совсѣмъ иное въ Тиргартенѣ, куда въ Воскресенье вечеромъ направилъ я стопы свои, и направлялъ ихъ по многимъ его направленіямъ: весьма пріятная прогулка.

Библиотека "Руниверс"

Я поспѣшилъ къ увеселительному мѣсту, гдѣ вдоль рѣчки построены небольшіе домики; какъ сказать трактирцы, кабачки? Французы называютъ это генгетъ. На воздухѣ передъ ними рядами сидѣли чинно женщины и дѣвицы, довольно нарядныя, съ виду совсѣмъ не принадлежащія къ низшему сословію; мущины тутъ гуляющіе также были очень хорошо одѣты. Ни одна изъ сидящихъ не была безъ рукодѣлья, всѣ вязали чулки; не знаю отчего эта милая простота была мнѣ не по вкусу. Между чулочницами благопристойности ничто не нарушало, хотя вблизи ихъ пуншъ, пиво и табакъ стояли на столѣ. Тутъ, на берегу узенькой Шпрее, встрѣтилъ я источникъ будущихъ золъ для всѣхъ чувствительныхъ зрѣній и обоняній въ Европѣ: картавые мальчишки кругомъ кричали: *цигарос!* и мѣстами разстилались облака табачнаго дыму, конечно, не такъ густо какъ нынѣ въ Павловскомъ воксалѣ, въ виду высокихъ посѣтительницъ, но все таки сильно заражали благорастворенный, весенній воздухъ парка.

Посреди Тиргартена находится загородный дворецъ принца Августа, называемый Бельвю; по усталости не вошелъ я въ садъ его. Далѣе, съ полмили отъ Бранденбургской заставы, Шарлоттенбургъ съ пребольшимъ садомъ. Такая близость мнѣ нравится; я люблю гдѣ Русь и Урбсъ сходятся, чтобы бѣднымъ людямъ недалеко было ходить за невинными наслажденіями природы. Туда по широкой аллеѣ парка ѣздили мы въ открытой коляскѣ. Дворецъ Шарлоттенбурга невысокъ, но длиненъ и довольно великъ; хорошо сдѣлали, что сохранили простоту внутренняго его убранства, мода на него опять пришла; по большей части стѣны въ комнатахъ покрыты выбѣленнымъ деревомъ съ вычурными позолоченными украшеніями. Въ одной изъ нихъ съ любопытствомъ остановился я предъ изображеніемъ Фридерика Великаго въ восемнадцать лѣтъ; онъ написанъ совершеннымъ красавцемъ, а между тѣмъ схожъ со всѣми извѣстными его портретами. Весьма искусно живописецъ выразилъ быстрый, проницательный взглядъ его, предъ коимъ на одинъ мигъ опустилъ я глаза и въ коемъ есть нѣчто не земное, хотя и не небесное. Малую только часть сада успѣли мы видѣть; мы ходили смотрѣть великолѣпный памятникъ королевы Луизы. Онъ имѣетъ видъ небольшаго Греческаго храма, а внутри на продолговатомъ камнѣ находится бѣлая, мраморная, лежачая статуя ея, чудесное произведеніе знаменитаго ваятеля Рауха. Видѣвъ ее въ Петербургѣ, я нашелъ большое сходство; какъ во снѣ она, кажется, живая; по сторонамъ сходы въ склепъ, въ которомъ положено ея тѣло. Королеву похоронить не въ Божіемъ храмѣ, а въ саду, какъ любимыхъ попугая или моську! Оно такъ и слѣдуетъ, можетъ быть, по-протестантскому, но только что-то нехорошо по нашему по-христіанскому.

Библиотека "Руниверс"

Я не видѣлъ общества въ Берлинѣ, я не могу судить о немъ; за то сколько можно поверхностно, въ короткое время, старался разглядѣть Берлинцевъ вообще. Я замѣтилъ въ нихъ претензіи на какую-то особую щеголеватость, чрезвычайныя усилія подражать во всемъ ненавистной имъ Франціи. Самъ Фридерикъ, прозванный Великимъ, во всемъ что̀ касалось до блеска двора, перенималъ у Лудовика XV, котораго онъ такъ презиралъ; философы и другіе Французы, его часто посѣщавшіе, вмѣстѣ съ невѣріемъ старались распространять любезность въ обществахъ; однимъ словомъ, имъ введена галломанія въ Пруссію. Послѣ него, супруга его преемника, одна изъ гордыхъ принцессъ Гессенъ-Дармштатскихъ, родная сестра нашей надменной Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Перваго, умѣла поддержать все величіе королевскаго достоинства. Но лишь только она овдовѣла, молодая, прекрасная, веселая Луиза какъ бабочка вспорхнула на тронъ, и всѣ сердца къ ней полетѣли. Она жила среди забавъ и охотно раздѣляла ихъ со всѣми, безъ большаго различія. Веселость Нѣмокъ выражается обыкновенно смѣхомъ, пляской, нарядами: складу въ рѣчахъ уже не ищи тутъ. Если же которая изъ нихъ примется за умъ, то она не станетъ попустому тратить его на замысловатость и острословіе въ разговорахъ, не предастся его кокетству столь обворожительному даже въ старѣющихъ Француженкахъ; она ухватится за науку, за сентиментальность, за педантство. Въ этомъ нельзя было упрекать королеву Луизу. Долго изъ чаши жизни пила она однѣ только радости; тогда по голосу ея, какъ отъ звуковъ волшебной флейты, вся Пруссія запрыгала; эпидемія, по преданіямъ въ одной только Германіи извѣстная, танецъ Святаго Вейта, при ней опять появилась. Тряпичная, но не менѣе того разорительная роскошь также при ней доходила до настоящей модоманіи. Въ Парижѣ едва лишь мода успѣетъ тогда провозгласить новый законъ, а Берлинъ спѣшитъ первый привести его въ исполненіе *). Веселость двора уменьшила его важность въ глазахъ

*) Если Нѣмки великія охотницы наряжаться, за то онѣ и великія мастерицы въ этомъ дѣлѣ; оттого-то и вкусъ ихъ къ маскарадамъ. Какъ бывало въ ребячествѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ я святокъ и появленія переряженной дворни, по большей части въ вывороченныхъ тулупахъ, такъ въ первой молодости съ радостнымъ трепетомъ видѣлъ я, многогрѣшный, приближеніе Вторника на первой недѣли поста, когда бываютъ такъ-называемые Нѣмецкіе маскарады. Но, право, очень безвинно вкушалъ я отъ сего запрещеннаго плода; наглядѣться на странные, чудные или блестящіе наряды,—вотъ въ чемъ состояла вся моя претензія. Чего, бывало, Нѣмки и Нѣмцы тутъ не выдумаютъ! И какая вѣрность, точность въ сохраненіи костюмовъ! Большая часть изъ нихъ безъ масокъ, пресеріозно разговариваютъ съ встрѣчающимися знакомыми, а незнакомымъ маскированнымъ просто не отвѣчаютъ. Услышишь, какъ Рейтценштейнбергоферша богато одѣта, или какъ Лисхенъ мила пастушкой, или какъ Лоттхенъ въ Амазонскомъ платьѣ хорошо держитъ пику! Все это степенно тянется церемоніяльнымъ

Библиотека "Руниверс"

народа. Но въ Германіи это еще не бѣда; тамъ на каждомъ шагу встрѣчаютъ членовъ владѣтельныхъ фамилій, и скорѣе любятъ свободное ихъ обхожденіе. Но худо то, что Пруссія была одна только держава, которая сохранила постоянныя сношенія съ Конвентомъ и Директоріею Французской республики. Революціонеры безпрепятственно пріѣзжали въ нее и разсѣвали въ ней духъ якобинизма, къ чему она и приготовлена была безбожіемъ правительства. Сколько мнѣ извѣстно, Пруссаки до войны въ великомъ полководцѣ Франціи видѣли продолженіе революціи, а онъ былъ Наполеонъ, сокрушитель ея. Можетъ-быть, это самое было причиною недостатка въ усиліяхъ всенародно сопротивляться ему. Съ другой стороны, Франція такъ привыкла къ покорности Пруссіи, что разрывъ ея съ нею Наполеонъ почиталъ почти мятежемъ, а побѣды свои усмиреніемъ его. Не похитителя престоловъ, а истребителя свободы народовъ, возненавидѣла въ немъ раздавленная имъ Пруссія; не законнаго монарха, благодушнаго и твердаго, полюбила она въ Александрѣ, а Штейномъ обѣщаннаго ей либерала; и я увѣренъ, что тайно Пруссаки были заодно съ врагами порядка во Франціи. Шестилѣтнее, потомъ, пребываніе Французовъ и владычество ихъ имѣли также сильное вліяніе на нравы этой земли, и она осталась грубымъ отпечаткомъ непріязненнаго ей народа. Самый Нѣмецкій языкъ наполнился Французскими словами, какъ напримѣръ, die elegante Welt, die Eleganz, за которою такъ неудачно гоняются. Посѣянныя въ Пруссіи и въ Прирейнскихъ ея провинціяхъ пагубныя правила по замиреніи стали болѣе развиваться и распространяться по всей Германіи; нынѣ, говорятъ, тамъ великое броженіе въ умахъ. Невольная любовь къ честному, доброму и правдивому королю, непохожему на предковъ своихъ, съ коимъ вмѣстѣ упадали они, страдали и возстали, удерживала жителей отъ всякаго покушенія на его власть; но горе Пруссіи, если ораторъ, а не воинъ будетъ ея главою: тогда воспрянутъ писаки и говоруны. Въ благоустройствѣ своемъ Пруссія похожа на штучный

маршемъ, и сколько пройдетъ мимо тебя глупыхъ Фигаро, скучныхъ Пьерро и неподвижныхъ Арлекиновъ! Не суйся говорить съ ними: одинъ съ досадою что-то пробормочетъ, другой отвернется, третій, поучтивѣе, поклонится и пойдетъ далѣе: вотъ и все тутъ. Послѣ, когда я былъ постарѣе, мнѣ это не только наскучило, даже опротивѣло. Но когда, сквозь пеструю толпу, завидишь быструю походку, когда подъ широкимъ простымъ капуциномъ угадаешь ловкія движенія, будь увѣренъ, что это Француженка, поспѣши къ ней, изъ-подъ маленькой черной маски полюбуйся бѣленькой шейкой, миленькимъ подбородкомъ и какъ звѣзды блестящими глазками, заговори съ ней смѣло: она отвѣтитъ тебѣ умно, оригинально, забавно и пристойно, и если слегка кольнетъ твое самолюбіе, то такъ мило, что скорѣе захочешь смѣяться чѣмъ сердиться. Вотъ наслажденіе! Гораздо болѣе богатства, но право не болѣе ума въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ, недавно, какъ великія забавы, введенныхъ въ употребленіе. Да и самыя живыя картины, гдѣ нужно только разодѣться, да съ минуту неподвижно постоять или посидѣть, должны быть непремѣнно выдумкою Нѣмокъ.

Библиотека "Руниверс"

столъ: куски, кусочки на немъ искусно подобраны; но все это склеено, все это держится многочисленной, прекрасной арміей. Пока она за правительство,— опасаться нечего; но буде и она примется умствовать, тогда всему конецъ: Пруссію поминай, какъ звали.

Мнѣ, первый разъ въ жизни увидѣвшему Европейскую столицу, въ лучшее время года, послѣ скучнаго путешествія, могъ еще Берлинъ понравиться. Но и мнѣ чего-то не доставало; душа была какъ будто сжата. Военные смотрѣли дерзкими побѣдителями, гражданскіе люди хотѣли казаться глубокомысленными, всѣ вообще почитали себя отлично образованными. Притязанія на первенство между Нѣмецкими городами, зависть противъ Вѣны и Петербурга, о красѣ и пріятностяхъ коихъ Берлинцы равнодушно не могутъ слышать, наконецъ, изъ-за довольно прихотливой роскоши сквозящая шпарзамкейтъ (что̀ гораздо сильнѣе нашей бережливости) все это, конечно, довольно смѣшно, но то что̀ смѣшно не всегда бываетъ забавно. Берлинъ прослылъ скучнѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и даже Русскіе, которые нынѣ вездѣ шатаются, бываютъ въ немъ только проѣздомъ.

Мы оставили его 28-го числа поутру. Въ Потсдамѣ не удалось намъ посмотрѣть на жилище великаго Фридерика, ни на Сансуси его, а успѣли только что отобѣдать. Въ Трейенбриценѣ, гдѣ мы ночевали, была старая граница, въ послѣднее время далеко за Эльбу передвинутая; но тогда таможня не была еще перенесена. Пьяный чиновникъ ея явился было очень грубо насъ осматривать и былъ весьма недоволенъ, когда ему доказали, что онъ не имѣетъ на то права. На другой день въ Виттенбергѣ такая же неудача, какъ наканунѣ въ Потсдамѣ. Естественной потребности—обѣдать пожертвовали мы благополучіемъ поклониться могиламъ великихъ мужей Германіи. Мощи... что̀ было сказалъ я, окаянный!... прахъ Лютера и Меланхтона былъ близко отъ меня въ большой церкви, а мнѣ не судьба была взглянуть на ихъ памятники. Третій годъ только край этотъ находился во владѣніи Пруссіи, и жители его сохраняли еще прежній простодушный видъ свой. Хозяинъ трактира, гдѣ мы обѣдали въ Виттенбергѣ, добрый старикъ, со слезами на глазахъ говорилъ намъ о другомъ добромъ старикѣ, королѣ Саксонскомъ, коего отеческаго управленія лишились они. Вдругъ онъ спохватился, испугался и, немного наклонясь, сказалъ шопотомъ: die Herren Preussen sind zu nahe (господа - Пруссаки очень близко). Бѣдняжка! Онъ думалъ, что всѣ также ненавидятъ и боятся Пруссаковъ, какъ Саксонцы и всѣ другіе Нѣмцы. По наведенному мосту переѣхали мы черезъ Эльбу, коей берегъ также тутъ песчанъ, какъ Днѣпровскій; шоссе еще не было, мы часто вязли и съ Нѣмецкою ѣздой долго тащились до городка Шмидеберга. Это у насъ отняло много времени,

Библиотека "Руниверс"

но мы успѣли сдѣлать еще одну станцію до Дюбена и далѣе не поѣхали.

Въ одиннадцатомъ часу утра на другой день увидѣлъ я съ ребячества знакомый мнѣ Лейпцигъ: въ немъ учился учитель мой, добрый Мутъ, который вѣчно про него разсказывалъ. Этотъ городъ, и ученый, и торговый, всегда оживляемый университетомъ и часто ярмарками, мнѣ показался не великъ. Послѣ того онъ распространился, но въ это время былъ онъ весь сжатъ и вытянутъ вверхъ; улицы преузенькія, а дома въ пять или въ шесть этажей; у самаго же въѣзда его, кругомъ, прелестнѣйшіе сады. Это мнѣ чрезвычайно нравилось въ старинныхъ Нѣмецкихъ городахъ. Зимой, когда воздухъ сдѣлается свѣжъ и перестанетъ быть заразителенъ, всѣ соберутся на небольшомъ пространствѣ. Чтобы посѣтить пріятеля или знакомаго, на улицѣ нужно сдѣлать только два шага; за то, правда, взойти надобно и сойти сотню ступеней по лѣстницѣ. Кареты дѣлаются излишними; въ первый разъ увидѣлъ я тутъ портшезы, одноместныя каретки на носилкахъ; для жителя Петербурга зрѣлище довольно странное. Въ Отель-де-Франсъ, на Флейшерской улицѣ, гдѣ остановились мы, я, кажется, и часу не посидѣлъ дома; было гдѣ погулять и на что посмотрѣть.

Сперва лазилъ я на Плейссенбургъ, остатокъ древняго укрѣпленія: чрезвычайно высокая башня съ обсерваторіей. Оттуда смотрѣлъ я не на небо, а на знаменитое поле Лейпцигской битвы, гдѣ началось рѣшительное паденіе Наполеона. Тутъ все было какъ на ладони, и снисходительный, услужливый смотритель указывалъ мнѣ на мѣста, гдѣ находились какія войска. Кто не бывалъ никогда въ Лейпцигѣ, тотъ только не посѣтилъ Плейссенбурга; въ огромномъ фоліантѣ, гдѣ всѣ вписываются, смотритель заставилъ и меня похоронить свое имя. Оттуда пошелъ я въ загородный садъ Рейхеля, у самыхъ городскихъ воротъ находящійся. Безъ дальнихъ украшеній онъ чрезвычайно великъ и хорошо былъ содержанъ. Въ большомъ каменномъ домѣ была ресторація, а въ каждой куртинѣ, въ густотѣ деревъ спрятанный небольшой домикъ, съ прекраснымъ цвѣтникомъ, и надобно было нарочно заглянуть, чтобъ увидѣть его. Холостые и семейные, смотря по величинѣ домика, нанимали ихъ на лѣто. Въ этомъ случаѣ какъ не отдать справедливости Нѣмцамъ: они лучше насъ умѣютъ наслаждаться природой. Привлеченный названіемъ, заходилъ я въ Розенталь: дубовая роща, гдѣ не видѣлъ я ни одной розы. Окончилъ я бѣготню свою достойнымъ примѣчанія садомъ Рейхенбаха. Хозяинъ, вѣроятно весьма богатый человѣкъ, со вкусомъ и роскошью изукрасилъ его. На берегу одной изъ двухъ рѣчекъ, Эльстера и Плейссы, между коими онъ находится, построенъ хорошенькій павильонъ. У этого мѣста Французскій

Библиотека "Руниверс"

маршалъ, князь Іосифъ Понятовскій, съ лошадью бросился въ рѣку, когда Французы черезъ сады, огороды, овраги, куда ни попало, опрометью кинулись отъ союзниковъ-побѣдителей. Эльстеръ (по-русски сорока) весьма не широка, но чрезвычайно глубока, берегъ ея не высокъ, но крутъ; и сія сорока-воровка похитила у Поляковъ надежду ихъ: ибо Понятовскаго прочили они себѣ въ короли. Подлѣ павильона, на берегу рѣчки, самъ хозяинъ воздвигъ тутъ небольшой памятникъ погибшему герою. Но другой, гораздо болѣе, въ видѣ продолговатаго могильнаго камня, поставили Поляки посреди сада; на немъ нашелъ я много надписей, сдѣланныхъ карандашемъ Польскими патріотами; очень нужно было какому-то Русскому начертать и свои сожалѣнія о его участи! Предокъ Понятовскаго, слѣдуя за Карломъ XII, вездѣ сражался съ нашими войсками, и хотя дядя его, Станиславъ, Россіи былъ обязанъ королевскимъ титуломъ своимъ, племянникъ не отказался отъ наслѣдственной къ намъ ненависти. Нынѣ, подъ Русскимъ управленіемъ, и въ Варшавѣ, если не ошибаюсь, поставленъ памятникъ заклятому врагу нашему. Что̀ за добрый народъ! Что̀ за великодушное правительство!

Болѣе меня свѣдующій въ Исторіи Блудовъ утверждалъ, что Лейпцигъ построенъ Славянами подъ именемъ Липецка. Мнѣ казалось это невѣроятно; но я не спорилъ, ибо тогда мнѣ было все равно. Впрочемъ и нынѣ я такъ далеко не простираю своихъ видовъ; я гораздо скромнѣе въ желаніяхъ своихъ: лишь бы до Одера могли съ этой стороны дойти Славянскій міръ и Православіе, душа его, я былъ бы совершенно доволенъ.

Во время продолжительной прогулки моей по Лейпцигу и его садамъ—прогулки весьма пріятной—непріятно мнѣ было только часто встрѣчать студентовъ. Въ другихъ мѣстахъ нельзя ихъ различить отъ прочихъ молодыхъ жителей, а тутъ, среди смирнаго населенія Лейпцига, легко было узнать ихъ по ихъ дерзкимъ взглядамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, весьма еще немногіе, одѣлись въ странный нарядъ по портретамъ Альберта Дюрера, въ черной шапочкѣ, въ черномъ почти казачьемъ коротком платьѣ, съ распущенными волосами. Это, кажется, называлось *алтдейтшъ* и возвѣщало желаніе единства Германіи, чего осудить никакъ нельзя; но призваніе на помощь воспоминаній ея древности, по моему, плохое къ тому средство. Конечно, при прежнемъ раздробленіи ея на мелкія частицы, власть императорская была гораздо сильнѣе; но того ли хотятъ молодые Нѣмцы? Съ свободомысліемъ своимъ они усиливаются ограничить ее въ рукахъ своихъ владѣтелей. По невѣжеству моему привыкъ я почитать студентовъ взрослыми, большими школьниками, подчиненными строгому порядку, ко-

Библиотека "Руниверс"

торымъ слѣдуетъ доучиваться, а потомъ, вступивъ на какое либо поприще, присоединять опытность къ пріобрѣтеннымъ познаніямъ. Такъ, кажется, оно и было въ Германіи до 1813 г. Страдая отъ владычества Франціи и въ тоже время заражаясь ея идеями, профессоры вводили сихъ несовершеннолѣтнихъ въ тайныя общества, дѣлали ихъ участниками своихъ замысловъ и готовили ихъ быть орудіями освобожденія отечества. Пришли Русскіе, настоящіе избавители: тогда всѣ они, въ товариществѣ съ профессорами, являлись на поляхъ сраженій. Послѣ того возрасли они, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ общемъ мнѣніи, и сдѣлались въ Германіи особою грозною стихіей. Вездѣ слышали они громкое имя свободы, на дѣлѣ же еще мало ее видѣли; а злодѣи профессоры продолжали возбуждать ихъ. Въ нетерпѣніи своемъ кипучая ихъ молодость успѣла тогда уже выказать мятежный духъ свой; въ предыдущемъ году, собравшись изъ разныхъ университетовъ въ Вартбургѣ, успѣли уже они, среди непристойной оргіи, пѣть возмутительныя пѣсни и жечь знаки монархическихъ установленій; между ими несчастный Сеидъ, хладнокровно изступленный Зандъ, точилъ уже тогда кинжалъ на Коцебу. Въ слѣдующихъ годахъ, строгія мѣры, принятыя противъ главныхъ виновниковъ-профессоровъ, Окена и другихъ, на время усмирили ихъ буйство. Я начиналъ вступать въ тотъ возрастъ, въ которомъ на двадцатилѣтнихъ смотрятъ почти какъ на мальчиковъ, и эти показались мнѣ досадны и несносны.

Кромѣ пріятнаго отдохновенія ничто не удерживало насъ въ Лейпцигѣ, и на другой день, послѣднее число Мая, рано поутру оставили мы его. Цѣлый день видѣли мы мѣста прелестныя, чудесныя, но въ продолженіе послѣднихъ столѣтій часто орошаемыя потоками крови человѣческой. Сперва Лютценъ, и еслибы мы забыли о Густавѣ Адольфѣ, о немъ напомнилъ бы намъ поставленный ему тутъ памятникъ. Далѣе Россбахъ, гдѣ Пруссаки вѣчнымъ стыдомъ покрыли Францію; потомъ Наумбургъ, коего имя тѣсно связано съ воспоминаніями о Гусситахъ *) и, наконецъ, Ауэрштадтъ, гдѣ Французы за Россбахъ воз-

*) Въ Англіи, принявъ ученіе Виклёфа, можетъ быть, заблуждался Иванъ Гусь; за то и былъ онъ пожаренъ на Константскомъ соборѣ. Жаль, что за догматами вѣры не обратился онъ къ Царюграду, тогда еще (въ 1400 году) Турецкимъ мечемъ не покоренному; Господь Богъ спасъ бы его, а они утвердились бы въ Богеміи. Хотя Нѣмцы и почитаютъ его предтечею Лютера, но поносятъ его, ибо онъ первый съ успѣхомъ дерзнулъ сильно возстать противъ католицизма и германизма, враждебныхъ Славянской породѣ. Не менѣе того, Нѣмецкіе историки стараются затмить славу неукротимаго, неумолимаго предводителя Гусситовъ Ивана Жишки и преемника его великаго Прокопія. Чехи не смѣли донынѣ вступиться за нихъ; авось ли между Чешскими или нашими писателями найдется, наконецъ, защитникъ памяти сихъ трехъ безсмертныхъ мужей.

Библиотека "Руниверс"

дали Пруссакамъ сторицею. Я не буду говорить о другихъ примѣчанія достойныхъ мѣстахъ, чрезъ кои въ этотъ день мы проѣхали: о Вейссенфельсѣ, столицѣ уже несуществующаго герцогства, отъ коего остался въ немъ одинъ старинный дворецъ, ни о Экартсбергѣ, гдѣ въ развалинахъ древній замокъ, построенный маркграфомъ Экартомъ, служившій потомъ притономъ многочисленной разбойничьей шайкѣ. Я спѣшу въ Веймаръ, гдѣ въ этотъ же вечеръ простились мы съ Маемъ мѣсяцемъ и встрѣтили Іюнь, разумѣется, по нашему, по старинному численію.

Имя Веймара извѣстно всѣмъ состояніямъ въ Россіи, вездѣ произносится оно въ ней съ любовію и почтеніемъ: въ этомъ городѣ болѣе тридцати лѣтъ живетъ великая княгиня, еще болѣе Русская по сердцу и по чувствамъ, чѣмъ по имени. Покоряясь судьбѣ, живетъ она вдали отъ Россіи, которая осталась ея любимою мечтой. Она часто осуществляется передъ нею проѣзжими Русскими; всѣ они смѣло идутъ къ ней на поклоненіе. Блудовы обязаны были явиться къ Маріи Павловнѣ, особенно Анна Андреевна, которая, нѣсколько лѣтъ находясь при императорскомъ дворѣ, была ей лично извѣстна и знакома. Мнѣ же хотѣлось и можно бы было, и даже слѣдовало, ей представиться; да со мной мундира не было. Но въ этомъ случаѣ какой церемоніялъ соблюдается при маленькомъ дворѣ! Съ почтеніемъ и за совѣтами пошли мы съ Блудовымъ къ находившемуся тутъ, на обратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ Россію, князю Александру Борисовичу Куракину. Онъ остановился въ Веймарѣ на все лѣто, въ ожиданіи прибытія осенью вдовствующей императрицы, которой всею душой былъ онъ преданъ и которая, въ старости, послѣдній разъ хотѣла еще взглянуть на родину. Достопочтенный и, можно сказать, милый старецъ, нѣкогда мой начальникъ и всегда милостивецъ, встрѣтилъ насъ съ улыбкой радости, казался здоровъ, веселъ, шутилъ, вспоминалъ со мною о Пензѣ и о нашемъ Симбухинѣ и разсказалъ какъ поступить въ дѣлѣ представленія *). Въ тотъ же день великая княгиня прислала придворную карету свою за Анной Андреевной, приняла ее у себя за-просто и предложила ложу свою въ театрѣ. Не имѣя права вступить въ нее, я пошелъ въ него за свои деньги, нашелъ, что очень хорошъ, но что̀ играли въ немъ, пусть не спрашиваютъ: совѣстно сказать, не помню.

*) Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того скончался онъ въ Веймарѣ отъ приключившейся ему внезапно болѣзни. Онъ былъ сложенія крѣпкаго и могъ бы долго прожить; но во время пожара, бывшаго въ Парижѣ, на праздникѣ у князя Шварценберга, по случаю свадьбы Наполеона, гдѣ сгорѣла и невѣстка самого Шварценберга, спасающеюся толпой былъ онъ опрокинутъ и истоптанъ. Онъ вышелъ съ обгорѣвшими волосами и руками и никогда въ здоровьѣ своемъ послѣ того поправиться не могъ. Согласно желанію его, похоронили его въ церкви Павловскаго, гдѣ императрица поставила ему памятникъ, съ надписью: „Другу супруга моего.

Библиотека "Руниверс"

Это точно непростительно: Веймаръ почитался Нѣмецкими Аѳинами; Шиллеръ, Гете, Виландъ, Гердеръ долго жили въ семъ городкѣ, подъ покровительствомъ старой герцогини Луизы; слѣдственно и на сценѣ кромѣ изящнаго ничего быть не могло. Поименованныхъ писателей не было уже на свѣтѣ; одинъ Гете былъ живъ и тотъ находился въ отсутствіи. Чиновникъ посольства, или повѣренный въ дѣлахъ, Струве, племянникъ чудака, мною нѣкогда изображеннаго, предложилъ Блудову идти осмотрѣть его жилище; я не сопровождалъ ихъ: такая набожность къ знаменитости въ моемъ мнѣніи не столь высокой, еще живой, чужеземной, показалась мнѣ непонятною и неумѣренною.

Наши путешественники очень хорошо знаютъ теперь, что всѣ эти Нѣмецкія великокняжескія резиденціи точно тоже, ни болѣе ни менѣе, что̀ загородныя, увеселительныя мѣста нашихъ царей. Народонаселеніемъ и тогда Веймаръ былъ богаче Царскаго Села, но пространствомъ и на половину не могъ съ нимъ равняться. Изъ нашихъ комнатъ, въ гостинницѣ Слона, на площади въ срединѣ города, вездѣ не въ дальнемъ разстояніи можно было видѣть выѣздъ изъ него: дома были тѣсно между собою построены, но не высоки и не красивы. Дворецъ герцогскій, который видѣлъ я только снаружи, показался мнѣ обширенъ, а паркъ его, пріятно и искусно расположенный, еще болѣе. Я не замѣтилъ тутъ павильоновъ, памятниковъ и тому подобныхъ обыкновенныхъ украшеній парковъ; видѣлъ въ немъ только продолговатую безъ купола Грекороссійскую церковь нашу, и на другой день, который былъ воскресный, я пошелъ въ нее.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ взглянуть на великую княгиню. Во время обѣдни, обыкновенно, замѣчала она всѣ новыя лица, послѣ того разспрашивала о нихъ и подзывала къ себѣ; я не намѣренъ былъ представляться и старался такъ стать, чтобы мнѣ ее хорошо, а ей меня совсѣмъ не видать было. Изъ малаго числа присутствовавшихъ примѣтилъ я только одну, мнѣ послѣ столь знакомую княгиню Мещерскую, которая два года какъ тутъ поселилась: это была Катерина Ивановна, жена синодальнаго оберъ-прокурора, сестра будущаго министра Чернышова и мать будущаго Руссо-Французскаго писателя, князя Элима. Послѣ обѣдни, Блудовы переодѣлись, нарядились и поѣхали представляться къ велико-герцогскому двору, послѣ чего получили приглашеніе къ обѣду. По возвращеніи ихъ, я съ любопытствомъ обо всемъ разспрашивалъ, и мнѣ не отказано было въ удовлетвореніи. Королевскія повадки герцогини Луизы, подобострастіе придворныхъ, коимъ умѣла она окружить себя, и позлочности мнѣ понравились; жаль только, что не на болѣе возвышенной сценѣ поставлена она была. Сестры ея, Русская, Наталья Алексѣевна, Прусская, вдовствующая королева, уже по-

Библиотека "Руниверс"

койная, и маркграфиня Баденская, мать императрицы Елисаветы Алексѣевны, также какъ и она, на самомъ краю поддерживали еще величіе владѣтельныхъ особъ, когда въ цѣлой Европѣ готово оно было рушиться. Послѣ изображенія свекрови, пріятно мнѣ было слышать о любезности невѣстки, не менѣе исполненной достоинства, также о похвалахъ, которыя невольно расточала она отечеству своему, даже блеску и бѣлизнѣ нашихъ снѣговъ. О ихъ мужьяхъ упомянуто было мало; впрочемъ извѣстно, что одинъ былъ старый почтенный воинъ временъ Фридерика, а нынѣ царствующій сынъ и наслѣдникъ его предобрѣйшій простякъ.

Послѣ Веймара, что̀ станція, то столица или по крайней мѣрѣ извѣстный городъ. На первой станціи, въ укрѣпленномъ Эрфуртѣ, мы не надолго остановились. Намъ указали домъ, гдѣ жилъ Александръ, а не тотъ, въ которомъ принималъ его Наполеонъ. Тутъ опять увидѣлъ я подъ именемъ Орла Прусскаго чернаго ворона въ бѣломъ полѣ, который такъ мнѣ надоѣлъ, также и синіе мундиры съ оранжевымъ воротникомъ Прусскихъ почтарей, послѣ которыхъ полюбился было мнѣ даже канареечный цвѣтъ Саксонскихъ. Пруссія по всей сѣверной Германіи провела черезполосныя владѣнія свои, съ явнымъ намѣреніемъ при удобномъ случаѣ захватить между ними лежащее и приблизиться къ великой цѣли единства Германіи.

Въ Готѣ, не въѣзжая въ городъ для перемѣны лошадей, останавливаются на горѣ, откуда, впрочемъ, весь онъ виденъ. Онъ обширнѣе и болѣе похожъ на столицу, чѣмъ Веймаръ; жаль мнѣ было, что вблизи не могъ я посмотрѣть на мѣсто изданія любимаго моего *Готскаго Календаря* и жительство издателя его, всемірнаго путеводителя Рейхардта. Ночевали мы въ другой, только бывшей столицѣ, Эйзенахѣ. Вся эта страна принадлежала нѣкогда къ обширнымъ владѣніямъ ландграфовъ Тюрингенскихъ; когда же досталась Саксонскимъ герцогамъ, они почали дробить ее на удѣлы между сыновьями и внуками; оттого-то такъ много Саксонскихъ линій, изъ коихъ нѣкоторыя пресѣклись. Русскій съ деньгами въ Германіи не умретъ съ голоду, вездѣ накормятъ его дешево и сытно; но это могло случиться съ нами въ Эйзенахѣ. Хозяинъ гостинницы Полулунія, воспитанный на Французскій манеръ, нашедъ вѣроятно, что желудки образованныхъ людей, какъ мы, не могутъ вынести другой пищи кромѣ самой деликатной, подалъ намъ къ ужину легонькій бульонъ, цыплятъ и бисквиты. Извѣстно каковъ аппетитъ у путешественниковъ; намъ было и смѣшно и досадно.

Вѣхавъ оттуда на другой день, мы забыли и голодъ, и едва чувствовали жаръ, который безпрестанно увеличивался: до того окрестности дороги, по которой проѣзжали мы, были живописны и очаро-

Библиотека "Руниверс"

вательны. Это были остатки знаменитаго Тюрингенскаго лѣса, нѣкогда страшнаго. Мы взглянули на Вартбургъ, гдѣ недавно происходили преступныя проказы университетской молодежи; далѣе подивились двумъ человѣкообразнымъ скаламъ, извѣстнымъ подъ именемъ монаха и монахини. Мнѣ бы хотѣлось увѣрить по крайней мѣрѣ католиковъ, что это обращенные въ камень Августиніанскій монахъ Мартынъ Лютеръ и клятвопреступная монахиня его Катерина де-Бора, нарушившіе произнесенные ими обѣты; но мы живемъ не въ вѣкъ Овидіевыхъ превращеній. Если не столицы, то небольшіе города за Эйзенахомъ встрѣчались намъ при каждой перемѣнѣ лошадей: Марксулъ, Фахъ, Бутларъ. Первый въ прошедшемъ вѣкѣ пересталъ быть также столицей небольшаго Саксонскаго герцогства, коему давалъ свое имя; послѣдніе два находятся уже въ Гессенъ-Кассельскихъ владѣніяхъ.

Мы довольно рано пріѣхали ночевать въ Фульду, чтобъ увидѣть тутъ въ сумерки пребольшой дворецъ съ большимъ садомъ. Лѣтъ за тридцать до того жительствовалъ въ немъ не епископъ, а просто аббатъ, и владѣлъ не однимъ городомъ, а и небольшою областью: онъ имѣлъ дворъ, гвардію и до четырехъ тысячъ войска. Такія чудеса могли творить только Римскій католицизмъ и примѣръ папъ. До реформаціи Германія была наполнена такими князьями-аббатами, княгинями-аббатисами; въ нынѣшнія времена всѣ эти gefürstete Abbtei были упразднены или секуляризованы. Послѣ Аміенскаго трактата Фульда отдана принцу Оранскому въ вознагражденіе за потерю правъ въ Голландіи, и онъ тутъ державствовалъ; теперь она простой Гессенскій городъ. Какъ сѣверный житель, не могъ я не замѣтить въ Фульдѣ, что, начиная отъ самаго Кенигсберга, величина печей, мѣняясь въ формахъ и все болѣе уменьшаясь по мѣрѣ приближенія къ Рейну, достигла тутъ до пропорцій небольшаго чугуннаго столба, служащаго какъ бы подножіемъ чугунной вазѣ. Къ удовольствію моему, это доказывало умноженіе теплоты климата, а еще болѣе, какъ на опытѣ я узналъ, горячій темпераментъ жителей. Лѣтомъ до того они раскалятся, что едва достанетъ имъ зимы, чтобы совершенно простыть. За Фульдой пойдутъ опять города Шлюхтернъ, Саальмюнстеръ, Гельнгаузенъ, кои, подобно большей части нашихъ, едва ли заслуживаютъ сіе имя, развѣ потому только, что обведены валящеюся каменною стѣной и при въѣздахъ имѣютъ небольшія башни. Послѣ нихъ Ганау, съ дворцемъ, долженъ былъ показаться намъ большимъ городомъ. Въ немъ прежде имѣлъ пребываніе наслѣдникъ Кассельскаго престола и назывался графомъ Ганаускимъ. Но и этотъ городъ не остановилъ насъ: мы разочли, что еще поспѣемъ во Франкфуртъ на Майнѣ, куда и прибыли 5-го Іюня ввечеру.

Библиотека "Руниверс"

Главный изъ оставшихъ четырехъ Вольныхъ Имперскихъ городовъ, мѣстопребываніе Германскаго Сейма, Франкфуртъ нѣкоторымъ образомъ можетъ почитаться столицею всей Германіи, и путешественникамъ нельзя въ немъ не остановиться. Тутъ же приходилось мнѣ разстаться съ любезнѣйшими моими спутниками. Висбаденъ находится въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ только миляхъ; но въ жаркое время почувствовалъ я совершенное облегченіе, и мнѣ растолковали, что для полнаго курса лѣченія нужно мнѣ не болѣе шести недѣль, а около трехъ мѣсяцевъ оставалось еще того, что̀ называютъ воднымъ временемъ года, saison des eaux. Я уже не такъ торопился; къ тому же мнѣ чрезвычайно хотѣлось повидаться съ любимою сестрой. На продолжительномъ пути, люди, ѣдущіе вмѣстѣ, обыкновенно подъ конецъ ужасно какъ надоѣдаютъ другъ другу. Тутъ видно этого не было, ибо Блудовы стали уговаривать меня доѣхать съ ними до Шалона, откуда очень близко до Ретеля, гдѣ находились мои родные. Предложеніе это было мнѣ слишкомъ по сердцу, чтобъ я не принялъ его. Но коли уже разъ измѣнился первый планъ мой, сказали мнѣ, почему бы мнѣ не доѣхать до Парижа: другой случай не скоро представится; туда могу я выписать брата и сестру. Какъ сказано, такъ и сдѣлано, и въ тотъ же день о намѣреніи моемъ написалъ я къ брату въ Мобёжъ.

Коль скоро дѣло рѣшено, что я увижу Парижъ, на Франкфуртъ что-то не хотѣлось уже мнѣ и смотрѣть. А стоило того. Онъ образуетъ полукружіе, коего оба конца упираются въ рѣку Майнъ; также какъ Лейпцигъ онъ не великъ, но гораздо лучше и пышнѣе его; разодѣтъ онъ въ великолѣпные, обширные сады, которые внѣ города тянутся далеко отъ него, въ иномъ мѣстѣ на полмили; примыкая къ нему узкимъ концомъ, они составляютъ вокругъ него какъ бы огромный, распущенный зеленый вѣеръ. Этого мало: какъ цвѣтною лентой весь опоясанъ онъ бульваромъ, который, обхватывая его, идетъ изъ конца въ конецъ. Мѣсто, которое занимали сломанныя стѣны, срытый валъ и засыпанные рвы, расчищено и засажено деревьями и кустами; подъ скромнымъ именемъ бульвара это преширокій, а еще болѣе длинный садъ, въ которомъ проведены излучистыя дорожки. Преимущественно онъ былъ наполненъ розовыми кустами; а какъ въ это время всѣ они были въ цвѣту, то глазъ могъ любоваться милліонами розановъ. Я пристрастился къ этому мѣсту, и три дня что̀ мы тутъ пробыли, утромъ и вечеромъ ходилъ гулять въ него. Другаго ничего не хотѣлось мнѣ видѣть: ни городскихъ памятниковъ, ни даже знаменитыхъ садовъ, которые у меня были въ виду. Отчего? Самъ не знаю; можетъ быть отъ пресыщеннаго, притупленнаго любопытства. Прогуливаясь тутъ, мнѣ случалось иногда мысленно переноситься не въ темныя, а въ врачныя

Библиотека "Руниверс"

времена Европейской исторіи, не столь отъ насъ отдаленныя. На этомъ мѣстѣ, думалъ я, гдѣ нынѣ благоухаютъ розы, гдѣ столько пріятностей и удобствъ для прогуливающейся безпечности, также какъ и во всѣхъ городахъ Западной Европы, вѣчно-тревожные жители сторожили приближеніе враговъ: ни покоя, ни безопасности не знали люди. Шайки, числомъ разбойниковъ равняющіяся сильному войску, называемыя большими компаніями, нанимаемы были владѣтельными государями, попеременно служили врагамъ и изъ платы губили народъ. Ну если подобныя времена возвратятся? Нѣтъ, не можетъ статься, отвѣчалъ я себѣ. Нынѣ, увы, я менѣе чѣмъ прежде увѣренъ въ этой невозможности.

Мы жили на большой улицѣ Цейль, всѣмъ проѣзжающимъ извѣстной, въ гостинницѣ подъ вывѣской «Римскаго Императора». Большая деревянная человѣческая фигура, вся вызолоченная, въ мантіи и съ короной, поставлена была надъ воротами. Нигдѣ принцы такъ не приглядѣлись, какъ во Франкфуртѣ, нигдѣ не обращаютъ на нихъ менѣе вниманія: они безпрестанно пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ изъ него. Въ комнатѣ, которую я занималъ, имѣлъ я сосѣдомъ съ одной стороны эрцгерцога-палатина Венгерскаго, съ другой—сосѣдкой моей была герцогиня Генріетта Виртембергская. Тамъ, гдѣ жилъ Русскій посланникъ на улицѣ въ большомъ домѣ, на дворѣ въ нижнемъ этажѣ, помѣщалась бывшая Гишпанская королева, мадамъ Жозефъ-Бонапарте, а въ самомъ верхнемъ—бывшій Шведскій король, именующій себя то Вазой, то полковникомъ Густавсономъ. Изъ любви къ Исторіи и преданіямъ древности, Нѣмцы сохраняютъ еще нѣкоторое уваженіе къ владѣтельнымъ домамъ; неудивительно, если это чувство совсѣмъ исчезнетъ въ нихъ. За то въ торговомъ Франкфуртѣ съ благоговѣніемъ говорили о банкирахъ, вездѣ упоминаемо было имя Бетмана; о Ротшильдахъ тогда что-то еще мало было слышно, также и о Гонтарахъ. Видно, дѣла послѣднихъ не были въ столь цвѣтущемъ состояніи; но ихъ должно было поддержать, утѣшить родство съ Нессельродомъ: онъ отъ нихъ произошелъ; имъ гордятся они, какъ Нарышкины Петромъ Великимъ.

Дорогой не любилъ я бриться и одѣваться; оттого-то никого охотно не посѣщалъ. Я не былъ и не обѣдалъ съ Блудовымъ у нашего посланника при Сеймѣ; только почти въ минуту нашего отъѣзда приневолилъ онъ меня съ собою къ нему идти. Я нашелъ въ г. Анштетѣ умнаго Нѣмца съ Французскою любезностію, неутомимаго, искуснаго говоруна, который, какъ мнѣ казалось, въ многорѣчіи топитъ заповѣдныя мысли свои.

Съ тѣмъ чтобы ночевать въ Майнцѣ, послѣ поздняго обѣда, 9-го числа выѣхали мы изъ Франкфурта. Я слыхалъ объ этой неприступной

Библиотека "Руниверс"

твердынѣ и думалъ, что увижу передъ собой высокія, огромныя укрѣпленія; мои желанія были обмануты, но это доказываетъ только невѣдѣніе мое въ фортификаціонной наукѣ. Въ первый, но не въ послѣдній разъ я переѣхалъ тутъ по мосту черезъ Рейнъ, который Нѣмцы почитаютъ собственностію, а Французы—законною, естественною границей. Мнѣ не судьба была видѣть эту знаменитую рѣку во всей красѣ ея, между виноградниковъ, навислыхъ скалъ и живописныхъ развалинъ; гдѣ я ни проѣзжалъ ее, текла она въ ровныхъ берегахъ. Было еще довольно рано, когда мы пріѣхали въ Майнцъ; дѣлать было нечего, и я пошелъ смотрѣть на закатъ солнца. Картина точно прекрасная и величественная, когда пламенное свѣтило тонетъ и гаснетъ въ спокойныхъ волнахъ широкаго Рейна.

Одну только станцію до Алцея ѣхали мы Гессенъ-Дармштатскимъ владѣніемъ, потомъ вступили въ часть Палатината, принадлежащую Баваріи. За Рейномъ нѣтъ еще тутъ Франціи; но все тогда отзывалось ею, все показывало недавнее ея владычество, особенно же чрезвычайно быстрая ѣзда. Какъ нынѣ устроена другая кратчайшая дорога на Ингельгеймъ, мѣсто рожденія Карла Великаго, гдѣ находятся остатки дворца его, и на Сарлуи, то на-скоку назову я только здѣсь мѣста, чрезъ кои мы пролетали: Кирхенполандъ, Стандебюль, Ландштуль. Переночевавъ въ Рорбахѣ, на другое утро въ Сарбрюкѣ опять показался было Прусскій Орелъ, но не успѣлъ я отвернуться, его не стало, и близъ Форбаха мы переѣхали новую Французскую границу. Вездѣ на станціахъ слышали мы забавный Французскій языкъ, коимъ говорятъ Нѣмцы, мѣняя *буи* на *покой*, *ольди* на *фертъ*, *живете* на *ша* и наоборотъ. Всѣ тѣ, кои могли на немъ объясняться, какъ бы гнушались природнымъ языкомъ своимъ. Не знаю, можно ли осуждать Французовъ за то, что они неохотно учатся иностраннымъ языкамъ и даже смѣются надъ ними: за то свой въ мѣстахъ ими занимаемыхъ вводятъ въ общее употребленіе и тѣмъ прикрѣпляютъ ихъ къ Франціи.

Излишняя точность въ разсказѣ бываетъ иногда утомительна, и не не знаю, хорошо ли я дѣлалъ, называя почти всѣ станціи. Воздержусь отъ того, и на предлежащемъ мнѣ пути за справками отошлю читателя къ печатнымъ маршрутамъ. Въ первомъ Французскомъ, или скорѣе офранцуженномъ, городѣ Метцѣ нельзя было не остановиться. Тутъ рѣзко обозначена была разница между двумя народами; тутъ Гальскій элементъ совершенно подавилъ и поглотилъ Германскій. Мы гуляя пошли смотрѣть какіе-то ряды; на улицахъ вездѣ говоръ, хохотъ, грохотъ, веселые взгляды, быстрая походка. Такая живость оживила и меня. Блудовъ придрался къ случаю посмѣяться надъ моею галломаніей, а я былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что самъ

Библиотека "Руниверс"

помогалъ ему въ томъ. Слѣдующій день ночевали мы въ другомъ изъ трехъ Лотарингскихъ епископствъ, насильственно, но справедливо Людовикомъ XIV присоединенныхъ къ Франціи, въ Вердёнѣ, который славится своими конфектами. Тутъ уже настоящая Франція, и не остается почти слѣдовъ Нѣмецкой чистоплотности. Въ лучшемъ трактирѣ, куда насъ привезли, надобно было проходить чрезъ огромную кухню, высокую, въ два свѣта, чтобы по устроенной въ ней узкой лѣстницѣ войдти въ жилые покои. Сіи послѣдніе были довольно щеголевато и даже богато убраны; но полъ въ нихъ былъ кирпичный, вымазанный темнокрасною краской и натертый воскомъ, какъ это водится во всѣхъ небогатыхъ домахъ Франціи. Мы непріятнымъ образомъ были сими изумлены, особенно же Анна Андреевна. Какъ можно не хвалить опрятность? Однакоже я замѣчалъ, что тѣ, которые слишкомъ строго ее соблюдаютъ, бываютъ обыкновенно люди сердитые, суровые; добродушіе безпечнѣе на этотъ счетъ, и вотъ одна изъ немногихъ чертъ сходства нашего съ Французами.

Не доѣзжая до Шалона, пока запрягали намъ лошадей на станціи Понъ-де-Соммевелѣ, разговаривалъ я со старикомъ-смотрителемъ почты, почтенной наружности, котораго нарядъ меня немного удивилъ. Онъ былъ напудренъ, причесанъ à l'aile de pigeon, съ косой, въ короткомъ черномъ нижнемъ платьѣ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ огромными пряжками, точно такъ какъ одѣвались лѣтъ за тридцать прежде того. По его словамъ, онъ болѣе тридцати пяти лѣтъ находился на одномъ мѣстѣ и никогда не хотѣлъ мѣнять костюма. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ трудно было ему удержаться отъ изъявленія горести и даже слезъ, когда провозили тутъ захваченнаго въ Варennѣ Людовика XVI. Въ скромной долѣ своей онъ оставался недвижимъ среди народныхъ волненій: терроризмъ, война проходили надъ слабою головой его, не коснувшись ея. Насчетъ наряда своего сказалъ онъ мнѣ, что въ Парижѣ увижу много ему подобныхъ, а еще болѣе внутри Франціи. Впрочемъ это не должно было бы меня удивлять, когда, начиная отъ Метца, всѣ почтари, а въ иныхъ мѣстахъ и мужики въ блузахъ, носили еще престрашные напудренные катоганы. Сколько странностей въ этомъ непонятномъ народѣ, сколько контрастовъ, сколько постоянства при всей его верченности!

Еще ближе къ Шалону невольно должны мы были остановиться на нѣсколько минутъ въ селеніи, гдѣ не мѣняютъ лошадей, чтобы полюбоваться его церковью. Это пребольшой соборъ называемый Нотръ-Дамъ-де-л'Епинъ, и не думаю, чтобы въ цѣлой Франціи нашелся другой ему равный въ красѣ. Сколько искусства, терпѣнія, и какъ много времени нужно было, чтобы изъ камня изсѣчь такое множество кру-

Библиотека "Руниверс"

жевъ и ими покрыть храмъ Богородицы. Для одной этой церкви стоило бы учредить тутъ городъ.

Въ Шалонѣ на Марнѣ показывается сія рѣчка (рѣкой назвать ее много) и потомъ до самаго Парижа сопутствуетъ ѣдущимъ въ него. Берега ея обсажены виноградниками, изъ за нихъ подымаются меловыя горы, не весьма пріятныя для вида; самые дома построены изъ меловатаго и мягкаго камня, который онѣ производятъ. Вообще вся эта страна не очень красива; сами Французы называютъ ее вшивою Шампаніей и жителей ея попрекаютъ глупостію. Русскіе молодые офицеры говорятъ о ней гораздо болѣе съ уваженіемъ: въ ней источникъ частыхъ для нихъ радостей. Не съ равными ихъ восторгами, но съ достодолжнымъ почтеніемъ проѣхали мы Эперне́, прилегающее къ нему мѣстечко Аи и купили бутылку вина, за которую и тутъ заплатили довольно дорого, девять франковъ. Становилось уже темно, когда названіе Дормана еще болѣе расположило насъ ко сну, и на этой станціи имѣли мы послѣдній ночлегъ передъ Парижемъ.

Въ Шато-Тіерри, родинѣ Лафонтена, въ хорошенькомъ городкѣ, лучшемъ изо всѣхъ, кои видѣли мы во Франціи, по мосту переѣхали мы опять Марну, и съ правой она очутилась у насъ на лѣвой сторонѣ. Почва земли изъ бѣлой превращается тутъ въ черную, и мѣста становятся гораздо пріятнѣе. Отсюда также начинается прежняя провинція Бри, снабжающая Парижъ сыромъ. Отъ Ла-Ферте-су-Жуаръ идетъ вплоть до столицы высокая вязовая аллея, но дорога все не дѣлается лучше. Въ этомъ случаѣ Французы должны уступить Нѣмцамъ: первымъ ѣхать пусть бы больно, лишь бы шибко; а послѣднимъ, хотя-бы тихо, только покойно. Оттого-то въ Германіи почти вездѣ находили мы шоссе, а во Франціи должны были скакать по мостовой изъ крупныхъ каменьевъ, не вездѣ равныхъ. Теперь, говорятъ, сдѣлано тамъ прекрасное шоссе. Опять Французы въ этомъ похожи на насъ: чего сами не выдумаютъ, то удачно переймутъ и перещеголяютъ.

Довольно большой городъ Мо, верстахъ въ сорока отъ Парижа, можетъ уже почитаться предмѣстьемъ его; за нимъ селенія почти безпрерывно тѣснятся въ дорогѣ, а немного проѣхавъ Клэ, предпослѣднюю станцію, увидѣлъ я издали мельницы на высотахъ Монмартра, которыя такъ недавно еще Русскіе взяли штурмомъ.

VIII.

Сильно забилось во мнѣ сердце, когда 14 Іюня, въ шестомъ часу по полудни, сталъ я подъѣзжать къ Парижу. Неожиданность поѣздки моей въ него, воспоминанія о побѣдахъ нашихъ, которыя вновь намъ открыли въ него путь, надежда скоро увидѣть въ немъ родныхъ, до

Библиотека "Руниверс"

ѣысочайшей степени возбужденное любопытство въ минуту, въ которую должно было оно удовлетвориться, прекраснѣйшая погода, тысяча оживленныхъ предметовъ встрѣчающихся на дорогѣ, все соединялось, чтобы сдѣлать этотъ часъ однимъ изъ радостнѣйшихъ въ моей жизни.

Предмѣстье Св. Мартына чрезъ которое въѣхали мы, мало разнствуетъ отъ Пантена и Лавиллета, ему предшествующихъ, называемыхъ деревнями, но плотно застроенныхъ двухъ-этажными домами. Когда же, проѣхавъ ворота Сенъ-Мартена, поворотили мы вправо по булевару, то увидѣли настоящее волненіе шумнаго Парижа. Вся уличная дѣятельность его выступаетъ на булевары, коими, также какъ въ Москвѣ, окружена вся главная середина его. Только его булевары не похожи на Московскіе: они не что иное какъ безконечная, почти единственная широкая въ немъ улица, по обѣимъ сторонамъ которой, близко къ домамъ, стоитъ по одному ряду полуизсохшихъ деревъ. Чтобы немногимъ, которые не бывали или не будутъ въ Парижѣ, дать понятіе о суетливости, объ ужасномъ движеніи, какое тутъ царствуетъ, скажу я, что это вѣчная ярмарка, къ которой ежедневно присоединяется гулянье, бывающее у насъ только на Святой недѣлѣ.

Чтобъ лучше отдохнуть, поворотили мы въ улицу Де-ла-Пэ, остановились въ отелѣ Де-ла-Пэ, и какъ цѣлый день были неѣвши, то скорѣе потребовали обѣдъ. Пока его приготовляли, трактирный слуга, domestique de place, какъ ихъ называютъ, мсье Шарль, судя по весьма неблагообразному дорожному костюму моему, принявъ меня за собрата, за Француза, принадлежащаго къ прислугѣ Блудова, обошелся со мной очень дружелюбно, и какъ внизу въ большихъ покояхъ не оставалось для меня помѣщенія, предложилъ онъ мнѣ небольшую комнатку подлѣ своей. Мнѣ было очень весело, и вмѣсто того чтобы разсердиться за такую ошибку, она мнѣ показалась забавна, и я даже принялъ его предложеніе. Онъ повелъ меня въ пятое, въ шестое, или не знаю какое жилье, въ мансарду, по нашему просто на чердакъ; но я нашелъ тутъ чистенькую комнатку съ обойцами, съ зеркальцемъ надъ каминомъ и съ хорошею постелью. На первый случай чего мнѣ было болѣе? Немного попозже Шарль долженъ былъ удивиться, увидя меня за столомъ у Блудова, а себя за стуломъ моимъ; можетъ-быть, онъ полагалъ, что въ Россіи существуетъ обычай, чтобы слуги обѣдали съ господами, можетъ-быть тайно и позавидовалъ тому. Какъ бы ни было, я ему обязанъ за первую ночь въ Парижѣ, въ пріятномъ снѣ проведенную. Улица Мира была ни тиха, ни покойна; немного пониже долго бы мнѣ не дали уснуть, но я подъятъ былъ надъ нею подъ облака, и шумъ ея, какъ дальній говоръ морскихъ волнъ, еще лучше усыплялъ меня. Въ этотъ день выѣхали мы почти до свѣту, въ

Библиотека "Руниверс"

жаръ по мостовой проскакали болѣе ста верстъ, и послѣ сильныхъ ощущеній чувствовалъ я большое изнеможеніе, такъ что съ закатомъ солнца покатился и я на постелю свою. На ней улыбаясь вспомнилъ я стихи, коими Дмитріевъ описываетъ путешествіе Василья Пушкина:

Въ шестомъ жильѣ, откуда вывѣски, кареты,
Все, все и въ лучшіе лорнеты
Съ утра до вечера во мглѣ.

Съ этою улыбкой на устахъ заснулъ я, а можетъ-быть и проспалъ всю ночь.

Мнѣ что-то веселое грезилось, когда рано по утру послышался стукъ у дверей моихъ; онѣ отворились, и братъ мой Павелъ Филиппповичъ кинулся меня обнимать. Мнѣ показалось, что пріятный сонъ мой еще длится. Получивъ письмо мое изъ Франкфурта, пока мы оставались въ этомъ городѣ и ѣхали до Парижа, онъ выпросилъ въ Мобёжѣ дозволеніе отлучиться и прискакалъ наканунѣ пріѣзда нашего; въ Русскомъ посольствѣ, справляясь о прибытіи Блудова, узналъ даже гдѣ онъ живетъ. Мы пошли внизъ къ Блудову, которому я представилъ брата и который передалъ меня ему съ рукъ-на-руки.

Первымъ дѣломъ нашимъ было идти къ портному Леже, одному изъ знаменитѣйшихъ того времени, чтобы съ ногъ до головы одѣть меня франтомъ. Платье на другой день было готово; когда за него хотѣлъ я расплатиться, портной сказалъ мнѣ, что имѣетъ счеты съ братомъ, а не со мной. Тоже самое услышалъ я отъ содержателя гостиницы Де-ла-Мёзъ. На улицѣ Нотръ-Дамъ-де-Виктуаръ, куда перевезъ меня братъ, онъ объявилъ мнѣ, что за квартиру, которую я занялъ, получены деньги впередъ за цѣлый мѣсяцъ. Чтобъ ознакомиться съ мѣстностями города, первые дни гулялъ я съ братомъ неразлучно. Карманъ былъ у меня не пустъ, и въ щепетильномъ Парижѣ глазѣлъ я на тысячу прекрасныхъ и дешевыхъ бездѣлушекъ, кои въ немъ на каждомъ шагу видны за стеклами. Ни одной не удалось мнѣ купить; лишь только спрошу о цѣнѣ, а уже за нее заплачено, и она моя. Послѣ того въ присутствіи брата долженъ былъ я прекратить изъявленіе желаній своихъ. Въ это время какъ будто судьба опредѣлила мнѣ быть у кого-нибудь на содержаніи. Двадцать четыре тысячи франковъ Русскій полковникъ во Франціи получалъ тогда ежегодно; въ Мобёжѣ прожить ихъ брату было не на что; рѣдко посѣщая Парижъ, имѣлъ онъ благоразуміе лишнія деньги откладывать. Тутъ захотѣлось ему хоть разъ погулять въ немъ, понатѣшить меня и попотчивать имъ.

Почти рядомъ съ нами жилъ искусный докторъ Гарданнъ, знакомый всему Русскому корпусу, цѣлитель его. Братъ повелъ меня къ нему на консультацію. Распросивъ меня подробно о предполагаемыхъ

Библиотека "Руниверс"

причинахъ моей болѣзни, о началѣ, ходѣ и слѣдствіяхъ ея, онъ объявилъ, что на воды ѣхать мнѣ не зачѣмъ, что и теперь уже совсѣмъ прекратились мои боли, а онъ постарается возвращеніе ихъ сдѣлать невозможнымъ; а мнѣ только и надобно было. Къ тому же и человѣкъ мнѣ полюбился: онъ былъ скроменъ, вѣжливъ, незамѣтно въ немъ было ни малѣйшаго шарлатанства, откровенная его наружность вселяла довѣренность; я предвидѣлъ, что частыя сношенія съ нимъ должны быть пріятны. Лѣченіе мое, не весьма строгое, началось на другой же день.

Скоро изъ Ретеля пріѣхали для свиданія со мною еще новые содержатели мои, сестра съ мужемъ, тогда какъ прежніе содержатели Блудовы не успѣли еще отправиться въ Лондонъ. Какъ слѣдуетъ Русскому генералу, Алексѣевъ занялъ славную квартиру въ отелѣ Де-Бретань, на Ришельевской улицѣ, вблизи отъ моднаго Итальянскаго бульвара и знаменитаго кафе Тортони, насупротивъ знатнаго игрецкаго дома, извѣстнаго подъ именемъ Фраскати. Мы съ братомъ переѣхали къ нему, хотя гораздо скромнѣйшая квартира моя осталась все за мной. Тутъ-то мы пожили! Вообще всѣ Русскіе изъ скучныхъ супрефектуръ своихъ пріѣзжали въ Парижъ не за тѣмъ чтобы беречь деньги; Алексѣевъ былъ охотникъ погулять, повеселиться, а какъ это было на короткое время, то жена дала ему полную волю. Помогая ему сорить деньгами, я иногда вспоминалъ Русскія поговорки: «копѣйка ребромъ, хоть часъ да вскачь» и тому подобныя. Никакой издержки не позволено мнѣ было дѣлать: всѣ трое хозяйничали во Франціи, а я былъ у нихъ пріѣзжимъ гостемъ. Дома мы никогда не обѣдали, на дешевые трактиры, на обыкновенный столъ смотрѣть не хотѣли: подавай намъ Бовилье, Вери, Фреръ-Провансо, Роше-де-Канкаль; каждый день поперемѣнно мы у нихъ роскошничали въ особыхъ комнатахъ. Оно было не совсѣмъ хорошо при необходимой для меня діетѣ, но строгое соблюденіе ея все откладывалъ я до ихъ отъѣзда.

Послѣ обѣда уже я становился распорядителемъ остальнаго времени дня, и хотя былъ пріѣзжій, но зналъ Парижъ по-наслышкѣ не хуже ихъ и едва ли не лучше. Многіе изъ отдаленныхъ кварталовъ, которые нынѣ поглощены всепожирающимъ Парижемъ, тогда цвѣли и подъ гостепріимную сѣнь своихъ вѣковыхъ деревьевъ призывали веселиться жителей. Таковы были сады: Руджіери, Белльвю, Тиволи, Фоли-Божонъ; содержатели ихъ истощили Французское воображеніе свое, чтобы для иноземцевъ и иностранцевъ заманчивымъ образомъ украсить ихъ. Минутнымъ посѣтителямъ нечего было гоняться за большимъ свѣтомъ, который, впрочемъ какъ и вездѣ, жилъ въ это время за городомъ. Въ вышеупомянутыя мѣста почти каждый вечеръ возилъ я моихъ род-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ, разумѣется въ нанимаемыхъ ими коляскахъ. Въ каждомъ изъ сихъ садовъ еженедѣльно было по три праздника, fêtes champêtres, и плата за входъ была весьма умѣренная. А чего на нихъ не было! Искусно освѣщенныя горы для катанья, воздушные шары, которые спускались въ видѣ дельфиновъ, орловъ, иногда и людей, препорядочные фейерверки, небольшія иллюминаціи, но пріятно для глазъ устроенныя изъ разноцвѣтныхъ огней или Китайскихъ фонарей; на все то что̀ называется колифише Французы великіе мастера. Въ разныхъ мѣстахъ находилась музыка, и была зала для танцующихъ. Общество тутъ встрѣчаемое нельзя было назвать отборнымъ или блестящимъ: по большей части состояло оно изъ субретокъ, гризетокъ, писцовъ, комми, парикмахеровъ и тому подобнаго. Но какъ все это было хорошо одѣто, какъ весело и какъ пристойно! Не стыдно было маркизамъ и дюшессамъ посѣщать сіи мѣста, и ихъ малое число было очень примѣтно по снисходительнымъ улыбкамъ, съ которыми смотрѣли онѣ на веселящихся, не мѣшаясь съ ними. Когда вспомнишь это и посмотришь на наши нынѣшнія лѣтнія увеселенія, совсѣмъ не простонародныя, то становится и стыдно, и грустно, и досадно.

Какъ ни весела была такая жизнь, послѣ трехъ недѣль сдѣлалась она для меня утомительна. Когда родные мои разъѣхались по корпуснымъ и дивизіоннымъ квартирамъ своимъ, я началъ уже жить собственнымъ умомъ и собственными деньгами. Прежде чѣмъ уѣхалъ братъ, услышалъ я отъ него нѣкоторыя подробности о его служеніи, которыя нѣсколько опечалили меня. Положеніе весьма многихъ изъ находящихся подъ начальствомъ графа Воронцова было совсѣмъ не такъ завидно, какъ въ Петербургѣ полагали и разглашали. Въ характерѣ этого человѣка было смѣшеніе самыхъ любезныхъ свойствъ съ ужаснымъ, всякую мѣру превосходящимъ самолюбіемъ и несносною, несправедливою въ иныхъ случаяхъ взыскательностію. Скоро, часто и много долженъ я буду говорить объ немъ; здѣсь скажу только, что поступки его съ генераломъ Алексѣевымъ, безобиднымъ, всегда покорнымъ начальству, поколебали высокое мнѣніе, которое имѣлъ я о его добротѣ и разсудкѣ. Внимая наговорамъ, разнымъ родственнымъ сплетнямъ, безъ всякой настоящей причины, сталъ онъ вдругъ сильно преслѣдовать человѣка въ равномъ съ нимъ чинѣ. Алексѣевъ не мастеръ былъ на бумагѣ; между его подчиненными нашелся человѣкъ, который сочинилъ ему почтельную протестацію, въ которой смѣло изъяснена вся несправедливость Воронцова. Оскорбленный, раздраженный и отъ ранъ уже хворый воинъ до того былъ встревоженъ, что слегъ въ постелю, и всѣ думали, что онъ уже съ нея не встанетъ. Неправосудіе было такъ очевидно, что всѣ дивизіонные и бригадные генералы явно

Библиотека "Руниверс"

возроптали. Слухъ объ этой ссорѣ дошелъ и до Варшавы, гдѣ Цесаревичъ, давнишній покровитель и заступникъ Алексѣева, объявилъ, что онъ въ обиду его не дастъ и, если нужно, будетъ за него писать къ Государю. Въ союзной арміи также произвело это нѣкоторый шумъ. Уступая необходимости, Воронцовъ предложилъ мировую и самъ пріѣхалъ въ Ретель навѣстить и утѣшить больнаго, который только что началъ выходить изъ опасности. Все это происходило мѣсяца за два или за три до пріѣзда моего во Францію. Бѣда случилась отъ того, что кавалерія, поставлена будучи далеко отъ Мобёжа, составляла изъ себя нѣчто отдѣльное, на что̀ корпусная квартира весьма косилась; еще отъ того, что Льву Александровичу Нарышкину, двоюродному брату Воронцова, начальнику казацкой бригады, не хотѣлось оставаться въ зависимости отъ Алексѣева. Дѣла были совсѣмъ полажены, и въ Парижѣ встрѣтилъ я Воронцова въ передней у зятя моего, который, его провожая, мимоходомъ меня ему представилъ.

Оставшись совершенно одинъ въ большомъ городѣ, чужомъ, для меня совсѣмъ новомъ, однакоже я довольно хорошо его узналъ и довольно ко всему въ немъ прицѣнился, чтобы, не тратя лишнихъ денегъ, могъ пріятнымъ образомъ провести въ немъ время. Это, я думаю, одинъ городъ въ мірѣ, въ которомъ одинокая уличная жизнь не скоро можетъ прискучить, особенно въ молодости. Потомъ, каждый, согласно со склонностями своими и образомъ мыслей, можетъ составить себѣ кругъ знакомства, и даже довольно обширный: вотъ что̀ притягиваетъ и прилѣпляетъ къ этому городу. Только нужно на то время тамъ, гдѣ пріѣзжимъ числа нѣтъ, не бросаются иностранцамъ на шею какъ у насъ въ Москвѣ (препрославленное ея гостепріимство по большей части дѣйствіе тщеславія и любопытства ея жителей). Старикъ Шишковъ самъ былъ смѣшонъ, когда насмѣхался надъ Василіемъ Пушкинымъ, утверждая, что въ Парижѣ зналъ онъ однѣ только улицы и домы; а сей послѣдній еще смѣшнѣе, когда въ отвѣтѣ къ нему хвастался знакомствомъ Фонтана, Герля, Легувé. Для Русскаго хорошаго писателя знакомство съ извѣстнымъ Французскимъ, можетъ-быть, большое взаимное удовольствіе, отнюдь не высокая честь. Одинъ только былъ тогда писатель во Франціи, передъ коимъ и по заочности былъ я колѣнопреклоненъ и передъ которымъ въ этомъ видѣ готовъ я былъ предстать: это Шатобріанъ; но его тогда не было въ Парижѣ.

Лѣто—самое невыгодное время для наблюдательныхъ посѣтителей Парижа: общество живетъ за городомъ, камеры бываютъ закрыты, всѣ курсы прекращены, и самый театръ лишается лучшихъ своихъ актеровъ; они разъѣзжаютъ въ это время по большимъ городамъ Франціи и кучами франковъ собираютъ дань удивленія съ жителей. Остаются

Библиотека "Руниверс"

однѣ только прогулки въ городѣ и за заставами его и лѣтнія увеселенія самаго веселаго народа въ мірѣ. Ими старался я воспользоваться. По Воскресеньямъ ходилъ я въ Елисейскія поля смотрѣть, какъ въ двухъ ротондахъ, называемыхъ залами Аполлона и Марса, Парижскіе мѣщане и солдаты отчаянно пляшутъ кадрили, съ разряженными, миленькими ленжерками и здоровыми кошулзами, въ народномъ костюмѣ съ превысокими шлыками и баволетами. Между собой этотъ народъ былъ, право, гораздо учтивѣе, чѣмъ нынѣ иные молодые люди обходятся съ дамами въ хорошихъ обществахъ. Изъ любопытства я разъ былъ и въ загородномъ трактирѣ Ла-Куртиль, по воскреснымъ днямъ многочисленною публикой посѣщаемомъ, гдѣ неоплаченное акцизомъ дешевое вино льется ручьями. Тамъ большой учтивости я не замѣтилъ; слышалъ жаркіе споры, сильную брань, но до драки при мнѣ не доходило. Любимымъ предметомъ моихъ прогулокъ былъ булеваръ Тампля, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся увеселительныя мѣста: сперва театры, о коихъ говорить буду послѣ, потомъ манежъ знаменитаго волтижера Франкони, далѣе небольшая сцена, съ которой шутъ Бобешъ полтора часа, не умолкая, вретъ народу каламбуры; далѣе акробаты. На другой сторонѣ Турецкій садъ, занимающій пространство не болѣе сорока квадратныхъ саженъ, но который Французское мелочное искусство умѣло поднять въ три этажа, насыпавъ горку на горку, соединивъ ихъ мостиками, во впадинахъ устроивъ гроты, а другіе начинивъ цвѣтничками и выгадавъ мѣсто для галлереи въ Турецкомъ вкусѣ, довольно длинной, въ концѣ коей за конторкой съ напитками сидѣла въ Турецкомъ нарядѣ толстуха. Рядомъ съ этимъ садомъ былъ другой, впятеро его болѣе, называемый «Садомъ Принцевъ». Чего въ немъ не было! И портретъ г-жи Мансонъ, несчастной, невинной женщины, замѣшанной въ уголовномъ дѣлѣ объ убійствѣ Фюалдеса, занимавшемъ тогда всю Францію; и калейдоскопъ-гигантъ, изобрѣтеніе того года; и ученая собака Минутъ, играющая въ домино; и работающія блохи. Все это послѣ было очень обыкновенно, но, вѣроятно, замѣнено другими причудами. Очень хорошо эти сады или садики каждый вечеръ были иллюминованы, и входъ стоилъ въ нихъ бездѣлицу.

Вѣчно одному находиться въ этой толпѣ было бы, наконецъ, скучно. Судьба наслала мнѣ не товарища, не путеводителя, не собесѣдника а, такъ-сказать, согулятеля. Въ жизни этого человѣка было довольно превратностей, чтобы вкратцѣ упомянуть о нихъ. Когда, во избѣжаніе поединковъ, Александръ офицерамъ своей гвардіи велѣлъ носить въ Парижѣ фраки, каждый полкъ, по своему вкусу, выбралъ себѣ портнаго. На Монмартрскомъ булеварѣ былъ одинъ магазинъ платьевъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торый полюбился Измайловскимъ офицерамъ. Красивый и веселый мальчикъ, довольно самолюбивый, изъ него носилъ къ нимъ примѣривать жилеты и панталоны. Онъ всѣмъ имъ чрезвычайно понравился, полкомъ его усыновили и хотѣли увезти съ собой въ Россію; но въ услуженіе онъ ни къ кому идти не хотѣлъ. Какъ быть? Рѣшились на обманъ: отыскали гдѣ-то неимущаго, молодаго легитимиста, кавалера Св. Лудовика, который за двадцать луидоровъ согласился написать и подписать просительное письмо къ Константину Павловичу. Въ немъ объяснялъ онъ, что несчастія революціи заставили роднаго племянника его, древне-благороднаго происхожденія, скорѣе чѣмъ служить хищнику, тирану, приняться за ремесло, но что нынѣ желаетъ онъ посвятить его служенію избавителя Европы. А этотъ мнимый племянникъ былъ сынъ гюиссье (родъ сторожа неважнаго суда въ небольшомъ городѣ Оксеррѣ) и назывался Оже. Извѣстно, что цесаревичъ имѣлъ слабость къ Французамъ: на основаніи этого единственнаго документа молодой человѣкъ принятъ подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ и съ нимъ на кораблѣ приплылъ въ Петербургъ.

Неудивительно, что тайна хорошо сохранилась: всѣ были виновны въ подлогѣ. Ипполитъ Оже или г. Оже *de*-Сентъ-Ипполитъ, какъ онъ себя назвалъ, содержимъ былъ на счетъ офицерской складчины: «съ міра по ниткѣ-голому рубашка,» говоритъ пословица. Подпрапорщики позволяли себѣ также не носить тогда мундировъ, и онъ введенъ былъ кое въ какія общества. Я увидѣлъ его у двоюродной невѣстки моей Тухачевской, о галломаніи коей я уже говорилъ; она затѣяла домашній Французскій театръ, и онъ игралъ на немъ. Булеварные фарсы въ точномъ смыслѣ не были прежде извѣстны въ Петербургѣ; о Жокрисахъ, о Каде-Русселѣ зналъ я только по-наслышкѣ; но мнѣ сдавалось, что онъ долженъ на нихъ походить. Это былъ настоящій Парижскій gamin, малый очень добрый, но вооруженный чудеснымъ безстыдствомъ; онъ не краснѣя говорилъ о великихъ своихъ имуществахъ во Франціи, выдавалъ за свои стихи, которые вѣроятно выкапывалъ изъ безчисленныхъ, брошенныхъ и забытыхъ альманаховъ. Послѣ вторичнаго возвращенія Государя, всѣ военные одѣлись опять въ мундиры; а онъ въ продолженіе этого времени не хотѣлъ выучиться ни Русской грамотѣ, ни фронтовой службѣ, не зналъ никакой дисциплины, становился дерзокъ, всѣмъ надоѣлъ, и его просто вытурили изъ полку. Въ это время составилась какая-то Французская вольная труппа актеровъ изъ оборышей прежней и вербовала всѣхъ кто ей ни попадался. Государь слышать не хотѣлъ о принятіи ея на казенное содержаніе, и она играла въ манежѣ князя Юсупова на Обуховскомъ проспектѣ; мнѣ сказывали, что ничего нельзя было видѣть хуже. Не имѣя ника-

Библиотека "Руниверс"

кихъ средствъ къ существованію, бѣдный Оже рѣшился показаться тутъ на сценѣ и тѣмъ довершилъ паденіе свое во мнѣніи небольшого круга, которому былъ извѣстенъ. Не знаю, послѣ того что́ бы сталъ онъ дѣлать, еслибы кавалергардскій Лунинъ не вышелъ въ отставку, осенью не поѣхалъ бы моремъ во Францію за новыми либеральными идеями и не взялъ бы его съ собою.

Я нечаянно встрѣтилъ его въ Тюльерійскомъ саду, и онъ мнѣ чрезвычайно обрадовался. Видно, обстоятельства его были не въ самомъ лучшемъ положеніи; ибо, не смотря не нероскошное житье мое, онъ охотно ко мнѣ приписался. Чѣмъ онъ жилъ, право, не знаю; полагать должно, какъ тысячи другихъ въ огромномъ Парижѣ, падающими крупицами. Около меня много поживиться ему было нечего; правда, почти каждый день, хотя умѣренно, но даромъ, онъ обѣдалъ, часто даромъ ѣздилъ гулять и ходилъ въ театръ, а для Француза которому забавы потребны столько же, какъ воздухъ, это уже очень много. Подъ конецъ, однакоже, за его услужливость, за всегдашнюю готовность исполнять мои порученія, нечаянно удалось мнѣ и ему оказать услугу. За нѣсколько времени до выѣзда изъ Пензы, чтобы чѣмъ нибудь развлечь грусть свою и занять умъ, перевелъ я на Французскій языкъ *Марѳу Посадницу* Карамзина; не знаю, какимъ образомъ рукопись эта была со мною. Оже увидѣлъ ее, нашелъ, что нехудо бы ее напечатать, а я предоставилъ ее въ полное его владѣніе. Кто могъ бы ожидать? За нее книгопродавецъ предложилъ ему полторы тысячи франковъ. Либераламъ полюбилась мысль, что и посреди снѣговъ Сѣвера, въ варварской Россіи, въ отчизнѣ рабовъ, знали нѣкогда свободу, имѣли народное правленіе. Она вышла въ свѣтъ какъ сочиненіе г. Оже и подражаніе Карамзину. Даже слогомъ остались довольны; когда бы знали, что писано Русскимъ, были бы взыскательнѣе: Французы чужестранцамъ неохотно позволяютъ хорошо писать на ихъ языкѣ. Послѣ того корифеи оппозиціи, и между прочими, самъ Бенжаменъ-Констанъ, пожелали узнать Оже; онъ былъ не безграмотенъ, стали употреблять его, заставляли писать въ журналахъ, поправляли его статьи, поддерживали его, и онъ, не думавъ, не гадавъ, попалъ въ литераторы. Съ легкой руки моей пошелъ онъ въ гору, только поднялся невысоко. Гораздо послѣ случалось мнѣ, если не читать, то пробѣгать его печатные романы, и я находилъ, что они ничѣмъ не хуже много другихъ краткожизненныхъ своихъ собратій.

Все споспѣшествовало тому, чтобы пребываніе мое въ Парижѣ сдѣлать пріятнымъ для меня. Давно уже не жилъ такъ я, чтобы мнѣ не нужно было помышлять, заботиться о завтрашнемъ днѣ. Съ самаго начала революціи жерло ея никогда не казалось такъ покойно какъ

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ году. Всѣ ужасы, въ мое время, какъ будто бы отлетѣли отъ Парижа. Тщетно желалъ я слушать адвокатовъ въ уголовномъ судѣ, cour d'assises: ни одного важнаго дѣла въ немъ не производилось, ни одной торговой казни при мнѣ не было. Я любопытствовалъ заходить въ Моргу: ни одного утопленника, ни одного трупа никогда не находилъ. Не знаю, назвать ли это счастіемъ или неудачей.

Квартиры своей не мѣнялъ я до самаго отъѣзда: я такъ былъ ею доволенъ, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи здѣсь ее описать. Она была о трехъ окошкахъ на улицу и состояла изъ двухъ высокихъ комнатъ. Первая довольно узкая, раздѣлена была еще на двое: въ одной половинѣ ея, составляющей темную переднюю, за ширмами спалъ привезенный мнѣ изъ Мобёжа Русскій служитель; другая съ окномъ называлась туалетнымъ кабинетомъ, но я рѣдко въ нее входилъ. Въ большой же широкой комнатѣ была глубокая впадина или ниша, въ которой за занавѣсами находилась роскошная постель; по бокамъ въ двухъ другихъ малыхъ впадинахъ могъ помѣщаться гардеробъ. Комната оклеена была сѣренькими обоями съ черною шерстяною каймой; мебели въ ней, краснаго дерева, обиты были желтымъ Утрехтскимъ бархатомъ; она украшена была двумя большими зеркалами въ позолоченныхъ рамахъ: одно въ простѣнкѣ, другое надъ большимъ мраморнымъ каминомъ, на которомъ стояли бронзовые часы и фарфоровыя вазы съ искусственными цвѣтами *). И за все это въ центрѣ города, въ двухъ шагахъ отъ Пале-Рояля, платилъ я по 75 франковъ въ мѣсяцъ; нынѣ, говорятъ, не менѣе двухъ сотъ стоитъ такое помѣщеніе.

Мнѣ хотѣлось, пользуясь совершенною независимостью, только-что таскаться по публичнымъ мѣстамъ; однакоже безъ нѣкоторыхъ знакомствъ и посѣщеній дѣло не обошлось. Бетанкуръ и его институтскіе Французы утверждали, что, будучи такъ близко отъ Парижа, нельзя, чтобы я не завернулъ въ него и на всякій случай надавали мнѣ писемъ. Я начну съ описанія знакомствъ въ нисшемъ кругу, которыя они мнѣ доставили.

Отецъ моего любезнѣйшаго Базена былъ предобрѣйшій человѣкъ, только рѣшительно принадлежалъ къ простонародію. Черезъ покровительство сына получилъ онъ мѣсто надсмотрщика за провозомъ товаровъ, на отдаленнѣйшей изъ заставъ Парижскихъ, называемой Адскою, Barrière d'Enfer. Тамъ нашелъ я его совсѣмъ не въ красивомъ нарядѣ, со щупомъ въ рукахъ. Нельзя описать добродушной радости

---

* Такая роскошь тогда недавно еще распространилась въ Парижѣ; для меня была она предметомъ удивленія въ наемной квартирѣ. Нынѣ, говорятъ, благодаря успѣхамъ промышленности и соревнованію промышляющихъ, можно найдти ее даже въ каморкахъ привратниковъ.

Библиотека "Руниверс"

его, когда онъ увидалъ письмо отъ сына: слезы у него показались, и онъ бросился мнѣ на шею. Потомъ громко позвалъ жену, которая хотѣла было тоже сдѣлать, но, къ счастію, остановилась: она что-то стирала, и руки по локоть были у нея въ мылѣ. Она спросила: что этотъ мсье знаетъ нашего сына? (notre fils, le colonel de là-bas: даже Россіи назвать не умѣла). Они просили меня въ слѣдующее Воскресенье къ себѣ обѣдать. Изъ пріязни къ Базену и изъ любопытства посмотрѣть на житье этого класса людей, я согласился и далъ слово. Я нашелъ тутъ въ хорошей казенной квартирѣ, которую могъ бы занимать и не надсмотрщикъ octroi, одно только семейство его. Старики жили одни и по воскреснымъ днямъ только собирали у себя разсѣянныхъ по городу дѣтей своихъ. Тутъ находилась старшая дочь съ мужемъ-портнымъ, двѣ другія дочери, которыя жили гдѣ-то въ швеяхъ, и, наконецъ, премилый молодой человѣкъ, меньшой сынъ, который оканчивалъ науки въ Политехнической Школѣ. Чего не было напечено, наварено, нажарено! Ремесленные люди во Франціи обыкновенно бываютъ довольно умѣренны въ пищѣ; за то, придерживаясь старины, по прежней привычкѣ, въ первый день новой седмицы, спѣшатъ вознаградить себя за воздержаніе. Даже во время революціи они знать не хотѣли декади, десятый день для отдыха ею установленный, и я думаю, что отчасти это сохранило между ними христіанскіе обычаи и слѣдственно вѣрованія. Мнѣ полюбились тутъ и почтительно-свободное обхожденіе дѣтей съ родителями, и ласково-повелительный съ ними тонъ сихъ послѣднихъ. Какая простота царствуетъ между этимъ народомъ представить себѣ нельзя, какое невѣдѣніе зла! Ну, право, въ нашихъ уѣздныхъ городахъ каждый зажиточный мѣщанинъ, каждый мелкій чиновникъ гораздо болѣе обо всемъ имѣетъ понятій. Не знаю, гордиться ли намъ этимъ? Еслибы, безпрестанно возбуждая тщеславіе, какъ въ добродушныхъ Парижанахъ, даны были нашимъ средства къ возстанію: не знаю, не хуже ли было бы у насъ, чѣмъ во Франціи.

Я былъ тутъ какъ посланный, какъ представитель отсутствующаго божества; имя его безпрестанно повторялось. Не знали чѣмъ угодить мнѣ, чѣмъ угостить меня. Я былъ растроганъ: душевное уваженіе мое къ Базену, который не гнушался такихъ родныхъ, въ этотъ день еще умножилось. Десять лѣтъ онъ ихъ не видалъ и оставилъ ихъ въ положеніи гораздо хуже того, въ которомъ я нашелъ ихъ. Я вспомнилъ, съ какою нѣжностью передъ отъѣздомъ моимъ говорилъ онъ о своихъ родителяхъ, какъ просилъ, въ случаѣ если буду въ Парижѣ, навѣстить ихъ, стараться быть съ ними ласковымъ, неспѣсивымъ. Послѣ этого обѣда, не помню, случилось ли еще разъ мнѣ быть у нихъ.

Библиотека "Руниверс"

Также и Монферранъ адресовалъ меня къ родительницѣ своей, мадамъ Коммаріе, по второму мужу. Счастливый случай свелъ эту женщину, вдову безвѣстнаго бѣднаго артиста, съ Русскимъ богачемъ Николаемъ Никитичемъ Демидовымъ. Не знаю какого рода услуги съ самаго начала могла она оказывать ему, только пользовалась полною довѣренностью какъ его самого, такъ и супруги его, урожденной Строгановой, недавно передъ тѣмъ представившейся. Отъ обоихъ тайно принимала она незаконнорожденныхъ ихъ дѣтей и потомъ въявь воспитывала ихъ; разумѣется, не изъ чести лишь одной дѣлала она такія одолженія. На Русскія деньги нанимала она, въ улицѣ Тетбу, большую и щеголеватую квартиру и въ ней нерѣдко принимала гостей, подчивая ихъ вкуснымъ обѣдомъ. Ея знакомство было для меня весьма пріятно, а для богатыхъ Русскихъ могло быть и полезно. Она имѣла связи во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Парижа; вмѣстѣ съ нею можно было покупать въ нихъ лучшія вещи безубыточно, такъ что и продавецъ оставался безъ наклада, и она была съ барышомъ. Такого рода женщины, когда подымутся до порядочнаго общества, дѣлаются несносны чопорностію своею и притязаніями на уваженіе, въ которомъ знаютъ, что всякій въ правѣ отказать имъ. Разговоръ г-жи Коммаріе остался милъ, чрезвычано живъ и смѣлъ, однакоже слегка подернутъ полупрозрачною благопристойностью. Такой животрепещущей старухи мнѣ не случалось еще видѣть; сколько разъ, гуляя съ ней, долженъ я бывало просить ее убавить ходу, когда въ шестьдесятъ лѣтъ, въ капотѣ розе́, въ соломенной шляпкѣ съ розанами, скорѣе бѣжала чѣмъ шла она со мною по булевару.

На чернорабочій народъ вскользь посмотрѣлъ я въ Ла-Куртиль, ремесленный видѣлъ у Базеновъ, а у Коммаріе увидѣлъ я особое общество получестное, полуобразованное, въ большихъ сношеніяхъ съ журналистами. Надобно мнѣ было ознакомиться и съ аристократіей промышленности и торговли, и я воспользовался представившимся къ тому случаемъ. Бетанкуръ и Брегетъ, друзья-механики, довольно часто переписывались другъ съ другомъ. Первый письмомъ просилъ послѣдняго, въ случаѣ пріѣзда моего, оказать мнѣ возможное пособіе, и если нужда потребуетъ снабдить меня деньгами, сколько бы я ни попросилъ, и что онъ за все ручается. Нечаянно узнавъ о томъ, я поспѣшилъ къ Брегету, а онъ встрѣтилъ меня предложеніемъ услугъ, отъ коихъ я отказался Въ продолженіе нашего знакомства, онъ не разъ повторялъ свои предложенія, а я, не имѣя нужды въ деньгахъ, все отказывался отъ нихъ; наконецъ, онъ сказалъ, что между Русскими онъ еще не видалъ столь порядочнаго (rangé) молодаго человѣка. Ему было за семьдесятъ лѣтъ, и оттого-то онъ такъ и называлъ меня.

Библиотека "Руниверс"

У него былъ собственный домъ въ Сите́, на этомъ большомъ острову Сены, который составлялъ Парижъ въ первыя столѣтія его существованія. Домъ этотъ въ три этажа, сквозной, одною стороной выходилъ на набережную де л'Орложъ, а другою—на площадь Дофинъ. Ни жилище, ни житье его не имѣли блестящей наружности; за то какъ въ томъ, такъ и въ другомъ замѣтно было нѣчто наслѣдственное, прочно устроенное. Предки его были часовщики, также какъ и онъ самъ; но онъ болѣе ихъ усовершенствовалъ ихъ искусство и умножилъ состояніе свое; домъ, принадлежавшій имъ, оставилъ онъ въ прежнемъ видѣ, не увеличивъ его; только мало-по-малу уменьшая число наемщиковъ, наконецъ, самъ весь его занялъ. Эти полинялые обои, вѣроятно, свѣжими видѣлъ отецъ его; въ эти небольшія зеркала, на этомъ же мѣстѣ, смотрѣлся онъ. Я не могъ надивиться такой неподвижности среди народныхъ бурь, такъ часто тутъ свирѣпствовавшихъ. Самъ Брегетъ занимался мною мало: степенные люди того времени не искали сближенія съ людьми гораздо моложе ихъ. Но единственный его сынъ, тридцати-восьмилѣтній молодой человѣкъ въ глазахъ его старался быть со мною любезно-гостепріимнымъ, предлагалъ свой кабріолетъ, своихъ верховыхъ лошадей. Вмѣсто умершей жены Брегета хозяйствомъ заправляла старуха, сестра его, добрая дѣвка лѣтъ шестидесяти пяти. По разспросамъ узнала она очень хорошо, что́ докторъ дозволяетъ мнѣ ѣсть, и всегда заботилась о томъ, чтобъ я былъ сытъ, когда у нихъ обѣдаю, а это, по ихъ приглашеніямъ, случалось почти каждую недѣлю.

Простота нравовъ соединялась въ этомъ семействѣ съ большимъ просвѣщеніемъ. Хозяинъ дома былъ довольно богатъ, чтобы находиться въ короткихъ сношеніяхъ съ банкирами, съ финансовыми князьями, но онъ не искалъ ихъ: его болѣе посѣщали ученые, артисты и литераторы, и самъ онъ былъ членомъ Института по части наукъ. Почти всегда я встрѣчалъ у него двухъ довольно извѣстныхъ людей: Прони́, начальника Политехнической Школы, сочинителя многихъ полезныхъ математическихъ книгъ, и другаго—Лемонте́, остроумнаго, но лѣниваго писателя. Сей послѣдній пріобрѣлъ извѣстность нѣсколькими сатирическими, забавными повѣстями, а болѣе изданіемъ Записокъ маркиза Данжо, съ прибавленіемъ пространныхъ критическихъ замѣчаній, что́ и составило часть исторіи Лудовика XIV. Оба были ко мнѣ очень благосклонны, и еслибъ я остался въ Парижѣ, чрезъ нихъ могъ бы расширить знакомство свое въ ученомъ кругу; но по краткости времени мнѣ о томъ и думать нельзя было. Къ сожалѣнію, всѣ эти господа были очень наклонны къ либерализму; опытъ былъ у нихъ передъ глазами, но не могъ отрезвить ихъ. Особенно Брегеты, отецъ и

Библиотека "Руниверс"

сынъ, были въ восторгѣ отъ изобрѣтательной Англіи, что̀, по моему мнѣнію непростительно и даже преступно во Французахъ.

Въ другую атмосферу попасть я не могъ. Мнѣ не слѣдовало бы говорить о мимолетномъ знакомствѣ моемъ съ маркизомъ Де-ла-Мезонфоръ; но это была единственная дверь, которая отворилась передо мною для входа въ общество высшихъ легитимистовъ, и что̀ всего страннѣе, ее отперъ мнѣ бывшій террористъ Сенновeръ. Я уже разсказалъ, какъ умѣлъ онъ прикинуться эмигрантомъ; тамъ свелъ онъ короткое знакомство съ этимъ маркизомъ, который, находясь въ Рȳсской службѣ, занималъ неважныя должности по дипломатической части, какъ напримѣръ, повѣреннаго въ дѣлахъ въ Брауншвейгѣ. Послѣ реставраціи получилъ онъ важное мѣсто интенданта королевскаго двора, не столь высокое какъ у насъ (министра императорскаго) однакоже, кажется, равное гофмаршальской должности въ соединеніи съ съ гофмейстерскою; имѣлъ большое содержаніе и обширное помѣщеніе въ придворныхъ зданіяхъ на Вандомской площади. Онъ слылъ за чрезвычайно спѣсиваго и по возвращеніи на родину оказалъ себя таковымъ даже и съ Русскими, но тѣ какъ-то отучили его. Я видѣлъ его въ Петербургскихъ обществахъ, и онъ тотчасъ узналъ меня, когда я завезъ ему письмо Сенновера. Со мною былъ онъ очень привѣтливъ, сказалъ, что мало бываетъ въ Парижѣ, а лѣтомъ бо́льшую часть времени проводитъ около Марли, въ Люсіеннѣ, любимомъ мѣстопребываніи извѣстной Дюбарри; сказалъ, что тамъ надѣется познакомить меня со многими изъ благомыслящихъ его соотечественниковъ и записалъ мой адресъ. Черезъ нѣсколько дней прислалъ онъ пригласить меня туда обѣдать; я не могъ, ибо приглашенъ былъ въ другое мѣсто. Я опять засталъ его дома, чтобъ извиниться и поблагодарить за приглашеніе; опять онъ самъ заѣзжалъ звать меня, и опять я не поѣхалъ подъ какимъ-то предлогомъ. Тѣмъ и окончилось наше знакомство; зимой съ пользой могъ бы я возобновить его, но я такъ долго не остался. Послѣ былъ онъ посланникомъ во Флоренціи, а послѣ я уже объ немъ болѣе не слыхалъ.

Изъ Русскихъ довольно часто я видѣлъ двухъ не весьма обыкновенныхъ людей, которые, не будучи вовсе знакомы между собою, едва ли знавшіе о существованіи другъ друга, въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣли большое сходство и вели одинаковый образъ жизни. У обоихъ ровно ничего не было, а ихъ житью иной достаточный человѣкъ могъ бы позавидовать. Карты объясняютъ расточительность иныхъ бѣдныхъ людей, но ни который изъ нихъ не былъ игрокомъ: цѣлый вѣкъ умѣли они скрывать отъ глазъ человѣческихъ тайникъ, изъ коего черпали средства къ постоянному поддержанію своей роскоши. Первый,

Библиотека "Руниверс"

Иванъ Петровичъ Липранди, служившій тогда подполковникомъ генеральнаго штаба при дивизіи Алексѣева, часто отлучался изъ Ретеля и всегда останавливался въ отелѣ, въ которомъ я жилъ. Не задолго передъ тѣмъ меньшая сестра его, сиротка, вышла за сына двоюроднаго брата моего Тухачевскаго; все вмѣстѣ сдѣлало для меня знакомство его неизбѣжнымъ. Откуда былъ онъ родомъ и какого происхожденія, мнѣ неизвѣстно; судя по фамильному имени, надобно было почитать его Итальянцемъ или Грекомъ, но онъ не имѣлъ понятія о языкахъ сихъ народовъ, зналъ хорошо только Русскій и принадлежалъ къ православному исповѣданію. Умомъ и даже разсудкомъ былъ онъ отъ природы достаточно награжденъ; только въ послѣднемъ чего-то не доставало. Какими бы средствами человѣкъ ни собиралъ матеріалы для сооруженія фортуны своей, по крайней мѣрѣ нельзя отказать ему въ предусмотрительности; тутъ этого вовсе не было: добытыя деньги медленнѣе приходили къ нему, чѣмъ уходили. Вѣчно бы ему пировать! Еще былъ бы онъ весельчакъ, ни мало: онъ всегда былъ мраченъ, и въ мутныхъ глазахъ его никогда радость не блистала. Въ немъ было Бедуинское гостепріимство, и онъ готовъ былъ и на одолженія, отчего многіе его любили. Добраго Алексѣева тайно поджигалъ онъ противъ Воронцова, ко всѣмъ распрямъ между военными былъ онъ примѣшанъ, являясь будто примирителемъ, болѣе возбуждалъ ссорящихся и потомъ предлагалъ себя секундантомъ. Многимъ отъ того казался онъ страшенъ; но были другіе, которые увѣряли, что когда дѣло дойдетъ собственно до него, то ни въ ратоборствѣ, ни въ единоборствѣ онъ большой твердости духа не покажетъ.

Всякій разъ что, немного поднявшись по лѣстницѣ, заходилъ я къ нему, находилъ я изобильный завтракъ или пышный обѣдъ: на столѣ стояли горы огромныхъ персиковъ, душистыхъ грушъ и добраго винограда, искусственно произрастающаго въ Фонтенбло, подъ названіемъ шассела. Я не принималъ участія въ сихъ Лукулловскихъ трапезахъ: предписанная мнѣ діета служила мнѣ предлогомъ къ отказу. И кого угощалъ онъ? Людей съ такими подозрительными рожами, что совѣстно и страшно было вступать въ разговоры. Разъ одинъ изъ нихъ мнѣ понравился: у него было очень умное лицо, на которомъ было замѣтно, что сильныя страсти не потухли въ немъ, а утихли. Онъ былъ очень вѣжливъ, сказалъ, что обожаетъ Русскихъ и въ особенности мнѣ желалъ бы на что-нибудь пригодиться; тотчасъ послѣ того объяснилъ, какого рода услуги можетъ онъ оказать мнѣ. Какъ султанъ, властвовалъ онъ надъ всѣми красавицами, которыя продали и погубили свою честь. Видя, что я съ улыбкой слушаю его, сказалъ онъ: «я не скрою отъ васъ моего имени; васъ, по крайней мѣрѣ, не должно оно пугать:

Библиотека "Руниверс"

я Видокъ». И дѣйствительно, оно не испугало меня, потому что я слышалъ его въ первый разъ. Вскорѣ растолковали мнѣ, что я знакомъ съ главою Парижскихъ шпіоновъ, мушаровъ, какъ ихъ называли; что этотъ человѣкъ за великія преступленія былъ осужденъ нѣсколько лѣтъ былъ гребцомъ на галерахъ и носитъ клеймо на спинѣ. Нѣтъ, отъ такого человѣка не захотѣлъ бы я и Магометова рая! Не помню послѣ того, былъ ли я у Липранди. Непріятно же было всегда встрѣчать каторжныхъ. И что́ за охота принимать такихъ людей? Изъ любопытства, подумалъ я: чрезъ нихъ знаетъ онъ всю подноготную, всѣ таинства Парижа, которыя тогда еще не были напечатаны. Послѣ я лучше понялъ причины знакомства съ сими людьми; также какъ они, Липранди одною ногою стоялъ на ультрамонархическомъ, а другою на ультрасвободномъ грунтѣ, всегда готовый къ услугамъ побѣдителей той или другой стороны.

Другой промышленникъ, Николай Александровичъ Старинкевичъ, былъ давнишній мой знакомецъ. Урожденецъ изъ Бѣлоруссіи, сынъ Шкловскаго священника, онъ хорошо учился въ Московскомъ университетѣ подъ покровительствомъ отца Тургеневыхъ. Изъ нихъ нѣсколькими годами старѣе Александра, сохранялъ онъ съ нимъ связи, а черезъ него былъ знакомъ и съ нами. Пользуясь природными способностями, быстротою понятія, удивительною легкостью въ работѣ, гибкостью характера, сталъ онъ шибко подвигаться въ чинахъ по юстицкой части и, въ званіи начальника отдѣленія канцеляріи, сдѣлался любимцемъ самаго министра князя Лопухина. Но онъ слишкомъ любилъ житейское, веселыя холостыя бесѣды; не имѣя денежныхъ средствъ, чтобы вдоволь натѣшиться, началъ прибѣгать къ займамъ; это много повредило ему, и самые невыгодные о немъ слухи стали доходить до министра, который просто велѣлъ ему оставить службу. Привычка дѣлать долги обратилась у него въ страсть; пока онъ находился въ службѣ, она легко могла быть удовлетворяема: заимодавцы его по большей части были просители, коихъ дѣла были ему поручены; они не преслѣдовали его. Но тутъ на свободѣ надобно было видѣть изворотливость его, когда, не отказывая себѣ ни въ чемъ, пришлось ему жить одними долгами; надобно было видѣть ловкость, искусство, съ какими, умножая число кредиторовъ своихъ, умѣлъ онъ защищать себя, убѣгать отъ нихъ. Такая тревожная жизнь другому была бы мукою, но онъ находилъ въ ней наслажденіе. Наконецъ, когда угрожаемъ былъ тюрьмою, онъ рѣшился спастись отъ нея службой и опредѣлился правителемъ канцеляріи къ герцогу Александру Виртембергскому, котораго тогда назначили Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ. Подъ его именемъ управлялъ онъ краемъ и, надобно полагать, не нуждался тамъ ни

Библиотека "Руниверс"

въ чемъ. Онъ начиналъ уже не ладить съ своимъ герцогомъ, когда послѣдовало нашествіе Галловъ; тогда присталъ онъ къ ретирующейся нашей арміи и съ нею болѣе не разставался отъ Витебска до Москвы и отъ Москвы до Парижа. Своею вкрадчивостію, всегда веселымъ видомъ, длинными, но искусными расказами, на половину приправленными краснымъ словцомъ, сей умный и пріятный краснобай плѣнилъ всѣхъ нашихъ генераловъ, начиная съ Миларадовича и Платова; находился то при томъ, то при другомъ, въ какомъ качествѣ, не знаю, и жилъ въ изобиліи, беззаботно, на казенный ли счетъ или на непріятельскій, не вѣдаю.

Достигнувъ Парижа, долго не могъ онъ оторваться отъ него, да и не думалъ о томъ: какъ рыбѣ въ быстрой и широкой рѣкѣ, было въ немъ ему раздолье. Онъ сдѣлался корреспондентомъ корпуснаго начальника, графа Воронцова, получалъ за то содержаніе изъ экстраординарныхъ суммъ и забавлялъ его исправно не весьма правдивыми, но всегда любопытными извѣстіями. Тутъ-то совершенно разладилъ онъ съ постояннымъ, почтенія достойнымъ, трудомъ, который открылъ ему дорогу по службѣ; мелочной дѣятельности его представилось тысячу предметовъ, изъ коихъ плелъ онъ свои сплетни. Умъ и ласковое обхожденіе всегда привлекаютъ Французовъ, и Старинкевича, въ которомъ вообще было много липкаго, полюбили они, хотя и почитали тайнымъ агентомъ Россіи. Кого не зналъ онъ въ Парижѣ! Журналистовъ, адвокатовъ, депутатовъ, проникнулъ даже въ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Политическихъ мнѣній своихъ онъ рѣшительно не объявлялъ, потому что не имѣлъ ихъ, говоря всегда двусмысленно, и каждая партія почитала его своимъ.

Число такихъ людей, къ несчастію, чрезвычайно размножилось; они суть порожденіе вѣка сомнѣній и эгоизма. Въ прежніе вѣка, когда боролись за религію или за независимость, люди чистосердечно поддерживали свои правила сильными, откровенными рѣчами и мощно-вооруженною рукой. Нынѣ, хотя многіе хорошо понимаютъ безразсудность господствующихъ мнѣній, не имѣютъ твердости имъ противиться и надѣются извлечь изъ нихъ личную пользу. Что имъ до отчизны, до ея чести, до ея благоденствія, лишь бы они насладились всѣмъ. А поглядишь, поздно раскаявшись, они гибнутъ съ нею.

Много непонятнаго, необъяснимаго было тогда въ жизни Старинкевича; самъ онъ искусно накидывалъ на нее таинственность, которая придавала ему нѣкоторую важность. Денегъ, получаемыхъ отъ Воронцова, не могло ему быть достаточно; въ Парижѣ долги дѣлать легко, но отдѣлываться отъ нихъ трудно. Тамъ была неумолимая Святая Пелагея, не мученица, а мучительница; тѣ, коихъ заключала она въ

Библиотека "Руниверс"

холодныя свои объятія, не скоро могли отъ нихъ освободиться. Чѣмъ же онъ жилъ? И для чего нанималъ онъ въ одно время три квартиры, въ разныхъ частяхъ города, отдаленныхъ одна отъ другой, и прятался въ нихъ отъ посѣтителей? Меня же всегда предупреждалъ о томъ, гдѣ могу его найдти, и вообще сохранилъ ко мнѣ прежнюю обязательность *). Его помощь была мнѣ даже полезна въ нижеслѣдующемъ случаѣ.

Разъ, прогуливаясь въ такъ называемомъ саду Пале-Рояля, замѣтилъ я большую толпу подлѣ аркадовъ, коими онъ окруженъ. Приблизившись, подъ аркадами, увидѣлъ я высокаго мущину, важно шествующаго въ довольно богатомъ, восточномъ нарядѣ, съ предлинною бородой; нескромныя женщины, которыя населяли тогда Пале-Рояль, нескромными рѣчами, нескромными движеніями изумляли степеннаго мужа, теребили его бороду, тащили за рукава; народъ кругомъ хохоталъ. Я узналъ Каліархи, одного Петербургскаго знакомаго, поспѣшилъ къ нему на помощь и, оборотясь къ зрителямъ, сказалъ, что стыдно Французамъ отдавать на поруганіе пріѣзжихъ почтенныхъ людей. Едва успѣлъ я произнесть сіи слова, какъ они прикрикнули на дамъ, которыя всѣ разбѣжались. Г. Каліархи не зналъ, какъ меня благодарить. Мнѣ случалось съ нимъ разговаривать, но я зналъ его мало; онъ убѣдительно просилъ меня навѣстить его, сказалъ, гдѣ его квартира, спросилъ, гдѣ я живу и объявилъ, что, не болѣе трехъ часовъ находясь въ Парижѣ, полюбопытствовалъ онъ взглянуть на Пале-Рояль, гдѣ, какъ сказали ему, найдетъ онъ лучшіе товары и встрѣтитъ лучшее общество. Въ послѣднемъ долженъ былъ онъ разувѣриться.

Но что̀ это за человѣкъ, нужно объяснить. Онъ былъ изъ числа тѣхъ Фанарныхъ Грековъ, которыхъ Порта черезъ каждыя семь лѣтъ съ господарями отправляла понажиться въ Молдавію и Валахію, то-есть немного пограбить сіи княжества. Два семилѣтія Каліархи находился постельничимъ, то-есть оберъ-камергеромъ, при князѣ Ипсиланти и каймакамомъ его, то-есть намѣстникомъ на время отсутствія его изъ столицы. Въ 1806 году, вмѣстѣ съ его свѣтлостію, бѣжалъ онъ въ Россію и успѣлъ увезти нажитыя деньги. Въ награду за преданность Ипсиланти, четыремъ приближеннымъ къ нему особамъ, между прочими Каліархи, данъ былъ прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ имъ не воспользовался, а продолжалъ величаться прежними, странными для насъ титлами. Снисходительность правительства въ такомъ случаѣ непонятна: какъ было не снять съ него даро-

*) Длинный романъ его жизни оканчивается благополучно: онъ давно живетъ въ Варшавѣ и, кажется, не имѣетъ нужды дѣлать долги.

Библиотека "Руниверс"

ванный ему чинъ? Но въ это время графъ Каподистрія покровительствовалъ всѣхъ Грековъ, и они чрезвычайно подняли носъ. При совершенномъ невѣжествѣ, слабый умъ Каліархи былъ еще затемняемъ необычайнымъ тщеславіемъ, и еслибы не присоединялась къ тому маленькая Греческая хитрость, его просто можно было бы почитать дуракомъ. Въ княжествахъ онъ, какъ говорится, не положилъ на руку охулки; ибо, при большой расточительности, капиталы имъ оттуда вывезенные только черезъ двадцать лѣтъ примѣтно начали таять. Болѣе всего тратился онъ на одежду, богатствомъ коей старался превзойдти господарей. У него былъ цѣлый магазинъ дорогихъ шубъ; мнѣ показывалъ онъ длинный кафтанъ съ широкими рукавами изъ Турецкихъ шалей, съ широкими золотыми петлицами, къ концамъ коихъ алмазными пуговицами прикрѣплены были жемчужныя кисти, да еще огромный кинжалъ, украшенный изумрудами и яхонтами. Въ семъ нарядѣ представлялся онъ Лудовику XVIII, и этотъ король, который Русскихъ генераловъ, открывшихъ ему путь къ престолу, въ публичныхъ аудіенціяхъ не удостоивалъ ни единымъ словомъ, а только едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, этого шута принималъ приватно и наговорилъ ему много любезнаго. Надобно сказать, что не одинъ восточный нарядъ, но и большая настойчивость и безстыдство помогли въ этомъ случаѣ Каліархи. Во время одного важнаго торжества, о коемъ буду говорить ниже, пробился онъ сквозь царедворцевъ и сталъ у самаго подножія королевскаго трона.

Я повторяю: какъ человѣка этого, такъ и репутацію его зналъ я мало, и ему легко было обмануть меня. Ему вздумалось меня покровительствовать; онъ увѣрялъ меня, что онъ задушевный другъ находившемуся тогда въ Парижѣ графу Растопчину, что говорилъ ему обо мнѣ, и что онъ на другой день приглашаетъ насъ вмѣстѣ обѣдать къ себѣ. Я былъ въ затрудненіи: зять мой Алексѣевъ, который коротко знакомъ былъ съ графомъ, предлагалъ уже мнѣ представиться ему, и я отказался; тутъ, какъ ни стѣснительно мнѣ казалось, не принять сдѣланной мнѣ чести я не посмѣлъ. Въ открытой коляскѣ отправился я съ Каліархи и его длинною бородой, у подъѣзда слуга объявилъ намъ, что графиня нездорова, а графъ не обѣдаетъ дома, и я замѣтилъ, что слова сіи сопровождались улыбкой. Я почти былъ радъ. Дня черезъ два пришелъ ко мнѣ Старинкевичъ съ жестокими упреками. Онъ часто бывалъ у Растопчина, который ему сказывалъ, что Каліархи хотѣлъ ему навязать какого-то неизвѣстнаго ему человѣка (называя меня) и хотѣлъ привезти къ нему обѣдать; что онъ сперва изъявилъ было согласіе, но послѣ спохватился и велѣлъ отказать. Старинкевичъ вступился за меня, увѣряя, что я единственно по ошибкѣ

Библиотека "Руниверс"

могъ дать себя протежировать человѣку, котораго въ этомъ домѣ только что дурачили, и родилъ въ Растопчинѣ желаніе меня узнать и поправить то что́ онъ почиталъ своею неучтивостію. Напугавъ меня тѣмъ, что я слабостію своего поступка замаралъ себя, Старинкевичъ, не давъ ни минуты опомниться, утащилъ меня съ собою.

Я не видалъ Растопчина съ той памятной для меня минуты, когда братъ водилъ меня къ нему мальчикомъ съ просьбою объ опредѣленіи въ службу, и я не безъ робости вошелъ въ его кабинетъ. Лѣта́, покойное, тихое положеніе, въ коемъ онъ находился, и привѣтливый видъ, который хотѣлъ онъ показать мнѣ, смягчили прежнюю угрюмость лица его. Разговоръ начался о странности моего введенія, и я объяснилъ, сколь мало могу почитаться тутъ виновнымъ въ нескромности. Растопчинъ видно перемѣнилъ мнѣніе свое обо мнѣ, ибо пригласилъ, когда я буду свободенъ, посѣщать его хотя всякій день, отъ одиннадцати часовъ до трехъ по полудни, время, въ которое начиналъ онъ свои прогулки. Такъ какъ скоро послѣ того долженъ былъ я оставить Парижъ, то не болѣе трехъ или четырехъ разъ могъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ.

Растопчинъ, какъ всѣ старѣющіе люди, что́ я знаю по себѣ, любилъ разсказывать о быломъ. Разница только въ томъ, что отъ иныхъ разкащиковъ всѣ бѣгутъ, а другихъ не наслушаются. Не уважая и не любя Французовъ, извѣстный ихъ врагъ въ 1812 году жилъ безопасно между ними, забавлялся ихъ легкомысліемъ, прислушивался къ народнымъ толкамъ, все замѣчалъ, все записывалъ, и со стороны собиралъ свѣдѣнія, въ чемъ много помогалъ ему Старинкевичъ. Наблюденія его и вслѣдствіе ихъ сужденія о настоящемъ, всегда остроумныя, часто справедливыя, умножали занимательность его разговора. Жаль только, что, совершенно отказавшись отъ честолюбія, онъ предавался забавамъ, неприличнымъ его лѣтамъ и высокому званію.

Регенство, Лудовикъ XV, необузданность и расточительность Маріи Антуанеты, а послѣ нихъ революціонный ужасъ пополамъ съ развратомъ, совершенно превратили Парижъ въ Вавилонъ новѣйшихъ временъ. Старики еще болѣе молодыхъ испытываютъ вліяніе этой нравственной заразы, особенно же тѣ, кои, неохотно оставивъ бремя государственныхъ дѣлъ, чувственными наслажденіями хотятъ заглушить сожалѣніе о потерянной власти. Совсѣмъ несхожій съ Растопчинымъ, другой недовольный взбѣшенный Чичаговъ, сотовариществовалъ ему въ его увеселеніяхъ. Не знаю, могутъ ли Парижане гордиться тѣмъ, что знаменитые люди въ ихъ стѣнахъ, какъ непристойномъ мѣстѣ, почитаютъ все себѣ дозволеннымъ. Разъ получилъ я отъ Растопчина предложеніе потѣшиться съ нимъ забавнымъ зрѣлищемъ, приготовлен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ у одной пожилой маркизы д'Эстенвиль, въ пышныхъ ея апартаментахъ, подлѣ королевской библіотеки, подъ аркадою Кольбертъ. Это была настоящая маркиза, не вымышленная; но не только Сенъ-Жерменское предмѣстіе, всѣ честныя женщины другихъ состояній давно уже чуждались ея общества. Во время революціи, а можетъ-быть и прежде, лишилась она большаго состоянія, но и въ бѣдности сохранила тонъ важной дамы. Знатные, богатые люди, во мзду ея угодливости, старались окружить ее новою роскошью и домъ ея поставить на высокой ногѣ. Къ ней Чичаговъ взялся представить Каліархи, а Растопчинъ съ старшимъ сыномъ своимъ, котораго зналъ я въ Петербургѣ, Старинкевичемъ и со мною долженъ былъ пріѣхать невзначай, какъ будто въ гости. Особыя почести, особыя церемоніи ожидали тамъ новаго Мамамуши, котораго хотѣли возвести на высокое сѣдалище въ видѣ трона. Ни чести, ни безчестія не видѣлъ я въ посѣщеніи г-жи д'Эстенвиль; меня къ ней чрезвычайно зазывало, но мнѣ больно былобы видѣть Русскихъ вельможъ, которыя, думая дурачить одного человѣка, сами немного бы дурачились, и я нашелъ какой-то предлогъ извиниться, чтобы не участвовать въ этой продѣлкѣ. На другой день поспѣшилъ я навѣстить тщеславнаго Каліархи, который не могъ надивиться смѣлому, свободному обхожденію первостатейныхъ дамъ въ Парижѣ. «Удивительно, сказалъ онъ мнѣ съ самодовольствіемъ, какъ онѣ любятъ восточный костюмъ! Повѣрите ли вы, что эти молодыя, прекрасныя графини и виконтессы всѣ въ меня влюбились; я не зналъ куда дѣваться отъ стрѣлъ ихъ страстныхъ взоровъ.» Я отвѣчалъ, что мнѣ остается только завидовать его счастію.

Итакъ онъ былъ у Растопчина домашнимъ буффономъ, Старинкевичъ весьма полезнымъ вѣстовщикомъ, я же, кажется, ни на что ему не годился. А онъ оказывалъ мнѣ много благосклонности, я думаю, оттого, что я всегда съ жадностью слушалъ умныя его рѣчи. Послѣ того я уже не видалъ его въ жизни. На прощаніи подарилъ онъ мнѣ литографированный портретъ свой, весьма похожій, съ подписью:

Безъ дѣла и безъ скуки,
Сижу поджавши руки,

который у меня до сихъ поръ хранится.

Я имѣлъ случай узнать тогда, хотя не такъ близко, другаго человѣка, котораго также можно назвать историческимъ лицомъ, именно Русскаго посла, Поццо-ди-Борго. Онъ родился въ одномъ году и въ одномъ городѣ съ Наполеономъ, учился въ одной съ нимъ военной школѣ и былъ потомъ постояннымъ его противникомъ и врагомъ. Это одно уже должно было меня заставить пожелать его увидѣть; лѣнь и

Библиотека "Руниверс"

застѣнчивость сперва не допускали меня ему представиться. Онъ жилъ въ отелѣ Телюссонъ, купленномъ Наполеономъ для графа Толстаго, довольно красивомъ, но не весьма великолѣпномъ *), на улицѣ Шантеренъ, называемою нынѣ улицею Побѣдъ. Близъ него помѣстился Петръ Ивановичъ Полетика, былъ почти вседневнымъ его посѣтителемъ и нахлѣбникомъ, не спѣшилъ въ Америку и мѣсяца полтора при мнѣ прожилъ въ Парижѣ. Онъ пристыдилъ меня, сказавъ, что на мой счетъ предупредилъ посла, и заставилъ меня къ нему явиться. Посолъ былъ отмѣнно учтивъ, даже разговорчивъ, хотя не такъ фамиліяренъ какъ Растопчинъ. Черезъ три дня карета его остановилась у подъѣзда скромнаго отеля Де-ла-Мёзъ, въ ней кто-то сидѣлъ, разумѣется не самъ онъ, и мнѣ подали его печатную карточку, безъ загнутаго угла, какъ нынѣ водится, а съ надписью en personne. По моимъ Русскимъ понятіямъ я нашелъ даже, что это слишкомъ много для меня чести. Еще черезъ три дня, по его приглашенію, обѣдалъ я у него. За столомъ были только совѣтникъ посольства, предобрѣйшій Андрей Андреевичъ Шредеръ, что̀ нынѣ посланникъ въ Саксоніи, да принадлежащіе къ посольству же: нынѣшній оберъ-гофмаршалъ князь Николай Васильевичъ Долгоруковъ и отвратительный, совершенно офранцуженный сынъ бывшаго фаворита, Ермоловъ. Какъ солнце сіялъ между ними Поццо, ярко озаряя все ихъ ничтожество. Разговоръ былъ общій, о самыхъ неважныхъ предметахъ, въ которомъ каждый могъ принимать участіе. Я тоже не хотѣлъ оставаться тутъ безсловесною тварью, но даже слово *здравствуй* въ устахъ такого человѣка какъ Поццо становится умнѣе. Послѣ обѣда сдѣлался онъ словоохотнѣе, особливо когда коснулось до Востока гдѣ онъ долго путешествовалъ. Тѣмъ и окончилось наше знакомство. Что̀ могъ я имѣть съ нимъ общаго, кромѣ того, что я былъ подданный государства, котораго былъ онъ тутъ представителемъ? Онъ соблюлъ со мною всю вѣжливость, которую обыкновенно оказывалъ онъ Русскимъ, которыхъ хотѣлъ отличить. Нѣсколько недѣль спустя, получилъ я общее приглашеніе къ обѣду, который давалъ онъ дипломатическому корпусу и Русскимъ, въ день имянинъ Государя; не имѣя мундира съ собою, я не поѣхалъ.

Я, кажется, ничего не дѣлалъ, а на многое не доставало меня у времени; напримѣръ, окрестности Парижа не болѣе четырехъ или пяти разъ удалось мнѣ видѣть. Съ зятемъ и съ сестрою, въ одинъ воскресный день ѣздили мы въ Бургъ-ла-Ренъ, обѣдать къ Николаю Никитичу Демидову, который жилъ тутъ барски, на чьей-то дачѣ, въ пре-

*) Нынѣ домъ этотъ не существуетъ: его сломали, и на его мѣстѣ построили прекрасную Церковь Лоретской Богоматери.

Библиотека "Руниверс"

большомъ домѣ съ обширнымъ садомъ. Онъ пригласилъ меня каждое Воскресенье повторять сіи посѣщенія, но до осени не удалось мнѣ его видѣть. Послѣ обѣда возилъ онъ насъ на пространное поле смотрѣть, какъ пять тысячъ Французовъ обоего пола довольствуются пятью музыкантами, въ разныхъ мѣстахъ поставленными на бочкахъ, и безъ памяти пляшутъ на открытомъ воздухѣ. Все дѣлалось по командѣ, и новѣйшіе менестрели, съ высоты своихъ бочекъ, какъ начальники надъ войскомъ, громогласно повелѣвали танцующими. Что́ за чудаки, право, эти Французы!

Я какъ будто ни на часъ не хотѣлъ отлучаться изъ Парижа. Для поѣздокъ моихъ изъ него всегда нужна была чужая воля, сторонее побужденіе. Братъ предложилъ мнѣ прогуляться въ Версаль вмѣстѣ съ нимъ, съ однимъ, мнѣ незнакомымъ, товарищемъ его по службѣ и съ женою сего послѣдняго. Въ вѣкъ не забуду я этой ужасной прогулки. Въ четырехмѣстной каретѣ, въ которой отправились мы, могъ я только познакомиться съ четою моихъ спутниковъ. Артилерійскій полковникъ Либштейнъ, Нѣмецъ, который не зналъ другаго языка кромѣ Русскаго, былъ смиренъ какъ ягненокъ; за то жена его всегда находилась въ безпокойномъ движеніи, какъ дикая кошка. Когда онъ былъ еще офицеромъ на Дону, молодая казачка, дочь, кажется урядника, заставила его на себѣ жениться, или лучше сказать насильно на немъ женилась, увезла его и увѣрила, что имъ была увезена. Послѣ того по-казацки осѣдлала она его и цѣлый вѣкъ погоняла. Она была нельзя сказать чтобы дурна собою, но такого жесткаго выраженія я еще никогда въ женскомъ лицѣ не видалъ. Бываютъ у женщины усики, иногда усы; у этой были даже бакенбарды. Около трехъ лѣтъ находилась она съ войскомъ во Франціи, а точно какъ будто вчера оставила Донскія станицы. Встрѣча двухъ крайнихъ противоположностей, самаго грубаго варварства посреди страны почитаемой просвѣщеннѣйшею въ Европѣ, сначала показалась мнѣ забавна, но скоро положеніе мое сдѣлалось мучительнымъ.

Это было въ первые дни пребыванія моего въ Парижѣ: съ любопытствомъ пріѣзжаго вопрошалъ я брата о мѣстахъ ему уже знакомыхъ. Она безпрестанно мѣшалась въ разговоръ, дѣлая съ своей стороны вопросы и заключенія. Когда сперва проѣзжали мы площадь, на которой казненъ былъ Лудовикъ XVI, я воскликнулъ при воспоминаніи сего печальнаго происшествія. «Да можетъ ли это быть?» сказала она. Какъ отрубить царю голову? Да какъ они смѣли, канальи!» Она объ этомъ никогда еще не слыхала Все было на этотъ ладъ. Я, наконецъ, замолчалъ и надѣялся, что по пріѣздѣ избавлюсь отъ нея; а вышло напротивъ. Мы остановились у дворца, въ которомъ, по случаю

Библиотека "Руниверс"

праздничнаго дня, народу было множество. Злодѣйка знала, что Европейскій обычай велитъ мущинамъ водить дамъ; звѣрскимъ взглядомъ своимъ окинувъ три предстоящія жертвы, выбрала меня и подала мнѣ руку. Извѣстно, что жены кавалеристовъ, также какъ и сами они, не любятъ пѣшеходства, особенно же казачки, изъ коихъ, отъ того, многія подобно г-жѣ Либштейнъ, перейдя за тридцать лѣтъ, становятся чрезвычайно тучны. Небездѣлица была для меня подниматься съ нею по высокой лѣстницѣ и проходить безконечные ряды огромныхъ комнатъ совершенно пустыхъ, но наполненныхъ историческими воспоминаніями, столь занимательными для человѣка воспитаннаго роялистами. Проводникъ, въ богатой королевской ливреѣ, часто останавливался, чтобы входить въ подробные разсказы; не давая мнѣ даже велушаться, требовала она, чтобъ я все ей переводилъ; я говорилъ наобумъ, она ничего не понимала и ужасно сердилась. Въ залѣ Аполлона спросила: «что это за Аполлонъ, что онъ за человѣкъ?» Въ комнатѣ, называемой Oeil de Boeuf: — «Гдѣ же тутъ бычачій глазъ?» Я не велъ ея, а тащилъ, и она рѣшительно лежала на мнѣ. Изъ толпы другихъ посѣтителей иные съ удивленіемъ, иные почти со смѣхомъ смотрѣли на смуглую рожу ея, выражавшую негодованіе и усталость, а еще болѣе на изнеможенную фигуру мою подъ бременемъ тяжелаго креста, который осужденъ я былъ нести. Даже самому брату, виновнику моего несчастія, не предвидѣвшему такой напасти, смѣшно и жалко было смотрѣть на меня. «Что тутъ увидишь?» повторяла она. «Голыя стѣны? Было зачѣмъ пріѣзжать!» Мы оба съ мучительницею моей не захотѣли послѣ того идти въ садъ, а поспѣшили въ ближайшую гостинницу, гдѣ она спросила комнату съ постелью, повалилась на нее, сняла башмаки и готова была снять при насъ чулки, еслибы мужъ не упросилъ ея сего не дѣлать. Подали обѣдъ; она ѣла за троихъ, а по окончаніи его закричала вмѣстѣ со мною: «домой, домой, скорѣе домой!»

Неудачная эта поѣздка съ братомъ возбудила, однакоже, во мнѣ любопытство одному посмотрѣть на Версаль. Съ десятью, кажется, пассажирами сѣлъ я въ велосиферъ, тогда новаго изобрѣтенія карету, и поѣхалъ не такъ шибко какъ обѣщало названіе экипажа. На свободѣ я могъ подивиться во дворцѣ остаткамъ прежняго великолѣпія его: живописи плафоновъ, позолотѣ карнизовъ, мраморнымъ галлереямъ и лѣстницамъ. Садъ со стриженными деревьями, лишенный тѣни, конечно, не можетъ быть обыкновенною пріятною прогулкой, но на этомъ положена печать величія времени. Всемогущій и роскошный монархъ могъ одинъ создать его; мраморомъ выложенные бассейны, высоко бьющіе безчисленные фонтаны, цѣлый полкъ бронзовыхъ статуй, все обличаетъ царское житье: проходя по немъ, мнѣ казалось, что я чи-

Библиотека "Руниверс"

таю одну изъ главъ исторіи Лудовика XIV. При Маломъ Тріанонѣ, любимомъ мѣстѣ Маріи-Антуанетты, находится иррегулярный садъ въ Англійскомъ вкусѣ ничѣмъ не замѣчательный, не болѣе тѣхъ, кои въ Россіи встрѣчаемъ мы у частныхъ владѣльцевъ. Когда Французы начнутъ перенимать у Англичанъ, то все какъ будто передразниваютъ ихъ, чтобъ не держаться имъ своего.

Опытъ долженъ былъ научить меня разъѣзжать по окрестностямъ Парижа не иначе какъ одному; я не послушался его и былъ за то наказанъ. Мнѣ изъ Лондона отъ Анны Андреевны Блудовой привезъ письмо сынъ священника нашей миссіи, Смирнова, который служилъ тамъ въ канцеляріи посольства. Родившись въ Англіи, отъ Англійской матери, говорилъ онъ по-русски хотя правильно, но съ Англійскимъ выговоромъ, никогда не бывалъ въ Россіи и, можно сказать, наизустъ обожалъ ее. Этотъ молодой человѣкъ былъ очень добръ и ласковъ, посѣщалъ меня и мнѣ полюбился. Въ одинъ вечеръ пришелъ онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ богатой мистрисъ Литтлтонъ быть у нея слѣдующимъ утромъ въ десять часовъ, дабы вмѣстѣ съ большою компаніей объѣздить нѣкоторыя примѣчательныя мѣста вокругъ Парижа. Она хотѣла этимъ случаемъ воспользоваться, чтобы сдѣлать мое знакомство, какъ сказалъ мнѣ Смирновъ. Я зналъ мало Англичанокъ, воображалъ, что почти всѣ онѣ должны быть красавицы и, полонъ благодарности за сдѣланное мнѣ приглашеніе, явился въ назначенный часъ и въ указанный мнѣ домъ, на улицѣ Провансъ. Дѣйствительно, въ большой залѣ нашелъ я собранными до двадцати особъ обоего пола, между коими Русскихъ было только двое: Смирновъ, который казался тутъ домашнимъ, и одна дѣвица Левицкая, которую зналъ я въ Петербургѣ, въ домѣ князя Салтыкова, и которая не знаю какъ сюда попала. Хозяйка очень вѣжливо привѣтствовала меня по-французски; всѣ же другіе вокругъ меня объяснились между собою на языкѣ, который, какъ у насъ говорится, не при мнѣ былъ писанъ. Долго не заставили меня дожидаться; не успѣлъ еще разглядѣть я своихъ сопутницъ, какъ кареты были поданы. Онѣ были для однѣхъ дамъ, а мущины, о ужасъ! должны были садиться снаружи. У насъ въ Россіи тогда всякій зналъ свое мѣсто: козлы и запятки были собственностью кучеровъ и лакеевъ, и никто изъ господъ не думалъ тогда посягать на нее. Я рѣшительно объявилъ, что лазить не умѣю и ѣхать не могу. Меня посадили въ карету съ четырьмя дамами, изъ коихъ двѣ очень учтиво потѣснились.

Когда я взглянулъ на нихъ, то обмеръ. Изъ семи смертельныхъ грѣховъ, казалось, четверо сидѣло со мною: до того онѣ были дурны собою. Всѣ онѣ говорили по-французски, какъ? О томъ не нужно спра-

Библиотека "Руниверс"

шивать; мы могли понимать другъ друга, и этого было бы довольно. Я надѣялся, что любезность ихъ замѣняетъ имъ красоту, и дерзнулъ вступить въ разговоръ. Съ выжатою на устахъ улыбкой, на все отвѣчали онѣ да, нѣтъ или тому подобное. Сначала приписывалъ я это у насъ прославленной скромности Британскихъ женъ и не терялъ бодрости. Немного понимая по-англійски, я ихъ увѣрилъ, что ни слова не знаю, дабы могли онѣ, по крайней мѣрѣ, между собою разговаривать; ни мало: вопросы и отвѣты дѣлались односложными словами; хотя бы для забавы моей при мнѣ немного поругали онѣ меня, и этого не было. Я былъ не одинъ и не въ обществѣ. Такимъ образомъ проѣхали мы Булонскій нѣкогда лѣсъ, тогда Булонскую рощу, нынѣ, говорятъ, совсѣмъ почти вырубленную. Потомъ пріѣхали въ Сенъ-Клу, гдѣ очень кстати не было королевской фамиліи, и мы могли осмотрѣть дворецъ. Онъ былъ исправленъ и возстановленъ Наполеономъ, который на внутреннее убранство дворцовъ не былъ очень расточителенъ; я видѣлъ двѣ комнаты, богато отдѣланныя для Маріи-Луизы, спальню и кабинетъ; тогда занимала ихъ герцогиня Ангулемская. Въ одной полукруглой комнатѣ остановился я передъ большимъ окномъ, въ которомъ было вставлено цѣльное зеркальное стекло. Изъ него виденъ весь Парижъ, всегда какою-то мглою подернутый, вѣчно дымящійся кратеръ народнаго волкана, котораго взрывы не разъ ужасали владѣльцевъ Сенъ-Клу. Паркъ и его гигантскій водометъ въ другой разъ видѣлъ я гораздо лучше, когда одинъ пріѣзжалъ на ярмарку, которая бываетъ тутъ въ первое Сентябрьское Воскресенье.

Изъ Сенъ-Клу отправились мы на королевскій фарфоровый заводъ въ Севрѣ. Можно было полюбоваться тамъ колоссальными его произведеніями—вазами, на которыхъ писаны картины также искусно и тщательно какъ бы на холстѣ, можно было найдти и вещи для продажи; но кому было покупать ихъ? Этого рода промышленность болѣе всѣхъ другихъ размножилась во Франціи, и фарфоровая посуда на частныхъ заводахъ дошла до неимовѣрной дешевизны.

Мы кончили наше путешествіе посѣщеніемъ еще двухъ королевскихъ увеселительныхъ замковъ, близко одинъ отъ другаго находящихся, Мёдона и Белльвю. Видъ изъ послѣдняго, какъ названіе его показываетъ, дѣйствительно прекраснъ. Въ обоихъ замѣтны были свѣжія поправки, которыми хотѣли стереть слѣды губительной руки революціоннаго варварства.

Всѣ издержки этого странствованія взяла на себя госпожа Литтльтонъ, которая имъ хотѣла угостить насъ. Одинъ длинный Англичанинъ, кажется, игралъ тутъ роль ея казначея: при выходѣ изъ каждаго зданія или заведенія, проводникамъ совалъ онъ какую-то мелкую

Библиотека "Руниверс"

монету. Французы въ этомъ случаѣ очень учтивы, всегда скажутъ «мерси», а эти только съ удивленіемъ на него посматривали. Замѣтивъ это, я немного отставалъ и вручалъ отъ себя пятифранковый экю. «Видно, что мсье не Англичанинъ», говорили проводники; «я Русскій», отвѣчалъ я, и они мнѣ почтительно улыбались. Первые Англичане, которые по заключеніи мира пріѣхали въ Парижъ, хотѣли удивить Французовъ щедростью и сѣяли золото: ихъ всѣхъ величали милордами. Послѣ того люди не столь богатые стали въ близкомъ сосѣдствѣ съ отечествомъ селиться изъ экономіи, и сдѣлались очень разсчетливы, даже черезчуръ.

Немало времени потребно было на такіе разъѣзды. Выѣхавъ въ одинадцатомъ часу утра, воротились мы только въ седьмомъ часу вечера. Въ большой залѣ накрытъ былъ длинный столъ; мнѣ пришло въ голову сосчитать гостей и приборы, и вышло, что одному изъ насъ тутъ мѣста не было. Чтобъ удостовѣриться, я ли назначенъ къ выключкѣ, сталъ я раскланиваться и прощаться, и меня не удержали. Говорятъ, что въ Албіонѣ обычай сажать за обѣдъ однихъ только короткихъ; но я былъ Русскій и въ Парижѣ, а у насъ на Руси отпустить гостя безъ обѣда почиталось тогда неучтивостью и прегрѣшеніемъ; даже на Новгородцевъ въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, былъ одинъ только поклепъ. Съ ранняго утра ничего не ѣвши, можно посудить о состояніи моего аппетита. Одна бѣда никогда не приходитъ на всемъ; разстояніи отъ Шассе д'Антенъ до Пале-Рояля не встрѣтилъ я ни одного извощика; въ виду у меня проѣзжали кабріолеты, фіакры, но ни одинъ довольно близко чтобъ услышать мой зовъ, и я, голодный, утомленный, пѣшій, въ началѣ восьмаго воротился домой. Огонь на кухнѣ погасъ, все было съѣдено, но хозяева и прислуга меня любили; они были тронуты моимъ горемъ, принялись стряпать, и черезъ часъ сколько-нибудь утолилъ я свой голодъ. Смирновъ на другой день уѣхалъ въ Лондонъ, и я не могъ даже имѣть удовольствія объяснить ему мое неудовольствіе. Черезъ четыре дня получилъ я отъ г-жи Литтльтонъ записку, гдѣ отъ имени своего и отъ имени бывшихъ со мною мистрисъ, которыя по словамъ ея умѣли оцѣнить мою любезность, приглашаетъ она меня къ себѣ на большой вечеръ, прибавляя, что, какъ Русскій, освобождаюсь я отъ обязанности надѣвать башмаки. Я не только не отвѣчалъ, но даже не послалъ извиниться: досада во мнѣ еще не простыла, и вообще желудокъ у меня злопамятнѣе сердца.

Во все время пребыванія моего въ Парижѣ былъ я свидѣтелемъ одного только большаго торжества, именно воздвиженія статуи Генриха IV на самомъ старомъ мосту, который вѣчно называется Новымъ. Этотъ король, храбрый, умный, хвастливый, влюбчивый, довольно раз-

Библиотека "Руниверс"

вратный, былъ точнымъ изображеніемъ народа, съ коимъ воевалъ, кого его побѣдилъ и надъ коимъ царствовалъ, и отъ того болѣе другихъ живетъ въ его памяти. Его потомство на этой народной любви болѣе всего основываетъ силу свою, но не ошибается ли оно? Французы любятъ тѣхъ, кои на нихъ похожи, а не уважаютъ. Генрихъ можетъ быть ихъ любимцемъ, но Наполеонъ въ будущихъ вѣкахъ останется ихъ кумиромъ. Конная статуя Генриха отлита была за городомъ и ввезена на каткахъ въ заставу де л'Этоаль, гдѣ нынѣ большіе Тріумфальные ворота. Оттуда по широкой аллеѣ Елисейскихъ полей народъ потащилъ ее на себѣ; къ тысячамъ веревокъ припрягались тысячи праздныхъ шалуновъ. Мнѣ казалось это пламеннымъ усердіемъ народа къ памяти добраго Діабль-акатра. Зрѣлище было прекрасное; огромная масса всадника, вся покрытая синимъ коленкоромъ, съ вырѣзанными, я думаю, изъ золотой бумаги и наклеенными на немъ лиліями, медленно, шагъ за шагомъ, подвигалась, сопровождаемая и предшествуемая толпами неизчетнаго народа. Болѣе полусутокъ везена была она до угла Тюльерійскаго сада, тутъ оставлена на ночь, а на другой только день, вдоль по Сенѣ, привезена къ предназначенному ей мѣсту. Островъ Сите́ выдается тутъ острымъ клиномъ, который, пересѣкаемъ бывъ мостомъ, образуетъ небольшое пространство, гдѣ поставлена статуя на самомъ выгодномъ мѣстѣ, можно сказать въ виду цѣлаго Парижа. Противъ статуи на мосту устроена была богато украшенная галлерея для короля, королевскаго дома, иностранныхъ принцевъ и маршаловъ, другія галлереи для иностранныхъ пословъ и двора. На мостъ безъ билета никто пропускаемъ не былъ; но безстыдный Каліархи, какъ я сказалъ выше, добрался до короля, выдавая себя за родственника Русскаго императора.

Это было 25 Августа новаго стиля, въ день Св. Лудовика. Я ходилъ по булеварамъ, по обѣимъ сторонамъ коихъ разставлены были войско и національная гвардія, и смотрѣлъ, какъ разъѣзжалъ передъ ними и командовалъ королевскій братъ д'Артуа, еще бодрый старикъ. Потомъ съ церемоніей проѣхалъ самъ король-подагрикъ, въ открытой коляскѣ, съ двумя племянницами, Ангулемскою и Беррійскою. Много любопытства, но никакого энтузіазма не замѣтилъ я между зрителями. Послѣ обѣда ходилъ я въ Елисейскія поля, гдѣ изъ устроенныхъ фонтановъ било красное и бѣлое вино, и я забавлялся, глядя, какъ народъ имъ упивается и пачкается. Бывъ цѣлый день въ движеніи, я не въ силахъ былъ идти ночью, чтобы видѣть самое любопытное зрѣлище: по мосту Pont Neuf, который весь горѣлъ какъ въ огнѣ, не было проѣзда; во всю длину свою превратился онъ въ галлерею, гдѣ куча не маскированнаго, а переряженнаго народа, пользуясь благопріятною

Библиотека "Руниверс"

погодой, плясали до разсвѣта. Въ этотъ день между чернью, я думаю, всѣ были роялисты.

Если кто вспомнитъ, какъ въ это время благоговѣлъ я передъ священнымъ именемъ Бурбоновъ, тотъ пойметъ жажду мою видѣть носящихъ его. Малый чинъ мой не давалъ мнѣ права представляться ко двору, да оно и не было въ обычаѣ. Однакоже, въ первые дни послѣ пріѣзда моего, удалось мнѣ взглянуть на стараго короля, который не переѣзжалъ еще за городъ и у котораго былъ большой выходъ; изъ внутреннихъ покоевъ Тюльерійскаго дворца по наружной открытой галлереѣ, не высоко надъ садомъ, шествовалъ онъ къ обѣднѣ въ церковь, и вмѣстѣ съ другими зѣваками довольно близко могъ я разглядѣть его. Я прислушивался и вглядывался въ окружающихъ меня; на многихъ лицахъ угадывалъ я насмѣшки, но вслухъ никто не позволялъ ихъ себѣ, и даже кой-гдѣ выпаливало vive le roi. Графа д'Артуа видѣлъ я одинъ разъ только передъ фронтомъ. Нечаянно попалъ я разъ на герцога и герцогиню Ангулемскихъ въ Ботаническомъ саду, Jardin des Plantes. Любопытство дало мнѣ смѣлость вступить въ весьма небольшую толпу за ними слѣдовавшую, состоявшую на половину изъ священниковъ и монаховъ. Не слышно еще тогда было о цареубійствахъ, большихъ предосторожностей не брали, меня можно было принять за принадлежащаго къ ихъ свитѣ, и я слѣдовалъ по пятамъ ихъ высочествъ. Разсматривая звѣрей и растенія, они вопрошали профессоровъ, и я могъ не проронить ни одного слова, коихъ произносимо было немного. Стройный станъ герцогини, ея простое платье, простую шляпку, мрачное лицо выражающее спокойствіе и твердость, ея голосъ болѣе грубый чѣмъ нѣжный, однако трогательный, я въ вѣкъ не забуду. Еслибъ съ цѣлымъ свѣтомъ и не зналъ я повѣсти о ея великихъ страданіяхъ, то и тогда пораженъ бы былъ величіемъ и святостію, которыя отличали ее. Къ сожалѣнію не могу я того сказать о ея супругѣ; этотъ малорослый, дряблый Бурбонъ, ни въ походкѣ ни во взглядѣ, ни въ голосѣ не имѣлъ ничего благороднаго и безпрестанно ковырялъ въ длинномъ носу своемъ. Когда чета сія пошла въ кабинетъ натуральной исторіи, то догадались, и меня за нею не пустили.

Еще страннѣе и неожиданнѣе была встрѣча моя съ другимъ братомъ, герцогомъ Беррійскимъ. Въ увеселительномъ заведеніи Божонъ устроены были превысокія деревянныя горы для катанья, съ площадкою на верху и двумя идущими къ ней довольно широкими лѣстницами. Не знаю по какому случаю былъ тутъ большой фейерверкъ, по окончаніи котораго съ высоты горъ мнѣ захотѣлось взглянуть на иллюминацію, и я съ тѣснящеюся толпою пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, ярко освѣщенной. Какой-то толстенькій человѣкъ, шедшій мнѣ на

Библиотека "Руниверс"

встрѣчу, не весьма учтиво толкнулъ меня, и я поднялъ было локоть, чтобы оттолкнуть его. Въ эту минуту кто-то сзади дернулъ меня за полу, и я увидалъ, что онъ ведетъ хорошо одѣтую бѣлокурую даму, которая показалась мнѣ косою, можетъ быть оттого что она покосилась на меня, и я немного посторонился. «Что было вы это надѣлали», сказалъ мнѣ шедшій за мною и со мною молодой Каріонъ-де-Низасъ: «вѣдь это герцогъ и герцогиня Беррійскіе». Онъ былъ древняго рода дворянинъ, но отецъ его былъ сенаторомъ при Наполеонѣ, и онъ остался ужаснымъ бонапартистомъ. «Впрочемъ бѣда бы не велика была», продолжалъ онъ, помирая со смѣху. «вы иностранецъ. Вы бы извинились, и тѣмъ бы дѣло кончилось». Тотъ же самый Каріонъ-де-Низасъ, когда мы разъ подходили съ нимъ къ театру Фаваръ, сказалъ мнѣ: «Хотите ли вы видѣть герцога Орлеанскаго? Вотъ онъ съ женой подъѣзжаетъ въ каретѣ, кажется, къ боковому подъѣзду». Мы остановились, пока Филиппъ выходилъ изъ кареты; ни онъ, ни будущая королева его и тогда красотою хвастаться не могли.

Изо всѣхъ тѣхъ, кои играли роли во время революціи, республики и при Наполеонѣ удалось мнѣ видѣть только одного, и за то еще обязанъ я Низасу, который, также какъ Оже, часто со мной разгуливалъ. Въ Тюльерійскомъ саду указалъ онъ мнѣ на человѣка, который сидѣлъ на одномъ изъ плетеныхъ стульевъ, за которые платится два су; я поспѣшилъ занять его. Баррасъ былъ человѣкъ весьма пожилой, худощавый, блѣдный, не съ распущенными, а на уши приглаженными волосами, еще не сѣдыми, во фракѣ стараго покроя, въ шляпѣ съ большими полями, и обѣими руками упирался на трость клюкой. Нелегко было войти въ разговоръ съ такимъ сосѣдомъ, онъ смотрѣлъ такъ угрюмо; но я прикинулся простячкомъ, новичкомъ, только что пріѣхавшимъ изъ Россіи и всему дивящимся, и онъ охотнѣе сталъ отвѣчать. Когда я хвалилъ великолѣпіе Тюльерійскаго дворца и красоту его сада, онъ сказалъ мнѣ, что онъ не всегда былъ въ этомъ видѣ, и что нѣкогда большая аллея его была вся засажена капустой. Мнѣ только и надобно было посмотрѣть на него изъ любопытства и услышать его голосъ: знакомиться съ нимъ было бы трудно, да и не для чего....

Наступила осень, не совсѣмъ такая какъ у насъ на Сѣверѣ; дни были еще жаркіе, но ночи становились сыры и часто дождливы. Надобно было помышлять объ отъѣздѣ. Съ помощью г. Гарданна, самые слѣды ломоты, отъ которой я страдалъ, совершенно исчезли. Но видно, средства имъ употребленныя были слишкомъ сильны, ибо ослабили и разстоили весь составъ мой. Я не виню его; можетъ-быть, я самъ былъ тому причиною, ведя жизнь не весьма строгую, съ правилами гигіены

Библиотека "Руниверс"

несогласную. А какъ мнѣ воротиться? Денегъ было у меня еще довольно, но не было экипажа, и меня пугало путешествіе въ дилижансахъ и публичныхъ каретахъ. Сама судьба озаботилась, чтобъ облегчить мнѣ средства къ обратному пути, точно такъ же какъ и къ пріѣзду въ Парижъ.

Извѣстно сдѣлалось, что на Ахенскомъ конгрессѣ рѣшено вывести союзныя войска изъ Франціи, дабы показать довѣренность къ благоразумію Французовъ: черезъ годъ они оправдали ее. Мои родные предлагали мнѣ, въ случаѣ выступленія корпуса графа Воронцова, ѣхать съ ними; это было бы и покойно, и дешево, за то продолжительно и скучно. Дабы симъ дѣломъ какъ-нибудь поладить, рѣшился я въ концѣ Сентября отправиться въ Мобёжъ.

Послѣдній мѣсяцъ пребыванія моего въ Парижѣ я часто бывалъ и обѣдалъ у воротившагося рано съ дачи, разслабленнаго Николая Никитича Демидова. Соотечественники упрекали его въ скупости: человѣкъ, который жилъ съ такою роскошью, что Французы непремѣнно хотѣли видѣть въ немъ владѣтельнаго князя, называя его принцемъ Демидоромъ, а иные Термидоромъ, скорѣе могъ почитаться мотомъ. Но онъ былъ разчетливъ и, при всей пышности своей, находилъ средства умножать состояніе свое. Всѣ жизненныя наслажденія въ Парижѣ сами идутъ на встрѣчу къ тому, кто въ состояніи за нихъ платить; они осаждали Демидова, онъ предавался имъ, и оттого постигла его рановременная старость За вкуснымъ, изысканнымъ его обѣдомъ онъ почти ни до чего не касался, кряхтѣлъ и что-то часто жаловался мнѣ, говоря его словами, на барометровской елей. Не знаю, какъ другіе, а я нашелъ въ немъ великую склонность къ одолженіямъ. Я не просилъ у него денегъ, отказывался даже отъ нихъ, а онъ подъ простую росписку навязалъ мнѣ четыре тысячи франковъ, съ тѣмъ, чтобъ я отдалъ ихъ въ Петербургѣ управляющему его дѣлами. Когда я объяснилъ ему, что не имѣю никакой въ нихъ нужды, онъ указалъ мнѣ на употребленіе, которое могу изъ нихъ сдѣлать. Совѣтъ его былъ очень полезенъ, я послѣдовалъ ему, а между тѣмъ совѣщусь и понынѣ не только говорить о томъ, даже вспоминать. Съ помощію г-жи Коммаріё накупилъ я множество хорошихъ вещей, дешевыхъ во Франціи, съ рулажемъ отослалъ ихъ въ корпусную квартиру, откуда въ казенныхъ ящикахъ отправлены были онѣ въ Россію, гдѣ и проданы съ изрядным барышомъ. Конечно, это торговля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и контрабанда. Находясь тогда въ числѣ тысячи виновныхъ, старался я извинить себя въ собственныхъ глазахъ.

Пробывъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ съ половиной какъ бы въ шумномъ водоворотѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ я предметы

Библиотека "Руниверс"

удовольствія или отвращенія, только на лету могъ я сдѣлать свои замѣчанія и наблюденія. Характеръ Французовъ давно мнѣ былъ извѣстенъ; природа въ каждаго изъ нихъ влила много добра и зла, и все это переболтала, такъ что, еслибы можно было химически разложить ихъ, трудно было бы одно отдѣлить отъ другаго. Сколько могъ, слѣдилъ я за ихъ политическими мнѣніями. Съ каждымъ годомъ они становятся неуловимѣе и измѣнчивѣе; отъ абсолютиста тысячью оттѣнками можно непримѣтно дойти до Якобинца. Меня удивило совершенное забвеніе, которому Парижане предали тогда Наполеона: ни порицаній, ни похвалъ ему не слыхалъ я. Видѣлъ я большое свободомысліе и вмѣстѣ съ нимъ ужасъ, который производили одно слово *революція* и воспоминаніе о ней. Вообще замѣтно было безотчетное, основательное презрѣніе, впрочемъ безъ ненависти, къ королевской фамиліи. Я надѣялся, что время и новыя привычки совершенно возстановятъ порядокъ.

IX.

Еще не совсѣмъ разсвѣтало, 28-го Сентября, когда съ Русскимъ слугой моимъ пришли мы въ заведеніе дилижансовъ, находившееся въ двухъ шагахъ отъ меня и вблизи отъ новостроящейся огромной биржи. Черезъ полчаса отправились мы по дорогѣ, ведущей въ Бельгію. Карета, въ которой самъ шестой сидѣлъ я, была очень покойна, и мы ѣхали шибко. Мнѣ, признаюсь, жалко было разстаться съ Парижемъ: ни малѣйшей личной непріятности не имѣлъ я въ немъ, а напротивъ вездѣ и во всѣхъ находилъ предупредительность и ласки; жилъ безпечно и болѣе думалъ о забавахъ своихъ, чѣмъ о поправленіи здоровья; въ тоже время начиналъ тосковать и по Россіи, куда сбирался воротиться. Оттого погрузился я въ мысли, и хотя сидѣлъ подлѣ окошка, не обращалъ вниманія на мѣста, черезъ кои мы проѣзжали и которыя, впрочемъ, долго оставались покрытыми густымъ туманомъ. При перемѣнѣ лошадей выходить и останавливаться долго я не имѣлъ права и не хотѣлъ. Гдѣ мы были, не знаю; помню только, что кто-то назвалъ городокъ Санлисъ.

Въ три часа, когда солнце просіяло, совсѣмъ освободясь отъ туманнаго покрывала, остановились мы въ маленькомъ городѣ Руа и провели въ немъ почти часъ за обѣдомъ въ какомъ-то хорошемъ трактирѣ; послѣ того пустились далѣе. Спутниковъ своихъ я не имѣлъ времени разглядѣть: они часто мѣнялись, и дилижансъ безпрестанно выпускалъ ихъ, чтобы принимать новыхъ. Одинъ только отвратительный старикъ, кажется торгашъ, который лысину свою прикрывалъ шитою шапочкой, до слѣдующаго утра постоянно пребывалъ со мною.

Библиотека "Руниверс"

Съ нимъ была довольно еще молодая женщина, какъ узналъ я, не жена его и не дочь, которую видимо тяготило вынужденное обстоятельствами сожитіе съ нимъ. Осенью дни становятся коротки, скоро смеркалось, и скуки ради я не замедлилъ заснуть. За то проснулся до разсвѣта и съ сожалѣніемъ узналъ, что мы проѣхали два города, Перонъ и Камбре́, на которые мнѣ было хотѣлось взглянуть. Въ дилижансахъ ѣздить почти тоже что̀ съ завязанными глазами. Благодаря Французской нетерпѣливости, они вдвое шибче ѣздятъ чѣмъ въ Германіи. Не съ большимъ въ сутки сдѣлавъ нашихъ двѣсти пятьдесятъ верстъ, рано по утру пріѣхали мы въ Валансьенъ. Я остановился въ гостиницѣ Большой Утки, и пока мой Дороѳей, знавшій немного по-французски, пошелъ мнѣ отыскивать и нанимать кабріолетъ въ Мобёжъ, я отправился гулять по городу. Онъ былъ занятъ Англійскими войсками, и тутъ въ первый разъ увидѣлъ я ихъ красные мундиры. Щеголяя опрятностію и бѣльемъ, офицеры выставляли огромныя батистовыя жабо; подражая ихъ примѣру, нижніе чины дѣлали ихъ изъ тонкой, веленевой бумаги, что̀ мнѣ показалось очень забавно.

Лѣто совершенно воротилось въ этотъ день; мнѣ предстояло не болѣе тридцати верстъ по гладкой дорогѣ, и я, сидя въ кабріолетѣ, поѣхалъ какъ будто на прогулку. Отъѣхавъ съ полмили, въ небольшомъ селеніи Брикетѣ, увидѣлъ я казаковъ; невольно взыграло во мнѣ сердце: я вступалъ въ Русскія владѣнія. Далѣе показался деревянный столбъ, выкрашенный бѣлою и черною краской, съ красными полосками. Не вдругъ разглядѣвъ, что̀ это такое? спросилъ я у ямщика. «Да это проклятые черти Русскіе наставили намъ», отвѣчалъ онъ съ досадой, принимая меня за Француза. Написано было по-русски разстояніе отъ каждаго городка, и я, считая версты, поѣхалъ какъ бы по Московской дорогѣ. Каково было смотрѣть на это воинамъ Наполеона, которые осенью въ двѣнадцатомъ году утверждали, что Смоленскъ во Франціи! Никто изъ другихъ военачальниковъ Веллингтоновой арміи ничего подобнаго не могъ себѣ позволить. За такую наглость спасибо Воронцову, хотя она могла имѣть вредныя послѣдствія. Съ Великобританскою гордостію, врагъ Наполеона и Франціи, онъ по-русски умѣлъ подражать ихъ хвастовству. Тщеславіе жителей не дало имъ понять, сколь унизительно такое хозяйничанье для ихъ національной чести, а я тотчасъ почувствовалъ, какъ оно усладительно для нашего народнаго самолюбія.

Предупрежденный моимъ письмомъ, братъ ожидалъ меня еще наканунѣ. Онъ за дешевую цѣну занималъ изрядный, небольшой домъ въ два этажа. Находящіеся тутъ Русскіе имѣли право жить постоемъ; но у нихъ было много денегъ, и они предпочитали жить шире и показы-

Библиотека "Руниверс"

вать себя щедрыми, чего въ сосѣдствѣ не дѣлали ни Англичане, ни Прусаки. Вообще всѣ сіи наши воины, счастливѣе другихъ три года сряду наслаждавшіеся плодами побѣды и, слѣдуя примѣру своего начальника, были привѣтливо-горды съ жителями и старались задабривать ихъ ласками и деньгами.

Небольшой и тѣсно застроенный городъ Мобёжъ со всѣхъ сторонъ окруженъ укрѣпленіями, около коихъ обвивается рѣка Самбра. Я нашелъ въ немъ большую суматоху. Въ первой половинѣ Октября назначены были около Валансьена маневры и большой смотръ всей союзной арміи, куда ожидали изъ Аахена Государя и короля Прусскаго. По сему случаю всѣ наши войска стянуты были къ Мобёжу, и сестра съ мужемъ также находились тутъ у брата.

Городокъ, какъ говорится, былъ биткомъ набитъ, а на улицахъ нигдѣ не слышно было ни одного Французскаго слова: на нихъ встрѣчались одни лишь солдаты наши, деньщики, прислуга генеральская и офицерская. Какъ бы волшебнымъ прутикомъ въ одни сутки перенесенъ я былъ въ Россію изъ центра Франціи. Зная мой вкусъ и желая потѣшить меня, за обѣдомъ, къ которому я прибылъ, мои родные велѣли подать щи, кашу, кулебяку, блины и квасъ, о коихъ почти полгода я даже не слыхалъ. Въ квартирѣ у брата нашелъ я вставленныя двойныя рамы, печи и даже одну съ лежанкой. Дабы продлить мое очарованіе, послѣ обѣда призваны были полковые пѣсельники, и они дружно грянули круговую. Чѣмъ же кончилось? Одинъ казачій полковникъ завелъ у себя Русскую баню, какъ нарочно въ этотъ день велѣлъ ее вытопить, и я въ ней парился. Нѣтъ, никогда не забыть мнѣ этотъ день—29 Сентября.

Воронцова не было; онъ только-что уѣхалъ въ Аахенъ, и дня черезъ четыре ожидали его обратно. И здѣсь еще не мѣсто говорить объ этомъ человѣкѣ, который на судьбу мою имѣлъ такое великое вліяніе. Надобно однакоже предполагать въ немъ нѣчто необычайное, покоряющее ему людей, не смотря на всѣ его слабости. Мобёжъ былъ полонъ его имени, оно произносилось на каждомъ шагу и черезъ каждыя пять минутъ. Онъ составилъ дружину изъ преданныхъ ему душею, окружающихъ его людей. Для нихъ имѣлъ онъ непогрѣшимость папы; онъ не могъ сдѣлать ничего несправедливаго или неискуснаго, ничего сказать неумѣстнаго; безпрестанно грѣшили они противъ заповѣди, которая говоритъ: не сотвори себѣ кумира. Не бывъ царемъ, вѣчно слышалъ онъ около себя лесть, только чистосердечную, энтузіазмомъ къ нему произведенную. Оттого привычка быть обожаемымъ обратилась у него въ потребность; онъ сталъ вѣровать только въ себя и въ приближенныхъ своихъ, а на всѣхъ прочихъ смотрѣлъ съ жесто-

Библиотека "Руниверс"

чайшимъ презрѣніемъ. Я вскользь познакомился съ сими Воронцовскими приверженцами; лѣтъ черезъ пять пришлось мнѣ быть съ ними въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ и, можетъ быть, о каждомъ изъ нихъ долженъ я буду много говорить; потому-то здѣсь нѣкоторыхъ только что назову а именно: дальняго родственника его Димитрія Нарышкина, Богдановскаго, Дунаева, Казначеева, барона Франка, Ягницкаго, Русанова и, наконецъ, одного дипломата, меньшаго брата Тургеневыхъ, Сергѣя. Съ послѣднимъ не случалось мнѣ потомъ болѣе нигдѣ встрѣтиться. Не имѣя ума старшихъ братьевъ своихъ, сей впрочемъ добрый малый былъ тщеславенъ, какъ Александръ, и честолюбивъ какъ Николай. Всѣ эти люди, отдавшіе себя въ кабалу къ Воронцову, между тѣмъ ужасно какъ либеральничали.

Чрезвычайно странно было видѣть обращеніе Русскихъ солдатъ съ простыми Французами: они обходились съ ними ласково, и тѣмъ только давали имъ чувствовать превосходство свое надъ ними, что всегда подшучивали какъ большіе съ дѣтьми. Въ ихъ сужденіяхъ о Франціи было много смысла, напримѣръ: «Гдѣ тутъ между этимъ народомъ быть толку, говорили они, когда и мужикъ у нихъ мусью, и царскій братъ мусью». Мнѣ пересказывали вѣчный споръ двухъ унтеръ-офицеровъ, который подслушали. Одинъ стоялъ за Лудовика XVIII, другой за Наполеона. «Ну что̀ твой Дизвитовъ (такъ называли они короля), хорошъ гусь! Ну на что̀ онъ похожъ?» говорилъ одинъ. «Вѣдь нашъ Государь посадилъ его на престолъ, да и велѣлъ Французамъ его слушаться, а безъ того они бы на него и глядѣть не захотѣли. То ли дѣло Бонапартъ? Вотъ ужъ былъ молодецъ: цѣлый свѣтъ заставлялъ плясать по своей дудочкѣ». А другой отвѣчалъ: «Али тебѣ жаль, что онъ мало жегъ, рѣзалъ и грабилъ нашу матушку-Россею? Развѣ ты забылъ, что по милости батюшки Дизвитова мы славно живемъ? Онъ насъ поитъ и кормитъ. Тотъ былъ больно прытокъ, вездѣ рыскалъ; а мой-то себѣ на умѣ, сидѣлъ у моря, да ждалъ погоды; вотъ и дождался, теперь царствуетъ и благоденствуетъ. А гдѣ твой Бонапартъ скажи-ка? На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной ѣстъ чеснокъ толченой». Городамъ ими занимаемымъ и сосѣднимъ солдаты дали Русскія имена: Като-Камбрезисъ, или просто Като, назвали Коты, Авенъ—Овиномъ и Валансьенъ—Волосенемъ. Начальники, говоря съ ними, привыкли къ симъ названіямъ и, наконецъ, стали ихъ употреблять и между собою.

Черезъ нѣсколько дней Мобёжъ началъ пустѣть: войска потянулись на маневры къ Валансьену и далѣе. Мы съ сестрой, оставшись одни, отъ нечего дѣлать собрались прокатиться къ арміи, тѣмъ болѣе что погода стояла прекрасная. Сперва обѣдали въ маленькомъ городѣ

Библиотека "Руниверс"

Баве, потомъ ночевали и на другой день обѣдали въ Валансьенѣ. Оттуда, сдѣлавъ четыре льё или 16 верстъ, пріѣхали въ мѣстечко, или бургаду, Солемъ, гдѣ назначена была временная квартира генерала Алексѣева. Домъ ему отведенный былъ порядочный, только тѣсный. Меня же, какъ будто чиновника принадлежащаго къ корпусу, помѣстили постоемъ къ одному, не знаю какъ сказать, мѣщанину или поселянину, только не хлѣбопашцу. Фландрія была искони землею промышленною, отчизною батиста и кружевовъ, и оттого почти всѣ жители ея были люди зажиточные, въ томъ числѣ и мой хозяинъ. Комната, въ которой жилъ я у него, была просторна и опрятна, на постели бѣлье было не самое тонкое, но чистое; одного только не доставало—деревяннаго пола: его замѣняла, какъ въ Малороссіи, битая земля. Пробывъ тутъ сутокъ полторы, воротились мы въ притихшій Мобёжъ.

Скоро онъ опять наполнился и сдѣлался шумнымъ. Маневры кончились, и 13-го Октября, чѣмъ свѣтъ, прибылъ Государь съ королемъ Прусскимъ, съ тѣмъ чтобы пробыть въ немъ цѣлый день. У Воронцова для ихъ величествъ приготовлялся обѣдъ и великолѣпный вечеръ, на который я, какъ всѣ другіе, не могъ быть приглашенъ, ибо по случаю безпрестанныхъ его разъѣздовъ не успѣлъ быть ему представленъ.

Мобёжъ до революціи принадлежалъ капитулу какихъ-то канониссъ. Онѣ имѣли въ немъ съ не весьма большимъ садомъ довольно большой домъ въ два этажа, который занималъ тогда Воронцовъ. Онъ не былъ довольно просторенъ, чтобы въ немъ можно было сдѣлать балъ для великаго числа наѣхавшихъ гостей, свиты обоихъ государей, принцевъ, штаба главной и всѣхъ корпусныхъ квартиръ и, наконецъ, цѣлой кучи любопытныхъ леди, присутствовавшихъ на маневрахъ. Для того придумали въ саду придѣлать къ нижнему этажу двѣ большія палатки, внутри богато убранныя, такъ чтобы въ нихъ былъ выходъ прямо изъ комнатъ. У насъ въ Октябрѣ танцовать въ палаткахъ было бы нѣсколько опасно, а тутъ стояла такая погода, что самихъ жителей приводило въ удивленіе. Видно иногда становилось слишкомъ жарко, ибо по временамъ опускались по́лы, и тогда я, въ небольшой толпѣ разгуливая по саду, могъ смотрѣть и какъ бы участвовать въ увеселеніи. Болѣе всего хотѣлось мнѣ видѣть господина Веллингтона, съ его длиннымъ носомъ. На этомъ балѣ торжествующій Воронцовъ показалъ себя однакоже мелочнымъ человѣкомъ. Приписывая сестрѣ моей, коей умъ былъ всѣми признаваемъ, тотъ искусный отпоръ, который добродушный мужъ ея далъ ему, онъ втайнѣ на нее сердился. Прежде, бывало, когда онъ затѣетъ пиръ и долженъ принимать какую-нибудь важную особу, посылаетъ къ ней адъютанта съ убѣдительнымъ пись-

Библиотека "Руниверс"

момъ пріѣхать къ нему въ Мобёжъ и быть хозяйкой у него, холостаго генерала. Тутъ представилъ онъ Государю всѣхъ генеральскихъ женъ, а ее, жену старшаго изъ нихъ, какъ будто позабылъ. Но Веллингтонъ, который не разъ бывалъ въ Ретелѣ, и король Прусскій, который во время разъѣздовъ своихъ пробылъ въ немъ двое сутокъ и оба дня обѣдалъ у сестры моей, нашли ее и прошлись съ нею Польскій. Тогда и Государь пожелалъ узнать, кто эта неизвѣстная дама, подошелъ къ ней съ самыми любезными рѣчами и также повелъ ее ходить Польскій. Слѣдственно, маленькое мщеніе Воронцова было совсѣмъ неудачно.

Слѣдующимъ утромъ, отъѣзжая, Государь явилъ нѣсколько милостей, начиная съ корпуснаго начальника. Изъ генераловъ одному только Алексѣеву хотѣлъ онъ дать Александровскую ленту; но Воронцовъ тому воспротивился, представляя, что, какъ неимущему человѣку, денежное пособіе будетъ ему пріятнѣе; и Государь къ прежней арендѣ прибавилъ ему другую, въ двѣ тысячи рублей серебромъ. Алексѣевъ было подосадовалъ, но благоразумная жена была тому чрезвычайно рада. Послѣ продолжительной масляницы, для нея съ мужемъ наступалъ великій постъ, и надобно было позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать его менѣе строгимъ. Вскорѣ потомъ и Французскій король прислалъ ему награду, одинаковую съ Воронцовымъ, военный орденъ Св. Лудовика первой степени. Изъ всѣхъ генераловъ союзной арміи жители мѣстъ, ею занимаемыхъ, ему одному только оказали необыкновенную честь, выбили медаль съ изображеніемъ его имени и изъявленіемъ ихъ благодарности, и на прощаньи одну золотую, нѣсколько серебряныхъ и бронзовыхъ поднесли ему. Брату моему тоже пожалованъ былъ Анненскій брилліянтовый крестъ на шею, да отъ короля Французскаго небольшой перстенъ, солитеръ тысячи въ три франковъ.

Говоря о чужихъ наградахъ, не надобно мнѣ забывать и о собственной, почти въ тоже время мною полученной. Пока я былъ еще въ Парижѣ, Бетанкуръ увѣдомилъ меня, что по его представленію произведенъ я въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 31-го Декабря 1813 года. Этотъ чинъ слѣдовалъ мнѣ за выслугу лѣтъ, слѣдственно милость была не велика; но старшинство мнѣ данное обращало временное служеніе мое въ Пензѣ и потомъ полуторагодовую отставку въ настоящую службу. Если въ продолженіи этого времени не получалъ я наградъ, то моя вина: я всегда отказывался отъ крестиковъ, которые предлагалъ мнѣ Бетанкуръ. Дабы чѣмъ-нибудь усладить вѣчность титулярныхъ совѣтниковъ, начали имъ давать Владимирскіе кресты и даже Аннинскіе на шею. Потомъ, во время продолжительной войны, при движеніи огромныхъ армій, необходимо было сыпать ихъ на офи-

Библиотека "Руниверс"

церовъ. Наконецъ, для Аннинскаго ордена учредили новую степень въ петлицу. Для щегольства, для того, чтобы наши кресты и медали вмѣстѣ съ иностранными на груди военныхъ людей могли составлять какъ бы пестрые букеты, чрезвычайно уменьшили величину ихъ.... Съ тѣхъ поръ въ глазахъ крестолюбивой Россіи потеряли они болѣе половины своей прежней цѣны.

Дни черезъ два послѣ отъѣзда Государя, въ Мобёжѣ все утихло, пришло въ обыкновенное состояніе. Надобно же было, наконецъ, представиться мнѣ графу Воронцову. Я нашелъ его за завтракомъ, за который посадилъ онъ меня и такъ много явилъ ласки, что показался мнѣ отмѣнно милъ. На другой день онъ опять уѣхалъ и при мнѣ уже не возвращался. Во дни добраго согласія его съ Алексѣевымъ, сестра моя шутя твердила, что пора бы ему жениться и съ большими похвалами говорила ему о меньшой Браницкой, которую знала съ ребячества и года за три передъ тѣмъ видѣла у матери ея въ Бѣлой Церкви. На это отвѣчалъ онъ только смѣхомъ. Въ это самое время старая графиня Браницкая пріѣхала въ Парижъ, а онъ подъ предлогомъ окончанія какихъ-то дѣлъ туда отправился. Тамъ увидѣлъ онъ, если не молоденькую, то весьма молодую суженую свою. Она не могла ему не понравиться; она нельзя сказать, чтобы была хороша собою, но такой пріятной улыбки кромѣ ея ни у кого не было, а глазки ея были еще лучше прекрасныхъ глазъ богатаго ларца ея, какъ говоритъ Скупой въ Мольерѣ. Къ тому же Польское кокетство пробивалось въ ней сквозь большую скромность, къ которой съ малолѣтства пріучила ее Русская мать, что̀ дѣлало ее еще привлекательнѣе. Мигомъ поворотилъ онъ этимъ дѣломъ, и скоро узнали, что онъ женится. Воротившись въ Мобёжъ, онъ совершенно перемѣнился къ сестрѣ моей, повторяя, что въ ней видитъ пророчицу своего счастія. Но этотъ бракъ былъ, кажется, причиною, что онъ тогда не воротился въ отечество, а начальствованіе надъ корпусомъ сдалъ Алексѣеву, который и привелъ его въ Россію.

Одного только прежняго знакомаго, Кяхтинскаго и Петербургскаго, нашелъ я въ Мобёжѣ. Сынъ министра финансовъ (тогда еще не графа) Гурьева, съ Нижегородскимъ ополченіемъ былъ въ одномъ только сраженіи, за что̀ изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ переименованъ въ генералъ-маіоры, потомъ женился на дочери начальника своего, графа Петра Александровича Толстаго, во Франціи командовалъ пѣхотною бригадой и стоялъ на квартирахъ въ Ландреси. Преслѣдуемый воспоминаніемъ о единственномъ военномъ подвигѣ своемъ, этотъ тяжеловѣсъ всѣхъ имъ преслѣдовалъ: не было у него другихъ разговоровъ, какъ о позиціи, которую занималъ онъ подъ Дрезденомъ между картофелемъ и рѣпою. Въ кратковременное мое тутъ пребываніе мы нѣ-

Библиотека "Руниверс"

сколько разъ обѣдали у него съ Алексѣевымъ; славный столъ и пріятности для меня общества жены его давали мнѣ терпѣливо переносить скуку, которую всегда разливалъ онъ вокругъ себя. Говоря объ Авдотьѣ Петровнѣ, хотѣлось бы мнѣ перевести Французское слово câlinerie, и для того выдумываю Русское слово ластительность: ея было въ ней много, хотя по временамъ очи ея и тогда на минуту загорались сильнымъ гнѣвомъ. Она мнѣ чрезвычайно нравилась. Посмотрите на котенка, когда онъ катаетъ шарикъ или играетъ съ пробкой, какъ онъ забавенъ! Какъ всѣ движенія его милы, хотя съ мурлыканіемъ онъ и выпускаетъ маленькіе когти свои! Посмотрите на него черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и вы его узнаете въ мрачной, сердитой кошкѣ. Вотъ исторія Авдотьи Петровны Гурьевой.

Еслибъ я зналъ, что Алексѣевъ будетъ начальникомъ корпуса и поведетъ его чрезъ всю Германію, можетъ-быть, пожелалъ бы я идти покойно съ войскомъ; но я не зналъ еще этого и очень торопился. Такъ какъ я часто прихварывалъ, меня свели и поладили съ однимъ докторомъ, Лукой Егоровичемъ Пикулинымъ, къ которому благоволилъ Воронцовъ и которому велѣлъ онъ дать курьерскій паспортъ въ Россію, слѣдственно и деньги на проѣздъ. Онъ былъ человѣкъ добрый, веселый, говорили, искусный врачъ, въ случаѣ нужды дорогой могъ мнѣ быть полезенъ и согласился за тысячу рублей ассигнаціями довезти меня до Петербурга. Такимъ образомъ не только даромъ, но и съ барышемъ могъ онъ туда доѣхать.

Въ день Казанскія Богоматери, 22 Октября, послѣ завтрака, не совсѣмъ ранняго, сѣли мы съ нимъ въ коляску его съ поднятымъ верхомъ и благословясь пустились въ путь. Скоро проѣхали мы Нидерландскую, нынѣ Бельгійскую, границу и пріѣхали въ Монсъ или Бергенъ, большой городъ, который послѣ Мобёжа показался мнѣ еще больше. Мы остановились на какой-то большой площади, наполненной народомъ; но я не выходилъ изъ повозки: сдѣлалось холодно, пошелъ мелкій дождь, и лошадей намъ очень проворно перекладывали.

Какъ слѣдуетъ курьерамъ, поѣхали мы всю ночь. Мнѣ хотѣлось было взглянуть на Нивель, на Сомбрёфъ, мѣста, гдѣ было сильное движеніе войскъ, и коихъ касалось самое недавнее знаменитое Ватерлооское сраженіе; но смерклось, и при пасмурномъ небѣ зги было не видать. Довольно поздно проѣхали мы чрезъ неуснувшій еще и весьма оживленный Намюръ; ничего видѣть и замѣтить въ немъ не могъ я, кромѣ весьма хорошаго освѣщенія фонарями, повѣшенными посреди улицъ. Наконецъ началъ я дремать, но скоро пробудился и опять заснуть уже не могъ. Небо выяснилось, заря занялась, и мы ѣхали берегами Мааса, дѣйствительно очаровательными. Особенно поразило

Библиотека "Руниверс"

меня то мѣсто, гдѣ близъ города Гюи находится замокъ, принадлежавшій принцу Нассау-Зигенъ. Берегами все той же рѣки, при погодѣ совершенно разгулявшейся, въ веселомъ расположеніи духа, пріѣхалъ я въ Литтихъ, прежде столицу богатаго князе-епископства. Намъ, торопящимся домой, что̀ было дѣлать въ этомъ большомъ городѣ, если, не пользуясь временемъ, хорошо въ немъ отобѣдать и тотъ же часъ ѣхать далѣе?

Только-что совсѣмъ смерклось, пріѣхали мы въ Аахенъ, шумный по случаю конгресса, и остановились въ гостинницѣ, кажется, Золотаго Дракона. У Пикулина были какія-то дѣла, какія-то порученія, и онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ тутъ немного пробыть. Наша комната выходила окнами на такую узкую улицу, что у насъ и въ Ригѣ подобной не найдешь. Насупротивъ былъ большой домъ, который внутри весь какъ жаръ горѣлъ. Союзные монархи еще не уѣхали, и живущая въ немъ княгиня Турнъ-Таксійская, сестра покойной королевы Прусской, давала имъ прощальный праздникъ. Вечеръ былъ такъ тепелъ, что въ комнатахъ, видно, стало жарко, ибо всѣ окошки были открыты. Но они были выше нашихъ (которыя мы также отворили), и хотя въ двухъ шагахъ мы никого не могли разглядѣть, за то слышали, какъ у себя, знаменитую Каталани, которая раза три принималась пѣть. Нельзя было не подивиться силѣ, гибкости и чистотѣ ея голоса; но пріятности я въ немъ не нашелъ (можетъ-быть, отъ удаленія, подумалъ я).

Хорошенько выспавшись, пока Пикулинъ ходилъ по своимъ хлопотамъ, на другое утро пошелъ я посмотрѣть по многимъ отношеніямъ достопримѣчательный городъ. Началъ я, разумѣется, съ древняго собора, въ восьмомъ вѣкѣ построеннаго, и поклонился огромной плитѣ, всю середину храма занимающей, на которой большими буквами простая надпись: Carolo Magno. Подъ этою плитой сидѣлъ въ вѣнцѣ Карлъ Великій, возстановитель Западной Имперіи; не знаю, лежитъ ли онъ даже подъ нею теперь; по крайней мѣрѣ, стулъ его стоитъ на поверхности близъ престола. Потомъ, полюбовавшись большимъ фонтаномъ съ древними украшеніями, вошелъ я въ ратушу, передъ которою онъ стоитъ, и меня пустили въ залу посмотрѣть на хорошо писанную картину, на которой изображены всѣ полномочные, подписавшіе Аахенскій миръ въ 1748 году. Попытался было я поглядѣть на цѣлительныя воды, въ эту пору уже закрытыя, и съ просьбой о томъ обращался къ старой мадамъ Дубикъ, содержательницѣ заведенія при нихъ, къ которой былъ я адресованъ; но она мнѣ ничего не показала, хотя кромѣ минеральныхъ источниковъ я ничего видѣть не хотѣлъ. Навѣстилъ я также единственнаго дипломата, мнѣ тутъ знакомаго, Северина; онъ

Библиотека "Руниверс"

былъ, казался, или хотѣлъ казаться печальнымъ, лишившись не задолго передъ тѣмъ молодой жены, сестры извѣстнаго Стурдзы. Дѣла Пикулина кончились скорѣе чѣмъ я ожидалъ, и послѣ обѣда тотчасъ опять должны мы были отправиться въ путь.

Въ потьмахъ проѣхали мы Юлихъ, а когда стало свѣтать, то въ Дюссельдорфѣ по мосту переѣхали черезъ Рейнъ и тутъ совсѣмъ некрасивый. Эти два города я все равно что не видалъ, ибо посмотрѣлъ на нихъ сквозь сонъ, не ступая въ нихъ ногою. Къ обѣду, говоря древнимъ Нѣмецкимъ языкомъ, то есть часу въ первомъ, пріѣхали мы въ Эльберфельдъ. Вотъ этотъ городъ жаль было бы проѣхать, не взглянувъ на него. Тутъ самая промышленная сторона въ Германіи: окрестности его и онъ самъ застроены фабриками полотняными, шелковыми. Оттого-то во всемъ виденъ чрезвычайный избытокъ; встрѣчаются однѣ только сытыя фигуры. На почтовый дворъ пріѣхали мы въ самую пору, чтобы сѣсть за общій столъ. Проѣзжая городомъ, не видалъ я ни одной церкви, а на площади замѣтилъ отдѣланное большое, продолговатое, четвероугольное зданіе, обнесенное колоннами, какъ Петербургская биржа. Какой большой отстраивается у васъ театръ, сказалъ я сидящему противъ меня за столомъ содержателю почты и трактира. «Это не театръ», отвѣчалъ онъ мнѣ. «Да что же такое?» Тогда рукой сдѣлалъ онъ мнѣ знакъ, на который отвѣчалъ я, и мы другъ друга поняли. «Это наша главная масонская ложа, радостно молвилъ онъ мнѣ тогда. Оборотясь къ Пикулину, «вѣдь этотъ трактирщикъ мнѣ братъ, сказалъ я по-русски; вы увидите, что онъ съ насъ ничего не возметъ». А вышло, что злодѣй отъ насъ потребовалъ двойную братскую помощь.

Ну, подумалъ я, въ хорошемъ состояніи находится здѣсь религія! Впрочемъ, оно такъ и должно быть въ странѣ совершенно промышленной: въ ней все одно положительное, расчитанное. Свѣжіе, почти дикіе народы сильнѣе прилѣпляются къ вѣрѣ; они не разсуждаютъ, а чувствуютъ и сердцемъ угадываютъ. Можно ли математически доказать причину всего восторженнаго, глубокаго религіознаго чувства, безумія любовной страсти и поэтическихъ вдохновеній?

Небо было еще свѣтло, воздухъ былъ еще довольно тепелъ 25 Октября, когда, отобѣдавъ, оставили мы Эльберфельдъ; но это было въ послѣдній разъ. Небольшія пріятности, которыя дотолѣ представляла мнѣ дорога, прекратились, и начались одни только ея мученія.

Еще въ Аахенѣ съ Пикулинымъ составили мы себѣ маршрутъ; обоимъ хотѣлось скорѣе доѣхать. Я взялъ карандашъ и на карманной почтовой картѣ провелъ кратчайшую линію до Берлина; придерживаясь ея, ѣхали мы сперва по большому тракту, только послѣ начали путаться. Пикулинъ былъ очень добрый малый; воспитанный въ меди-

Библиотека "Руниверс"

цинской школѣ, онъ выпущенъ былъ изъ нея лѣкаремъ въ армейскій полкъ; потомъ, все таскаясь по походамъ, заслугами и искусствомъ возвысился до званія дивизіоннаго доктора и остался, какъ говорится, совсѣмъ военная кость. Учености по своей части было у него много, просвѣщенія довольно, образованія никакого. Съ самаго начала предложилъ онъ мнѣ ночью поочередно дежурить, на станціяхъ выходить изъ коляски, чтобы осматривать ее. Я рѣшительно отказался; никогда не имѣвъ собственныхъ экипажей, ничего не смыслилъ я насчетъ ихъ прочности и устройства; особенно ночью, легко могъ проглядѣть сломленный винтъ или согнувшуюся рессору, слѣдственно трудъ мой былъ бы напрасенъ. Это не совсѣмъ ему было пріятно. Первый разъ въ жизни рѣшился я ѣхать совсѣмъ безъ слуги, что̀ уже меня чрезвычайно тяготило, а тутъ долженъ бы былъ еще взять на себя часть его обязанностей. Я согласился превратиться въ чемоданъ, какъ онъ не имѣть воли, но съ тѣмъ, чтобы, какъ онъ, лежать неподвижно. Пикулинъ не могъ надивиться тому, что̀ называлъ онъ моею изнѣженностью; онъ былъ человѣкъ походный, а я только что дорожный и съ сожалѣніемъ долженъ признаться, что цѣлый вѣкъ оставался Русскимъ барченкомъ. Въ одномъ согласился я помогать ему, и то только днемъ: расплачиваться, вести счетъ издержкамъ и записывать его.

Въ ночи съ 25 на 26 число въѣхали мы въ ужасную Вестфалію, отчизну окороковъ, гдѣ скоро и люди показались мнѣ свиньями. Въ эту ночь осенній дождь пошелъ ливмя и въ воздухѣ вдругъ произвелъ стужу. То по чемъ мы ѣхали, хотя и называлось большою дорогой, но, право, сдѣлалось хуже нашихъ проселочныхъ; развѣ теперь только тамъ шоссе. А что̀ за неопрятность, не говорю въ обывательскихъ домахъ, въ кои не входилъ я, а въ почтовыхъ, на станціяхъ и въ гостиницахъ! Вообщѐ въ Германіи возятъ тихо, не болѣе положенной мили въ часъ; тутъ, ссылаясь на дурную погоду, вдвое тише, несмотря на нашъ Русскій курьерскій нашпортъ. На станціяхъ держали не менѣе получаса, не оттого, чтобы не было лошадей, а оттого что почтовыми узаконеніями это дозволено. Напрасно горячился Пикулинъ, грозя принести жалобу; ему отвѣчали грубымъ хладнокровіемъ. Такимъ образомъ въ цѣлые сутки могли мы сдѣлать только двадцать миль, или 140 верстъ. Нашихъ любезныхъ земляковъ, бредящихъ заграничною жизнію, послалъ бы я сюда пожить и поѣздить. Я могъ мало заснуть и хорошо помню имена городковъ или мѣстечекъ, гдѣ мы мѣняли лошадей: Швельмъ, Унна, Верль, Сёстъ; эти названія не весьма пріятныя, но въ нихъ нѣтъ ничего страшнаго, а я до сихъ поръ безъ ужаса не могу произнести ихъ. Въ полдень прибыли мы въ большой городъ Падерборнъ, основанную Карломъ Великимъ столицу его въ землѣ покоренныхъ имъ

Библиотека "Руниверс"

отчаянныхъ сподвижниковъ Витикинда. Въ этомъ городѣ былъ и банкиръ, ибо Пикулинъ пошелъ къ нему за деньгами; были и вывѣшенные во множествѣ колбасы и сосиски. Изъ этого заключилъ я, что первые Нѣмцы, прибывшіе въ Россію, вѣроятно были Вестфальцы, и что оттого называютъ ихъ у насъ колбасниками и копченными шмерцами.

Отъѣхавъ не болѣе одной станціи отъ Падерборна, должны мы были остановиться у въѣзда небольшаго города Дрибурга. Окрестности его въ глухую осень ужасны: высокія горы, дебри и пропасти; лѣтомъ, когда съѣзжаются на его цѣлительныя воды, должны онѣ быть живописны. Коляска Пикулина была не изъ лучшихъ, ветхая, поѣзженная, не выдержала такой дороги, что-то въ ней изломалось, и надобно было чиниться. Въ первомъ домѣ, куда насъ пустили, спросилъ я особую комнату; мнѣ дали большую, холодную, просто выбѣленную, но неопрятную постель; простой столъ и два стула составляли ея меблировку; небольшая печь только что дымилась, а не грѣла. Я лежалъ закутанный въ теплую шинель, словно какъ на дворѣ, и въ этомъ положеніи долженъ былъ оставаться ночь и слѣдующее утро. Внезапная совершенная перемѣна погоды вездѣ случается въ Октябрѣ, даже въ южныхъ странахъ, гдѣ я послѣ бывалъ. Поздняя осень похожа на глубокую старость; ея красные дни тоже что крѣпость и здоровье осмидесятилѣтняго: неожиданно подуетъ аквилонъ, или безъ всякой видимой причины нагрянетъ смерть, и въ мигъ все истребится.

Выбравшись 27-го изъ Дрибурга, потащились мы на Бракель, Гёкстеръ, Голцминденъ. Названія сихъ мѣстъ я очень помню; они были у меня на картѣ, я ихъ твердилъ и слышалъ, какъ произносятъ, когда мѣняли лошадей. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось дурно; я просилъ моего спутника оставить меня въ покоѣ, не говорить даже со мною. Ночью спалъ ли я не знаю, а, кажется, болѣе былъ въ забытьи и не слыхалъ, какъ переѣхали черезъ Везеръ, единственную, истинно-Нѣмецкую рѣку. Когда разсвѣтало, и я очнулся, увидѣлъ я, что мы въѣзжаемъ въ узкую улицу между высокихъ домовъ.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Въ Вольфенбюттелѣ, отвѣчали мнѣ: во второмъ городѣ Брауншвейгскаго герцогства.

— Да какъ мы въ него попали? сказалъ я: намъ слѣдовало быть въ Госларѣ,—это крюкъ.

— А все по милости вашей мы такъ путаемся, отвѣчалъ Пикулинъ: хотѣли дать прямое направленіе путешествію нашему, а тутъ вдругъ ничего знать не хотите. Лучше бы я сдѣлалъ, еслибы съ самаго

Библиотека "Руниверс"

начала поворотилъ на Кёльнъ и на Кассель; тамъ гдѣ нѣтъ шоссе есть по крайней мѣрѣ мостовая.

Онъ былъ правъ, но неделикатно ему было мнѣ о томъ говорить. Отъѣхавъ немного далѣе, днемъ замѣтилъ онъ, что у меня довольно сильный жаръ, и обѣщалъ остановиться въ первомъ хорошемъ городѣ. Это былъ Гальберштадтъ, до котораго, однакожъ, оставалось еще семь миль.

Мы пріѣхали въ него только-что смеркалось. Я объявилъ, что, не жалѣя денегъ, хочу остановиться въ лучшей гостинницѣ; мнѣ указали на *Розу*; по слабости моей въ этомъ названіи увидѣлъ я хорошее предзнаменованіе, и ожиданія мои оправдались. Меня ввели въ комнату, красивыми обоями оклеенную, хорошо вытопленную, вмѣщающую въ себѣ роскошную постель и все, что̀ нынѣ называется комфортомъ, и въ серебряныхъ подсвѣчникахъ подали восковыя свѣчи. Докторъ-товарищъ далъ мнѣ что-то успокоительное, я укрѣпилъ себя пищею, и съ седьмаго часа вечера принялся спать. Вдругъ будитъ меня немилосердый Пикулинъ, увѣряя будто полсутки провелъ я обнявшись съ Морфеемъ, а мнѣ казалось, что полчаса прошло только, какъ я заснулъ. Дѣлать было нечего; я чувствовалъ себя свѣжѣе и тверже, всталъ, одѣлся и поѣхалъ. На ясномъ небѣ звѣзды такъ и горѣли, хотя на окраинахъ его уже вытянулась багровая, малиновая полоса, предвѣстница бурнаго дня. Дѣйствительно скоро вѣтеръ разыгрался и сталъ свистѣть съ такою яростію, что того и гляди, что онъ опрокинетъ нашу коляску. Странная была погода: ясно, холодно, но безъ мороза, а то что̀ мы называемъ сиверко. Къ полудню опять утихло и потемнѣло. Укрѣпленный Магдебургъ, который вечеромъ проѣзжали мы, не останавливаясь въ немъ, въ темнотѣ показался мнѣ гигантскимъ городомъ.

На слѣдующій день, по выѣздѣ изъ Гальберштадта, 30 Октября, прибыли мы утромъ въ Берлинъ, въ извѣстный уже мнѣ міръ. Названія гостинницы на Липовой аллеѣ, гдѣ мы остановились, не помню; комнатой же своею я былъ такъ доволенъ, что первый день не хотѣлъ съ нею разстаться, тѣмъ болѣе что чувствовалъ себя не совсѣмъ еще хорошо. Прогуливаясь, на другой день, по мѣстамъ мнѣ знакомымъ, почувствовалъ я ту скуку и тоску, которую, какъ увѣряютъ, Берлинскій воздухъ производитъ во всѣхъ пріѣзжихъ, и отъ вліянія котораго я лѣтомъ избѣжалъ. У Пикулина были знакомые медики, ему нужно было съ ними видѣться, и онъ располагалъ пробыть еще два дни, по 2-е Ноября. Чтобы не ходить со двора и не скучать одному дома, въ книжной лавкѣ купилъ я Французскіе романы, и въ чтеніи ихъ провелъ все время.

Библиотека "Руниверс"

Мы отправились по той же дорогѣ, по которой въ Маѣ ѣхалъ я съ Блудовымъ; только на этотъ разъ дѣло шло немного скорѣе: земля подмерзла, ее накатали, дорога стала глаже, и мы болѣе торопились. Повторять названія мѣстъ, чрезъ кои проѣзжалъ я на семъ обратномъ пути, означая только день проѣзда моего, считаю излишнимъ. Ничего примѣчательнаго со мною тутъ не случилось. Одно только заслуживаетъ здѣсь быть помѣщеннымъ. Въ городѣ Нови, или Нейенбургѣ на Вислѣ, за столомъ подавалъ намъ кушанье молодой, почтительный услужливый Полякъ. На станціяхъ слышалъ я вездѣ одинъ Нѣмецкій языкъ; тутъ обрадовался Польскому, который немного зналъ съ ребячества, почти какъ Русскому, и съ слугой пустился въ разговоры. Сродство языковъ всегда располагало меня быть снисходительнымъ къ Полякамъ, не смотря на тысячу причинъ, кои имѣю ненавидѣть ихъ.

Послѣ обѣда далъ я слугѣ талеръ, а онъ поцѣловалъ у меня руку. Пикулинъ взбѣсился. «Кто въ Европѣ у господина станетъ цѣловать руку? воскликнулъ онъ. Одни только Поляки и Русскіе умѣютъ быть такъ подлы!» — «И такъ добры, сказалъ я, что не гнушаются продолжительно, просто и ласково говорить съ низшими. На Западѣ, продолжалъ я, младшіе всегда готовы къ возстанію на старшихъ и удерживаемы только ихъ убійственно-холоднымъ обхожденіемъ; всѣ состоянія находятся тамъ въ непріязненномъ между собою расположеніи и когда нибудь дойдутъ до сильной борьбы. У васъ въ Европѣ по возможности воздерживаются отъ всякихъ знаковъ наружнаго почтенія; послѣдователи новыхъ христіанскихъ вѣръ и сектъ, въ ней изобрѣтенныхъ, передъ Божествомъ даже не сгибаютъ колѣнъ; во храмѣ иные сидятъ въ шляпахъ. Подъ именемъ сохраненія человѣческаго достоинства всѣмъ сословіямъ внушили тамъ гордыню, а отъ нея не одни люди, но и ангелы пали. Оставьте же намъ пока наше смиреніе; съ нимъ не погибли мы, а напротивъ недавно спаслись, да еще спасли и другихъ». Такъ говорилъ я; откуда у меня что бралось и когда вспомню теперь, то какъ будто предрекалъ настоящее. Мой добрый Пикулинъ, совершенно-Русскій человѣкъ, въ Воронцовскомъ корпусѣ былъ весь вытертъ либерализмомъ, Европеизмомъ, никогда не слыхалъ ему возраженій и отъ того не имѣлъ случая никогда разсуждать о томъ. Онъ не нашелъ чѣмъ бы мнѣ отвѣчать и старался обратить все это въ шутку.

Какъ бы ни было, а Кёнигсбергъ все-таки столица, да по милости Наполеона нѣсколько времени былъ еще и королевскою резиденціей: проѣхать его, не отобѣдавъ въ немъ и не переночевавъ, было бы неприлично. Эту дань уваженія заплатили мы ему 6-го Ноября. Въ томъ самомъ трактирѣ и въ той же комнатѣ, которую занималъ я въ первый

Библиотека "Руниверс"

мой проѣздъ, остановился я; въ ней дочиталъ я романъ, купленный и начатый въ Берлинѣ, и болѣе ничего въ Кёнигсбергѣ не дѣлалъ.

Изъ любопытства хотѣлось мнѣ видѣть Штрандъ; до свѣта, 7-го числа, отправились мы на него, а еще не по немъ. Отъ станціи Мюльзенъ, единственной, которую на этомъ пути я видѣлъ, идетъ верстъ на сто песчаная коса, называемая Нерунгъ. Когда показался свѣтъ или скорѣе освѣтилась густая мгла, покрывающая небо, открылось намъ шумящее Балтійское море. Слѣва оно бушевало, а справа песчаная, голая равнина подымалась едва замѣтнымъ откосомъ и образовывала цѣпь низкихъ холмовъ, на вершинѣ которыхъ кой-гдѣ торчали сосны. Никогда столь печальнаго зрѣлища я не видалъ. Плохія, тощія лошади могли везти только по мокрому песку, и для того ямщикъ держался все самаго берега. Море, которое отражало мракъ облаковъ, можно было назвать чернымъ; изъ него высоко подымались бѣлѣющіяся волны и всей этой картинѣ давали видъ совершенно траурный и гробовой. Онѣ безпрестанно досягали до коней и до колесницы и разбивались о колеса; иногда обхватывали всю коляску, какъ бы готовыя увлечь ее съ собою, и брызги ихъ попадали намъ въ лицо. Къ счастію, не было мороза, а не то нашъ экипажъ покрылся бы ледяною корой и отяжелѣлъ. Въ иныя минуты шумъ бывалъ такъ великъ, что мы другъ друга слышать не могли. Станціонные дома стоятъ не у берега, не на дорогѣ, а въ верстѣ или болѣе отъ нея на возвышеніи; ямщикъ останавливается, отпрягаетъ одну лошадь, садится на нее, оставляетъ вамъ другихъ, ѣдетъ на станцію и приводитъ вамъ новыхъ лошадей. Въ названіяхъ (кои не забылъ) станцій сихъ (кои не видалъ): Саркау, Росситенъ, Шварцортъ, и понынѣ чудятся мнѣ могильные звуки. Цѣлый день не ѣсть, не видѣть жилья, ничего кромѣ мрачнаго неба, бурнаго моря и песчаной степи, совсѣмъ не было забавно. Я не худо сдѣлалъ, что описалъ эту дорогу; теперь она, говорятъ, совершенно брошена, вѣроятно, скоро будетъ забыта и никому неизвѣстна.

На концѣ ея, проѣхавъ по морю аки по суху, мы должны были совсѣмъ ввѣрить себя этой невѣрной стихіи. На какомъ-то большомъ суднѣ, при сильномъ вѣтрѣ и дождѣ, надобно было цѣлыя три мили переправляться черезъ Куришъ-Гафъ, чтобы пристать къ Мемелю. Пикулинъ готовъ былъ ѣхать далѣе; но и самъ онъ утомился, да и ночью черезъ границу, которая была въ трехъ миляхъ, насъ бы, можетъ-быть, не пропустили. Въ Мемелѣ повторилось со мною то, что было въ Кёнигсбергѣ; я опять нашелъ знакомую комнату, чистую, хорошо вытопленную: надобно ѣхать на Сѣверъ, чтобы зимой не зябнуть въ комнатахъ, и чѣмъ далѣе тѣмъ лучше.

Библиотека "Руниверс"

Въ Михайловъ день, 8-го числа, проѣхавъ Ниммерзатъ, увидѣли мы рогатку и казачій пикетъ; одинъ всадникъ отдѣлился отъ него, чтобы проводить насъ до Полангена, и въ тоже время какъ бы нарочно пошелъ первый снѣгъ. Мы переѣхали Русскую границу, мы вступали въ Русскія владѣнія. Давно ли я разстался съ отечествомъ? Но это было въ первый разъ, и въ первый разъ я возвращался въ него. Не буду даже пытаться изображать то, что происходило со мною въ эту блаженную минуту; за всѣ трудности путешествія ею одною былъ я вознагражденъ; языкъ безмолвствовалъ, а рука безъ вѣдома моего, сама собою, по Русско-православной привычкѣ, клала на меня кресты. Придя немного въ себя, обратился я къ моему товарищу, который пять лѣтъ не видалъ Россіи, и спросилъ его: что онъ чувствуетъ? Несчастный, стараясь скрывать сильное ощущеніе, сперва не могъ вымолвить слова, потомъ смѣясь, но задыхаясь, отвѣчалъ: «да ничего». Я съ досадой отворотился: еслибъ онъ подолѣе пожилъ за границей, то и дѣйствительно ничего бы не чувствовалъ.

На другой день гнилая Пикулинская коляска опять намъ измѣнила, опять надобно было починиваться и останавливаться на Курляндской станціи Дрогденѣ. Къ вечеру кое-какъ починили испорченное, и мы не безъ опасенія отправились далѣе. Ночью проѣхали мы Митаву, а 10-го числа по утру прибыли въ Ригу.

Мы остановились въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ на берегу Двины, гдѣ пришлось намъ пробыть сутокъ двое и болѣе. По осмотрѣ экипажа г. Пикулина, открылось, что безъ большой реставраціи мы принуждены будемъ бросить его на дорогѣ. Погода была дурная, попеременно дождь и снѣгъ, страшная слякоть, такъ что выйдти нельзя было. Мнѣ было скучно, но по крайней мѣрѣ тепло и покойно. На наше счастіе опять подморозило, когда мы выѣхали, и мы хорошо проѣхали по пескамъ, которые окружаютъ Ригу; мѣстами на дорогѣ лежалъ уже, снѣгъ. Не знаю отчего Пикулину захотѣлось остановиться въ Дерптѣ и переночевать на почтовомъ дворѣ; хотя медикъ, но, кажется, и онъ немного прихворнулъ. Онъ поднялъ меня до свѣту, 14-го Ноября, а какъ погода была весьма неблагопріятная, то мнѣ и не очень хотѣлось. Я вспомнилъ, что я имянинникъ, и что этотъ день никогда не бывалъ я въ дорогѣ.

Подъѣзжая къ Нарвѣ 15-го числа, случилось съ нами небольшое приключеніе, хотя непріятное, а впрочемъ забавное. Чухонецъ-ямщикъ, который насъ везъ, молодой еще мальчикъ, однакоже былъ пьянъ: держалъ не въ попадъ, то направо, то налѣво, и могъ сломить намъ шею. Пикулинъ прикрикнулъ на него; онъ взбѣсился, бросилъ возжи, соскочилъ съ козелъ и пошелъ пѣшкомъ. Тутъ имѣлъ я случай подивиться

Библиотека "Руниверс"

присутствію духа и проворству военнаго медика: отдавъ мнѣ вожжи и схвативъ какія-то запасныя веревки, онъ выскочилъ, поймалъ пьянаго, перевязалъ ему руки, посадилъ насильно со мною въ коляску, а самъ сѣлъ на козлы и поѣхалъ. Чухонцы, когда разсердятся, бываютъ ужасно злы: мальчишка въ безсиліи своемъ все смѣялся съ бѣшенствомъ. Такъ пріѣхали мы въ Нарву и на почтѣ сдали виновнаго, которому обѣщано было наказаніе.

Близъ Ропши, ночью, спускаясь съ пригорка, вспомнилъ я, какъ весной на немъ бились мы въ глубокомъ снѣгу, и готовъ уже былъ радоваться тому, что онъ едва покрываетъ землю, какъ ямщикъ нашъ вскликнулъ:

— Господа, худо!

— Что́ такое? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Да вонъ видите, стоятъ волки.

Они вѣрно были не близко, ибо, по близорукости моей, въ потьмахъ не могъ я разглядѣть ихъ; но лошади были столь же зорки какъ ямщикъ и сопутникъ мой, начали фыркать и безъ памяти понесли было насъ: потерявъ изъ виду враговъ своихъ, они скоро утихли. Это была послѣдняя моя дорожная непріятность. Въ Стрѣльнѣ, куда пріѣхали мы до разсвѣта, 16-го числа, узнали мы, что въ Петербургѣ рѣка стала, и что всѣ начали было ѣздить въ саняхъ, но что опять все распустило, и ледъ на Невѣ едва держится. Пока мы ѣхали дачами по Петергофской дорогѣ, совершенно разсвѣло, и въ 10 часовъ утра въѣхали мы въ заставу.

X.

Уже болѣе недѣли находился я въ Русскомъ царствѣ; радость моя уже истощилась на границѣ; при въѣздѣ въ него и послѣ кратковременнаго отсутствія, увидѣлъ я Петербургъ довольно равнодушно, какъ будто воротился въ него изъ Пензы. Онъ показался мнѣ печаленъ и тихъ въ сравненіи съ Парижемъ.

Сопутникъ мой, онъ же и хозяинъ дорожный, Пикулинъ, остановился у пріятеля въ Измайловскихъ казармахъ. Мы разстались безъ сожалѣнія: ничего общаго не было у насъ ни въ мнѣніяхъ, ни во вкусахъ, и мнѣ кажется, мы ужасно другъ другу надоѣли; послѣ того не помню, случилось ли мнѣ раза два въ жизни его видѣть.

Я сѣлъ на извозчика и скорѣе поскакалъ къ Семеновскому мосту въ Шмидтовъ домъ, гдѣ нашли мнѣ комнатку, пока Ноденъ очиститъ въ немъ уступленную мною ему квартиру. Тотчасъ потомъ, о блаженство, явился мой старый слуга Пантелѣй. Я не хвалю въ этомъ случаѣ старинное Русское воспитаніе, которое пріучаетъ шагу не дѣлать

Библиотека "Руниверс"

безъ прислуги; но я получилъ его, и возвратиться къ привычкѣ, сдѣланной съ малолѣтства, почти мѣсяцъ прерванной во время трудной дороги, было для меня настоящимъ наслажденіемъ. Вообще, болѣе полугода пошатавшись по свѣту, пріятно быть у себя. Въ людяхъ хорошо, а дома лучше, говоритъ пословица, я думаю западнымъ народамъ неизвѣстная.

Моимъ начальникомъ былъ я принятъ, могу сказать, съ радостію: онъ простеръ деликатность до того, что самъ предложилъ мнѣ нѣсколько дней отдохнуть и погулять. Во время отсутствія моего по нашей части произошла важная перемѣна. Престарѣлому графу Сергѣю Кузмичу Вязмитинову было не подъ силу въ одно время управлять Министерствомъ Полиціи и завѣдывать столицей. Согласно съ его желаніемъ, сохраняя министерство, уволенъ онъ отъ должности Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, и на его мѣсто назначенъ графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Будучи старѣе чиномъ Бетанкура, почиталъ онъ и имѣлъ право почитать себя его начальникомъ: это можно было замѣтить изъ письменныхъ отношеній. Но какъ Милорадовичъ въ дѣлахъ ничего не смыслилъ, то повелительный тонъ принялъ новый правитель канцеляріи его, Николай Ивановичъ Хмѣльницкой. Добрый Ноденъ безъ меня всепокорнѣйше принималъ эти приказанія, и мнѣ послѣ немалаго труда стоило сколько-нибудь уравновѣсить сношенія наши съ этою канцеляріей. Съ своей стороны Бетанкуръ неохотно бы вошелъ въ состязаніе съ такимъ извѣстнымъ смѣльчакомъ, каковъ былъ Милорадовичъ; я однакоже объяснилъ ему, что если такъ пойдетъ, по неопредѣленности правъ нашихъ, то легко можемъ мы попасть въ разрядъ уѣздныхъ мѣстъ, что̀ гораздо послѣ и случилось. Вслѣдствіе чего Бетанкуръ имѣлъ объясненіе съ Милорадовичемъ, одинъ на своемъ Гишпано-Французскомъ, а другой на Чухоно-Французскомъ языкѣ, которымъ забавлялъ онъ дворъ и публику; а какъ первый былъ человѣкъ умный и тонкій, то дѣло и поладилось. Оба правителя канцеляріи, Адамовичъ и Перевощиковъ, при назначеніи новаго военнаго губернатора, были удалены отъ должности, яко бездѣльники. Мнѣ было ихъ жаль: они конечно пользовались незаконной прибылью, но довольно умѣренно и были люди незлые и весьма обходительные. Опредѣленный на ихъ мѣсто Хмѣльницкой выбранъ былъ на славу, взятъ изъ Иностранной Коллегіи, былъ богатъ, литераторъ, авторъ нѣсколькихъ комедій и долженъ былъ очистить, облагородить званіе начальника канцеляріи. А онъ вышелъ величайшій грабитель, дерзкій, надменный, такъ что и честному бы человѣку было не подъ стать. Черезъ нѣсколько времени самъ Государь приказалъ Милорадовичу его прогнать и отставить отъ службы, съ тѣмъ, чтобы

Библиотека "Руниверс"

никуда не опредѣлять. По пріѣздѣ болѣе всего заняли меня мои служебныя дѣла, и оттого съ нихъ и началъ я мой разсказъ.

Большая тишина эту зиму царствовала въ Петербургѣ, только не въ высшемъ кругу. Государь и обѣ Императрицы находились въ отсутствіи за границей. Безъ нихъ молодая чета, Николай Павловичъ съ супругой, на свободѣ, на просторѣ, предавались забавамъ, особенно же молоденькая великая княгиня, которая, по тогдашнимъ лѣтамъ своимъ и по примѣру матери, покойной королевы Прусской, безъ памяти любила танцы. Посѣщеніе бала Государемъ или кѣмъ-либо изъ членовъ его фамиліи почиталось рѣдкимъ, важнымъ происшествіемъ. Тутъ знатные и богатые обрадовались случаю, въ запуски стали давать праздники и счастливыми себя почитали, что могутъ на нихъ угощать у себя почти еще новобрачныхъ. Оно недолго продолжалось. Къ 1-му Генваря 1819 года возвратился Государь; черезъ нѣсколько дней послѣ него императрица Марія Ѳеодоровна; а 9-го числа стараго стиля скончалась почти скоропостижно Екатерина Павловна, королева Виртембергская. Многіе были увѣрены, что послѣ втораго ея брака семейство ея охолодѣло къ ней. Тогда глубокая горесть, которую произвела ея кончина, дала всѣмъ узнать, что нѣжныя чувства къ ней родныхъ никогда не теряли своей силы. Послѣ этого, разумѣется, всякія увеселенія при дворѣ должны были умолкнуть до весны.

Въ половинѣ Января генералъ Алексѣевъ привелъ въ Слонимъ корпусъ, находившійся три года во Франціи, который весь былъ набранъ изъ полковъ, принадлежащихъ къ дивизіямъ, внутри государства расположеннымъ. По полученіи донесенія о прибытіи его, велѣно Алексѣеву распустить корпусъ, распорядиться отправленіемъ полковъ къ мѣстамъ квартированія ихъ дивизій, а дѣла представить въ главный штабъ Его Величества. Самому же ему, впредь до новаго назначенія, съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ, дозволено пріѣхать въ Петербургъ или жительствовать гдѣ пожелаетъ. Примѣчательно, что, въ продолженіи трехъ лѣтъ, въ этомъ корпусѣ было только три дезертира, а на обратномъ пути ни одного, хотя нижнимъ чинамъ представлялось много средствъ къ побѣгамъ. Несчастные знали, что дома будетъ имъ плохое житье; но тамъ ихъ родина, и она была для нихъ выше всего. Не такъ-то думаютъ наши высшія сословія.

Братъ мой также получилъ отпускъ на годъ съ сохраненіемъ жалованья, и они вмѣстѣ съ зятемъ и сестрой отправились сперва въ Москву, гдѣ Алексѣевъ и остался, а братъ мой поспѣшилъ къ матери нашей въ Пензу. Въ это самое время, два сына сестры моей, Александръ и Николай, взрослые пажи, были выпущены офицерами въ армію. Оба они, особенно въ первой молодости, были очень красивы

Библиотека "Руниверс"

собою; къ сожалѣнію не наслѣдовали они ума матери своей. Старшій былъ въ отца: всегда веселъ, живъ, болѣе его образованъ, еще болѣе его ко всѣмъ ласковъ, за что́ всѣ безъ изъятія любили его, особенно же нѣжный полъ. Меньшой былъ угрюмъ, совсѣмъ несообщителенъ, отчего казался разсудительнѣе брата, чего однакоже вовсе не было. Онъ имѣлъ два порока—чрезмѣрное самолюбіе и себялюбіе, которыхъ смѣшивать не должно; первое всегда было замѣтно, а послѣднее ужасно развилось и открылось послѣ. По несчастію бѣдные мальчики получили самое плохое воспитаніе; имѣя только двухъ сыновей, родители ихъ баловали; въ отрочествѣ таскались они по походамъ или жили по роднымъ; по царской милости въ 1812 году приняты въ Пажескій Корпусъ, который смѣло можно назвать школою разврата. Въ прежнія времена, если ученіе шло дурно и воспитанниковъ мало занимали военной наукой, то по крайней мѣрѣ получали они свѣтскіе навыки и хорошія манеры; а въ это время, также какъ изъ кадетовъ, хотѣли изъ нихъ сдѣлать солдатиковъ, но безъ строгой дисциплины, которой тѣ были подвергнуты. Съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ я, какъ ребята ростутъ безъ всякаго надзора; изъ уваженія къ заслугамъ отца, со старшаго не слишкомъ взыскивали за его вѣтренность, съ меньшаго за его упрямство и неповиновеніе. На счетъ ихъ мнѣ не сдѣлано было никакого довѣрія; я не имѣлъ никакого права мѣшаться въ это дѣло; къ тому же въ тогдашнія лѣта мои мнѣ не совсѣмъ еще прилично было играть роль Ариста и Геронта. Иногда однакоже нехотя принимался я браниться съ ними; меньшой сердито слушалъ меня, а старшимъ милымъ шалуномъ, бывалъ я скоро обезоруженъ. Не попавъ въ камеръ-пажи, вышли они прапорщиками: Александръ въ какую-то артилерійскую роту близъ Тулы, Николай въ гренадерской полкъ императора Австрійскаго, находившійся въ Царскомъ Селѣ. Обоимъ тотчасъ даны были отпуски для свиданія съ отцомъ, только что возвратившимся изъ-за границы въ Москву.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ по службѣ Бетанкура послѣдовала для него большая перемѣна. Инженеръ-генералъ Францъ Павловичъ Де-Воланъ, главный директоръ путей сообщенія, преемникъ принца Георгія Ольденбургскаго, перваго мужа Екатерины Павловны, умеръ, и Государь для этой важной должности на его мѣсто выбралъ моего начальника. Я этому очень обрадовался, а между тѣмъ не могъ понять, какъ человѣкъ, который ни слова не знаетъ по-русски, будетъ въ Россіи управлять министерствомъ. Когда, узнавъ объ томъ, на другой день поутру пришелъ я поздравить его, съ притворно-печальнымъ видомъ отвѣчалъ онъ мнѣ: «Что́ дѣлать! Государь непремѣнно того требовалъ». Тщетно говорилъ я ему о великихъ затрудненіяхъ, которыя предста-

Библиотека "Руниверс"

вятся при исполненіи возлагаемой на меня обязанности; онъ отвѣчалъ, что «если бы дѣла и пошли не такъ успѣшно какъ онъ желаетъ (хотя онъ ожидаетъ противнаго), не его будетъ вина, ибо его насильно заставили принять должность». Потомъ прибавилъ онъ: «скорѣе должны вы себя поздравить чѣмъ меня; новое назначеніе мое открываетъ вамъ дорогу къ возвышенію». Черезъ нѣсколько дней объявилъ онъ мнѣ, что имѣетъ на меня виды и хочетъ меня представить къ занятію должности директора департамента путей сообщенія, на мѣсто хвораго старика, съ которымъ онъ не можетъ объясняться, потому что тотъ не знаетъ по-французски, но что напередъ хочетъ онъ оглядѣться и не вдругъ приступить къ перемѣнамъ. Я замѣтилъ ему, что при необъятномъ числѣ бумагъ по ввѣренной ему части, вступающихъ и исходящихъ, даже съ удвоеннымъ штатомъ не будетъ возможности сохранить порядокъ, которому дотолѣ мы слѣдовали, и что въ Петербургѣ не сыщется и половины людей въ состояніи переводить для него и переписывать по-французски. «Ужъ это я знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, и для того-то и нуженъ мнѣ человѣкъ, отъ котораго представляемыя бумаги могъ бы я слѣпо подписывать».

Должность директора департамента занималъ бывшій мой начальникъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Дмитрій Семеновичъ Серебряковъ, съ 1810 года, при принцѣ Ольденбургскомъ, преемникъ Лубяновскаго, тогда уже въ Анненской лентѣ, человѣкъ кроткій, честный и дѣловой. Его-то Бетанкуръ хотѣлъ сбыть съ рукъ. Какая несправедливость! Но удрученный лѣтами, при перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ самъ желалъ успокоенія.

По письменной части еще два человѣка были тутъ замѣчательны. Одинъ, Александръ Павловичъ Хрущовъ, былъ правителемъ канцеляріи совѣта путей сообщенія. Не помню, въ другихъ министерствахъ существовали ли уже тогда общіе совѣты, составленные изъ директоровъ и нѣсколькихъ членовъ. При самомъ же преобразованіи бывшей экспедиціи водяныхъ коммуникацій найдено было необходимымъ сохранить ей хотя призракъ коллегіяльнаго управленія. Принцъ, или скорѣе всѣмъ завѣдывавшій тогда Лубяновскій, посылали въ этотъ совѣтъ на разсмотрѣніе только смѣты проектовъ. Въ немъ засѣдали три инженерныхъ генерала, подъ названіемъ инспекторовъ, и директоръ департамента Серебряковъ. Что сказать о Хрущовѣ? Онъ былъ человѣкъ самый безхарактерный, полулитераторъ, полудѣлецъ, не совсѣмъ честенъ, не совсѣмъ плутъ, но скорѣе послѣднее.

Главные директоры, принцъ и послѣ него Де-Воланъ, имѣли сверхъ того особую малую канцелярію и секретаря. При Де-Воланѣ секретаремъ постоянно находился нѣкто Ѳома Яковлевичъ Рандъ. Нѣмецъ или

Библиотека "Руниверс"

Голландецъ, Богъ его знаетъ, родился въ Москвѣ и воспитывался тамъ отъ щедротъ роднаго дяди, Нѣмецкаго учителя моего въ Форсевилевомъ пансіонѣ, Гильфердинга. Имъ отправленъ былъ онъ учиться въ Геттингенскій университетъ; будучи неприлеженъ или неспособенъ, не могъ онъ получить тамъ аттестата, который въ то время давалъ равныя права съ тѣми, кои доставляли выдаваемые отъ Русскихъ университетовъ. По словамъ Николая Тургенева, который вмѣстѣ съ нимъ въ Геттингенѣ слушалъ лекціи, всѣ Русскіе смѣялись надъ нимъ, называя его Ѳомушкой. Но онъ имѣлъ нѣкоторыя способности, пронырство и наглость, съ которыми иные по службѣ далеко уходятъ. Онъ невысоко еще поднялся; лѣтъ тридцати, только-что титулярный совѣтникъ и секретарь при такомъ начальникѣ, который очень хорошо зналъ Русскій языкъ и чрезвычайно былъ опытенъ въ дѣлахъ по своей части, онъ большаго вліянія на нихъ имѣть не могъ. Росту былъ онъ виднаго; многіе находили, что онъ недуренъ собой; мнѣ же черты его и выраженіе лица казались даже непріятны. Къ счастію его, черезъ супругу своего начальника, черезъ довольно еще молодую жену, иногда дѣйствовалъ онъ на стараго мужа и, пользуясь симъ искусственнымъ кредитомъ, успѣлъ уже, говорили, нажить капиталу тысячъ до тридцати рублей ассигнаціями. Въ откровенной бесѣдѣ со мною Бетанкуръ говорилъ: «Вы не можете себѣ представить, какіе это мошенники, этотъ мосьё Кручковъ и этотъ мосьё Рандъ». Я не поддакивалъ ему, но и не оспаривалъ его, объ этихъ людяхъ не имѣя дотолѣ никакого понятія. «Теперь они мнѣ необходимы», прибавлялъ онъ, «но я надѣюсь, какъ изъ лимоновъ, выжавъ изъ нихъ сокъ, послѣ того ихъ бросить». Бѣдный Бетанкуръ не могъ предвидѣть, что они прилипнутъ къ его рукамъ, и не только ихъ, всю репутацію его выпачкаютъ. Въ обхожденіи съ Рандомъ, который каждый день являлся къ нему съ бумагами, Бетанкуръ, можно сказать, былъ даже суровъ; а тотъ, по моему, велъ себя очень благоразумно, выслушивая его въ почтительномъ молчаніи и не показывая ни досады, ни трусости.

Въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія всѣ видѣли во мнѣ будущую главную пружину его. Не было любезностей, не было учтивостей, коихъ бы мнѣ ни оказывали инженеры: генералы Саблуковъ, Карбоньеръ, Вельяшевъ (о коихъ подробнѣе говорить предоставляю себѣ послѣ) сами первые посѣтили меня. А между тѣмъ я не почиталъ себя въ правѣ входить явно въ какія-либо дѣла этого управленія; главныя должностныя гражданскія лица всемѣрно уклонялись отъ сообщенія мнѣ свѣдѣній, и я могъ только стороной собирать ихъ. Наконецъ, рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шился я на этотъ счетъ объясниться съ Бетанкуромъ. Я представилъ ему, что, не ознакомившись напередъ съ дѣлами департамента, который онъ намѣренъ былъ ввѣрить мнѣ, буду я плохимъ его директоромъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что спѣшить еще не къ чему до возвращенія изъ одного путешествія, которое вмѣстѣ съ нимъ долженъ я совершить. «Къ тому же», прибавилъ онъ, «съ быстротою, съ какою понимаете вы всякое дѣло, вамъ нетрудно будетъ скоро сладить и съ этимъ». Онъ не имѣлъ никакой нужды мнѣ льстить, и я никакимъ скромнымъ опроверженіемъ не отвѣчалъ ему. Вообще же я привыкъ видѣть, что какъ въ Италіи импровизируютъ стихи, такъ у насъ въ Россіи импровизируютъ способныхъ ко всему людей. Еще замѣтилъ я Бетанкуру, что чинъ мой малъ для мѣста, которое занимали дотолѣ одни превосходительные. На это отвѣчалъ онъ мнѣ, что вмѣстѣ съ должностію испроситъ онъ мнѣ у Государя и чинъ статскаго совѣтника, безъ всякаго университетскаго аттестата. Все шло для меня какъ нельзя лучше.

Еще въ 1816 году отставной канцлеръ, графъ Румянцовъ, путешествуя по Россіи, посѣтилъ и Макарьевскую ярманку. Она привлекла на себя особое вниманіе человѣка, бывшаго столько лѣтъ министромъ коммерціи. Онъ нашелъ, что весьма было бы выгодно по близости перенести ее изъ Макарьева въ Нижній-Новгородъ и тѣмъ поддержать, украсить и поднять послѣдній, который во мнѣніи многихъ людей почитается настоящимъ средоточіемъ Россіи, долженствующимъ быть и столицей ея. Со всѣмъ уваженіемъ къ памяти государственнаго мужа нахожу я, что онъ ошибался. Положеніе Нижняго-Новгорода совсѣмъ не центральное. Если въ измѣреніи пространства Россіи не отдѣлять отъ нея Сибирскаго края, тогда средина ея будетъ, по крайней мѣрѣ за Ураломъ. Если же принять въ соображеніе одну населеннѣйшую часть ея отъ Уральскаго хребта до Калиша, тогда, прилегая болѣе къ сѣверо-восточнымъ ея странамъ, Нижній-Новгородъ слишкомъ удаленъ отъ западныхъ границъ Имперіи. Находясь на берегу двухъ величайшихъ, судоходнѣйшихъ рѣкъ, онъ съ умноженіемъ народонаселенія и промышленности, самъ собою могъ бы сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ государствѣ. Перенесеніе въ него ярманки одинъ только мѣсяцъ въ году могло оживить его. Безъ всякой помощи отъ правительства, безъ всякаго участія его, самымъ естественнымъ образомъ ярманку сію породили взаимныя потребности народовъ, населяющихъ Россію и отдаленнѣйшія Азіятскія страны. Она возросла какъ бы подъ благословеніемъ Св. Макарія, вокругъ обители имъ основанной. Многочисленное стеченіе богомольцевъ въ обычный срокъ встрѣчалось тутъ ежегодно съ проѣзжающими караванами. Набожность, вездѣ сопутствовавшая прежде Русскому народу, указала ему

Библиотека "Руниверс"

тутъ и на торговыя его выгоды. Начало прекрасное, коего послѣдствіемъ было самое блистательное, широкое развитіе нашей торговли. Замѣчанія свои графъ Румянцовъ представилъ Государю, который принялъ ихъ въ уваженіе.

Дабы удостовѣриться въ пользѣ предлагаемаго канцлеромъ, въ Іюлѣ 1817 года Бетанкуръ отправленъ былъ въ Нижегородскую губернію. Ему поручено было, обозрѣвъ мѣстности, избрать удобнѣйшую и выгоднѣйшую для учрежденія новаго прочнаго ярманочнаго гостинаго двора и донести, въ случаѣ построенія новыхъ каменныхъ лавокъ, доходы съ нихъ будутъ ли достаточны, чтобы замѣнить казнѣ проценты съ капитала, употребленнаго на ихъ сооруженіе: новое доказательство пристрастія и неограниченной довѣренности, которыя имѣлъ Государь къ иностранцамъ. Бетанкуръ менѣе чѣмъ кто могъ тогда судить о выгодахъ и невыгодахъ нашихъ торговыхъ и финансовыхъ дѣлъ: это было первое путешествіе, которое онъ дѣлалъ внутрь Россіи, которой дотолѣ онъ вовсе не зналъ, не видавъ даже Москвы. Никакой важности не видѣлъ онъ въ томъ, чтобы, вырвавъ съ корнемъ самою природою произведенное растеніе, посадить его на другой почвѣ, не заботясь о томъ, будетъ ли оно процвѣтать на ней или нѣтъ. Эти господа знать не хотятъ, что у такъ называемыхъ варваровъ и рабовъ есть повѣрія, навыки, коихъ измѣненія никогда не совершаются безъ сердечной для нихъ боли. Бетанкуру представился прекрасный случай выказать все искусство свое, какъ инженеру, архитектору, механику, и въ самомъ широкомъ объемѣ; какъ было ему не воспользоваться онымъ? Въ виду Нижняго Новгорода, за Окой, близъ втока ея въ Волгу, на луговой ея сторонѣ, каждую весну потопляемой разлитіемъ двухъ великихъ рѣкъ, избралъ онъ мѣсто для сооруженія себѣ памятника. Тутъ надлежало съ большими издержками для казны побѣдить препятствія, поставляемыя природой. Надлежало, въ видѣ полукруглаго острова, сдѣлать высокую насыпь, которую вешнія воды не могли бы затоплять, прорыть вокругъ нея судоходный каналъ, соединяющій рѣчку Пыру съ Окой, возводимыя каменныя строенія, всѣ безъ изъятія утвердить на безчисленныхъ сваяхъ. Мнѣ случалось въ послѣдствіи слышать льстецовъ, которые въ разговорахъ съ Бетанкуромъ это гигантское произведеніе его генія называли Египетскою работой и сравнивали его съ ископаннымъ озеромъ Мѣриса и пирамидой Хеопса. Онъ съ своей стороны почиталъ эту лесть слишкомъ грубою и отвергалъ ее съ досадой.

По возвращеніи лично и словесно докладывалъ онъ Государю о своихъ предположеніяхъ. Не знаю, какую уловку употребилъ онъ, чтобы не испугать его огромностью суммъ, на то потребныхъ. Госу-

Библиотека "Руниверс"

дарь не жалѣлъ денегъ на все, по мнѣнію его, полезное, но даромъ бросать ихъ не любилъ. Я полагаю, что сперва не открылъ онъ ему всей истины, не объяснилъ, сколько милліоновъ потребуется, ибо представленная имъ вслѣдъ за тѣмъ смѣта была довольно скромная. Разъ втянувши казну въ это предпріятіе, ему легко было послѣ доказывать необходимость безпрестанныхъ прибавокъ,

Въ туже осень дѣло вскипѣло вдругъ: отправлены инженеры для снятія плановъ, пріисканія подрядчиковъ, объявленія торговъ, заключенія контрактовъ; у насъ же въ Петербургѣ завелась обширная переписка, что̀ чрезвычайно умножило мои занятія и труды. Весной въ 1818 году, ярмоночныя деревянныя строенія перенесены уже были изъ Макарьева на плоское мѣсто, находящееся рядомъ съ тѣмъ, на которомъ предполагалось соорудить прочныя зданія; лѣтомъ въ сихъ временныхъ помѣщеніяхъ открытъ былъ уже и торгъ. Ропотъ былъ великъ: монастырь Св Макарія лишился богатыхъ приношеній, жители окрестныхъ мѣстъ почитали себя раззоренными, Азіатскіе торговцы жаловались на то, что должны понапрасну дѣлать лишнихъ восемьдесятъ верстъ сухимъ путемъ, хозяева судовъ на то, что принуждены болѣе ста верстъ подниматься вверхъ по Волгѣ; вообще же ярманка съ этого времени потеряла свою оригинальную, Азіатскую физіономію. Бетанкуръ, который провелъ тамъ все лѣто, пока я былъ въ Парижѣ, остался довольно равнодушенъ къ симъ жалобамъ; однакоже, дабы сколько нибудь утѣшить вопіющихъ, обѣщалъ на новомъ мѣстѣ построить славную каменную церковь во имя Св. Макарія: лишняя сотня тысячъ рублей ему ничего не стоила. Не смотря на новое, важное, назначеніе свое, онъ намѣревался провести въ Нижнемъ Новгородѣ и лѣто 1819 года, и пригласилъ меня ѣхать съ собою. Итакъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ началъ я приготовляться къ новому пути, не столь длинному какъ въ предыдущемъ году.

XI.

Когда въ 1815 году жилъ я на Крестовскомъ островѣ, въ первый разъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ услышалъ я о пароходахъ. Сосѣдъ мой, графъ Віельгорскій, предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ и съ большой компаніей на чугунный заводъ Англичанина Берда, чтобы подивиться сей новорожденной у насъ невидальщинѣ; не помню, что̀ помѣшало мнѣ воспользоваться его приглашеніемъ. Дотолѣ слушалъ я о томъ довольно разсѣянно, какъ объ одномъ изъ многочисленныхъ Американскихъ или Англинскихъ затѣйливыхъ изобрѣтеній. Берду отъ правительства дана была привиллегія, и его пироскафъ исправно съ тѣхъ поръ ходилъ съ

Библиотека "Руниверс"

Матисова острова въ Кронштадтъ; иногда на показъ народу являлся онъ и на Невѣ; мнѣ ни разу не пришлось посмотрѣть на него.

Въ первый разъ случилось мнѣ видѣть не его, а на немъ самого себя. Бетанкуръ собирался отправиться водою, такъ чтобы наши экипажи, не отдаляясь отъ берега, слѣдовали за нами сухимъ путемъ. Бердъ, который почиталъ себя много обязаннымъ Бетанкуру, за то, что всѣ казенныя работы заказывались на его заводѣ, предложилъ прокатить насъ даромъ по Невѣ, до самаго истока ея изъ Ладожскаго озера. Отъѣздъ назначенъ былъ 14 Мая въ семь часовъ утра, и пароходъ, ночью прошедъ по рѣкѣ во время снятія мостовъ, причалилъ къ набережной близъ Гагаринской пристани. Я проспалъ, опоздалъ нѣсколькими минутами, меня одного нетерпѣливо дожидались, и едва успѣлъ я перебѣжать по доскѣ, какъ труба задымилась, и колеса зашумѣли.

Я очутился на палубѣ среди многочисленнаго общества. Семейство Бетанкура, состоящее изъ жены его и трехъ дочерей, также два Гишпанца, принадлежащихъ къ посольству, провожали его до Шлиссельбурга. Семейство Берда находилось на пароходѣ, чтобы хозяйничать и угощать путешествующихъ. Съ нами отправлялись до Нижняго: единственный сынъ Бетанкура, Альфонсъ, пятнадцатилѣтній бѣленькій мальчикъ, недавно прибывшій изъ Англіи, гдѣ по волѣ отца онъ воспитывался; при немъ наставникъ, Нѣмецъ Рейфъ; старый адъютантъ Бетанкура, Маничаровъ, недавно оставившій должность экономa въ Институтѣ; молодой адъютантъ Варенцовъ и, наконецъ, секретарь Рандъ. Сверхъ того сопутствовалъ намъ до ввѣреннаго ему округа инженеръ-генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Саблуковъ. О нѣкоторыхъ изъ сихъ лицъ я буду имѣть случай говорить во время нашего путешествія.

Этотъ первый день странствованія нашего походилъ на веселый праздникъ. Погода была прекрасная, виды по Невѣ были пріятные и занимательные, берега ея усѣяны дачами, фабриками и деревнями, изъ коихъ жители высыпали толпами, чтобы полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ, большимъ дымящимся судномъ, быстро подымающимся по рѣкѣ безъ парусовъ и веселъ. Цѣлый день пили и ѣли, всѣ были разговорчивы, всѣ смѣялись, даже скромныя дѣвицы Бетанкуръ. Вѣроятно вслѣдствіе многократныхъ тостовъ, во время поздняго обѣда возносимыхъ, почувствовалъ я сильную дремоту; она одолѣла меня, я спустился въ каюту, заснулъ и проснулся когда уже солнце готово было садиться. Меня всѣ одобряли и поздравляли, ибо во время сна моего, по неопытности рулеваго, въ первый разъ тутъ проѣзжающаго, судно сѣло на мель, и болѣе двухъ часовъ бились, чтобы тронуть его съ

Библиотека "Руниверс"

мѣста. Хорошо еслибъ и всегда можно было просыпать такъ горе и узнавать о немъ, когда оно миновалось! Отъ этой остановки опоздали мы и пріѣхали въ Шлиссельбургъ, когда уже совсѣмъ смерклось.

У начальствовавшаго тутъ по инженерной части полковника, Ивана Дмитріевича Попова, въ казенномъ обширномъ деревянномъ домѣ, приготовленъ былъ обильный обѣдъ или ужинъ трудно сказать и нельзя назвать того до чего никто не коснулся. Всѣ были чрезъ мѣру сыты, всѣ устали, и всѣмъ хотѣлось спать. И по этой части добрый хозяинъ позаботился; во всѣхъ комнатахъ стояло по двѣ и по три кровати, но и это кромѣ меня никого не прельстило. Не болѣе получаса пробыло тутъ общество наше: Бетанкуръ съ семействомъ и съ гостями отправился на богатую, частную, ситцевую фабрику (имя владѣльца ея ускользнуло у меня изъ памяти), гдѣ ожидало ихъ гораздо удобнѣйшее помѣщеніе; вся свита пошла обратно къ Берду на пароходъ, и остался я одинъ. Въ уединеніи сонъ мнѣ всегда казался слаще; къ тому же мнѣ хотѣлось, чтобы не совсѣмъ пропали труды почтеннаго старика Попова, котораго видъ казался мнѣ смущеннымъ и недовольнымъ. Онъ отвелъ мнѣ постель, приготовленную для самой Бетанкурши.

Едва успѣлъ я, на слѣдующее утро разстаться съ мягкимъ ложемъ своимъ, какъ домъ, въ которомъ ночевалъ, сдѣлался опять сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нашихъ спутниковъ. Подъ предводительствомъ нашего начальника всѣ мы отправились на берегъ Ладожскаго озера, куда перебрался Бердовъ пароходъ. Чтобъ утѣшить бѣднаго Попова, дано ему обѣщаніе воротиться къ нему завтракать. Цѣлою компаніей подъѣхали мы къ крѣпости, гдѣ ожидалъ съ рапортомъ комендантъ, котораго пригласили прокатиться съ нами по Ладожскому озеру. Это былъ генералъ-маіоръ Григорій Васильевичъ Плуталовъ, почти осьмидесятилѣтній старецъ, маленькій, сухенькой, но еще дюжій и бодрый. Выходецъ изъ старой Екатерининской арміи, сохранившійся обращикъ ея, онъ пользовался привилегіей, пришучивая съ высшими, говорить имъ истину. Ее безъ гнѣва выслушивалъ отъ него даже самъ Павелъ I. Была однако же минута, въ которую отъ него грозила ему погибель, когда онъ рѣшительно отказался быть суровымъ съ насылаемыми къ нему во множествѣ всякаго званія арестантами. «Государь», сказалъ онъ, «дѣлайте изъ меня что вамъ угодно; только я стражъ ихъ, а не палачъ». Изумленный, тронутый такою человѣколюбивою смѣлостью, раздраженный Павелъ бросился обнимать его.

Веселый этотъ старикъ, вступивъ на пароходъ, не подалъ Бетанкуру рапорта, а объявилъ, что онъ почитаетъ себя похищеннымъ и насъ подозрѣваетъ въ зломъ умыслѣ овладѣть крѣпостью, когда мы

Библиотека "Руниверс"

похитили ея начальника. Потомъ попросилъ о дозволеніи поздоровываться съ находящимися тутъ дамами, Гишпанками, Англичанками и другими, и еще не получивъ его и не давъ имъ опомниться, пошелъ ихъ всѣхъ обнимать и цѣловать въ уста. Я спѣшилъ увѣрить ихъ, будто, по нашему прежнему обычаю, это неотъемлемое право глубокой старости, и отъ удивленія и досады онѣ перешли къ смѣху. Этотъ человѣкъ мало заботился о томъ что́ скажутъ о немъ Европа и Европейцы. Потомъ около часу покатались мы по бурнымъ волнамъ Ладожскаго озера, въ первый разъ разсѣкаемымъ судномъ новаго изобрѣтенія. Приставъ къ крѣпости, которая, какъ извѣстно находится на острову, вышли мы на берегъ, и тутъ только Плуталовъ, вынувъ рапортъ, почтительно подалъ его старшему генералу. Не знаю былъ ли онъ холостъ или вдовъ; только женскаго пола въ его квартирѣ мы не видѣли, а на накрытомъ столѣ нашли завтракъ или скорѣе закуску, отъ которой мало вкусили, ибо берегли себя для Попова. Ускользнувъ отъ закуски, въ сопровожденіи какого-то офицера, бау или плацъ-адъютанта, я обошелъ крѣпостной валъ. Увидя себя столь честимымъ, изъявилъ я желаніе посмотрѣть тѣсное жилище императора Іоанна VI или лучше сказать несчастнаго Ивана Антоновича; мой офицеръ, немного замявшись, отвѣчалъ мнѣ, что оно совсѣмъ передѣлано и обращено въ казарму; изъ этого заключилъ я, что не дозволяется никому его показывать.

Усерднымъ аппетитомъ оказавъ должное уваженіе сытному обѣду добраго Ивана Дмитріевича и потѣшивъ тѣмъ Русское хлѣбосольство его, начали мы сбираться въ дальнѣйшій путь. Прощаніе Бетанкура съ женою и дочерьми было нѣжно, даже трогательно. Онѣ съ гостями поспѣшили обратно на пароходъ, а мы на щеголевато и довольно богато отдѣланное судно для покойной великой княгини Екатерины Павловны, подъ названіемъ трешкоута. На Ладожскомъ каналѣ, по которому мы плыли, всѣ суда по лѣвой сторонѣ выстроены были въ одинъ рядъ, дабы дать свободный проѣздъ царю каналовъ. На суднѣ нашемъ подъ палубой была одна только длинная и широкая каюта, вокругъ которой находились диваны не весьма покойные. Я расчелъ, что не раздѣвшись, въ повалку, спать на нихъ будетъ мнѣ весьма неудобно и даже невозможно; и для того, когда, сдѣлавъ верстъ тридцать, въ сумерки остановились мы у станціи Шалдихи, гдѣ нашли свои экипажи, доложилъ я Бетанкуру, что буду дожидаться его прибытія и приказаній въ Новой Ладогѣ, и распростился съ честною кампаніей. Я хорошо сдѣлалъ: около двухъ недѣль стояла сухая погода, и дороги были въ хорошемъ состояніи. Майская ночь коротка на Сѣверѣ, и въ пріятныхъ размышленіяхъ на свѣжемъ воздухѣ я не видѣлъ, какъ она

Библиотека "Руниверс"

и я—мы пролетѣли. Когда я остановился, болѣе для дневки чѣмъ для ночлега, чуть-чуть сталъ показываться свѣтъ. Его было не нужно: второстепенный уѣздный городъ, въ который я пріѣхалъ, ничѣмъ не отличался отъ другихъ равныхъ ему, и смотрѣть было не на что. Въ квартирѣ, приготовленной для Бетанкура, объявилъ я, чтобъ его не ожидали, а самъ легъ въ его постель.

До полудни преспокойно проспалъ я; обѣдъ былъ готовъ, и я совсѣмъ одѣтъ, когда Бетанкуръ со свитой прибылъ въ Новую Ладогу, гдѣ я встрѣтилъ его. Послѣ обѣда занялся онъ немного дѣломъ, а потомъ очень весело опять пустился водой вверхъ по рѣчкамъ Сяси и Тихвинкѣ. Я же опять предпочелъ ѣхать сухимъ путемъ, и слѣдующія ночь и утро повторилось для меня то, что было наканунѣ. Проснувшись поздно, я пошелъ смотрѣть на городъ Тихвинъ, не весьма замѣчательный, и зашелъ въ монастырь Тихвинскія Богоматери помолиться ея чудотворной иконѣ. Мнѣ показали и ризницу, довольно богатую, коей главнымъ украшеніемъ служитъ золотая лампада съ бриллiантовою подвѣской, оцѣненныя въ шестьдесятъ тысячъ рублей и принесенныя въ даръ графомъ Шереметевымъ. Я спѣшилъ домой, чтобъ успѣть встрѣтить своего старика-генерала, но тщетно прождалъ его второй и третій часы пополудни, по тогдашнему, все еще законные обѣденные часы. Безпокойство, нетерпѣніе и аппетитъ доходили во мнѣ до крайности, когда въ концѣ четвертаго часа увидѣлъ я труппу моихъ спутниковъ, изнеможенныхъ, изнуренныхъ, измученныхъ. Бетанкуръ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Такъ же какъ и другіе, онъ принужденъ былъ спать на соломѣ въ простой, хотя крытой, но безпокойной баркѣ. Неизвѣстно было, что онъ поѣдетъ водой, и ничего не было приготовлено. Подымаясь по рѣчкамъ, тащился онъ бичевникомъ, и лошади съ крутыхъ береговъ безпрестанно обрывались. Нетерпѣливый старикъ былъ въ бѣшенствѣ. Послѣ обѣда, его поваромъ, но по моему заказу, приготовленнаго, онъ сталъ спокойнѣе, веселѣе и объявилъ, однакоже, что останется ночевать въ Тихвинѣ.

Слѣдующій день, 19-е число, былъ уже и для меня мучительнымъ днемъ. Надлежало сдѣлать 90 верстъ до Соминской пристани. На этомъ разстояніи находится каналъ съ 38-ю шлюзами, часто отворяемыми и запираемыми, чрезъ кои баркамъ приходится иногда недѣли двѣ проходить. Мы поѣхали по дорогѣ, которая лежитъ близъ канала и которая, конечно, самая скверная въ Россіи. Она никогда не поправляется, а болота и пески, кочки и древесные корни безпрестанно встрѣчаются въ частомъ лѣсу, черезъ который надобно проѣзжать. Говорятъ, что исправить эту дорогу очень трудно и будетъ стоить очень дорого. Какъ бы ни было, съ ранняго утра до поздней ночи тащились

Библиотека "Руниверс"

мы по ней до Сомины. Нерѣдко останавливались мы для того, чтобы Бетанкуру осматривать шлюзы, и обѣдали у смотрителя ихъ, насъ сопровождавшаго, инженеръ-подполковника Ивана Ивановича Цвиллинга, сухаго, прямаго и молчаливаго Нѣмца.

Три судна неодинаковой величины были куплены на казенный счетъ, чтобы по теченію рѣкъ везти насъ до самаго Нижняго Новгорода, и они дожидались насъ въ Соминской пристани. Самое большое, разумѣется, назначено было для главнаго директора путей сообщенія, и онъ помѣстился въ немъ съ двумя адъютантами, съ сыномъ своимъ и его учителемъ Рейфомъ. Другое, поменѣе, досталось намъ съ г. Рандомъ, и мы не имѣли причины быть имъ недовольными; въ чистенькой каютѣ, довольно просторной, были широкія лавки, на которыхъ очень хорошо умѣстились наши постели. Въ третьемъ суднѣ находились экипажи, прислуга, кухня и нѣкоторые необходимые на этомъ пути съѣстные припасы. Вешнія воды не совсѣмъ еще спали, и мы 20 числа могли безпрепятственно поплыть внизъ по рѣчкѣ Соминѣ, которая лѣтомъ не бываетъ столь глубока. Въ тотъ же вечеръ достигли мы ея устья и въѣхали въ рѣчку или скорѣе рѣку Чагодощь или Чагоду, какъ ее просто называютъ.

Хотя мы были въ весьма недальнемъ разстояніи отъ обѣихъ столицъ, но могли почитать себя среди необитаемой части Сѣверной Америки. Надобно полагать, что въ этихъ мѣстахъ земля неудобна для хлѣбопашества, ибо намъ почти не попадались деревни въ густомъ лѣсу, который безпрерывно тянется по обоимъ берегамъ Чагоды. По низости ихъ могла бы она почитаться большимъ каналомъ, еслибы ширина ея, глубина и частые изгибы не давали ей видъ рѣки. Во всякой Европейской сторонѣ была бы она препрославлена; у насъ считается она третьеклассною, и въ обществѣ рѣдко сыщется человѣкъ, довольно свѣдущій въ статистикѣ Русскаго государства, чтобы знать ея имя; а она связываетъ низовыя губерніи и Астрахань съ Петербургомъ, то-есть Каспійское море съ Балтійскимъ. Вокругъ насъ царствовала мертвая тишина, изрѣдка показывалось человѣческое лицо; зато слѣды человѣчества встрѣчались на разстояніи каждыхъ пяти или шести верстъ. Большіе постоялые дворы, никѣмъ не занятые, съ забитыми окнами, появленіемъ своимъ пуще наводили тоску: казалось, что вымерли всѣ жители этой страны, а она должна была недѣли черезъ три на все лѣто чудесно оживиться. Когда приплываютъ низовые караваны, то хозяева сихъ лѣтнихъ гостинницъ наѣзжаютъ въ нихъ изъ ближайшихъ деревень и получаютъ большіе барыши отъ судовщиковъ, которые, останавливаясь тутъ, запасаются съѣстнымъ, а иногда и пируютъ, бражничаютъ. Не смотря на торжественность нашего пла-

Библиотека "Руниверс"

ванія, мы по части продовольственной въ первый день испытали уже недостатокъ: намъ угрожалъ голодъ, и мы начали чувствовать его ужасы. Хозяйственная часть поручена была доброму Маничарову, который, съ тѣхъ поръ какъ началъ жить на своей волѣ, не зналъ что̀ такое дома обѣдать: вѣчно въ гостяхъ, въ клубахъ или въ трактирѣ. Въ безпечности своей онъ не подумалъ о томъ, чѣмъ мы будемъ кормиться дорогой. Бетанкуръ вознегодовалъ, возропталъ. Не я, а тощій желудокъ мой во всеуслышаніе заговорилъ голосомъ сильнымъ и трогательнымъ; тогда Бетанкуръ попросилъ меня вступиться въ это дѣло. Маничаровъ хотѣлъ было обидѣться, разсердиться, но никакъ не могъ, обрадовавшись случаю избавиться отъ заботъ по провіантской части. Я потребовалъ, чтобы, по близости первой зажиточной деревни, гдѣнибудь часа на два пристали мы къ берегу, и отправилъ для закупокъ комитетскаго сторожа, еще нестараго и проворнаго, котораго по просьбѣ его взялъ я съ собою для свиданія съ родными. Не болѣе какъ черезъ часъ третье судно наше обратилось въ птичій дворъ: явились живыя куры, гуси, утки, даже индѣйки, и все что̀ нужно для ихъ прокормленія. Всѣ дивились моей расторопности; а я, со скромностію отклоняя похвалы, относилъ ихъ къ проворству рядоваго Латухина. Коль скоро изобиліе воротилось къ намъ, наше плаваніе сдѣлалось отмѣнно пріятнымъ. Каждое утро часу въ девятомъ садились мы съ Рандомъ въ сопровождавшія насъ лодки и отправлялись пить чай къ своему начальнику. Потомъ возвращались мы домой, на свое судно, раздѣвались и принимались за чтеніе, пока обѣденный часъ не заставитъ насъ предпринять новую поѣздку. Послѣ обѣда бесѣда дѣлалась продолжительнѣе и веселѣе. Мы шли на веслахъ скорымъ ходомъ внизъ по рѣкѣ, чувствовали движеніе судна, быстрое и вмѣстѣ покойное. Но видно и пріятное утомляетъ; къ вечеру насъ тянуло на твердую землю; гдѣ попадется нѣсколько открытое мѣсто среди лѣса, мы выходили на него и на воздухѣ чайничали, пока сынъ Бетанкура, бойкій и смѣлый мальчикъ, съ учителемъ своимъ Рейфомъ, углублялся въ чащу и стрѣлялъ дичь. Когда смеркнется, мы спѣшимъ опять на воду, и ну спать.

Впрочемъ, все это продолжалось не болѣе двухъ или трехъ дней. Когда мы приблизились къ мѣсту, гдѣ Чагода впадаетъ въ Мологу, сопутствующій намъ отъ самаго Петербурга инженеръ-генералъ-майоръ Саблуковъ, пригласилъ своего и нашего начальника посѣтить его имѣніе, верстахъ въ шести отъ берега находящееся. Названія этого помѣстья я не забылъ, потому что забылъ о немъ спросить и никогда не зналъ. О самомъ же владѣльцѣ уже два раза упоминалъ я, а въ третій не вижу возможности не войдти насчетъ его въ нѣкоторыя подробности.

Библиотека "Руниверс"

Отецъ его, также какъ и онъ, Александръ Александровичъ, былъ невысокаго происхожденія, кажется, изъ придворно-служительскихъ дѣтей; но трудами и умомъ, употребляя дозволенныя средства, съ помощію царскихъ щедротъ, нажилъ себѣ хорошее состояніе и достигъ довольно высокаго сана. Въ Сенатѣ былъ онъ правосуднымъ и свѣдущимъ членомъ его и управлялъ Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ. Двухъ сыновей своихъ, по образцу знатныхъ людей, воспитывалъ на иностранный манеръ, однакоже, желая сдѣлать изъ нихъ людей полезныхъ, болѣе на Англійской. Меньшой, казалось, удался; онъ былъ довольно уменъ, свѣдущъ; но какъ со временъ Петра Великаго слѣпое, безотчетное подражаніе всему заграничному и особенно заморскому почти всегда влечетъ насъ къ раззоренію, къ мотовству или къ неудачнымъ предпріятіямъ, то и нашъ Саблуковъ бредилъ все проектами, приспособленіемъ иностраннаго земледѣлія и промышленности къ нашему Русскому быту. Изъ камеръ-юнкеровъ и дипломатовъ поступилъ онъ въ инженеры и очень хорошо управлялъ ввѣренною ему частью, вторымъ округомъ путей сообщенія. Только собственная хозяйственная часть шла у него плохо. Тамъ, гдѣ принималъ и угощалъ онъ насъ, былъ у него выстроенъ огромный каменный винокуренный заводъ, коимъ заправлялъ Англичанинъ и который былъ наполненъ дорогими машинами, изъ Англіи выписанными. Лѣсу было вдоволь; не доставало бездѣлицы—ржи и воды. Первую за дорогую цѣну покупалъ онъ съ судовъ, послѣднюю съ большими издержками проводилъ къ себѣ, такъ что каждое ведро обходилось ему втрое дороже того, за что могъ онъ его продать. Не знаю послѣ того до какой степени онъ раззорился. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ уже знакомъ съ Бетанкуромъ, а подчиненность еще болѣе его сблизила съ нимъ. Это былъ пріятнѣйшій изъ нашихъ спутниковъ, и когда тутъ, на границѣ его округа, онъ разстался съ нами, мы съ бесѣдой его много потеряли.

Въ ту же ночь, съ 23-го на 24-е число, изъ Чагоды въѣхали мы въ рѣку Мологу, еще шире и глубже ея. Около половины дня начали показываться суда, спѣшащія насытить всепожирающій въ Россіи Петербургъ; число ихъ потомъ все болѣе и болѣе стало увеличиваться. Недолго продолжалось плаваніе наше по Мологѣ: мимоходомъ взглянувъ на городокъ при ея устьѣ, носящій имя ея, увидѣли мы Волгу, которая, не совсѣмъ еще вступивъ въ берега, показалась намъ еще болѣе величественною.

На сто Русскихъ, которые, плавая по Рейну, дѣйствительно или притворно восхищались красотами береговъ его, едва ли сыщется одинъ, который въ этомъ мѣстѣ спускался бы по Волгѣ. И если эта

Библиотека "Руниверс"

прекрасная картина и произвела на него какое-нибудь пріятное впечатлѣніе, онъ не сообщалъ о томъ, почитая пошлостію любоваться, такъ сказать, домашними прелестями. Мнѣ бы хотѣлось передать свои ощущенія, но я не буду умѣть и назову только тѣ предметы, коихъ встрѣча тутъ понравилась бы каждому. Ничего общаго съ поэзіей Рейнскихъ видовъ: ни навислыхъ скалъ, ни гигантскихъ развалинъ древнихъ замковъ, ни виноградникомъ усѣянныхъ скатовъ горъ, не имѣетъ наша матушка-Волга; она красуется совсѣмъ инымъ: лѣвый берегъ ея представляетъ необозримыя зеленыя равнины, тучныя пажити, засѣянныя поля; на правомъ—подымаются горообразные холмы. На нихъ и подъ ними тѣснятся селы и деревни, среди коихъ часто бѣлѣются Божіе храмы. Эти селенія такъ близки другъ отъ друга, что однимъ взглядомъ можно ихъ окинуть отъ шести до семи. Мы нерѣдко приближались къ берегу, такъ что я хорошо могъ разсмотрѣть ихъ. Избы всѣ на одинъ, но на весьма хорошій ладъ, бревенчатыя, почти всѣ въ два жилья, съ разрѣзными, расписными украшеніями на окнахъ и на кровлѣ: соломенной ни одной не видать. Изъ нихъ, особливо къ вечеру, то и дѣло высыпаютъ молодыя молодушки, красныя дѣвушки, въ малиновыхъ, алыхъ, лазоревыхъ сарафанахъ, отороченныхъ золотыми галунами, иныя въ серебряныхъ фатахъ. Лица свѣжія, полныя, умножаютъ красоту однихъ, замѣняютъ ее другимъ *). Потомъ пристанутъ къ нимъ нѣсколько молодыхъ парней, съ русыми кудрями, въ синихъ суконныхъ армякахъ, подпоясанныхъ цвѣтными кушаками, ловко подбоченясь и въ шляпѣ на-бекрень. Тотчасъ узнаешь простолюдина-фата по его добродушному ухарству. На встрѣчу намъ тянулась безпрерывная цѣпь низоваго каравана, составленная изъ судовъ разной величины и подъ разными названіями: расшивокъ, тихвинокъ, баркасовъ и другихъ. Всѣ они противъ теченія рѣки шли на всѣхъ парусахъ, что и давало имъ видъ безконечной стаи; особенно же тѣ, кои можно было завидѣть въ самомъ отдаленіи, казались окрыленными и летучими. Весьма замѣчательнымъ нашелъ я работниковъ-бурлаковъ на нихъ употребляемыхъ, какъ будто изъ однихъ мускуловъ составленныхъ, усмиренныхъ потомковъ нѣкогда страшныхъ Волжскихъ разбойниковъ.

*) Разумѣется, что въ большой части Россіи между крестьянами нельзя найдти такого довольства. Отцы, мужья и братья этихъ женщинъ живутъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, сидѣльцами въ лавкахъ, половыми въ трактирахъ, другіе извощиками. Тутъ на самой проѣзжей дорогѣ харчевничаютъ они, а въ свободное время, безъ большихъ затрудненій, ловятъ и продаютъ осетровъ и стерлядей. Все народъ промышленный. Жены ихъ не опаляются лѣтнимъ зноемъ, рано не отцвѣтаютъ, не знаютъ утомительной полевой работы, одну только домашнюю: пьютъ, ткутъ, прядутъ, стряпаютъ, да развѣ занимаются коровникомъ. Вотъ почему онѣ скорѣе принадлежатъ къ разряду мѣщанокъ.

Библиотека "Руниверс"

Покорная дерзость и понынѣ на лицѣ ихъ написана. Я того и глядѣлъ, что они вскочатъ къ намъ на судно и загремятъ *сарынь на кичку!**) Живая картина, которая была у меня передъ глазами, являла вмѣстѣ и силу, и красоту, и богатство земли Русской. Всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на это зрѣлище, я одинъ былъ въ восторгѣ. Русская жизнь выражалась тутъ такъ краснорѣчиво, отовсюду ею несло, ею обхватывало меня. Когда же по закатѣ солнца горы, рѣка и долины оглашались пѣснями хороводовъ, я, право, былъ не свой. Кто споритъ о томъ, что голосъ Русскихъ крестьянокъ и дикъ, и крикливъ, и вблизи даже отвратителенъ; но издали, въ соединеніи съ мужскими голосами, въ тихую лѣтнюю ночь, на открытомъ воздухѣ, на большомъ пространствѣ, растилаясь по этой Волгѣ, надъ которою и для которой слажены были эти простые напѣвы, они производили чудную гармонію. Ея звуки затихали тогда только, когда на Востокѣ загорался свѣтъ зари. Тогда только и для меня оканчивалось очарованіе, и я отходилъ ко сну.

Отойдемъ и къ прозаической сторонѣ моего путешествія. Не останавливаясь нигдѣ, 25 числа прибыли мы рано въ богатый Рыбинскъ. Десять дней не видавъ большихъ каменныхъ домовъ, онъ мнѣ показался великолѣпенъ. Я не буду говорить о великомъ значеніи этой извѣстной пристани въ торговомъ отношеніи, о томъ пусть справятся въ статистическомъ описаніи Россіи; но оно было очень важно, ибо на нѣсколько часовъ заставило тутъ остановиться главнаго директора путей сообщенія. Мы пристали на квартирѣ смотрителя судоходства, надворнаго совѣтника Николая Ѳедоровича Виноградова, кажется, изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Мѣсто имъ занимаемое, видно, было очень доходно; ибо мы въ жилищѣ его нашли не только изобиліе, даже роскошь. Не въ первый разъ и тутъ пришлось мнѣ одному воспользоваться угощеніемъ, приготовленнымъ для моего начальника. Тутъ находилась пѣхотная дивизія, которою начальствовалъ генералъ-адъютантъ Николай Мартемьяновичъ Сипягинъ, бывшій любимецъ Александра, тогда въ немилости у него. Онъ Бетанкура со свитой пригласилъ къ себѣ обѣдать, а до того усерднѣйше просилъ мимоходомъ взглянуть на ученье какого то полка. Гишпанцу въ Петербургѣ пришла страсть казаться или даже почитать себя военнымъ, и хотя въ этомъ дѣлѣ смыслилъ столько же какъ и я, онъ пошелъ смотрѣть полкъ, а я остался съ пріятною перспективой—послѣ славнаго обѣда развалиться на широкомъ диванѣ. Къ вечеру мы опять отплыли. Я еще не спалъ, когда

*) Ужасное слово, при которомъ для спасенія жизни всѣ должны были падать ницъ, дабы захватившимъ судно дать время ограбить его.

Библиотека "Руниверс"

проѣхали мы мимо города, или лучше сказать, между двухъ городковъ Романово-Борисоглѣбска.

Мнѣ и утромъ что-то не спалось; я всталъ рано, одѣлся, взошелъ на палубу и завидѣлъ въ дали большой городъ; мнѣ сказали, что это Ярославъ. Когда мы довольно приблизились къ нему, чтобы разглядѣть на пристани множество народа и чиновниковъ въ мундирахъ, я поспѣшилъ къ Бетанкуру. Онъ былъ еще въ постели; я велѣлъ доложить ему, что его ожидаетъ встрѣча. Хорошо я сдѣлалъ, потому что едва успѣлъ онъ принарядиться, какъ мы пристали къ берегу, на которомъ ожидалъ его самъ губернаторъ *). Пока онъ водилъ его сперва къ себѣ, а потомъ осматривать богоугодныя заведенія, пошелъ я отыскивать знакомаго мнѣ въ Петербургѣ Петра Яковлевича Писемскаго, женатаго на родной сестрѣ Блудова, а между тѣмъ спросилъ у своего начальника, гдѣ могу найти его, пристать къ его свитѣ и вмѣстѣ отправиться далѣе. Находясь среди семейства почтенно-пріятнаго, я заговорился, забылся, опоздалъ и долженъ былъ бѣжать, чтобы настигнуть своихъ. Извощиковъ не было, или я ихъ не встрѣтилъ. На мѣстѣ мнѣ назначенномъ, въ городской больницѣ, подлѣ публичнаго сада, нѣкогда насажденнаго генералъ-губернаторомъ Мельгуновымъ, я никого не нашелъ. Въ тщетныхъ поискахъ своихъ избѣгалъ я весь городъ, могу сказать, не видавъ его. Еще нѣсколько минутъ, и нетерпѣливый Бетанкуръ уѣхалъ бы безъ меня: онъ спѣшилъ на обѣдъ къ любимому адъютанту своему Варенцову, который намъ сопутствовалъ и у котораго въ двадцати верстахъ отъ Ярослава, близъ Волги, на рѣчкѣ Туношнѣ, былъ собственный ножевый заводъ.

О семъ новомъ сослуживцѣ мнѣ не приходилось говорить. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ купеческимъ родамъ, которые, чрезвычайно разбогатѣвъ, такъ охотно и легко переходятъ у насъ въ дворянское состояніе. Нѣкоторые изъ нихъ, поднявшись въ чинахъ, посредствомъ блестящихъ супружествъ, безпрепятственно приписываются къ знатнымъ, какъ, напримѣръ, нѣкогда Демидовы, а въ настоящее время Мальцовы, Гончаровы, Устиновы. Но не всѣмъ это удается; многіе изъ нихъ, во второмъ или третьемъ поколѣніи, прогулявъ нажитое родителями, возвращаются къ ничтожеству и къ нищетѣ. Отецъ Варенцова, простой разбогатѣвшій фабрикантъ, нашелъ средство двухъ старшихъ сыновей опредѣлить въ Иностранную Коллегію, а меньшаго Петра Алексѣевича

*) Гаврила Герасимовичъ Политковскій, нѣкогда правитель канцеляріи министра финансовъ, графа Васильева, потомъ директоръ Медицинскаго Департамента, губернаторъ и наконецъ сенаторъ, человѣкъ умный, тонкій, проворный, но надобно полагать безкорыстный, ибо ничего почти не оставилъ сыновьямъ своимъ, которые за то умѣютъ наживать милліоны или нѣчто на то похожее.

Библиотека "Руниверс"

въ Институтъ Путей Сообщенія. Сей послѣдній имѣлъ уже офицерскій чинъ, когда въ 1812 году, слѣдуя общему влеченію, поступилъ онъ въ армію, находился въ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько военныхъ знаковъ отличія; потомъ вышелъ въ отставку, а какъ *тогда* былъ онъ еще благоразуменъ, то не полѣзъ въ знатность, сыскалъ невѣсту, равную себѣ по состоянію, и женился на богатой дѣвицѣ Кусовниковой. Чинолюбіе опять заманило его въ службу, и онъ предложилъ себя адъютантомъ бывшему своему инженерному начальнику; а тотъ, по вышеизъясненной мною слабости казаться военнымъ, во вниманіе къ его армейскому мундиру, крестикамъ и медалямъ, охотно принялъ его предложеніе. Этотъ Варенцовъ былъ золъ, если совершенное отсутствіе добродушія, доброжелательства, можно почитать злостію. Я не замѣтилъ, чтобы онъ кому-либо особенно старался вредить; за то всегда радовался неудачѣ, даже несчастію самаго хорошаго знакомаго. Пріятелей, разумѣется, у него не было. Со всѣмъ тѣмъ его довольно любили, ибо онъ имѣлъ привычку всѣмъ улыбаться — старшимъ подобострастно, младшимъ — коварно, чего немногіе умѣли замѣтить; одни низшіе и особенно ему подвластные всегда видѣли его нахмуренныя брови. Съ умомъ самымъ обыкновеннымъ былъ онъ угодителенъ и проворенъ, и тѣмъ еще болѣе полюбился Бетанкуру. Онъ не мѣшался ни въ чьи дѣла по управленію, а въ послѣдствіи умѣлъ себѣ создать особую часть въ видѣ инспекторской. Заводъ его находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, не такъ какъ у Саблукова; не было никакихъ лишнихъ затѣй, ни иностранцевъ, а онъ сбирался уже вырабатывать бритвы. Можно себѣ вообразить, какое угощеніе было тутъ приготовлено имъ для своего начальника и его сопровождавшихъ! Пропировавъ въ Туношнѣ почти вплоть до ночи, переѣхали мы на противуположный берегъ Волги. Тутъ нетерпѣливый Бетанкуръ объявилъ намъ о намѣреніи своемъ насъ оставить, сѣлъ въ коляску, взявъ съ собою сына, Рейфа и Варенцова, и поскакалъ по большой дорогѣ.

Мы остались втроемъ съ Маничаровымъ и Рандомъ. Вотъ до чего уменьшилось сначала столь многочисленное наше общество. Повалившись спать, мы преспокойно поплыли далѣе. Кому начальствовать надъ флотиліей, не было сказано; а какъ порядокъ вездѣ нуженъ, то и увидѣлъ я себя въ необходимости при этомъ случаѣ похитить верховную власть, тѣмъ болѣе, что отъ кроткаго, безпечнаго Маничарова не могъ я ожидать никакого сопротивленія, и что Рандъ въ это время былъ ко мнѣ отмѣнно снисходителенъ. Въ слѣдующее же утро, 27-го Мая, пришлось мнѣ на опытѣ явить мое владычество. Подплывши къ Костромѣ, мои спутники хотѣли, не останавливаясь, ѣхать далѣе. Тогда я замѣтилъ имъ, что, не бывъ природными Русскими, они, конечно,

Библиотека "Руниверс"

могутъ быть равнодушны къ великой знаменитости этого города въ Русской исторіи; но что я никакъ не соглашусь упустить сей единственный случай посѣтить Ипатьевскій монастырь. Въ тоже время самовольно распустилъ я гребцовъ на полтора часа отдохнуть или погулять по городу. На меня съ минуту посмотрѣли съ изумленіемъ, а я, взявъ какого-то провожатаго, отправился пѣшкомъ. Не знаю по какому случаю въ монастырѣ было архіерейское служеніе, что̀ задержало меня долѣе, чѣмъ я ожидалъ и лишило возможности увидѣть комнаты, которыя занималъ съ матерью малолѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ, когда пришли призывать его на царство. На городъ, почти внѣ котораго находился монастырь, едва успѣлъ я взглянуть: нетерпѣливые спутники мои съ нѣкоторою уже досадой ожидали моего возвращенія, и мы тотчасъ отправились далѣе.

Очень рано поутру на другой день, 28-го числа, причалили мы къ городу Кинешмѣ. Я лежалъ еще въ постели и довольствовался сквозь оконце моей каюты (бывшей Бетанкуровской), не вставая, поглядѣть на шумный базаръ, находившійся на низкомъ берегу надъ самою пристанью. Сіи послѣдніе два дня нашего странствованія были отмѣнно пріятны: Волга продолжала быть оживляема и многочисленными судами, по ней плывущими, и картиной безпрерывныхъ веселыхъ селеній, по берегамъ ея расположенныхъ. Ночью проплыли мы мимо Балахны, и опять на этотъ городокъ не удалось мнѣ взглянуть. Наконецъ 29-го Мая, когда раждающійся свѣтъ едва дозволялъ различать предметы, были мы пробуждены гремучею пѣснію всѣхъ гребцовъ нашихъ. Между ними есть обычай, при входѣ въ Оку или въ которую-либо изъ большихъ рѣкъ въ Волгу впадающихъ, привѣтствовать ихъ громогласнымъ, веселымъ пѣніемъ. Не было возможности унять ихъ; мы принуждены были встать, одѣться и выйдти на палубу. Тогда скоро на горѣ, въ тускломъ свѣтѣ, предсталъ намъ «Новгородъ Низовскія земли». Мы пристали къ деревянному, двухъэтажному, казенному дому, недавно на самомъ берегу построенному, въ которомъ жилъ Бетанкуръ, и тутъ только, дабы не разбудить его, успѣлъ я заставить замолчать пѣвуновъ нашихъ.

XII.

Не буду описывать въ этой главѣ ни города, въ который мы пріѣхали, ни пребыванія моего въ немъ. Не прошло трехъ недѣль какъ мнѣ пришлось сдѣлать новую поѣздку. Четыреста верстъ, отдѣляющихъ Нижній-Новгородъ отъ Пензы, могутъ почитаться въ Россіи разстояніемъ неважнымъ, даже ничтожнымъ, когда оно отдѣляетъ нѣжнаго сына отъ страстной матери, не видавшей его пять лѣтъ. По возвращеніи изъ сей поѣздки въ Нижній, примусь за него.

Библиотека "Руниверс"

Не предвидя, какой вредъ по службѣ причинятъ мнѣ въ послѣдствіи сіи кратковременныя разлуки съ Бетанкуромъ и свиданіе съ ней, моя бѣдная мать убѣдительно требовала меня къ себѣ. Начальникъ мой неохотно согласился на сію отлучку, однакоже далъ мнѣ своего курьера для сопровожденія меня во время пути и собственную почтовую коляску для совершенія его.

Я выѣхалъ 21-го Іюня послѣ завтрака. Сто верстъ до Арзамаса были только незнакомою мнѣ дорогой; далѣе были все мѣста не разъ въ сихъ Запискахъ упомянутыя. Рано поутру 23-го прибылъ я въ Пензу, но не нашелъ въ ней матери моей. Мнѣ дали почтовыхъ лошадей, я отправился въ Лебедевку и встрѣтилъ ее, выходящую послѣ обѣдни изъ церкви Владимирскія Божіей Матери, которой явленіе въ этотъ день празднуется, также какъ 26 Августа. Кажется, первый разъ еще во вдовствѣ ощутила она полную радость. За недѣлю до меня пріѣхалъ братъ мой Павелъ, котораго не видѣла она семь лѣтъ; послѣ него сестра Алексѣева съ мужемъ, столько времени прожившіе за границей; потомъ два внука, сыновья его, молоденькіе офицеры, только что изъ Пажескаго Корпуса выпущенные; наконецъ, мой пріѣздъ довершилъ ея благополучіе. Для выраженія его у меня не было даже словъ; съ одного на другаго изъ насъ въ молчаніи переводила она глаза, исполненные слезъ благодарности къ Небу. На семъ фамильномъ съѣздѣ не доставало только одного члена семейства нашего, малолѣтняго сына покойнаго брата Николая Филиповича, который воспитывался въ Воронежѣ, у родныхъ своихъ Тулиновыхъ. Послѣ обѣда поѣхалъ я въ Симбухино поклониться могилѣ отца моего, воротился ночевать, а на другой день, 24-го, всѣ вмѣстѣ переѣхали мы въ Пензу, гдѣ по сему случаю нанята была для насъ большая, помѣстительная квартира.

Пенза изъ числа тѣхъ городовъ, которые въ спокойно-дѣятельное царствованіе Екатерины, какъ бы изъ нѣдръ земли, подобно лавѣ или нефти, воспрянули, а потомъ остыли, окаменѣли и остались въ томъ видѣ, въ которомъ застала ихъ кончина ея. Черезъ двадцать, черезъ тридцать лѣтъ, кто бы ни пріѣхалъ въ Пензу, увидитъ ее точно въ томъ же видѣ, въ которомъ я нашелъ ее въ началѣ 1802 года. Въ продолженіи почти полувѣка, пять, много шесть каменныхъ зданій построено только на мѣстахъ сломанныхъ, обветшалыхъ, но величиною имъ равныхъ домовъ. А между тѣмъ городъ довольно красивъ; но, не имѣя ни обширной торговли, ни промышленности, и поддержанный единственно барскимъ житьемъ помѣщиковъ, онъ подняться не можетъ. Отчего же, не съ большимъ въ десять лѣтъ, послѣ открытія въ немъ губерніи, онъ такъ внезапно выросъ? Этотъ вопросъ также можно

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать по отношенію къ самой Москвѣ. Исключая великаго множества старинныхъ церквей, какими великолѣпными зданіями украсилась древняя столица даже во дни Елисаветы? И умножилось ли число ихъ въ царствованіе Павла и Александра? Все, все, принадлежитъ въ ней къ вѣку Екатерины, который безъ преувеличенія былъ для Россіи вѣкомъ Перикла и Августа. Какимъ творческимъ могуществомъ была одарена эта женщина! Какъ бы отъ одного дыханія ея возникало у насъ все громадное, и это безъ разоренія народа, безъ отягощенія казны!

Въ составѣ общества, послѣ пяти лѣтъ, также не нашелъ я никакихъ перемѣнъ. Въ нашихъ отдаленныхъ губерніяхъ дворянскія поколѣнія слѣдуютъ одно за другимъ, но названія ихъ остаются почти все прежнія. Правда, иныя изъ нихъ проматываются, бѣднѣютъ отъ наслѣдственныхъ раздѣловъ; зато другія, часто ихъ сыновья или внуки, посредствомъ женитьбы, откупа или какимъ-либо другимъ позволеннымъ или непозволеннымъ средствомъ опять наживаются. Такимъ образомъ имѣнія, переходя изъ рукъ въ руки, отъ одной фамиліи къ другой, все-таки по большей части остаются собственностію одной касты, освященной временемъ, составленной изъ людей, носящихъ давно извѣстное имя. Они смотрятъ довольно спѣсиво на чиновниковъ, насылаемыхъ къ нимъ изъ столицъ; передъ одними откупщиками, изъ какого бы состоянія тѣ ни были, готовы они преклонять выю.

Главное вліяніе на общество въ губернскихъ городахъ имѣли нѣкогда губернаторы. Мы видѣли, какъ легкомысленный Голицынъ заставлялъ Пензу наряжаться и плясать, даже во время ужасовъ Отечественной войны; болѣе для ея пользы онъ сдѣлать не умѣлъ. На его мѣсто пріѣхалъ Сперанскій, ненавистный всему Русскому дворянству. Онъ ударился съ собою объ закладъ, что заставитъ его обожать себя, и закладъ выигралъ. Этотъ цвѣтъ бюрократіи былъ въ Александровской лентѣ, слѣдственно вельможа по прежнимъ понятіямъ; недавно управлялъ онъ государствомъ. Къ такому человѣку невольное чувствуется уваженіе; оно ограждало его отъ скучныхъ, безпрестанныхъ посѣщеній людей, ему вовсе не равныхъ по уму и знанію, хотя двери его были всегда на отперти, хотя всѣмъ былъ онъ доступенъ. Такъ иные государи не имѣютъ нужды въ стражѣ, хранимы будучи народною любовію. Дѣйствительно, онъ казался Наполеономъ на островѣ Эльбѣ Можетъ-быть, къ счастію, немногимъ дано понимать превосходство передъ собою необыкновенныхъ людей, постигать ихъ высоту; число ихъ завистниковъ и враговъ безъ того было бы слишкомъ велико. Одни звѣздочеты могутъ измѣрять небеса и съ точностію опредѣлять разстояніе солнца отъ земли, или, по крайней мѣрѣ, люди имѣющіе нѣкоторое понятіе объ астрономіи. Кому въ Пензѣ было оцѣнить

Библиотека "Руниверс"

великія свойства Сперанскаго и всѣ его недостатки? Закатившееся туда солнце, сверхъ того, подернуто всегда было облакомъ задумчивости и тѣмъ еще болѣе скрывало свой блескъ. Его тихій, привѣтливый голосъ и печальный взглядъ до того обезоружили жителей, что они прощали ему явное невниманіе его къ ихъ дѣламъ. Онъ брезгалъ своею должностію, когда бы ему слѣдовало поднять ее до себя; мнѣ кажется, такъ было бы лучше. Подобно Наполеону, не могъ онъ съ своей Эльбы мигомъ шагнуть въ Петербургъ: ему нужно было пять лѣтъ, и то черезъ Сибирь, куда въ началѣ этого 1819 года назначенъ былъ онъ генералъ-губернаторомъ, чтобы воротиться въ него, только уже не на прежнее могущество.

На его мѣсто назначенъ былъ также опальный другъ его, Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій, который и прибылъ въ Пензу мѣсяца за полтора до пріѣзда моего въ нее. Онъ никогда такъ высоко не поднимался, какъ Сперанскій, былъ неодинаковаго съ нимъ характера; только участь ихъ во многомъ имѣла сходство. Отецъ его (протоіерей Петръ, говорили) принадлежалъ къ Малороссійскому дворянству. Я повторю вопросъ: до Екатерины существовало ли Малороссійское дворянство? Были богатые и небогатые владѣльцы, чиновные и нечиновные, и наконецъ, простые казаки. Родственникъ его (да полно не родной ли дядя?) Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ, весьма умный человѣкъ, въ послѣдствіи сенаторъ, открылъ ему дорогу по службѣ. Будучи въ тѣсной связи съ Мартинистами, онъ поручилъ его милостямъ фельдмаршала Репнина, великаго ихъ покровителя. Послѣдній записалъ его сперва въ Измайловскій полкъ, а потомъ взялъ къ себѣ адъютантомъ. Сначала, при Павлѣ, князь Репнинъ былъ честимъ, но вскорѣ потомъ, какъ и всѣ другіе, попалъ къ нему въ немилость и принужденъ былъ оставить службу со всѣми своими адъютантами. Онъ сохранилъ однакоже довольно кредиту, чтобы внуку своему (что̀ тогда было весьма трудно) выпросить дозволеніе ѣхать за границу; съ нимъ и Лубяновскій путешествовалъ по Германіи и Италіи. Дабы сколько-нибудь умножить благосостояніе свое, онъ съ пользою для себя употребилъ свободное время, сталъ переводить довольно изрядным Русскимъ языкомъ тогдашнихъ Нѣмецкихъ мечтателей, Юнга-Штиллинга, Сведенборга и, между прочимъ, *Тоску по отчизнѣ*. По возвращеніи, молодой Репнинъ женился на Разумовской, двоюродной сестрѣ графини Кочубей, жены министра. По всѣмъ симъ Украинскимъ связямъ, Лубяновскій, въ чинѣ коллежскаго ассессора, попалъ къ послѣднему въ секретари. Должность эта была важная, ибо министры тогда не имѣли не только директоровъ, но даже и правителей канцеляріи. Тогда Лубяновскій позналъ истинное призваніе свое: онъ не рожденъ былъ ни богословомъ, ни

Библиотека "Руниверс"

сектаторомъ, ни литераторомъ, а весьма искуснымъ администраторомъ и судьею. Безъ службы самыя прежнія произведенія его остались бы неизвѣстны; но какъ всѣ губернаторы имѣли до него дѣло, то всякой изъ нихъ радъ былъ угодить ему покупкою за дорогую цѣну сотни экземпляровъ совсѣмъ не распроданныхъ его твореній. Сіе было слабымъ началомъ сдѣланной имъ огромной фортуны, по примѣру начальника его Кочубея.

Онъ такъ быстро поднялся и такъ много прославился, что уже въ 1809 году самъ Государь избралъ его руководителемъ молодаго принца Ольденбургскаго по правительственной части. Онъ пожалованъ статсъ-секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ директоромъ департамента путей сообщенія. Въ Твери съ Болотниковымъ раздѣлили они между собою власть. Одинъ забралъ къ себѣ въ руки часть придворную, другой началъ почитать себя главнымъ директоромъ путей сообщенія и генералъ-губернаторомъ трехъ губерній, забывая, что принцъ только второстепенное тутъ лицо и не угадавъ, что высокоумная Великая Княгиня долго не потерпитъ самоуправной власти двухъ наставниковъ. Болотникова скоро умѣла она спровадить, умомъ же Лубяновскаго уважала и нѣсколько времени выносила его. Но умъ имѣетъ разныя свойства, и въ числѣ ихъ есть тактъ, врожденное чувство приличія, которое иногда пріобрѣтается и навыкомъ; а этотъ человѣкъ былъ его вовсе лишенъ. Съ каждымъ днемъ становясь болѣе дерзкимъ, болѣе повелительнымъ съ свѣтлѣйшимъ начальникомъ своимъ, онъ разъ до того забылся, что самой Великой Княгинѣ сказалъ что-то такое, чего бы не могла вынести и жена частнаго человѣка. Вообще замѣчена, какъ между многими изъ коренныхъ жителей Москвы, такъ и, начиная съ архіерсевъ, почти во всѣхъ воспитанникахъ Духовныхъ Академій и Семинарій, какая-то безпощадность къ чужому самолюбію. Екатерина Павловна не задумалась и въ тотъ же день отправила курьера къ Государю съ просьбою, чтобы Лубяновскій былъ удаленъ отъ должности, или ей самой дозволено было оставить Тверь. Во удовлетвореніе ея требованія онъ былъ отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы, пока она жива, онъ принятъ въ нее быть не могъ. Она скончалась во цвѣтѣ лѣтъ, и черезъ четыре мѣсяца послѣ ея кончины онъ назначенъ въ Пензу губернаторомъ.

Я нашелъ его посреди первоначальнаго любезничанья съ помѣщиками. Почитая себя тутъ болѣе осѣдлымъ чѣмъ Сперанскій, онъ замышлялъ слѣдовать совсѣмъ иной системѣ и стараться исправлять всѣ упущенія, сдѣланныя въ управленіе его и Голицына. Онъ началъ жить довольно роскошно и открыто, чему много способствовало большое состояніе Александры Яковлевны, дочери генералъ-майора Якова

Библиотека "Руниверс"

Даниловича Мерлина, на которой успѣлъ онъ жениться еще до отставки своей. Она была женщина довольно капризная, только добрая и совсѣмъ невзыскательная. Новый губернаторъ казался совершенно доволенъ, ибо могъ говорить высокопарно, обильно и протяжно, вездѣ встрѣчая молчаливыхъ и покорныхъ слушателей. Это происходило не отъ, уваженія, не отъ страха, а оттого, что предметы, коихъ касался онъ, хотя довольно обыкновенные, выходили однакоже изъ круга понятій большей части тогдашнихъ дворянъ, кои преимущественно занимались сельскимъ хозяйствомъ, псовою охотой и внутренними политическими Пензенскими извѣстіями. Только дурачества, ребячества, какъ было при Голицынѣ, слѣдовъ не осталось. Вообще Пенза находилась между пріятнымъ воспоминаніемъ о Сперанскомъ и еще пріятнѣйшими ожиданіями отъ Лубяновскаго; все сулило ей блаженные дни, и если они не пришли, не знаю кого въ томъ винить.

Лубяновскій отмѣнно ладилъ тогда съ моими и, видя во мнѣ какъ бы преемника своего преемника въ департаментѣ имъ образованномъ, Серебрякова, къ ласкамъ своимъ примѣшивалъ особое уваженіе.

На все что̀ живо напоминаетъ намъ былое, мы смотримъ съ удовольствіемъ: я нашелъ туже ярманку, которую зналъ лѣтъ около двадцати, тотъ же воксалъ въ Горихвостовомъ саду, тѣже изъ лубковъ сколоченныя грязныя лавки на нижнемъ базарѣ, встрѣтилъ нѣсколько добрыхъ, давно знакомыхъ мнѣ людей, ихъ посѣтилъ (а не могилы ихъ, какъ лѣтъ двадцать спустя пришлось мнѣ сіе сдѣлать). Наружный видъ добраго согласія и спокойствія, который царствовалъ въ это время, и атмосфера упитанная радостію, которою дышалъ я посреди многочисленнаго тогда семейства моего, дѣлали пребываніе мое въ Пензѣ столь необычайно пріятнымъ, что мнѣ желательно было продлить его по крайней мѣрѣ еще на мѣсяцъ. Но я опасался огорчить и разсердить начальника моего и долженъ былъ 5 Іюля оставить сей городъ, получивъ отъ родительницы моей обѣщаніе пріѣхать дней черезъ десять со всѣмъ семействомъ навѣстить меня и посмотрѣть на Нижегородскую ярманку.

XIII.

По возвращеніи въ Нижній-Новгородъ, я нашелъ Бетанкура не слишкомъ опечаленнымъ моимъ отсутствіемъ. При отъѣздѣ сдалъ я дѣла свои Ранду. Они не имѣли великой важности, ибо касались единственно ярманочнаго строенія, также и раздачи лавокъ во временномъ деревянномъ гостинномъ дворѣ, которая, не знаю почему, отдана была въ наше распоряженіе. Все, что̀ представляетъ какой-нибудь косвенный барышъ, всегда возбуждаетъ живѣйшее участіе въ людяхъ,

Библиотека "Руниверс"

которые любятъ наживаться. Будучи мастеромъ докладывать, Рандъ замѣтилъ сверхъ того, что если главное управленіе путей сообщенія почиталъ тогда Бетанкуръ великою для себя тягостью, за то ярманка была любимою его забавой, его игрушкой, посредствомъ которой онъ можетъ болѣе вкрасться въ его довѣренность. Онъ даже всепокорнѣйше предлагалъ мнѣ не столь усердно заниматься такою пустою частью, а болѣе употреблять его на то. Я однакоже отказался отъ его сотрудничества, ибо безъ того что́ бы оставалось мнѣ дѣлать?

Прямо противъ казеннаго дома, подъ горой, въ которомъ мы всѣ вмѣстѣ жили, наведенъ былъ длинный мостъ черезъ Оку, по которому ѣздили на ярманку. Правая сторона плоскаго мѣста, къ которому велъ онъ, занята была временными деревянными лавками и балаганами; на лѣвой кипѣли тысячи работающаго народа, и быстро подымалась огромная насыпь, недоступная волнамъ двухъ великихъ рѣкъ во время ихъ розлива. Важность этой операціи доказывается великимъ числомъ инженерныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ Нижній по сему дѣлу нагнанныхъ.

Подполковникъ, баронъ Андрей Карловичъ Боде, не занимался производствомъ работъ: ему поручена была другая вѣтвь общественныхъ доходовъ, постройка, починка деревянныхъ лавокъ и размѣщеніе въ нихъ торговцевъ; тутъ, кажется, онъ на руку охулки не положилъ. Онъ былъ Нѣмецъ тихій, обходительный, изворотливый, какъ въ обществѣ, такъ и въ дѣлахъ старающійся остаться незамѣтнымъ, не позволяющій себѣ входить ни въ какія сужденія, ибо всѣ помышленія его направлены были къ собственнымъ выгодамъ *). Сестра его, нѣкогда красавица, была въ замужествѣ за Гишпанскимъ консуломъ Колóмби, и великая пріятельница съ семействомъ Бетанкура, отчего и онъ сблизился съ главою этого семейства и изъ артилеріи перешелъ недавно въ вѣдомство путей сообщенія. Боде былъ женатъ на дочери уже умершаго лейбъ-медика барона Моренгейма и сестрѣ извѣстнаго дипломата сего имени, долго употребленнаго въ Варшавѣ. Теща и свояченица-дѣва жили съ нимъ тутъ вмѣстѣ, и домъ его, съ утра до до вечера открытый всей нашей Бетанкурщинѣ, среди до-ярманочнаго безлюдья, подобно другимъ заграничнымъ клубамъ, назвалъ я рессурсомъ.

Другой подполковникъ, Гишпанецъ Бáуса, слегка либералъ, недовольный Фердинандомъ VII, и въ которомъ Кастиланская гордость болѣе походила на Нѣмецкую чопорность, другомъ своимъ Бетанкуромъ, года за два передъ тѣмъ, былъ выписанъ изъ Парижа. Онъ на-

*) Меньшой братъ его, баронъ Левъ Карловичъ, нынѣ въ числѣ Московскихъ вельможъ.

Библиотека "Руниверс"

чальствовалъ надъ другими инженерами, завѣдывалъ всѣми работами, и, сколько я могъ понимать, дѣло свое смыслилъ.

Того нельзя было сказать о двухъ другихъ Гишпанцахъ, Віадò и Эспехò, также недовольныхъ какъ Бауса, и во время заграничной поѣздки моей, подъ его покровительство изъ Парижа прибывшихъ въ Петербургъ. Я удивился наряду ихъ, когда увидѣлъ его. Онъ состоялъ изъ весьма поношенныхъ фрака, гороховаго или кирпичнаго цвѣта, стараго покроя, и голубыхъ панталонъ съ ботфортами. Почти вслѣдъ за ними пріѣхавъ изъ города, въ которомъ за дешевую цѣну можно было довольно щеголевато нарядиться, я долженъ былъ заключить, что они въ немъ претерпѣвали крайнюю нищету. Вѣроятно многіе изъ нихъ находились въ одинаковомъ съ ними положеніи, оставивъ отечество. Оно же въ это время уже лишилось и Мексики, и Перу, и для сыновъ его Россія, Бетанкуромъ вновь открытая страна, могла нѣкоторымъ образомъ замѣнить ихъ. Мнѣ казалось, что инженерную науку едвали они болѣе меня знаютъ; все равно: какъ великихъ искусниковъ безъ экзамена ихъ приняли въ службу, перваго капитаномъ, послѣдняго поручикомъ, и отправили въ Нижній-Новгородъ.

Они были ребята добрые, смирные, безъ претензій; Віадо, маленькій, толстенькій, съ небольшимъ ястребинымъ, а Эспехо, маленькій, худенькій, съ большимъ орлинымъ носомъ. Оба они напоминали собой героевъ Сервантеса, одинъ Санхо-Пансу, другой Донъ-Кишота. Черезъ три мѣсяца тутъ нашелъ я ихъ не только переряженными, даже перерожденными. Оливковый цѣтъ лица ихъ какъ будто выяснился, они смотрѣли весело, въ мундирахъ всегда съ иголочки были одѣты, имѣли лихихъ лошадей и славныя дрожки, часто давали у себя завтраки и находили, что Нижній—Эльдорадо *).

Тутъ находился еще молодой поручикъ Петръ Даниловичъ Готманъ, меньшой братъ члена строительнаго комитета и служащаго въ немъ подъ начальствомъ моимъ чиновника. Про него точно можно было сказать, что водой не замутитъ: тише человѣка я не зналъ. Въ разнообразіи своемъ природа создаетъ людей, наружностью и характеромъ болѣе или менѣе схожихъ на всякаго рода животныхъ; между ними встрѣчаются и горлицы, и тигры. Въ Готманѣ еще болѣе видна была прихоть натуры; она образецъ нашла ему между растеніями, она сотворила его плющемъ. Всякій прямой начальникъ дѣлался для него

*) Подобно росту своему, Віадò впослѣдствіи высоко подняться не могъ; а Эспехò имѣлъ счастіе понравиться старшей дочери Бетанкура, Каролинѣ. Въ аристократической гордости года полтора родители не соглашались выдать ее за него, видя въ немъ Гишпанскаго шляхтича, гидальго. Но гдѣ же было взять гранда? Бракъ состоялся, и это много послужило къ его повышенію.

Библиотека "Руниверс"

необходимымъ деревомъ. Онъ совершено прилѣпился, привился къ Баусѣ: когда смерть повалила сей небольшой Гишпанскій кедръ, не знаю около какого Русскаго дуба обвился онъ?

Между сими иностранцами можно было, наконецъ, найдти и одного Русскаго. И кого же еще? Я люблю употреблять старинныя наши поговорки, по мнѣнію моему, чрезвычайно выразительныя, и потому двадцатипятилѣтняго капитана Алексѣя Ивановича Рокасовскаго назову въ семъ случаѣ отметнымъ соболемъ. Одна необычайная его скромность и ослѣпленное самолюбіе его товарищей могли не дать имъ почувствовать великаго превосходства его передъ ними. Отецъ его, отставной Екатерининскій полковникъ, старался дать ему съ братомъ Платономъ самое лучшее образованіе и совершенно въ томъ успѣлъ. Станъ былъ у него самый стройный, лицо, безъ настоящей красоты, самое миловидное, всѣ движенія благородныя, а внутреннія достоинства его превосходили еще сіи наружныя преимущества. Познанія свои выказывалъ онъ въ дѣлахъ, а не на словахъ, былъ дѣятеленъ безъ суетливости и остороженъ, благоразуменъ безъ малѣйшей хитрости. Оттого-то былъ онъ терпимъ всѣми иностранцами и любимъ всѣми Русскими. Судьба будетъ весьма несправедлива, думалъ я, если когда-нибудь этого юношу не поставитъ на высокую степень: спасибо ей, она исполнила мои желанія.

Мнѣ нужно было напередъ представить общество людей, съ которыми почти каждый день я вмѣстѣ долженъ былъ обѣдать, и которыхъ по нѣскольку разъ въ день я видѣлъ.

Съ городскими жителями мы имѣли мало сношеній, исключая одного, именно гражданскаго губернатора, Александра Семеновича Крюкова. Онъ былъ при Екатеринѣ офицеромъ конной гвардіи. Тогда была также, какъ и нынѣ, не весьма похвальная мода раззоряться на содержаніе преимущественно какой-нибудь иностранки или актрисы. Часто эти женщины, по пріобрѣтеніи большой части имѣнія своихъ содержателей, съ этимъ приданымъ за нихъ же выходили замужъ. Я не думаю, чтобы скромная, прекрасная и бѣдная Англичанка, къ которой привязался Крюковъ, была въ числѣ ихъ; только сожитіе ихъ предшествовало ихъ супружеству. Госпожа Бетанкуръ, также Англичанка, въ 1818 году посѣтивъ Нижній, познакомилась и сблизилась съ сею единоземкою, женой вице-губернатора. А какъ въ этомъ же году вышли большія непріятности у губернатора Быховца съ ея мужемъ, то вслѣдствіе ихъ первый былъ отставленъ и, по ходатайству послѣдняго, Крюковъ назначенъ былъ губернаторомъ. Устрашенный примѣромъ своего предмѣстника и обязанный новою должностію своею Бетанкуру, г. Крюковъ, и безъ того слишкомъ мягконравный, совсѣмъ отдалъ себя ему

Библиотека "Руниверс"

въ кабалу. Онъ казался чиновникомъ, принадлежащимъ къ его свитѣ, и со всѣми нами, особенно со мною, былъ не только ласковъ, даже угодливъ. А меня это возмущало: я видѣлъ въ этомъ совершенный упадокъ губернаторскаго званія, которое, вспоминая отца моего, такъ высоко я цѣнилъ.

Мы часто его посѣщали: домъ его вмѣстѣ съ нашимъ и съ домомъ барона Боде составлялъ какъ бы одинъ. За неимѣніемъ казеннаго губернаторскаго дома жилъ онъ въ собственномъ весьма изрядномъ, пестро и довольно изукрашенномъ. Лучшимъ украшеніемъ онаго служила единственная дочь его, очень молодая, но уже замужняя, княгиня Надежда Александровна Черкасская. Она еще болѣе походила на Англичанку чѣмъ мать. Пусть заглянутъ въ лучшій Англійскій кипсекъ и выберутъ прелестнѣйшее изъ женскихъ лицъ: съ нимъ только можно сравнить красоту ея въ восемнадцать лѣтъ. Старость или безобразіе мужа красивой жены всегда у людей влюбчивыхъ рождаютъ надежды, умножаютъ желанія. Князь Черкасской хотя былъ молодъ, богатъ, но при весьма подлой наружности былъ самая безсловесная тварь. Вотъ отчего, начиная отъ шестидесяти-пяти-лѣтняго Бетанкура до четырнадцати-лѣтняго сына его Альфонса, мы всѣ были влюблены въ его княгиню. Она же смотрѣла такъ невинно и благосклонно вмѣстѣ, что не любить ея было столь же невозможно, какъ ревновать или подозрѣвать въ чемъ-нибудь. Я не понимаю, какъ отецъ ея не попользовался симъ нѣжнымъ расположеніемъ нашего старика, чтобы держать его въ своей зависимости. Напротивъ, сей послѣдній необычайную его снисходительность, по мнѣнію моему, часто слишкомъ употреблялъ во зло.

Еще былъ одинъ человѣкъ, который приплелся къ нашему обществу: это былъ полиціймейстеръ Владиміръ Савичъ .... въ. Будучи офицеромъ гвардіи въ Преображенскомъ полку, находился онъ въ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ этотъ ужасный день онъ такъ много набрался страху, что, по возвращеніи изъ похода, поспѣшилъ оставить военную службу. Не знаю, замѣчено ли это было, заставили ли его выйдти; только послѣ того долго и по гражданской части опредѣлить его не хотѣли. Ему удалось по выборамъ попасть въ исправники— должность, которою отставные гвардіи офицеры брезгали; но что̀ ему было до чести, лишь была бы нажива? Зная дѣятельность его, Крюковъ черезъ Бетанкура выпросилъ ему должность, на которой я его нашелъ. Человѣкъ былъ замѣчательный! Невозможно, чтобы подлость могла идти далѣе, чѣмъ у него: онъ даже не бралъ никакого труда ее скрывать; нужнымъ людямъ дѣлаться нужнымъ, вотъ было его правило. Какъ искусно умѣлъ онъ навязывать всякаго рода услуги тѣмъ, въ коихъ нуждался! Какъ былъ онъ согбенъ передъ высшими! Какъ лицо

Библиотека "Руниверс"

его безъ словъ всегда говорило имъ: что́ прикажете? Какъ дерзокъ и нестерпимъ съ тѣми, кои въ немъ имѣли нужду! Какъ ненавидимъ дворянами и жителями! Увѣряютъ, что послѣ того, по пріѣздѣ въ Нижній всякаго сильнаго при дворѣ человѣка, что-нибудь загоралось въ этомъ городѣ и напередъ приготовленными къ тому средствами тотчасъ потухало; а онъ, вымаранный сажей, какъ бы изъ огня, спѣшилъ явиться къ вельможѣ, чтобы его успокоить. Гадко о немъ вспомнить. Такіе люди вездѣ есть; жаль, что у насъ только имѣютъ они продолжительные успѣхи *).

Среди сего малаго круга жилъ я до половины Іюля. Городъ былъ весьма немноголюденъ; въ немъ оставались одни только должностныя лица; помѣщики же всѣ разъѣхались по деревнямъ и вмѣстѣ съ толпами иногородныхъ къ началу ярманки должны были только пріѣхать; слѣдственно мнѣ никакого почти не было случая съ ними познакомиться. Съ барабаннымъ боемъ, 15-го Іюля, ярманка была открыта; но никого почти еще не было, и купцы только что начинали раскладывать свои товары. Прежде, бывало, оканчивалась она 25-го числа, въ день Св. Макарія, а съ перенесеніемъ ея въ Нижній-Новгородъ, каждый годъ опаздываютъ съ ея открытіемъ, такъ что 25-го Іюля едва начинается она, а торгъ продолжается весь Августъ.

Родные мои сдержали слово. Покойная мать съ братомъ моимъ, съ двумя сестрами и съ зятемъ Ильей Ивановичемъ Алексѣевымъ, пріѣхали въ Нижній-Новгородъ 17-го числа, наканунѣ дня рожденія его и за три дня до его именинъ, отпраздновать ихъ со мною и нѣсколько дней потомъ погостить у меня. Я нанялъ имъ квартиру въ верхней части города, въ домѣ Поляка Зарембы, не знаю какъ тутъ поселившагося, и первые дни безотлучно проводилъ съ ними, такъ что не замѣтилъ, какъ ярманочная площадь вдругъ наводнилась тысячами простаго народа на нее нахлынувшаго.

Сдѣлать подробное описаніе этой знаменитой ярманки считаю здѣсь ненужнымъ, да и невозможнымъ; ибо изъ бумагъ о семъ предметѣ, бывшихъ у меня въ рукахъ, не сохранилъ я ни одной. Въ изданной о томъ книгѣ г. Зубовымъ видно, что работы, производившіяся пять лѣтъ, стоили казнѣ одиннадцать милліоновъ ассигнаціями, тогда какъ, сколько я припомню, въ смѣтѣ и трехъ не показано было. Изъ этой же книги видно, что каменный гостинный дворъ заключаетъ

*) Послѣ того въ двухъ губерніяхъ былъ онъ вице-губернаторомъ, когда водочная продажа не отдавалась на откупъ, а находилась въ непосредственномъ управленіи казенныхъ палатъ. За то ни одного губернаторского мѣста не хотѣли имъ замарать. Теперь онъ управляющимъ Главнаго Казначейства въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

въ себѣ 2.520 лавокъ, но сколько получается сбора, того, къ сожалѣнію, не сказано; а желательно бы знать, выручаетъ ли казна хотя шесть процентовъ съ издержаннаго ею капитала? Въ мое время, если не ошибаюсь, съ деревянныхъ лавокъ получаемо было не съ большимъ сто тысячъ рублей ассигнаціями.

Маленькій городъ, съ маленькимъ дворцомъ, съ храмами православнымъ и иновѣрными, въ которомъ полтора мѣсяца кишитъ до двухъ сотъ тысячъ пріѣзжихъ и пришедшихъ, не удалось мнѣ видѣть, а только возвышеніе грунта для его построенія. Что же касается до временной ярманки, я находилъ, что, въ самомъ большомъ размѣрѣ, она походитъ на Пензенскую. Также изъ досокъ сколоченные ряды, только въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи прочныя строенія, театръ, трактиры, бани. Тамъ только во всякое время дозволено было разводить огонь. Не знаю почему одинъ купецъ Колесовъ середъ ярманки пользовался тою же привилегіей. У него, говорили, была молодая жена, которую онъ ко всѣмъ ревновалъ, съ которою не хотѣлъ разлучаться и для того, за большія деньги, выпросилъ себѣ право построить хотя временное, но прочное помѣщеніе. Онъ былъ царемъ Китайской у насъ торговли, черезъ его руки проходилъ весь чай, который распивается въ Россіи, и однихъ пошлинъ, говорили, платилъ онъ болѣе ста тысячъ рублей ассигнаціями. Такому человѣку снисходительность оказать можно было. Невидимая часть ярманки была самая важнѣйшая: оптовая продажа и вообще всѣ большія торговыя сдѣлки, которыя, за неимѣніемъ биржи, совершались на домахъ.

Я упомянулъ о временномъ ярманочномъ театрѣ; былъ еще въ городѣ другой, деревянный, постоянный. Надобно знать, что въ царствованіе Екатерины, когда Русскіе бѣгомъ бѣжали на встрѣчу къ просвѣщенію, они воспринимали преимущественно, какъ народъ молодой, всѣ новыя забавы, которыя представлялъ имъ Западъ: оттого-то такъ много расплодилось домашнихъ оркестровъ и труппъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ обыкновенно одинъ помѣщикъ-забавникъ или, лучше сказать, забавитель публики. Въ одной Пензѣ, какъ видѣли, было ихъ нѣкогда трое. Сего мало: почти въ каждой губерніи былъ еще одинъ помѣщикъ-тиранъ, обыкновенно человѣкъ богатый, а иногда знатный и чиновный. Безотвѣтные крестьяне и дворня не имѣли никакихъ причинъ на нихъ жаловаться: за то горе сосѣдямъ, не только мелкопомѣстнымъ, даже зажиточнымъ дворянамъ, когда они отказывались исполнять ихъ прихоти. Первыхъ они дарили, послѣднихъ часто угощали у себя грубо-роскошною трапезой. Но коль скоро произойдутъ какія-нибудь несогласія, возбудится въ нихъ досада, они не удовольствуются однѣми обыкновенными непріятностями: потравой полей, по-

Библиотека "Руниверс"

рубкой лѣса: они посягали на ихъ личность, съ ватагой врывались въ ихъ селенія, съ тѣмъ, чтобъ иногда предавать ихъ тѣлесному наказанію. Непонятно, какъ такое жестокое самоуправіе могло быть терпимо. Для такой нравственной силы однако богатства было бы недостаточно: нужны были смѣлость и великая твердость воли. За то эти люди всѣмъ располагали на выборахъ: исправники трепетали предъ ними, и сами губернаторы старались обходиться съ ними осторожнѣе.

Учредителемъ Нижегородскаго театра былъ меньшой братъ богатаго въ Москвѣ князя, Бориса Григорьевича Шаховскаго, бѣдный князь Николай Григорьевичъ. Оба одержимы были сильно сценоманіей, но старшій имѣлъ актеровъ для своей забавы, меньшой для прибыли. Странно видѣть человѣка, когда онъ берется совсѣмъ не за свое дѣло: этотъ Шаховской не имѣлъ никакого понятія ни о музыкѣ, ни о драматическомъ искусствѣ, а между тѣмъ ужаснымъ образомъ законодательствовалъ въ своемъ закулисномъ царствѣ. Все, что̀ ему казалось нѣсколько неприличнымъ или двусмысленнымъ, онъ безпощадно выкидывалъ изъ піесъ; въ труппѣ своей вводилъ монастырскую дисциплину, требовалъ величайшей благопристойности на сценѣ, такъ чтобы актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе какъ на аршинъ, и когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживалъ ее. Послѣ того можно себѣ представить, какъ движенія ихъ были свободны и ловки. Я не имѣлъ довольно пристрастія къ Пензѣ, чтобы актеровъ ея предпочесть Нижегородскимъ, однакожъ и этимъ передъ тѣми преимущества дать не могу; вообще, трудно мнѣ рѣшить, которые изъ нихъ были хуже. Вотъ еще одна странность Шаховскаго: онъ находилъ (вѣроятно, изъ экономическихъ видовъ), что сцена производитъ гораздо болѣе эффекта, когда она одна только освѣщена, а всѣ другія части театра погружены во тьму. Оттого-то въ партерѣ можно было въ жмурки играть, а въ ложахъ, чтобы разсмотрѣть другъ друга въ лицо, всякой привозилъ съ собою кто восковую, кто сальную свѣчку, а иные даже лампы. Онъ къ намъ былъ чрезвычайно милостивъ, далъ Бетанкуру даромъ ложу и поднесъ билетъ на всѣ лѣтнія представленія; только къ этой щедротѣ хотя бы огарокъ прибавилъ. И этотъ другъ Таліи и Момуса былъ молчаливый, мрачный и невзрачный старичокъ. У него была жена гораздо моложе его, отмѣнно добрая, но безъ всякаго образованія, да три подростающихъ дочери, которыхъ послѣ, не знаю, кому онъ роздалъ.

Сверхъ того, въ самомъ городѣ была еще зала, не весьма огромная и не весьма красивая, въ которой собирались дворяне выбирать другъ друга въ должности, а зимой играть въ карты и танцовать. Я

Библиотека "Руниверс"

видѣлъ ее еще до ярманки, когда дворянство Бетанкуру давало балъ. Постояннымъ старшиной этого собранія былъ тотъ же самый печальный Шаховской, слѣдственно, — источникомъ всѣхъ городскихъ увеселеній.

Я представилъ веселую, забавную (хотя не слишкомъ) сторону тогдашняго Нижегородскаго житья, а затѣмъ вотъ и ужасная. Всеповелительнымъ деспотомъ съ давнихъ поръ проживалъ въ сей губерніи сынъ одного Грузинскаго царевича, князь Егоръ Александровичъ. Я уже означилъ вкратцѣ дѣянія его, когда говорилъ о подобныхъ ему, коихъ число впрочемъ не было велико и изъ коихъ одинъ только Рязанскій Левъ Дмитріевичъ Измайловъ могъ равняться съ нимъ въ необузданности. Не знаю, первые ли шаги его ознаменованы были насиліями или онъ постепенно достигъ до власти, ни на какихъ законахъ не основанной? Царскаго происхожденія, съ полуденною кровью, съ пылкими страстями, съ крутымъ нравомъ, князь Грузинскій точно княжилъ въ богатомъ и обширномъ селеніи своемъ Лысковѣ, на берегу Волги, насупротивъ маленькаго города Макарьева. Всѣ пріѣзжіе, покупатели и торгующіе, находя въ Лысковѣ гораздо болѣе удобствъ и простора, нанимали тутъ квартиры во время ярманки, и это время для Грузинскаго было самое блистательное и прибыльное въ году, такъ что съ каждымъ годомъ, казалось, сила его умножается. Переведеніе этого огромнаго торжища въ Нижній-Новгородъ нанесло первый, но рѣшительный ударъ его могуществу. Я не нашелъ его столь страшнымъ, хотя показалось мнѣ, что глаза его выражаютъ еще утихающую бурю. Видно къ пріѣзжимъ былъ онъ милостивѣе; ибо я не могу нахвалиться его пріемомъ, когда у него обѣдалъ. Онъ былъ въ это время вдовъ: жена его урожденная Бахметева, скончалась во цвѣтѣ лѣтъ, замученная столько же частыми изъявленіями его бѣшеной любви, какъ и порывами его неукротимаго гнѣва, и оставила ему сына и дочь. Сынъ, офицеръ гвардіи, умеръ еще въ молодости; а единственная, прелестная тогда дочь его, убѣгала общества и, вопреки обычаямъ другихъ красавицъ, столь же тщательно скрывала красоту свою, какъ тѣ ее любятъ показывать. Въ послѣдствіи она была замужемъ за однимъ весьма мнѣ знакомымъ графомъ Толстымъ *). Не знаю, какъ нынѣ, а

*) Ея набожность, ея уединенная жизнь до высочайшей степени возбуждали любопытство праздныхъ провинціаловъ; отъ того множество догадокъ, выдумокъ. Постриженіе въ монахи одного юноши, воспитаннаго въ домѣ отца ея, подало мысль о цѣломъ романѣ. Утверждали, что когда влюбленные признались князю во взаимной страсти, онъ объявилъ имъ, что бракъ ихъ дѣло невозможное, ибо молодой человѣкъ его побочный сынъ и на сестрѣ жениться не можетъ; тогда оба дали обѣтъ посвятить себя монашеству. Одна путешественница, Англійская леди, бывши въ Москвѣ, посѣтила и Троицкую Лавру, гдѣ отецъ Антоній, мнимый любовникъ, былъ тогда намѣстникомъ. Ей разсказали о поэтическомъ началѣ его жизни, она составила

Библиотека "Руниверс"

прежде въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ существовала еще одна особенная должность, не показанная въ высочайше утвержденныхъ штатахъ, а не менѣе того полуофиціальная, должность не жены, а подруги губернатора. Въ Нижнемъ исправляла ее тогда одна госпожа Жданова, дочь почтмейстера Руднева. Ей было лѣтъ за тридцать, а она была еще женщина свѣжая, красивая, видная. Лѣтъ восемнадцати вступила она въ нее; съ тѣхъ поръ перемѣнились три или четыре губернатора: она оставалась вѣрна не человѣку, а мѣсту. Всякой новый начальникъ губерніи спѣшилъ утвердить ее въ избранномъ ею званіи. Должно полагать въ ней, также какъ въ Полькахъ и Еврейкахъ, чрезмѣрную любовь ко власти. Впрочемъ хотя всюду была она принята, но вездѣ съ холодностію. Снисходительнаго супруга, всегда жившаго съ нею въ согласіи, мнѣ не случилось видѣть или, лучше сказать, замѣтить. Желая ничего примѣчательнаго не пропустить въ посѣщенномъ мною городѣ, упомянулъ я и объ ней.

Сначала только, по пріѣздѣ моихъ родныхъ, могъ я нѣсколько дней провести съ ними вмѣстѣ. Вскорѣ цѣлыми гурьбами привалили Пензенцы, Саратовцы и помѣщики другихъ сосѣднихъ губерній. Между ними было много знакомыхъ, частыхъ посѣтителей; я тоже долженъ былъ воротиться къ умножившимся занятіямъ моимъ. Итакъ, будучи развлечены, мы были почти разлучены. Все зашумѣло, все задвигалось въ городѣ; я говорю, въ самомъ городѣ, ибо въ верхней части его можно было только найдти помѣщеніе. Кунавинская слобода, примыкающая къ ярманочной площади, состояла тогда вся изъ хижинъ; кой-гдѣ начинали однакоже подыматься въ ней хорошія строенія. Долго послѣ того порядочные люди не рѣшались въ ней жить: она почиталась мѣстомъ развратныхъ увеселеній.

Кстати о пріисканіи помѣщеній: въ разсказѣ моемъ я не долженъ пропустить одинъ случай, который показываетъ излишнюю снисходительность Русскихъ къ иностранцамъ и оттого ихъ наглость съ ними. Въ числѣ пріѣзжихъ находился одинъ туристъ, самый простой джентльменъ, даже съ весьма ледащею наружностію. Въ дорожномъ платьѣ явился онъ прямо къ Бетанкуру съ письмомъ отъ кого-то и съ требованіемъ, чтобъ ему отыскана была квартира. Начальникъ мой былъ великій энтузіастъ всего Британскаго, былъ колѣнопреклоненъ передъ отчизной механики и жены своей. Онъ немного затруднился; тогда Англичанинъ, указывая на меня, сказалъ: да велите вотъ ему. «И

изъ этого трогательную повѣсть и напечатала ее въ одномъ великолѣпномъ пансекѣ. А я полагаю, что, наслѣдуя упрямству отца, дѣвица просто отказывалась отъ свѣта, потому что онъ желалъ ее видѣть въ немъ и того требовалъ.

Библиотека "Руниверс"

подлинно., сказалъ Бетанкуръ, «не возьмете ли на себя?» Молча взглянулъ я на него; онъ понялъ нѣмой, исполненный негодованія мой отвѣтъ и прибавилъ: «Или лучше прикажите кому-нибудь этимъ заняться».— «Я поручу этого господина попеченіямъ курьера вашего превосходительства»; а курьеру наказалъ спровадить его въ Кунавинскую слободу.

Видно, онъ былъ не слишкомъ важная фигура; потому что ни Бетанкуръ, ни губернаторъ ни разу не пригласили его къ себѣ, и никто не взялъ труда узнать, какъ онъ прозывается. Наконецъ, явился онъ въ собраніи на балѣ, въ странномъ фракѣ съ длинными фалдами, съ огромною лысиной и съ маленькимъ лорнетомъ на шнуркѣ, въ правый глазъ вставленнымъ, что̀ показалось великою новостію. Онъ остановился посреди залы, вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ, а потомъ, окидывая взорами общество, сталъ что-то записывать или рисовать. Иные смотрѣли съ уваженіемъ и любопытствомъ на оригинальность, которую всякій подданный великой морской державы, лишь бы не совсѣмъ принадлежалъ къ простонародію, обязанъ на себя накидывать; другіе находили это не совсѣмъ приличнымъ; я одинъ чувствовалъ сильное негодованіе. Но тутъ случился одинъ молодой человѣкъ, который вскипѣлъ гнѣвомъ. Онъ принадлежалъ къ одной небогатой вѣтви Нарышкиныхъ, въ Нижегородской губерніи поселившейся; звали его Петръ Александровичъ. Кромѣ фамильнаго имени въ немъ не было ничего блестящаго, онъ былъ простой Русскій человѣкъ, дорожилъ народною честью и тѣмъ самымъ казался отпадшимъ членомъ отъ знатныхъ родовъ. Онъ съ видомъ ярости подошелъ къ Британцу и, опустивъ голосъ, молвилъ ему нѣчто, вѣроятно, весьма энергическое. Тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, весьма хладнокровно положилъ книжку въ карманъ и скрылся въ толпѣ. И послѣ того этотъ же неучъ будетъ обвинять сѣверныхъ варваровъ въ негостепріимствѣ: попытался бы какой-нибудь Русскій сдѣлать тоже самое въ Англіи!

Уставъ отъ шуму, мать моя начинала собираться въ обратный путь. Изъ знакомыхъ, въ Нижнемъ ею найденныхъ, чаще всѣхъ видѣла она двѣ духовныя особы. Первый былъ епархіальный архіерей Моисей, прежде бывшій епископомъ въ Пензѣ. Онъ былъ добръ, веселъ, еще не старъ и въ церкви весьма краснорѣчиво и назидательно проповѣдывалъ. Жаль только, что въ гостиной было дѣло совсѣмъ иное: онъ всегда любилъ пришучивать и если шутки его не совсѣмъ были неблагопристойны, то по крайней мѣрѣ довольно грубы. Въ глазахъ матери моей святость сана всѣ недостатки его прикрывала; къ тому же и самъ онъ въ разговорахъ съ нею старался быть воздержнѣе. Другая

Библиотека "Руниверс"

особа была двоюродная сестра ея, нѣкогда вдова, Дарья Михайловна Новикова, урожденная Мартынова, сестра чудака Ѳедора Михайловича и Натальи Михайловны Загоскиной, коихъ прошу не забывать. Тогда была она настоятельницей женскаго монастыря, во иноцѣхъ Дороѳея. Она одарена была умомъ необыкновеннымъ, характеромъ гибкимъ и твердымъ, предпріимчивымъ и терпѣливымъ, и умѣла сливать честолюбіе со смиреніемъ. Послѣ малочиновнаго и не весьма любимаго мужа оставшись съ тремя дѣтьми въ недостаточномъ положеніи, ей было душно въ провинціальномъ свѣтѣ, гдѣ никто ея не понималъ и гдѣ презирали ея бѣдностію. Она скрылась отъ него въ стѣнахъ монастыря. Въ это время одинъ духовный вербунъ, архимандритъ Израиль, искусно склонялъ пожилыхъ дѣвицъ и вдовъ къ иноческой жизни; по его совѣту разсталась она съ міромъ. Но простою монахиней она долго оставаться не могла: она въ Пензенскомъ же монастырѣ составила особливую общину; самыя несогласія ея съ другими инокинями обратили на нее вниманіе начальства, и вскорѣ потомъ была она назначена игуменьей Нижегородскаго монастыря. Въ немъ была она совершенною царицей, когда пол-Москвы отъ непріятеля бѣжало въ Нижній. Всѣ барыни, и между ими весьма знатныя, искали ея знакомства, и она всѣхъ надѣляла христіанскими утѣшеніями. Съ этого времени вошла она въ связи съ обѣими столицами и сдѣлалась великимъ авторитетомъ, на который сами архіереи смотрѣли съ уваженіемъ и не безъ страха.

Съ 1-го Августа по 6-е, то-есть отъ перваго Спаса по второй была ярманка, какъ говорили, съ самомъ разгарѣ; куда ни поѣдешь, въ ряды ли, по городу ли, вездѣ скачка, вездѣ суматоха. Роскошнымъ обѣдамъ также конца не было у губернатора, у князя Грузинскаго, а изъ пріѣзжихъ — у богача-генерала Дмитрія Дмитріевича Шепелева, да у Пензенскихъ Хрущовыхъ, и еще у нѣкоторыхъ другихъ. О скучныхъ театрѣ и балахъ въ благородномъ собраніи уже не говорю. Для меня величайшимъ удовольствіемъ было ходить между простыми торговцами, прислушиваться къ ихъ толкамъ, дивиться торговой оборотливости Русскихъ людей. Это дѣлалъ я почти всякій разъ, когда не былъ съ своими. Для нихъ скоро пришелъ день отъѣзда. Отслушавъ въ день Преображенія обѣдню въ старинномъ соборѣ, въ которомъ находились могилы князей и Минина, и который послѣ, по ветхости, должны были разобрать, мать моя съ семействомъ отправилась домой. Отъѣздъ ея былъ какъ будто сигналомъ и для другихъ. Однакоже не всѣ тронулись вдругъ; отливъ совершился постепенно. Только черезъ нѣсколько дней и Бетанкуръ, къ удовольствію моему, началъ поговаривать о Петербургѣ, и даже 1-е Сентября назначилъ послѣднимъ сро-

Библиотека "Руниверс"

комъ для отбытія нашего. Мнѣ же судьба не велѣла такъ скоро разстаться съ Нижнимъ, какъ увидимъ далѣе.

XIV.

Лѣченіе мое Парижское, не сопровождаемое должнымъ воздержаніемъ, оставило во мнѣ жестокіе слѣды. Весь физическій составъ мой былъ потрясенъ, и хотя боли, ломота совершенно прекратились, я чувствовалъ изнеможеніе силъ тѣлесныхъ и умственныхъ. Другіе, можетъ быть, не замѣчали сего; я самъ старался обманывать себя на этотъ счетъ и боролся съ возрастающими недугами. Примѣтно исчезала во мнѣ дѣятельность и овладѣвала мною тягостная лѣнь. Одинъ г-нъ Рандъ умѣлъ это подмѣтить и старался поддерживать мое бездѣйствіе. Двухнедѣльная моя отлучка въ Пензу и трехнедѣльное пребываніе родныхъ моихъ въ Нижнемъ, когда онъ увѣрилъ Бетанкура, что на это время надобно оставить меня совершенно свободнымъ, далъ ему случай докладывать по дѣламъ моимъ. Когда же я принялся вновь за работу, все валилось у меня изъ рукъ, что́ и самъ Бетанкуръ могъ уже замѣтить.

Лѣто стояло самое мудреное: несносные жары безпрестанно смѣняли сырую, холодную погоду и были ею смѣняемы; поле, на которомъ выстроены ряды, на которомъ толпились десятки тысячъ народу, было то чрезмѣрно увлажаемо проливными дождями, то отъ сильныхъ солнечныхъ лучей издавало зловредныя испаренія, и уже начинали показываться заразительныя болѣзни. Можетъ быть, и это имѣло вліяніе на здоровье мое. Вдругъ безъ всякой причины одолѣла меня тоска неизъяснимая, ко всему получилъ я отвращеніе, и все возвѣщало мнѣ, что со мною случится что-нибудь необыкновенное.

Такъ прошло нѣсколько дней, какъ, наконецъ, въ Воскресенье, 17 Августа, вставъ отъ обѣденнаго стола, за которымъ я ни до чего не касался, мнѣ пришла охота куда-нибудь бѣжать. Я пошелъ на ярманку; тамъ бо́льшая часть лавокъ была заперта, въ другихъ поспѣшно укладывались, воздухъ былъ теплый, но небо мрачное, и все казалось уныло. Во мнѣ родилось такое отчаяніе, что, проходя по мосту, я готовъ былъ броситься въ Оку. Меня внезапно обхватило холодомъ, я бѣгомъ побѣжалъ домой, и хотя скорѣе легъ въ постелю, нѣсколько часовъ не могъ избавиться отъ озноба.

На другое утро, послѣ безпокойнаго сна, при необычной слабости, чувствуя несносный жаръ и холодъ вмѣстѣ, началъ я вставать съ постели и надѣвалъ сапоги, когда нечаянно вошелъ ко мнѣ Маничаровъ. Онъ попятился отъ ужаса: такъ въ одну ночь лицо мое измѣ-

Библиотека "Руниверс"

нилось. Тщетно уговаривалъ онъ меня успокоиться; я его не послушался и медленно продолжалъ одѣваться. Тогда побѣжалъ онъ доложить о моемъ упрямствѣ, и вскорѣ пришелъ Рандъ именемъ генерала просить меня, а если нужно требовать, чтобы я легъ въ постелю и послалъ за врачемъ. На первое я согласился, на второе нѣтъ. Какъ Базиля въ *Фигаровой Женитьбѣ* укладывали человѣка, въ которомъ все показывало отсутствіе разсудка. Къ вечеру болѣзнь такъ усилилась, что самъ Бетанкуръ привелъ съ собою доктора Либошица. Обнаружилась горячка, и самая злокачественная, гнилая, нервная; не дали ей настоящаго имени тифуса, потому что, кажется, его еще не знали.

Самое жестокое въ этого рода болѣзняхъ есть сохраненіе памяти при мученіи и тоскѣ нестерпимыхъ. Я помню, какъ все тѣло мое изъязвлено было синапизмами и Шпанскими мухами, что, конечно, оттягивая жаръ, умножало однакоже нервныя страданія. Еще болѣе помню я совершенно родственныя, нѣжныя попеченія обо мнѣ людей мнѣ чуждыхъ. Какъ забыть мнѣ и преданность вѣрнаго и пьянаго слуги моего Василья, который въ это время до водки не касался и ни дня, ни ночи вокругъ меня не зналъ покою! Хотѣлось бы забыть мнѣ безчеловѣчную, грубую алчность моего врача. Дѣло естественное: онъ былъ Еврей, и едва ли крещеный; но тяжко-больному изъявлять опасеніе на счетъ уплаты за труды, когда его не станетъ,—мнѣ кажется дѣло неслыханное. Дабы успокоить его, сказалъ я ему, что за то поручится мой начальникъ.

Наступилъ двѣнадцатый, рѣшительный день, 28-ое Августа. Либошицъ пришелъ довольно рано, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ и ни слова не сказалъ. Я спросилъ его, отчего по всей кожѣ моей показавшіяся сперва красныя пятна превратились въ фіолетовыя, а тутъ сдѣлались черными? «Да у васъ и языкъ уже весь почернѣлъ», отвѣчалъ онъ. Кажется, довольно бы сего приговора; онъ, выходя, остановился у дверей и вслухъ сказалъ слугѣ моему и случившемуся тутъ одному изъ инженерныхъ офицеровъ: «Не мучьте его понапрасну, не давайте ему болѣе лѣкарствъ; я думаю, онъ и сутокъ не проживетъ». Я принялъ это довольно хладнокровно; не смѣю назвать это стоицизмомъ, а скорѣе остолбенѣніемъ, какимъ-то душевнымъ онѣмѣніемъ. Пришелъ Бетанкуръ и, забывшись, сталъ при мнѣ умывать руки уксусомъ, которымъ вся комната была накурена, какъ у чумныхъ. Молча, одною рукой взялъ онъ меня за пульсъ, а въ другой держа часы, считалъ пульсаціи; вдругъ съ гнѣвомъ отбросилъ мою руку и убѣжалъ: добрый старикъ разсердился на болѣзнь. За нимъ, всѣ по одиночкѣ начали приходить, какъ будто прощаться со мною. Не касаясь меня, становились они противъ меня, у ногъ моихъ. Со всѣми говорилъ я

Библиотека "Руниверс"

свободно, ласково о близкой кончинѣ моей, каждому изъявлялъ искреннее желаніе, послѣ себя, всякаго благополучія. Добрѣйшій Маничаровъ плакалъ; даже Рандъ, который ничего не любилъ кромѣ власти и денегъ, говорилъ непритворно - растроганнымъ голосомъ. Мнѣ кажется теперь, что тайная вражда его противъ меня погасла тогда при дверяхъ гроба. Въ полдень открылись двери, и торжественно вступила тетка моя, игуменья Дороѳея. Она съ важностію сѣла противъ меня, и между нами начался слѣдующій разговоръ:

— Знаешь ли ты, мой другъ, въ какомъ ты находишься положеніи?

— Знаю.

— Знаешь ли ты, что съ часу на часъ ты долженъ ожидать смерти?

— Знаю.

— Чего же ты медлишь послать за священникомъ, въ ту минуту, когда должна рѣшиться участь твоя въ вѣчности?

— Уже поздно, отвѣчалъ я:—теперь покаяніе было бы дѣйствіемъ страха. Я всегда вѣровалъ въ Господа Бога и въ Его милосердіе; оно одно проститъ мнѣ прегрѣшенія мои во мзду немногихъ добрыхъ дѣлъ и чувствъ.

Она продолжала краснорѣчивыя убѣжденія свои, а я вышелъ изъ терпѣнія.

— Вы мнѣ надоѣли, оставьте меня, вскрикнулъ я, выпрямясь передъ нею пугаломъ, привидѣніемъ; огонь, который пожиралъ существо мое, ярко заблисталъ во впадшихъ глазахъ моихъ. Она отворотилась съ ужасомъ, какъ бы видя передъ собою добычу демона; потомъ встала, и уходя промолвила:

— По крайней мѣрѣ, позволь придти священнику со святою водой отслужить молебенъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я, только часу въ девятомъ вечера.

Про себя подумалъ я, что тогда уже онъ меня не застанетъ. Это было совершенное безуміе, и неужели Всевышній строго бы осудилъ издыхающаго сумасброда, когда и законы человѣческіе, по большей части столь несправедливые и жестокіе, такъ снисходительны къ умалишеннымъ?

По выходѣ игуменьи, нѣсколько часовъ остался я совершенно одинъ, какъ будто всѣми брошенный; и безпрестаннымъ бдѣніемъ самъ утомленный слуга мой въ боковой комнатѣ предался невольному сну. Жаръ больнаго воображенія сталъ сильнѣе дѣйствовать въ головѣ моей: одна нелѣпица смѣняла другую. И вдругъ на память пришла мнѣ мать моя, о которой во время болѣзни ни разу я не подумалъ: до

Библиотека "Руниверс"

того все перемѣнилось во мнѣ. Я представилъ себѣ горесть ея, когда обо мнѣ получитъ она извѣстіе. За нею все, что́ мнѣ было любезно, мило, и люди, и мѣста, потянулось передо мною прелестною цѣпью, которая такъ и притягивала меня къ жизни, коей почиталъ уже я себя чуждымъ. Равнодушіе, покорность моя къ судьбѣ вдругъ превратились въ неистовство, въ бѣшенство: я дерзнулъ самого Бога звать на судъ, упрекалъ Его въ жестокости, когда безъ всякой причины, вдали еще отъ старости, внезапно лишаетъ Онъ меня всѣхъ даровъ Своихъ. Я вертѣлся, терзалъ грудь свою, кусалъ подушки; въ душѣ своей чувствовалъ адское мученіе. Изнеможенный перешелъ я къ умиленію. Сквозь опущенныя сторы сіяло мнѣ заходящее солнце. «Его уже болѣе не увижу», подумалъ я; «дай хоть въ послѣдній разъ взгляну на закатъ его, столь величественный за Окой». Откуда взялись у меня силы, я всталъ босой и, держась за стулья, вдоль стѣны, добрелъ до окна. Чуткій слуга мой, къ счастію, услышавъ шорохъ, вскочилъ и входилъ въ двери въ то самое мгновеніе, когда силы меня оставляли; я зашатался и упалъ къ нему на руки. Онъ и донесъ и дотащилъ меня до кровати, на которую уложилъ. Скоро сказали, что пришелъ священникъ. «Хорошо,» вотъ все что́ могъ я отвѣчать. Усадили меня въ кресла, посреди подушекъ, и начался молебенъ. *Холодно*, *темно*, все повторялъ я слабѣющимъ голосомъ. А небольшая комната моя наполнилась всѣми любопытными, мнѣ сожительствующими, и по желанію моему, болѣе угаданному, дюжины двѣ свѣчъ горѣло. Громогласное чтеніе іерея мнѣ казалось шопотомъ, густой туманъ носился вокругъ меня, оконечности тѣла моего, руки по локоть и ноги по колѣно, нѣмѣли, остывали; слухъ, зрѣніе покидали меня; я отходилъ. Молебенъ кончился, и священникъ, окропивъ меня святою водой, поднесъ къ устамъ моимъ животворящій крестъ; безсознательнымъ движеніемъ, нѣмѣющими руками ухватился я за него, какъ за спасеніе свое, и прижалъ къ груди. Послѣ того уже безъ памяти положили меня на ложе. Я не умеръ, а погрузился въ мертвый сонъ, тогда какъ передъ тѣмъ рѣдко на полчаса случалось мнѣ забываться.

Надо мной совершилось чудо, точно чудо! Пусть увѣряютъ, что сильное волненіе, чувствуемое мною, къ вечеру произвело переломъ, для меня спасительный. Мнѣ пріятно думать, и я въ томъ твердо увѣренъ, что Провидѣнію угодно было, чтобъ я еще пожилъ, погрѣшилъ, подурачился, пострадалъ и пописалъ. А для чего это? Неразгаданными Его тайнами мы окружены, и бездѣльныя причины какъ часто порождаютъ важныя послѣдствія. Видѣть въ себѣ нѣчно Имъ избранное было бы слишкомъ безразсудно, и я просто думаю, что когда висѣлъ я надъ могилой и не упалъ въ нее, на то была таже самая воля, безъ ко-

Библиотека "Руниверс"

торой волосъ не спадетъ съ головы человѣческой. Подробное описаніе этой болѣзни инымъ покажется скучнымъ. Но многимъ ли удавалось быть одною узкою чертой отдѣленными отъ вѣчности и круто поворотить отъ нея вспять? И тѣ, съ коими случалось сіе, не забывали ли того? А если и не забывали, то вѣрно уже не изображали. Вотъ почему я думаю, что для иныхъ будетъ сіе любопытно. Я могу сказать, что я отвѣдалъ смерти, и до того, что въ Петербургѣ, въ Москвѣ, успѣлъ прослыть покойникомъ: появленіе мое въ сихъ столицахъ могло одно поправить сію печальную репутацію.

Утромъ на другой день Бетанкуръ прислалъ узнать, въ которомъ часу я скончался; ему отвѣчали, что я живъ и сплю. Чтобы удостовѣриться въ истинѣ сего донесенія, пришелъ онъ самъ; такъ случилось, что въ эту минуту я проснулся. Онъ повторилъ то, что̀ дѣлалъ наканунѣ, и когда увидѣлъ, что быстрота и число пульсацій на половину уменьшились, забывъ опасность, бросился меня обнимать; это одно должно уже примирить меня съ его памятью. Послѣ того впалъ я въ летаргію, а когда и очнулся, не понималъ уже ничего, что̀ мнѣ говорили, никого почти не узнавалъ и мололъ всякій вздоръ. Чрезмѣрное напряженіе жизненныхъ пружинъ до того ослабило мою голову, что когда мнѣ стало легче, нѣсколько дней я двухъ идей связать не могъ. Къ вечеру въ этотъ день, 29-го числа, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филиповичъ, за которымъ Бетанкуръ посылалъ въ Пензу нарочнаго. Я съ трудомъ и его могъ распознать.

Между тѣмъ начальникъ мой со свитой совсѣмъ собрался въ Петербургъ. Одного въ пустомъ домѣ нельзя было меня оставить. На общемъ совѣтѣ съ братомъ положено на другой же день, 30-го, перевезти бренное тѣло мое въ наемную квартиру, къ священнику Покровской церкви, на Большой Покровской улицѣ. Ужасныя мученія вынесъ я въ этотъ Александровъ день: инженеры давали Бетанкуру прощальный обѣдъ, у него же самого на верху; полицеймейстеръ Смирновъ хотѣлъ тоже подслужиться и привелъ музыкантовъ, которые загремѣли у меня подъ самыми окнами. Бетанкуръ въ туже секунду велѣлъ прогнать ихъ. И дѣйствительно, сильные звуки для разслабленныхъ нервовъ—пытка. Пришедъ почти въ себя, я, говорятъ, завопилъ нечеловѣческимъ голосомъ. Пока солнце не сѣло, уложили меня въ четверомѣстную карету и вмѣстѣ съ братомъ потащили вверхъ на гору. Трясская ѣзда была для меня новою казнію; я не понималъ, чего отъ меня хотятъ, что̀ творятъ со мною, и жалобно вылъ. Бетанкуръ навѣстилъ меня 31-го числа; его узналъ я, понялъ, что онъ пріѣхалъ проститься, и слезы показались у меня на глазахъ. Чтобы успокоить меня, сказалъ онъ, что поручилъ меня попеченіямъ рядомъ живущей со мною чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣколюбивой баронессы Моренгеймъ, тещи барона Боде. Еслибъ я и понялъ его, то мало былъ бы утѣшенъ, ибо къ этой дамѣ не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи. 1-го Сентября чѣмъ свѣтъ уѣхалъ онъ.

Выздоровленіе не вдругъ превращается въ пріятное чувство: надобно сперва пройдти черезъ тоску, дѣйствіе безмѣрной слабости. Я, бывало, не смѣлъ глаза закрыть: страшныя чудовища, которыя иногда являютъ фантасмагорическія представленія, ничто передъ тѣми, которыя мнѣ мерещились. На другія страданія я жаловаться не смѣю: они были мнѣ полезны; сильный переворотъ въ составѣ моемъ взволновалъ, расшевелилъ въ немъ все дурное и выбросилъ наружу; все тѣло мое покрылось нарывами, которые совершенно очистили во мнѣ кровь.

Мнѣ, впрочемъ, было хорошо: со мною былъ братъ мой, котораго хотя всякій день куда-нибудь звали обѣдать, но который остальное время отъ меня не отлучался. Человѣколюбивой Моренгеймъ я въ глаза не видалъ; попеченія ея обо мнѣ ограничивались присылкою жиденькаго супа съ кухни своей. За то другая женщина, Русская, игуменья, часто навѣщала меня; я не гналъ ея уже прочь, а съ наслажденіемъ внималъ рѣчамъ ея, проникнутымъ христіанскою нѣжностію. Я не дожидался совѣта ея, чтобы 14-го Сентября, въ день Воздвиженія Креста, черезъ силу отправиться въ церковь и причаститься Св. Таинъ. Не покидая жизни, а возвращаясь къ ней, и въ здравомъ смыслѣ, хотѣлъ я очиститься святыми дарами. По совершеніи сего, вдругъ такъ быстро стали приходить ко мнѣ силы, безъ помощи лѣкарствъ, даже подкрѣпительныхъ, о коихъ давно уже я слышать не хотѣлъ, что братъ мой, не находя болѣе присутствіе свое для меня необходимымъ, черезъ два дня, 16-го числа, отправился въ обратный путь.

Черезъ нѣсколько дней я въ состояніи былъ тоже сдѣлать. Меня удерживали; мало знакомые, а иные вовсе незнакомые желали меня у себя видѣть и въ честь мою давали обѣды, не изъ особаго уваженія какого, а изъ любопытства посмотрѣть на воскресшаго, изъ гроба подъятаго Лазаря. Сверхъ того пугали меня позднимъ осеннимъ временемъ; но я во всемъ полагался на испытанное мною милосердіе Божіе; никогда еще вѣра моя въ него такъ тверда не бывала. Какіе обѣты давалъ я тогда, и увы, какъ исполнилъ я ихъ!

Итакъ, въ упованіи на помощь Господню, выѣхалъ я 28-го Сентября, ровно черезъ годъ послѣ выѣзда моего изъ Парижа. Новое чудо! Въ воздухѣ сдѣлалось не тепло, а жарко какъ лѣтомъ; только послѣ вечерней прохлады скоро наступала осенняя стужа, но я уже былъ въ Озябликовскомъ погостѣ, гдѣ нашелъ теплый и покойный ночлегъ. Нѣсколько дней сряду стояла такая погода; но дорога скоро меня утомила, болѣе семидесяти верстъ въ день я сдѣлать не могъ и всякую ночь

Библиотека "Руниверс"

останавливался. Вторую провелъ я въ Муромѣ, третью во Владимирѣ, четвертую, въ день Покрова, въ городѣ Покровѣ, пятую въ Новой деревнѣ. Коротенькую станцію до Москвы сдѣлалъ я 3-го Октября.

Ямщикъ привезъ меня въ трактиръ Лейпцигъ, на Кузнецкомъ мосту, отъ котораго осталось лишь одно только имя: при общей поправкѣ, перестройкѣ, сочли его лишнимъ и уничтожили. По близости я поспѣшилъ къ пріятелю моему Александру Григорьевичу Товарову; но онъ домъ свой продалъ и поселился въ Старой Конюшенной, въ кварталѣ, въ счастливое время Москвы мало кому извѣстномъ, но послѣ пожара вошедшемъ въ моду. Послѣ обѣда Товаровъ пріѣхалъ самъ за мной и перетащилъ къ себѣ. Мнѣ еще очень нужны былъ дружескія бесѣды и попеченія.

Мнѣ бы слѣдовало не останавливаться, но какъ быть! Тутъ только въ Москвѣ почувствовалъ я вполнѣ то благосостояніе, коимъ пользуются больные вскорѣ по выздоровленіи. Пять лѣтъ передъ тѣмъ оставилъ я ее въ развалинахъ; тутъ не могъ я налюбоваться бѣлокаменной, краснымъ солнышкомъ постоянно освѣщаемою; много было въ ней древняго, живописнаго, ничего стараго, все свѣжо, все ново, все выпрямлено, все изукрашено. Впрочемъ, городъ былъ довольно пустъ; невиданная вешняя теплота въ глухую осень вѣроятно удерживала еще помѣщиковъ по деревнямъ. Хозяинъ мой самъ подговаривалъ меня ѣхать, пользоваться благопріятною погодой, которая со дня на день, съ часу на часъ, можетъ измѣниться. Я ни о чемъ не заботился; про то знаетъ высшій мой Хранитель, думалъ я. На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говорилъ мнѣ Товаровъ.

Однакожъ я послушалъ его и 11-го Октября оставилъ Москву. Видно, и тутъ силы не совсѣмъ ко мнѣ пришли, ибо я ѣхалъ также медленно какъ изъ Нижняго. Въ самый день моего отъѣзда, небо изъ свѣтло-голубаго превратилось въ сѣренькое, но дождя не было, и дорога была сухая. Только 13 числа, когда ночью въѣзжалъ я въ Торжокъ, пошелъ первый дождикъ, сильный, лѣтній, еще не осенній. На другой день воздухъ вдругъ похолодѣлъ и отсырѣлъ, и я долженъ былъ бороться съ дурною дорогой и съ дурною погодой; но я какъ-то не унывалъ, тепло одѣвался, преимущественно ночевалъ въ теплыхъ ямскихъ избахъ. За Новгородомъ сдѣлалось мнѣ гораздо хуже, когда 16-го числа долженъ я былъ рано остановиться на станціи Чудово. Я думалъ, что не доѣду до Петербурга, и немного трухнулъ. Хотя плоть была немощна, но духъ еще довольно бодръ; съ нимъ собрался я, чтобы до свѣту 17-го оставить грязную избу, въ которую нечаянно попалъ я на ночь. Тутъ нужна была твердость: строилось шоссе, его назначено было слѣдующимъ лѣтомъ проводить по той дорогѣ, по которой над-

Библиотека "Руниверс"

лежало мнѣ ѣхать, и ея не чинили. Хотя не совсѣмъ выяснѣло, сдѣлался первый изрядный морозъ, что̀ у насъ называютъ утренникъ; грязь не совсѣмъ застыла по бревенчатой дорогѣ, гдѣ торчали вверхъ оледенѣлыя бревешки, гдѣ образовавшіяся довольно глубокія лужи подернуло льдомъ: и тяжело, и скользко, и опасно. Четыре часа съ половиною нужно мнѣ было, чтобы сдѣлать двадцать пять верстъ до Померанья. И совершенно здоровому трудно бы было вынести; еслибы Богъ помогъ, въ этотъ день хотя бы еще одну станцію отъѣхать, сказалъ я.

Лишь только издали завидѣлъ я вновь устроенную, славную станціонную гостинницу Померанскую, какъ все перемѣнилось. Куда вдругъ дѣвались облака? Безъ ихъ дурнаго общества, солнце одно засверкало на небѣ почти съ лѣтнею теплотой, на всю зимнюю разлуку какъ будто нѣжно прощаясь съ землей. Мнѣ стало отрадно; къ тому же, въ эту осень только отъ Померанья открыто было шоссе, еще твердое, не изъѣзженное; съ радостнымъ нетерпѣніемъ помчался я по немъ, и 32 версты до Тосны сдѣлалъ съ небольшимъ въ два часа. Я думалъ, не остановиться ли мнѣ въ Ижорѣ; но когда въ сумерки началъ я подъѣзжать къ этой станціи, небо опять заволокло, и въ воздухѣ кой-гдѣ стало показываться что-то похожее на бѣлый пухъ; тогда я рѣшился не дожидаться зимняго пути. Въ Царскомъ Селѣ, чрезъ которое тогда ѣздили, настоящимъ образомъ пошелъ первый для меня снѣгъ. Метеорологическія странности суть дѣло обыкновенное въ Петербургѣ; въ одинъ день видѣлъ я три времени года, и на одной недѣлѣ, послѣ долгой засухи, былъ первый дождь, первый морозъ и первый снѣгъ. На спускѣ Пулковой горы замѣтенъ уже былъ черный слѣдъ колесъ по убѣленной дорогѣ. Лишь только поравнялся я съ Среднею Рогаткой (нынѣ Четыре Руки), поднялся такой вихрь, такая буря, такая метелица, что еслибы въ степи, можно было бы заплутаться. По Петербургскимъ улицамъ тяжело было ѣхать; когда же остановился я у подъѣзда моей казенной квартиры, прежде чѣмъ вышелъ я изъ коляски, надобно было отгребать снѣгъ, навалившій на кожаный фартукъ ея.

Меня дожидались, и все готово было къ моему пріѣзду. Какое наслажденіе, наконецъ, быть у себя дома, въ теплыхъ, хорошо прибранныхъ и хорошо освѣщенныхъ комнатахъ! По великой усталости я скоро отправился спать. Когда на другое утро, 18-го Октября, я проснулся, всталъ и посмотрѣлъ въ окно, солнце опять еще сіяло, только не грѣло, и весь Петербургъ разъѣзжалъ въ саняхъ, съ которыми и не разставался до слѣдующей весны.

Библиотека "Руниверс"

XV.

Сначала исполнилъ я первый долгъ: пошелъ помолиться къ Спасу на Сѣнной; потомъ второй: явился къ начальнику своему. Онъ что-то черезчуръ принялъ меня ласково. Тутъ не было ни малѣйшаго притворства, а можетъ быть нѣкоторая совѣстливость. «Послѣ такой тяжкой болѣзни и трудной осенней дороги, вамъ необходимо успокоеніе», сказалъ онъ; «я увольняю васъ, по крайней мѣрѣ, недѣли на три отъ всякихъ заботъ; отдохните, погуляйте на свободѣ, а потомъ опять примемся за дѣло.» Я всегда былъ отмѣнно довѣрчивъ; мнѣ и въ голову не вошло подозрѣвать тутъ перемѣну намѣреній его на счетъ будущаго служенія моего.

Во время моего отсутствія, лѣтомъ и осенью, произошла одна важная перемѣна въ министерствахъ. Чтобы не забыть, долженъ упомянуть здѣсь о ней. Козодавлевъ, послѣ кратковременныхъ, но жестокихъ страданій, умеръ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Государь получилъ извѣстіе о кончинѣ его, если не ошибаюсь, въ городѣ Архангельскѣ. Онъ обозрѣвалъ тогда весь Сѣверъ государства своего и спѣшилъ увидѣть Финляндію. Второпяхъ, на всякій случай, поручилъ онъ временно его Министерство Внутреннихъ Дѣлъ министру просвѣщенія, все тому же князю Александру Николаевичу Голицыну, который какъ будто на все, а между тѣмъ ни на что кромѣ придворной службы, не годился, въ чемъ сознаются нынѣ самые любимцы его. Въ началѣ Октября, въ самый день возвращенія Императора, престарѣлый графъ Вязмитиновъ совсѣмъ одѣлся, чтобъ ѣхать во дворецъ, а пока присѣлъ и сталъ подписывать нѣкоторыя бумаги. Вдругъ рука его остановилась: въ одну минуту прекратились всѣ жизненныя его движенія. Съ нимъ вмѣстѣ скончалось и управляемое имъ Министерство Полиціи.

Оно по прежнему вошло въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и по прежнему поручено управленію графа Кочубея Онъ занималъ мѣсто выше министерскаго, онъ былъ предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, и принялъ только званіе управляющаго, съ сохраненіемъ прежней должности. Одно чадолюбивое чувство могло его заставить вновь посвятить попеченія свои искаженному дѣтищу. Въ кратковременное имъ управленіе, любимцу царскому Голицыну полюбилась въ немъ почтовая часть, и онъ выпросилъ себѣ ее. Изъ нея составилось особое министерство подъ названіемъ главнаго начальства надъ почтовымъ департаментомъ, и въ семъ видѣ оно и понынѣ существуетъ. Самъ Кочубей счелъ нужнымъ передать Гурьеву департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Нѣтъ, навсегда уже прошло блестящее время этого министерства.

Библиотека "Руниверс"

Случаются обстоятельства въ жизни, которыя хотѣлось бы забыть; тѣ, въ коихъ находился я въ концѣ 1819 года, изъ числа ихъ; но изобразить ихъ здѣсь для меня необходимость. Тремя недѣлями свободы и даже болѣе, дарованными мнѣ Бетанкуромъ, я охотно воспользовался. Какъ будто новорожденный, я вновь приступалъ къ жизни; все плѣняло меня въ ней, все сіяло мнѣ въ будущемъ. Бетанкуръ и семейство его были со мною любезнѣе чѣмъ когда-либо, звали обѣдать, на вечеръ, а о дѣлахъ съ нимъ ни слова.

Наконецъ, мнѣ стало совѣстно, и я пришелъ объявить Бетанкуру, что чувствую себя совершенно въ силахъ вновь трудиться при немъ. «По прямой вашей должности въ Петербургскомъ строительномъ комитетѣ, вы всегда властны вступить въ управленіе дѣлами его; что же касается до другихъ особыхъ дѣлъ, Государемъ мнѣ порученныхъ, производствомъ коихъ вы, по снисходительности вашей ко мнѣ занимались, то какъ уже разъ они поступили въ канцелярію мою и нѣсколько мѣсяцевъ тамъ находятся, взять ихъ оттуда было бы напрасно: пусть остаются они у секретаря моего».

Что́ бы это значило? подумалъ я. Это значило, что Рандъ меня оттираетъ, что, пользуясь отсутствіемъ моимъ, онъ, все болѣе втираясь въ довѣренность бѣднаго старика, непримѣтнымъ образомъ овладѣлъ имъ. Не знаю, въ чемъ исподоволь обвинялъ онъ меня передъ нимъ, въ лѣности, въ хворости или въ неспособности? Но уже вѣрно не въ томъ, въ чемъ все главное управленіе путей сообщенія могло уличить его. Я пропустилъ нѣсколько дней, приготовляясь къ новому объясненію: званіе директора департамента все еще оставалось у меня въ виду. Мнѣ однакоже пора было замѣтить, что все перемѣнилось для меня. Обхожденіе со мною инженерныхъ генераловъ осталось вѣжливымъ, какъ слѣдовало; но не было уже той искательной привѣтливости, которую находилъ я въ нихъ до поѣздки въ Нижній-Новгородъ. Вельяшевъ не приглашалъ уже меня обѣдать, Саблуковъ пересталъ быть со мною словоохотенъ. Что́ еще болѣе должно убѣдить меня въ незамѣченномъ мною паденіи моемъ, была удвоенная со мною любезность любезнѣйшаго изъ Французовъ, генерала Карбоньера, который одинъ противъ Бетанкура составлялъ тогда тайную оппозицію, превратившуюся послѣ въ явную.

Вдругъ сказали мнѣ тайкомъ, что приготовляется докладная записка къ Императору, въ которой титулярному совѣтнику Ранду, въ награду за его великіе труды и въ поощреніе его великихъ способностей, безъ университетскаго аттестата, не въ примѣръ другимъ, испрашивается чинъ коллежскаго ассессора и съ сохраненіемъ прежней должности—званія правителя канцеляріи. Правитель же канцеляріи совѣта

Библиотека "Руниверс"

путей сообщенія, надворный совѣтникъ Хрущовъ, представленъ къ чину коллежскаго совѣтника и къ должности директора департамента, на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серебрякова, котораго уволить съ пенсіей.

Меня поразило это извѣстіе, такъ что едва повѣрилъ я ему. Съ сердцемъ, трепещущимъ отъ сожалѣнія и досады, явился я къ Бетанкуру и рѣшился спросить объ истинѣ мнѣ сказаннаго.

— Васъ не обманули, сказалъ онъ: вчера Государь подписалъ указы о томъ.

— Генералъ, сказалъ я, вамъ извѣстно, что я не искалъ этого мѣста, но со словъ вашихъ желалъ его получить и въ полученіи былъ увѣренъ. Вы можете себѣ представить, сколь прискорбно мнѣ должно быть это предпочтеніе.

— Какъ быть! отвѣчалъ онъ. Я замѣтилъ, что вы бы никогда не поладили съ г. Рандомъ, у васъ совсѣмъ разныя понятія о вещахъ; г. Кручкова я почти не знаю, но онъ очень хорошо знаетъ свою часть, съ которой ознакомиться вамъ нужно было бы время; вы довольно упорны, съ Рандомъ была бы у васъ вѣчная распря; каково же бы мнѣ было безпрестанно мирить васъ! Съ Кручковымъ этого не будетъ.

Улыбаясь, сказалъ я: Вѣроятно, вы удостовѣрились въ томъ, что о сихъ господахъ первоначально даны вамъ были ложныя понятія; что же касается до меня, то позвольте мнѣ сохранить на счетъ ихъ то мнѣніе, которое вы мнѣ дали.

— Какъ вы хотите, сказалъ онъ съ прижатымъ бѣшенствомъ.

— Итакъ, каріеръ мой конченъ при васъ?

— Нимало, оставайтесь сколько вамъ угодно; я даже намѣренъ представить васъ Государю къ чину статскаго совѣтника.

Когда я замѣтилъ ему, что маловажная должность моя не будетъ тому соотвѣтствовать, онъ отвѣчалъ:—Ничего, я буду умѣть это сдѣлать.

Въ этомъ разговорѣ можно найдти нѣкоторое извиненіе и въ тоже время желаніе утѣшить меня. Болѣе внимательный, когда я послѣ пристальнѣе сталъ разсматривать это дѣло, то увидѣлъ руку г. Ранда, который со всею тяжестію наложилъ ее на старца. Онъ зналъ, что въ первую минуту пойду я на пропалую, что старикъ приметъ это съ Гишпанскою гордостію и съ полуденнымъ бурнымъ гнѣвомъ, что я, можетъ быть, пострадаю отъ того; но это и надѣлаетъ шуму, а ему не хотѣлось никакой огласки. Оставаясь подъ начальствомъ Бетанкура, сіе положитъ, думалъ онъ, храненіе устамъ моимъ.

Нельзя было Ранду отказать въ искусствѣ и осторожности, вмѣстѣ со смѣлостію. Онъ молча высмотрѣлъ положеніе свое и, поощряемый примѣромъ Третёра, убѣдился, что честный человѣкъ, какъ бы уменъ

Библиотека "Руниверс"

ни былъ, сдѣлается подвластнымъ нечестному, лишь бы тотъ ловко умѣлъ за то взяться. А Хрущовъ былъ подлый плутъ самаго нисшаго разряда, безъ предпріимчивости, безъ надежды даже на большіе успѣхи. Онъ совершенно подчинилъ себя Ранду только съ тѣмъ, чтобы и ему что нибудь перепало отъ великихъ барышей, первымъ получаемыхъ. Однимъ словомъ, между ими было тоже разстояніе, что между воришкой, крадущимъ платки изъ кармановъ, и прославившимся Ванькой Каиномъ. Я ужаснулся не за себя, а за бѣднаго Бетанкура, и опасенія мои скоро оправдались.

Я не заботился объ обѣщанномъ мнѣ чинѣ, полагая, что начальникъ мой испроситъ мнѣ его при первомъ личномъ докладѣ Государю; я не имѣлъ аттестата, какъ же было иначе это сдѣлать? Новое удивленіе: самъ Бетанкуръ поспѣшилъ возвѣстить мнѣ, что представленіе о томъ сдѣлалъ чрезъ военнаго генералъ-губернатора.

— Да это все равно, что̀ ничего, сказалъ я: первое представленіе обо мнѣ Государю сдѣлали вы сами и лично.

— Дѣло другое, отвѣчалъ онъ: тогда былъ Вязмитиновъ, на него мы мало смотрѣли, а Милорадовичъ шутить не любитъ.

— Да какое ему дѣло до того? Онъ даже бы и не узналъ о томъ.

— Не безпокойтесь, я уже съ нимъ о томъ самъ переговорилъ, и онъ обѣщался все сдѣлать. Да, постойте, я еще лучше самъ къ нему напишу, а вы отдадите ему письмо. Вотъ вамъ случай съ нимъ познакомиться.

И дѣйствительно, во Французскомъ письмѣ, которое далъ онъ мнѣ прочесть, не было похвалъ, которыми бы онъ меня не осыпалъ. Мнѣ показалось, что онъ рехнулся, и я поспѣшилъ удовлетворить его желаніе.

Къ тому меня побуждало еще и любопытство. Мнѣ хотѣлось хотя разъ вблизи посмотрѣть на человѣка, который въ арміи былъ столь извѣстенъ какъ храбрецъ и чудакъ. Вмѣстѣ со многими смѣшными сторонами имѣлъ онъ и рыцарскія замашки. Болѣе всего прославился онъ необычайнымъ, постояннымъ счастіемъ. Замѣчено, что счастіе рождаетъ умъ или, по крайней мѣрѣ, умножаетъ его въ тѣхъ, въ комъ онъ есть. Въ Милорадовичѣ до конца его жизни такого приращенія не было видно. И отъ недальновидности, отъ безграмотности сего вѣчнаго хвастуна сколько людей пострадало!

Коль скоро доложили ему обо мнѣ, онъ тотчасъ велѣлъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ: такъ называлось нѣсколько комнатъ верхняго этажа въ нанимаемомъ для него домѣ на Невскомъ Проспектѣ, наполненныхъ разными предметами роскоши безъ большаго порядка и

Библиотека "Руниверс"

вкуса. Онъ закидалъ меня словами, отъ другаго весьма бы лестными для моего самолюбія. Когда я сказалъ ему, что, за неимѣніемъ аттестата, производство должно встрѣтить неодолимое препятствіе, онъ отвѣчалъ мнѣ, что никакихъ препятствій быть не можетъ, когда дѣло идетъ о столь извѣстномъ человѣкѣ какъ я (я-то тогда извѣстенъ!), представленномъ столь необыкновеннымъ человѣкомъ, каковъ мой генералъ. Я тотчасъ увидѣлъ, что изъ этого ничего не выйдетъ кромѣ вздору и вспомнилъ Русскую пословицу: «изъ пустой хоромины или сычъ, или сова, или пустыя слова».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ этомъ случаѣ покорный Бетанкуръ послушался совѣта немилостиваго ко мнѣ Ранда. Я не сдѣлалъ ему никакого вреда; а въ это время, если бы и хотѣлъ, то уже не могъ бы. Злоба его ко мнѣ была ничто иное, какъ инстинктивная ненависть, которую всѣ мошенники питаютъ ко всѣмъ честнымъ людямъ. И что́ же вышло изъ того? Милорадовичъ представилъ обо мнѣ министру внутреннихъ дѣлъ, а тотъ – въ Комитетъ Министровъ, а Комитетъ отложилъ это, какъ говорится, въ длинный ящикъ.

Почти всегда такъ случалось, что когда приготовлялись въ Европѣ важныя происшествія, а въ государствѣ нашемъ большія перемѣны, тоже самое послѣдовало и въ скромной участи моей. Четыре года, описанные мною въ сей части, были вездѣ довольно покойны и казались счастливыми послѣ послѣднихъ бурныхъ годовъ Наполеонова владычества. Для меня сіе четырехлѣтіе было дѣятельнѣйшею дотолѣ эпохой въ моей жизни: ихъ заключила жестокая неудача. Но роптать ли мнѣ на то? Сіе увидятъ въ слѣдующей части, если я буду продолжать сіи Записки. Въ этой же, главу сію, кратчайшую изо всѣхъ, написалъ я вмѣсто эпилога.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Стр.

I. Члены Французскаго посольства.—Французы у А. П. Хвостовой.—Графъ А. П. Толстой.—Баронъ А. Я. Будбергъ.—Графъ Н. П. Румянцовъ.—Богатства Кочубея.—Князь Алѣй Борисовичъ Куракинъ.—Графъ Аракчеевъ.—Грузино.—Князь Д. И. Лобановъ.. 3

II. Зять Алексѣевъ.—Г. Г. Пшеничный.—Война съ Швеціей..... 17

III. Прѣсненскіе пруды.—П. С. Валуевъ.—Поѣздка въ Пензу 1808.—Колокольцовы.—А. Д. Панчулидзевъ.—Козодавлевъ въ Саратовѣ и Пензѣ.—А. П. Римскій-Корсаковъ.—И. Н. Бѣлоклоковъ.—Чиновники-хлопотуны.—Н. П. Дубенскій.—Пиры въ честь Козодавлева.—На пути въ Саранскъ.—Кошкаровы..... 22

IV. Возвращеніе въ Петербургъ (1 Окт. 1808 г.).—Графъ Н. М. Каменскій.—Зять Алексѣевъ въ Финляндіи.—Князь М. П. Долгоруковъ.—Братъ Павелъ.—Кончина брата Николая..... 40

V. Король и королева Прусскіе въ Петербургѣ.—Русскія войска на льду Ботническаго залива.—Генералъ Кнорингъ.—Ансельмъ-де-Жиборн.—Графъ П. А. Шуваловъ..... 47

VI. Обѣды у богатыхъ откупщиковъ.—А. Ѳ. Крыжановскій.—Разрывъ съ Австріей (1809).—А. М. Салтыковъ.—Подвиги Алексѣева.—Присоединеніе Финляндіи.—Замыслы Сперанскаго.—Поѣздка Александра въ Тверь и Москву.—Е. В. Карнѣевъ..... 55

VII. Государственный Совѣтъ.—Барклай-де-Толли.—И. И. Дмитріевъ.—Графъ А. К. Разумовскій.—Д. А. Гурьевъ.—1810. Турецкая война.—Князь Багратіонъ.—Д. Н. Блудовъ..... 78

VIII. Императрица-мать на пути въ Тверь.—Пензенскій губернаторъ Крыжановскій..... 91

IX. Ассигнаціонный банкъ.—Опочининъ.—А. И. Рибопьеръ.—Графъ Н. М. Каменскій.—Преобразованія Сперанскаго.—А. Д. Балашовъ.—Б. Б. Кампенгаузенъ.—Князь А. Н. Голицынъ..... 99

X. Актриса Жоржъ.—И. А. Крыловъ.—Князь А. А. Шаховской.—В. А. Озеровъ.—Русская словесность.—Русскіе журналы.—Петербургскіе словесники.—Бесѣда Любителей Россійскаго Слова.—Общество Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ..... 119

XI. Пожаръ Большаго театра. 1811.—А. У. Болотниковъ.—А. Д. Копіевъ.—Поѣздка въ Финляндію..... 155

XII. Турецкая война 1811.—П. К. Лебедевъ.—Тяжба съ Тютчевымъ. 169

XIII. Казанскій соборъ.—Царскосельскій Лицей.—Обособленіе Финляндіи.—Петербургъ въ началѣ 1812 года..... 177

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Кончина отца.—Обуза хозяйства..... 1

II. Князь Г. С. Голицынъ.—Русская знать..... 7

Библиотека "Руниверс"

III. Причины опалы Сперанскаго.—Графъ И. В. Гудовичъ.—Графъ Ростопчинъ.—П. В. Чичаговъ..... 33
IV. Наборъ ратниковъ.—Ссыльные въ Пензѣ.—Графъ Н. С. Мордвиновъ.—Комитетъ по ополченію.—Ссыльняне въ Пензѣ..... 41
V. Простонародье въ 1812 году.—Спасающіеся Москвичи.—Пензенское гостепріимство.—Пенза въ 1812 году..... 59
VI. Уходъ Французовъ изъ Россіи.—Балъ у князя Г. С. Голицына.—Основаніе „Сына Отечества“. — Березина. — Библейское Общество.—Князь Кутузовъ. 72
VII. Новый наборъ ополченцевъ.—Представитель купечества.—Ссоры по новому ополченію.—1813 годъ..... 87
VIII. Генералъ Алексѣевъ.—Посѣщеніе Зубриловки.—Грозная княгиня.—Младшіе князья Голицыны.—Любовь..... 102
IX. Празднованіе взятія Парижа.—Пензенская депутація къ Царю.—Москва послѣ Французовъ.—Князь и княгиня Вяземскіе..... 113
X. Петербургъ въ 1814 году. — Возвращеніе гвардіи. — Молчановъ.—Аракчеевъ.—Наша Пасха въ Парижѣ..... 127
XI. Е. Ѳ. Муравьева.—Декабристъ Н. М. Муравьевъ.—Д. В. Дашковъ.—К. Н. Батюшковъ.—Гнѣдичъ.—Оленины..... 135
XII. Бѣгство Наполеона съ Эльбы.—Занятіе Франціи..... 149
XIII. Русскій театръ.—Возникновеніе „Арзамаса“.—Служба въ Министерствѣ Финансовъ..... 164
XIV. Возвращеніе Государя въ Россію.—Князь П. М. Волконскій.—Персидскій посолъ..... 178

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I. Людовикъ XVIII-й.—Заблужденія Александра Павловича..... 3
II. 1816-й годъ.—Бетанкуръ.—Институтъ Путей Сообщенія.—Сенноверъ.—Базенъ..... 11
III. Архитекторы.—Монферранъ.—Исакіевскій соборъ..... 24
IV. Князь Тюфякинъ.—Князь А. А. Шаховской.—Засѣданія „Арзамаса“.—М. Ѳ. Орловъ и Д. Н. Блудовъ.—Масонство..... 33
V. Военныя поселенія.—Графъ Каподистрія.—А. П. Ермоловъ..... 57
VI. Пріѣздъ Александры Ѳеодоровны.—Поѣздка за границу..... 69
VII. Путешествіе за границу..... 73
VIII. Парижъ..... 106
IX. Поѣздка въ Мобёжъ.—Графъ М. С. Воронцовъ.—Возвращеніе въ Россію..... 137
X. Графъ М. А. Милорадовичъ.—Поѣздка Бетанкура въ Нижній.... 153
XI. Плаваніе на пароходѣ и путешествіе въ Нижній..... 161
XII. Сперанскій въ Пензѣ. Ѳ. П. Лубяновскій..... 173
XIII. Въ Нижнемъ..... 178
XIV. Болѣзнь.—Близость смерти.—Возвращеніе въ Петербургъ..... 190
XV. Кончина Козодавлева и Вязмитинова.—Перемѣна по службѣ.... 198

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ

ФИЛИПА ФИЛИППОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

I.

Къ началу 1820 года вновь созрѣли плоды, посѣянные еще въ пятнадцатомъ столѣтіи, сперва богословами, потомъ философами. Отъ вѣка до вѣка жатва ихъ дѣлается обильнѣе. Во всѣ времена бывали возстанія противъ злоупотребленій власти первосвященниковъ и царей; но съ этой поры люди, внимая гласу возмутителей, стали ополчаться для совершеннаго истребленія этой власти. Въ шестнадцатомъ столѣтіи пол-Германіи и весь Сѣверъ Европы отвергли постановленія Вселенскихъ Соборовъ; въ семнадцатомъ Англія первая подала примѣръ законнаго или скорѣе судебнаго цареубійства; въ восемнадцатомъ Франція послѣдовала сему примѣру. Освободясь отъ опеки и вступая такимъ образомъ въ совершеннолѣтіе, человѣческій умъ сталъ дѣйствительно преуспѣвать и расширяться. Онъ все вопросилъ, все подвергнулъ разсмотрѣнію, изслѣдованію: и догматы вѣры, и права, освященныя временемъ. Свѣтъ наукъ сталъ быстрѣе распространяться; но по мѣрѣ, какъ новыя изобрѣтенія съ каждымъ днемъ создавали для человѣка новыя удобства, новыя наслажденія въ жизни, законы нравственности все болѣе теряли свою силу. Все для ума, все для тѣла; ничего для души, которой и въ существованіи скоро стали отказывать. Не вдругъ, но, наконецъ, таже участь постигла художества и поэзію. Во дни молодости своей, Европа безъ числа производила геніальныя творенія рѣзца, кисти и пера. Въ эти только дни могла породить она Тасса, Рафаэля и Микель-Анджело, и всѣ эти блестящія фаланги, которыя подъ названіемъ школъ украшали собою между прочимъ Гишпанію и Фландрію. Источникъ всего прекраснаго сталъ, наконецъ, изсякать, воображеніе юныхъ народовъ гасло и уступало мѣсто мрачнымъ и преступнымъ думамъ зрѣлаго возраста. Итакъ, въ Германіи произошла религіозная революція, которая направляла человѣчество къ политической; сія послѣдняя совершилась во Франціи; согласно съ духомъ сего народа началась она шутками и кончилась ужасами. Кажется, непремѣнно насъ поведетъ она къ общественной или соціальной, то есть къ ниспроверженію цѣлаго общественнаго зданія. Тогда-то человѣчество уподобитъ себя божеству, сокрушая то что̀ создавало.

Библиотека "Руниверс"

Молодость, конечно, не есть эпоха чистоты нравовъ, строгаго цѣломудрія. Посмотрите на этого юношу: веселость его невоздержна, иногда даже неблагопристойна; но испорчено ли его сердце? Оно способно слѣдовать всѣмъ благороднымъ побужденіямъ, для дружбы, для любви готово на всякія пожертвованія. Таковою помню я еще мою любезную Россію [1]). Взгляните потомъ на инаго старика: онъ горитъ еще честолюбіемъ и алчностью къ золоту; ко всему другому онъ охолодѣлъ; онъ также развратенъ, только втайнѣ. Подъ личиной мудрой опытности онъ даже улыбается безпорядкамъ, пороку, если ожидаетъ отъ нихъ пользу. Въ немъ есть уже нѣчто демонское; онъ даже любитъ зло для зла. Италія, впрочемъ вѣчно-юная, болѣе ли была преступна, когда восхищалась Аретиномъ и Боккаціо, нежели тогда, какъ гордилась Макіавелемъ?

Въ самомъ началѣ столѣтія казалось, что всесокрушительный духъ обузданъ, остановленъ. Родился человѣкъ, который долженъ былъ подавить безначаліе, возсоздать устройство. Но онъ самъ возникъ изъ этого безначалія, и многія изъ его дѣйствій носили на себѣ печать сего пагубнаго происхожденія. На высотѣ могущества онъ впадалъ въ заблужденія: помазанникъ Божій, желавшій въ потомствѣ своемъ утвердить наслѣдственное право, вѣнценосецъ, онъ рвалъ вѣнцы съ государей, чтобы возложить ихъ на своихъ родственниковъ и сподвижниковъ, не помышляя, что тѣмъ истребляется вся моральная сила царскаго достоинства. На несокрушимомъ дотолѣ мечѣ своемъ основывалъ онъ собственную; но не выпалъ ли бы онъ изъ рукъ его преемниковъ? [2])

Когда онъ былъ побѣжденъ, низверженъ, цари и народы возрадовались, въ немъ одномъ видя корень зла, причину всѣхъ бѣдствій и потрясеній въ мірѣ. Они забыли о революціи, объ оставшейся послѣ него осиротѣвшей матери, которая хотя болѣе другихъ возставала на него, но не могла не питать къ нему нѣжности и для которой остался онъ послѣднимъ упованіемъ, при возвращеніи отчасти прежняго порядка. Они сдѣлали болѣе: увѣренные въ ея ненависти къ нему, они призвали на помощь сію страшную союзницу. Не прошло года, какъ, возвратясь съ своего острова, онъ прямо бросился къ ней въ объятія. Кажется, это должно бы было открыть, наконецъ, глаза Александру. По низложеніи великолѣпнаго ея представителя, славою покрытаго ея произведенія, ему бы надлежало вслѣдъ за тѣмъ устремить на нее всѣ силы Европейскія, которыя тогда двигались по манію руки его, не

---

[1]) Ея добросовѣстный, ребяческій развратъ, сказалъ Лермонтовъ.

[2]) Тогда во Франціи часто повторялся стихъ Вольтера: «Первый кто попалъ въ короли, былъ счастливый солдатъ».

Библиотека "Руниверс"

покидать Франціи, не полагать оружія до истребленія или по крайней мѣрѣ до совершеннаго ослабленія ея. Конечно, Англія и Людовикъ XVIII-й воспротивились бы тому; особенно послѣднему непріятно бы было видѣть, что у него хозяничаютъ безъ его участія; но втайнѣ онъ обрадовался бы тому, ибо главная отвѣтственность спала бы съ него. Императоръ Австрійскій того только и желалъ; а король Прусскій не имѣлъ другой воли, какъ воля Александра; къ нимъ охотно пристали бы другіе Германскіе владѣтели.

Только надлежало дѣйствовать чистосердечно, откровенно, дѣйствовать ужасомъ, то есть оружіемъ самой же революціи. Кто теперь знаетъ Французовъ, тому извѣстно, что такія только средства бываютъ съ ними дѣйствительны. Это очень знала лукавая Итальянка, Катерина Медицисъ, которая, что̀ бы ни говорили, Варѳоломеевой ночью побѣдила Гугенотизмъ. Также хорошо это знали кардиналъ Ришильё, Людовикъ XIV-й, Робеспіеръ и Бонапарте. Надобно было не пугаться прозванія тирана (симъ именемъ называли и Наполеона; а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти даже пострадавшіе отъ него ставили ему статуи). Но какъ было на то рѣшиться? Какъ вдругъ измѣнить постоянно исповѣдуемымъ правиламъ? Какъ, побѣдивъ именемъ свободы, идти противъ нея? Да также какъ сдѣлалъ то Наполеонъ. Воспитанные, такъ сказать, въ школѣ Англиканскихъ учрежденій, Людовикъ XVIII-й и Александръ все мечтали о возможности соединить величіе царское съ народною свободою.

Вмѣсто того, чтобы сколько-нибудь усмириться, чувствовать себя униженной, революція имѣла всѣ причины гордиться происшествіями послѣднихъ лѣтъ. Ее ласкали царственные враги ея; она почитала себя побѣдительницей Наполеона, три мѣсяца потомъ была подпорой его; онъ палъ опять, а она устояла въ цѣлости. Присутствіемъ союзной арміи въ настоящемъ дѣйствія ея были сколько нибудь стѣснены; но въ будущемъ все обѣщало ей новые успѣхи. И какъ была она многолюдна! Названіе Якобинца сдѣлалось постыднымъ, всякій обижался имъ; но чада терроризма, вѣрныя воспоминанію Кутона, Колло-Дербоа, Сенъ-Жюста, были разсѣяны по всей Франціи и, притаившись въ малыхъ кругахъ своихъ, извиняли и даже восхваляли кровавыя ихъ дѣла. Республиканцы, поклонники памяти Жирондистовъ, были безчисленны. Они совсѣмъ не были чужды правиламъ чести и справедливости, высоко поднимали голову и ни предъ кѣмъ не скрывали своихъ мнѣній. Бонапартисты болѣе чѣмъ кто ненавидѣли Бурбоновъ и, недавно еще орудія деспотизма, болѣе всѣхъ твердили о вольности. У всѣхъ различны были желанія, цѣли различны; но знамя одно. Даже изъ роялистовъ по крайней мѣрѣ двѣ трети, уподобляясь королю,

Библиотека "Руниверс"

показывали любовь къ конституціи и отвращеніе отъ дореволюціоннаго порядка. Тѣже, кои вѣчно взывали къ нему, ультра-роялисты или легитимисты, какъ ихъ начинали называть, сами свои древнія правила должны были увивать либеральными фразами.

Едва успѣли выступить союзныя войска, какъ нетерпѣливые Французы стали менѣе скрывать свои желанія, отъ словъ стали переходить къ дѣйствіямъ, наполнять камеру депутатовъ смѣлѣйшими, искуснѣйшими либеральными ораторами, избирать Бенжамена-Констана, Манюэля, Фуа и, наконецъ, цареубійцу аббата Грегуара, какъ бы въ явное оскорбленіе королю. Что дѣлать! Видно Провидѣнію угодно, чтобы волканическое жерло Франціи по временамъ извергало лаву, можетъ-быть, для того, чтобы, подобно лавѣ Везувія, остывъ, она оплодотворяла почву, ею опаленную. Все возвѣщало новыя неустройства, новыя несчастія.

И гдѣ же показалось первое зарево новаго пожара? Въ странѣ вѣрноподданичества, среди народа, который шесть лѣтъ сражался съ сильнѣйшимъ врагомъ, ничего не щадилъ, всѣмъ жертвовалъ, чтобы избавить отъ плѣна законнаго короля своего. Въ самый день новаго 1820 года, 1 Генваря новаго стиля, вспыхнуло возмущеніе въ Кадиксѣ и вскорѣ распространилось по всей Гишпаніи. Къ удивленію цѣлаго міра встрѣтились въ этой странѣ конституція съ инквизиціей, демократическія постановленія съ Грандессой и либерализмъ съ іезуитами; первые, разумѣется, изгнали послѣднихъ. Но какъ могла совершиться такая быстрая, неимовѣрная перемѣна въ повѣріяхъ и навыкахъ народа совсѣмъ нелегкомысленнаго? Во время продолжительнаго союза съ Франціей, Гишпанцы если не приняли еще республиканскихъ идей, то ознакомились уже съ ними. Когда же ихъ народному самолюбію нанесена была жесточайшая обида; когда чужеземный владыка, безъ ихъ вѣдома, даже безъ права завоеванія, сталъ располагать ихъ престоломъ, они вступились болѣе за честь свою, чѣмъ за отсутствующаго короля. Шесть лѣтъ потомъ, не видя его посреди себя, начали они отвыкать отъ его власти. Кортесы управляли ими, а великодушная Великобританія, великая ихъ помощница, предписывала законы свои на всемъ полуостровѣ и, внушая имъ свободомысліе, потрясала въ нихъ и самую вѣру.

Непонятно, какъ такъ долго безчеловѣчная политическая система Англіи оставалась неразгаданной? Она одна безнаказанно, безопасно умѣетъ пользоваться свободой, народу своему всегда мастерски выставляя ея призракъ. Правительство всегда умѣетъ обуздывать его безразсудные порывы, опираясь на древнія учрежденія свои, какъ на столпы Готическихъ своихъ храмовъ и карая его силою законовъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торые успѣло въ глазахъ его сдѣлать оно священными. Англія ничто иное, какъ торговый домъ въ самомъ гигантскомъ размѣрѣ; Англія и компанія, то есть правительство и камеры; они связаны общими огромными выгодами; все спорятъ, иногда ссорятся, но до разрыва никогда дойти не могутъ. И вся эта меркантильность покрыта блескомъ коропы, роскошью и славою знаменитыхъ именъ. Ничего столь чудовищно-чудеснаго, ничего подобнаго Англіи въ мірѣ не бывало, и смѣло можно сказать—никогда не будетъ. А она примѣромъ своимъ ищетъ ослѣпить другіе народы, зная, что мятежи сокрушатъ у нихъ государственныя силы, убьютъ промышленность и такимъ образомъ предадутъ ихъ въ ея руки.

Съ одной только Франціей у нея вѣковая наслѣдственная вражда. Но стала ли бы она такъ ополчаться на ея революцію, еслибы безумные, отъ крови опьянѣвшіе демагоги, Французскіе правители, сами не полѣзли на драку? Правда, когда получено извѣстіе о паденіи личнаго врага ея, Людовика XVI-го, посланнику Шовелену воспрещенъ былъ пріѣздъ ко двору; но это была одна только благопристойность. Къ тому же, война съ Франціей, на которую вооружала она всю Европу, представляла ей тысячу выгодъ. Истребляя или захватывая всѣ слабые ея флоты, она уничтожала всякое соперничество на морѣ и облегчала тѣмъ себѣ завоеванія ея колоній и острововъ. Съ Наполеономъ, возстановителемъ порядка, лишившимъ ее торговли цѣлой Европы, еще менѣе могла она мириться. Во время же борьбы съ нимъ должна была она казаться защитницей монархическихъ правъ.

Только въ Гишпанскихъ дѣлахъ обнаружилась вся ея недобросовѣстность. Ей пріятно было видѣть, какъ сердца Гишпанцевъ остыли къ поддержанному ею до конца союзнику Фердинанду VII-му, когда возвратился онъ изъ плѣна. Онъ былъ упрямъ, сердитъ, слабъ умомъ, къ сожалѣнію слабъ и характеромъ тамъ, гдѣ необходимо было показать твердость. Онъ защищалъ права свои, кои почиталъ священными, и былъ строгъ въ наказаніяхъ съ тѣми, кои возставали противъ нихъ. Англинскіе журналы сдѣлали изъ него величайшаго злодѣя. Правленіе короля Французскаго было постоянной критикой правленія Гишпанскаго короля, и столица, гдѣ царствовала старшая линія Бурбоновъ, была вѣрнымъ убѣжищемъ для спасшихся бѣгствомъ враговъ младшей оттуда могли они смѣло и свободно составлять противъ нея заговоры. Какъ ни кричали тогда, участь Фердинанда мнѣ всегда казалась достойною сожалѣнія.

Любопытно было видѣть, какъ Англія въ это время постановила правиломъ невмѣшательство въ дѣла чужихъ народовъ, она, которая такъ недавно назначала своего Веллингтона тюремщикомъ Франціи, и

Библиотека "Руниверс"

онъ три года сохранялъ сію должность. Это значило, что всякое государство имѣетъ право тайно возбуждать народы противъ правительства ему непріязненнаго, но ни одно не должно осмѣлиться усмирять первыхъ; однимъ словомъ, это значило, что государи, въ случаѣ возстанія подданныхъ, лишаются всякой надежды на помощь сосѣдей. Извѣстіе о происшествіи въ Кадиксѣ принято было въ Лондонѣ правительствомъ, какъ всѣ послѣдующія затѣмъ извѣстія о возмущеніяхъ, съ притворно-равнодушнымъ одобреніемъ. Общество же, журнализмъ и всѣ состоянія привѣтствовали его съ непритворно-радостными похвалами. Сколь счастливыми должны были почитать себя Гишпанцы, имѣя столь добрыхъ союзниковъ! Но вскорѣ потомъ отечество ихъ лишилось лучшаго достоянія своего—всѣхъ заокеанскихъ владѣній: Перу, Хили, Мексика отторгнулись отъ нихъ и составили изъ себя новыя республики. Англія первая признала ихъ независимость и поспѣшила войти съ ними въ дипломатическія и торговыя сношенія. Такое безстыдство изумило бы и въ частномъ человѣкѣ, хотя бы онъ былъ признанъ отъявленнымъ мошенникомъ.

Не знаю, до какой степени Гишпанская революція огорчила Людовика XVIII-го; только вѣроятно любимый министръ его, либералъ Деказъ, старался въ глазахъ его уменьшить ея важность. Но не прошло шести недѣль послѣ ея взрыва, какъ убіеніе племянника его, герцога Беррійскаго, открыло ему весь ужасъ истины. Старикъ показалъ нѣкоторую энергію, и рѣшительныя мѣры, имъ принятыя, не допустили тогда профессоровъ революціи, Французовъ, послѣдовать примѣру учениковъ своихъ Гишпанцевъ.

На насъ мятежъ, въ странѣ отъ насъ столь отдаленной, первоначально не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія. Исключая одного человѣка, и при дворѣ немногіе имъ занялись. Скоро увидѣли, что дѣло идетъ не на шутку: на всемъ протяженіи Европы послышался какой-то гулъ; вездѣ какъ бы глухіе отклики на страшный призывъ. Какъ во время пожара сильнымъ вихремъ далеко иногда заносятся воспламененные отломки и зажигаютъ зданія, повидимому внѣ опасности находившіяся: такъ и тогда, внезапно тамъ и самъ показывалось пламя мятежа. Вспыхнули Португалія, Неаполь, Сардинія, а въ слѣдующемъ году и Греція. Еще скорѣе сіе пагубное дѣйствіе можно было сравнить съ электрическимъ проводникомъ, который въ минуту пожираетъ великое пространство; ибо порывы бури, возникшей на берегахъ Таго, къ концу года (хотя весьма слабо) отозвались и на берегу Невы.

Молодая Германія, новое поколѣніе, возросшее среди униженія своего отечества, воспитанное въ университетахъ, вскормленное ненавистью къ насиліямъ Наполеона, возгордившееся своимъ освобожденіе-

Библиотека "Руниверс"

емъ, себѣ одному его приписывая, и жаждущее совершенной свободы, ему обѣщанной, смотрѣло съ радостію на происшествія сего года, не рѣшаясь однакоже принять въ нихъ большаго участія. Нѣмцы не то что Французы: глупостямъ, которыя они дѣлаютъ, всегда должны предшествовать продолжительныя и глубокія размышленія.

Но что долженъ былъ восчувствовать императоръ Александръ, увидѣвъ, что основанное имъ такъ непрочно? Священный союзъ, для блага народовъ имъ поставленный, спѣшили они съ бѣшенымъ усиліемъ разорвать. У великихъ душъ всегда и высокая цѣль; общему благу часто жертвуютъ они самолюбіемъ, и когда увидятъ ошибки свои, спѣшатъ ихъ поправить. Одни слабые умы хотятъ, чтобы ихъ почитали непогрѣшимыми. Совершенную перемѣну въ образѣ мыслей Государя своего увидѣли Русскіе изъ его дѣйствій. Къ сожалѣнію, первое, которое обнаружило то, можно было почитать несправедливостію.

Три года прошло, какъ семнадцатилѣтній Александръ Пушкинъ былъ выпущенъ изъ Лицея и числился въ Иностранной Коллегіи, не занимаясь службой. Сіе кипучее существо, въ самые кипучіе годы жизни, можно сказать, окунулось въ ея наслажденія. Кому было остановить, остеречь его? Слабому ли отцу его, который и умѣлъ только что восхищаться имъ? Молодымъ ли пріятелямъ, по большой части военнымъ, упоеннымъ прелестями его ума и воображенія и которые, въ свою очередь, старались упоевать его ѳиміамомъ похвалъ и Шампанскимъ виномъ? Театральнымъ ли богинямъ, съ коими проводилъ онъ большую часть своего времени? Его спасали отъ заблужденій и бѣдъ собственный сильный разсудокъ, безпрестанно въ немъ пробуждающійся, чувство чести, которымъ весь былъ онъ полонъ, и частыя посѣщенія дома Карамзина, въ то время столь же привлекательнаго, какъ и благочестиваго.

Онъ былъ уже славный мужъ по зрѣлости своего таланта и вмѣстѣ милый, остроумный мальчикъ не столько по лѣтамъ, какъ по образу жизни и поступкамъ своимъ. Онъ умѣлъ быть совершенно молодъ въ молодости, то есть постоянно веселъ и безпеченъ: наука, которая нынѣ съ каждымъ годомъ болѣе забывается. Молодежь, охотно повторяя затверженныя либеральныя фразы, ничего не понимала въ политикѣ, даже самые корифеи, изъ которыхъ я иныхъ зналъ; а онъ, если можно, еще менѣе, чѣмъ кто. Какъ истый поэтъ, на веснѣ дней своихъ, подобно соловью, онъ только что любилъ и пѣлъ. Какъ опытъ, написалъ онъ уже чудесную свою поэму, *Русланъ и Людмила*, а между тѣмъ какъ цвѣтами безпрестанно посыпалъ первоначальное свое поэтическое поприще прелестными мелкими стихотвореніями.

Библиотека "Руниверс"

Изъ людей, которые были его старѣе, всего чаще посѣщалъ Пушкинъ братьевъ Тургеневыхъ; они жили на Фонтанкѣ, прямо противъ Михайловскаго зàмка, что̀ нынѣ Инженерный, и къ нимъ, то есть къ меньшому Николаю, собирались не рѣдко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то изъ нихъ, смотря въ открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный, дворецъ, шутя предложилъ Пушкину написать на него стихи. Онъ по матери происходилъ отъ Арапа генерала Ганнибала и гибкостію членовъ, быстротой тѣлодвиженій, нѣсколько походилъ на Негровъ и на человѣкоподобныхъ жителей Африки. Съ этимъ проворствомъ вдругъ вскочилъ онъ на большой и длинный столъ, стоявшій передъ окномъ, растянулся на немъ, схватилъ перо и бумагу и со смѣхомъ принялся писать. Стихи были хороши, не превосходны; слегка похваливъ свободу, доказывалъ онъ, что будто она одна правителей народныхъ можетъ спасать отъ ножа убійцы; потомъ съ омерзеніемъ и ужасомъ говорилъ въ нихъ о совершившихъ злодѣяніяхъ въ зàмкѣ, который имѣлъ передъ глазами. Окончивъ, показалъ стихи и не знаю, почему назвали ихъ «Одой на Свободу». Объ этомъ экспромтѣ скоро забыли, и сомнѣваюсь, чтобы онъ много ходилъ по рукамъ. Ничего другаго въ либеральномъ духѣ Пушкинъ не писалъ еще тогда.

Замѣтя въ Государѣ наклонность карать то, что̀ онъ недавно поощрялъ, графъ Милорадовичъ, Русскій Баярдъ, чтобы болѣе пріобрѣсти его довѣренность, самъ собою и изъ самого себя, сочинилъ нѣчто въ видѣ министра тайной полиціи. Сія часть, съ упраздненіемъ министерства сего имени, перешла въ руки графа Кочубея, который для нея, можно сказать, не былъ ни рожденъ, ни воспитанъ и который неохотно ею занимался. Для нея былъ нуженъ человѣкъ государственный, хотя бы не весьма совѣстливый, какъ у Наполеона Фуше, который бы понапрасну не прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ и старался болѣе давать направленіе общему мнѣнію. Отнюдь не должно было поручать ее невѣжественнымъ и пустоголовымъ вѣтреникамъ, коихъ усердіе скорѣе вредило, чѣмъ было полезно ихъ государямъ, каковыми были напримѣръ Милорадовичъ и другой, котораго здѣсь еще не время называть.

Кто-то изъ употребляемыхъ Милорадовичемъ, чтобы подслужиться ему, донесъ, что есть въ рукописи ужасное Якобинское сочиненіе подъ названіемъ Свобода недавно прославившагося поэта Пушкина и что онъ съ великимъ трудомъ могъ достать его. Сіе послѣднее могло быть справедливо, ибо ни авторъ, ни пріятели его не имѣли намѣренія его распускать. Милорадовичъ, не прочитавъ даже рукописи, поспѣшилъ доложить о томъ Государю, который приказалъ ему, призвавъ виновнаго, допросить его. Пушкинъ разсказалъ ему все дѣло съ величайшимъ

Библиотека "Руниверс"

чистосердечіемъ; не знаю, какъ представилъ онъ его Императору, только Пушкина велѣно.... сослать въ Сибирь. Трудно было заставить Александра отмѣнить приговоръ; къ счастію, два мужа твердыхъ, благородныхъ, имъ уважаемыхъ, Каподистрія и Карамзинъ, дерзнули доказать ему всю жестокость наказанія и умолить о смягченіи его. Нашъ поэтъ причисленъ къ канцеляріи попечителя колоній Южнаго края генерала Инзова и отправленъ къ нему въ Екатеринославъ, не столько подъ начальство, какъ подъ стражу. Это было въ Маѣ мѣсяцѣ.

Когда Петербургъ былъ полонъ людей, велегласно проповѣдующихъ правила, которыя прямо вели къ истребленію монархической власти, когда ни одинъ изъ нихъ не былъ потревоженъ: надобно же было, чтобы пострадалъ юноша, чуждый ихъ затѣямъ, какъ послѣдствія показали. Дотолѣ никто за политическія мнѣнія не былъ преслѣдуемъ, и Пушкинъ былъ первымъ, можно сказать, единственнымъ тогда мученикомъ за вѣру, которой даже не исповѣдывалъ. Онъ былъ въ отношеніи къ свободѣ тоже, что̀ иные христіане къ религіи своей, которые не оспариваютъ ея истинъ, но до того къ ней равнодушны, что зѣваютъ при одномъ ея имени. И внезапно, ни за что̀, ни про что̀, въ самой первой молодости, оторвать человѣка ото всѣхъ пріятностей образованнаго общества, отъ столичныхъ увеселеній юношества, чтобы погрузить его въ скуку Новороссійскихъ степей! Мнѣ кажется, у меня сердце облилось бы желчью и навсегда въ ней потонуло. Еслибы Пушкинъ былъ постарѣе, его могла бы утѣшить мысль, что ссылка его, сдѣлавшись большимъ происшествіемъ, объявленіемъ войны вольнодумству, придастъ ему новую знаменитость, какъ и случилось.

Если императоръ Александръ имѣлъ намѣреніе поразить ужасомъ вольнодумцевъ, за бездѣлицу не пощадивъ любимца друзей Русской литературы, то цѣль его была достигнута. Куда дѣвался либерализмъ? Онъ исчезъ, какъ будто ушелъ въ землю; все умолкло. Но тогда-то именно и началъ онъ дѣлаться опасенъ. Люди, которые какъ попугаи твердили ему похвалы, скоро забыли о немъ, какъ о брошенной модѣ. Небольшое же число убѣжденныхъ или злонамѣренныхъ нашли, что пришло время отъ словъ перейдти къ дѣйствіямъ и подъ спудомъ начали распространять его. И тогда начали составляться тайныя общества, коихъ только пять лѣтъ спустя открылось существованіе.

Вольнолюбивые мнимые друзья Пушкина даже возрадовались его несчастію; они полагали, что досада обратитъ его, наконецъ, въ сильное и ихъ намѣреніямъ полезное орудіе Какъ они ошибались! Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ не читали Русскаго, гдѣ едва тогда знали Пушкина, безъ всякаго разбора его обвиняли, какъ развратника, какъ возмутителя. Гру-

Библиотека "Руниверс"

стили немногіе, молча преданные правительству и знавшіе цѣну не одному таланту изгнанника, но и сердцу его. Они за него опасались; они думали, что отчаяніе можетъ довести его до какихъ нибудь безразсудныхъ поступковъ или до неблагородныхъ привычекъ и что вдали отъ насъ угаснетъ сей яркій лучъ нашей литературной славы. Къ счастію, и они ошиблись.

О дѣлахъ политики говорю я всегда по необходимости и тогда только, когда они находятся въ связи съ внутренними дѣлами нашего государства. Внутри его, даже во дни Наполеона, мало или совсѣмъ почти о нихъ не думали; въ одномъ только Петербургѣ безпрестанно занимались ею, то есть политикой, или лучше сказать имъ, то ест Наполеономъ: другой тогда быть не могло. Смотря по сомнительнымъ или рѣшительнымъ успѣхамъ его, говорили то со страхомъ, то съ надеждой, то съ унынiемъ. Послѣ паденія его, въ провинціяхъ, да я думаю даже и въ Москвѣ, заграничное стали забывать, полагая, что тамъ все покойно и, получая и политическіе журналы, внимательны были къ одному модному. Тоже самое вѣроятно было бы и въ Петербургѣ, еслибы не вошло въ обычай въ образованномъ свѣтѣ хоть что-нибудь да сказать о конституціяхъ, дабы казаться свѣдущимъ. Нѣкоторая часть, и самая малая, новаго возмужавшаго поколѣнія толковала все о теоріи представительныхъ правленій. Не имѣя никакихъ основательныхъ познаній, эти господа (исключая развѣ одного Николая Тургенева) совсѣмъ не понимали этого предмета и сами не знали, чего хотятъ. Во всемъ этомъ было чрезвычайно много дѣтскаго *).

Такъ засталъ насъ 1820-й годъ. Такъ какъ онъ богатъ былъ происшествіями, а служба моя обильна досугами, то вниманіе мое вновь устремилось на Европу. Нѣтъ ничего ни веселаго, ни пріятнаго въ этихъ воспоминаніяхъ; но дабы кончить разсказъ и не прерывать нить его, въ одной этой главѣ хочу помѣстить все примѣчательное изъ тогдашнихъ событій.

Александръ, какъ извѣстно, любилъ лично находиться на конгрессахъ. Тріумвираты Священнаго Союза согласились для того осенью съѣхаться въ Троппау. Но напередъ отправился Государь въ Варшаву для открытія сейма. Поляки (то есть магнаты-паны, ибо въ Польшѣ народъ всегда шелъ ни по чемъ), почуя распространяющійся въ Европѣ революціонный духъ, были внѣ себя. Засѣданія сейма дѣлались шумны, рѣчи дерзки до того, что, для обузданія ихъ, конституціонный король долженъ былъ призвать на помощь Русское самодержавіе свое. И какое

*) Жуковскій, слушая иногда сужденія сихъ господъ, говаривалъ имъ: „Послушайте, ребята; вѣдь вы ребята“.

Библиотека "Руниверс"

счастіе это было для Россіи! Не разъ доказывалъ я, сколь часто враги ея обращались въ орудія ея спасенія, успѣховъ или славы. Съ самаго начала Александръ не скрывалъ намѣренія отнять у Россіи силою ея оружія возвращенныя ею, отторгнутыя отъ нея западныя ея области (Подолію, Волынь, Минскъ и Литву) и усилить ими Польшу. Нетерпѣливое безуміе этихъ сорванцовъ на неопредѣленное время отдалило тогда исполненіе сего намѣренія, погубнаго для обѣихъ націй.

Съ какимъ стыдомъ, съ какимъ раскаяніемъ благонамѣренный Александръ долженъ былъ внутренно сознаться въ ошибкахъ своихъ! Онъ взялся врачевать человѣчество и увидѣлъ, сколь вредна метода лѣченія его. Впрочемъ не знаю, можно ли обвинять и Поляковъ. Что сдѣлали они? Пользовались дарованными имъ правами, смѣло выражали свои мысли. По большей части люди, даже опытные и пожилые, остаются вѣчно старыми дѣтьми. Зачѣмъ же ребятамъ давать сласти и требовать, чтобы они ихъ не ѣли? И можно ли съ народомъ обходиться, какъ съ любимой собакой: держать надъ ними лакомый кусокъ и твердить: tout beau? Въ Троппау новая печаль постигнула Государя; но дабы говорить объ ней, нужно объяснить прошедшее.

Любимымъ полкомъ Императора, коего при отцѣ еще былъ онъ шефомъ, Семеновскимъ полкомъ командовалъ генералъ-адъютантъ Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ, отлично храбрый офицеръ, но раздушенный франтикъ, который туалетомъ своимъ едва ли не болѣе занимался, чѣмъ службой. Офицеры любили его безъ памяти, и было за что. Въ обхожденіи съ ними былъ онъ дружественно вѣжливъ и нѣсколько менѣе взыскателенъ передъ фронтомъ, чѣмъ другіе полковые командиры. Дисциплина отъ того ни мало не страдала. При поведеніи совершенно неукоризненномъ, общество офицеровъ этого полка почитало себя образцовымъ для всей гвардіи. Оно составлено было изъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей, принадлежащимъ къ лучшимъ, извѣстнѣйшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Строго соблюдая законы чести, въ товарищѣ не потерпѣли бы они ни малѣйшаго пятна на ней. Сего мало: они не курили табаку, даже между собою не позволяли себѣ тѣхъ отвратительныхъ, непристойныхъ словъ, которыя сдѣлались принадлежностію военнаго языка. Если котораго изъ нихъ увидятъ въ Шустерклубѣ, на балахъ Крестовскаго острова или въ какомъ нибудь другомъ подозрительномъ мѣстѣ, изъ полку общимъ приговоромъ былъ онъ изринутъ. Они составляли изъ себя какой-то особый рыцарскій орденъ, и все это въ подражаніе вѣнчанному своему шефу. Они видѣли въ себѣ частицы его самого, мелкую его монету съ его изображеніемъ, и самое ихъ свободолюбіе проистекало изъ желанія ему сколько-нибудь уподобиться. Ихъ примѣръ подѣйствовалъ и на нижніе чины: и простые рядовые

Библиотека "Руниверс"

возъимѣли высокое мнѣніе о званіи тѣлохранителей государевыхъ. Семеновецъ въ обращеніи съ знакомыми между простонародья былъ нѣсколько надмененъ и всегда учтивъ. Съ такими людьми тѣлесныя наказанія скоро сдѣлались ненужны: изъявленіе неудовольствія, строгій взглядъ, сердитое слово были достаточными исправительными мѣрами. Все было облагорожено такъ, что, право, со стороны любо-дорого было смотрѣть.

Въ этомъ отборномъ полку примѣчательны были два брата Муравьевы. Отецъ ихъ Иванъ Матвѣевичъ, любезникъ и красавецъ временъ Екатерины, былъ двоюроднымъ братомъ не разъ упомянутому Михаилу Никитичу и по женѣ или по матери вмѣстѣ съ имѣніемъ принялъ фамильное имя предка ея, гетмана Даніила Апостола. Великая была въ немъ способность къ изученію языковъ: онъ прекрасно, безошибочно говорилъ на всѣхъ Европейскихъ и очень хорошо писалъ по-русски. Умный, но легкомысленный человѣкъ, онъ, кажется, убѣжденій, собственныхъ мыслей не имѣлъ. Такихъ людей, какъ онъ, нынѣ много, и ихъ можно назвать либеральствующими аристократами. Сперва занималъ онъ должность посланника въ Мадритѣ, а потомъ, чѣмъ-то недовольный, жилъ долго за-границей безъ службы и въ Парижѣ воспитывалъ двухъ старшихъ мальчиковъ своихъ.

Тамъ набрались они идей, которыя такъ благосклонно были принимаемы въ ихъ отечествѣ, когда они начали ему служить. Старшій, Матвѣй, казался угрюмъ и, вѣрно, любезность свою берегъ про пріятелей, ибо они одни его безъ мѣры восхваляли. Другой, Сергій, былъ гораздо живѣе, блистательнѣе, приманчивѣе. Оба были идолами полку своего. Воспитанные во Франціи, они могли если не основательнѣе, по крайней мѣрѣ толковитѣе говорить о предметѣ, о коемъ однополчане ихъ разсуждали, ничего о немъ не понимая, и отъ того были они оракулами ихъ. Муравьевы-Апостолы, равно какъ и другіе Семеновскіе офицеры, охотно посѣщали хорошее общество, гдѣ были отлично приняты. Понятія, которыя имѣли въ большомъ свѣтѣ о любезности молодыхъ людей, въ послѣднее время нѣсколько измѣнились. Быть неутомимымъ танцовщикомъ, въ разговорахъ съ дамами всегда находить что нибудь для нихъ пріятное, въ гостиныхъ при нихъ находиться неотлучно: все это перестало быть необходимостью. Требовалось болѣе ума, знаній; маленькое ораторство начинало заступать мѣсто комплиментовъ. Исполняя часть сихъ условій, Семеновскіе офицеры продолжали быть развязны, ловки, учтивы и не совсѣмъ чуждались танцевъ. И вотъ это-то было вовсе не по вкусу ихъ новаго бригаднаго начальника.

Библиотека "Руниверс"

Три послѣднія поколѣнія царствующаго дома, какъ всѣмъ извѣстно, имѣли.... какъ бы сказать, слабость, страсть или манію къ фронтовой службѣ. Можетъ быть, это самое дало Русскому войску всѣми признанное превосходство передъ другими Европейскими арміями. Я не берусь о томъ судить; только требуемая лишняя исправность совсѣмъ была не въ Русскомъ духѣ. Въ первые дѣятельные годы царствованія Александра, у него на все доставало времени; къ тому же, въ дѣлѣ устройства гвардіи и арміи имѣлъ онъ славнаго помощника, брата своего Константина Павловича. Когда же судьбою поставленъ былъ онъ на стражѣ, дабы блюсти спокойствіе Европы, и всѣ помышленія его были устремлены на сей предметъ, то уже невозможно было ему входить во всѣ подробности, мелочи обмундировки и маршировки; братъ же его Цесаревичъ переселился уже въ Варшаву. Но подросли и мужали меньшіе два брата его, изъ коихъ особенно младшій, Михаилъ Павловичъ, какъ будто для этого дѣла былъ рожденъ.

Всѣ старанія благочестивой, просвѣщенной матери, для Россіи вѣчно памятной императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая часть времени своего посвящала воспитанію младшихъ дѣтей своихъ, остались тщетны. Ничего ни письменнаго, ни печатнаго онъ съ малолѣтства не любилъ. Но при достаточномъ умѣ, съ живымъ воображеніемъ любилъ онъ играть въ слова и въ солдатики: каламбуры его извѣстны всей Россіи. Отъ гражданской службы имѣлъ совершенное отвращеніе, пренебрегалъ ею и полагалъ, что военный порядокъ достаточенъ для государственнаго управленія. Самое высокое понятіе имѣлъ онъ о военной іерархіи, такъ что званіе начальника полка, бригады, а кольми паче корпуса или арміи, гораздо болѣе льстило его самолюбію, чѣмъ великокняжескій санъ его. И онъ дивился, какъ сами министры съ гражданскимъ чиномъ не вытягивались передъ послѣднимъ генераломъ.

Онъ создалъ себѣ идеалъ совершенства строевой службы и не могъ понять, какъ всѣ подчиненные его не стремятся къ тому. Передъ фронтомъ былъ онъ безпощаденъ, а въ частной жизни былъ добросердеченъ, сострадателенъ, щедръ, особенно же къ жертвамъ своимъ, офицерамъ и солдатамъ.

Сдѣлавшись начальникомъ бригады, въ которой находился Семеновскій полкъ, онъ съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на щеголеватыя формы офицеровъ сего полка. По приглашеніямъ они ѣздили на всѣ большіе званые балы. Какъ можно заниматься удовольствіями свѣта людямъ, которыхъ единственнымъ помышленіемъ, жизнію ихъ, должны быть полковыя ученія, караулы, выправка солдать? По чрезвычайной молодости своей не позволялъ онъ еще себѣ быть слишкомъ строгимъ съ полкомъ, усыновленнымъ самимъ Государемъ, хотя и самъ

Библиотека "Руниверс"

онъ, особенно же по усердію его къ дѣламъ службы, былъ имъ любимъ, какъ сынъ родной.

Видя, какое дѣйствіе произвели на Александра Европейскія происшествія, онъ воспользовался тѣмъ, чтобы представить ему, сколь вреденъ всѣмъ извѣстный образъ мыслей будто бы цѣлаго полка, что̀ доказывалось будто бы пренебреженіемъ его къ фронту. Для исправленія его предложилъ онъ встрѣченнаго имъ во время путешествія по Россіи чудеснаго фронтовика, который, безпрестанно содержа Семеновцевъ въ трудѣ и потѣ, выбьетъ изъ нихъ дурь. Къ сожалѣнію, Государь согласился и, въ самый свѣтлый праздникъ, командира Екатеринославскаго гренадерскаго полка, полковника Шварца, назначилъ командиромъ Семеновскаго вмѣсто генерала Потемкина, которому оставлена была гвардейская дивизія.

Этотъ Шварцъ былъ изъ числа тѣхъ Нѣмцевъ низкаго состоянія, которые, родившись внутри Россіи, нѐ знаютъ даже природнаго языка своего. Съ черствыми чувствами Нѣмецкаго происхожденія своего соединялъ онъ всю грубость Русской солдатчины. Палка была всегда единственнымъ краснорѣчивѣйшимъ его аргументомъ. Не давая никакого отдыха, дѣлалъ онъ всякій день ученія и за малѣйшую ошибку осыпа̀лъ офицеровъ обидными словами, рядовыхъ—палочными ударами; все страдало нравственно и физически. Не говоря уже о Семеновскомъ полку, другіе смотрѣли на то съ ужасомъ и разсуждали между собою, что если такъ поступаютъ съ любимцами, какая же участь ихъ ожидаетъ?

Конечно, до 1812 года дворянство было недовольно Александромъ и роптало на него; но войско всегда равно оставалось ему преданнымъ; послѣ же взятія Парижа, никто безъ восторга не произносилъ его имени. Но то, чего не могли военныя поселенія и Аракчеевъ, удалось Михаилу Павловичу со Шварцомъ, и то въ одномъ Петербургѣ и только между военными. Явной хулы никто еще не позволялъ себѣ, но при его имени всѣ хранили угрюмое молчаніе. Я видѣлъ, какъ прежній розовый цвѣтъ либерализма сталъ густѣть и къ осени переходить въ кроваво-красный, какимъ онъ нынѣ на Западѣ. Разъ случилось мнѣ быть въ одномъ холостомъ, довольно веселомъ обществѣ, гдѣ было много и офицеровъ. Разсуждая между собою въ особомъ углу, вдругъ запѣли они на голосъ извѣстной въ самые ужасные дни революціи пѣсни: Veillons au salut de l'Empire, богомерзкія слова ея, переведенныя надменнымъ и жалкимъ поэтомъ, полковникомъ Катенинымъ, по какому-то неудовольствію недавно оставившимъ службу. Я ихъ не затверживалъ, ни записывалъ; но они меня такъ поразили, что оста-

Библиотека "Руниверс"

лись у меня въ памяти, и я передаю ихъ здѣсь, хотя не ручаюсь за вѣрность:

Отечество наше страдаетъ
Подъ игомъ твоимъ, о злодѣй!
Коль насъ деспотизмъ угнетаетъ,
То свергнемъ мы тронъ и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй отнынѣ надъ нами.
Ахъ, лучше смерть, чѣмъ жить рабами:
Вотъ клятва каждаго изъ насъ.

У меня волосы встали дыбомъ. Замѣтивъ мое смущеніе, нѣкоторые подошли ко мнѣ и сказали, что это была одна шутка и что мысли ихъ вовсе не согласны съ содержаніемъ этой пѣсни. Я спѣшилъ повѣрить имъ и самого себя успокоить.

Въ первой половинѣ Ноября, шедши пѣшкомъ по Гороховой улицѣ, встрѣтилъ я Сергѣя Муравьева съ какимъ-то однополчаниномъ. «Что̀ съ вами? спросилъ я его; мнѣ кажется, вы нездоровы».—«Нѣтъ, здоровъ, отвѣчалъ онъ, только не веселъ: радоваться нечему».—«И полноте, сказалъ я: скоро Царь пріѣдетъ; онъ не дастъ дѣтей своихъ въ обиду; потерпите, надѣйтесь». Грустно взглянувъ на меня, промолвилъ онъ: vivere in sperando, morire in ca . . ndo, поклонился и пошелъ далѣе. Боюсь, сказалъ я самъ себѣ: онъ что-то недоброе замышляетъ!

Недѣлю спустя послѣ того, въ одинъ изъ Ноябрьскихъ, болѣе осеннихъ чѣмъ зимнихъ дней, 18-го числа, погода была ужасная, такъ что на свѣтъ не хотѣлось бы смотрѣть. Холодный мракъ покрывалъ небо и землю; густой туманъ, разсѣявшись, превратился въ дождикъ со снѣгомъ, и зловонное тѣсто коричневаго цвѣта лежало на мостовой. Я продолжалъ жить близъ Семеновскаго моста и все это утро оставался дома, какъ слуга мой, вошедъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, сказалъ мнѣ, что слышалъ въ лавочкѣ, будто бы взбунтовался весь Семеновскій полкъ. «Быть не можетъ, сказалъ я; впрочемъ отсюда близко, сбѣгай и разузнай». Возвратясь скоро, онъ донесъ мнѣ, что дѣйствительно вся площадь передъ гошпиталемъ наполнена солдатами, неподвижно стоящими, въ шинеляхъ и безъ ружей; но зачѣмъ и почему они тутъ, этого не могъ дознаться.

Извѣстно сдѣлалось въ продолженіи дня, что на разсвѣтѣ всѣ нижніе чины, въ одинъ часъ и минуту, какъ бы по данному сигналу, высыпали изъ казармъ, собрались и построились на площади, отвѣчая допрашивающимъ ихъ батальоннымъ и ротнымъ командирамъ, что не хотятъ болѣе находиться подъ начальствомъ полковника Шварца и что исключая того готовы исполнять все, что̀ имъ прикажутъ. Тщетно старались обратить ихъ къ порядку корпусный начальникъ, почтенный

Библиотека "Руниверс"

Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, другіе генералы и самъ Великій Князь; они остались непреклонны. Сія мирная демонстрація не менѣе того сильно встревожила жителей Петербурга, особенно же высшее общество; можетъ быть, въ иныхъ людяхъ другихъ сословій и возродила она преступныя надежды. На другой день всѣ успокоились, узнавъ, что три тысячи человѣкъ, внимая единому повелительному слову, признали себя арестантами и безпрекословно отправились въ крѣпость.

Всѣ были увѣрены, что все было ими сдѣлано по наущенію офицеровъ; но такова была твердость сихъ Русскихъ воиновъ, такое доброе согласіе между ними и такая преданность къ начальникамъ своимъ, что при допросахъ они ни на котораго не показали. Послѣднихъ же похвалить нельзя; въ ихъ поступкѣ видны легкомысліе и нѣкоторая робость: выставляя орудія, они надѣялись скрыть руку.

Любопытно было знать, какъ приметъ это Государь, который находился тогда въ Троппау на конгрессѣ. Разсказывали послѣ, что на какой-то утренней конференціи князь Меттернихъ сказалъ ему: «Государь, да полно, у васъ все ли покойно? По частнымъ свѣдѣніямъ, вчера вечеромъ полученнымъ, одинъ изъ вашихъ гвардейскихъ полковъ, взбунтовался, и именно Семеновскій».— «Не вѣрьте», отвѣчалъ будто Александръ: «это сущая ложь; это мой любимый полкъ». Въ тотъ же вечеръ, въ какомъ-то собраніи, Меттернихъ подтвердилъ ему тоже самое, ибо съ этимъ извѣстіемъ въ самый полдень получилъ курьера отъ Австрійскаго посла въ Петербургѣ. Можно посудить о безпокойствѣ Государя и о гнѣвѣ его, когда только въ продолженіи слѣдующаго дня прибылъ адъютантъ Васильчикова съ донесеніемъ о семъ происшествіи.

Пріостановимся. Посланный Васильчикова, этотъ недобрый вѣстникъ, заслуживаетъ быть представленнымъ міру. И хотя онъ имя свое почитаетъ безсмертнымъ, сомнительно однакоже, чтобы безъ употребляемаго мною способа, впрочемъ весьма невѣрнаго, оно могло дойдти когда-либо до потомства. Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ былъ красивый мальчикъ, круглый сирота, съ малолѣтства воспитанный родною теткой, старою княжною Анною Михайловною, дочерью историка Щербатова. Она ничего не щадила для его образованія; но женщинѣ, и въ тогдашнее время, нельзя было помышлять о томъ, чтобы дать ему основательныя познанія. Мальчикъ, какъ и всѣ Русскіе, а можетъ быть еще болѣе чѣмъ кто изъ нихъ, имѣлъ способность выучиваться иностраннымъ языкамъ: по-французски и по-англійски говорилъ онъ бѣгло, чисто и безошибочно; а къ тому же, какъ онъ былъ нрава серьознаго, то въ семействѣ и въ обществѣ своемъ съ ребячества признанъ и объявленъ маленькимъ чудомъ.

Библиотека "Руниверс"

Увѣренный въ своемъ совершенствѣ, во время отечественной войны вступилъ онъ въ военную службу и при взятіи Парижа находился въ Семеновскомъ полку. По возвращеніи изъ похода перешелъ онъ въ лейбъ-гусарскій. Въ мундирѣ этого полка всякому нельзя было не замѣтить молодаго красавца, бѣлаго, румянаго, тонкаго, стройнаго, съ пріятнымъ голосомъ и благородными манерами. Сими дарами природы и воспитанія онъ отнюдь не пренебрегалъ, пользовался ими, но ставилъ ихъ гораздо ниже другихъ преимуществъ, коими гордился и коихъ вовсе въ немъ не было: высокаго ума и глубокой науки. Его притязанія могли бы возбудить насмѣшки или досаду; но онъ не былъ заносчивъ, а старался быть скромно-величественъ, и военные товарищи его, разсѣянные, невнимательные, охотно предоставляли ему званіе молодаго мудреца, рѣдко посѣщающаго свѣтъ и не предающагося никакимъ порокамъ. Онъ былъ первый изъ юношей, которые тогда полѣзли въ геніи. На бѣду, стоя съ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, познакомился онъ и сблизился съ лицейскимъ воспитанникомъ Пушкинымъ. Всѣ поэты немного льстецы съ тѣми, коихъ любятъ; Пушкинъ польстилъ ему стихами, а Карамзинъ по добродушію своему ласкалъ его. Это совершенно вскружило ему голову. Никто не замѣчалъ въ немъ нѣжныхъ чувствъ къ прекрасному полу: сердце его было слишкомъ преисполнено обожанія къ сотворенному имъ изъ себя кумиру. Когда изрѣдка случалось ему быть съ дамами, онъ былъ только что учтивъ; онѣ же между собою называли его настоящимъ розаномъ, а онъ былъ Нарцисъ, смертельно влюбленный въ самого себя. Чтобы дать понятіе о чудовищномъ его самодовольствіи, разскажу слѣдующее, тогда мною слышанное. Въ наемной квартирѣ своей принималъ онъ посѣтителей, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, подъ двумя лавровыми деревьями въ кадкахъ; справа находился портретъ Наполеона, съ лѣвой Байрона, а напротивъ его собственный, въ видѣ скованнаго генія, съ подписью:

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ,
Въ Аѳинахъ Демосѳенъ,
А здѣсь лишь офицеръ гусарской.

И такъ не съ большимъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ, который ничего не написалъ, ни на какомъ поприщѣ ничѣмъ себя не отличилъ, ни къ какому роду службы не былъ годенъ и который всю ученость свою почерпалъ изъ новыхъ Французскихъ брошюръ, почиталъ себя однимъ изъ свѣтилъ, озарившихъ начало девятнадцатаго вѣка. Какой бы онъ былъ находкой для насмѣшника-мистификатора; но таковаго не оказалось, и онъ не поступилъ еще тогда, а развѣ только послѣ, въ нарядные шуты.

Библиотека "Руниверс"

Крайне дивился онъ, что, удостоивъ службу вступленіемъ въ нее, онъ не быстро въ ней возносится, а какъ обыкновенные смертные, производится по старшинству. Въ ожиданіи скорыхъ успѣховъ, принялъ онъ чье-то предложеніе доставить ему мѣсто адъютанта при Васильчиковѣ и въ этомъ упованіи отправился онъ въ Троппау. Онъ былъ увѣренъ, что узнавъ его короче, Александръ, плѣненный его наружностію, пораженный его геніемъ, приблизитъ его къ своей особѣ и на первый случай сдѣлаетъ флигель-адъютантомъ. Надо еще знать, что гусаръ и докторъ философіи въ отношеніи къ наряду былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенная кокетка: по часамъ просиживалъ онъ за туалетомъ, чистилъ ротъ, ногти, притирался, мылся, холился, прыскался духами. Дорогой онъ предавался тѣмъ же упражненіямъ и оттого съ прибытіемъ опоздалъ двумя сутками.

Пріемомъ разгнѣваннаго Государя, какъ громовымъ ударомъ въ одно мгновеніе были разрушены воображеніемъ его созданные замки. Всегда умѣренный, Александръ бывалъ ужасенъ въ рѣдкія минуты, когда переставалъ владѣть собою. Разобиженный Чаадаевъ на другой день былъ обратно отправленъ въ Петербургъ и, дабы наказать Царя, отнялъ у него себя, въ туже зиму вышедъ въ отставку.

Въ присутствіи Государя Семеновской вспышки не могло бы быть: его тихо-повелительный взглядъ все усмирялъ вокругъ себя. Даже издали ощутительно было его могущество. Гвардія съ трепетомъ ожидала его рѣшенія. Оно получено: приказомъ, въ коемъ дышетъ негодованіе вмѣстѣ съ милостію, полкъ велѣно уничтожить, кассировать, нижніе чины разослать по линейнымъ полкамъ; офицеры же, коихъ винность не доказана, но на коихъ падало сильное подозрѣніе, переведены также въ армію, только съ повышеніемъ двумя чинами; Шварцъ отставленъ отъ службы. Тѣмъ же приказомъ велѣно набрать новый Семеновскій полкъ изъ лучшихъ офицеровъ и рядовыхъ гренадерскаго корпуса.

Ожидали болѣе. И что же? Мнѣ случилось слышать тѣхъ же самыхъ офицеровъ, которые прежде восхваляли смѣлость Семеновцевъ, читающихъ не только съ одобреніемъ, даже съ восторгомъ грозный приказъ Царя. Надобно подумать, что въ этомъ человѣкѣ было дѣйствительно нѣчто волшебное.

Это происшествіе, которое причинило Петербургу только кратковременный испугъ, имѣло однакоже важныя послѣдствія. Разсѣянные по арміи, недовольные офицеры встрѣчали другихъ недовольныхъ и вмѣстѣ съ ними, распространяя мнѣнія свои, приготовили другія возстанія, которыя черезъ пять лѣтъ унять было труднѣе.

Библиотека "Руниверс"

II.

Положеніе семейства моего въ 1820 году походило на то, въ коемъ находилось оно въ послѣдній годъ царствованія Павла, когда всѣ старшіе члены его волею или неволею покинули службу.

Зять мой, генералъ Алексѣевъ, командуя корпусомъ на обратномъ пути въ Россію, почувствовалъ, что съ разслабленіемъ тѣлеснымъ онъ лишился и нравственной силы. Онъ забывалъ приказанія имъ отданныя, не помнилъ и часто не понималъ то, о чемъ ему представляли; однимъ словомъ, для начальствованія онъ сдѣлался вовсе неспособнымъ. Хорошо еще, что окружающіе его старались скрывать это за границей какъ отъ подчиненныхъ, такъ и отъ иностранцевъ. Ему еще не было пятидесяти лѣтъ; но раны, походы, биваки, и во время ихъ жизнь не всегда воздержная, изнурили его; особенно же послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной имъ во Франціи, онъ совершенно одряхлѣлъ. Покой сдѣлался для него жестокою необходимостію: ибо, исключая обязанностей службы, онъ ничѣмъ не умѣлъ заниматься. Всѣ любили его, начиная отъ Царя, и оттого оставили ему все содержаніе, аренды, эполеты и даже надежду быть дѣятельно употребленнымъ, чего однако никогда не могло уже случиться. Онъ числился по кавалеріи въ безсрочномъ отпуску и жилъ по большей части въ Москвѣ, гдѣ жена его, на сбереженныя ею отъ огромнаго Французскаго содержанія деньги, купила ему хорошій деревянный домъ въ Старой Конюшенной.

Братъ мой, Павелъ Филипповичъ, никогда не гонялся за почестями. Фортуна, долго къ нему неблагосклонная, съ 1812 года начала ему улыбаться, но онъ уже не довѣрялъ ей. Ему наскучило таскаться по бѣлу свѣту, и онъ о томъ только и думалъ, гдѣ бы поселиться въ мирномъ убѣжищѣ. Въ Мобёжѣ вошло въ общее обыкновеніе между холостыми Русскими заводиться молодой хозяйкой изъ иноземныхъ красавицъ. Иныя изъ нихъ заслуживали сіе названіе, другія были только что молоды. Во Франціи, гдѣ со времени революціи стали такъ пренебрегать святостью брака, сожитіе почиталось съ нимъ почти на равнѣ. Въ семъ качествѣ находилась у брата нѣкая Бабе-Пажель, дочь какого-то Лотарингскаго винодѣлателя, т. е. просто мужика. Не имѣя добродѣтелей соотечественницы своей Жанны д'Аркъ, она, кажется, имѣла ея смѣлость. На оставленныя ей братомъ деньги, слѣдующимъ лѣтомъ, безъ его согласія, моремъ пріѣхала она въ Петербургъ съ двумя прижитыми съ нимъ ребятами. Какъ быть? Надобно было гдѣ нибудь пріютить сіе незаконное семейство. Къ тому же во Франціи сильно развилась въ немъ врожденная страсть къ садоводству, особенно къ цвѣ-

Библиотека "Руниверс"

тамъ; онъ могъ легко удовлетворить ее въ селѣ Симбухинѣ, которое мать наша во вдовствѣ никогда не посѣщала и которое назначено ему было на часть. Тамъ былъ довольно обширный садъ, и тамъ могъ онъ укрыть грѣхи свои. Все вмѣстѣ заставило его подать въ отставку, и онъ получилъ ее въ Мартѣ 1820 года съ мундиромъ.

Что касается до меня, я какъ будто воротился къ прежнему состоянію: числясь на службѣ, жилъ почти безъ дѣла. Была однакоже великая разница: тогда отъ казны не имѣлъ я ни гроша и изъ дому весьма мало, а тутъ, не считая квартиры и отопленія, я получалъ жалованье и прибавку къ нему изъ остаточныхъ суммъ, всего тысячи четыре ассигнаціями; да по случаю урожайныхъ годовъ и мать моя была ко мнѣ отмѣнно щедра. Первый разъ въ жизни я узналъ сладость синекюры, и она служила мнѣ утѣшеніемъ въ моей неудачѣ. Бетанкуръ не перемѣнялъ со мною обращенія, продолжалъ быть обходителенъ, шутливъ; съ женой и семействомъ его я болѣе сблизился, нерѣдко проводилъ у нихъ вечера и былъ даже въ числѣ немногихъ избранныхъ, приглашенныхъ на свадьбу дочери его Каролины съ господиномъ Эспехо, и видѣлъ, какъ въ этотъ самый день послѣ ужина молодые сѣли въ возокъ и отправились прямо въ Нижній-Новгородъ. «Ну, что же, подумалъ, это положеніе пока еще сносно; посмотримъ, что будетъ впередъ.»

А между тѣмъ, пока наше поколѣніе какъ бы склонялось къ западу, восходило новое поколѣніе. Признаюсь, не безъ грусти смотрѣлъ я на то. Впрочемъ, старшій племянникъ мой, Александръ Алексѣевъ, былъ только тринадцатью годами моложе меня. Счастливый этотъ юноша тогда совершенно блаженствовалъ. Изъ артилеріи онъ перешелъ въ кавалерію, въ конноегерскій короля Виртембергскаго полкъ, и менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса произведенъ былъ въ поручики. Ни къ какому офицеру начальство не было такъ снисходительно; подъ разными предлогами лѣтомъ разъѣзжалъ онъ по ярманкамъ, а зимой веселился въ Москвѣ: она была его раемъ Его стройный станъ, его ловкость, его смѣлое обхожденіе съ дамами и дѣвицами и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжность его взглядовъ и выраженій плѣняли ихъ. На балахъ онъ господствовалъ, самая модная почитала торжествомъ протанцовать съ нимъ; тогда (чего теперь совсѣмъ нѣтъ) въ этой странной Москвѣ, какъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи сказалъ, женщины любимому кавалеру ура кричали и вверхъ чепчики бросали; это могло относиться и къ моему Алексѣеву. Меньшой братъ его, Николай, оставался пока въ Царскомъ Селѣ, въ гренадерскомъ полку Австрійскаго императора, и, какъ я уже сказалъ, былъ дикъ, угрюмъ, и оттого казался разсудителенъ, чего однакоже вовсе не было.

Библиотека "Руниверс"

Возвратясь отъ родныхъ изъ отпуска, въ Февралѣ этого же 1820 года, привезъ онъ съ собою отправленнаго ко мнѣ третьяго племянника моего, сына покойнаго брата Николая, Филиппа Николаевича. Мальчику не исполнилось еще пятнадцати лѣтъ, а его хотѣли уже отдать на службу Его дотолѣ воспитывали и баловали родные его Тулиновы. Онъ младенцемъ былъ отданъ имъ въ видѣ уступки, а, по настоящему, попеченія ихъ объ немъ могли почитаться великимъ одолженіемъ для фамиліи, коей сирота этотъ въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться представителемъ и единственнымъ продолжителемъ. Кому бы изъ насъ было взять его на руки свои? По стариннымъ понятіямъ матери моей, для него наступило уже время служенія; ей хотѣлось хотя бы передъ смертію видѣть его гвардіи офицеромъ, и потому-то, къ великому прискорбію дѣда и бабушки, былъ онъ оторванъ отъ лона ихъ.

Я осмѣлился воспротивиться волѣ матери моей, представилъ ей, какъ опасно мальчику въ эти годы пользоваться свободой, и что если я, въ тѣже лѣта выпущенный на волю, не погибъ, то должно благодарить за то Бога; потомъ, не дожидаясь разрѣшенія ея, отдалъ его доучиваться въ одинъ Французскій пансіонъ. Содержатель его, г. Курнанъ, былъ преемникомъ барона Шабо, который наслѣдовалъ знаменитому аббату Николю, и все въ томъ же домѣ, на Фонтанкѣ, близъ Обухова моста. По мнѣнію моему, ученіе тамъ было плохое, попрежнему аристократическое: послѣ Французской литературы, только уже новѣйшей, главными предметами были танцы и фектованіе. Смотря по элементарнымъ познаніямъ воспитанника и по краткости срока, намъ даннаго, гдѣ уже было намъ думать объ учености! Мнѣ только хотѣлось, чтобъ онъ, немного похожій на маленькаго медвѣжонка, поболѣе развязался, пріобрѣлъ болѣе навыку и усовершенствовался во всеобщемъ разговорномъ Французскомъ языкѣ, и, наконецъ, чтобы, находясь съ молодыми людьми первыхъ фамилій, онъ составилъ бы полезныя связи и, увлеченный въ лучшее общество, избѣгнулъ бы дурнаго.

Наружность имѣлъ онъ не весьма красивую: былъ невеликъ ростомъ, бѣлъ лицомъ, не по лѣтамъ дюжъ и толстъ, и отъ излишняго употребленія сластей у него попортились и пожелтѣли зубы, которые очернилъ послѣ курительный табакъ. Ума у него было довольно, сердце имѣлъ онъ мягкое, нравъ веселый, но вслѣдствіе безпрестанныхъ угожденій цѣлаго семейства сдѣлался онъ чрезвычайно своеволенъ. Я надѣялся, что пансіонъ Курнана сколько-нибудь пріучитъ его къ порядку и повиновенію.

И вотъ семейная картина, которую счелъ я необходимостію представить читателю.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ Мая Бетанкуръ со всѣмъ семействомъ своимъ и со дворомъ, разумѣется кромѣ меня, опять отправился въ Нижній-Новгородъ. Мы разстались какъ нельзя лучше. Предсѣдательство въ строительномъ комитетѣ, безъ всякаго отъ кого-либо на то дозволенія, поручилъ онъ человѣку, который не былъ въ немъ даже членомъ: директору инженернаго института, генералу Сенноверу, что̀ мнѣ было весьма пріятно. Я выучился у Бетанкура поступать иногда самовольно, а съ Сенновером̀ъ, весьма умнымъ, но чрезъ мѣру шутливымъ и совсѣмъ непочтеннымъ Французомъ, я давно уже пересталъ церемониться. Я просто объявилъ ему, что лѣтомъ намѣренъ отдохнуть (отъ чего?—отъ покоя), и для того на Крестовскомъ островѣ противъ Елагина, въ деревенькѣ, нанялъ чистенькую избу. «И потому — продолжалъ я — въ засѣданіяхъ комитета вы рѣдко будете меня видѣть: всѣ нужныя бумаги передалъ я помощнику моему Нодену.» Онъ ничего не нашелъ возразить противъ этого, какъ будто бы я дѣло сдѣлалъ *).

Къ счастію, въ Іюнѣ и въ Іюлѣ погода стояла прекрасная, изрѣдка перепадали дожди. Петербургскіе острова не были еще такъ связаны между собою мостами, какъ нынѣ, слѣдственно не было тѣхъ удобствъ для сообщенія, какія мы имѣемъ. Одинъ Каменный островъ посредствомъ мостовъ соединялся съ Аптекарскимъ, съ Крестовскимъ и со Строгоновскою дачей. Елагинъ островъ былъ мѣсто топкое, заглохшее, находившееся въ частномъ владѣніи, и только въ этомъ году сдѣлался собственностію казны. Не было на островахъ обширныхъ увеселительныхъ мѣстъ, съ ихъ повседневными великолѣпными праздниками, столь привлекательными, разорительными и нѣсколько развратительными для недостаточныхъ людей и ихъ семействъ. Только лишь Крестовскій, съ своими двумя трактирами и деревянными горами, богатымъ и бѣднымъ жителямъ, городскимъ и островскимъ, однимъ именемъ своимъ напоминалъ веселіе. Кто на дешевомъ извощикѣ подъѣзжалъ, кто пѣшкомъ приходилъ къ перевозу на Колтовскую и оттуда за пять копѣекъ мѣдью переносился чрезъ неширокій тутъ Невскій рукавъ. Небогатыя семейства, составляя небольшія общества, на сдѣланную складчину, нанимали ялики, приплывали къ берегамъ острова, и сіи маленькія флотиліи окружали западный его уголъ. Богатые, разумѣется, пріѣзжали въ каретахъ и въ коляскахъ. Все лучшее можно было встрѣтить на большомъ гуляньѣ, на открытомъ мѣстѣ близъ перевоза и стараго трактира. Средній классъ шелъ густыми толпами по длинной

*) Я было и забылъ сказать, что сумасбродная и неизъяснимо-привлекательная единственная дочь его Стефанія еще въ 1818 году вышла за любезнаго моего Базена. Мы очень съ ней подружились, и у нея-то часто встрѣчалъ я забавника отца ея.

Библиотека "Руниверс"

и широкой аллеѣ, ведущей къ новому трактиру и деревенькѣ. Дорога была прескверная, песчаная, нерѣдко можно было спотыкаться о высунувшіеся корни деревьевъ; нужды нѣтъ, въ пріятномъ расположеніи духа никто и не хотѣлъ этого замѣтить. Вездѣ было людно, а въ иныхъ мѣстахъ даже и тѣсно. За входъ въ трактиры, гдѣ можно было посмотрѣть на пляску Нѣмочекъ, никакой платы взимаемо не было: надобно было только спросить что-нибудь попить или поѣсть; да и этого никто требовать не смѣлъ. Не смотря на то, хозяева, обыкновенно Нѣмцы, получали хорошіе барыши и мало-по-малу наживали изрядное состояніе. Вѣкъ преувеличеній еще не наступилъ, и трактирщики, какъ теперь, не думали зашибать милліоновъ. Гулякъ было множество, но до буйства какъ-то никогда не доходило, и пристойности было, ну право, гораздо болѣе чѣмъ нынѣ въ иныхъ воксалахъ, посѣщаемыхъ знатными дамами. Такъ было по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; но и въ будни, при хорошей погодѣ, Крестовскій бывалъ чрезвычайно оживленъ и многолюденъ.

Имѣя передъ глазами картину, оживотворяемую безпрестанно шумнымъ весельемъ, послѣ прошлогодняго жестокаго кризиса, съ возвратившимися и все болѣе возвращающимися жизненными силами, съ укрѣпленнымъ здоровьемъ, при постоянномъ блескѣ солнца, среди воздуха, упитаннаго бальзамическими испареніями елей, мнѣ было хорошо, и время быстро летѣло для меня. Я много ходилъ, часто купался и пріятнымъ образомъ отдыхалъ съ книгой въ рукахъ; болѣе ничего не дѣлалъ. Это веселое житье вдругъ было прервано самымъ непріятнымъ образомъ.

Я получилъ отъ Курнана записку, въ коей извѣщаетъ онъ меня, что племянникъ мой, за что-то прогнѣвавшійся, наканунѣ вечеромъ бѣжалъ изъ пансіона даже безъ шляпы, ночью не возвращался, и что нѣтъ о немъ никакого свѣдѣнія. Безпокойство мое часа черезъ два немного прекратилось, когда съ городской квартиры моей пришли мнѣ сказать, что дезертеръ въ ней ночевалъ и остался. Я поспѣшилъ туда. Нельзя же было мальчика по шестнадцатому году подвергнуть тѣлесному наказанію; за то на жесткія слова я не поскупился. Онъ показался мнѣ раскаявшимся, и я отправился къ Курнану, дабы испросить прощеніе виновному и склонить къ новому его воспріятію; но въ этомъ дѣлѣ не успѣлъ. Полугодовой срокъ къ новой уплатѣ приближался, но онъ никакъ не хотѣлъ ее принять. Въ этой вознѣ провелъ я цѣлый день 3 Августа и долженъ былъ ночевать въ городѣ.

На другой день, 4-го по утру, къ несказанной радости моей, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филипповичъ для окончанія какихъ-то прежнихъ дѣлъ и разсчетовъ и вывелъ меня изъ величайшаго затрудненія.

Библиотека "Руниверс"

Ему, яко старшему въ семействѣ, передалъ я дарованную мнѣ власть надъ племянникомъ и всѣ попеченія объ немъ. Квартира моя была просторна для меня одного, но для насъ трехъ довольно тѣсновата, кольми паче маленькая дачка моя, куда я брата пригласить не могъ, а рѣшился дней пять-шесть провести съ нимъ въ городѣ. Лишь только, оставя его у себя, я думалъ было опять перебраться на Крестовскій, какъ накопившаяся влажность, цѣлое лѣто чѣмъ-то удерживаемая, проливными дождями низринулась съ верху. Черезъ нѣсколько дней бѣда миновалась, небо просіяло, и я опять началъ сбираться; но воздухъ отсырѣлъ, охолодѣлъ, и по справкѣ оказалось, что утлое жилище мое окружено грязью и прудообразными лужами. Богатые и знатные скромные пріюты наши на островахъ называютъ гренульерами (лягушечницами), и дѣйствительно осенью они неудобообитаемы. Итакъ, лѣтній сезонъ, какъ говорится, кончился для меня въ началѣ Августа. Когда не осталось мнѣ надежды подышать еще загороднымъ воздухомъ, тогда и братъ мой началъ пріискивать себѣ особую квартиру и съ племянникомъ переѣхалъ отъ меня въ концѣ этого мѣсяца.

Въ концѣ Сентября только г-жа Бетанкуръ возвратилась одна съ дочерьми, супругъ же ея еще въ Августѣ водой изъ Нижняго по Волгѣ отправился въ Казань, въ Астрахань и оттуда черезъ Кавказъ и Крымъ долженъ былъ поздно воротиться. Я поспѣшилъ съ моимъ высокопочитаніемъ къ Аннѣ Ивановнѣ и немедленно принятъ. Она была кисла, даже когда хотѣла быть привѣтлива; а тутъ была она даже груба. Дочери ея казались смущенными и также какъ бы затруднялись со мной говорить. Я еще поспѣшнѣе оставилъ эту дуру, чѣмъ пришелъ къ ней и вышедъ могъ сказать какъ Буффлеръ:

Très satisfait d'ajouter
A l'honneur de l'avoir vue,
Le plaisir de la quitter.

Въ Ноябрѣ, дни черезъ три послѣ Семеновскаго происшествія, пріѣхалъ и самъ начальникъ мой. Пріемъ его былъ немного получше сдѣланнаго мнѣ его супругой: онъ былъ со мною холоденъ и разсѣянъ. Даже шестнадцатилѣтній сынишка его вздумалъ со мною спѣсиво кланяться. Что бы это все значило? спросилъ я у себя. «Вѣрно кто нибудь, пользуясь продолжительнымъ твоимъ отсутствіемъ, отработалъ тебя», былъ отвѣтъ. «Да кто же?» — «Да кому же, если не одному и тому же человѣку?». Мнѣ нужно было напередъ обдумать свое положеніе, чтобы къ чему-нибудь рѣшительному приступить. Одно обстоятельство показало мнѣ, какую власть зловредный человѣкъ пріобрѣлъ надъ бѣднымъ Бетанкуромъ. Разъ въ Нижнемъ, въ его пріемной и въ его при-

Библиотека "Руниверс"

сутствіи, робко подошелъ ко мнѣ довольно молодой человѣкъ въ губернскомъ мундирѣ, сталъ рекомендоваться и просить о покровительствѣ; не зная кто онъ, отдѣлался я отъ него учтивостями. Замѣтивъ сіе, Бетанкуръ, когда всѣ вышли, сказалъ мнѣ: «Вы говорили съ мосьё Элимъ; какъ можете вы удостоивать вашими разговорами этого вора, этого разбойника? Не понимаю, какъ онъ смѣетъ являться ко мнѣ». Послѣ этого узналъ я, что этотъ г-нъ Ильинъ, любимецъ бывшаго губернатора Быховца и членъ ярмоночной конторы, дѣйствительно былъ самый безстыдный человѣкъ, грабитель, что купцы запирали лавки, когда издали завидятъ его съ женой, ибо они все забирали даромъ и, наконецъ, что по настоянію Бетанкура онъ удаленъ отъ должности. Можно посудить убъ удивленія моемъ, когда не съ большимъ черезъ годъ послѣ того, передъ его кабинетомъ встрѣтилъ я этого человѣка во фракѣ и безъ шляпы въ рукахъ! Съ насмѣшливымъ самодовольствіемъ подошелъ онъ ко мнѣ и объявилъ, что, пріѣхавъ изъ Нижняго по приглашенію генерала, остановился у него. Ранду было мало отдалить честныхъ людей отъ своей жертвы: ему нужно было окружить ее мошенниками.

Въ этомъ году, заботясь и по заочности объ умноженіи просвѣщенія въ отечествѣ своемъ, графъ Воронцовъ переписывался съ Петербургскимъ почтъ-директоромъ Константиномъ Яковлевичемъ Булгаковымъ, съ которымъ за-границей сдѣлалъ связи, о томъ, чтобы намъ варварамъ показать, какъ между просвѣщенными народами люди путешествуютъ пріятнымъ и удобнымъ образомъ, однимъ словомъ, чтобы завести дилижансы. Для того предложилъ онъ небольшой капиталъ, а Булгаковъ увидѣлъ тутъ прибыль, а можетъ быть и нѣкоторую славу. Составилось общество на паяхъ, и учредилось первое у насъ въ семъ родѣ заведеніе дилижансовъ. Не было довольно денегъ, чтобы соорудить лѣтніе экипажи (зимніе обошлись въ десять разъ дешевлѣ), и потому для первой попытки захотѣли воспользоваться первымъ зимнимъ путемъ, и первое отправленіе назначили 1-го Декабря. Всѣ смотрѣли на то съ нѣкоторою недовѣрчивостію, какъ одинъ смѣльчакъ, Французъ г. Дюпре-де-Сенъ-Моръ, эксъ-депутатъ, эксъ-супрефектъ, который въ Петербургѣ за деньги читалъ чужіе хорошіе и продавалъ собственные свои печатные плохіе стихи, захотѣлъ поощрить насъ своимъ примѣромъ. Съ первымъ поѣздомъ, кажется, онъ одинъ-одинехонекъ отправился въ Москву.

Я, конечно, не думалъ подражать ему, а еще менѣе служить кому-либо примѣромъ; но и меня заохотило прокатиться. Я объяснилъ Бетанкуру, что престарѣлая мать моя, собравшись съ послѣдними силами, еще въ Августѣ пріѣхала въ Москву, но что далѣе не въ состояніи

Библиотека "Руниверс"

будучи ѣхать, тамъ осталась, и что мнѣ желательно бы было для свиданія съ ней отлучиться на 28 дней; онъ нашелъ, что никакое желаніе не могло быть справедливѣе. Я взялъ мѣсто и 4 Декабря поѣхалъ по столь знакомой мнѣ дорогѣ.

Сидѣлъ я въ экипажѣ, который казался тогда затѣйливымъ. Это была низкая кибитка, немного подлиннѣе обыкновенной; но она была прочно сдѣлана, хорошо обтянута кожей и разгорожена на двое. Лежать было невозможно: четыре человѣка, раздѣленные перегородкой, сидѣли другъ къ другу спиной и смотрѣли двое впередъ, двое назадъ по дорогѣ. Какъ дотолѣ зимняя кибитка значило лежанье, то наши мужички, глядя на новое изобрѣтеніе, дилижансы прозвали *нележанцами*. Спутниковъ было у меня всего только двое: старый Нѣмецъ-ремесленникъ съ женою; они сидѣли въ одной изъ двухъ отправленныхъ кибитокъ, и я одинъ въ другой, и оттого мнѣ было раздолье. Видѣлся я съ ними только на станціяхъ и даже обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. Одна просвѣщенная часть влечетъ за собою другую: дилижансы ввели къ намъ понятія о равенствѣ; надобно надѣяться, что ѣзда по желѣзной дорогѣ еще болѣе разовьетъ ихъ. Что́ однакоже весьма напоминало мнѣ прежнюю Россію, это была услужливость и покорность проворнаго кондуктора изъ почталіоновъ. Со мною не было слуги, и онъ замѣнялъ мнѣ его, а на Нѣмцевъ и глядѣть не хотѣлъ, почитая ихъ болѣе поклажей, чѣмъ людьми. Снѣгъ выпалъ только-что въ концѣ Ноября, дорога была какъ скатерть, почтъ-директору хотѣлось, чтобы заведеніе его прославилось и быстрогой, и оттого рѣшительно мы не ѣхали, а летѣли. Ямщики, не предвидя какой со временемъ будетъ имъ подрывъ, смотрѣли на насъ безъ зависти и досады и усердствовали въ запряжкѣ лошадей. Въ Завидовѣ возопилъ нашъ длинный старикъ; онъ, вѣрно, зналъ одну только Саксонскую медленную ѣзду, захворалъ бѣдняжка, и сказавъ: «weiter kann ich nicht», съ женою остался на станціи. А я чуть разсвѣтало лишь, въ Николинъ день, 6 числа, невступно черезъ двое сутокъ по выѣздѣ, былъ уже у Тверской заставы. Тутъ случился извощикъ; я сѣлъ къ нему въ сани съ помощію кондуктора, которому далъ бездѣлицу; чемоданъ свой положилъ себѣ въ ноги и поскакалъ въ Старую Конюшенную, сперва къ сестрѣ своей.

Не предувѣдомленные мои родные тѣмъ болѣе были обрадованы моимъ пріѣздомъ. Хотя у сестры мнѣ было просторнѣе, я переѣхалъ къ матери моей, въ небольшой деревянный нанятый ею домъ у дѣвицъ Безсоновыхъ, на Никитской, и помѣстился въ антресолѣ, почти на чердакѣ. Эти Безсоновы, Катерина и Анна Ѳеодоровны, были довольно пожилыя, весьма почтенныя и набожныя дѣвки, которыя тутъ подлѣ жили богато въ собственномъ каменномъ домѣ. Общество ихъ все со-

Библиотека "Руниверс"

ставлено было изъ подобныхъ имъ особъ женскаго пола, и его нельзя было назвать веселымъ. Не изъ одного угожденія матери моей, но также изъ благодарности за нѣжную внимательность ихъ къ ней и всевозможныя одолженія, посѣщалъ я ихъ. У матери моей все было тихо: она рѣдко куда выѣзжала, и то только въ Божіи храмы, и кромѣ дѣтей своихъ мало кого у себя видѣла.

За то у зятя моего Алексѣева бывало очень шумно, всегда много народа и всякаго народа. Въ праздной жизни, на которую былъ онъ осужденъ, безъ людей всегда ему казалось скучно.

Вообще Московская жизнь въ эту зиму напоминала прежнюю ея, старинную, беззаботную, шумную веселость. Какъ въ началѣ двѣнадцатаго года, она мало заботилась о томъ, что происходитъ въ Европѣ, и на этотъ разъ я нахожу, что поступала благоразумно. Лѣтомъ, говорили, можно еще было видѣть кой-гдѣ слѣды разрушенія; но тутъ старуха предстала мнѣ въ праздничномъ видѣ: она какъ будто набѣлилась; снѣгъ покрывалъ и изглаживалъ морщины ея и рубцы, нанесенные ей непріятельскимъ вторженіемъ. За годъ передъ тѣмъ скончался военный губернаторъ графъ Тормасовъ; на его мѣсто назначенъ былъ баричъ, вельможа, князь Димитрій Владимировичъ Голицынъ, преблагороднѣйшій и предобрѣйшій человѣкъ, который успѣлъ поселить къ себѣ уваженіе и любовь. Знатность новаго градоначальника умножала еще радость и веселіе чванныхъ Москвичей.

Я встрѣтилъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ, новыхъ же знакомствъ сдѣлалъ мало. Тутъ находилась Прасковья Юрьевна Кологривова съ своимъ вѣчнымъ смѣхомъ; у нея не было друга Финмуша, а все тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ *). Ее пріѣхала навѣстить дочь ея, княгиня Вяземская, изъ Варшавы, гдѣ оставила супруга своего на службѣ. По ея предложенію, сопровождалъ я ее и меньшую сестру ея Любовь, съ мужемъ, генераломъ Полуектовымъ, на единственный балъ, который я тутъ видѣлъ. Его давалъ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, съ которымъ въ 1814 году я мимоѣздомъ познакомился. Между многими хорошенькими лицами поразила меня тутъ необыкновенная красота двухъ княженъ Урусовыхъ, изъ коихъ одна вышла послѣ за графа Пушкина, а другая за князя Радзивила. Тутъ также я могъ полюбоваться танцовальными и волокитными подвигами племянника моего Алексѣева.

Послѣ того г. Пушкинъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Съ его умомъ, ему нельзя было не замѣтить, что духъ вѣка совсѣмъ перемѣнился; однакоже онъ продолжалъ кощунствовать и богохульничать, я думаю, болѣе по старой привычкѣ. Супруга его, Елена Григорьевна,

*) Стихи Пушкина, въ *Евгеніи Онѣгинѣ*.

Библиотека "Руниверс"

урожденная Воейкова, какъ замѣтилъ одинъ веселый человѣкъ, любила гнать спиртъ, или, какъ говорятъ Французы, дѣлать умъ и чуствительность; первое было ей изъ чего, а послѣдняго въ ней вовсе не было. Къ тому же она чрезвычайно либеральничала и жестоко нападала на правительство и царя. Чета эта находилась въ постоянномъ возмущеніи противъ властей небесной и земной и, какъ мнѣ казалось, болѣе для тона. Все это мнѣ весьма не полюбилось, и я уже къ нимъ болѣе не возвращался.

У Прасковьи Юрьевны познакомился я также съ графиней Де-Брогліо, урожденною Левашовой, бывшею ея невѣсткой, бывшею въ первомъ замужствѣ за братомъ ея, княземъ Трубецкимъ. Эта женщина, подъ именемъ княгини Анны Петровны, была долго слишкомъ извѣстна цѣлой Москвѣ. Въ ней примѣчательны были не красота ея, совсѣмъ не изумительная, ни даже кокетство, а нѣчто болѣе: она измѣняла первому мужу, бросила втораго и осталась вѣрна одному только другу. Смѣшонъ бы я былъ, еслибъ, чрезъ мѣру держась строгой нравственности, отказался отъ знакомства съ старой грѣховодницей, не раскаявшейся, но унявшейся. Это знакомство повело меня къ другому, пріятнѣйшему и любопытнѣйшему.

У нея въ домѣ распоряжался, хозяйничалъ одинъ иностранецъ, впрочемъ, у нея не живущій, и о которомъ Московское общество и понынѣ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ. Я не назвалъ г. Кристина Французомъ, хотя любезнѣе его, пріятнѣе въ обхожденіи, занимательнѣе въ разговорахъ, я ни однаго Француза прежняго времени не зналъ. Это потому я сдѣлалъ, что онъ родомъ былъ Швейцарецъ, изъ города Ивердюна, на прежней Французской границѣ. Исторія его заслуживаетъ быть разказанною, хотя вкратцѣ; увы, и подробности ея сдѣлались бы извѣстны безъ варварства той женщины, у которой мы съ нимъ обѣдали и познакомились.

Ребячество свое провелъ онъ во Франціи и въ молодыхъ еще лѣтахъ попалъ въ секретари къ извѣстному министру Калонну, видѣлъ начало революціи и вмѣстѣ съ покровителемъ своимъ бѣжалъ отъ нея. Послѣ того въ Кобленцѣ, по его рекомендаціи, употребленъ онъ былъ принцами, братьями короля. Особенно полюбился онъ графу д'Артуа (Карлу X). Отъ него съ тайными порученіями, переодѣтый, неоднократно ѣздилъ онъ въ Парижъ, и тайкомъ, съ опасеніемъ для жизни, проникалъ во внутренность Тюлерійскаго дворца, представлялъ письма, подавалъ утѣшенія плѣнному королю. Этикета уже тутъ не могло быть; онъ запросто разговаривалъ съ нимъ, съ королевой, съ принцессой Елисаветой, и ласкалъ молютку, несчастнаго дофина. Когда злодѣяніе свершилось, когда пали головы царскихъ невинныхъ жертвъ, графъ д'Артуа взялъ

Библиотека "Руниверс"

его съ собою въ Петербуртъ. Извѣстно, какой блестящій пріемъ сдѣлала ему Екатерина; онъ уѣхалъ, а Кристинъ остался въ Россіи. Не управляя Иностранной Коллегіей, графъ Марковъ былъ однакоже главною ея пружиной. Онъ жилъ тогда съ Французскою трагическою актрисой Гюсъ и черезъ нее познакомился, можно сказать, сдружился съ Кристиномъ.

Вдругъ сей послѣдній взбѣсился, уѣхалъ въ Швецію и тамъ сталъ явно поносить Россію и Русскихъ. Тогдашній регентъ, герцогъ Зюдерманландскій, послѣ Карлъ XIII, до конца жизни насъ ненавидѣлъ, и оттого человѣка почти безъ имени началъ принимать, ласкать и даже звать на придворные балы. На одномъ изъ нихъ, какъ вѣтреный Французъ, онъ, какъ будто разбѣжавшись, наткнулся на стоящаго у камина, несовершеннолѣтняго, молоденькаго короля Густава IV; низко кланяясь и какъ будто въ смущеніи извиняясь, понизивъ голосъ, промолвилъ онъ ему: «Ваше величество, васъ обманываютъ, хотятъ женить на уродѣ; позвольте съ вами объясниться.» Едва внятнымъ голосомъ тотъ отвѣчалъ ему: «У меня математическій учитель вашъ землякъ, шевалье такой-то: напишите мнѣ черезъ него.» Въ запискѣ своей Кристинъ изобразилъ всѣ прелести великой княжны Александры Павловны и всю пользу отъ родственнаго союза съ Екатериной. Въ это время черезъ мѣсяцъ ожидали невѣсту, кривобокую принцессу Мекленбургскую. Король вдругъ заупрямился, объявилъ, что сему браку не бывать и, какъ ни старались убѣдить его, онъ поставилъ на своемъ. Никто не могъ понять причины такой внезапной перемѣны; но король ли проговорился, шевалье ли проболтался, или сами догадались, гроза висѣла надъ главою тайнаго агента. Кто-то по секрету пришелъ ему сказать, что на другой же день хотятъ его взять и отправить въ рудники Далекарлійскіе. Будучи хорошо знакомъ съ всѣми дипломатами, онъ побѣжалъ къ Англинскому посланнику и объяснилъ ему весь ужасъ своего положенія. У того были бланки, и онъ заднимъ числомъ причислилъ его къ своей миссіи; когда пришли его брать, онъ показалъ предписаніе отправиться курьеромъ въ Берлинъ. Оттуда только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ воротился онъ въ Россію и пріѣхалъ въ самое то время, когда въ Петербургѣ *) находился король Шведскій съ дядей, и шло уже сватовство.

*) Съ нимъ случился тогда презабавный анекдотъ. Екатерина приняла его у себя въ кабинетѣ, осыпала ласками и велѣла ему быть при представленіи въ Эрмитажномъ театрѣ, только въ закрытой ложѣ. Онъ въ ней соскучился, пошелъ бродить за кулисы и забрался на самый верхъ. Уставши, присѣлъ онъ на какое-то сѣдалище, которое вдругъ стало опускаться; онъ закричалъ, его успѣли приподнять, и видны были одни только его ноги. Это было облако, на которомъ былъ долженъ спускаться Меркурій. Что, еслибъ онъ показался двору и пріѣзжимъ гостямъ? Екатерина очень смѣялась, когда ей разсказали объ этомъ апропо.

Библиотека "Руниверс"

Разумѣется, въ то время нигдѣ нельзя было ему показаться. Хотя предполагаемый бракъ и не состоялся, Императрица щедро наградила его, велѣла опредѣлить въ Иностранную коллегію прямо надворнымъ совѣтникомъ и пожаловала ему четыреста душъ близъ Летичева, въ Подольской губерніи.

При Павлѣ пришла невзгода на графа Марко́ва: онъ былъ отставленъ и сосланъ въ Летичевъ, ему принадлежащій. Кристинъ, котораго имѣньице было подлѣ, всегда вѣрный дружбѣ и несчастію, также вышелъ въ отставку и четыре года добровольно раздѣлялъ изгнаніе своего мецената.

При Александрѣ Марко́въ былъ вызванъ и отправленъ въ Парижъ; къ нимъ поѣхалъ и Кристинъ, уже вычеркнутый изъ списка эмигрантовъ. Дѣятельность возвратилась къ нему; онъ еще не унимался. Войдя въ знакомство съ семействомъ Бонапарте, съ сестрами его, приблизившись къ Іозефинѣ и Гортензіи, неизмѣнный роялистъ, онъ тайно переписывался съ графомъ д'Артуа, который находился въ Англіи. О томъ провѣдали, исхитили изъ Русскаго посольства, послали въ Ліонъ и посадили въ крѣпость Пьеръ-анъ-Сизъ. Это была одна изъ причинъ дерзостей, сдѣланныхъ Марко́вымъ первому консулу. Вѣрный слуга доставилъ узнику средство бѣжать изъ крѣпости, и онъ скрылся въ Коппе́, у госпожи Сталь. Не знаю, какъ оттуда пробрался онъ въ Москву, гдѣ и простился навсегда съ романическою жизнію.

Онъ жилъ у Марко́ва на дружеской ногѣ и занималъ часть дома его; продалъ свое имѣніе, и пользуясь частію процентовъ съ вырученнаго капитала, помаленьку умножалъ его. Большіе вельможи нерѣдко посѣщали его. Надобно было видѣть обхожденіе ихъ съ ними: какъ оно было непринужденно и какъ вѣжливо! Можетъ быть, сперва и былъ онъ любовникомъ графини де-Брогліо (не всегда же она походила на стараго мужика, дурно выучившагося по-французски); только когда я ихъ видѣлъ вмѣстѣ, то и тѣни нѣжности между ими не было. Всѣхъ удивляло продолженіе этой связи; надобно было полагать, что они были соединены взаимными денежными интересами.

Мы скоро съ нимъ сошлись; съ такими людьми, какъ онъ, былъ я нескромно вопросителенъ, а онъ снисходительно отвѣтливъ: вотъ отчего узналъ я главныя обстоятельства его жизни. Онъ признался мнѣ, что записываетъ все случившееся съ нимъ, и первый подалъ мысль о составленіи сихъ Записокъ,—намѣреніе, коего исполненіе послѣдовало гораздо позже. Умирая, отказалъ онъ все имущество смѣлой злодѣйкѣ, которая въ старости своей овладѣла его старостію. Какія рукописныя сокровища достались, какіе перлы разсыпались передъ этою.. Переписка со множествомъ историческихъ лицъ (чего сто́или

Библиотека "Руниверс"

одни читанныя мнѣ письма Сталь), самый романъ его жизни, все это, какъ ненужное, рукою невѣжества предано огню.

Съ самой кончины Павла не случилось мнѣ такъ близко разглядѣть Москву, то-есть общество ея и разныя состоянія; тогда, выходя изъ малолѣтства, смотрѣлъ я на все неопытнымъ, отнюдь не наблюдательнымъ окомъ; послѣ того нерѣдко проѣзжалъ я черезъ нее, по большой части лѣтомъ, и останавливался дня на два на три, иногда на пять или на шесть, и она оставалась для меня terra ignota. Тутъ сколько-нибудь могъ я изучить этотъ чудный городъ, ни на какой другой въ мірѣ непохожій. Все было въ немъ для меня занимательною новостью; сколько странностей нашелъ я, сколько добра и зла! Здѣсь не мѣсто дѣлать тому описаніе; достаточно будетъ сказать, что я отъ души полюбилъ Москву, какъ женщину старую, добрую, умную, веселую, хотя съ большими капризами, и что желаніе спокойно кончить въ ней вѣкъ сдѣлалось постоянною моею мечтой.

Бо́льшую часть времени посвящалъ я той, для которой я пріѣхалъ, другую же — тщательнымъ наблюденіямъ; такимъ образомъ три недѣли быстро прошли для меня. Я хотѣлъ быть исправенъ, и чтобы тѣмъ же способомъ воротиться къ сроку въ Петербургъ, взялъ я мѣсто въ дилижансѣ на 29-е Декабря.

Назадъ ѣхалъ я не такъ уже шибко: напало снѣгу, были оттепели, и дорога немного попортилась. Кондукторъ, къ удовольствію моему, былъ опять тотъ же; спутниковъ опять имѣлъ только двоихъ, молодыхъ парней — купеческихъ прикащиковъ, которые всю дорогу были очень веселы и немного навеселѣ. Выѣхавъ въ самый полдень, черезъ двое сутокъ съ половиною мы еще не были въ Петербургѣ. Чтобы расправить немного члены свои, вошелъ я къ станціонному смотрителю въ Тоснѣ; почти въ самую ту минуту на деревянныхъ стѣнныхъ часахъ пробило двѣнадцать; онъ всталъ, вытащилъ бутылку Ренскаго, выпилъ за мое здоровье и пожелалъ мнѣ счастливаго года, на что́ я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Когда въ пять часовъ утра пріѣхали мы въ Петербургъ, на улицахъ не было ни шуму, ни движенія: всѣ видно улеглись; всѣ фонари погасли, и была совершенная темнота. Я могъ бы часа три дожидаться свѣта въ чистой комнатѣ конторы дилижансовъ, которая находилась на почтовой улицѣ. Нетерпѣніе превозмогло; мнѣ скорѣе хотѣлось быть дома, а ни одного извощика нельзя было встрѣтить. Поручивъ чемоданъ свой знакомому кондуктору, кое-какъ потащился я пѣшкомъ. Разстояніе было не близкое до Семеновскаго моста; въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ нелегко мнѣ было, а зги было не видать, снѣгъ такъ и валилъ и покрывалъ невычищенные тротуары. На этомъ тяжкомъ странствованіи однѣ только собаки привѣтствовали меня своимъ

Библиотека "Руниверс"

лаемъ. Лишь только добрѣлъ, скорѣе повалился спать. Вотъ какъ для меня начался 1821 годъ.

III.

Какъ въ истекшемъ 1820 году, такъ и въ наступившемъ 1821 и въ послѣдующемъ 1822 положеніе мое не мѣнялось. Оно было не пріятно, но покойно. Въ семействѣ моемъ также никакихъ важныхъ перемѣнъ не послѣдовало. Итакъ, мнѣ придется вкратцѣ говорить о томъ лишь что̀ у насъ въ это время происходило въ Россіи, едва касаясь Европы. Тѣмъ лучше, можетъ-быть, скажетъ читатель.

Изъ Троппау, дабы быть ближе къ театру происшествій въ Италіи, конгресъ зимой перенесенъ былъ въ Лайбахъ. Тамъ на царскомъ съѣздѣ положено Австрійскія войска направить къ Неаполю и къ Піемонту, для усмиренія бунтующихъ. А на всякій случай, для поддержанія ихъ, велѣно первой нашей арміи подъ начальствомъ Сакена двинуться за-границу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и гвардія въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ получила приказаніе выступить въ походъ къ Литвѣ. Государь былъ ею недоволенъ, узнавъ о сожалѣніи и участіи, оказанныхъ ея полками товарищамъ своимъ Семеновцамъ. Онъ хотѣлъ ее провѣтрить, надѣясь, что трудности переходовъ разгонятъ чадъ дурныхъ помышленій, которыхъ, право, вовсе не было. Во изъявленіе гнѣва своего Государь генерала Васильчикова передъ самымъ выступленіемъ удалилъ отъ начальствованія гвардейскимъ корпусомъ, поручивъ его любимому генералъ-адъютанту своему, Ѳедору Петровичу Уварову. Это еще было милостиво: ибо Ларіонъ Васильевичъ сдѣланъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Начальникамъ же гвардейскихъ дивизій, генералъ-адъютанту Потемкину и барону Григорью Владимировичу Розену, въ замѣнъ ихъ, даны простыя пѣхотныя дивизіи.

При составленіи сихъ Записокъ имѣлъ я въ виду сдѣлать изъ нихъ отчасти и фамильную лѣтопись нашу. И потому да позволено мнѣ будетъ здѣсь въ описаніе общественныхъ дѣлъ, кстати или не кстати, включить и вступленіе въ службу младшаго члена нашего семейства. Племяннику моему, бѣжавшему отъ г. Курнана, исполнилось шестнадцать лѣтъ. Согласно съ желаніемъ матери, братъ мой, который давно окончилъ дѣла свои и для него только жилъ въ Петербургѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ драгунскій полкъ. Этого нельзя было сдѣлать безъ утвержденія шефа полка, находящагося въ Варшавѣ, Цесаревича. На переписку, на соблюденіе всѣхъ формальностей потребовалось много времени, такъ что приказъ объ опредѣленіи его полученъ только на другой день послѣ

Библиотека "Руниверс"

выступленія гвардіи; поэтому первоначально долженъ былъ онъ поступить въ находившійся въ Петергофѣ, подъ начальствомъ полковника Штейна, запасный эскадронъ. Также какъ мнѣ, лѣтъ за восемнадцать передъ тѣмъ, братъ нанялъ ему тамъ квартиру, устроилъ его и потомъ отправился домой въ Пензу.

Послѣ девятимѣсячнаго отсутствія, въ половинѣ Маія, Государь возвратился въ Петербургъ, на пути не удостоивъ гвардію свою отеческо-монаршимъ взглядомъ своимъ. Еще болѣе чѣмъ въ протекшемъ году обнаруживалъ онъ твердое намѣреніе противодѣйствовать направленію, которое такъ неосторожно самъ онъ далъ общественнымъ мнѣніямъ.

Прежде всего по религіознымъ дѣламъ замѣтили въ немъ уклоненіе отъ прежнихъ идей. По сей части довѣренную его особу, жалкаго князя Голицына, все болѣе втягивали въ мистицизмъ. Онъ посѣщалъ богослуженіе различныхъ раскольничьихъ сектъ, находившихся въ Петербургѣ и одной изъ нихъ умѣлъ выпросить помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ. Тутъ долженъ я остановиться, чтобы разсказать объ одномъ случаѣ, коего отчасти былъ я свидѣтелемъ и который покажетъ, до какого нелѣпаго изувѣрства былъ доведенъ этотъ человѣкъ.

По возвращеніи изъ Нижняго Новгорода, въ одинъ воскресный день, разъ посѣтилъ я доброе семейство Лабатъ-де-Вивансъ, чрезвычайно уменьшившееся, съ которымъ я никогда не прерывалъ давнишнихъ связей моихъ. Оно состояло изъ старыхъ дѣвокъ, ревностныхъ, чтобы не сказать бѣшеныхъ Католичекъ, которымъ, по милости Государя, за службу отца, дана была квартира въ верхнемъ этажѣ Михайловскаго замка. За дружескимъ разговоромъ послѣдовало минутное молчаніе, во время котораго послышалось мнѣ странное пѣніе. «Что это значитъ? спросилъ я.—«Ah, c'est le sabbat», воскликнули онѣ, заливаясь слезами. Окна ихъ выходили на Фонтанку, рядомъ съ округленнымъ выступомъ, во внутрь котораго изъ нихъ съ боку внизъ можно было смотрѣть. Тамъ находилась зала, отведенная сектѣ для ея духовныхъ упражненій. Я полюбопытствовалъ взглянуть и могъ только разсмотрѣть фигуры, какъ бы въ саваны наряженныя, съ остроконечными бѣлыми колпаками, которыя, съ неимовѣрною быстротою кружась молніеобразно, появлялись и исчезали. Дѣвицы Лабатъ послѣ того предложили мнѣ войдти въ темный коридоръ и въ открытую трубу прислушаться къ ихъ пѣнію; на голосъ: «За долами, за горами» могъ я разобрать только слова: «Богъ намъ далъ и Дѣва».

Эти люди были родъ Квакеровъ, называемыхъ въ Англіи Шекерами. Одинъ очевидецъ, допущенный зрителемъ къ ихъ проказливымъ таинствамъ, разсказывалъ мнѣ послѣ слѣдующее. Верховная жрица,

Библиотека "Руниверс"

нѣкая г-жа Татаринова, урожденная Буксгевденъ, посреди залы садилась въ кресла; мужчины садились вдоль по стѣнѣ, женщины становились передъ нею, ожидая отъ нея знака. Когда она подавала его, женщины начинали вертѣться, а мужчины пѣть, подъ тактъ ударяя себя въ колѣна, сперва тихо и плавно, а потомъ все громче и быстрѣе; по мѣрѣ того и вращающіяся превращались въ юлы. Въ изнеможеніи, въ изступленіи тѣмъ и другимъ начиналось что-то чудиться. Тогда изъ среды ихъ выступали вдохновенные, иногда мужикъ, иногда простая дѣвка, и начинали импровизировать нѣчто ни на что̀ не похожее. Навонецъ, едва передвигая ноги, всѣ спѣшили къ трапезѣ, отъ которой нерѣдко вкушалъ самъ министръ духовныхъ дѣлъ, умѣвшій подчинить себѣ Святѣйшій Синодъ. Первенствующими членами общества были директоръ департамента просвѣщенія Поповъ и нѣкто Мартынъ Пилецкій, прозванный Мартыномъ Задегомъ, племянникъ бывшаго Пензенскаго губернатора Крыжановскаго. Татаринова, Пилецкій и нѣкоторые другіе жительствовали даже во дворцѣ.

Столкновеніе двухъ фанатизмовъ было ужасное. Мои бѣдныя, набожныя Лабатки вообразили себѣ, что между ими водворился самъ діаволъ и что подлѣ нихъ бываютъ сходбища вѣдьмъ. Къ несчастію онѣ должны были ходить по одной лѣстницѣ съ ненавистными имъ существами; встрѣчаясь съ ними, онѣ съ ужасомъ отворачивались, невольно произнося нѣсколько непріятныхъ словъ; сверхъ того самое сосѣдство представляло поводы къ частымъ ссорамъ. Я старался внушить имъ умѣренность и благоразуміе и, говоря ихъ языкомъ, доказывалъ, что они должны съ покорностію нести крестъ, Господомъ имъ посланный. Впрочемъ все ограничивалось болѣе жалобами на такое положеніе, приносимыми посѣщающимъ ихъ. И чѣмъ же кончилось? Бѣдняжки были изгнаны изъ дворца гораздо прежде, чѣмъ онъ отданъ въ инженерное вѣдомство и переименованъ былъ Инженернымъ Замкомъ.

Совершенно невѣжественный въ богословскихъ наукахъ Голицынъ принадлежалъ ко всѣмъ сектамъ и ни къ одной. Странно было видѣть смирнаго человѣка, сдѣлавшагося жестокимъ гонителемъ за вопросы, которыхъ онъ не умѣлъ ни объяснять, ни даже понимать. А между тѣмъ знаменитѣйшія жертвы падали подъ ударами его.

Высокопреосвященный Амвросій, болѣе двадцати лѣтъ митрополитъ Петербургскій и первенствующій членъ Синода, умѣлъ соединять уступчивость придворнаго человѣка съ достоинствами верховнаго пастыря церкви. Терпѣніе его истощилось, когда онъ увидѣлъ неисчислимыя раны, наносимыя господствующей вѣрѣ, и онъ слегка началъ противоборствовать совращеніямъ. Маститая старость его послужила Голицыну предлогомъ къ его удаленію. Для него отдѣлена Новгородская

Библиотека "Руниверс"

епархія, онъ сосланъ туда и, удрученный лѣтами, вскорѣ угасъ тамъ въ горести. На его мѣсто призванъ былъ архіепископъ Черниговскій Михаилъ, извѣстный своею кротостію. Но, чего не видали руководители Голицына, онъ былъ самый жаркій поборникъ Православія; это вскорѣ открылось, и несогласія начались. Въ этой борьбѣ скоро истощились силы человѣка, привыкшаго къ уединенной и мирной жизни, и онъ также началъ клониться ко гробу. Чувствуя приближеніе кончины, въ началѣ 1821 года, написалъ онъ къ Государю письмо въ Лайбахъ. Въ немъ краснорѣчиво, убѣдительно, трогательно изобразилъ онъ опасности, коимъ подвергнута Греко-Россійская церковь; о противникѣ своемъ, слѣпотствующемъ Голицынѣ, говорилъ онъ съ сожалѣніемъ. Вообще письмо это, при совершенномъ отсутствіи гнѣва, исполнено было одною глубокою горестію. «Государь, такъ оканчивалъ онъ (какъ сказываютъ), когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, вѣроятно меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего кромѣ истины не вѣщалъ я людямъ, наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Вышнему Судіѣ». Это письмо тѣмъ болѣе поразило Государя, что черезъ двѣ недѣли получилъ онъ извѣстіе о его смерти.

Возвратясь въ Петербургъ, неизвѣстно по чьему внушенію, говорятъ по совѣту Аракчеева, преемникомъ Михаилу избралъ Государь Московскаго митрополита Серафима, умнаго старика, и хитраго, и стойкаго вмѣстѣ. Его назначеніе можно почитать началомъ постепеннаго паденія Голицына, Библейскаго Общества и мистицизма.

Въ слѣдующемъ году высочайшимъ рескриптомъ на имя графа Кочубея велѣно закрыть всѣ Масонскія ложи и тайныя общества и всѣхъ служащихъ, равно какъ и вступающихъ въ службу, обязать подпискою не посѣщать ихъ и къ нимъ не принадлежать. Эта мѣра была бы весьма полезна за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда мода и любопытство привлекали въ нихъ множество разнаго званія людей. Тогда злонамѣренные старались вербовать туда неопытныхъ юношей. Я давно пересталъ ходить въ ложи и только по наслышкѣ знаю, что онѣ были брошены большею половиною прежнихъ посѣтителей и продолжали существовать безъ цѣли и значенія.

Въ Августѣ Государь однакоже захотѣлъ показать себя гвардіи. Усилія Австрійскихъ войскъ въ Италіи были увѣнчаны успѣхомъ, и слѣдственно помощь Россіи сдѣлалась болѣе ненужною. Гвардейскій корпусъ былъ остановленъ на дорогѣ въ принадлежащемъ графу Хребтовичу Бѣлорусскомъ помѣстьи Бѣшенковичахъ; туда отправился Государь. Осмотрѣвъ полки, онъ остался ими совершенно доволенъ, роздалъ нѣсколько наградъ начальствующимъ, но воротиться имъ въ Пе-

Библиотека "Руниверс"

тербургъ на зиму не дозволилъ. На лучшія зимнія квартиры должны были они идти не помню въ Литву или въ Минскую губернію.

Желая въ одной этой главѣ соединить происшествія двухъ годовъ по одному предмету, скажу, что, въ слѣдующемъ 1822, къ 22 Іюля, дню имянинъ вдовствующей Императрицы и Петергофскаго праздника, гвардія возвратилась изъ продолжительной и затруднительной прогулки своей; тутъ, кажется, послѣдовала совершенная мировая. Однако тутъ же приняты нѣкоторыя новыя мѣры, которыя соблюдаются и понынѣ; напримѣръ, тутъ начали заниматься учрежденіемъ Школы Гвардейскихъ Юнкеровъ и Подпрапоршиковъ. Жизнь сихъ молодыхъ людей была дотолѣ самая праздная и соблазнительная: на нихъ мало взыскивали, на ученье ходили они рѣдко, въ караулы никогда. Но какъ всякое дѣло имѣетъ свою худую сторону, то запирать совершеннолѣтнихъ юношей, какъ малолѣтнихъ учениковъ, не значило ли возбуждать еще болѣе кипящія въ нихъ страсти? Исключая походовъ, гвардейцы не знали дотолѣ другой жизни, кромѣ столичной; съ этихъ поръ начали поочередно выводить батальоны на полгода въ окрестъ лежащія селенія.

Окончу сію главу разсказомъ о случившемся въ сіи два года, ближе ко мнѣ относящемся.

Сдѣлавшись главнымъ директоромъ Путей Сообщенія, сказать правду, мой Бетанкуръ слишкомъ зазнался. Онъ не видѣлъ границъ ни довѣренности къ нему Царя, ни покорности первыхъ лицъ въ государствѣ къ сему послѣднему, и почиталъ все себѣ дозволеннымъ. Онъ не хотѣлъ сдѣлать никакихъ связей, которыя бы во дни напасти нѣкоторымъ образомъ могли служить ему опорой. Россія казалась ему также неисчерпаемымъ кладеземъ, и оттого предпріятіямъ его, скажемъ лучше, его строительнымъ затѣямъ, не было конца; на все требовалъ онъ милліоны и гнѣвался на министра финансовъ, который не умѣлъ ихъ находить. Въ преувеличеномъ видѣ кредитъ его представлялся Ранду, который внѣ круга дѣйствія своего также не имѣлъ никакихъ связей. Онъ, какъ говорится, смѣло билъ въ его голову, ни отъ чего незаконнаго не предостерегая, не удерживая его; только, для прикрытія собственной отвѣтственности, не скрѣплялъ ни одной изъ бумагъ имъ подписанныхъ. Оттого управленіе шло самымъ безпутнымъ образомъ, а число непріятелей Бетанкура, имъ оскорбленныхъ, въ высшемъ правительственномъ кругу, съ каждымъ днемъ возрастало. За всѣмъ слѣдилъ Аракчеевъ, коего покровительствомъ онъ пренебрегалъ, который не враждебно, но и не слишкомъ пріязненно былъ къ нему расположенъ и который обо всемъ доносилъ въ Троппау и Лайбахъ. Къ веснѣ многіе были увѣрены, что начальнику моему не остаться на

Библиотека "Руниверс"

мѣстѣ; тучи собрались надъ его головою, и ихъ не видѣли только онъ да Рандъ, именно тѣ, надъ коими онѣ должны были разразиться.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Государя, въ Маѣ мѣсяцѣ, имѣлъ онъ у него докладъ. Надобно полагать, что пріемъ ему былъ хорошій, ибо на другой день видѣлъ я его веселымъ по прежнему. Всѣ предположенія его одобрены, всѣ представленные имъ инженеры награждены; только представленія о гражданскихъ чиновникахъ Государь, показывая усталость, оставилъ у себя, обѣщая на другой день ихъ утвердить. Кто бы могъ подумать? Безъ всякой просьбы, безъ всякаго напоминанія съ моей стороны, и я попалъ въ число представленныхъ. Я думаю, Бетанкуру хотѣлось честнымъ образомъ отъ меня отдѣлаться, а потомъ распроститься со мною; для того прямо, мимо Милорадовича, испрашивалъ онъ мнѣ чинъ статскаго совѣтника. Онъ даже напередъ поздравилъ меня съ нимъ, а мнѣ не повѣрилось.

Дня черезъ три послѣ доклада, Бетанкуръ, увѣренный въ сохраненіи милости царской, имѣлъ неосторожность опять отправиться въ Нижній-Новгородъ, куда его всегда такъ и зазывало. Такимъ образомъ оставилъ онъ свободное поле происканъ всѣхъ своихъ недоброжелателей. Скоро послѣ отъѣзда его узнали мы, что представленія объ насъ Государь велѣлъ отправить на разсмотрѣніе въ Комитетъ Министровъ, гдѣ цѣлые годы пролеживали они; ибо Государь въ частыхъ разъѣздахъ, говорили, не имѣетъ времени заняться ихъ утвержденіемъ. Меня это мало огорчило, я того и ожидалъ; но оно служило несомнѣннымъ доказательствомъ упадка моего начальника въ добромъ мнѣніи Царя.

Въ концѣ Сентября Бетанкуръ воротился въ Петербургъ не на радость. Недѣля за недѣлю Государь все откладывалъ испрашиваемый имъ докладъ. Это продолжалось почти три мѣсяца, какъ вдругъ въ главномъ управленіи его произошла ужасная тревога.

Пензенскій помѣщикъ, мой сосѣдъ, двоюродный братъ упомянутымъ мною Араповымъ и Хрущовымъ, Александръ Петровичъ Вельяшевъ, служилъ или скорѣе числился нѣкогда въ Иностранной Коллегіи. Отецъ его Петръ Адріановичъ, богатый помѣщикъ, въ большихъ долгахъ не отъ мотовства, а отъ предпріимчивости, сдѣлалъ изъ него своего повѣреннаго и прикащика. Исполняя волю отца, онъ слѣдовалъ и собственной склонности, и въ самыхъ молодыхъ годахъ все занимался отправленіемъ кулей внизъ по Сурѣ и вверхъ по Волгѣ. Когда ровесники и сослуживцы говорили ему о поэзіи, о спектакляхъ, о красотѣ женщинъ, онъ все толковалъ имъ о Василь-Сурскѣ и о Рыбинскѣ. При учрежденіи Главнаго Управленія Путей Сообщенія пожелалъ онъ служить въ его вѣдомствѣ, естественнымъ образомъ переведенъ въ

Библиотека "Руниверс"

инженеры по сей части съ переименованіемъ въ равный чинъ и имѣлъ тутъ потомъ постоянные успѣхи. Всѣ поручаемыя ему операціи оканчивалъ онъ къ удовольствію начальства, хотя съ большимъ накладомъ для казны. Въ немъ было и Русское хлѣбосольство, однакоже съ разборчивостію, и нѣкоторая часть тайно или даже открыто дѣлаемыхъ имъ пріобрѣтеній поглощалась желудками угощаемыхъ имъ всегда болѣе или менѣе нужныхъ ему людей. Это былъ кладъ, а не человѣкъ. На упрекъ въ умноженіи состоянія отвѣтомъ всегда бывали родительскія спекуляціи.

Бывали и для него тяжелыя времена, именно передъ самымъ назначеніемъ Бетанкура въ должность главнаго директора. Въ чинѣ генералъ-маіора между прочимъ завѣдывалъ онъ тогда устройствомъ дороги изъ Чудова въ Грузино. По какимъ-то доносамъ, по какимъ-то недочетамъ грозила ему напасть. Смѣлымъ Богъ владѣетъ, говорится обыкновенно; мнѣ кажется, иногда и чортъ: съ неимовѣрною наглостію Вельяшевъ умѣлъ выпутаться изъ дѣлà, обчелъ, обворожилъ Бетанкура и вмѣсто взысканія получилъ ленту. Что̀ послѣ того года черезъ два могло разорвать крѣпкія связи его съ Рандомъ, мнѣ доселѣ неизвѣстно; вѣроятно какіе нибудь споры по дѣлежу, какая нибудь неустойка, неисполненіе великолѣпныхъ обѣщаній, только вражда между сихъ людей возгорѣлась ужасная. Нападенія на Вельяшева поведены были сильно; можетъ быть, еслибъ онъ не ожидалъ скораго паденія Бетанкура, еслибъ онъ не твердо надѣялся на Аракчеева (къ которому умѣлъ поддѣлаться, но который никогда не потакалъ мошенничествамъ и его послѣ выдалъ), то не рѣшился бы онъ вступить въ неровный бой. Будучи членомъ Совѣта Путей Сообщенія вмѣстѣ съ генераломъ Карбоніеромъ, постояннымъ неодобрителемъ всего происходящаго, составилъ онъ съ нимъ явную оппозицію: они представили бумагу, исполненную самыхъ дерзкихъ выраженій въ видѣ протестаціи противъ дѣйствій главнаго директора. Это было почти наканунѣ Рождества 1821 года.

Когда о святкахъ дошло сіе до Государя, потребовалъ онъ къ себѣ, наконецъ, Бетанкура. Въ первый разъ принялъ онъ его сурово и между прочимъ сказалъ: «Я васъ не виню, а самого себя; я опредѣлилъ васъ въ должность, для которой вы неспособны и отъ которой вы отказывались». Кажется, послѣ этого оставалось только просить объ увольненіи отъ оной; но удовольствія власти сдѣлались уже въ немъ привычкою, и онъ остался. По крайней мѣрѣ, восторжествовалъ онъ надъ своими врагами. Можетъ быть, въ протестѣ двухъ генераловъ было много дѣльнаго, много истины; но онъ сдѣланъ былъ во время неустройствъ на Западѣ и имѣлъ видъ возмущенія противъ началь-

Библиотека "Руниверс"

ства; оба были удалены отъ должностей и преданы суду *). Но какъ бы ни было, этимъ нанесенъ рѣшительный ударъ Бетанкуру.

Житье было плохое потомъ для бѣднаго Вельяшева: обвиненія на нихъ посыпались, и строго начали разсматривать его счеты. Мнѣ только одинъ разъ послѣ того удалось его видѣть. Въ Великую Пятницу 1822 года, гуляя по Невскому проспекту, зашелъ я отдохнуть въ Католическую церковь; въ ней было довольно просторно: всѣ толпились вокругъ декораціи, находившейся въ глубинѣ ея. Издали меня увидѣвъ, Вельяшевъ всталъ, подошелъ и сѣлъ возлѣ меня. Онъ былъ бѣловолосъ, блѣденъ, худъ и чрезвычайно картавъ, даже косноязыченъ. Тутъ на лицѣ его замѣтилъ я желтоватую синеву, и въ поношеномъ мундирномъ сертукѣ подъ поношеною шинелью показался онъ мнѣ очень жалокъ. Почитая меня справедливо недовольнымъ, пустился онъ говорить не столько объ общемъ нашемъ начальникѣ, какъ объ окружающихъ его. Онъ не старался оправдывать себя и кончилъ, сказавъ мнѣ: «Ну чтожъ, кьяй, такъ кьяй; но развѣ я одинъ, да развѣ я не давай Янту и Хьющову, да развѣ нѣтъ у меня на то вѣйныхъ доказательствъ?» Я думаю, что онъ говорилъ неправду (такими доказательствами онъ бы вѣрно воспользовался); какъ Русскій человѣкъ, поступалъ онъ смѣло, неосмотрительно, а Рандъ всегда искусно умѣлъ, какъ говорится, хоронить концы. Такая наивность привела меня въ совершенное смущеніе; языкъ прильнулъ къ гортани моей, и я съ трудомъ могъ проговаривать: ну, такъ, конечно, оно такъ. Замѣтивъ, что я неохотно его слушаю, онъ почти съ негодованіемъ оставилъ меня.

Еще весной узнали, что назначенъ новый конгрессъ въ Веронѣ и что Государь намѣренъ къ концу лѣта туда отправиться. На этотъ разъ Бетанкуръ не поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, остался въ Петербургѣ, тщетно умоляя объ аудіенціи и ожидая ея съ надеждою представить всѣ собранныя имъ объясненія и оправданія. Онъ получилъ ее наканунѣ отъѣзда Государева, 2 Августа.

Я ничего о томъ не зналъ. На другой день послѣ обѣда явился ко мнѣ вѣстовщикъ Морозовъ съ вопросомъ: «Правда ли, что Бетанкуръ отставленъ?»—Не знаю, отвѣчалъ я; дѣло возможное, только я не слыхалъ. Я не обратилъ особаго вниманія на принесенныя имъ вѣсти, которыя по большей части бывали одно вранье; однакоже слѣдующимъ утромъ полюбопытствовалъ идти къ Бетанкуру. Все нашелъ я въ прежнемъ порядкѣ, адъютантовъ, дежурныхъ, его самого, распоряжающаго, повелѣвающаго, а Ранда не только не встревоженнымъ, ка-

*) Карбоніеръ скоро оправдался и перешелъ въ военно-инженерное вѣдомство; а Вельяшевъ даже умеръ подъ судомъ.

Библиотека "Руниверс"

залось, даже болѣе ободреннымъ. Я не рѣшился никого вопросить; но отъ новаго адъютанта, гвардіи офицера Бестужева, ко мнѣ пріязненно расположеннаго, узналъ слѣдующее.

Государь принялъ Бетанкура повидимому весьма благосклонно, говорилъ ему съ сожалѣніемъ о множествѣ враговъ, которыхъ онъ, какъ иностранецъ, имѣетъ въ Россіи, и объявилъ, что придумалъ средство дать ему сильную опору. «Генералъ-инспекторъ военныхъ инженеровъ—братъ мой Николай Павловичъ, сказалъ онъ, но по молодости лѣтъ онъ только поверхностно занимается этою частію, всѣмъ же завѣдываетъ директоръ инженернаго департамента, ученый и опытный генералъ Опперманъ. Въ семействѣ моемъ выбралъ я одного человѣка, съ которымъ хочу поставить васъ въ одинаковыя отношенія; это родной дядя мой, герцогъ Александръ Виртембергскій, который теперь въ Витебскѣ генералъ-губернаторомъ; онъ начальствовать будетъ только однимъ именемъ». Сбираясь въ путь, по совершенному недосугу, занятіе представленными ему дѣлами Государь отложилъ до скораго возвращенія своего. Въ приказѣ, тотъ же день отданномъ, ничего не упомянуто о Бетанкурѣ, а герцогъ названъ не главнымъ директоромъ, а главноуправляющимъ путями сообщеній. Понимай, какъ хочешь!

Странно, какъ Бетанкуръ не постигнулъ еще характеръ Александра, какъ онъ не понялъ дипломатической его уловки! Какъ вымышленный соотечественникъ его, графъ Альмавива, онъ не вѣрилъ одной только правдѣ. Между тѣмъ два Александра, Императоръ и герцогъ, дорогой имѣли свиданіе и тайное совѣщаніе. А мой бѣдняга оставался предоволенъ и даже съ большимъ нетерпѣніемъ, почти два мѣсяца, ожидалъ прибытія его королевскаго высочества.

Стоитъ поразсказать объ этомъ пріѣздѣ. Зять Бетанкура, маіоръ Эспе́хо, не помню по какому-то нужному дѣлу, былъ у меня часу въ четвертомъ 1-го Октября, въ день Покрова. Въ душевномъ волненіи, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ въ то утро имъ видѣннаго, передалъ онъ мнѣ всѣ подробности. Наканунѣ 1-го Октября рано пріѣхалъ герцогъ и остановился въ приготовленныхъ для него комнатахъ Зимняго дворца; потомъ отдалъ приказаніе, чтобъ всѣ инженеры, находящіеся на лицо, съ своимъ начальникомъ явились къ нему на другой день 1-го числа. Болѣе часа Бетанкуръ съ гурьбой подчиненныхъ долженъ былъ прождать; его позвали, но не отдѣльно, а вмѣстѣ съ ними. Поочередно началъ онъ ихъ представлять герцогу, какъ тотъ, вдругъ остановивъ его словомъ «довольно», обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «Господа, въ вашемъ корпусѣ тьма безпорядковъ, хищничества, до того, что мундиръ вашъ весь выпачканъ; его стыдно носить, и я не прежде надѣну его, пока новыми поступками вы не очистите его.

Библиотека "Руниверс"

Сильными мѣрами постараюсь васъ къ тому понудить». Коротко и ясно. Ничего еще не видавши, клеймить людей, изъ коихъ многіе были уваженія достойны, и единственно съ умысломъ оскорбить ихъ начальника: это такая безчеловѣчная жестокость, которую могъ себѣ позволить только Нѣмецкій принцъ. Бетанкуръ спросилъ его: когда прикажете представиться гражданскимъ чиновникамъ? «Никогда, отвѣчалъ онъ: они недостойны меня видѣть». Потомъ поворотился ко всѣмъ спиной и вышелъ.

Съ небольшимъ числомъ накопившихся бумагъ долженъ былъ я на другой день идти къ разобиженному, униженному генералу. Старикъ-швейцаръ изъ Нѣмцевъ встрѣтилъ меня съ печальнымъ видомъ и, качая головой, сказалъ: «Идите, все пусто, онъ одинъ, никого нѣтъ». Дѣйствительно я нашелъ его совершенно одного, одѣтаго въ мундирѣ, сидящаго за письменнымъ столомъ, сложивъ руки, погруженнаго въ думу. «А, это вы!» сказалъ онъ, приподнявъ голову и, не смотря, сталъ подписывать мои бумаги. Я молчалъ. Вдругъ спросилъ онъ у меня: «Слышали-ли вы, что́ вчера происходило?» — Слышалъ и едва повѣрилъ, былъ мой отвѣтъ. «Но вы еще не все знаете, продолжалъ онъ; представьте себѣ, что вчера вечеромъ вдругъ онъ послалъ за Эвеніусомъ *) и велѣлъ ему, нанявъ подводы, въ самую полночь подъѣхать къ моей канцеляріи, тамъ выбрать всѣ дѣла и бумаги и привезти къ нему. Когда сегодня пришелъ Рандъ, чтобы приготовить къ докладу дѣла, нашелъ онъ всѣ шкапы пустыми и канцелярію расхищенною и когда узналъ, что все увезено Эвеніусомъ, пошелъ къ герцогу за приказаніями. Тотъ велѣлъ его пустить и встрѣтилъ словами: Зачѣмъ вы пришли? Вы мнѣ вовсе ненужны; ступайте вонъ и не показывайтесь мнѣ на глаза. Разсказавъ мнѣ о томъ, передъ вами только что онъ вышелъ отъ меня». Еслибъ я алкалъ мщенія, то какого лучше могъ я ожидать? Бѣдный старикъ до того обезпамятѣлъ, что забылъ, съ кѣмъ говоритъ и съ горестію возвѣщалъ о паденіи Ранда человѣку, котораго оно много опечалить не могло.

Не проходило потомъ недѣли, чтобы Бетанкуръ не испытывалъ новыхъ непріятностей, не претерпѣвалъ новыхъ униженій. Принявъ предложеніе Государя, онъ добровольно подчинилъ себя герцогу; дѣлать было нечего. Положеніе его было совершенно новое: никто еще не видѣлъ министра, сдѣлавшагося вдругъ подчиненнымъ преемника своего.

Ни одинъ изъ прежнихъ главныхъ директоровъ, ни принцъ Ольденбургскій, ни Де-Воланъ не могли входить ни въ какія распоряженія по Институту Путей Сообщенія; согласно волѣ Императора, Бетанкуръ

*) Смирный, честный и трудолюбивый помощникъ Ран а, совсѣмъ на него непохожій.

Библиотека "Руниверс"

оставался въ немъ полнымъ властелиномъ и хозяиномъ. Не предупредивъ его, герцогъ вдругъ пріѣхалъ осматривать сіе заведеніе во всѣхъ его подробностяхъ. По учебной части трудно бы было ему найти какое-либо упущеніе; за то по матеріальной ко всему придирался онъ, чтобы все расхулить. Тамъ штукатурка немного отвалилась, тамъ замѣтилъ онъ пятно на стѣнѣ; не смотря на позднее время года, все велѣлъ онъ переправить, перекрасить. Наконецъ, за всѣ таковыя неисправности объявилъ строжайшій выговоръ начальству. Еще гораздо позднѣе, кажется, уже въ Ноябрѣ, далъ онъ, какъ бы адъютанту, письменное приказаніе предмѣстнику своему отправиться въ Шлиссельбургъ, для осмотра какихъ-то поврежденій въ шлюзахъ, затрудняющихъ прибытіе послѣднихъ транспортовъ.

Я не понималъ, я не узнавалъ Бетанкура; правда, повиновеніе его было молчаливое и сердитое, но не менѣе того безотвѣтное. Въ поступкахъ герцога онъ находилъ нѣчто столь чудовищное, что надѣялся по возвращеніи Царя видѣть сердце его тронутымъ такими противъ него несправедливостями. Какъ онъ ошибался! Немало огорчило его также въ это время изъявленное герцогомъ намѣреніе лишить его великолѣпной квартиры.

Сынъ не короля и даже не курфирста, а только владѣтельнаго герцога Виртембергскаго, прежде князя Монбеліарскаго, отца многочисленнаго семейства, герцогъ Александръ претерпѣвалъ нѣкогда нужду, и состояніе его далеко не равнялось знаменитости его рода. А въ крови всѣхъ членовъ этого владѣтельнаго дома была страсть къ пышности, къ наружному величію. Старшій братъ его, первый король Виртембергскій, коего наслѣдственныя владѣнія, благодаря постоянному союзу его съ Наполеономъ, увеличились впятеро, могъ болѣе удѣлять меньшимъ братьямъ. Однакоже не болѣе пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія могъ онъ получать отъ него. Гораздо болѣе имѣлъ онъ отъ щедротъ царственныхъ родственниковъ своихъ въ Россіи. Съ малолѣтства, говорятъ, имѣлъ онъ великую склонность къ математикѣ вообще и къ живописи. Въ первой имѣлъ большіе успѣхи и съ прежнею Нѣмецкою терпѣливостію и въ другихъ частяхъ пріобрѣлъ много познаній. Иногда искусство можетъ исправлять, украшать тощую природу, но никогда одна наука не можетъ вполнѣ замѣнить врожденный умъ. При малыхъ средствахъ, со вкусомъ и бережливостію, герцогъ умѣлъ составить себѣ изящную картинную галлерею, которую, за неимѣніемъ имъ осѣдлости, можно было назвать кочевою. Чтобы разставить ее и жить съ подобающимъ сану его достоинствомъ, мысленно избралъ онъ казенный, прежде Юсуповскій домъ, который безъ всякаго преувеличенія, когда угодно, можно было назвать дворцомъ.

Библиотека "Руниверс"

Для занятія его, самъ Бетанкуръ неумышленно приготовилъ ему средства. Еще при принцѣ Ольденбургскомъ значительный капиталъ выданъ былъ изъ казны на покупку въ Петербургѣ дома для департамента и канцелярій. По жительству принца въ Твери капиталъ сей положенъ былъ для приращенія процентами въ Заемный Банкъ. Сверхъ того на тотъ же предметъ по штату отпускалась ежегодно сумма, изъ которой бережливый Де-Воланъ употреблялъ только половину для найма квартиры департаменту, а остальное отсылалъ въ тотъ же Банкъ. Институту принадлежало пустое мѣсто по Обуховскому проспекту; на немъ затѣялъ Бетанкуръ построить большое, славное зданіе и употребить для того найденный имъ накопившійся огромный капиталъ. Докладывая о томъ Государю, сказалъ онъ: «Есть мѣсто, есть деньги, и Вашему Величеству копѣйки это не будетъ стоить». Однакоже строители, инженеры умѣли такъ сдѣлать, что свыше смѣты пришлось еще до трехъ сотъ тысячъ ассигнаціями доплатить. Строеніе было только что совершенно окончено и отдѣлано и по величинѣ своей не соотвѣтствовало своему назначенію, ибо нѣсколько департаментовъ могло въ немъ помѣститься. Герцогъ нашелъ, что оно весьма удобно для Института, и если вывести его изъ Юсуповскаго дома, можетъ онъ занять его мѣсто. Всѣ сіи перемѣщенія могли быть сдѣланы лишь съ согласія Императора, а возвращенія его ожидали только въ Генварѣ, слѣдственно ближе весны нельзя было приступить къ передѣлкамъ, и хотя на нѣсколько мѣсяцевъ Бетанкуръ могъ сохранить свое жилище.

Черты у герцога, говорятъ, были правильныя (я его никогда не видалъ), но обезображены большимъ наростомъ, шишкою или лупою. Не смотря на грозное его вступленіе, подчиненные не весьма боялись его; при дворѣ его не уважали, особливо молодые племянницы, изъ коихъ проказливый Михаилъ Павловичъ называлъ его то титулярнымъ совѣтникомъ Шишкинымъ, то дядюшкой Лупандинымъ (отъ слова loupe) и, наконецъ, великимъ Понтифомъ, какъ завѣдывающимъ ponts et chaussées. Какъ въ мужѣ почтенной и любви достойной принцессы и отцѣ семейства не одобряли въ немъ также слишкомъ явной страсти къ презрѣннымъ женщинамъ.

Изгнавъ Ранда и Хрущова, управленіе департаментомъ временно поручилъ онъ привезенному съ собою правителю канцеляріи своей, Бѣлорусскому дворянину, статскому совѣтнику Петру Вонифатьевичу Борейшѣ, извѣстнѣйшему плуту, и сохранилъ его директоромъ до конца жизни своей; и такъ, какъ говорятъ Французы, чортъ ничего тутъ не потерялъ. Исключая двухъ первыхъ, вѣроятно пожертвованныхъ послѣднему, со всѣми другими герцогъ былъ отмѣнно хорошъ. Я уже говорилъ объ увертливости и угодливости Варенцова; для него сочи-

Библиотека "Руниверс"

нилъ Бетанкуръ дежурство, превратившееся при герцогѣ въ штабъ корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія; пользуясь великою довѣренностію новаго начальника, онъ имѣлъ безстыдство и подлость вездѣ поносить прежняго, ему столь благодѣтельствовавшаго. Добрый, честный, любострастный Маничаровъ изъ адъютантовъ попалъ къ герцогу по особымъ порученіямъ, и при семъ обожателѣ прекраснаго пола житье ему было лучше прежняго. Наконецъ, и Бестужева взялъ онъ къ себѣ въ адъютанты и всегда любилъ.

По положенію моему, внѣ совершившихся великихъ переворотовъ, былъ я простымъ ихъ зрителемъ. Наконецъ, съ моимъ Бетанкуромъ остались мы почти съ глазу на глазъ; но все какая то неловкость продолжала существовать въ нашихъ сношеніяхъ; мало-по-малу воротилась прежняя довѣренность, и наши бесѣды сдѣлались откровеннѣе. Странная была моя участь: я былъ чуждъ его торжеству, а раздѣлялъ его паденіе. Въ послѣдніе годы лѣность не до того овладѣла мной, чтобы въ другихъ вѣдомствахъ не искалъ я мѣста, если не равнаго тому, которое имѣлъ въ виду, по крайней мѣрѣ немного ниже. Непріязненность къ человѣку, при которомъ я находился, вездѣ ставила мнѣ препятствія. Наконецъ, я рѣшился все бросить и съ братомъ зарыться въ деревнѣ; зимой непремѣнно бы я сіе сдѣлалъ, еслибъ осенью не послѣдовали для насъ такія важныя перемѣны. Мнѣ стало совѣстно и жалко какъ будто бросить человѣка всѣми покинутаго; однакоже намѣренія моего я не оставлялъ и для исполненія его ожидалъ только весны.

Надобно же сказать, что̀ послѣдовало съ Бетанкуромъ по возвращеніи Государя изъ Вероны. Опальный писалъ къ нему, но не получилъ отвѣта. Насилу, какъ бы въ оказаніе особой милости, дозволено ему не числиться болѣе въ Корпусѣ Инженеровъ, не управлять Институтомъ Путей Сообщенія и не зависѣть отъ герцога. Въ завѣдываніи его остались только Петербургскій Строительный Комитетъ, Исакіевскій соборъ и Нижегородская ярманка. По первому предмету раза два или три въ недѣлю официально занимался я съ нимъ; по послѣднимъ бумагами приватно завѣдывалъ Рандъ, съ которымъ, къ счастію, мнѣ рѣдко случалось встрѣчаться. Ослѣпленіе старца длилось до конца жизни его; а его губитель, уже безъ цѣли, по одной привычкѣ, старался сохранить надъ нимъ пріобрѣтенную власть.

IV.

Съ тѣхъ поръ какъ по службѣ обязанъ я былъ заниматься строительною частію въ Петербургѣ, въ Запискахъ сихъ я почти ничего о ней не упомянулъ. Имѣя въ виду скоро разстаться съ нею, нехудо сдѣлаю, если читателю дамъ отчетъ въ ея успѣхахъ.

Библиотека "Руниверс"

Одинъ огромный памятникъ обращалъ въ это время на себя особое вниманіе Государя — вѣчно строющійся Исакіевскій соборъ. Въ концѣ 1817 года утвердилъ онъ новый чертежъ и планъ сего зданія и для перестройки его учредилъ коммисію подъ предсѣдательствомъ оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина. Генералъ Бетанкуръ назначенъ членомъ сей коммисіи по искусственной части, то-есть настоящимъ строителемъ; именемъ же строителя почтенъ Монферранъ, архитекторъ невзначай.

Найдено, и весьма справедливо, что величина угловатаго, неправильнаго пространнаго поля, которое подъ именемъ площади окружало прежній соборъ, повредитъ колоссальности возводимаго новаго храма, и для того, по волѣ Царя, сдѣланъ новый планъ площади; кусокъ въ видѣ треугольника отрѣзанъ отъ нея для постройки на немъ частнаго строенія, которое могло бы служить частію красивой рамы великолѣпной картинѣ.

Я не видѣлъ начала исполненія сего предпріятія: къ нему приступлено послѣ отъѣзда моего за границу, весною 1818 года. Когда я возвратился, нашелъ я подлѣ собора въ одно лѣто выросшій огромный домъ, который по формѣ своей походилъ на фортепіано и принадлежалъ родному племяннику министра юстиціи, князю Лобанову-Ростовскому. Сей послѣдній разбогатѣлъ отъ женитьбы на графини Безбородко, племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ князя Безбородки. Что же касается до самого собора, то кирпичный куполъ, построенный при Павлѣ, былъ уже съ него снятъ, и небольшая часть его къ Почтовой улицѣ сломана. Другихъ перемѣнъ я не нашелъ, и въ послѣдующіе годы видѣлъ мало.

А между тѣмъ полтора милліона рублей ассигнаціями ежегодно отпускаемо было для строенія. На что употреблялись они? На постройку существующаго и понынѣ деревяннаго забора и спрятаннаго за нимъ деревяннаго городка для помѣщенія рабочаго народа и смотрителей за работами, на сооруженіе гранитнаго фундамента подъ новое къ Почтовой улицѣ вытягивающееся строеніе, болѣе же всего на заготовленіе драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Ими изобиловали въ Финляндіи Рускіальскія каменоломни, и одинъ простой Русскій промышленникъ, Яковлевъ, въ кафтанѣ и бородѣ, нашелъ удобное и легкое средство добывать огромнѣйшія ихъ массы безъ помощи инженеровъ и механиковъ и доставлять ихъ водою въ Петербургъ. Тутъ узналъ я все недоброжелательство и несправедливость западныхъ иностранцевъ къ Русскимъ; немногіе говорили объ этомъ человѣкѣ съ нѣкоторымъ одобреніемъ, только двое или трое дивились его изобрѣтательности. За то Русскіе осыпали его похвалами, когда лѣтомъ 1822 года на Исакіев-

Библиотека "Руниверс"

скую площадь съ Невы вывалилъ онъ чудовищный монолитъ, первый изъ тѣхъ, кои поддерживаютъ нынѣ фронтоны собора. Нерукотворная гора подъ стопами Мѣднаго Всадника, воспѣтая Рубаномъ, вблизи его казалась карлицей подлѣ великана. Нуженъ былъ и въ Бетанкурѣ геній механики, чтобы поднять такую тяжесть и какъ простую палку воткнуть передъ зданіемъ. Выдуманныя имъ машины служили великою помощію Монферрану, а послѣ смерти его сдѣлались его наслѣдствомъ. Все споспѣшествовало этому человѣку: искусство и Бетанкура, и Яковлева и, наконецъ, каменнаго дѣла мастера Квадри, который прочно умѣлъ строить, лучше всякаго архитектора. Ему оставалось только рисовать, да пока учиться строительной части.

За заборомъ нельзя было видѣть, какъ фундаментъ новаго строенія подымается изъ земли; только всѣ видѣли, какъ каждый годъ что-нибудь отламывалось отъ стараго, такъ что, наконецъ, осталась одна самая малая часть его и, можно сказать, украшала все еще новый Петербургъ, ибо была въ немъ единственною великолѣпною руиной.

Чтобы, между тѣмъ, чѣмъ-нибудь потѣшить Царя, Монферранъ, съ одобренія Бетанкура, затѣялъ сдѣлать деревянный модель новой церкви. Болѣе года отдѣлывался онъ въ надворномъ строеніи того дома, гдѣ мы жили съ Монферраномъ, и стоилъ болѣе восьмидесяти тысячъ рублей ассигнаціями. Когда онъ былъ оконченъ, его перенесли и поставили въ большой комнатѣ, которую онъ всю наполнилъ собою. Она была рядомъ съ моею квартирой, и я могъ досыта налюбоваться этой щеголеватою и великолѣпною игрушкой. Куполъ какъ жаръ былъ вызолоченъ; лакированное дерево можно было принять за гранитъ и мраморъ: до того оно имъ уподоблялось. Посредствомъ рукоятки модель раздвигался на двое и давалъ входъ во внутренность храма: тамъ все было, и штучный полъ, и раззолоченый иконостасъ, и миніатюрныя иконы, его украшающія, и все чудесно было отдѣлано. Въ комнатѣ, черезъ которую надобно было проходить, для противоположности нарочно поставленъ былъ довольно грубой работы небольшой модель старой церкви, отъ времени попортившійся и который дотолѣ хранился въ Академіи Художествъ. Разница должна была броситься въ глаза, хотя одно было плодомъ воображенія пресловутаго Растрели, а въ сочиненіи другаго, какъ въ иныхъ Французскихъ водевиляхъ, участвовали три автора. Можетъ быть нынѣ посмотрѣли бы снисходительнѣе и безпристрастнѣе, но тогда строго держались чисто-Греческаго стиля, соединяющаго простоту съ величіемъ, не хотѣли слышать о ренесансѣ, о моенажѣ, и слово рококо было вовсе неизвѣстно.

Государю угодно было модель сей удостоить своимъ воззрѣніемъ. По сосѣдству мнѣ захотѣлось быть свидѣтелемъ сего посѣщенія. Не

Библиотека "Руниверс"

предупредивъ Бетанкура, а только условясь съ Монферраномъ, явился я тутъ въ какомъ качествѣ? право, самъ не знаю, ремесленника ли или помощника архитектора. Это было въ Маѣ 1820 года. Насъ было всего трое, ожидавшихъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, четвертый—прибывшій Государь. Вотъ первый и единственный разъ, что̀ вдали отъ толпы, на столь небольшомъ пространствѣ и такъ продолжительно, могъ я видѣть и слышать его. Сперва жался я къ двери, но скоро любопытство побѣдило во мнѣ почтительный страхъ (къ счастію, онъ ничего не спросилъ обо мнѣ). Съ величайшимъ вниманіемъ онъ все разсматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ, дѣлалъ свои замѣчанія, и нѣсколько разъ низко нагибался, чтобы посудить объ эффектѣ, который произведетъ внутренность храма. Какъ онъ былъ еще хорошъ слишкомъ въ сорокъ лѣтъ и съ обнаженнымъ челомъ, и при умножающейся тучности какъ былъ онъ еще строенъ! Не меня дарилъ онъ улыбками, не ко мнѣ обращалъ онъ милостивое слово, а я весь былъ очарованъ. Удаляясь и взглянувъ на оба модели, на пестрый и потускнѣвшій и на тотъ, который блисталъ бѣлизной, обратился онъ къ Бетанкуру и сказалъ ему: «Вы знаете, на счетъ нашего предпріятія какъ много въ городѣ сплетень и пересудовъ; эти модели будутъ лучшимъ на нихъ отвѣтомъ». И дѣйствительно, всѣ художники роптали. Какъ можно для вѣковаго зданія не сдѣлать конкурса? говорили они. Архитекторы ненавидѣли Бетанкура за Монферрана, инженеры—за Ранда, всѣ знатные завидовали его кредиту; другія состоянія видѣли въ немъ иностранца, презирающаго ихъ отчизну, и все возстало на добраго человѣка, только ослѣпленнаго успѣхами. Европейцы и до сихъ поръ не постигли насъ; они полагаютъ, что въ Россіи нѣтъ другой Россіи кромѣ Царя. Одни Нѣмцы хорошо насъ поняли и оттого, если Богъ попуститъ, долго будутъ они у насъ первенствовать.

Изъ двухъ проектированныхъ замѣчательныхъ зданій одно въ это время было построено, хотя еще не отдѣлано: это новый Михайловскій дворецъ. Покойный императоръ Павелъ, при рожденіи младшаго сына Михаила Павловича, велѣлъ ежегодно откладывать, не помню по скольку сотенъ тысячъ рублей, дабы сей Веніаминъ, коему не суждено было царствовать, достигнувъ совершеннолѣтія, по крайней мѣрѣ могъ жить по-царски. Говорятъ, что накопилось до девяти милліоновъ, коихъ употребленіе молодой человѣкъ предоставилъ старшему брату Государю. На нихъ-то, подъ наблюденіемъ Росси и по плану его, выстроенъ дворецъ, для котораго образцомъ, хотя не совсѣмъ удачно, архитекторъ взялъ Лувръ.

Къ исполненію другаго проекта при мнѣ еще не было приступлено; оно послѣдовало немедленно послѣ моего отъѣзда. На дворцовой

Библиотека "Руниверс"

площади съ правой стороны находился закругленный такъ называемый Ланской домъ, а съ лѣвой—цѣлый рядъ частныхъ домовъ, образующій какой-то топорокъ, что̀ ей давало видъ совсѣмъ неблагообразный. Дабы сдѣлать ее болѣе регулярною, положено скупить всѣ дома, сломать ихъ и на ихъ мѣстѣ, въ видѣ неправильнаго полукружія, построить тѣ безконечныя зданія, въ коихъ помѣщаются нынѣ Главный Штабъ и два министерства—Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ.

Къ этому времени принадлежитъ и перестройка Большаго каменнаго театра, сгорѣвшаго 1 Генваря 1811 года, хотя она произведена гораздо ранѣе. Французъ Модюи принялъ на себя этотъ трудъ такъ, отъ нечего дѣлать, говорилъ онъ, и дабы доказать Русскимъ, что и въ бездѣлицѣ можетъ выказаться геній. Этотъ первый опытъ его въ Петербургѣ былъ и послѣдній. Не совсѣмъ его вина, если наружность зданія такъ некрасива, если надъ театромъ возвышается другое строеніе не соотвѣтствующее его фасаду. Тогдашній директоръ, князь Тюфякинъ, для умноженія прибыли, требовалъ, чтобъ его какъ можно болѣе возвысили. Когда перестройка была кончена, въ началѣ 1818 года, дворъ находился въ Москвѣ, а Государь на нѣсколько дней пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ осмотрѣлъ театръ, остался доволенъ, но при открытіи его быть не хотѣлъ. Щедро наградилъ онъ Модюи и деньгами, и чиномъ коллежскаго ассессора; а тому болѣе хотѣлось крестика *).

Упоминая о театрѣ, кстати приходится мнѣ здѣсь говорить и о театральныхъ представленіяхъ. Въ Русской труппѣ большихъ перемѣнъ произойти не могло. Цѣлое новое поколѣніе молодыхъ актеровъ—Сосницкій, Рамазановъ, Климовскій,—показалось въ пятнадцатомъ году; въ столь короткое время они не могли состарѣться, а напротивъ возмужали и усовершенствовались.

Опера шла тихимъ шагомъ съ своимъ прежнимъ Самойловымъ и съ меньшою Семеновою. Комедій новыхъ было мало, а новыхъ трагедій и вовсе не было. Но въ старыхъ, и особенно въ драмахъ, явился маленькій феноменъ, молодой Каратыгинъ. Какъ законный наслѣдникъ престола, заступилъ онъ мѣсто отошедшаго въ вѣчность Яковлева, всѣми почитаемаго отцомъ его. Хотя въ голосѣ двухъ трагическихъ артистовъ было большое сходство, за то въ прочемъ совершенная разница. Рослый и величавый Каратыгинъ, съ благородною осанкой и

*) Въ это царствованіе ленты и звѣзды сохраняли еще свою цѣну; ихъ не бросали на всѣхъ медиковъ, профессоровъ, архитекторовъ и тому подобныхъ людей. Если который изъ нихъ, бывало, получитъ орденъ въ петлицу или на шею, то бывалъ тѣмъ счастливъ на всю жизнь. Когда знаменитому Гваренги дали Владимирскій крестъ 4-й степени, онъ не снималъ его и всегда подписывался съ тѣхъ поръ Cavaliere di Guarenghi.

Библиотека "Руниверс"

красивымъ станомъ, умѣлъ пользоваться сими дарами природы; скорое ученіемъ и терпѣніемъ пріобрѣлъ онъ и искусство. Онъ женился на дочери танцовщицы Колосовой, дѣвочкѣ благовоспитанной, которая съ нимъ явилась на сценѣ и которой вредилъ только недостатокъ въ произношеніи. Онъ съ нею ѣздилъ въ Парижъ, тамъ примѣръ Тальмы и совѣты умной жены не только развили, даже породили талантъ, котораго отъ природы, какъ утверждаютъ, онъ не имѣлъ. Какъ бы то ни было, послѣ Дмитревскаго, котораго, еле живаго, видѣлъ я въ глубокой старости, выше актера въ этомъ родѣ мы не имѣли.

По какимъ-то несогласіямъ съ Тюфякинымъ Шаховской оставилъ служеніе въ театральной дирекціи, но сохранилъ на нее большое вліяніе, ибо актеровъ и актрисъ, воспитанниковъ и воспитанницъ одинъ училъ декламировать и для нихъ одинъ почти писалъ піесы. Въ это время сдѣлался онъ неистощимѣе, плодовитѣе чѣмъ когда-либо, только въ легкомъ родѣ: по большей части писалъ онъ хорошенькіе водевили, которые трудно бы мнѣ было здѣсь припомнить и исчислить. Для этого рода образовалъ онъ еще двухъ миленькихъ актрисъ, съ Французскимъ прозваніемъ, Монруа и Дюрову; обѣ были хороши собой, особливо послѣдняя. Въ водевиляхъ былъ также весьма забавенъ Шаховскимъ же образованный шутъ, Величкинъ.

Недочеты, передержки надѣлали князю Тюфякину много непріятностей, которыя и его понудили оставить главную дирекцію. Для поправленія финансоваго состоянія театра, управленіе его, съ сохраненіемъ должности генералъ-губернатора, поручено графу Милорадовичу, у котораго, кромѣ неоплатныхъ долговъ, ничего уже не было. Онъ давно добивался этого мѣста и получилъ его какъ одну изъ наградъ за его великіе подвиги. Каррикатурный Баярдъ въ одномъ только былъ схожъ съ подлинникомъ, котораго передражнивалъ: онъ былъ столько же храбръ, какъ и тотъ. Не въ цѣломудріи подражалъ онъ этому рыцарю, когда театральную школу превратилъ въ свой гаремъ. И такъ сильны въ насъ привычки, такъ влечетъ насъ опять къ покинутой власти, что бѣдный Шаховской, по настоянію Ежовой, согласился быть его Кизляръ-агой. Сего ему было мало; онъ захотѣлъ имѣть свой Парк-о-Серъ, и давно брошенный Екатерингофскій лѣсокъ избралъ мѣстомъ своихъ увеселительныхъ занятій. На украшеніе его вытребовалъ онъ у города болѣе милліона рублей, для молодыхъ актрисъ и воспитанницъ кругомъ велѣлъ нанять дачки, и въ выстроенной залѣ, подъ именемъ воксала, началъ (разумѣется не на свой счетъ) давать балы, на которыхъ плясали передъ нимъ одалиски, баядерки и алмé, и онъ по прихоти бросалъ имъ свой платокъ. Не знаю, при такомъ начальникѣ усовершенствовалось ли драматическое искусство? Только послѣ трех-

Библиотека "Руниверс"

лѣтняго управленія его, открылся ужасный дефицитъ какъ въ городскихъ, такъ и въ театральныхъ суммахъ. Онъ безъ счету бросалъ нѣкогда собственныя деньги; когда ихъ не стало, принялся за чужія и, зная, что ему нечѣмъ будетъ заплатить, гдѣ только можно, особенно у подчиненныхъ, вездѣ занималъ. Спрашивается, можно ли назвать это кражей *)?

Долго не могли склонить Государя вновь завести Французскую труппу, тщетно представляя ему, что дипломатическій корпусъ, тысячи иностранцевъ и лучшее общество умираютъ безъ нея со скуки. Наконецъ, согласился онъ, не принимая ихъ на придворное вѣдомство, дозволить прибывшимъ актерамъ явиться на Маломъ театрѣ, гдѣ обыкновенно играли Нѣмцы. Тамъ увидѣлъ я ихъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ концѣ 1818 года, и даже послѣ Парижа нашелъ, что они недурны.

Играли все почти однѣ небольшія комическія оперы: къ нимъ пріучила Филисъ Петербургскую публику. Первою пѣвицей была довольно молодая, полная и красивая мадамъ Данжевиль Вандербергъ, которая пѣніемъ напоминала, но не замѣняла Филисъ. Первымъ, или, лучше сказать, сперва единственнымъ теноромъ былъ толстый Брисъ; жена его худощавая, почти высохшая, но живая Француженка, игрой, фигурой и манерами нѣсколько напоминала Филисъ, но отнюдь не пѣніемъ. Сію чету называли у насъ картофелемъ со спаржей. Еще привезли они съ собой одного несноснаго Поляка Валдовскаго, выросшаго, а можетъ-быть и родившагося, во Франціи, и оттого переименовавшаго себя въ Валдоски. Имъ на подмогу играли прежніе оставшіеся здѣсь актеры: Монготье, Андре́ и братья Мезіеры. Вскорѣ пріѣхалъ и другой теноръ, Женò, красавецъ собой и довольно изрядный пѣвецъ, котораго на сценѣ я видѣлъ въ Парижѣ.

Въ слѣдующемъ году позволено имъ играть на Большомъ и Маломъ театрахъ, а потомъ вскорѣ и совсѣмъ поступили они на казен-

*) Одинъ случай покажетъ всю безчувственность этого безсовѣстнаго человѣка; мнѣ его разсказывали очевидцы. Когда онъ начальствовалъ въ Бухарестѣ, занялъ онъ у одного провіантскаго чиновника до десяти тысячъ казенныхъ денегъ. Вскорѣ другой чиновникъ пріѣхалъ первому на смѣну и сталъ требовать сдачи. Тотъ убѣдительно умолялъ должника о заплатѣ, представляя, что онъ рискуетъ попасть подъ судъ и быть разжалованъ. „Подожди, помилуй, неужели ты мнѣ не вѣришь?“ всегда былъ отвѣтъ; послѣдній же былъ—приглашеніе къ себѣ на балъ. Несчастный явился и въ промежуткѣ танцевъ сталъ посреди залы и воскликнулъ: „Знаете ли, господа, мы у кого? У злодѣя, у вора“. Съ тѣмъ вмѣстѣ вынулъ онъ пистолетъ и тутъ же застрѣлился. «Мой Богъ (извѣстная поговорка Милорадовича), закричалъ онъ, что это значитъ? Велите скорѣе вынести этого сумасброда». А послѣ того, какъ бы ни въ чемъ не бывало, принялся за мазурку.

Библиотека "Руниверс"

ное содержаніе. Для удовлетворенія желанія молодыхъ великихъ князей, которыхъ въ Парижѣ такъ потѣшалъ Потье, выписанъ Сенъ-Феликсъ, вѣрная съ него копія, и нѣсколько другихъ забавниковъ и забавницъ, которые ввели къ намъ піесы съ театра Де-Варіете. Наконецъ, стали показываться комедіи и, вмѣстѣ съ фарсами, мало по-малу вытѣснять Французскую оперу, которая пришлась уже не по вкусу новаго поколѣнія.

За то опять стали мы знакомиться съ Итальянскимъ пѣніемъ. Только о цѣлой оперѣ въ это время и думать было невозможно: стали только появляться залетныя птицы для концертовъ. Первая изъ нихъ, Сесси, куды нехороша была собою; по моему, и пѣла она непріятнымъ образомъ; сила и чистота были въ ея голосѣ, но ничего выразительнаго. Знатоки велѣли дивиться ей, имъ повиновались и, зѣвая, восхищались и платили деньги.

Почти тоже, что̀ о Сесси можно сказать о прибывшей черезъ годъ послѣ нея одной Европейской знаменитости. У г-жи Каталани въ горлѣ были всѣ ноты отъ тонкаго сопрано до густаго баса, и симъ натуральнымъ инструментомъ владѣла она превосходно: вотъ все что̀ могу сказать о ней. Англичане, которые, какъ извѣстно, не имѣютъ врожденнаго вкуса къ музыкѣ, а изъ тщеславія сыпятъ гинеями на прославленныхъ артистовъ, дивились ея голосу, какъ игрѣ природы, и изъ Альбіона, войною тогда отрѣзаннаго отъ Европы, нѣсколько лѣтъ гремѣли ей хвалы. На такой высотѣ увидѣла она соперника въ Наполеонѣ и объявила ему войну. За Бурбонами послѣдовала она въ Парижъ, гдѣ дворъ и легитимисты старались прославить и поддержать ее. Лондонъ и Парижъ владѣютъ правомъ раздавать дипломы на артистическую славу; вооруженная ими, предшествуемая молвой и замѣтивъ, что число ея слушателей безмѣрно уменьшается, Каталани пустилась по бѣлу свѣту собирать дань съ другихъ народовъ.

Всѣ столицы посѣтила она потомъ, но имѣла осторожность болѣе двухъ, много трехъ или четырехъ, концертовъ нигдѣ не давать; сего было достаточно, чтобъ истощить восторги, произведенные ея пѣніемъ; дѣло шло для нея болѣе объ умноженіи капитала. Я уже сказалъ въ предыдущей части, что въ Аахенѣ, сквозь окно или два окна, черезъ улицу или переулокъ, слышалъ я громогласіе ея и совсѣмъ не былъ обвороженъ; въ Петербургѣ, послушавъ ея ближе, я надѣялся лучше о томъ посудить. Плата за входъ была не огромная, въ сравненіи съ нынѣшними чудовищными цѣнами, по 25 рублей ассигнаціями; два раза ходилъ я слушать ее, издержалъ пятьдесятъ рублей и, право, на пятьдесятъ копѣекъ не имѣлъ удовольствія. Съ аристократическими затѣями установила она для себя особый церемоніалъ: публика съ не-

Библиотека "Руниверс"

терпѣніемъ наполняла филармоническую залу; лядащій оркестръ, ею привезенный съ собою, состоявшій изъ двухъ или трехъ музыкантовъ, стоялъ уже на эстрадѣ, а объ ней еще помину не было. Кто-нибудь изъ знатныхъ дожидался ея у подъѣзда, вынималъ изъ кареты, подавалъ руку, подымался съ нею по лѣстницѣ, провожалъ сквозь толпу и возводилъ на возвышеніе, откуда она милостиво взирала на жаждущихъ слышать ее. Концерты ея ограничивались одною ея особой, и это было ей нетрудно: какъ у Цыганокъ, было у нея десять или двѣнадцать годами затверженныхъ арій, между коими вѣчная la placida campania.

Такія почести, признаюсь, меня возмущали, а это было только вступленіемъ въ нынѣшнее безумное время, когда жители на себѣ возятъ артистокъ въ колесницахъ. Когда Римъ властвовалъ надъ міромъ, когда было для него время великихъ мужей и великихъ дѣяній, одни побѣдители, тріумфаторы восходили въ Капитолій; подъ папскимъ владѣніемъ, чести, которой не имѣли ни Виргилій, ни Горацій, удостоивались посредственные поэты, вѣнчанные, названные лауреатами. Италія униженная, нѣсколько вѣковъ порабощенная Нѣмцами, никакъ не можетъ забыть своей прежней славы и изъ сыновъ своихъ удѣляетъ ее кому попало. Замѣчено, что когда высокія чувства гаснутъ въ душѣ, когда мелѣютъ народные характеры, тогда люди боготворятъ одни только свои наслажденія. Неужели такъ и у насъ? Нѣтъ, все что творится у меня передъ глазами—дѣйствіе нашей подражательности. Намъ несвойственъ фуроръ южныхъ народовъ; одно истинное, великое должно возбуждать въ насъ восторги.

Показавшись разъ пять, чудо Европейское отъ насъ скрылось и не оставило не только сожалѣнія, едва ли воспоминанія между людьми, которые считали обязанностію плѣняться ея голосомъ. Сію обязанность гораздо легче было выполнить, когда черезъ года полтора пріѣхала къ намъ Боргондіо. Вотъ это ужъ была пѣвица: еслибъ она и не очаровала насъ своимъ пѣніемъ, то поразила бы новостью его рода. Въ Италіи прекратился наконецъ жестокій обычай младенцевъ лишать пола; ибо сіи несчастные, какъ бы хорошо ни пѣли, въ слушателяхъ производили нѣкоторое отвращеніе Взамѣнъ ихъ начали искать контральто между женщинами, и Боргондіо была въ числѣ сихъ счастливыхъ обрѣтеній. Мы не слыхали ея въ концертахъ, а нѣсколько разъ въ одной лишь оперѣ, въ которой на подмогу дана ей была Нѣмецкая труппа. Въ ней явилась она Танкредомъ, а цѣлую четверть столѣтія блиставшая передъ Нѣмцами примадонна ихъ г-жа Брюкль Линденштейнъ—Аменаидой; старѣющему тенору Шварцу весьма кстати пришлась роль Аржира. Тутъ въ первый разъ услышалъ я услади-

Библиотека "Руниверс"

тельную музыку божественнаго Россини, и Боргондіо, для которой написалъ онъ эту оперу, достойна была ознакомить его съ Петербургскою публикой. Судить о музыкѣ я не умѣю, хотя дѣло весьма нетрудное (стóитъ только внимательнѣе прислушаться къ толкамъ знатоковъ), за то чувствовать ее такъ сильно, какъ я, не всякому дано.

Говоря о Французахъ, объ Итальянкахъ, я было совсѣмъ упустилъ изъ виду вообще состояніе Русскаго театра, ничего не сказалъ о драматическихъ авторахъ. Ихъ было трое: Загоскинъ, Хмѣльницкій, Грибоѣдовъ, которые тогда состязались съ Шаховскимъ, если не въ плодовитости, то въ искусствѣ. Загоскинъ поставилъ на сцену *Богатонова*, *Романъ на большой дорогѣ*, *Благородный Театръ*, Хмѣльницкій — *Воздушные Замки*, и хотя Грибоѣдовъ написалъ уже извѣствую комедію свою *Горе отъ ума*, она ходила только по рукамъ въ рукописи, а печатать ее и играть, не знаю почему, не было дозволено. Милорадовичъ, который столько тѣшился всѣмъ театральнымъ и такъ презиралъ его, съ правителя канцеляріи своей Хмѣльницкаго взялъ клятвенное обѣщаніе не писать болѣе комедій; лучше запретилъ бы онъ ему воровать. Когда уличенный въ лихоимствѣ Хмѣльницкій былъ съ безчестіемъ отставленъ, то нарушилъ клятву и снова принялся авторствовать.

Въ эти годы я почти совершенно охладѣлъ къ театру и литературѣ. Оттого-то съ прежнею отчетливостью и не могу говорить о первомъ изъ сихъ предметовъ; можетъ-быть, еще менѣе о послѣднемъ. Однако же, сколько могу, слабыя воспоминанія мои о томъ постараюсь сообщить читателю.

Бесѣды и Арзамаса давно уже не стало: первая, кажется, погибла подъ ударами послѣдняго, послѣдній почилъ на лаврахъ. И кому было поддержать Бесѣду? Державинъ отошелъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ вѣчную память, Шишковъ совершенно устарѣлъ, Шаховской унялся, прочіе члены разсѣялись, какъ овцы безъ пастырей. Почти тоже можно сказать и объ Арзамасцахъ: Блудовъ продолжалъ жить въ Лондонѣ, Дашковъ назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Константинополь, чувствительному Батюшкову было пагубно пламенное небо Неаполя, подъ которымъ разсудокъ его начиналъ разстраиваться; Жуковскій неоднократно по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Германіи, сопровождая порфирородную чету, при коей находился. Безъ нихъ совершенно ослабли узы, вязавшія прежде наше веселое общество. Многіе другіе члены также находились въ отлучкѣ: Вяземскій служилъ въ Варшавѣ, Михаилъ Орловъ командовалъ дивизіей въ южной арміи, Пушкинъ былъ сосланъ, Жихаревъ женился и поселился въ Москвѣ. Изъ наличныхъ членовъ Александръ Тургеневъ помышлялъ единственно объ

Библиотека "Руниверс"

удовольствіяхъ свѣта и о пріобрѣтеніи большихъ выгодъ по службѣ; братъ его Николай съ Никитою Муравьевымъ помышляли совсѣмъ не о литературѣ.

Положеніе Карамзина сдѣлалось самое возвышенное, отъ всѣхъ отдѣльное, недосягаемое для интригъ и критики. Онъ пользовался совершенною довѣренностью Царя, который, на лѣто помѣщая его у себя въ Царскомъ Селѣ, нерѣдко посѣщалъ его. Тамъ спокойно продолжалъ онъ огромный и полезный трудъ свой, по временамъ издавая новые томы Русской исторіи своей; но уже болѣзни посѣтили его совсѣмъ еще неглубокую старость.

На литературномъ горизонтѣ въ это время показалось великое множество новыхъ писателей, мирными годами порожденныхъ. Но какъ назвать ихъ или какъ различить человѣку, къ появленію ихъ тогда столь равнодушному? Я сравню ихъ со звѣздами, въ бѣлую массу слитыми на млечномъ пути, или со дву тму безплотныхъ въ глубинѣ иныхъ картинъ, образующихъ свѣтлыя облака, и надѣюсь, что симъ сравненіемъ они не обидятся. Отъ этого fond (дномъ сего у насъ назвать нельзя, а какъ же иначе?) одна фигура, впрочемъ, совсѣмъ не серафическая, отдѣляясь, выступала на первомъ планѣ, такъ что и мнѣ удавалось видѣть ее простыми глазами.

Это былъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, Литовскій дворянинъ, весьма хорошей фамиліи, кажется, Русскаго происхожденія, воспитанный въ Русскомъ первомъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенный изъ него въ армію уланскимъ офицеромъ и сражавшійся съ Французами, потомъ подъ Французскими знаменами бывшій въ Гишпаніи и, наконецъ, по пріобрѣтеніи небольшаго имѣнія близъ Дерпта, сдѣлавшійся Эстляндскимъ помѣщикомъ. Кому приличнѣе могъ быть космополитизмъ, какъ не человѣку, прошедшему сквозь огонь и воду, и котораго, употребляя простое Русское выраженіе, можно было назвать тертымъ калачомъ? Онъ сперва сдѣлался извѣстенъ однѣми журнальными статьями, что̀ и сблизило его съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ, постояннымъ издателемъ *Сына Отечества*. Въ обоихъ было много веселости и злоязычія; но въ Гречѣ, при нѣкоторомъ добродушіи, болѣе остроты, а въ Булгаринѣ одна только язвительность. Они слегка придерживались Оленинскаго общества, которое въ умѣренности своей стояло неподвижно, пока, подобравъ дружину (чтобы не сказать шайку) молодыхъ, смѣлыхъ пероносцевъ, съ умножившимися силами, они не сдѣлались совершенно независимыми. Дерзость и осторожность были ихъ девизомъ. Первыя нападенія ихъ были на обезглавленную Бесѣду, къ которой Гречъ самъ нѣкогда принадлежалъ. *Бесѣда* и *Арзамасъ* тягались за честь, за вкусъ; тутъ сражались за одни барыши. Во дни преобладанія

Библиотека "Руниверс"

Англіи, по ея примѣру, и въ литературѣ должны были явиться ратоборствующіе торговцы.

При безпрестанно возврастающемъ числѣ и смѣшеніи новыхъ идей философическихъ, политическихъ, религіозныхъ, трудно честному человѣку мимо ихъ идти прямымъ путемъ. Онѣ—какъ подводные камни, возникающіе среди бурнаго моря. Одни искусные люди умѣютъ лавировать между ними: вотъ что дѣлалъ Булгаринъ. Не безкорыстно, какъ утверждали, преданный правительству, которое примѣтнымъ образомъ преслѣдовало либерализмъ, онъ въ тоже время явно подавалъ руку, не выдавая ихъ, людямъ, которые составляли особое литературное общество, распространяющее тайно самыя свободныя мысли.

Адъютантъ начальника моего, гвардіи поручикъ, Александръ Александровичъ Бестужевъ, о коемъ случалось мнѣ упоминать, былъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ послѣ Рылѣевымъ однимъ изъ главныхъ членовъ этого общества. Этотъ оригинальный писатель повѣстей мнѣ чрезвычайно нравился своимъ умомъ и пріятнымъ обхожденіемъ. Служба сознакомила насъ, но короткихъ сношеній у насъ не было; всего раза два-три не болѣе посѣтилъ онъ меня. Мнѣ и въ голову тогда придти не могло, чтобъ у него были вредные умыслы, ибо на счетъ мнѣній своихъ былъ онъ всегда очень скроменъ. Онъ говорилъ мнѣ о Булгаринѣ съ участіемъ и уваженіемъ и даже хвалился тѣсными связями съ нимъ. Послѣ паденія Бетанкура, герцогъ Виртембергскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Участь его, какъ всѣмъ извѣстно, была потомъ весьма печальная, но подъ конецъ, подъ псевдонимомъ Марлинскаго, и довольно блистательная.

Вотъ все что имѣю сказать я о словесникахъ этой эпохи. Вскорѣ потомъ другой образъ жизни, другія занятія на время совершенно изгнали литературу изъ головы моей.

V.

Великимъ постомъ 1823 года новопроизведенный гвардіи офицеръ, драгунскій прапорщикъ, племянникъ мой, Филиппъ Николаевичъ, воротился изъ отпуска. Онъ ѣздилъ къ роднымъ въ Воронежъ, а оттуда въ Пензу, чтобы потѣшить бабушку своимъ гвардейскимъ мундиромъ. Онъ привезъ съ собою вовсе неожиданную для меня вѣсть.

Братъ мой жилъ потихоньку въ селеніи своемъ Симбухинѣ отцомъ семейства холостымъ; онъ былъ чрезвычайно привязанъ къ малолѣтнымъ дѣтямъ своимъ, а безграмотную Француженку, ему часто надоѣдавшую, любилъ только какъ мать ихъ. Сестры мои, и особенно прибывшая съ мужемъ на зиму Алексѣева, исполненныя строгихъ хри-

Библиотека "Руниверс"

стіанскихъ правилъ смотрѣли на то съ грустію и омерзеніемъ. Чтобы не встрѣчаться съ этою тварью, онѣ должны были воздерживаться отъ поѣздокъ въ Симбуховскую церковь, на могилу отца. Онѣ страшились также, чтобы какъ-нибудь сіе не дошло до престарѣлой матери нашей; городское общество, семейство наше и даже дворня согласно и тщательно скрывали отъ нея истину, увѣрены будучи, что она убьетъ ее. На общемъ совѣтѣ сестры положили, чтобы во что ни стало женить брата, что было не весьма легко. Однакоже, чего не сдѣлаютъ женщины въ заговорѣ съ цѣлымъ городомъ?

Не разъ приходилось мнѣ говорить о Ефимѣ Петровичѣ Чемесовѣ, старинномъ другѣ отца моего, предшественникѣ его во гробъ, о несогласіяхъ, возникшихъ безъ всякой причины между двухъ старцевъ, о надменной сестрѣ его Елисаветѣ Петровнѣ Леонтьевой, о гнѣвѣ ея на брата моего, дерзнувшаго свататься за внучку ея Ступишину; говорилъ также о странностяхъ Маріы Андріановны Чемесовой, супруги покойнаго. Мнѣ желательно, чтобы читатели мои вспомнили о томъ; оно нужно для поясненія нижеслѣдующаго.

Семейство Чемесовское, по старинному обычаю, существовавшему долго между Русскими барынями, было премногочисленное, и оттого разница въ лѣтахъ дѣтей обоего пола была превеликая: Анна и Александра могли бы быть матерями трехъ меньшихъ, Натальи, Маріы и Варвары. Изъ нихъ четвертая отличалась пріятностію и просвѣщеніемъ ума, миловидностію лица и любезностію характера; но съ тогдашнею взыскательностію невѣстъ всѣ эти преимущества въ провинціи оставались напрасными. Представился случай, не скажу, къ выгодному, по крайней мѣрѣ для Пензы блестящему замужеству, и тетка Леонтьева захотѣла имъ воспользоваться. Къ счастію невѣсты, обстоятельства не допустили совершеніе сего брака, и женихъ, князь Павелъ Голицынъ, женился на моей желанной Теофилѣ Крогеръ. Всѣ эти повторенія разсказаннаго считаю здѣсь необходимыми.

Послѣ того годы шли, и дѣвица не молодѣла. На ней-то остановился выборъ моихъ сестеръ. Но какъ приступили онѣ къ этому дѣлу? Какія средства употребили для достиженія своей цѣли? Какъ умѣли склонить къ супружеству два существа, никогда не помышлявшихъ другъ о другѣ? Вотъ что мнѣ, отсутствующему, осталось вовсе неизвѣстнымъ. Чтобы не терять времени, никому не дать опомниться и ковать, какъ говорится, желѣзо, пока оно горячо, еще страждущаго отъ болѣзни брата моего, по разрѣшенію архіерея, въ Крестовой церкви его вѣнчали на масляницѣ. И восьмнадцатилѣтній племянникъ былъ шаферомъ на свадьбѣ у старшаго брата отца своего. Изъ новобрачныхъ одному было за сорокъ за пять, а другой, кажется, тридцать

Библиотека "Руниверс"

четвертый годъ. Бываютъ супружества по любви, по разсчету, а это былъ бракъ по разсудку; богатства не было ни съ какой стороны, но онъ сулилъ домашнее счастіе и сдержалъ обѣщанное.

Что же сдѣлалось съ Прелестой? Дерзкая Француженка бросилась съ письменною просьбой къ губернатору Лубяновскому, не зная, что онъ былъ главнымъ сватомъ. Онъ объяснилъ ей, что какъ по кодексу Наполеонову, такъ и по Русскимъ узаконеніямъ, не получивъ никакого обѣщанія, она никакого права жаловаться не имѣетъ. Ее удовлетворили нѣсколькими тысячами рублей, и она сама предложила отказаться отъ дѣтей своихъ *).

Сіе семейное происшествіе, собственно для меня, было довольно важною вѣстью, привезенною племянникомъ Великимъ постомъ. Въ день же Свѣтлаго Воскресенья узналъ я другія новости, не менѣе важныя для Петербурга и государства—большія перемѣны въ министерствѣ.

Мнѣ, человѣку удаленному отъ свѣта и правительственныхъ дѣлъ, не могли быть извѣстны пружины, приводимыя въ движеніе для сокрушенія могущихъ. Все что совершалось выше гораздо болѣе покрыто было тайною чѣмъ нынѣ. Если же вѣрить молвѣ, и до меня доходившей, то Аракчеевъ, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, пріобрѣтая все болѣе силы надъ встревоженнымъ умомъ Императора, старался удалить отъ него всѣхъ тѣхъ, кои не признавали его власти и чуждались всякихъ съ нимъ связей, и хотѣлъ замѣнить ихъ людьми ему преданными. Ему хотѣлось, будто говорилъ онъ, поставить дѣловое и опытное на мѣсто знатнаго пусточванства.

Не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ здѣсь говорить о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ предшествовавшихъ годахъ? О паденіи Бетанкура разсказалъ уже я длинную исторію. Военнаго министра я министромъ не признавалъ: онъ находился въ большой зависимости отъ начальника штаба, и скорѣе можно было назвать его генералъ-интендантомъ. Не излишнимъ считаю однакоже упомянуть о смерти барона Меллера-Закомельскаго, скончавшагося, какъ утверждали, отъ несваренія желудкомъ излишней пищи, и о назначеніи на его мѣсто генерала кригсъ-комиссара, старика Александра Ивановича Татищева. У морскаго министра, маркиза Де-Траверсе, Нептуновъ трезубецъ совершенно выпадалъ изъ слабѣющихъ отъ старости рукъ; но Аракчеевъ чтилъ его, и назначенный начальникомъ морскаго штаба, вице-адмиралъ Антонъ Василье-

*) Послѣ вышла она замужъ за Нѣмецкаго учителя Гимназіи Мауса. По смерти его она, какъ путная, какъ грамотная, сдѣлалась гувернанткой при дѣтяхъ въ одномъ честномъ дворянскомъ семействѣ, въ уѣздѣ живущемъ. О Русь, съ ея алчностью къ Европейскому просвѣщенію!

Библиотека "Руниверс"

вичъ Моллеръ, принявъ сію часть въ управленіе свое, до конца жизни маркиза уступалъ ему первенство.

Болѣе тринадцати лѣтъ горделивый графъ Гурьевъ оставался министромъ финансовъ и въ денежный вѣкъ почиталъ себя первымъ министромъ. Никто не ожидалъ его увольненія; на Страстной недѣлѣ при докладѣ какъ-то проговорился онъ о своихъ немочахъ, о потребности отдохновенія, а Государь придрался къ тому, чтобы съ видомъ сожалѣнія снять съ него тяжкое бремя, на немъ лежащее, изъ него оставивъ ему самую легкую часть—Кабинетъ и Удѣлы. Преемникъ ему давно уже приготовленъ былъ Аракчеевымъ.

Генералъ-интендантъ первой арміи, Егоръ Францовичъ Канкринъ, не ей одной извѣстенъ былъ умомъ, едва-ли не черезъ мѣру дѣятельнымъ, и обширными познаніями во всѣхъ частяхъ. Наука была наслѣдственное имущество въ его семействѣ. Дѣдъ его, раввинъ Канкринусъ, принявшій не во святомъ, а въ реформатскомъ крещеніи имя Людовика, весьма извѣстенъ былъ не цѣлому, а только всему Нѣмецкому ученому міру. Сынъ его Францъ-Людовиковичъ былъ также, какъ утверждаютъ, хорошій писатель; онъ прибылъ въ Россію и, не такъ какъ иные чужеземцы, былъ ей отмѣнно полезенъ; онъ умеръ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и управляющимъ Старорусскими соляными заведеніями. Наконецъ, сынъ послѣдняго, Егоръ Францовичъ, долженъ былъ далеко превзойти предковъ своихъ.

Онъ сперва долго находился въ гражданской службѣ. Я помню въ 1809 году его длинную фигуру, когда въ чинѣ статскаго совѣтника посѣщалъ онъ соляное отдѣленіе департамента государственнаго хозяйства, къ коему былъ онъ причисленъ и въ коемъ я временно занимался; онъ ни надъ кѣмъ не начальствовалъ, а служащіе изъявляли ему особенное уваженіе. Военный министръ, послѣ главнокомандующій, Барклай открылъ его великія способности, перевелъ въ Военное Министерство и взялъ съ собою въ армію, гдѣ поручилъ ему продовольственную часть. Четыре года сряду въ Россіи, въ Германіи, во Франціи войско наше, благодаря его попеченіямъ, ни въ чемъ не нуждалось. Находясь все между военными, захотѣлось ему надѣть ихъ платье, и генеральскіе эполеты были одною изъ наградъ за труды его.

Когда его назначили на мѣсто вельможи новаго изданія, Гурьева, казалось, что Министерство Финансовъ съ нимъ упадетъ. Ни мало: человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ всегда будетъ равенъ мѣсту своему, какъ бы высоко оно ни было. При великой учености, хотя онъ любилъ выдавать себя за Нѣмца и отчасти былъ имъ, не показывалъ онъ ни малѣйшаго педантства; живость другаго происхожденія проявлялась не въ дѣйствіяхъ, не въ поступи его, а въ рѣчахъ: онъ былъ

Библиотека "Руниверс"

чрезвычайно остеръ. Самолюбіе было въ немъ чрезмѣрное, но спѣси вовсе не было: со всѣми обходился просто, хорошо, хотя слегка и давалъ чувствовать высокое мнѣніе о себѣ. Сей порокъ, если сіе такъ назвать можно, былъ въ немъ источникъ благороднѣйшаго чувства— великодушія: онъ до того презиралъ враговъ своихъ, что даже, когда могъ, никогда имъ не хотѣлъ мстить. Его занимали не одни дѣла и науки: онъ изрядно игралъ на скрипкѣ и любилъ говорить о музыкѣ; но еще лучше судилъ онъ объ архитектурѣ и написалъ книжку подъ названіемъ: *Ueber das Schöne in der Baukunst.* И хотя сіе не входило въ прямыя его обязанности, онъ умѣлъ украсить Петербургъ и его окрестности общественными полезными построеніями, отличающимися и прочностью, и вкусомъ.

Я воображаю себѣ, что̀ должны были почувствовать директоры департаментовъ, когда послѣ важнаго, тупоголоваго Гурьева они начали заниматься съ человѣкомъ, у котораго была такая ясность въ мысляхъ, такая быстрота въ понятіяхъ. Мнѣ два раза въ жизни случилось говорить съ нимъ: одинъ разъ просителемъ, не за себя; другой разъ даже бесѣдовать съ нимъ около часу. Я съ большимъ почтеніемъ подошелъ къ министру и не съ меньшимъ удовольствіемъ долго слушалъ разумника.

Онъ женился въ Могилевѣ на Катеринѣ Захаровнѣ, дочери Захара Матвѣевича Муравьева, брата Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. По матери-Нѣмкѣ, была она двоюродною племянницей женѣ фельдмаршала Барклая и жила у тетки. Сія послѣдняя главную квартиру арміи находила весьма удобнымъ мѣстомъ для сбыта племянницъ. Кажется, съ окончательнымъ *инъ*, женившись на Русской, чего бы стоило Егору Францовичу сдѣлаться совершенно Русскимъ? Нѣтъ, званіе Нѣмца льстило его самолюбію, а званіе Русскаго, въ его мнѣніи, унизило бы его. Кто же виноватъ, если не мы сами, когда безъ всякого спора такъ постоянно уступаемъ у себя иностранцамъ первенство передъ собою? И оно такъ останется, пока не явится другой Петръ и не подыметъ изъ униженія, въ которое ввергнулъ насъ первый Петръ.

Узнавъ объ увольненіи Гурьева, многіе, встрѣчаясь, произносили: «Христосъ Воскресъ» еще радостнѣе обыкновеннаго.

Въ этотъ же день послѣдовала другая важная перемѣна, но о которой мало говорили, вѣроятно, потому что она не была окончательною. Когда въ концѣ 1818 года возвращался я изъ Мобёжа въ Петербургъ съ докторомъ Пикулинымъ, дорогой мы мало ли кой о чемъ переговорили; между прочимъ, многое узналъ я отъ него о князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ.... Свойства такихъ людей болѣе открыты бы-

Библиотека "Руниверс"

ваютъ ихъ врачамъ и камердинеру, чѣмъ духовнику ихъ. Въ качествѣ мелкаго медика приписанный къ свитѣ Государя, Пикулинъ находился во всѣхъ первыхъ его походахъ и путешествіяхъ, и Волконскій неоднократно прибѣгалъ къ его помощи, требуя скорыхъ, хотя бы сильныхъ, средствъ къ исцѣленію. Тщетно Пикулинъ объяснялъ ему, что одно радикальное леченіе можетъ ему помочь, а что такимъ образомъ зло придавленное въ послѣдствіи жестокимъ образомъ можетъ обнаружиться. «Вы увидите, что рано или поздно (точныя слова Пикулина) все это ему отрыгнется». Предсказанія Пикулина сбылись..... Видно, въ этомъ году стало ему не въ мочь; безъ того неужели бы онъ рѣшился разлучиться съ Царемъ подъ опасеніемъ, что отвычка и забвеніе могутъ уменьшить милости его къ нему? Какъ бы ни было, онъ самъ сталъ проситься въ отпускъ за границу къ минеральнымъ водамъ, а недругъ его, Аракчеевъ, подготовилъ уже на его мѣсто одного изъ подручниковъ своихъ, начальника штаба первой арміи, барона Дибича. Черезъ шесть мѣсяцевъ, возвратясь къ должности, онъ уже въ нее не вступалъ, ибо заступающій его мѣсто утвержденъ въ званіи начальника главнаго штаба. Во время оно, когда посѣщалъ я домъ госпожи Танѣевой, видѣлъ я у нея все Аракчеевское общество и раза два его самаго. На балахъ, на вечеринкахъ, встрѣчалъ я семейства Апрѣлевыхъ, Дибичей, Клейнмихелей и другихъ и никакъ не могъ предвидѣть будущаго ихъ величія. Судьба Аракчеева сходствуетъ съ участію Наполеона, когда тотъ и другой гасли въ заточеніи: люди ими взысканные, ими созданные, удерживались, а нѣкоторые и возрастали въ могуществѣ. Но никто изъ нихъ такъ скоро и такъ высоко не поднялся и такъ быстро не исчезъ, какъ Дибичъ.

Отецъ его, также какъ и онъ, Иванъ Ивановичъ, былъ престарѣлый Прусскій полковникъ, родомъ изъ Силизіи, какъ Славянское прозваніе его показываетъ. По призову ли Павла или самъ собою прибылъ онъ въ Россію, по доброй ли волѣ или нѣтъ оставилъ Пруссію, не знаю; если по неволѣ, то тѣмъ болѣе ему дѣлаетъ чести. Онъ слылъ великимъ тактикомъ, только не на практикѣ. Скоро произвели его у насъ генералъ-майоромъ, дали большое содержаніе и помѣстили въ Михайловскомъ замкѣ; и хотя потомъ всѣми признана была его безполезность, дарованное ему оставлено. Двухъ сыновей его, изъ коихъ меньшой такъ прославился, опредѣлили въ Русскую службу.

Семеновскіе офицеры, какъ уже говорилъ я, старались въ обществѣ отличаться любезностью, ловкостью и щегольствомъ. Между ими молодой Дибичъ примѣчателенъ былъ неуклюжествомъ и невзрачностью. Товарищи однакоже не могли пренебрегать юношей, одарен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ великою твердостью и благоразуміемъ, напротивъ, въ своихъ недоумѣніяхъ, несогласіяхъ, всегда прибѣгали къ его совѣтамъ и подчиняли себя его суду. Въ немъ ничего не оставалось Славянскаго, одно только Германское во всемъ было видно. Всегда степенный, разсудительный, хладнокровный въ дѣлахъ обыкновенной жизни, какъ бы равнодушный къ окружающему, онъ исполненъ былъ огня; не сердце кипѣло у него, а горѣла голова и, какъ у всѣхъ Нѣмцевъ новѣйшаго времени, полна была фантазій. Во время первыхъ двухъ Французскихъ кампаній, не оставляя гвардіи, былъ онъ откомандированъ въ армію и не въ большихъ еще чинахъ умѣлъ показать храбрость и искусство. Когда Прусская королева съ супругомъ посѣтили Петербургъ, нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ-молодцовъ назначены были для безсмѣннаго при нихъ дежурства во время ихъ пребыванія. Какъ-то въ число ихъ попалъ и Дибичъ; кто-то изъ высшихъ вычеркнулъ его имя, промолвивъ: «Какъ можно? *Такую гнусную фигуру!*» Онъ узналъ о томъ, обидѣлся и вышелъ въ генеральный штабъ.

Двѣнадцатый годъ открылъ ему славное поприще, на которомъ онъ славно былъ остановленъ Парижскимъ миромъ. Находясь въ Могилевѣ первымъ лицомъ послѣ фельдмаршала, привыкалъ онъ уже тамъ къ главному начальствованію. Также какъ Канкринъ, женился онъ на племянницѣ госпожи Барклай, баронессѣ *фонъ* Торнау. Самъ Барклай любилъ его съ нѣжностью отца, однакоже не былъ ослѣпленъ на счетъ его недостатковъ. Я повторю здѣсь слова его, переданныя мнѣ однимъ изъ приближенныхъ: «Нельзя лучше Дибича найти начальника штаба; но горе ему и арміи, если онъ будетъ главнокомандующимъ». Не того ли же мнѣнія былъ Наполеонъ о Бертье? Многіе полагали, что по привычкѣ трудно будетъ Александру безъ Волконскаго; они не знали Нѣмцевъ: изъ нихъ самый суровый на видъ лучше всякаго Русскаго умѣетъ быть гибокъ и угодителенъ тамъ, гдѣ его польза.

Въ это время и помину еще не было о намѣреніи графа Кочубея оставить должность; черезъ четыре мѣсяца спустя, узналъ я уже въ провинціи объ увольненіи его. Надобно полагать, что онъ надѣялся созданное имъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ возвысить до прежняго значенія и самому вновь пріобрѣсти довѣренность Царя; его ожиданія не сбылись, и онъ видѣлъ приближеніе минуты, въ которую предложатъ ему успокоиться; онъ не хотѣлъ дождаться ея. Была еще и другая причина, законная, естественная: тринадцатилѣтняя дочь его, безъ ногъ, страдала всѣмъ тѣломъ до того, что не могла вынести движеніе кареты, а доктора совѣтовали отправить ее въ южный край. Тогда Кочубей едва ли не первый проложилъ путь, которому и теперь мало слѣдуютъ, хотя посредствомъ пароходовъ могъ бы онъ быть удобенъ.

Библиотека "Руниверс"

На водахъ, на которыхъ сопровождалъ я Бетанкура, поплылъ онъ до Нижнаго Новгорода, оттуда внизъ по Волгѣ поѣхалъ онъ въ Саратовъ и Дубовку, откуда, по краткости волока, дочь его перенесли на рукахъ до Качалинской станицы на Дону. По этой рѣкѣ спустился онъ въ Азовское и Черное моря и къ осени на зиму приплылъ въ Ѳеодосію.

Управляющимъ министерствомъ на его мѣсто назначенъ былъ государственный контролеръ и можно сказать государственный мужъ баронъ Кампенгаузенъ. Опять Нѣмецъ! Но когда знатныя чада Россіи любятъ себя гораздо болѣе чѣмъ ее, почему не употреблять наемниковъ? Кампенгаузенъ не успѣлъ оглядѣться, какъ одинъ несчастный случай прекратилъ его дни: карета, въ которой сидѣлъ онъ, упала, а какъ человѣкъ былъ онъ тощій, точно хрустальный, то и долженъ былъ расшибиться въ дребезги.

На первый случай, чтобы замѣстить его, взялись за устарѣвшаго Василія Сергѣевича Ланскаго, а потомъ, забывшись, остался онъ на этомъ мѣстѣ. Онъ былъ нѣкогда лихимъ гусарскимъ полковникомъ Сумскаго полка и страстнымъ обожателемъ прекрасныхъ. Видно, было въ немъ что-нибудь еще другое, ибо Екатерина избрала его губернаторомъ въ Саратовъ, и тамъ онъ былъ совсѣмъ не лихимъ, а дѣятельнымъ и искуснымъ правителемъ ввѣренной ему страны. По его желанію, при Александрѣ въ томъ же званіи онъ переведенъ въ Гродну и тамъ, кажется, оставался до 1812 года. Супругъ и отецъ семейства, онъ въ прелестяхъ Полекъ находилъ извиненіе частымъ своимъ невѣрностямъ. По занятіи Русскими Варшавы, находился онъ долго членомъ временнаго тамъ правительства, пока не сдѣлали его членомъ Государственнаго Совѣта. Въ двухъ Капуяхъ, Гроднѣ и Варшавѣ, труды и наслажденія изнурили умственныя силы этого старца еще болѣе чѣмъ тѣлесныя. Онъ хорошо понялъ, что слѣпому случаю обязанъ онъ министерствомъ и совершенно предался ему, мало заботясь о дѣлахъ, никогда не имѣя докладовъ у Государя и все почитая себя наканунѣ увольненія.

Въ сихъ Запискахъ стараюсь я по возможности слѣдовать хронологическому порядку, избѣгая всячески анахронизмовъ, но иногда принужденъ ихъ дѣлать, дабы не прерывать нити повѣствуемаго мною объ одномъ предметѣ. Вотъ почему долженъ здѣсь говорить еще объ одной перемѣнѣ въ министерствѣ, случившейся уже въ слѣдующемъ году, тѣмъ болѣе, что она была послѣдняя въ описываемое мною царствованіе.

Мы видѣли, какъ пошатнулся кредитъ князя Александра Николаевича Голицына; недоброжелатели его не упустили тѣмъ воспользоваться. Одинъ умный и смѣлый изувѣръ, архимандритъ Новгородскаго Юрьева

Библиотека "Руниверс"

монастыря Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружбой Аракчеева, преданностію и золотомъ графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душею заговора противъ него. Тайно поддержанный и митрополитомъ Серафимомъ, онъ слѣдилъ за преподаваемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ и вопилъ противъ неправославнаго, даже нехристіанскаго направленія, которое оно принимаетъ. Три человѣка, находившіеся подъ начальствомъ Голицына и имъ облагодѣтельствованные, Магницкій, Руничъ и Кавелинъ, имѣли также связи съ противниками его и втайнѣ строили ему ковы. О двухъ изъ поименованныхъ случалось мнѣ говорить и, можетъ быть, еще случится; о Руничѣ не стóитъ того.

Когда все было готово, когда все назрѣло, одною книжкой, изданною Библейскимъ Обществомъ и пропущенною цензурой, какъ увѣряли меня, нанесенъ рѣшительный ударъ Голицыну. Въ ней, между прочимъ, сказано было, будто Спаситель нашъ, прежде земли, воплощался уже въ другихъ мірахъ, и что у Богоматери, исключая Его, были другія дѣти отъ Іосифа. Александръ сильно вознегодовалъ: цензоры полетѣли на гауптвахту; оба директора департаментовъ, Поповъ и Тургеневъ, были отставлены, а Голицынъ уволенъ только отъ управленія Министерствомъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Для препровожденія времени оставленъ ему Почтовый Департаментъ подъ именемъ Главнаго Управленія или министерства. Это одинъ изъ примѣровъ, что у насъ не людей избираютъ для министерствъ, а министерства создаютъ для людей.

Чтобы посадить на его мѣсто, вырыли изъ забвенія полумертваго Шишкова. Тріумвиры, выше названные мною, взяли его къ себѣ въ опеку, и изъ видовъ корысти, личнаго мщенія (а одинъ, Магницкій, по врожденной злости), именемъ его, стали преслѣдовать зло, но, противодѣйствуя ему, творили ужасныя несправедливости. Съ назначеніемъ Шишкова, православная часть отошла отъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ и, въ видѣ особой канцеляріи, перешла къ синодальному оберъ-прокурору; доклады же Святѣйшаго Синода Государю представлялись черезъ Аракчеева *. Изъ четырехъ министровъ троимъ (военному, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ) было за семьдесятъ лѣтъ, а четвертому, министру просвѣщенія, около осьмидесяти. Сія геронтократія должна была нравиться Аракчееву своимъ безсиліемъ и покорностію. Впрочемъ спасибо ему за трехъ полезныхъ Нѣмцевъ.

---

*) Шишковъ сталъ называться министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Библиотека "Руниверс"

Трудно изобразить состояніе, въ которомъ находился Петербургъ весною 1823 года. Онъ былъ подернутъ какимъ то нравственнымъ туманомъ; мрачные взоры Александра, болѣе печальные чѣмъ суровые, отражались на его жителяхъ, и это вліяніе проникало даже до людей, подобно мнѣ, малозначительныхъ. Говорили многіе: «Чего ему надобно? Онъ стоитъ на высотѣ могущества». Всякій объяснялъ по своему причину его неутѣшной грусти. Человѣку, который долженъ былъ жить въ вѣкахъ, прославленному другу свободы, по необходимости сдѣлавшемуся ея стѣснителемъ, тяжко было думать, что онъ долженъ отказаться отъ любви современниковъ и отъ похвалъ потомства. Мнѣ кажется, что примѣръ Наполеона возбудилъ въ немъ сильное честолюбіе; но для удовлетворенія его думалъ онъ употребить не насилія, а совсѣмъ иныя средства. Онъ плѣнялся Западомъ и хотѣлъ плѣнить его; вотъ что̀ объясняетъ непонятное пристрастіе его къ Польшѣ: она была преддверіемъ Германіи и, подобно Наполеону, надѣялся онъ со временемъ быть ея главою. Мятежный духъ, поднявшійся въ этой странѣ, показалъ ему, что ожиданія его не сбудутся. Многія другія обстоятельства, и нѣкоторыя семейныя, тяготили его душу.

Петербургъ еще болѣе казенный, чѣмъ придворный городъ. Какъ ни говори, а Царь—солнце Петербургское; приближенные, высшее общество или дворъ, суть звѣзды, отражающія только его блескъ; но лучи его разливаются на всѣ состоянія. Примѣръ его дѣйствуетъ на всѣхъ; его добродѣтели или пороки, его бережливость или расточительность, страсть къ роскоши проникаютъ даже въ сословіе мелкихъ чиновниковъ. Послѣдніе годы жизни Александровой можно назвать продолжительнымъ затмѣніемъ.

Мое житье и безъ того было невеселое, а женитьба брата на особѣ, которую я душевно любилъ и уважалъ, пуще манила меня къ сельской тишинѣ, обѣщающей мнѣ пріятное семейное общество. Въ Маіѣ, не ранѣе, приступилъ я къ исполненію давно задуманнаго. Прежде этого времени года дорòги внутри Россіи бывали чрезвычайно мучительны.

Я объяснился съ Бетанкуромъ; молча и потупя глаза, выслушалъ онъ меня.

— «Какъ мнѣ удерживать васъ? отвѣчалъ онъ наконецъ. Когда я былъ въ силѣ, то не умѣлъ или не успѣлъ ничего для васъ сдѣлать; теперь же служба при мнѣ какую выгоду можетъ вамъ представить? Мнѣ уже говорили о вашемъ намѣреніи и, на всякій случай, я приготовилъ вамъ преемника: это бывшій мой правитель канцеляріи Рандъ».

Это было мнѣ весьма не по сердцу: помощникъ мой, секретарь комитета, Ноденъ, за годъ до того оставилъ меня, получивъ выгодное мѣсто

Библиотека "Руниверс"

правителя канцеляріи придворной конюшенной конторы. На его мѣсто поступилъ Александръ Ѳедоровичъ Волковъ, юноша преблагородный, благовоспитанный, съ большими способностями и, что̀ никогда не испортитъ, съ весьма хорошимъ состояніемъ. Его я прочилъ на свое мѣсто, которое, по тогдашнимъ лѣтамъ и чину его, могло для него быть лестно. Ну какъ быть! Я началъ собираться къ сдачѣ дѣлъ и къ отъѣзду.

Такъ какъ мнѣ никогда уже не придется говорить о Бетанкурѣ и о Рандѣ, то здѣсь мнѣ хочется досказать ихъ исторію. Старикъ послѣдній разъ отправился въ Нижній лѣтомъ 1823 года, взявъ съ собою одного только г. Волкова, о коемъ сейчасъ была рѣчь: въ униженномъ видѣ Рандъ не хотѣлъ туда являться. Тамъ узналъ бѣдный Бетанкуръ о смерти любимой дочери, г-жи Каролины Эспѐхо, и этотъ ударъ былъ для него чувствительнѣе всѣхъ прочихъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ быстро началъ близиться къ гробу и скончался въ Іюлѣ 1824 года. Рандъ, которому не съ большимъ было тридцать лѣтъ, осужденъ былъ скоро послѣдовать за жертвой своей и умеръ въ Декабрѣ того же года.

Напрасно человѣку даны воля и разсудокъ. Судьба часто располагаетъ нами по прихоти своей или скорѣе по волѣ Того, Кто ею правитъ. Со мною, по крайней мѣрѣ, въ жизни все хорошее и дурное приключалось внезапно, неожиданно. Такимъ же образомъ въ этомъ году вдругъ судьба моя перемѣнилась, какъ читатель увидитъ ниже. Но прежде того долженъ я напомнить ему двухъ юношей-отроковъ, бывшихъ моими товарищами въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, особенно объ одномъ, коего имя въ сихъ Запискахъ было разъ упомянуто, но никогда не повторено.

То былъ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, который вскорѣ послѣ коронаціи Александра, по протекціи отца (нѣкогда посланника въ Константинополѣ) получилъ мѣсто въ многочисленной Вѣнской миссіи. Работы ему тамъ было мало, да я думаю и вовсе не было: за то въ семъ матеріальномъ городѣ нашелъ онъ бездну наслажденій. Онъ былъ красивъ лицомъ, крѣпокъ тѣломъ, любилъ безъ памяти женщинъ и умѣлъ имъ нравиться. Успѣхи его по сей части были вседневные, безконечные; увѣряли, что вся Австрійская аристократія перебывала въ его объятіяхъ. Онъ бы вѣкъ прожилъ въ Вѣнѣ, еслибы смерть отца не заставила его воротиться въ Россію. Покойный Яковъ Ивановичъ, выпросивъ двумъ незаконнорожденнымъ сыновьямъ фамильное имя свое, полагалъ, что съ нимъ вмѣстѣ связаны права̀ законныхъ дѣтей, и не заботился о духовной. Племянницы, послѣ смерти его, стали оспаривать наслѣдство у сыновей; тяжба длилась, и положеніе Булга-

Библиотека "Руниверс"

ковыхъ было совсѣмъ незавидное. Тогда Константинъ задумалъ отправиться въ Молдавскую армію, въ надеждѣ, что тамъ золото сыплется дипломатическимъ чиновникамъ. Надобно отдать ему справедливость: не однѣмъ красивымъ женщинамъ, но и сильнымъ людямъ умѣлъ онъ нравиться, съ тѣми и съ другими бывъ смѣлъ безъ дерзости и угодителенъ безъ униженія, вообще стараясь принаравливаться ко нраву каждаго. И поочередно былъ онъ любимцемъ Каменскаго, Кутузова и Чичагова; съ симъ послѣднимъ достигнувъ Березины, встрѣтился онъ опять съ Кутузовымъ, другомъ отца своего, который оставилъ его при себѣ. Послѣ того постоянно находился онъ въ большой арміи, или лучше сказать, въ свитѣ Государя до самаго Парижа; былъ также и на Вѣнскомъ конгресѣ. Тутъ много перенесъ онъ трудовъ, переписывая депеши и снимая копіи съ трактатовъ. Для редакціи его употребить никакъ нельзя было. Онъ самъ хорошо это зналъ и, возвратясь въ Петербургъ, сталъ пріискивать мѣсто, которое бы представляло пріятную дѣятельность безъ большихъ трудовъ. Онъ сдѣланъ почтъ-директоромъ сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ.

Это мѣсто, съ коимъ сопряжено было до восьмидесяти тысячъ доходу, было мѣсто завидное, однако-же не столько уважаемое. Оно находилось въ зависимости отъ Почтоваго Департамента и почиталось ниже директора онаго. Занимавшіе его были люди тихіе, образованные, жившіе въ небольшомъ кругу знакомыхъ, благословляя судьбу свою и откладывая ежегодно суммы для обогащенія дѣтей своихъ или родственниковъ. Булгаковъ умѣлъ поставить его на высокую ногу, придать ему какую-то важность министерскую. Греческую хитрость свою прикрывая дипломатическою умѣренною учтивостію и видомъ военной откровенности, которую принялъ онъ во время своихъ походовъ, составилъ онъ связи съ лучшими генералами и особенно съ приближенными изъ нихъ къ Царю. Тоже самое было и съ высшими гражданскими чиновниками; но со всѣми весьма искусно умѣлъ онъ поставить себя на ногу почти совершеннаго равенства. Въ пребольшихъ комнатахъ почтоваго дома, ярко на казенный счетъ освѣщенныхъ, два раза въ недѣлю принималъ онъ гостей. Вечера эти были новостію для Петербурга; соединяя лучшее общество съ нелучшимъ, они привлекали совершенною свободой и равенствомъ, которыя на нихъ царствовали. Самъ хозяинъ являлся въ сюртукѣ и съ трубкою во рту, а курительный табакъ былъ къ услугамъ всѣхъ гостей. Дамы, разумѣется, тутъ не показывались, и это можно было бы назвать холостою компаніей, если бы въ гостинной не сидѣла хозяйка, жена Булгакова, дочь Валахскаго бояра Варлама, которая, впрочемъ, все хохотала, обходилась свободно и нимало не стѣсняла веселья общества. Смѣло

Библиотека "Руниверс"

ручаюсь, что усерднѣе монархиста, чѣмъ Булгаковъ не могло быть; но судьба влечетъ людей и, освобождая себя и другихъ отъ узъ приличія, сіе поведетъ, можетъ быть, къ разрыву другихъ узъ, болѣе священныхъ.

Что̀ ни говори, это былъ клубъ или трактиръ такого рода, въ которомъ самимъ министрамъ незазорно было показываться, и входъ въ него ничего не стоилъ. Еще скорѣе залу или биллiардную Булгакова можно было назвать биржей для не торговыхъ, а гражданскихъ оборотовъ. Тутъ можно было встрѣтить статсъ-секретарей, сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ, директоровъ департаментовъ, которыхъ сперва зазывали, и которые послѣ сами напрашивались. Между ними были сдѣлки, условія, взаимныя соглашенія объ опредѣленіи чиновниковъ на мѣста. Булгаковъ игралъ тутъ роль главнаго посредника; о комъ бы ни замолвили ему слово, о человѣкѣ, котораго онъ никогда не видалъ, котораго вовсе не зналъ ни честности, ни способностей (объ этомъ онъ мало заботился), спѣшилъ онъ ходатайствовать за него. Отказы получалъ онъ нерѣдко и не сердился за то: вообще покровительство было у него не страстію, а разсчетомъ. Всѣ прославляли его гостепріимство, которое ему ничего не стоило, и благодѣянія его, которыя стоили ему нѣсколько разсѣянно сказанныхъ словъ. Что̀ касается до тяжбъ, то просьбы его бывали упорнѣе, настойчивѣе; онъ также не бралъ труда читать бумагъ, входить въ существо дѣла, а просто дѣлался защитникомъ одного изъ просителей.... Удовольствіе было цѣлію его жизни.... И никто еще изъ смертныхъ не наслаждался столько житейскими благами! Съ самой первой молодости я не чувствовалъ къ нему симпатіи; послѣ того, не имѣя никакой нужды ни въ особѣ, ни въ обществѣ моемъ, онъ едва замѣчалъ меня, а я едва ему кланялся.

Другой человѣкъ болѣе всѣхъ другихъ извѣстенъ читателю. Блудовъ возвратился изъ Лондона и возвращается въ сіи Записки. Онъ находился въ иностранномъ министерствѣ безъ должности, но не безъ дѣла. Съ высочайшаго соизволенія, по докладу графа Каподистріи, поручено ему было создать Русскій дипломатическій языкъ, то-есть подъ его наблюденіемъ должны были заниматься молодые чиновники переводомъ всѣхъ актовъ Вѣнскаго конгреса. Переводы были дурны, и переправка ихъ ему стоила болѣе труда, нежели еслибъ онъ переводомъ самъ занялся, но дѣло сіе окончено съ желаемымъ успѣхомъ. Вскорѣ потомъ возложено на него другое важное порученіе.

Когда, въ концѣ 1815 года, Государь вторично воротился изъ Парижа, вспомнилъ онъ о сдѣланномъ имъ въ эти шумные годы небольшомъ завоеваніи, на которое дотолѣ онъ не обращалъ вниманія.

Библиотека "Руниверс"

Бессарабія была сперва управляема, по гражданской части, престарѣлымъ Молдавскимъ бояромъ, Русскимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Скарлатомъ Дмитріевичемъ Стурдзою, по военной генералъ-майоромъ Иваномъ Марковичемъ Гартингомъ. Первый скоро умеръ, и обѣ власти соединились въ рукахъ послѣдняго. Неустройствамъ тамъ не было конца, самоуправіе было чрезмѣрное. Сынъ умершаго Стурдзы, столь извѣстный Александръ Скарлатовичъ, находился тогда при уважаемомъ Государемъ статсъ-секретарѣ Каподистріи, былъ его другомъ и сотрудникомъ. Исполненный тогдашнихъ идей и зная склонность Александра отдѣлять отъ Россіи сдѣланныя ею завоеванія, онъ затѣялъ изъ частицы своего отечества сдѣлать маленькое образцовое государство, съ представительнымъ правленіемъ. Черезъ Каподистрію онъ успѣлъ въ томъ: Подольскій военный губернаторъ, Алексѣй Николаевичъ Бахматевъ назначенъ полномочнымъ намѣстникомъ въ Бессарабскую область, и она сдѣлана независимою отъ власти Сената и нашихъ министровъ. Еще хотѣлось ему, чтобы, по примѣру Польши и Финляндіи, назначенъ былъ для нея особый министръ-статсъ-секретарь, и это желаніе отчасти исполнилось. Графъ Каподистрія согласился докладывать Государю по дѣламъ новаго края, а Стурдза, заправляя ими, приготавливать доклады, и нѣкоторымъ образомъ сдѣлался статсъ-секретаремъ по сей части.

Такимъ образомъ продолжалось до 1821 года, до возвращенія Государя изъ Лайбаха. Когда Греки возстали на Турокъ, положеніе Россіи въ отношеніи къ сему дѣлу было самое затруднительное. Возмущеніе сіе совпадало съ другими совершившимися на Западѣ, казалось въ тайной связи съ ними и какъ бы продолженіемъ мятежной цѣпи отъ Тага до Босфора. Стараясь усмирять однихъ, какъ можно было явно помогать другимъ противъ султана, законнаго владыки, въ нарушеніе святости трактатовъ! Католическій міръ, Французское правительство и особенно Австрія открыто держали сторону Турокъ; Англія, по обыкновенію, смотрѣла спокойно на рѣзню народовъ. Намъ же, съ другой стороны, безъ всякаго участія внимать воплямъ нашихъ братій, нашихъ единовѣрцевъ, нашихъ первыхъ наставниковъ и учителей во святой нашей вѣрѣ, было невозможно. Всѣ народы Европейскіе, вся Россія взывали къ Государю; а Турція, тайно подстрекаемая, вѣроятно, самими же либералами, своими дерзкими поступками сама вызывала насъ на бой. Демократическій духъ этого возмущенія одинъ уже долженъ былъ насъ отъ того удерживать. Цѣлому свѣту извѣстна тутъ умѣренность Александра; по моему мнѣнію, никогда не поступалъ онъ столь осторожно, столь благоразумно и, смѣю прибавить, столь справедливо. Греку Каподистріи, котораго Турки подозрѣвали, обвиняли, и который явно по-

Библиотека "Руниверс"

казывалъ республиканскія наклонности, оставаться при немъ долѣе было бы трудно. Онъ оставилъ и нашу службу, и Россію; за нимъ послѣдовалъ и Стурдза, вышелъ въ отставку и поселился въ южномъ краѣ.

Но какъ оставить безъ призрѣнія любезную Бессарабію? Кому завѣщать ее? Упросили графа Кочубея, при другихъ его большихъ занятіяхъ, замѣнить въ этомъ случаѣ графа Каподистрію, а Блудова—принять въ свое завѣдываніе дѣла находившіяся у Стурдзы. Онъ уже пріучилъ себя къ трудамъ, а при Нессельроде не могъ онъ ожидать никакого важнаго значенія. Да и въ Лондонѣ бывалъ онъ занятъ только во время отсутствія посла графа Ливена, когда онъ на его мѣстѣ оставался повѣреннымъ въ дѣлахъ. Супруга сего послѣдняго, графиня Дарья Христофоровна, сестра двухъ Бенкендорфовъ, Александра и Константина, при немъ исправляла должность и посла, и совѣтника посольства, ежедневно присутствовала при преніяхъ парламента и сочиняла депеши. Сія женщина умная, сластолюбивая, честолюбивая, всю дѣятельную жизнь свою проводила въ любовныхъ, общественныхъ и политическихъ интригахъ. Веллингтонъ, Каннингъ и весь Лондонскій фашіонъ были у ногъ ея. Куды какую честь эта женщина приносила Россіи, ей чуждой по чувствамъ и по рожденію! Я не одобрялъ согласія Блудова: мнѣ казалось, что, въ превосходительномъ его чинѣ, доклады по одной малой области суть дѣло мелочное. Я не зналъ, что это дѣлаетъ его извѣстнымъ самому Царю.

И вотъ два человѣка, совсѣмъ различныхъ свойствъ, которые нечаяннымъ образомъ въ это время имѣли вліяніе на переворотъ въ судьбѣ моей.

Совсѣмъ собрался я, если не на вѣчный, то на долгій покой. Не болѣе пяти или шести разъ случилось мнѣ въ Петербургѣ посѣтить Нѣмецкій театръ; не понимаю, какъ мнѣ вздумалось вдругъ еще разъ взглянуть на него; я думаю отъ того, что на немъ играли любимую оперу мою—*Деревенскія Пѣвицы*, Фіоравенти. Въ креслахъ увидалъ я Булгакова съ постояннымъ наперсникомъ его Маничаровымъ: они тутъ ухаживали за какими-то актрисами. Послѣдній во время междудѣйствія подошелъ ко мнѣ и сперва началъ было говорить съ сожалѣніемъ о нашемъ бывшемъ начальникѣ и о моемъ положеніи. Но, не смотря на свой серіозный видъ, онъ до печальныхъ рѣчей былъ не охотникъ, любилъ однѣ веселыя. Вдругъ сказалъ онъ мнѣ:

— Знаете ли что? Вамъ предстоитъ случай пріятнымъ образомъ продолжать службу. Графъ Воронцовъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

Не желая объяснить ему мнѣнія, которое объ этомъ человѣкѣ составилъ я себѣ въ Мобёжѣ, я отвѣчалъ, что за меня некому его просить.

Библиотека "Руниверс"

— Какъ некому? А Булгаковъ-то на что? Вѣдь они съ нимъ страшные друзья.

— Нѣтъ, Булгакова я утруждать не буду; да и онъ самъ меня не очень жалуетъ, отвѣчалъ я.

— Какъ вы ошибаетесь на его счетъ! Онъ на всякія одолженія готовъ.

Тѣмъ и кончился разговоръ нашъ.

Дня черезъ три заѣхалъ ко мнѣ Блудовъ, къ удивленію моему, съ упреками: какъ можно искать покровительства человѣка, котораго я не люблю и не уважаю, не предупредивъ о томъ пріятеля, который въ исполненіи моего желанія гораздо лучше могъ бы мнѣ способствовать? Я ничего не понималъ. Еще въ Лондонѣ хорошо былъ онъ знакомъ съ Воронцовымъ, а тутъ, когда назначили того вмѣстѣ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области, то и по дѣламъ долженъ былъ онъ войдти съ нимъ въ ближайшія сношенія. Я ничего про то не зналъ, да и мало о томъ заботился. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ Воронцова, который, между прочимъ, спросилъ у него, знаетъ ли онъ меня?

— Мнѣ рекомендуетъ его Булгаковъ, сказалъ онъ; но вы знаете, какой онъ добрый, за всѣхъ хлопочетъ: ему трудно повѣрить.

Увлеченный пріязненнымъ чувствомъ, Блудовъ вѣроятно не побранилъ меня.

— О, если оно такъ, то нехудо бы поскорѣе съ нимъ сознакомиться! Да почему бы не завтра часовъ въ двѣнадцать? Я буду его дожидаться.

Я вспомнилъ театральную встрѣчу мою съ добрымъ Маничаровымъ, разсказалъ ее и прибавилъ, что ни намѣренія, ни желанія служить при Воронцовѣ не имѣю.

— Все равно, сказалъ Блудовъ, надобно все-таки сходить къ нему и найдти средство учтивымъ образомъ отказаться.

Послѣдняго я никакъ не умѣлъ сдѣлать. Кто не знаетъ нынѣ Воронцова? Кто не знаетъ, какъ увлекателенъ бываетъ его пріемъ тѣмъ, коихъ онъ желаетъ при себѣ имѣть? Развѣ одинъ Александръ бывалъ очаровательнѣе, когда хотѣлъ нравиться. Онъ имѣлъ какую-то щеголеватую неловкость, слѣдствіе Англійскаго воспитанія, какую-то мужественную застѣнчивость и голосъ, который, не переставая быть твердымъ, бывалъ отмѣнно нѣженъ. Болѣе получаса разговаривалъ онъ со мною на-единѣ о разныхъ предметахъ, преимущественно же о краѣ, коимъ собирался управлять. Я, съ своей стороны, ничего не упоминалъ о себѣ, не изъявлялъ никакихъ надеждъ, не указывалъ ни на какое мѣсто. Прощаясь со мной, просилъ онъ меня понавѣдаться къ

Библиотека "Руниверс"

нему, дабы пообстоятельнѣе поговорить о нашихъ дѣлахъ. На этотъ разъ нашелъ я его въ какихъ-то хлопотахъ; онъ успѣлъ сказать со мною нѣсколько словъ, еще приголубить меня и пригласить дня черезъ два къ себѣ обѣдать. Потомъ опять присылалъ онъ меня звать къ себѣ, потомъ.... потомъ не знаю, какъ это сдѣлалось, я призналъ себя въ совершенномъ его распоряженіи. Онъ обошелъ меня, да и я, кажется, не совсѣмъ ему былъ противенъ. Даже графъ Кочубей расхвалилъ меня ему. Я нѣкогда служилъ подъ его начальствомъ, но какъ было ему знать меня? Не принималъ ли онъ меня за отца моего? По соглашенію съ Кочубеемъ и Блудовымъ, условлено по прибытіи на мѣсто сдѣлать меня правителемъ особой канцеляріи Бессарабскаго намѣстника.

Я, виноватъ, не пошелъ благодарить Булгакова: мнѣ не хотѣлось въ этомъ дѣлѣ признавать его участія. Итакъ, едва оставивъ службу, не думавъ, не гадавъ, я опять готовъ былъ поступить въ нее.

Мнѣ оставалось только отправиться надолго и въ долгій путь, ибо непремѣнно надобно мнѣ было заѣхать въ Пензу, гдѣ меня ожидали и куда заблаговременно, не предвидя, что̀ со мной случится, отправилъ я свои пожитки и всю накопленную мною маловажную движимость.

VI.

Взявши мѣсто въ дилижансѣ на 8-е Іюня, я 7-го поѣхалъ въ Царское-Село обѣдать къ племяннику моему, Николаю Алексѣеву, который служилъ тамъ офицеромъ въ гренадерскомъ полку императора Австрійскаго. Тамъ гулялъ я въ саду, провелъ вечеръ, ночевалъ и на другой день рано утромъ, по условію съ кондукторомъ, сѣлъ въ остановившійся противъ квартиры племянника моего дилижансъ.

По этой части въ два года съ половиной нашелъ я большое усовершенствованіе: когда Русскіе станутъ перенимать, всегда стараются перещеголять своихъ образцовъ. Въ покойной четверомѣстной каретѣ, безо всякаго стѣсненія, засѣлъ я съ тремя женщинами. Но, если экипажъ былъ покоенъ, зато не общество, въ коемъ я находился. Оно состояло изъ одной, кажется, мадамъ Ледрю, по торговымъ своимъ дѣламъ отправившейся въ Москву, да изъ одной жены чиновника или помѣщика, Оловянниковой, съ горничною дѣвкой. Сія послѣдняя сидѣла со мной рядомъ насупротивъ своихъ барынь или дамъ; она была не стара, но толста, черна, глупа и зла; часто грубила даже госпожѣ своей и при постоянномъ жарѣ природными, а иногда неосторожными испареніями заражала воздухъ. Француженка, какъ почти всѣ ея соотечественницы, была словоохотна, но ни слова не знала по-руски; Русская была молода, скромна и учтива, не говорила по-французски, а почитала необходимою вѣжливостію отвѣчать на безпрестанно обра-

Библиотека "Руниверс"

щенныя къ ней рѣчи мадамы. Я нѣсколько времени служилъ имъ переводчикомъ, пока это мнѣ не надоѣло, и я рѣшительно отъ того не отказался, за что̀ мадамъ крайне на меня осерчала; толстая дѣвка во снѣ припирала меня къ стѣнкѣ, а я локтемъ въ бокъ будилъ ее. Такимъ образомъ провелъ я три дня съ половиной и пріѣхалъ въ Москву, не пользуясь пріязненнымъ расположеніемъ моихъ спутницъ.

Только до Бронницъ, за Новгородомъ, устроено было шоссе; далѣе должны мы были ѣхать прежнимъ, обыкновеннымъ путемъ; подъѣзжая къ Москвѣ, послѣднія двѣ станціи по выбитой дорогѣ показались намъ невыносимы. Правительство начинало баловать насъ, но и понынѣ, распространяя по всей Россіи удобства путешествій, не можетъ пріучить насъ къ странствованіямъ по своей землѣ.

По старинному обычаю, въ нашемъ семействѣ сохранившемуся, въѣхалъ я прямо въ домъ отсутствующей сестры моей, на Старой Конюшенной. Она съ мужемъ зажилась въ Пензѣ, отпраздновавъ свадьбу брата. Но ихъ со дня на день ожидали, что̀ и задержало меня нѣсколько въ Москвѣ, ибо мнѣ не хотѣлось доро́гой съ ними разъѣхаться. Городъ былъ пустъ, по крайней мѣрѣ, для меня; небольшое число моихъ знакомыхъ находилось въ деревняхъ. Но я не скучалъ, совершенно ведя жизнь любопытнаго путешественника. Всякій разъ, что̀ я пріѣзжалъ въ нее послѣ пожара, Москва являлась мнѣ въ новой красотѣ. Въ этомъ году весной былъ открытъ такъ-называемый Кремлевскій садъ: грязная Неглинная, протекавшая черезъ гадкое болото, заключена въ подземный сводъ, а на поверхности ея явился прекрасный садъ или бульваръ, зеленою лентой опоясывающій почти весь Бѣлый Кремль. Въ этомъ мѣстѣ, которому подобнаго нѣтъ въ центрѣ Петербурга, проводилъ я вечера̀. Наконецъ, воротились мои Алексѣевы; пробывъ съ ними сутокъ двое и съ помощію зятя добывъ хорошую бричку на рессорахъ, я отправился въ дальнѣйшій путь.

Я могъ бы потерять счетъ проѣздамъ моимъ по Владимирской дорогѣ въ Пензу. На этотъ разъ мнѣ ровно нечего было бы о немъ говорить, еслибы не случилось со мной одно происшествіе, которое могло бы кончиться для меня несчастнымъ образомъ и о которомъ упоминаю здѣсь потому только, что нечего другаго сказать. За Муромомъ, проѣзжая лѣсами, около станціи Кулебаки, откуда ни возьмись голодный, чуть ли не бѣшеній волкъ. Сперва гнался онъ издали за повозкой моей, потомъ подскочилъ такъ близко, что я слышалъ, какъ онъ щолкаетъ зубами; не понимаю, чего онъ испугался и скрылся въ лѣсъ. Со мною не было огнестрѣльнаго оружія; въ смирной Россіи почиталъ я это излишнимъ, а испуганный ямщикъ бранилъ меня за то. Во весь опоръ по песку гналъ онъ тройку свою, предвидя новое появленіе волка. Онъ

Библиотека "Руниверс"

не ошибся: изъ чащи волкъ стрѣлой прямо бросился на лошадей, но, къ счастію, далъ промахъ, очутился на другой сторонѣ дороги и въ удивленіи остановился. Показался мостъ; проскакавъ его, ямщикъ объявилъ, что опасность миновалась.

Благополучно прибылъ я въ Пензу къ вечеру 22-го Іюня. Еслибы не всегда этотъ городъ вмѣщалъ въ себѣ драгоцѣнные для меня залоги, я приближался бы къ нему, кажется, столь же равнодушно, какъ ко всякому незнакомому мнѣ уѣздному городу. Тутъ былъ я обрадованъ укрѣпившимися съ виду силами матери моей: лѣтомъ она всегда ожи-вала. Не менѣе насладился я картиной супружескаго нѣжнаго согласія новобрачныхъ, брата моего и невѣстки. «Боже мой, говорилъ онъ мнѣ, какъ счастіе было близко, у меня въ глазахъ, подъ руками, и я не понималъ его! Надобно было, чтобы другіе заставили меня вкусить его; сколько лѣтъ ранѣе могъ бы я имъ пользоваться!» Пріятно мнѣ было также увидѣть въ первый разъ небольшое семейство, нарожденное меньшою сестрой моею, Александрой; оно состояло изъ дочери Дарьи и сына Ивана. Въ мужѣ ея, Юматовѣ, было столько же странностей, какъ и въ ней самой; они часто ссорились, зато нѣжнѣе мирились, и оттого, мнѣ кажется, жили они счастливо.

Мнѣ судьба была пріѣзжать въ Пензу къ неизбѣжной Петровской ярманкѣ. На ней было довольно шумно, и я увидѣлъ нѣсколько новыхъ лицъ, въ Пензѣ поселившихся, между прочимъ, молодыхъ, образованныхъ дамъ; какъ знакомство мое съ ними было тогда мимоходное, то и не буду здѣсь говорить о нихъ. Губернаторъ Лубяновскій жилъ въ большихъ ладахъ съ моимъ семействомъ; въ губерніи его не очень уже любили, но онъ умѣлъ заставлять всѣхъ себѣ повиноваться.

Зрѣлищемъ совершенно для меня новымъ въ Пензѣ были войска, въ ней и вокругъ нея расположенныя. Съ незапамятныхъ временъ, кромѣ ополченія 1812 года да внутренней стражи, другихъ воиновъ въ ней не видали. Дивизіей начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Ѳедоровичъ Эмме, семидесятилѣтній старецъ, совсѣмъ не маститый. Чудесно-крѣпкаго сложенія, онъ еще бѣгалъ въ саду у брата моего, при мнѣ перепрыгивалъ черезъ довольно широкій ровъ, въ четвертый разъ былъ женатъ (у Нѣмцевъ это дозволено), женѣ своей, лѣтъ сорокъ его моложе, начиналъ измѣнять и собирался развестись съ нею. Хотя онъ и смотрѣлъ молодцомъ, о военныхъ подвигахъ его что-то мало знали. Получивъ изрядное образованіе, онъ въ обществѣ бывалъ довольно пріятенъ и веселъ. Мнѣ все это въ его лѣта не нравилось, и онъ мнѣ все казался старымъ Мекленбургскимъ жеребцомъ, еще годнымъ подъ сѣдло.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ непремѣнно хотѣлось побывать въ Кіевѣ: проѣхать близъ его, на него не взглянувъ, казалось мнѣ и грѣхомъ, и великимъ для меня лишеніемъ. Также нужно мнѣ было поспѣть въ Одессу, въ одно время съ Воронцовымъ, гораздо послѣ меня изъ Петербурга выѣхавшимъ. Я сталъ тропиться, но можно ли скоро вырваться отъ родныхъ? Мнѣ должно было отпраздновать съ братомъ день именинъ его, 29-го Іюня, а потомъ день именинъ новобрачной и матери ея, Маріи Адріяновны Чемесовой, 4-го Іюля. Но на другой же день, 5-го числа послѣ обѣда, оставилъ я Пензу.

Мать моя, съ сестрой, братомъ и невѣсткой, по приглашенію семейства Ступишиныхъ, поѣхали провожать меня до селенія ихъ, Пановки, въ 35 верстахъ близъ Тамбовской дороги находящагося. Съ симъ семействомъ давно уже у насъ послѣдовало примиреніе. Не только Агнія Дмитріевна была жива, но и въ глубокой старости мать ея, воплощенная гордыня, Елисавета Петровна Леонтьева. Дочь ея, Александра Ивановна, бывшая за генералъ-маіоромъ Панчулидзевымъ и нѣсколько лѣтъ уже овдовѣвшая, жила съ нею. Итакъ, три поколѣнія вдовъ и двое сиротъ составляли семейство сіе. Любопытно мнѣ было видѣть женатаго брата вмѣстѣ съ обожаемымъ нѣкогда предметомъ, въ близкомъ родствѣ съ тою, съ которою нѣсколько лѣтъ велъ онъ любовную переписку. Ни тѣни прежняго чувства: время все истребило, обхожденіе самое простое и дружественное.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ видѣлъ я Пановку и любовался ея господскимъ домомъ: онъ былъ длиненъ, просторенъ и чисто, хорошо отдѣланъ, съ иголочки. Впродолженіи этого времени, владѣльцы его, вдаваясь въ разныя чрезмѣрныя издержки, мало заботились о его поддержаніи; съ другой стороны, въ это время роскошь при убранствѣ комнатъ чрезвычайно увеличилась. Мнѣ предсталъ онъ тутъ съ своими обнаженными внутри стѣнами, въ видѣ клонящагося къ паденію сарая, нищенски прибраннаго. Отовсюду въ этомъ домѣ вѣяло разореніемъ: казалось, что двѣ хозяйки и Фортуна ихъ готовы скоро рухнуться *). Это чувство умножало грусть мою при разлукѣ съ матерью. Переночевавъ, отобѣдавъ и принявъ материнское благословеніе, 6-го числа пустился я далѣе.

Я поѣхалъ шибко ночью и днемъ: чуть разсвѣтало 7-го числа былъ уже я въ Чембарѣ. Не вылѣзая изъ брички, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ я на соборъ и на небольшія казенныя и частныя камен-

*) Дѣйствительно, не прошло двухъ лѣтъ, какъ обѣ старухи скончались въ неоплатныхъ долгахъ. И нѣкогда богатая невѣста, бѣдная Панчулидзева, должна была искать себѣ пропитанія, опредѣлившись въ Смольный монастырь инспектриссою классовъ.

Библиотека "Руниверс"

ныя строенія вокругъ него, и вспомнилъ деревушку, которая лѣтъ за двадцать занесена тутъ была снѣгомъ. Днемъ проѣхалъ я Кирсановъ, а 8-го, рано утромъ, пріѣхалъ въ Тамбовъ. Я остановился въ какомъ-то чистенькомъ домикѣ и пролежалъ весь день: жары становились несносны, и я рѣшился днемъ отдыхать и ѣхать только ночью. Для сокращенія пути до Кіева, намѣренъ я былъ слѣдовать особому маршруту, который г. Лубяновскій имѣлъ обязательность мнѣ дать передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пензы.

Съ большимъ удовольствіемъ поѣхалъ я изъ Тамбова по совершенно гладкой дорогѣ. Уѣздный городъ Козловъ, хорошо обстроенный, чрезъ который я проѣхалъ ночью, съ просонья показался мнѣ губернскимъ. Солнце начинало уже палить, когда 9-го пріѣхалъ я въ Липецкъ. Небольшой, чистый, хорошенькій городокъ весь былъ занятъ чающими движенія воды. За лощиной, въ которой находится цѣлебный ключъ, въ какомъ-то выселкѣ, нашли мнѣ пріютъ на постояломъ дворѣ. Мнѣ показалось тѣсно, душно, и я поселился въ темномъ чердакѣ. Тамъ было нѣсколько прохладнѣе, но жаръ на дворѣ былъ Африканскій: я мало ѣлъ, за то черезчуръ много пилъ лимонаду, отчего въ желудкѣ моемъ произошла большая революція. Когда къ вечеру она немного поутихла, пошелъ я взглянуть на заведеніе, коему подобнаго еще никогда не видалъ. Небольшой садъ и длинная простая деревянная галлерея служили украшеніемъ сборному мѣсту. Такъ какъ уже смерклось, гуляющихъ почти никого не было; я встрѣтилъ, однакожъ, одного знакомаго, младшаго изъ Голицыныхъ, князя Владимира Сергѣевича, тогда кавалерійскаго полковника. Мы съ нимъ побалагурили; кромѣ пустяковъ о чемъ же съ нимъ было говорить? Я пошелъ къ минеральному колодцу отвѣдать его воды; ея желѣзистый вкусъ понравился мнѣ, и я выпилъ три стакана, отчего совсѣмъ прошелъ мой недугъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, я было захворалъ и исцѣлился въ Липецкѣ.

Давно уже извѣстно, что Липецкая вода, подобно Пирмонтской и Нарзану, укрѣпляетъ только совершенно разслабленныхъ, а въ другихъ болѣзняхъ бываетъ вредна. По невѣдѣнію и не ознакомясь еще съ заграничными путешествіями, многіе посѣщали ея источникъ. Теперь число ихъ невелико, но привычка осталась видѣть тутъ увеселительное лѣтнее мѣсто. Изъ околодка всѣ помѣщики съ деревенскими запасами пріѣзжаютъ пожить дешевымъ и пріятнымъ образомъ; даже изъ обѣихъ губерній, на границѣ коихъ стоитъ Липецкъ, кто на недѣлю, кто на двѣ пріѣзжаетъ погулять въ немъ. Являются за барышами игроки, комедіанты, а городокъ богатѣетъ и украшается, и говорятъ, что и понынѣ цвѣтетъ.

Библиотека "Руниверс"

Отъ Липецка до Ельца слѣдовалъ я маршруту Лубяновскаго. Говорили, что тутъ отъ сорока до пятидесяти верстъ; мнѣ показалось, что болѣе полутораста. Ночью, на наемныхъ лошадяхъ, безъ перемѣны и по ужаснымъ проселочнымъ дорогамъ, мнѣ приходило не въ мочь. Замѣчательно было одно большущее село, называемое Патріаршимъ; за нимъ по мостику переѣхалъ я черезъ узкій Донъ и вступилъ въ Орловскую губернію. Не совсѣмъ было рано утромъ, когда 10-го числа пріѣхалъ я въ Елецъ.

По народонаселенію своему и по наружности городъ этотъ больше и красивѣе многихъ губернскихъ. Въ немъ квартировалъ штабъ конноегерской дивизіи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Павла Петровича Палена, при коемъ, по несчастію, находился адъютантомъ старшій племянникъ мой, поручикъ Александръ Алексѣевъ. Я безъ спросу въѣхалъ прямо къ послѣднему, а онъ безъ притворства обрадовался мнѣ. Втроемъ, съ двумя товарищами, занималъ онъ довольно большой купеческій домъ, и всѣ потѣснились, чтобы дать мнѣ особую, хорошую комнату. Изъ нихъ старшій адъютантъ Ворожейкинъ, письменный человѣкъ, имѣлъ столь же подлую наружность, какъ и названіе; другой, князь Ухтомскій, былъ записной пьяница. Я ужаснулся, когда разглядѣлъ это житье, а еще болѣе, когда узналъ, что каковъ приходъ, таковъ и попъ.

На поляхъ сраженій Паленъ подружился съ отцомъ Алексѣева и сына взялъ къ себѣ. Узнавъ о пріѣздѣ моемъ отъ своихъ адъютантовъ, онъ въ тотъ же день велѣлъ меня звать къ себѣ обѣдать. Старшій сынъ знаменитаго Палена, онъ совсѣмъ не походилъ на меньшихъ братьевъ своихъ. Это былъ обрусѣвшій въ нашей арміи Прусскій гусаръ, неискусный воинъ, а смѣлый рубака, никогда не веселый, хотя всегда навеселѣ. Свѣтская образованность, имъ въ молодости полученная, оставалась въ немъ, какъ облупившаяся позолота, мѣстами выказывающаяся. Сперва былъ онъ женатъ на послѣдней отрасли графовъ Скавронскихъ, въ другой разъ не знаю на комъ, а въ третій на казачкѣ Катеринѣ Васильевнѣ Орловой-Денисовой. Безо всякаго воспитанія, съ однимъ врожденнымъ женскимъ желаніемъ нравиться, умѣла она быть занимательна и любезна; онъ же былъ просто учтивъ, но ни къ кому не внимателенъ. Жену его удавалось мнѣ послѣ того нѣсколько разъ видѣть, его же никогда. Праздная и невоздержная жизнь, которая была у меня передъ глазами, заставляла меня трепетать за бѣднаго моего племянника, и увы! опасенія мои время оправдало.

Чего уже не было нѣсколько дней, согласился я ночевать въ постелѣ. На другой день, 11-го, жаръ опять остановилъ меня, опять обѣ-

Библиотека "Руниверс"

далъ я у Палена и выѣхалъ только ночью не по большой, не по проселочной, а по уѣздной дорогѣ въ городъ Ливны.

И въ этомъ городѣ, который уже совсѣмъ не походилъ на губернскій, и куда пріѣхалъ я 12-го рано поутру, ожидало меня гостепріимство. Не знаю, говорилъ ли я гдѣ о двухъ близнецахъ, братьяхъ Беклемишевыхъ, родныхъ племянникахъ зятя моего Алексѣева? Съ самаго ребячества находились они подъ покровительствомъ цесаревича Константина Павловича; онъ записалъ ихъ въ конную гвардію, въ тоже время воспитывалъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и по производствѣ въ конногвардейскіе офицеры содержалъ ихъ на свой счетъ. Отъ колыбели до полковничьяго чина дня не были они въ разлукѣ и разстались тогда только, когда каждому дали по полку. Одинъ изъ нихъ, Андрей Николаевичъ, у котораго и душа, и кошелекъ были на распашку, командовалъ тутъ конноегерскимъ полкомъ короля Виртембергскаго. Изъ Ельца былъ онъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ, но это было ненужно. Ухвативъ меня, онъ скорѣе уложилъ меня спать и долго дожидался моего пробужденія, чтобы сѣсть за обѣдъ. Когда вечеромъ я готовъ былъ къ отъѣзду, нашли черныя тучи, сдѣлалась сильная гроза, и въ Ливнахъ ливмя пошелъ дождь. Не надѣясь переждать его, я остался ночевать.

Ночью лило какъ изъ ведра, а когда поутру, 13-го, солнце выглянуло, и я сѣлъ въ повозку, то совсѣмъ не было грязи: пересохшая, алчная земля поглотила всю влагу. Слѣдуя путевому указателю моему, по какой дорогѣ поѣхалъ я? Право, разсказать теперь не могу; знаю только, что по самой кратчайшей, къ Курску. Въ иномъ мѣстѣ находилъ я почтовыхъ лошадей, въ другомъ обывательскихъ. Разстояніе, вѣрно, также было изрядное; ибо около сутокъ проѣхавъ шибко, 14-го пріѣхалъ я въ Курскъ, когда едва начинало свѣтать. Я остановился тамъ, куда привезъ меня ямщикъ, на постояломъ дворѣ.

Въ Петербургѣ одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я былъ знако́мъ, князь Григорій Петровичъ Трубецкой, просилъ меня на случай проѣзда моего черезъ Курскъ доставить небольшую посылку зятю его, губернатору, Алексѣю Степановичу Кожухову, и далъ къ нему письмо. Порядочно выспавшись, часу въ одиннадцатомъ отправился я къ этому господину. Онъ встрѣтилъ меня въ губернаторскомъ домѣ посреди просителей и залы безъ стульевъ. Важность, съ которою игралъ онъ ролю свою, мнѣ понравилась. Начальнику Русской губерніи, которая народонаселеніемъ равняется Норвежскому королевству, не подобаетъ вести себя наравнѣ со всѣми, какъ, къ сожалѣнію, сіе нынѣ дѣлается. Сила, которую даютъ одни узаконенія, а еще болѣе личная дерзость никогда вполнѣ не замѣнитъ нравственную силу, которую нѣкоторые прежніе губернаторы умѣли давать себѣ. Не столько себѣ, какъ

Библиотека "Руниверс"

званію своему, обязаны они возвышать его и наружными формами. Онъ обошелся со мною, какъ съ Петербургскимъ пріѣзжимъ, и сказалъ, что, какъ самъ я вижу, онъ не имѣетъ времени заняться мной, а проситъ часа въ два пожаловать къ нему обѣдать на дачу.

Она находилась въ верстѣ отъ города, въ узкой, густыми деревьями осѣненной долинѣ, принадлежащей архіерейскому дому. Въ этихъ разъѣздахъ могъ я хорошо разсмотрѣть Курскъ, украшенный тогда одною большою, каменными домами обставленною улицей. Я уже былъ въ немъ зимой 1802 года, не видавъ его (съ замерзшими стеклами, сидѣлъ я закутанный въ возкѣ, и болѣе часу мы съ матерью въ немъ не оставались). Кожуховъ представилъ меня женѣ своей, Аннѣ Петровнѣ, урожденной Трубецкой. Она совсѣмъ не была красавица, но трудно было найдти милѣе и нѣжнѣе ея голоса, взгляда и улыбки, стройнѣе и гибче ея стана. Говорили, что императоръ Александръ былъ къ ней неравнодушенъ и заключали изъ того, что, въ проѣздѣ черезъ Курскъ, онъ всегда лишній день съ нею оставался, а она всякую зиму мѣсяца на два ѣздила въ Петербургъ. Ну что̀ за бѣда, еслибы и правда! Самъ Кожуховъ былъ не очень высокаго роста, крѣпокъ тѣломъ, бѣлъ и румянъ. Правда, онъ деспотствовалъ въ губерніи; да какъ же иначе тамъ, гдѣ вѣковѣчные безпорядки иногда одною силою придавляются? При немъ они почти прекратились. Люди, сами не подвергнутые строгости принимаемыхъ мѣръ, даже пользующіеся ихъ дѣйствіемъ, кричатъ противъ нихъ. Какъ быть? Нынѣ уже такъ ведется, чтобы желать невозможнаго; мы хотимъ кататься въ саняхъ среди благоуханія розъ.

За столомъ, за которымъ, считая меня, было насъ всего человѣкъ пять, хозяинъ совѣтовалъ мнѣ, если я тороплюсь, отправиться въ туже ночь или пробыть тутъ весь слѣдующій день.

— За окрестности Курска отвѣчаю я, сказалъ онъ; но въ прилегающихъ къ Малороссіи уѣздахъ нерѣдко бываютъ ночные разбои; не смотря на всѣ мои старанія, я не совсѣмъ могъ ихъ унять. И лучше, и вѣрнѣе мѣста̀ эти проѣхать днемъ.

Я послушался его совѣта, ночью ѣхалъ препокойно и вступилъ въ опасныя, по словамъ его, мѣста, когда совсѣмъ разсвѣтало. Тутъ нѣкогда была Русская граница, чрезъ которую Украинская вольница тайно переходила для хищничества; къ ней приставали и наши бродяги. Все это послѣ поселено съ правами однодворцевъ. И позднѣйшее потомство этихъ людей не совсѣмъ можетъ отстать отъ ремесла предковъ. Я увидѣлъ городъ Льговъ рано поутру, Рыльскъ около полудня, а довольно большой и некрасивый Глуховъ, когда послѣдніе лучи солнца освѣщали его колокольни.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, я опять въ Малороссіи, съ неизъяснимою радостью сказалъ я себѣ, опять на дорогѣ, по которой первый разъ въ жизни проѣхалъ я отрокомъ! Мнѣ хотѣлось наглядѣться на мѣста, чрезъ кои проѣзжалъ, наслушаться съ ребячества знакомыхъ рѣчей; темнота ночная скоро покрыла одни, другія умолкли: ибо утомленный дневными трудами народъ скоро предался сну. Въ сердечномъ волненіи, я не скоро могъ заснуть, думаю, передъ разсвѣтомъ; а когда проснулся, 16-го числа, былъ далеко внутри моей любезной Хохландіи. О, горе! На станціяхъ не только смотрители, всѣ ямщики говорили по-русски безошибочно, хотя съ дурнымъ выговоромъ. Мнѣ бы слѣдовало радоваться, видя непринужденное преобладаніе нашего господствующаго народа; но любимыя мѣста пріятно мнѣ находить точно въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ оставилъ. Оттого-то и городъ Нѣжинъ, чрезвычайно много противъ прежняго выигравшій, меня отнюдь не порадовалъ.

Меня тревожилъ дорóгой нарывъ на боку. Во снѣ, вѣрно, я неловко какъ-нибудь поворотился, ибо чрезвычайно сильная боль разбудила меня 17-го рано поутру. Скоро забылъ я объ ней: на дальнемъ горизонтѣ сквозь вѣтви деревъ передо мной что-то блеснуло. Я подъѣзжалъ къ послѣдней станціи, Броварамъ, и это была Печерская глава, маякъ православной вѣры, которому, завидѣвъ его издали, ежегодно десятки тысячъ богомольцевъ крестясь поклоняются. Очень рѣдко случалось мнѣ плакать отъ печали, почти никогда отъ радости; тутъ откуда ни возьмись слезы. Чувство и родное, и религіозное, и патріотическое вмѣстѣ возбудилъ во мнѣ этотъ минутный блескъ, скрывшійся скоро за деревьями. Въ Броварахъ, на мое счастіе, былъ весьма добрый станціонный смотритель, который, замѣтивъ мое умиленное нетерпѣніе, далъ мнѣ тройку лихихъ курьерскихъ лошадей; съ ними восьмнадцать верстъ проскакалъ я по сыпучему песку, точно такъ же какъ и по мосту черезъ Днѣпръ.

На Печерскомъ форштатѣ, въ Жидовскомъ трактирѣ, котораго при мнѣ не было, остановился я. Послѣ отсутствія, продолжавшагося болѣе двадцати одного года, увидѣлъ я опять Кіевъ. Несмотря на жаръ и на нарывъ, какъ бы опьянѣлый, пошелъ я ходить и прежде всего посѣтилъ крѣпость, теплое гнѣздо мое, и о радость! ничто въ ней тогда не перемѣнилось. Зашелъ помолиться въ лавру, также въ ближнія и дальнія пещеры. Сталъ разспрашивать объ архимандритѣ Кипріанѣ, объ іеромонахахъ Павлинѣ и Трифиліи, часто вхожихъ въ нашъ домъ; ихъ давно не было въ живыхъ. Вступая въ разговоры съ монахами, довольно уже немолодыми, я припомнилъ имъ объ отцѣ моемъ и о нашемъ семействѣ; ни о немъ, ни о насъ никто изъ нихъ и не слыхивалъ.

Библиотека "Руниверс"

И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ.

Горько было мнѣ подумать, съ какою быстротой время стираетъ слѣды наши.

Съ утомленными душой и тѣломъ воротился я обѣдать въ свой трактиръ, а потомъ отдохнулъ. Припоминая себѣ всѣхъ простосердечныхъ и добродушныхъ людей, которые любили мое младенчество и которыхъ я самъ любилъ, подумалъ я: неужели ни одного изъ нихъ нѣтъ на свѣтѣ? взялъ дрожки и пустился въ поиски. Въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ я пріятныя открытія.

Первый, котораго отыскалъ я, былъ Павелъ Харитоновичъ Зуевъ, весьма умный человѣкъ, совѣтникъ Главнаго Суда, въ самый годъ послѣдняго выѣзда моего изъ Кіева женившійся на Катеринѣ Петровнѣ, дочери почтенной Іуліаны Константиновны Веселицкой, которую читателю не слѣдовало бы забыть. Когда я назвался, мужъ и жена вскрикнули отъ радости; наслышанныя о моемъ семействѣ, подросшія, довольно большія дѣти обошлись со мною какъ съ давно знакомымъ. Стыдно сказать, кому тутъ еще обрадовался я? Арапу, бьющему въ бубны и стоящему на старинныхъ столовыхъ часахъ, принадлежавшихъ покойной Веселицкой: чудо механики, которому дивился я въ ребячествѣ. Какъ объяснить многія изъ нашихъ слабостей?

Скоро потомъ нашелъ я вдову лысаго лѣкаря нашего, Яновскаго, Іуліану Осиповну. Потерявъ мужа, выдавъ дочерей замужъ и давно отпустивъ сыновей въ военную службу, жила она сиротой въ собственномъ небольшомъ домикѣ, который для нея одной казался ей слишкомъ просторнымъ. Она начинала терять зрѣніе и даже по голосу, въ мужчинѣ, приближающемся къ сорокалѣтнему возрасту, не безъ труда могла узнать знакомаго ей мальчика. Но когда узнала, то заплакала, и нѣтъ нѣжныхъ выраженій на Украинскомъ нарѣчіи, которыхъ бы она мнѣ не переговорила.

Еще обрѣлъ я старца, отца Степана, священника комендантской церкви. Этотъ съ перваго взгляда узналъ меня, всталъ, обратился къ иконамъ и началъ благодарить Бога, что далъ узрѣть ему хотя сына добродѣтельной матери моей. Онъ жилъ на покоѣ, въ тѣсномъ помѣщеніи, окруженный многочисленнымъ потомствомъ, и уже молодой внукъ его заступалъ его мѣсто въ крѣпости. Одна только добрая Василиса Тихоновна, моя Шехеразада, не дождалась меня, жестокая: умерла за мѣсяцъ до пріѣзда моего.

На счетъ сихъ лицъ я хотѣлъ было отослать читателя къ первымъ страницамъ сего безконечнаго повѣствованія; но мнѣ и такъ уже совѣстно занимать его совсѣмъ незанимательными для него предметами.

Библиотека "Руниверс"

Что же мнѣ дѣлать? Воспоминанія этого новаго пребыванія моего въ Кіевѣ такъ живо мнѣ являются, что подъ перомъ моимъ сами собою выступаютъ на бумагу.

Безъ вышепоименованныхъ лицъ возвратясь, могу сказать, на родину, я увидѣлъ бы ее себѣ вовсе чуждою. Польскіе помѣщими замѣнили въ ней Малороссійскихъ, но и они жили болѣе въ деревняхъ. Лѣтъ двѣнадцать не было уже въ Кіевѣ военнаго или генералъ-губернатора. Первенствующею въ немъ особою находился тогда корпусный командиръ, Николай Николаевичъ Раевскій, прославившійся въ войну 1812 года. Тутъ прославился онъ только тѣмъ, что всѣхъ насильно магнетизировалъ и сжегъ обширный, въ старинномъ вкусѣ, Елисаветою Петровною построенный, деревянный дворецъ, въ коемъ помѣщались прежде намѣстники. Вообще и семейство его только и умѣло, что себѣ и другимъ вредить.

Преемникомъ Масса (преемника отца моего) былъ хворый братъ Аракчеева, Петръ Андреевичъ; но мнѣ никакого слѣда не было къ нему ѣхать. Съ губернаторомъ, нѣкогда Петербургскимъ полицеймейстеромъ, мнѣ знакомымъ, Иваномъ Гавриловичемъ Ковалевымъ, встрѣтился я на улицѣ, и онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Хотя онъ былъ холостой, но жилъ не на холостую руку: у него хозяйничали двѣ старыя дѣвы, сестры его. Связь между сими тремя существами была изумительна и трогательна: нигдѣ я такой братской любви не видалъ. Ковалевъ былъ слишкомъ кротокъ для занимаемаго имъ мѣста, и я тогда же предвидѣлъ, что онъ на немъ долго не останется.

Трехъ дней было мнѣ достаточно, чтобъ осмотрѣть всѣ знакомыя мнѣ мѣста и даже нѣкоторыя изъ окрестностей Кіева. Между прочимъ, заѣзжалъ я и на хуторъ, принадлежавшій моему отцу, гдѣ было наше лѣтнее мѣстопребываніе. Онъ проданъ купцу Киселевскому и брошенъ имъ; старый домъ былъ разобранъ, и на его мѣстѣ построены двѣ-три хаты. Все таки могъ я наглядѣться на то, что́ сохранилось въ прежнемъ видѣ,—на прудъ, на плотину, на плодовитый садъ и на рощу, по тропинкамъ которой я рѣзвился когда-то. Отъ удовольствія и сожалѣнія, право, иногда замиралъ во мнѣ духъ. Хотя онъ былъ собственностью отца моего, а странное дѣло, и понынѣ всѣ называютъ его комендантскимъ хуторомъ.

Какъ въ Римъ, такъ и въ Одессу всѣ пути ведутъ изъ Кіева. Мнѣ сказали, что ихъ нѣсколько; какъ мнѣ было выбирать изъ нихъ? У меня было письмо отъ матери къ графинѣ Браницкой, и потому сперва поѣхалъ я въ Бѣлую-Церковь, въ ночь съ 20-го на 21-е Іюля.

Ночи въ это время бываютъ еще коротки, да и путь былъ мнѣ не длиненъ; я совершилъ его до разсвѣта. Въ Бѣлой-Церкви живала

Библиотека "Руниверс"

графиня только по зимамъ; лѣтомъ же—въ трехъ верстахъ оттуда, въ своей любезной Александріи, собственными ея стараніями возращенный огромный паркъ. Туда я прямо проѣхалъ и остановился въ довольно чистой корчмѣ. Выспавшись, часу въ одиннадцатомъ, я принарядился и пошелъ являться.

Проходя садомъ или паркомъ, я подивился его красотѣ; строенія, которыя нашелъ я на концѣ его, меня удивить не могли. Надъ каменнымъ двухъ-этажнымъ домомъ, которому предназначено было вмѣщать въ себѣ гостинницу, большими буквами выставлено было слово Аустеріа, и въ немъ-то помѣщалась владѣтельница замка. Я нашелъ ее послѣ чая или завтрака одну съ дочерью, въ большой комнатѣ нижняго этажа, служащей ей и гостинной, и кабинетомъ, въ черномъ тавтяномъ, довольно-поношенномъ копотѣ, въ бѣломъ довольно-заношенномъ чепцѣ. Она не разточительна была на ласки и привѣтствія; за то простое, доброжелательное обхожденіе ея вселяло уваженіе и довѣренность. Поговоривъ со мной о матери моей, она сказала, что я непремѣнно сколько-нибудь долженъ у нея погостить, а потомъ, позвонивъ, велѣла мнѣ во флигилѣ отвести двѣ или три весьма чистыя комнаты.

Въ этой женщинѣ было такъ много оригинальнаго, что распространиться немного объ ней считаю вовсе неизлишнимъ. При необъятномъ ея богатствѣ, всѣ говорили, что она чрезмѣрно скупа, и я имѣлъ тутъ случай убѣдиться въ томъ; за то на доброе дѣло случалось ей бросать по сту и по двѣсти тысячъ рублей. Въ этой Русской барынѣ, совершенно старинной помѣщицѣ, было такъ много ума, важности и приличія, что ни одинъ Полякъ, даже по заочности, не дерзалъ попрекать ее варварствомъ. Царствованіе Екатерины было на ней напечатано.

За обѣдомъ, исключая хозяйки и меня, сидѣли четыре женщины и одинъ мущина, и вотъ кто они были.

Младшая дочь, графиня Елисавета Ксаверьевна Воронцова, жена моего будущаго начальника. Ей было уже за тридцать лѣтъ, а она имѣла все право казаться еще самою молоденькою. Долго, когда другимъ могъ надоѣсть бы свѣтъ, жила она дѣвочкой при строгой матери въ деревнѣ; во время перваго путешествія за границу вышла она за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее. Со врожденнымъ Польскимъ легкомысліемъ и кокетствомъ желала она нравиться, и никто лучше ея въ томъ не успѣвалъ. Молода была она душею, молода и наружностію. Въ ней не было того, что̀ называютъ красотою; но быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ небольшихъ глазъ пронзалъ насквозь; улыбка ея устъ, которой подобной я не видалъ, казалось, такъ и призываетъ поцѣлуи. Сіе изображеніе

Библиотека "Руниверс"

служитъ доказательствомъ моему безпристрастію, ибо впослѣдствіи была она ко мнѣ черезъ чуръ немилосерда, хотя на этотъ разъ старалась быть отмѣнно любезна.

Какъ контрастъ, сидѣла подлѣ нея дочь генерала Раевскаго, Елена Николаевна, дѣва еще не старая, но мрачная и больная. Все семейство ея страдало полножелчіемъ и, смотря по сложенію каждаго изъ членовъ его, желчь болѣе или менѣе разливалась въ ихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Графиня Браницкая приходилась двоюродною теткой Николаю Николаевичу, и оттого покровительствовала и поддерживала его семейство, за что̀ не весьма хорошо отблагодарило оно ее.

Третья особа была старая знакомка моя, Наталья Николаевна Ергольская, дочь Кіевскаго совѣтника, Николая Ивановича, о коемъ говорилъ я въ началѣ сихъ Записокъ. Я имѣлъ все право назвать ее пожилою дѣвой, ибо въ малолѣтствѣ моемъ зналъ я ее совершеннолѣтнею. Она сама себя отлично образовала и своею любезностію точно служила украшеніемъ сему небольшому обществу.

Объ имени, четвертой женщины, какой-то шляхтянки, паньи-экономки, я не только не спросилъ, но даже хорошенько не поглядѣлъ ей въ лицо, хотя она сидѣла рядомъ со мною.

Предметомъ общаго, особаго вниманія гордо сидѣлъ тутъ Англичанинъ-докторъ, длинный, худой, молчаливый и плѣшивый, которому Воронцовъ, какъ соотечественнику, поручилъ наблюденіе за здравіемъ жены и малолѣтней дочери: передъ нимъ только однимъ стояла бутылка краснаго вина. Обѣдъ былъ вкусный и обильный, но винà за нимъ не подавалось. Вдругъ графиня, подозвавъ слугу и глазами указывая ему на меня и на бутылку передъ Англичаниномъ, сказала только: «гостю». Тотчасъ явилась передо мной другая бутылка; я выпилъ изъ нея рюмки двѣ; опорожнить же ее помогла моя сосѣдка, Полька. Замѣтно было, что она пользовалась не вседневнымъ случаемъ.

Порядочно отдохнувъ послѣ обѣда, графиня предложила мнѣ показать сама свое прекрасное созданіе. Она не повезла и не повела меня съ собою. Съ ослабѣвшими и опухшими ногами, она ходить не могла; два казака повезли ее въ креслахъ на колесахъ, а я сопутствовалъ ей пѣшкомъ. «Посмотри, батюшка, сказала она мнѣ: двадцать пять лѣтъ тому назадъ здѣсь было голое поле, прутика не видать было, а теперь мы гуляемъ въ густомъ лѣсу». Быстрая рѣчка Рось, въ иномъ мѣстѣ удержанная, въ другомъ вьющаяся по волѣ, протекаетъ весь этотъ длинный садъ. Отъ палящаго зноя этимъ лѣтомъ вся трава пожелтѣла; близъ рѣчки сохраняла она только свою свѣжесть, и большіе голубые цвѣты на высокихъ стебляхъ, по берегамъ ея насаженные, казались безконечною сапфировою цѣпью. Всѣхъ прелестей

Библиотека "Руниверс"

этого очаровательнаго мѣста я описывать не буду: ихъ было слишкомъ много. Графиня Браницкая сроднилась съ природой; деревья сдѣлались ея обществомъ и друзьями. Проѣзжая мимо иныхъ, проговаривала она: «голубчикъ, красавецъ ты мой!» съ досадой отворачиваясь отъ другихъ, говорила мнѣ: «я этихъ терпѣть не могу»; однакоже не лишала ихъ жизни, не велѣла рубить. Сперва я не чуствовалъ усталости, но, наконецъ, готовъ былъ въ ней признаться моей вельможной путеводительницѣ, когда закатъ солнца заставилъ насъ воротиться.

Слѣдующій день провелъ я почти такимъ же образомъ. Дѣлаясь довѣрчивѣе и смѣлѣе съ графиней, я заговорилъ ей про толки, которые идутъ о ея капиталахъ, и находилъ, что, по моему мнѣнію, счетъ имъ долженъ быть преувеличенъ. «Не знаю, право, батюшка, навѣрное не могу сказать, а кажется, у меня двадцать восемь милліоновъ,» отвѣчала она. Потомъ прибавила: «Меня всѣ бранятъ за то, что я не строю дворца. Я люблю садить, а не строиться; одно потруднѣе другаго и требуетъ гораздо болѣе времени. Послѣ меня, если сыну моему вздумается взгромоздить хотя мраморныя палаты, будетъ ему изъ чего.»

Изъ Бѣлой-Церкви чѣмъ свѣтъ выѣхалъ я 23-го числа по тракту мнѣ тамъ указанному. Первый городокъ, который увидѣлъ я, былъ ледащій Таращъ, а послѣ большое мѣстечко Ольшаны, принадлежащее Василью Васильевичу Энгельгардту, племяннику Потемкина и брату Браницкой. Тутъ могъ я немного своротить съ дороги, чтобы взглянуть на Казацкое, гдѣ провелъ я годъ моего отрочества, и мнѣ до смерти того хотѣлось; но время становилось дорого и, околесивъ большую часть Россіи, дорога начинала мнѣ надоѣдать. Отъ Ольшаны и Казацкаго вплоть до Херсонской губерніи идутъ имѣнья, купленныя Потемкинымъ у князя Любомирскаго; изъ нихъ могло бы составиться княжество Потемкинское, пространнѣе и богаче инаго Нѣмецкаго герцогства. Послѣ его смерти раздѣлены они между потомками трехъ сестеръ, и каждому изъ наслѣдниковъ досталось болѣе пяти тысячъ душъ. Въ тотъ же вечеръ проѣхалъ я Шполу, доставшуюся Дарьѣ Николаевнѣ Лопухиной, внукѣ сестры его; рано утромъ—Золотополье, принадлежащее Николаю Петровичу Высоцкому, сыну той же сестры. Тотчасъ послѣ сего мѣстечка вступаешь въ Новороссійскій край.

Не знаю, кѣмъ или при комъ построенъ Новомиргородъ. Въѣхавъ въ него 24-го числа, я еще искалъ его. Вдали отъ соборной церкви разбросаны небольшія строенія, въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга находящіяся; мнѣ показалось это основой или кадромъ города. Опять не знаю, поступилъ ли онъ тогда въ вѣдомство военныхъ поселеній, только на каждомъ шагу встрѣчались въ немъ уланы разныхъ чиновъ. Я пустился далѣе.

Библиотека "Руниверс"

Отъ Новомиргорода то, что̀ показалось мнѣ степью, симъ именемъ еще назвать нельзя: являются пригорки, лѣски, вѣроятно, насажденные. Утомленный, гораздо до захожденія солнца, пріѣхалъ я въ Елисаветградъ, или крѣпость Св. Елисаветы, построенную въ царствованіе Елисаветы Петровны. Это было при ней крайнимъ, а въ наше время уже не новымъ, владѣніемъ Россіи. Я остановился тутъ; ибо городъ, хорошо обстроенный, окруженный садами, похожими на рощи, представлялъ мнѣ удобное мѣсто для отдохновенія. Въ деревянномъ трактирѣ, въ которомъ я остановился, былъ длинный рядъ чистенькихъ, бѣленькихъ комнатъ, обнесенныхъ, по южному обычаю, наружною, открытою галереей. Изъ нихъ я занялъ одну, но всѣ остались въ моемъ распоряженіи, ибо всѣ были пусты. Смертельную жажду, которую чувствовалъ, утолялъ я кавунами, по нашему арбузами, которыхъ съ полдюжины принесли мнѣ за полтину. Мнѣ нужно было успокоиться, укрѣпиться для перенесенія трудовъ слѣдующаго дня.

Я не имѣлъ понятія о тоскѣ пополамъ съ ужасомъ, которую чувствуешь, проѣзжая полуденными степями; я узналъ ее 25-го Іюля. Надо мною и подо мною была степь, одна безоблачная, другая безлѣсная. Благотворное въ другое время свѣтило безпощадно горѣло надо мною. Ни малѣйшаго вѣтерка, ну точно штиль среди тропическихъ морей. Ни ручейка, ни деревца, ни хатки, которые бы прервали угрюмое однообразіе сихъ мѣстъ. Во время вешнихъ дождей видъ на безконечное зеленое пространство, говорятъ, дѣйствительно, бываетъ пріятенъ; но тутъ трава не пожелтѣла, а почернѣла, и какъ зола, хрустя, разсыпалась подъ ногами. Какъ нить Аріадны, тянулась цѣпь пирамидообразныхъ столбиковъ, разныхъ величинъ, сооруженныхъ изъ битой земли, выбѣленныхъ и означающихъ версты, полверсты и четверти верстъ. Они походили на надгробные памятники, и бѣлизна ихъ на чернотѣ грунта еще болѣе придавала всему траурный видъ.

Растаявшіе снѣга для стока ищутъ небольшія лощины, каждый годъ роютъ ихъ глубже и такимъ образомъ вѣками изрыли глубокіе овраги, называемые тутъ балками. Въ нихъ зимой со степи надуваетъ болѣе снѣгу, онъ долѣе держится въ нихъ; даже лѣтомъ сохраняютъ онѣ нѣкоторую влажность и отъ безпрепятственно въ полѣ бушующихъ вѣтровъ нѣсколько защищены своими берегами. На днѣ ихъ преимущественно, даже исключительно, построены селенія; но, чтобы ихъ увидѣть, надобно подъѣхать къ нимъ и спуститься въ оврагъ. На станціяхъ, въ нихъ устроенныхъ, находилъ я землянки, которыя меня привлекали своею прохладой и на четверть часа, иногда на полчаса, останавливали меня. Названія сихъ станцій, между прочимъ, Сугоклея, Громоклея, суть на языкѣ мнѣ вовсе неизвѣстномъ; не на Печенѣжскомъ

Библиотека "Руниверс"

ли, не на Хазарскомъ ли? Отъ Елисаветграда сдѣлавъ 180 верстъ, гораздо за полночь пріѣхалъ я въ Николаевъ, главный Черноморскій военный портъ.

Куда меня привезли, право не знаю; сказали, что въ трактиръ. Еслибъ я успѣлъ заснуть, то отъ чрезвычайной усталости вѣрно бы такъ крѣпко, что не почувствовалъ бы мученія, на кое былъ осужденъ. Милліоны блохъ, гораздо больше и злѣе нашихъ, осыпали меня; я подумалъ, что постель моя осыпана рубленою щетиной. Я всталъ, велѣлъ подать свѣчку, ужаснулся числу враговъ моихъ, окатился водой и перебрался въ свою бричку. Тамъ уснулъ, но вѣрно не посмотрѣлъ на часы, ибо сказалъ, чтобы, не дожидаясь моего приказа, со свѣтомъ запрягали лошадей, а черезъ часъ онъ показался. Я проснулся и пустился на новую пытку. Когда я въѣхалъ въ Николаевъ, была совершенная темнота; когда выѣхалъ изъ него, мнѣ было не до любопытства, и потому на этотъ разъ я его почти не видалъ.

Во время утренней прохлады, на паромѣ переправился я черезъ широкій Бугъ. Сильное волненіе въ крови моей поутихло, и я опять немного могъ заснуть, но скоро жаръ разбудилъ меня. Степь начинаетъ терять тутъ свое однообразіе. Море выступившее во внутренность земли заливами или лиманами, удаляясь подъ симъ послѣднимъ именемъ, оставило за собой озера, отдѣленныя отъ него довольно большимъ пространствомъ, черезъ которое надлежало мнѣ проѣзжать. Наконецъ увидѣлъ я третью степь, влажную, голубую, хотя и называютъ ее Чернымъ моремъ, и это немного развеселило во мнѣ духъ. На семъ пути замѣтны не такъ давно совершившіяся превращенія въ этомъ краю. Станціи или селенія носятъ по два имени, одно — прежнее Татарское, другое—полурусское, полуевропейское: такъ, напримѣръ, Тилигулъ, принадлежащій Англичанину Коблé, бывшему Одесскому коменданту, получилъ названіе Коблевки; Аджеликъ, гдѣ Французъ Дофинé, сперва поваръ, потомъ дворецкій Потемкина, наконецъ чиновникъ, поселилъ небольшое число крестьянъ, названъ Дофинкой. Солнце уже сѣло, когда съ сей послѣдней станціи пустился я въ Одессу. Прежде чѣмъ я въѣхалъ въ этотъ замѣчательный городъ, долженъ былъ я испытать большое, хотя послѣднее дорожное мученіе. Мнѣ надобно было девять верстъ ѣхать по такъ-называемой Пересыпи, одно изъ тѣхъ плоскихъ мѣстъ, съ которыхъ море стекло; все одинъ песокъ, но не вездѣ сыпучій; въ иномъ мѣстѣ, связанный, вѣроятно, соляными частицами, былъ онъ твердъ, въ другомъ уступалъ тяжести повозокъ, и отъ того все пространство наполнено было опасными для ѣзды ямами, особенно ночью.

Насилу въ десять часовъ вечера, 26-го Іюля, пріѣхалъ я въ Одессу.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Среди ночной темноты все показалось мнѣ громадно. Я остановился въ извѣстнѣйшемъ отелѣ Ренò, близъ театра, передъ которымъ горѣла блестящая иллюминація. Она была по случаю пріѣзда графа Воронцова и должна была продолжаться три дня. Подмостки были сдѣланы, шкалики куплены, и хотя въ это самое утро отправился онъ въ Бессарабію, ее все-таки зажгли. Слѣдовательно, какъ будто праздновали его отбытіе.

Никогда еще столь богатыхъ матеріаловъ не имѣлъ я для разработки; никогда столь длинной галлереи замѣчательныхъ портретовъ не представлялось мнѣ для списыванія какъ тамъ, куда въ первый разъ пріѣхалъ я: новый край, молодой еще, но высоко поднявшійся городъ, съ разнороднымъ населеніемъ, можно сказать, въ маломъ видѣ раждающійся цѣлый міръ; наконецъ, настоящій дворъ, сборное, безпрестанно мѣняющееся общество. И когда пришлось мнѣ все это описывать? Когда воображеніе гаснетъ, память тупѣетъ, охота пропадаетъ. Если-бы я былъ такъ счастливъ, чтобы въ читателѣ возбудить какое-нибудь участіе собственно къ судьбѣ моей: то продолженіе простаго разсказа о похожденіяхъ моихъ достаточно бы было для удовлетворенія его любопытства. А вотъ чѣмъ я долженъ буду ограничиться.

Въ Одессѣ было тогда только два заѣзжихъ дома, подъ именемъ отелей, принадлежащихъ двумъ купцамъ-Французамъ, Сикàру и Ренò. Первый изъ нихъ былъ настоящій торговецъ изъ Марсели, умный, веселый и пріятный человѣкъ. Другой былъ парикмахеръ, который, понажившись, сталъ торговать духами; подъ покровительствомъ Ришелье въ Одессѣ, отъ пудры перешелъ онъ къ крупичатой мукѣ, разбогатѣлъ, завелъ себѣ дачу и построилъ домà. Въ двухъ небольшихъ комнатахъ одного изъ нихъ помѣстился я надъ конюшнями, чтò было для меня весьма выгодно, ибо, чувствуя въ нихъ нестерпимый жаръ и духоту и не опасаясь неудовольствія отъ нижнихъ жильцовъ, заплатилъ я за ушаты морской воды и полилъ ею у себя весь полъ. Отъ того стало немного свѣжѣе, и я свободно могъ провести первую ночь въ Одессѣ.

Какъ я пріѣхалъ въ этотъ городъ съ намѣреніемъ служить въ немъ и остаться, то и необходимо мнѣ было явиться къ которой-нибудь изъ властей. Главной, графа Воронцова, не было; оставался градоначальникъ, и я поѣхалъ къ нему. Прежде чѣмъ назову его, надобно мнѣ объяснить причины нѣкоторыхъ перемѣнъ въ управленіи, послѣдовавшихъ въ семъ краю. Когда въ 1815 году дюкъ де-Ришелье, Одесскій градоначальникъ и Новороссійскій генералъ-губернаторъ вмѣстѣ,

Библиотека "Руниверс"

оставилъ Россію, по указанію его, на оба мѣста назначенъ былъ его землякъ, генералъ отъ инфантеріи, графъ Ланжеронъ, вѣтреннѣйшій и болтливѣйшій изо всѣхъ Французовъ. Какъ при немъ шли дѣла, этого уже не нужно спрашивать. Не знали, какъ него отдѣлаться. Находя, что одна изъ должностей его не совмѣстна съ высотой его чина, сверхъ того, имѣя желаніе подчинить себѣ всѣ градоначальства, онъ исходатайствовалъ пріятелю своему, тайному совѣтнику Николаю Яковлевичу Трегубову, званіе Одесскаго градоначальника, съ тѣмъ, однакоже, чтобы онъ оставался въ его зависимости. Не прошло года, какъ они ужасно перессорились и стали доносить другъ на друга. Пожертвованъ, разумѣется, былъ подчиненный и удаленъ отъ службы. Открывшееся мѣсто всемогущій тогда Гурьевъ умѣлъ выпросить сыну своему, нерѣдко реченному графу Александру Дмитріевичу, даже съ условіями стѣснительными для Ланжерона. Какъ онъ, такъ и Ришелье жили въ Одессѣ только по званію градоначальниковъ; мѣстопребываніемъ же генералъ-губернаторовъ назначенъ былъ скучный Херсонъ, и ему велѣно было туда переѣхать. Онъ разсердился, но въ отставку не подалъ, чего съ нетерпѣніемъ ожидали. Но, дабы показать неудовольствіе, потребовалъ онъ годовой отпускъ и отправился въ Парижъ. Мѣсто его заступилъ временно-управляющій Бессарабскою областію, генералъ-летейнантъ Инзовъ. Лишь только узнали о предпринятомъ имъ обратномъ пути, какъ поспѣшили назначить Воронцова, и съ этимъ уже не торговались, все отдали ему: и Новороссійскій край, и Бессарабію, и градоначальства, и даже Одессу для жительства. О семъ назначеніи узналъ Ланжеронъ въ проѣздъ свой черезъ Германію; онъ остановился, сильно было прогнѣвался, но съ счастливымъ легкомысліемъ своимъ скоро пересталъ тужить и поѣхалъ далѣе.

На хуторѣ Коблѐ, ближайшемъ къ городу, предсталъ я передъ давнишнимъ знакомымъ моимъ, Петербургскимъ, Кяхтинскимъ, Мобёжскимъ, и онъ принялъ меня какъ добраго пріятеля, не пустилъ меня, заставилъ у себя обѣдать, и вседневно-славный столъ его пробудилъ во мнѣ апетитъ, потерянный во время сильныхъ жаровъ. Внезапный упадокъ отца его, назначеніе Воронцова, много сбавили съ него спѣси. Его графиня, Авдотья Петровна, какъ и всегда, была гораздо милѣе его. А вотъ на первый случай и знакомый для меня домъ.

Изъ многочисленной свиты Воронцова одинъ только человѣкъ находился въ Одессѣ, состоящій по особымъ порученіямъ, полковникъ баронъ Пфейлицеръ-Франкъ. Бѣдному Курляндскому дворянчику, учившемуся въ кадетскомъ корпусѣ, служившему въ кавалеріи, посчастливилось попасть въ адъютанты къ Воронцову. Не знаю, былъ ли онъ отъ природы веселаго ума, только всегда расположенъ былъ къ шут-

Библиотека "Руниверс"

камъ, зная, что ими угождаетъ высшимъ и нравится равнымъ. Шутки его бывали иногда очень остры, особенно приправленныя искусствомъ передражниванья. Этого бы, кажется, достаточно; но, сверхъ того, начальника своего наединѣ забавлялъ онъ городскими и всякаго рода вѣстями. Къ чести послѣдняго надобно сказать, что онъ былъ самымъ приближеннымъ его, но не самымъ довѣреннымъ человѣкомъ. Жаль, право; у Франка былъ умъ, хотя никакой способности къ дѣламъ, а многіе видѣли въ немъ просто шута и лазутчика. Раза два прозрѣлъ я въ Петербургѣ особу его, но подробности о ней мнѣ были вовсе неизвѣстны. Неизлишнимъ счелъ я навѣстить его, дабы получить свѣдѣнія о его начальникѣ, еще не моемъ; онъ мнѣ показался очень забавенъ, и я съ удовольствіемъ слушалъ его; онъ это замѣтилъ и, кажется, навсегда остался мнѣ доброжелателенъ.

Пробывъ около недѣли въ Кишиневѣ, намѣстникъ отправился осматривать южную часть Бессарабіи. Отсутствіе его длилось, а я оставался безъ дѣла и даже въ нѣкоторой неизвѣстности на счетъ моего предназначенія. Между тѣмъ чиновники, опредѣленные въ штатъ генералъ-губернатора, одинъ за другимъ безпрестанно пріѣзжали изъ Петербурга и всѣ останавливались въ трактирѣ Рено, гдѣ я жилъ, и гдѣ славный поваръ-Французъ, Оттонъ, кормилъ насъ за весьма дешевую цѣну, ибо съѣстные припасы стоили тогда весьма мало. Изъ сихъ чиновниковъ, пріѣхавшій первый и, конечно, примѣчательнѣйшій изъ нихъ, былъ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. У него были и познанія, и способности, и трудолюбіе, вмѣстѣ съ врожденною ко всѣмъ привѣтливостію, которая, равна будучи и со старшими, не могла имѣть ни малѣйшаго вида подлости, сверхъ того, довольно замѣтное честолюбіе, однимъ словомъ,—всѣ средства къ возвышенію. Мнѣ едва ли случалось встрѣтить человѣка болѣе его благоразумнаго въ поступкахъ, болѣе одареннаго тѣмъ, что Французы называютъ умомъ поведенія, esprit de conduite. Выгораживая себя, по всей истинѣ могу сказать, что это было единственное дѣльное пріобрѣтеніе, сдѣланное Воронцовымъ въ Петербургѣ. О другихъ чиновникахъ, пріѣхавшихъ въ тоже время, буду говорить послѣ, а можетъ быть, и ничего не буду говорить.

Наконецъ, прибылъ гвардіи полковникъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ, нѣкогда дежурный штабъ-офицеръ въ Мобѣжскомъ корпусѣ, главное лицо въ Воронцовской свитѣ. Четверти часа разговора съ нимъ было достаточно, чтобы увидѣть въ немъ добрѣйшаго человѣка въ мірѣ. И доброта эта была не апатическая, а живая, огненная, всегда готовая на общее и частное добро. Во всеобщей любви его къ человѣчеству Русскіе занимали первое мѣсто, если не онъ самъ; но не бу-

Библиотека "Руниверс"

демъ смѣшивать себялюбіе или эгоизмъ съ самолюбіемъ. Перваго въ немъ вовсе не было, послѣднее преступало за всѣ возможные и дозволенные предѣлы. Твердо вѣруя въ свою непогрѣшимость, онъ ни за что не отступался отъ мнѣнія своего, даже тогда, когда обманъ, въ который онъ былъ вовлеченъ, дѣлался очевиденъ. Правдивые люди всегда бываютъ довѣрчивы; для отклоненія заблужденій такимъ людямъ нуженъ сильный умъ и быстрый, вѣрный взглядъ на людей и на дѣла; а были ли они въ немъ, это остается еще подъ сомнѣніемъ. Я зналъ его въ Мобёжѣ и полюбилъ; послѣ того находился онъ въ гвардейскомъ штабѣ, но мнѣ не случилось съ нимъ увидѣться. Эти господа военные, занимающіеся въ инспекторскомъ департаментѣ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ письменными дѣлами, считаютъ гражданскую службу за сущую бездѣлку и не скоро могутъ понять великой разницы между именными списками, рапортичками и составленіемъ выписки изъ огромнаго дѣла.

Скоро изъ Кишинева обратно прислалъ Воронцовъ еще одного дѣльца, Никанора Михайловича Лонгинова, брата Николая Михайловича, секретаря императрицы Елисаветы Алексѣевны, потомъ великаго статсъ-секретаря. Онъ не былъ подобно брату воспитанъ въ Англіи, а изъ семинаристовъ попалъ въ какую-то военную канцелярію и былъ потомъ полковымъ аудиторомъ въ Мобёжскомъ корпусѣ. Мужикъ онъ былъ довольно добрый, только что не совсѣмъ глупъ, великой педантъ, сухой, кривой, скучный.

Я былъ призванъ сими двумя господами на совѣтъ касательно новаго устройства генералъ-губернаторской канцеляріи. Въ Россіи всѣ хотятъ, возвышая мѣсто служенія своего, поднять свою должность и свою особу; отъ того-то совсѣмъ неважныя управленія успѣваютъ дѣлаться особыми министерствами. Я скоро замѣтилъ, что Казначеевъ намѣренъ создать не только нѣчто въ видѣ департамента, но настоящій департаментъ министерскій и быть его директоромъ.

Департаментъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ отдѣленій: первое, по всей справедливости, должно было принадлежать коллежскому ассессору Лонгинову, участвовавшему въ проектѣ; четвертое, въ которомъ должны были находиться Бессарабскія дѣла, назначено было мнѣ. Не знаю, какъ не вскрикнулъ я отъ удивленія и негодованія. Вотъ куда я упалъ! подумалъ я. Надобно было объясниться.

— Еще въ Петербургѣ условлено было, чтобы Бессарабскія дѣла, кои и понынѣ составляютъ отдѣльную часть, находились подъ особымъ моимъ управленіемъ, сказалъ я.

— Это невозможно, воскликнулъ Казначеевъ:—въ высочайшемъ приказѣ сказано, что такой-то назначается правителемъ канцеляріи

Библиотека "Руниверс"

Новороссійскаго генералъ-губернатора и полномочнаго намѣстника Бессарабской области. Послѣ того какъ же быть? Да и соглашусь ли я съ кѣмъ-нибудь дѣлиться?

— Вы совершенно правы, но и мнѣ да позволено будетъ желать не имѣть другаго начальника кромѣ намѣстника: семь лѣтъ находился я въ непосредственной зависимости отъ одного главнаго начальника.

— Ну, что̀ за важность, и какже можно сравнивать какого-нибудь Бетанкура съ *нашимъ* графомъ?

— Тутъ дѣло идетъ не о лицахъ, а о должностяхъ, и, кажется, что министръ можетъ почитаться, по крайней мѣрѣ, равнымъ генералъ-губернатору.

Я старался объяснить ему, что для человѣка, имѣвшаго въ виду департаментъ, и мѣсто правителя канцеляріи не слишкомъ завидно. Мы посчитались; и еслибы въ немъ не было такъ много доброты, и я не зналъ бы ей всю цѣну, то, можетъ быть, и перессорились бы.

Другое небольшое униженіе долженъ былъ я испытать немного прежде, дня черезъ два по пріѣздѣ въ Одессу. Мнѣ принесли съ почты пакетъ, въ которомъ при письмѣ отъ Бетанкура вложенъ былъ Владимирскій крестъ 4-й степени. Представленія его, сдѣланныя по Главному Управленію Путей Сообщенія, Государь велѣлъ бросить Комитету Министровъ; а обо мнѣ шло черезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и было утверждено 14-го Іюня. Спорили въ Комитетѣ о наградѣ сей вмѣсто чина, и я чуть не получилъ было маленькой Аннинской крестикъ. Лучше бы, право, нечего.

Положеніе мое сдѣлалось опять болѣе чѣмъ затруднительно. Безъ ничего воротиться въ Пензу, истративъ на дорогу всѣ сбереженныя крохи и сдѣлавъ небольшой долгъ, было бы очень тяжело. Съ другой стороны, служить, какъ вздумалось Казначееву предлагать мнѣ, я бы ни за что̀ не согласился. Рѣшенія участи своей ожидалъ я отъ возвращенія Воронцова, которое послѣдовало только 10-го Августа. Тогда сдѣлалось еще хуже. Нельзя было мнѣ не замѣтить, что онъ избѣгаетъ объясненій со мною, а я не слишкомъ искалъ ихъ, все опасаясь, чтобы въ нихъ, противъ воли моей, не вскользнулъ какой-нибудь упрекъ.

У него былъ собственный не весьма большой домъ *), единственный тогда на берегу моря. Другой, самый большой въ Одессѣ, принадлежащій богачу Фундуклею, нанималъ онъ и приготовлялъ для вельможескаго житья своего. Третій — въ городскомъ саду, гдѣ жилъ, кажется, прежде градоначальникъ Трегубовъ и состоящій изъ трехъ-че-

*) Въ Одессѣ не нужно говорить каменный домъ, ибо въ цѣломъ городѣ одинъ только деревянный, Русскимъ купцомъ за большія деньги на славу построенный.

Библиотека "Руниверс"

тырехъ большихъ комнатъ въ верхнемъ этажѣ, занималъ онъ также. Въ первомъ обѣдалъ онъ, во второмъ ночевалъ, въ третьемъ принималъ просителей и занимался дѣлами. Зрѣлище было любопытное: всѣ комнаты набиты всякой день были народомъ, просителями, чиновниками, даже просто любопытными, и посреди ихъ столы, на которыхъ производились дѣла. Намѣстникъ часто выходилъ изъ своего кабинета; возьметъ бумаги, промолвитъ съ инымъ слова два, удаляется съ тѣмъ, чтобы опять скоро показаться. Сборное мѣсто при походномъ управленіи. Тутъ и я почти каждый день являлся, и на мою долю доставалось нѣсколько ласковыхъ словъ и почти всегда зовъ на обѣдъ; но о дѣлѣ ни полслова.

Оставимъ и мы его на минуту съ тѣмъ, чтобы заняться точно бездѣльемъ: изображеніемъ двухъ лицъ, сопровождавшихъ Воронцова въ Бессарабію. Оба откомандированы были отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, кажется, болѣе для умноженія блеска маленькаго Одесскаго двора, чѣмъ для пользы службы. Отецъ одного изъ нихъ, ... *** былъ старикъ, вѣчно служившій въ Константинопольской миссіи; жена у него была красавица. Посланникъ Кочубей былъ молодъ, и ребенокъ, въ то время родившійся, былъ чрезвычайно похожъ на послѣдняго; ни родители, ни молодой посланникъ не думали оспаривать общаго мнѣнія на счетъ младенца. Подъ покровительствомъ графа Виктора Павловича выросъ онъ, опредѣленъ въ службу и представленъ въ первое Петербургское общество. Когда Неаполитанская королева Каролина бѣжала изъ Палермы отъ жестокостей Англичанъ, всегда такъ немилосердыхъ къ несчастію, то въ Константинополѣ нашла убѣжище у г жи *** Какъ бы подданная, сопровождала она ее и служила ей. Не зная, какъ лучше ее наградить, королева малолѣтному сыну ея выпросила звѣзду Св. Константина, что въ самой первой молодости и давало ему видъ маленькаго принца. Сходство лица у *** съ отцомъ, природою ему даннымъ, не было еще такъ разительно, какъ сходство характера. Въ немъ была небольшая надменность, соразмѣрная однакоже его положенію, и великая страсть къ спекуляціямъ. Не имѣя большаго состоянія, онъ безпрестанно умножалъ его, не употребляя впрочемъ никакихъ неблагородныхъ средствъ, пользуясь единственно покровительствомъ начальства и удобствами торговаго города. Всегда занятый собственными дѣлами, которыя слегка были сплетены съ служебными, казался онъ дѣятельнымъ. И странная и вмѣстѣ счастливая была судьба его! Никогда не покидая Одессы, не занимая въ ней никакой должности, оставаясь все въ томъ же положеніи, въ коемъ прибылъ въ нее, съ чиномъ надворнаго совѣтника, онъ, до чина тайнаго со-

Библиотека "Руниверс"

вѣтника, очень часто получалъ награды, кресты, ленты, подарки, земли, аренды.

Если одинъ показался мнѣ отмѣнно вѣжливъ, то другой, баронъ Филипъ Ивановичъ Бруновъ, былъ со мною не только ласковъ, даже искателенъ. Курляндецъ, еще менѣе чѣмъ Лифляндецъ, былъ онъ Русскій. Окончивъ курсъ ученія въ одномъ изъ Нѣмецкихъ университетовъ по юридическому факультету, съ прилежаніемъ и хорошей головой, пріобрѣлъ онъ дѣйствительно много познаній по этой части и по рекомендаціи родственниковъ своихъ графовъ Ливеновъ, въ качествѣ дипломата-законовѣдца, прибылъ съ Воронцовымъ въ Новороссійскій край. Но не по этой дорогѣ надѣялся онъ далеко уѣхать; да и не имѣя ни малѣйшей практики, не зная Русскихъ законовъ и весьма плохо языкъ, къ чему бы годился онъ? Наружность имѣлъ онъ непріятную; длинный станъ его, все болѣе вытягиваясь, оканчивался огромной, страшной челюстью; но въ немъ былъ умъ и большой свѣтскій навыкъ, и всѣмъ, кромѣ меня, онъ болѣе или менѣе нравился. Съ самаго ребячества въ Нѣмцахъ привыкъ я видѣть правдивость и честность и хотя было много случаевъ, которые поколебали во мнѣ сію вѣру, Брунову дано было разрушить ее; но онъ принадлежалъ къ новой, юной Германіи, безстыдно-разсчетливой. Мы объяснились, и я былъ столько догадливъ, чтобы не показать ему ни малѣйшаго отвращенія. Обманутый моимъ иностраннымъ прозваніемъ и зная, что Казначеевъ стоитъ передо мной препоной, предложилъ онъ мнѣ противъ него оборонительный и наступательный союзъ. Выслушивая его одобрительно, замѣтилъ я ему, что насъ только двое. «Франкъ будетъ съ нами, отвѣчалъ онъ, и это достаточно будетъ, чтобы свихнуть Русскаго дурака и овладѣть мѣстомъ». Внутренно продолжая смѣяться надъ собой и надъ интригантомъ, «нѣтъ мало, сказалъ я: кабы намъ достать людей изъ Остзейскихъ губерній или изъ самой Германіи и ими наполнить мѣста, дѣло пошло бы иначе».—«Да это можно послѣ», отвѣчалъ онъ. Не служитъ ли это новымъ доказательствомъ, какъ на всѣхъ важныхъ у насъ пунктахъ Нѣмцы стремятся утвердить свое преобладаніе? Не имѣя прозорливости г. Брунова, я увидѣлъ, однакоже, какъ неосновательны его замыслы, и никакъ не спѣшилъ предувѣдомить Казначеева, не видя для него ни малѣйшей опасности. Еще прежде, чѣмъ этотъ баронъ употребленъ былъ въ Молдавіи, всей Одессѣ извѣстенъ былъ онъ, какъ самая продажная душа; въ Бухарестѣ же былъ онъ пойманъ въ воровствѣ, въ грабежѣ, уличенъ, сознался и, неизвѣстно какъ, былъ спасенъ. Что же съ нимъ послѣ? Что же было съ нимъ наконецъ? Увы, онъ Русскій посолъ въ Лондонѣ!

Библиотека "Руниверс"

Немного лицъ изобразилъ я изъ толпы, приплывшей съ новымъ начальникомъ, какъ уже приходится говорить о разсѣянной его появленіемъ. У Ланжерона было два правителя канцеляріи: Иванъ Ильичъ Гуржеевъ и Павелъ Григорьевичъ Саражиновичъ. Бахметевъ изъ Каменца-Подольскаго въ Бессарабію привезъ съ собою Полака Николая Андреевича Криницкаго и сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи. Все сіе двойное наслѣдство сохранилъ Инзовъ, и все оно свезено было въ Кишиневъ. Три правителя канцеляріи не могли оставаться вмѣстѣ съ Казначеевымъ. Справедливое мнѣніе о нихъ графа Воронцова лучше и короче меня изобразитъ сихъ людей. «Гуржееву, говорилъ онъ, какъ человѣку умному и дѣльному, доставилъ я почетное и выгодное мѣсто; Криницкому, умному, хотя не совѣмъ чистому, но бѣдному, выпросилъ я кусокъ хлѣба, нѣсколько тысячъ десятинъ земли; а Саражиновича, какъ глупаго плута, безъ церемоніи просто вытолкнулъ отъ себя». Состоящій по кавалеріи и по особымъ порученіямъ полковникъ Селеховъ и два адъютанта, Мейеръ и Вегелинъ, показались было при намѣстникѣ и вдругъ куда-то исчезли, вѣроятно получили отпуски и потомъ перемѣнили службу.

Чиновники канцелярскіе почти всѣ сохранили свои мѣста. Изъ нихъ былъ примѣчателенъ одинъ только титулярный совѣтникъ Михайло Ивановичъ Лексъ. Отказавъ ему въ пріятной наружности, природа въ замѣнъ дала ему много похвальныхъ и полезныхъ качествъ. По дѣламъ быстрота понятія равнялась въ немъ проворству исполненія. Сама судьба сего гражданскаго чиновника какъ бы нарочно ставила всегда подъ начальство къ военнымъ генераламъ. Бахметевъ любилъ его и отличалъ не совсѣмъ лестнымъ названіемъ *мой* писецъ. Инзовъ былъ деликатнѣе, заставлялъ его трудиться не иначе какъ въ своемъ кабинетѣ и съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ. Величайшую честь дѣлала ему его чрезвычайная бѣдность въ Бессарабіи, гдѣ отъ мірскихъ крупицъ служащіе были болѣе чѣмъ сыты. Откровенный видъ его, всегда умно-веселая улыбка на устахъ, уменьшали дурноту рябаго лица его, а его услужливость всѣхъ хорошо къ нему располагала. Говорятъ, излишество во всемъ есть недостатокъ; но искреннее желаніе никого не осердить противорѣчіемъ, никого не опечалить отказомъ, ни у кого не отнимать надежды, какъ бы она ни была несбыточна, однимъ словомъ, быть для всѣхъ пріятнымъ, не имѣетъ ли источникъ въ добрѣйшемъ сердцѣ? Я зналъ женщинъ, коимъ такая доброта служила во вредъ; безъ всякой любви часто жертвовали онѣ своей репутаціей неотступнымъ моленіямъ влюбленныхъ. Вотъ каковъ былъ Лексъ. Когда я узналъ его, сказалъ: «находка!» Скоро слово сіе повторилъ Казначеевъ, а за нимъ и самъ графъ Воронцовъ.

Библиотека "Руниверс"

Образованіе Казначеевскаго департамента шло весьма поспѣшно. Не могу припомнить распредѣленія дѣлъ между отдѣленіями, а назову только ихъ начальниковъ. Я сказалъ уже, что Лонгиновъ избралъ первое, второе поручено было Левшину; отъ третьяго, суднаго, кто бы могъ подумать, не отказался Бруновъ. Впрочемъ, онъ оставался болѣе консультантомъ и въ казусныхъ, затруднительныхъ дѣлахъ подавалъ выписки Французскія изъ Юстиніанова кодекса. Четвертое, меня столь ужасавшее, по всей справедливости, досталось Лексу.

— Согласитесь, сказалъ я Казначееву, что моимъ отказомъ ѵслужилъ я вамъ, службѣ и Лексу.

Надобно было подивиться числу налетающихъ въ канцелярію бумагъ, а еще болѣе быстротѣ, съ какою вылетали изъ нея рѣшенія и отвѣты. Быстрота — первое достоинство въ глазахъ военнаго начальника, управляющаго гражданскою частію. Что̀ за дѣло, если потомъ окажутся промахи: ихъ такъ легко исправить!

Пока я все искалъ случая, безъ всякаго посредничества, говорить о себѣ Воронцову, съ которымъ я почти каждый день разговаривалъ, только всегда при людяхъ, прошло дней десять. Вдругъ собрался онъ въ новый путь и, взявъ съ собой адъютантовъ и часть свиты своей, поскакалъ въ Крымъ и далѣе. Что̀ мнѣ было тутъ дѣлать? Еслибъ у меня были деньги, я, ни говоря ни слова, поворотилъ бы оглобли свои въ Пензу, тѣмъ болѣе, что и Сентябрь былъ не далекъ; но у меня не достало бы ихъ и на половину дороги; а въ незнакомомъ городѣ кто бы мнѣ далъ взаймы? Въ это истинно-печальное для меня время, судьба послала мнѣ большое утѣшеніе.

Рядомъ со мной, объ стѣну, жилъ Пушкинъ, изгнанникъ-поэтъ. Изъ первыхъ частей видно, что чрезмѣрной симпатіи мы другъ къ другу не чувствовали; тутъ какъ-то сошлись.

Въ Одессѣ, гдѣ онъ только-что поселился, не успѣлъ еще онъ обрѣсти веселыхъ собесѣдниковъ; въ Бессарабіи звуки лиры его раздавались въ безмолвной, а тутъ только-что въ шумной пустынѣ: никто съ достаточнымъ участіемъ не въ состояніи былъ внимать имъ. Встрѣча съ человѣкомъ, который могъ понимать его языкъ, должна была ему быть пріятна, еслибъ у него и не было съ нимъ общаго знакомства, и онъ собою не напоминалъ бы ему Петербурга. Вѣрно почитали меня человѣкомъ благоразумнымъ, когда передъ отъѣздомъ Жуковскій и Блудовъ наказывали мнѣ стараться войдти въ его довѣренность, дабы по возможности отклонять его отъ неосторожныхъ поступковъ. Это было не легко: его самолюбіе возмутилось бы, еслибъ онъ замѣтилъ, что кто-нибудь хочетъ давать направленіе его дѣйствіямъ. Простое доброжелательство мое ему полюбилось, и съ каждымъ днемъ

Библиотека "Руниверс"

наши бесѣды и прогулки становились продолжительнѣе. Какъ не вѣрить силѣ магнетизма, когда видишь дѣйствіе одного человѣка на другаго? Разговоръ Пушкина, какъ бы электрическимъ прутикомъ касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождалъ въ ней тысячу мыслей, живыхъ, веселыхъ, молодыхъ, и сближалъ разстояніе нашихъ возрастовъ. Безпечность, съ которою смотрѣлъ онъ на свое горе, часто заставляла меня забывать и собственное. Съ своей стороны, старался я отыскать струну, за которую зацѣпивъ, могъ бы я заставить заиграть этотъ чудный инструментъ, и мнѣ удалось. Чрезвычайно много неизданныхъ стиховъ было у него написано, и между прочимъ, первыя главы *Евгенія Онѣгина*; и я могу сказать, что я насладился примѣрами (на Русскомъ языкѣ нѣтъ такого слова) его новыхъ произведеній. Но одними ли стихами плѣнялъ меня этотъ человѣкъ? Бывало, посреди пустаго, забавнаго разговора, изъ глубины души его или сердца вылетитъ свѣтлая, новая мысль, которая изумитъ меня, которая покажетъ и всю обширность его разсудка. Часто со смѣхомъ, пополамъ съ презрѣніемъ, говорилъ онъ мнѣ о шалунахъ-товарищахъ его въ Петербургской жизни, съ нѣжнымъ уваженіемъ о педагогахъ, которые были къ нему строги въ Лицеѣ. Мало-по-малу открылъ я весь зарытый кладъ его правильныхъ сужденій и благородныхъ помысловъ, на кои накинута была замаранная мантія цинизма. Вотъ почему всѣ заблужденія его молодости, въ послѣдствіи, отъ свѣта разума его исчезли какъ дымъ.

Между тѣмъ Воронцовъ воротился въ Сентябрѣ изъ втораго путешествія своего. Я не спѣшилъ къ нему являться: онъ прислалъ за мною.

— Послушайте, любезный Ф. Ф., сказалъ онъ мнѣ; мнѣ очень жаль, что желаніе мое имѣть васъ при себѣ не могло исполниться; десятилѣтняя привычка къ доброму товарищу моему, Казначееву, заставила меня ему одному поручить мою канцелярію. Но есть еще для васъ средство быть полезнымъ этому краю. Въ Петербургѣ не имѣютъ настоящаго понятія о Бессарабскихъ дѣлахъ, я самъ жить тамъ не могу; намъ нуженъ человѣкъ, который бы по наблюденіямъ своимъ нѣкоторымъ образомъ могъ замѣнить меня, и я васъ избралъ. Верховный Совѣтъ области не стоитъ такъ высоко, какъ Польскій или Финляндскій Сенатъ, но въ своемъ кругу и онъ имѣетъ большую важность. Въ немъ есть вакантное мѣсто члена отъ короны; хотите ли вы занять его? Чтобы васъ ничѣмъ не связывать, я даже не представлю Государю о вашемъ утвержденіи, а употреблю на то дарованную мнѣ власть. Пробывъ мѣсяца три на мѣстѣ, вы всегда, когда хотите, можете пріѣхать сюда, поотдохнуть, погулять и потолковать со мною. Жалованье

Библиотека "Руниверс"

небольшое, шесть сотъ рублей серебромъ, но житье тамъ дешевое; согласны ли вы?

Всѣ эти убѣжденія были напрасны, и графъ Воронцовъ не употребилъ бы ихъ, еслибы зналъ состояніе моего кармана; я, право, готовъ былъ идти въ помощники даже къ Лексу, но только не къ Брунову.

Я имѣлъ порученіе ходатайствовать у начальника Черноморскаго флота о переводѣ изъ Петербурга одного чиновника морскаго вѣдомства. Поспѣшая въ Одессу, я не остановился въ Николаевѣ и думалъ сдѣлать сіе послѣ, на обратномъ, неизбѣжномъ для меня пути въ Пензу. Тутъ, прежде отправленія въ Бессарабію, захотѣлось мнѣ исполнить обѣщанное. Я доложилъ о томъ графу *, который вселюбезно далъ мнѣ письмецо къ другу своему, вице-адмиралу Грейгу.

Пріятнѣе погоды, какая стояла въ началѣ Сентября, придумать нельзя и желать невозможно. Усладительная теплота разстилалась по землѣ 12-го числа, день выѣзда моего изъ Одессы и пріѣзда въ Николаевъ. На этотъ разъ и квартира была у меня въ немъ готова. Опредѣленный при Бетанкурѣ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія полковникъ Рокуръ, Французъ весьма серіозный, хотя довольно говорливый, встрѣтясь со мной въ Одессѣ, взялъ съ меня слово у него остановиться въ такъ-называемомъ Молдаванскомъ домѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ крытыми галлереями. Онъ жилъ только внизу съ капитаномъ Монтеверде, роднымъ племянникомъ Бетанкура и весьма любезнымъ молодымъ человѣкомъ, а верхній этажъ оставилъ въ мое распоряженіе. Надобно признаться, что Французы гостепріимнѣе насъ, ибо не изъ тщеславія, не изъ любопытства какъ мы.

На другой день повезъ меня онъ къ начальнику портовъ и флота, Алексѣю Самойловичу, который принялъ меня съ важностію Англичанина и вѣжливостію чрезвычайно образованнаго человѣка. Онъ занималъ безконечный одноэтажный домъ, построенный еще Мордвиновымъ, а въ глубинѣ его безчисленныхъ внутреннихъ комнатъ скрывалась (только отъ пріѣзжихъ, а не отъ жительствующихъ) какая-то дама, которую называли капитаншей Кульчинской. Онъ позвалъ меня обѣдать; но Рокуръ, съ Французскою живостію не давъ мнѣ отвѣчать, объявивъ, что имѣетъ мое обѣщаніе, и что, по праву хозяина, первый день мой принадлежитъ ему. Тогда адмиралъ позвалъ меня на другой день въ загородный домъ и садъ свой, извѣстный подъ именемъ Спасскаго.

---

* Слѣдуя принятому моими сослуживцами обыкновенію, отнынѣ не иначе буду называть Воронцова. Говоря о другихъ графахъ, прибавляли они ихъ фамильныя имена; этотъ одинъ былъ для нихъ просто графъ настоящій; иногда прибавляли они только слово нашъ.

Библиотека "Руниверс"

Легко мнѣ было замѣтить, что между сими людьми, принадлежащими къ двумъ соперническимъ націямъ, не было большаго согласія. Рокуръ говорилъ мнѣ съ уваженіемъ, съ похвалою о Грейгѣ, но съ сожалѣзнованіемъ о какихъ-то его слабостяхъ, и жаловался на то, что онъ не даетъ ему никакого занятія.

— Чтобы произвесть что-нибудь необычайное и полезное вмѣстѣ, сказалъ онъ мнѣ, предложилъ я ему сдѣлать подземный садъ, и онъ согласился.

Замѣтивъ мое удивленіе, да не угодно ли взглянуть? сказалъ онъ: это отсюда въ сотнѣ шагахъ.

Я увидѣлъ вырытую круглую яму, имѣющую восемь саженъ глубины и саженъ тридцать поперечнику.

— Деревья, которыя будутъ посажены на днѣ ея, сказалъ онъ, какъ вы видите, лѣтомъ будутъ защищены отъ палящаго зноя, а зимой отъ холодныхъ вѣтровъ.

— Это будетъ прекрасно, сказалъ я; да только для прогулки пространства не будетъ ли мало?

— Но вѣдь это будетъ, просто, мѣстомъ пріятнаго соединенія, возразилъ онъ.

И эти затѣи, исключая трудовъ арестантскихъ ротъ, стоили большихъ денегъ.

На слѣдующій день отправился я въ Спасское, тѣмъ же самымъ Мордвиновымъ насажденное мѣсто. Эти оазисы были тогда очень рѣдки въ Новороссійскомъ краю, и тѣмъ пріятнѣе было мнѣ увидѣть свѣжую, весеннюю зелень на деревьяхъ. Въ началѣ лѣта, одно изъ величайшихъ золъ посѣтило всю эту сторону: отъ Дунайскихъ береговъ саранча, пролетая вдоль моря, оставила вездѣ опустошительные свои слѣды. Пробывъ не болѣе одной ночи въ Спасскомъ, не оставила она послѣ себя ни одного листка; потомъ въ Августѣ появились дожди, и деревья вновь зазеленѣли. Въ обширномъ домѣ на берегу рѣки, трапеза была для меня украшена пріятною бесѣдою адмирала. Сей скромный человѣкъ, говоря о Рокурѣ, сказалъ однакоже незнакомцу: — Не знаю, зачѣмъ прислали мнѣ этихъ инженеровъ; они мнѣ вовсе не нужны; какъ дѣло отъ бездѣлья, дозволилъ я ему опытъ этого страннаго сада; проектъ былъ написанъ прекрасно, посмотримъ каково будетъ исполненіе. Черезъ годъ или полтора, какъ мнѣ сказывали послѣ, пришлось яму зарывать.

Послѣ обѣда, погулявъ въ саду, отдохнувъ, получивъ отъ адмирала обѣщаніе исполнить мою просьбу и отъ души поблагодаривъ его за лестно-внимательный пріемъ, сѣлъ я въ принадлежащій ему большой катеръ, и въ сопровожденіи адъютанта его, премилаго молодаго человѣка, Василья Ивановича Румянцова, поплылъ по рѣкѣ до мѣста, куда

Библиотека "Руниверс"

экипажъ мой перевезенъ уже былъ черезъ Бугъ. Такимъ образомъ, не возвращаясь уже въ Николаевъ, 14-го числа, когда не совсѣмъ еще смерклось, отправился я обратно въ Одессу. Тутъ на крутомъ берегу находится Корениха, которая въ отношеніи къ Николаеву тоже самое что̀ Услонъ къ Казани. Она принадлежала г. Ренò; бывшій парикмахеръ успѣлъ уже всѣмъ обзавестись: и толстымъ откормленнымъ брюхомъ, и красавицей-женой, и баронскимъ титуломъ, и Владимирскимъ крестомъ въ петлицѣ, и деревней, населенною Русскими крестьянами.

Воздухъ и ночью былъ тепелъ и пріятенъ; подъ сладкимъ вліяніемъ его я заснулъ; а когда проснулся, то при солнечномъ свѣтѣ завидѣлъ издали Одессу. Это былъ день коронаціи Александра, и въ соборѣ, когда я проѣзжалъ мимо его, производился большой звонъ. Не имѣя мундира, я было не посмѣлъ идти обѣдать къ графу; но мнѣ сказали, что въ первый годъ онъ этотъ день праздновать не будетъ. Съ прощаніемъ и за послѣдними приказаніями являлся я и на другой день къ новому начальнику моему.

VIII.

Не древнее, а прежнее пріобрѣтеніе Россіи, сдѣланное Екатериною,—степи Новороссійскія, отдѣлены были Днѣстромъ отъ новаго пріобрѣтенія, сдѣланнаго Александромъ: обрѣзка Молдавіи, названнаго Бессарабскою областію. Въ 1823 году Днѣстръ былъ еще рѣзкою чертой между двумя различными народонаселеніями и обычаями.

Съ властію князя Потемкина, завоевателя и перваго образователя сего обширнаго края, какъ бы искони обреченнаго кочеванію, ему не такъ трудно было населить его, хотя употребленныя имъ средства къ тому не всѣ одобренія достойны. Раздача земель была безразсудная, безразсчетная: бродяги, бѣглые мужики изъ помѣщичьихъ имѣній цѣлой Россіи стали новыми коренными жителями края. Впрочемъ, по краткости времени и въ продолженіе войны, все, что̀ возможно на первый случай и на скорую руку, было сдѣлано симъ могучимъ и дѣятельнымъ властелиномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по заключеніи мира, которому, къ сожалѣнію, внезапная кончина его предшествовала за нѣсколько мѣсяцевъ, онъ принялся бы за правильную колонизацію, и страна сія гораздо ранѣе начала бы процвѣтать.

Въ управленіи ею, вѣроятно по праву фаворитизма, наслѣдовалъ князь Зубовъ, никогда ее не видавшій. Онъ сдалъ ее на аренду мужу сестры своей, Екатеринославскому губернатору, Сербу, Осипу Ивановичу Хорвату, который неизвѣстно на что̀ употреблялъ огромныя суммы, на поддержаніе ея отпускаемыя. Павелъ совсѣмъ о ней не забо-

Библиотека "Руниверс"

тился, и цѣлыя десять лѣтъ безъ должнаго попеченія изнывали сіи мѣста, только-что оживленныя жаркимъ дыханіемъ великой Россіи. Послѣ того были болѣе искусные правители, но все какъ будто длилось междуцарствіе, которое должно было прекратиться съ Ланжерономъ.

Женатый на внукѣ бездѣтнаго Потемкина, на дочери его племянницы, Воронцовъ вступалъ въ управленіе краемъ, какъ бы въ законное наслѣдство. Многіе такъ думали и были тѣмъ чрезвычайно обрадованы. Я полагалъ, что и въ немъ была эта мысль, но въ послѣдствіи увидѣлъ, что ошибаюсь. Воспитанный въ Англіи престарѣлымъ отцомъ, который безпрестанно съ восторгомъ твердилъ ему объ отечествѣ его, съ Русскими солдатами, при видѣ опасностей, въ первый разъ забилось сердце его желаніемъ славы. Всю молодость свою, до зрѣлыхъ лѣтъ, провелъ онъ посреди Русской рати и съ нею пріобрѣлъ всѣ воинскіе успѣхи свои; болѣе чѣмъ кто изъ нашихъ знатныхъ почувствовалъ онъ достоинство Русскаго имени. Но впечатлѣнія, повѣрія, полученныя имъ въ отрочествѣ и въ самой первой молодости, остались въ немъ на вѣкъ. Чему бы посвятить досуги, которые оставлялъ ему утвердившійся миръ? Еслибъ онъ родился Великобританскимъ подданнымъ, то онъ навѣрное пожелалъ бы сдѣлаться лордомъ-коммиссаромъ на Іоническихъ островахъ; но въ Россіи есть нѣчто подобное—южный приморскій край, и Одесса лучше Корфу. Я увѣренъ, что онъ предпочелъ бы Кавказъ и Закавказье, но мѣсто было занято; нашимъ Амгёрстомъ, нашимъ Элленбору былъ Ермоловъ, и онъ сидѣлъ тогда на царствѣ въ Тифлисѣ, Русской Калькуттѣ.

Исключая Буджацкой степи, Заднѣстровская сторона являла совершенную противоположность тому, что видно было по сю сторону. Тамъ были лѣса и горы, и она густо была населена одними Молдавскими жителями. Въ видѣ отдѣльной части старались сохранить въ ней молдавизмъ; при Инзовѣ случайно, а при Воронцовѣ постоянно присоединена была она къ Новороссійскому краю. Въ ней долженъ былъ я встрѣтить все для меня совершенно новое.

Меня уговорили сожительствующіе мнѣ въ трактирѣ, 17-го Сентября, позавтракать, то-есть отобѣдать у Оттона, отчего я выѣхалъ нерано, въ сопровожденіи мелкаго, однакоже теплаго дождя. Онъ поиспортилъ дорогу; оттого ѣхалъ я медленнѣе, а ночью сдѣлалось сыро и холодно. Мнѣ все казалось, что еще лѣто; одѣтъ я былъ легко, весь перезябъ и долженъ былъ остановиться на станціи Кучурганѣ, въ самомъ плохомъ состояніи содержимой. Мнѣ принесли два пука соломы, на одинъ я легъ, а другой положили въ печь и зажгли. Едва согрѣвшись, уснулъ я немного, а до свѣту пустился далѣе. Если кто изъ читателей вспомнитъ Парижскаго знакомца моего, Липранди, то я скажу

Библиотека "Руниверс"

ему, что у него былъ меньшой братъ, Павелъ Петровичъ, старшій адъютантъ при Иванѣ Васильевичѣ Сабанѣевѣ, начальникѣ 6-го пѣхотнаго корпуса, котораго квартира находилась въ Тирасполѣ. Братья были сходны между собою точно также, какъ день походитъ на ночь и зима на лѣто. Къ сему меньшему Липранди, по его приглашенію въ Одессѣ, въѣхалъ я прямо въ Тирасполѣ; съ трудомъ могъ онъ отогрѣть меня камелькомъ и горячимъ чаемъ.

Лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ городъ Тирасполь былъ пограничный, хорошо заселенный, но только раскольниками и всякимъ сбродомъ. Плавни, то-есть рощи изъ ивняка состоящія и растущія на низменныхъ берегахъ Днѣстра, красятъ его и отнимаютъ у него видъ степнаго города.

Когда я выѣхалъ изъ него, увидѣлъ странное зрѣлище: туманъ разорвался на клочки, которые въ видѣ опущенныхъ облаковъ, въ иныхъ мѣстахъ разстилались по землѣ, въ другихъ поднимались вверхъ; говорили, что это возвѣщаетъ ясный день. И дѣйствительно, лишь только переправился я черезъ Днѣстръ, проѣхалъ мимо Бендерской крѣпости и для перемѣны лошадей остановился въ форштадтѣ ея, какъ солнце засіяло и запылало. Было ли сіе добрымъ предзнаменованіемъ въ этотъ памятный для меня день, 18-го Сентября? Не думаю; ибо, начиная съ этого дня, въ продолженіе двухъ лѣтъ съ половиной, много перенесъ я горя и трудовъ.

У самой рѣки встрѣтилъ меня какой-то чиновникъ верхомъ и проводилъ до почтоваго двора; потомъ, когда я отправился далѣе, поскакалъ передо мною. Такая почесть казалась мнѣ непонятною, а какъ я никогда не любилъ ничего мнѣ не принадлежащаго, то, подозвавъ его, убѣдительно просилъ болѣе не трудиться. Просьба моя была неуспѣшна; тогда я принялъ повелительный тонъ, который произвелъ желаемое дѣйствіе. И теперь не знаю, за какую важную особу принимали меня потомъ на станціяхъ. Меня везли четыре лошади, по двѣ въ рядъ; оборванный суруджи сидѣлъ на одной изъ переднихъ и ужасно хлопалъ бичомъ. Эти люди обычай ѣзды взяли у Запада, подумалъ я, и пожалуй скажутъ, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, опередили они насъ въ просвѣщеніи.

Отъ Бендеръ до главнаго города Кишинева всего 60 верстъ, и я пріѣхалъ въ него, когда солнце было еще высоко. Обширнѣе, безконечнѣе, безобразнѣе и безпорядочнѣе деревни я не видывалъ. Издали онъ похожъ еще на что-нибудь, но въѣхавъ въ него я ахнулъ. Я былъ адресованъ Казначеевымъ ко вновь опредѣленному полицеймейстеру, подполковнику Якову Николаевичу Радичу; отыскивая его, проѣзжалъ я самою нижнею частію города и принужденъ былъ безпрестанно зажи-

Библиотека "Руниверс"

мать носъ, а часто закрывать и глаза. Квартира его—небольшой домикъ посреди двора, обнесеннаго плетнемъ—состояла изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями. Одну изъ нихъ занималъ онъ самъ, но не успѣвъ ничѣмъ обзавестись, жилъ по-солдатски, такъ что у него и кровати не было. Другую, пустую комнату, за отсутствіемъ хозяина, отвелъ мнѣ его деньщикъ, и также какъ на Кучурганской станціи, долженъ былъ я расположиться на полу. Явился Жидъ-факторъ и повелъ меня въ трактиръ къ своему единовѣрцу; нѣтъ, и понынѣ еще при воспоминаніи сего ужаснаго обѣда вся внутренность во мнѣ поворачивается. Возвратясь, бросился я на солому и предался размышленіямъ не весьма веселымъ; они походили на совершенное отчаяніе. «И въ этой помойной ямѣ я осужденъ провести, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца, тогда какъ я не хотѣлъ бы пробыть въ ней и трехъ часовъ, думалъ я, и живу у человѣка, котораго въ глаза не видалъ». Онъ воротился вечеромъ, былъ тихій, добрый человѣкъ, подъ покровительствомъ Казначеева, и спѣшилъ угостить меня чѣмъ только могъ, утѣшеніями и надеждою на лучшее помѣщеніе.

Онъ далъ мнѣ свои парныя дрожки на слѣдующее утро, и я поѣхалъ дѣлать визиты первостепеннымъ лицамъ: губернатору Константину Антоновичу Катакази, вице-губернатору Матвѣю Егоровичу Крупенскому, предсѣдателю уголовнаго суда Петру Васильевичу Курику, и областному предводителю дворянства Ивану Михайловичу Стурдзѣ. Исключая послѣдняго всѣ были дома, всѣ жили въ верхней части города на горѣ, и всѣ приняли меня болѣе чѣмъ благосклонно, какъ избраннаго Воронцовымъ. Прекрасная погода и свѣжій воздухъ, коимъ подышалъ я на высотѣ, немного успокоили меня.

Въ первую седмицу пребыванія моего въ Кишиневѣ воздержусь отъ описанія лицъ и мѣстъ, мнѣ представившихся, а буду вести простой дневникъ случавшемуся со мною.

Радичъ повезъ меня 19-го числа въ трактиръ къ какой-то Нѣмкѣ; обѣдъ былъ опрятный и сытный, и я удостовѣрился, что не вездѣ тутъ скверно ѣдятъ. Слѣдующіе дни безпрестанно получалъ я приглашенія на обѣды. Въ продолженіе 20-го наѣхала вся свита и канцелярія графа, Казначеевъ, Марини, Бруновъ, Лексъ и другіе, а къ ночи и самъ онъ прибылъ.

Для него, въ годъ за двѣнадцать тысячъ леевъ, нанятъ былъ не весьма большой и низкій домъ Варѳоломея, прозваннымъ *Пестрымъ*. Онъ едва могъ вмѣстить толпы пришедшихъ утромъ поклонниковъ, посѣтителей и просителей. Я отправился въ Верховный Совѣтъ и былъ немного смущенъ при первомъ взглядѣ на составъ его: наружностію и величиной сіе высшее судилище походило на сборную избу. Кто то

Библиотека "Руниверс"

ссудилъ меня мундиромъ, и я въ первый разъ прицѣпилъ свой Владимирскій крестъ. Самъ намѣстникъ предсѣдательствовалъ и приводилъ меня къ присягѣ. Все это происходило 21-го Сентября, день именинъ Блудова, по милости котораго я тутъ находился.

Въ это время Государь былъ въ Буковинѣ, въ городѣ Черновцѣ, для свиданія съ Австрійскимъ императоромъ. Графъ спѣшилъ встрѣтить его во время проѣзда его въ Хотинѣ и долженъ былъ сопровождать его потомъ въ Тульчинъ, гдѣ Государь намѣренъ былъ осматривать войска второй арміи. Не болѣе двухъ дней съ половиною пробылъ у насъ графъ; я не смѣлъ ни на что жаловаться, но возропталъ на худое помѣщеніе.

— Если вы хотите, сказалъ онъ, быть хранителемъ моей квартиры, то можете занять часть ея; пожалуй хоть и всю, только на время моего отсутствія.

Онъ уѣхалъ 23-го числа, свита его 24-го, а я 25-го переѣхалъ въ Пестрый домъ Варѳоломея, что въ глазахъ жителей придало мнѣ великую важность.

У Радича спалъ я на соломѣ; тутъ нашелъ я атласные, бархатные диваны, мебели всѣхъ временъ и фасоновъ, въ Азіятскомъ и Европейскомъ вкусѣ, нѣкоторые предметы роскоши, странные, стародавніе, перемѣшанные съ самыми новомодными, стѣны, расписанныя всевозможными цвѣтами. Хозяинъ этого дома былъ Варѳоломей, недобросовѣстный, запутавшійся въ дѣлахъ откупщикъ, которому помогли за высокую цѣну отдать его со всѣмъ убранствомъ въ наймы для казны.

Надобно было подумать о хозяйствѣ. Трактиры были дурны и далеко. Я накупилъ кой-какой посудины и сталъ искать повара. Мнѣ предложили Француза; не по деньгамъ, отвѣчалъ я. Да онъ не возметъ болѣе двадцати пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Въ такомъ случаѣ подавай его сюда! Ко мнѣ пришелъ длинный, сухой старикъ, черноволосый съ просѣдью. Я Тардифъ, сказалъ онъ.— Какъ Тардифъ? Да не родня ли вы (я говорилъ съ Французомъ и по-французски) Тардифу, который содержалъ славную гостинницу *Европу*, противъ Зимняго дворца? — Да я самъ и есть, отвѣчалъ онъ.— Возможно ли! воскликнулъ я.—Что прикажете дѣлать; ваши гвардейскіе офицеры задолжали мнѣ десятки тысячъ рублей, потомъ неожиданно пошли въ походъ въ двѣнадцатомъ году: гдѣ мнѣ было за ними гоняться? Съ другой стороны, собака (ma chienne) жена моя всего меня ограбила, и я принужденъ былъ идти по міру.

Онъ не прибавилъ, что съ горя началъ пить и, служивъ сперва вельможамъ, между прочимъ, Витгенштейну въ Тульчинѣ, началъ спускаться до бѣдняковъ какъ я. Будучи предупрежденъ, я велѣлъ слугѣ

Библиотека "Руниверс"

своему смотрѣть, чтобъ онъ поутру не отлучался, а иногда вечеромъ, когда онъ былъ въ полпьяна, призывалъ его будто за какимъ-нибудь дѣломъ и помиралъ со смѣху отъ его разсказовъ. Самаго взыскательнаго гастронома искусство его могло бы удовлетворить, и все это стоило очень недорого. Тогда я зажилъ бариномъ: разукрашенные чертоги и Французъ-поваръ! Но сіе величіе, увы, продолжалось недолго. Не стало возможности удерживать Тардифа: съ утра онъ бывалъ мертвецки пьянъ, и кушанье, коимъ онъ меня потчивалъ, было немного получше Жидовскаго обѣда въ первый день моего пріѣзда; я принужденъ былъ удалить его отъ себя. Черезъ нѣсколько дней, въ самой большой комнатѣ, куда, къ счастію, я никогда не заглядывалъ, провалился потолокъ и перебилъ множество вещей. Когда донесли о томъ намѣстнику, онъ велѣлъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобы нарушить контрактъ, сдѣланный безъ его вѣдома и согласія.

И въ это же время, во второй половинѣ Ноября, сдѣлалось очень холодно, туманно, сыро. Сначала я утѣшался теплою погодой и благословлялъ южный край. Я помню, что 14-го Октября, въ воскресный день, въ одномъ сюртукѣ загулялся я по улицамъ до поздней ночи. Въ этотъ день, видно, было много свадебъ, ибо во многихъ мѣстахъ, отдѣленный отъ веселящихся низкимъ плетневымъ заборомъ, я какъ бы участвовалъ въ брачныхъ празднествахъ: на дворѣ, при свѣтѣ факеловъ, Молдаване и Молдаванки забавлялись любимою національною пляской своей *мититикой*. Утромъ 15-го я не повѣрилъ глазамъ своимъ, когда увидѣлъ на улицѣ снѣгъ: онъ пролежалъ не болѣе часу, но оставилъ послѣ себя какую-то жесткость въ воздухѣ, и хотя нерѣдко проглядывали еще красные дни, но съ тѣмъ, что̀ называется теплою южною осенью, должны мы были проститься.

Мнѣ постоемъ отвели квартиру въ домѣ одной Молдаванки, вдовы Кешкулясы, недавно вышедшей за молодца — Русскаго офицера, Друганова. Оба они старались сдѣлать житье у нихъ для меня пріятнымъ, но не могли раздвинуть стѣнъ двухъ узкихъ комнатъ, въ коихъ я помѣщался. Въ Совѣтъ свой ходилъ я только два раза въ недѣлю, когда въ немъ слушались дѣла по правительственной части; отъ занятій же по судебнымъ дѣламъ, производящимся на Молдавскомъ языкѣ, имѣлъ я все право отказываться. Между тяжущимися были однакоже люди, которые, не знаю почему, вѣруя въ мое безпристрастіе, давали большія деньги за переводы дѣлъ своихъ на Русскій языкъ, дабы заставить меня принимать участіе въ сужденіяхъ по нимъ. Съ цѣлымъ городомъ успѣлъ я познакомиться, но ни съ кѣмъ не успѣлъ сдѣлать связей. Книгъ моихъ со мною не было,—всѣ отправлены были въ Пензу, и осенне-

Библиотека "Руниверс"

зимніе вечера въ одиночествѣ бывали иногда для меня тягостны и скучны.

Къ счастію, еще въ домѣ Варѳоломея, создалъ я себѣ большое занятіе. При отъѣздѣ изъ Петербурга, давъ Блудову слово въ частныхъ письмахъ изображать ему состояніе края, сверхъ того, имѣя отъ Воронцова порученіе сообщать ему о всемъ любопытномъ въ немъ происходящемъ, разсчелъ я, что гораздо лучше будетъ составить изъ всего одну общую записку, въ которой представить имъ картину во всѣхъ ея подробностяхъ. Мнѣ нужны были свѣдѣнія о лицахъ и дѣлахъ; собирать ихъ было нетрудно; во взаимныхъ обвиненіяхъ служащихъ, конечно, было много клеветы, и я старался изъ разсказовъ ихъ отдѣлять одно вѣроподобное. Главный же источникъ, изъ коего черпалъ я, хотя съ осторожностію, былъ Липранди, Парижскій мой знакомый, который находился тутъ въ отставкѣ и въ бѣдности. Я съ усердіемъ принялся за сей трудъ, совершенно новый для меня въ своемъ родѣ, и я смѣло могу похвалиться, что изъ всего касающагося до образа управленія, до порядка, до особыхъ узаконеній края и до исполнителей ихъ, ничто тутъ не пропущено. Этотъ трудъ избавляетъ меня отъ другаго: повторять здѣсь хотя часть тогдашнихъ моихъ замѣчаній и наблюденій. Совершенно противъ воли моей, впослѣдствіи съ этой тайной моей рукописи было снято много копій. И потому сію отдѣльную записку, у сего прилагаемую, могу почитать частью тѣхъ, кои нынѣ пишу.

Я писалъ тогда въ самомъ дурномъ расположеніи духа, подъ вліяніемъ мрачной погоды и окружающей меня скуки, и безпрестанно внимая мерзостямъ, мнѣ сообщаемымъ. За истину мною писаннаго я могу ручаться, но истина, можетъ быть, и преувеличена. Доходя до причинъ, надобно съ нѣкоторою снисходительностію смотрѣть на шалости ребятъ, на своенравіе стариковъ и на излишнюю запальчивость юношей, а во мнѣ сей снисходительности не было. Главная же ошибка моя состоитъ въ томъ, что на людей и на ихъ нравы въ этомъ новомъ краю смотрѣлъ я съ самой фальшивой точки зрѣнія. Какъ многіе, почти какъ всѣ, былъ я пристрастенъ къ Западу, къ его просвѣщенію, его общежительности, изобрѣтательности, промышленности и до нѣкоторой степени къ его духу свободы, который почиталъ я естественнымъ произведеніемъ разливающагося по немъ свѣта. На отечество свое взиралъ я съ нѣжнымъ, почтительнымъ состраданіемъ и съ совершеннымъ презрѣніемъ на Востокъ. И вмѣсто того, чтобы возрадоваться, обрѣтая въ отдаленной странѣ всѣ слѣды почтенной древности нашей, причудливымъ и жестокосердымъ Петромъ болѣе ста лѣтъ стертой съ

Библиотека "Руниверс"

лица земли Русской, я дерзнулъ встрѣтить ихъ съ презрительною насмѣшкой.

Вслѣдствіе Греческаго возмущенія, не одни эмигранты изъ Константинополя, но и множество перебѣжавшихъ черезъ Прутъ Молдавскихъ бояръ находилось въ Кишиневѣ, предпочтительно Одессѣ, гдѣ имъ казалось гораздо дороже. Почти со всѣми я познакомился и могъ изучить духъ Молдаванъ. Румыны или Римляне, какъ они себя называютъ, происходятъ отъ смѣшенія потомковъ Римской колонизаціи съ Славянами-Даками, завоеванными и покоренными Трояномъ. Въ языкѣ, коимъ говорятъ они, Латинскій взялъ рѣшительный перевѣсъ; но литеры у нихъ почти точно тѣже что у насъ, и Славянскія словеса на цѣлую треть остались у нихъ въ употребленіи. Въ характерѣ у Молдаванъ не осталось уже ничего Римскаго, и что бы ни говорили, есть много сходства съ нами, — сходство измѣненное однакоже обстоятельствами, въ коихъ они находятся. У простыхъ жителей таже безпечность, не допускающая мысли о пріобрѣтеніи вооруженной рукой народной независимости; таже любовь болѣе къ сохраненію чѣмъ къ умноженію собственности. Въ высшемъ сословіи гораздо болѣе тщеславія чѣмъ у насъ. Для потѣхи сего тщеславія нужна роскошь, для поддержанія которой нужно злато; а въ алчности къ сему металлу Молдавскихъ бояръ обвинять нельзя, ибо они добываютъ его, а не берегутъ. Пышные экипажи, наряды нѣсколько разнообразятъ, тѣшатъ сонъ ихъ жизни, посреди невольной праздности, на кою осуждены они своимъ положеніемъ. Волохи и Молдаване были болѣе погружены въ глубокую дремоту чѣмъ подавлены Турецкимъ правительствомъ.

Но тамъ, гдѣ Румынамъ оставалась возможность дѣйствовать, въ Трансильваніи, въ Седмиградской области, блистали они и воинскими доблестями. Имена Яна Запольскаго, Стефана Батори, Рагоцскаго, Бетлема Габора, Михаила Абафи до половины семнадцатаго вѣка были слишкомъ извѣстны Туркамъ, Венграмъ и Полякамъ то по союзамъ съ ними, то по ударамъ, ими наносимымъ. И еслибъ по крайней мѣрѣ Молдовлахія продолжала прозябать въ тишинѣ; но нѣтъ: съ Юга стали насылать въ нее грабителей, развратителей Грековъ, отъ Сѣвера по временамъ стали занимать ее развратители Русскіе. Сколь ни больно для сердца моего, но я долженъ сказать сію истину. Какъ въ ливрею, переодѣвшись въ Европейское платье, мы гордились имъ и похожи были на лакеевъ, которые съ пренебреженіемъ смотрятъ на простой и красивый костюмъ нашихъ мѣщанъ и поселянъ. Просвѣщеніе свое, которое, особенно прежде, состояло все изъ заимствованныхъ у Запада пороковъ, старались мы сообщить нашимъ природнымъ союзникамъ. Женщины были первыя увлечены; со врожденнымъ въ нихъ легкомыс-

Библиотека "Руниверс"

ліемъ нарядъ составляетъ для нихъ главный предметъ въ жизни и, кажется, нарочно для удовлетворенія ихъ желаній еще Потемкинымъ были выписаны мадамы. Мужчины не такъ скоро согласились на преобразованіе, особенно тѣ, которые были постарѣе; однакоже въ Кишиневѣ нашелъ я почти всѣхъ молодыхъ людей уже во фракѣ. Перемѣна одежды совсѣмъ не маловажное дѣло: съ нею вмѣстѣ перемѣняются совершенно нравы и весь образъ жизни. Нашъ злодѣй очень хорошо это зналъ.

И я, несчастный, позволялъ себѣ съ улыбкою совѣтывать инымъ боярамъ снять съ себя такое неблагообразіе. Они отвѣчали мнѣ весьма благоразумно, находя, что фракъ равняетъ состоянія и ведетъ къ совершенному равенству между людей. И точно, всякій камердинеръ можетъ быть щеголеватѣе перваго вельможи. Наше неуваженіе къ духовному сану умножало еще наше презрѣніе къ боярскому наряду. Говорили: это точно поповская ряса; правда, зато и архіерейская. Подъ длиннымъ кафтаномъ съ чрезвычайно широкими рукавами находилось подпоясанное полукафтанье; молодежь умѣла все это сокращать и открытый тонкій станъ очень ловко сжимать и увивать красивымъ поясомъ. Это со взгляду тяжелое платье давало, не знаю, какую-то особую важность поступи и движеніямъ носящихъ его. Теперь безъ умиленія не могу его вспомнить, особенно когда въ старыхъ книгахъ нахожу печатное изображеніе тронной залы нашихъ царей и возсѣдающаго въ ней сонма бояръ. Ихъ высокія горлатныя шапки невольно напоминаютъ мнѣ Качула Маре.

Одни старики, въ это время, исключая собственнаго языка, знали немного Греческій; бояре же среднихъ лѣтъ, даже съ бородами, слѣдуя примѣру добрыхъ наставниковъ своихъ, Русскихъ, почти всѣ говорили по-французски, иные и по-нѣмецки. Усилія наши совершенно поворотить ихъ на Западъ имѣли и тогда желаемый успѣхъ. Никто изъ нихъ не зналъ по-русски и не полюбопытствовалъ взглянуть на Москву или на Петербургъ; изъ словъ ихъ замѣтить было можно, что нашъ Сѣверъ почитаютъ они дикою страной. Зато многіе изъ нихъ ѣздили въ Вѣну, которая гораздо ближе и гдѣ, дѣйствительно, и теплѣе, и веселѣе. О Парижѣ тогда еще никто не помышлялъ. Какъ было не видѣть (лишь бы только не пало Россійское государство), что Придунайскія княжества, рано или поздно, но неизбѣжно должны, если не войти въ составъ его, то быть прикованы къ участи его неразрывными узами и жить подъ единственнымъ щитомъ его. И какъ никому не пришло въ голову, что жители ихъ, на Западѣ, куда мы имъ указывали путь, прежде всего должны встрѣтить враждебный нашему Православію Римскій Католицизмъ и враждебный самодержавію республиканскій духъ.

Библиотека "Руниверс"

Но болѣе ста лѣтъ, рѣдко мы знаемъ, что̀ дѣлаемъ; мы все блуждаемъ, пока Провидѣнію угодно будетъ поставить насъ на прямой путь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, подъ управленіемъ Русскаго генерала Киселева, знаменитаго мужа девятнадцатаго столѣтія, довершено начатое. Съ помощію двухъ-трехъ, по мнѣнію его, просвѣщенныхъ людей, состряпалъ онъ для княжествъ нѣчто въ родѣ конституціи. Въ молодости, когда онъ ничего не писалъ и не читалъ, наслышался онъ о свободѣ и представительныхъ правленіяхъ; въ совершенно-зрѣлыхъ лѣтахъ захотѣлъ онъ узнать, что̀ это такое, и принялся за дѣло. Со врожденнымъ, необыкновеннымъ, чисто-Русскимъ умомъ, увидѣлъ онъ, что почти все одинъ обманъ, но обманъ, который можетъ быть полезенъ. Онъ изъ числа тѣхъ людей, которые дружатся со свободой, обнимаютъ ее съ намѣреніемъ послѣ оковать ее въ свою пользу, чего они однакоже никогда не дождутся: явятся люди побойчѣе ихъ, которые будутъ умѣть для себя собрать плоды ихъ преступнаго посѣва. А между тѣмъ онъ былъ причиною, что въ нравственномъ смыслѣ Молдоване и Волохи рѣшительно отдѣлились отъ Россіи, въ которой до него все еще видѣли они избавительницу. Юношество толпами поспѣшило въ Парижъ, къ источнику знаній и всѣхъ земныхъ наслажденій; сколько мнѣ извѣстно, сими послѣдними только пресытились они. И что̀ будетъ изъ сихъ несчастныхъ, полныхъ страстей и бѣдныхъ разсудкомъ? Не будутъ ли они со временемъ пагубой своего отечества?

Если сіе историческое воззрѣніе покажется здѣсь не у мѣста, то по крайней мѣрѣ оно вѣрно изображаетъ характеръ уроженцевъ Молдавіи и можетъ объяснить причины несогласій, впослѣдствіи у нихъ со мною бывшихъ. Теперь слѣдуетъ, кажется, сказать нѣсколько словъ о лицахъ, съ которыми тутъ свела меня служба.

Со времени присоединенія области постоянно игралъ въ ней важную ролю Крупенской, принадлежащій къ боярской фамиліи. Онъ былъ тщеславенъ, какъ всѣ Молдоване, роскошенъ, но болѣе ихъ знако̀мъ съ Европейскимъ житьемъ. У него въ рукахъ всегда находилась казна и, слѣдуя обычаю, принятому въ Яссахъ, онъ полагалъ, что онъ можетъ брать изъ нея все для него потребное. Особенно же въ званіи вице-губернатора при двухъ намѣстникахъ, Бахметевѣ и Инзовѣ, онъ дѣлалъ что̀ хотѣлъ, не думая о днѣ отчетовъ и отвѣтственности. Сей день насталъ для него съ прибытіемъ Воронцова; онъ скоро долженъ былъ оставить службу и поплатиться почти всѣмъ наслѣдственнымъ имѣніемъ за неосторожно сдѣланные казенные займы.

На его мѣсто прибылъ Херсонскій вице-губернаторъ Василій Васильевичъ Петрулинъ, добродушнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, бывшій долго адъютантомъ при дюкѣ-де-Ришельѣ. Едва успѣлъ онъ

Библиотека "Руниверс"

пріѣхать, какъ, съ наставленія графа, меня, ему прежде неизвѣстнаго, поспѣшилъ посѣтить онъ въ дорожномъ платьѣ. Мы оба были залетныя птицы въ незнакомой сторонѣ, оба должны были дѣйствовать съ оглядкой, что̀ насъ скоро чрезвычайно и сблизило. Его ужасала бездна безпорядковъ, которые надлежало ему исправить. Дѣятельность его изумляла всѣхъ, его утомляла, а меня заставляла бояться за жизнь его; ибо здоровье у него было самое плохое.

Предсѣдатель Уголовнаго Суда Курикъ совсѣмъ не былъ такъ страшенъ, такъ опасенъ и такъ могущъ, какимъ я вообразилъ себѣ его и какимъ представилъ въ Запискѣ о Бессарабіи. Онъ былъ Украинецъ, ополячившійся во время служенія въ Варшавѣ и пристрастный къ Евреямъ; что же могло оставаться Русскаго въ этомъ провинціальномъ ораторѣ? Въ Совѣтѣ, въ которомъ видѣлъ онъ какой-то парламентъ, надоѣдалъ онъ мнѣ своими умствованіями, безплодною плодовитостію рѣчей. Въ ласковыхъ его со мною разговорахъ не могъ я поймать выраженія ни единаго чувства, согласнаго съ моими. Все вмѣстѣ породило во мнѣ преувеличенную антипатію къ нему, и отъ того, можетъ быть, и сказалъ я объ немъ что нибудь лишнее.

О депутатѣ отъ дворянства Иванѣ Константиновичѣ Прункулѣ говорилъ я тоже не съ весьма выгодной стороны, и теперь не буду ставить его примѣромъ добродѣтели. Но въ немъ было много примѣчательнаго; онъ казался выродкомъ изъ тяжеловѣсныхъ Молдаванъ. Его чудный умъ, быстрота, съ какою обнималъ онъ дѣла̀ и способность объяснять ихъ на Русскомъ языкѣ, которому выучился онъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ, мнѣ нравились также, какъ и выразительный его взглядъ и проворство тѣлодвиженій. По поставкамъ на армію, во время послѣдней Турецкой войны, имѣлъ онъ разсчеты съ казною. Такого рода дѣла предпринимаются не изъ усердія, а изъ барышей, и всякому хочется получать ихъ болѣе. Если требованія его были неумѣренны, не надобно было удовлетворять ихъ. Изъ дѣла, въ которомъ обращались милліоны, извлекъ онъ небольшое состояніе въ Бессарабіи, и это ему ставили въ вину. Не только ничего ему не уплачивали, но тянули и тянутъ еще разорительный для него процессъ, и его же еще преслѣдовали. Вообще надлежитъ быть справедливѣе и такихъ людей беречь для будущаго, дабы ихъ примѣромъ не напугать ихъ соотечественниковъ и не охладить ихъ къ Россіи. Сами земляки необыкновенный умъ его называли плутовствомъ; вездѣ горе отъ ума!

Прежде всего слѣдовало бы говорить о гражданскомъ губернаторѣ Катакази; но изъ главныхъ лицъ онъ оставался такъ мало замѣчателенъ, что, бывало, всегда между ними его послѣдняго разглядишь. Молоденькимъ Греченкомъ изъ Константинополя въ Молдавію вывезъ его

Библиотека "Руниверс"

господарь Ипсиланти, потомъ женилъ на одной изъ дочерей своихъ и по незрѣлости тогда ума его (и съ тѣхъ поръ мало созрѣвшаго) далъ ему только званіе каминара, какъ бы сказать—титулярнаго совѣтника. Послѣ побѣга изъ Яссъ привезъ онъ его съ собою въ Петербургъ. Въ награду за преданность Ипсиланти и за понесенныя имъ потери, по его просьбѣ, два зятя его, Негри и Катакази, приняты въ Русскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, будто бы соотвѣтствующаго ихъ Молдавскому званію. Когда въ 1818 году утверждено было образованіе области и по штату положенъ былъ гражданскій губернаторъ, то Бахметевъ, или лучше сказать правитель канцеляріи его Криницкій, сталъ пріискивать для сего мѣста совершенное ничтожество и ничего не могли найти лучше, какъ случившагося тутъ Катакази; тѣмъ самымъ угодили они и земляку его Каподистріи. Въ мало населенной странѣ, въ присутствіи намѣстника, губернаторъ вообще не можетъ играть большой роли; а этотъ, плохо зная Русскій языкъ и совсѣмъ не зная дѣлъ, на немъ производящихся, долженъ былъ рѣшительно оставаться нулемъ. Съ помощію свѣдущаго секретаря Шульженки могъ онъ еще кое-какъ выходить изъ затрудненій; за то въ разговорахъ плохимъ выговоромъ не оставлялъ часто упоминать о Митріѣ Павловичѣ. Все въ немъ было въ маломъ видѣ: и ростъ, и умъ, и даже Греческая хитрость и злость, всегда подавляемыя безсиліемъ и робостію. Обхожденіе съ нимъ Бахметева, говорятъ, было столь же высокомѣрное и грубое, какъ и покорность его къ нему безгранична. Инзовъ, болѣе кроткій, старался быть учтивъ, но по службѣ остался съ нимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и Бахметевъ.

Нѣчто въ родѣ представительнаго правленія введено было въ Бессарабію подъ названіемъ «Образованія». Съ помощію наставленій, насылаемыхъ изъ Петербурга, его составлялъ Криницкій, который, какъ всякій Полякъ, искренно или притворно любилъ вольность. Поляки, коими многія мѣста наполнилъ онъ въ области, воскликнули: республика! а недовольные Молдаване возмечтали, что могутъ дѣлать все что̀ хотятъ. Бахметевъ, Русскій человѣкъ и Русскій воинъ, не хотѣлъ повѣрить, что, представивъ проектъ «Образованія», онъ поднялъ на себя руки. Управленіе его сдѣлалось постоянною борьбой, въ которой, однакоже, онъ всегда одерживалъ верхъ. Но въ Петербургѣ два покровителя новаго порядка, Каподистрія и Стурдза, съ негодованіемъ смотрѣли на его дѣйствія, какъ на насилованіе дарованной ими хартіи. Въ 1820 году сдѣлалась настоящая республика, только съ осторожнымъ президентомъ, Инзовымъ, которому помогали прикрываться постановленіями и законами. Вдругъ узнаютъ, что извѣстный либералъ, Англичанинъ въ душѣ, назначенъ намѣстникомъ; вотъ тутъ-то пришло

Библиотека "Руниверс"

время совершенной свободы. Многіе, вѣроятно, мечтали уже и о безначаліи съ Катакази, тѣмъ болѣе, что мѣсто областнаго управленія должно было перенестись въ Одессу. Спросили бы они въ Великобританскихъ колоніяхъ, какъ либеральничаютъ тамъ Англичане. Спокойная твердость Воронцова всѣхъ поразила: въ немъ, болѣе чѣмъ намѣстника, увидѣли наперсника царскаго. Какъ бы то ни было, съ самой первой минуты, во все время многолѣтняго управленія своего, не встрѣтилъ онъ и тѣни сопротивленія.

Вмѣсто безначалія въ дѣлахъ показалось гораздо болѣе порядка, и дѣятельность необходимая, дабы оживить сихъ неподвижныхъ. Анархію нашелъ я только въ общежительности; въ городѣ, наполненномъ помѣщиками, служащими и эмигрантами изъ Молдавіи и Греціи, всѣ жили порознь, нигдѣ не было точки соединенія. Старый холостякъ, Иванъ Никитичъ Инзовъ, который никогда не приближался къ женщинамъ и до конца жизни сохранилъ цѣломудріе, жилъ по-солдатски; оставшись въ Кишиневѣ по званію попечителя колоній южнаго края, онъ ничего не перемѣнилъ въ образѣ жизни своей. Катакази получалъ большое содержаніе серебромъ, и хотя не справлялъ, какъ говорится, царскихъ торжественныхъ дней, проживалъ его сполна, да еще дѣлалъ долги. Онъ ежедневно принималъ у себя и кормилъ однихъ Грековъ, и они-то объѣдали его сердечнаго. Меня не рѣдко приглашалъ онъ, и тутъ-то познакомился я съ его соотечественниками; главныхъ назову здѣсь.

Вопервыхъ, былъ престарѣлый Григорій Суццо, Бейзаде, господарскій сынъ, отецъ князя Михаила, Молдавскаго господаря, недавно бѣжавшаго въ Германію. При немъ находились два сына, Николай и Іордаки или Георгій Суццо, женатые, съ малолѣтними дѣтьми. Надобно полагать, что Михаилъ, прежде и послѣ игравшій большія роли, ни въ чемъ не походилъ на двухъ братьевъ своихъ, ибо ничего ничтожнѣе ихъ не могло быть. Изъ двухъ дочерей старика Суццо одна была въ замужествѣ за Маврокордато, высокимъ, красивымъ мужчиной, да вотъ и все. Мужемъ другой былъ съ козлиной бородкой маленькій Скина, главный совѣтникъ Катакази. Онъ былъ любезенъ, просвѣщенъ, съ нимъ гораздо короче, чѣмъ съ другими, познакомился я, и я скорѣе любилъ его лисій умъ, чѣмъ пугался его. Объ остальныхъ, право, не стóитъ говорить, развѣ только о добромъ тянисловѣ Плагіано, женатомъ на княжнѣ Мурузи. Начиная отъ губернаторши, во всѣхъ сихъ Гречанкахъ ея общества не было ни красоты, ни любезности; за то нравственностію и пристойностію стояли онѣ гораздо выше Молдаванокъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ моихъ соотечественниковъ короче всѣхъ сошелся я съ однимъ молодымъ человѣкомъ, такъ же какъ я, учившимся въ Форсевилевомъ пансіонѣ, только нѣсколько годовъ позже. Николай Степановичъ Алексѣевъ родился въ Москвѣ, воспитывался въ ней, выросъ, возмужалъ и сражался за нее на Бородинскомъ полѣ. Съ безпечностію юноши и тогдашняго Москвича приписался онъ къ какому-то вѣдомству и мало заботился о повышеніи. Объ немъ можно было сказать, обращаясь къ прежней Москвѣ:

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ созданъ духомъ былъ твоимъ.

Однимъ только разнствовалъ онъ отъ согражданъ своихъ: въ ихъ добродушной откровенности было много грубаго, а въ немъ и этого не было. Но годы прошли, не вѣкъ было танцовать, надобно было подумать о чемъ-нибудь серіозномъ. Семейство Алексѣева было въ родствѣ, въ свойствѣ или въ тѣсной связи съ Димитріемъ Ивановичемъ Киселевымъ, котораго сынъ Павелъ Димитріевичъ, начальникъ штаба второй арміи, былъ очень силенъ на Югѣ. Къ нему прямо въ Тульчинъ отправили неопытнаго юношу, а онъ пристроилъ его къ Бахметеву, въ Кишиневѣ. Съ тѣхъ поръ исторія Алексѣева становится исторіей Бессарабіи въ послѣдніе четыре года. И потому намѣренъ я разсказать ихъ вмѣстѣ.

Въ 1819 году властвовалъ еще Бахметевъ или, скорѣе, супруга его Викторія Станиславовна, разводная жена графа Шоазеля-Гуфье, урожденная графиня Потоцкая. Какъ всякая Полька, любила она власть и оттого любила начальствовавшаго мужа, безногаго, пожилаго и хвораго. Какъ Полька, любила она деньги и оттого любила дикую еще Бессарабію, въ которой видѣла золотой для себя рудникъ. Какъ Полька, любила она роскошную жизнь, всякій вечеръ принимала у себя гостей и часто дѣлала балы. Она жила во вновь построенномъ каменномъ домѣ о двухъ этажахъ, въ нижней части города *). Общество при ней процвѣтало, тѣшилось, а земля платила за его увеселенія: вѣдь нельзя же забавлять людей все даромъ. Министромъ финансовъ ея былъ Армянскій архіепископъ Григорій, столь же любезный какъ глубоко и откровенно-безнравственный человѣкъ; я бы его возненавидѣлъ, еслибъ онъ принадлежалъ къ православному духовенству, но до чуждой мнѣ вѣры какое мнѣ дѣло? и мы всегда жили съ нимъ по-

*) Въ этомъ домѣ продолжалъ жить Инзовъ, даже когда оставилъ должность намѣстника; графъ Воронцовъ согласился, чтобы изъ областныхъ доходовъ былъ онъ для него нанятъ. Онъ былъ построенъ весьма непрочно и поврежденъ землетрясеніями. Вмѣстѣ съ старѣющимъ жильцомъ своимъ приходилъ онъ въ разрушеніе. Теперь, слышно, онъ въ развалинахъ.

Библиотека "Руниверс"

пріятельски. Сей весельчакъ въ архіерейскомъ домѣ давалъ иногда и балы, присутствовалъ при танцахъ, но самъ не принималъ въ нихъ участія. Собирателями не совсѣмъ добровольныхъ приношеній были вызванные ею изъ Подольской губерніи Евреи.

И, такъ, Алексѣевъ съ лощеныхъ паркетовъ, на коихъ вальсировалъ въ Москвѣ, шагнулъ прямо къ ломберному столу въ гостиной Бахметева. Бо̀льшихъ рекомендацій ему было не нужно; его степенный, благородный видъ заставлялъ всякаго начальника принимать его благосклонно. Въ провинціяхъ, кто хорошо играетъ въ карты, скоро становится нужнымъ человѣкомъ, и онъ сдѣлался домашнимъ у Бахметева. Тогдашнее малочиніе его заставляло другихъ канцелярскихъ чиновниковъ смотрѣть на него съ завистію и досадою; но онъ всегда спокойно оставался внѣ сферы ихъ.

Великая потеря, которую сдѣлалъ онъ съ отбытіемъ Бахметева, скоро замѣнена была прибытіемъ дивизіоннаго начальника, Михаила Ѳеодоровича Орлова, который, какъ извѣстно читателю, былъ опасной красой нашего Арзамаса. Сей благодушный мечтатель болѣе чѣмъ когда бредилъ въ явь конституціями. Его жена, Катерина Николаевна, старшая дочь Николая Николаевича Раевскаго, была тогда очень молода и даже, говорятъ, исполнена доброты, которой черезъ нѣсколько лѣтъ и слѣдовъ я не нашелъ. Онъ нанялъ три или четыре дома рядомъ и началъ жить не какъ Русскій генералъ, а какъ Русскій бояринъ. Прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домѣ, а чтобы являться въ немъ, надобно было болѣе или менѣе раздѣлять мнѣнія хозяина. Домашній пріятель, бригадный генералъ Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ не имѣлъ никакого мнѣнія, а приставалъ всегда къ господствующему. Два демагога, два изувѣра, адъютантъ Охотниковъ и маіоръ Раевскій (совсѣмъ не родня г-жѣ Орловой) съ жаромъ витійствовали. Тутъ былъ и Липранди, о которомъ много говорилъ я прежде и о которомъ много долженъ буду говорить послѣ. На бѣду попался тутъ и Пушкинъ, котораго сама судьба всегда совала въ среду недовольныхъ. Семь или восемь молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба извѣстныхъ фамилій, воспитанниковъ Московской Муравьевской школы, которые находились тутъ для снятія плановъ по всей области, съ чадолюбіемъ были воспріяты. Къ ихъ пылкому патріотизму, какъ полынь къ розѣ, сталъ прививаться тутъ Западный либерализмъ. Передъ своимъ великимъ и неудачнымъ предпріятіемъ нерѣдко посѣщалъ сей домъ съ другими соумышленниками Русскій генералъ князь Александръ Ипсиланти, шуринъ губернатора, когда

На берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ.

Библиотека "Руниверс"

Передъ нашимъ Алексѣевымъ, тайно исполненнымъ дворянскихъ предразсудковъ и монархическихъ повѣрій, не иначе раскрылись двери, какъ посредствомъ легонькаго Московскаго оппозиціоннаго духа. Для него, по крайней мѣрѣ, знакомство сіе было полезно, ибо оно сблизило его съ Пушкинымъ, который и писалъ къ нему извѣстныя посланія въ стихахъ.

Все это говорилось, все это дѣлалось при свѣтѣ солнечномъ, въ виду цѣлой Бессарабіи. Корпусный начальникъ, Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ, офицеръ Суворовскихъ временъ, который стоялъ на колѣняхъ передъ памятью сей великой подпоры престола и Россіи, не могъ смотрѣть на это равнодушно. Мимо начальника штаба Киселева, даже вопреки ему, представилъ онъ о томъ въ Петербургъ. Орлову велѣно числиться по арміи, Пущину подать въ отставку, Охотниковъ кстати умеръ, а Раевскій заключенъ въ Тираспольскую крѣпость; тѣмъ все и кончилось. Это, кажется, было за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда, и безъ пастыря нашелъ уже я безгласныхъ и не блеющихъ болѣе овецъ.

Назначеніе графа Воронцова, который любилъ выводить своихъ подчиненныхъ, особенно тѣхъ, кои находились при лицѣ его, представляло Алексѣеву много успѣховъ и болѣе пріятное житье въ Одессѣ: напрасно онъ выпросилъ себѣ какое-то постоянное порученіе въ Кишиневѣ. Страстно влюбленный, счастливый и вѣрный, онъ являлъ въ себѣ неслыханное чудо. Онъ былъ въ связи съ женою одного горнаго чиновника Эйхфельда, милой дочерью боярина Мило; а для милой чѣмъ не пожертвуешь! Я, по крайней мѣрѣ, долженъ благодарить ее: она мнѣ сохранила Алексѣева и утѣшительныя для меня бесѣды его.

Судьба, какъ читатель могъ видѣть, часто, почти всегда вводила меня въ кругъ людей мнѣ вовсе незнакомыхъ. Добрыя ихъ свойства, какъ и недостатки, поражали меня, оставляли сильныя впечатлѣнія. Вотъ почему на память писалъ я ихъ портреты и безъ большаго разбора помѣщалъ здѣсь, можетъ быть, иногда къ негодованію или скукѣ читателя. Но эти безпрерывныя испытанія судьбы, заставляя меня изучать характеры людей, научили и быть съ ними осторожнымъ: я не спѣшилъ объявлять собственныхъ мнѣній, а, напротивъ, любилъ выслушивать чужія. Оттого сначала въ Кишиневѣ всѣ полюбили меня, Катакази и Греки, Стурдза и Молдаване, Курикъ и Жиды, архіерей Григорій и Армяне, полиціймейстеръ Радичъ и Сербы; о Русскихъ и говорить уже нечего; однимъ словомъ, я былъ любимъ всенародно. И этой любовію, этимъ уваженіемъ, могу сказать, былъ единственно обязанъ себѣ, отнюдь не сильной протекціи намѣстника, которою я тогда

Библиотека "Руниверс"

пользовался и которую изъ особыхъ видовъ тщательно старался ото всѣхъ скрывать.

Совсѣмъ иначе поступалъ Липранди. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію, изъ Генеральнаго Штаба былъ онъ переведенъ въ линейный егерскій полкъ и, наконецъ, принужденъ былъ оставить службу. Все это показываетъ, что начальство смотрѣло на него не съ выгодной стороны. Не зная, куда дѣваться, онъ остался въ Кишеневѣ, гдѣ положеніе его очень походило на совершенную нищету. Графъ Воронцовъ вездѣ любилъ встрѣчать Мобёжскихъ своихъ подчиненныхъ; Липранди явился къ нему, разжалобилъ его и на первый случай получилъ вспомоществованіе, кажется, изъ собственнаго его кармана. Не смѣя еще представить объ опредѣленіи его въ службу, графъ частнымъ образомъ поручилъ ему наблюденіе за сокращеніемъ и устройствомъ новыхъ дорогъ въ области, чему много способствовало недавнее обмежеваніе ея. Тогда на разъѣзды изъ казенной экспедиціи начали отпускать ему суммы, въ употребленіи коихъ ему очень трудно бывало давать отчеты. Очень искусно потомъ умѣлъ онъ выдать себя за перваго любимца графа и всѣмъ, у коихъ занималъ деньги, обѣщалъ свое покровительство. Вдругъ, откуда что̀ взялось: въ не весьма красивыхъ и не весьма опрятныхъ комнатахъ карточные столы, обильный и роскошный обѣдъ для всѣхъ знакомыхъ и пуды Турецкаго табаку для ихъ забавы. Совершенно Бедуинское гостепріимство. И чудо! Вмѣстѣ съ долгами возрасталъ и кредитъ его.

Мое скудное житье въ двухъ каморкахъ служило совершеннымъ контрастомъ его роскоши, и когда онъ вездѣ безъ счету забиралъ деньги, старался я по возможности уплачивать сдѣланный мною на путешествіе небольшой долгъ. Столь возвышенное надъ моимъ положеніемъ его дало ему, впрочемъ всегда ко мнѣ благосклонному, возможность объявить себя моимъ защитникомъ и покровителемъ, что̀ мнѣ показалось очень забавнымъ.

Мнѣ бы не слѣдовало много жаловаться на положеніе свое. Дѣла у меня было еще не слишкомъ много, жизнь была чрезвычайно дешевая; новость предметовъ и разнородность общества и жителей, которые были у меня передъ глазами, должны были привлекать мое любопытство, и все это посреди однихъ только доброжелателей. Меня мучило отсутствіе не удовольствій Петербурга, а удобствъ его: комфортъ начиналъ уже становиться необходимостію и небогатыхъ въ немъ жителей. Наконецъ, и съ этой стороны былъ я нѣсколько удовлетворенъ. Областной предводитель дворянства, Стурдза, добрѣйшій и правдивѣйшій изъ смертныхъ, человѣкъ еще довольно молодой и холостой, нанималъ домъ даже слишкомъ обширный для Кишинева. Онъ

Библиотека "Руниверс"

предложилъ мнѣ посмотрѣть у него три комнаты довольно просторныя, никѣмъ не занятыя, ему вовсе не нужныя, и поселиться въ нихъ, если онѣ мнѣ понравятся. Затрудненіе было въ томъ, что у него былъ славный поваръ, что онъ всякій день дома обѣдалъ, и что отъ него нельзя мнѣ было посылать въ дрянной свой трактиръ за кушаньемъ, а на хлѣбы мнѣ къ нему идти не хотѣлось. Но предложенія его были такъ убѣдительны, что я, наконецъ, не поспѣсивился и переѣхалъ къ нему.

Это продолжалось недолго. Декабрь проходилъ, я неотступно просилъ графа прислать мнѣ бумагу, коею для объясненій потребовалъ бы онъ меня въ Одессу, и получилъ ее. Въ самый Сочельникъ, 24 Декабря 1823 г. рано по утру, оставилъ я Кишиневъ.

IX.

Можно почитать феноменомъ то, что̀ случалось мнѣ замѣчать всякій разъ, что̀ переѣзжалъ я черезъ Днѣстръ, рѣку не весьма широкую: по теченію ея, на правомъ ея берегу всегда бывало нѣсколькими градусами теплѣе, чѣмъ на лѣвомъ. Причиною тому полагать можно то, что на Бессарабской сторонѣ большіе лѣса болѣе защищаютъ землю отъ лучей солнца, тогда какъ по сю сторону оно тирански властвуетъ надъ степями. Еще съ начала Декабря въ Кишиневѣ только кровли, а вокругъ него поля покрыты были снѣгомъ, и я хорошо закутавшись, доѣхалъ до Бендеръ; тутъ, среди небольшихъ льдинъ, на паромѣ переправился я черезъ Днѣстръ. Вдругъ показалось мнѣ теплѣе, и снѣгу нигдѣ не было видно.

Было очень поздно, когда пріѣхалъ я въ Дольникъ, гдѣ послѣдняя перемѣна лошадей до Одессы. Мнѣ казалось, что изъ провинціи ѣду я въ столицу, и я не иначе хотѣлъ въѣхать въ нее какъ днемъ. Станціонный домъ былъ довольно просторенъ, наканунѣ Рождества никто еще въ немъ не спалъ, вездѣ былъ свѣтъ, и женщины оканчивали свою стряпню. Мнѣ отгородили спокойный, чистый уголъ, и я заснулъ съ намѣреніемъ выѣхать до свѣта.

Какъ мнѣ было не возблагодарить себя, отчасти за лѣнь свою, которая заставила меня наканунѣ остановиться въ Дольникѣ, когда днемъ только-что проѣхалъ я Тираспольскую заставу! Ночью былъ изрядный морозъ, и меня повезли такъ-называемымъ Греческимъ базаромъ, какъ мѣстомъ, гдѣ дорога глаже. Взрытая и остывшая грязь представляла видъ окаменѣвшихъ морскихъ волнъ. Для проѣзда по Одесскимъ улицамъ мнѣ нужно было столько же времени какъ на сдѣ-

Библиотека "Руниверс"

ланіе послѣдней станціи. Измученный пріѣхалъ я въ обычную уже мнѣ гостиницу Ренò.

Надобно однако объяснить причины этой, для невидавшихъ ея, баснословной грязи. Когда строился городъ, то, по приказанію Ришелье, съ обѣихъ сторонъ улицъ вырыты были глубокія и широкія канавы. Вынутый изъ нихъ черноземъ высоко поднялся на серединѣ улицы. Сія рыхлая земля, вязкаго свойства, не была еще большимъ неудобствомъ при маломъ народонаселеніи; когда же оно увеличилось, то проѣздъ черезъ эту клейкую землю по временамъ дѣлался невозможнымъ, даже для легонькихъ дрожекъ тройкой. Все отпечатывалось на этомъ липкомъ веществѣ, ступни людей и скотовъ, и увѣряли, что кто-то, упавъ въ него прямо носомъ, надолго оставилъ на немъ свою маску. Сообщенія дѣлались невозможны; дабы посѣтить другъ друга, всѣ должны были идти пѣшкомъ между канавъ и домовъ, а для перехода черезъ улицы надѣвать длинные сапоги выше колѣнъ сверхъ другихъ сапоговъ и панталонъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи нашелъ я Одессу.

Много еще было въ ней провинціальнаго, и скоро все узнавалось. По случаю великаго праздника, Рождества Христова, въ этотъ день у графа обѣдалъ весь многочисленный его штатъ. Тамъ уже знали о пріѣздѣ моемъ. Черезъ кого-то изъ бывшихъ тутъ, графъ велѣлъ сказать мнѣ, что ожидаетъ меня къ себѣ на другой день поутру. Многіе съ этого обѣда, въ длинныхъ сапогахъ, прибѣжали навѣстить меня. Въ томъ числѣ, разумѣется, былъ и Пушкинъ.

Я обозначилъ всѣ главныя лица многочисленной свиты графа. Изображать остальныхъ — дѣло невозможное; но нѣкоторыхъ изъ сихъ, по моему, нижнихъ чиновъ пропустить въ молчаніи какъ-то совѣстно; а дабы не позабыть ихъ, что̀ весьма легко можетъ случиться, здѣсь же спѣшу ихъ назвать.

Два молодыхъ человѣка, пріѣхавшихъ изъ Петербурга, которые были почти ровесниками Пушкина и почти въ однихъ съ нимъ чинахъ, отъ того почитали себя совершенно ему равными. Одинъ по крайней мѣрѣ имѣлъ на то какъ будто нѣкоторое право: онъ пописывалъ стихи. Но какіе? Преплохіе. Стихи не есть еще поэзія; а ни малѣйшей искры ея не было въ душѣ Василія Ивановича, принадлежащаго къ извѣстному въ Малороссіи по надменности своей роду Туманскихъ. Самодовольствіе его, хотя учтивое, дѣлало общество его не весьма пріятнымъ; ему нельзя было совсѣмъ отказать въ умѣ; но, подобно фамильному имени его, онъ свѣтился сквозь какой-то туманъ. Всегда бывалъ онъ пристоенъ, хладнокровенъ; иногда же, когда вздумается ему казаться веселымъ и онъ захочетъ сказать или разсказать

Библиотека "Руниверс"

что нибудь смѣшное, никого какъ-то онъ не смѣшилъ. Его кое-куда посылали, ему кое-что̀ поручали, онъ что-то писалъ и казался не совсѣмъ праздным̀ъ.

Не знаю, зачѣмъ выбралъ онъ себѣ подъ пару другаго юношу, который сотнею саженъ стоялъ его ниже. Меня судьба водила по всѣмъ этажамъ Петербургскихъ домовъ и по всѣмъ разрядамъ Петербургскихъ обществъ; даже тѣ, коихъ хозяевами были довольно чиновные люди, а нѣкоторые изъ гостей въ звѣздахъ, не могли еще почитаться второстепенными; въ нихъ могъ я насмотрѣться на тонъ ихъ франтовъ. Излишняя смѣлость нынѣшнихъ молодыхъ людей въ знатныхъ салонахъ была ничто въ сравненіи съ ихъ наглостію. Пожилые люди и женщины вѣроятно смотрѣли на то, какъ на неизбѣжное послѣдствіе распространившагося образованія. Мнѣ случалось слышать, какъ съ нѣжнымъ, трепетнымъ изумленіемъ, смотря на ухарство котораго либо изъ нихъ, дѣвицы говорили: что̀ за пострѣлъ! Мнѣ случилось видѣть, какъ одинъ изъ нихъ сталъ посреди дамскаго круга и воскликнулъ: «Кто хочетъ со мною танцовать? Никто, ну такъ я самъ возьму!» Не знаю, изъ котораго изъ сихъ обществъ попалъ въ Одессу Никита Степановичъ Завалѣевскій, сынъ отставнаго Петербургскаго вице-губернатора и самъ отставной офицеръ гвардіи сапернаго баталіона. Всѣмъ показался онъ очень оригиналенъ; меня не могъ онъ удивить: типъ такихъ молодцовъ мнѣ былъ знако̀мъ, и я тотчасъ увидѣлъ въ немъ выходца изъ Коломны или съ Песковъ. Такихъ людей ничто не останавливаетъ; они ничего не разбираютъ, ничѣмъ не уважаютъ. На примѣръ, когда я спросилъ у него, зачѣмъ онъ оставилъ военную службу? Завалѣевскій отвѣчалъ мнѣ: мнѣ нельзя было оставаться, мы безпрестанно ссорились съ Николаемъ. А этотъ Николай былъ великій князь, братъ Императора. Росту былъ онъ небольшаго, но хорошо сложенъ, имѣлъ очень ловко выточенную фигурку, одѣвался лихимъ франтомъ по послѣдней модѣ и прекрасно танцовалъ; къ тому же невѣжественныя его глупости были чрезвычайно забавны: сколько достоинствъ! Разъ въ гостиной у графа спросилъ онъ, кто бы таковъ былъ г. Ніагара, изобрѣтатель модныхъ тогда галстуховъ, носящихъ его имя и коихъ концы ниспадали каскадой? Всѣ засмѣялись и сказали, что онъ никому неизвѣстенъ. Болѣе всего состоялъ онъ подъ покровительствомъ Казначеева, который для сего безграматнаго создалъ мѣсто экзекутора канцеляріи. Для нея было куплено сто саженъ дровъ, и онъ письменнымъ рапортомъ для храненія ихъ требовалъ разрѣшенія купить замо̀къ во сто саженъ *дровъ*: ужъ это былъ бы цѣлый за̀мокъ! Пушкинъ, который чрезвычайно любилъ общество молодыхъ людей, забавлялся имъ болѣе, чѣмъ кто и оттого дозволялъ ему всякія

Библиотека "Руниверс"

съ собою фамильярности, а Завалѣевскій, всегда гораздо лучше его одѣтый, почиталъ сіе знакомство болѣе лестнымъ для Пушкина *).

Если намѣстникъ между опредѣляемыми къ себѣ гражданскими чиновниками искалъ умъ и способности, то конечно не руководствовался онъ симъ желаніемъ при выборѣ новонабранныхъ имъ четырехъ адъютантовъ. Какъ природа бываетъ изобрѣтательна въ своихъ причудахъ и какое разнообразіе было въ умственныхъ недостаткахъ сихъ господъ!

Первый изъ нихъ, князь Валентинъ Михайловичъ Шаховской, былъ добрѣйшій, благороднѣйшій малый, весьма красивый собою; жаль, что остальное тому не отвѣчало. Разсудокъ не допустилъ бы его до тѣсныхъ связей съ людьми, коихъ мнѣній, кажется, онъ совсѣмъ не раздѣлялъ. А впослѣдствіи если сіе не погубило его, то много повредило его службѣ.

Другой, Иванъ Григорьевичъ Синявинъ былъ двоюроднымъ братомъ графу Воронцову. Онъ старался давать всѣмъ это чувствовать и съ нѣкоторой досадой смотрѣлъ на сослуживцевъ, въ коихъ видѣлъ почти подчиненныхъ, себя ему не подчиняющихъ. Онъ былъ видѣнъ собою, бѣлъ и румянъ; но дурь и спѣсь, такъ ясно выражаемыя его оловянными глазами, дѣлали всю наружность его непріятною. Можетъ быть, онъ самъ только повѣрилъ бы тогда предсказанію о высотѣ, которая его ожидаетъ. Если долго поживешь, то чего не увидишь у насъ! Я осужденъ былъ видѣть, къ стыду Россіи, какъ сіе, никѣмъ не оспариваемое, совершенное ничтожество, достигнувъ высочайшихъ гражданскихъ степеней, готово было вступить въ званіе министра. Во время революцій высоко поднимаются люди изъ грязи, но по крайней мѣрѣ они всѣ съ головой.

Спѣсь третьяго адъютанта, Константина Константиновича Варлама, была не такъ досадна, за то, если возможно, еще глупѣе, скучнѣе и несноснѣе. А чѣмъ онъ гордился? Тѣмъ, что былъ сыномъ Волошскаго бояра и шуриномъ почтъ-директора Булгакова. Впрочемъ ему много воли не давали, и только можно было замѣтить въ немъ ужасную охоту чваниться.

---

*) Слѣдующимъ лѣтомъ веселилъ онъ всю Одессу. Ему вздумалось прикинуться влюбленнымъ въ единственную дочь князя Петра Михайловича Волконскаго, которая находилась тутъ съ матерью. Ни той, ни другой не былъ онъ представленъ, а первую преслѣдовалъ онъ на бульварѣ съ апельсинами и конфектами. И хотя они не были приняты, черезъ кого-то предложилъ онъ свою руку. Отказъ смутилъ бы другаго; его ни мало, и бѣдная княжна не могла выйдти на улицу, на гулянье, чтобы не видѣть его по пятамъ своимъ. Наконецъ, принуждены были его куда-то отправить съ комиссіей.

Библиотека "Руниверс"

Четвертаго адъютанта, Преображенскаго офицера, князя Захара Семеновича Херхеулидзева, случалось мнѣ видѣть въ Петербургѣ въ обществахъ, подобныхъ тѣмъ, кои посѣщалъ Заваліевскій; но онъ былъ въ нихъ только что добродушнымъ балагуромъ и безвинное ремесло свое перенесъ съ собою въ Одессу. Впрочемъ былъ онъ здоровья плохаго, и сіе заставило его черезъ покровительство великаго князя Михаила Павловича искать мѣста въ тепломъ краю.

Побойчѣе, поострѣе и покрасивѣе его былъ нѣкто Алексѣй Михайловичъ Золотаревъ, маіоръ, состоящій по кавалеріи и по особымъ порученіямъ при графѣ. Онъ также охотникъ былъ смѣшить, и такимъ образомъ веселіе разливалось повсюду. Баронъ Франкъ своимъ передражниваньемъ, каламбурами чрезвычайно потѣшалъ графиню и все ея приватное общество; Херхеулидзевъ заставлялъ отъ души смѣяться всѣхъ приближенныхъ графа, а Золотаревъ—одну только канцелярію его.

Я не могъ надивиться совершенно доброму согласію, царствовавшему между симъ смѣшаннымъ, перемѣшаннымъ обществомъ, жившимъ нѣсколько отдѣльно отъ городскаго: не было ни зависти, ни интригъ, ни даже пересудовъ, иногда только бывали необидныя насмѣшки. Причиною сему, кажется, было то, что въ добровольной ссылкѣ люди скорѣе сближаются другъ съ другомъ и дѣлаются менѣе взыскательны. Много способствовалъ тому и характеръ главнаго начальника: онъ старался тогда быть безпристрастенъ и неохотно слухъ свой склонялъ къ наушничеству. Исключая прежнихъ своихъ Мобёжскихъ, и то наединѣ, со всѣми равно умѣлъ онъ обходиться умѣренно-ласково и умѣренно-повелительно. Разъ навсегда всѣхъ пригласилъ онъ хотя бы ежедневно у него обѣдать. Дозволеніе это всѣ почитали честію, пользовались ею, но не употребляли во зло, не столько изъ скромности, какъ изъ предпочтенія другому хозяину, Оттону, у котораго и съ которымъ можно было обходиться гораздо повольнѣе. Веселое добродушіе Казначеева (изъ насъ пріѣзжихъ одного только женатаго) также много вязало членовъ общества, которымъ въ другомъ мѣстѣ труднѣе было бы сойтись. У него всякій вечеръ собирались почти всѣ сослуживцы и весело, откровенно, а иные и весьма умно разговаривали. И такъ по-утру передъ кабинетомъ графа, въ канцеляріи, у него же за обѣдомъ, а вечеромъ у Казначеева, безпрестанно встрѣчаясь, люди невольно, непримѣтно свыкались между собою. Меня все это очень радовало. Да проститъ же мнѣ читатель, если, вводя его съ собою въ новый кругъ, я счелъ необходимымъ познакомить его напередъ со всѣми, кругъ сей составляющими. Вмѣсто того, чтобы прямо приступить къ дѣлу, сказать, какой пріемъ сдѣланъ былъ мнѣ начальникомъ и какой результатъ имѣли тайные мои съ нимъ разговоры, я занялся

Библиотека "Руниверс"

бездѣльемъ, изображеніемъ мелкихъ тогда при немъ чиновниковъ. Маловажное скорѣе забывается, я хотѣлъ того избѣгнуть. Къ тому же мнѣ хотѣлось обставить малозначущими фигурами любезнаго тогда сердцу моему Воронцова, дабы показать его еще болѣе въ гигантскомъ видѣ.

Я представилъ ему свою Записку о Бессарабіи. Прочитавъ ее, дня черезъ два сказалъ онъ мнѣ: «знаете ли вы, что вы съ глазъ моихъ какъ будто сняли повязку; такъ явственно изображены положеніе края и характеры людей». Можно представить себѣ что̀ я почувствовалъ, услышавъ такія слова изъ устъ человѣка, котораго мнѣніе такъ высоко я цѣнилъ. Надобно знать, что въ это время необыкновенно-умный и хитрый Бруновъ, съ большими, основательными теоретическими познаніями, имѣлъ великое вліяніе на графа. Настроенный Александромъ Стурдзой, съ коимъ имѣлъ тѣсныя связи, онъ настаивалъ, чтобы въ Бессарабіи Молдавскіе права и обычаи были не только сохранены, но еще болѣе распространяемы, и чтобы тамъ введено было какое-то новое судопроизводство; однимъ словомъ, чтобы страна сія еще болѣе отрѣзана была отъ Россіи. Доводы его были такъ сильны и умны, что должны были нравиться человѣку, воспитанному въ конституціонномъ государствѣ.

Онъ не подозрѣвалъ, что два человѣка, по мнѣнію его ничтожные и третій, котораго почиталъ онъ легкомысленнымъ и несвѣдущимъ, могутъ содѣлаться препятствіемъ его видамъ. Изъ Кишинева я часто переписывался съ Казначеевымъ и съ Лексомъ. Первый, Русскій въ душѣ, во всемъ былъ со мною согласенъ. Другому надоѣла Молдавская безсмысленная, тяжелая спѣсь, и онъ охотно подогнулъ бы ее подъ Русскія узаконенія, но въ немъ оставалась нѣкоторая робость. Долго бывъ спрятаннымъ подъ каплуньими крыльями Инзова, онъ конечно ожилъ, какъ бы воспрянулъ, увидя себя осѣненнымъ орлинымъ крыломъ Воронцова. Онъ скорѣе по сей части могъ бы имѣть собственныя мнѣнія, но ему пріятнѣе было поддерживать мои. Со времени втораго пріѣзда моего въ Одессу намѣренія намѣстника, кажется, взяли новый оборотъ.

А въ чемъ состояли мои желанія, цѣль моихъ усилій? Въ томъ, чтобы изъ участка, вновь пріобрѣтеннаго, сдѣлать просто Русскую губернію. Я всегда полагалъ, что вслѣдъ за сдѣланіемъ новыхъ завоеваній, дабы владѣть ими спокойно, надлежитъ стараться припаять ихъ къ общей государственной массѣ, безъ чего они будутъ обременять и ослаблять ее. Тутъ не нужно мнѣ было много выдумывать. Великіе завоеватели-законодатели, Фридрихъ, Екатерина и Наполеонъ, такъ поступали. Укажу на другіе примѣры: Польша, при всемъ безпутномъ

Библиотека "Руниверс"

своемъ управленіи, умѣла однакоже понять, что православную Украйну она не иначе можетъ укрѣпить за собою какъ вводя въ нее все Польское. Употребляя Унію и Католичество и дѣйствуя первоначально и преимущественно на высшія сословія, она достигла до того, что мы, Русскіе, забыли, что эта страна намъ принадлежала, и что въ ней была колыбель нашей вѣры и нашего древняго могущества. И все насильно введенное и о сю пору еще тамъ преобладаетъ. Посреди прежняго варварства Германцевъ могли они употреблять только жесточайшія мѣры, смертную казнь, для преобразованія Славянъ, для обезъязыченія ихъ, какъ сказалъ одинъ поэтъ. И что же? Мекленбургъ и Померанія, Лузація и Силезія, усиливъ Германію, сдѣлались намъ вовсе чужды, едва ли не враждебны.

Отъ дѣльнаго перехожу опять не совсѣмъ къ бездѣльному, къ описанію образа домашней жизни нашего повелителя. Черезъ день, если не каждый день обѣдалъ я у него. Большая зала, почти всегда пустая, раздѣляла двѣ большія комнаты и два общества. Одно, полуплебейское, хотя рѣдко покидалъ его самъ графъ, постоянно оставалось въ биліардной. Другое, избранное, отборное, находилось въ гостиной у графини; туда едва ли я заглядывалъ. Безъ всякой видимой причины графиня оказывала мнѣ убійственную холодность; невидимой же причиной былъ одинъ человѣкъ, живущій безъ службы, котораго воздерживаюсь еще назвать (до того воспоминаніе объ немъ меня тревожитъ и бѣситъ) и который, какъ утверждали послѣ, пользовался дружбою ея.... Сей самолюбивый и злой человѣкъ не могъ простить мнѣ явнаго несогласія съ нимъ въ мнѣніяхъ и правилахъ. Исключая его, всегда можно было найдти тутъ Марини, Брунова, Пушкина, Франка и близкаго родственника Синявина. Изъ дамъ вседневной посѣтительницей была одна только графиня Ольга Станиславовна Потоцкая, мѣсяца за два передъ тѣмъ вышедшая за Льва Александровича Нарышкина, двоюроднаго брата графа Воронцова. Въ столовой къ обѣду сходились вмѣстѣ, а вечеромъ у Казначеева всѣ опять смѣшивались.

Опять принужденъ сдѣлать отступленіе; но какъ, назвавъ знаменитую у насъ тогда Ольгу Потоцкую, не разсказать чудную исторію о ея матери и о ея семействѣ? Въ одномъ изъ Константинопольскихъ трактировъ была служанкой Гречаночка лѣтъ тринадцати или четырнадцати; секретарь Польскаго посольства Боскампъ сманилъ ее оттуда и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уступилъ Польскому же посланнику Деболи. Съ симъ послѣднимъ совсѣмъ распустившею розой пріѣхала она въ Варшаву, гдѣ всѣхъ изумила необычайной красотой своей. Она стала жить на свободѣ, и счастливымъ, щедрымъ обожателямъ ея не было числа; но, наконецъ, всѣмъ имъ предпочла она одного пожилаго

Библиотека "Руниверс"

Польскаго генерала графа Витта, ибо онъ одинъ предложилъ ей свою руку. Не знаю, когда и гдѣ встрѣтилъ ее князь Потемкинъ, только мужа переманилъ въ Русскую службу съ генеральскимъ чиномъ и назначилъ оберъ-комендантомъ въ Херсонъ, а жену увезъ съ собою въ Яссы. Тамъ щеголялъ онъ ею, какъ великолѣпнымъ трофеемъ, а она гордилась привязанностію человѣка, котораго слушалась вся Россія и который совершенно царствовалъ въ двухъ княжествахъ. И великія души, видно, не чужды тщеславію; ибо Потемкинъ на показъ повезъ ее и въ Петербургъ. Сопровождаемый многочисленной свитой, верхомъ для выставки развозилъ онъ ее съ собою въ открытомъ кабріолетѣ по улицамъ и гуляньямъ *). Послѣ смерти Потемкина, чрезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлалась она знатной дамой.

Польскій коронный гетманъ, графъ Станиславъ-Феликсъ Потоцкій посѣщалъ мѣстечко свое Тульчинъ въ Подольскомъ воеводствѣ и часто живалъ въ немъ. Прекрасная сія страна, вдали отъ Варшавы, была заброшена, и магнатъ могъ дѣлать въ ней, что̀ хотѣлъ. Недавно еще старики внукамъ своимъ съ ужасомъ разсказывали о несправедливостяхъ Потоцкихъ, которыя можно назвать даже злодѣяніями. У богатыхъ Жидовъ онъ насильно занималъ большія суммы; по сосѣдству всѣ имѣнія, коихъ завладѣніе представляло ему выгоды, отхватывалъ онъ посредствомъ заводимыхъ тяжбъ, и трепещущіе судьи не смѣли иначе рѣшить, какъ въ его пользу. Такимъ образомъ несмѣтное богатство свое успѣлъ онъ удвоить. Грабительства его прекратились только съ поступленіемъ этого края подъ Русское владѣніе; но онъ заблаговременно передался Россіи, и все имъ захваченное осталось за нимъ. Отъ перваго брака было у него четыре сына и нѣсколько дочерей. Объ одной, невѣрной Констанціи, упомянулъ уже я во второй части сихъ Записокъ, когда говорилъ о почтенномъ супругѣ ея графѣ Иванѣ Потоцкомъ же, путешествовавшемъ въ Китай. Другую, Викторію Шоазель-Бахметеву, прославившуюся между прочимъ обжорствомъ, недавно изобразилъ я. О третьей, Розѣ, вѣчно враждебной Россіи, на которой, противъ воли матери, женился графъ Владиславъ Браницкій и которую почтенная свекровь не пускала на глаза, не говорилъ я ни слова. О добродѣтеляхъ другихъ сестеръ и братьевъ лучше умолчать. Скажу только, что коротко знавшіе сіе семейство Польскихъ Атридовъ насчитывали въ ней гораздо болѣе семи смертельныхъ грѣховъ.

Въ совершенной старости хищникъ былъ наказанъ судьбой. Онъ плѣнился графиней Виттъ въ одно время съ Феликсомъ, старшимъ

*) Забавно, что будущій зять ея ***, уже женатый на ея дочери, разсказывалъ при мнѣ будто въ порицаніе нравовъ Екатеринина вѣка, какъ онъ въ ребячествѣ былъ очевидцемъ этого срама.

Библиотека "Руниверс"

сыномъ своимъ отъ перваго брака. По условію съ сыномъ, она предпочла отца и вышла за него, студодѣянія свои соединивъ со злочестіемъ Потоцкихъ. Новая Федра, передъ которой древняя жалка, спокойно предалась своему Ипполиту и, какъ та, истерзанная совѣстію и раскаяніемъ, вѣрно не восклицала: Et des crimes peut-être inconnus aux enfers! Отъ сего кровосмѣшенія родилось три сына и двѣ дочери, изъ нихъ Ольга меньшая. И безумный Феликсъ не подумалъ о томъ, что онъ себя и братьевъ лишаетъ большой части наслѣдства. Какая была развязка въ этой семейной драмѣ? Старикъ, наконецъ, узналъ всю истину; вскорѣ затѣмъ послѣдовали двѣ внезапныя кончины, сперва сына, потомъ отца. Клевета въ такихъ случаяхъ до нѣкоторой степени извинительна и весьма походитъ на правду. Польскіе дворяне говорили тогда о черной кавѣ, о черномъ кофеѣ, какъ о вещи весьма обыкновенной.

Пасынки и падчерицы вдовы графини Потоцкой завели съ нею ужасный процессъ, оспаривая законность ея брака, слѣдственно и законное рожденіе ея дѣтей: ибо Виттъ былъ еще живъ и не разведенъ съ нею, когда она вступила во второй бракъ. Сіе понудило ее, наконецъ, пріѣхать въ Петербургъ. Греческія хитрыя уловки замѣнили ей увядшую красоту. Министрамъ и сенаторамъ разсыпала она лесть и ласки, для подчиненныхъ не щадила золота. Главнымъ адвокатомъ въ ея дѣлѣ былъ сумасбродъ графъ Милорадовичъ, который влюбился въ молоденькую дочь ея Ольгу. Сія послѣдняя, съ дозволенія матери, не рѣдко посѣщала его, просиживала съ нимъ наединѣ по часу въ его кабинетѣ и принимала отъ него великолѣпные подарки. Отъ яблони яблочко, говорятъ, не далеко падаетъ. Говорили, что это Польскій обычай; но величественный и строгій въ приличіяхъ дворъ Александра смотрѣлъ на то не весьма благосклонно.

Какъ ожидать было должно, дѣло кончилось въ ея пользу. Она отправилась въ доставшійся ей по раздѣлу городъ Умань, гдѣ, въ подражаніе добродѣтельной Браницкой, и она развела обширный садъ подъ именемъ Софіевки. Ей оставалось спокойно доживать вѣкъ и пользоваться плодами долголѣтнихъ интригъ, какъ вдругъ явилась неумолимая. Ужасна была смерть грѣшницы: въ совершенной памяти, при нестерпимыхъ мученіяхъ, смердящимъ трупомъ прожила она нѣсколько мѣсяцевъ. Весь домъ былъ зараженъ зловоннымъ воздухомъ, все бѣжало отъ него; однѣ дочери остались прикованными къ ея одру. И какъ не похвалить ихъ за сей геройскій подвигъ!

Послѣ ея смерти сіи дѣвицы отнюдь не казались сиротами, меньшая еще менѣе чѣмъ старшая Софія, которая въ тоже время вышла за скользящаго у меня все подъ перомъ начальника штаба второй

Библиотека "Руниверс"

арміи, Павла Дмитріевича Киселева. Онъ умѣлъ въ Тульчинѣ пріобрѣсти болѣе власти, чѣмъ самъ главнокомандующій Витгенштейнъ. Сіе могущество плѣнило Ольгу, которая пріѣхала погостить къ сестрѣ... Если сіе скопленіе мерзостей дойдетъ до потомства, не знаю, повѣритъ ли оно ему. Пусть вспомнитъ исторію семейства Борджіа; а католическая Польша, едва вышедшая изъ временъ насилій и безначалія, право, стоила Италіи среднихъ вѣковъ.

Еще лѣтомъ въ Одессѣ увидѣлъ я сію столь уже извѣстную Ольгу Потоцкую. Красота ея была тогда во всемъ своемъ блескѣ, но въ ней не было ничего дѣвственнаго, трогательнаго; я подивился, но не восхитился ею. Она была довольно молчалива, не горда, но и невнимательна съ тѣми къ кому не имѣла нужды, не столько задумчива, какъ разсѣянна и въ самой первой молодости казалась уже вооруженною большою опытностію. Все было разочтено, и стрѣлы кокетства берегла она для пораженія сильныхъ*).... Какъ все это уладилось, какъ просватали ее за *, все это покрыто тайной и не могло доходить до меня въ Кишиневѣ.... Мнѣ не рѣдко за столомъ случалось сидѣть противъ нея, и мы взоровъ не спускали; я умѣлъ, когда нужно, полагать храненіе устамъ моимъ, но глаза мои всегда были болтливы....

Зато были въ Одессѣ другія графини ко мнѣ весьма благосклонныя. Я уже сказалъ, что градоначальникъ Гурьевъ былъ со мною на ногѣ стариннаго знакомаго и что я нерѣдко посѣщалъ его. Его графиня Авдотья Петровна, при свѣтской образованности, восхищала меня своею совершенно Русскою оригинальностію. Отнятое первенство у нея и мужа ея не могла она простить Воронцовой; замѣтивъ, что и я не имѣю къ ней большой симпатіи, она свою нѣсколько умножила ко мнѣ. Она жила не въ ладахъ съ жительницами Одессы. Въ большихъ торговыхъ городахъ бываетъ всегда коммерческая аристократія; тутъ изъ бѣдности вдругъ поднявшіеся богачи, по большой части иностранцы, Французы, Англичане, Греки (Сикаръ, Рено, Моберли, Маразли, Ризничъ) оттого были еще спѣсивѣе. Она не могла растолковать себѣ взыскательности ихъ женъ. «Что мнѣ до этой разношерстной компаніи, говорила она, и какъ смѣютъ эти купчихи считаться со мною!» Этихъ купчихъ, хотя изрѣдка, Воронцова приглашала на свои вечера; а ее онѣ совсѣмъ бросили.

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что Польки заимствовали у Евреекъ сію страсть къ покоренію всемогущихъ. Сколько есть между ими Эсѳирей! И сколько бѣдныхъ Русскихъ генераловъ, запутанныхъ въ сѣти даже простонародныхъ Юдифей, какъ Олоферны, теряютъ головы, и отъ того хладѣютъ къ своему отечеству!

Библиотека "Руниверс"

Другая графиня была для меня совершенно новымъ знакомствомъ. Меня ребенкомъ знавалъ въ Кіевѣ графъ Ланжеронъ, когда въ полковничьемъ чинѣ бывалъ онъ часто у моихъ родителей. Это воспоминаніе, казалось, заставляло его меня любить; впрочемъ со мною, также какъ и со всѣми, обходился онъ излишне фамильярно для шестидесятилѣтняго Андреевскаго кавалера. Не одна подчиненность моя, но и привязанность къ графу, была однако великимъ порокомъ въ его глазахъ. Изъ исторіи управленія его Новороссійскимъ краемъ составилось бы нѣсколько томовъ, и она была бы весьма занимательна; только вышло бы изъ нея большое собраніе забавныхъ и веселыхъ анекдотовъ. Пересватавъ тщетно всѣхъ богатыхъ и знатныхъ невѣстъ въ Россіи, онъ женился, наконецъ, въ Одессѣ на бѣдной дѣвушкѣ, дочери полковника Бриммера, Елисаветѣ Адольфовнѣ. Онъ представилъ меня ей, а я спѣшу представить ее читателю.

Мнѣ не случалось видѣть красиваго лица столь угрюмаго, какъ у графини Ланжеронъ; однако мнѣ оно всегда улыбалось и, право, этимъ можно похвастать. Прекрасные глаза ея были даже выразительны, но она не чувствовала того, что они выражали. Холодна какъ ледъ, она рѣдко съ кѣмъ открывала уста. Въ Одессѣ, гдѣ она была воспитана, всѣ знали ее дѣвочкой дикой и несообщительной, и когда вдругъ поднялась она на генералъ-губернаторство, то, ничего не перемѣняя въ своемъ обхожденіи, отнюдь не казалась горда; за то и ей не оказывали большой внимательности. Довольствуясь наружнымъ уваженіемъ, въ которомъ нельзя было отказывать женщинѣ, выше другихъ поставленной, она ничего болѣе не требовала. Когда она сопровождала мужа своего въ Парижъ, ей было душно въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи, и она все вздыхала по Одессѣ. Красивой женщинѣ, одаренной твердостію и хладнокровіемъ, не трудно было овладѣть старымъ вѣтреникомъ и, повинуясь только ея волѣ, рѣшился онъ безъ службы воротиться въ Одессу, гдѣ впрочемъ были у него и домъ, и хуторъ. Присутствіе Воронцовой было какъ острый ножъ для бывшей генералъ-губернаторши. Къ сожалѣнію, она нечужда была зависти; а богатство, знатность, воспитаніе, всѣ эти преимущества должны были возбуждать ее въ ней. Я не думаю, чтобы это было причиной особенной ея ко мнѣ благосклонности; а впрочемъ, кто знаетъ! Когда съ другими прилично она отмалчивалась, со мной всегда находила о чемъ говорить.

Уже подъ именемъ графини Эделингъ находилась тутъ женщина, которой Каподистрія обязанъ былъ довѣренностію Александра, о чемъ я говорилъ въ пятой части сихъ Записокъ. При дворѣ, гдѣ почти всегда красота предпочиталась уму, въ Роксандрѣ Скарлатовнѣ Стурдзѣ видѣли только безобразнѣйшую изъ фрейлинъ, и всѣ отъ нея отдаля-

Библиотека "Руниверс"

лись, какъ нечаянный случай сблизилъ ее съ императрицей Елисаветой Алексѣевной. Тогда ее распознали и невольно стали благоговѣть предъ необыкновеннымъ превосходствомъ ея ума. Государыня взяла ее съ собой за границу, и на Вѣнскомъ конгрессѣ всѣ отличные мужи и многія принцессы искали ея знакомства, а нѣкоторыя и сдружились съ ней. Лишившись надежды выйдти за Каподистрію, встрѣтила она человѣка, съ которымъ была счастливѣе, чѣмъ бы, можетъ быть, съ этою знаменитостію. Графъ Альбертъ Эделингъ, оберъ-гофмейстеръ Саксенъ-Веймарскаго двора, былъ одинъ изъ тѣхъ старинныхъ Нѣмецкихъ владѣльцевъ-бароновъ, честныхъ, добродушныхъ, благородныхъ, коихъ типъ сохранился нынѣ только въ романахъ Августа Ла-Фонтена, которыхъ также едва ли нынѣ найдти гдѣ можно. Онъ душею полюбилъ дѣвицу Стурдзу, и она его; сочетавшись съ нею бракомъ, онъ согласился оставить отечество и поселиться съ нею въ южной Россіи. Наружностію ея плѣниться было трудно: на толстоватомъ, нѣсколько скривленномъ туловищѣ, была у нея коровья голова. Но лишь только она заговоритъ, и вы очарованы, и даже не тѣмъ, что̀ она скажетъ, а единственно голосомъ ея, нѣжнымъ, какъ прекрасная музыка. И когда эти восхитительныя звуки льются, льются, что̀ выражаютъ они? Или глубокое чувство, или высокую мысль, или необыкновенное знаніе, облеченное во всю женскую граціозность, и притомъ какая простота! Какое совершенное отсутствіе гордости и злобы! Превосходство души равнялось въ ней превосходству ума. Изъ Бессарабіи, гдѣ у нея были родные, писали къ ней обо мнѣ чудеса, и оттого-то сею четою былъ я принятъ, можно сказать, съ отверстыми объятіями. Во мнѣ оставалось еще довольно греколюбія, филлэлинства, чтобы и съ этой стороны ей угодить. Какъ любилъ я ее въ эти минуты, когда, всегда спокойная, она вдругъ приходила въ восторгъ при имени геройски борющейся тогда Греціи. Ну, право, житье мнѣ было: посмѣявшись съ графиней Гурьевой, наглядѣвшись на графиню Ланжеронъ, спѣшилъ я наслушаться графиню Эделингъ. Лишивши меня полуцарскихъ милостей Воронцовой, судьба послала мнѣ взамѣнъ большія утѣшенія.

Почти также, какъ у г-жи Эделингъ, былъ я принятъ у брата ея, Александра Скарлатовича Стурдзы. Сперва два слова о матери и о женѣ его. Первая казалась весьма умна и всегда сердита, имя ей было Султана. Другая, дочь знаменитаго Нѣмецкаго врача Гуфланда, принадлежала къ числу тѣхъ прежнихъ Нѣмокъ, кои, будучи домашнимъ сокровищемъ, единственно супругами и матерями, не имѣли никакой наружной цѣны и не искали ея. Отца его, Скарлата Димитріевича, лѣтъ десять какъ не было на свѣтѣ. Преданный Россіи, онъ въ послѣднюю войну съ Турками при Екатеринѣ бѣжалъ изъ Молдавіи и,

Библиотека "Руниверс"

кажется, лишился части своего имѣнія; за то щедро былъ онъ вознагражденъ богатымъ помѣстьемъ близъ Могилева, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Владимирской звѣздой. Онъ былъ женатъ на вышереченной Султанѣ, дочери Молдавскаго государя князя Мурузи. Три поколѣнія изъ сей фамиліи за Россію въ Цареградѣ пріяли мученическую смерть. И сія пролитая кровь, налагая на насъ долгъ благодарности, должна бы и въ нихъ возродить привязанность къ нашему отечеству; но не совсѣмъ оно такъ было. Въ глубокой старости на Скарлата Стурдзу возложено было тяжкое бремя управленія новопріобрѣтенной Бессарабіи; онъ, видно, изнемогъ подъ нимъ, ибо вскорѣ умеръ.

Изобразить самого Александра Стурдзу не бездѣлица: въ этомъ человѣкѣ было такое смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, такое иногда противорѣчіе въ мнѣніяхъ, такая выспренность въ умѣ; при мелочныхъ разчетахъ въ дѣйствіяхъ, онъ такъ весь былъ полонъ истинно-христіанскихъ правилъ и глубокаго, неумолимаго злопамятства, осуждаемаго нашею вѣрою, что прежде чѣмъ начертать его образъ, надлежало бы, если возможно, химически разложить его характеръ. Грекъ по матери, онъ болѣе сестры принималъ участіе въ судьбѣ Эллиновъ; Молдаванъ по отцу, онъ искренно любилъ своихъ соотечественниковъ и всегда горячо за нихъ вступался, забывая, что они враги его любезнымъ Грекамъ. Едва не сдѣлавшись въ Германіи жертвою преданности своей къ законнымъ престоламъ, онъ обожалъ ея философію и женился на Нѣмкѣ. Желая свѣтильникъ наукъ возжечь на Востокѣ, онъ сей священный огонь хотѣлъ заимствовать у поврежденной уже въ разсудкѣ Европы. Другъ порядка и монархическихъ установленій, онъ мечталъ о республикѣ подъ предсѣдательствомъ Каподистріи. Другъ свободы, онъ ненавидѣлъ Пушкина за его мнимо-либеральныя идеи. Онъ былъ все; къ сожалѣнію только совсѣмъ не Русскій. Воспитанный въ Могилевской губерніи, не понимаю, какъ онъ могъ пріобрѣсти запасъ учености, съ которымъ вступилъ на дипломатическое поприще; въ знаніи языковъ древнихъ и новѣйшихъ могъ бы онъ поспорить съ Меццофанти. Съ 1815 года сдѣлался онъ извѣстенъ вмѣстѣ съ покровителемъ и другомъ своимъ, Каподистріей, въ 1822 вмѣстѣ съ нимъ сошелъ со сцены (какъ гдѣ-то уже я сказалъ), и на покоѣ, также какъ нынѣ я, строилъ историческо-политическіе воздушные замки.

Мнѣ весьма памятны его бесѣды со мной; ибо, вслѣдствіе ихъ, мнѣнія мои о дѣлахъ Европы и Востока начали измѣняться. Онъ не скрывалъ желанія своего видѣть Молдовлахію особымъ царствомъ, съ присоединеніемъ къ ней Бессарабіи, Буковины и Трансильваніи. Освобожденіемъ одной Греціи, по мнѣнію его, дѣло на Востокѣ не должно

Библиотека "Руниверс"

было кончиться. Изъ словъ его замѣтить было можно надежду, что Греки, окрѣпнувъ, черезъ нѣсколько лѣтъ одолѣютъ окончательно прежнихъ притѣснителей своихъ, возстановятъ по прежнему императорское достоинство въ Константинополѣ, и что, исключая Молдовлахіи, всѣ народы, живущіе на Сѣверъ отъ сей столицы вдоль по Дунаю, войдутъ въ составъ сей возобновленной имперіи. Угадывая его мысль, я отвѣчалъ на нее тѣмъ, что сіе весьма было бы желательно, но что исполненіе мнѣ кажется невозможнымъ. Въ кратковременное пребываніе мое въ Кишиневѣ (сказалъ я ему), могъ я убѣдиться отъ живущихъ въ немъ Болгаровъ, Сербовъ, Арнаутовъ, какъ всѣ Славянскіе народы не терпятъ Грековъ, и увѣренъ, что ихъ владычеству предпочтутъ они даже Турецкое иго. «Мудрое правленіе—отвѣчалъ онъ—будетъ всегда умѣть заставить полюбить свою власть».

И понынѣ сіи господа увѣрены, что возстановятъ Греческую имперію. Да когда же была Греческая имперія? Былъ новый Римъ, Римская Восточная имперія; и Константинъ, и Ѳеодосій, и Юстиніанъ, и даже Ираклій были Римляне. Гораздо позже, когда завоеванія Готѳовъ, Славянъ и Турецкихъ племенъ сузили сіе царство до того, что во владѣніи своемъ имѣло оно только то, что̀ составляло древнюю Грецію, тогда только начали появляться на престолѣ Комнины, Дукасы и Палеологи. По мнѣнію г. Тютчева, сія Восточная Римская, отнюдь не Греческая, имперія никогда не переставала существовать, а перенесена только съ Босфора на берега Москвы-рѣки, а потомъ на Неву.

Я привыкъ въ сихъ Запискахъ быстро переходить отъ одного предмета къ другому, а чувствую, что ужасно неловко отъ историческихъ вопросовъ перебросится къ Варварѣ Димитріевнѣ Казначеевой. А что̀ же дѣлать! Она была первою моею знакомкой въ Одессѣ, всѣхъ чаще ее я видѣлъ и когда много говорилъ о другихъ дамахъ, какъ же ее одну оставить въ покоѣ? Въ восемнадцать или даже въ двадцать лѣтъ молодые люди влюбляются во встрѣчныхъ и въ поперечныхъ, въ первую, которая попадется. Вотъ какимъ образомъ Казначееву, почти мальчику, понравилась въ Рязанской губерніи одна изъ живущихъ тамъ многочисленныхъ бѣдныхъ княженъ Волконскихъ; совершеніе брака не состоялось за происшествіями войны 1812 года. Черезъ семь или восемь лѣтъ, въ 1819 году, воротился онъ, наконецъ, въ Россію изъ Мобёжа и, говорятъ, что, какъ истый рыцарь среднихъ вѣковъ, онъ поспѣшилъ бросить лавровый вѣнокъ къ ногамъ дамы своихъ помысловъ. Мнѣ что-то не вѣрится, и я скорѣе полагаю, что она сдѣлала воззваніе къ его чести, коей имя всегда было для него священно и такимъ образомъ женила его на себѣ. Впрочемъ онъ, можетъ быть, и дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ; но навѣрное можно сказать, что

Библиотека "Руниверс"

онъ одинъ только въ мірѣ. Не видя ни съ какихъ сторонъ нѣжныхъ, страстныхъ взглядовъ, она крѣпче прилѣпилась къ законному любовнику своему, къ своей жертвѣ и душила его своею вѣрностію. Она была еще свѣжа, бѣла и румяна, но чрезвычайно толста и кривобока, и непріятное выраженіе лица ея было ничто передъ непріятнымъ ея нравомъ. Не то, чтобы она была съ кѣмъ нибудь неучтива, но всегда какъ бы сердита и недовольна. Отъ того обиднѣе казалась въ гостиной графини Воронцовой вѣчно подобострастная ея улыбка. Она была на колѣняхъ передъ пороками знатныхъ и строга до суровости къ малѣйшимъ слабостямъ равныхъ ей женщинъ и людей. Особенно чтила она родъ Потоцкихъ. Разъ сказала она мнѣ: «Что за нужда, если торговля въ Одессѣ упадетъ; есть знаменитая и богатая фамилія, которая ее любитъ и поддержитъ: она всегда останется градомъ Потоцкихъ».— Тѣмъ хуже, не вытерпѣвъ отвѣчалъ я: она превратится въ Содомъ и Гоморъ.—Съ ужасомъ посмотрѣла она на меня.

Къ тому же она имѣла претензіи на умъ и на знанія, коихъ въ ней вовсе не было, выдавала себя за великую литераторшу, говорила, что пишетъ стихи, которыхъ никому не показываетъ, и хотѣла было завести маленькое литературное общество. Туманскій на то было подался, но Пушкинъ со смѣхомъ принялъ предложеніе....

По небольшому хотя числу названныхъ мною въ семъ провинціальномъ городѣ высокихъ особъ женскаго пола можно посудить, какъ много еще было въ немъ не названныхъ мною образованныхъ и пріятныхъ женщинъ.

Исключая двухъ столицъ, нѣтъ ни одного города въ Россіи, гдѣ бы находилось столько матеріаловъ для составленія многочисленнаго и даже блестящаго общества, какъ въ Одессѣ; а оно тогда какъ бы не существовало. Вообще Одесса была всегда, или по крайней мѣрѣ долго, невеселымъ городомъ. Настоящій основатель ея, дюкъ-де-Ришелье, былъ человѣкъ серіозный; онъ искалъ одного только полезнаго и думалъ, что пріятное придетъ послѣ само собою: строилъ дома и магазины и не заботился о заведеніи рощицъ, разведеніи лѣсныхъ деревьевъ, какъ бы не зная, что тѣнь въ степи есть райское блаженство. Не столько по его примѣру, какъ по собственной охотѣ, и купцы поступали также: каждый изъ нихъ жилъ особнякомъ, проведя утро въ заботахъ и трудахъ, отдыхалъ въ семейномъ кругу и неохотно изъ него выходилъ. Нѣкоторые изъ жителей имѣли вдоль моря спрятанные хутора; но и тутъ выгодному пожертвовано было пріятное: въ нихъ насадили одни фруктовыя деревья, некрасивыя и высокаго роста не достигающія. Посреди города, на весьма небольшомъ пространствѣ, былъ публичный садъ; на него было отвратительно и жалко смотрѣть. Съ Мая невоз-

Библиотека "Руниверс"

можно было въ немъ гулять; видѣлъ ли въ немъ кто зелень когда-нибудь, не знаю: густыя облаки пыли съ окружающихъ его улицъ всегда его обхватывали и наполняли; мелкіе листки акацій и тополей, коими былъ онъ засаженъ, сѣрый цвѣтъ сохраняли все лѣто. И это было единственное мѣсто соединенія для жителей и вечернихъ для нихъ прогулокъ; за то никого въ немъ не было видно. Зимой страшная грязь препятствовала сообщеніямъ; о томъ Одесситы мало заботились: это служило имъ новымъ предлогомъ, чтобы сидѣть дома.

Одно увеселительное мѣсто, въ коемъ собирались люди, былъ Итальянскій театръ. Зачѣмъ именно Итальянскій, не могу сказать. Французскій языкъ во всеобщемъ употребленіи, его почти всѣ понимаютъ, и Французскую труппу достать было бы легче и содержать дешевлѣ. Кто были бѣшеные меломаны, которые подали мысль объ Итальянской труппѣ и упорно поддержали ее? Я, по крайней мѣрѣ, ихъ уже не нашелъ: всѣ мнѣ показались отмѣнно равнодушными къ музыкѣ. Но уже такъ оно завелось, такъ оно и продолжается. Цѣны на мѣста были самыя низкія, и ложи всѣ абонированы, по большей части негоціантами. Лѣтомъ, во время морскихъ купаній, пріѣзжіе, не зная куда вечеромъ дѣваться, посѣщали театръ и наполняли его. Негоціанты, всегда разсчетливые, отдавали ложи свои гораздо дороже симъ пріѣзжимъ, такъ что въ годъ приходились онѣ имъ даромъ. Зимой не сами эти господа, а жены ихъ исправно посѣщали театръ: тутъ только могли онѣ видѣться другъ съ другомъ, переходить изъ ложи въ ложу, переговорить кой-о-чемъ, и все это, какъ я сказалъ выше, ничего имъ не стоило. Не будучи музыкантомъ, я съ нѣкотораго времени, благодаря Россини, сдѣлался страстнымъ любителемъ Итальянской музыки, и оттого не могъ терпѣть въ ней посредственности, а тутъ все было ниже ея. Что̀ сказать мнѣ о пѣвцахъ и пѣвицахъ? Я видѣлъ въ нихъ кочевой народъ, который, перебывавъ на всѣхъ провинціальныхъ сценахъ, въ Болоньи, Сіеннѣ, Феррарѣ и другихъ мѣстахъ, провозитъ къ намъ свои изношенные таланты. Черезъ годъ, черезъ полтора, ихъ прогонятъ; но тѣ, коихъ выпишутъ на ихъ мѣсто, не лучше ихъ. Я назову примадонну Каталани, оттого что она носила громкое имя и была невѣсткой (женой брата) извѣстной пѣвицы, да хорошенькую Витали, да тенора Монари, который пѣлъ довольно пріятно, но такъ слабо, что въ серединѣ залы его уже не слышно было. Давали прекрасныя оперы: *Сивильскаго Цирюльника*, *Итальянку въ Алжирѣ*, *Сороку-Воровку*, но что̀ за исполненіе! А всѣ согласно хлопали, хвалили. Такъ уже было принято: обычай, мода.

Не Ланжерону было заставить жителей Одессы отстать отъ принятыхъ ими привычекъ: они имъ не уважали, его бы не послушались,

Библиотека "Руниверс"

и при немъ сохранили они весь прежній образъ жизни. Улучшеній по устройству города онъ также ввести не былъ въ состояніи. Ему было весело, онъ былъ главнымъ лицомъ, могъ болтать сколько ему было угодно, его всѣ слушали, а вечеромъ всегда готова ему была партія виста или бостона.

Въ томъ состояніи, въ коемъ Ришельё оставилъ Одессу, нашелъ ее графъ Воронцовъ. Къ сожалѣнію, должно сказать, что и онъ сначала мало помышлялъ о введеніи въ ней общежительности. Казалось, что знатный помѣщикъ пріѣхалъ въ богатое село свое, началъ въ немъ жить по-барски, судить крестьянъ своихъ по правдѣ, искать умноженія ихъ благосостоянія, но что до забавъ ихъ ему нѣтъ никакого дѣла. Еще скорѣе можно было сравнить сіе съ житьемъ владѣтельнаго Нѣмецкаго герцога въ малой столицѣ: дворъ, его окружающій, достаточенъ для составленія ему пріятнаго общества. Однакоже чиновники, служащіе и отставные, повыше въ классахъ, небольное число помѣщиковъ и главные негоціанты, равно какъ и жены ихъ, представленныя графинѣ, нѣсколько разъ въ зиму приглашаемы были на полуоффиціальные вечера, на которыхъ танцовали. Сколь ни лестно было симъ господамъ находиться на такихъ вечерахъ, они охотно отказались бы отъ сей чести. Роскошь, только что приличная сану и состоянію графа, ихъ пугала.

Но что̀ по справедливости должно было приводить ихъ въ ужасъ— это богаты костюмы графини и подруги ея Ольги, которые онѣ безпрестанно мѣняли. Женщинамъ невозможно было не слѣдовать, хотя издали, симъ блестящимъ примѣрамъ. Графиня же безъ памяти любила наряды и не только на себѣ, но и на другихъ, какъ сіе было послѣ, въ другомъ мѣстѣ. Оттого-то столь привѣтливо разговаривала она съ посѣтительницами, и было о чемъ: о цвѣтѣ, о покроѣ ихъ платій. Но каково же было крохоборству, меркантильности отцовъ и мужей? Они, которые дрожали надъ каждымъ рублемъ, видя въ немъ зародышъ сотни тысячъ, должны были сотни сихъ рублей тратить на красивое и щеголеватое тряпье. Это болѣе отдаляло ихъ отъ пріятностей общественныхъ, чѣмъ привлекало ихъ къ нимъ.

Прибыль, барышъ были единственною постоянною ихъ мыслію. Конечно, она приводитъ въ движеніе какъ умы, такъ и большіе и малые капиталы, и необходима для первоначальнаго основанія торговаго города. Неужели Одесса не имѣетъ и другаго предназначенія? Давно уже повадились мы ѣздить за границу, тамъ находимъ теплый, благорастворенный климатъ, со всѣми удобствами и пріятностями жизни. Зачѣмъ бы не поискать въ Россіи мѣста, которое все это соединяло бы въ себѣ? Да гдѣ же бы? Въ Кіевѣ; но находятъ, что тамъ еще до-

Библиотека "Руниверс"

вольно холодно. Подольская губернія, рай земной; но какъ въ него попасть? Поляки мѣшаютъ Русскимъ въ немъ селиться. Остается только берегъ Чернаго моря: на немъ возникъ и быстро выросъ молодой городъ со всѣми недостатками молодости. Искусный правитель могъ бы ихъ исправить; стóитъ только приложить хорошенько къ нему руки, и онъ замѣнилъ бы намъ Флоренцію и Ниццу. Объ этомъ послѣ много думали; къ сожалѣнію, поздно; привычка едва ли не сильнѣе натуры, и мы болѣе чѣмъ когда таскаемся въ Южную Европу.

Говоря о недостаткахъ города, въ которомъ было болѣе тридцати тысячъ жителей, когда я узналъ его, надобно ихъ означить. Въ немъ не было того, что̀ можно найти во всякомъ даже небольшомъ губернскомъ городѣ: въ немъ не было такъ-называемаго благороднаго собранія или клуба, куда общество зимой еженедѣльно съѣзжается, чтобы повеселиться и потанцовать; не было простаго клуба, гдѣ бы мужской полъ длинные зимніе вечера могъ проводить за картами. Въ немъ не было того, что̀ необходимо для всякаго торговаго города: въ немъ не было биржевой залы: для совѣщаній, сдѣлокъ, установленія цѣнъ на пшеницу, купечество собиралось на небольшой площади передъ театромъ или въ гадкомъ закопченомъ казинò, гдѣ ни пройти, ни дохнуть отъ сильнаго табачнаго дыму не было возможно. Въ немъ не было того, что̀ находишь на всѣхъ минеральныхъ водахъ и мѣстахъ для морскихъ лѣченій: не было купаленъ, ни галлереи для прогулки. Ни въ городѣ, ни загородомъ не было такого мѣста, гдѣ бы послѣ удушливаго, знойнаго дня можно было освѣжиться вечернимъ воздухомъ, и гдѣ бы знакомые и пріѣзжіе могли встрѣтиться и бесѣдовать *). Ничего, кромѣ денегъ, не нужно было жаднымъ и негостепріимнымъ купцамъ Одессы. Изъ свиты графа никого не приглашали они къ себѣ, и такимъ образомъ совсѣмъ отдѣляли городское общество отъ того, которое почитали придворнымъ. Сія новорожденная колонія при Ришелье, а еще болѣе при Ланжеронѣ, была демократическою республикой; Воронцовъ, какъ отблескъ трона, поразилъ и ослѣпилъ ее. Жаловаться никто не смѣлъ, не было къ тому ни малѣйшей причины; но сначала втайнѣ всѣ были недовольны этой перемѣной.

Эту зиму въ Одессѣ находилось нѣсколько важныхъ людей. Всѣ они были равнаго чина съ графомъ, всѣ въ той же Александровской лентѣ, и всѣ начальствовали надъ частями отъ него независящими. Онъ не старался воздыматься надъ ними, а цѣлою головой казался ихъ выше. Оттого ли, что онъ былъ богаче ихъ? Ни мало: отъ природы

*) Все это, говорятъ, нынѣ существуетъ, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ молодаго еще и дѣятельнаго градоначальника Левшина.

Библиотека "Руниверс"

получилъ онъ счастливый даръ заставлять безъ усилій равныхъ себѣ признавать его превосходство.

Двое изъ нихъ были искренними его пріятелями. Одного, вице-адмирала Грейга, зналъ уже я въ Николаевѣ; съ другимъ, корпуснымъ командиромъ Иваномъ Васильевичемъ Сабанѣевымъ, тутъ имѣлъ я честь познакомиться. Онъ былъ маленькій, худой, умный и дѣятельный живчикъ. Не думая передражнивать Суворова, онъ во многомъ имѣлъ съ нимъ сходство. Въ арміи извѣстенъ былъ онъ какъ храбрый и искусный генералъ, во время войны чрезвычайно попечительный о продовольствіи подчиненныхъ ему, которые при немъ ни въ чемъ не нуждались.

Третій, по наружности въ самомъ добромъ согласіи съ Воронцовымъ, былъ тайный недругъ его, графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ. Былъ онъ сынъ Гречанки Потоцкой отъ перваго ея брака. Полный огня и предпріимчивости, какъ родовитый Полякъ, онъ съ Греческою врожденною тонкостію умѣлъ умѣрять въ себѣ страсти и давать имъ даже видъ привлекательный. Онъ великій былъ мастеръ притворяться; только въ Аустерлицкомъ сраженіи, въ чинѣ кавалергардскаго полковника, не умѣлъ онъ притвориться храбрымъ, и оттого долженъ былъ оставить службу и скрыться. Изъ сего поноснаго положенія нельзя было выйти болѣе счастливымъ и искуснымъ образомъ. Въ 1812 году, когда вся Россія ополчалась, умѣлъ онъ изъ жителей береговъ Буга навербовать два или три конныхъ полка. Съ ними пришелъ онъ къ арміи во время совершенной ретирады Французовъ, и они успѣли еще смѣло преслѣдовать бѣгущихъ, за что̀ ему данъ генеральскій чинъ. Послѣ того изъ сихъ всадниковъ образовано регулярное войско подъ его начальствомъ; въ двѣ послѣдующія кампаніи они вездѣ отличились, вѣроятно и онъ съ ними, ибо ворогился обвѣшанный лентами и крестами. Учрежденіе военныхъ поселеній было для него счастливымъ событіемъ: онъ полюбился Аракчееву, гораздо еще болѣе самому Царю и назначенъ начальникомъ сихъ поселеній въ Новороссійскомъ краю. Тутъ въ мирное время награды, почести сыпались на него еще обильнѣе, чѣмъ во время войны.

Избалованный первенецъ безнравственной матери, въ ребячествѣ и въ первой молодости, ничему не учился. Тѣмъ удивительнѣе казалось, что при его безграмотности онъ такъ сладко и такъ складно умѣлъ говорить. Всѣмъ изустнымъ умѣлъ онъ пользоваться и въ обществѣ всегда кстати вводить его въ разговоры. Дѣятельность его умственная и тѣлесная были чрезвычайныя: у него ртуть текла въ жилахъ. По наружной части подъ его руками все быстро зрѣло и поспѣвало; за то въ хозяйственную онъ почти совсѣмъ не входилъ, бумаги ненави-

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ, не только подписывалъ онъ не читавши, но уѣзжая изъ столицы своей, Вознесенска, подчиненнымъ оставлялъ множество бланковъ. Можно себѣ представить, какъ они симъ пользовались и какому расхищенію подвергались казенныя суммы. Оттого необходимо было входить въ большіе долги. Все сходило ему съ рукъ, и онъ вымаливалъ ихъ уплату. Ко всѣмъ и особенно къ женщинамъ, коихъ безъ памяти любилъ онъ, всегда ластился, и многія изъ нихъ плѣнялись его черномазымъ лицомъ, сухотою и малымъ ростомъ. Всякаго рода интриги были стихіей этого человѣка. Преуспѣвая во всемъ, сталъ онъ добиваться званія Новороссійскаго генералъ-губернатора. Тайные происки его противъ Ланжерона повели только къ тому, что на сіе мѣсто посаженъ Воронцовъ. Замѣтивъ досаду его, поручили ему наблюдать за поступками послѣдняго, подозрѣваемаго въ либерализмѣ; онъ неосторожно согласился, и многіе о томъ узнали. Какія чувства долженъ былъ въ графѣ возбуждать его надсмотрщикъ? Но образованность обоихъ, постоянная учтивость одного и угодливость другаго ничего не давали замѣчать публикѣ. Подчиненнымъ графа это было извѣстно, и они уклонялись отъ всякаго знакомства съ Виттомъ. Я не убѣгалъ его, но ему не для чего было искать меня. Года черезъ три сіе знакомство само собою сдѣлалось, и оно мнѣ было чрезвычайно пріятно.

Еще былъ одинъ Александровскій кавалеръ, членъ Государственнаго Совѣта, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, который находился тутъ въ отпуску, на отдыхѣ. Старшій братъ Ивана Осиповича, Сибирскаго нашего спутника, онъ гораздо любезнѣе его былъ въ обществѣ, имѣлъ менѣе странностей, столько же познаній, воображеніе столь же живое и сверхъ того государственный умъ, котораго въ томъ не было. Неподалеку отъ Одессы поселилъ онъ сотни двѣ крестьянъ, сію колонію, деревню назвалъ Севериновкой и затѣялъ въ ней обширные виноградники. Сколь пріятно было, говорили, посѣщать его тамъ по его приглашеніямъ, столь же ужасно было вкушать предлагаемое имъ и восхваляемое, на мѣстѣ выдѣлываемое, вино. Сія отдаленная вѣтвь Потоцкихъ ничего кромѣ имени и происхожденія не имѣла общаго съ Тульчинскими Потоцкими; къ сожалѣнію, однакоже посредствомъ браковъ соединялась иногда съ ними. Тогда я еще не былъ осчастливленъ знакомствомъ графа Северина; нѣсколько времени спустя, удостоивалъ онъ меня особою благосклонностію.

Всего пробывъ тогда около мѣсяца въ Одессѣ, не видѣлъ я ни одного бала; за то было три маскарада. Погода благопріятствовала городскимъ увеселеніямъ; ночью морозъ сжималъ и сушилъ грязь, днемъ солнцемъ обогрѣтый по ней путь укатывался, сглаживался повозками, телѣгами, экипажами: сообщенія дѣлались возможными.

Библиотека "Руниверс"

Первый маскарадъ былъ у графа 31-го Декабря, дабы весело встрѣтить наступающій 1824 годъ. Французы и другіе иностранцы тутъ находившіеся называли его reveillon. Въ другомъ городѣ, внутри Россіи, этотъ многолюдный маскарадъ показался бы великолѣпнымъ и занимательнымъ. Тутъ казалось, что люди въ костюмахъ, по большей части, восточныхъ, съ улицъ и площадей Одесскихъ собрались въ залѣ у графа, разумѣется, только въ нарядахъ гораздо богатѣйшихъ.

Другой маскарадъ былъ сюрпризъ, который графиня Ланжеронъ въ день Богоявленія приготовила супругу своему: она никого не хотѣла приглашать, но всѣмъ знакомымъ изъявила желаніе, чтобы въ этотъ день какъ бы невзначай наѣзжали къ ней труппы маскированныхъ, прибавляя, что для нихъ все будетъ готово,—все, даже хорошій ужинъ. Чета Воронцовыхъ, стараясь всячески утѣшить чету Ланжероновъ въ потерѣ мнимаго ея величія, способствовала исполненію сего намѣренія, и сама пріѣхала безъ зову. Г-жа Ланжеронъ прикинулась больною и бѣсила мужа своего, не дозволяя ему ѣхать въ гости. Когда явились первыя маски, тогда только освѣтился домъ, и пріятная истина открылась старому Французу.

Начальникомъ Округа Путей Сообщенія находился въ Одессѣ генералъ Потьѐ, товарищъ Базена, о коихъ упоминалъ я въ предъидущей части. Онъ былъ тутъ женатъ на дочери одного богатаго овцеводца, дѣвицѣ Рувьѐ, добренькой, глупенькой и картавой Француженкѣ, которая безъ памяти любила свѣтскія увеселенія и крайне въ нихъ нуждалась. Дабы дать понятіе о простыхъ шуткахъ забавника нашего Золотарева, скажу я, что онъ прозвалъ ее генеральшей Потѣевой, что прозваніе сіе осталось ей и всѣхъ чрезвычайно забавляло. По знакомству съ мужемъ и во время отлучекъ его посѣщалъ я сію Потѣеву, и мы сговорились вмѣстѣ идти въ этотъ маскарадъ. У нея нашелъ я весьма молодую дѣвицу Фраполи, дочь одного чиновника, никогда изъ Одессы не выѣзжавшую. А со всѣмъ тѣмъ своею привлекательною наружностію, благородной осанкой, приличіемъ въ разговорахъ могла бы она украсить лучшее общество въ Петербургѣ; въ ея характерѣ было какое-то смѣшеніе мягкости съ твердостію, смѣлость непорочности соединялась въ ней съ дѣвственною скромностію. Марини влюбился въ нее и послѣ того былъ долго счастливымъ ея супругомъ. Я подалъ руку г-жѣ Потье, Марини—своей будущей невѣстѣ, и мы четверо по близости разстоянія отправились пѣшкомъ. На мнѣ сверхъ фрака былъ только тафтяный капуцинъ, другіе столь же легко были одѣты, изъ чего можно видѣть, что Крещенскій морозъ былъ не весьма силенъ. Вечеръ у Ланжерона былъ до того веселъ, что сама хозяйка забыла свою угрюмость и была со всѣми отмѣнно любезна.

Библиотека "Руниверс"

Въ день рожденія императрицы Елисаветы Алексѣевны, 13-го Генваря, попытались сдѣлать публичный маскарадъ въ театрѣ за деньги. Графиня Воронцова съ Ольгой своимъ присутствіемъ надѣялись заманить публику и засѣли въ своей ложѣ; но зала была почти совершенно пуста, и выручки не было достаточно на ея освѣщеніе. Разсчетливые Одессане все еще убѣгали отъ шумныхъ забавъ.

Я надѣялся, что представленіемъ Записки о Бессарабіи должна окончиться моя миссія, и что туда уже болѣе я не ворочусь. Напротивъ: къ счастію или къ несчастію, графъ возымѣлъ высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ и нашелъ, что я въ семъ краю необходимъ. «Вы на опытѣ показали, говорилъ онъ мнѣ, какъ пристально умѣете вы вникать въ предметы; все болѣе и болѣе пріобрѣтаемыя вами свѣдѣнія мнѣ будутъ свѣтить въ этомъ хаосѣ; будьте же тамъ моимъ глазомъ и моимъ ухомъ. Конечно, это сопряжено для васъ съ великими пожертвованіями, но развѣ они не будутъ вознаграждены?» Тогда, хотя не весьма ясно, далъ онъ провидѣть губернаторское мѣсто.

Вскорѣ началъ онъ нудить меня отправиться обратно, ибо самъ намѣренъ былъ на короткое время побывать въ Кишиневѣ (кто знаетъ, можетъ-быть, чтобы повѣрить мои показанія) и хотѣлъ непремѣнно меня тамъ найдти.

X.

До Днѣстра, 24-го Генваря, ѣхалъ я небольшою грязью. На другой день, переѣхавъ сію рѣку, до самаго Кишинева, видѣлъ поля и пригорки, покрытые снѣгомъ, въ иныхъ мѣстахъ столь глубокимъ, что на саняхъ удобнѣе бы мнѣ было проѣхать чѣмъ на колесахъ. Узкія улицы Кишинева тонули въ грязи, а на площадяхъ лежалъ снѣгъ. Къ вечеру 26-го числа пріѣхалъ графъ въ сопровожденіи одного Лекса и остановился въ одномъ частномъ домѣ, наскоро ему приготовленномъ.

Всякій день присутствовалъ онъ въ Верховномъ Совѣтѣ и обѣдалъ со мною и съ Лексомъ, втроемъ. Послѣ обѣда являлся всегда третій заговорщикъ, правдивый и опытный вице-губернаторъ Петрулинъ. Онъ въ короткое время успѣлъ уже въ своей Казенной Экспедиціи ввести совершенный порядокъ, поставить ее на ногу другихъ Казенныхъ Палатъ и наполнить мѣста совѣтничьи людьми Русскими, способными и ему извѣстными.

Мѣры, имъ предлагаемыя, невозможно было отвергнуть. Множество поборовъ, такъ-сказать, косвенные налоги, подъ названіями *даждіи*, *вадрарита*, *погонарита* и другими, были чрезвычайно отяготительны для жителей. Едва пятая доля поступала въ казну, прочее оставалось въ рукахъ сборщиковъ. Онъ предложилъ замѣнить все это пря-

Библиотека "Руниверс"

мымъ налогомъ, по десяти рублей ассигнаціями съ души. Счетъ на *махмудіе*, *левы*, *рубіе*, *пари*, на коихъ курсъ безпрестанно мѣнялся и часто упадалъ, были чрезвычайно затруднительны и производили большую путаницу; онъ старался перевесть его на Русскія деньги и сіи послѣднія по возможности вводить въ общее употребленіе. Такимъ образомъ Турецкія и Молдавскія названія и система сборовъ начали исчезать.

Почтовая часть находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Она ужаснула графа, когда лѣтомъ проѣзжалъ онъ Буджакъ: во время засухи, послѣ получасоваго дождя, лошади съ трудомъ могли взвести его на пригорокъ. Срокъ контрактамъ съ содержателями почтъ приближался, и онъ самъ пожелалъ, чтобы Русская ѣзда замѣнила Молдавскую, и чтобы на всѣхъ станціяхъ заведены были тройки и кибитки. Одинъ Тирасполь поставилъ половину ямщиковъ на всю область. Куда дѣвались каруцы и суруджи? Всѣ згинули.

Слѣдуя прежнему порядку, разстоянія разсчитывались по условленнымъ часамъ ѣзды, и по сему счету платились прогоны; а между тѣмъ вся Бессарабія размежевана была уже на версты. Графъ вспомнилъ Мобёжъ и какъ во Франціи ставилъ онъ Русскіе верстовые столбы, тутъ имѣлъ онъ болѣе права сіе сдѣлать и не преминулъ тѣмъ воспользоваться. Въ одной Буджацкой степи, по безлѣсію, исполненіе встрѣтило нѣкоторыя затрудненія; но и тамъ черезъ полгода явились сіи деревянные знаки Русскаго владычества.

Всѣ эти перемѣны, повидимому, маловажныя, однакоже непримѣтно и неизбѣжно вели къ другимъ, гораздо важнѣйшимъ. Графъ не имѣлъ еще твердаго, рѣшительнаго намѣренія на счетъ будущаго устройства сего края, но ежедневные толки и совѣщанія съ тремя совѣтниками сильно его поколебали. Впрочемъ, онъ увлекаемъ былъ и собственными распоряженіями.

Я не упомянулъ объ одномъ важномъ подвигѣ, ознаменовавшемъ начало служенія моего въ Кишиневѣ; здѣсь необходимо говорить объ немъ.

Исключая казенныхъ имѣній, во всей области была вольная продажа вина и водки; казенныя же имущества заключались въ бывшихъ Турецкихъ крѣпостяхъ и въ небольшомъ пространствѣ окружающихъ ихъ земель. Въ 1819 году питейная въ нихъ продажа отдана была Казенною Экспедиціей или скорѣе г-жею Бахметевой на откупъ или на *коммиссію*, срокомъ на одинъ годъ, два раза упомянутому мною Варѳоломею. Черезъ три мѣсяца уже онъ былъ совершенно неисправенъ въ уплатѣ откупной суммы, и пребольшая наросла недоимка. Откупъ былъ у него отобранъ, и Казенная Экспедиція сама вошла

Библиотека "Руниверс"

въ распоряженіе симъ дѣломъ. При всѣхъ безпорядкахъ, при всемъ хищничествѣ употребленныхъ на то чиновниковъ, въ девять мѣсяцевъ выручена была такая сумма, что еслибы Варѳоломей взнесъ сполна съ него слѣдуемое, недоимки бы не было. Не явное ли тутъ мошенничество? Лѣнивый Молдаванъ хотѣлъ какъ можно болѣе захватить денегъ и, немного подѣлившись съ высшими особами, остаться покойнымъ. Однакоже при Инзовѣ началось о томъ дѣло, но не подвигалось: Варѳоломей защищалъ себя словомъ *коммиссія* и утверждалъ, что онъ дѣйствовалъ болѣе какъ коммиссіонеръ, нежели какъ откупщикъ, и что только по первому званію представлены были отъ него залоги.

Великое движеніе, которое производству дѣлъ дано было пріѣздомъ новаго намѣстника, и сіе дѣло выдвинуло изъ забвенія. Варѳоломей, въ домѣ котораго нанята была для графа квартира, первый встрѣтилъ его съ привѣтствіями и первый былъ имъ обласканъ; отъ того ожидалъ онъ себѣ великихъ успѣховъ. Члены Совѣта, почти всѣ изъ бояръ, смотрѣли на него съ пренебреженіемъ, какъ на человѣка, недавно изъ ничего вышедшаго, смѣялись надъ его мѣщанскимъ тщеславіемъ и роскошью, но отнюдь не питали къ нему зависти и злобы; особенно же вице-губернатору Крупенскому было бы выгодно, если бы дѣло его кончилось въ его пользу; а онъ увѣрялъ, что всѣ они его недоброжелатели и что онъ страшится ихъ суда. Когда я пріѣхалъ въ Сентябрѣ, моя физіономія ему понравилась, и я, не имѣя о немъ понятія, по зву его, обѣдалъ съ Казначеевымъ въ загородномъ его домѣ, кишлѣ или хуторѣ, Мунчештахъ. Надобно полагать, что онъ видѣлъ во мнѣ простяка, котораго легко можно заласкать и задобрить. Въ просьбѣ, поданной графу, изъявилъ онъ желаніе, чтобы дѣло его поручено было особому моему разсмотрѣнію и чтобы по сдѣланной мною о немъ выпискѣ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ моимъ, представлено оно было въ Совѣтъ. Графъ, не сказавъ мнѣ ни слова, второпяхъ согласился, подписалъ о томъ приказаніе и ускакалъ въ Хотинъ. За отсутствіемъ его, ни отказаться, ни даже отговариваться мнѣ не было возможности.

Я ахнулъ, когда мнѣ о томъ сказали: никогда еще съ откупными дѣлами я не встрѣчался, и по привычкѣ часто говорить Русскія пословицы, я воскликнулъ: «первый блинъ да комомъ!» Я вытребовалъ дѣло, и оно ужаснуло меня своею огромностію. Я сталъ его разсматривать, и оно показалось мнѣ тараборскою грамотой, которой я никогда не разберу. Однакоже чего не одолѣютъ терпѣніе и внимательность? Хотя, какъ и во всякомъ нашемъ судопроизводствѣ, истина была тутъ потоплена въ многословіи, но не такъ глубоко, чтобы не

Библиотека "Руниверс"

могъ я ее выудить. Главное затрудненіе для меня состояло въ изложеніи обстоятельствъ дѣла; съ приказною фразеологіей я былъ совсѣмъ незнакомъ; но и тутъ судьба пришла мнѣ на помощь.

Я замѣтилъ въ Совѣтѣ одного молодаго протоколиста, лѣтъ двадцати шести, рябоватаго Украинца, который, за неимѣніемъ тогда секретаря по Русской части, иногда докладывалъ дѣла. Добродушіе было написано на откровенномъ лицѣ Владимира Моисеевича Скляренки, и весь онъ исполненъ былъ живости. Когда онъ входилъ въ объясненія, пріятно было его слушать и понимать легко. Съ отроческихъ лѣтъ употребленъ былъ онъ въ нижнихъ судахъ Малороссіи; съ его понятливостію пріобрѣлъ онъ великій навыкъ въ дѣлахъ и въ молодости могъ уже почитаться въ нихъ докой. Какъ онъ попалъ въ Бессарабію, не знаю; только я замѣтилъ, что ничьимъ покровительствомъ онъ въ ней не пользуется. Я пригласилъ его къ себѣ, показалъ ему бумагу, на которую набросаны были мысли мои о предстоящемъ мнѣ дѣлѣ и попросилъ его составить по нимъ въ законной формѣ записку, на что онъ охотно согласился. Исключая нѣкоторыхъ моихъ поправокъ, выписка изъ дѣла можетъ почитаться болѣе его твореніемъ, чѣмъ моимъ.

А между тѣмъ съ хозяиномъ моимъ, Варѳоломеемъ, прекратилъ я всякія сношенія, что не мало должно было его удивить; я хотѣлъ казаться безпристрастнымъ, а можетъ-быть втайнѣ негодовалъ за взваленный на меня трудъ. Я ни съ кѣмъ не совѣтовался и кромѣ Скляренки никому мнѣнія своего не открывалъ. Какъ ни малосвѣдущъ я былъ, однако меня изумило совершенное отсутствіе мѣръ предосторожности, принимаемыхъ въ такихъ случаяхъ. Съ 1819 года не было наложено запрещенія на представленные залоги, которые, сверхъ того, не стоили и половины того, во что были оцѣнены: казна ничѣмъ не была обезпечена. Удивительно, какъ откупщикъ не догадался; какъ, не обременивъ долгами недвижимыя свои имѣнія, движимость и капиталы не перевелъ онъ за границу. На такія упущенія не оставилъ я указать въ донесеніи своемъ. Работа наша была окончена еще къ 20-му Декабря; но я отправлялся въ Одессу, и представленіе ея отложилъ до возвращенія моего.

Весьма кстати случился тутъ графъ, который любилъ дѣйствовать быстро и рѣшительно. Совѣтъ испугался отвѣтственности, которая и на немъ могла лежать, особенно когда съ наросшими процентами сумма, слѣдуемая ко взысканію, оказалась огромною. Всѣ единогласно согласились съ моимъ мнѣніемъ. Полицеймейстеру велѣно въ тотъ же день описать движимое имущество Варѳоломея, которое было не маловажно, ибо отчасти состояло изъ шалей, алмазовъ и жемчуговъ. Какъ

Библиотека "Руниверс"

громовымъ ударомъ былъ пораженъ бѣдный Варѳоломей; но что мнѣ было дѣлать? Я дѣйствовалъ по совѣсти и законамъ.

Начальникамъ всегда любилъ я говорить сущую правду и не скрылъ отъ графа участія, которое въ семъ дѣлѣ принималъ Скляренко. Со времени назначенія Поляка Подгурскаго въ должность областнаго прокурора, мѣсто секретаря по Русской части въ Совѣтѣ шесть мѣсяцевъ оставалось празднымъ. Мѣсто сіе временно занималъ и мѣтилъ на него Полячекъ Михневичъ, человѣкъ самый неспособный, Молдаванами не любимый, но сильно поддержанный Курикомъ и Жидовско-Польской партіей. На сіе мѣсто предложилъ я Скляренко, графъ тотчасъ согласился и подписалъ о томъ бумагу. Когда я принесъ ее въ Совѣтъ, то замѣтилъ великое смущеніе между членами. Наконецъ, Прункулъ сказалъ мнѣ: «Мы не можемъ не одобрить выборъ графа, мы сами готовы бы были то сдѣлать; но тутъ нарушенъ порядокъ: на мѣста въ канцелярію Совѣта, согласно образованію, чиновники не иначе могутъ быть назначаемы какъ по его опредѣленіямъ». Я было совсѣмъ о томъ забылъ и отвѣчалъ: «Ну что же? Это должно приписать невѣдѣнію графа; а какъ онъ не любитъ сознаваться въ невѣдѣніи, то протестъ Совѣта, еслибы онъ былъ сдѣланъ, можетъ его съ нимъ поссорить». Тѣмъ дѣло все и кончилось.

Не съ большимъ недѣлю прожилъ графъ въ Кишиневѣ, и пребываніе его было полезно для весьма многихъ дѣлъ. Онъ поступалъ благоразумно, справедливо, но признаться должно, довольно самоуправно. Устройство края, улучшенія во всѣхъ частяхъ кипѣли въ головѣ у новаго намѣстника, и все это отозвалось на мнѣ. Въ продолженіи двухлѣтняго моего тутъ пребыванія, сколько учреждено комитетовъ, и во всѣхъ посаженъ я былъ или предсѣдателемъ или членомъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ намѣренъ я здѣсь дать вѣрный отчетъ какъ самому себѣ, такъ и другимъ. Труды свои, совершаемые постепенно, дабы не смѣшивать ихъ съ происшествіями, хочу представить здѣсь разомъ. Но я долженъ напередъ отбросить всю совѣстливость, дабы нахвастаться вдоволь и потомъ опять за нее приняться.

Во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ были уже строительныя коммиссіи; въ Кишиневѣ было тоже нѣчто подъ симъ названіемъ. Но какъ было строиться? Молдаване были твердо увѣрены, что въ Кишиневѣ не можетъ остаться постоянное мѣстопребываніе Областнаго Правленія и ставили только небольшіе домики, окружая ихъ плетневыми заборами, хотя многіе изъ нихъ за дорогую цѣну были наняты для казны. Десять процентовъ со всѣхъ областныхъ доходовъ Государь пожаловалъ краю для устройства дорогъ, для общеполезныхъ заведеній и для украшенія городовъ. Сумма должна была значительно умножиться

Библиотека "Руниверс"

но Крупенской, дабы скрыть накопившіяся недоимки, къ нимъ причислилъ и сей десятипроцентный сборъ. Когда онъ оставилъ мѣсто, всего на лицо было его только десять тысячъ рублей ассигнаціями и, исключая острога, не было ни одного казеннаго строенія.

Вездѣ губернаторы завѣдываютъ строительною частью; тутъ захотѣлось графу меня назначить предсѣдателемъ такъ называемаго Строительнаго Комитета, и добрый Катакази отнюдь этимъ не обидѣлся. Членами посажены областный землемѣръ, исправляющій должность областнаго архитектора, Азмидовъ, который свое дѣло очень хорошо зналъ, но въ архитектурѣ ничего не смыслилъ, архитекторъ, котораго Богъ вѣсть какъ я выкопалъ и о которомъ еще рѣчь впереди, да еще одинъ депутатъ отъ дворянства Доничъ и другой отъ купечества, котораго названія не помню. Я открылъ первое засѣданіе, а потомъ на неопредѣленное время отложилъ второе.

Во время Молдавскаго управленія, даже въ послѣдніе дни Потемкина, когда тѣло его провозили чрезъ Кишиневъ, былъ онъ небольшое селеніе, съ одною каменною церковью, съ двадцатью вокругъ нея уцѣлѣвшими отъ пожара небольшими домиками и съ согнею обгорѣвшихъ. Послѣ Ясскаго мира народонаселеніе стало опять умножаться; но жители, строя вкривь и вкось, всѣ лѣпились вдоль небольшой рѣчки Быка. Сіе мѣстечко принадлежало Св. Гробу; доходы съ него собираемые были весьма маловажны, и патріаршество Іерусалимское добровольно уступило его Государю. Когда въ смутное для Россіи время пріобрѣтенъ сей край, то вся власть надъ нимъ предоставлена мѣстному начальству. Два старика, митрополитъ Гавріилъ и губернаторъ Стурдза, избрали Кишиневъ (въ которомъ было уже до полуторы тысячи жителей), по центральному его положенію, мѣстомъ пребыванія своего. Особенно первый на темѣ горы, на монастырскія и другія церковныя деньги, поспѣшилъ выстроить Семинарію въ два съ половиною этажа, да большой каменный архіерейской домъ, который и назвалъ митрополіею. Тѣмъ рѣшилась судьба новаго города. Когда мы пріѣхали въ 1823 году, семь или восемь каменныхъ домовъ торчали посреди сотенъ лачужекъ.

Болѣе всего съ начала привлекъ на себя вниманіе мое городской садъ или, лучше сказать мѣсто, для него отведенное. Извѣстно какъ императоръ Александръ любилъ природу, деревья, какъ вездѣ воспрещалъ онъ ихъ порубку и какъ вездѣ споспѣшествовалъ ихъ насажденію. Всѣ посѣщенные имъ губернскіе города украшались бульварами, скверами, садами. Будучи въ Кишиневѣ, онъ изъявилъ удивленіе, какъ въ столь благорастворенномъ климатѣ никто о томъ не подумалъ. Полька Бахметева нашла что̀ ему отвѣчать: она увѣрила его, будто такое было у нихъ намѣреніе, только, въ тайнѣ ожидая его, надѣялись,

Библиотека "Руниверс"

что онъ самъ изволитъ избрать мѣсто для публичнаго гулянья, которое потомъ останется памятникомъ кратковременнаго его пребыванія. Государь согласился и указалъ на пространную поляну, вблизи отъ архіерейскаго дома и сада. За дѣло взялись горячо, обнесли мѣсто низкимъ заборомъ и засадили деревьями. На бѣду безплодный Инзовъ, который почиталъ себя великимъ натуралистомъ, у себя въ кабинетѣ подъ стеклянными колпаками берегъ разнаго рода и величины растенія и деревцы, о сохраненіи насажденныхъ совсѣмъ не заботился. По волѣ графа, сіе при самомъ рожденіи погибшее дитя отдано было подъ мою опеку.

Съ ужасомъ взглянулъ я на сіе полумертвое чадо. Отъ тридцати до сорока бѣлыхъ акацій и тополей разбросано было на большомъ пространствѣ; овцы и коровы спокойно разгуливали по немъ, ибо по небрежности въ заборѣ сдѣлались отверстія. Я велѣлъ задѣлать ихъ, а животныя, по доброму согласію у меня съ полицеймейстеромъ, были забираемы и отсылаемы въ острогъ, для прокормленія содержащихся въ немъ. Жители возроптали, вознегодовали; но я устоялъ на своемъ и бѣдный садъ навсегда избавилъ отъ вредныхъ посѣтительницъ. У города ежегодно выпросилъ я по шести сотъ левовъ на поддержаніе и умноженіе плантацій; половину отдалъ я садовнику, Нѣмцу-колонисту, влюбленному въ свое ремесло, котораго самъ Богъ мнѣ послалъ. Въ первый годъ мы задолжали, въ слѣдующій расплатились. Чего не дѣлаетъ бережливость! На небольшую сумму, бывшую у меня въ распоряженіи, въ углу сада поставилъ я избу для жительства садовника, а онъ передъ нею устроилъ великолѣпный цвѣтникъ, роскошь дотолѣ неизвѣстная жителямъ Кишенева. Въ лощинахъ посадилъ онъ липы, и вообще въ первый годъ всѣ аллеи засажены были деревьями, которыя всѣ принялись на другой. Съ необыкновеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я объ этомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ пріѣзжихъ, давно уже теперь прекрасная роща.

Чрезвычайно озабочивала графа чистка рѣки Быка. По широкой долинѣ, надъ которой съ одной стороны возвышался Кишиневъ, сей ручей болѣе чѣмъ рѣчка протекалъ медленно безпрестанными большими изгибами, можно сказать метался изъ стороны въ сторону. Сего нельзя было замѣтить, ибо въ двухъ мѣстахъ онъ былъ запруженъ. По Азіатскому обычаю, въ эти пруды валили мертвыхъ кошекъ, собакъ, лошадей, да сверхъ того въ нихъ сливались помои и всякаго рода нечистота изъ нижней части города. Отъ того-то нестерпимый духъ, коимъ поражено было мое обоняніе при первомъ въѣздѣ въ Кишиневъ. Все лѣто и большую часть осени зловредныя испаренія производили ужасныя повальныя лихорадки между прибрежными жителями, и смертность

Библиотека "Руниверс"

умножалась. Какъ помочь было этой бѣдѣ? Надлежало въ самой серединѣ долины прорыть не широкій и прямой каналъ: вода, въ него втѣсненная, стала бы быстро протекать чистой струей. Графъ поручалъ Потьѐ и другимъ Одесскимъ инженерамъ исчислить во что̀ можетъ обойтись такая операція, и эти господа, привыкнувъ дѣлать все на широкую руку, составили смѣту въ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями. «Ну гдѣ мы ихъ возмемъ?» печально сказалъ мнѣ графъ. Черезъ нѣсколько времени доложилъ я ему, что нашелъ артиллерійскаго капитана Эйтнера, который женился, вышелъ въ отставку, живетъ безъ дѣла и берется все это произвесть, даже камнемъ выложить каналъ, за весьма умѣренную цѣну, всего за восемнадцать тысячъ левовъ. Хорошо графъ сдѣлалъ, что согласился, повѣрилъ мнѣ и поручилъ этимъ заняться. Пришлось уничтожить двѣ мельницы, которыя городу никакого почти не приносили доходу; а жителей между тѣмъ это заставило кричать. Въ Генварѣ нѣсколько дней сряду случайно доходило до двѣнадцати градусовъ мороза; я этимъ воспользовался и велѣлъ пробить первую плотину, на которой съ Эйтнеромъ я самъ находился при спускѣ воды. Не смотря на морозъ, едва могъ я выстоять двадцать минутъ: до такой степени сильно было зловоніе. Когда сталъ ледъ, начали отъ костей очищать мѣсто; оставшаяся свободная земля, удобренная, унавоженная, отдана подъ огороды и стала приносить городу втрое болѣе чѣмъ сломанныя мельницы. Уже въ Іюлѣ, во время жаровъ, число больныхъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину противъ того что̀ было даже зимой. Самое производство работъ началось при мнѣ, но безъ меня уже кончилось. Не знаю, право, хотя единый человѣкъ сказалъ ли спасибо графу и тѣмъ, коихъ онъ употреблялъ?

Въ самой верхней части города, позади архіерейскаго дома, не знаю по чьему плану, разбиты были большіе кварталы и обозначены обведенною вокругъ нихъ малою канавкою; они оставались почти незаселенными. Въ самой же нижней части владѣльцы не имѣли никакого законнаго права на участки, кои занимали; строились по словеснымъ дозволеніямъ. Странно и жестоко показалось жителямъ воспрещеніе строить вновь и починивать домы безъ письменнаго дозволенія отъ Комитета. Они не хотѣли слушаться, а я съ помощію того же полицеймейстера велѣлъ ломать новыя, самовольныя постройки и между прочимъ одну пивоварню. Въ замѣнъ лачужекъ, кои безъ починокъ года черезъ два должны были повалиться и на лоскуткѣ земли, имъ не принадлежащей, предлагалъ я жителямъ пространныя мѣста въ новыхъ кварталахъ, гдѣ могли бы они заводить сады и на владѣніе коихъ получали бы они документы. Только два или три человѣка на то согласились. Нѣтъ сомнѣнія, что съ соблюденіемъ постоянныхъ мѣръ, а мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть и съ помощію пожаровъ, сіе переселеніе черезъ нѣсколько лѣтъ могло бы совершиться. Но послѣ меня никто не хотѣлъ о томъ помышлять, и все оставалось въ прежнемъ видѣ.

Отъ областнаго землемѣра получилъ я составленный имъ самый вѣрный планъ Кишинева. Не касаясь до верхнихъ кварталовъ, безъ большаго труда по прочимъ сталъ я проводить прямыя линіи карандашемъ и поручилъ областному архитектору начертить по нимъ новый планъ регулированія города. Черезъ графа планъ этотъ представленъ былъ Государю, который приказалъ отправить его къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Ланскому, завѣдывавшему тогда и Бессарабскою частію; а тотъ, не знаю съ чего, передалъ его въ Департаментъ Государственнаго Хозяйства и Публичныхъ Зданій. Тамъ пролежалъ онъ болѣе семи лѣтъ, и мнѣ не пришлось выручить его оттуда. Онъ утвержденъ, приводится въ исполненіе, по немъ строится Кишиневъ и, какъ увѣряютъ, весьма украшается.

Самое важное порученіе сдѣланное мнѣ графомъ было составленіе проекта постановленія объ обязанности и правахъ Царанъ и помѣщиковъ. Въ Бессарабіи, равно какъ и во всей Молдавіи, хлѣбопашцы суть вольные люди. Утверждали однакоже, что житье ихъ хуже чѣмъ у Негровъ. Дворянское достоинство, тамъ гдѣ нѣтъ дворянъ, не могло давать исключительнаго права на пріобрѣтеніе земель; покупалъ ихъ тотъ, у кого были деньги и къ какому бы состоянію ни принадлежалъ, и живущіе на нихъ были къ владѣльцамъ въ томъ же отношеніи, что̀ наемщики къ хозяевамъ: за землю должны были платить имъ работою и деньгами. Вездѣ слабые подвластны сильнымъ и бѣдные богатымъ. Въ совершенномъ согласіи между собою и съ исправничествами, не смотря на законами ограниченныя обязанности Царанъ, владѣльцы угнетаютъ ихъ, обременяютъ тягчайшими работами, иногда не оставляютъ имъ ни копѣйки: такъ гласили наши Европейцы. Съ живостію молодости, не совсѣмъ во мнѣ потухшей, охотно приступилъ я къ новому, мнѣ незнакомому труду. Вотъ случай, подумалъ я, облегчить, можетъ быть, участь тысячей мнѣ подобныхъ людей! Я тогда желалъ уничтоженія крѣпостнаго права и въ этомъ смыслѣ только могъ почитаться либераломъ.

Прилежно началъ я разсматривать въ переводѣ постановленія по сему предмету Молдавскихъ господарей, также проектъ Верховнаго Совѣта и, наконецъ (что̀ не совсѣмъ было) проектъ, составленный самимъ генераломъ Инзовымъ и препровожденный на разсмотрѣніе къ графу Кочубею. Въ этомъ рукописномъ фоліантѣ каждая глава начиналась

Библиотека "Руниверс"

проповѣдью и каждая статья содержала въ себѣ длинное нравоученіе *). Я не торопился съ окончаніемъ работы: напередъ старался добывать нужныя свѣдѣнія и не разъ самъ ѣздилъ въ окрестныя селенія. Вездѣ встрѣчалъ я довольство и благосостояніе. Этимъ жители были обязаны не чрезмѣрной снисходительности помѣщиковъ, не собственному трудолюбію, а чрезвычайному плодородію земли. Вообще въ Молдавскихъ крестьянахъ нѣтъ безчувственности Чухонцевъ, а скорѣе лѣность и флегматическое спокойствіе Малороссіянъ, съ коими и въ обычаяхъ имѣютъ много сходства. Познавъ всю истину, принялся я за свой проектъ, надъ которымъ хотѣлось мнѣ поставить эпиграфомъ: чтобы волки были сыты и овцы цѣлы. Я представилъ его графу, который продержалъ его нѣсколько мѣсяцевъ, многимъ давая его на разсмотрѣніе, и потомъ безъ всякой перемѣны препроводилъ его въ Совѣтъ, съ которымъ въ это время были у меня ужаснѣйшія несогласія. Члены его полагали, что вѣроятно изъ мщенія принесены мною въ жертву ихъ выгоды; но увидѣли противное и скоро также безъ всякой отмѣны одобрили проэктъ. Послали его въ Петербургъ, гдѣ пролежалъ онъ годы, не обращая на себя никакого вниманія. Послѣ того съ перемѣною обстоятельствъ неоднократно подвергался онъ измѣненіямъ. Это дѣло совсѣмъ потерялъ я изъ виду, забылъ объ немъ, не бралъ труда узнавать о его участи и о сю пору ничего о томъ не знаю.

Болѣе хлопотъ, но менѣе труда и соображеній, стоило мнѣ другое немаловажное дѣло, которымъ я долженъ былъ заняться. Учреждена Областная Коммиссія, составленная изъ областнаго предводителя дворянства, двухъ членовъ Совѣта и меня; и ей поручено сдѣлать первую ревизію жителямъ Бессарабіи. Ей подчинены были шесть цынутныхъ коммисій, и въ каждую изъ нихъ отправлено было по одному Русскому чиновнику, который, по даннымъ ему письменнымъ наставленіямъ и съ помощію исправника, долженъ былъ производить вѣрную и точную перепись поселеннымъ въ цынутѣ. Дѣлопроизводство было на Русскомъ языкѣ, котораго сочлены мои вовсе не знали; отъ того они ни во что̀ не мѣшались, и не знаю, собирались ли мы всего раза два: слѣдственно и тутъ все возлегло опять на мнѣ. Мнѣ же предоставленъ былъ и выборъ чиновниковъ, въ чемъ не встрѣтилъ я большаго затрудненія: множество военныхъ, весьма порядочныхъ людей, скуки ради, переженились на Молдаванкахъ, въ надеждѣ на бо-

*) Случилось нѣчто забавное: твореніе сіе съ язвительными замѣчаніями Блудова отправлено было обратно къ полномочному намѣстнику. А какъ Инзовъ продолжалъ исправлять сію должность до самаго пріѣзда графа Воронцова, а тотъ промѣшкалъ въ дорогѣ, то оно успѣло еще попасть въ руки самаго автора. Можно себѣ представить стыдъ и гнѣвъ послѣдняго!

Библиотека "Руниверс"

гатое приданое, и вышли въ отставку. Они ошиблись въ разсчетахъ, жили скудно и ничего такъ не желали какъ быть употребленными по гражданской части. Я принялся за нихъ, и всѣ оправдали мои ожиданія. Между ими одинъ особенно оказалъ себя ко всему способнымъ, маіоръ Калакуцкой, человѣкъ умный и благородный; изъ нихъ его только имя и особа сохранились въ слабѣющей памяти моей. Подъ разными наименованіями мазыловъ, рупташей, резешей и другими, люди, принадлежащіе почти всѣ къ одному состоянію, наполняли Бессарабію; при переписи затруднительно было слѣдовать этой классификаціи. Съ согласія графа показаны они всѣ подъ простыми Русскими названіями мѣщанъ и поселянъ; и вотъ еще великій шагъ къ упраздненію Молдавскихъ обычаевъ. Помнится мнѣ, что во всей области, исключая колоній, насчитано жителей до четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ обоего пола; въ одномъ городѣ Кишиневѣ было уже ихъ двадцать шесть тысячъ.

Мало ли куда еще былъ я приткнутъ, но о томъ не стоитъ говорить; ибо по другимъ частямъ я мало или вовсе не занимался. Между прочимъ, напримѣръ, поручена мнѣ была графомъ вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ ревизія счетовъ и дѣлъ Казенной Экспедиціи за время управленія его предмѣстника, но въ такомъ случаѣ содѣйствіе мое Петрулину было бы только помѣшательствомъ.

Были однако дѣла, къ коимъ приплелся я самовольно. Графъ, какъ и всѣ тогда, плѣнялся успѣхами Европейскаго просвѣщенія и желалъ начала его распространить въ сей полуазіатской странѣ. Для того спѣшилъ онъ завести Ланкатерскія школы взаимнаго обученія и весьма удачно поручилъ сіе дѣло ректору семинаріи, архимандриту Иринею, человѣку пылкому, свѣдущему, исполненному святости безъ изувѣрства. Я свелъ съ нимъ тѣсную дружбу, и не разъ придется мнѣ говорить объ немъ, а можетъ быть и о печальномъ концѣ его духовнаго поприща. Я принялъ въ семъ дѣлѣ живѣйшее участіе, какъ будто бы оно мнѣ было приказано; а отъ чего? Мнѣ хотѣлось убѣдить Иринея (въ чемъ я и успѣлъ), что лучше будетъ молодыхъ Молдаванъ первоначально учить Русской азбукѣ, Русскому чтенію, а Молдавское пока оставить. Вездѣ хотѣлось мнѣ тутъ водворить Россію.

Какъ нѣкогда Кіевъ, въ это время Кишиневъ былъ богатъ высшими духовными сановниками. Не знаю, слѣдуетъ ли называть иновѣрнаго Армянскаго архіепископа; но у него не было никакой вѣры, и онъ по наружности насильно приписывался и прилипалъ къ господствующей. Вездѣ было его видно, и онъ всѣхъ у себя угощалъ. За то, во время совершаемаго ими богослуженія, можно было только видѣть двухъ Григоріевъ, Греческихъ архіепископовъ, Іерапольскаго и Ире-

Библиотека "Руниверс"

нопольскаго, спасшихся бѣгствомъ отъ Турецкихъ гоненій. Третій Леонтій Ламбровичъ, митрополитъ Сербской, какъ увѣряли, мужъ твердаго характера, также преслѣдуемый Турками, жилъ совершенно подъ спудомъ. За отсутствіемъ епархіальнаго архіепископа Димитрія, находившагося въ Петербургѣ на очереди, между ими весьма естественнымъ образомъ важную ролю игралъ архимандритъ Иринеи. Архіепископъ же Димитрій, человѣкъ умный и правдивый, по слабости человѣческой, желая угодить Голицыну, господствовавшему до Мая 1824 года, всѣми мѣрами въ Кишиневѣ поддерживалъ Библейское Общество, которое въ Петербургѣ начинало уже разрушаться.

Въ этомъ дѣлѣ не только содѣйствовалъ ему, но и руководствовалъ имъ Иванъ Никитичъ Инзовъ. Разсѣянныя въ сихъ Запискахъ черты характера его должны были ознакомить съ нимъ; нахожу однако необходимымъ обстоятельнѣе говорить объ этомъ человѣкѣ. Глубокая тайна покрываетъ его рожденіе. Пріемышемъ выросъ онъ въ домѣ Трубецкихъ, которые дали ему нареченіе *Иной Зовъ* или Инзовъ. Братья князья Трубецкіе, Юрій и Николай Никитичи, люди ума весьма слабаго, увлечены были ученіемъ Николая Новикова, покровительствуемаго фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ. Съ малыхъ лѣтъ воспитанника своего посвятили они въ мартинизмъ, и отъ того при Екатеринѣ былъ онъ долго старшимъ адъютантомъ Репнина. Время открыло важную тайну всѣхъ этихъ Германскихъ философически-религіозныхъ сектъ, которыя дышали чистѣйшею любовію къ человѣчеству и привели его къ чистѣйшему, грубѣйшему матеріализму. Ослѣпленіе ихъ первыхъ послѣдователей не доказываетъ большаго ума, но не даетъ права подозрѣвать ихъ въ безнравственности. Отъ природы гнѣвный и самолюбивый Инзовъ старался въ себѣ убить сіи страсти, а тѣмъ ослабилъ свой характеръ и остался просто золъ и въ тайнѣ раздражителенъ. Слабости однако не показывалъ онъ въ виду непріятеля: въ царствованія Павла и Александра неоднократно бывалъ онъ въ сраженіяхъ, всегда отличался храбростію и самому себѣ обязанъ былъ дальнѣйшими успѣхами по службѣ. По замиреніи его тянуло къ покою и мирнымъ занятіямъ; согласно его желаніямъ, дано ему мѣсто главнаго попечителя колоній Южнаго края, не совсѣмъ соотвѣтствующее его генералъ-лейтенантскому чину, и онъ поселился въ Екатеринославѣ, гдѣ находилось центральное управленіе колоній.

Прибытіе къ нему подъ надзоръ вольнодумца Пушкина было какъ бы предвѣстіемъ наступившихъ для него бурныхъ дней. Религіозныя его чувства, которыхъ настоящимъ образомъ не понимали, наружная его кротость были извѣстны Стурдзѣ, ревнителю вѣры, и онъ на мѣсто Бахметева черезъ Каподистрію, а можетъ и съ помощію Голицына,

Библиотека "Руниверс"

выпросилъ, чтобы его назначили временно исправляющимъ должность Бессарабскаго намѣстника, не отнимая впрочемъ у него и колоніальнаго управленія, которое вмѣстѣ съ собою перевезъ онъ въ Кишиневъ. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ, вслѣдствіе отбытія Ланжерона, по сосѣдству поручили ему и весь Новороссійскій край. Душевныя силы были давно имъ самимъ придавлены, тѣлесныя силы начали оставлять его, а какъ онъ добросовѣстно принялся за исполненіе своихъ обязанностей, то рѣшительно можно сказать, что изнемогалъ подъ бременемъ дѣлъ и сперва обрадовался назначенію Воронцова.

Тогда въ Кишиневѣ было повѣтріе любить меня; надобно полагать, что и онъ подвергнулся сему не весьма пагубному вліянію: иначе какъ объяснить внезапную его ко мнѣ пріязнь? Я не искалъ его знакомства, не бывалъ у него, встрѣчаясь, только что почтительно кланялся, а онъ осыпалъ меня нѣжнѣйшими ласками. Наконецъ, рѣшился онъ позвать меня къ себѣ обѣдать, что послѣ того нерѣдко повторялось. Сужденія его были правильны, разсказы любопытны, и бесѣды наши бывали пріятны для обоихъ. Иногда скажетъ онъ что нибудь совсѣмъ несогласное съ моими мнѣніями, я замолчу: съ ребячества пріученъ я былъ уважать старость и не позволять себѣ входить съ нею въ споры. Нынѣ никто не дастъ соврать старику; даже тотъ, кто самъ вовсе ничего не смыслитъ. Весьма непріятно мнѣ было въ Инзовѣ отвращеніе его ото всего отечественнаго, порождаемое обыкновенно заграничною мечтательностію. Онъ терпѣть не могъ нашъ простой народъ и ненавидѣлъ его нарядъ. Въ тоже время говорилъ онъ съ особымъ уваженіемъ о бородахъ Молдавскихъ бояръ, называя ихъ патріархами. «Да вѣдь и у нашихъ мужичковъ есть также бороды», замѣтилъ я ему. «О, да это совсѣмъ другое дѣло», отвѣчалъ онъ.

Тайна ласкъ сего совсѣмъ непритворнаго человѣка открылась мнѣ наконецъ. Онъ увидѣлъ во мнѣ чудное орудіе, насланное судьбою въ Бессарабію для поддержанія и усиленія Библейскаго Общества, во мнѣ, которому такъ извѣстна была цѣнь его! Я далъ ему себя записать членомъ, но извиняясь множествомъ дѣлъ, не отвѣчалъ ни на одну изъ присылаемыхъ мнѣ бумагъ, дабы нигдѣ и подписи моей не было видно. Я смѣло могу сказать, что совершенно неповиненъ въ дѣйствіяхъ сего общества.

Нерѣдко, разговаривая со мною, вздыхалъ онъ о Пушкинѣ, любезномъ чадѣ своемъ. Судьба свела сихъ людей, между коими великая разница въ лѣтахъ была малѣйшимъ препятствіемъ къ искренней взаимной любви. Сношенія ихъ однако сдѣлались сколько странными, столько и трогательными и забавными. Съ первой минуты прибывшаго совсѣмъ безъ денегъ молодаго человѣка Инзовъ помѣстилъ у себя жи-

Библиотека "Руниверс"

тельствомъ, поилъ, кормилъ его, оказывалъ ласки, и такъ осталось до самой минуты послѣдней ихъ разлуки. Никто такъ глубоко не умѣлъ чувствовать оказываемыя ему одолженія, какъ Пушкинъ, хотя между прочими пороками, коимъ не былъ онъ причастенъ, накидывалъ онъ на себя и неблагодарность. Его веселый, острый умъ оживилъ, освѣтилъ пустынное уединеніе старца. Съ попечителемъ своимъ, болѣе чѣмъ съ начальникомъ, сдѣлался онъ смѣлъ и шутливъ, никогда не дерзокъ; а тотъ готовъ былъ все ему простить. Была сорока, забавница цѣломудреннаго Инзова; Пушкинъ нашелъ средство выучить ее многимъ неблагопристойнымъ словамъ, и несчастная тотчасъ осуждена была на заточеніе; но и тутъ старикъ не умѣлъ серьезно разсердиться. Иногда же, когда дитя его распроказничается, то болѣе для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій, чѣмъ для наказанія, сажалъ онъ его подъ арестъ, т. е. нѣсколько дней не выпускалъ его изъ комнаты. Надобно было послушать, съ какимъ нѣжнымъ участіемъ и Пушкинъ отзывался о немъ.

«Зачѣмъ онъ меня оставилъ?» говорилъ мнѣ Инзовъ, «вѣдь онъ посланъ былъ не къ генералъ-губернатору, а къ попечителю колоній; никакого другаго повелѣнія объ немъ съ тѣхъ поръ не было; я бы могъ, но не хотѣлъ ему препятствовать. Конечно въ Кишиневѣ иногда бывало ему скучно; но развѣ я мѣшалъ его отлучкамъ, его путешествіямъ на Кавказъ, въ Крымъ, въ Кіевъ, продолжавшимся нѣсколько мѣсяцевъ, иногда болѣе полугода? Развѣ отсюда не могъ онъ ѣздить въ Одессу, когда бы захотѣлъ и жить въ ней сколько угодно? А съ Воронцовымъ, право, не сдобровать ему.»

Такія печальныя предчувствія родительскаго сердца, хотя я и не вѣрилъ имъ, трогали меня. Я писалъ къ Пушкину, что непростительно ему будетъ, если онъ не пріѣдетъ потѣшить старика, умолялъ его именемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣстить насъ. И онъ въ половинѣ Марта пріѣхалъ недѣли на двѣ, остановился у Алексѣева, и многихъ, разумѣется въ томъ числѣ и меня, обрадовалъ своимъ пріѣздомъ.

Онъ заставилъ меня сдѣлать довольно странное знакомство. Въ Кишиневѣ проживала не весьма въ безъизвѣстности Гречанка-вдова, называемая Полихронія, бѣжавшая, говорили, изъ Константинополя. При ней находилась молодая, но не молоденькая дочь, при крещеніи получившая миѳологическое имя Калипсо и, что̀ довольно странно, которая нѣсколько времени находилась въ извѣстной связи съ молодымъ княземъ Телемахомъ Ханджери. Она была не высока ростомъ, худощава, и черты у нея были правильныя; но природа съ бѣдняжкой захотѣла сыграть дурную шутку, посреди пріятнаго лица ея прилѣпивъ ей огром-

Библиотека "Руниверс"

ный ястребиный носъ. Не смотря на то, она многимъ нравилась, только не мнѣ, ибо длинные носы всегда мнѣ казались противны. У нея былъ голосъ нѣжный, увлекательный, не только когда она говорила, но даже когда съ гитарой пѣла ужасныя, мрачныя Турецкія пѣсни; одну изъ нихъ, съ ея словъ, Пушкинъ переложилъ на Русскій языкъ, подъ именемъ Черной Шали. Исключая Турецкаго и природнаго Греческаго, хорошо знала она еще языки Арабскій, Молдавскій, Итальянскій и Французскій. Ни въ обращеніи ея, ни въ поведеніи не видно было ни малѣйшей строгости; еслибъ она жила въ вѣкъ Перикла, исторія вѣрно сохранила бы намъ имя ея вмѣстѣ съ именами Фрины и Лаисы.

Любопытство мое было крайне возбуждено, когда Пушкинъ представилъ меня сей дѣвѣ и ея родительницѣ. Въ немъ же самомъ не замѣтилъ я и остатковъ любовнаго жара, коимъ прежде горѣлъ онъ къ ней. Воображеніе пуще разгорячено было въ немъ мыслію, что лѣтъ пятнадцати будто бы впервыя познала она страсть въ объятіяхъ лорда Байрона, путешествовавшаго тогда по Греціи. Ею вдохновенный, написалъ онъ даже извѣстное, прекрасное посланіе къ Гречанкѣ:

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостію привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей, и пр.

Мнѣ не соскучилось у этихъ дамъ, только и не слишкомъ полюбилось. Не помню, ее ли мнѣ завѣщалъ Пушкинъ, или меня ей, только отъ наслѣдства я тотчасъ отказался. Послѣ отъѣзда Пушкина у этихъ женщинъ не знаю былъ ли я болѣе двухъ разъ.

Гораздо болѣе полезнымъ готовъ я былъ находить знакомство съ матерью. По всему городу носилась молва о силѣ ея волшебства. Она была упованіемъ, утѣшеніемъ всѣхъ отчаянныхъ любовниковъ и любовницъ. Ея чары и по заочности умягчали сердца жестокихъ и гордыхъ красавицъ и холодныхъ какъ мраморъ мущинъ, и ихъ притягивали другъ къ другу. Одинъ очевидецъ, если не солгалъ, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ ея магическихъ дѣйствій. Пиѳіонисса садилась въ старинныя кресла, брала въ руки прямой, длинный, бѣлый прутъ и надѣвала на голову ермолку или скуфью изъ чернаго бархата съ бѣлыми кабалистическими знаками и буквами. Потомъ начинала она возиться, волноваться, даже бѣсноваться; вдругъ трепетъ пробѣгалъ по членамъ ея, она быстрѣе поворачивала прутомъ, произносила какія-то страшныя слова, и сѣдыя волосы становились дыбомъ на челѣ ея, такъ что черная шапочка отъ силы движенія прыгала на поверхности

Библиотека "Руниверс"

ихъ. Когда она успокоивалась, просящему о помощи объявляла, что дѣло кончено, что неумолимая отнынѣ въ его власти. Ну какъ было не желать посмотрѣть на такое зрѣлище? Я сталъ умолять старуху Полихронію, называя первое женское имя, которое пришло мнѣ на память; всѣ убѣжденія мои остались тщетны. Она сказала мнѣ: «Въ вашихъ глазахъ читаю я ваше безвѣріе; а въ такихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, вѣра есть главное дѣло!» Сіе слово, почитаемое мною священнымъ, въ устахъ такой женщины показалось мнѣ богохульствомъ.

У Калипсо было много ума и смѣлости. Она написала краснорѣчивое и трогательное посланіе къ Константину Павловичу, и ей посчастливилось: не только прислалъ онъ ей денежное пособіе, но и рекомендательное письмо къ графу Воронцову. Чтобы оказать особое уваженіе къ высокому ходатайству Цесаревича, тотъ самъ середь дня сдѣлалъ ей церемонный визитъ. Онъ ужаснулся, когда ему растолковали, у кого онъ былъ. А между тѣмъ это посѣщеніе произвело важное дѣйствіе на всѣхъ и особенно на ея соотечественниковъ, которые перестали ея чуждаться. Другое обстоятельство еще болѣе сблизило ее съ порядочнымъ обществомъ: узнавъ, что Молдоване вдругъ меня возненавидѣли, принялась она обременять меня проклятіями и выдавать себя за оставленную мною, обруганную жертву. Изъ мщенія, желая досадить мнѣ, и бояре стали приглашать ее къ своимъ женамъ. Куда какъ это мнѣ было больно и какъ лестно дàромъ прослыть Тезеемъ носастой Аріадны! Слѣдующей зимой находилъ я ее по вечерамъ у самой губернаторши Катакази. Нѣтъ, даже въ Петербургскомъ высокомъ, самомъ лучшемъ *нынѣшнемъ* обществѣ, гдѣ вездѣ встрѣчаешь дѣвицъ Смирновыхъ, сомнѣваюсь, чтобы этотъ классическій развратъ могъ бы быть принятъ.

Первый разъ въ жизни встрѣчая весну на дальнемъ Югѣ, дѣлалъ я свои метеорологическія наблюденія и хочу ими заключить сію главу Я думаю, что сіе мнѣ простится: я такъ много имѣлъ предметовъ къ описанію и всѣхъ коснулся; слѣдственно не уподобятъ меня человѣку, который, не зная чтò сказать, заговоритъ о погодѣ.

Пустившись гулять 20 Февраля, какъ сѣверный житель, сверхъ обыкновеннаго платья надѣлъ я холодную шинель. Я зашелъ далеко, теплота въ воздухѣ начала увеличиваться до того, что ее можно было назвать жаромъ, и шинель моя сдѣлалась мнѣ не только лишнею, но невыносимою. Я рѣшился зайдти въ ближайшее знакомое мѣсто, къ отставному генералу Ивану Марковичу Гартингу, первые годы управляющему Бессарабіей, а тогда живущему въ бѣдности и забвеніи; а какъ слугъ у него было очень мало, то его самаго просить о дозволеніи шинель у него оставить.

Библиотека "Руниверс"

Весь Мартъ стояла теплая и ясная погода. Пространное поле на горѣ, примыкающее къ городу, обратилось въ ежедневное, общее гулянье. По серединѣ его всякой день по вечерамъ бывали полковыя ученья. Кругомъ въ будкахъ (такъ по-Молдавски называются коляски) медленно тащились всѣ тѣ, кои имѣли ихъ; коконы и кокониды, боярыни и боярышни по часамъ останавливались, чтобы посмотрѣть на ученье и поговорить съ знакомыми, въ другихъ коляскахъ, рядомъ съ ними стоящихъ. Обычай сей не гулять пѣшкомъ и не ѣздить, а стоять въ экипажахъ, чтобы поглазѣть и поболтать, называемый у нихъ илимбари, мнѣ показался очень глупъ; я вѣрно ошибся, ибо черезъ нѣсколько лѣтъ переняли его въ Петербургѣ. Тамъ гдѣ на полѣ не было вытоптано и разъѣзжено, довольно высоко подымалась уже густая трава, а вдали бѣлѣлись яблонныя деревья, на которыхъ цвѣтъ показывается прежде листьевъ.

Въ день Свѣтлаго Воскресенья, 6 Апрѣля, былъ настоящій свѣтлый праздникъ. Утромъ солнце даже палило; но, дабы день сей сдѣлать совершенно пріятнымъ, въ самый полдень, небо часа на полтора омрачилось, покрылось черными тучами. Великолѣпнѣйшая гроза, съ блестящими молніями, сильными громовыми ударами и проливнымъ дождемъ, не причинивъ никакого вреда, разразилась надъ Кишиневомъ. Потомъ вдругъ все просіяло, все высохло, и остатокъ дня можно было назвать райскимъ.

XI.

Мнѣ извѣстно было въ Бессарабіи только шестидесятиверстное разстояніе между Бендерами и Кишиневымъ, и отъ того хотѣлось мнѣ, да и нужно бы было взглянуть на другія части сей области. Къ тому представлялось легкое средство; сто́ило мнѣ выпросить себѣ какую-нибудь коммиссію и потомъ разъѣзжать на казенный счетъ; но, самъ не знаю зачѣмъ, отъ чего и для чего, всегда жаль мнѣ было казенныхъ и общественныхъ денегъ. Совѣстно мнѣ было предложить о томъ графу, а еще совѣстнѣе принять предложеніе областнаго предводителя Янко Стурдзы, который, намѣреваясь прогуляться въ помѣстье свое на Австрійской границѣ, упрашивалъ меня ему сопутствовать. Подумавъ немного, я однако согласился, ибо убытка тутъ никому не было. Конечно, не такъ ловко было мнѣ сказаться Совѣту и Катакази, отъ снисходительности котораго получилъ я даже на всякій случай паспортъ за границу, чѣмъ отправиться вслѣдствіе порученія намѣстника. Такъ и быть, дѣло сдѣлано.

Мы отправились во Вторникъ послѣ Свѣтлаго Воскресенія, 8 Апрѣля, не такъ какъ въ дорогу, а болѣе какъ на званый пиръ. Въ

Библиотека "Руниверс"

сорока пяти верстахъ отъ Кишинева находится мѣстечко, къ коему столица сія приписана. Бывшій городокъ Оргей даетъ свое имя пребольшому лѣсу, идущему отъ Днѣстра до Прута, вдоль береговъ послѣдняго и въ цынутѣ своемъ или уѣздѣ заключаетъ и довольно пространный областный городъ. Въ немъ квартировалъ съ Екатеринбургскимъ пѣхотнымъ полкомъ командиръ онаго, полковникъ Александръ Филиповичъ Остафьевъ, человѣкъ предобрѣйшій, пріятнѣйшій и благоразумнѣйшій, котораго, судя по связямъ его, считали либераломъ; если онъ имъ и былъ, то втайнѣ и, какъ мнѣ казалось, даже тайкомъ отъ самого себя. Онъ былъ въ самыхъ хорошихъ сношеніяхъ въ Кишиневѣ со всѣми порядочными людьми, изъ числа коихъ я себя выключить не хочу. До Пасхи увѣдомилъ я его, что мы будемъ къ нему со Стурдзой, и по этому случаю назвалъ онъ и другихъ гостей. Слѣдственно пиръ былъ въ нашу честь; обѣдъ былъ обильный, и вина сколько хочешь. По тогдашнему обычаю между военными, обѣдъ кончился небольшой попойкой. Въ такихъ случаяхъ бывалъ я твердъ и остороженъ, но улыбка чаще стала показываться на устахъ и краска на лицѣ добрѣйшаго, всегда умѣреннаго и благочестиваго Стурдзы. Послѣ обѣда надобно было отдохнуть, то есть повыспаться.

Къ вечеру пошли мы всѣ вмѣстѣ гулять по городу, который вкратцѣ представлялъ нижнюю часть Кишинева, только улицы были чище, шире и привольнѣе. Даже на нихъ простые Молдаване въ кружокъ, подъ Цыганскую музыку, со спокойно-веселымъ видомъ плясали свою вѣчную мититику. Далѣе нашли мы Русскихъ, вѣроятно бѣглыхъ, которые въ числѣ двухъ сотъ душъ нѣкогда тутъ поселились, и, о радость! Я увидѣлъ веревочные качели и мальчишекъ въ красныхъ рубашкахъ, которые съ лубковъ катали красныя яйца. Достигнувъ покойнаго ночлега, любезнымъ Остафьевымъ намъ приготовленнаго, мы поблагодарили его и совсѣмъ простились, ибо чѣмъ свѣтъ хотѣли отправиться далѣе.

Весна на Югѣ походитъ на счастливую, безпечную юность; наша же весна на Сѣверѣ точно болѣзненная, трудами обремененная молодость. Какъ наслаждался я 9 Апрѣля! Мы все ѣхали лѣсомъ, деревья раскинулись и благоухали, высохшая дорога сдѣлалась гладка, и суруджи, по вновь заведенному строгому устройству, везли насъ шибко. Къ часу поздняго обѣда поспѣли мы въ уѣздный городъ Бѣльцы, котораго цынутъ, не знаю почему, все еще назывался Ясскимъ. Онъ былъ лучше и пространнѣе Оргея, но не принадлежалъ казнѣ, а какъ водилось въ Польшѣ, одному богатому владѣльцу Катаржи, члену Совѣта, котораго оставили мы въ Кишиневѣ. Послѣдній былъ мужикъ видный, лѣтъ сорока, почти безъ рѣчей и еще болѣе безъ мыслей, но

Библиотека "Руниверс"

котораго изысканное франтовство умѣло дать Молдавскому наряду красивость и щегольство. Мы остановились у исправника Константина Ѳомича Бодеско. Исправникъ былъ тутъ не то что̀ у насъ, а еще то что́ въ Молдавіи, или, лучше сказать, то что̀ супрефекты во Франціи. Исключая развѣ одного Прункуля не было Молдавана столь проворнаго, дѣятельнаго и расторопнаго какъ Бодеско.

Когда бояре женили сыновей своихъ на Гречанкахъ, то не иначе какъ на родственницахъ или дочеряхъ господарей и первыхъ сановниковъ. Молдаване нѣсколько пониже соединялись бракомъ единственно со своими соотечественницами. Еще же другіе Молдаване и особенно Молдаванки брачились съ Цыганской породой. Молдаване pur sang вѣчно сохраняли свою важность и неподвижность. За то происходящіе отъ вышеупомянутыхъ смѣшеній нѣсколько теряли ее, и многіе изъ нихъ наружностію и нравомъ были совсѣмъ отличные отъ своихъ земляковъ. Не знаю къ какому разряду приписать обязательнаго Бодеско, который упрашивалъ насъ остаться ночевать. Мы оба не согласились, разсчитывая, что среди тихой ночи, на воздухѣ, погруженные въ его сладостную свѣжесть, уснемъ мы еще пріятнѣе.

На другой день, 10 числа, часу во второмъ, пріѣхали мы въ Хотинъ и въѣхали прямо къ ожидавшему насъ Русскому полковнику, князю Георгію Матвѣевичу Кантакузину. У него было неподалеку прекрасное помѣстье Отаки на Днѣстрѣ; не знаю почему предпочиталъ онъ ему пустой и скучный Хотинъ. Это была одна изъ странностей, которыя иногда дѣлали непріятнымъ общество человѣка, впрочемъ всегда веселаго, всегда готоваго на одолженія. Онъ былъ женатъ на одной княжнѣ Горчаковой, сестрѣ графини Сологубъ и чрезъ это былъ въ родствѣ со многими знатными домами въ Петербургѣ. Молдавскую боярскую спѣсь свою соединялъ онъ съ Русскими претензіями на аристократію и кавалерійскими удалыми привычками. Воспитанная въ Петербургѣ княгиня Кантакузина была милая, скромная, привѣтливая женщина, изъ тѣхъ кои долго еще напоминали собою дѣвицъ временъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны. Ея скромность, ея пристойность была контрастомъ съ вѣчнымъ шумомъ, который наполнялъ ихъ обитель. Для заѣзжихъ въ гостепріимномъ домѣ былъ онъ довольно увеселителенъ.

Въ эти дни готовилась тутъ свадьба. Кантакузинъ выдавалъ сестру свою за служащаго маіора Гаевскаго и, какъ богатый помѣщикъ, давалъ ей въ приданое мошію или деревеньку. Все что́ сказалъ я выше о Молдавскихъ бракахъ относится болѣе ко времени, бывшему до присоединенія Бессарабіи; съ тѣхъ поръ во множествѣ Молдаванки шли охотно за Русскихъ, также за Нѣмцевъ и Поляковъ,

Библиотека "Руниверс"

въ Русской службѣ находящихся. Дѣти отъ сихъ смѣшанныхъ браковъ, крещеные въ православную вѣру, по достиженіи совершеннолѣтія всѣ съ гордостію признавали себя Русскими, и это болѣе чѣмъ что другое этотъ край привязывало къ Россіи. Свадьба и пиръ назначены были въ Воскресеніе Ѳомы, слѣдственно три дня надобно было ихъ дожидаться. Стурдза спѣшилъ ѣхать, Кантакузинъ упрашивалъ остаться; но возможно ли было вырваться отъ этого неотвязчиваго, настойчиваго человѣка?

Пользуясь славной погодой я много гулялъ. Сперва посѣтилъ я крѣпость, которая, исключая бывшихъ военныхъ происшествій, сама по себѣ ничего примѣчательнаго не имѣетъ. Но внутри ея на скалѣ находится цитадель въ Турецкомъ вкусѣ, отдѣленная отъ нея не рвомъ, а цѣлой пропастью, надъ которою виситъ подъемный мостъ. Я нашелъ это чрезвычайно живописнымъ. Государь, коего прошлогоднее посѣщеніе было такъ еще свѣжо въ памяти жителей, замѣтилъ, какъ мнѣ пересказывали, что это напоминаетъ ему прекрасную декорацію въ извѣстной тогда оперѣ Лодоискѣ.

Часто посѣщалъ я внѣ крѣпости большой садъ, для всѣхъ открытый, принадлежавшій умершему уже генералу Лидерсу, бывшему комендантомъ въ Хотинѣ, долголѣтними попеченіями коего былъ онъ насажденъ. Онъ шелъ внизъ уступами по большой горѣ до самаго Днѣстра. Что за очаровательные виды были изъ него на противоположный берегъ! Необозримое пространство усѣянное пригорками, густыми лѣсками, цвѣтущими полями, садами, наполненными деревеньками, и посреди ихъ красивый городокъ Жванецъ! Какъ было не восхитить взоръ, разомъ все это обнимавшій. Днѣстръ тутъ узокъ; такъ взялъ бы весло и лодочку и переплылъ бы его; но увы, какъ говорится, глазъ видитъ, да зубъ нейметъ. Стоитъ неумолимый Исаковецкой карантинъ, и тогда какъ съ Херсонской стороны пропускали насъ всегда по одной окуркѣ, такъ что я забылъ о томъ упомянуть, со стороны Подольской соблюдались всѣ строгія мѣры, на сей предметъ предписанныя. Подольская губернія есть настоящій земной рай, но потерянный для прежнихъ и нынѣшнихъ своихъ владѣтелей, Русскихъ. На стражѣ стоятъ не Ангелы съ пламенѣющими мечами, а Поляки, водворившіеся въ немъ и вооруженные всевозможными ухищреніями, чтобы не допускать насъ въ немъ селиться.

Садъ сей и при немъ небольшой каменный домъ достались по наслѣдству двумъ сыновьямъ покойнаго. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который послѣ столь прославился, былъ въ отсутствіи; другой, молодой кирасирской офицеръ, находился тутъ въ отпуску. Узнавъ, что я прогуливаюсь въ его саду, молодой Лидерсъ прибѣжалъ меня знать къ себѣ

Библиотека "Руниверс"

на завтракъ. Предупредительность его была не совсѣмъ безкорыстна: его увѣрили, что чрезъ мое посредство можетъ онъ выгодно продать свое имущество подъ какой-то гошпиталь. Я объявилъ ему, что какъ это, вѣроятно, по военной части, то до меня вовсе не касается. Угощать меня помогалъ ему какой-то родственникъ Гордѣевъ, не весьма высокаго роста, толстенькой, рябоватый и по физіономіи котораго никто не могъ бы почитать его способнымъ на дурныя дѣла. Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Лидерсовъ, дѣвицѣ Кашинцовой; лишившись ея, проживалъ онъ у нихъ съ малолѣтними дѣтьми, изъ чего я могъ заключить, что по матери, можетъ быть, и сами Лидерсы Русскіе. Изъ разговоровъ съ Гордѣевымъ узналъ я, что онъ воспитанникъ Академіи Художествъ и былъ употребленъ при строеніи Казанскаго Собора; онъ показывалъ мнѣ множество собственныхъ рисунковъ и очень хорошо судилъ объ архитектурѣ. Этого съ меня было довольно; не съ другаго слова предложилъ я ему мѣсто областнаго архитектора, чему онъ чрезвычайно обрадовался. Я написалъ о томъ къ графу, который не замедлилъ утвердить его въ семъ званіи. Какъ долженъ былъ я послѣ раскаиваться въ своей опрометчивости и какіе ужасы открылись потомъ на счетъ этого злодѣя! Когда придетъ время, не знаю, даже въ силахъ ли я буду описать ихъ.

По случаю свадьбы въ Воскресенье Кантакузинъ сдѣлалъ пиръ горой. Утомленные имъ и не успѣвъ даже отдохнуть, 14-го рано поѣхали мы далѣе, то есть въ обратный путь, только по другой дорогѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ по выѣздѣ изъ Хотина пріѣхалъ я къ почтенному хозяину вмѣстѣ съ нимъ. Мѣстечко его Новоселицы походило на городокъ, а двухъэтажный каменный домъ его былъ точная копія съ такъ называемыхъ дворцовъ между Москвой и Петербургомъ. Съ грустію оставилъ онъ сіе мирное убѣжище, когда выбрали его областнымъ предводителемъ. Вмѣсто его тутъ жилъ и управлялъ его имѣніемъ пріятель его докторъ медицины Фирихъ, Австрійскій Нѣмецъ, умный и ученый, любезный и образованный человѣкъ. Того не могу я сказать о другомъ иностранцѣ, котораго я тутъ нашелъ: я привыкъ всегда видѣть Итальянцевъ живыхъ и сообщительныхъ, а г. Пагани былъ мраченъ и угрюмъ, и теперь я никакъ не сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ не оставилъ отечества своего вслѣдствіе гоненій на карбонаризмъ. Онъ чисто говорилъ по-французски, и безвинный Стурдза поручилъ ему воспитаніе какого-то дальняго родственника, сироты, о имени котораго я не спросилъ, мальчика лѣтъ уже семнадцати или восемнадцати. Воспитанникъ, видно, хорошо воспользовался ученіемъ наставника своего: ничего несноснѣе его я не встрѣчалъ. И вотъ какимъ

Библиотека "Руниверс"

будетъ все необразованное Молдавское юношество, когда заразится западнымъ духомъ!

Въ Новоселицахъ находилась таможня, и ею управлялъ коллежскій совѣтникъ Иванъ Ѳедоровичъ Рѣдькинъ. Сладкое его обхожденіе, особенно со мною, было въ противоположности съ горькимъ его именемъ. Изъ многаго множества лицъ, мною встрѣчаемыхъ, упоминаю я о тѣхъ, съ коими впослѣдствіи имѣлъ близкія сношенія, и Рѣдькинъ былъ въ числѣ ихъ.

И цѣлыхъ сутокъ не прожили мы на границѣ: на другой день, по утру, 15 числа переѣхали мы ее и, сдѣлавъ только двадцать пять верстъ, прибыли въ Черновецъ, главный городъ Буковины. Въ довольно большомъ домѣ помѣстилъ насъ у себя одинъ Молдавской бояръ, также какъ и многіе другіе, бѣжавшій тогда изъ Яссъ. То былъ Григорій Димитріевичъ Стурдза, братъ покойнаго губернатора Скарлата Димитріевича и родной дядя Александра Стурдзы. Съ перваго взгляда плѣнилъ меня сей старецъ, коему по всей справедливости принадлежало названіе маститаго. Его ясный, благосклонности исполненный взоръ вмѣстѣ съ сѣдою бородою внезапно внушали почтеніе. Его супруга, также подъ бременемъ лѣтъ, несла его съ какимъ-то важнымъ добродушіемъ. У сей четы, истинно почтенной, было трое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ. Къ сожалѣнію, всѣ они не походили на родителей. Дочери жили обѣ въ Кишиневѣ, гдѣ я зналъ ихъ. Одна была въ замужествѣ за генераломъ Гартингомъ, о которомъ сказалъ я нѣсколько словъ, но не жила съ нимъ. Другая за богатымъ владѣльцемъ Мавроени и казалась степеннѣе Обѣ смолода, говорятъ, были красавицы и обѣ отъ живыхъ мужей, Гики и Бальша, вступили во второй бракъ. Сей пагубный обычай, истребитель семейныхъ связей, по крайней мѣрѣ не отъ насъ перешелъ въ Молдавію, а скорѣе изъ сосѣдней Польши.

Что-то лисье, начиная съ цвѣта волосъ, было въ Михаилѣ Григорьевичѣ Стурдзѣ. Онъ былъ какъ эти красавицы, которыя, не внушая ни малѣйшей довѣренности къ словамъ ихъ, заставляютъ однакоже себя любить. Сохраненіе національнаго костюма одно уже въ человѣкѣ довольно еще молодомъ, по моему мнѣнію, было признакомъ ума. Яркій цвѣтъ лица, рыжая бородка, ласковый взглядъ и всегда тонкая, немного лукавая улыбка на устахъ дѣлали наружность его примѣчательною. Не умѣя объясняться съ родителями его, которые кромѣ собственнаго языка другаго, кажется, не знали, съ нимъ однимъ долженъ былъ я вести бесѣду и, право, на то не сѣтую: разговоръ истинноумнаго человѣка, на какомъ бы языкѣ и по какому бы предмету ни былъ, всегда будетъ занимателенъ. Молодая, тихая жена его была молчалива: онъ не обращалъ на нее никакого вниманія; за то въ обхож-

Библиотека "Руниверс"

деніи съ нею родителей его замѣтна была величайшая нѣжность къ покорной дочери. Я бы никакъ не могъ вообразить себѣ тогда, что сей изгнанникъ черезъ нѣсколько лѣтъ возсядетъ на господарскомъ престолѣ. Не разъ послѣ того видѣлъ я его въ Кишиневѣ и сохранилъ нѣсколько писемъ отъ него, которыя почитаю для себя лестными, и не потому только, что онѣ наполнены лестію.

Мой Стурдза былъ дальнимъ родственникомъ нашихъ хозяевъ, но старики любили его какъ бы ближайшаго, а сынъ былъ исполненъ къ нему уваженія. Двое сутокъ пробывъ въ Черновцѣ, никого въ немъ я не видѣлъ, кромѣ уединеннаго семейства, посреди коего жилъ; за то въ первый разъ еще увидѣлъ Австрійскія владѣнія и Австрійскіе мундиры. Съ завистію смотрѣлъ я на городъ не весьма обширный, но славно обстроенный и гдѣ вездѣ видны были чистота и порядокъ. Мнѣ не слѣдовало бы забывать, что болѣе тридцати лѣтъ симъ малымъ уголкомъ Молдавіи владѣли тогда Нѣмцы, что̀ было имъ время привести все въ устройство и что, если не красотою, то дородствомъ нашъ Кишиневъ бралъ преимущество предъ Черновцомъ.

Посреди площади, на высокомъ пьедесталѣ, поставлена была статуя Богородицы, и по дорогѣ на каждой почти верстѣ встрѣчалось предлинное изображеніе распятія. У всѣхъ правительствъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, существуетъ обычай въ мѣстахъ, гдѣ они водворяютъ свое владычество, водружать кресты; между язычниками ли, или между православными и протестантами, все равно, дабы означить торжество христіанства надъ невѣрными. Не обидно ли должно было это намъ казаться? И какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ уже почти весь народъ православный, не снять до сихъ поръ сихъ памятниковъ Польскаго владычества? Пусть упрекали бы въ невѣріи насъ, усерднѣйшихъ поклонниковъ Креста: онъ вездѣ намъ сопутствуетъ, и мы можемъ показать наши груди, на которыхъ сіяетъ онъ почти со дня рожденія нашего. Католицизмъ и германизмъ вездѣ показывались въ сей землѣ Православія.

Въ верстѣ отъ города былъ однако и Русской монастырь, только старовѣрческой. Въ 1823 году императоръ Александръ неподалеку отъ стѣнъ его прогуливался одинъ, какъ вдругъ былъ настигнутъ цѣлой стаей ужасныхъ псовъ; онъ сломилъ крѣпкой сукъ и со свойственною ему отважностію сталъ защищаться отъ сихъ новаго рода непріятелей. Жизнь его была въ опасности; это увидѣли изъ монастыря, прибѣжали на помощь и просили посѣтить ихъ обитель. Тогда еще почитался онъ покровителемъ сектъ и его приняли съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. На память оставилъ онъ имъ огромную палку, которая служила ему для защиты; они обдѣлали, оковали ее въ серебро съ

Библиотека "Руниверс"

надписью. Мнѣ хотѣлось видѣть и монастырь, и палку, но некогда было. Впослѣдствіи вѣрная, постоянная союзница наша Австрія обратила его въ мѣстопребываніе раскольничьяго архіерея и учредила особую епархію, дабы изъ Россіи могли стекаться домашніе противники нашей вѣры. Ей хотѣлось имѣть подъ руками гнѣздо злѣйшихъ враговъ нашихъ.

Мнѣ понравилось уваженіе, коимъ въ Австріи пользовалась гражданская часть. Встрѣтивъ на улицѣ дивизіоннаго начальника генералъ-лейтенанта графа Гогенэка въ парадномъ мундирѣ и въ сопровожденіи цѣлаго штаба своего, я спросилъ, что́ это значитъ? Мнѣ сказали, что по случаю какого-то императорскаго праздника онъ идетъ съ поздравленіемъ къ гражданскому начальнику барону Мальцеку, у котораго и приготовленъ завтракъ. А какъ въ Буковинѣ всего только два города, Черновецъ и Сучава, и она немного болѣе одного изъ нашихъ Бессарабскихъ цынутовъ, то и окружной начальникъ ея, крейсъ-гауптманъ Мальцекъ, немного поболѣе нашего исправника.

Я согрѣшилъ: плѣнившись чрезвычайной дешевизной товаровъ, я накупилъ нѣсколько мелочей, да еще полотно для бѣлья. Проѣзжая обратно нашей таможней, были мы осмотрѣны до нитки. Но на другой день Фирихъ, который тутъ безпрестанно сновалъ, привезъ мнѣ въ Новоселицы все купленное мною.

Въ это время рѣка Прутъ была въ совершенномъ разлитіи, и заливы ея потопляли низкія мѣста по дорогѣ. Мы опять должны были ѣхать на Бѣльцы, а оттуда, своротивъ немного, 20-го числа прибыли въ мѣстечко Скуляны, на берегу Прута. Въ немъ находился центральный карантинъ и главная таможня. Это былъ весьма важный пунктъ въ Бессарабіи; мнѣ хотѣлось его видѣть, и снисходительности Стурдзы обязанъ я за исполненіе сего желанія. Тотчасъ по прибытіи получили мы отъ человѣка, намъ обоимъ незнакомаго, приглашеніе остановиться у него. Престарѣлый дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Навроцкой, главный начальникъ надъ карантинами, былъ Русскій стариннаго покроя; онъ насъ угостилъ хорошо, какъ умѣлъ, т. е. накормилъ, напоилъ и спать положилъ.

Послѣ обѣда полюбопытствовалъ я взглянуть на одно мѣсто, года за три передъ тѣмъ ознаменованное небольшимъ историческимъ происшествіемъ. Когда возмущеніе въ Молдавіи произвелъ Ипсиланти, то набранное имъ войско было не весьма многочисленно; жители не охотно къ нему приставали, и оно по большей части состояло изъ Арнаутовъ. Тщеславіе всѣхъ бояръ въ Валахіи и въ Молдавіи и даже всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ людей въ двухъ княжествахъ заставляетъ ихъ имѣть въ услуженіи по нѣскольку, иногда цѣлый десятокъ, Арнаутовъ,

Библиотека "Руниверс"

богато одѣтыхъ и вооруженныхъ; всѣ они, въ надеждѣ на грабежъ, кинулись къ Ипсиланти. Но при первой встрѣчѣ съ вошедшими Турками, сіе слабое и неустроенное войско было разбито на голову. Ипсиланти бѣжалъ въ Австрію, а Хотинскій пріятель нашъ Кантакузинъ, съ остаткомъ воиновъ, спасаясь безъ оглядки, сильно преслѣдуемый непріятелемъ, былъ имъ припертъ наконецъ къ самому Пруту, въ виду Скулянъ. Онъ переплылъ рѣку подъ картечными выстрѣлами и присталъ къ таможеннымъ строеніямъ, посреди коихъ упало, говорятъ, непріятельское ядро. Русскій отрядъ былъ вытянутъ по берегу, и начальствующій надъ нимъ послалъ сказать Турецкому начальнику, что если сіе продолжится, то будетъ нарушеніемъ мира; тогда только пальба прекратилась. Помогать симъ возмущеннымъ было столь же невозможно, какъ и предать ихъ. Въ этомъ мѣстѣ, на которое внимательно смотрѣлъ я, Прутъ весьма узокъ, и онъ одинъ спасъ бѣгущихъ отъ совершеннаго истребленія.

Сіе спасеніе имѣло однако нѣкоторыя вредныя послѣдствія. Арнауты разсѣялись по Бессарабіи; нѣкоторые изъ нихъ поступили въ услуженіе къ боярамъ, многіе же стали отдѣльно грабить по дорогамъ, были схвачены и населили острогъ; другіе пристали къ большой разбоничьей шайкѣ, которая страхъ распространяла до самыхъ окрестностей Кишинева.

Не дождавшись пробужденія г. Навроцкаго, 21-го числа оставили мы Скуляны. Черезъ часъ доѣхали мы до одной длинной, отлогой горы, которой откосъ тянется болѣе чѣмъ на три версты. На ней не было ни одного деревца; тѣмъ примѣчательнѣе на ея зелени казался бѣлый, каменный обелискъ, не очень высоко на самой серединѣ ея спуска возвышающійся: это былъ памятникъ, воздвигнутый наслѣдниками князю Потемкину, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на землѣ и на открытомъ воздухѣ испустилъ онъ духъ. Не знаю кѣмъ хранимъ этотъ памятникъ, но никакихъ слѣдовъ разрушенія на немъ не было еще замѣтно.

Достигнувъ конца отлогой горы, надобно было вдругъ подыматься по крутой горѣ, густымъ лѣсомъ покрытой. Въ этомъ мѣстѣ, похожемъ на трущобу, явились намъ три казака, вооруженныхъ заряженными ружьями и пистолетами. Они обязаны были сопровождать путниковъ и охранять ихъ отъ нападеній разбойничьей шайки, о которой сейчасъ я говорилъ и которая иногда тутъ показывалась. Это было совсѣмъ не весело. Долго ѣхали мы симъ опаснымъ, мрачнымъ лѣсомъ; хранители наши мѣнялись. Наконецъ, благополучно выѣхали мы изъ него и вскорѣ потомъ увидѣли Кишиневъ, куда и прибыли часу во второмъ по полуночи.

Библиотека "Руниверс"

Все было въ немъ тихо и спокойно; но дня черезъ три случилось происшествіе, которое наполнило городъ не столько страхомъ, какъ любопытствомъ. Тутъ приходится мнѣ досказать исторію о разбойникахъ, невзначай начатую.

Въ двухъ княжествахъ, гдѣ не было ни войска, ни полиціи, шайки разбойниковъ почти безпрепятственно, безнаказанно могли производить грабежи. Онѣ слились въ одну подъ предводительствомъ извѣстнаго въ тѣхъ мѣстахъ Урсула, медвѣдя на Валахскомъ языкѣ. Появленіе Турецкой арміи разсѣяло сію шайку; остатокъ ея вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ перешелъ къ намъ черезъ Прутъ и усилился потомъ пристающими къ нему Арнаутами. Долго не могли совладѣть съ этими людьми; но частыя поимки уменьшили ихъ число, такъ что подъ конецъ состояло оно изъ трехъ человѣкъ, между коими находился и самъ Урсулъ. Они скрылись въ шести верстахъ отъ Кишинева, въ мѣстѣ, называемомъ Малина.

Въ этомъ мѣстѣ, можно сказать точно, что природа раскапризничалась: это былъ Кавказъ въ самомъ маломъ видѣ. Въ немъ, гнѣвная и прекрасная, какъ возвышенныя мѣста, такъ и ущелья, овраги, пропасти, наполнила она своими прелестьми. Привлеченные ими, нѣкоторые изъ жителей Кишинева и окрестныхъ мѣстъ завели тутъ свои кишла или хутора. Ими овладѣлъ Урсулъ и заставилъ живущихъ повиноваться себѣ, объѣдая и опивая ихъ. Военная команда содержала сіе неприступное мѣсто въ осадѣ, но не дерзала проникнуть въ него.

Долго могли бы эти люди въ немъ оставаться; но почувствовали ли они какой недостатокъ, или просто скуку, или лукавый попуталъ Урсула, онъ рѣшился его оставить. Онъ имѣлъ тайныя сношенія съ Жидами и другими мошенниками въ нижней части города, и съ ихъ согласія намѣренъ былъ скрыться между ими. Однимъ утромъ вмѣстѣ съ двумя сподвижниками оставилъ онъ свое убѣжище, но подъѣзжая къ городу, замѣтилъ сильную за собою погоню. Во всю прыть поскакалъ онъ по широкимъ улицамъ верхней части города, имѣя въ виду, достигнувъ нижней и своротивъ немного, исчезнуть въ ея излучистомъ зловоніи, что, при плохой тогда полиціи, было бы удобно. Народъ толпами бѣжалъ за нимъ, восклицая толгаръ, толгаръ (воръ), но не смѣя приступиться къ нему: ибо, имѣя во рту поводья, въ каждой рукѣ держалъ онъ по пистолету, равно какъ и оба товарища его; и раза два должны были они дать выстрѣлы. Со всѣхъ сторонъ преслѣдуемый, доскакалъ онъ подъ горой до мостика черезъ Быкъ. Неисправность полиціи была въ этомъ случаѣ полезна: лошадь его попала ногой въ одну изъ дыръ, находящихся на непочиняемомъ мостикѣ; бѣгущіе за

Библиотека "Руниверс"

нимъ товарищи наскакали на него, и все это перепуталось; тогда легко было всѣхъ троихъ схватить и перевязать.

Къ сожалѣнію не могъ я быть свидѣтелемъ сего страннаго зрѣлища, середи дня полгородомъ видѣннаго. Но по званію должностнаго лица, захотѣлъ я увидѣть содержащихся подъ стражей, для коихъ отведена была особая тюрьма съ желѣзными рѣшетками на окнахъ. Я нашелъ Урсула задумчиво сидящимъ на нарѣ, сложивъ руки. Онъ былъ лѣтъ сорока, широкоплечъ, черноволосъ и весь обросъ бородой. Лицо его было не безъ благородства: ни страха, ни злости оно не выражало. Когда я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказалъ онъ мнѣ, что у него, исключая имени, даннаго ему Волохами, есть еще другое, но объявлять котораго онъ не видитъ нужды. Потомъ прибавилъ: «Буйная молодость завела меня не туда, куда слѣдовало. Какъ быть! И я знаю, что былъ бы отличный воинъ». По показаніямъ сообщниковъ, никогда рука его не обагрялась кровью.

Въ углу на соломѣ лежалъ также скованный товарищъ его Богаченко, лѣтъ двадцати шести. Болѣе походитъ на гіену человѣку невозможно; какъ у нея, взоръ его сверкалъ наглостію, безпокойствомъ и бѣшенствомъ. Я не подошелъ къ нему, а посмотрѣлъ въ лорнетъ. «Что, баринъ, сказалъ онъ мнѣ, злобно улыбаясь, ты, кажется, не старъ, а видно совсѣмъ ослѣпъ». Потомъ пустился онъ мнѣ доказывать права разбойниковъ вооруженной рукой собирать дани съ господъ, которые безо всякаго труда и опасности грабятъ своихъ крестьянъ. Я взглянулъ на него съ ужасомъ и омерзѣніемъ. «Ну, баринъ, сказалъ онъ мнѣ: хорошо, что меня встрѣтилъ не въ лѣсу, не такъ бы тамъ на меня ты посмотрѣлъ».

Третій на соломѣ былъ осмнадцатилѣтній мальчикъ Славичъ, усыновленный Урсуломъ. Этотъ былъ веселъ и, кажется, никакъ не понималъ своего положенія. Онъ полагалъ, что батько себя и ихъ непремѣнно будетъ умѣть выручить. Всѣ трое были бѣглые Украинцы: Молдованне за ихъ ремесло не охотно брались.

Судъ надъ ними продолжался все лѣто. Ничего не дознались, а въ это время хитрый и смѣлый Богаченко успѣлъ кого-то подкупить и, перепиливъ свои оковы, бѣжалъ одинъ. Тогда поспѣшили съ исполненіемъ приговора. Всѣ дивились твердости духа Урсула, который во все время казни не испустилъ ни единой жалобы, ни единаго вздоха. Мальчикъ Славичъ шелъ бодро, но послѣ перваго удара, даннаго палачомъ, какъ ребенокъ раскричался, приговаривая: простите, виноватъ, виноватъ, не буду. Первый послѣ тяжкаго наказанія кнутомъ черезъ два дни умеръ, послѣдняго сослали на каторжную работу.

Библиотека "Руниверс"

Къ концу Апрѣля опять дожидались графа, котораго въ первый годъ управленія его чрезвычайно озабочивала Бессарабія и который часто посѣщалъ ее. Для него опять былъ нанятъ домъ каменный на верху горы и за туже цѣну, что́ домъ Варѳоломея, отъ котораго однако онъ совсѣмъ отличенъ былъ просторностію, приличіемъ убранства и удобствомъ помѣщенія. Губернаторъ Катакази, сохраняя пріязненныя связи съ бывшимъ вице-губернаторомъ Крупенскимъ, удалившимся въ деревню, умолилъ графа нанять домъ его, дабы тѣмъ скорѣе уплатить лежащее на немъ казенное взысканіе. Для меня этотъ наемъ былъ весьма полезенъ, ибо графъ предложилъ мнѣ сдѣлаться мажордомомъ и въ семъ новомъ помѣщеніи.

Въ этотъ пріѣздъ послѣдовали новыя распоряженія, которыя не могли понравиться Молдаванамъ. Приписывая неисправности земской полиціи бо́льшую часть безпорядковъ въ области, графъ съ самаго начала замышлялъ избранныхъ дворянствомъ исправниковъ и четырехъ коммиссаровъ въ каждомъ цынутѣ замѣнить Русскими чиновниками отъ короны. Вся эта исторія объ Урсулѣ, незадолго до его пріѣзда случившаяся, побудила его безотлагательно приступить къ исполненію своего намѣренія. Дѣло было немаловажное, явное нарушеніе образованія. Въ первый разъ мои Молдаване возроптали, заговорили было о протестѣ и, наконецъ, во изъявленіе своего неудовольствія, рѣшились сдѣлать представленіе, въ коемъ хотѣли объяснить, что какъ они лишаются права избирать чиновниковъ земской полиціи, то дворянство отказывается и отъ права выбирать цынутныхъ казначеевъ, дабы, въ случаѣ растраты ими денегъ, не имѣть за нихъ никакой отвѣтственности. Пользуясь моимъ вліяніемъ, я старался отклонить ихъ отъ исполненія такого намѣренія. Къ чему это поведетъ васъ? говорилъ я имъ. Конечно это будетъ непріятно намѣстнику; но онъ всесиленъ, просьба ваша будетъ исполнена, и еще менѣе мѣстъ останется въ вашемъ распоряженіи. Дѣло такъ ничѣмъ и не кончилось.

Первыхъ исправниковъ хотѣли сдѣлать на славу; графъ самъ назначилъ извѣстныхъ ему отставныхъ Уланскаго полковника Скоробогатова и Конноегерскаго подполковника Тарашкевича, обвѣшанныхъ крестами; Казначеевъ помогъ отыскать другихъ; изъ прежнихъ одинъ только Бодеско оставленъ на мѣстѣ. Множество бывшихъ военныхъ, какъ сказалъ я въ другомъ мѣстѣ, находилось въ Бессарабіи безъ дѣла; намъ съ Лексомъ не трудно было изъ нихъ набрать коммиссаровъ. Не полагаясь на Катакази, коего свѣдѣнія всегда опаздывали и не всегда были достовѣрны, графъ требовалъ отъ прежнихъ исправниковъ, чтобы во всѣхъ казусныхъ дѣлахъ относились они къ нему; они писали къ нему по молдавски, ибо у нихъ не было ни одного

Библиотека "Руниверс"

писца, знающаго Русскій языкъ. Отъ новыхъ исправниковъ потребовалъ графъ, чтобы они писали къ нему по русски; новое затрудненіе: они сами должны были подписывать бумаги на незнакомомъ имъ языкѣ. Но есть наши пословицы, у насъ и шило брѣетъ, хоть тресни да полѣзай, и тому подобныя, которыя всякую невозможность дѣлаютъ возможною. Эти господа на свой счетъ наняли Русскихъ писарей, Молдавскихъ насильно заставили учиться по русски, и дѣло пошло само собою. И вотъ еще неожиданный для меня важный шагъ къ распространенію того, что уже сдѣлалось постояннымъ моимъ желаніемъ. И это безъ чьего либо настаиванія, просто по необходимости; ибо графъ все еще тѣшился Бессарабіей, какъ особничкомъ, во власть ему отданнымъ.

Не знаю, право, Русскіе исправники менѣе ли Молдованъ сдѣлались падки на наживу. Можетъ быть, я грѣшу; но я всегда смотрѣлъ снисходительнѣе на нашихъ бѣдныхъ земляковъ, которые ничего не имѣя въ родномъ краю, въ завоеванномъ стараются нажить небольшое имущество. Пріобрѣтая осѣдлость, они привыкаютъ къ краю и, воспитывая дѣтей въ родимомъ духѣ, служатъ началомъ преобладанія его въ немъ. Самому правительству не худо бы было бросать такія сѣмена на всякую новую почву: какіе бы плоды принесли они о сю пору въ Ливоніи, и даже въ Литвѣ!

Мое положеніе въ это время могъ бы я назвать довольно блистательнымъ и нѣкоторымъ образомъ завиднымъ. Я пользовался уваженіемъ и довѣренностію цѣлой области. Начальникъ мой оказывалъ мнѣ болѣе чѣмъ довѣренность; я ошибался, можетъ быть, но мнѣ казалось что самая бесѣда моя сдѣлалась для него особенно пріятною. Это могъ я заключить изъ предложенія имъ сдѣланнаго прокатиться съ нимъ въ Крымъ и погостить у него въ помѣстѣ Гурзуфѣ, принадлежавшемъ Ришильё и недавно имъ купленномъ на Южномъ берегу. Это сперва чрезвычайно польстило моему самолюбію; но послѣ могъ я замѣтить, что прекрасную эту, приморскую пустыню любилъ онъ, во время пребыванія своего, оживлять приглашенными гостями и, можетъ быть, въ надеждѣ, что подобно ему, плѣнясь ея неисчисленными красотами, они рано или поздно захотятъ поселиться въ ней. О тогдашнихъ чувствахъ моихъ къ этому человѣку мнѣ нынѣ, право, совѣстно говорить: я безпрестанно грѣшилъ противъ заповѣди, которая воспрещаетъ намъ творить себѣ кумира.

Я уже свыкся съ Кишиневскимъ житьемъ и, послѣ отъѣзда графа, не очень спѣшилъ ѣхать въ Одессу, тѣмъ болѣе, что оттуда не ближе какъ въ половинѣ Маія намѣренъ былъ онъ моремъ отправиться въ Крымъ. Вдругъ рано поутру, 15 числа, прошелъ слухъ, будто въ

Библиотека "Руниверс"

Измаилѣ открылась чума. Опасаясь, чтобы на Днѣстрѣ долго не задержали меня въ карантинѣ, гдѣ въ такихъ случаяхъ соблюдается величайшая строгость, я въ тоже утро собрался въ путь. Все было уложено, коляска подвезена къ крыльцу, какъ вдругъ замѣтилъ я на столѣ въ торопяхъ забытую бумагу: это была черновая Записка моя о Бессарабіи. Тутъ случился одинъ только секретарь Совѣта Скляренко. Я попросилъ его взять сію, ему одному извѣстную, бумагу и спрятать у себя. Сіе дѣйствіе торопливости, какъ увидятъ далѣе, имѣло для меня важныя послѣдствія. Я шибко поскакалъ по Бендерской дорогѣ.

XII.

Туже самую разницу въ температурѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣстра, которую прежде я уже замѣтилъ, и тутъ я могъ увидѣть. Поля въ Бессарабіи зеленѣлись изумруднымъ цвѣтомъ, но лишь только безъ задержки миновалъ я Парканской карантинъ (куда ложный слухъ о чумѣ не успѣлъ еще дойдти), какъ представилась мнѣ знoемъ опаленная степь. Что̀ еще болѣе видъ ея дѣлало печальнымъ, это были милліоны, милліярды мухообразныхъ насѣкомыхъ, которыя, покрывая ее, медленно по ней тащились. Это была саранча въ дѣтскомъ возрастѣ, еще не окриленная. Сотни сихъ гадовъ безпрестанно давилъ я своими колесами. Ночью съ 15-го на 16-е Маія пріѣхалъ въ Одессу.

Я нашелъ графа и графиню Воронцовыхъ въ большой печали: четырехлѣтняя, тогда единственная дочь ихъ Александра, премилая дѣвочка сдѣлалась опасно больна. Лысый докторъ, особенно для нея изъ Англіи выписанный, не ручался за ея жизнь, но и не отнималъ надежды у родителей. Они отъ того не могли переѣхать на нанятый приморской хуторъ Ренò, а еще менѣе думать объ отправленіи въ Крымъ, и принуждены были жить среди городской духоты и внезапно увеличавшагося нестерпимаго жара. Я тоже долженъ былъ ожидать выздоровленія малютки, а между тѣмъ ежедневно видѣлъ графа, обѣдалъ у него и бывалъ чаще чѣмъ когда. Иногда для развлеченія гуляли мы за городомъ въ коляскѣ, или катались по морю въ суднѣ какого-то особаго устройства.

Лѣтомъ въ Одессѣ обыкновенно гораздо веселѣе, чѣмъ въ другія времена года. Торговля оживляется, приплываютъ цѣлые флоты купеческихъ судовъ, наѣзжаетъ множество помѣщиковъ для продажи пшеницы и нѣсколько любопытныхъ путешественниковъ. Изъ послѣднихъ не встрѣчалъ я ни одного прежняго знакомаго, новыхъ знакомствъ между ими дѣлать не хотѣлъ и жилъ посреди того самаго общества, которое узналъ я зимой.

Библиотека "Руниверс"

Одного человѣка, котораго не только въ Одессѣ, но гораздо прежде въ Парижѣ и Мобёжѣ случалось мнѣ часто встрѣчать, разсмотрѣлъ я въ это время ближе. Но чтобы основательнѣе говорить объ немъ, надлежитъ коснуться всего семейства его.

Внукъ сестры князя Потемкина, Николай Николаевичъ Раевской, изъ огромнаго его наслѣдства получилъ изрядную часть. Онъ не умножилъ сего имѣнія, а, напротивъ, кажется, разстроилъ его съ небрежностію военнаго человѣка. Съ другой стороны родство съ знатными домами и высокій чинъ давали и ему нѣкоторое право на названіе знатнаго. На войнѣ всегда показывалъ онъ себя искуснымъ и храбрымъ генераломъ и къ сему ремеслу съ малолѣтства пріучалъ и двухъ сыновей своихъ. Они находились при немъ молоденькими офицерами во время Турецкой кампаніи 1809 и 1810 годовъ: слѣдственно Жуковскій, пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ, въ 1812-мъ, кажется, напрасно называетъ ихъ младенцами-сынами. Меньшой Николай высоко поднялся по службѣ и пошелъ бы далѣе, если бы смерть не остановила его на славномъ поприщѣ. Обоихъ отецъ не удалялъ отъ опасностей; за то придирался ко всему, чтобы выпрашивать имъ чины и кресты.

Старшій изъ младенцевъ, Александръ, не зналъ надъ собой иной власти, кромѣ родительской, самой снисходительной; всякую другую, и даже полно не эту ли, онъ презиралъ и ненавидѣлъ. Графъ Воронцовъ по окончаніи войны взялъ его къ себѣ по особымъ порученіямъ и доставилъ ему средство съ большимъ содержаніемъ, безъ всякаго дѣла, три года пріятнымъ образомъ прожить во Франціи. Если бы кто захотѣлъ пристальнѣе всмотрѣться въ чувства Раевскаго, то и тогда могъ бы замѣтить жестокую ненависть его къ сему начальнику, не смотря на удвоенную съ нимъ любезность сего послѣдняго. Неблагодарность есть врожденное чувство во всякомъ Грекѣ; благотворенія тягостны для его самолюбія. Мать Раевскаго была дочь Грека Константинова и единственной дочери нашего знаменитаго Ломоносова: внукъ, видно, уродился въ дѣдушку.

Вообще всѣ члены этого семейства замѣчательны были какимъ-то непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству, Александръ же Раевской особенно между ими отличался онымъ. Въ немъ не было честолюбія, но изъ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лѣни, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ. Не подобныя ли чувства Святое Писаніе приписываетъ возмутившимся Ангеламъ? Я напрасно усиливаюсь здѣсь изобразить его: гораздо лучше меня сдѣлалъ сіе Пушкинъ въ немногихъ стихахъ подъ названіемъ «Мой Демонъ». Но подробности о немъ могутъ болѣе объяснить дѣйствія его, о коихъ приходится мнѣ говорить.

Библиотека "Руниверс"

Наружность его сохраняла еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлѣсные и душевные недуги уже изсушили его и наморщили его чело. Въ умѣ его была твердость, но безъ всякаго благородства; голосъ имѣлъ онъ самый нѣжный. Не такимъ ли сладкогласіемъ въ Эдемѣ одаренъ былъ змій, когда соблазнялъ праматерь нашу?

Въ Мобёжѣ онъ либеральничалъ какъ и всѣ другіе, не болѣе, не менѣе; но втайнѣ не раздѣлялъ восторговъ заблужденной молодости. Вѣрноподданничество, привязанность къ монархическимъ правиламъ ему казались отвратительными и ненавистными; на друзей конституціи, въ томъ числѣ на зятя своего Орлова, смотрѣлъ съ величайшимъ пренебреженіемъ, однакожъ съ нѣкоторою снисходительностію: ибо затѣи ихъ, по мнѣнію его безсмысленныя, могли причинить много безпорядковъ, много зла. Послѣ Мобёжа, въ быстро достигнутомъ чинѣ полковника, чтобы сохранить ему независимость, выпросили ему безсрочный отпускъ. Онъ еще пользовался имъ, когда въ 1823-мъ году нашелъ я его въ Одессѣ, повидимому ко мнѣ столь же невнимательнаго какъ и прежде, но тайными наговорами лишившаго меня гостиной графини Воронцовой, что̀ не могъ я почитать для себя великой бѣдой.

Въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ, накопилось число причинъ ненависти его къ Воронцову и его семейству. Графиня Браницкая была только что двоюродная тетка генералу Раевскому, но, всегда покровительствуя его, въ его семействѣ видѣла собственное. Отъ того старшій сынъ его былъ принятъ ею въ Бѣлой Церкви какъ сынъ родной и съ дочерьми ея имѣлъ право обходиться какъ братъ. Когда, по выступленіи Русскаго корпуса изъ Франціи, лишился онъ большихъ средствъ къ поддержанію себя, сія женщина, прослывшая скупою, положила ему по двѣнадцати тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія; какъ было не мстить за такое жестокое оскорбленіе? Въ Молдавіи, въ самой нѣжной молодости, говорятъ, успѣвалъ онъ понапрасну опозоривать безвинныхъ женщинъ; извѣстныхъ по своему дурному поведенію не удостоивалъ онъ своего вниманія: какъ кошка, любилъ онъ марать только все чистое, все возвышенное, и то, что̀ Французы дѣлали изъ тщеславія, дѣлалъ онъ изъ одной злости. Я не буду входить въ тайну связей его съ ***; но, судя по вышесказанному, могу поручиться, что онъ дѣйствовалъ болѣе на ея умъ, чѣмъ на сердце и на чувства.

Онъ поселился въ Одессѣ и почти въ домѣ господствующей въ ней четы. Но какъ терзалось его ужасное сердце, имѣя всякій день передъ глазами этого Воронцова, славою покрытаго, этого счастливца, богача, котораго вокругъ него все превозносило, восхваляло. Онъ могъ бы легко причислиться къ нему и, спокойно дождавшись генеральства,

Библиотека "Руниверс"

получить мѣсто градоначальника или гражданскаго губернатора. Но нѣтъ; такія мысли показались бы ему унизительными; его цѣль была выше. Онъ прослылъ опаснымъ человѣкомъ, и всѣ старались учтиво уклоняться отъ него, исключая его Мобёжскихъ товарищей, которые не любили его, но и не чуждались. Они знали его лучше; они знали что онъ не станетъ тратить времени, чтобы стрѣлять въ простыхъ птицъ, подавай ему орловъ да соколовъ. И дѣйствительно въ Одессѣ, исключая двухъ или трехъ, не было довольно славныхъ жертвъ для закланія въ честь этого божества.

При умѣ у иныхъ людей какъ мало бываетъ разсудка! У Раевскаго былъ онъ помраченъ завистію, постыднѣйшею изъ страстей. Въ случаѣ даже успѣха, какую пользу, какую честь могъ онъ ожидать для себя? Безъ любви, съ тайною яростію устремился онъ на сокрушеніе семейнаго счастія, супружескаго согласія *** И что же? Какъ легкомысленная женщина, *** долго не подозрѣвала, что въ глазахъ свѣта фамиліярное ея обхожденіе,... съ человѣкомъ ей почти чуждымъ, его же стараніями перетолковывается въ худую сторону. Когда же ей открылась истина, она ужаснулась, возненавидѣла своего мнимаго искусителя и первая потребовала отъ мужа, чтобы ему отказано было отъ дому.

Козни его, увы, были пагубны для другой жертвы. Влюбчиваго Пушкина не трудно было привлечь миловидной ***, которой Раевскій представилъ, какъ славно имѣть у ногъ своихъ знаменитаго поэта. Извѣстность Пушкина во всей Россіи, хвалы, которыя гремѣли ему во всѣхъ журналахъ, превосходство ума, которое внутренно Раевской долженъ былъ признавать въ немъ надъ собою, все это тревожило, мучило его. Онъ стиховъ его никогда не читалъ, не упоминалъ ему даже объ нихъ: поэзія была ему дѣло вовсе чуждое, равномѣрно и нѣжныя чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство. Однакоже онъ умѣлъ воспалять ихъ въ другихъ; и вздохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коихъ одинъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили ему безпрестанной забавой. Вкравшись въ его дружбу, онъ заставилъ его видѣть въ себѣ повѣреннаго и усерднѣйшаго помощника, однимъ словомъ, самымъ искуснымъ образомъ дурачилъ его....

Еще зимой, чутьемъ слышалъ я опасность для Пушкина, не позволялъ себѣ давать ему совѣтовъ, но разъ шутя сказалъ ему, что по Африканскому происхожденію его все мнѣ хочется сравнить его съ Отелло, а Раевскаго съ невѣрнымъ другомъ Яго. Онъ только что засмѣялся.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Одессу, встревоженный Пушкинъ вбѣжалъ ко мнѣ сказать, что ему готовится величайшее неудовольствіе. Въ это время нѣсколько самыхъ низшихъ чиновниковъ

Библиотека "Руниверс"

изъ канцеляріи генералъ-губернаторской, равно какъ и изъ присутственныхъ мѣстъ, отряжено было для возможнаго еще истребленія ползающей по степи саранчи; въ число ихъ попалъ и Пушкинъ. Ничего не могло быть для него унизительнѣе.... Для отвращенія сего добрѣйшій Казначеевъ медлилъ исполненіемъ, а между тѣмъ тщетно ходатайствовалъ объ отмѣненіи приговора. Я тоже заикнулся было на этотъ счетъ; куда тебѣ *)! Онъ поблѣднѣлъ, губы его задрожали, и онъ сказалъ мнѣ: «любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались въ прежнихъ пріязненныхъ отношеніяхъ, не упоминайте мнѣ никогда объ этомъ мерзавцѣ», а черезъ полминуты прибавилъ «также и о достойномъ другѣ его Раевскомъ». Послѣднее меня удивило и породило во мнѣ много догадокъ.

Во всемъ этомъ было такъ много злаго и низкаго, что оно само собою не могло родиться въ головѣ Воронцова, а, какъ узнали послѣ, черезъ Франка внушено было самимъ же Раевскимъ. По совѣту сего любезнаго друга, Пушкинъ отправился и, возвратясь дней черезъ десять, подалъ донесеніе объ исполненіи порученнаго. Но въ тоже время, подъ диктовкой того же друга, написалъ къ Воронцову Французское письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что дотолѣ видѣлъ онъ въ себѣ ссыльнаго, что скудное содержаніе имъ получаемое почиталъ онъ болѣе пайкомъ арестанта; что во время пребыванія его въ Новороссійскомъ краѣ онъ ничего не сдѣлалъ столь предосудительваго, за что бы могъ быть осужденъ на каторжную работу (aux travaux forcés), но что впрочемъ послѣ сдѣланнаго изъ него употребленія онъ, кажется, можетъ вступить въ права обыкновенныхъ чиновниковъ и, пользуясь ими, проситъ объ увольненіи отъ службы. Ему велѣно отвѣчать, что какъ онъ состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, то просьба его передана будетъ прямому его начальнику графу Нессельроде; въ частномъ же письмѣ къ сему послѣднему поступки Пушкина представлены въ ужасномъ видѣ. Недѣли черезъ три послѣ того, когда меня уже не было въ Одессѣ, полученъ отвѣтъ: Государь, по докладу Нессельроде, повелѣлъ Пушкина отставить отъ службы и сослать на постоянное жительство въ отцовскую деревню, находящуюся въ Псковской губерніи.

Какой нибудь Талейранъ сказалъ бы, что онъ видитъ тутъ болѣе чѣмъ дурное дѣло, что тутъ ошибка, великой промахъ. Такіе люди

*) Разъ сказалъ онъ мнѣ: Вы, кажется, любите Пушкина: не можете ли вы склонить его заняться чѣмъ-нибудъ путнымъ подъ руководствомъ вашимъ?—Помилуйте, такіе люди умѣютъ быть только что великими поэтами, отвѣчалъ я. — Такъ на что же они годятся? сказалъ онъ.

Библиотека "Руниверс"

какъ Воронцовъ не должны довольствоваться успѣхами по службѣ, умноженіемъ власти: у нихъ въ предметѣ должна быть народная молва, всеобщая народная любовь, переходящая между соотечественниками изъ рода въ родъ. Вотъ прочная собственность, которой никакая царская немилость лишить не можетъ. Когда разнеслось по Россіи, что одна изъ славъ ея губитъ другую, блескъ первой примѣтнымъ образомъ началъ меркнуть. Ото всего сердца любилъ я обѣихъ, и оно раздиралось. Теперь когда вспомню, то самому себѣ кажусь смѣшнымъ; а тогда право готовъ былъ какъ Химена воскликнуть:

La moitié de ma vie a mis l'autre au tombeau.

Между тѣмъ малютка полегоньку выздоравливала, такъ что въ половинѣ Іюня можно было везти ее съ собою въ Крымъ. Но для меня срокъ уже миновался, и не стоило дни на два-на три ѣхать. Таково было мнѣніе графа, и я весьма съ нимъ соглашался. Тогда рѣшился я, дождавшись его отъѣзда, пуститься обратно въ Кишиневъ.

Наканунѣ отплытія графа, случилось мнѣ быть съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ. Онъ вынулъ полученное имъ письмо отъ Катакази и, отдавая его мнѣ, сказалъ: «растолкуйте мнѣ что̀ это все значитъ?» Катакази писалъ, что въ Кишиневѣ всѣ заняты однимъ какимъ-то сочиненіемъ, писаннымъ моею рукою, которое въ Молдаванахъ производитъ крайнее неудовольствіе. Я разсказалъ, какимъ образомъ въ торопяхъ отдалъ я Скляренкѣ рукопись свою на сбереженіе. «Но если онъ выдалъ ее, то это не дѣлаетъ большой чести хваленому вашему Скляренкѣ».—«Я увѣренъ, что ее выкрали у него, отвѣчалъ я. Но послѣ этого, продолжалъ я, согласитесь, что мнѣ трудно будетъ показаться, и лучше возьмите меня съ собою: если эти люди и останутся спокойны, мнѣ совѣстно будетъ на нихъ глядѣть».—«И, полноте, отвѣчалъ онъ, что̀ за бѣда, если эти мошенники узнали наше мнѣніе объ нихъ; они пожалуй могутъ подумать, что вы не смѣете пріѣхать». И это дѣло, подумалъ я.

Не болѣе двухъ сутокъ оставался я потомъ въ Одессѣ. Въ этотъ тѣсный промежутокъ времени хочу вмѣстить изображеніе одного человѣка, о которомъ давно бы мнѣ слѣдовало говорить. Австрійскій генеральный консулъ, Венгерецъ Томъ, съ самаго рожденія этого города, былъ радостію и украшеніемъ его общества. Огромный ростъ и могучія плечи одни показывали въ немъ Маджара; но ни въ одномъ изъ образованныхъ государствъ нельзя было сыскать человѣка любезнѣе его въ обхожденіи. Ему было за восемьдесятъ лѣтъ, а онъ казался не болѣе шестидесяти; и это уже старость, а дамы старыя и молодыя, равно какъ и юноши, искали его бесѣду. Онъ всегда былъ веселъ и

Библиотека "Руниверс"

всегда степененъ, и смѣхъ, который самъ старался онъ производить, всегда смѣшанъ былъ съ невольнымъ уваженіемъ къ сему добрѣйшему и честнѣйшему старцу. Въ рѣдкіе маскарады, которые бывали при Ришельё и при Ланжеронѣ, всегда являлся онъ переряженнымъ и разъ огромной книгой, назади которой написано было Томъ I-й. Страсть имѣлъ онъ къ каламбурамъ, и они часто бывали у него забавны. Нужно ли говорить, что въ знакомствѣ его видѣлъ я для себя находку, кладъ?

Онъ взялся проводить меня до первой станціи Дольника, или лучше сказать до собственнаго хутора, въ одной верстѣ отъ нея находящагося. Онъ называлъ его coûteur, ибо, не принося ему никакого дохода, стоилъ большихъ издержекъ, и онъ, рѣдко разставаясь съ городомъ, пріѣзжалъ въ него попировать и угощать пріятелей. Для умноженія удовольствія моего, а можетъ быть и Пушкина, пригласилъ онъ и его на сію загородную прогулку. Я послалъ экипажъ свой прямо въ Дольникъ, и мы въ Ивановъ день 24 Іюня втроемъ отправились въ коляскѣ Тòма.

Онъ имѣлъ великое искусство сохранять въ комнатахъ теплоту зимой и свѣжесть въ лѣтнее время: въ этомъ состоялъ его эпикуреизмъ. Все было приготовлено на кутёрѣ: окна вездѣ были открыты, но съ наружи завѣшаны предлинными маркизами, которыя безпрестанно поливались студеной, колодезной водой. Полъ былъ мраморный, и въ четырехъ углахъ стояли кадочки со льдомъ. Въ тоже время множество резеды и туберозовъ распространяли пріятный запахъ по комнатѣ. По приглашенію хозяина мы развалились на диванахъ; и когда полуденное солнце со всею силою горѣло надъ нами, мы находились среди прохлады и благоуханія, и я могъ любоваться яснымъ, теплымъ вечеромъ долгой безукоризненной жизни. Нѣтъ, не забыть мнѣ этого дня! Разные возрасты были веселы и хохотали какъ ребята. Это было не передъ добромъ: мнѣ предстояли довольно тягостные, а Пушкину весьма скорбные дни. Когда жаръ началъ спадать, простился я съ хозяиномъ и съ гостемъ; съ послѣднимъ, кажется, гораздо нѣжнѣе, какъ бы предчувствуя долгую разлуку.

Я не скоро могъ заснуть: все мнѣ мерещился съ столь пріятными людьми столь весело проведенный день. Заря совсѣмъ уже занялась, когда проснулся я въ Тирасполѣ. Пока перепрягали лошадей, вышелъ я изъ коляски и вдругъ увидѣлъ безъ памяти скачущую тройку. Она остановилась, изъ повозки выскочилъ молодой канцелярской и подалъ мнѣ письмо. Господа Лонгиновъ и Лексъ увѣдомляли меня, что, по извѣстіямъ полученнымъ изъ Кишинева, ярость жителей превосходитъ всякое описаніе, что рукопись моя переведена на Молдавской языкъ,

Библиотека "Руниверс"

всюду распускается и что всѣ другъ друга возбуждаютъ противъ меня, почему они и совѣтуютъ мнѣ воротиться въ Одессу. Словесно поручилъ я посланному отъ всей души благодарить Никанора Михайловича и Михаила Ивановича за принимаемое во мнѣ участіе. «Если бы вы настигли меня прежде, сказалъ я ему, то можетъ быть я воротился бы съ вами; но вы видите, вотъ Бессарабія: право, какъ-то совѣстно бѣжать въ виду непріятеля».

Однако признаюсь, я чувствовалъ въ себѣ сильное волненіе, когда переправился черезъ Днѣстръ. Оно еще было умножено въ Бендерахъ на почтовомъ дворѣ письмомъ отъ пріятеля моего Алексѣева: онъ не пугалъ, а спѣшилъ предупредить, дабы заранѣе могъ я принять свои мѣры. Узнавъ о внезапной ненависти цѣлаго населенія и испытывая дѣйствія несомнѣнной пріязни нѣсколькихъ человѣкъ, я не могу описать своихъ чувствъ. Вѣроятно утомленный ими, я опять крѣпко заснулъ и проснулся уже въ полдень 25-го числа (нынѣ самый великій изъ торжественныхъ дней, тогда еще не празднуемый), когда пріѣхалъ въ Кишиневъ.

XIII.

Я поѣхалъ прямо къ себѣ въ домъ Крупенскаго. Черезъ часъ явился съ печальнымъ видомъ Скляренко и объяснилъ, какъ все дѣло случилось. Получивъ отъ меня рукопись для храненія, ему показалось, что и для снятія съ нея копіи. Онъ поручилъ это сдѣлать въ тайнѣ подчиненному своему, молодому писцу офицерскаго чина Двурѣченцеву; не знаю, какъ подсмотрѣли у него его работу, только Молдоване купили у него подлинникъ за четыре тысячи левовъ; но напередъ получилъ онъ отставку, дабы спастись отъ преслѣдованій начальства. «Какая глупость, сказалъ я, во всякомъ случаѣ это кража; а коли имъ того хотѣлось такъ, то я, имѣющій на то право, уступилъ бы имъ за половину». Но какъ ни шути, а дѣло становилось не совсѣмъ шуточнымъ.

Молдаване оставались покойны, пока не узнали о моемъ пріѣздѣ. Тогда черезъ областнаго предводителя, недавняго пріятеля моего Стурдзу, послали они просьбу къ намѣстнику, требуя удаленія моего изъ области, какъ врага народа Молдавскаго. Я поѣхалъ къ губернатору; онъ принялъ меня сухо и надменно. Я старался объяснить ему, что если эти господа твореніе мое почитаютъ пасквилемъ, то не я, а они были его издателями и распространителями и что желаніе мое хранить его про себя доказывается большою суммою, которую употребили они для подкупа писца. Онъ ничему не внималъ и, явно держа ихъ сторону, пригласилъ меня, въ предупрежденіе неслыханнаго скандала, подъ какимъ-нибудь предлогомъ не ѣздить въ Совѣтъ: ибо члены изъ Молдаванъ

Библиотека "Руниверс"

объявили ему, что при первомъ появленіи моемъ въ присутствіе его, они изъ него выйдутъ, и придется его закрыть. Мнѣ ничего не осталось болѣе дѣлать, какъ дожидаться отвѣта изъ Крыма.

Чего мнѣ страшиться? разсуждалъ я самъ съ собою. На смертоубійство Молдаване не рѣшатся, а поединки еще не были у нихъ въ обычаяхъ. Развѣ молодые между ними гдѣ-нибудь изъ-за угла бросятся толпой съ бранными словами, а можетъ быть и съ побоями. Если не для жизни моей, то для чести предстояла нѣкоторая опасность. Но, избѣгая ее, не сидѣть же мнѣ дома? Въ любимомъ саду, моими попеченіями насажденномъ, встрѣчалъ я этихъ молодцовъ; никто мнѣ не кланялся, и всѣ мѣрили меня звѣрскими взглядами; я показывалъ, будто ихъ не замѣчаю. Какое странное, непріятное и вмѣстѣ довольно смѣшное положеніе! Частный человѣкъ имѣетъ противъ себя націю и подобенъ кумиру, сверженному съ подножія, но не разбитому еще въ прахъ.

Нѣкоторые даже изъ моихъ соотечественниковъ и сослуживцевъ сначала трухнули и какъ будто убѣгали меня. За то другіе, и первый между ними вице-губернаторъ Петрулинъ, не дозволяли, чтобы какое-нибудь обидное слово на мой счетъ было произнесено. Липранди, котораго фанфаронство вселяло нѣкоторый страхъ, объявилъ, что, взявши разъ подъ свое покровительство, онъ ни за что меня не выдастъ. Алексѣевъ съ искреннимъ жаромъ вступался за меня. Наконецъ, молодые офицеры генеральнаго штаба, бывшіе либералы, такъ и лѣзли на молодыхъ Молдаванъ и болѣе чѣмъ когда оказывали имъ презрѣніе. За меня, какъ бы за какую-нибудь Елену, готова была возгорѣться война.

Къ вящему горю моему, сожительствовалъ мнѣ одинъ полковникъ, Николай Васильевичъ Арсеньевъ. Старшій братъ его, Дмитрій Васильевичъ, убитый на поединкѣ графомъ Хребтовичемъ, за невѣсту Ренне, служилъ нѣкогда вмѣстѣ съ Воронцовымъ въ Преображенскомъ полку и былъ ему великимъ пріятелемъ. Онъ завѣщалъ ему сіе чадо, и графъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты, доставлялъ ему чины и кресты и имѣлъ еще при себѣ въ Мобёжѣ. По возвращеніи изъ Франціи, какъ многіе другіе, вышелъ онъ въ отставку и женился въ Москвѣ. Онъ опять сталъ проситься въ службу, когда патрона его назначили генералъ-губернаторомъ, и весною пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ еще я нашелъ его.

Товарищемъ моимъ въ Совѣтѣ, другимъ членомъ отъ короны, былъ военный совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Логвиновъ, нѣкогда правитель канцеляріи у Прозоровскаго въ Бухарестѣ, человѣкъ смирный и способный, какъ утверждали, честный и бѣдный. Но онъ сдѣлался хворъ, состарился, спился и одурѣлъ; никогда рта онъ не открывалъ; Христа ради его держали. Его уволили съ половинной пенсіей, дабы очистить

Библиотека "Руниверс"

мѣсто его, и посадили на него Арсеньева; служба отъ того ровно ничего не выиграла. Снисходительные люди называли сего послѣдняго ограниченнымъ человѣкомъ; но, право, не было границъ его простоумію. Какъ въ безпредѣльной степи не встрѣтишь куста, такъ въ головѣ его не было ни одной мысли. Съ добрымъ сердцемъ, съ благородными чувствами, сіе безвинное, безобидное существо, не возбуждая ни въ комъ недоброжелательства, могло бы спокойно и незамѣтно прожить цѣлый вѣкъ. Но на бѣду женился онъ на злой толстушкѣ Авдотьѣ Ивановнѣ, также изъ рода Арсеньевыхъ, и во всемъ ее слушался. Какъ ни выдумывай, какъ ни смягчай выраженія, приличнѣе названія дурищи пріискать ей не возможно. До замужества никто ея не видалъ въ Московскомъ лучшемъ обществѣ: она была не Московская барышня, а Замоскворѣцкая, а между ими во сто разъ болѣе необразованности и грубой спѣси, чѣмъ въ уѣздныхъ.

Къ сожалѣнію, пришла графу мысль, что назначеніемъ Арсеньева въ Совѣтъ удвоитъ онъ силу мою въ немъ. Онъ предлагалъ ему, какъ мнѣ сказывали, всегда держаться моего мнѣнія, не какъ человѣка болѣе его опытнаго въ дѣлахъ, а болѣе ознакомленнаго съ положеніемъ края. Онъ разсказалъ о томъ дурѣ; она обидѣлась, разгнѣвалась и возненавидѣла меня. Еслибъ она знала, какъ охотно отказался бы я отъ этой опеки и какую мучительную скуку терпѣлъ я въ разговорахъ съ симъ питомцемъ!

Другая вина моя была еще важнѣе. Дабы болѣе сблизить меня съ Арсеньевымъ, дабы водворить между нами единодушіе, графъ и ему далъ помѣщеніе въ нанятомъ для него домѣ Крупенскаго. Большая, парадная половина его на улицу, хорошо меблированная, оставалась пустою на случай пріѣзда намѣстника. Я тутъ же имѣлъ двѣ-три небольшія комнаты, порядочно прибранныя, составлявшія кабинетъ хозяина, но въ которыхъ женатому человѣку помѣститься никакъ было бы не возможно. Уѣзжая изъ Кишинева и оставляя въ нихъ нѣкоторыя пожитки, я ихъ заперъ. Оставался еще длинный флигель, примыкавшій къ самому дому, и въ немъ было семь или восемь комнатъ чистыхъ, просторныхъ и высокихъ, но ни одного стула. Арсеньевы пріѣхали за недѣлю до меня, должны были ночевать на полу и купить потомъ кой-какія мебели. Дуня крайне взбѣсилась.... на меня: я умѣлъ, по мнѣнію ея, захватить для себя все лучшее. Вскорѣ, узнавши о неистовомъ на меня гнѣвѣ Молдаванъ, она къ нему присоединила собственный и объявила, что я человѣкъ безпокойный, опасный, который ничего не умѣетъ дѣлать, какъ только ссорить начальство съ жителями.

Ничего о томъ не зная, поспѣшилъ я посѣтить милую свою сосѣдку; супруги приняли меня холодно, почти неучтиво. За это сер-

Библиотека "Руниверс"

диться мнѣ было нечего, оно избавляло меня отъ несноснаго знакомства. Однакоже крайне было непріятно имѣть у себя подъ бокомъ ненавистницу, которая привезенной съ собой дворнѣ запретила не только говорить, даже смотрѣть на небольшую мою прислугу, почитая и ее какъ бы зачумленною.

Я увѣренъ, что Молдаване не столько почитали себя обиженными невыгодными объ нихъ отзывами (мнѣ случалось нѣкоторыя истины имъ самимъ иногда говорить), сколько были раздосадованы намѣреніями и желаніями, въ рукописи моей изъясненными. Имъ открылась важная тайна: всѣ быстрыя перемѣны, для нихъ столь непріятныя, совершившіяся по большей части безъ моего участія, всѣ были приписаны однимъ только моимъ внушеніямъ. Уже порядочно начинали они ненавидѣть графа Воронцова, но въ борьбу съ нимъ вступать не дерзали, а во мнѣ надѣялись поразить его, говоря Русской пословицей: не смоча коровы, да подойникъ о земь. Онъ очень хорошо это понялъ и не заставилъ сихъ господъ долго дожидаться отвѣта на ихъ просьбу. Но по дальнему разстоянію отъ Крыма, болѣе шести сотъ верстъ сухимъ путемъ, отвѣтъ не могъ придти ранѣе половины Іюля.

Оффиціальнымъ предложеніемъ губернатору графъ поручаетъ ему объявить Молдавскимъ дворянамъ: 1-е, что похищеніе рукописи служитъ доказательствомъ, сколь мало тотъ, кому она принадлежитъ, имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее извѣстною; 2-е, что въ копіи, къ нему съ нея присланной, не найдено ничего противнаго религіи, нравственности и монархическимъ правиламъ; 3-е, что ни у кого не отнята воля о другихъ имѣть свое мнѣніе и если онъ самъ явно не обнаруживаетъ его, то нѣтъ никакого повода тѣмъ обижаться; 4-е, что вообще, какъ видно, тутъ хотятъ смѣшать частное дѣло съ общественнымъ и наконецъ, 5-е, что исполненіе намѣренія господъ депутатовъ оставить присутствіе Совѣта при моемъ появленіи было бы явнымъ нарушеніемъ законнаго порядка и что въ такомъ случаѣ онъ озаботился бы о пріисканіи имъ преемниковъ.

Въ частномъ же письмѣ къ тому же Катакази графъ находитъ, что онъ показалъ мало твердости, не стараясь вразумить Молдаванъ и прекратить дѣло, не давая ему никакого хода. Однимъ словомъ, далъ ему напрягай *).

Оффиціальнымъ письмомъ изъ Крыма, Казначеевъ по порученію графа увѣдомлялъ меня о распоряженіяхъ имъ сдѣланныхъ. Вмѣстѣ съ

*) Когда начальникъ въ негодованіи дѣлалъ подчиненному строгое замѣчаніе, между военными это называлось распекать, а между штатскими дать напрягай. Сіи слова, кажется, начинаютъ вовсе выходить изъ употребленія, и для того одно изъ нихъ хотѣлъ я здѣсь сохранить.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ именемъ его объявлялъ онъ мнѣ хвалу за то, что, не слушаясь Лекса, я поѣхалъ въ Кишиневъ и порицаніе за то, что, послушавшись губернатора, не пошелъ я въ Совѣтъ.

Какъ было не догадаться Молдаванамъ, что дѣло мое намѣстникъ почелъ какъ бы собственнымъ? Я же симъ торжествомъ, признаюсь, не весьма былъ утѣшенъ. Кишиневъ мнѣ вновь опротивѣлъ, и я все надѣялся, что, дабы не поддаваться Молдаванамъ, мнѣ сперва дадутъ какую нибудь коммиссію, а послѣ и вовсе уволятъ отъ должности. Когда явился я въ Совѣтъ, никто не вышелъ; но никто изъ Молдаванъ мнѣ не поклонился. Народы, называемые необразованными, сохраняютъ еще сколько нибудь твердости и чистосердія. При семъ воспоминаніи, вмѣсто того чтобы обвинить ихъ, мнѣ хочется ихъ оправдать.

Они жили себѣ по старинѣ данниками Порты подъ управленіемъ собственныхъ воеводъ изъ единоземцевъ, пока Турецкое правительство, для умноженія съ нихъ доходовъ, не стало отдавать княжествъ на откупъ и насылать къ нимъ господарей изъ Грековъ, своихъ драгомановъ. Они познали тогда нужды, имъ прежде неизвѣстныя и алчность къ золоту для удовлетворенія ихъ. Когда же Русскіе повадились приходить къ нимъ съ вооруженной рукой въ видѣ союзниковъ и избавителей, тогда только началась у нихъ настоящая порча нравовъ. Россія съ своими Европейскими затѣями, съ деспотическими навыками и съ либеральнымъ кривляньемъ часто сама не знаетъ чего она хочетъ, а бѣдные завоеванные народы еще менѣе. Нѣтъ ни въ чемъ общей системы, постоянной цѣли. Во время войны изъ главнокомандующихъ арміей иные черезъ мѣру баловали Молдавановъ, другіе слишкомъ круто поступали съ ними. И тутъ въ Бессарабіи, когда дарована имъ была каррикатурная конституція, когда они почитали себя свободными, послѣ безсмысленнаго Бахметева и робкаго Инзова, вдругъ встрѣтили они непреклонную волю Воронцова.

Сами же Русскіе, натолковавши имъ о преимуществахъ Европейскаго просвѣщенія, породили въ нихъ глубокое презрѣніе къ намъ, завоевателямъ ихъ. На простодушныхъ, веселыхъ, храбрыхъ нашихъ армейскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, также на гражданскихъ чиновниковъ, степенныхъ, всегда занятыхъ дѣломъ, смотрѣли бояре какъ на варваровъ. Нѣсколько они уважали тѣхъ, кои одѣвались по модѣ, знали свѣтскіе обычаи и говорили по французски, но въ нихъ видѣли они уже не Русскихъ, а Европейцевъ. Въ Кишиневѣ бояре приходящихъ къ нимъ даже Русскихъ совѣтниковъ никогда не сажали у себя: каждый изъ сихъ несчастныхъ находился подъ патронатствомъ котораго нибудь изъ нихъ, и они трепетали передъ ихъ могуществомъ, полагая, что они имѣютъ въ Петербургѣ тѣсныя связи съ Каподи-

Библиотека "Руниверс"

стріей и со Стурзой. Въ мое время въ нихъ это было только дѣйствіемъ привычки. Разсказывали, что причудливый, сумасбродный Иванъ Бальшъ, пожалованный камергеромъ и поселившись тогда въ Петербургѣ, въ маленькой улицѣ, любилъ забавляться стрѣляніемъ въ цѣль. Съ отчаяніемъ прибѣгалъ квартирный надзиратель, изъ отставныхъ Русскихъ офицеровъ, и умолялъ оставить сіе занятіе, представляя, что въ случаѣ какого либо несчастія, не онъ г. Бальшъ, а онъ полицейской подвергнется жестокой отвѣтственности. «Ну такъ стой же на караулѣ, отвѣчалъ тотъ, и никого не пускай, пока я тутъ»; и приказаніе исполнялось. Всегда бояре обижались, когда отъ Бахметева дежурный полицейской офицеръ приходилъ къ нимъ съ приглашеніемъ на обѣдъ или на вечеръ: такіе люди не должны были касаться порога ихъ. Послѣ того можно посудить, какъ легко было полиціи находиться въ исправности. За то и многіе Русскіе въ глаза смѣялись Молдаванамъ и не весьма пристойно надъ ними подшучивали. Причины къ неудовольствію, даже взаимной враждѣ, были многочисленны.

Вообще иностранцы, находящіеся въ области, старались жителей поставить противъ насъ. Грѣшно было бы упрекнуть въ этомъ случаѣ Нѣмцевъ: они или прилежно занимались дѣлами службы, ни о чемъ другомъ не помышляя, или женившись на Молдаванкахъ спокойно хозяйничали въ ихъ приданныхъ кишлахъ. Поляки и Французы были для насъ вредны: первые вселяли къ намъ вражду свою, послѣдніе презрѣніе. Первыхъ было много; но семейства ихъ, среди православнаго населенія, непримѣтнымъ образомъ превращались въ Русскихъ. Послѣднихъ было мало; эти хвастуны, безъ всякого дурнаго намѣренія, безпрестанно восхваляли благословенную, цвѣтущую страну свою и сравнивали ее съ нашимъ дикимъ Сѣверомъ и его грубыми нравами, и тѣмъ самымъ у людей высшаго сословія отнимали всю охоту поближе ознакомиться съ государствомъ, къ которому они принадлежали. Веселая, довольно учтивая дерзость нѣкоторыхъ изъ сихъ Французовъ и ихъ легкомысліе были довольно забавны и оригинальны, такъ что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи здѣсь изобразить ихъ.

Въ дружественныхъ отношеніяхъ съ богатѣйшими изъ бояръ былъ нѣкто Флёри, еще до революціи, въ первой молодости сосланный на галеры и бѣжавшій изъ Тулона. Возвратиться во Францію ни при которомъ изъ мѣнявшихся тамъ правительствъ ему не было возможно: на лѣвомъ плечѣ у этого г. Флёри разцвѣтала лилія. Хотя ему было гораздо за пятьдесятъ, но онъ былъ еще бодръ, здоровъ, свѣжъ и румянъ, умѣлъ плѣнить одну княгиню Ханджери и не ее одну обиралъ онъ. Когда мнѣ послѣ случилось временно управлять областію, разъ пришелъ онъ ко мнѣ за какимъ-то дѣломъ. Я имѣлъ слабость поса-

Библиотека "Руниверс"

дить его, но не могъ удовлетворить его просьбы; онъ, кажется, прогнѣвался и едва вышедъ отъ меня, надѣлъ шляпу. Въ другой комнатѣ стоялъ съ бумагами канцелярской чиновникъ по имени Грибовской, малый молодой и смѣлый. Я перстомъ указалъ ему на шляпу сквозь открытыя двери; онъ бросился, сорвалъ ее и, принимая вѣроятно барина сего за Молдавана, подалъ ему ее съ улыбкой, сказавъ: слуга думитале (покорнѣйшій слуга). Съ бѣшенствомъ Флёри оборотился ко мнѣ и спросилъ, какъ могу я допустить, чтобы въ присутствіи моемъ чинимы были такія дерзости. «Да, я не допускаю, отвѣчалъ я, чтобы кто нибудь у меня въ комнатѣ при мнѣ смѣлъ надѣть шляпу». Онъ пуще разъярился, хотѣлъ еще что-то молвить, но я прервалъ его словами: «полноте, г. Флёри, пожалуста не горячитесь; я знаю, кто вы и мнѣ нетрудно будетъ приказать обнажить истину». Онъ что-то пробормоталъ, но съ поникшею головою спокойно удалился.

Другой замѣчательный въ Кишиневѣ Французъ назывался Шевалье де Карро. Онъ былъ красивъ собою, весьма доволенъ собою, всегда одѣтъ франтовски и, можетъ быть, по фамильному имени его мнѣ казалось, что онъ походилъ на бубноваго валета. Одна Богемская графиня Чернина для него покинула родину и семейство, хотѣла куда нибудь по далѣе скрыться, поселилась съ нимъ въ загородномъ домѣ въ верстѣ отъ Кишинева и никому кромѣ него не показывалась.

Еще одинъ Французъ мусью Рене мнѣ отмѣнно полюбился своею скромностію и знаніемъ. Невѣжество было, чѣмъ онъ жилъ, но всегда одѣтъ былъ опрятно и вездѣ былъ принятъ. Онъ имѣлъ намѣреніе завести пансіонъ для благородныхъ мальчиковъ, только желалъ, сверхъ позволенія на то отъ правительства, получить отъ него денежное пособіе. Я взялся быть за него ходатаемъ у графа. «Что вы, что вы! воскликнулъ онъ, да вы вѣрно не знаете, что это ужаснѣйшій Якобинецъ». Къ сожалѣнію послѣ оказалось, что свѣдѣнія о немъ не совсѣмъ были ложны.

Никто не назвалъ бы Якобинцемъ сѣдого Шевалье де-Сиво (Sivault), который меня посѣщалъ и очень потѣшалъ. Онъ весь былъ проникнутъ, начиненъ, умащенъ дореволюціонными, аристократическими предразсудками: низшее сословіе, ротюра, по мнѣнію сего, впрочемъ, весьма добраго человѣка, не совсѣмъ принадлежала къ человѣческому роду. Не знаю, гдѣ провелъ онъ первые годы своей эмиграціи, только долго жилъ потомъ въ Одессѣ подъ покровительствомъ дюка де-Ришелье, который и выхлопоталъ ему во Франціи вознагражденіе за сдѣланныя имъ потери. Съ небольшимъ капиталомъ вторично покинулъ онъ родину, гдѣ не былъ возстановленъ прежній порядокъ и гдѣ оставаться онъ не могъ, и воротился въ Новороссійскій край. Тутъ взялъ онъ въ

Библиотека "Руниверс"

Хотинскомъ цынутѣ двѣ мошіи на аренду; какъ онъ заправлялъ ими, не понимаю, ибо большую часть времени проводилъ въ областномъ городѣ. Кто хотѣлъ его молодить, тотъ давалъ ему только что шестьдесять лѣтъ, а совсѣмъ тѣмъ былъ онъ веселъ, бодръ и проворенъ. Любимый разговоръ его былъ о его амурахъ, не о стародавнихъ, а о настоящихъ; онъ во всѣхъ дѣвицъ влюблялся, а за одну даже и сватался. Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ не могъ болѣе нравиться женщинамъ, да и никто не старался разувѣрить его въ томъ. Лишь только заговорить при немъ о фехтованіи и въ руку дать ему палку, онъ пойдетъ сражаться со стѣной, дѣлать тьерсы и кварты. Если кто-нибудь въ шутку на фортепіано заиграетъ при немъ Французскую кадриль, его сперва начнетъ подергивать, корчить, потомъ онъ вскочитъ и начнетъ бить нога объ ногу; наконецъ, не утерпитъ и одинъ пустится плясать, выдѣлывая шассе-батю и антраша. Это былъ не человѣкъ, а наслажденіе.

Также легитимистъ, также роялистъ, только инаго покроя, новаго изданія, былъ молодой Бретанскій дворянчикъ баронъ Ріуффъ де Торанъ, близкій родственникъ женѣ Шатобріана. Этотъ былъ чопоренъ, скученъ, всегда одѣтъ щегольски и обвѣшанъ разными покупными крестиками, между прочимъ Французской серебряной Лиліей и папскими орденами Св. Гроба и Золотой Шпоры. Онъ, какъ говорится, былъ голъ какъ соколъ, и гдѣ-то за границей женили его на весьма пожилой дѣвѣ, сестрѣ полоумнаго камергера Бальша, прослывшей богатою. Онъ былъ красавчикъ, а она куда какъ неблагообразна. Богатство ея состояло изъ двухъ небольшихъ деревень въ Бессарабіи и пребольшомъ о нихъ процессѣ. Дѣло производилось въ Совѣтѣ, и баронъ такъ часто твердилъ мнѣ названія сихъ владѣній, Александрени и Коболта, что и поднесь остались они у меня въ памяти. Можетъ быть, придется мнѣ говорить о другой тягостной для меня его тяжбѣ, въ которой, къ несчастію, избралъ онъ меня единственнымъ судьею.

Въ то время житье мое было такъ непріятно, такъ скучно, что воспоминаніе объ немъ производитъ во мнѣ зѣвоту. Отъ того-то для разсѣянія принялся я за Французовъ. Впрочемъ, громовое посланіе графа разсѣяло вокругъ меня тучи. Испуганный губернаторъ сдѣлалъ обѣдъ и на него пригласилъ меня и нѣсколько менѣе разгнѣванныхъ Молдаванъ для примиренія; дѣло обошлось очень хорошо, безъ изъявленія неудовольствія съ чьей-либо стороны; но уже нравственная власть моя надъ ними навсегда была потеряна. Замѣтивъ, что въ Совѣтѣ на каждое слово мое бываетъ возраженіе, по дѣламъ, въ коихъ принималъ болѣе участія, изъявлялъ я мнѣніе, противное тому, которое имѣлъ: сопротивленіе, которое оно встрѣчало, было согласно съ моимъ жела-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ, и этой уловкой нерѣдко заставлялъ я сихъ господъ дѣлать, что́ хотѣлъ. Сочленъ и сожитель мой Арсеньевъ, который живши въ двухъ шагахъ отъ меня, сначала ни разу не хотѣлъ меня посѣтить, также приходилъ съ приглашеніемъ на обѣдъ; но отъ сей мировой, не помню подъ какимъ предлогомъ, я отказался, и съ тѣхъ поръ до конца его жизни остались мы совершенно чужды другъ другу.

Нельзя было сказать, чтобы домъ, въ которомъ мы жительствовали съ нимъ, находился у городскаго выѣзда; ибо далеко за него простирались кварталы, назначенные для постройки новыхъ домовъ. Но покамѣстъ тутъ было одно чистое поле, на которомъ не было ни кола, ни двора. Это мѣсто во время вечерней прохлады было моей любимой прогулкой; не встрѣтишь на немъ, бывало, ни одного человѣческаго лица. Я чуждался надоѣвшаго мнѣ Кишиневскаго общества, но дабы не совсѣмъ тратить время по пустому, мнѣ пришло въ голову начать дѣлать новыя знакомства.

Я уже сказалъ, въ какомъ уничиженіи у Молдавскихъ бояръ жили Русскіе совѣтники правленія и палатъ. Я на нихъ не обращалъ большаго вниманія, да и они сами держали себя въ почтительномъ отъ меня отдаленіи. Нѣкоторые изъ нихъ были женаты, имѣли добрыя семейства, милыхъ дѣтей, жили же они уединенно, хотя совсѣмъ не скудно. Такъ какъ патроны ихъ бывали въ несогласіи, то и они между собою не имѣли близкихъ сношеній. Почитая меня погибшимъ и опасаясь, чтобы не участвовать въ моемъ паденіи, они еще болѣе отъ меня отдалялись. Но когда побѣда оказалась на моей сторонѣ, и я самъ сдѣлался къ нимъ внимательнѣе, они приняли это не безъ удовольствія. Я началъ посѣщать ихъ, звать ихъ къ себѣ, собирать иногда у себя по вечерамъ и сближать ихъ между собою. Когда я покороче познакомился съ ними, то старался объяснить имъ, сколь постыдно Русскому чиновнику въ завоеванной землѣ отдать себя въ кабалу кому-либо изъ жителей и какъ безразсудно съ трепетомъ покланяться тѣмъ людямъ, которые, по наклонности своей къ тяжбамъ, сами болѣе должны имѣть въ насъ нужду. Мнѣ казалось, что слова мои на нихъ подѣйствовали. Они были очень увѣрены въ благосклонности къ нимъ Михаила Ивановича, то-есть Лекса, но въ случаѣ нужды мало надѣялись на твердость его защиты. Я увѣрилъ ихъ, что при Воронцовѣ онъ совсѣмъ перемѣнился, и обѣщалъ имъ покровительство Казначеева, да и самого графа. Что́ же касается собственно до меня, я объявилъ имъ, что всегда совершенно готовъ къ ихъ услугамъ. Однимъ словомъ, поступалъ какъ настоящій заговорщикъ.

Усилія мои остались не безуспѣшны; только переворотъ могъ сдѣлаться не иначе какъ постепенно. Еще до наступленія осени, сіи

Библиотека "Руниверс"

господа стали посѣщать другъ друга, дѣлать вечеринки безъ претензій и роскоши и на нихъ, какъ говорили, играть въ картишки. Барыни ихъ, скромныя, любезныя безъ Французскаго языка, вкусили наслажденіе общежитія и никогда потомъ отъ него отстать не могли. Чиновники другихъ вѣдомствъ, нѣкоторые военные, женатые Нѣмцы, Эйхфельдъ, Эйтнеръ, Метлеркампфъ и другіе, не попавшіе въ высшій кругъ, составленный по большей части изъ Молдаванъ и Грековъ, пожелали участвовать въ удовольствіяхъ сей жизни. Но то ли дѣло было, когда слѣдующей зимой наѣхало нѣсколько вновь опредѣленныхъ чиновниковъ съ хорошимъ состояніемъ (назвать ихъ здѣсь еще не мѣсто), люди, которые умѣли дать себѣ вѣсъ, любили принимать и угощать у себя преимущественно земляковъ своихъ. Тогда то рѣшительно составилось особое Русское общество, status in statu, которое могло смѣяться надъ боярскою спѣсью. Я же не могъ налюбоваться, глядя на сей, какъ мнѣ казалось, открытый мною новый міръ. Союзъ даетъ силу; ее возчувствовали члены безпрестанно умножающагося общества и стали дѣйствовать смѣлѣе. Какъ должны были удивиться Молдаване, когда встрѣтили упругость въ своихъ прежнихъ кліентахъ?

Когда я говорю о Молдаванахъ и спѣси ихъ, то дѣло идетъ объ однихъ только боярахъ. Поступившихъ въ Россійское подданство было немного; но послѣ разрѣшенія имѣть владѣнія по обѣимъ сторонамъ Прута, многіе изъ нихъ пріобрѣли имущества въ Бессарабіи и спаслись въ нее изъ Бухареста и Яссъ во время Турецкаго гоненія. Они почитали себя главами народа, крѣпко стояли за свою народность и возбуждали мелочь противъ тѣхъ, кои смѣли ея касаться. Впрочемъ, ихъ не очень любили тѣ изъ соотечественниковъ ихъ, на коихъ они смотрѣли съ презрѣніемъ, называя ихъ своими прежними слугами, чокоями и трубкоподавателями, и которые, купивъ имѣнія и получивъ мѣста, сдѣлались у насъ дворянами и слѣдственно имъ равными. Изъ числа сихъ послѣднихъ братья Стамати, братья Замфираки, Рале, сами пристали къ Русской партіи; ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе. Съ возвращеніемъ во свояси запрутскихъ бояръ, совершенно долженъ былъ измѣниться Молдавскій духъ въ Бессарабіи.

Все бы это было очень хорошо, но я чувствовалъ тоску неодолимую и отъ того мучилъ графа просительными письмами объ увольненіи меня отъ должности. Онъ не согласился и изъ Крыма прислалъ мнѣ опять приказаніе пріѣхать въ Одессу по дѣламъ службы. Я и тому обрадовался и 15 Сентября, почти ровно черезъ годъ послѣ перваго пріѣзда моего въ Кишиневъ, оставилъ его.

Передъ этимъ стояли несносные жары, я одѣтъ былъ легко, и въ самую минуту выѣзда моего пошелъ мелкій и частый дождикъ. При

Библиотека "Руниверс"

внезапной перемѣнѣ температуры я всегда подверженъ былъ простудамъ; тутъ почувствовалъ я лихорадку, такъ что долженъ былъ остановиться ночевать въ Бендерахъ у полицеймейстера Бароцци, весьма добраго человѣка. На другой день я оправился, и за Днѣстромъ встрѣтило меня опять благотворное солнце. Къ вечеру пріѣхалъ я въ обычный мнѣ отель де-Рено.

Еще графъ не воротился изъ Крыма. Въ городѣ и особенно на пристани было много торговой дѣятельности, но веселаго шума нигдѣ. Одинъ театръ занималъ тогда всю публику и даже раздѣлялъ ее. Пріѣхала изъ Петербурга пѣвица Данжевиль-Ванденбергъ, которую я тамъ видѣлъ на сценѣ и о которой говорилъ въ началѣ сей части. Она за что-то поссорилась съ дирекціей, привезла въ Одессу двухъ плохихъ актеровъ, Валдоски и Огюста, еще кой-кого понабрала и пустилась потчивать жителей водевилями. Старожилы, если только могли они быть въ двадцатилѣтнемъ городѣ, видѣли въ этомъ посягательство на священныя, исключительныя права, дарованныя Итальянцамъ. Имъ вторилъ старикъ графъ Ланжеронъ, вѣроятно по обязанности бывшаго Одесскаго градоначальника. За то новый, графъ Гурьевъ, ничего не смыслившій въ музыкѣ и всегда отличавшійся галломаніей, всею силою поддерживалъ Французовъ. Конечно въ искусствѣ пѣнія Данжевиль не могла бы состязаться даже съ посредственными Одесскими пѣвицами, за то играла превосходно, была хороша собою и умѣла выбирать веселыя піесы, при представленіи коихъ партеръ всегда бывалъ полонъ. Не доказываетъ ли это, что Итальянская опера была только дѣломъ условнымъ, а настоящею потребностію Французской или даже Русской театръ? Но о семъ послѣднемъ никто не смѣлъ даже думать, и нельзя было предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ двѣ Русскія труппы въ одно время будутъ играть на двухъ разныхъ сценахъ и всегда привлекать множество зрителей. Въ такомъ разноязычномъ городѣ какъ Одесса былъ необходимъ общій языкъ; имъ сдѣлался Русской. Грекъ или Англичанинъ, Жидъ или Французъ каждый произносилъ по своему, но всѣ другъ друга понимали. Заведеніе театра еще болѣе распространило употребленіе его между жителями.

Больно мнѣ бывало слышать ругательства противъ Русскаго народа, а еще больнѣе внутренно сознаваться, что они были заслужены. Первое населеніе Одессы состояло изъ Русскихъ бродягъ, людей порочныхъ, готовыхъ на всякое дурное дѣло. Нравы ихъ не могли исправиться при безпрестанномъ умноженіи прибывающихъ подобныхъ имъ людей. Но они служили основой, такъ сказать фундаментомъ новой колоніи. А между тѣмъ, если послушать иностранцевъ, каждая нація приписывала себѣ ея основаніе; во первыхъ Французы, которые столь

Библиотека "Руниверс"

много лѣтъ при Ришелье и Ланжеронѣ пользовались первенствомъ; потомъ Итальянской сбродъ, гораздо прежде Рибасомъ привлеченный, въ этомъ дѣлѣ требовалъ старшинства. Жиды, которые съ самаго начала овладѣли всей мелкой торговлей, не безъ основанія почитали себя основателями. Нѣмцы, которыхъ земляки въ Лустдорфѣ и Либенталѣ, были единственными скотоводами, хлѣбопашцами, садовниками и огородниками въ окрестностяхъ и одни снабжали населеніе съѣстными припасами, имѣли равное на то съ ними право. Наконецъ, Поляки, которые привозили свою пшеницу, родившуюся на Русской землѣ, обработанной Русскими руками и поддерживали тамъ хлѣбную торговлю, видѣли въ Одессѣ Польскій городъ. Одна Россія не участвовала въ сооруженіи сего града, развѣ только покровительствомъ царскимъ, милліонами ею на то пожертвованными, да десятками тысячъ рукъ ея сыновъ, не трудолюбивыхъ, но неутомимыхъ. На сихъ сыновъ ея иностранцы смотрѣли какъ на навозъ. Спросить бы у сихъ господъ, что́ бы сдѣлали они безъ этого навоза, который лучше камня служилъ основаніемъ ихъ фортунамъ. До того этотъ городъ почитался иностраннымъ, что на углахъ улицъ видны были Французскія и Итальянскія надписи, какъ напримѣръ rue de Richelieu, Strada di Ribas. Тогда графъ Воронцовъ былъ одушевленъ самымъ благороднымъ, патріотическимъ жаромъ, и всѣ эти надписи велѣлъ замѣнить Русскими.

Около мѣсяца дожидались мы возвращенія нашего генералъ-губернатора. Онъ зажился посреди прелестей природы на Южномъ Крымскомъ берегу и, вѣроятно вслѣдствіе какой-нибудь неосторожности, захворалъ неотвязчивою Крымскою лихорадкою. Дотолѣ я не зналъ человѣка здоровѣе его; онъ достигнулъ настоящаго зрѣлаго возраста и былъ самаго крѣпкаго сложенія; съ этихъ поръ болѣзни нерѣдко стали его посѣщать. Онъ воротился изнеможенный, блѣдный, худой, занимался дѣлами, но мало кому показывался. Я не могъ много похвалиться ласкою его перваго пріема; я приписывалъ это дѣйствію лихорадки, а это было дѣйствіемъ наговоровъ. Бруновъ сопровождалъ его во все время этого путешествія и, разъ открывши мои злодѣянія, съ совѣта Александра Стурдзы, пустился мнѣ вредить, чего дотолѣ онъ не дѣлалъ. Главнымъ намѣреніемъ его было убѣдить графа, что послѣ всего происшедшаго мнѣ въ Бессарабіи никакъ оставаться не было возможно; онъ не зналъ, что тѣмъ оказывалъ мнѣ величайшую услугу.

Однакоже послѣ перваго объясненія, ледъ обхожденія со мною графа примѣтнымъ образомъ растаялъ. Почти всякой день видѣлъ я его потомъ, и когда графиня наверху за обѣдомъ принимала гостей, а онъ по слабости здоровья одинъ обѣдалъ у себя въ кабинетѣ, нерѣдко съ глазу на глазъ случалось мнѣ раздѣлять его трапезу. Онъ

Библиотека "Руниверс"

съ каждымъ днемъ становился мнѣ любезнѣе, и объ отсылкѣ меня въ Кишиневъ не было и помину. Но куда же дѣвать меня? Во время послѣдняго пребыванія въ Крыму прогнѣвался онъ на Таврическаго вице-губернатора статскаго совѣтника Куруту за одно дѣло, въ которомъ, правду сказать, сей послѣдній былъ вовсе не виноватъ, и просилъ министра финансовъ перевести его въ какую нибудь другую губернію; на его мѣсто прочилъ онъ меня. Но Канкринъ не показывалъ никакого расположенія удовлетворить сіе желаніе графа, а я покамѣстъ оставался какъ бы между двухъ стульевъ. Увы, скоро одно изъ нихъ должно было для меня опорожниться.

За нѣсколько дней до графа прибылъ изъ Крыма другой графъ, еще знаменитѣе его, но который присутствіемъ своимъ его затмить не могъ. Графъ Кочубей, оставя дѣла службы, по болѣзни дочери, провелъ зиму въ Ѳеодосіи; но пребываніе въ семъ мертвомъ городѣ семейству его показалось слишкомъ унылымъ, и онъ моремъ приплылъ съ нимъ въ Одессу, дабы въ ней провести эту зиму. Онъ такъ высоко стоялъ надо мною, не по званію, не по геніальности, а по горделивому характеру, что я не видѣлъ повода ему представляться. Однакоже, за обѣдомъ у графини Воронцовой, онъ самъ обратился ко мнѣ съ рѣчью, и послѣ обѣда милостиво разговаривалъ; послѣ того счелъ я обязанностію явиться къ нему. Обыкновенно вельможи въ провинціяхъ на величіе свое накидываютъ тонкое покрывало, дабы блескъ его смягчить для слабаго зрѣнія провинціаловъ и сдѣлаться доступнѣе. Меня графъ Кочубей позвалъ къ себѣ въ кабинетъ и тотчасъ посадилъ; одаренный удивительною памятью говорилъ онъ со мною о Китайскомъ посольствѣ, съ участіемъ вспоминалъ объ отцѣ моемъ и съ любопытствомъ разспрашивалъ о Бессарабіи. У такихъ людей надобно ожидать ихъ сигнала къ отбытію; я не дождался его, всталъ, а онъ меня опять усадилъ. Прощаясь объявилъ онъ мнѣ, что съ такого-то по такой-то часъ, онъ не занятъ дѣломъ, и что въ это время онъ всегда меня охотно приметъ. Мнѣ едва вѣрилось. Маленькое самолюбіе заставило меня еще раза два воспользоваться его дозволеніемъ или приглашеніемъ, и я не имѣлъ причины въ томъ раскаиваться. Не знаю чему обязанъ я за его хорошее расположеніе. Развѣ добрымъ словомъ, за меня замолвленнымъ ему Блудовымъ?

О семъ послѣднемъ давно не имѣлъ я никакого извѣстія. По болѣзни, по неудовольствію ли какому, или просто для прогулки отправился онъ, какъ говорили наши старики, на теплыя воды, а потомъ странствовалъ по Германіи. Отъѣзжая, передалъ онъ Бессарабскія дѣла и, кажется, заботы, въ случаѣ нужды, обо мнѣ пріятелю своему, статскому совѣтнику Аполинарію Петровичу Бутеневу, бывшему впослѣд-

Библиотека "Руниверс"

ствіи посланникомъ въ обоихъ Римахъ, въ нашемъ, и въ католическомъ.

Отъ родныхъ также не часто имѣлъ я извѣщенія; послѣднія дышали радостію. Въ Пензѣ, гдѣ въ четверть вѣка едва ли разъ показывалось регулярное войско, гдѣ народъ съ любопытствомъ бѣжалъ за проходящимъ Башкирскимъ полкомъ, назначенъ былъ смотръ двумъ корпусамъ. Пенза, которая никогда не наслаждалась лицезрѣніемъ ни одного изъ царей своихъ, ожидала Александра. Онъ прибылъ, остался доволенъ войскомъ; погода въ началѣ Сентября стояла безподобная, восторгъ вокругъ него былъ неописанный, и лице его, въ послѣдніе годы его жизни и царствованія, почти всегда унылое и мрачное, на нѣсколько дней просіяло веселіемъ. Подробности пребыванія его въ Пензѣ сохраняются у меня въ письмахъ брата и сестеръ моихъ.

Въ это время Одесское или лучше сказать семейное общество графа умножилось одною прибывшею изъ Петербурга четою. Не слишкомъ богатый Казанскій помѣщикъ, молодой красавчикъ, Димитрій Евлампіевичъ Башмаковъ, служилъ въ Кавалергардскомъ полку. Мундиръ, необыкновенная красота его, ловкость, смѣлость открыли ему двери во всѣ гостиныя большаго свѣта. Онъ получилъ тамъ право гражданства до того, что рѣшился искать руки внучки Суворова у Марьи Алексѣевны Нарышкиной и получилъ ее. Право, какъ-то совѣстно много толковать о такихъ людяхъ, какъ эти Башмаковы, но по заведенному мною порядку сіе необходимо. Человѣка самонадѣяннѣе, упрямѣе и непонятливѣе Башмакова трудно было сыскать; кто-то въ Одессѣ прозвалъ его Brise-raison. Молодая супруга его, Варвара Аркадьевна, была не хороша и не дурна собою, но скорѣе послѣднее; только на тогдашнее Петербургское высшее общество, столь пристойное, столь воздержанное въ рѣчахъ, она совсѣмъ не походила, любила молоть вздоръ и дѣлать сплетни; бывало, совретъ что нибудь мужу, тотъ взбѣсится, и выйдетъ у него съ кѣмъ нибудь непріятность. А *** и Раевской были опять тутъ какъ тутъ и болѣе чѣмъ когда, ненавидѣли другъ друга *). Они не очень сближались съ Башмаковымъ; за то Синявинъ подружился съ нимъ, и сіи люди, пожаловавшіе себя въ аристократы, были неразлучны. Я было и забылъ сказать, что г-жа Башмакова по матери была двоюродной племянницей графа

*) Разъ на танцовальномъ вечерѣ у графа случилось мнѣ сидѣть между Раевскимъ и графомъ Александромъ Потоцкимъ, братомъ *** и по добротѣ своей выродкомъ изъ Потоцкихъ. Онъ сказалъ мнѣ на ухо: «позвольте мнѣ васъ предостеречь, вы такъ откровенно и пріязненно разговариваете съ вашимъ сосѣдомъ, можетъ быть, не зная, что это самый опасный и ядовитый человѣкъ». Я поблагодарилъ его и сказалъ потихоньку, что съ такими людьми всегда говорю осторожно.

Библиотека "Руниверс"

и что мужъ ея, при оставленіи военной службы, получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергерской ключъ, пріѣхалъ подъ покровительство дядюшки. Вотъ какая родня дальняя и близкая облѣпила графа и графиню Воронцовыхъ. Послѣдняя сдѣлалась ко мнѣ милостивѣе, и я смотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Можно себѣ представить, какія неудовольствія, толки, пересуды должны были произвесть претензіи и несогласія сихъ людей между окружающими графа. Богъ избавилъ меня по крайней мѣрѣ отъ этой напасти: ибо, по возвращеніи его изъ Крыма, судьба не дозволила мнѣ долѣе трехъ недѣль оставаться въ Одессѣ.

Въ первыхъ числахъ Ноября пріѣхалъ изъ Кишинева сперва губернаторъ Катакази, а вслѣдъ за нимъ и товарищъ мой г. Арсеньевъ; сей послѣдній со словеснымъ объясненіемъ вице-губернатора Петрулина, который писать уже не былъ въ состояніи по совершенному изнеможенію силъ. Пока онѣ не совсѣмъ еще оставляли его, напрягалъ онъ ихъ и истощалъ для занятій по службѣ; тутъ вдругъ принужденъ былъ онъ ихъ сдать, ото всего отказаться и просить объ увольненіи. Подобнаго примѣра дѣятельности и самоотверженія въ исполненіи обязанностей сыскать почти невозможно. Пріѣздъ Арсеньева значилъ: неугодно ли меня на его мѣсто? Однакоже дни черезъ два съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ онъ.

Въ Михайловъ день, 8 Ноября, дабы праздновать имянины мужа, графиня сдѣлала великолѣпный балъ, украшенный присутствіемъ двухъ Андреевскихъ кавалеровъ, Кочубея и Ланжерона. Не безъ труда на этотъ балъ могла она вытащить графа, все еще страждущаго, въ мундирномъ сертукѣ и безъ эполетовъ. Онъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что имѣетъ кое что со мной переговорить, но что тутъ не мѣсто и для того приглашаетъ меня къ себѣ на другой день поутру. Лексъ, обыкновенно столь скромный, изъ особой пріязни проговорился мнѣ, что вѣроятно будетъ мнѣ сдѣлано предложеніе занять мѣсто Петрулина, объ ожидаемой кончинѣ котораго, послѣдовавшей 6-го числа, передъ вечеромъ получено извѣстіе. Меня это чрезвычайно смутило; какъ было отказываться, но какъ было и согласиться ѣхать опять въ этотъ ужасный, для меня какъ бы неизбѣжный Кишиневъ?

Однакоже не совсѣмъ безъ бою уступилъ я требованіямъ графа. Два слова меня убѣдили; первое то, что въ настоящую минуту моимъ согласіемъ будетъ онъ выведенъ изъ величайшаго затрудненія; второе то, что по случаю приближающагося срока для отдачи въ откупное содержаніе выкупной продажи по области, мнѣ одному можетъ онъ съ полною довѣренностію получить сіе дѣло, и что для общей пользы, кажется, можно на нѣкоторое время пожертвовать пріятностями жизни.

Библиотека "Руниверс"

Онъ прибавилъ, какъ смѣшно будетъ смотрѣть на Молдаванъ, изумленныхъ моимъ новымъ появленіемъ съ умноженіемъ власти. Однимъ словомъ, онъ нападалъ и на добрыя и на худыя стороны моего характера. Не знаю какое мнѣніе могъ онъ имѣть обо мнѣ, видя, что всегда воля его была для меня закономъ; можетъ быть, видѣлъ онъ въ этомъ слѣпое подобострастіе къ начальству. Какъ ошибался онъ! Моя безусловная покорность происходила отъ другаго чувства: отъ преданности къ избранному сердцемъ моимъ, мужу знаменитому, готовому всѣмъ жертвовать для отечества, такому, какимъ воображеніе мое тогда создало его.

Онъ хотѣлъ, чтобы, исключая Казначеева и Лекса, временное назначеніе меня въ должность вице-губернатора, по особому праву ему данному, оставалось пока въ тайнѣ даже для находившагося тутъ губернатора Катакази. Нужныя о томъ бумаги въ Совѣтъ были написаны 9-го числа, а я, не сказавъ никому о томъ ни слова, ни съ кѣмъ не простившись, 10-го числа оставилъ Одессу.

XIV.

Погода и дорога были прескверныя. Уставши, въ Тирасполѣ остановился я переночевать на какомъ-то постояломъ дворѣ. Я тутъ оставался не долго: начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Сергій Ѳеодоровичъ Ж..., въ отсутствіе генерала Сабанѣева исправлявшій должность корпуснаго командира, прислалъ убѣдительно просить меня къ нему переѣхать. У него нашелъ я отличный пріемъ, славный ужинъ и мягкую чистую постель. Все прекрасно; но онъ поразилъ меня ужасною вѣстію, что въ Измаилѣ открылась сильная чума, и что въ слѣдствіе сего извѣстія, только что полученнаго, едва ли по Днѣстру не приняты всѣ строгія карантинныя мѣры. Случись это сутокъ двое или трое прежде, и вѣроятно я не рѣшился бы ѣхать.

Вѣрно изобразить г. Ж... я колеблюсь. Многимъ покажется, что я плачу ему неблагодарностію за его гостепріимство; да развѣ я не обязался исправно дань платить истинѣ? Если кто захочетъ порыться во второй части этихъ Записокъ, тотъ найдетъ въ Казани родителей Ж....., отставнаго сенатора и супругу его, которые, не смотря на свои ласки, произвели на меня ужасное впечатлѣніе; тутъ мимоходомъ упомянулъ я и объ немъ. Въ самой первой молодости служилъ онъ въ гвардіи, потомъ въ арміи, всегда въ военной службѣ; не понимаю, какъ онъ выбралъ этотъ путь. Я бы могъ умолчать объ его необычайной трусости, если бы въ рѣдкихъ сраженіяхъ, въ коихъ онъ находился, онъ свидѣтелемъ ея не сдѣлалъ все войско. Въ томъ

Библиотека "Руниверс"

время былъ онъ чрезвычайно жестокъ съ подчиненными, особенно съ нижними чинами, и чрезмѣрно ласковъ съ тѣми въ коихъ полагалъ имѣть надобность: однимъ словомъ, при умѣ болѣе чѣмъ посредственномъ, имѣлъ всѣ пороки низкихъ душъ. Дивизіонная квартира его находилась въ Кишиневѣ; узнавъ объ отмѣнномъ ко мнѣ благорасположеніи начальника своего Сабанѣева, также и графа Воронцова, изъ коихъ первый просто его не любилъ, а послѣдній не могъ скрывать отвращенія своего отъ него, онъ надѣялся черезъ меня попасть къ нимъ въ милость и душилъ меня своими ласками. Какъ умѣлъ, отдѣлывался я отъ нихъ; но во время Молдавскаго гоненія на меня, онъ сталъ чаще меня посѣщать и оказывать всѣ знаки уваженія и дружелюбія; противъ этого не совсѣмъ я устоялъ, и вотъ какого рода были наши связи.

Долго проспалъ я слѣдующимъ утромъ: и самъ я не очень спѣшилъ выѣздомъ, да и Ж..... удерживалъ меня до завтрака, то есть до обѣда. Не весело же мнѣ будетъ въ Кишиневѣ, думалъ я: вѣроятно Катакази прямо изъ Одессы отправится въ Измаилъ, а областію управляетъ Курикъ, и мнѣ придется съ нимъ имѣть дѣло; тогда со всѣхъ сторонъ мы будемъ заперты. Сердце у меня сжалось, когда я переѣхалъ черезъ Днѣстръ: мнѣ казалось, что я вхожу въ тюрьму, и за мной запираются двери. Шестьдесятъ верстъ скоро можно сдѣлать, и 11-го числа въ девять часовъ вечера пріѣхалъ я въ любезный Кишиневъ. Я даже не въѣхалъ къ себѣ прямо на квартиру, а остановился въ небольшомъ Нѣмецкомъ трактирѣ, противъ строенія, въ которомъ были засѣданія Совѣта. Тотчасъ послалъ я просить къ себѣ полиціймейстера Радича, ему одному объявилъ свою тайну и просилъ, чтобы о назначеніи и пріѣздѣ моемъ никто въ городѣ не зналъ.

На другой день, 12-го числа, въ день моего рожденія, смотрѣлъ я въ окно и видѣлъ, какъ всѣ члены Совѣта одинъ за другимъ пріѣзжали въ него. Когда всѣ были собраны, надѣлъ я мундиръ и закутанный перешедъ улицу, внезапно явился посреди нихъ. Сіе появленіе Французъ могъ бы назвать coup de théâtre: изумленіе и досада изобразились на всѣхъ лицахъ; я объявилъ, что никогда не возвращусь, и они опять меня видятъ! Болѣе всѣхъ казался смущеннымъ Арсеньевъ; не садясь и не говоря ни слова, подалъ я ему пакетъ. Его распечатали, прочитали и велѣли написать журналъ о допущеніи меня къ должности. Курика не было; желая показать усердіе и дѣятельность и вѣроятно почитая себя настоящимъ губернаторомъ, также поскакалъ онъ въ Измаилъ; должность же сію сдалъ предсѣдателю гражданскаго суда брадатому Молдавану Башоту, предобрѣйшему старику, который, не смотря ни на кого, одинъ протянулъ ко мнѣ свои объятія. Какъ я ни

Библиотека "Руниверс"

за что не воротился бы къ званію члена Совѣта, то и возсѣлъ я на вице-губернаторскомъ мѣстѣ.

Прямо изъ Совѣта поѣхалъ я въ Казенную Экспедицію, гдѣ нашелъ двухъ осиротѣвшихъ совѣтниковъ, Кармазина и Билима, честныхъ, добрыхъ и свѣдущихъ людей, сподвижниковъ Петрулина, которые съ нимъ вмѣстѣ по желанію его переведены были съ нимъ изъ Херсона. Объявленіемъ, что я долженъ заступить его мѣсто, были они чрезвычайно утѣшены. Не вступая еще въ должность, я попросилъ ихъ дать мнѣ общее понятіе, въ коемъ находится казенная часть; начиная же съ слѣдующаго утра, исправно и ежедневно присутствовалъ въ экспедиціи.

Между людьми гражданскаго вѣдомства, управляющими какою-либо частью, есть слабость находить дурнымъ все, что̀ сдѣлали ихъ предшественники и все, что̀ дѣлаютъ ихъ преемники; про меня читатель этого не скажетъ. Менѣе чѣмъ въ годъ Петрулинъ успѣлъ казенныя дѣла извлечь изъ хаоса, въ которомъ оставилъ ихъ Крупенской; правда, при разстроенномъ здоровьѣ, какъ ретивый конь, онъ уморилъ себя. Мнѣ же очистилъ онъ путь къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ и облегчилъ трудъ, оставивъ хорошее наслѣдство, опытныхъ сотрудниковъ. Всѣмъ онъ казался дикъ: сказывали, что, лишившись любимой жены, онъ началъ чуждаться общества и въ молчаніи все тосковалъ объ ней; можетъ быть, въ упорномъ трудѣ искалъ онъ разсѣянія. Чистая душа его, я надѣюсь, блаженствуетъ теперь въ иномъ мірѣ съ подругой, не опасаясь новой разлуки. Никто даже по заочности не могъ упрекнуть его ни въ чемъ, но вообще его мало понимали и не умѣли цѣнить. Рѣдкій человѣкъ, мало извѣстный и давно забытый, до конца жизни моей останешься ты для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ.

Того же дня, 12 числа, переѣхалъ я опять въ сосѣдство къ Авдотьѣ Ивановнѣ. Всѣ ея окошки были на дворъ; каково ей было видѣть 14-го числа, въ день моихъ именинъ, какъ этотъ дворъ, обыкновенно пустой, покрылся всякаго рода экипажами? Я никого еще не успѣлъ посѣтить, но большая часть жителей, въ томъ числѣ много Молдаванъ, придрались къ случаю, чтобы пріѣхать меня поздравить. Каково было Авдотьѣ Ивановнѣ узнать, что, для пріема великаго числа гостей, долженъ былъ я открыть парадныя комнаты намѣстника? Ея непріязненныя ко мнѣ чувства вѣроятно отъ того не уменьшились.

Возвратился Курикъ, и сутокъ не пробывши въ Измаилѣ, куда пріѣхалъ настоящій губернаторъ. Не позволивъ себѣ никакой личности, по дѣламъ службы искалъ онъ со мною ссоры, а я уклонялся отъ нихъ. Напримѣръ, разъ пріѣхалъ онъ въ экспедицію, чтобы свидѣтельствовать казну: я объяснилъ ему, что сіе дѣлается только въ началѣ

Библиотека "Руниверс"

мѣсяца, но что впрочемъ, какъ мнѣ самому желательно знать все ли въ исправности, то я согласенъ исполнить его требованіе. Все найдено цѣло и въ порядкѣ, что̀ ему весьма не понравилось. Сперва не могъ смотрѣть я безъ досады на его управленіе, потомъ казалось оно мнѣ забавнымъ; онъ безпрестанно дурачился, съ утра до полуночи мучилъ себя и бѣдный канцелярскій народъ, проводя всѣ вечера въ областномъ правленіи, гдѣ при свѣчкахъ онъ все писалъ, писалъ и заставлялъ переписывать. Такою дѣятельностію думалъ онъ подслужиться графу, дабы попасть на мѣсто Катакази, а вмѣсто того своими нескончаемыми донесеніями, болтливыми посланіями обо всякихъ мелочахъ надоѣлъ ему до чрезвычайности.

Вскорѣ получено было изъ столицы самое печальное извѣстіе. Я провелъ большую часть жизни въ Петербургѣ и съ сокрушеннымъ сердцемъ узналъ о его потопленіи. Не знаю отчего, но тогда же сіе событіе показалось мнѣ предвѣстникомъ другихъ еще несчастнѣйшихъ. Съ другой стороны близость чумы, мрачное, холодное осеннее время, все располагало меня къ ипохондріи. Бывали минуты, въ которыя до того я чувствовалъ себя разстроеннымъ, что съ трудомъ могъ заниматься дѣломъ.

Со всѣмъ тѣмъ мнѣ вдругъ пришло въ голову заняться бездѣльемъ, дабы по возможности разогнать тоску вокругъ меня царствующую въ цѣломъ городѣ. Въ публичномъ саду, уже не по одному имени, для публичныхъ увеселеній выстроена была на улицу большая каменная галлерея или зала съ тремя или четырьмя комнатами вокругъ. Она находилась въ нѣкоторомъ запустѣніи, и мнѣ хотѣлось завести въ ней балы. Я отыскалъ нѣкоего Жозефа, Богъ вѣсть какъ попавшаго къ намъ; изъ бумагъ и атестатовъ его увидѣлъ я, что онъ находился поваромъ и метрдотелемъ сперва у герцога Ангальтъ-Кётенъ-Плесскаго, а потомъ у принцессы Элизы Бачіоки, сестры Наполеона. Это исполнило меня къ нему благоговѣніемъ, и я предложилъ ему сдѣлаться содержателемъ сихъ баловъ съ условіемъ, что сборъ съ посѣтителей будетъ весь ему принадлежать, но за то отопленіе, освѣщеніе и прочая и прочая, даже нѣкоторыя поправки въ залѣ, должны быть на его счетъ. Онъ на все охотно согласился.

Русское общество, весьма умножившееся, когда я объявилъ ему о своемъ желаніи, первое изъявило согласіе содѣйствовать его исполненію. Отъ генерала Ж....., усердствовавшаго въ семъ дѣлѣ, получилъ я обѣщаніе не слишкомъ строго взыскивать съ молодыхъ офицеровъ за несоблюденіе формы на сихъ вечеринкахъ и сіе обѣщаніе имъ передалъ. Съ его же соизволенія полковникъ Остафьевъ даромъ

Библиотека "Руниверс"

далъ намъ свою полковую музыку. Наконецъ, и съ Молдавской стороны пришла неожиданная помощь.

Была одна добрая, сумашедшая старушка, госпожа Богданъ, которая оставила Яссы единственно потому, что у нея былъ тамъ сынъ съ предлинной бородой и внукъ съ изрядным усомъ, а ей все еще хотѣлось казаться молодою. Она получила нѣкоторое образованіе и какимъ-то непонятнымъ Французскимъ языкомъ описала путешествіе свое въ Италіи. Она была богата и имѣла большой вѣсъ между земляками. Не знаю какъ ей вздумалось свататься за меня; я, разумѣется, не позволилъ себѣ отказаться отъ ея руки и просилъ только времени на размышленіе. Этимъ временемъ пользовался я, чтобы заставить ее дѣлать что хочу. Я увѣрилъ ее, что на этихъ балахъ будетъ она царицей, а какъ царицѣ нуженъ дворъ, то и просилъ ее, чтобъ она склонила молодыхъ коконъ и кокониць участвовать въ сихъ увеселеніяхъ; сіе было ей не трудно, ибо имъ самимъ до смерти хотѣлось танцовать. Немногіе однакожъ изъ бояръ согласились отпускать женъ и дочерей на сіи вечера; только тѣ, которые искали со мною примиренія и показывали, будто мнѣ изъ уваженія сіе дѣлали. О молодыхъ Молдаванахъ и говорить нечего: имъ бы только поплясать. Во всѣхъ земляхъ, куда проникаетъ Европейское просвѣщеніе, первымъ дѣломъ его бываютъ танцы, наряды и гастрономія.

Дѣло шло весьма успѣшно: въ первомъ собраніи было до полутораста человѣкъ, а впродолженіи зимы число посѣтителей обоего пола доходило иногда до трехъ сотъ. Будучи озабоченъ дѣлами одной только Казенной Экспѣдиціи, было у меня довольно времени, чтобы заниматься такими пустяками, какъ иные называли это. Однакоже все какъ-то смотрѣло веселѣе, бодрѣе по Русской пословицѣ: на людяхъ и смерть красна. Однажды нашелъ я веселящихся въ нѣкоторой тревогѣ: они почувствовали легкій ударъ землетрясенія, котораго на ѣздѣ, къ сожалѣнію моему, замѣтить я не могъ. Никогда не удалось мнѣ видѣть дѣйствіе сего феномена, не рѣдкаго въ Бессарабіи.

Вотъ какимъ грустнымъ и вмѣстѣ веселымъ образомъ оканчивался для меня 1824-й годъ. Съ неизъяснимымъ чувствомъ непонятнаго страха смотрѣлъ я на приближеніе ужаснаго, для меня столь мучительнаго 1825 года. Опасность для государства въ 1812 году была очевидна, по крайней мѣрѣ можно было, такъ сказать, ее измѣрить; а тутъ что-то мрачное, неугаданное, непостижимое, подымаясь на даль

Библиотека "Руниверс"

немъ горизонтѣ, казалось, грозитъ тебѣ. Описанію сей суровой эпохи моей жизни, если достанетъ силъ, намѣренъ я посвятить слѣдующую часть моихъ Записокъ.

За два дня до Рождества пожаловалъ ко мнѣ г. Курикъ съ видомъ не гнѣвнымъ, однако и не веселымъ. Онъ привезъ мнѣ копію Высочайшаго указа, подписаннаго 1 Декабря, объ утвержденіи меня въ званіи вице-губернатора. Болѣе десяти дней частнымъ образомъ былъ о томъ я увѣдомленъ, но въ Сенатѣ исполненіе указовъ всегда встрѣчаетъ небольшую проволочку. Онъ предложилъ мнѣ по краткости времени и по случаю закрытія присутственныхъ мѣстъ собрать Совѣтъ для приведенія меня къ присягѣ и вслѣдъ затѣмъ согласно постановленіямъ передать мнѣ губернаторскую должность. На первое я тотчасъ согласился, а второе пропустилъ въ молчаніи. Онъ принялъ это за уклоненіе отъ исполненія этой обязанности, съ которой такъ жаль было ему разстаться. Оно дѣйствительно такъ было, но формально отказаться я бы не смѣлъ Нѣсколько времени оно такъ длилось, пока отъ графа не получилъ онъ строгаго замѣчанія и предписанія сдать мнѣ бразды правленія, что̀ было исполнено 5 Января уже 1825 года. Часовое калифатство мое также долженъ я перенести въ слѣдующую часть.

Конецъ шестой части.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

БЕССАРАБІИ.

Писано въ Октябрѣ 1823 года.

Сочиненіе Ф. Ф. Вигеля.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Библиотека "Руниверс"

Эти замѣчанія составляютъ приложеніе къ шестой части Записокъ Ф. Ф. Вигеля.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢЧАНІЯ НА НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ БЕССАРАБІИ.

Бессарабская область составлена изъ двухъ частей, совсѣмъ почти между собою различныхъ. Первая изъ нихъ, заключающая въ себѣ цынуты: Хотинскій, Ясскій и Оргѣевскій, до послѣдняго трактата съ Турками собственно принадлежала Молдавскому княжеству; другая же половина (Буджакъ, т. е. потурецки Клинъ именуемая, и также на три цынута: Бендерскій, Аккерманскій и Измаильскій) раздѣленная, была еще недавно занимаема кочующими Татарами и состоитъ изъ необозримыхъ равнинъ и степей, подобныхъ тѣмъ, кои находятся въ сосѣдственной и прилежащей къ ней Херсонской губерніи. Въ первой изъ сихъ частей живутъ почти одни природные Молдаване, другая же населена Русскими, Болгарскими, Польскими и Нѣмецкими колонистами. Земли и селенія въ первыхъ трехъ цынутахъ принадлежатъ почти вообще помѣщикамъ и разнаго рода владѣльцамъ; въ послѣднихъ же все казенное, за исключеніемъ пожалованныхъ земель и хуторовъ митрополіи Кишиневской, Армянскому архіерейскому дому, отведенныхъ для колонистовъ и вновь пожалованныхъ разнымъ лицамъ.

Весьма трудно опредѣлить число жителей сей области, ибо непосредственныя казенныя подати, биръ и даждія, собираются не поголовно, а съ семействъ, и въ казенно-экономическую экспедицію областнаго правительства доставляется только исчисленіе сихъ послѣднихъ; примѣрно же полагается жителей обоего пола, разныхъ сословій и происхожденій, до 450 тысячъ. Само собою разумѣется, что число Молдаванъ, въ Бессарабіи живущихъ, превышаетъ число жителей каждой изъ другихъ націй, въ ней поселенныхъ. Но если оныя взять въ сложности, т. е. всѣхъ Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Нѣмцевъ, Грековъ, Поляковъ, Армянъ, Цыганъ и Евреевъ, то число Молдаванъ едва ли третью долю противъ нихъ составитъ.

Всѣ сіи жители Бессарабіи раздѣлены на слѣдующіе классы: 1) духовенство, 2) дворяне, 3) бояре наши, или личные дворяне, 4) мазылы, что̀ соотвѣтствуетъ нашимъ однодворцамъ, 5) рупташи (поповичи), 6) купцы и мѣщане, которые крѣпостные люди, и 7) Евреи.

Не одни дворяне, но люди всѣхъ состояній и націй, исключая Цыганъ и Евреевъ, могутъ пріобрѣтать въ Бессарабіи земли и пользоваться ими на правахъ помѣщиковъ. Обязанности же царанъ, свободныхъ хлѣбопашцевъ, обработывающихъ сіи земли, къ владѣльцамъ оныхъ узаконеніями весьма ограничены.

Библиотека "Руниверс"

Если преимущества дворянъ въ Бессарабіи не столь велики, какъ въ другихъ частяхъ Россійскаго государства, то число ихъ и права на сіе достоинство также весьма маловажны. Только семь или восемь фамилій, и именно: Стурдзы, Бальши, Россеты, Доничи, Крупенскіе, Палладіо, Катаржи и Рышканò происходятъ отъ Молдавскихъ бояръ. Всѣ же прочія, коихъ число полагаютъ до восьмидесяти, были слугами бояръ до послѣдней войны между Россіей и Турціей. Въ сіе время пристали они къ нашей арміи, приняли разныя должности, были коммиссіонерами, поставщиками, подрядчиками, шпіонами и факторами, разными способами составили себѣ довольно значительные капиталы, выпросили себѣ чины и, наконецъ, воспользовавшись протезміей или полуторагодовымъ срокомъ, даннымъ для обмѣна или продажи имѣнія въ той землѣ, которую оставить подданные обѣихъ державъ намѣревались, пріобрѣли за безцѣнокъ хорошія имѣнія по сю сторону Прута.

Букарестскимъ трактатомъ Бессарабія присоединена была къ Россіи въ несчастномъ, но славномъ 1812 году. Спасая независимость цѣлаго государства, правительству некогда было тогда думать объ устройствѣ вновь пріобрѣтеннаго лоскута земли. Важнѣйшія происшествія наполнили три слѣдующіе года, и когда въ 1816 году во всей Европѣ сдѣлался миръ, то вспомнили тогда и о Бессарабіи. Въ сей области между тѣмъ безпорядокъ успѣлъ установиться. Съ начала управлялъ ею осьмидесятилѣтній, едва двигающійся старецъ Стурдза до тѣхъ поръ, пока силы его не оставили. Преемникомъ его былъ генералъ Гартингъ, который усердно принялся за исправленіе неустройствъ сего края и, имѣя весьма мало къ тому средствъ, успѣлъ однакоже ввести нѣкоторый порядокъ въ судахъ, учредить карантины, полицію, гошпиталь, острогъ, сдѣлать нѣчто похожее на правленіе. Къ несчастію, подозрѣніе въ корыстолюбіи лишило его довѣренности Государя, а вскорѣ потомъ и мѣста, имъ занимаемаго. Генералъ Бахметевъ, назначенный потомъ намѣстникомъ, долженъ былъ всѣ безпорядки исправить; но сей заслуженный воинъ, честный, добрый, а можетъ быть и умный человѣкъ, ввѣрился, какъ сказываютъ, недостойнымъ любимцамъ, и надежды на лучшее состояніе сей земли опять изчезли. При семъ намѣстникѣ хотѣли существующему въ Бессарабіи безпорядку дать по крайней мѣрѣ какую-нибудь форму, и сдѣланъ былъ проектъ образованія области. Составленіе проекта поручено было г. Криницкому, правителю канцеляріи намѣстника, имъ изъ Подольской губерніи привезенному, человѣку умному, но какъ видно не имѣющему довольно способностей и познаній для труда такого рода; къ тому же замѣтить должно, что ему велѣно было сдѣлать оный на срокъ, и времени дано было весьма мало. Недостатки сего образованія вѣроятно замѣчены были самимъ Государемъ, ибо ему угодно было одобрить только оный, но не утвердить, и подвергнуть испытанію. Опытъ показалъ, кажется, еще болѣе его несовершенства.

Къ нравственному злу присоединилось въ концѣ 1819 года еще и физическое: моровая язва появилась въ нѣкоторыхъ цынутахъ. Два сенатора, Хитровъ и князь Гагаринъ, путешествовали въ сіе время для обозрѣнія сосѣдственныхъ губерній; хотя уже чума между тѣмъ и прекратилась, имъ

Библиотека "Руниверс"

велѣно было заглянуть въ Бессарабію. Молдаване воспользовались симъ случаемъ, чтобы обвинять начальника своего въ злоупотребленіяхъ. Жалобы ихъ могли быть до нѣкоторой степени основательны, но конечно генералъ Бахметевъ былъ безвиннѣе тѣхъ людей, которые изъявили противъ него неудовольствіе. Желанія ихъ исполнились: онъ долженъ былъ удалиться.

Бессарабія поручена была временному правленію генерала Инзова, главнаго попечителя колоній Южнаго края. Долговременная служба, рѣдкая честность его и большая дѣятельность въ маломъ кругу его прежнихъ занятій обратили на него вниманіе Государя. Вскорѣ потомъ ввѣрены ему были и три Новороссійскія губерніи. Такое бремя было гораздо выше силъ его. Безпрестанно въ трудахъ, безпрестанно въ заботахъ, не могъ онъ произвести ничего полезнаго; истощая время свое въ разныхъ мелочахъ, входя во всякія подробности, упущалъ онъ изъ виду всѣ важные предметы. Ходъ дѣлъ останавливался, безпорядки возрастали, все шло къ совершенному разстройству. Такое положеніе не могло быть продолжительно, перемѣна дѣлалась необходима и, не взирая на самолюбіе, сродное всякому человѣку, увѣряютъ, что генералъ Инзовъ самъ въ томъ сознавался. Назначили новаго намѣстника, а прежній возвратился опять къ мирнымъ своимъ занятіямъ.

Дѣятельность, вовсе неизвѣстная жителямъ здѣшняго края, ознаменовала первые шаги новаго начальства. Подобно электрическому удару поразила она иныхъ, другихъ оживила. Но какое рвеніе ко благу общему, какія усилія ему потребны, чтобы истребить вѣковое зло, чтобы исправить грубые нравы, дать понятіе о чести людямъ, не подозрѣвающимъ ея существованія, чтобы сотворить все тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, однимъ словомъ сдѣлать все возможное добро сей несчастной, хотя изобильной землѣ? Безпорядки въ ней безчисленны. Постараемся означить главнѣйшія и указать потомъ, сколько понятія наши позволяютъ, на способы къ ихъ прекращенію.

О Верховномъ Совѣтѣ.

Слѣдуя природному милосердію и здравой политикѣ, Государь всѣмъ народамъ, покореннымъ его оружіемъ, оставляетъ прежніе законы и обычаи, всѣ права и преимущества, коими пользовались они до завоеванія. Намъ казалось, что счастіе сдѣлаться подданными великаго и добраго Государя, честь принадлежать къ великому народу, болѣе другихъ въ послѣднемъ столѣтіи прославившемуся, и соединить судьбу свою съ великими судьбами, кажется, Промысломъ ему предназначенными, безопасность отъ вторженія непріятельскаго подъ защитою Великой Державы (ибо ни одинъ сильный завоеватель съ оружіемъ въ рукахъ не ступалъ на священную землю Русскую, чтобы не понести за то жестокаго наказанія и не лишиться вскорѣ потомъ престола и жизни): все сіе должно бы быть достаточно, чтобы утѣшить ихъ и вознаградить за перемѣну правительства слабаго и иногда чуждаго *). Но удержимся отъ разсужденій, не входящихъ въ предметъ нашихъ замѣчаній.

*) Жители Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи суть Маймисты и Латыши, владѣютъ же ими Нѣмеція рыцарскія фамиліи. Минская губернія, Волынь и Подолія населены Русскими

Библиотека "Руниверс"

Бессарабская область не только, въ сходствіе съ Отзейскими провинціями и губерніями обратно отъ Польши къ Россіи присоединенными, состоитъ на особыхъ правахъ, но подобно Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому, имѣетъ какое-то особое политическое существованіе. Она лежитъ между трехъ Имперій, и отъ Австріи и Турціи, равно какъ и отъ Россіи, отдѣляется карантинными и таможенными линіями; но что̀ болѣе отличаетъ ее отъ другихъ нашихъ владѣній: она имѣетъ собственное свое высшее судилище. Сіе судилище украшено великолѣпнымъ титломъ Верховнаго Совѣта; оно должно состоять изъ мужей опытнѣйшихъ сего края. Самъ намѣстникъ въ немъ предсѣдательствуетъ, первые четыре чиновника области въ немъ засѣдаютъ, приговоры его должны исполняться безпрекословно, не было на него апелляцій и, рѣшая по примѣру парламентовъ прежнихъ Французскихъ провинцій, или лучше сказать, по примѣру Молдавскаго и Валахскаго диванов̀ъ, всѣ дѣла гражданскія, имѣетъ онъ предъ сими послѣдними еще преимущество завѣдывать дѣлами распорядительными, исполнительными, казенными и экономическими, также и апелляціонными (гражданскими), уголовными и слѣдственными; однимъ словомъ, соединяетъ въ себѣ власть исполнительную, законодательную и судебную. Но какъ употребляетъ онъ сію власть, какъ оправдываетъ такую высокую довѣренность и изъ какихъ людей состоитъ онъ, увидимъ мы ниже сего.

Для сужденія по дѣламъ гражданскимъ, производящимся на Молдавскомъ языкѣ, назначены Понедѣльникъ, Среда, Четвертокъ и Суббота: въ сіи дни предсѣдателемъ областный дворянства маршалъ, а присутствуютъ пять депутатовъ отъ выборовъ и два члена отъ короны. По Вторникамъ же и Пятницамъ производство дѣлъ по-русски; бываютъ намѣстникъ, губернаторъ, вице-губернаторъ и оба предсѣдателя: тогда полное собраніе, и занимаются дѣлами исполнительными и казенными. Но какъ всякаго рода дѣла должны поступать въ Совѣтъ, а только два дни въ недѣлю дается для ихъ разсмотрѣнія: то спрашивается какая медленность должна происходить отъ того, и какъ губительна она, особенно для части полицейской, гдѣ малѣйшее промедленіе часто сопряжено съ великимъ вредомъ для пользы общей?

Видя сіи неудобства, казалось непонятнымъ, какъ могъ бывшій намѣстникъ Бахметевъ, подъ наблюденіемъ котораго сочинялся проектъ образованія области и представившій его на Высочайшее утвержденіе, какъ могъ онъ такимъ образомъ дать оковать себѣ руки и лишить себя способовъ дѣйствовать безпрепятственно для пользы службы? Болтливость одного хитраго, хотя и неосторожнаго человѣка (г. Курика), большаго пріятеля г. Криницкому, редактору образованія, пояснила намъ сію задачу, и вотъ исторія учрежденія Совѣта.

Греческаго исповѣданія, а управляются Поляками-Католиками. Финны населяющіе Финляндію не имѣютъ ничего общаго, ни происхожденія, ни языка со Шведами, которыхъ они не любятъ, но которыхъ законами они управляются. Христіанская Грузія была подъ игомъ Персіанъ-Магометанъ; Польшей до насъ владѣли Саксонцы или Французы, а Молдавіей Греки, по назначенію Турокъ, и первыхъ они еще болѣе ненавидятъ, чѣмъ послѣднихъ.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ Гартингъ, мало свѣдущій въ дѣлахъ до управленія касающихся, и опасаясь отвѣтственности, по самымъ похвальнымъ побужденіямъ, сзывалъ всѣхъ предсѣдателей и совѣтниковъ разныхъ присутствій, чтобы совѣщаться съ ними о дѣлахъ области, узнавать нужды ея и способы къ удовлетворенію, и часто руководствовался ихъ мнѣніями. Сей порядокъ вещей былъ признанъ и одобренъ, и такъ составилось присутствіе подъ названіемъ общаго собранія. Принявъ должность намѣстника, генералъ Бахметевъ нашелъ оное затруднительнымъ и неприличнымъ и желалъ перемѣнить при новомъ образованіи. Учрежденіе Верховнаго Совѣта представлено ему было совсѣмъ въ иномъ видѣ; нѣкоторые хитрые Молдаване успѣли его увѣрить, что власть его чрезъ то распространится, что Верховный Совѣтъ будетъ, такъ сказать, находиться при его особѣ и что вліяніе его даже на рѣшенія всѣхъ судовъ будетъ непосредственное. *Властолюбивый, но легкомысленный Бахметевъ* (точныя слова Курика) всему повѣрилъ, не подозрѣвая никакой тонкости и, безо всякаго внимательнаго разсмотрѣнія, представилъ проектъ Государю. Ошибку свою замѣтилъ онъ только тогда, какъ съ наступленіемъ 1819 года Совѣтъ воспріялъ свое дѣйствіе; но уже было поздно. Встрѣчая на каждомъ шагу упорство во власти, которую онъ самъ себѣ противупоставилъ, сердился онъ, принималъ строгія мѣры. Ему указывали на точный смыслъ образованія; люди, которые наканунѣ были у ногъ его, приняли видъ защитниковъ правъ народныхъ противъ самовластія; со всѣхъ сторонъ начались жалобы, досады, интриги, вражда *). При семъ случаѣ должно замѣтить, что г. Криницкій, правитель канцеляріи намѣстника и его довѣренная особа, писалъ проектъ образованія. Ему въ умѣ и знаніи дѣлъ отказать нельзя; что же можно подумать о его характерѣ, и какъ не пожалѣть генерала Бахметева, столь несчастливаго въ своемъ выборѣ?

Боже сохрани насъ отъ желанія видѣть въ рукахъ начальниковъ губерній власть неограниченную! Сегодня мы счастливы, сегодня у насъ начальникъ умный, справедливый, просвѣщенный, безкорыстный; но кто можетъ ручаться, что завтра не пришлютъ къ намъ по неспособности къ фронтовой службѣ такого генерала, отъ котораго горько намъ придется, или храбраго и честнаго, но безсмысленнаго рубаку, который, принимая всякое дѣло немного затруднительное за Гордіевъ узелъ, начнетъ рубить его какъ непріятельскія головы? Однакоже въ здѣшней необразованной землѣ видѣть Русскаго генерала почти въ опекѣ у этихъ варваровъ больно для всякаго Русскаго сердца. Чтобы водворить въ семъ краѣ порядокъ, просвѣщеніе, правосудіе, необходимо еще желѣзнымъ жезломъ вооружить на нѣкоторое время руку намѣстника.

Долго сами жители не могли вѣрить важности Совѣта; изъ областнаго правительства хотѣли сначала возвратить указы, имъ въ отсутствіе намѣстника насылаемые; но скоро увидѣли, что онъ Ареопагъ не на шутку.

*) Тогда еще не было двухъ членовъ отъ короны. Намѣстникъ имѣлъ голосъ какъ предсѣдатель; но пять депутатовъ, маршалъ и чиновники отъ короны, которые почти всѣ Молдаване, имѣли всегда на своей сторонѣ большинство голосовъ.

Библиотека "Руниверс"

Что̀ произошло наконецъ отъ несогласія Бахметева съ Верховнымъ Совѣтомъ? Старался ли онъ доставить какія нибудь выгоды казнѣ, принималъ ли онъ какія нибудь общеполезныя мѣры, всегда встрѣчалъ онъ затрудненіи, если не явно, то тайно ему враждующимъ Совѣтомъ противопоставляемыя. Чтобы устранить сіи затрудненія, часто долженъ онъ былъ нарушать правила начертанныя въ образованіи; все замѣчалось, все ставилось ему въ вину; не только посылались на него жалобы, депутаціи отправлялись въ Петербургъ, чтобы у престола донести о его несправедливостяхъ.

Съ своей стороны сей намѣстникъ и преемникъ его употребляли всѣ средства, дабы обезсилить или унизить Совѣтъ *). Генералъ Инзовъ дѣйствовалъ однакоже осторожнѣе, или лучше сказать, мало дѣйствовалъ, умѣлъ болѣе владѣть собою, въ чрезвычайныхъ случаяхъ испрашивалъ всегда Высочайшее разрѣшеніе и при новыхъ выборахъ (въ началѣ 1822 года) довольно искусно умѣлъ удалить строптивѣйшихъ изъ членовъ. Такимъ поведеніемъ прикрылъ онъ конечно свою отвѣтственность; но какую пользу чрезъ то доставилъ онъ здѣшнему краю?

Маршалъ и депутаты прежняго выбора намъ мало извѣстны; въ похвалу же теперешняго маршала, Янки Стурдзы, скажемъ только, что онъ во всемъ отличенъ отъ своихъ соотечественниковъ. Его почти нельзя считать Молдаваномъ, ибо онъ никогда не заводилъ тяжбъ, не входилъ ни въ какіе подряды, исправно заплатилъ наслѣдственные долги, а самъ ихъ никогда не дѣлалъ, ни предъ кѣмъ не ползалъ и ни противъ кого не интриговалъ, образъ жизни его и образъ мыслей совсѣмъ Европейскіе; непонятно, какъ онъ былъ выбранъ! Съ его правилами, но съ большею живостію въ умѣ и пылкостію въ характерѣ, могъ бы онъ быть весьма полезенъ; къ сожалѣнію, довольствуется онъ тѣмъ, что заслуживаетъ уваженіе и любовь общества своимъ кроткимъ, учтивымъ обхожденіемъ и признательность низкаго состоянія людей своими тайными благодѣяніями.

Переходъ отъ сего почтеннаго человѣка къ другимъ членамъ Совѣта весьма непріятенъ. Четверо изъ нихъ, Катаржи, Доничъ, Руссовъ и Казимиръ, кажется, щеголяютъ другъ передъ другомъ слабоумiемъ и невѣжествомъ; но дурными людьми ихъ назвать нельзя, напротивъ они довольно добродушны, и здѣшніе дворяне могли бы хуже выбрать: есть изъ кого! Только жаль, что изъ сихъ членовъ есть такіе, которые, не разумѣя совсѣмъ дѣла, слишкомъ хорошо разумѣютъ свои личныя выгоды. Достаточно будетъ упомянуть о сихъ господахъ въ массѣ, но пятый депутатъ заслуживаетъ особенное вниманіе: о Прункулѣ умолчать нельзя.

Человѣкъ сей съ умомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и съ чрезвычайною дѣятельностію. Происхожденіе его неизвѣстно; только знаемъ, что молодость свою провелъ онъ слугой въ домѣ Димитрія Стурдзы; потомъ по расторо-

*) Сіе тѣмъ между прочимъ доказывается, что, для уменьшенія его наружной важности въ глазахъ жителей, самый домъ, для его засѣданій избранный, по тѣснотѣ своей и безобразію едвали бы приличенъ былъ для помѣщенія нижняго земскаго суда.

Библиотека "Руниверс"

ности своей и, выучась грамотѣ, сдѣлался въ семъ домѣ писаремъ и наконецъ повѣреннымъ и ходилъ за дѣлами. Въ семъ положеніи застала его наша армія, занявшая Молдавію въ 1806 году. Скоро снискалъ онъ покровительство нѣкоторыхъ начальниковъ и свелъ знакомство и дружбу съ коммиссіонерами провіантскими; бывъ въ частыхъ съ ними сношеніяхъ, довольно хорошо научился Русскому языку и нѣкоторымъ Русскимъ обычаямъ и сдѣлался наконецъ поставщикомъ на армію. По заключеніи мира, по сю сторону Прута купилъ онъ имѣніе и поселился въ Кишиневѣ; тутъ начинается блестящая эпоха его жизни. Къ природнымъ способностямъ и пріобрѣтенной опытности присоединивъ новыя познанія, мудрено ли ему было сдѣлаться оракуломъ Бессарабіи? Онъ одинъ два трехлѣтія съ ряду былъ выбранъ депутатомъ въ Совѣтъ и сохранитъ, вѣроятно, сіе званіе до конца жизни, если Совѣтъ не будетъ уничтоженъ. Собственнымъ могуществомъ и посредствомъ сыновей, зятя, родственниковъ, сватовъ и кумовей, которыхъ вслѣдъ за собою вытащилъ онъ изъ грязи, дѣйствуетъ онъ на все, что̀ въ сей области происходитъ. Что̀ касается до его характера и наружности, то ссылаемся на всѣхъ кто его видѣлъ: есть ли въ мірѣ лицо лучше выражающее подлость, лукавство и вмѣстѣ наглость? А на тѣхъ кто имѣлъ съ нимъ дѣло, не живо ли изображаетъ лицо свойства его душевныя?

Разбирательство апелляціонныхъ гражданскихъ дѣлъ происходитъ здѣсь самымъ страннымъ образомъ. Намѣстникъ и первые четыре чиновника области обыкновенно въ эти дни не присутствуютъ, два члена отъ короны не знаютъ Молдавскаго языка, робкій маршалъ не довѣряетъ своему разсудку, а депутаты, по выслушаніи дѣла, обращаются къ одному изъ своихъ сочленовъ, который берется имъ растолковать оное, и произноситъ наконецъ рѣшеніе; всѣ тотчасъ пристаютъ къ его мнѣнію, рѣдко осмѣливаясь возражать. Но кто же сей верховный судья, отъ котораго зависитъ участь и мнѣніе жителей Бессарабіи? Тотъ самый Прункулъ, о которомъ мы выше сего упоминали, тотъ самый, который, посредственно или непосредственно участвуя во всѣхъ тяжбахъ, въ одно время истецъ или отвѣтчикъ и судья. Чудовищная власть сего человѣка не сущій ли позоръ?

Въ производствѣ сихъ дѣлъ нѣтъ ни малѣйшаго порядка, ни настольнаго регистра, ни очереди. Если министръ или намѣстникъ предложитъ Совѣту заняться скорѣйшимъ окончаніемъ какого-нибудь дѣла, или корыстолюбіе Прункула возбуждается сильнымъ интересомъ, или неотвязчивость докучливаго и упорнаго просителя заставитъ пожелать скорѣе отъ него отвязаться, въ такихъ случаяхъ только спрашиваютъ дѣло у секретаря, который, порывшись дня два (ибо ему съ такими судьями трудно вести порядокъ), выкопаетъ его, потомъ пишетъ докладъ и если дѣло покажется длинно и затруднительно, то оставляетъ его подъ предлогомъ собиранія нѣкоторыхъ нужныхъ справокъ, и оно опять на неопредѣленное время теряется изъ виду, и принимаются за другое дѣло. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но только весьма рѣдко и по самымъ сильнымъ побужденіямъ, совѣщанія сихъ господъ продолжаются до четырехъ часовъ; но обыкновенно собираются въ десять часовъ съ видомъ неудовольствія,

Библиотека "Руниверс"

потомъ слушая дѣло съ видомъ скуки и равнодушія, болѣе шести разъ въ часъ каждый зѣвнетъ; когда же пробьетъ двѣнадцать часовъ, то всѣ взоры поминутно устремляются на стѣнные часы въ присутствіи находящіеся; въ половинѣ перваго являются уже всѣ признаки нетерпѣнія и аппетита, кто встанетъ, сядетъ, и потомъ опять встанетъ; тѣлодвиженіями, взорами показываютъ другіе, что имъ несносно и когда, наконецъ, ударитъ часъ, то все съ шумомъ подымается, восклицая: „домой, домой, пора обѣдать“, хотя бы одну страницу оставалось дослушать изъ начатаго дѣла. Сіе зрѣлище можетъ быть забавно, но не для такого человѣка, который осужденъ его всякій день видѣть. Многіе Молдаване признаются сами, что ихъ самолюбіе страдаетъ, видя судьбу свою зависящею отъ сего каррикатурнаго сената.

Изъ сего всякій легко заключить можетъ, какая остановка должна происходить по тяжебнымъ дѣламъ, при таковомъ расположеніи Совѣта: она превосходитъ всякое описаніе. Теперь находится, говорятъ, въ Совѣтѣ до шести тысячъ дѣлъ нерѣшенныхъ, всякій годъ поступаетъ болѣе двухъ сотъ новыхъ, а рѣшено въ 1822 году, въ которомъ Совѣтъ былъ дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ годовъ, только тринадцать. Если не образъ правленія сей области, ни мода не перемѣнятся, то въ какой ужасной пропорціи будетъ возрастать число неоконченныхъ дѣлъ? Совѣтъ можно теперь сравнить съ плотиной, удерживающей теченіе дѣлъ области; но наконецъ ихъ накопленіе должно плотину сію опрокинуть, и тогда они пойдутъ далеко.

Установить совершенный порядокъ въ дѣлахъ Совѣта и дать имъ поспѣшнѣйшій ходъ, кажется, уже невозможнымъ: даже еслибъ совершилось чудо, умъ его членовъ просвѣтился, и правила ихъ очистились, то и въ такомъ случаѣ весьма трудно бы имъ было исправить всѣ сдѣланныя упущенія. Преобразовать же Совѣтъ будетъ также безполезно, ибо кѣмъ замѣнить теперешнихъ депутатовъ? Люди хорошихъ фамилій и немного просвѣщеннѣе (коихъ число весьма ограниченно) уклоняются отъ службы, а прочіе матадоры Бессарабіи были недавно, какъ выше о томъ сказано, слугами у Молдаванъ, подданныхъ Грековъ, которые въ свою очередь были рабами Турокъ. Итакъ, отъ людей стоявшихъ недавно на послѣдней степени сей рабской гіерархіи можно ли ожидать чувствъ благородныхъ, знанія законовъ и усерднаго исполненія обязанностей? Единственнымъ и неизбѣжнымъ средствомъ къ прекращенію возрастающихъ отъ того золъ, кажется, уничтоженіе сего не только безполезнаго, но и вреднаго Совѣта и учрежденіе высшей инстанціи въ столицѣ, чего начало мы и видимъ съ удовольствіемъ въ комитетѣ разбирающемъ дѣла Бальша.

Справедливость требуетъ, чтобы мы, говоря о причинахъ, препятствующихъ успѣшному ходу дѣлъ въ Совѣтѣ, не умолчали и о тѣхъ, кои дѣйствуютъ независимо отъ лѣности и ничтожества его членовъ и даже могутъ имъ служить извиненіемъ. Главнѣйшая изъ нихъ есть недостатокъ въ канцелярскихъ служителяхъ. Всего предвидѣть нельзя. Итакъ удивительно ли, что, при составленіи штата Верховнаго Совѣта, не обращено было вниманія на маловажность суммы, для сего предмета назначенной? Не только число служащихъ

Библиотека "Руниверс"

въ канцеляріи Совѣта ограничено, но и способностями и знаніями они не могутъ сравниться съ тѣми, кои употреблены въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ области. Объяснить сіе немудрено. Сіе происходитъ отъ того во первыхъ, что награжденія обыкновенно испрашиваютси чрезъ начальниковъ, съ коими Совѣтъ былъ всегда въ несогласіи; въ глупой гордости своей не хотѣли члены унижать себя ходатайствомъ за подчиненныхъ, да и сами намѣстники, желая, можетъ быть, лишить ихъ хорошихъ сотрудниковъ, ни мало о томъ не заботились, такъ что еще не было примѣра, чтобы кто-нибудь въ Совѣтѣ могъ получить чинъ, даже за выслугу узаконенныхъ лѣтъ. Къ тому должно прибавить, что депутатамъ не весьма охотно было поощрять Русскихъ въ Бессарабіи служащихъ, ибо они въ нихъ видятъ будущихъ своихъ соперниковъ. Другая причина, отвращающая всякаго служить въ канцеляріи Совѣта, есть обхожденіе Молдаванъ съ подчиненными: по ихъ прежнимъ обычаямъ писцы и самые секретари употреблялись въ домашнюю работу у присутствующихъ и судей; нерѣдко можно было видѣть логоѳета или писца, который, положивъ перо, становился за каретой своего начальника.

О дворянахъ и дворянскихъ выборахъ.

Въ началѣ сихъ замѣчаній сказали мы, что жители Бессарабіи раздѣляются на семь классовъ. Изъ нихъ одно сословіе дворянъ можно здѣсь подраздѣлить на три разряда: 1) Молдавскіе бояре, 2) набогатившіеся чины и занимающіе нынѣ мѣста въ правленіи, 3) кліенты предыдущихъ, ихъ стараніями изъ мазыловъ и рупташей уже по присоединеніи Бессарабіи въ дворянскую книгу вписанные. Второй классъ пренебрегаетъ, но покровительствуетъ послѣдній, а первый ихъ обоихъ равно ненавидитъ и презираетъ.

Отъ взаимныхъ ихъ худыхъ расположеній произошли великія бури въ Бессарабіи. Боярамъ больно было видѣть прежнихъ своихъ подавателей трубокъ возсѣдающими съ ними рядомъ и даже судьями своими, и потому они составили свою партію, малочисленную, но сильную богатствомъ и давно пріобрѣтеннымъ уваженіемъ. Мѣстъ по управленію области было много, кѣмъ было ихъ наполнить? Поневолѣ должны были взяться за вчерашнихъ дворянъ. Необходимость заставляла молчать, и вражда таилась и возростала въ сердцахъ, какъ огонь подъ пепломъ. Наконецъ при первыхъ дворянскихъ выборахъ пламя раздора вспыхнуло, и началась междуусобная война, еще до нашихъ дней продолжающаяся.

Въ сіе время, какъ обыкновенно бываетъ при великихъ политическихъ переворотахъ, явились на сцену люди, весьма дотолѣ неизвѣстные. Первый нихъ, Баланеско Россетъ, историческое лицо новѣйшихъ временъ Бессарабіи, требуетъ, чтобы описанію его посвятить хотя съ полстраницы. Происходя отъ одной изъ первѣйшихъ фамилій Молдавіи, не любилъ онъ, говорятъ, такъ называемыхъ полезныхъ занятій и буйную молодость свою провелъ въ веселіи и удальствѣ. Презрѣніе, оказываемое ему всѣми дальними и близкими родственниками и вообще людьми одного съ нимъ сословія, возмутило гордый

Библиотека "Руниверс"

духъ его; онъ поклялся вѣчною ненавистію и мщеніемъ всѣмъ дворянамъ и въ низкомъ классѣ нашелъ довольно развратныхъ людей, чтобы съ ними раздѣлять свои удовольствія. Когда всѣ счастливые мошенники кинулись изъ Молдавіи, чтобы населять и управлять Бессарабіей, то перешелъ онъ Прутъ вслѣдъ за ними [1]). Но тутъ опять встрѣтилъ онъ ненавистныя имена Бальшевъ и Стурдзовъ и долженъ былъ скрываться въ неизвѣстности до вышесказаннаго времени. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ онъ болѣе народности (popularité): новымъ дворянамъ лестно было видѣть посреди себя знатнаго Молдавана и когда дѣло дошло до выборовъ 1818 года, то былъ онъ какъ съ тріумфомъ поднятъ и чуть не попалъ въ предводители.

Сія эпоха будетъ незабвенна въ лѣтописяхъ здѣшняго края. Обѣ партіи явились въ залѣ митрополитскаго дома, явились со страхомъ, съ надеждой, досадой и желаніемъ мести, приняли благословеніе архипастыря и учинили присягу, а потомъ отведены были въ залу для выборовъ, въ другомъ домѣ приготовленную. Тутъ были явленія забавныя и ужасныя. Начались сильныя пренія, потомъ самыя подлыя ругательства, наконецъ дѣло дошло до драки и до кровопролитія. Жизнь камергера Бальша и вице-губернатора Крупенскаго была въ опасности: утверждаютъ, что супруга послѣдняго, видя угрожаемые дни его изъ ложи (tribune), въ коей находилась, не могла удержаться отъ восклицанія и упала въ обморокъ. Героемъ сего дня былъ натурально Баланеско: высокій его ростъ, широкія плеча, звѣрскій взглядъ, громкій голосъ, страшные усы, длинная сабля при бедрѣ его висящая и званіе спатаря (меченосца), имъ на прокатъ взятое [2]), все приводило въ трепетъ робкія сердца его противниковъ и придавало новую смѣлость многочисленнымъ его партизанамъ. Побѣда осталась за ними, дерзнувшіе имъ сопротивляться вышли съ окровавленными носомъ и подбитыми глазами, и по большинству голосовъ, друзья ихъ заняли всѣ мѣста въ области. Симъ кончились первые дворянскіе выборы въ Бессарабіи.

Для сохраненія нѣкоторой благопристойности выбранъ въ предводители дворянства старикъ Рышканъ изъ хорошей фамиліи; въ депутаты же попали, исключая одного, все люди низкаго происхожденія. Изъ нихъ два главные, Прункулъ и Баланеско, соединили силы свои, дабы захватить всю власть въ Совѣтѣ и, слѣдственно, всѣ дѣла области, и успѣли въ томъ: первый необыкновенною гибкостію, пронырствомъ и знаніемъ дѣлъ, а послѣдній неслыханною дерзостью. Скоро присталъ къ нимъ Самфираки Рале, человѣкъ слабоумный и безо всякихъ правилъ, но пылкій и рѣшительный и тѣмъ полезный ихъ видамъ. Тогда сей тріумвиратъ всю Бессарабію заставилъ дрожать передъ

---

[1]) Онъ перешелъ черезъ Прутъ со своими Цыганами и Арнаутами почти вооруженною рукою. Въ то время была чума, и онъ не соглашался выдержать карантинъ, пробился сквозь кордонъ и за то былъ посаженъ тогдашнимъ правителемъ Стурдзою въ Измаильскую крѣпость, гдѣ и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Симъ наказаніемъ былъ онъ избавленъ отъ ссылки.

[2]) Генералъ Инзовъ, по самымъ неоспоримымъ доказательствамъ его земляковъ, снялъ съ него послѣ чинъ спатаря или полковника, имъ самовольно присвоенной, и оставилъ его по прежнему меделничеромъ, то-есть, по нашему, много-много губернскимъ секретаремъ.

Библиотека "Руниверс"

собою. Четвертый депутатъ, Сандулаки Ѳеодосіу, подлецъ весьма обыкновенный, съ почтеніемъ слѣдовалъ издалека за образцами своими и разными плутнями старался имъ угождать. О пятомъ депутатѣ мало извѣстно; но онъ, видно, былъ тѣхъ же свойствъ.

Когда такого рода люди заняли важнѣйшія должности въ области, то легко можно вообразить себѣ, кѣмъ наполнились другія присутственныя мѣста.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о Баланескѣ Россетѣ, чтобы послѣ болѣе о немъ не говорить. Почитатели его видятъ въ немъ какого-то Мирабо, но возможно ли такъ обижать тѣнь великаго человѣка? „Все обо мнѣ сказано, говорилъ онъ, исключая того, чтобы я былъ дуракъ“; а Россета, по справедливости, называютъ всѣ глупцомъ. Если Мирабо по безнравственности своей лишился уваженія согражданъ, то не былъ никогда жестокимъ кровопійцей; а сей варваръ, называя всякую власть тираническою, самъ потчиваетъ ежедневно фалангами несчастныхъ своихъ Цыганъ, угнетаетъ поселенныхъ на землѣ его хлѣбопашцевъ и въ Хотинскомъ раѣ, недавно занимаемомъ Турками, самихъ Молдавскихъ помѣщиковъ удивляетъ безчеловѣчіемъ и несправедливостію. Неоднократно нападалъ онъ на Русскихъ офицеровъ и всегда оставался побѣдителемъ; въ сихъ случаяхъ не подвергался онъ большой опасности, ибо имѣетъ силу Геркулесову, и кромѣ кулачныхъ боевъ ни на какое другое единоборство не соглашается. Онъ хвастается вездѣ, что билъ Русскихъ офицеровъ, и онъ еще живъ! Противъ двухъ намѣстниковъ воевалъ онъ; но послѣдній успѣлъ удалить его и отъ Совѣта, и отъ областнаго города, испросивъ на то Высочайшее повелѣніе.

На вторыхъ выборахъ въ концѣ 1821 года соблюдаемо было гораздо болѣе тишины и благопристойности, чѣмъ на первыхъ. Генералъ Инзовъ разсудилъ за благо лично на оныхъ присутствовать и для предупрежденія безпорядковъ придумалъ, подъ предлогомъ какого-то производимаго по дѣламъ ихъ слѣдствія, удалить изъ залы собранія, трехъ мятежныхъ предводителей, Баланеско, Самфираки и Сандулаки. Они вздумали было сопротивляться, но до того ихъ не допустили. Законно ли поступилъ генералъ Инзовъ, сказать не смѣемъ, но знаемъ, что онъ поступилъ справедливо. Искусный и смѣтливый Прункулъ, видя необходимость уступить силѣ, заблаговременно присталъ къ партіи правительства и всемогущаго тогда Крупенскаго и успѣлъ вторично быть выбранъ депутатомъ въ Совѣтъ. Онъ не сталъ отъ того добросовѣстнѣе, но только на вѣки разстался съ прежними своими сообщиками, которые доселѣ проклинаютъ и поносятъ его.

Когда въ 1818 году проектъ образованія былъ одобренъ, и много открылось новыхъ должностей отъ выборовъ, надобно было озаботиться, чтобъ было кѣмъ ихъ замѣстить. Бывшій тогда намѣстникъ Бахметевъ выдумалъ къ тому очень хорошее средство: онъ приказалъ составить многочисленную дворянскую коммиссію и всѣмъ имѣющимъ право на сіе достоинство явиться въ нее съ документами, а приватно поручилъ коммиссіи не быть слишкомъ разборчивой и на скорую руку надѣлать побольше дворянъ. Она позволеніемъ симъ умѣла воспользоваться существовала только 24 часа, но времени

Библиотека "Руниверс"

не потеряла: вдругъ явилось 260 новыхъ дворянскихъ родовъ. Одинъ предлагалъ своего кучера, и другой соглашался съ условіемъ, чтобы принять его повара; спорить и прекословить было некогда, ибо не дано было времени опомниться. Послѣ того было изъ кого выбирать!

Жалобы и неудовольствія, возникшія противъ такого страннаго и неслыханнаго способа къ пріобрѣтенію благороднаго званія, заставили впослѣдствіи времени учредить новую коммиссію, которой дано гораздо болѣе времени и другія правила въ руководство къ разсмотрѣнію правъ на дворянское достоинство. Симъ распоряженіемъ обязана Бессарабія генералу Инзову. Но какъ этому человѣку судьбой опредѣлено дѣлать все хорошее противозаконнымъ образомъ, то вздумалъ онъ самъ предсѣдательствовать въ коммиссіи. Слѣдствіемъ трудовъ ея было убавленіе числа Бессарабскихъ дворянъ на цѣлую треть, такъ что 170 фамиліямъ только предоставлено пользоваться симъ правомъ. Теперь занимаются составленіемъ родословной книги, и послѣ отошлется она въ герольдію, которая, не взирая на извѣстную ея снисходительность, едва ли еще не сбавитъ половины.

Но тогда, что̀ будемъ мы дѣлать? Теперь нуждаемся въ дворянахъ, а тогда половина мѣстъ отъ выборовъ останутся праздными. Надобно замѣтить, что здѣсь почти столько же особъ дворянскихъ, сколько фамилій, ибо почти все одни только родоначальники. Когда изъ семействъ исключить стариковъ и малолѣтнихъ, не считать тѣхъ, кои по болѣзнямъ или лѣности уклоняются отъ службы, тѣхъ, кои находятся за преступленія подъ судомъ и тѣхъ, кои заслуживаютъ поступками своими быть вскорѣ суду преданы: то мудрено сказать, что̀ представится при будущихъ выборахъ. По области 75 избираемыхъ мѣстъ, а на послѣднихъ выборахъ было только 125 избирателей. Можетъ, правительство вынуждено будетъ всѣ должности замѣстить коронными чиновниками по примѣру тѣхъ губерній, гдѣ мало дворянъ. Все къ лучшему!

Объ исполнительной экспедиціи областнаго правительства и о гражданскомъ губернаторѣ.

Областное правительство состоитъ изъ двухъ экспедицій: исполнительной и казенно-экономической. Каждая изъ нихъ дѣйствуетъ порознь, но нѣкоторыя дѣла подлежатъ общему ихъ сужденію. Первая изъ сихъ экспедицій хорошо названа исполнительной, ибо она только приводитъ въ исполненіе распоряженія намѣстника, совѣта или общаго собранія областнаго правительства, сама же никакихъ не дѣлаетъ; за то она безвреднѣе всѣхъ другихъ присутствій области и, кажется, не слыхать на нее большихъ жалобъ.

Въ сей экспедиціи предсѣдательствуетъ гражданскій губернаторъ. Обязанности его и права весьма распространены уставомъ образованія, но власть его обстоятельствами не только ограничена, почти ничтожна. Здѣсь прежде не было губернатора; съ начала гг. Стурдза и Гартингъ управляли всѣми частями, а потомъ намѣстники, имѣя пребываніе свое въ Кишиневѣ, сами входили во всѣ подробности управленія. Молдаване, привыкнувъ видѣть власть въ однѣхъ рукахъ, смотрятъ на званіе губернатора, какъ на совершенно из-

Библиотека "Руниверс"

лишнее. Характеръ же господина Катакази, кротость его, немало къ тому способствовали. Посреди ужасныхъ раздоровъ бывшихъ между намѣстниками и Совѣтомъ, посреди волненій партій, шелъ онъ постоянно непримѣтной тропой своей, мало дѣлалъ добра, ибо не въ силахъ былъ творить его, но за то не участвовалъ ни въ какомъ злѣ. Безъ претензій, безо всякаго вліянія, честный и благородный Катакази жилъ въ уединенномъ кругу своего семейства и нѣсколькихъ земляковъ, образованныхъ Грековъ, загнанныхъ сюда послѣдними происшествіями въ Турціи. Одно обстоятельство подало ему случай доказать все, что́ онъ въ состояніи сдѣлать. Когда моровая язва показалась въ концѣ 1819 года въ Ясскомъ и Хотинскомъ цынутахъ, то онъ немедленно отправился на мѣсто, и тамъ никто узнать его не могъ, любовь къ человѣчеству воспламенила его, онъ пренебрегалъ всѣми опасностями, переносилъ холодъ и недостатокъ въ пищѣ, около трехъ мѣсяцевъ жилъ въ землянкахъ, самъ являлся въ зараженныя деревни и примѣромъ своимъ ободрялъ и поощрялъ жителей, умѣлъ распоряжать, дѣйствовать, повелѣвать, награждать и наказывать. Наконецъ успѣхъ увѣнчалъ безпримѣрное его усердіе: зараза не проникнула во внутренность области, и черезъ то спасъ онъ, можетъ быть весь Южный край Россіи. По возвращеніи впалъ онъ опять въ прежнее равнодушіе; но надобно сказать къ его чести, что тамъ былъ онъ облеченъ властію, необходимою при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, а здѣсь долженъ опять находиться въ принужденномъ бездѣйствіи. Вообще нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ твердаго и рѣшительнаго характера или имѣлъ бы отмѣнныя способности; но, живши долго въ Бессарабіи, знаетъ очень хорошо ходъ дѣлъ ея, и потому если когда нибудь учредится для нихъ при Сенатѣ высшая инстанція, то можетъ онъ быть преполезнымъ сенаторомъ.

О казенно-экономической экспедиціи и о Крупенскомъ.

Изо всѣхъ частей по управленію Бессарабской области нѣтъ, можетъ быть, ни въ одной столько безпорядковъ какъ по дѣламъ казеннымъ. Сіе происходитъ, кажется, болѣе всего отъ сохраненія неблагоразумной системы сборовъ, установленныхъ прежними Молдавскими узаконеніями.

Источниками казенныхъ доходовъ въ области, суть слѣдующіе: 1-е посемейная подать, называемая *биръ*, со всѣхъ вообще жителей, *даждія* съ мазыловъ и *аваетъ* съ поселянъ, на казенныхъ земляхъ живущихъ: каждый женатый платитъ ежегодно по одному червонцу или по 15-ти левовъ, а холостой взрослый по получервонцу или 7-ми левовъ 20 паръ; 2-е таможенныя пошлины, 3-е продажа питей по казеннымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ; 4-е *гоштина* или сборъ съ овецъ, *дежма* съ пчелъ и свиней, *вадрарить*, съ виноградnаго вина и *потонаритъ* съ посѣва табаку и, наконецъ, 5-е всѣ поземельныя статьи въ казенныхъ имѣніяхъ.

Изъ вышеписанныхъ податей только первая взносится жителями прямо въ цынутныя казначейства, а послѣднія собираются посредствомъ откуповъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ началѣ каждаго года дѣлаются чрезъ публикаціи вызовы желающимъ принять на себя откупы; люди являются съ достаточными залогами, другъ передъ другомъ набавляютъ цѣны; за тѣмъ, кто болѣе другихъ дастъ, утверждается откупъ, и казенно-экономической экспедиціи ничего болѣе не остается дѣлать, какъ получать исправно по срокамъ деньги. При началѣ года знаетъ уже она, сколько слѣдуетъ ей получить, а въ случаѣ неплатежа приступаетъ къ продажѣ залоговъ или цѣлаго имѣнія откупщика. Кажется, можно ли сыскать средство легче и простѣе? Но опытъ показалъ всѣ неудобства и злоупотребленія, сопряженныя съ симъ порядкомъ, какъ мы ниже сего увидимъ.

Сверхъ того, сбирается еще сумма на земскія повинности, отапливаніе и освѣщеніе, содержаніе лазаретовъ, гаубвахтъ, также для почтовыхъ лошадей и станціонныхъ строеній и прочаго. Для сего положено сбирать ежегодно по 9-ти левовъ, и суммы на издержки сіи казенная экспедиція отдаетъ также подрядчикамъ подъ залоги.

Кто не знаетъ, что въ Молдавіи и Валахіи, подъ названіемъ откупа, разумѣется купленное право законнымъ образомъ грабить и обогащаться? Первый откупщикъ и владѣтель есть владѣтельный князь и господарь, отъ самой Порты подлостями и подарками право сіе получившій; вистіяръ его, вель-логоѳетъ, вель-банъ и другіе первые чиновники суть его контрагенты, прочая же челядь субъ-арендаторы или, лучше, воры нижняго разряда. Каждый изъ нихъ есть губка, всасывающая въ себя потъ и кровь народные, которые изъ нихъ опять высшею властію выжимаются. Около трехсотъ лѣтъ сей порядокъ или безпорядокъ такъ существуетъ.

Человѣкъ, взросшій посреди сихъ дикихъ и вмѣстѣ развратныхъ нравовъ, но рожденный съ умомъ, съ чувствительностію и съ понятіемъ о чести, употребленъ былъ въ дѣлахъ Дивана во время занятія двухъ княжествъ нашими войсками, и часто находился въ обществѣ съ образованнѣйшими изъ нашихъ соотечественниковъ. Пристрастясь ко всему Русскому, по заключенію мира онъ съ радостію поселился въ Бессарабіи и обмѣнялъ богатыя помѣстья, имъ за Прутомъ оставленныя. Зная хотя мало, но болѣе другихъ Молдаванъ, Русской языкъ и законы, управлялъ онъ почти съ самаго начала присоединенія области казенною частію, сперва въ должности совѣтника, а послѣднія пять лѣтъ въ званіи вице-губернатора.

Можетъ быть, привычки дурныя, примѣромъ безкорыстія и твердости Русскихъ его начальниковъ не исправленныя, тщеславіе его, по которому платилъ онъ снисхожденіемъ за низкіе поклоны земляковъ своихъ, безпечность сродная всѣмъ Молдаванамъ, невѣдѣніе ужасной отвѣтственности, которой онъ можетъ подвергнуться (ибо въ отчизнѣ его слово *отчетъ* неизвѣстно), и самонадѣянность его, происходящая отъ увѣренности, что никто лучше его сею частію управлять не можетъ, произвели, наконецъ, всю запутанность и хаосъ, найденные недавно въ казенно-экономической экспедиціи.

Никто еще не оказалъ новымъ подданнымъ болѣе щедроты и милосердія, какъ нашъ Государь Бессарабскимъ жителямъ. Первые годы избавлены они были отъ всѣхъ податей, а нынѣ областные доходы обращаются на удов-

Библиотека "Руниверс"

летвореніе нуждъ самой же области, на жалованье чиновникамъ, наемъ квартиръ для присутственныхъ мѣстъ и прочее. Десятая доля изъ всѣхъ доходовъ отдѣляется на составленіе капитала для казенныхъ строеній, богоугодныхъ заведеній, школъ и прочаго, а остающаяся затѣмъ уже сумма поступаетъ въ государственныя казначейства.

Сіи благодѣтельныя распоряженія существуютъ уже съ 1818 года, а какъ ежегодный доходъ простирается до четырехъ милліоновъ левовъ, то съ тѣхъ поръ такъ называемая десятипроцентная сумма для богоугодныхъ заведеній должна бы возрасти, по крайней мѣрѣ, до двухъ милліоновъ, тѣмъ болѣе, что ничего не заведено, что ничего не построено. Но увы! ея нѣтъ, она вся въ недоимкѣ. Кто бы могъ думать, что при такой умѣренной посемейной подати и при такихъ средствахъ, каковы откупы къ полученію доходовъ, могла быть недоимка? Какъ можно было допустить ее до столь значительнаго накопленія?

Нельзя утаить, чтобы всему не былъ виною вице-губернаторъ Крупенскій; его нельзя извинить даже тѣмъ, что у него не было хорошихъ сотрудниковъ: ибо дѣла, бывъ производимы на Русскомъ языкѣ, онъ могъ бы имѣть достойнѣйшихъ чиновниковъ.

Тутъ есть тайна, которую мы только что подозрѣваемъ; но скоро, можетъ быть, откроется истина нашихъ замѣчаній. Вотъ въ чемъ состоятъ они. Всѣ почти здѣшніе Молдаване суть люди обогатившіеся въ самоскорѣйшемъ времени легкими непозволительными средствами; *не насытится око зрѣніемъ, а умъ богатствомъ*; сдѣлавъ фортуну, желалось бы имъ увеличить ее. На какія средства? Красть не даютъ или даютъ мало; умножить состояніе хозяйственными заведеніями, улучшеніемъ хлѣбопашества, садоводства, скотоводства, имъ кажется слишкомъ медленно и скучно; завести фабрики или что-нибудь подобное, у нихъ нѣтъ ни смысла, ни терпѣнія. Къ тому же число Русскихъ ежегодно умножается, вездѣ ихъ встрѣчаешь, они толкуютъ о чести, о наукахъ, твердятъ, что надобно довольствоваться жалованьемъ или состояніемъ, которое Богъ послалъ, заводятъ балы, прельщаютъ женъ и дочерей, сыновей заманиваютъ въ службу. То-ли дѣло было за Прутомъ? Такъ ли тамъ наживались? Какъ бы избавиться отъ сихъ ненавистныхъ людей, какъ бы можно дороже сбыть купленныя за безцѣнокъ имѣнія и потихоньку перебраться потомъ въ любимую сторонушку! Такъ, вѣрно, многіе разсуждаютъ, и откупы представляютъ имъ самыя выгодныя средства къ исполненію ихъ желаній. Надобно знать, какъ они происходятъ. Молдаване у Молдаванъ оцѣниваютъ имѣнія и обыкновенно вдвое или втрое дороже настоящей ихъ цѣны; съ сими залогами являются они къ торгамъ, и оные принимаются у нихъ на половину условленной откупной суммы. Напримѣръ, еслибъ у насъ имѣніе стоющее 10 т. рублей оцѣнено было въ сорокъ тысячъ и принято залогомъ по откупу, за который слѣдуетъ заплатить 80 тысячъ, и прибавить къ тому барышъ, который откупщикъ получитъ: то неужели онъ будетъ такъ простъ, чтобы, получивъ 80 или 85 тысячъ рублей, не предоставилъ правительству владѣть десятитысячнымъ его имѣніемъ? Вотъ какимъ образомъ наросла не-

Библиотека "Руниверс"

доимка болѣе нежели на четыре милліона. Тѣхъ, коимъ сужденія наши покажутся неосновательными, спросимъ: какая недоимка была доселѣ строго взыскиваема? Какое имѣніе по неисправному платежу поступило въ публичную продажу? И если теперь будутъ принимать строгія мѣры, то какую цѣну давать будутъ или кто явится къ покупкѣ? Выходитъ, что казна по неволѣ купитъ за несоразмѣрную цѣну ненужныя ей имѣнія.

Какимъ образомъ поступитъ нынѣ правительство къ удовлетворенію казны, мы не вѣдаемъ; только полагаемъ навѣрное, что если прижать покрѣпче тѣхъ людей, у коихъ описано даже нужное платье, то изъ кармановъ посыпятся червонцы.

Изъ всего вышеписаннаго мы не выводимъ заключенія, чтобы Крупенскій умышленно участвовалъ въ семъ злоупотребленіи; но неосудительна ли его неосторожность въ семъ случаѣ? Онъ долженъ былъ знать своихъ земляковъ и не уважать ихъ колѣнопреклоненіями.

Удаленіе его отъ должности сдѣлалось необходимымъ; чѣмъ далѣе продолжалось бы его управленіе, тѣмъ болѣе увеличились бы безпорядки. Но какъ не пожалѣть о томъ, что человѣкъ сей, имѣя способности, благородное честолюбіе и необыкновенную приверженность къ Русскому правительству, могъ бы при другихъ начальникахъ сдѣлаться чрезвычайно полезенъ для сего края, но избалованный счастіемъ не умѣлъ имъ пользоваться и такъ дурно оканчиваетъ свой карріеръ? Впрочемъ мудрено сказать, въ чемъ именно состоитъ вина его и какое можно противъ него имѣть подозрѣніе. Онъ былъ богатъ до вступленія въ должность, съ тѣхъ поръ ничего не купилъ и нажилъ большіе долги. Это всѣмъ извѣстно, а между тѣмъ злоупотребленія при немъ были ужасныя, и онъ самъ одинъ управлялъ всѣми дѣлами экспедиціи, почти безъ всякаго участія совѣтниковъ и другихъ подчиненныхъ. Какъ рѣшить сію задачу? Время все откроетъ; много будетъ труда его преемнику, а еще болѣе тѣмъ, коимъ поручено будетъ его считать. Главное затрудненіе будетъ въ предложенныхъ имъ и генераломъ Инзовымъ одобренныхъ, мудреныхъ распоряженіяхъ на счетъ пріема и выдачи денегъ по разнымъ курсамъ. Какъ за подати, такъ и за повинности принимаемы были сторублевыя ассигнаціи во 140 левовъ и другія по той же пропорціи, а выдавались по курсу существующему въ Одессѣ и ежемѣсячно перемѣняющемуся, то-есть отъ 160 до 170 левовъ. Разница отъ того выходящая и выигрышъ долженъ былъ на слѣдующіе годы быть зачтенъ въ пользу жителей, съ коихъ подать собиралась; конечно отъ того будетъ имъ послѣ облегченіе, но покамѣстъ видятъ они несправедливости и теряютъ довѣренность къ правительству, а для повѣрки счетовъ представляются чрезвычайныя затрудненія.

Объ уголовномъ судѣ и о Жидахъ.

Такъ какъ нѣтъ здѣсь ни одного уголовнаго дѣла, въ которомъ бы Евреи не имѣли болѣе или менѣе участія, и они находятся подъ особеннымъ покровительствомъ предсѣдателя уголовнаго суда, то, говоря о семъ судѣ, нѣтъ, ка-

Библиотека "Руниверс"

жется, приличнѣе мѣста описать вліяніе сего многочисленнаго и вреднаго народа на участь жителей Бессарабіи.

Уголовный судъ заключается въ одномъ предсѣдателѣ его. Занимая нѣсколько комнатъ въ домѣ, нанятомъ для присутствія, въ своемъ кабинетѣ слушаетъ онъ дѣла, по своему усмотрѣнію пишетъ самъ резолюціи, и потомъ остается только совѣтникамъ подписать оныя, а секретарю скрѣпить. Нѣкоторымъ покажется странною такая покорность со стороны соприсутствующихъ и подчиненныхъ; но кто знаетъ властолюбіе г. Курика, долголѣтнюю его опытность, свѣдѣнія въ законахъ, а особливо по части криминальной, и робость его совѣтниковъ, для того не будетъ сіе загадкой. Такъ какъ г. Курикъ играетъ и понынѣ большую роль въ области, входилъ во всѣ дѣла, мѣшался во всѣ интриги и именемъ его полна Бессарабія, то простятъ намъ, можетъ быть, если мы долго займемся описаніемъ сего страннаго произведенія природы.

Онъ родился посреди Малороссійскихъ козаковъ. Въ то время (ибо онъ давно уже живетъ на свѣтѣ) Малороссіяне не гордились еще именемъ Русскихъ, а мы еще не признавали ихъ за братій; подъ словомъ Москаль разумѣли они ненавистныхъ людей, а мы называли ихъ презрительнымъ именемъ Хохловъ. Все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, но только не сердце г. Курика: вкоренившаяся вражда его противъ Русскихъ отъ времени еще болѣе умножилась. Долго неблагопріятствующая судьба держала его въ черномъ тѣлѣ, долго пресмыкался онъ въ непзвѣстности, попадалъ подъ начальство къ Русскимъ, раболѣпствовалъ имъ, терзался завистію и злобою, тайно старался вредить имъ, и иногда въ томъ успѣвалъ. Послѣдняя половина его біографіи, имъ самимъ разсказанная, приводитъ въ ужасъ, ибо доказываетъ всю неблагодарность, какую сердце человѣческое вмѣщать въ себѣ можетъ. Какой-то инстинктъ влечетъ его ко всему низкому, ко всѣму нечистому, коварному; изъ людей болѣе всего любитъ онъ Жидовъ, изъ животныхъ кошекъ, но болѣе всего не терпитъ онъ Русскихъ, въ которыхъ видитъ сѣверныхъ варваровъ, наводнившихъ прекрасныя полуденныя страны и которыхъ съ радостью прогналъ бы онъ въ ихъ ледяное царство (собственное его выраженіе).

Онъ ужасно самолюбивъ, и малѣйшее противорѣчіе дѣлаетъ изъ него непріятеля; но онъ довольно хитеръ, умѣетъ прикинуться сострадательнымъ къ угнетеннымъ, твердитъ безпрестанно о человѣколюбіи, неопытныхъ или непроницательныхъ людей легко можетъ обольстить и потому могъ бы сдѣлаться опасенъ; къ счастію, онъ вспыльчивъ и болтунъ преестественный, есть минуты, въ которыя у него ничего удержаться не можетъ.

Какъ могъ онъ съ такимъ характеромъ столько время удержаться? Особливо когда онъ не геній, и натура дала ему ума и способностей въ обрѣзъ? Вопросъ сей разрѣшить не трудно. Ко всякому намѣстнику втирается онъ ужомъ и жабой, всѣми мѣрами старается угодить и когда въ томъ успѣетъ, то пользуется кредитомъ своимъ, устраняетъ противниковъ и въ тоже время придумываетъ средства, какъ бы ввести начальника въ заблужденіе и тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

погубить его [1]). Когда откроется его измѣна и предательство, то вдругъ перебрасывается онъ въ партію возмутителей и принимаетъ видъ противника несправедливой власти. Бахметевъ не успѣлъ, а Инзовъ не умѣлъ выпроводить сего молодца, и его считаютъ вѣчнымъ и непобѣдимымъ.

Говоря о Верховномъ Совѣтѣ, ничего не упомянуто о Курикѣ; надобно было беречь силы для изображенія сего отвратительнаго предмета при описаніи уголовнаго суда. Въ семъ совѣтѣ имѣетъ онъ также немалый вѣсъ: когда угрожала ему какая-нибудь напасть, то спасался онъ въ него, какъ въ убѣжище, въ коемъ не могла постигнуть его власть намѣстника и тамъ крамольствовалъ онъ нѣкогда съ Баланескомъ и Прункуломъ. Сей послѣдній отъ нихъ удачно отдѣлился и теперь еще не въ ладахъ съ Курикомъ; но случаются дѣла, въ коихъ видно между ними согласіе: тогда можно навѣрное поручиться, что начало сихъ дѣлъ предшествовало разрыву сихъ бездѣльниковъ, когда они дѣйствовали еще за одно и дѣлили все пополамъ.

Теперь приступимъ къ важному предмету, къ власти Іудейской, распространенной по Бессарабіи посредствомъ Курика и объяснимъ причины, отъ коихъ сіе произошло. Любовь (если только можно употребить сіе слово, говоря о Курикѣ), любовь воспалила престарѣлое его сердце къ женщинѣ, принадлежащей сей націи. Такая слабость можетъ казаться только смѣшною и даже до нѣкоторой степени извинительною, и мы умолчали бы о сей пакости, еслибъ она не имѣла самыхъ дурныхъ послѣдствій для здѣшней земли.

Когда старый грѣховодникъ предался всесильной страсти, сердца Іудейскія оживились надеждою; въ старой его Жидовкѣ увидѣли они прекрасную Эсѳирь [2]), защитницу и подпору Израиля, и тогда, внимая молвѣ о ея могуществѣ, бѣднѣйшіе изъ нихъ тысячами кинулись сюда изъ Польши. Всѣ они прибѣгнули къ Курику, а онъ, будучи тогда въ тѣсной связи въ Молдавскими дворянами, крещеными Жидами, сблизилъ ихъ и всѣми силами способствовалъ ихъ водворенію; во множествѣ появились тогда и здѣшніе Жиды, дотолѣ скрывавшіеся во мракѣ.

Прежде того занимались они мелочной торговлей и исправляли нѣкоторыя ремесла, но тутъ начали вступать въ подряды и откупа, брать на поссесію имѣнія помѣщиковъ и стали грабить и притѣснять жителей. Бѣдные Молдаване, въ теченіи столѣтій попираемые, умѣли сохранить однакоже чувство человѣческаго достоинства: повинуясь всѣмъ, не позволяли повелѣвать собою Жидамъ, которые не смѣли много шумѣть съ послѣднимъ крестьяни-

---

[1]) Два года сряду провождалъ онъ у генерала Бахметева все свободное отъ службы и плутней время и пользовался неограниченной его довѣренностію. Выходя отъ него, бѣжалъ онъ домой, чтобы сочинять Молдаванамъ на него просьбы. Добродушный и простосердечный Бахметевъ не хотѣлъ тому вѣрить до тѣхъ поръ, пока принесли ему въ доказательство черновыя бумаги. Сама природа отличила его цвѣтомъ предателей: у него шерсть рыжая, какъ у Іуды.

[2]) Законная супруга Курика, горбатая Васти его, живетъ въ заточеніи и умираетъ съ голоду въ Севастополѣ. Проживъ или присвоивъ себѣ приданый ея капиталъ, не хочетъ онъ о ней теперь и слышать.

Библиотека "Руниверс"

номъ, а нынѣ вездѣ видимъ бѣдныхъ мужиковъ, стоящихъ предъ Жидомъ съ обнаженной и поникшей головой; судьба опредѣлила имъ испытать и послѣднее сіе униженіе.

Въ другихъ земляхъ, конечно, много есть просвѣщенныхъ Евреевъ, не раздѣляющихъ пороки своихъ соотечественниковъ; но масса сего народа, особливо у насъ, суевѣрна до безумія. Развратить христіанина, довести его до преступленія, помогать ему въ томъ, обворовать его и обвинять его, по ихъ мнѣнію, дѣла пріятныя Іеговѣ. И потому всегда видимъ мы ихъ помогающихъ молодежи въ любовныхъ дѣлахъ, хотя бы за бездѣлицу; сребролюбіе, удовольствіе мести и обязанности религіи—все разомъ удовлетворяется. Размноженіе и обогащеніе ихъ въ Бессарабіи настоящая зараза; къ тому же надобно знать, что простые Молдаване едва ли не самый непорочный народъ въ мірѣ; посреди рабства сберегли они необыкновенную чистоту нравовъ; не взирая на худые примѣры, не знаютъ воровства, не любятъ пить, смирны, но упрямы какъ волы, ими пасомые; вѣрность супруговъ и цѣломудріе дѣвъ почитаются самыми обыкновенными добродѣтелями; обольщенную наказываютъ, но жалѣютъ о ней, а обольстителя преслѣдуютъ до гроба, и не было примѣра, чтобы простой мужикъ продалъ честь жены своей или дочери. Посреди сихъ почтенныхъ поселянъ, да представятъ себѣ Жидовъ, работающихъ безпрестанно, чтобы развратить ихъ, и да пожалѣютъ о ихъ участи!

Пристрастіе г. Курика не есть секретъ, всѣмъ это извѣстно. Они могутъ злодѣйствовать, не опасаясь наказанія: въ уголовномъ судѣ у нихъ есть вѣрный защитникъ, и онъ же за нихъ въ другихъ присутствіяхъ самый сильный и усердный ходатай. Если Жидъ побьетъ или убьетъ христіанина, то все будетъ скрыто; но горе всякому Русскому или Молдавану, дерзнувшему оскорбить Жида: онъ раскается въ томъ. Приведемъ въ примѣръ нѣсколько случаевъ для подкрѣпленія и доказательства справедливыхъ обвиненій нашихъ.

Генералъ Бахметевъ, не умѣвшій ничего Курику отказывать, отдалъ ему мѣсто подлѣ митрополіи, назначенное для построенія губернаторскаго дома. Онъ началъ заготовлять матеріалы, какъ вдругъ преосвященный Гавріилъ, покойный экзархъ, узнавъ тайно, что домъ имъ предполагаемый долженъ быть отданъ подъ синагогу, дабы рядомъ поставить ее съ архіерейскимъ домомъ, и ужаснувшись такого ругательства противъ господствующей вѣры, усердно молилъ бывшаго уже тогда намѣстникомъ Инзова отнять мѣсто у Курика, что̀ вслѣдствіе просьбы его и исполнено.

Тотъ же самый митрополитъ, замѣтивъ, что въ воскресные дни во всей Бессарабіи бываетъ большой торгъ (ибо по Субботамъ Евреи, главные торговцы, ничего не продаютъ и не покупаютъ) и чрезъ то храмы христіанскіе пустѣютъ, просилъ у правительства запрещенія торговать по Воскресеньямъ. Мнѣніе его поступило на разсмотрѣніе въ Верховный Совѣтъ, въ которомъ тогда владычествовалъ Курикъ; онъ долго не хотѣлъ согласиться и сдѣлалъ сіе только съ условіемъ, чтобы по Субботамъ и христіанскія лавки были заперты. И безумный Совѣтъ подписалъ таковое опредѣленіе!

Библиотека "Руниверс"

Недавно пять церквей въ Кишиневѣ и окрестностяхъ были обокрадены; пойманы Жиды въ семъ воровствѣ, уличены и со всѣмъ тѣмъ оправданы. Желая отомстить христіанамъ, выдумали они, что изъ ихъ школы унесли какую-то утварь. Поймали какого-то несчастнаго и, можетъ быть, безвинно наказали.

Довольно сихъ примѣровъ. Къ дополненію скажемъ: въ іудаизмѣ Курика такъ всѣ увѣрены, что многіе полагаютъ, будто онъ перемѣнилъ вѣру и подвергнулъ себя церемоніи обрѣзанія. Чего добраго!

Неужели небесный гнѣвъ постигъ несчастную Бессарабію? Неужели надъ ней вѣчное проклятіе, и она навсегда осуждена страдать отъ Курика и Жидовъ? Если такъ, то честнымъ людямъ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ скорѣе изъ нея ускакать.

О гражданскомъ судѣ.

Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній по части гражданскихъ законовъ, особливо Молдавскихъ, и потому можемъ судить только поверхностно о недостаткахъ здѣшняго судопроизводства; однакоже не упустимъ означить, сколько извѣстно намъ, всѣ злоупотребленія, проистекающія отъ его несовершенства.

Уставомъ образованія предоставлены здѣшней области, по части гражданской, всѣ законы, всѣ права и обычаи земли Молдавской. Въ сей послѣдней основаніемъ законовѣдѣнія служили: 1-е *Іустиніановъ кодексъ* и всѣ узаконенія Греческихъ императоровъ (но въ нихъ никто не заглядывалъ, а совѣтывались иногда съ извлеченіемъ изъ законовъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Армонопулю*), 2-е, *Хрисовулы* или господарскія граматы, и 3-е наконецъ, такъ называемый *Обычаи Пымынтулуй*, то-есть обычай земли.

Чтобы дать понятіе о семъ обычаѣ, скажемъ, какъ онъ составился. Когда власть господарская сдѣлалась неограниченною и встрѣчала въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствія къ исполненію воли своей во власти законовъ, то случаи сіи названы чрезвычайными, и по нихъ дѣлались особыя рѣшенія. Мало по малу, всякій случай сдѣлался чрезвычайнымъ, и по всякому было опредѣленіе, несогласное съ законами. Изъ сихъ-то опредѣленій Дивана, утвержденныхъ господаремъ, составилось, наконецъ, собраніе нелѣпостей и несправедливостей подъ именемъ Обычи - Пымынтулуй, и сей памятникъ варварства оставленъ какъ благодѣяніе для Бессарабіи. О Кринщкій!

Любопытно также знать, какъ тяжебныя дѣла разсматриваются въ Молдавскомъ диванѣ. Онъ не имѣетъ постояннаго пребыванія, но когда есть дѣло, интересующее господаря, то созываетъ онъ членовъ его въ тронную свою залу и тамъ, сидя на престолѣ, соблюдаетъ нѣкоторый порядокъ благочинія въ слушаніи дѣлъ. На всѣ же прочія трактаціи зовутъ первостатейные бояра къ себѣ въ гости, какъ на вечеринку, слушаютъ дѣла, спорятъ о нихъ и подписываютъ приговоры, кушая дулчецы посреди густаго табачнаго дыма. Бѣдный проситель не знаетъ, гдѣ будутъ рѣшать участь его и бѣгаетъ по городу, высуня языкъ, чтобы узнать о томъ. Архива нѣтъ у нихъ, произ-

Библиотека "Руниверс"

водство дѣлъ не сохраняется, всѣ документы возвращаются просителямъ, а остаются только одни опредѣленія въ умноженіе обычаевъ. Такъ точно происходило и здѣсь, когда существовало общее собраніе департаментовъ.

Здѣшніе судьи вздыхаютъ о сихъ прекрасныхъ обыкновеніяхъ; съ умиленіемъ вспоминаютъ они даже объ одномъ ужасномъ и справедливомъ законѣ, предъ коимъ они нѣкогда трепетали и который, къ сожалѣнію, здѣсь болѣе не существуетъ. Этотъ законъ называется *буздуганъ*, то есть, тяжеловѣсная булава господарская; въ минуты гнѣва его сей законъ ударяетъ виновныхъ членовъ Дивана, ломаетъ кости и ребра, а когда попадаетъ въ голову, то дѣйствительно дѣлается уголовнымъ, ибо лишаетъ жизни.

Но мы слишкомъ удалились отъ нашего предмета; поспѣшимъ къ нему возвратиться. Итакъ здѣшній гражданскій судъ руководствуется обычаемъ земли; изъ сего хранилища варварскихъ узаконеній почерпаетъ онъ правила для сужденій своихъ. А какъ нѣтъ ни одного рода дѣла, по коему не было бъ двухъ или трехъ опредѣленій, одно другому противорѣчащихъ: то судья всегда властенъ выбирать любые примѣры, примѣнять ихъ къ своимъ видамъ и дѣйствовать по пристрастію сколько ему угодно. Иногда можетъ онъ раскрывать Арменопуло, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и именно по частнымъ тяжбамъ съ казною, придерживаться Русскихъ законовъ. Какой хаосъ! Какая путаница! Однимъ словомъ, всѣ законы въ здравомъ смыслѣ и чистой совѣсти судьи, а гдѣ искать этого между Молдаванами?

Такой необыкновенный человѣкъ нашелся однакоже въ особѣ предсѣдателя гражданскаго суда, старикѣ Башотѣ, мужикѣ отмѣнно честномъ и довольно смышленомъ. Обязанъ будучи разбирать чужія тяжбы, онъ старался никогда своихъ не заводить. Къ сожалѣнію, онъ недавно занимаетъ сіе мѣсто, имѣетъ только одинъ голосъ и безпрестанно въ несогласіи съ своими совѣтниками, желающими въ цѣлости сохранить необузданность Молдавскихъ судей.

Дабы показать, какъ доселѣ дѣйствовалъ гражданскій судъ, приведемъ одинъ или два примѣра, по коимъ можно будетъ судить и о прочихъ его дѣлахъ.

Одинъ помѣщикъ, именно Баланеско Россетъ, основываясь на несправедливости раздѣльнаго акта въ 1726 году между прабабкой его, урожденной Стурдзовой и ея братьями, требовалъ, чтобы отданы были ему нѣкоторыя принадлежавшія сей фамиліи помѣстья въ Бессарабіи. Протекло близъ ста лѣтъ, четыре поколѣнія Россетовъ не оспаривали правъ Стурдзовыхъ; отъ братьевъ раздѣлившихъ имѣніе и сестры ихъ народилось множество Стурдзовъ и Россетовъ, владѣющихъ имѣніями по обѣимъ сторонамъ Прута. Слѣдственно какъ можно было доказать, что здѣшніе Стурдзы здѣшнему Россету должны отдать имѣніе? Особливо когда онъ требовалъ именно отъ которыхъ, не домогаясь получить отъ другихъ, также здѣсь живущихъ и также отъ братьевъ его прабабушки происходящихъ. Гражданскій судъ приговорилъ въ его пользу, и до окончательнаго рѣшенія, во ожиданіи вѣрнѣйшихъ справокъ, предписалъ ввести Баланеско во владѣніе; сіе было во время владычества его въ Совѣтѣ. Послѣ того сіе дѣло вытребовано въ Верховный Совѣтъ и подъ предсѣда-

Библиотека "Руниверс"

тельствомъ самаго Инзова единогласно рѣшено, чтобы отнять у Баланеско имѣніе. Ничего нѣтъ справедливѣе, но увы! Не справедливость тогда имѣли въ виду: тутъ дѣйствовало одно желаніе унизить и обобрать Баланеско. Въ этомъ случаѣ одинъ членъ, г. Курикъ, показалъ свой характеръ. Онъ не согласился ни подписать журналъ противъ Баланеско, ни войти съ особливымъ мнѣніемъ въ пользу его, хотя судимые Стурдзы не хотѣли подавать на него подозрѣнія. Онъ самъ объявилъ, что онъ другъ Баланеско и потому въ семъ дѣлѣ участвовать не можетъ. Человѣкъ, который въ одномъ дѣлѣ самъ себя объявилъ пристрастнымъ, не можетъ ни въ какомъ другомъ, по мнѣнію нашему, быть судьей.

Мы видѣли несправедливость, отъ коей пострадали Стурдзовы; скажемъ теперь несправедливость, однимъ изъ членовъ сей фамиліи учиненную. Много деревень, которыя были поселены въ Ясскомъ, Оргѣевскомъ и Хотинскомъ цынутахъ, отъ притѣсненій и разбоевъ опустѣли, жители ихъ разошлись; наконецъ, они совсѣмъ перестали существовать, и остались только одни урочища, сохранившія ихъ имена. Нѣкоторые изъ бояръ купили послѣ мѣста сіи по документамъ; но какъ деревень не находилось, то по выбору брали они любую сосѣдственную деревню, утверждая, что она въ старину тѣмъ именемъ называлась. Изъ того выходили споры, тяжбы, но неправильно отнятыя деревни оставались за новыми владѣльцами, съ тѣмъ, однакоже, что они будутъ возвращены, когда найдутся тѣ деревни, которыя дѣйствительно то имя носятъ. Такимъ образомъ дипломатъ Александръ Стурдза завладѣлъ селеніями Дарабани и Каплювка, принявъ за несуществующую деревню Надабауцы, и г. Крупенскій подъ именемъ Коссоуцъ взялъ селеніе Неллипауцы. Первый изъ нихъ устыдился такого насильственнаго завладѣнія и недавно помирился за значительную сумму съ владѣльцемъ Діаманди, не имѣя въ томъ никакой нужды; но послѣдній и понынѣ еще владѣетъ. Всякому, кто не живалъ въ Бессарабіи, покажется это неимовѣрнымъ; ошибиться дверьми можно, но принять одну деревню за другую и такими кипроко раззорять сосѣдей? Это дурная шутка!

Медленности въ теченіи дѣлъ гражданскаго суда гораздо менѣе замѣтно, чѣмъ въ Верховномъ Совѣтѣ; кто съ нимъ въ этомъ сравняться можетъ! Но и тутъ дѣла накопляются. Если будетъ усердный и ревностный областный прокураторъ, примется сихъ лѣнивыхъ помыкать и будетъ поддержанъ правительствомъ, то сія часть можетъ еще нѣсколько поправиться.

Главный источникъ тяжебъ въ области есть Резешское право. Резеши не составляютъ особеннаго класса людей. Они владѣютъ въ одной деревнѣ малыми участками земли въ совокупности съ сосѣдами и родными. Всякой можетъ быть резешемъ, дворянинъ, мазылъ или крестьянинъ, но только сдѣлаться имъ было трудно, ибо сосѣди и родные всегда имѣютъ преимущество въ покупкѣ Резешской земли. Какъ многіе бояра заставляли себѣ уступать кусокъ земли въ Резешскихъ владѣніяхъ и потомъ, получивъ право, присвоивали себѣ остальные участки, то въ отвращеніе такой неправедности однимъ мудрымъ господаремъ постановлено, чтобы Резешъ не могъ уступать земли

Библиотека "Руниверс"

своей и права иначе, какъ человѣку равнаго съ нимъ или низшаго состоянія. Но какой законъ здѣсь соблюдается? Названіе ихъ происходитъ отъ Славянскаго слова рѣзать, и подлинно нарѣзывается сихъ участковъ до безконечности; а какъ они всѣ въ протяженіи, то бываетъ, что земля шириною въ два дюйма или менѣе тянется на пять или на шесть верстъ. Всякой изъ Резешей знаетъ, что у него есть такой малой участокъ, называемый пармакъ; помѣщикъ какой нибудь старается выманить у него уступку. и тогда уже не зацѣпляй за сію ленту: лишь дотронешься, пойдутъ процессы, во избѣжаніе которыхъ сосѣди начнутъ за безцѣнокъ участки свои уступать, въ. противномъ случаѣ должны войти въ раззорительныя тяжбы. Весьма полезно бы было сдѣлать въ разсужденіи сего новое какое нибудь постановленіе по примѣру Валахіи и прекратить чрезъ то тысячу поводовъ къ злоупотребленіямъ.

О городѣ Кишиневѣ, о полиціи и строеніяхъ его.

Когда къ Россіи присоединили Бессарабію, то не было въ ней ни одного большаго города, въ которомъ пристойнымъ образомъ можно бы было учредить правительство. Центральное мѣстоположеніе Кишинева и мѣстопребываніе въ немъ митрополита Гавріила, который построилъ тутъ довольно обширный архіерейскій домъ и завелъ большой садъ, заставили въ послѣдствіи времени дать сей деревнѣ преимущество предъ малыми городами. Съ того времени постоянно въ немъ жили оба намѣстника, наѣхало множество чиновниковъ, ремесленниковъ всякаго рода; иностранные купцы открыли лавки, наполненныя предметами роскоши; существовавшій тогда тарифъ и сосѣдство съ Турціей и Австріей способствовали умноженію торговли, строенія распространились во всѣ стороны, и число жителей обоего пола увеличилось отъ трехъ до 26-ти тысячъ. Сего мало: Государь пожаловалъ, какъ мы сказали, 10 процентовъ изъ областныхъ доходовъ для строенія казенныхъ зданій и общеполезныхъ заведеній. Все благопріятствовало основанію Кишинева. Какъ же не подосадовать или подивиться, когда взглянешь на безпорядокъ его расположенія, на безобразіе его домовъ? Что же препятствовало ему сдѣлаться благоустроеннымъ, богатымъ и красивымъ городомъ?

Выборъ Кишинева не нравился генералу Бахметеву: онъ предпочиталъ ему Бендеры и всегда надѣялся перенести туда областныя присутственныя мѣста. Генералъ Инзовъ занимался исключительно обработываніемъ разведеннаго имъ садика; богатѣйшіе жители думали рано или поздно поселиться въ Яссахъ и заводили только временныя строенія и, наконецъ, изъ десятипроцентной суммы не сдѣлано ни малѣйшаго употребленія, да и лучше сказать, она совсѣмъ не существовала. Къ тому же сей городъ недавно поступилъ въ казенное вѣдомство; доселѣ принадлежалъ онъ Галатскому монастырю, зависящему отъ Святаго Гроба; эпитропы, или мірскіе опекуны монастыря, отъ имени его поднесли владѣніе онаго въ даръ Императору, когда онъ въ 1818 году удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Но какъ онъ прежде того былъ отданъ въ откупъ на двадцать лѣтъ, и срокъ миновался только въ ны-

Библиотека "Руниверс"

нѣшнемъ 1823 году, то и не пользовался городъ доселѣ никакими почти доходами.

И такъ Кишиневъ, не взирая на свою обширность, въ правильности и чистотѣ едва ли можетъ равняться съ послѣднимъ нашимъ уѣзднымъ городомъ. Первоначально онъ былъ построенъ въ лощинѣ, на самомъ берегу мѣстами запруженнаго ручья Быкъ, который удостоиваютъ названіемъ рѣки. Сія древняя часть города и донынѣ существуетъ. Въѣзжая въ нее, равно страдаютъ и взоръ, и обоняніе: она вся состоитъ въ излучистыхъ переулкахъ, наполненныхъ Жидами и унизанныхъ лачужками, тѣсно другъ къ другу приклеенными. Помои и нечистота стекаются сюда изъ всѣхъ мѣстъ, отсюда упадаютъ въ Быкъ и въ лѣтніе жары такъ заражаютъ воздухъ, что производятъ повальныя лихорадки. Поднявшись немного выше, начинается новый городъ и идетъ отлого вверхъ по горѣ. Улицы и разрывы между домами становятся шире, но неправильность линій и нечистота вездѣ одинаковы. Все сіе оканчивается на высотѣ горы пространнымъ полемъ, на которомъ предполагаются со временемъ соборъ и казенныя зданія. Отсюда видны городъ и окрестности: индѣ возвышаются (числомъ не болѣе пяти или шести) каменные двухэтажные дома, доказывающіе варварскимъ вкусомъ своимъ невѣжество строившаго ихъ архитектора; въ иныхъ мѣстахъ показываются церкви, недавно построенныя, длинныя, узкія, съ высокими остроконечными крышами и имѣющія видъ каменныхъ ящиковъ. Вотъ весь Кишиневъ!

По нерадѣнію ли начальства или по недостатку въ способахъ полиція до сихъ поръ находится въ весьма жалкомъ состояніи. При ней положено по штату быть 40 десятниковъ. Въ сію должность употребляются обыкновенно Жиды, которые, конечно, весьма способны узнавать, гдѣ скрываются воры и краденыя вещи—*кому, какъ не лисѣ всѣ лисьи плутни знать*; но, кажется, лучше бы было употреблять ихъ шпіонами, а сею должностію пользуются они только, чтобы грабить и притѣснять жителей. Неопрятность, о которой мы выше сказали, превосходитъ всякое описаніе; изъ больницъ, изъ боень, изъ прачешныхъ, изъ нужныхъ мѣстъ все выливается на улицу; всякій соръ, лоскутья, мертвыя животныя валяются по землѣ и никогда не убираются; нѣтъ фонарей, нѣтъ будокъ, нѣтъ заставъ; не только нѣтъ мостовой, но бугры и ямы на улицахъ не сравниваются, и нигдѣ почти по бокамъ не прорыты канавы для спуска воды. Но одно изъ величайшихъ неудобствъ для пѣшеходцевъ въ Кишиневѣ есть чрезвычайное умноженіе собакъ, которыя днемъ и ночью тысячами бѣгаютъ, воемъ своимъ оглашаютъ городъ и нападаютъ на всѣхъ проходящихъ. Молдаване зажиточные лѣнятся и стыдятся ходить пѣшкомъ, а когда изъ народа кто-нибудь искусанъ, то сіе почитается невеликой бѣдой. Если давно здѣсь не было чумы, если всякое лѣто сотни людей не умираютъ отъ гидрофобіи и середь дня не бываетъ разбоевъ, въ грязныхъ ущелінхъ Кишинева, то все сіе должно приписать чуду.

По строительной части учреждена здѣсь особая коммисія, видно на смѣхъ: ибо Курикъ въ ней предсѣдателемъ. Человѣка этого встрѣчаемъ вездѣ: въ Совѣтѣ, въ судѣ уголовномъ, въ библейскомъ обществѣ, въ строительной

Библиотека "Руниверс"

коммисіи, но чаще всего въ острогѣ, куда завлекаетъ его любовь къ ближнимъ; тамъ почитаетъ онъ себя въ семьѣ родной. Кому пришла въ голову странная мысль поручить такому человѣку наблюденіе за устройствомъ и красотой возникающаго города? Какъ можно было ожидать образованнаго вкуса или малѣйшаго понятія о художествахъ отъ стараго крюкотворца, которому, вѣроятно, неизвѣстны даже имена ихъ? Прямыхъ дорогъ онъ не терпитъ, и потому, при первомъ взглядѣ на новыя улицы Кишинева, весьма ощутительна склонность его къ кривизнамъ. Съ нимъ возсѣдаетъ другой злодѣй, какой-то Азмидовъ, соединяющій въ себѣ два званія, архитектора и землемѣра *) области. Никакихъ правилъ въ руководство себѣ они не постановили и даже неизвѣстно, какому они слѣдуютъ плану. Единственное правило ихъ—деньги; если кто вздумаетъ захватить часть улицы и поставить запачканную избу, тотъ дай деньги; если кто захочетъ построить каменный домъ, не выступая изъ линіи, тотъ дай деньги; еслибъ графъ Шереметевъ сошелъ съ ума, поселился въ Кишиневѣ, затѣялъ мраморныя палаты, и Росси нарисовалъ ему фасадъ, то безъ нѣсколькихъ тысячъ леворъ не получилъ бы позволенія строиться. Отъ сей подати увольняются только Жиды: имъ не нужно подавать просьбу въ коммисію и получать планъ, утвержденный подписомъ членовъ ея; они явятся только къ Курику, а онъ на лоскуткѣ бумаги напишетъ имъ позволеніе строиться какъ угодно, хоть поперекъ улицы; сію записку представятъ они Азмидову, а сей воръ противъ старшаго не осмѣлится сдѣлать возраженій. Мы о томъ утвердительно сказать можемъ, ибо видѣли такія записки.

Одинъ случай ясно покажетъ, какъ поступаютъ здѣсь по строительной части. Двѣ развалившіяся почти и вросшія въ землю хатки стояли внѣ Кишинева, когда еще онъ былъ деревней, и никто не думалъ на владѣніе въ немъ домовъ получать документы. Послѣ того мало-по-малу строенія приблизились, и два домика очутились на площади и на землѣ, по плану отведенной какой-то вдовѣ. Нѣсколько лѣтъ сряду она позволяла жить тутъ двумъ Жидовскимъ семействамъ, но наконецъ продала мѣсто свое каретнику Гофману, а сей послѣдній, желая построить на площади хорошій домъ, предложилъ Жидамъ перебраться, съ тѣмъ однакоже, что онъ щедро заплатитъ имъ за домики (имъ впрочемъ не принадлежащіе), за землю и за разстройство при переѣздѣ. Жиды поупрямились, всякое предложеніе отвергнули, и Курикъ самъ пріѣзжалъ стращать Гофмана; не убоясь его, рѣшился сей послѣдній прибѣгнуть къ законамъ и представилъ актъ свой на владѣніе въ цынутный судъ, въ которомъ и рѣшено дѣло въ его пользу. Курикъ не постыдился самъ пріѣхать въ судъ браниться съ судьей и до сихъ поръ, кажется, удерживаетъ исполненіе приговора.

Кишеневъ и теперь еще можетъ быть прекраснымъ городомъ и сдѣлаться со временемъ соперникомъ Одессы; но тогда необходимо отнять сію

*) Всѣ его строенія отличаются непрочностію, а о знаніи и вкусѣ уже и говорить нечего; всякій тринадцатилѣтній воспитанникъ Академіи Художествъ имѣетъ право осмѣять его.

Библиотека "Руниверс"

часть у Курика и Азмидова; по мнѣнію нашему, это первѣйшее условіе, sine qua non: съ этими людьми не быть добру. Если призвать изъ Петербурга искусныхъ архитекторовъ, приступить (когда будутъ деньги) къ строенію казенныхъ зданій, составить новую коммисію, начертать строгія правила для партикулярныхъ строеній и наблюдать за выполненіемъ ихъ, запретить безобразные плетневые заборы *) и не позволять каменныхъ домовъ внутри двора безъ хорошей рѣшетки, избавить на нѣсколько лѣтъ строющихся вновь отъ непріятной обязанности постоя и тѣмъ пріохотить жителей къ строенію, обложить другіе дома приличной суммой для постройки казармъ и тѣмъ избавить отъ постоя весь городъ, однимъ словомъ искусно употреблять снисхожденіе и строгость: тогда ручаться можно, что нельзя будетъ узнать Кишинева, основателю его будетъ новая честь и слава, а намъ нестыдно будетъ глядѣть на Черновицъ, главный городъ Буковины Австрійской Молдавіи, который недавно заслужилъ честь быть мѣстомъ свиданія двухъ императоровъ. Кишиневъ сей чести еще заслужить бы не могъ.

О исправничествахъ.

Долго рылись мы съ отвращеніемъ въ навозѣ, лежащемъ на высотахъ Бессарабіи, но не спускались еще въ вертепы, называемые цынутные суды и исправничества. Первые вѣроятно мало разнствуютъ отъ прочихъ судебныхъ мѣстъ; о неистовствахъ же исправничествъ кто не знаетъ? Ропотъ народный слишкомъ громокъ, чтобы не слышанъ сталъ всякому.

Въ Молдавіи исправники суть весьма важные люди; достоинствомъ они равняются съ Французскими супрефектами, но власть ихъ выше. Прежде устава образованія они здѣсь играли туже роль и соединяли въ себѣ исполнительную и судебную власть, и потому донынѣ еще идутъ въ сію должность люди значительнѣйшихъ фамилій. Въ Молдавіи почитается дуракомъ тотъ исправникъ, который въ годъ не получитъ 100 т. левовъ, но сколько ужасныхъ несправедливостей, грабительствъ здѣшнимъ исправникамъ сдѣлать нужно, чтобъ доказать умъ свой! Увидимъ какія средства они къ тому употребляютъ.

Первая, но не главнѣйшая вѣтвь исправническихъ доходовъ—Калараши. Въ прежнее время они составляли цѣлыя селенія, не платили податей, а только своекоштно исправляли службу верхомъ и находились при Диванѣ и исправничествахъ для разъѣздовъ и посылокъ, по примѣру нашихъ казаковъ. Нынѣ же положенное ихъ число при исправникахъ содержится на счетъ обывателей и относится къ земскимъ повинностямъ. Выборъ и наемъ ихъ долженъ зависѣть отъ самихъ жителей, и каждый изъ Каларашей обходился бы имъ отъ двухъ до трехсотъ левовъ въ годъ; но сіе было бы слишкомъ невыгодно для исправниковъ, и потому не позволяютъ они входить въ это жителямъ, а

*) Оргѣевскій цынутъ, въ которомъ находится Кишиневъ, отмѣнно изобиленъ лѣсомъ, а владѣльцы домовъ скупятся сдѣлать деревянныхъ выкрашенныхъ заборовъ и огораживаютъ плетнемъ, на который накидываютъ хворостъ такой длины, что подлѣ заборовъ ходить нельзя.

Библиотека "Руниверс"

сами избираютъ обыкновенно всякихъ бродягъ, наемныхъ слугъ своихъ и даже Цыганъ; на содержаніе каждаго изъ нихъ требуютъ они ежегодно отъ пятисотъ до тысячи леновъ и между тѣмъ половины ихъ не держатъ, а изъ сей половины едва ли треть употребляется на службу: всѣ прочіе у пріятелей ихъ или у нихъ самихъ въ услугахъ безъ платы. Сверхъ того, жители должны еще по произволу исправниковъ доставлять для содержанія Каларашей хлѣбъ, всякіе съѣстные припасы, а для лошадей овесъ и сѣно; лошадей же при Каларашахъ никогда не имѣется: они берутъ первую любую лошадь у крестьянина, садятся на нее, скачутъ для исполненія порученности, уморятъ или надорвутъ лошадь, въ первомъ селеніи ее бросаютъ и берутъ другую.

Великое также зло въ цынутахъ происходитъ отъ Околашей. Они родъ головъ или старостъ волостныхъ, имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи нѣсколько селеній и должны быть избираемы самими обывателями между осѣдлыхъ и почетнѣйшихъ поселянъ. Вмѣсто того, исправники предоставили себѣ право назначать въ сію должность людей по своему выбору, а выборъ ихъ падаетъ обыкновенно на праздношатающихся, на самыхъ порочныхъ, на лакеевъ не находящихъ себѣ мѣстъ, на писарей за пьянство и воровство выгнанныхъ. Эти люди служатъ имъ агентами и прикащиками, не только не получаютъ никакого жалованья, но еще взносятъ исправникамъ значительныя суммы *) Околаши служатъ въ тоже время повѣренными откупщиковъ, и появленіе ихъ въ деревню почитается настоящимъ бѣдствіемъ. Когда отъ имени сихъ послѣднихъ пріѣзжаютъ они сбирать подать съ овецъ, называемую гоштину, то входятъ во всѣ домы, роются вездѣ, осматриваютъ все, не найдется ли забытая и не объявленная хозяиномъ какая нибудь осмушка съ ягненка: тогда онъ пропалъ, дорого долженъ онъ будетъ заплатить за то. Нѣсколько времени живутъ они такимъ образомъ въ деревнѣ на счетъ жителей, никто въ это время не долженъ отлучаться, и наконецъ всякой, кому приходится заплатить подати десять или двадцать паръ долженъ по леву платить околашу за квитанцію. Симъ бѣда не кончится, ибо еще пріѣзжаетъ другой повѣренный откупщика ревизовать квитанціи; таже церемонія соблюдается, и другой левъ ему платится. Двойныя посѣщенія сіи, отнимающія драгоцѣнное время у поселянъ, продолжаются во всю рабочую пору; весной когда овцы приносятъ плодъ сбирается гоштина, десятина лѣтомъ когда пчелы оброятся, погонаритъ когда созрѣетъ табакъ и наконецъ осенью вадраритъ по собраніи вина. Вообще всѣ сіи мелочныя подати, посредствомъ откупа собираемыя, сущее разореніе для бѣдныхъ крестьянъ; казнѣ прибыли мало, набогащаются исправники и откупщики, а сіи послѣдніе и не платятъ еще откупной суммы. Не лучше ли бы было уничтожить сіи налоги и замѣнить ихъ набавленіемъ на прямую подать биръ, которая безъ всякихъ притѣсненій доселѣ весьма исправно выплачивается?

Исчислить всѣ способы, находящіеся въ рукахъ исправниковъ для притѣсненія народа и обогащенія себя, нѣтъ возможности. Скажемъ только, что

*) Одинъ пріѣзжій, слыша безпрестанно слова: *Семирашъ*, *Околашъ*, *Каларашъ*, и получивъ истолкованіе оныхъ, замѣтилъ довольно забавно, что по мнѣнію его все это *Ералашъ*.

Библиотека "Руниверс"

ни одного изъ сихъ средствъ не упускаютъ они, чтобы имъ не воспользоваться. На предписанія намѣстниковъ и указы правительства не обращали они никакого вниманія, иногда ихъ даже и не читали. Такое пренебреженіе къ власти происходитъ отъ безнаказанности, которою они пользуются, благодаря премудрому образованію, по правиламъ коего никакой дворянинъ въ области, даже преданный суду, отъ должности не удаляется, и потому всегда имѣютъ они способы заставить молчать людей на нихъ жаловавшихся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальники не смотрятъ на сію статью; но что за образованіе, если, не нарушая его, нельзя ничего сдѣлать справедливаго? Къ чему же оно годится?

Общія замѣчанія.

Никто еще изъ одного любопытства не пріѣзжалъ въ Бессарабію, хотя въ ней и представляется зрѣлище, единственное теперь въ мірѣ. Путешественники съ удовольствіемъ посѣщаютъ просвѣщенныя государства, другіи смѣлѣйшіе ѣздятъ за моря, чтобы видѣть народы дикіе и человѣческой родъ еще въ младенческомъ состояніи; но что̀ можетъ быть любопытнѣе для наблюдательнаго ока, какъ рождающееся общество, въ которомъ видны остатки Восточныхъ обычаевъ и начало Европейской образованности? Сіе можно видѣть теперь въ Кишиневѣ и другихъ маленькихъ городахъ Бессарабіи, такъ точно какъ сіе было съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ въ нашемъ отечествѣ. Сходство между образомъ жизни богатѣйшихъ Молдаванъ и нашихъ предковъ, къ стыду нашему, разительное; и потому Кишиневъ еще болѣе заслуживаетъ вниманія Русскихъ. Названіе бояръ, длинная ихъ одежда, длинныя бороды, высокія шапки, богатые мѣха, коими они покрываются, ихъ невѣжество, грубость, все напоминаетъ древнихъ нашихъ царедворцевъ. Въ домашнемъ быту сходство сіе еще замѣтнѣе: недостатокъ въ самонужнѣйшихъ предметахъ для удобства и пріятности жизни, низкія комнаты, коихъ убранство состоитъ въ широкихъ лавкахъ покрытыхъ коврами; столы отягощенные множествомъ невкусныхъ блюдъ, многочисленная, оборванная и засаленая услуга, между стариками ревность *) и удаленіе женщинъ отъ всякаго участія въ общежитіи, великолѣпные наряды сихъ послѣднихъ, алмазы, жемчуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ неопрятность, все какъ было у насъ въ старину. Если быть въ судебномъ мѣстѣ, то легко счесть себя въ приказной избѣ; а дѣловыя бумаги, на Молдавскомъ языкѣ съ крючками и подъ титлами писанныя, похожи ни дать ни взять на древніе столбцы Московскаго Архива. Однимъ словомъ, все мысленно переноситъ насъ въ семнадцатое столѣтіе и даетъ болѣе чувствовать всю цѣну просвѣщенія.

Молодые люди обоего пола принадлежатъ уже къ другому вѣку Россіи, котораго конецъ мы сами видѣли. По мнѣнію ихъ Французскій языкъ, которымъ они очень дурно говорятъ, танцы и нѣсколько пѣсенокъ, мазурокъ и

*) Шестидесятипятилѣтній Башмакъ не позволяетъ пятидесятипятилѣтней женѣ своей говорить съ мужчинами.

Библиотека "Руниверс"

вальсовъ на гитарѣ или фортепіано, составляютъ совершенство воспитанія. Въ сравненіи съ симъ за ничто почитаются умъ, познанія, честность, добродѣтель. Отъ такого образа мыслей родилась безнравственность, которую по крайней мѣрѣ у насъ никогда и не подозрѣвали. Распутство и жадность къ интересу молодыхъ женщинъ, невѣжество и вѣчная праздность молодыхъ людей, ихъ мерзкія интриги, ихъ подлыя ссоры и драки представляютъ порокъ въ столь отвратительномъ видѣ, что онъ теряетъ всю силу примѣра. Весьма жаль, если сему ужасному поколѣнію достанется управлять Бессарабіей. Старики все еще лучше!

Тѣмъ, кои будутъ читать сію записку, странно покажется, если мы, упоминая въ ней часто о древнихъ и новыхъ дворянскихъ родахъ, объявимъ наконецъ, что никогда не было въ Молдавіи дворянъ. Признаемся чистосердечно, что мы были въ заблужденіи и чрезъ то выведемъ изъ него и другихъ. Намъ хотѣлось дознаться, какимъ образомъ пріобрѣталось тамъ дворянское достоинство и какія сопряжены съ нимъ были привиллегіи; вотъ что мы узнали. Въ Молдавіи, подобно какъ и въ Турціи, коей она подвластна, нѣтъ другихъ отличій кромѣ чиновъ и должностей, нѣтъ никакихъ наслѣдственныхъ достоинствъ, и какъ сынъ верховнаго визиря, простой Турокъ, такъ и сынъ господаря, хотя во время жизни или царствованія отца своего и называется Бей Заде, то есть, княжескій сынъ, но послѣ поступаетъ въ число обыкновенныхъ Грековъ или Молдаванъ. Вообще же жители княжества раздѣляются на два состоянія, *Резеши* или владѣльцы земель, и *Царане*, обрабатывающіе чужія земли и своихъ не имѣющіе. Изъ первыхъ обыкновенно попадаютъ въ члены Дивана и другія должности, но первый бояринъ, равно какъ и послѣдній земледѣлецъ, платитъ биръ. Сыновья бояръ называются бояринашъ, такъ какъ въ Польшѣ сынъ генерала или полковника называется панъ генераловичъ или панъ полковниковичъ; уволенные же отъ должностей именуютъ себя мазылами, что значитъ на древнемъ языкѣ бывшіе, и сіе названіе fuimus сохраняютъ и потомки ихъ. Нѣкоторыя фамиліи не растратили, но еще умножили нажитое предками имѣніе, и въ теченіе вѣковъ члены ихъ занимали первыя мѣста въ княжествѣ; вотъ отъ чего считаютъ они себя знатными и не хотятъ съ другими равняться; другіе же, раздѣляя помѣстье свое между дѣтьми, а сіи между внучатами и такъ далѣе, безконечныя подраздѣленія сіи довели потомковъ ихъ до состоянія простыхъ земледѣльцовъ, какъ мы выше сего о Резешахъ сказали.

Нѣсколько времени богатѣйшіе бояре или Резеши умѣли живущихъ на ихъ землѣ Царанъ, разными неправдами, поработить; но благодѣтельный князь Константинъ Моврокордато сіе рабство прекратилъ, состоянія по прежнему сравнялъ и чрезъ то спасъ имя свое отъ забвенія, которому преданы всѣ другіе господари. Съ чего же взялъ г. Криницкій, или лучше сказать сколько взялъ онъ съ получившихъ въ мелкомъ Молдавскомъ княжествѣ мелкіе чины, чтобы въ образованіи своемъ составить длинную табель о сословіяхъ и поставить ихъ выше тѣхъ людей, отъ коихъ отличаются они только безнравственностію и богатымъ одѣяніемъ? Не лучше ли бы было, если непремѣнно дворяне нужны, дать пользоваться симъ званіемъ извѣстнѣйшимъ фамиліямъ,

Библиотека "Руниверс"

а впрочемъ и тѣмъ, кои въ Русской службѣ получили штабъ-офицерскіе чины, ихъ потомству и тѣмъ, кои впредъ таковые получить могутъ; въ разсужденіи другихъ же сословій, сдѣлать по примѣру Россіи, а Резешей приравнять къ однодворцамъ.

Теперь слѣдуетъ затруднительнѣйшій вопросъ: что такое Бессарабское дворянство, когда его не было въ Молдавіи? И кого признавать здѣсь дворяниномъ? Всѣхъ тѣхъ, которые тамъ или у насъ получили чины. Въ Молдавіи чины раздѣляются ровно на четырнадцать классовъ, такъ какъ у насъ; какъ же поверстать ихъ съ нашими? Особливо когда были примѣры, что Вель-Логоѳетъ и Вестіаръ, состоящіе у нихъ въ первомъ классѣ, принимались къ намъ только дѣйствительными статскими совѣтниками, и послѣ того какъ считать здѣсь Шатраря, который въ 14-мъ классѣ и съ кѣмъ равняется сынъ Молдавскаго регистратора, когда сыновья не дослужившихъ даже въ военной службѣ выше капитанскаго чина почитаются у насъ оберъ-офицерскими дѣтьми, а не дворянами? Какъ все это непонятно и какія глупости въ этомъ образованіи! Тамъ сказано между прочимъ, что дворянскій сынъ, хотя бы и не служилъ прежде того, можетъ по достиженіи 22-хъ лѣтняго возраста быть избираемъ къ должности; но опять спросимъ: что такое Бессарабской дворянинъ? Вотъ что изъ того выходитъ: многіе молодые люди, прельстившись военной службой, изъявили желаніе въ нее вступить, подали просьбы, и отъ полковъ свидѣтельства имъ данныя посланы въ герольдію, которая, не понимая что такое Комисъ, Каминаръ или Пахарникъ, сыновей ихъ не могла признать дворянами, и они должны были поступить унтеръ-офицерами и прослуживать узаконенныя лѣта. Старики на такіе примѣры указываютъ дѣтямъ, а они должны согласиться, что гораздо выгоднѣе сидѣть дома, дожидаться выборовъ, получить мѣсто исправника или выше, понабить себѣ карманъ, да къ тому за ревностную и усердную службу получить чинъ, котораго бы они пятнадцать лѣтъ не дождались. Отъ того именно нѣтъ ни одного дома, въ которомъ бы не было пяти или шести взрослыхъ оловъ, ведущихъ самую глупую и безполезную жизнь. Надобно непремѣнно съ точностію опредѣлить, что даетъ Молдавану право на дворянское въ Россіи достоинство, закрыть отъ молодыхъ людей всякую дорогу къ повышенію, кромѣ военной и гражданской службы, и быть гораздо снисходительнѣе къ тѣмъ, которые пожелаютъ себя на оныя употребить.

Болѣе всего нужно опредѣлить обязанности поселянъ къ помѣщикамъ или, какъ приличнѣе сказать, работниковъ къ своимъ хозяевамъ: ибо здѣшніе помѣщики, будучи кромѣ состоянія во всемъ равны поселянамъ, не иначе какъ ихъ хозяевами считаться могутъ. Надъ проектомъ устава о Царанахъ работали два члена Совѣта Курикъ и Прункулъ; легко можно себѣ представить, какъ бѣдные крестьяне были пожертвованы, хотя при первомъ взглядѣ и покажется инымъ, особливо Русскимъ помѣщикамъ, что обязанности сіи весьма не отяготительны. Надъ подобнымъ же проектомъ много трудился самъ бывшій намѣстникъ Инзовъ; трудъ его былъ напрасенъ; ибо огромная тетрадь, имъ написанная, ничего путнаго въ себѣ не заключаетъ и совсѣмъ не соотвѣтствуетъ цѣли своей. Можетъ быть, благія намѣренія новаго намѣстника въ семъ случаѣ увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ.

Библиотека "Руниверс"

Мы мало говорили о сихъ жителяхъ низшаго здѣсь состоянія. Ихъ упрекаютъ въ лѣности; но гдѣ тотъ человѣкъ, который бы дàромъ и для другаго охотно работалъ? Къ тому же ихъ потребности весьма умѣренны, а теплота климата и плодородіе земли, извѣстно всѣмъ, располагаютъ къ бездѣйствію. Они легковѣрны, какъ дѣти, и владѣльцы не одну силу, но и хитрость употребляютъ, чтобы болѣе и болѣе наложить на нихъ тяжелое ярмо. Глядя на тѣхъ и на другихъ, можно подумать, что видишь два разные народа, побѣдителей и побѣжденныхъ, простодушныхъ дикарей Америки и жестокосердыхъ завоевателей изъ Европейцевъ. Отчего же такая разница? Какъ въ Молдавіи не было ни войска, ни художествъ, ни наукъ, ни промышленности, и единственное средство къ обогащенію и возвышенію были разныя подлости и угожденія страстямъ властителей: то всѣ порочные сими способами пользовались, дабы возвыситься, все лучшее осталось на днѣ. Положеніе сихъ людей становилось день ото дня нестерпимѣе, и хотя они самые покорные въ свѣтѣ и взбунтоваться бы не могли, но какъ терпѣніе имѣетъ предѣлы, то нельзя исчислить бѣдствій, могущихъ произойти, если бы сіе положеніе еще продолжилось: еще годъ, и Бессарабія обратилась бы въ пустыню; двѣ трети ея жителей, не взирая на гоненія, претерпѣваемыя нынѣ христіанами отъ Турокъ, готовы были перебѣжать за Прутъ и Дунай; тамъ нашли бы они другихъ мучителей, но, вѣрно, менѣе жестокихъ, чѣмъ здѣсь. Судьба къ нимъ смягчилась: счастливая перемѣна въ управленіи области, воспослѣдовавшая въ половинѣ сего года, въ сердцахъ ихъ воскресила надежду, которая ихъ, вѣрно, не обманетъ.

Сколько есть еще предметовъ достойныхъ вниманія, которые описать бы намъ слѣдовало; напримѣръ, надлежало говорить о здѣшнемъ духовенствѣ, о благотворномъ вліяніи его на дѣла мірскія въ Молдавіи и о устраненіи его отъ оныхъ подъ Русскимъ правительствомъ, о способахъ учредить съ помощію его училища во всей области, которая въ этомъ терпитъ совершенный недостатокъ. Надобно бы упомянуть о преосвященномъ Димитріи, добродѣтельномъ архипастырѣ, котораго, къ сожалѣнію, мы только по слуху знаемъ; о архимандритѣ Иринеѣ, который весь жаръ пылкой души своей и цвѣтущихъ лѣтъ посвятилъ единственно добродѣтели, религіи и образованію юношества; о человѣколюбивомъ протоіереѣ Лончковскомъ, постянномъ и неутомимомъ защитникѣ простолюдиновъ и утѣшителѣ ихъ въ горестяхъ. Особенно надлежало бы изобразить то, что всего лучше въ Бессарабіи: прекрасную ея природу; сказать, какъ плодоносная земля ея, бывъ, такъ сказать, поцарапана только, сторицею воздаетъ за слабые труды земледѣльца; означить все, что она производитъ и что при лучшемъ управленіи она бы производила; показать, въ какомъ состояніи находятся хлѣбопашество, садоводство, скотоводство и прочее и до какой степени совершенства все сіе доведено быть можетъ; какъ бы легко было правительству при самомалѣйшихъ попеченіяхъ предупредить несчастія, коимъ сей край бываетъ подверженъ въ неурожайные годы *).

*) По настоящему, здѣсь голоду никакъ быть не можетъ. Жители сѣютъ единственно для продажи пшеницу и арнаутку, но для собственнаго употребленія кукурузу или капустой. Мука,

Библиотека "Руниверс"

но тогда надобно бы было сдѣлать статистику Бессарабской области. Мы не могли имѣть сего намѣренія, ибо не имѣли ни времени, ни достаточныхъ свѣдѣній, ни довольно способностей для столь обширнаго предпріятія.

Мы не умѣли даже выполнить обѣщаннаго: хотѣли сначала, описывая безпорядокъ, представить и средства къ истребленію его, причину болѣзни и способъ къ ея излѣченію, но вездѣ показали одно безплодное, хотя сильное и усердное желаніе видѣть конецъ бѣдствіямъ, опечаливающимъ одну изъ прекраснѣйшихъ нашихъ провинцій.

По мнѣнію всѣхъ благомыслящихъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько лѣтъ уже въ Бессарабіи поселившихся и знающихъ весьма хорошо настоящее ея положеніе, прежде всего должно, разъ навсегда, устроить судьбу Резешей и Царанъ, а потомъ смѣло приступить къ преобразованію образованія. Народъ приметъ все съ благодарностію, ибо несчастные рады всякой перемѣнѣ; станутъ кричать сотни двѣ самозванцевъ-дворянъ, губителей народныхъ, но какъ можно слушать ихъ лай? Поднять палку—и всѣ замолчатъ. Сдѣлать преобразованіе также не весьма трудно: стоитъ только основаніемъ его взять наше учрежденіе о губерніяхъ, область назвать губерніей, а Цынуты уѣздами. Во всѣхъ частяхъ управленія употребляется Русскій языкъ и соблюдается Русскій порядокъ; остается только одна гражданская часть; введеніе въ нее Русскихъ законовъ со всѣмъ ихъ несовершенствомъ было бы благомъ для сей земли и въ тысячу разъ предпочтительнѣе тому сумбуру, который доселѣ царствовалъ. „Мудрые законодатели, говорятъ они, свѣтильники юриспруденіи, образованные въ чужестранныхъ университетахъ, съ Германскимъ хладнокровіемъ разсуждаютъ о благоразумныхъ и осторожныхъ мѣрахъ, кои правительству принять нужно къ постепенному улучшенію всѣхъ отраслей управленія и къ изданію, наконецъ, кодекса, приличнаго народному духу Молдаванъ. Все сіе, конечно, они со временемъ совершить могутъ. Когда мистикъ Стурдза составлялъ дипломатическія фразы, писалъ для графа Каподистріи краснорѣчивыя донесенія о благоденствіи, коимъ наслаждаются новые подданные Россіи, и чрезъ сіе обманывалъ Государя, министра, и, мы хотимъ думать, самого себя: тогда Бессарабія быстрыми шагами шла къ той безднѣ, на краю которой мы теперь ее видимъ. Итакъ время ли теперь дожидаться свободныхъ минутъ и счастливыхъ вдохновеній господина Брунова? (такъ говорятъ сіи старовѣры) Да и къ чему же напрягать всѣ силы ума своего, призывать въ помощь глубокія свои познанія, когда представляются самыя простыя и легкія средства? *А ларчикъ просто отпирался.* Но положимъ (все они же говорятъ), что г. Брунову удастся импровизировать уложеніе. Какая отъ того польза государству, и долго ли намъ будетъ въ каждомъ его углу видѣть особые законы? Теперь Бессарабія въ числѣ лоскутковъ, пришитыхъ къ Россіи на живую нитку; не лучше ли во сто разъ, чтобы она приросла къ ней, вошла въ общій составъ государства и раздѣляла отнынѣ участь прочихъ его жителей? Все къ тому готово: исповѣдуя одну съ нами вѣру, имѣя

вымалываемая изъ сего растенія можетъ безвредно сохраняться двадцать лѣтъ, а при хорошемъ урожаѣ, одно зерно производитъ шестьдесятъ. Но правительство и помѣщики безпечны, и жители умираютъ иногда отъ недостатка въ пищѣ.

Библиотека "Руниверс"

произношеніе совершенно сходное съ нашимъ [1]), имѣя въ языкѣ своемъ множество Славянскихъ словъ, ни одинъ народъ такъ скоро обрусѣть не можетъ какъ Молдаване". Вотъ какъ сіи господа толкуютъ; мы не беремся опровергать ихъ сужденія, а предоставляемъ сіе людямъ, болѣе насъ свѣдущимъ.

На замѣчаніе, какъ трудно будетъ Молдавскимъ судьямъ разбирать дѣла, а судящимся оспаривать права свои на языкѣ, имъ незнакомомъ, они возражаютъ, что тѣмъ лучше и скорѣе Молдаване выучатся по-русски, а покамѣстъ можно съ опредѣленій гражданскаго и цынутныхъ судовъ выдавать тяжущимся переводы на Молдавскомъ языкѣ. Что же касается до затрудненія имѣть изъ Россіи достаточное число хорошихъ и способныхъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей для наполненія ими мѣстъ по области при семъ новомъ порядкѣ вещей, особливо, когда пугаетъ одно ея имя и ее считаютъ въ сосѣдствѣ съ Грузіей: то они полагаютъ, и мы тоже, что этой бѣдѣ помочь легко, лишь бы только отъѣзжающимъ сюда для службы поставлены были въ виду нѣкоторыя выгоды, коими доселѣ здѣсь не пользовались. Всякому, кто рѣшается ѣхать въ Сибирь или Грузію, съ условіемъ прослужить тамъ три года, дается при отъѣздѣ слѣдующій чинъ; хотя Бессарабія и не столько отдалена отъ обѣихъ столицъ и въ ней климатъ умѣренный и здоровый, но сосѣдство съ чумой и вообще невыгодные о ней слухи у многихъ отнимаютъ охоту тутъ поселиться и продолжать службу; да къ тому же люди много зависятъ отъ привычекъ, и Бессарабія менѣе Сибири намъ извѣстна, и такъ, удивительно ли, что и безъ полученія чина скорѣе согласятся туда ѣхать? Въ отвращеніе таковаго препятствія, кажется, нужно служащихъ здѣсь, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, освободить отъ непремѣнной обязанности выдержать экзаменъ для полученія чиновъ пятаго или осьмаго классовъ; сама справедливость того требуетъ: ибо высочайшій о томъ указъ состоялся въ 1809 году, а Бессарабія присоединена только въ 1812, и долго о семъ постановленіи здѣсь никто и не вѣдалъ. Если Государь окажетъ здѣшнему краю такую милость, то совершеннолѣтніе Молдаване, теперь праздные по неимѣнію надежды къ повышенію, раздѣляющіе непростительную слабость нашихъ земляковъ и столь же чинолюбивые, какъ и Русскіе, толпами бросятся служить и учиться нашимъ законамъ и языку; тогда и начальнику легко будетъ лучшаго любаго чиновника вызвать сюда изъ Петербурга [2]).

Есть люди, которые опасаются всякой общей перемѣны въ Бессарабіи и находятъ свою пользу въ разстроенномъ ея теперешнемъ положеніи. Они утверждаютъ, что введеніе здѣсь совершенно Русскихъ обычаевъ и законовъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Если наше правительство имѣетъ тайное намѣреніе присоединить нѣкогда къ Россіи Молдавское и Валахское княжества, которыя столько разъ уже нашими войсками были заняты, то должно

[1]) Исключая Русской и Сербской, въ одной только Молдавской азбукѣ находятся литеры *иа*, *еръ*, *еры*, и произносятся точно такъ, какъ у насъ. Оттого-то Молдаване такъ скоро выучиваются по русски и такъ хорошо на семъ языкѣ выговариваютъ.

[2]) Сама судьба хочетъ показать, что не быть здѣсь добру безъ Русскихъ: какъ нарочно, почти всѣ тѣ, которые здѣсь служатъ, Жадановъ въ исполнительной экспедиціи, Танской въ казенно-экономической, Хотяевъ въ уголовномъ судѣ и многіе другіе отличаются честностію, прилежаніемъ и способностями; или, можетъ быть, они такъ кажутся подлѣ Молдаванъ.

Библиотека "Руниверс"

опасаться, по мнѣнію ихъ, чтобы не были мы встрѣчены болѣе какъ непріятели, нежели какъ спасители. Напрасно! Когда до Молдаванъ Запрутскихъ дойдетъ слухъ о спокойствіи и безопасности, которыми пользоваться у насъ будутъ единоземцы ихъ, когда собственность будетъ здѣсь ограждаема законами, то Молдавія, можетъ быть, опустѣетъ; тысячи начнутъ перебѣгать къ намъ и станутъ населять обнаженныя пустыни Буджака. Конечно, бояре еще болѣе насъ не полюбятъ и будутъ стараться вредить намъ, но что могутъ они сдѣлать? Въ искусствѣ нашихъ генераловъ, въ храбрости нашихъ солдатъ скорѣе найдемъ мы вѣрнѣйшій залогъ нашихъ будущихъ завоеваній, чѣмъ въ содѣйствіи малодушныхъ и безсильныхъ сосѣдовъ нашихъ, обезпеченныхъ и подавленныхъ Турецкимъ игомъ. Но нѣтъ, у насъ и не думаютъ о завоеваніяхъ: мы, видно, устали отъ побѣдъ! О, еслибъ, потерявъ навсегда прекрасный призракъ славы, и въ самыхъ бѣдствіяхъ великіе народы утѣшающій, могли мы сей дорогой цѣною купить внутреннее наше благосостояніе! Еслибъ оживились у насъ промышленность, торговля, науки и художества, еслибъ апостолы невѣжества лишились власти противиться успѣхамъ просвѣщенія, и смѣлыя мысли, безъ коихъ нельзя достигнуть ни до чего высокаго, перестали пугать нашихъ цензоровъ; еслибъ въ судахъ нашихъ воцарилось правосудіе, еслибъ въ отечествѣ нашемъ иностранцы не предпочитались бы во всемъ природнымъ жителямъ, и Русскимъ оружіемъ покоренные народы, за великодушіе своихъ побѣдителей, не осмѣливались болѣе платить имъ явною ненавистью и презрѣніемъ; еслибъ наши офицеры научились уважать гражданскую службу, перенесли бы въ судебныя мѣста благородство, неразлучно сопряженное съ званіемъ военнаго человѣка и тамъ сдѣлались бы столь же непричастны гнусному корыстолюбію, сколько на полѣ битвы были недоступны страху; еслибъ утвердилось наше древнее Православіе и сердечная, истинная набожность заступила мѣсто всѣхъ смѣшныхъ и отвратительныхъ бредней, намъ за святость выдаваемыхъ; еслибъ мы шли, хотя медленными шагами, но шли къ освобожденію отъ рабства милліоновъ нашихъ соотечественниковъ, и они перестали бы содрогаться отъ ужасной мысли, что сегодня или завтра могутъ сдѣлаться собственностію не только какого-нибудь иностранца, но перваго Армянина или Жида, довольно богатаго, чтобы купить ихъ свободу, напередъ купивъ себѣ чинъ; еслибъ, еслибъ все сіе исполнилось: тогда могли бы мы не пожалѣть о столь великой потерѣ, и возмужалый Русскій народъ, вступая въ другой возрастъ, нашелъ бы новые пути ко славѣ. Такъ точно молодой человѣкъ, пресыщенный наслажденіями любви, утомленный побѣдами надъ красотой, вступая въ зрѣлыя лѣта и соединяясь брачными узами, въ обязанностяхъ супружества и въ занятіяхъ хозяйственной жизни находитъ новое, неизвѣстное ему блаженство.

Да совершится же хотя часть нашихъ желаній! Да поможетъ Богъ Государю нашему въ благодѣтельныхъ его намѣреніяхъ и да внушитъ ему лучшія средства къ ихъ исполненію! Да возвратятся къ намъ первоначальные прекрасные годы его царствованія, сіе незабвенное время, когда вся земля Русская исполнена была благополучія, веселія, надеждъ! Да сердце его, сокровище Россіи, воспламенится новою любовію къ вѣрному народу, иногда недовольному, но никогда любить его не переставшему! Да здравствуетъ онъ, хотя бы!

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ

ФИЛИПА ФИЛИППОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.
1893.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

I.

Приближался конецъ перваго двадцатипятилѣтія девятнадцатаго вѣка. Всеобщій миръ, устроенный сонмомъ царей на Вѣнскомъ съѣздѣ или, лучше сказать, тѣмъ, кого почитали всѣ ихъ главою, все еще существовалъ. Безпокойный духъ, слѣдствіе революціонной бури, покушался было его нарушить; но его искусствомъ и могущею волею былъ опять возстановленъ. Двойная побѣда его надъ диктаторствомъ Наполеона и надъ раждающимся послѣ того безначаліемъ должна была наполнить душу его справедливою гордостію и довѣренностію къ самому себѣ. Но, нѣтъ, очарованіе исчезло; какъ онъ, такъ и Европа не могли долѣе обманывать себя. Онъ предвидѣлъ новыя безпокойства и Россію посредствомъ военныхъ поселеній намѣревался обратить въ обширный станъ блюститель всемірнаго спокойствія.

Въ продолженіи болѣе полутора года по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, не случилось мнѣ видѣть ни одного пріѣзжаго оттуда, мнѣ хорошо знакомаго человѣка, ни съ кѣмъ не завелъ я тамъ переписки, и, посреди заботъ моего новаго рода служенія въ новомъ краю, сдѣлался я почти чуждъ городу, въ которомъ провелъ большую часть жизни. Однако, хотя изрѣдка, доходили и до меня свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходило. Сіи извѣстія мнѣ казались успокоительны. Противодѣйствіе прежнему образу мыслей продолжалось, усилилось, удвоилось. Я не зналъ, что, къ сожалѣнію, самыя плохія, даже вредныя орудія были на то употребляемы.

Аракчеевъ, умнѣйшій изо всѣхъ дѣйствующихъ тогда лицъ, другъ и блюститель порядка, былъ сильнѣе чѣмъ когда. Жестокій его характеръ былъ однако болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ самодержавію.

Тайная полиція, подъ именемъ Особой Канцеляріи, находилась тогда въ завѣдываніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Графъ Кочубей какъ бы гнушался этою частію, а преемникъ его, престарѣлый и безпечный Ланской, мало объ ней заботился. Подъ ними этою частію управлялъ статскій совѣтникъ Максимъ Яковлевичъ Фонъ-Фокъ, мнѣ знакомый человѣкъ: ибо отцы наши были друзья, и мы оба образованы были однимъ наставникомъ г. Мутомъ, только онъ лѣтъ шесть попрежде меня.

Библиотека "Руниверс"

Онъ былъ Нѣмецкій мечтатель, который свободомысліе почиталъ дѣломъ естественнымъ и законнымъ и скорѣе готовъ былъ вооружаться на противниковъ его. Вообще же онъ никакъ не былъ расположенъ подъ кого-либо подыскиваться.

Рыцарь Милорадовичъ добровольно обратился въ главу шпіоновъ и каждый вечеръ терзалъ Царя цѣлыми тетрадями доносовъ, по большей части ложныхъ. Спасеніемъ угрожаемыхъ было сердце Александра: онъ медлилъ карать и скоро оказывалась безвинность несчастныхъ жертвъ жестокаго легкомыслія Милорадовича. Къ счастію кругъ дѣйствій его былъ не обширенъ: онъ не простирался за предѣлы Петербурга.

Только по части духовной и особенно въ Министерствѣ Просвѣщенія вводимо было нѣчто совершенно инквизиціонное. Министръ Шишковъ былъ не что иное какъ трупъ однимъ злодѣемъ гальванизированный. Я не берусь осуждать людей, которые съ умомъ подъ личиною любезности питаютъ злобу къ каждому человѣку въ особенности: я ихъ не понимаю. Неистощимая природа, создавая курицу и гіену, творитъ часто и людей имъ подобныхъ. По разсчетамъ иногда составляютъ они и дружественныя связи; но коль скоро выгоды ихъ того требуютъ, безъ всякаго повода, безъ всякаго сожалѣнія, всегда готовы они отказаться отъ нихъ.

Таковъ былъ Магницкій. Первые годы молодости своей провелъ онъ въ Эпикурейской Вѣнѣ и въ революціонномъ еще Парижѣ; тамъ рано развратилось сердце его. Когда онъ возвратился въ отечество, то сперва вмѣсто трости носилъ Якобинскую дубинку, съ серебряной бляхой и съ надписью: droit de l'homme. Потомъ онъ былъ самымъ усернымъ Англоманомъ, а послѣ Тильзитскаго мира отчаяннымъ обожателемъ Наполеона, что̀, кажется, и было причиной ссылки его въ Вологду. Оттуда назначенъ онъ былъ Воронежскимъ вице-губернаторомъ, а вскорѣ потомъ губернаторомъ въ Симбирскъ. Въ это время сильно присталъ онъ къ мистицизму и тѣмъ угодилъ министру князю Голицыну, который испросилъ ему мѣсто попечителя Казанскаго Университета, а по званію члена Главнаго Правленія Училищъ, держалъ его при себѣ въ Петербургѣ. Онъ совершенно осѣдлалъ Голицына; но, предвидя скорое его паденіе, способствовалъ оному, войдя въ тайныя сношенія съ его противниками. Ѣзда на Шишковѣ показалась ему еще гораздо покойнѣе.

Вотъ первый случай, что̀ въ рукахъ его находилась достаточная власть для преслѣдованій: онъ имъ воспользовался. Болѣе всего нападенія его направлены были на Библейское Общество, къ коему онъ принадлежалъ; вообще, нападалъ онъ на все то, что̀ самъ прежде исповѣдывалъ. Горе профессорамъ, которые на каѳедрѣ дерзнутъ выразить

Библиотека "Руниверс"

какую-нибудь смѣлую мысль; горе писателямъ, если въ ихъ твореніяхъ ему покажется что-нибудь двухсмысленнымъ; горе цензорамъ, то пропустившимъ. И еслибъ у него были какія-нибудь убѣжденія! Но онъ никого и ничего не любилъ и ни во что не вѣровалъ.

Подручникомъ себѣ избралъ онъ одного неутомимаго пустомелю Рунича, который въ должности попечителя Петербургскаго Университета занялъ мѣсто умнаго и ученаго Уварова. Этотъ, кажется, былъ чистосердечнѣе, за то уже безсмысленнѣе его ничто не могло быть. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находилась тогда подрастающая наша словесность.

Знаменитая госпожа Крюденеръ около этого времени испытала также гоненіе правительства. Года три-четыре оставалась она въ Петербургѣ, но ученіе свое мало успѣла въ немъ распространить. Подъ ея предсѣдательствомъ составилось только небольшое общество мечтательницъ. Главнымъ изъ нихъ и ей самой въ 1823 году посовѣтовали выѣхать изъ столицы. Въ числѣ ихъ была и моя любезная, устарѣвшая Александра Петровна Хвостова. Увѣдомляя меня о намѣреніи ихъ избрать мѣстопребываніемъ Южную Россію, она требовала моего совѣта, а я предлагалъ ей Бессарабію. Но какъ она сдѣлалась истиннонабожною, то остановилась въ Кіевѣ, гдѣ и поднесь находится въ живыхъ.

Въ отвѣтѣ моемъ мнѣ вздумалось поэтизировать, въ блестящемъ видѣ представить полуденный берегъ Крыма, который зналъ я только по описаніямъ и наслышкѣ. Письмо мое представила Хвостова на общее сужденіе дамскаго совѣта. Главною распорядительницею въ дѣлѣ переселенія была богатѣйшая изъ сихъ женщинъ, мужественная княгиня Анна Сергѣевна Голицына, урожденная Всеволожская. Описаніе мое, какъ увѣдомляла меня Хвостова, воспламенило ея воображеніе; она начала бредить неприступными горами, стремнинами, шумными водопадами. Какъ всѣхъ на дорогу снабжала она деньгами, то въ капитулѣ имѣла первенствующій голосъ. Какъ леди Стенгопъ на Ливанѣ, избрала она красивое мѣсто надъ моремъ и начала тутъ строить церковь и домъ. Госпожа Крюденеръ съ зятемъ и дочерью, барономъ и баронессой Беркгеймъ, поселилась пока въ маленькомъ городѣ, называемомъ Эски-Крымъ; но вскорѣ потомъ въ 1824 году переселилась въ вѣчность.

За нею скоро послѣдовала привезенная Голицыной одна примѣчательная Француженка. Она никогда не снимала лосинной фуфайки, которую носила на тѣлѣ, и требовала, чтобы въ ней и похоронили ее. Ея не послушались, и оказалось по розыскамъ, что это была жившая долго въ Петербургѣ подъ именемъ графини Гашетъ, сѣченая и клей-

Библиотека "Руниверс"

менная Ламоттъ, столь извѣстная до революціи, которая играла главную ролю въ позорномъ процессѣ о Королевиномъ ожерельѣ.

Занимая читателя все предметами мнѣ посторонними, медлю говорить ему о себѣ и не знаю, какъ приступить къ тому. Тяжело мнѣ воспоминаніе о мучительномъ, хотя кратковременномъ, губернаторствѣ моемъ.

Всѣ чрезвычайныя обстоятельства, которыя обыкновенно въ губерніяхъ встрѣчаются рѣдко, соединились тутъ, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ задавить меня трудами: дворянскіе выборы, откупа и безпрестанныя заботы о недопущеніи внутрь области распространяющейся заразы. Каждый день обязанъ я былъ находиться по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ трехъ присутственныхъ мѣстъ, въ коихъ предсѣдательствовалъ, въ областномъ правительствѣ, въ Казенной Экспедиціи и, наконецъ, въ Верховномъ Совѣтѣ. Изъ первыхъ двухъ дѣлалъ я представленія третьему, который въ присутствіи моемъ могъ ихъ не одобрить, чего однако ни разу не случилось. Въ другихъ губерніяхъ нѣтъ карантинной части, а тамъ, гдѣ она есть, находится подъ управленіемъ градоначальниковъ; тутъ находилась она въ завѣдываніи губернатора. Таможенная и соляная части вездѣ имѣютъ свои особыя управленія, тутъ подчинены были онѣ Казенной Экспедиціи. Если прибавить къ тому довольно обширную заграничную переписку не только съ Буковинскимъ крейсгауптманомъ, но и съ Галиційскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Таафе, съ самимъ господаремъ Молдавскимъ и съ Задунайскими Турецкими пашами, то можно расчислить, много ли часовъ въ сутки оставалось мнѣ на отдохновеніе. Счастливы, право, эти господа, которыя управляютъ внутренними губерніями: имъ неизвѣстны мученія пограничныхъ губернаторовъ *).

На первыхъ двухъ дворянскихъ выборахъ, въ 1819 и 1822 годахъ, присутствовали сами намѣстники—Бахметевъ и Инзовъ; сіе было не весьма законно, но, можетъ, необходимо для удержанія незнакомыхъ съ порядкомъ. Были весьма буйныя сцены и, не смотря на ихъ присутствіе, дѣло не разъ доходило до драки. Въ 1825 году не было даже и губернатора, а я, въ противность законовъ, не посмѣлъ бы и заглянуть въ залу выборовъ. И между тѣмъ все на нихъ происходило чинно и благопристойно. Начиная съ областнаго предводителя Янки Стурдзы, раздраженные бояре не хотѣли вновь принимать занимаемыхъ ими должностей, а предоставляли ихъ мелкимъ, новымъ дворянамъ. Сія не-

*) Екатеринославскій гражданскій губернаторъ Петръ Ивановичъ Бергъ, согласно желанію своему, былъ въ томъ же званіи переведенъ въ Подольскую губернію. Чрезъ шесть мѣсяцевъ подалъ онъ въ отставку, увѣряя, что если еще полгода, то его на свѣтѣ не будетъ.

Библиотека "Руниверс"

ожиданность затрудняла послѣднихъ. Не раздѣляя вражды высшихъ противъ меня, нѣкоторые изъ нихъ ежедневно приходили со мною совѣтываться. Я могъ указывать имъ только на немногихъ извѣстныхъ мнѣ людей; другіе же, особенно пріѣзжіе изъ цынутовъ, мнѣ были совсѣмъ незнакомы и уже между собой, безъ всякаго вліянія, безъ всякихъ интригъ и споровъ, могли они избирать достойнѣйшихъ.

Мнѣ самому было смѣшно и нѣсколько совѣстно, когда увидалъ я засѣдающими въ Совѣтѣ своихъ новыхъ сослуживцевъ. Ни одной изъ прежнихъ длинныхъ бородъ, которыя присутствіемъ своимъ нѣсколько умножали важность сего Совѣта. На одного изъ новыхъ членовъ, Жигничера Симеона Главче, никогда серіозно не могъ я смотрѣть, а слушать еще менѣе. Его малый ростъ и примѣчательная толщина давали ему видъ шарообразный; казалось, онъ не ходитъ, а всегда катится по полу; сужденія его были столь же странны, какъ и наружность.

Чума продолжала свирѣпствовать, ибо зима стояла теплая, сырая, гнилая. Не въ первый уже разъ сражавшійся съ нею Катакази находился на стражѣ; противъ вторженій ея принималъ онъ самыя строгія мѣры, и за нимъ можно было спать покойно. Но вблизи отъ Дуная находились колоніи; надзоръ чиновниковъ Инзова былъ столь же плохой и слабый, какъ онъ самъ. Съ другой стороны изъ-за Дуная зараза прорвалась и 16 Генваря открылась въ селеніи Бартѣ, между двумя озерами или Дунайскими заливами Ялпухомъ и Кагуломъ. Въ ночи съ 17 на 18 число, въ четыре часа утра, былъ я пробужденъ нарочнымъ, отправленнымъ ко мнѣ отъ Катази. Увѣдомляя меня о семъ несчастіи, какъ говорилъ онъ, ручался только за безопасность мѣстъ, окружающихъ Измаилъ и объявлялъ, что дальнѣйшія мѣры будутъ зависѣть отъ моихъ распоряженій. Вѣсть для меня совсѣмъ незабавная и дѣло совсѣмъ новое. Надобно было немедленно послать приказанія останавливать всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ изъ сомнительныхъ мѣстъ и учредить новую карантинную линію. Я не видѣлся съ г. Инзовымъ; тутъ пришлось хотя письменно войдти съ нимъ въ сношенія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что черезъ часъ самъ отправляется на мѣсто. Я тотчасъ послалъ за канцеляріей, и тутъ же у меня съ четырехъ часовъ до десяти утра занимались мы, писали, переписывали и отправляли нарочныхъ.

Когда чума покажется въ какой-либо сторонѣ, то всякой болѣзненной признакъ, котораго въ иное бы время и не замѣтили, производитъ испугъ: сдѣлается ли сильное головокруженіе или распухнетъ у кого железа. Не одинъ разъ во второй половинѣ Генваря былъ я тревожимъ неосновательными извѣстіями о появленіи заразы. Между прочимъ донесеніе изъ мѣстечка Теленештъ разбудило меня часу въ первомъ ночи, когда только что я началъ засыпать; всю ночь долженъ

Библиотека "Руниверс"

былъ я съ канцеляріей проработать и только послѣ трехъ сутокъ безпокойствъ и ожиданій узналъ, что это былъ одинъ ложный страхъ. Наконецъ, разъ вечеромъ, часу въ девятомъ, встревоженный полиціймейстеръ пришелъ мнѣ объявить, что едвали въ самомъ Кишиневѣ не оказалась чума. Въ одномъ изъ домовъ нижней части города захворала молодая Цыганка съ признаками сей болѣзни; онъ тотчасъ велѣлъ оцѣпить домъ и призвалъ на совѣтъ Константинопольскаго врача, доктора Фотино, который долго возился съ моровой язвой и въ этомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно опытенъ. На открытую галлерею, коими окружена большая часть Кишиневскихъ домовъ, въ нагомъ видѣ вывели больную. Но уже было темно, а Фотино былъ старъ и, при помощи свѣчки и очковъ, ничего не могъ хорошо разглядѣть и рѣшительнаго сказать. Итакъ, дѣло осмотра оставлено до слѣдующаго утра. Не скажу, чтобы эту ночь спалъ я очень покойно. Согласно моему желанію присутствовать при семъ осмотрѣ, рано по утру явился ко мнѣ Радичъ, чтобы сопровождать меня, и я отправился съ любопытствомъ и страхомъ вмѣстѣ. У черномазой не было никакихъ новыхъ припадковъ, и это одно должно было насъ успокоить. Фотино, пристально осмотрѣвъ больную и что-то переговоривъ съ ней по молдавски, радостно засмѣялся и сказалъ, что безпокоиться мнѣ не о чемъ, ибо нарывъ въ лѣвомъ паху этой женщины есть только слѣдствіе ея невоздержной жизни. Съ меня какъ гора съ плечъ свалилась.

Всѣ эти тревоги подали мнѣ мысль карантинной линіей южную степную часть Бессарабіи отдѣлить отъ сѣверной и для большаго удобства сію линію провести вдоль Траянова вала, перепоясывающаго область. Я представилъ о томъ намѣстнику, который однакоже мое намѣреніе не одобрилъ, находя, что опасность не такъ велика и что это будетъ сопряжено съ большими издержками для казны. Почитая меня еще неопытнымъ, онъ, кажется, въ этомъ дѣлѣ мнѣ не слишкомъ довѣрялъ, и я нахожу, что онъ былъ правъ. Впрочемъ, прибавлялъ онъ въ письмѣ своемъ, мы скоро увидимся и можемъ лично о томъ переговорить: я самъ черезъ Кишиневъ намѣренъ ѣхать въ Измаилъ.

Казалось, что у насъ не будетъ зимы, какъ вдругъ 26 Генваря повалилъ ужасный снѣгъ и охолодилъ воздухъ. Сильныхъ морозовъ послѣ того не было, но въ продолженіи почти шести недѣль каждый день падалъ снѣгъ, падалъ и оставался. Такая перемѣна въ атмосферѣ была для насъ весьма благопріятна, ибо съ этого дня чума вездѣ примѣтнымъ образомъ начала слабѣть, между прочимъ и въ Яссахъ, откуда Французскій консулъ Танкоэнь (ибо нашего тамъ не было) регулярно сообщалъ мнѣ свѣдѣнія объ ней.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время, 6 Февраля, въ саняхъ прикатилъ къ намъ намѣстникъ. Наканунѣ предупрежденный о его пріѣздѣ, въ его квартирѣ, мною обитаемой, я все приготовилъ для его пріема. Онъ пробылъ только два дни. Ни въ обращеніи его со мной, ни въ чувствахъ его ко мнѣ, казалось, ничто не измѣнилось. Онъ отправился въ Измаилъ, гдѣ должно было встрѣтиться первое маленькое неудовольствіе его на меня, и оно было началомъ многихъ другихъ непріятностей.

Дивизіонный генералъ Ж. . . ., о коемъ уже я говорилъ, старался, что̀ было весьма легко, возбудить во мнѣ человѣколюбіе, котораго въ немъ самомъ не было. Онъ представилъ мнѣ жалкое состояніе бѣдныхъ солдатъ его дивизіи, содержащихъ кордонную стражу въ низкихъ и топкихъ мѣстахъ по рѣчкамъ, увѣрялъ, что они валятся какъ мухи и для того просилъ меня въ мѣстахъ нѣсколько повыше приказать построить для нихъ временныя землянки изъ тростника. Полагая, что это ничего почти не будетъ стоить, и ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, велѣлъ я сіе сдѣлать изъ суммъ земскихъ повинностей. Въ Измаилѣ явилось къ намѣстнику нѣсколько жителей тѣхъ мѣстъ, на коихъ это взвалили, съ просьбою, объясняющею, сколь сіе для нихъ обременительно, и онъ, переговоря о томъ съ корпуснымъ генераломъ Сабанѣевымъ, тутъ находившимся, отмѣнилъ мое приказаніе.

На бѣду случись тутъ одинъ безсмысленный цынутный коммисаръ или засѣдатель, который, затрудняясь, самому графу сказалъ, что неисполненіемъ моей воли онъ боится навлечь на себя мой гнѣвъ. Это было такъ глупо, что должно было разсмѣшить графа: это похоже на лакея графа Разумовскаго, который потерялъ его шубу и просилъ его не сказывать о томъ управителю. Но нѣтъ, графъ разсердился, и коммисару велѣно сказать, что въ области есть власть повыше моей. Неужели онъ думалъ, что я хочу съ нимъ соперничать? Мнѣ кажется, что, когда чиновникъ подчиненный и покорный, въ короткое время, можетъ пріобрѣсть достаточно моральной силы, чтобы заставить себѣ безусловно повиноваться, то начальникъ, любящій порядокъ, можетъ видѣть въ немъ полезнаго сотрудника. Но, видно, другіе иначе думаютъ.

Когда графъ изъ Измаила воротился въ Кишиневъ, я замѣтилъ въ обращеніи его небольшую перемѣну. Онъ скоро объяснился со мной и, ничего не упоминая о коммисарѣ, ласково сказалъ: «Что̀ это вы надѣлали? охота же вамъ была послушаться этого мерзавца Ж. . . .: вѣдь это настоящая самовольная реквизиція». Я никогда не искалъ оправдываться, когда почиталъ себя виновнымъ даже въ ошибкѣ. Однако я замѣтилъ, что хотѣлъ сохранить воиновъ Царю, но вижу, что всякой долженъ исполнять только долгъ свой, не дѣлая ничего болѣе, ничего менѣе.

Библиотека "Руниверс"

Ну, сказалъ я самъ себѣ, пропало мое губернаторство, и скоро самъ графъ подтвердилъ мнѣ это. Въ откровенной будто и тайной бесѣдѣ объявилъ онъ мнѣ сперва, что какъ зараза уменьшается и, вѣроятно, скоро прекратится, намѣренъ онъ, не дожидаясь конца, отправиться въ Петербургъ. Потомъ сказалъ по секрету, что какъ ни мастерски Катакази справляется съ чумой, на губернаторскомъ мѣстѣ ему остаться невозможно и что къ нему пишутъ изъ Петербурга, будто Государю угодно на его мѣсто назначить одного статскаго совѣтника Тимковскаго. Я тотчасъ понялъ, что этотъ г. Тимковскій кѣмъ-нибудь ему сильно рекомендованъ, что онъ колебался между нами двумя, но что Измаильская встрѣча заставила его дать предпочтеніе человѣку, котораго онъ вовсе не зналъ.

Не напоминая ему объ обѣщаніи его, сказалъ я, что сія вѣсть мнѣ прискорбна, ибо съ Катакази мы уже свыклись, хорошо знаемъ другъ друга, а съ другимъ, можетъ быть, не поладимъ. «Напрасно вы это думаете, сказалъ онъ: умные люди всегда скоро сойдутся; умъ хорошо, а два лучше, по пословицѣ, и съ вами двумя останусь я совершенно покоенъ на счетъ Бессарабіи». Еслибъ я зналъ Тимковскаго, то приравненіе къ нему совсѣмъ бы мнѣ не показалось лестнымъ.

Что дѣлать? Такъ и быть: мнѣ нельзя еще было помышлять объ оставленіи должности. У меня въ предметѣ была важная операція, которую хотѣлось съ честію привести къ концу. Я говорю объ отдачѣ въ откупное содержаніе винной продажи въ Кишиневѣ. Сроки для торговъ уже наступили, но по случаю чумы никто не являлся; графъ обѣщалъ мнѣ кой-кого прислать изъ Одессы и Тирасполя, а у меня въ виду былъ одинъ только человѣкъ. «Какъ вы думаете, спросилъ меня графъ, сотню тысячъ левовъ можетъ намъ дать этотъ откупъ?—Мнѣ кажется, что и сотни тысячъ рублей ассигнаціями будетъ мало.—А сколько же вы полагаете? Да я не помирюсь менѣе какъ на двухъ стахъ пятидесяти тысячахъ рубляхъ (тогда все считали на ассигнаціи). «Ну полноте, полноте, если вамъ удастся выручить сто тысячъ рублей, я сочту васъ великимъ искусникомъ». Вотъ нашъ послѣдній разговоръ предъ его отъѣздомъ. Разсчетъ мой былъ вѣренъ: изъ двадцати шести тысячъ жителей невозможно, казалось мнѣ, чтобы каждый не выпилъ на десять рублей въ годъ. Барышъ основанный на развратѣ мнѣ всегда казался гнуснымъ; но когда вошло въ употребленіе имъ пользоваться, то надобно стараться получить его болѣе.

Оффиціальнымъ предложеніемъ отъ 4 Марта, намѣстникъ увѣдомилъ меня объ отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Къ нему насчетъ управленія областію приложена была копія съ инструкціи губернатору, коею, во время отсутствія его, и я долженъ былъ руководствоваться.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, хотя на время, остался я единственнымъ повелителемъ въ Бессарабіи.

Еще въ Февралѣ, въ общемъ присутствіи областнаго правительства и казенной экспедиціи, начались у меня торги на откупъ. Прикащики одного Одесскаго торговаго дома Ризнича, съ которымъ завелись у меня пріязненныя связи, торговались робко, для того только, чтобы надбавить цѣну и, не смотря на мои возбужденія, все опасаясь, чтобы за ними не остался откупъ. Настоящимъ же образомъ торговался одинъ богатый купецъ, Еврей Левинсонъ. Онъ былъ изъ Подольской губерніи, гдѣ помѣщики платили ему долги свои ведрами водки, и ихъ такъ много у него накопилось, что онъ не зналъ куда съ ними дѣваться; мнѣ было это извѣстно, и онъ былъ тайнымъ моимъ упованіемъ. Торги кончились, также переторжка; Одесскіе отказались, и вся сумма не доходила и до двухъ сотъ тысячъ.

Я былъ въ отчаяніи. По законамъ слѣдовало утвердить откупъ за Левинсономъ; ни на чемъ не могъ я основывать дальнѣйшихъ претензій, никакихъ не было данныхъ, ибо дѣло было совсѣмъ новое. Я поступилъ противозаконно, самовластно и назначилъ новые торги. Всѣхъ это изумило, меня сочли сумасшедшимъ, а ко мнѣ явилась неожиданная помощь. Наши Бессарабскіе Жиды ненавидѣли единокровнаго пришельца изъ чужой губерніи, завидуя его состоятельности, богатству, кредиту, даже благородству формъ и дѣйствій. Они составили противъ него заговоръ, набрали кой-гдѣ какія-то недостаточные залоги, но съ ними не успѣли выступить на бой. Изъ среды своей избрали они въ семъ дѣлѣ главою величайшаго мошенника, Фроима Віолина. Я узналъ объ этомъ, призвалъ его, обласкалъ, обнадежилъ, и на новыхъ торгахъ состязался онъ съ Левинсономъ.

Я оказывалъ Віолину явное предпочтеніе, когда говорилъ съ нимъ, всѣ видѣли улыбку добраго съ нимъ согласія и, какъ водится, всѣ стали подозрѣвать меня въ корыстолюбивыхъ съ нимъ связяхъ. Сіе побудило Левинсона просить у меня секретной аудіенціи. «Да скажите мнѣ откровенно, г. вице-губернаторъ, сколько вамъ надобно?» спросилъ онъ. Я, какъ будто не понимая смысла его предложенія, отвѣчалъ: да какъ можно больше.—Я дальше того-то не пойду, сказалъ онъ.—Посмотримъ, отвѣчалъ я. Ничего не понимая, онъ бы отказался, еслибъ ему не было крайней нужды. На торгахъ мой Віолинъ ужасно задорился, къ счастію Левинсонъ пуще его, а я внутренно трепеталъ, чтобы не восторжествовалъ первый, ибо въ послѣдствіи сіе могло бы вовлечь меня въ величайшую отвѣтственность. Наконецъ, о, радость! за триста тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ откупъ остался за Левинсономъ.

Библиотека "Руниверс"

Я сдѣлалъ о томъ представленіе въ Верховный Совѣтъ, и онъ, то-есть я, утвердилъ оное. Мнѣ хотѣлось, чтобы кромѣ меня никто въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ участія и я старался, чтобы до возвращенія Катакази были и контракты подписаны. Ну, право, полководецъ, выигравшій сраженіе, едва-ли могъ радоваться болѣе, чѣмъ я этой побѣдѣ надъ всѣми препятствіями. Я поспѣшилъ также донести о томъ намѣстнику въ Петербургъ и надѣялся удивить его; какой получилъ отъ него отвѣтъ, о томъ говорено будетъ послѣ.

Съ помощію Божіею чума прекратилась въ Измаилѣ и въ другихъ мѣстахъ, и я нетерпѣливо со дня на день ожидалъ возвращенія Катакази, въ надеждѣ, что онъ избавитъ меня отъ глупыхъ хлопотъ, у меня тогда бывшихъ по двумъ частнымъ дѣламъ. Одно изъ нихъ было довольно серіозно, и мнѣ необходимо говорить объ немъ, ибо оно имѣло для меня если не несчастныя, то довольно непріятныя послѣдствія. О другомъ могъ бы я умолчать, но воспоминаніемъ объ немъ хочется развеселить себя, а можетъ быть и читателя.

Пусть вспомнитъ онъ человѣка, о которомъ недавно говорено, Француза барона Ріуффа де-Торана, женатаго на сестрѣ Бальша. Она за что-то поссорилась съ нимъ и бѣжала отъ него. Онъ явился ко мнѣ съ требованіемъ велѣть схватить ее и засадить въ какой-нибудь монастырь до тѣхъ поръ, пока она не согласится воротиться къ нему. «Это слишкомъ жестоко, да и не въ моей власти, сказалъ я. Спросите у настоящаго губернатора, когда онъ воротится; вы съ нимъ, кажется, хороши, онъ вамъ дастъ тотъ же отвѣтъ». «Да что вы мнѣ говорите о Катакази, вскрикнулъ онъ, это мокрая курица; а съ вашей энергіей вы сдѣлаете что хотите, ваша воля здѣсь законъ; какъ мнѣ этого не видать?» Могу васъ увѣрить, что еслибъ самъ графъ Воронцовъ захотѣлъ исполнить ваше желаніе, его бы не послушалось духовное начальство, былъ мой отвѣтъ. Никакія убѣжденія мои не дѣйствовали на Француза: у этихъ людей страсти всегда помрачаютъ разсудокъ. Въ надеждѣ склонить меня на жестокой поступокъ, онъ продолжалъ свои посѣщенія. Все жаловался онъ на ея обманъ. «Посудите, говорилъ онъ, она увѣрила меня, что она графиня, тогда какъ у Молдованъ нѣтъ графовъ, увѣряла, что ей двадцать восемь лѣтъ, а ей болѣе сорока пяти; увѣряла, что у нея сорокъ тысячъ левовъ доходу, а едва ли есть и пятнадцать».—Напрасно она это дѣлала, эти прельщенія были не нужны: любя ее, вы и такъ бы женились.—«Я, ее любить, помилуйте; да я женился просто изъ разсчета. Да еслибъ вы могли видѣть, какъ она отвратительна, особливо по утру безъ туалета: у нея все фальшивое, и зубы, и волосы, и прочая, и прочая».—Ради Бога перестаньте; когда вы примиритесь, вамъ будетъ жаль, что вы постороннему чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣку открывали такія супружескія тайны. «Я, примириться съ ней? Ни за что и никогда!»

Узнавъ о частыхъ посѣщеніяхъ мужа и опасаясь Богъ вѣсть чего, г-жа де-Торанъ сама пожаловала ко мнѣ и, входя, бросилась ко мнѣ на шею со словами: «спасите меня». Я ее усадилъ, успокоилъ и началъ выслушивать ея жалобы. Супруга своего называла она разбойникомъ, который неоднократно приступалъ къ ней съ требованіемъ, чтобы она отдала ему ящикъ съ ея брилліантами, и въ послѣдній разъ съ пистолетомъ къ горлу. «Я слабая женщина, будьте моимъ защитникомъ; болѣе того, моимъ отцомъ, говорила она; вы во мнѣ увидите покорность дочери». Какъ всѣ люди не такъ давно, но совершенно вышедшіе изъ молодости, крѣпко за нее хватаются, такъ и я имѣлъ на нее еще нѣкоторыя претензіи: каково же мнѣ было слышать, что старуха предлагаетъ себя мнѣ въ дочери! Тоже что̀ барону говорилъ я и баронессѣ: «вы его еще любите, я въ томъ увѣренъ, и непремѣнно помиритесь; для чего же не сдѣлать того скорѣе и избрать кого-нибудь посредникомъ, только не меня?» Въ эту минуту вошелъ слуга доложить, что въ другой комнатѣ дожидается меня г. де-Торанъ. Съ ужасомъ бросилась она вновь ко мнѣ въ объятія и воскликнула: онъ меня убьетъ! «Не опасайтесь ничего: я увѣренъ, что у меня и при мнѣ онъ воздержится отъ всякаго насилія, а я буду имѣть честь проводить васъ до кареты». Сказавъ сіе, взялъ ее за руку и спокойно провелъ ее мимо мужа, который съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на насъ. Возвращаясь, пригласилъ я его къ себѣ въ комнату.

«Должность губернаторская весьма пріятна, сказалъ онъ съ злобной улыбкой: можно на единѣ принимать жену, а мужа заставлять дожидаться въ передней».—Кажется, вы не долго дожидались; а васъ обоихъ вмѣстѣ не могъ я принять.—«Какая мерзавка, продолжалъ онъ самъ съ собою: безъ всякаго стыда посѣщать холостыхъ мужчинъ! И вѣрно (оборотясь ко мнѣ), вы не оставили воспользоваться случаемъ обольстить сію несчастную?»—Вспомните, г. баронъ, все то, что̀ вы мнѣ говорили о прелестяхъ вашей супруги, и послѣ того посудите, могло ли придти мнѣ въ голову, чтобы посягнуть на ея честь?—«Да такъ, изъ тщеславія, и теперь вы будете стоять за нее».—Ни за кого; а если вы непремѣнно того хотите, то должны подать формальное объявленіе о томъ, какія сокровища у васъ похищены и вообще вести дѣло законнымъ порядкомъ.—«Да развѣ въ Россіи есть законы?»—Видно, что есть, когда есть суды.

Насилу могъ я отвязаться отъ этихъ сумасшедшихъ. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Катакази, помирилъ ихъ, и они же, встрѣчаясь со мной, отворачивались, какъ будто меня не видятъ. А можетъ быть,

Библиотека "Руниверс"

имъ было совѣстно, вспоминая все то, что они другъ про друга мнѣ говорили.

Величественно-уединенно жилъ въ Кишиневѣ Россетъ Рознованъ, который былъ богаче, старѣе и надменнѣе всѣхъ другихъ бояръ, прибывшихъ изъ Яссъ. Его высокой станъ, длинная сѣдая борода и шалевый нарядъ внушали къ нему особое уваженіе. Я мало его зналъ: всего по одному разу посѣтили мы другъ друга и разговаривали посредствомъ переводчика. У него было два сына. Старшій Николай, малый видный, красивый собою, не глупый, женатый и уже разведенный съ женою, завѣдывалъ его дѣлами, хлопоталъ по нимъ и объ успѣхахъ доносилъ ему, дабы отецъ оставался совершенно спокоенъ и ни передъ кѣмъ не унижалъ бы себя просьбами. Другой, Алеко, былъ глупый, праздный, мотоватый молодой человѣкъ. Онъ задолжалъ двадцать три тысячи червонцевъ одному бояру Георгію Гикѣ, также находившемуся въ Кишиневѣ. Въ Бессарабіи, точно какъ и во всей Молдавіи, не было тогда ни банковъ, ни какихъ другихъ кредитныхъ учрежденій: всякой капиталистъ былъ ростовщикъ и нимало не краснѣлъ отъ того. Вѣроятно молодой Рознованъ наличностію получилъ только четвертую долю требуемой съ него суммы, а между тѣмъ Гика подалъ заемныя письма его ко взысканію. Старикъ взялъ сына подъ защиту, объявивъ его малолѣтнымъ, хотя ему было двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Тогда Гика сталъ доказывать, что умершая мать все имѣніе свое отказала меньшому сыну, что отецъ имъ владѣетъ, за собою удерживаетъ, и къ нему самому началъ простирать свои претензіи. Дѣло два года пролежало безъ всякаго движенія, и кто бы дерзнулъ чѣмъ-нибудь прогнѣвить всемогущаго Рознована, передъ коимъ сами Катазаки и Крупенской были колѣнопреклоненны? Еслибъ у него было какое-нибудь законное право, то давно бы Гикѣ отказали въ его искѣ. Извѣстно было, что у меня колѣна не гнутся передъ золотомъ: вотъ отъ чего Гика, въ первые дни исправленія мною губернаторской должности, подалъ мнѣ просьбу съ возобновленіемъ своихъ требованій; у меня было такъ много другихъ заботъ, что я не видѣлъ необходимости спѣшить съ этимъ дѣломъ. Узнавъ о томъ, старшій Рознованъ пріѣхалъ ко мнѣ; ласками, перемѣшанными съ угрозами, хотѣлъ онъ заставить меня бросить его; вѣрно, репутація моя до него не дошла, или онъ ей плохо вѣрилъ, ибо онъ заговорилъ объ деньгахъ, увѣряя, что когда я буду чувствовать въ нихъ нужду, всегда кошелекъ ихъ для меня будетъ открытъ. Въ такихъ случаяхъ я никогда не сержусь, а улыбаюсь только съ презрѣніемъ. Гика меня лучше зналъ: онъ и не заикнулся даже о денежныхъ пожертвованіяхъ, а только до небесъ возносилъ мое безпристрастіе и безкорыстіе и, долженъ признаться, коснулся тѣмъ слабой струны моей. Впро-

Библиотека "Руниверс"

чемъ я ничего лишняго для него не сдѣлалъ, а только что пустилъ дѣло въ ходъ, ибо почиталъ это своею обязанностію, никогда не былъ въ немъ судьею, и Рознованамъ не было ни малѣйшаго повода на меня жаловаться.

Они однакоже умѣли изобрѣсти его. Вдругъ получилъ я отъ старика Рознована письмо, коимъ проситъ меня приказать выдать ему паспортъ за-границу, ибо онъ имѣетъ намѣреніе отправить въ Молдавію большой обозъ со *многими сокровищами*. Я велѣлъ исполнить его желаніе, а онъ тайно подослалъ между тѣмъ кого-то къ Гикѣ, чтобы его на этотъ счетъ предупредить. Желая воспрепятствовать сему отправленію и тѣмъ досадить своему противнику, Гика вошелъ ко мнѣ съ прошеніемъ и поставилъ меня въ большое затрудненіе. Я пріостановился; тогда Рознованъ прислалъ ко мнѣ какого-то Молдавскаго чиновника со словеснымъ возобновленіемъ своего требованія. Я также словесно объяснилъ ему, что по моему мнѣнію нѣсколько дней ничего не значатъ и что, оставляя просьбу его безъ отвѣта, разрѣшеніе ея будетъ зависѣть отъ настоящаго губернатора, который на дняхъ непремѣнно долженъ будетъ возвратиться. Послѣ того въ новомъ письмѣ, и довольно грубомъ, Рознованъ требуетъ, чтобы я рѣшительно сказалъ ему да или нѣтъ. Я былъ раздраженъ его неотвязчивостію и сдѣлалъ ему письменный отказъ; однакоже въ немъ сказалъ я, что какъ его нельзя почитать какимъ-нибудь судебнымъ приговоромъ, то губернаторъ по возвращеніи своемъ всегда въ правѣ отмѣнить его, а что̀ касается до меня, то, временно управляя областію, я ничего лишняго не могу взять на свою отвѣтственность. Онъ ничего не думалъ отправлять, а только, говоря простыми словами, ему хотѣлось меня съ Гикой надуть. Онъ выкинулъ сію штуку, говорятъ по совѣту каторжнаго Француза Флёри, съ тою цѣлію, чтобы, обвиняя меня въ пристрастіи, устранить отъ всякаго участія въ сужденіяхъ по дѣламъ сына своего.

Черезъ два дни послѣ сего отказа 24 Марта пріѣхалъ Катакази и на другой день 25-го, въ день Благовѣщенія, вступилъ въ должность. Еслибъ у него были наши Русскія суевѣрія, онъ сего бы не сдѣлалъ: въ этотъ день, говорятъ, птица гнѣзда не вьетъ, и никто ни къ какимъ начинаніямъ приступать не долженъ. Наконецъ, я вздохнулъ свободно, и даже сама природа, казалось, торжествуетъ со мною избавленіе мое. Феноменальная въ этомъ краю зима продолжалась почти до половины Марта; тогда только накопившіяся горы рыхлаго снѣга вдругъ стали таять отъ вешняго солнца. Я помню, когда въ городѣ была ужаснѣйшая грязь, мнѣ, живущему въ домѣ Крупенскаго, по сосѣдству съ полемъ, пришла охота прокатиться по немъ въ саняхъ: я вязнулъ, я тонулъ въ снѣгу, но изъ числа немногихъ людей, которые могутъ сказать,

Библиотека "Руниверс"

что близъ Кишинева разъѣзжали въ саняхъ 17 Марта, въ день Алексѣя Божьяго человѣка, съ горъ вода, какъ у насъ говорится. Черезъ два дни этого бы я сдѣлать не могъ: не оставалось ни крохи снѣга, а только слѣды его, шумящіе ручьи, ревущія потоки; къ концу же Марта сдѣлалось почти лѣто. Сія запоздалая зима была чрезвычайно полезна для края. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ земля немного промерзла, были убиты сѣмяна, осенью пущенныя въ нее саранчей; въ другихъ мѣстахъ вышли они полтора мѣсяца позже обыкновеннаго и оттого, настигнутыя холодомъ, не могли дойти до того возраста, въ которомъ даютъ жизнь другимъ подобнымъ себѣ маленькимъ чудовищамъ.

Благодаря устройству данному казенной экспедиціи почтеннымъ моимъ предмѣстникомъ и усердію честныхъ и трудолюбивыхъ моихъ сотрудниковъ, дѣла шли въ ней какъ нельзя лучше, и заботъ по сей части было у меня весьма мало. Съ Катакази жили мы въ добромъ согласіи, и мало по малу въ Апрѣлѣ утихало сильное волненіе крови моей; но не совсѣмъ и не надолго.

Изъ Петербурга имѣли мы весьма пріятныя извѣстія: Государь принялъ нашего намѣстника какъ нельзя милостивѣе и, въ послѣдній уже разъ отъѣзжая въ Варшаву, пожаловалъ его 5 Апрѣля генераломъ отъ инфантеріи, въ тоже время утвердилъ всѣ представленія его о наградахъ. На Бессарабію они были посыпаны. Между прочимъ Катакази получилъ славную аренду въ Хотинскомъ цынутѣ. Но никто изъ пожалованныхъ не былъ такъ обрадованъ, какъ бывшій предсѣдатель гражданскаго суда, новый областный предводитель дворянства, старикъ Башотъ. Когда въ Совѣтѣ вручили ему Аннинскій крестъ второй степени и подъ длинную бороду стали ему подвязывать его, у него слезы навернулись на глазахъ *). Въ этотъ день 5 Апрѣля и я наконецъ произведенъ былъ статскимъ совѣтникомъ.

Не знаю, слѣдовало ли мнѣ много радоваться сему чину. Конечно, я получилъ его безъ университетскаго аттестата, но тогда не такъ строго уже на это смотрѣли. Но когда вспомню, что я могъ бы легко, безъ всякихъ затрудненій, получить его вмѣстѣ съ опредѣленіемъ въ должность вице-губернатора, какъ мнѣ сказывалъ о томъ Бутеневъ и даже со старшинствомъ съ 1818 года (графъ никакъ этого не хотѣлъ), когда вспомню, что сей чинъ слѣдовалъ мнѣ давно и по старшинству, и за выслугу лѣтъ; когда вспомню, что черезъ полтора года

*) Я ошибся, сказавъ, что въ Верховномъ Совѣтѣ не оставалось ни одной бороды: у Башота была пребольшая. Онъ въ Молдавіи былъ спатаремъ: послѣдній изъ первыхъ шести классовъ дающихъ право носить бороду У насъ въ Россіи съ Молдавскимъ платьемъ всякой могъ бы отпустить ее; но такова была сила обычая и уваженія къ нему, что, исключая имѣющихъ на то право, никто не дозволялъ себѣ того.

Библиотека "Руниверс"

толпа прослужившихъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника четыре года произведена въ него разомъ, а многіе изъ нея и дàромъ; когда вспомню, что это была единственная награда за пятилѣтнее, изнурительное для здоровья моего служеніе въ Новороссійскомъ краю: тогда не вижу великой обязанности много благодарить за то графа Воронцова, и кажется имѣю право вычеркнуть его изъ числа моихъ благодѣтелей.

Въ послѣднихъ числахъ Марта частнымъ письмомъ донесъ я ему объ успѣхѣ торговъ по винному откупу; слѣдственно оно получено имъ было уже послѣ моего производства. Я ничего не просилъ, ничего не требовалъ, но признаюсь ожидалъ за то особую награду. Когда въ Сенатѣ производятся подобные торги, и они идутъ успѣшно съ приращеніемъ государственныхъ доходовъ, то министрамъ и сенаторамъ на нихъ присутствовавшимъ даются щедрыя награды. Тутъ, хотя въ тѣсномъ кругу, распоряжался одинъ только человѣкъ и видимо умножилъ казенную пользу, ибо большая сумма въ этотъ разъ полученная за откупъ должна была служить мѣриломъ для будущаго времени. На письмо мое получилъ я высочайшій, милостивый рескриптъ отъ его сіятельства, даже не собственноручный, въ которомъ онъ говоритъ, что отъ усердія и расторопности моей менѣе и ожидать было нельзя.

За одно изъ условій контракта Левинсонъ былъ весьма благодаренъ. У него накопилось множество мѣдной монеты, а ему предоставлено было треть откупной суммы вносить мѣдью. Всѣ чиновники были тѣмъ съ начала весьма недовольны; всѣ, исключая губернатора, но не исключая меня, треть ежемѣсячнаго жалованья должны были получать сею монетою. Это сдѣлано было совсѣмъ не для облегченія Левинсона, но для того, чтобы Русскія мелкія деньги, которыхъ почти не видать было, ввести въ обращеніе, во всеобщее употребленіе и тѣмъ вытѣснить Турецкія пàры, сію посребреную шелуху, на которую каждый день курсъ мѣнялся и падалъ, что̀ и спутывало счеты. Успѣхъ превзошелъ ожиданія: въ Іюнѣ на базарѣ все покупалось и продавалось на копѣйки, а къ осени о пàрахъ уже и слуху не было.

По дѣламъ иногда заходилъ ко мнѣ Левинсонъ. Послѣ графскаго отзыва почувствовалъ я сильную досаду и Еврею-откупщику открылъ важную тайну. Я объяснилъ ему, что совершенно отъ моей воли зависило за сто тысячъ рублей въ годъ отдать ему откупъ и если въ три года заплатитъ онъ лишнихъ шестьсотъ тысячъ, то это моя вина. Помилуйте, воскликнулъ онъ, какъ вамъ не совѣстно?—Ни мало.—Да скажите, изъ чего же вы такъ бились?—Да такъ, мнѣ хотѣлось умноженія казенныхъ выгодъ, въ чемъ я вижу общую пользу.—Воля ваша, я васъ не понимаю.—Да и не вы одни, мой любезный. Послѣ того я его спросилъ, что еслибъ съ самаго начала открылъ бы я ему истину

Библиотека "Руниверс"

и потребовалъ третью долю того, чего онъ лишается, то есть двѣсти тысячъ рублей, согласился ли бы онъ мнѣ ихъ уступить? «Я на колѣняхъ поднесъ бы вамъ триста», былъ Жидовскій его отвѣтъ. Передъ читателемъ каюсь въ томъ, что нерѣдко раскаявался въ этомъ, особливо, когда, не смотря на всю мою бережливость, иногда тѣснимъ былъ нуждою. До какихъ постыдныхъ помысловъ не доведетъ несправедливое начальство!

Не изъ Петербурга, а изъ Одессы по секрету увѣдомили меня, что дѣло о Тимковскомъ совсѣмъ полажено, что едва ли уже онъ не назначенъ губернаторомъ и что къ концу Маія навѣрное явится въ Кишиневѣ. Тогда рѣшился я изъ него отлучиться; ибо, сколько желалъ я настоящаго губернаторства, столько убѣгалъ временнаго. Никто въ Кишиневѣ о сей преднамѣреваемой перемѣнѣ ничего не вѣдалъ; что̀ всего удивительнѣе, самъ Катакази не подозрѣвалъ того.

Мнѣ необходимо было собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ г. Тимковскомъ, о которомъ дотолѣ я не слыхивалъ. Все что̀ узналъ я въ это время и всѣ подробности о немъ дошедшія до меня послѣ, хочу соединить здѣсь, чтобы представить характеристику и біографію сего страннаго человѣка, съ которымъ, къ счастію, судьба никогда не сводила меня по службѣ.

Онъ, кажется, былъ изъ духовнаго званія, какъ многіе у насъ дѣловые люди; съ большимъ успѣхомъ прошелъ семинарское и университетское ученіе и вступилъ въ Иностранную Коллегію. У него были умъ и способности необыкновенныя, онъ былъ незлобивъ и честенъ; чего же кажется лучше для начальника губерніи? Болѣе всего выигрывалъ онъ между людьми чудеснымъ даромъ слова: всѣ слушали его съ пріятнымъ изумленіемъ. Не зная иностраныхъ языковъ, или зная ихъ плохо, онъ за границей употребленъ быть не могъ; за то Министерство Иностранныхъ Дѣлъ охотно ссужало имъ другія гражданскія вѣдомства. На славу, почти въ видѣ помощника, Стурдзой былъ онъ отправленъ къ Бахметеву въ Бессарабію, гдѣ поручили ему огромное дѣло о претензіяхъ извѣстнаго Армянина Манукъ-бея; имъ однимъ занимался онъ болѣе восьми мѣсяцевъ и составилъ выписку, которая, говорятъ, дѣйствительно могла служить образцомъ ясности слога. На сихъ лаврахъ почилъ онъ и никакихъ другихъ порученій отъ Бахметева принимать не хотѣлъ. Не симъ однимъ вывелъ онъ его изъ терпѣнія, но явнымъ къ нему неуваженіемъ и безпрестанными шутками, на счетъ его распускаемыми. По его настаиваніямъ вызванъ былъ онъ изъ Бессарабіи.

Не знаю, зачѣмъ послали его потомъ въ Оренбургъ. Страна тогда забытая, мало извѣстная и тѣмъ болѣе любопытная; страна ле-

Библиотека "Руниверс"

жащая за рубежемъ Азіи, чрезъ которую, рано или поздно, во внутрь сей части свѣта для нашихъ войскъ должна быть устроена обычная дорога. Въ ней послѣ полумертваго князя Григорія Семеновича Волконскаго начальствовалъ тогда слабоумный Петръ Кириловичъ Эссенъ. Тутъ Василій Ѳедоровичъ Тимковскій не хотѣлъ и за перо взяться; а, кажется, было надъ чемъ потрудиться. Все занятіе его, вся забава его состояли въ томъ, чтобы въ глаза трунить надъ бѣднымъ Эссеномъ. Отъ природы острякъ, какъ человѣкъ никогда не жившій въ порядочномъ обществѣ, онъ бывалъ чрезвычайно дерзокъ на языкъ. Какъ-то удалось наконецъ Эссену, недостойному его сотрудничества, освободиться отъ него.

Послѣ того наслали его на Ермолова. Онъ отправленъ былъ какъ бы въ качествѣ законодателя и образователя Закавказскаго края. Ермоловъ принялъ его очень хорошо и просилъ заняться дѣломъ. Онъ былъ на то весьма готовъ, но впродолженіи болѣе полутора года, всякій день сбираясь приняться за него, не написалъ ни строчки. Между тѣмъ онъ возненавидѣлъ Ермолова, а за что? Развѣ за его терпѣніе. Скорѣе, мнѣ кажется, за то, что видъ этого человѣка, рожденнаго повелѣвать, и въ немъ смѣльчакѣ производилъ иногда невольное смущеніе, какъ нѣсколько лѣтъ спустя онъ самъ мнѣ въ томъ сознавался. Не только съ нимъ самимъ быть дерзкимъ, ни даже по заочности забавныхъ насмѣшекъ на его счетъ не могъ онъ позволять себѣ: все войско въ Грузіи обожало его, а всѣ жители видѣли въ немъ какой-то могущій духъ. За то послѣ вознаградилъ себя Тимковской. Послѣ доказанной его безполезности Ермоловъ былъ въ правѣ требовать, чтобы его взяли у него. И тутъ опять, по словамъ его, не постигнули его генія, не умѣли оцѣнить его. Послѣ того жилъ онъ въ Петербургѣ, въ праздности, съ хорошимъ содержаніемъ, и я думаю, цѣлый вѣкъ готовъ бы былъ такъ оставаться.

Трудно объяснить, какъ человѣкъ съ великими способностями, по увѣренію многихъ, могъ принимать на себя важныя обязанности съ намѣреніемъ не исполнять ихъ и думать, что это всегда будетъ сходить ему съ рукъ. Тщеславія въ немъ вовсе не было; съ равными, съ низшими бывалъ онъ даже слишкомъ обходителенъ. Вѣчно веселый студентъ, въ холостомъ обществѣ, онъ скоро дѣлался его душою, и когда иного и кольнетъ словцомъ, но такъ умно и забавно, что отыметъ возможность разсердиться. За то самолюбіе въ немъ было ужаснѣйшее; мысленно онъ ставилъ себя выше всѣхъ, не питалъ ненависти къ людямъ, но глубочайшее презрѣніе къ нимъ и къ самымъ серьезнымъ, самымъ важнымъ ихъ предпріятіямъ. Онъ думалъ только забавляться ими и, не думая, забавлялъ ихъ. Всякою должностью онъ

Библиотека "Руниверс"

брезгалъ и чувствомъ превосходства своего извинялъ въ себѣ другой порокъ, чрезвычайную лѣность. Родившись въ вѣкѣ философизма и либерализма, онъ не вѣровалъ ни въ Бога, ни въ добродѣтель; честь была единственнымъ вѣрованіемъ, которое какъ-то въ немъ уцѣлѣло. Однимъ словомъ, это былъ величайшій эгоистъ, настоящій человѣкъ девятнадцатаго вѣка.

Находясь съ нимъ вмѣстѣ въ Оренбургѣ, трудолюбивый Левшинъ, который въ тоже время написалъ много дѣльнаго и полезнаго о Киргизахъ, плѣнился имъ. Онъ полагалъ, что въ широкомъ объемѣ и съ большею властію послѣдуетъ полное развитіе его высокихъ дарованій. Тихомолкомъ все болѣе входя въ довѣренность графа, онъ часто съ восторгомъ говорилъ ему о чудесномъ Тимковскомъ и указывалъ на него какъ на единственнаго человѣка способнаго устроить Бессарабію. Другаго предстательства за него не было. Вѣроятно, Левшинъ не зналъ еще тогда, что гордыню этого человѣка постигло жестокое наказаніе, самый постыднѣйшій изъ пороковъ: что онъ сдѣлался горькимъ пьяницей.

Какъ легко бы было графу, по пріѣздѣ въ Петербургъ, навести небольшую справку о семъ человѣкѣ, котораго другимъ навязывали и котораго самъ онъ искалъ. Да и это было бы не нужно: одинъ разъ пьяный пріѣхалъ онъ къ нему обѣдать и за столомъ, еще болѣе напившись, сталъ ко всѣмъ придираться и кому-то наговорилъ большія грубости. Надобно полагать, что графъ расхвалилъ его Государю, а послѣ не хотѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ. Да и Тимковскому, знавши самого себя, какъ можно было принять такую должность? Не доказываетъ ли это, что онъ совсѣмъ не зналъ трудностей и отвѣтственности съ нею сопряженныхъ, не имѣлъ понятія о нашемъ внутреннемъ управленіи, на которое не обращалъ никакого вниманія, и что практическаго ума въ немъ вовсе не было. Самодержавіе нѣсколько спасаетъ насъ отъ подобныхъ людей; но на Западѣ, тамъ, гдѣ представительныя правленія, они блестятъ на каѳедрѣ, самыя нелѣпости говорятъ умно и красно, и мнѣніямъ сіи пагубные болтуны даютъ почти всегда ложныя направленія. И вотъ кладъ, съ помощію Левшина открытый Воронцовымъ!

Я взялся говорить правду; безъ того не сталъ бы такъ строго судить своего соперника, тѣмъ болѣе, что послѣ сдѣлался онъ мстителемъ моимъ. Я сказалъ все, что̀ зналъ о немъ, и не такъ скоро придется объ немъ опять говорить.

Мой Одесскій корреспондентъ былъ въ заблужденіи: дѣло о назначеніи новаго губернатора не такъ скоро должно было кончиться. Намѣстникъ въ Петербургѣ получилъ сильную глазную болѣзнь, отъ

Библиотека "Руниверс"

нея лѣчился и не могъ еще выѣхать; къ тому же дожидался и возвращенія Государя изъ Варшавы. Онъ намѣренъ былъ Катакази, за чуму особенно, выпросить Владимирскую звѣзду (Аннинскую ленту онъ уже имѣлъ). Кажется, при этомъ случаѣ могъ бы онъ и мнѣ за откупъ испросить крестъ того же ордена третьей степени: это было бы ему весьма не трудно; но, видно, онъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Для Катакази же все ему казалось мало, и аренда, и звѣзда: онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы съ чиномъ тайнаго совѣтника и со всѣмъ получаемымъ имъ содержаніемъ былъ онъ опредѣленъ сенаторомъ; однимъ словомъ, хотѣлъ сдѣлать ему золотой мостъ. Все это должно было отдалить назначеніе Тимковскаго.

Я же между тѣмъ, полагая, что въ началѣ Маія полученъ будетъ указъ объ увольненіи Катакази, а въ началѣ слѣдующаго мѣсяца прибудетъ его преемникъ, хотѣлъ потѣшить Курика временнымъ управленіемъ, а себя позабавить путешествіемъ по южной части Бессарабіи, мнѣ еще неизвѣстной. Совѣту донесъ я о намѣреніи моемъ освидѣтельствовать цынутныя казначейства и осмотрѣть на мѣстѣ соляныя озера и таможенныя заставы, а отъ губернатора безъ всякаго затрудненія получилъ подорожную по казенной надобности.

II.

Въ прекрасное Майское утро 6-го числа выѣхалъ я изъ Кишинева. Мнѣ столь знакомую Бендерскую дорогу едва я могъ узнать: она показалась мнѣ въ праздничномъ нарядѣ. Съ половины Апрѣля черезъ каждые три дня шли періодическіе дожди и, не затопляя, а увлаживая горячую почву, производили на ней чудесную растительность.

Далѣе за Бендерами начинается степь, и она была еще прекраснѣе. Передо мной разстилался безконечный, роскошный зеленый коверъ, весь усѣянный цвѣтами, лиловыми, красными, желтыми, синими. Каждый изъ сихъ полевыхъ цвѣтковъ отдѣльно испускаетъ слабый духъ; но въ совокупности тамъ, гдѣ ихъ бездна, милліарды ихъ наполняютъ воздухъ такимъ легкимъ, пріятнымъ ароматомъ, что передъ нимъ ничто запахъ нашихъ цвѣтниковъ. Во мнѣ это производило физическое наслажденіе, особенно во время утренней прохлады, которое мнѣ трудно объяснить.

На семъ пути до Аккермана встрѣчается одно только мѣсто, сколько-нибудь примѣчанія достойное. Это бѣдное и растянутое селеніе Каушаны. Когда, при Турецкомъ правительствѣ, Татары кочуя занимали весь Буджакъ, то имѣли своего особливаго хана, и тутъ была его столица. Я нашелъ, что сіи народные владыки не были слишкомъ прихотливы на счетъ великолѣпнаго помѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

Кажется, по близости, въ сторонѣ, находились двѣ Французско-Швейцарскія колоніи Шабо и Дракулъ. Жители послѣдней были Молдаване, которые тутъ имѣли свои дома, сады и даже православную церковь, на ихъ счетъ построенную. Низовъ такъ обрадовался Швейцарцамъ, которые не иначе соглашались пріѣхать, какъ на все готовое, что выгналъ прежнихъ жителей, отвелъ имъ другое мѣсто, ихъ недвижимое имущество предоставилъ пришельцамъ и даже церковь обратилъ въ протестантскую. Неимовѣрно, сколько несправедливостей въ отдаленныхъ мѣстахъ начальники иногда позволяютъ себѣ!

На другой день по выѣздѣ изъ Кишинева, пріѣхалъ я въ Аккерманъ, во многихъ отношеніяхъ городокъ примѣчательный. Его знали, имъ владѣли Генуэзцы, подъ именемъ Тираса, которое носилъ тогда Днѣстръ, при устьѣ коего онъ былъ построенъ. Когда Турки завоевали его, то назвали Аккерманомъ, Бѣлымъ Городомъ на ихъ языкѣ, и замокъ, построенный Генуэзцами, еще болѣе укрѣпили. Хотя крѣпость сія нынѣ упразднена, но не въ развалинахъ и служитъ главнымъ украшеніемъ сему мѣсту. Какъ многія изъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, Днѣстръ образуетъ тутъ лиманъ или заливъ, который имѣетъ девять верстъ ширины между Аккерманомъ и жалкимъ Овидіополемъ. Отъ сего послѣдняго до Одессы всего только 36 верстъ сухимъ путемъ, и слѣдственно городъ, въ которомъ я находился, для Одесскихъ жителей могъ бы служить пріятной прогулкой. Но никто почти изъ нихъ не посѣщалъ его, ибо сообщенія были весьма затруднительны. Нынѣ, говорятъ, когда исправлена дорога въ Овидіополь, по два раза каждый день отправляется изъ него пароходъ, и карантинная линія совсѣмъ снята; это сдѣлалось почти предмѣстіемъ Одессы.

По приглашенію полицеймейстера, обрусѣвшаго Поляка, Антона Кузьмича Бѣликовича остановился я у него. Онъ былъ очень близорукъ и часто разсѣянъ, что́ не мѣшало ему быть искательнымъ и дальновиднымъ на счетъ выгодъ по службѣ. Жена его, Теофила Осиповна, также Полька, довольно молодая старалась быть со мною отмѣнно любезна. Въ обоихъ было старинное гостепріимство и не для меня одного, а для всѣхъ; въ маломъ кругу своемъ они были чрезвычайно любимы. Я прожилъ у нихъ болѣе недѣли и знаю, что имъ не былъ въ тягость, ибо просилъ ихъ обо мнѣ много не заботиться, и неимовѣрная дешевизна была тутъ на съѣстные припасы. Въ этомъ благословенномъ мѣстѣ во всемъ было изобиліе. Рѣчной рыбы всегда бездна, а морская наполняетъ лиманъ, когда бываетъ сильный южный вѣтеръ. Владѣльцы земель въ окрестностяхъ никогда не знаютъ неурожая; когда бываетъ дождливое лѣто, пшеницей, кукурузой и сѣномъ могли бы они, кажется, снабдить всю область; жаркое лѣто, даже засуха бываютъ весьма по-

Библиотека "Руниверс"

лезны для винограда, которымъ такъ славится Аккерманъ; да и соль въ это время гораздо въ большемъ количествѣ садится на озерахъ: земледѣліе, винодѣліе, соляная промышленность, все тутъ есть!

Я велъ жизнь растительную, пожалуй хоть назови ее скотскую; старался ни о чемъ не думать, ничего не дѣлать, только ходилъ, пилъ и ѣлъ. Не знаю, для головы послѣ тяжкихъ заботъ не болѣе ли еще нужно отдохновеніе, какъ для тѣла послѣ сильныхъ трудовъ. Въ цынутномъ этомъ городѣ и тогда уже считалось до тринадцати тысячъ жителей разныхъ происхожденій, привлеченныхъ вѣроятно здоровымъ климатомъ и веселыми видами на лиманъ. Отъ того-то, на нѣсколько верстъ весь тянулся онъ неправильнымъ образомъ по берегу его. Тамъ гдѣ кончаются строенія, начинаются сады; ими также усѣянъ былъ этотъ берегъ. Турки безъ большихъ усилій насадили ихъ и бросили потомъ, когда Русскимъ должны были уступить крѣпость въ 1806 году. Они наполнены были преимущественно плодовитыми деревьями, нерегулярно насажденными, что́ по достиженіи ими высокаго роста симъ садамъ давало видъ натуральныхъ рощей. Съ большимъ удовольствіемъ гулялъ я по нимъ; особенно нравились мнѣ въ нихъ большіе каменные гроты, самою природою образованные, въ которые вода шумно вливалась изъ лимана.

Симъ садамъ не было счету. Ихъ раздавали всѣмъ кто пожелалъ ихъ имѣть. Нѣкоторые (и въ томъ числѣ вдова полковника Арсеньева, бывшаго тутъ комендантомъ, которая изъ нихъ составила себѣ славную дачу) имѣли предосторожность запастить на нихъ законными документами. Другіе, и самое большое число, владѣли ими безъ всякихъ письменныхъ актовъ. Симъ воспользовался одинъ чудакъ, Сардинскій графъ Паравичини. До Тильзитскаго мира была мода принимать въ нашу службу Піэмонтскихъ офицеровъ; онъ попалъ въ число ихъ и былъ опредѣленъ не менѣе какъ подполковникомъ по арміи. Отсутствіе крестовъ и медалей на груди его показывало, что въ военное время онъ употребленъ не былъ. Потомъ былъ онъ полковникъ; наконецъ, уволенный съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, искалъ мѣста. Графъ сего графа назначилъ областнымъ лѣсничимъ въ Бессарабію, создавъ для него сіе мѣсто, не совсѣмъ соотвѣтствующее его высокому чину. Вмѣсто того, чтобы заботиться не столько еще о сохраненіи лѣсовъ, какъ о разведеніи ихъ въ Буджацкой степи, онъ предпочелъ часть садовую и съ дозволенія намѣстника поселился въ Аккерманѣ. Тутъ началъ онъ отбирать всѣ сады, на владѣніе коими не было ясныхъ доказательствъ; давность тутъ ничего не помогала, все обращено въ казенное имущество. Изо всего составилъ онъ нѣчто цѣлое, обвелъ

Библиотека "Руниверс"

его глубокимъ рвомъ и поставилъ высокіе ворота съ надписью Jardin Impérial.

Не надобно забывать, что по должности своей былъ онъ членомъ казенной экспедиціи, являлся въ нее иногда, но будучи старѣе чиномъ, ни за что́ не хотѣлъ признавать надъ собою начальникомъ покойнаго Петрулина, который за множествомъ хлопотъ не обращалъ на то вниманія. Съ согласія главнаго начальника входилъ Паравичини въ прямыя съ нимъ сношенія, ему доносилъ обо всемъ, а о распоряженіяхъ своихъ казенной экспедиціи простыми отзывами давалъ знать за извѣстіе. Столь же мало, какъ Петрулинъ, и я гонялся за честію быть его начальникомъ; но, рано или поздно, дѣло сіе должно было объясниться: порядокъ службы того требовалъ. Однимъ словомъ, онъ былъ и не былъ у меня подъ начальствомъ; такія неправильности, чтобы не назвать ихъ беззаконіями, часто позволялъ себѣ графъ Воронцовъ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, Паравичини предоставилъ какому-то чиновнику потчивать меня своимъ садомъ, а самъ куда-то отлучился. Онъ былъ мужичишко невзрачный, малъ, толстоватъ и глуповатъ; нельзя было рѣшительно сказать, къ какой націи онъ принадлежалъ: по-французски и по итальянски говорилъ онъ съ Нѣмецкимъ выговоромъ, а по-русски только что выучился подписывать свое имя. Нѣтъ числа безполезнымъ иностранцамъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ покормиться и поумничать; когда же догадаются, увидятъ, что они да̀ромъ хлѣбъ ѣдятъ и отъ нихъ отдѣлаются, то они сдѣлаются врагами Россіи и начнутъ ругать ее. Тоже самое послѣ меня случилось и съ Паравичини.

Немного часовъ мнѣ нужно было, чтобы съ одного мѣста отдохновенія перевалиться на другое, изъ Аккермана переѣхать въ Тузлы на соляныя озера. Управляющаго на нихъ не было, а вмѣсто его принималъ и угощалъ меня помощникъ его, нѣкто г. Фохтсъ (имени и отечества его не помню), Нѣмецъ добродушный и весьма еще не старый, служившій въ Русской службѣ офицеромъ. Съ нимъ была добытая во Франціи жена его, Каролина Ивановна, живая, ласковая, какъ почти всѣ Француженки: мнѣ очень весело было съ нею болтать. Ей вздумалось выучиться нашему языку, и она вообразила себѣ, что успѣла въ томъ, говоря по-французски многіе предметы называла по-русски, какъ, напримѣръ, л'озеро, ле лошатъ, ле камишъ, коимъ по безлѣсію топили они. Они жили довольно просторно въ казенной слободкѣ, построенной для управленія у Алибейскаго озера. Я разсматривалъ у Фохтса книги и счеты и все нашелъ въ совершенной исправности. Богъ его знаетъ, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ попалъ онъ подъ судъ.

Библиотека "Руниверс"

Дни два при благопріятной погодѣ прожилъ я тутъ безъ скуки; зимой это было бы невозможно: видъ на озеро слишкомъ однообразенъ и утомителенъ. Во время жаровъ, говорятъ, какъ льдомъ покрывается оно соляной корой; тутъ видѣлъ я соль только по берегу въ бутахъ; они имѣли видъ огромныхъ кусковъ самаго чистаго, бѣлаго албатра съ лиловыми и пунцовыми отливами и издавали фіалковый запахъ.

Тутъ встрѣтился мнѣ и полюбился цынутный коммиссаръ Михаилъ Григорьевичъ Бутковъ, родомъ изъ Харькова. Онъ былъ не совсѣмъ молодъ и довольно богатъ: одинъ Таганрогской купецъ, умирая, отказалъ ему до двухъ сотъ тысячъ рублей капиталу. Я изъявилъ ему удивленіе мое, какъ съ такимъ состояніемъ могъ онъ принять столь мелкую должность; онъ отвѣчалъ, что охота къ службѣ его къ тому понудила. Разговаривая съ нимъ, нашелъ я, что онъ весьма въ состояніи занять другую повыше и предложилъ ему мѣсто областнаго казначея. Его занималъ тогда одинъ Молдаванъ Кацика, человѣкъ честный, исправный. рачительный и не бѣдный; но здоровье его до того было разстроено, что онъ службу продолжать не могъ, и я съ трудомъ могъ упросить его остаться, пока пріищу ему преемника. Дѣло у насъ съ Бутковымъ скоро полажено, и въ эту поѣздку, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ я полезное пріобрѣтеніе.

По дорогѣ къ Измаилу, могъ бы я не заѣзжать въ Килію; но въ исторіи нашихъ войнъ съ Турками такъ часто было упоминаемо объ ней, что возбудило во мнѣ нѣкоторое любопытство ее видѣть. Къ тому же, желая продлить отсутствіе свое изъ Кишинева, я не скупился на время и много тратилъ его по пустому. Крѣпость эта была спрятана между двухъ Дунайскихъ озеръ-заливовъ; чтобы попасть въ нее, надобно было, своротивъ съ большой дороги, сдѣлать пятьдесятъ верстъ, сто лишнихъ взадъ и впередъ. Съ самаго присоединенія сего края къ Россіи, ни одинъ намѣстникъ, ни одинъ губернаторъ не посѣщали ея; появленіе всякаго путешественника почиталось въ ней происшествіемъ, кольми паче пріѣздъ по крайней мѣрѣ вице-губернатора.

Кто-то обо мнѣ предувѣдомилъ тамъ. Меня встрѣтилъ полицейскій офицеръ верхомъ; по единственной улицѣ форштата, ведущей къ крѣпости, имѣлъ я торжественный въѣздъ; всѣ жители высыпали изъ домовъ и бѣжали за мной. Меня привезли къ коменданту, подполковнику Чичагову. Запыхавшись встрѣтилъ онъ меня, съ испугомъ увидѣлъ я его: никогда еще столь чудовищной толщины я не видалъ. Вѣроятно при самомъ рожденіи получилъ онъ необычайное расположеніе къ ней, а неподвижная жизнь дала ей ужасное развитіе. Я испросилъ дозволеніе сѣсть, чтобы скорѣе усадить его. Разговоръ у насъ былъ

Библиотека "Руниверс"

самый пустой, а не менѣе того, видимо, его тяготилъ; натянутый на него мундиръ и эполеты еще болѣе, и мнѣ показалось даже, что онъ тоскуетъ въ разлукѣ съ халатомъ. Онъ предложилъ мнѣ посмотрѣть на крѣпость, но извиняясь слабостію ногъ, поручилъ офицеру проводить меня. Я взошелъ только на валъ; мнѣ хотѣлось взглянуть на невиданный еще мною Дунай, котораго рукавъ тутъ протекаетъ и называется даже Килійскимъ гирломъ. По возвращеніи нашелъ я накрытый столъ и приготовленный завтракъ; среди нѣсколькихъ сытныхъ блюдъ возвышалась огромная, жирная кулебяка, вѣрное изображеніе самого хозяина. Тутъ явилась на помощь къ отцу молодая дочь его, довольно красивая лицомъ, но тѣломъ слишкомъ рано начинающая уже походить на родителя. Я спросилъ у нея, иногда прогуливается ли она? Никогда, былъ отвѣтъ.—Это было бы весьма полезно для здоровья, замѣтилъ я.—«Да у меня ничего не болитъ, отвѣчала она, развѣ только иногда зубы». Двухчасовое пребываніе въ Киліи мнѣ показалось слишкомъ продолжительнымъ. Это не жизнь, а сонъ. Какъ! Въ пятидесяти верстахъ отъ сихъ людей идетъ большая дорога, и у нихъ подъ глазами плывутъ корабли, и все это проходитъ и проѣзжаетъ мимо ихъ, не обращая на нихъ никакого вниманія! Право это унизительно. Съ тою же процессіей, съ какою пріѣхалъ, выѣхалъ я изъ Киліи; также бѣжали за мной жители, которые, какъ мнѣ сказывали, состоя по большой части изъ Русскихъ, живутъ однимъ рыбнымъ промысломъ.

По выѣздѣ изъ сего мѣста долженъ я былъ ночевать я на одной станціи и на другой день пріѣхалъ въ Измаилъ. Эта крѣпость была поважнѣе, поизвѣстнѣе и пообширнѣе Килійской. За то комендантъ ея обширностію не смѣлъ равняться съ Килійскимъ. Это былъ старый, длинный, худой, блѣдный генералъ-лейтенантъ Ѳеодоръ Ивановичъ Сандерсъ, прозванный статуей командора, двоюродный братъ мой, котораго, равно какъ и супругу его, Марину Игнатьевну, изобразилъ я въ самомъ началѣ сихъ Записокъ. Прибавлять къ сему описанію мнѣ почти ничего. Ума у братца моего было немного, за то великій вкусъ ко всему изящному. Если замѣтишь бывало, что онъ улыбается при видѣ какой нибудь женщины, не взглянувъ на нее можно назвать ее красавицей. Въ комендантской квартирѣ его все было изысканно, опрятно и по возможности щеголевато прибрано. Страсть къ цвѣтамъ была также однимъ изъ примѣчательныхъ его достоинствъ; передъ его домомъ разведенъ былъ пребольшой цвѣтникъ, по дорожкамъ коего трудно было проходить отъ множества благоуханныхъ цвѣтовъ.

О пріѣздѣ моемъ супруги предувѣдомлены были письмомъ отъ меня и встрѣтили меня съ непритворнымъ удовольствіемъ. Самолюбію

Библиотека "Руниверс"

моему, а не сердцу пріятно было замѣтить, что они какъ будто гордились моимъ родствомъ и оказывали мнѣ болѣе знаковъ уваженія, чѣмъ простой родственной любви. Марина Игнатьевна была женщина хитрая и мастерица льстить, а кому это бываетъ непріятно? Бо́льшую откровенность нашелъ я въ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ; но кто она была такова, вотъ вопросъ. Всѣ были увѣрены, что она побочная дочь, но чья? Мужа или жены? Супруги выдавали ее за племянницу, за питомицу, а она называла ихъ папенькой и маменькой. Возросшая подъ шатрами, воспитанная посреди походовъ, она манерами скорѣе походила на молодаго флейтщика, чѣмъ на дѣвицу, со всѣми офицерами обходилась свободно и всѣхъ называла ты. Ей было лѣтъ около тридцати, но съ ея живостію и малымъ ростомъ ей казалось менѣе. Для меня была она очень забавна и сопровождала меня въ ежедневныхъ прогулкахъ на двѣнадцативесельномъ катерѣ по Дунаю: единственная такого рода забава, которую имѣлъ я въ городѣ, гдѣ не было не булевара, ни садовъ.

Въ этомъ мѣстѣ Дунай кажется шире, чѣмъ гдѣ-либо; при близорукости моей, съ трудомъ могъ я разглядывать противоположный берегъ, хотя иные увѣряли, что видятъ Турецкую крѣпостцу Исакчу. Глубина его соотвѣтствовала тому и была достаточна для прохода большихъ кораблей. Тутъ находилась Дунайская флотилія подъ начальствомъ контръ-адмирала Михайлова, который умеръ незадолго до моего пріѣзда. И офицеры этой флотиліи, желая быть любезными съ Ольгой Ѳоедоровной и со мной, катали насъ по рѣкѣ.

Столь великой крѣпости, какъ Измаильская, я никогда еще не видалъ. И форштатъ былъ довольно великъ, довольно населенъ и порядочно обстроенъ. Черезъ четыре года послѣ того, когда число его жителей утроилось Задунайскими переселенцами, Некрасовцами, Пилипонами (отчего Молдаване всѣхъ Русскихъ мужиковъ называютъ Липованами), тогда сдѣлался онъ городомъ Тучковымъ, и учредилось въ немъ градоначальство. Что̀ дѣлаетъ привычка и какъ у людей скоро забывается горе! О прекратившейся за два мѣсяца передъ тѣмъ чумѣ и помину не было, а объ ужасномъ Измаильскомъ штурмѣ упоминалъ иногда бывшій на немъ комендантъ. И тутъ прожилъ я болѣе недѣли, начиналъ уже скучать праздностію и совершеннымъ отсутствіемъ занимательныхъ разговоровъ и рѣшился пуститься въ обратный путь.

Неподалеку отъ Измаила находится мѣстечко Тобакъ, отданное Болгарамъ подъ населеніе. Но немного подалѣе избрали они другое мѣсто, для нихъ удобнѣе, основали въ немъ главную колонію свою и назвали ее Болградомъ. Черезъ первое проѣхалъ я днемъ, въ послѣднемъ ночевалъ я. Тутъ начальствовалъ со стороны правительства

Библиотека "Руниверс"

бывшій адъютантъ Инзова, любимецъ его, подполковникъ Малевинскій; но какъ всѣ Инзовскіе чуждались меня, то и его не имѣлъ я чести видѣть. Другой чиновникъ сего вѣдомства Портицкій пригласилъ меня къ себѣ и доставилъ покойный ночлегъ. На мѣстѣ совершенно голомъ, за нѣсколько лѣтъ до того, уже построено было множество домовъ, каменныя лавки, составляющія небольшой гостинный дворъ, и приготовлены матеріалы для сооруженія огромнаго соборнаго храма, который могъ бы служить украшеніемъ всякому губернскому городу. И все это на счетъ самихъ жителей.

Что это за славный народъ Болгары! Право, я готовъ назвать его цвѣтомъ Славянскихъ народовъ. Какая дѣятельность въ нихъ, какое трудолюбіе, какой огонь горитъ въ ихъ глазахъ! Какая веселость, смѣлость и добродушіе написаны на смуглыхъ лицахъ ихъ! Въ униженной долѣ, въ которой находятся совершенно, предались они земледѣлію и безъ помощи агрономическихъ сочиненій дошли въ немъ до совершенства. Сверхъ того, какъ Ростовцы въ Москвѣ, такъ и они въ Цареградѣ славятся лучшими огородниками и первые артишокамъ умѣли дать величину капусты. Однако, еслибы случай представился, подобно Цинцинату, отъ сохи быстро перешли бы они къ мечу для защиты родины и собственности. Вотъ чѣмъ отличаются они отъ другихъ южныхъ Славянъ, склонныхъ къ хищничеству, хотя бы напримѣръ отъ Сербовъ. Я любовался ими еще въ Кишиневѣ: ихъ тамъ довольно, и кварталъ, ими занимаемый, называется даже Болгаріей.

Они претерпѣвали отъ Турокъ гоненія за преданность къ Россіи, и многіе изъ нихъ еще до Бухарестскаго мира бѣжали въ Бессарабію. Тутъ преимущественно размѣщались они въ селеніяхъ, примыкающихъ къ степи и за убѣжище, данное имъ жителями, раздѣляли ихъ полевыя работы. Когда же послѣ 1812 года другіе Болгары, по приглашенію правительства, начали переселяться въ Буджацкую степь, оставленную кочевыми Татарами, то и они стали переходить къ единоземцамъ своимъ. Никто не могъ и не хотѣлъ ихъ удерживать. Одинъ только сумасбродный камергеръ Бальшъ вздумалъ обратить ихъ въ царанъ своихъ (людей впрочемъ тоже свободныхъ) и находя, что съ удаленіемъ ихъ уменьшатся его доходы, ни одного не велѣлъ выпускать. Они рѣшились на побѣгъ; а онъ, узнавъ о томъ, послалъ за ними въ погоню верховыхъ и вооруженныхъ Арнаутовъ своихъ, съ приказаніемъ привести ихъ къ нему *живыми* или *мертвыми*. Догнали немногихъ отсталыхъ, которые стали защищаться, и Арнауты, въ точности исполняя волю своего господина, ихъ головы привезли ему въ торокахъ. Всѣ ужаснулись, начался уголовный судъ. Бальшъ отказался отъ словъ своихъ, а Арнаутовъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь. И послѣ

Библиотека "Руниверс"

того онъ же завелъ тяжбу съ казною за лишеніе его якобы хорошихъ работниковъ и прибыли отъ нихъ ожидаемой! У этихъ людей не было сдѣлано никакихъ условій ни съ нимъ, ни прежнимъ владѣльцемъ селенія, ихъ пріютившимъ, кажется, съ заграничнымъ бояромъ Радуканомъ, у котораго съ нимъ шелъ также процессъ объ этомъ же имѣніи: ибо, купивъ у него за низкую цѣну, не уплачивалъ ему ни копѣйки. И этотъ дерзкій и безстыдный человѣкъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ требовалъ съ казны сотни тысячъ и до того имѣлъ въ немъ успѣхи по дѣламъ своимъ, что по просьбамъ его разсматривались они въ особой коммиссіи, для того учрежденной и вытребовывались изъ Бессарабскаго совѣта: однимъ словомъ, въ угожденіе ему сотворили лишнюю инстанцію. Главнымъ его поборникомъ и защитникомъ былъ *. . . ., которому взаймы давалъ онъ большія деньги и потомъ проигрывалъ ему ихъ на биліардѣ. Чѣмъ и когда кончилось дѣло его о претензіяхъ на казну за Болгаръ, я не вѣдаю; кажется, ему бы и начинаться не слѣдовало.

Изъ Болграда учреждена нынѣ прямая, укороченная дорога въ Кишиневъ, черезъ бывшую степь и разныя колоніи; тогда еще не было на ней ни почтовыхъ лошадей, ни станцій. Жаль мнѣ, что не удалось взглянуть на житье изъ центра Европы, изъ просвѣщенной Германіи переселившихся сюда Баварцевъ и Виртембергцевъ и сравнить его съ бытомъ варваровъ-Болгаровъ; всѣ мнѣ сказывали, что сіе сравненіе было бы утѣшительно для Славянскаго сердца: ибо даже въ опрятности и въ наружномъ порядкѣ послѣдніе превзошли Нѣмцевъ. Теперь путешественникъ можетъ, проѣхавъ Малый Ярославецъ и Тарутино, побывать тутъ въ Кульмѣ и Лейпцигѣ, посѣтить Бріеннъ, Арсисъ, Феръ-Шампенуазъ и, наконецъ, самый Парижъ: сими именами, напоминающими славу нашего оружія въ послѣднюю войну съ Наполеономъ, названы по окончаніи сей войны возникшія тутъ колоніи. Земли было еще вдоволь! Наконецъ, вздумали мы селить тутъ Русскихъ. Началась о томъ переписка, и къ концу слѣдующаго года должны мы были ожидать прибытія двадцати тысячъ семействъ казенныхъ безземельныхъ крестьянъ изъ Калужской и Курской губерній. Заботы объ ихъ принятіи и устройствѣ возложены были на казенную эспедицію, и для этого дѣла Петрулинъ оставилъ мнѣ драгоцѣннаго человѣка, совѣтника Романа Степановича Жилло. Онъ въ это время разъѣзжалъ по полямъ, выбиралъ мѣста и все приготовлялъ для принятія дорогихъ гостей. Въ этомъ пріятномъ для меня, хотя довольно трудномъ, дѣлѣ участвовалъ я только первоначально, но не удалось видѣть пріѣзда сихъ земляковъ и водворенія ихъ.

Библиотека "Руниверс"

И такъ я долженъ былъ, слѣдуя почтовому тракту, поворотить на лѣво и приблизиться къ Пруту. Сія рѣка похожа на иныхъ недостаточныхъ людей, которые гоняются за богачами. И она, подражая Дунаю, въ который впадаетъ, изливаетъ воды свои въ сторону и образуетъ заливъ, но это только на малое время и въ маломъ видѣ. Сіе случается тогда только, когда она надувается снѣгами, растаявшими на вершинѣ Карпатскихъ горъ, изъ коихъ она вытекаетъ. Обыкновенно бываетъ сіе въ концѣ Апрѣля, но въ этомъ году отъ запоздалой зимы все запоздало. Отъ того на семъ пути долженъ былъ я встрѣтить много препятствій, а въ иныхъ мѣстахъ и опасности. Даже самый воздухъ немного охолодѣлъ по берегу разлившагося Прута.

Два мѣста, нѣсколько замѣчательнѣе другихъ, видѣлъ я на семъ берегу: Формозу и Леово. Названія сихъ мѣстъ гораздо пріятнѣе для слуха, чѣмъ видъ ихъ для глазъ. Въ Леовѣ были карантинная и таможенныя заставы, и я недолго долженъ былъ въ немъ остановиться. Послѣ того нѣсколько времени былъ онъ и цынутнымъ городомъ.

Сдѣлался вдругъ несносный жаръ, когда отъ Прута поворотилъ я къ областному городу, такъ что если не ночевать, то по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ отдохнуть принужденъ я былъ въ мѣстечкѣ Гура-Гальбинѣ. Сіе богатое имѣніе принадлежало бѣшеному Балышу, и отсюда-то направлялъ онъ неистовые набѣги на Болгаръ. Гористое положеніе Гура Сарацики *), послѣдней станціи, гдѣ перемѣнилъ я лошадей, меня поразило вѣроятно отъ того, что нѣсколько времени провелъ я въ степи. Наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ трехнедѣльнаго отсутствія, 30 Маія воротился я въ Кишеневъ.

Ни о Тимковскомъ, ни о другихъ какихъ перемѣнахъ ни малѣйшаго слуха не было, и мой Катакази спокойно царствовалъ. Меня удивила холодность его пріема; я никакъ не могъ постигнуть причины такой внезапной перемѣны. «Чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи, любезный мой», старинная пѣсня, которую готовъ я былъ запѣть ему. Сердиться на него я никакъ не могъ: онъ былъ мнѣ смѣшонъ и жалокъ, почти наканунѣ того дня, когда, ничего не вѣдая, безъ всякой вины долженъ былъ онъ лишиться мѣста. Дѣло потомъ скоро объяснилось.

Находясь въ Новоселицахъ, на Австрійской границѣ, узналъ я тамъ управляющаго таможней, коллежскаго совѣтника Рѣдькина и упомянулъ объ немъ въ сихъ Запискахъ, но ничего не сказалъ о почтенной и пріятной молодой еще женѣ его и о милыхъ его дѣтяхъ. Семейство сіе гораздо болѣе мнѣ полюбилось, чѣмъ глава его. Не совсѣмъ

*) Гура по-молдавски значитъ устье рѣки или рѣчки.

Библиотека "Руниверс"

по доброй волѣ оставилъ онъ потомъ должность свою и поселился въ Кишиневѣ. Онъ былъ довольно богатъ и тароватъ, любилъ угащивать у себя и мнѣ много помогалъ составлять и поддерживать наше Русское общество. Какъ же послѣ того отказать мнѣ ему было въ мѣстѣ совѣтника казенной экспедиціи, о которомъ онъ просилъ? Не знаю, ошибаюсь ли я, но всегда полагалъ, что человѣкъ, обогатившійся на службѣ, менѣе склоненъ къ воровству, чѣмъ тотъ, кому предлежитъ еще наживаться. Къ тому же подъ моимъ надзоромъ и надзоромъ другихъ честныхъ и смышленныхъ совѣтниковъ большой поживы ему быть не могло, что̀, можетъ быть, не совсѣмъ ему было пріятно.

Въ Апрѣлѣ, послѣ Святой, сталъ онъ проситься въ отпускъ по дѣламъ своимъ въ Хотинской цынутъ; я согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ непремѣнно воротился къ 1 Маія. По прежнимъ моимъ понятіямъ мнѣ казалось какъ-то неловко, хотя на время, оставить вице-губернаторское мѣсто титулярному совѣтнику, а выше сего чина, кромѣ его, не имѣлъ ни одинъ изъ совѣтниковъ. Онъ немного просрочилъ, я подосадовалъ, и когда онъ пожелалъ узнать причину нетерпѣнія моего, я не затруднился открыть ему оную, не какъ человѣку, мнѣ преданному, но черезъ меня получившему мѣсто и отъ меня зависящему; однакоже потребовалъ отъ него тайны и не назвалъ Тимковскаго. Во время моего отсутствія по дѣламъ сблизился онъ съ губернаторомъ: видя, что онъ получилъ аренду, узнавъ отъ него, что ему еще обѣщаны звѣзда и чинъ, заключилъ изъ того, что онъ пользуется великимъ кредитомъ у графа. Мѣсто вице-губернаторское ему полюбилось, онъ надѣялся извлечь изъ него большія для себя выгоды и называлъ меня (какъ узналъ я послѣ) собакой, лежащей на сѣнѣ безо всякой пользы для себя и для другихъ. Онъ составилъ себѣ планъ: ему хотѣлось поссорить меня съ Катакази, а потомъ съ его помощію и покровительствомъ ссадить меня и засѣсть на моемъ мѣстѣ. Какъ интриганты иногда бываютъ глупы и недальновидны! О губернаторствѣ онъ ему что-то совралъ, и хотя Катакази не совсѣмъ повѣрилъ ему, однакоже нашелъ, что кромѣ меня некому искать его мѣста. Тогда зачѣмъ бы мнѣ было почти на мѣсяцъ удаляться въ пустыню? Но поди же, у такихъ людей спрашивай толку!

Говоря о семъ совѣтникѣ казенной экспедиціи, не забыть бы мнѣ сказать что нибудь о ея новомъ составѣ. Покойнымъ Петрулинымъ представленъ былъ увеличенный ея штатъ, а при мнѣ былъ утвержденъ. Изъ трехъ совѣтниковъ, которыхъ оставилъ онъ мнѣ, одинъ, Кармазинъ, по старости лѣтъ, вышелъ въ отставку съ пенсіей; на другомъ—Билимѣ, возлежали всѣ трудности дѣлопроизводства; третій—Жилло, исключительно занимался частію по переселенію изъ Россіи крестьянъ.

Библиотека "Руниверс"

Старшимъ совѣтникомъ при мнѣ почитался лѣсничій Паравичини, прозванный мною лѣшимъ; но онъ никогда не присутствовалъ. Потомъ былъ Рѣдькинъ, потомъ областный казначей Бутковъ, съ которымъ познакомился я въ Аккерманѣ и который вскорѣ послѣ того опредѣленъ въ должность. Наконецъ, самимъ графомъ былъ избранъ въ Одессѣ и назначенъ областнымъ контролеромъ Александръ Ѳедоровичъ Фурманъ, родной братъ Романа Ѳедоровича, бывшаго послѣ въ родѣ министра финансовъ Царства Польскаго. Сей контролеръ женатъ былъ въ Одессѣ на одной дѣвицѣ Колонтаевой, отмѣнно миловидной и привлекательной, дàромъ что кривая. Изъ Русскихъ домовъ въ Кишиневѣ ихъ домъ почитался самымъ веселымъ и пріятнымъ.

Не довольствуясь тѣмъ, что косится на меня, Катакази сталъ уже придираться ко мнѣ. Письменно объявилъ онъ, что выдачу мнѣ денегъ на путевыя издержки почитаетъ незаконною, тѣмъ болѣе, что не спросясь его сдѣлалъ я поѣздку. Я не отвѣчалъ ему, а представилъ Совѣту, вопервыхъ, что въ Русскихъ губерніяхъ вице-губернаторы совершенно независимы отъ губернаторовъ, да и въ Бессарабскомъ образованіи о какой-либо подчиненности ихъ ни слова не упомянуто; вовторыхъ, что объяснилъ г. Катакази причину моихъ разъѣздовъ, вслѣдствіе чего онъ самъ велѣлъ мнѣ выдать казенную безпошлинную подорожную. Безо всякихъ затрудненій Совѣтъ утвердилъ и разрѣшилъ сію выдачу.

Другимъ образомъ нашелъ онъ средство наказать меня безвинно. И ему самому захотѣлось отдохнуть и подышать свободою. Подъ предлогомъ обозрѣнія области, отправился онъ въ мѣстечко Вадулуй-Воды, верстахъ въ сорока отъ Кишинева. Тамъ открылся или, лучше сказать, вымышленъ минеральный ключъ, и были люди, которые ѣздили туда лѣчиться безо всякой пользы. Но мѣстоположеніе было красивое, настроились домики, и многіе посѣщали Вадулуй-Воды для пріятнаго провожденія времени. Такимъ образомъ злодѣй засадилъ меня и почти весь Іюнь продержалъ на губернаторствѣ.

Но это вторичное управленіе мое не было столь отяготительно для меня. Я уже не рвался исправлять опущенія по областному правительству; въ первый разъ имѣлъ я право думать, что работаю на себя, а тутъ смотрѣлъ я почти равнодушно на медленное теченіе дѣлъ. Одно происшествіе, и то на однѣ только сутки, въ это время нарушило мое спокойствіе. Линейныя войска выступили въ лагерь, и острогъ порученъ былъ слабому храненію внутренней стражи. Пользуясь этимъ, содержащіеся въ немъ арестанты задумали бѣжать изъ него, выломали даже вороты; но одинъ неустрашимый барабанщикъ, не смотря на усилія ихъ душить его, не переставалъ бить тревогу; караулъ сбѣжался, но человѣкъ десять успѣли уже выскочить и убѣжать въ близъ-лежа-

Библиотека "Руниверс"

щее поле. Казаки погнались за ними, всѣхъ переловили, но человѣкъ трехъ перераниили. Все это, разумѣется, въ городѣ надѣлало большую тревогу.

По возвращеніи Катакази, получилъ онъ, наконецъ, давно ожидаемую Владимирскую звѣзду, но уже въ половинѣ Іюля. Онъ чрезвычайно возгордился, особенно со мной. Мнѣ это ужасно наскучило, и я искалъ случая всепокорнѣйше съ нимъ объясниться. Тутъ только могъ я догадаться объ измѣнѣ Рѣдькина, и оправдать себя мнѣ не трудно было, но захотѣлось наказать Катакази, сбавить съ него спѣси, и я высказалъ всю ему правду о Тимковскомъ. Онъ остолбенѣлъ отъ удивленія, но вскорѣ началъ улыбаться, какъ бы принимая сіе за выдумку мою. Не вижу, почему графу хотѣлось изъ этого дѣлать государственную тайну; но дотолѣ я хранилъ ее. Къ счастію, дни черезъ два или три губернаторъ получилъ, кажется, отъ намѣстника письмо, коего содержанія я не знаю, но, вѣроятно приготовляющее его къ перенесенію удара: ибо вдругъ упалъ онъ духомъ и смотрѣлъ на меня съ нѣжною грустію.

Между тѣмъ вотъ что происходило въ Петербургѣ. Графъ продолжалъ страдать глазами, продолжалъ лѣчиться, что и удержало его до самаго возвращенія Государя изъ Варшавы. Онъ имѣлъ у него еще докладъ, въ коемъ испросилъ награду Катакази и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ о необходимости удалить его, не потому, чтобы онъ былъ неспособенъ, а потому, что Грекъ, зять Ипсиланти и возбуждаетъ подозрѣніе Турецкаго правительства, съ которымъ, не смотря ни на что, усиливались мы ладить. Не дождавшись окончанія дѣла о его сенаторствѣ, графъ оставилъ Петербургъ и, проживъ недѣли двѣ въ Бѣлой Церкви, къ концу Іюля воротился въ Одессу.

Мнѣ необходимо было имѣть съ нимъ окончательное объясненіе, и для того, испросивъ у него отпускъ на недѣлю, 5 Августа отправился я на послѣднее, какъ я думалъ, съ нимъ свиданіе.

Для меня наступило время безпрестанныхъ неожиданностей, которыя должны были окончиться самою прискорбнѣйшею.

Первое, о чемъ узналъ я по пріѣздѣ въ Одессу, было намѣреніе графа отправиться осенью на цѣлый годъ въ Лондонъ къ отцу, на что и Государь изъявилъ уже свое согласіе. Вмѣсто его управлять Новороссійскими губерніями долженъ былъ другъ его, начальникъ Черноморскаго флота, вице-адмиралъ Грейгъ.

Черезъ нѣсколько дней, наканунѣ выѣзда моего, получено изъ Петербурга извѣстіе, что по совершенно разстроенному здоровью императрицы Елисаветы Алексѣевны должна она провести зиму въ полуденномъ краю Россіи, что мѣстопребываніемъ ея избранъ Таганрогъ,

Библиотека "Руниверс"

и что самъ Государь будетъ сопровождать ее. Сіе извѣстіе заставило графа внезапно перемѣнить свой планъ и поѣздку въ Англію отложить до весны.

Я показалъ нѣкоторую твердость въ разговорѣ съ своимъ начальникомъ, котораго, казалось, онъ избѣгалъ и до котораго съ трудомъ я могъ добиться, хотя всякой день ѣздилъ къ нему обѣдать на хуторъ Рено́. Я рѣшительно просилъ его избавить меня отъ сослуженія съ Тимковскимъ, прибавляя, что причинъ столь сильнаго желанія я объявить еще не могу, но что опытъ скоро покажетъ всю справедливость его; наконецъ, что не только съ Катакази, со всякимъ другимъ вновь опредѣленнымъ губернаторомъ на нѣкоторое время готовъ бы я былъ остаться. Подумавъ немного, сказалъ онъ мнѣ: «Кажется, есть средство исполнить ваше желаніе. Какъ ни упрямился министръ финансовъ Канкринъ, но я поставилъ на своемъ, и онъ согласился Таврическаго вице-губернатора Куруту перевести въ другую губернію; коль скоро сіе послѣдуетъ, то вы можете на сіе мѣсто поступить». Я поклонился и поблагодарилъ. Помолчавъ съ минуту, опять сказалъ онъ: «Только я васъ предупреждаю, тамъ губернаторъ родственникъ мой Нарышкинъ, человѣкъ еще молодой и дѣятельный, и его не скоро можно выжить». На это я отвѣчалъ: «Я попросилъ бы ваше сіятельство сказать мнѣ, противъ кого дѣйствовалъ я тайнымъ образомъ, чьего мѣста искалъ я. Смерть любимаго и уважаемаго мною Петрулина открыла мнѣ его мѣсто, которое, какъ вы знаете, я неохотно принялъ. Что же касается до Катакази, то съ самаго пріѣзда нашего сюда мнѣ извѣстно было ваше намѣреніе не оставлять его на губернаторствѣ. И не я съ нимъ, а онъ со мной искалъ иногда ссоры». Не понимаю откуда взялась въ головѣ его мысль о мнимомъ моемъ властолюбіи; онъ полагалъ, что въ губерніи не иначе какъ первымъ мѣстомъ могу я удовольствоваться. Въ Бессарабіи, такъ: съ самаго пріѣзда моего туда, прежде чѣмъ назначенъ вице-губернаторомъ, былъ уже я полугубернаторомъ, многое при мнѣ начато; хотѣлось бы видѣть оконченнымъ и, управляя областію, сіе легче бы для меня было.

Итакъ дѣло рѣшено: я долженъ поселиться въ Крыму и занять тамъ мѣсто привольное, довольно спокойное. Чего же мнѣ лучше? Но дѣло о томъ могло нѣсколько времени продлиться, а мнѣ хотѣлось, если возможно, и не встрѣчаться съ Тимковскимъ; для того сталъ я проситься въ отпускъ на четыре мѣсяца и намѣренъ былъ съѣздить домой въ Пензу и повидаться съ матерью. Графъ сказалъ мнѣ, что безъ Комитета Министровъ сего сдѣлать нельзя, и я подалъ ему формальную о томъ просьбу.

Библиотека "Руниверс"

Моего возвращенія съ нетерпѣніемъ дожидался Катакази, чтобы сдать мнѣ должность. Ему также хотѣлось съѣздить на поклоненіе въ Одессу. Не знаю, какіе были у нихъ тамъ переговоры; но черезъ недѣлю воротился онъ, казалось мнѣ, пободрѣе.

Вотъ прошелъ и Августъ, наступилъ Сентябрь. Мы знали, что намѣстникъ поскакалъ въ Таганрогъ, дабы все приготовить для принятія Царя и Царицы; изъ газетъ, приходившихъ къ намъ изъ Петербурга по экстра-почтѣ въ восемь дней, узнали мы, что и Государь 1 Сентября предпринялъ свой предпослѣдній путь; а объ дѣлѣ Тимковско-Катаказіевскомъ еще никакого извѣстія не было. Да ужъ не раздумалъ ли онъ? пришло мнѣ на мысль. Ни мало. Государь передалъ сіе дѣло Комитету Министровъ, гдѣ Аракчеевъ нашелъ безпримѣрнымъ чтобы одному человѣку въ четыре мѣсяца дано было четыре награды: аренда, орденъ, чинъ и важное мѣсто. О семъ сообщено было графу, который отвѣчалъ: *ну хоть просто отставить*. При свиданіи съ Катакази вѣроятно увѣрилъ онъ его, что сенаторство отъ него не уйдетъ. Онъ и понынѣ еще дожидается! И вотъ причина всѣхъ промедленій.

Когда въ послѣдній разъ праздновали мы день коронаціи императора Александра, 15 Сентября, и среди поля называемаго площадью горѣло нѣсколько плошекъ, играла полковая музыка и гуляющіе толпились вокругъ, захотѣлось и мнѣ на это взглянуть. Ночь была безподобная, теплая, тихая, небо было усѣяно звѣздами, а я чувствовалъ непонятную для меня тоску и съ особою нѣжностію думалъ о виновникѣ торжества въ этотъ день. Вдругъ мнѣ встрѣтился одинъ человѣкъ, который съ коварною улыбкою возвѣстилъ мнѣ, что въ газетахъ сейчасъ полученныхъ напечатанъ указъ отъ 26 Августа объ увольненіи Катакази и о назначеніи на его мѣсто Тимковскаго. И этотъ человѣкъ былъ Рѣдькинъ. «Для васъ это не должно быть новостью, сказалъ я ему: еще въ Маіѣ знали вы, что Катакази не оставаться, да и онъ отъ кого-то узналъ о томъ». И потомъ поворотился къ нему спиной.

Другимъ указомъ отъ того же числа за Высочайшимъ подписаніемъ намѣстникъ графъ Воронцовъ уволенъ въ отпускъ на годъ за границу, а должность его поручена Грейгу.

И до полученія указа изъ Сената могъ бы Катакази, еслибъ захотѣлъ, сдать мнѣ должность; но онъ былъ такъ добръ, что сего не сдѣлалъ. Въ это время между тѣмъ произошла большая путаница: вслѣдствіе Высочайшаго указа выше помянутаго всѣ бумаги изъ министерствъ и Сената посылаемы были въ Николаевъ къ Грейгу, а отъ него отправляемы были въ Таганрогъ къ графу, который, пересмотрѣвъ ихъ, пересылалъ для исполненія въ Одессу, гдѣ оставался Казначеевъ. Между Таганрогомъ и Одессой разстояніе было болѣе шестисотъ верстъ,

Библиотека "Руниверс"

слѣдственно сколько времени потребно было на всѣ эти разсылки, такъ что указъ объ увольненіи губернатора отъ службы полученъ былъ только въ первыхъ числахъ Октября.

Къ удивленію и къ удовольствію моему онъ и тутъ не хотѣлъ оставить должности, хотя требовали того не только узаконенія, но и приличіе и здравый смыслъ. Въ случаѣ взысканія, не я бы отвѣчалъ за то. Но вскорѣ сіе должно было меня крайне оскорбить: Катакази всѣмъ объявлялъ, что при послѣднемъ съ нимъ свиданіи графъ убѣдительно просилъ его не покидать должности до прибытія Тимковскаго, давая тѣмъ чувствовать, что сіе сдѣлано было вслѣдствіе недовѣрчивости ко мнѣ.

Весь этотъ мрачный Октябрь прошелъ для меня самымъ непріятнымъ образомъ. Разогорченный своею отставкою и возгордившійся будущимъ сенаторствомъ своимъ, Катакази какъ бѣлены объѣлся: никакъ не можно было съ нимъ сладить. Я тоже почти безпрестанно былъ въ раздражительномъ состояніи, и отъ того въ Совѣтѣ наши встрѣчи не совсѣмъ были миролюбивы. Отъ него слышалъ я пререканія и съ своей стороны, виноватъ, позволялъ себѣ иногда колкости. Два человѣка, изъ коихъ одинъ оставилъ службу, а другой готовъ былъ оставить мѣсто, могли бы, кажется, на малое время пробыть безъ ссоры.

Въ этомъ Октябрѣ случилось у насъ одно ужасное происшествіе. Рекомендованный мною, областный архитекторъ Г . . . , котораго, если припомнятъ, встрѣтилъ я въ Хотинѣ въ домѣ Лидерсовъ, оказался на опытѣ весьма плохимъ художникомъ; я желалъ замѣнить его другимъ и даже просилъ о томъ графа, при отъѣздѣ его въ Петербургъ. Вдругъ отъ слугъ его поданъ тайный доносъ *исправляющему* должность губернатора Катакази о томъ, что Г . . . , вдовый, имѣетъ связи съ семнадцатилѣтнею, соблазненною имъ дочерью своею, что одинъ уже младенецъ, ею рожденный и лишенный жизни, похороненъ въ Хотинѣ и что такая же участь ожидаетъ другаго готоваго явиться въ свѣтъ. По сдѣланнымъ въ тайнѣ распоряженіямъ полиція вступила въ его квартиру въ самую рѣшительную минуту, доказательства его злодѣянія были явны; но несчастная дѣвица отъ испуга въ одинъ мигъ умерла. Почитая виновнаго моимъ избраннымъ, любимымъ, Катакази сему дѣлу старался дать всевозможную гласность, съ намѣреніемъ очернить меня и въ глазахъ начальства. Въ день похоронъ, когда преступный отецъ вышелъ, чтобы идти за гробомъ своей жертвы, собравшіяся передъ домомъ, а можетъ быть и собранныя кучи народа стали бросать въ него каменьями, и онъ долженъ былъ скрыться. Первый разъ въ Кишиневѣ страдалъ я сильною лихорадкою, когда сіе случилось, и хотя этого человѣка давно уже и не видѣлъ я, не менѣе того

Библиотека "Руниверс"

былъ чрезвычайно тѣмъ встревоженъ. Слѣдствіе, судъ, наказаніе, ссылка, все это происходило послѣ меня.

Молдаване не мѣнялись со мною: давно уже жилъ я съ нимъ въ мирѣ. Со стариками былъ я почтителенъ, ласковъ и вѣжливъ со всѣми другими и старался во всѣхъ случаяхъ показывать совершенное безпристрастіе. Толкуя между собою, они не могли понять, въ опалѣ ли я у начальника или по прежнему пользуюсь его благорасположеніемъ. Они видѣли, какъ щедро Катакази награжденъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удаленъ отъ службы. Дѣйствительно, трудно было разобрать, гдѣ гнѣвъ его сіятельства и гдѣ милость.

Дѣла вообще по управленію Новороссійскимъ краемъ посреди бывшей тогда суматохи шли не совсѣмъ исправно: все дѣлалось на бѣгу, на лету. Въ Таганрогѣ графъ подалъ Государю несчастную мысль прогуляться по Крыму и сопровождалъ его въ семъ путешествіи. Лучи осенняго солнца, потерявъ свою поразительную силу, гораздо лучше, если можно сказать, искуснѣе освѣщаютъ прекрасную картину южнаго берега; природа тамъ послѣ лѣтняго зноя, какъ бы отдыхая, улыбается всѣмъ. Это плѣнило Государя; прояснилось задумчивое чело его. Онъ избралъ надъ моремъ большой участокъ земли, велѣлъ купить его и въ тоже время случившемуся тутъ архитектору Англичанину Эльсону велѣлъ наскоро начертить планъ не весьма обширнаго царскаго на этомъ мѣстѣ жилища. Разсматривая планъ и довольный исполненіемъ, при многихъ, говорятъ, вымолвилъ онъ: «ну вотъ тутъ-то домкомъ заживемъ мы съ Елисаветой Алексѣевной». Неужели возымѣлъ онъ намѣреніе тутъ поселиться? Выѣзжая изъ Крымскаго полуострова, графъ разстался съ Государемъ и въ концѣ Октября воротился въ Одессу, гдѣ очень пристально принялся за дѣла.

Письменныя жалобы бывшаго губернатора на какія-то мнимыя дерзости мои возбудили его вниманіе, удивили его. Какъ, онъ еще тутъ! Въ тоже время Казначеевъ показалъ ему письмо мое, въ коемъ, убѣдительно упрашивая о скорѣйшемъ доставленіи мнѣ отпуска, изображаю я всю непріятность ложнаго положенія, въ которое поставленъ я управленіемъ неслужащаго человѣка. Тотъ же часъ графъ написалъ къ Катакази частное письмо, о содержаніи коего сообщилъ мнѣ Казначеевъ. Въ немъ было написано, что вѣроятно г. Катакази нехорошо понялъ то, что̀ ему сказано было, что на словахъ не поручается губернаторская должность и что на сей предметъ существуетъ законный порядокъ. Надобно же было дождаться этому человѣку, чтобы ему сказали: пошелъ вонъ!

И такъ 2-го Ноября, въ третій или въ четвертый разъ на одномъ году, вступилъ я въ исправленіе губернаторской должности. Это было

Библиотека "Руниверс"

и въ послѣдній, но столько же мучительныхъ заботъ ожидало меня какъ и въ первый. По крайней мѣрѣ своенравная природа въ этомъ Ноябрѣ ясной погодой захотѣла вознаградить насъ за угрюмость, постоянно оказанную ею Бессарабскимъ жителямъ въ предъидущемъ мѣсяцѣ. Никакихъ непріятныхъ происшествій съ начала, слава Богу, тоже не было, и я сколько нибудь ожилъ духомъ.

III.

Находя, что наемъ дому Крупенскаго лишняя трата для казны, намѣстникъ не велѣлъ возобновлять контракта. Нѣтъ худа безъ добра: я лишился квартиры, за то разъѣхался съ Авдотьей Ивановной и ея почтеннымъ супругомъ. Еще лѣтомъ по близости на вспольѣ, нанялъ я, вмѣсто дачки, небольшой, чистенькій домъ съ садикомъ, что̀ представляло мнѣ большія удобства для моихъ полевыхъ прогулокъ. Осенью и къ зимѣ сталъ онъ мнѣ казаться тѣсенъ и былъ холодноватъ, но какъ я почиталъ себя на отлетѣ, то и продолжалъ въ немъ жить.

Памятенъ для меня въ немъ день Субботній, 28 Ноября. Я проснулся и всталъ до восхожденія солнца; когда оно поднялось, сдѣлалось довольно тепло, чтобы я дерзнулъ въ одномъ халатѣ выйдти въ палисадникъ передъ моими окнами. Цвѣли еще два-три левкоя, и я срѣзалъ ихъ, дабы когда нибудь на Сѣверѣ, какъ диво, показать сіи Декабрскіе цвѣты. Потомъ принесли бумаги, принесли почту, и я принялся за работу. Дѣла много было въ это утро, и едва въ часъ по полудни могъ я окончить свой трудъ.

Въ послѣднемъ мною распечатанномъ пакетѣ находилось письмо Казначеева, отъ котораго пришелъ я въ восхищеніе. Онъ обстоятельно увѣдомлялъ меня объ особенно милостивомъ, почти дружественномъ обхожденіи Царя съ нашимъ начальникомъ и о возросшемъ вдругъ кредитѣ послѣдняго. Какихъ счастливыхъ отъ того послѣдствій, писалъ онъ, не можемъ ожидать для себя мы, его приближенные! Онъ прибавилъ, что хотя Государь не совсѣмъ далъ слово, но вѣроятно, если здоровье Императрицы дозволитъ ему отлучиться, то къ Рождеству пріѣдетъ онъ въ Одессу и побываетъ въ Бессарабіи. «Смотрите, говорилъ онъ, не ударьтесь лицомъ въ грязь; особенно совѣтую вамъ содержать дороги въ лучшей исправности». Письмо это было отъ 18 Ноября и слѣдственно, вѣрно, залежалось гдѣ нибудь, въ канцеляріи или на почтѣ.

Голова моя загорѣлась, я не могъ усидѣть спокойно и быстрыми шагами бросился разгуливать по полю. Не было ни холодно, ни жарко; послѣ продолжительныхъ осеннихъ дождей, земля, около мѣсяца согрѣваемая солнцемъ, произвела новую, густую, довольно высокую тра-

Библиотека "Руниверс"

ву, весь лугъ зеленѣлся; не было ни вѣтра, ни облака на небѣ. Безъ всякой цѣли, очарованный три часа не бродилъ я, а бѣгалъ по полю. Я совсѣмъ и забылъ, что дѣйствія графа не разъ уже показывали необъясненную на меня досаду его; забылъ, что Тимковскій со дня на день можетъ пріѣхать: я бредилъ только счастіемъ увидѣть въ близи Александра, можетъ быть говорить съ нимъ. Къ четыремъ часамъ воротился я обѣдать; утомленный и утренними занятіями, и сильными послѣ того ощущеніями, скоро я заснулъ и проснулся когда уже смерклось.

Вечеромъ я не велѣлъ безъ нужды никого къ себѣ пускать, развалился на диванѣ и предался пріятнѣйшимъ мечтаніямъ. Вдругъ послышался мнѣ въ передней небольшой шумъ, и мнѣ пришли сказать, что пріѣхавшій изъ Одессы Липранди непремѣнно желаетъ меня видѣть. О, этого подавай сюда, и ну его разспрашивать! Онъ неохотно отвѣчалъ; лице его, всегда довольно мрачное, показалось мнѣ еще мрачнѣе. Послѣ минутнаго молчанія, вотъ короткія слова, которыми обмѣнялись мы: Я привезъ вамъ худыя вѣсти.—Что такое?—Государь опасно боленъ.—Быть не можетъ! И вотъ потомъ нѣкоторыя подробности, которыя услышалъ я отъ него. Болѣзнь, которую почувствовалъ Государь дорогой изъ Крыма, старались въ Таганрогѣ скрывать отъ всѣхъ. Даже градоначальникъ Таганрогскій, генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Дунаевъ, человѣкъ преданный графу и имъ посаженный на семъ мѣстѣ, объ ней ничего не смѣлъ писать къ нему; наконецъ, когда опасность сдѣлалась почти гласною, рѣшился онъ съ нарочнымъ увѣдомить его о томъ. Только 20 числа получено сіе увѣдомленіе, и въ тотъ же вечеръ, неизвѣстно какъ, слухъ разнесся о томъ по городу. Свита намѣстника, 21 рано поутру, съ любопытствомъ и страхомъ собралась передъ его кабинетомъ; но онъ не показался ей, а явился Казначеевъ съ объявленіемъ, что онъ вышелъ другими дверьми и уѣхалъ въ Таганрогъ. Садясь въ коляску и прощаясь съ провожавшимъ его генераломъ Сабанѣевымъ, оба заливались слезами, по словамъ одного свидѣтеля. Послѣ того Липранди и съ нимъ Алексѣевъ шесть дней оставались въ Одессѣ въ ожиданіи вѣстей, но неизвѣстность и печальное молчаніе продолжались тамъ.

И такъ сѣверное сіяніе наше, которое разливало свѣтъ свой на полміра, тихо угасало, исчезало на берегу Азовскаго моря, и мы, ничего не подозрѣвали, ничего о томъ не вѣдали. Мнѣ все еще не вѣрилось: не съ большимъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ и во мнѣ вспылала лихорадка, подобная злой горячкѣ, и я въ четыре дни выздоровѣлъ. Сія мысль утѣшала меня, питала во мнѣ надежду; несчастіе, казалось,

Библиотека "Руниверс"

мнѣ слишкомъ велико, чтобы я почиталъ его возможнымъ. Укрѣпя себя упованіемъ, могъ я спокойно заснуть.

Въ одну ночь все перемѣнилось: 29-го небо покрылось мракомъ, воздухъ чрезвычайно охолодѣлъ и наполнился мелкимъ дождемъ. Между посѣтителями явился ко мнѣ и полиціймейстеръ Радичъ съ утреннимъ рапортомъ и печальнымъ видомъ. Когда всѣ вышли, онъ сказалъ мнѣ, что въ эту ночь воротился Катакази, который Богъ вѣсть зачѣмъ таскался въ Одессу и что сія птица худаго предвѣщанія возвѣстила о кончинѣ Государя. Я былъ пораженъ какъ бы чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Потомъ попросилъ я Радича побывать у г. Катакази и объяснить ему, что съ такими объявленіями торопиться нечего и, кажется, помолчать нетрудно; ну, а если не правда! Мнѣ хотѣлось, чтобы по крайней мѣрѣ не говорили о томъ. Въ продолженіи дня получилъ я другое письмо Казначеева отъ 26-го; слухи прошли, будто Государю лучше, и онъ, голубчикъ, спѣшилъ тѣмъ утѣшить меня. Я было началъ оживать, какъ вечеромъ опять заѣхалъ ко мнѣ Радичъ и сказалъ, что какая-то купчиха сейчасъ пріѣхала изъ Тирасполя, чтобы навѣстить замужнюю дочь, и о царской смерти разсказываетъ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ. Заѣдемте къ ней, сказалъ я Радичу. Ее также просилъ я не дѣлать ложныхъ разглашеній; она отвѣчала мнѣ: «Да помилуйте, батюшка, сегодня по утру самъ Иванъ Васильевичъ (Сабанѣевъ) передъ цѣлымъ фрунтомъ изволилъ разговаривать объ томъ».

На другой день всѣ узнали и всѣ молчали, по крайней мѣрѣ со мною. Не получивъ никакого оффиціальнаго извѣщенія, мнѣ и не слѣдовало говорить; а другіе, можетъ быть, щадили мою скорбь. Греки же и Филэллены не скрывали своей радости: они возлагали великія надежды на Константина Павловича, потому что онъ въ молодыхъ лѣтахъ говорилъ по-гречески, имѣлъ при себѣ Куруту и покровительствовалъ иногда единоземцовъ ихъ, находящихся въ Россіи. Сіи безсмысленные не знали, что никто такъ не вооружался противъ войны съ Турками *). Всѣ они толпились вокругъ вѣстника Катакази и сдѣлались такъ надменны, что встрѣчающимся не хотѣли кланяться.

Молдаване тоже не показывали большой печали и оставались довольно равнодушны; имъ было все равно: не тотъ, такъ другой. Какъ было понять имъ нашу горесть? Кого могли они боготворить на землѣ? Прикащиковъ ли, на семь лѣтъ надъ ними поставленныхъ для сбора

*) По дошедшимъ послѣ до меня свѣдѣніямъ изъ Константинополя, извѣстіе о смерти государя Александра поразило султана Махмуда. Смутившись, схватилъ онъ себя за бороду и сказалъ: буй-адамъ, добрый былъ человѣкъ. А наслѣдника его, котораго одно имя его устрашало, называлъ Асланомъ, то-есть разъяреннымъ львомъ.

Библиотека "Руниверс"

податей, или естественнаго врага ихъ вѣры, султана? Добрый царь для Русскихъ есть Божій даръ; и когда сей посланный небесъ отлетаетъ отъ нихъ, они повергаются въ отчаяніе. То, что̀ видѣлъ я въ младенчествѣ послѣ смерти Екатерины, тоже самое повторилось передо мною въ сорокалѣтнемъ возрастѣ. Изъ исторіи мы видимъ, что тоже самое было, когда Россія лишалась Александра Невскаго и добраго Ѳеодора Іоанновича. Въ такихъ случаяхъ, какія чувства оживлять будутъ нашихъ потомковъ, того не вѣдаю.

Сама судьба хотѣла послѣдніе дни Александра сдѣлать трогательными въ глазахъ нашихъ. Кто не зналъ, что добраго согласія между нимъ и добродѣтельной супругой его не было, что давно уже почтительный холодъ заступилъ мѣсто первоначальной супружеской нѣжности. Народъ любилъ ее и ропталъ. Вдругъ узнаютъ, что искреннѣйшая дружба, взаимная довѣрчивость вновь соединяютъ ихъ. Всѣ возрадовались. И когда она оживала сердцемъ, душою, тѣло ея, изнуренное, можетъ быть, тайными горестями, преждевременно начало приходить въ разрушеніе. Всѣ дворцы, всѣ блестящія жилища свои покидаетъ онъ, чтобы въ тихомъ уединеніи, въ скромномъ убѣжищѣ заботиться о сохраненіи ея жизни и... умираетъ въ ея объятіяхъ.

Такимъ изумительнымъ образомъ оканчивалось многолѣтнее царствованіе, въ продолженіе коего Россія испытывала превратности счастія. Ей грозила погибель, силы цѣлой Европы разразились надъ нею, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ туже самую Европу повелъ Александръ на великаго своего соперника. Магіей взгляда, ума и слова примиряя несогласныхъ, создалъ онъ союзъ, который по всей справедливости назвалъ Священнымъ и умирая оставилъ Россіи тотъ повелительно-миротворный характеръ, который, дай Богъ, чтобы она навсегда сохранила. Однимъ стихомъ вѣрно изобразилъ его поэтъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель.

И смѣло можемъ сказать, что подобнаго ему трудно сыскать въ исторіи. Какъ человѣкъ, имѣлъ онъ слабости, дѣлалъ большія ошибки; но сердце его всегда оставалось пучиной любви къ человѣчеству, а величіемъ души своей умѣлъ овъ постигнуть величіе Божіе и, сколько дозволено смертному, отражалъ его на землѣ.

И были люди въ новомъ краю, куда заведенъ я былъ случаемъ, которые удивлялись, а въ тайнѣ и смѣялись моей горести. И подлинно, если все относить лишь собственно къ самому себѣ, то потеря для меня была неважная. При этомъ государѣ какіе были у меня большіе успѣхи по службѣ? Почти все однѣ неудачи, и самое существованіе мое было ему вовсе неизвѣстно. Но, какъ сынъ отечества, оплакивалъ

Библиотека "Руниверс"

я, по тогдашнему мнѣнію моему, погибающее его величіе. Къ тому же лучшіе годы жизни моей проведя подъ симъ правленіемъ, мнѣ казалось, что съ нимъ вмѣстѣ оканчивается и нашъ вѣкъ, прошла и наша пора.

Если въ Кишиневѣ встрѣчалъ я немного сочувствія, за то извѣстія и письма изъ Одессы могли меня утѣшить. Обязанный ему своимъ существованіемъ и богатствомъ, городъ сей въ полномъ смыслѣ покрылся трауромъ. Особенно же женщины, коихъ онъ былъ кумиромъ, не осушали глазъ. Гораздо послѣ узналъ я, что тоже самое было и во всѣхъ другихъ Русскихъ городахъ.

Вся Россія находилась тогда въ странномъ положеніи. Обыкновенно преемникъ усопшаго императора манифестомъ возвѣщалъ намъ въ одно время о кончинѣ его и о своемъ воцареніи. Тутъ болѣе тысячи верстъ отдѣляло наслѣдника престола отъ столицы, и въ дали отъ нея, совсѣмъ въ другой сторонѣ послѣдовала кончина его предшественника. Сколько времени нужно было на разъѣзды, на сообщеніе извѣстій; сей промежутокъ времени имѣлъ видъ междуцарствія. Я ожидалъ свѣдѣній и приказаній изъ Таганрога, изъ Петербурга, изъ Варшавы. Наконецъ, 3 Декабря получилъ я первую формальную бумагу съ черной каймой, подписанную намѣстникомъ 25 Ноября, въ день пріѣзда его въ Таганрогъ. Въ ней, извѣщая меня о несчастномъ событіи, онъ предписываетъ, чтобы во всѣхъ актахъ сохраняемо было имя покойнаго, *впредь до повельнія нынѣ царствующаго Государя Императора Константина Павловича.* Я подчеркнулъ точныя слова его предписанія.

По военному вѣдомству дѣло шло проворнѣе. Вслѣдствіе полученныхъ имъ приказаній, генералъ Желтухинъ 6 Декабря, въ Николинъ день, на широкомъ дворѣ митрополіи, послѣ обѣдни приводилъ къ присягѣ новому царю всѣхъ воиновъ, на лицо находящихся въ Кишиневѣ. Духовное начальство также не замедлило получить указъ изъ Святѣйшаго Синода, и архіепископъ Димитрій оффиціальнымъ отзывомъ пригласилъ меня на паннихиду 12 Декабря, въ самый день рожденія усопшаго. Однимъ словомъ, я пѣлъ еще за здравіе, когда духовенство и войско пѣли за упокой. Однакоже, вечеромъ того же числа прибылъ ко мнѣ сенатскій курьеръ съ указомъ изъ Сената, и весь этотъ вечеръ просидѣлъ я въ областномъ правленіи, дабы скорѣе привести указъ сей въ исполненіе. Надобно было присяжные листы перевести на Молдаванскій языкъ, печатные указы съ нарочнымъ разослать по цынутамъ и повѣстить всѣхъ гражданскихъ и отставныхъ чиновниковъ объ учиненіи присяги. На другой день, 13 Декабря, сіе совершено мною въ крестовой церкви архіерейскаго дома.

Библиотека "Руниверс"

По совершеніи сего священнаго обряда, казалось, намъ оставалось только спокойно ожидать распоряженій новаго правительства; но нѣтъ, почти мѣсяцъ прошелъ послѣ того, что̀ скончался Александръ, а Константинъ хранилъ молчаніе. Царствовалъ одинъ только густой мракъ неизвѣстности, подобный тому, который постоянно покрывалъ тогда наше полуденное небо. Въ потьмахъ всѣ предметы кажутся страшнѣе. И въ близи, и въ дали, казалось, грозитъ намъ опасность. Неизвѣстно откуда взялись слухи, что во второй арміи (изъ коей двѣ дивизіи занимали Бессарабію) готовъ вспыхнуть мятежъ. И дѣйствительно, и солдаты, и офицеры равно не любили цесаревича, почитая его жестокосердымъ, Руссоненавистникомъ. Сіи слухи имѣли по крайней мѣрѣ какое-нибудь основаніе, и вѣрноподданный, трусливый генералъ Желтухинъ придавалъ имъ вѣроятность, запершись и нигдѣ не показываясь. Но другіе, самые нелѣпѣйшіе слухи ходили на счетъ Петербурга. Увѣряли, будто Великій Князь Николай Павловичъ, пользуясь смертію одного брата и отсутствіемъ другаго, захотѣлъ возсѣсть на престолъ и былъ засаженъ въ крѣпость; будто у него сильная партія, и можетъ послѣдовать междоусобная война. Надобно было жить въ такомъ отдаленіи отъ истины, чтобы повѣрить такому вздору.

На мою бѣду еще въ Ноябрѣ въ Яссахъ вновь появилась чума, и надобно было заботиться опять усилить кордонъ по Пруту. На этотъ разъ былъ я нѣсколько успокоенъ прозорливвстію начальника казаковъ полковника Бегидова, славнаго и въ бояхъ. Въ тоже время разсказывали у насъ, будто Турецкое войско приблизилось къ Дунаю и въ случаѣ какихъ-либо у насъ неустройствъ готово перейти его. У страха глаза велики: намѣстникъ оставался въ Таганрогѣ, въ восьмистахъ верстахъ отъ насъ; правительство, гдѣ оно было? Въ случаѣ тревоги, откуда ожидать мнѣ было наставленій, скорой помощи? Смутное, тяжкое время было для меня. Къ счастію, оно не долго продолжалось. По вечерамъ собирались у меня два-три короткихъ человѣка; мы толковали и повторяли: что̀ съ нами будетъ!...

Экстра-почта въ восемь дней изъ Петербурга приходила къ намъ два раза въ недѣлю. По послѣдне-полученной почтѣ, 23-го Декабря къ вечеру, не было ни бумагъ, ни писемъ. Долго ли это будетъ? подумалъ я. На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, по окончаніи обычныхъ моихъ занятій, пришелъ ко мнѣ отъ архіепископа Димитрія секретарь консисторіи г. Монастырскій съ важными, по словамъ его, бумагами. Преосвященный получилъ ихъ наканунѣ по почтѣ и, сообщая ихъ мнѣ одному, просилъ о содержаніи ихъ никому не говорить. Тутъ были печатные листы, манифестъ покойнаго государя, отреченіе Константина Павловича и, наконецъ, манифестъ о восшествіи на пре-

Библиотека "Руниверс"

столъ императора Николая I-го. Симъ, казалось, развязывалась загадка; но во мнѣ, привыкшемъ сомнѣваться, умножилось недоумѣніе. Для объясненій поспѣшилъ я къ архіерею; онъ показалъ мнѣ коротенькое письмо директора почтоваго департамента тайнаго совѣтника Жулковскаго. Препровождая къ нему манифесты, онъ прибавлялъ только: «дай Богъ много лѣтъ здравствовать молодому нашему государю, тяжелъ былъ для него первый день его царствованія». Выходя отъ архіерея, я зашелъ къ ранней вечернѣ въ его домовую церковь, и какъ это былъ Сочельникъ, то слышалъ возношеніе имени еще Константина, царя Казанскаго, Астраханскаго и прочее, и провозглашеніе всего императорскаго титула его.

Тайна не могла долго укрыться; въ тотъ же вечеръ многіе стали подозрѣвать ее. Въ день Рождества маленькія комнаты мои наполнились множествомъ людей: всѣ приходили поздравить меня будто съ праздникомъ; но на всѣхъ почти лицахъ замѣтилъ я любопытство, которое не спѣшилъ удовлетворить. На другой день, 26-го числа, сдѣлалъ я нѣсколько посѣщеній, а возвратясь домой, нашелъ много бумагъ, полученныхъ съ почты. Ни въ одной особенной важности не было, исключая Петербургскихъ газетъ, въ которыхъ нашелъ я манифесты, читанные мною за два дня до того, и назначеніе множества генералъ-адъютантовъ. Въ прибавленіяхъ находилась подробная реляція о происшествіи 14-го Декабря.

Я еще былъ погруженъ въ размышленіе о семъ важномъ происшествіи, когда возвѣстили мнѣ другаго сенатскаго курьера, прибывшаго съ манифестомъ. Мнѣ хотѣлось было разспросить его; но онъ отправленъ былъ до 14-го, и также какъ первый курьеръ, прежде Кишинева, по восьми губернскимъ городамъ долженъ былъ развозить указы, отчего и послѣдовало промедленіе. Надобно было опять собирать областное правительство и на Святкахъ немного потрудиться. На другой день, 27 Декабря, всѣ гражданскіе и отставные чиновники были приведены мною къ присягѣ новому императору.

Симъ начиналось для меня царствованіе, въ продолженіе коего я имѣлъ много успѣховъ, а еще болѣе горя.

Наше Русское общество состояло по большей части изъ людей и женщинъ, совершенно чуждыхъ столицѣ, двору, высшимъ сословіямъ. Они не могли смотрѣть съ особенно живымъ участіемъ на происходившее въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Какъ добрые Русскіе, они искренно оплакивали смерть Александра, а потомъ сказали: не вѣкъ же горевать! Сдѣлались довольно равнодушны и немного напомнили мнѣ въ стихахъ Лагарпа, этого

. . . . . berger assis au pied d'un hêtre,
Sans songer que l'Asie allait changer de maître.

Библиотека "Руниверс"

На Святкахъ совсѣмъ отерли слезы и принялись за свои вечернія собранія. Гадали, пѣли подблюдныя пѣсни, затѣвали святочныя игры; когда фанты вынутся молодымъ, то заставляли ихъ плясать подъ фортепіано. Два старика, статскій совѣтникъ Угрюмовъ, назначенный на мое мѣсто членомъ въ Совѣтъ, и нѣкто Лановъ, членъ Инзовскаго комитета, старинные весельчаки, оживляли сіи забавы. И такъ, не совсѣмъ грустно встрѣтилъ я наступившій 1826 годъ.

Изъ Петербурга извѣстія, между тѣмъ, становились все успокойтельнѣе. Новый Императоръ, можно сказать, исшелъ изъ неизвѣстности: его знали только дворъ да гвардія, а не народъ, не государство, въ дѣлахъ коего дотолѣ не принималъ онъ ни малѣйшаго участія. Тѣмъ болѣе съ безпокойнымъ любопытствомъ смотрѣли на первыя дѣйствія его, тѣмъ болѣе съ радостію увидѣли, что они ознаменованы твердостію духа и осторожностію ума. Не менѣе того и въ поступкѣ Константина Павловича увидѣли трогательное самоотверженіе и за него готовы были его благодарить *).

Пока все еще оставался я одинъ, можно сказать, управляющимъ Бессарабіей: ибо начальникъ мой 29 Декабря, выпроводивъ изъ Таганрога тѣло покойнаго Государя, отправился въ Бѣлую Церковь къ женѣ и тещѣ. О Тимковскомъ не было ни слуху, ни духу: по назначеніи своемъ пятый мѣсяцъ безъ дѣла и безъ всякаго предлога проживалъ онъ въ столицѣ. Сей странный человѣкъ ничѣмъ не дорожилъ и никѣмъ не уважалъ. Можетъ быть, хотѣлось ему протрезвиться передъ выѣздомъ, дабы не совсѣмъ въ пьяномъ видѣ явиться на губернаторство, но, видно, въ этомъ никакъ не успѣвалъ.

Слышно было, что число заговорщиковъ противъ правительства было гораздо значительнѣе числа возмутителей, схваченныхъ въ день мятежа; слышно было, что ихъ отыскиваютъ по губерніямъ и подъ стражей отправляютъ въ Петербургъ. У насъ пока еще ничего подобнаго не было.

И въ самые лучшіе годы моей жизни иногда безъ всякой причины находилъ на меня сплинъ, что̀ въ переводѣ у насъ значитъ хандра. Свѣтъ становился мнѣ не милъ, и все казалось постылымъ. Такой недугъ напалъ на меня въ Воскресный день, 10 Генваря. Я не велѣлъ никого къ себѣ пускать и, только что смерклось, при слабомъ мерцаніи

*) Мнѣ сказывалъ послѣ Ланжеронъ, что, возвращаясь изъ Парижа (куда ѣздилъ на поклоненіе Карлу X) и находясь проѣздомъ въ Веймарѣ, узналъ онъ о великодушной борьбѣ двухъ братьевъ. Тогда къ Великой Княгинѣ, сестрѣ двухъ братьевъ, обратилъ онъ слѣдующій Французскій комплиментъ: „Фамилія вашего высочества такъ высоко поднялась въ общемъ мнѣніи, что члены ея какъ будто уже не восходятъ на престолы, а скорѣе спускаются на нихъ“.

Библиотека "Руниверс"

одной свѣчки, лежалъ одинъ съ черными думами: вдругъ письмо отъ Липранди. Онъ пишетъ, что, нѣсколько дней будучи нездоровъ, самъ не можетъ явиться и спрашиваетъ, не слыхалъ ли я чего объ ужасномъ происшествіи, бывшемъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви? На этомъ самомъ письмѣ написалъ я только сіи слова: «ничего не вѣдаю» и отослалъ къ нему назадъ. Разъ уже веселыя мысли мои разогналъ онъ недоброю вѣстію; тутъ мрачныя разсѣялъ онъ, возбудивъ опасенія на счетъ графа, который находился тогда въ Бѣлой Церкви.

Не прошло часу, какъ возвѣстили мнѣ полицеймейстера Радича и съ нимъ присланнаго отъ графа чиновника. Отказать имъ въ пріемѣ я не могъ, да и не захотѣлъ бы послѣ письма Липранди. Чиновникъ сей былъ девятнадцати или двадцатилѣтній юноша, Степанъ Васильевичъ Сафоновъ, только что въ Августѣ поступившій на службу въ канцелярію графа, бывшій при немъ въ Таганрогѣ и въ короткое время сдѣлавшійся его первымъ любимцемъ (въ послѣдствіи времени былъ онъ первымъ его министромъ). Онъ подалъ мнѣ двѣ незначительныя бумаги. «Неужели ничего болѣе?»—спросилъ я. «Да», отвѣчалъ онъ; «я проѣздомъ въ Кишиневѣ, имѣю секретное порученіе далѣе и только переночую у Якова Николаевича» (Радича). Все это было такъ странно, что крайне меня удивило. На счетъ происшествія сказалъ онъ, что графъ пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь послѣ онаго. Это было возмущеніе Черниговскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ бывшаго Семеновца, знакомаго мнѣ Сергѣя Муравьева. 2 Генваря происходило небольшое, но настоящее сраженіе; Муравьевъ и братъ его Матвѣй взяты въ плѣнъ, третій братъ убитъ, а нѣкоторые изъ офицеровъ разбѣжались неизвѣстно куда.

На другой день, 11-го числа, рано явились ко мнѣ опять Радичъ съ Сафоновымъ. Они совершили важный подвигъ: арестовали Липранди, опечатали его бумаги, не велѣли никого къ нему допускать, а мнѣ предоставили отправленіе его въ Петербургъ. «Такъ какъ все сдѣлано мимо меня, сказалъ я, такъ какъ по сему дѣлу не имѣю я ни строчки отъ намѣстника: то пусть г. полиціймейстеръ возметъ на себя и сей послѣдній трудъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, позволено будетъ его видѣть?» Радичъ отвѣчалъ: помилуйте, вамъ вездѣ открытъ входъ. Мнѣ хотѣлось освободить вчерашнее письмо, и я въ томъ успѣлъ. Липранди нашелъ я чрезвычайно упадшаго духомъ, и хотя онъ божился мнѣ, я почиталъ его виновнымъ. Послѣ съ удовольствіемъ узналъ, что я ошибся. На другой день Радичемъ былъ онъ отправленъ съ полицейскимъ офицеромъ.

Какая мысль была у графа устранить меня отъ этого дѣла? Неужели подозрѣвалъ онъ меня въ какомъ-либо соучастіи съ подозрѣ-

Библиотека "Руниверс"

ваемыми? Нѣтъ, этого не было; но онъ почиталъ меня большимъ пріятелемъ Липранди и зналъ всю Сербскую вражду Радича противъ него. Вообще, онъ не любилъ церемониться съ губернаторами и часто безъ ихъ вѣдома давалъ свои предписанія исправникамъ и городничимъ. Иные обижались этимъ; въ такомъ случаѣ, что̀ могло быть удобнѣе Катакази, и напрасно онъ удалилъ его. Вездѣ сперва его произволъ, а потомъ, пожалуй, и законъ, лишь бы онъ былъ согласенъ съ его видами.

Больно было мнѣ узнать отъ Сафонова, что вновь произведенный надворный совѣтникъ Никаноръ Лонгиновъ, о которомъ уже говорено, Высочайшимъ указомъ назначенъ исправляющимъ должность Таврическаго вице-губернатора на мѣсто Куруты, который переведенъ въ Орловскую губернію. Послѣ того, что̀ оставалось мнѣ дѣлать, если не распроститься навсегда съ Новороссійскимъ краемъ? Завѣса, покрывавшая недостатки человѣка, которому предался я душой, вдругъ начала спадать.

Дней черезъ пять послѣ отсылки Липранди, были новыя арестаціи, новыя отправленія. Два бѣжавшихъ офицера Черниговскаго полка находились въ Кишиневѣ подъ чужими именами, и мы того не подозрѣвали. Николаевскій полиціймейстеръ, подполковникъ Павелъ Ивановичъ Ѳедоровъ, человѣкъ тонкій, всевѣдущій, неутомимый *), не Радичу чета, тайно увѣдомилъ насъ о томъ, прибавляя, что одинъ изъ нихъ, подъ новымъ именемъ, ожидаетъ писемъ и денегъ изъ Кременчуга. Посредствомъ мнимой повѣстки съ почты, посредствомъ этой ловушки не трудно было схватить обоихъ. Названій сихъ офицеровъ не помню, да и ихъ самихъ не имѣлъ духу видѣть. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ, а согласно предписаніямъ слѣдовало ихъ закованными отправить въ Петербургъ. Сію жестокую операцію предоставилъ я Радичу.

Въ половинѣ Генваря намѣстникъ опять воротился въ столицу свою, Одессу. Обыкновенно три четверти года проводилъ онъ въ разъѣздахъ, внѣ ея, не считая уже годовыхъ и двухгодовыхъ отлучекъ за границу. Тогда, по крайней мѣрѣ, заступающій его мѣсто постоянно оставался на немъ, а это путевое, кочевое управленіе, не знаю, приносило ли много пользы краю. При Екатеринѣ генералъ-губернаторы живали болѣе въ Петербургѣ и въ Москвѣ и только по временамъ посѣщали свои губерніи. За то были они только великолѣпными представителями величія царскаго и въ тоже время постоянными сенаторами-ревизорами. Всякая справедливая жалоба на злоупотребленіе

*) Онъ не ожидалъ тогда, что нѣкогда будетъ управлять Новороссійскимъ краемъ.

Библиотека "Руниверс"

власти находила въ нихъ защитниковъ. Такимъ образомъ губернаторы, настоящіе хозяева губерній, были подчинены болѣе ихъ надзору, чѣмъ прямому начальству. Время и обычай это измѣнили. Особенно же при графѣ Воронцовѣ въ губерніяхъ Новороссійскихъ, власть губернаторская основывалась не столько на узаконеніяхъ, какъ на его прихоти. Изъ нея бралъ онъ себѣ любое, а все многотрудное оставлялъ губернаторамъ и былъ отмѣнно взыскателенъ.

Въ это время долженъ былъ я неожиданно испытать всю жестокую несправедливость этого человѣка. Чтобы представить дѣло въ настоящемъ видѣ, долженъ я съ разсказомъ моимъ податься недѣль за шесть назадъ.

Отапливаніе дѣло совсѣмъ не маловажное въ безлѣсномъ краю. Посредствомъ подрядовъ, на счетъ земскихъ повинностей, доставлялось войску топливо: дрова, камышъ, бурьянъ или что̀ другое удобное для доставки. Срокъ двухгодоваго контракта оканчивался 1 Генваря 1826 года; объявлены были торги, желающіе не являлись, и я находился въ большомъ затрудненіи. Только въ концѣ Ноября неутомимый Левинсонъ, который не пренебрегалъ и небольшими барышами, предложилъ мнѣ цѣну гораздо ниже прошлогоднихъ; я представилъ о томъ въ Совѣтъ.

Памятно мнѣ засѣданіе его 4 Декабря. Наканунѣ изъ Таганрога получилъ я отъ намѣстника оффиціальное извѣщеніе о кончинѣ Государя. Я зналъ, какъ онъ былъ привязанъ къ покойному, зналъ, что Константинъ Павловичъ весьма не благоволитъ къ нему, и представлялъ себѣ всю горесть его положенія; откуда ни возьмись вся прежняя, глупая моя къ нему нѣжность! Члены Совѣта замѣтили мнѣ, что обыкновенно намѣстники утверждаютъ подобные подряды. «Да, отвѣчалъ я, когда они на лицо или вблизи. Разсудите сами, господа: еслибы мы и съ нарочнымъ послали представленіе наше въ Таганрогъ за восемьсотъ верстъ, то ближе двухъ недѣль не могли бы ожидать отвѣта. Потомъ вспомните, сколько времени нужно будетъ на соблюденіе формальностей, на составленіе и написаніе контрактовъ, и сіе въ самые праздники; это возметъ у насъ еще двѣ недѣли, слѣдственно, черезъ мѣсяцъ и послѣ Новаго года можемъ мы окончить сіе дѣло. Вы знаете, что, согласно съ образованіемъ и въ присутствіи намѣстника, единогласіе Совѣта могло бы и безъ его воли утвердить такую сдѣлку, гдѣ выгоды для областныхъ суммъ очевидны. Къ тому же, прибавилъ я со вздохомъ, нашъ бѣдный графъ, до того ли ему теперь?» Всѣ члены со мной согласились.

Какимъ заботамъ, какимъ издержкамъ подвергнута была бы казна, еслибъ принуждена была взяться за сію поставку и еслибъ сутки или

Библиотека "Руниверс"

двое пришлось бы солдатамъ зябнуть. Въ это время носились ужасные слухи, будто войско готово было придраться къ первому случаю, чтобы взбунтоваться. Насилу 19 Декабря успѣли мы окончить сіе дѣло, и Левинсонъ готовъ уже былъ отказаться; ибо и ему нужно было время, чтобы сдѣлать свои распоряженія.

И вотъ что̀ чрезмѣрно прогнѣвило нашего начальника, когда онъ возвратился въ Одессу. Онъ держалъ кормило Новороссійскаго управленія на берегахъ Финскаго залива, равно какъ и на берегахъ Азовскаго моря, и при всякомъ экстренномъ случаѣ надобно было гоняться за нимъ, чтобы испрашивать его разрѣшенія. Онъ опредѣлилъ, не мнѣ одному, а всему Совѣту въ совокупности объявить строжайшее замѣчаніе, подрядъ оставить пока за Левинсономъ, но сдѣлать новые торги къ 1 числу Мая. О семъ грозящемъ намъ ударѣ письмомъ предупредилъ меня добрѣйшій Казначеевъ, какъ бы вызывая отъ меня предупредительное оправданіе. Я написалъ его со всѣми подробностями здѣсь помѣщенными, винилъ себя одного, выгораживалъ членовъ Совѣта. Оно показано было неумолимому, но ничто не помогло. Я не зналъ, что Казначеевъ уже не въ первый разъ отклонялъ отъ меня удары, наносимые мнѣ начальствомъ и былъ громовымъ для меня отводомъ; послѣ, съ горемъ и съ шуткой пополамъ, я прозвалъ его моимъ паръ-а-графомъ. Для самого Воронцова былъ онъ докучливою, но часто весьма спасительною совѣстію, отъ которой мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ того захотѣлъ онъ избавиться.

Трудно было понять, за что̀ и для чего такія гоненія. Если хотѣли заставить меня выйдти изъ службы, то я самъ не скрывалъ желанія своего ее оставить. Я такъ усталъ отъ безплодныхъ заботъ по службѣ, отъ лишенія всѣхъ пріятностей образованной жизни и отъ неровностей характера начальника, что въ этомъ видѣлъ спасеніе свое. Я, однако, ошибался: меня совсѣмъ не хотѣли выпускать изъ рукъ. Мало было моей покорности: къ ней примѣшивалась нѣкоторая самостоятельность, и ее-то хотѣлось Воронцову измять. Только мнѣ казалось неловко подать въ отставку въ самомъ началѣ новаго царствованія.

Надобно объяснить причину многихъ странностей Воронцова. Сынъ богатаго и знатнаго человѣка, онъ воспитанъ въ Англіи, гдѣ многіе лорды богаче и сильнѣе Нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, и если подобно имъ не имѣютъ подданныхъ, за то множество благородныхъ и просвѣщенныхъ людей идутъ къ нимъ въ кабалу, вмѣстѣ съ ними вступаютъ въ службу и оставляютъ ее: это называется патронеджъ. Нѣчто подобное хотѣлось ему завести для себя и въ Россіи, гдѣ царствуетъ подчиненность начальству, а подданство одному только человѣку. Въ первой молодости, подъ видомъ добраго товарищества, поселилъ онъ

Библиотека "Руниверс"

въ отцовскомъ домѣ нѣсколько Преображенскихъ офицеровъ, содержалъ ихъ, поилъ, кормилъ и, разумѣется, надо всѣми бралъ верхъ. Какъ главный начальникъ Русскаго войска въ Мобёжѣ, щедротами на Французскія деньги привязалъ онъ къ себѣ много неимущихъ людей: Богдановскаго, Дунаева, Лонгинова, Казначеева, Франка, Арсеньева, Ягницкаго, вышедшаго въ отставку и управляющаго его имѣніемъ. Въ нихъ видѣлъ онъ свою собственность; въ Новороссійскомъ краѣ нѣкоторыхъ посадилъ на высшія мѣста и началъ дѣлать новый наборъ, въ который по невѣдѣнію и я какъ-то попалъ. Замѣтивъ, однако, что я не совсѣмъ охотно признаю надъ собою крѣпостное его право, началъ онъ преслѣдовать меня. Во время послѣдняго моего съ нимъ свиданія просилъ я его объ удаленіи отъ должности одного явнаго вора и грабителя, Аккерманскаго цынутнаго прокуратора или уѣзднаго стряпчаго, нѣкоего Бублейникова, женатаго на сестрѣ любимаго его и уже умершаго адъютанта Русанова. «Да, отвѣчалъ онъ, и до меня доходили невыгодные о немъ слухи; за то вы не знаете, какъ всей душой онъ мнѣ преданъ». Я подивился и замолчалъ. Послѣ понялъ онъ, что въ Россіи одни права начальства даютъ власть надъ людьми, могутъ давать и свиту, и дворъ; оттого такъ крѣпко привязался онъ къ службѣ, безъ которой при его состояніи такъ легко могъ бы онъ обойтись.

Когда грозное его предписаніе получено было членами Совѣта, оно до того изумило ихъ, что они не вдругъ его поняли. «Что́ мы будемъ дѣлать?» спросили они у меня.—Что̀ хотите, господа, отвѣчалъ я. Между тѣмъ сей самый вопросъ долженъ былъ я и самъ себѣ сдѣлать. Исполнить несправедливое заключеніе намѣстника значило бы признать себя виновнымъ; протестовать въ такое время, гдѣ во всемъ видѣли возмущеніе, было бы идти на явную гибель. Во избѣжаніе сихъ двухъ крайностей, поступокъ свой, не знаю, какъ назвать, робкимъ ли, или смѣлымъ. Дни три оставивъ безъ исполненія помянутое предписаніе, 6 Февраля сказался я больнымъ и сдалъ должности губернаторскую и вице-губернаторскую. Послѣ того заключился въ совершенномъ уединеніи, никуда не выходилъ и никого почти къ себѣ не пускалъ.

Въ Одессѣ сначала повѣрили моей мнимой болѣзни; но какъ она становилась продолжительною, а Тимковской изъ Петербурга и не думалъ ѣхать и дѣла шли Богъ знаетъ какъ, то совѣтывали мнѣ выздоравливать. Я писалъ, что сіе зависитъ отъ полученія мною четырехмѣсячнаго отпуска, о которомъ просилъ еще я въ Августѣ мѣсяцѣ. Онъ давно былъ разрѣшенъ мнѣ Комитетомъ Министровъ, давно находился въ канцеляріи намѣстника, но выслать его хотѣли мнѣ только по прибытіи новаго губернагора. Наконецъ, Левшинъ написалъ мнѣ прелюбезное письмо, въ которомъ, по приказанію Воронцова, убѣди-

Библиотека "Руниверс"

тельно приглашалъ меня вступить въ должность, тѣмъ болѣе, что, по извѣстіямъ изъ Петербурга, Тимковской совсѣмъ на отъѣздѣ. Тутъ была собственноручная приписка графа, гдѣ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ повторялъ онъ сіе приглашеніе. То и другое оставилъ я даже безъ отвѣта. Вотъ тутъ то прогнѣвались на меня и безо всякаго отзыва прислали мнѣ отпускъ, которымъ и не замедлилъ я воспользоваться.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ Кишинева, мнѣ необходимо досказать глупую и жалкую исторію о Левинсонѣ и дровахъ. Покорный Совѣтъ, не дозволивъ себѣ ни малѣйшаго, самаго почтительнаго замѣчанія въ оправданіе свое, поспѣшилъ исполнить волю начальника. Но Левинсонъ не убоялся отправить сильную жалобу къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и нашею Бессарабскою частію Ланскому. Изъ устъ сего послѣдняго, самого Василья Сергѣевича, слышалъ я потомъ, что столь противузаконнаго распоряженія не случалось ему видѣть ни во время многолѣтняго управленія его разными губерніями, ни въ бытность его генералъ-интендантомъ арміи. «Контрактъ всегда святъ и ненарушимъ, говорилъ онъ; если онъ неправильно совершенъ, то отвѣтственность падаетъ единственно на мѣсто или лицо, его заключившее». Съ Высочайшаго соизволенія дѣло остановлено въ Бессарабіи и передано на разсмотрѣніе Сената. Не ближе какъ въ концѣ Октября послѣдовало справедливое онаго рѣшеніе. Нимало не осуждая дѣйствій графа Воронцова и приписывая ихъ особенной заботливости его объ общественной пользѣ, Сенатъ однакоже совершенно одобрилъ распоряженія Бессарабскаго Совѣта, находя, что они сдѣланы совершенно на законномъ основаніи и съ явною выгодою для областныхъ суммъ.

Кажется, этимъ и должно бы кончиться сіе неважное дѣло; но Воронцовъ, который въ это время былъ на отъѣздѣ въ Англію, чрезвычайно обидѣлся симъ сенатскимъ опредѣленіемъ. Черезъ одного пріятеля своего, любимца молодаго Государя, представилъ онъ ему, что рѣшеніе Сената вредно для власти его и унижаетъ ее въ глазахъ жителей. Тогда не успѣли еще хорошенько оглядѣться и въ дѣлахъ не слишкомъ придерживались законности: прежнія распоряженія Воронцова, вопреки мнѣнію Сената, утверждены, а сверхъ того членамъ Совѣта велѣно объявить Высочайшій выговоръ съ занесеніемъ его въ формулярные ихъ списки. И вотъ чистый барышъ, который получилъ я отъ усерднаго служенія моего въ Новороссійскомъ краю!

Получивъ согласное съ желаніемъ своимъ царское повелѣніе, въ исходѣ Декабря Воронцовъ отправился за границу и приказалъ вновь назначить торги къ 1 Маія уже 1827 года. На нихъ никто не явился,

Библиотека "Руниверс"

и Левинсонъ исправно и спокойно додержалъ свой подрядъ до окончанія двухгодоваго срока. И стоило ли того, чтобы подымать такую большую тревогу, преслѣдовать и обижать честныхъ, полезныхъ и невинныхъ людей!

IV.

Пробывъ болѣе трехъ недѣль въ добровольномъ тюремномъ заключеніи, какъ сладостно мнѣ было увидѣть спасительную бумагу объ отпускѣ, дарующемъ мнѣ свободу! Совершенная весна наступила уже нѣсколько дней, когда 4 Марта оставилъ я Кишиневъ. Все это вмѣстѣ день выѣзда моего сдѣлало радостнымъ для меня днемъ. Узы, которыя прежде мнѣ казались столь легки и даже пріятны, давили уже меня своею тягостію, и я рвался изъ нихъ. Немного времени было нужно, чтобы спасаться изъ Бессарабіи: отъ Кишинева до мѣстечка Кріулянъ на Днѣстрѣ всего сорокъ верстъ. Переправившись чрезъ сію рѣку, которая отъ нея, казалось, навсегда меня отдѣлила, я сталъ дышать свободнѣе.

Городокъ Дубоссары до присоединенія Бессарабіи былъ значительнымъ пунктомъ: въ немъ находилась пограничная почтовая контора, черезъ которую проходила вся Русская переписка съ Константинополемъ. Пока линіи таможенная и карантинная не были сняты на Днѣстрѣ, городокъ сей все еще казался оживленнымъ; нынѣ же, будучи заштатнымъ, безуѣзднымъ, говорятъ, приходитъ въ упадокъ. Многіе думали, и я въ томъ числѣ, что эта сторона Новороссійскаго края населена выведенными изъ Украины крестьянами; но нѣтъ: въ двухъ уѣздахъ, Ольвіопольскомъ и Тираспольскомъ, остались первобытные жители, Молдавскіе хлѣбопашцы. Послѣ Ясскаго мира, съ 1792 года, частыя сношенія ихъ съ земляками Заднѣстровскими должны были прекратиться, и въ тоже время начали они сближаться съ сосѣдями своими, Малороссіянами, съ коими и въ обычаяхъ, и въ одѣяніи, и въ образѣ жизни имѣютъ совершенное сходство. Время нынѣ до того уподобило ихъ Украинцамъ, что они забыли Молдавскій языкъ. Вотъ что̀ случилось, какъ утверждаютъ, и въ трехъ сѣверныхъ цинутахъ Бессарабскихъ; вотъ что̀ неизбѣжно послѣдуетъ съ цѣлою Молдавіей, если она присоединена будетъ къ Россіи, не составляя особаго, отдѣльнаго княжества.

Я сперва намѣревался отправиться въ Пензу; послѣднія происшествія заставили меня перемѣнить сіе намѣреніе. При началѣ новаго царствованія могутъ быть благопріятные случаи для выгодной перемѣны службы, подумалъ я между прочимъ. Но это не было главною причиной поѣздки моей въ Петербургъ. Прошло почти три года какъ

Библиотека "Руниверс"

я разстался съ сею мнѣ столь знакомою столицей, и безъ переписки я всегда имѣлъ мало о ней свѣдѣній. Посреди заботъ службы, сіе меня не такъ тревожило; но во время послѣднихъ трехъ недѣль бездѣйствія любопытство мое было возбуждено до крайности. Дай погляжу на то что́ тамъ творится, а въ Пензѣ пожить всегда еще успѣю. Такимъ образомъ отправился я по совсѣмъ новой для меня дорогѣ.

По выѣздѣ изъ Кишинева на другой день, 5-го числа, рано поутру, проѣхавъ Херсонскую губернію, я былъ уже въ Подольской, которою я такъ любовался издали, но которая въ это время года лишена была большей части своихъ прелестей: сквозь пожелтѣвшую еще траву, мѣстами только проглядывала зелень, за то мѣстами кой-гдѣ разстилался еще снѣгъ. Весь населенный Жидами и оживленный ихъ торговою дѣятельностію, городъ Балта, куда я пріѣхалъ, былъ также нѣкогда пограничнымъ. Вольница казацкая въ окрестностяхъ его не разъ рѣзалась съ Турками. При Екатеринѣ онъ причисленъ былъ къ одной изъ трехъ Новороссійскихъ губерній, два года только существовавшей Вознесенской, и названъ былъ Еленскъ, въ честь Елены Павловны, внуки Императрицы. Имена внучатъ своихъ любила Екатерина давать нѣкоторымъ мѣстамъ въ пріобрѣтенномъ ею краю и по близости его. Такимъ образомъ небольшое мѣстечко, черезъ которое я проѣхалъ передъ вечеромъ, сдѣлано было уѣзднымъ городомъ Ольгополемъ, въ честь мало пожившей великой княжны Ольги Павловны.

Только рано на другой день, 6-го числа, поспѣлъ я въ Тульчинъ: я разсчитывалъ длину моего путешествія, чрезвычайно усталъ отъ дороги и на сутки остался тутъ отдыхать. День былъ прекрасный, и я попалъ въ довольно чистый, къ удивленію моему, Жидовскій домъ. Хозяйскій сынъ, молодой, проворный Еврей, взялся быть моимъ проводникомъ, но куда? можно спросить. Тульчинъ не городъ, а богатое, обширное мѣстечко, столица Потоцкихъ. Тутъ построены были въ два этажа съ половиной довольно большіе хоромы, которые жители, по обычаю, называли палацомъ или дворцомъ. Жидокъ мой увѣрялъ меня, что тамъ такія чудеса, которымъ подобныхъ въ мірѣ нѣтъ. Я пошелъ съ нимъ и нашелъ большой господскій домъ, какіе внутри Россіи бываютъ у помѣщиковъ, не совсѣмъ знатныхъ людей. При роскоши, которая и тогда уже царствовала во всѣхъ богатыхъ Петербургскихъ домахъ, на убранство комнатъ Тульчинскаго за́мка и смотрѣть было нечего. Во всемъ, что́ касалось до этой части, Поляки не знали никакого толку, ни они, ни жены ихъ; мущины тратились на Венгерское вино, на собакъ и лошадей, а женщины на наряды; безвкусіе было общее. Нѣсколько картинъ, совсѣмъ не замѣчательныхъ, изъ тщеславія купленныхъ владѣльцами, нѣсколько мраморныхъ бюстовъ, изобража-

Библиотека "Руниверс"

ющихъ, кажется, Потоцкихъ обоего пола; бронзовые часы и подсвѣчники, какіе нынѣ можно найдти у всякаго начальника отдѣленія, составляли богатую, чудную утварь, которой не менѣе того Польскіе дворяне пріѣзжали дивиться. Слуга, который отворялъ мнѣ дверь и водилъ по комнатамъ, былъ весьма недоволенъ данною мною пятирублевою ассигнаціей, увѣряя, что обыкновенно даютъ ему по червонцу. Смѣшны частные люди, которые даютъ показывать жилища свои, какъ бы великолѣпны они ни были, если въ нихъ нѣтъ ни славной картинной галлереи, ни другой какой-нибудь любопытной коллекціи; не менѣе смѣшны и тѣ, которые платятъ за такого рода любопытство. Впрочемъ, врядъ ли найдутся такіе нынѣ, когда одною роскошью никого изумить не можно.

По обѣимъ сторонамъ такъ-называемаго палаца находились большія зданія, втрое длиннѣе его. Въ одномъ помѣщался главнокомандующій второю арміей, графъ Витгенштейнъ, а въ другомъ — главный штабъ арміи. Невозможно было, чтобы кого-нибудь въ главной квартирѣ не имѣлъ бы я знакомыхъ; но я никого не искалъ, только что отдыхалъ, да гулялъ по улицамъ не совсѣмъ уже грязнымъ. Къ сожалѣнію, не могъ я нагуляться въ прекрасномъ саду подлѣ дома: онъ былъ весьма худо содержанъ и только сверху могъ я полюбоваться излучистой рѣчкой, которая, протекая чрезъ него внизу, образовала островки.

Въ слѣдующіе два дни проѣзжалъ я мѣстами, о которыхъ часто и много слышалъ во время малолѣтства моего въ Кіевѣ, ибо они находились уже въ Кіевской губерніи. Надобно упомянуть, вопервыхъ, маленькій городокъ Брацлавъ, который при Польскомъ правительствѣ давалъ свое имя воеводству, а при Екатеринѣ вновь учрежденной ею губерніи: пока собирались его обстраивать, губернскія присутственныя мѣста находились въ городѣ Винницѣ. Съ большимъ любопытствомъ проѣхалъ я Махновку, а еще съ бо́льшимъ мѣстечко Бердичевъ, столь извѣстное своими ярманками.

Дорога въ Мартѣ была такъ утомительна, что часто надобно было останавливаться для отдыха. Прибывъ наканунѣ вечеромъ, весь день 9 числа провелъ я въ губернскомъ городѣ Волынской губерніи, Житомирѣ. Онъ былъ весьма некрасивъ, какъ всѣ мѣста нашихъ Западныхъ губерній, Россіей пожалованныя въ званіе городовъ, но не успѣвшія заслужить сей чести.

Въ Житомирѣ находились тогда квартира одного пѣхотнаго корпуса и корпусный начальникъ генералъ-лейтенантъ Ротъ, Логинъ Осиповичъ, съ которымъ въ Петербургѣ случалось мнѣ часто встрѣчаться, съ которымъ даже былъ я знакомъ, но не коротко. Родомъ изъ Альзаса, онъ соединялъ въ себѣ всю дореволюціонную изысканную

Библиотека "Руниверс"

учтивость Французовъ съ Нѣмецкою жестокостію и педантствомъ. Будучи другомъ порядка и поборникомъ законной власти, онъ, древній дворянинъ, пошелъ простымъ рядовымъ въ корпусъ принца Кóнде и, неоднократно сражаясь за короля своего, достигнулъ офицерскаго чина. Когда корпусъ сей распустили или, лучше сказать, когда онъ разошелся, Ротъ поступилъ офицеромъ въ Русскую службу. Во время Турецкой войны въ 1809 году началъ онъ выходить изъ неизвѣстности и быстро подвигаться въ чинахъ. Отечественная наша война въ 1812-мъ и въ послѣдующихъ годахъ представила множество случаевъ отличиться; онъ отчаянно сражался и не разъ былъ раненъ, между прочимъ въ ротъ: фамильное имя его рану эту сдѣлало извѣстною всей Россіи. Судьба опредѣлила этому человѣку быть дѣятельнымъ врагомъ мятежниковъ: войско подъ его начальствомъ и подъ его распоряженіемъ усмирило недавно бунтъ Черниговскаго полка, за что́ молодой Императоръ и наградилъ его Александровской лентой.

Мнѣ никакого слѣда не было посѣтить генерала Рота, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ приличія. Проѣздомъ чрезъ городъ, гдѣ онъ начальствовалъ, счелъ я будто бы обязанностію явиться къ нему, хотя это было послѣ обѣда, и я былъ во фракѣ. Довольствуясь и симъ изъявленіемъ глубокаго уваженія, онъ пригласилъ меня съ нимъ побесѣдовать. Онъ сдѣлался словоохотенъ, разсказливъ, и на счетъ послѣднихъ происшествій узналъ я отъ него много любопытныхъ подробностей. Между прочимъ сказывалъ онъ мнѣ, какъ Шервудъ, получившій въ награду названіе Вѣрнаго, по ночамъ пріѣзжалъ къ нему изъ Махновки. Никому во второй арміи, къ которой онъ принадлежалъ, не рѣшался Шервудъ представить своихъ тайныхъ извѣтовъ, а по сосѣдству съ одной изъ корпусныхъ квартиръ первой арміи рѣшился довѣрить ихъ Роту. Отъ сего послѣдняго донесенія отправлены были въ Таганрогъ, и хотя застали Императора въ живыхъ, но при послѣднемъ издыханіи.

Оставивъ Житомиръ 10 Марта, я не совсѣмъ разстался еще съ полуденной природой: все еще напоминало ее, и вешнимъ солнцемъ сильно согрѣваемый воздухъ, и деревья, на которыхъ почки готовы были распуститься. Но она постепенно изчезаетъ до Овруча, гдѣ кончается Волынская губернія.

Далѣе въѣзжаешь въ тотъ нѣкогда непроходимый боръ, тотъ вѣками созданный лѣсъ, вѣками сокрушаемый и еще не истребленный, который покрываетъ собою всю Минскую губернію. Онъ былъ обитаемъ Древлянами, а еще болѣе дикими звѣрями, кои витаютъ въ большомъ количествѣ въ немъ и понынѣ; и между прочимъ зубры, которыхъ въ другомъ мѣстѣ нигдѣ уже найдти нельзя. Лѣсъ этотъ, мѣстами

Библиотека "Руниверс"

дремучій, можетъ служить и ручательствомъ за безопасность нашего отечества. Имѣя по бокамъ двѣ неприступныя крѣпости (Бобруйскъ и Брестъ-Литовской), онъ наполненъ вязкими болотами, изъ коихъ вытекаютъ двѣ большія рѣки, Припеть и Березина, а черезъ него для непріятельскихъ вторженій ближайшій, почти единственный путь во внутреннія области Россіи.

Я ѣхалъ медленно Волынью, по грязной, скверной дорогѣ; за то небо и земля улыбались мнѣ въ этой плодоносной странѣ. Когда же я въѣхалъ въ Минскіе лѣса, то воздухъ сдѣлался суровъ, и небо угрюмо. Густая тѣнь деревьевъ сохраняла снѣгъ, а съ нимъ вмѣстѣ и холодъ, отъ чего нерастаявшая на дорогѣ земля была удобнѣе для ѣзды. Этимъ воспользовался я, чтобы ѣхать шибче, даже днемъ и ночью, такъ что 12 числа въ полдень проѣхалъ я весьма незамѣчательный городокъ Мозырь, впрочемъ, единственный, который видѣлъ я въ Минской губерніи. Тутъ также, не безъ опасности, на утломъ, узкомъ паромѣ переправился я черезъ довольно широкую Припеть, за нѣсколько дней передъ тѣмъ покрытую льдомъ. На другой день, 13 числа, близъ станціи Екимовичи, имѣлъ я переправу черезъ другую рѣку, болѣе знаменитую, черезъ Березину, которая, подобно Ватерло, именемъ своимъ будетъ вѣчно напоминать о бѣдствіяхъ Наполеона.

Послѣ того въѣхалъ я въ Бѣлоруссію, мнѣ уже нѣсколько знакомую. Грустно мнѣ подумать, какъ всѣ эти мѣста, отъ самаго Днѣстра, мною проѣханныя, искони Русскія, носили на себѣ тогда и, кажется, носятъ и понынѣ печать Польскаго владычества. Жители почти всѣ остались тверды въ Православіи или выступали изъ него только въ Унію; но гдѣ ихъ было видѣть? Помѣщики богатые и небогатые, шляхтичи, которыхъ, вопреки ихъ притязаніямъ на дворянство, слѣдуетъ почитать мѣщанами, духовенство высшее и низшее, все это были Поляки, были Католики; наконецъ, Евреи, которые въ рукахъ своихъ имѣли всю торговую часть. Всѣ эти слои, какъ бы густою, непроницаемою корою покрывали собою и подавляли чистѣйшую, лучшую часть народонаселенія. Кого путешественникъ могъ встрѣтить въ городскихъ заѣзжихъ домахъ, въ почтовыхъ, на станціяхъ? Съ кѣмъ единственно могъ имѣть онъ дѣло? Съ Ляхами, да съ Жидами.

Туже самую разность, которую внимательный путникъ находитъ между климатами въ областяхъ на Западѣ, возвращенныхъ намъ отъ Польши, встрѣчаетъ онъ и въ наружности, и въ характерѣ ихъ жителей. Въ древней Россіи, въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Кіевской, Украинцы, потомки храбрыхъ казаковъ, не смотря на тяготѣющее надъ ними иго Польскихъ помѣщиковъ, сохраняютъ видъ крѣпкій, здоровый, веселый, какое-то молодечество, смѣлость въ движеніяхъ и

Библиотека "Руниверс"

рѣчахъ; сохраняютъ также языкъ, которымъ простой народъ говоритъ отъ Харькова до Лемберга. Другое Славянское племя обитало всегда Бѣлую Русь, говоритъ нарѣчіемъ, хотя также Славянскимъ, но менѣе понятнымъ и менѣе пріятнымъ. По крайней мѣрѣ, жители Минской губерніи, имѣя наружность дикую, весьма некрасивую, еще похожи на людей; въ другихъ же губерніяхъ поселяне, живущіе на безплодной почвѣ и подавленные владѣльцами, начинаютъ сходствовать съ рабочимъ скотомъ, нуждающимся въ пищѣ.

Сіе печальное зрѣлище представилось мнѣ, когда я въѣхалъ въ Могилевскую губернію. Скоро проѣхалъ я незамѣчательные города Рогачевъ и Старой Быховъ, и 14 числа, когда чуть стало свѣтать, пріѣхалъ въ губернскій городъ Могилевъ, гдѣ тогда находилась и главная квартира первой арміи.

Самымъ страннымъ образомъ провелъ я въ немъ цѣлые сутки. Чрезвычайно безпокойная дорога не давала мнѣ заснуть передъ тѣмъ двѣ ночи. Въ Жидовскихъ корчмахъ, гдѣ я долженъ былъ остановиться, пища казалась мнѣ столь отвратительною, что едва я касался ея; нечистыя ложа, на которыя отъ усталости иногда спускался я, были наполнены насѣкомыми. Голодный, истомленный, съ волненіемъ въ крови, увидѣлъ я себя съ радостію въ чистой, большой, залообразной комнатѣ лучшаго Могилевскаго трактира, поддерживаемаго щедротами многочисленныхъ воинскихъ чиновъ. Только что успѣлъ пріѣхать я, напившись чаю, обмылся съ ногъ до головы, перемѣнилъ бѣлье, бросился на постель, чистымъ бѣльемъ покрытую, и въ минуту заснулъ. Меня разбудили къ обѣду, опрятно и вкусно приготовленному, во время котораго въ сосѣднихъ комнатахъ слышался мнѣ звукъ шпоръ и сабель, громкій говоръ и смѣхъ безпрестанно приходящихъ офицеровъ, что̀ не помѣшало мнѣ крѣпко заснуть послѣ обѣда. Въ пять часовъ опять разбудили меня къ чаю, опять заснулъ я. Я проснулся передъ ужиномъ, послѣ котораго залегъ спать на всю ночь. Двадцать четыре часа только и дѣлалъ я, что ѣлъ, да спалъ и, совсѣмъ освѣжившись, 15 числа рано поутру оставилъ Могилевъ.

Уже не первый разъ случилось мнѣ въ немъ быть. Въ началѣ 1800 года съ маленькими товарищами моими Голицыными, когда я самъ былъ почти ребенокъ, проѣзжалъ я чрезъ этотъ городъ, который тогда при Павлѣ былъ еще уѣзднымъ. Ни слова не упомянулъ я объ немъ, равно какъ и о предшествовавшемъ ему для меня губернскомъ городѣ Черниговѣ. Я ихъ обоихъ не видалъ: ибо, если припомнить, проѣхалъ ихъ или во снѣ, или отъ жестокой стужи закрытый и закутанный въ кибиткѣ.

Библиотека "Руниверс"

Начиная отъ Могилева, я попалъ какъ будто на давно знакомый мнѣ Бѣлорусскій трактъ, но на немъ все было для меня ново. Безпрестанно умножающееся Еврейское населеніе наводило тоску, особливо въ Оршѣ, на распутіи стоящемъ городкѣ, одними Жидами наполненномъ. За то безконечныя, высокія аллеи по дорогѣ, еще при Екатеринѣ генералъ-губернаторомъ Пассекомъ насажденныя, развеселяли взоръ, и отрадно было отдыхать на станціяхъ, въ чисто содержимыхъ, просторныхъ трактирахъ.

Два раза проѣзжалъ я черезъ Витебскъ и останавливался въ немъ; послѣдній въ 1807 году, когда сестру мою изъ Москвы провожалъ я къ больному мужу ея, генералу Алексѣеву. Въ третій разъ проскакалъ я только черезъ этотъ городъ прямо на станцію и потребовалъ лошадей. Пока мнѣ ихъ запрягали, подъѣхалъ гвардейскаго Павловскаго полку полковникъ Семишинъ. По праву мимоходнаго въ Петербургѣ съ нимъ знакомства, позволилъ я себѣ сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ на счетъ бывшаго тамъ важнаго происшествія; онъ отвѣчалъ мнѣ съ замѣшательствомъ. Когда же спросилъ я его объ участи нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ въ возмущеніи и мнѣ лично знакомыхъ, онъ почти отскочилъ отъ меня со словами: «не совѣтовалъ бы вамъ признаваться, что вы этихъ людей знаете». Видно, тамъ крѣпко напуганы, подумалъ я.

Хотя отъ Витебска далеко еще до Петербурга, а мнѣ казалось, что я уже въ окрестностяхъ сей столицы. Недавно разстался я съ Югомъ и съ вешнимъ воздухомъ, и оттого суровость климата поразила меня. Впрочемъ, жители находили, что весна начинается рано: всѣ рѣки прошли, и въ поляхъ оставалось мало снѣга. Я не могу тутъ забыть изумленія и возгласа ѣхавшаго со мною Молдавана при появленіи первой березы: никогда бѣлыхъ деревьевъ, сказалъ онъ, не случалось ему видѣть.

Не доѣзжая до Великихъ Лукъ, съ такою же радостію, съ какою возвращаешься на родину, увидѣлъ я опять Русскія избы и почти все однихъ Русскихъ мужичковъ съ бородами. Я ѣхалъ по этой дорогѣ, если припомнитъ читатель, въ лихорадкѣ и въ бреду, слѣдственно на окружающіе меня предметы не могъ обращать вниманія. И оттого Порховъ съ остатками каменныхъ укрѣпленій былъ для меня новостію. За Лугой, 20 числа, на станціи Долговкѣ, съѣхался я съ однимъ молодымъ Полякомъ, котораго изъ Варшавы везъ фельдъ-егерь, и съ какимъ-то гражданскимъ чиновникомъ изъ Петербурга, отправленнымъ съ важнымъ, по словамъ его, порученіемъ. Напуганный Семишинымъ, едва отвѣчалъ я на слова перваго; отъ послѣдняго узналъ я, что Императоръ наканунѣ, 19 числа, самъ раздавалъ медали въ воспомина-

Библиотека "Руниверс"

ніе взятія Парижа и во славу незабвеннаго брата. Я былъ почти въ Петербургѣ, куда послѣ почти трехлѣтняго отсутствія и пріѣхалъ 21 Марта.

По приглашенію добраго пріятеля моего и прежняго сослуживца Александра Ѳеодоровича Волкова, недавно женившагося на одной прелюбезной дѣвицѣ, Еленѣ Ивановнѣ Маркеловой, въѣхалъ я прямо къ нему на квартиру въ Большой Милліонной, въ домѣ Гагарина. Никогда Петербургъ не являлся мнѣ въ столь печальномъ, въ столь унылomъ видѣ. Правда, я пріѣхалъ довольно рано, когда на улицахъ бываетъ мало движенія; утро было сырое, холодное, густой снѣгъ такъ и валилъ хлопьями; на Невскомъ Проспектѣ и на Дворцовой площади встрѣтилъ я двѣ или три придворныя, траурныя кареты, совсѣмъ обшитыя чернымъ сукномъ. Все это мнѣ казалось худымъ предвѣщаніемъ.

На другой день поспѣшилъ я посѣтить всѣхъ добрыхъ знакомыхъ моихъ; вѣстей, вѣстей о происходившемъ въ послѣдніе четыре мѣсяца наслушался я до сыта. Сообщать же все слышанное мною тогда нахожу, что здѣсь еще не мѣсто. Этотъ достопамятный 1826 годъ былъ началомъ одного изъ достопамятнѣйшихъ царствованій въ Россіи. Наблюденія въ теченіи его мною сдѣланныя требуютъ особаго описанія. Въ этой главѣ намѣренъ я помѣстить только то что̀ собственно до меня относится.

Какъ находящійся еще на службѣ и занимающій въ провинціи довольно видное мѣсто, долженъ былъ я явиться начальству, то есть къ одному только человѣку, управляющему Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, Василью Сергѣевичу Ланскому. Мнѣ показался онъ старикомъ умнымъ, любезнымъ, неспѣсивымъ и нефамильярнымъ, весьма свѣдущимъ въ дѣлахъ, но какъ бы уставшимъ отъ нихъ и сохраняющимъ важный постъ свой единственно по врожденному всѣмъ людямъ небольшому тщеславію. Я уже говорилъ о его мнѣніи на счетъ распоряженій нашего намѣстника по подряду Левинсона.

Немного времени дала мнѣ судьба на удовлетвореніе любопытства моего касательно бывшихъ въ отсутствіе мое важныхъ и маловажныхъ происшествій, на счетъ литературы, драматической части и особенно политики, которыя во все время пребыванія моего въ южномъ краю оставались мнѣ чуждыми. Недолго дозволила она мнѣ воспользоваться обществомъ многихъ умныхъ и пріятныхъ для меня людей, насладиться, наконецъ, свободною и беззаботною жизнію. Болѣзнь дотолѣ мнѣ неизвѣстная внезапно посѣтила меня. Не знаю вслѣдствіе ли постоянно сырой, ненастной погоды во время дороги, ранней весны въ Петербургѣ (черезъ два дни по пріѣздѣ моемъ вскрылась Нева),

Библиотека "Руниверс"

холодныхъ испареній отъ земли и рѣки, при безпрестанномъ блескѣ: сдѣлалось у меня сильное воспаленіе въ глазахъ.

Это случилось 5 Апрѣля, въ тотъ самый день, въ который отъ Волкова переѣхалъ я на квартиру мною, нанятую въ Малой Садовой между Невскимъ проспектомъ и Семеновскимъ мостомъ. Выборъ, какъ время показало, былъ самый невыгодный для больнаго. Кто-то присовѣтывалъ мнѣ пригласить къ себѣ лейбъ-окулиста Осипа Ивановича Грубе́. Я нашелъ въ немъ человѣка хорошо знающаго свое дѣло, роста невысокаго, нрава мягкаго, не слишкомъ словоохотнаго, но весьма бесѣдолюбиваго; разговоръ мой вѣрно ему понравился, ибо и безъ нужды посѣщалъ онъ меня всякій день и просиживалъ долго. Онъ принялся лѣчить меня усердно, къ несчастію, кажется, даже слишкомъ усердно. Послѣ Нижегородской моей горячки, съ 1820 года сталъ я непомѣрно толстѣть; въ Бессарабіи, при умственно дѣятельной, но почти всегда сидячей жизни, толщина эта умножилась. Это обмануло Грубе́: онъ полагалъ, что при такомъ твердомъ сложеніи можно безопасно употреблять самыя сильныя средства. Въ продолженіи четырехъ недѣль, по два раза въ сутки, за ушми мѣнялись у меня Шпанскія мухи, нерѣдко ставились піявки, раза два было кровопусканіе, да сверхъ того почти каждый день принималъ я внутрь проносныя лѣкарства. Однимъ словомъ, чтобы спасти глаза мои, губилъ онъ мое тѣло. Едва прошелъ мѣсяцъ, и я сталъ непохожъ на человѣка. Тѣлесное разстройство было ничто въ сравненіи съ нравственнымъ. Окна мои выходили на улицу и почти на полдень; оттого должно было держать ихъ запертыми и съ опущенными сторами отъ свѣта, весна была жаркая, какихъ рѣдко бываетъ въ Петербургѣ, а я все находился въ темнотѣ и въ духотѣ. Ничто не могло сравниться съ раздраженіемъ моихъ нервъ; непрерывающійся стукъ колесъ по мостовой съ ранняго утра далеко за полночь умножалъ его: я чувствовалъ адское мученіе.

Не смотря на разслабленіе мое, я все однакоже былъ на ногахъ; погода стояла прекрасная, и я позволялъ себѣ даже пѣшкомъ выходить на улицу, но движенія кареты или дрожекъ я не могъ выносить. Если случится кого навѣстить или захочется погулять, я кое-какъ побреду до перваго моста или канала, и тамъ сяду въ лодку. Глазное лѣченіе кончилось, оставивъ только послѣ себя въ вѣкахъ большую слабость и расположеніе къ раздраженію, отчего не могутъ выносить онѣ долго никакого дыму, что̀ къ несчастію сохранилось и до сихъ поръ. Я чувствовалъ почти постоянно ту неизъяснимую тоску безъ всякой причины, которая заставляетъ иногда людей бросаться въ окно и которая знакома развѣ только женщинамъ, подверженнымъ сильнымъ нервическимъ припадкамъ. Исцѣленіе такого недуга было

Библиотека "Руниверс"

труднѣе, чѣмъ первое лѣченіе; его нельзя было совершить безъ помощи времени и болѣе спокойнаго жилища. И въ этомъ случаѣ пришелъ ко мнѣ на помощь мой добрый пріятель Волковъ, который находился тогда въ созданной мною должности правителя канцеляріи Строительнаго Комитета на мѣсто Ранда. Для сего комитета нанята была новая квартира на концѣ Гороховой улицы; Волкову дано было въ ней просторное и удобное помѣщеніе, большею частію выходящее на дворъ. По случаю болѣзни жены, на лѣто отправлялся онъ въ Ревель, а квартиру свою предоставилъ моему распоряженію.

Въ это время (не помню въ концѣ Апрѣля или въ началѣ Маія), прибылъ графъ Воронцовъ для поклоненія новому Императору. Болѣзнь моя была причиной или, лучше сказать, послужила предлогомъ неявки моей къ нему. Съ нимъ были только Левшинъ да новый любимецъ его Сафоновъ. Левшинъ весьма дружелюбно меня посѣщалъ; мнѣ казалось, что ему совѣстно и что онъ раскаявается въ поступкѣ своемъ противъ меня. Рекомендованный имъ губернаторъ Тимковской выѣхалъ, наконецъ, изъ Петербурга за нѣсколько дней до моего пріѣзда; слѣдственно извѣстны уже стали его проказы въ Кишиневѣ, его недѣятельность, пьянство, совершенное пренебреженіе его къ обязанностямъ своей должности.

Точно также какъ въ предыдущемъ году весной, и въ настоящемъ графъ Воронцовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, началъ страдать глазною болѣзнію. Qui ne sait compâtir aux maux qu'on souffre! Вѣроятно изъ состраданія (другой причины я не постигаю) прислалъ онъ ко мнѣ своего медика, лейбъ-окулиста Лерхе, который встрѣтился у меня очень учтиво съ соперникомъ своимъ Груби. Они потолковали о чемъ-то, дали какіе-то общіе совѣты, и Лерхе удаляясь объявилъ, что, отдавая графу отчетъ о состояніи зрѣнія моего, скажетъ, что я въ хорошихъ рукахъ и ему у меня дѣлать нечего. Это было въ началѣ Іюня. Между тѣмъ Лерхе, будучи племянникомъ престарѣлаго Эллизена, упомянутаго мною друга отца моего, разсказалъ ему о моей болѣзни, а тотъ явился ко мнѣ съ гнѣвомъ и упреками, какъ могъ я въ такомъ состояніи не призвать его на помощь. Пріятели мои, впрочемъ согласно съ моимъ желаніемъ, привозили ко мнѣ другихъ врачей и между прочимъ знаменитаго Арендта. Всего вмѣстѣ съ Фабромъ, съ Филиповскимъ, съ Пальчевскимъ, перебывало ихъ у меня семь человѣкъ. Тогда вспомнилъ я пословицу: у семи нянекъ всегда дитя безъ глазу, и ужаснулся. Всѣхъ пережилъ Груби: онъ не переставалъ посѣщать меня дня черезъ три, черезъ четыре, даже тогда какъ главное лѣченіе мое совсѣмъ кончилось, и я съ нимъ совершенно расплатился. Странный былъ онъ человѣкъ: мнѣ не случалось видѣть кого либо ску-

Библиотека "Руниверс"

пѣе его, онъ лошадей своихъ иногда оставлялъ безъ корму; а совсѣмъ тѣмъ онъ не былъ алченъ къ прибыли; но что́ уже попадалось къ нему въ кошелекъ, съ трудомъ изъ него выходило.

Человѣколюбивый поступокъ со мною графа Воронцова требовалъ отъ меня изъявленія благодарности. Къ тому возбуждалъ меня Левшинъ и испросилъ мнѣ дозволеніе, аки больному, явиться въ сюртукѣ и съ зонтикомъ на глазахъ. Итакъ я предсталъ предъ его графскія свѣтлыя очи, подобно моимъ тогда, омраченныя и зонтикомъ осѣненныя. Сходство въ болѣзненномъ положеніи растрогало меня; можетъ быть, и его. Легко повѣрять, что тутъ наединѣ, съ одной стороны нѣжнѣйшая почтительность, съ другой ласковая благосклонность не допустили въ объясненія наши ни малѣйшаго прекананія. Онъ самъ только заговорилъ о дѣлѣ Левинсона и сказалъ: «можетъ быть я и не правъ; но дѣло въ Сенатѣ, и пусть онъ насъ разсудитъ».

Онъ сознался, что, послѣ всего происходившаго со мною въ Бессарабіи, мнѣ воротиться туда не къ стати. И вдругъ не съ другаго слова предложилъ мнѣ новое мѣсто Керчь-Еникальскаго градоначальника. Я въ изумленіи молчалъ. Онъ представилъ мнѣ всю блестящую сторону сего новаго назначенія, власть почти независимую и почти неограниченную, большое содержаніе, начальство надъ флотиліей и казаками, составляющими таможенную и карантинную стражи, широкое поле для созидательной моей дѣятельности, имя въ исторіи и наконецъ, можетъ быть, статую послѣ смерти. Въ другое время у меня загорѣлось бы въ головѣ, а тутъ я оставался довольно равнодушенъ. Я не смѣлъ ни отказаться отъ предлагаемаго мнѣ мѣста, ни принять его и выпросилъ себѣ недѣлю на размышленіе.

Мнѣ извѣстно было, что Керчъ въ Крыму; я довольно хорошо зналъ географію и исторію Россіи; но далѣе свѣдѣнія мои о семъ городѣ не простирались (я даже почиталъ его на Черномъ морѣ). Мимоходомъ слышалъ я въ Одессѣ, что какой-то Итальянской фигляръ, мошенникъ Скасси, подъ покровительствомъ графовъ Нессельроде и Ланжерона и съ помощію ихъ, склонилъ правительство открыть тамъ портъ и учредить градоначальство. Но было ли сіе исполнено, я не вѣдалъ, пока въ концѣ 1823 года одинъ изъ любимцевъ графа, генералъ-маіоръ Андрей Васильевичъ Богдановской не былъ назначенъ туда первымъ градоначальникомъ. Памятно мнѣ также было то что́ я слышалъ въ младенчествѣ: заключить кого въ мрачную темницу называлось засадить его въ Еникуль, ибо городокъ Еникале, смежный съ Керчью, почитался жесточайшимъ заточеніемъ.

Все это мало располагало меня туда отправиться. Но срокъ четырехмѣсячнаго отпуска моего приближался и мнѣ надобно было на

Библиотека "Руниверс"

что-нибудь рѣшиться. Я расчитывалъ, что, получивъ новую должность, могу я, по примѣру Тимковскаго, по крайней мѣрѣ, мѣсяца три или четыре не занимать ея и проживаться въ Петербургѣ, а тамъ что̀ Богъ дастъ. И не это одно входило въ расчеты мои. Самыя черныя думы осаждали тогда мое воображеніе; я все видѣлъ передъ собою грозящую мнѣ, неизбѣжную смерть; мысль о ней иногда ужасала меня, иногда я призывалъ ее и жаждалъ. Это весьма похоже было на сумасшествіе. Зачѣмъ, думалъ я, оскорбить мнѣ графа отказомъ, когда скоро смерть возмется за меня сіе сдѣлать?

Онъ спѣшилъ тогда въ Одессу, ибо въ Аккерманѣ назначенъ былъ конгрессъ, на который ожидали Турецкихъ полномочныхъ: съ ними долженъ былъ онъ стараться устранять всѣ недоразумѣнія, всѣ неудовольствія наши съ Портой. Дни за два до его отъѣзда опять явился я къ нему съ изъявленіемъ согласія; онъ обнялъ меня и, уѣзжая, отправилъ къ Государю всѣ представленія свои.

Въ день рожденія новаго Императора, 25 Іюня, ровно черезъ два года послѣ возстанія на меня въ Кишиневѣ, подписанъ указъ, который разлучалъ меня съ нимъ. На мое мѣсто назначенъ Херсонскій вице-губернаторъ Фирсовъ *).

Не смотря на то, что дворъ вскорѣ потомъ уѣхалъ въ Москву на коронацію, что Петербургъ совсѣмъ опустѣлъ, и что я жилъ въ совершенномъ уединеніи, нервы мои исподоволь, хотя очень медленно, начали успокоиваться и мысли мои проясниваться. Совершенное облегченіе почувствовалъ я только въ началѣ Сентября. Мнѣ тогда же слѣдовало бы ѣхать, но я выжидалъ возвращенія главныхъ государственныхъ сановниковъ, въ надеждѣ съ ихъ помощію быть уволеннымъ отъ обязанности отправиться въ Керчъ. Они возвратились только въ началѣ Октября.

*) Мнѣ его очень хвалили. Цѣлый вѣкъ прослуживъ по казенно-экономической части и ничего не наживъ, онъ очень хорошо зналъ ее, сохранилъ и умножилъ порядокъ, заведенный мною и моимъ предмѣстникомъ. Сверхъ того, другая тягость возлегала на немъ: онъ почти безпрестанно обязанъ былъ исправлять губернаторскую должность. Цѣлый мѣсяцъ Тимковскій ничего не дѣлалъ, недѣли по двѣ не распечатывалъ пакетовъ, потомъ сказывался больнымъ или уѣзжалъ въ область, а Фирсовъ долженъ былъ поправлять сдѣланныя имъ упущенія. И какая была ему за то награда? Въ началѣ 1828 года, передъ Турецкой войной, графъ Воронцовъ, за что, не знаю, прогнѣвленный, написалъ къ нему язвительную бумагу, которою упрекалъ его въ *жадолюбіи*. Несчастный, и безъ того находившійся въ болѣзненномъ состояніи, былъ такъ этимъ тронутъ, что пуще заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Кто-бы могъ подумать тогда, что этотъ самый графъ сдѣлается главнымъ покровителемъ Евреевъ, и что подъ его щитомъ въ Новороссійскомъ краѣ они до того сдѣлаются надменны и дерзки, что станутъ даже обижать христіанъ?

Библиотека "Руниверс"

V.

Это время для меня столь горестное, по расположенію души моей даже убійственное, было, однакоже, обильно всѣмъ тѣмъ, что могло меня утѣшить и даже порадовать. Всѣ дѣйствія императора Николая были согласны съ моими правилами и моими желаніями. Либерализмъ, столь намъ несвойственный, обезоруженъ и придавленъ; слова правосудіе и порядокъ замѣнили сакраментальное дотолѣ слово свобода. Строгость его никто не смѣлъ, да и не хотѣлъ, называть жестокостію: ибо она обезпечивала какъ личную безопасность каждаго, такъ и вообще государственную безопасность. Вездѣ были видны веселыя и довольныя лица, печальными казались только родственники и пріятели мятежниковъ 14 Декабря.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра безсильная геронтократія дремала у государственнаго кормила: старики, Татищевъ, Лобановъ, Ланской, Шишковъ казались болѣе призраками министровъ, чѣмъ настоящими министрами; всѣми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всѣхъ бодрствовалъ одинъ, всѣмъ ненавистный, Аракчеевъ. По личному ли на него неудовольствію или, соглашаясь съ желаніемъ, съ общимъ мнѣніемъ, его одного Императоръ удалилъ отъ себя. Всѣхъ прочихъ оставилъ на мѣстахъ, стараясь и нѣсколько успѣвая пробудить, оживить сихъ полумертвыхъ.

Прошлогодней весной, отправившійся изъ Одессы за границу, Кочубей, лишившійся тамъ дочери, съ наступленіемъ лѣта воротился въ Петербургъ. Онъ былъ принятъ съ отверзтыми объятіями, и всѣ полагали, что онъ будетъ главою министровъ. Тому бы и слѣдовало быть: въ такомъ необъятномъ государствѣ, какъ Россія, необходимъ первый министръ, который облегчалъ бы Царю тяжкое бремя правленія. Кочубей одаренъ былъ чудеснымъ свойствомъ распознавать людей. Подобно недостаточному, но опытному ювелиру, который съ перваго взгляда можетъ вѣрно оцѣнить каждый изъ коронныхъ алмазовъ, Кочубею, чтобы съ точностію опредѣлить цѣну таланту и способностямъ человѣка, достаточно, было получасоваго съ нимъ разговора. Всѣ выборы его служатъ тому доказательствомъ; а что можетъ быть полезнѣе для государства, какъ умѣнье выбирать людей?

Другой совѣтникъ, Карамзинъ, не занимая даже никакой государственной должности, могъ также быть полезенъ Царю. Болѣе двадцати лѣтъ онъ весь былъ погруженъ въ изученіе и изображеніе протекшихъ временъ Россіи, въ созерцаніе ея настоящихъ судебъ, весь исполненъ

Библиотека "Руниверс"

жара любви къ ней; онъ хорошо зналъ характеръ ея народа и понималъ великое ея предназначеніе. Сокровищами его ума и знаній пользовался Александръ и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Новый Царь готовъ былъ явить ему еще болѣе любви и довѣренности и ознаменовалъ ихъ безпримѣрною щедростію, назначивъ ему, а послѣ него семейству его, по пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегодно пансіона. Но уже года три какъ здоровье начало примѣтно ему измѣнять; происшествіе 14 Декабря, коего, къ несчастію, онъ былъ свидѣтелемъ, исполнивъ его скорбію, потрясло, можно сказать, до основанія ослабѣвшій составъ его тѣла. Мнѣ не удалось ни разу его видѣть: когда я пріѣхалъ, лежалъ онъ на смертномъ одрѣ въ зданіяхъ Таврическаго дворца, куда для лучшаго воздуха, по волѣ Царя, былъ онъ перемѣщенъ; а въ Маіѣ предалъ онъ Богу чистѣйшую изъ душъ.

Почти въ одно и тоже время получено было въ Петербургѣ извѣстіе о смерти Императрицы Елисаветы Алексѣевны, скончавшейся въ Бѣлевѣ на обратномъ пути изъ Таганрога. Она была примѣромъ всѣхъ скромныхъ добродѣтелей, и всѣ состоянія любили ее и были поражены ея кончиной, даже простой народъ, который по старинным своимъ понятіямъ, пышности и блеску нарядовъ предпочитаетъ въ царицахъ своихъ сіяніе кротости: тогда въ глазахъ его онѣ болѣе сходствуютъ съ Царицей Небесной. И въ здоровомъ состояніи, не безъ прискорбія узналъ бы я о сихъ двухъ кончинахъ, а тутъ, когда воображенію моему все представлялось въ мрачномъ видѣ, сіе умножило отчаянную тоску мою: мнѣ казалось, что все лучшее въ мірѣ готово покинуть его.

По указанію разслабленнаго и встревоженнаго Карамзина, въ самый день мятежа не имѣвшаго силъ владѣть перомъ, Государь въ тотъ же вечеръ призвалъ къ себѣ друга его Блудова. Онъ поручилъ ему изобразить со всею точностію происшествіе, отъ котораго столица находилась въ ужасѣ, и сдѣлать сіе поспѣшно тутъ же, не выходя изъ его кабинета. На другой день сіе извѣстіе, напечатанное въ газетахъ, должно было разойтись по всей Россіи. По внезапности порученія, не знаю, кто бы въ такомъ случаѣ не потерялся? Блудову посчастливилось. Онъ представилъ истину съ такою ясностію, съ такою откровенностію, къ которой мы въ Россіи тогда не привыкли; всегда раскрашенная въ офиціальныхъ актахъ, она невольно порождала сомнѣнія, а тутъ, напротивъ, должна была поселить совершенную довѣрчивость къ словамъ новаго правительства. Государь былъ совершенно доволенъ и съ этой ночи человѣка, мало ему дотолѣ извѣстнаго, оставилъ при своей особѣ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ того для разсмотрѣнія дѣйствій мятежниковъ учреждена была въ крѣпости, въ которой они находились, слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича. Государю угодно было назначить въ нее Блудова производителемъ дѣлъ, что поставило бы его въ необходимость каждый день находиться при допросахъ обвиненныхъ, изъ коихъ нѣкоторые были ему весьма знакомы. Для души его это было бы слишкомъ тягостно, и онъ умолилъ Царя уволить его отъ сей обязанности. За то каждый день лично вручаемы ему были Государемъ протоколы засѣданій коммиссіи, и въ одной изъ сосѣдственныхъ отъ кабинета царскаго комнатъ занимался онъ составленіемъ изъ того общаго дѣла. Часть зимы и всю весну провелъ онъ въ сихъ занятіяхъ и довершилъ трудъ свой извѣстнымъ Донесеніемъ Слѣдственной Коммиссіи за подписаніемъ предсѣдателя и всѣхъ членовъ ея и за его скрѣпою, которое тогда же было напечатано особой книжкой для всеобщаго свѣдѣнія.

Изъ документовъ, находившихся у него въ рукахъ, онъ могъ усмотрѣть, что, исключая Пестеля, Рылѣева и нѣкоторыхъ другихъ, настоящихъ революціонеровъ, понимающихъ цѣль, къ которой идутъ, всѣ заговорщики, по большой части военные, были молодые люди увлеченные примѣромъ обычая и распространившейся моды и почитающіе свободомысліе лучшимъ выраженіемъ ума и познаній, коихъ не было въ нихъ. Замѣтно было, что зачинщики болѣе всего старались дѣйствовать на неопытныхъ и на недальновидныхъ. Какъ же было не пожалѣть о сихъ несчастныхъ. Излагая ихъ сужденія, Блудовъ умѣлъ умалить ихъ значительность и тѣмъ самымъ вѣроятно надѣялся смягчить надъ ними приговоръ суда. Иногда дѣйствія ихъ были такъ смѣшны, что въ описаніи ихъ проглядывала у него невольная иронія. И были люди, которые это ставили ему въ вину! какъ можно ругаться надъ жертвами готовыми пасть подъ ударами закона? ихъ слѣдовало бы вѣнчать цвѣтами, представить хотя злодѣями, но великими людьми смѣлыхъ проказниковъ, которымъ хотѣлось только шума и тревоги*) и не помышлявшихъ о послѣдствіяхъ, возбудить не состраданіе къ нимъ, а энтузіазмъ къ ихъ дерзкимъ подвигамъ. Кажется, это не совсѣмъ было бы согласно съ видами правительства. Впрочемъ онъ сказалъ одну только правду и всѣ присутствовавшіе въ коммиссіи подтвердили ее своимъ подписомъ.

---

*) Въ Пензенской губерніи пойманъ былъ въ зажигательствѣ одинъ четырнадцатилѣтній мальчикъ. При допросахъ сознался онъ, что никогда и никѣмъ не бывъ подучаемъ, не въ первый уже разъ случается ему симъ заниматься, ибо онъ не знаетъ лучшаго удовольствія какъ смотрѣть на горящіе домы. Нѣкоторые изъ сихъ молодыхъ людей не схожи ли были во вкусахъ съ этимъ мальчикомъ?

Библиотека "Руниверс"

За тѣмъ учрежденъ Верховный Уголовный Судъ, составленный изъ всѣхъ членовъ Государственнаго совѣта, Синода и Сената, къ коимъ присовокуплено было нѣсколько полныхъ генераловъ. Въ числѣ судящихъ находился Сперанской, въ числѣ подсудимыхъ задушевный другъ его инженерный полковникъ Батенковъ, съ которымъ познакомился онъ въ Сибири (отъ управленія коей онъ давно былъ уволенъ) и котораго удалось ему перевести въ Петербургъ. Тѣсныя связи его съ нимъ ни для кого не были тайной, и въ Слѣдственной Коммиссіи всѣ ожидали, что изъ устъ Батенкова выйдетъ, наконецъ, имя его. Иногда дѣйствительно оно какъ бы скользило по нимъ; но сей скромный и твердый человѣкъ, говорятъ, чрезвычайно умный и ученый, весь преданный ему, до конца не выдалъ друга. Казалось, что сихъ подозрѣній было бы достаточно, чтобы удалить его по крайней мѣрѣ отъ службы; напротивъ, сей хитрецъ, разгаданный и отвергнутый покойнымъ Александромъ, нашелъ средство войти въ милость къ новому государю. Представивъ ему, что въ Россіи недостатокъ въ законахъ, онъ возбудилъ въ немъ весьма похвальную жажду къ славѣ законодателя; по словамъ его, имя Николая въ Россіи должно было стать выше именъ Ярослава и царя Алексѣя Михайловича, а вообще въ потомствѣ наравнѣ съ именами Юстиніана, Ѳеодосія и Наполеона. Принимая на себя огромный трудъ составленія свода существующихъ узаконеній и изданія потомъ новаго уложенія, онъ увѣрилъ царя, что сей трудъ не можетъ быть довольно успѣшно совершенъ безъ личнаго участія и надзора Его Величества. И потому коммиссія составленія законовъ обращена въ II-е Отдѣленіе Императорской Канцеляріи, а онъ назначенъ онаго главноуправляющимъ. Такимъ образомъ открылъ онъ себѣ свободный доступъ въ кабинетъ царской, каждую недѣлю имѣлъ докладъ, сохранилъ довѣренность Николая до самаго конца жизни своей, но не пріобрѣлъ того вліянія, которое надѣялся имѣть вобще на дѣла въ цѣломъ государствѣ.

По высочайшей волѣ, Блудовъ отряженъ былъ въ Верховный Уголовный Судъ для доставленія, въ случаѣ нужды, потребныхъ объясненій по дѣлу о подсудимыхъ. Тутъ встрѣтился онъ и хорошо познакомился со Сперанскимъ; но кажется, что взаимной симпатіи сіи господа не восчувствовали. За всѣ труды Блудовъ былъ награжденъ Аннинской лентой и званіемъ статсъ-секретаря, что̀ какъ будто поставило его на путь, ведущій къ занятію министерскаго мѣста.

Въ первыхъ числахъ Іюля, не помню именно въ какой день (ибо мой умъ находился тогда въ такомъ же разстройствѣ, какъ и тѣло), надъ виновными совершенъ приговоръ суда. Полтораста осужденныхъ выведены на гласисъ передъ крѣпостію, имъ прочтено рѣшеніе суда,

Библиотека "Руниверс"

надъ ними переломлены шпаги, сняты съ нихъ мундиры и фраки, они облечены въ крестьянское платье и отправлены въ ссылку. Пять человѣкъ были повѣшаны. Все это происходило вскорѣ по восхожденіи солнца и въ отдаленной части города, слѣдственно зрителей не могло быть много. Не смотря на то, въ этотъ день жители Петербурга исполнились ужаса и печали. Болѣе шестидесяти лѣтъ послѣ Мировича не видѣли они торговой, смертной казни.

Въ тоскливомъ уединеніи моемъ я мало вѣдалъ о томъ, что происходило въ городѣ. Нѣсколько доброжелателей съ намѣреніемъ развеселить меня, сколько-нибудь разсѣять грусть мою, назвались ко мнѣ обѣдать и условились на счетъ дня. Я поручилъ кому-то заказать обѣдъ въ трактирѣ и накупить вина. Надобно же было случиться, чтобы это было въ самый печальный день казни. Тутъ былъ Левшинъ, который пріѣхалъ объявить мнѣ, что указъ 25 Іюня, о назначеніи меня градоначальникомъ, изъ Сената только что полученъ имъ въ канцеляріи отсутствующаго уже графа Воронцова и меня съ тѣмъ поздравить. Докторъ Груби сообщилъ мнѣ извѣстіе о наградахъ, полученныхъ Блудовымъ. Первое принялъ я почти съ огорченіемъ, послѣднее довольно равнодушно: печальное все принималъ я къ сердцу, все радостное скользило по немъ. Между прочимъ находился у меня одинъ знакомый мнѣ лейбъ-гренадерскій офицеръ Пересѣкинъ, который со взводомъ гренадеръ въ это утро былъ свидѣтелемъ происходившаго передъ крѣпостію; съ прискорбіемъ и большими подробностями описывалъ онъ сцены, раздирающія душу. И вмѣсто веселія, гости мои умножили мою грусть. Они пили за мое здоровье и, зная пріязнь мою къ новому статсъ-секретарю, и за его здоровье. Я тоже попытался было хлебнуть Шампанскаго; оно показалось мнѣ полынковымъ самымъ горькимъ. Ничего не могло поднять упадшій духъ мой: разслабленная плоть его давила. Не приведи Богъ никому быть въ безотрадномъ состояніи души, въ которомъ я тогда находился.

Возвратившійся изъ-за границы Кочубей нашелъ съ удовольствіемъ прежняго подчиненнаго своего Блудова; дѣятельно-употребленнымъ мнѣніемъ своимъ онъ еще болѣе утвердилъ Государя въ высокомъ мнѣніи, которое возымѣлъ онъ объ немъ. Дашковъ, управлявшій дотолѣ въ Петербургѣ дѣлами Константинопольской миссіи, мало-по-малу сталъ переходить на другое поприще и также былъ предназначаемъ для высшихъ занятій. Жуковскій по учебной части былъ наставникомъ наслѣдника престола и почти домашнимъ посреди императорской фамиліи. Полетика, оставившій должность посланника и возвратившійся изъ Америки въ предыдущемъ году, сдѣланъ былъ сенаторомъ. Будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ встрѣтилъ его за границей,

Библиотека "Руниверс"

полюбилъ его оригинальный и смѣлый умъ, продолжалъ быть съ нимъ милостивымъ и всѣ были увѣрены, что онъ будетъ очень силенъ у двора. Все друзья, Арзамасцы! Касательно успѣховъ по службѣ, не тотъ, такъ другой, каждый готовъ былъ протянуть мнѣ руку помощи. И кто бы повѣрилъ? Въ это время никакъ не входило мнѣ это въ голову.

Дабы сколько-нибудь изгладить мрачное вліяніе, которое на всѣхъ имѣли продолжительный трауръ, двойные царскіе похороны, мятежи и казни, въ половинѣ Іюля поспѣшили съ выѣздомъ въ Москву. Въ опустѣвшемъ Петербургѣ вокругъ меня все еще болѣе опустѣло; однако душевный и тѣлесный мой недугъ отъ того не умножился: онъ могъ бы увеличиться только совершеннымъ лишеніемъ разсудка. Въ продолженіи лѣта я рѣдко видѣлся съ озабоченнымъ Блудовымъ; тутъ отправился онъ съ Государемъ въ древнюю столицу и не съ тѣмъ, чтобы погулять въ ней, попировать, а съ тѣмъ, чтобы принимать прошенія на высочайшее имя, тамъ подаваемыя. Въ его отсутствіе я немного чаще сталъ посѣщать его семейство, умножившееся двумя дочерьми, Антониной и Лидіей, двумя сыновьями, Андреемъ и Вадимомъ. Всѣмъ казался я несносенъ; одна Анна Андреевна, по неистощимой благости своей ко мнѣ, принимала меня всегда съ соболѣзнованіемъ, ласкою и участіемъ. Малютки подростали; въ нихъ уже выказывался весь умъ отца вмѣстѣ съ добродушіемъ матери. Не знаю, по примѣру ли имъ данному, или по врожденному, наслѣдственному чувству, не смотря на мою брюзгливость, они любили меня; за то и мнѣ съ ними бывало какъ будто легче, какъ будто возвращалась мнѣ любовь къ жизни. Тутъ долженъ я упомянуть объ одной дѣвицѣ Дютуръ, которую за ихъ добрыя дѣянія самъ Богъ послалъ семейству Блудовыхъ. Въ малолѣтствѣ, родителями своими, принадлежащими къ одной древней и благородной фамиліи во Франціи и бѣжавшими отъ ужасовъ революціи, увезена была она въ Англію. Тамъ она и образовалась, и всю живость любезнѣйшихъ изъ Француженокъ умѣла она соединять съ благоразуміемъ, со строгими правилами благовоспитанныхъ Англичанокъ. Въ Лондонѣ Блудовъ узналъ ее и поручилъ ей воспитаніе дѣтей своихъ обоего пола. По твердому и просвѣщенному уму своему она была весьма способна къ занятію званія гувернера при мальчикахъ; еще болѣе была она въ состояніи воспитывать дѣвицъ. Я здѣсь говорю объ ней, потому что ничего ей подобнаго между иностранными у насъ наставницами я не встрѣчалъ; также и потому, что въ это именно время, ея скромно-веселые разговоры часто уменьшали раздраженно-болѣзненное мое состояніе.

Библиотека "Руниверс"

Въ продолженіи Августа оно примѣтнымъ образомъ начало улучшаться. Во время отсутствія двора и гвардіи, Петербургъ становится нѣсколько похожъ на провинцію, дѣлается легковѣренъ до неимовѣрности, начинаются въ немъ нелѣпые толки, распространяются ложныя извѣстія. Ожидали, что коронація будетъ 1 Августа: слабое здоровье молодой Императрицы заставляло откладывать сей величественный и тяжкій обрядъ; изъ этого выводили заключеніе, что будто бы какая-то личная опасность грозитъ самому Императору: пустословію конца не было. 25 Августа передъ захожденіемъ солнца прогуливался я въ Лѣтнемъ саду; съ самаго Апрѣля погода не мѣнялась, день былъ жаркій, обѣщалъ теплую ночь, и я даже чувствовалъ нѣкоторую отраду. Когда я сталъ подходить къ рѣшеткѣ, выходящей на Неву, раздался пушечный выстрѣлъ. Извѣстно, какое жестокое дѣйствіе всякій залпъ, всякій сильный звукъ, потрясающій воздухъ, производитъ на разстроенные нервы. За мѣсяцъ до того безъ содраганія не могъ бы я услышать и пистолетный выстрѣлъ; тутъ, напротивъ, почувствовалъ я какое-то удовольствіе, смѣшанное однако съ нѣкоторою болью: вѣрный признакъ перемѣны въ состояніи здоровья. Нескорыми шагами пошелъ я назадъ, изчитывая громовые удары, изъ крѣпости наносимые. У Симіоновскаго моста подлѣ крыльца одного большаго угольнаго дома увидѣлъ я множество экипажей разнаго рода; отъ кучеровъ и лакеевъ узналъ я, что хозяинъ его, генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій, привезъ извѣстіе о совершившимся 22-го Августа вѣнчаніи на престолъ и муропомазаніи царской четы; тѣмъ опровергались пустые слухи, недоброжелательствомъ распущенные. Весь Петербургъ истинно, искренно возрадовался и радость свою изъявилъ самымъ блестящимъ образомъ. На другой день 26-го числа и послѣдующіе два дня, 27 и 28, онъ загорѣлся изъ края въ край, ночи были темныя и теплыя, и такой чудной иллюминаціи я никогда еще въ немъ не видывалъ.

Мой братъ находился тогда въ Москвѣ и разсказывалъ мнѣ, что 14-го числа, закупая въ лавкахъ на Красной площади какія-то вещи для отправленія въ Пензу, купцами и сидѣльцами былъ привѣтствуемъ (равно какъ и другіе покупатели) слѣдующими словами: «Батюшка, слышали вы новость?—Что̀ такое?—Вѣдь онъ пріѣхалъ.—Да кто?—Да Константинъ Павлычъ». Радость была написана у нихъ на лицахъ. Это было подтвержденіемъ сдѣланнаго имъ отреченія отъ престола; въ глазахъ обманутаго народа казалось это примиреніемъ двухъ никогда не ссорившихся братьевъ. Много было добраго въ этомъ цесаревичѣ; невозможно, чтобы безъ сокрушеннаго сердца могъ онъ смотрѣть на корону, по праву ему принадлежащую, на главѣ меньшаго брата и присутствовать при обрядѣ его вѣнчанія въ видѣ перваго его подданнаго.

Библиотека "Руниверс"

Но онъ рѣшился на то для общаго спокойствія и на нѣсколько недѣль пожертвовалъ ему собственнымъ. И пусть сыщутъ мнѣ другой народъ въ мірѣ, который бы, подобно Русскому, такъ восхищался бы добродѣтелями своихъ царей, съ такимъ восторгомъ смотрѣлъ бы на ихъ славныя дѣянія, а при видѣ ихъ недостатковъ, пороковъ или жестокихъ несправедливостей, съ такимъ горестнымъ молчаніемъ потуплялъ бы глаза.

Сколько Іюль былъ печаленъ, столько Августъ казался радостенъ; но это было не передъ добромъ.

Особая канцелярія по секретной части со временъ Балашова существовала сперва при Министерствѣ Полиціи, а по уничтоженіи его, при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствія ея были незамѣтны, особенно послѣ взятія Парижа. Всѣ говорили смѣло, даже нескромно, всякой, что̀ хотѣлъ: время самое удобное для распространенія вольнодумства. Съ 1820 года начали показываться нѣкоторыя строгія мѣры, но и онѣ были только вслѣдствіе явно-дерзкихъ поступковъ. Похвалы свободѣ продолжались только по принятому обычаю; но горсть недовольныхъ, замышляющихъ ниспровергнуть образъ правленія, сдѣлалась скромнѣе и отъ мечтаній перешла къ сокровеннымъ дѣйствіямъ. Во всякомъ другомъ народѣ сіе могло бы имѣть самыя зловредныя послѣдствія и приготовить всеобщія возмущенія, но у Русскихъ священная власть царская всегда была главнымъ догматомъ ихъ вѣры. И какъ легко было бы тогда правительству, дознавшись до истины, болѣе виновныхъ удалить отъ службы; для обузданія же ихъ, по ихъ малочисленности, достаточно было бы однѣхъ угрозъ и строгаго присмотра, а совсѣмъ не наказаній. Но секретною частію, какъ сказалъ я, управлялъ Фонъ-Фокъ, который не имѣлъ съ ними никакихъ связей, а питалъ къ нимъ братскую нѣжность. Происшествіе 14 Декабря и его послѣдствія явно обнаружили, какъ не велико число было людей опасныхъ для государственнаго спокойствія; что̀ значили сотни безпокойныхъ и ничтожныхъ умовъ въ сравненіи съ десятками милліоновъ жителей? Къ тому же виновные всѣ отправлены были въ ссылку, а ужасъ казни долженъ былъ устрашить готовыхъ подражать имъ. Кажется, послѣ того можно бы было, хотя на нѣкоторое время, оставаться спокойнымъ; но не такъ думалъ г. Фонъ-Фокъ. Онъ часто былъ призываемъ въ Слѣдственную Коммиссію и тамъ познакомился и сблизился съ однимъ изъ членовъ ея, также Нѣмцемъ, генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, чрезъ котораго надѣялся онъ успѣть въ одномъ важномъ предпріятіи. Первый разъ еще генералъ сей является въ моихъ Запискахъ, и потому да позволено мнѣ будетъ въ кратцѣ изобразить его.

Библиотека "Руниверс"

Описывая странствованіе мое по Сибири, говорилъ уже я о меньшомъ братѣ его Константинѣ Христофоровичѣ, отлично благородномъ и любезномъ человѣкѣ, котораго съ тѣхъ поръ потерялъ я изъ виду; ибо послѣ того служилъ онъ въ разныхъ посольствахъ, а въ 1812 году поступилъ въ военную службу, сражался въ бояхъ и жилъ внѣ Петербурга. Оба брата, Александръ и Константинъ, въ малолѣтствѣ лишившись матери, которая была другомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, возросли подъ ея покровительствомъ и были воспитаны въ пансіонѣ аббата Николя. Кажется, гдѣ-то сказалъ я, въ чемъ состояло это воспитаніе: свѣтское образованіе было единственною цѣлію его, а о высшихъ наукахъ тамъ никто не помышлялъ. Для дальнѣйшаго усовершенствованія молоденькаго флигель-адъютанта Александра Бенкендорфа посредствомъ путешествій, подъ разными предлогами и съ разными ничтожными порученіями, сперва безпрестанно разсылали его по всѣмъ концамъ Россіи, потомъ въ чужія государства, также въ Турцію и на Іоническіе острова. Нигдѣ почти долго не останавливаясь, проскакалъ онъ великія пространства, съ невѣжественностію тогдашняго воспитанія, съ вѣтренностію юноши и съ разсѣянностію наслѣдственною въ семействѣ Бенкендорфовъ. Такъ прошли первые годы самой первой молодости его, какъ вдругъ начались Наполеоновскія войны, и десять лѣтъ сряду Россія не могла вложить въ ножны меча своего. Въ сихъ войнахъ онъ вездѣ участвовалъ, былъ отмѣнно храбръ и счастливъ и также, какъ Милорадовичъ, нигдѣ не былъ даже оцарапанъ. Онъ быстро поднялся въ чинахъ; но императоръ Александръ, который такъ хорошо умѣлъ распознавать людей, хотя въ угожденіе матери своей и сдѣлалъ его своимъ генералъ-адъютантомъ, но при себѣ никогда не хотѣлъ употреблять, и онъ почти забытый, безвѣстный въ мирные годы командовалъ въ Харьковѣ кавалерійской дивизіей. Тамъ онъ, говорятъ, ничего не читалъ, совершенно презиралъ гражданскую службу и ея дѣла, а занятіями военной безпрестанно жертвовалъ своимъ забавамъ и любовнымъ интригамъ.

Кто бы могъ подумать тогда, что скоро участь многихъ, премногихъ умныхъ и честныхъ людей будетъ зависѣть совершенно отъ этого пустоголоваго созданія. Новый Царь, конечно, не обманулся на счетъ его безпредѣльной къ нему преданности: за него далъ бы онъ себя изрубить въ куски; но не нужно ли было взять въ соображеніе и способности человѣка? Для занятія важной государственной должности никто менѣе его ихъ не имѣлъ. То и надобно было Фонъ Фоку. Онъ видѣлъ старость, безсиліе и приближающееся паденіе начальника своего Ланскаго и задумалъ часть свою поставить гораздо выше, на болѣе прочномъ и обширномъ основаніи. Вѣроятно онъ представилъ Бен-

Библиотека "Руниверс"

кендорфу, какъ выгодно будетъ ему въ рукахъ своихъ имѣть большую власть безъ большихъ заботъ и безъ всякой отвѣтственности и въ тоже время чрезъ то находиться въ ежедневныхъ и безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Государемъ. Онъ предложилъ ему Министерство Полиціи, но уже въ новомъ видѣ и подъ другимъ именемъ и составилъ оному проектъ. Какъ ведено было это дѣло, былъ ли кто призванъ на совѣтъ? Вотъ что̀, кажется, никому не было извѣстно, ибо вскорѣ послѣ коронаціи сіе новое учрежденіе было для всѣхъ неожиданною новостію.

Особая канцелярія по секретной части переименована въ III Отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи; Фонъ-Фокъ остался онаго управляющимъ, а Бенкендорфъ назначенъ главноуправляющимъ. Но главное состоитъ въ томъ, что онъ назначенъ вмѣстѣ и шефомъ корпуса жандармовъ, которому порученъ былъ надзоръ за порядкомъ въ цѣломъ государствѣ. Этотъ корпусъ составленъ былъ изъ нѣсколькихъ округовъ; къ каждому изъ нихъ принадлежало нѣсколько губерній. Окружными начальниками назначаемы были генералы, а въ губерніи опредѣляемы были одинъ штабъ и нѣсколько оберъ-офицеровъ, и весь этотъ обсерваціонный корпусъ сформированъ былъ къ концу года, какъ ни трудно было съ начала склонить нѣсколько порядочныхъ людей войти въ него. Голубой мундиръ, ото всѣхъ другихъ военныхъ своимъ цвѣтомъ отличный, какъ бы одеждою доносчиковъ, производилъ отвращеніе даже въ тѣхъ, кои рѣшались его надѣвать.

Учрежденіе сего новаго рода полиціи, кажется, имѣло двоякую цѣль. Жандармы обязаны были открывать всякіе дурные умыслы противъ правительства и если гдѣ станутъ проявляться смѣлыя, политическія, вольнолюбивыя идеи, препятствовать ихъ распространенію. Это было немного трудно: ибо число зараженныхъ либерализмомъ и непричастныхъ къ дѣлу 14 Декабря было не велико, и они болѣе чѣмъ когда притаились и съ великою осторожностію сообщали свои мнѣнія. Потомъ всякій штабъ-офицеръ сего корпуса долженъ былъ въ губерніи, гдѣ находился, наблюдать за справедливымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ судахъ, указывать губернаторамъ на всякіе вообще безпорядки, на лихоимство гражданскихъ чиновниковъ, на жестокое обращеніе помѣщиковъ и доносить о томъ своему начальству. Намѣреніе, конечно, казалось наилучшимъ, но къ исполненію его гдѣ было сыскать людей добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ, свѣдущихъ и прозорливыхъ? Развѣ не было губернаторовъ, городскихъ и земскихъ полицій и, наконецъ, прокуроровъ? Которые должны были наблюдать за законнымъ теченіемъ дѣлъ? Неужели дотолѣ не было въ Россіи ни малѣйшаго порядка? Неужели вездѣ въ ней царствовало беззаконіе? А если такъ, могла ли все исправить горсть армейскихъ офицеровъ, кое-какъ набранныхъ?

Библиотека "Руниверс"

Даровать такимъ людямъ полную довѣренность значило лишать ея всѣ мѣстныя власти, высшія и низшія. Многимъ изъ штабъ-офицеровъ, поступившихъ въ жандармскую команду, было любо жить въ губерніи, совершенно независимыми, безъ всякаго постояннаго, опредѣленнаго занятія и для всѣхъ быть грозою. Отъ самыхъ неблагонамѣренныхъ людей, изгнанныхъ изъ общества, принимали они извѣты и съ своими дополненіями отправляли въ Петербургъ. Если по слѣдствію окажется, что ихъ донесенія были ложны, что̀ за бѣда? Они отъ усердія могли ошибиться и не подлежали никакой за то отвѣтственности. И гдѣ было искать защиты противъ нихъ губернскимъ начальствамъ, а кольми паче частнымъ людямъ, когда и самъ глава ихъ Бенкендорфъ нѣкоторымъ образомъ поставленъ былъ надсмотрщикомъ надъ другими министрами? Вся спокойная, провинціальная, деревенская жизнь была оттого потревожена. Можно себѣ представить какая..... да пропустятъ мнѣ сіе слово..... какая деморализація должна была отъ того произойти!

Въ Сентябрѣ сія черная туча поднялась надъ Россіей и на многіе годы возлегла на ея горизонтѣ. Конечно время ослабило ея дѣйствія и ужасъ, но она не дала вполнѣ насладиться счастіемъ, которымъ бы безъ нея мы пользовались въ первые годы царствованія справедливѣйшаго изъ государей. Ея появленіе опечалило даже окружавшихъ его приверженцевъ, и я подъ присягой могу сказать, что не встрѣчалъ ни единаго человѣка, который бы учрежденіе сіе одобрилъ, который бы говорилъ объ немъ безъ крайняго неудовольствія.

Одинъ только человѣкъ былъ совершенно доволенъ: разумѣется, г. Фонъ-Фокъ. Онъ хотѣлъ, чтобы просвѣщенный по мнѣнію его образъ мыслей не совсѣмъ погибъ въ Россіи и людей имѣющихъ его намѣренъ былъ защищать отъ преслѣдованій. Вообще же, надобно отдать ему сію справедливость, онъ совсѣмъ не былъ золъ и, повторяю, ни чьей не искалъ погибели. Безграмотный его начальникъ почти всегда не читая подписывалъ бумаги и такимъ образомъ иногда слѣпо и неумышленно губилъ людей, и потому Фонъ-Фоку было весьма удобно большую часть ложныхъ доносовъ, не доводя до его свѣдѣнія, бросать въ каминъ, тѣмъ болѣе что безпрестанно увеличивающееся число ихъ было не въ соразмѣрности съ числомъ трудящихся въ канцеляріи. Бенкендорфъ тогда только ускользалъ изъ рукъ его, когда находился подъ какимъ нибудь постороннимъ, сильнымъ вліяніемъ.

Что̀ сказать мнѣ еще о семъ послѣднемъ? Всѣ познали, что воскресъ Милорадовичъ, но только на томъ свѣтѣ въ короткое время выучившійся хорошо говорить по-французски, а впрочемъ все тоже фанфаронство, все тоже пустословіе.

Библиотека "Руниверс"

Когда дошли до меня вѣсти о жандармеріи, не понимаю, отчего я не обратилъ на то особаго вниманія. Но вскорѣ я приведенъ былъ ею въ ужасъ; первые ея удары должны были пасть на мое семейство. Это требуетъ подробнаго разсказа.

Не разъ приходилось мнѣ говорить о старшемъ сынѣ сестры моей Алексѣевой, Александрѣ Ильичѣ, котораго оставилъ я въ Ельцѣ адъютантомъ при пьяномъ генералѣ графѣ Паленѣ. Изъ особой милости къ отцу, покойный Государь перевелъ потомъ обоихъ сыновей его въ гвардію: старшаго въ конно-егерскій полкъ, а меньшаго въ новый Семеновскій. Хотя гвардейскій конно-егерскій полкъ стоялъ въ Новгородѣ, однако служившій въ немъ уже штабъ-капитаномъ Алексѣевъ подъ разными предлогами жилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ. Что онъ въ немъ дѣлалъ? Почти однѣ шалости. Онъ любилъ поплясать, погулять, поиграть, но отнюдь не былъ буяномъ; напротивъ, какая-то врожденная ластительность (calinerie) всегда въ отношеніи къ нему склоняла родителей и начальство къ снисходительности, можетъ быть, излишней.

Я самъ былъ обезоруженъ его ласковымъ и услужливымъ характеромъ, какъ вдругъ въ началѣ Октября я узнаю, что онъ схваченъ и подъ карауломъ отправленъ въ Москву. Вотъ что случилось. Кто то еще въ Мартѣ далъ ему какіе-то стихи, будто Пушкина, въ честь мятежниковъ 14 Декабря; у него взялъ ихъ молоденькой гвардейской конно-піонерный офицеръ Молчановъ, взялъ и не отдавалъ, а тотъ объ нихъ совсѣмъ позабылъ. Такъ почти всегда водилось между армейскими офицерами: немногіе знали, что такое литература; возьмутъ, прочитаютъ стишки выдаваемые за лихіе, отдадутъ другому, другой третьему и такъ далѣе. Тоже самое и съ книгами: тотъ, который имѣлъ неосторожность дать ихъ и кому онѣ принадлежатъ, никогда ихъ не увидитъ.

Между тѣмъ лишь только учредилась жандармская часть, нѣкто донесъ ей въ Москвѣ, что у офицера Молчанова находятся возмутительные стихи. Бѣдняжку, который и забылъ объ нихъ, схватили, засадили, допросили, отъ кого онъ ихъ получилъ? Онъ указалъ на Алексѣева. Какъ за нимъ, такъ и за Пушкинымъ, который все еще находился ссыльнымъ во Псковской деревнѣ, отправили гонцевъ.

Это послужило къ пользѣ послѣдняго. Государь пожелалъ самъ видѣть у себя въ кабинетѣ поэта, мнимаго бунтовщика, показалъ ему стихи и спросилъ, кѣмъ они писаны? Тотъ не обинуясь сознался, что онъ. Но они были писаны за пять лѣтъ до преступленія, которое будто бы они восхваляютъ, и даже напечатаны подъ названіемъ Андрей Шенье. Въ нихъ Пушкинъ нападаетъ на революцію, на террористовъ, кровожадныхъ безумцевъ, которые погубили геніальнаго человѣка. Небольшую только часть его стихотворенія, впрочемъ, одинаковаго содержанія, не-

Библиотека "Руниверс"

извѣстно почему цензура не пропустила, и этотъ непропущенный лоскутокъ, который хорошенько не поняли малограмотные офицерики, послужилъ обвинительнымъ актомъ противъ нихъ. Среди безчисленныхъ заботъ Государь вѣроятно не захотѣлъ взять труда прочитать стихи; безъ того при малѣйшемъ вниманіи увидѣлъ бы онъ, что въ нихъ не было ничего общаго съ предметомъ, на который будто они были написаны. Пушкинъ умѣлъ ему это объяснить, и его умная, откровенная, почтительно-смѣлая рѣчь полюбилась Государю. Ему дозволено жить гдѣ онъ хочетъ и печатать что́ онъ хочетъ. Государь взялся быть его цензоромъ съ условіемъ, чтобы онъ не употреблялъ во зло дарованную ему совершенную свободу, и до конца жизни своей остался онъ подъ личнымъ покровительствомъ Царя.

Иная участь ожидала бѣдныхъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ Молчанову во мзду его признанія дозволено было оставить службу. Но Алѣксѣевъ, который не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ назвать того, кто далъ ему стихи, по привезеніи въ Москву, гдѣ нѣтъ крѣпости, посаженъ былъ въ острогъ, въ сырую, только что отдѣланную комнату, въ которой скоро разстроилось его здоровье, и онъ едва не потерялъ зрѣніе.

И для родителей его въ тоже время были ужасныя сцены. Отецъ мало выѣзжалъ и рѣдко читалъ письма отъ сыновей, а мать всемѣрно старалась скрыть отъ него постигнувшее ихъ несчастіе, предупреждая посѣтителей, чтобы они ничего ему о томъ не говорили. Вдругъ вбѣгаетъ безъ доклада какой-то адъютантъ и, не поклонясь даже генералу, начинаетъ сими словами: «Вашъ сынъ преступникъ, злоумышленникъ противъ Государя». Какъ громовой ударъ были эти слова для престарѣлаго воина, можно сказать, закаленнаго въ вѣрноподданнической преданности къ престолу. Какъ, что́? и пошатнулся. Адъютантъ продолжаетъ: «Извольте же сейчасъ отправиться со мною къ генералу Бенкендорфу, тамъ увидите вы сына вашего и, можетъ быть, склоните его сказать, наконецъ, правду». Послушенъ страшному адъютантскому призванію, онъ приказалъ заложить карету. «Нѣтъ, сказалъ тотъ, генералу нѣкогда васъ долго дожидаться; извольте со мною ѣхать на моихъ парныхъ дрожкахъ: они васъ довезутъ назадъ». Все это въ присутствіи изумленной, отчаянной сестры моей. Вѣроятно слѣдуя въ подобныхъ случаяхъ примѣру начальника своего, новаго генералъ-инквизитора, вотъ какъ поступалъ офицеръ съ человѣкомъ, котораго имя извѣстно было всей арміи и который не разъ командовалъ корпусомъ. Совсѣмъ растерянный, Алексѣевъ машинально повиновался. Бенкендорфа онъ уже не засталъ, а въ присутствіи дежурнаго генерала Потапова грозилъ сыну проклятіемъ, если не объявитъ истины, а тотъ

Библиотека "Руниверс"

клялся Богомъ со всѣми святыми, что рѣшительно не помнитъ, отъ кого получилъ несчастные стихи. Какъ легко можно было видѣть, что тутъ не было ни упрямства, а еще менѣе благородной твердости въ испуганномъ, вѣтреномъ молодомъ человѣкѣ. Истерзанный отецъ воротился домой и въ тотъ же день почувствовалъ первый легкій ударъ паралича.

Нѣтъ любви сильнѣе материнской, а гдѣ любовь, тутъ нѣтъ разсудка: конечно, его было мало въ предпріятіи моей бѣдной сестры. Она рѣшилась пасть къ ногамъ Императора и просить о помилованіи сына, объяснивъ по возможности его безвинность. Въ Москвѣ этого никакъ сдѣлать было нельзя. Узнавъ, что въ назначенный день Государь съ Императрицею намѣренъ посѣтить Воскресенскій монастырь, Новый Іерусалимъ именуемый, въ 45 верстахъ отъ Москвы, она, собравшись съ силами, отправилась туда въ сопровожденіи одного добраго друга нашего семейства Товарова, о которомъ уже мнѣ случалось говорить: одной ей было бы слишкомъ страшно. При выходѣ изъ келій архимандрита, въ сѣняхъ дожидалась она царскую чету. Она сдѣлала шагъ впередъ, но онѣмѣла, не могла вымолвить слова и только что̀ указала на грудь, гдѣ находилась просительная бумага. «Что̀ вамъ надобно? Какъ вы смѣли?» сказалъ ей прогнѣванный Государь. Болѣе не могла она разслышать, ибо дѣйствительно пала къ ногамъ его, только безъ чувствъ. Говорятъ, будто видъ отчаяннаго безумія на лицѣ ея встревожилъ, испугалъ чувствительную Императрицу вмѣсто того, чтобы возбудить въ ней состраданіе. Она очнулась въ какой-то кухнѣ, куда была отнесена; присланный докторъ приводилъ ее въ чувство и старался успокоить, увѣряя, что ея бумага, взятая во время ея безпамятства, находится въ рукахъ у Государя. Она могла опасаться, что ее посадятъ подъ караулъ, а такая снисходительность подала ей хотя слабую надежду.

Все было тщетно. Бенкендорфъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ своей жертвы; какъ было ему сознаться, что первое дѣйствіе его было промахомъ? Онъ представилъ обвиняемаго великимъ шалуномъ, что̀ было и правда; но онъ по самомъ себѣ могъ знать большую разницу между либераломъ и libertin. Меньшой Николай Алексѣевъ попросилъ его о дозволеніи повидаться съ заключеннымъ братомъ и за то, яко подозрѣнію подлежащій, изъ Семеновскаго полка тѣмъ же чиномъ переведенъ былъ въ армейскій, находившійся въ Рязани. Тутъ уже видно явное гоненіе. И такъ злополучіе, во образѣ безжалостнаго глупца, вдругъ налегло на все семейство, дотолѣ спокойное и любимое въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Чѣмъ же все это кончилось? Обвиняемый былъ отправленъ къ полку въ Новгородъ, гдѣ велѣно содержать его подъ строжайшимъ карауломъ, пока не допытаются отъ него истины. По снисходительности начальства, могли его посѣщать однополчане. Кто-то изъ нихъ назвалъ при немъ одного Леопольдова. Глаза у него засверкали; какъ! что! точно такъ! воскликнулъ онъ: такъ называется человѣкъ, который далъ мнѣ стихи. Этотъ Леопольдовъ, довольно еще молодой, изъ духовнаго званія, былъ учителемъ въ одномъ изъ приходскихъ училищъ Петербурга и въ тоже время преподавалъ Русскій языкъ и Законъ Божій въ частныхъ домахъ, между прочимъ молодому Молчанову. Послѣ того былъ вхожъ въ домъ его родителей, гдѣ мелькомъ видѣлъ его Алексѣевъ. Не знаю, съ чего онъ предложилъ ему стихи Пушкина; тотъ полюбопытствовалъ ихъ видѣть, и онъ ему доставилъ ихъ. Потомъ Молчановъ пожелалъ ихъ имѣть, а какъ у Леопольдова не было другаго списка, то онъ сказалъ ему, что можетъ получить отъ Алексѣева, который въ послѣдствіи признавался мнѣ, что ихъ даже не читалъ. Шесть мѣсяцевъ спустя, не знаю какимъ образомъ, Леопольдовъ находился въ Москвѣ, и онъ-то былъ тайнымъ доносчикомъ на юношу, котораго семейство ему благодѣтельствовало.

Казалось, этимъ объяснялось все дѣло; не могло оставаться ни тѣни подозрѣнія на счетъ дурнаго умысла Алексѣева; но, видно, по законамъ г. Бенкендорфа для обвиненныхъ не было оправданія, а слѣдовало неизбѣжно наказаніе. Несчастнаго молодаго человѣка нельзя же было сослать въ Сибирь. Изъ гвардейскаго тѣмъ же чиномъ перевели его въ армейскій конно-егерскій полкъ, съ лишеніемъ права на производство и съ воспрещеніемъ не только подавать въ отставку, но даже проситься во временный отпускъ. Года черезъ два вымолили ему увольненіе отъ службы. А Леопольдовъ? И его недѣли на двѣ посадили подъ караулъ за неосновательный доносъ, а потомъ мѣсяца черезъ три былъ онъ помѣщенъ въ тайную полицію. Это было началомъ ужасныхъ нелѣпостей Бенкендорфовскихъ, которыя быть можетъ еще встрѣтятся подъ перомъ моимъ, какъ ни избѣгать я буду говорить о нихъ.

Если часть семейства моего, живущая въ Москвѣ, много въ это время пострадала, то по крайней мѣрѣ другая, не покидавшая Пензы, продолжала жить въ ней спокойно, согласно, не испытывая горестей. Мнѣ же предстояла если не бѣда, то великая непріятность.

Еще до кончины покойнаго Императора, Сенату дозволено было принимать жалобы на рѣшенія Бессарабскаго Верховнаго Совѣта, не смѣю сказать по настаиваніямъ моимъ у Воронцова, по крайней мѣрѣ согласно съ постоянными моими желаніями. Вотъ почему Молдавской

Библиотека "Руниверс"

бояръ Николай Рознованъ, еще при началѣ года, пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать по дѣламъ и тяжбамъ отца своего. Я нигдѣ не бывалъ, слѣдственно не могъ его встрѣтить, а только слышалъ, что онъ оспариваетъ долговую претензію бояра Гики на брата его. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ былъ я человѣкъ посторонній, давъ ему, правда, законный ходъ, но не участвовавшій въ сужденіяхъ по немъ: то и могу сказать, что пропустилъ я это мимо ушей. Въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ я находился, никто не хотѣлъ мнѣ сказать, что и на меня подана отъ него жалоба за то, что я отцу его, если припомнитъ читатель, отказалъ въ выдачѣ паспорта для вывезенія за границу какихъ-то сокровищъ. Онъ былъ здоровъ, богатъ, всюду разъѣзжалъ, гдѣ нужно низко кланялся, гдѣ нужно сыпалъ золото, а я въ одномъ съ нимъ городѣ про то и не вѣдалъ. Главная для меня бѣда была въ томъ, что онъ нашелъ доступъ къ министру юстиціи князю Лобанову-Ростовскому, который, Богъ вѣсть за что, ненавидѣлъ графа Воронцова, тогда какъ я, не знаю почему, слылъ его любимцемъ. Разъяренная обезьяна (ибо на сіе животное никто такъ не походилъ, какъ Лобановъ) не устыдилась показать тутъ явное пристрастіе. Поочередно приглашалъ онъ къ себѣ сенаторовъ (какъ узналъ я послѣ) дабы склонить ихъ на вопіющую несправедливость. Одинъ только изъ нихъ Павелъ Львовичъ Батюшковъ показалъ нѣкоторое упорство. Исправляющаго же должность оберъ-прокурора, молодаго еще Григорія Петровича Митусова, честнѣйшаго и благороднѣйшаго, угрозою лишить его мѣста принудилъ онъ пропустить рѣшеніе Сената.

Я узналъ о немъ только въ началѣ Ноября. Въ удовлетвореніе за великіе убытки, понесенные отцомъ Рознованомъ, въ слѣдствіе отказа моего выдать ему паспортъ за границу, и въ обезпеченіе уплаты за то повелѣно первоначально наложить запрещеніе на все мое имущество, а цынутному, т. е. уѣздному суду, разсмотрѣть, до чего могутъ простираться эти убытки. Розновану хотѣлось только отомстить мнѣ за пренебреженіе къ его Молдавскому величію; далѣе онъ не думалъ простирать претензій своихъ, зная, что съ меня нечего взять. Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо въ первую минуту я былъ пораженъ симъ ударомъ. Еслибы онъ направленъ былъ и не на меня, мнѣ все больно было бы видѣть, что первымъ дѣйствіемъ Русскаго Сената въ дѣлахъ Бессарабскихъ, котораго власть такъ усердно я призывалъ, было принесеніе въ жертву злой прихоти Молдавскаго богача безвиннаго Русскаго чиновника.

Стыдно признаться, а досада, которую восчувствовалъ я, меня оживила. Я совершенно упалъ духомъ, ничто меня сильно не тревожило, не печалило, не радовало; тутъ я вдругъ воспрянулъ и, ни съ

Библиотека "Руниверс"

кѣмъ не совѣтуясь, самъ написалъ длинную просьбу на Сенатъ. Въ ней, стараясь доказать, какъ поступилъ онъ противузаконно, изъяснялъ я слѣдующее: 1-е, что Розноване отнюдь не торговый человѣкъ и не товары для продажи могъ онъ имѣть намѣреніе отправить въ Яссы, слѣдственно отъ нахожденія пожитковъ его въ томъ или другомъ мѣстѣ не могло послѣдовать для него никакихъ убытковъ; 2-е, что вообще онъ ничего не думалъ отправлять; сіе доказывается тѣмъ, что онъ могъ обратиться къ прибывшему черезъ два дни послѣ отказа моего, пріятелю своему губернатору Катакази, и онъ сего не сдѣлалъ; 3-е, что прежде, чѣмъ утруждать Сенатъ, слѣдовало бы ему жаловаться намѣстнику; 4-е, что департаментъ судный или апелляціонный разсматриваетъ одни только тяжебныя дѣла, а отнюдь не имѣетъ права входить въ сужденія по жалобамъ на несправедливыя дѣйствія губернаторовъ, ибо сіе подлежитъ разсмотрѣнію одного перваго департамента Правительствующаго Сената; 5-е, что по настоящему дѣлу обвиняемый ни разу не былъ даже спрошенъ; 6-е, что Сенату воспрещено не только отдавать подъ судъ начальниковъ губерній или дѣлать какія-либо съ нихъ взысканія, ни даже объявлять имъ выговоровъ безъ Высочайшаго разрѣшенія и, наконецъ, 7-е, что я, дѣйствовавшій тутъ, не какъ частное лицо, а какъ управляющій областію, нѣкоторымъ образомъ преданъ былъ сужденію уѣзднаго суда, чему дотолѣ не видано было примѣровъ.

Мнѣ жаль, что я не сохранилъ списка съ этого прошенія на Высочайшее имя. Сколько припомню, въ немъ были выраженія довольно дерзкія и не совсѣмъ почтительныя къ Сенату. Что дѣлать? Потухшее воображеніе во мнѣ опять возжглось, остывшая кровь какъ будто закипѣла, и неудивительно, если, не смотря на ясность доводовъ, бумага сія отзывалась какимъ-то бредомъ.

Такого прошенія никакъ принять было нельзя. Къ счастію моему, незадолго передъ тѣмъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній предобрѣйшій Николай Михайловичъ Лонгиновъ, родной братъ соперника моего Никанора. Онъ началъ поприще свое въ Лондонской, сперва духовной, потомъ свѣтской миссіи. Оттуда прямо взятъ онъ былъ секретаремъ къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и оставался въ семъ званіи до кончины ея. При ней могъ онъ заниматься только по части благотворительной и по части женскихъ патріотическихъ заведеній, а съ дѣлами правительственными и судебными никогда дотолѣ не встрѣчался. Но у насъ, какъ говорится, и шило брѣетъ, и всякій горазъ на все. Лонгиновъ всѣмъ былъ обязанъ роду Воронцовыхъ, а какъ онъ умѣлъ помнить добро и почиталъ меня великимъ Воронцовистомъ, то и готовъ былъ все для меня сдѣлать. По тогдаш-

Библиотека "Руниверс"

ней неопытности своей онъ не могъ замѣтить, сколько было неприличнаго въ прошеніи, которое съ авторскимъ самолюбіемъ я самъ ему прочиталъ. Но канцелярія его ужаснулась и требовала, чтобы я иное вымаралъ, иное совсѣмъ измѣнилъ. Я устоялъ на своемъ, и жалоба моя безо всякой перемѣны вмѣстѣ съ другими скоро представлена была Государю, который повелѣлъ разсмотрѣть ее въ Общемъ Собраніи Сената. Вотъ чѣмъ на этотъ разъ кончилось сіе дѣло.

Тѣлесные недуги мои, какъ уже сказалъ я, совсѣмъ прекратились, но оставили во мнѣ какую-то апатію, умственную лѣнь, которая дѣлала меня ко всему равнодушнымъ и неспособнымъ. Неумышленно Розновъ оказалъ мнѣ услугу: рѣшеніе Сената, согласно съ желаніемъ его, дало мнѣ толчекъ, который пробудилъ меня. Я началъ разъѣзжать, дѣйствовать, чувствовать жизнь вполнѣ. Все происходившее около меня къ тому способствовало. Приближался конецъ траурнаго года и, какъ увѣряли, молодая царская чета ожидала его съ нетерпѣніемъ, дабы, предаваясь увеселеніямъ, и въ городѣ возбудить охоту къ общественнымъ забавамъ. Въ это время, и именно тогда только, это могло быть даже полезно. Послѣдніе два-три года царствованія Александра Петербургъ, казалось, раздѣлялъ его уныніе, а въ истекающемъ году видѣлъ по большей части однѣ мрачныя картины: нужно было шумомъ веселій нѣсколько заглушить и изгладить воспоминаніе о нихъ.

Нѣсколько словъ о нашихъ внѣшнихъ дѣлахъ. Твердость, оказанная Николаемъ, въ рѣшительную минуту вступленія его на престолъ, изумила и Европу: она познала, что сильная Имперія не въ слабыхъ рукахъ и что преемникъ Александра не менѣе его будетъ имѣть вліянія на политическія дѣла ея. И оттого всѣ Европейскія государства съ почтительными привѣтствіями отправили къ нему знаменитѣйшихъ людей: отъ Англіи пріѣзжали Веллингтонъ и герцогъ Девонширской, отъ Австріи эрцгерцогъ Фердинандъ д'Эсте, отъ Франціи маршалъ Мармонъ, отъ Пруссіи принцъ Вильгельмъ, родной братъ Императрицы, отъ другихъ по большей части члены ихъ владѣтельныхъ фамилій. Отчего же, когда всѣ великія державы искали дружественнаго союза съ новымъ Царемъ, когда онъ былъ въ добромъ согласіи съ цѣлымъ свѣтомъ, одна Турція, ослабленная, едва отдохнувшая отъ тяжкихъ ударовъ, послѣднею войною съ Россіей ей нанесенныхъ, озабоченная внутренней кровавой борьбой съ возмутившимися Греками, отчего она такъ неохотно подавалась на миролюбивыя и снисходительныя его предложенія? Отчего Персія, также испытавшая силу Русскаго оружія, безо всякаго повода дерзнула ворваться во владѣнія его, не убоясь даже страшнаго на Востокѣ имени Ермолова?

Библиотека "Руниверс"

Я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь задалъ себѣ этотъ вопросъ. Нынѣ не трудно бы было разрѣшить сію задачу. Одна многочисленная, могущественная нація, окруженная моремъ и защищаемая цѣлыми рядами пловучихъ крѣпостей, гордится своимъ богатствомъ, своею свободою, безопасностію своего положенія, почитаетъ себя первою въ мірѣ и стремится къ преобладанію въ немъ. Ея правительство, не только раздѣляя сіе мнѣніе и сіи надежды, внушаетъ ихъ всѣмъ жителямъ и тѣмъ болѣе утверждаетъ надъ ними свою власть. Одинъ человѣкъ, которому примѣра не было въ вѣкахъ, хотѣлъ и умѣлъ ставить преграды ея безпрестанно возрастающей силѣ. Онъ палъ, и соперникъ его на твердой землѣ заступилъ его мѣсто. Не знаю, кто былъ ей ненавистнѣе, великій ли Наполеонъ, распространявшій вездѣ войну, или впослѣдствіи времени величественный Александръ, водворявшій повсюду миръ? Привыкнувъ противъ явнаго врага своего нанимать военныя силы Европейскихъ государствъ, трудно ли ей даже на союзника возставлять непросвѣщенныя Азіатскія правительства, дѣйствуя на нихъ тайными происками и подкупомъ?

Извѣстіе о вторженіи Аббаса-Мирзы въ наши предѣлы получено было въ Москвѣ за недѣлю до коронаціи. Ермоловъ не дремалъ: онъ зналъ о приготовленіяхъ Персіанъ, объ умноженіи ихъ войскъ на границѣ и требовалъ, чтобы и его корпусъ былъ усиленъ нѣсколькими дивизіями, дабы на первый случай дать имъ отпоръ. По какому несчастію сей человѣкъ, столь монархически самовластный, былъ ненавистенъ придворнымъ и прослылъ злымъ либераломъ, хитрымъ и непроницаемымъ? Надъ нимъ парили подозрѣнія, какъ говорятъ Французы. Казалось, что происшествіе 14 Декабря и его послѣдствія должны были на счетъ его открыть глаза: ни мало, зная безпредѣльную къ нему любовь войска, полагали, что съ умноженіемъ его, онъ тѣмъ удобнѣе можетъ отложиться отъ Россіи и на Кавказѣ, и за Кавказомъ основать для себя особое государство (кому первому могла придти столь нелѣпая мысль?), и отказали ему въ помощи.

Когда узнали о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Персіанъ, отправили къ нему не войско, а генералъ-лейтенанта Паскевича, въ видѣ помощника, а болѣе въ качествѣ соглядатая, что̀ должно было крайне его оскорбить. Арміи былъ Паскевичъ весьма извѣстенъ, а Россіи совсѣмъ нѣтъ. Онъ отличался необычайнымъ мужествомъ и къ тому имѣлъ страсть читать книги о военномъ искусствѣ; говорили, что онъ проглотилъ всю военную науку. Достаточно ли сего, чтобы быть великимъ полководцемъ? Я полагаю, что достаточно, если присоединится къ тому необыкновенное, постоянное счастіе. Я никогда не видалъ Паскевича, а еще до побѣдъ его много слышалъ о немъ. Онъ страдалъ

Библиотека "Руниверс"

глазами въ одно время со мной, и насъ лѣчилъ одинъ медикъ. Словоохотный Грубй, пріѣзжая отъ него иногда прямо ко мнѣ, разсказывалъ подробно объ образѣ его жизни, о его характерѣ, о способахъ, которые употреблялъ онъ къ его излѣченію; особенно послѣднее выслушивалъ я всегда съ величайшимъ вниманіемъ. Обыкновенно мы принимаемъ большое участіе въ людяхъ, даже намъ незнакомыхъ, когда они одержимы одинакими съ нами страданіями. Если вѣрить Груби, тоже самое было и съ Паскевичемъ, который всегда спрашивалъ о состояніи здоровья ему вовсе неизвѣстнаго человѣка. Памятно мнѣ, что, по словамъ Грубй, главною кручиною для генерала была невозможность продолжать чтеніе Кесаревыхъ Комментаріевъ.

Объ этой новой войнѣ сначала у насъ какъ-то мало заботились: она казалась въ расширенномъ кругѣ продолженіемъ нескончаемой войны нашей съ горскими народами. Гораздо болѣе всѣхъ занималъ новый образъ жизни въ столицѣ. Въ знатныхъ домахъ загремѣла музыка, зачались пиршества; на эти балы никто сперва не дерзалъ приглашать Царя и царскую фамилію, но изъ снисходительности и для поощренія они сами стали называться на нихъ. Разумѣется, что одинъ дворъ и высшее общество тогда участвовали только въ сихъ увеселеніяхъ; но можно было думать, что и общей массѣ, разѣвающей на то ротъ, становилось веселѣе. Однимъ словомъ, въ соревнованіи со скучнымъ Берлиномъ, одинаковымъ родомъ забавъ, Петербургъ скоро превзошелъ его.

Гдѣ мнѣ было стараться попасть въ сіи шумныя, блестящія собранія. Они бы меня и утомили. Я былъ счастливъ уже и тѣмъ, что могъ опять проводить вечера въ обрѣтенныхъ мною прежнихъ, короткихъ, пріятельскихъ домахъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, который пріятельскимъ я назвать не могу. Мнѣ бывало довольно весело на холостыхъ вечерахъ у почтъ-директора Константина Булгакова, который весьма ласково пригласилъ меня на нихъ. Обыкновенно не покидалъ я одной гостиной, гдѣ возсѣдала супруга его Марья Константиновна, женщина чрезвычайно веселая, даже черезъ чуръ, съ которой хорошо познакомился я въ Кишеневѣ, когда она пріѣзжала навѣстить въ немъ родителя своего Варлаама. Эта комната была для меня единственнымъ убѣжищемъ отъ табаку, которымъ всѣ другія были накурены. Мнѣ приходило въ голову: что̀ еслибы привести въ этотъ домъ незнакомаго человѣка съ завязанными глазами и посадить его въ билліардной? Онъ задыхался бы отъ табачнаго дыма, услышалъ бы стукъ ногою иного нетерпѣливаго игрока, который послѣ неудачной били, произносилъ бы слова саперлотъ и сапристи; услышалъ бы громкій хохотъ неизвѣстной ему женщины. Если бы спросить у него,

Библиотека "Руниверс"

какъ онъ думаетъ, гдѣ онъ находится? Онъ вѣрно отвѣчалъ бы: въ самомъ простомъ Нѣмецкомъ трактирѣ, и слышу голосъ содержательницы его. Когда спала бы съ него завязка, какъ удивился бы онъ, увидя графа Литту, князя П. М. Волконскаго и другихъ знатныхъ людей, посѣтителей сей аристократической таверны. Примѣтнымъ образомъ мѣнялись нравы; начинали отбрасывать узы пристойности и приличія... Булгаковъ узнавъ, что меня тревожитъ дѣло съ Разнованомъ, предложилъ мнѣ свои услуги, или лучше сказать, свое покровительство; во время отсутствія моего брался онъ записки по сему дѣлу самъ развозить по Сенаторамъ и убѣждать ихъ въ мою пользу. «Да это невозможно, со смѣхомъ отвѣчалъ я ему: на дняхъ узналъ я, что вы тоже самое дѣлали для Рознована, хотя знали, что онъ мой противникъ; какъ уже вамъ дѣйствовать противъ самого себя?» — «Что за важность? Сказалъ онъ. Мнѣ все равно, лишь бы помогать хорошимъ людямъ; положимъ, что я былъ неправъ, то вотъ случай исправить то.» Я его поблагодарилъ и просилъ только объ одномъ: не мѣшаться въ это дѣло...

Я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ возобновленномъ въ это время знакомствѣ и вывести на сцену одного человѣка, и прежде того уже сдѣлавшагося извѣстнымъ. Да вспомнятъ найденнаго мною въ Аккерманѣ цынутнаго коммиссара Буткова, по моему представленію опредѣленнаго областнымъ казначеемъ, которому чрезъ графа Воронцова успѣлъ уже я выпросить Аннинской крестъ въ петлицу, не весьма молодаго, хвораго, холостаго, честнаго, хотя и богатаго. У него былъ старшій братъ, Петръ Григорьевичъ, человѣкъ умный, проворный, свѣдущій, не совсѣмъ добродѣтельный. Нѣкогда былъ онъ правителемъ канцеляріи при начальствовавшемъ въ Грузіи генералѣ Кнорringѣ, а въ послѣдствіи находился по аудиторіатской части въ Молдавской арміи. Тутъ составилъ онъ тѣсную связь съ адъютантомъ главнокомандующаго графа Каменскаго, Закревскимъ. Сей послѣдній былъ уже Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, а Бутковъ правой его рукой по управленію симъ великимъ княжествомъ; оба жили однакоже въ Петербургѣ. Отъ младшаго Буткова имѣлъ я письмо къ старшему, отцу довольно большаго семейства, что̀ умножало его братскую нѣжность къ хворому холостяку. Я не могъ довольно нахвалиться его пріемомъ, и когда мнѣ стало лучше и я посѣщалъ его, сказалъ онъ мнѣ, что генералъ Закревской очень желаетъ меня видѣть, и мы вмѣстѣ къ нему отправились. Все вышесказанное вело къ изображенію сего лица и къ краткой о немъ біографіи.

Сынъ самаго бѣднаго дворянина Тверской губерніи, Закревской воспитанъ былъ въ Кадетскомъ Корпусѣ и выпущенъ изъ него прапорщикомъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ. Какая участь мог-

Библиотека "Руниверс"

ла ожидать офицерика малограмотнаго, безъ всякихъ военныхъ познаній и, какъ увѣряютъ свидѣтели, неодареннаго даже отважнымъ, воинственнымъ духомъ? Пробывъ годовъ десятка полтора въ арміи, оканчивалъ бы онъ свое поприще гдѣ нибудь исправникомъ, много что̀ городничимъ. Но есть нѣчто непонятное въ мірѣ, всемогущее, слѣпое счастіе, на перекоръ разсудку, всѣмъ вѣроятностямъ, неотвязчивое отъ однихъ, для другихъ всегда недоступное. Шефомъ того полка, куда попалъ сей юноша, былъ графъ Каменской, немного постарѣе его. Онъ имѣлъ страсть къ игрѣ, а счастіе тогда уже начинало ласкать неопытную молодость Закревскаго: отъ нужды принялся онъ за карты и почти всегда оставался въ выигрышѣ. Узнавъ о томъ, Каменской обратилъ вниманіе на едва замѣченнаго имъ дотолѣ офицера, заставилъ его вмѣсто себя метать банкъ, приблизилъ къ себѣ и, наконецъ взялъ къ себѣ адьютантомъ.

Для успѣховъ у Закревскаго было нѣчто гораздо лучше высокаго ума: въ немъ были осторожность, смѣтливость и какая-то искусная вкрадчивость, недопускающая подозрѣнія въ подлости. Для Каменскаго онъ сдѣлался необходимостію; однако къ чему бы повела его милость одного изъ младшихъ генераловъ Русской арміи? Но загорѣлась война неугасимая, и молодому герою, начальнику его, открылся широкій путь къ блестящимъ успѣхамъ; и тотъ, который въ концѣ 1805 года командовалъ полкомъ или бригадой, въ началѣ 1810-го предводительствовалъ арміей противъ Турокъ. Среди сраженій находился ли при немъ любимый адьютантъ его, раздѣлялъ ли его опасность? Это не совсѣмъ извѣстно; по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ быстро подвигался онъ въ чинахъ и за отличіе получалъ военныя награды. Впрочемъ для военныхъ подвиговъ много молодыхъ людей окружало Каменскаго, а этотъ былъ болѣе комнатный, домашній адьютантъ и занимался преимущественно его собственными, хозяйственными дѣлами.

Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ въ 1809 году, по окончаніи Шведской войны, когда зять мой раненный генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Его посѣщалъ Каменской, иногда и адъютанты его. Закревской былъ тогда капитаномъ и въ крестахъ. Главнымъ достоинствомъ показалась мнѣ въ немъ скромность его *): онъ лишняго слова даромъ не выпускалъ; въ рѣчахъ его съ малознакомыми была учтивость и пристойность. Отъ того-то мнѣ казалось больно, что Каменской иногда понукаетъ имъ какъ слугой; можетъ быть у армей-

*) У Французовъ для названія скромности есть два слова, modestie и discretion, коихъ значеніе различно. Закревской былъ discret.

Библиотека "Руниверс"

скихъ генераловъ такое обращеніе съ любимыми адьютантами было общепринятымъ обычаемъ.

Во время Турецкой кампаніи, игралъ онъ потомъ довольно важную ролю правителя военной канцеляріи главнокомандующаго. Тутъ имѣлъ онъ возможность сблизиться съ двумя возникающими знаменитостями, Ермоловымъ и Воронцовымъ. Блудовъ былъ тутъ главнымъ лицемъ по части правительственной и дипломатической; отношенія его къ Каменскому были совсѣмъ иныя, родственныя, почти братскія, чему Закревскій завидовалъ, и отъ того-то между сими господами, кажется, никакой симпатіи никогда не было.

Въ началѣ слѣдующаго года Каменской скончался въ Одессѣ на рукахъ неотлучнаго своего Закревскаго и завѣщалъ ему триста душъ. При составленіи духовной, видно, не были соблюдены всѣ формальности; ибо старшій братъ Каменскаго, графъ Сергѣй Михайловичъ, который впрочемъ много обязанъ былъ меньшому брату, опровергнулъ ее и не захотѣлъ исполнить его послѣдней воли. Счастіе и тутъ послужило Закревскому. Этотъ Сергѣй Михайловичъ былъ вообще презираемъ; неделикатность его поступка всѣхъ паче вооружила противъ него, а Закревскаго сдѣлала интереснымъ. Цари въ окружающихъ любятъ находить безпредѣльную преданность и высоко цѣнятъ ее когда она оказывается и начальству. Самъ Государь велѣлъ военному министру Барклаю, въ утѣшеніе Закревскаго, взять его къ себѣ и, кажется, съ чиномъ подполковника перевести въ гвардію. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ того, получивъ имѣніе, онъ оставилъ бы службу и покойно зажилъ бы помѣщикомъ; но судьба влекла его выше. Существованіе его въ Петербургѣ было впрочемъ незавидное; я встрѣчалъ его нерѣдко въ домѣ тетки Каменскихъ, вдовы сенатора Поликарпова. Онъ былъ бѣденъ, промышлялъ кое-какъ картишками; какъ говорили, гордиться ему было нечѣмъ, и онъ ни съ кѣмъ не мѣнялся въ обращеніи.

Передъ самымъ открытіемъ отечественной войны 1812 года, великій дѣлецъ при Барклаѣ полковникъ Воейковъ, по подозрѣнію въ связяхъ со Сперанскимъ, былъ удаленъ. Никто на его мѣсто не былъ подготовленъ; на первый случай Барклай приблизилъ къ себѣ Закревскаго и взялъ его съ собою въ армію. Послѣ Бородинскаго сраженія, великія неудовольствія, возникшія между Кутузовымъ и Барклаемъ, заставили сего послѣдняго удалиться. Всѣ находившіеся при немъ захотѣли продолжать принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; одинъ только Закревскій, можетъ быть оглушенный громомъ сей ужасной битвы, пожелалъ сопровождать начальника своего въ Петербургъ. И это послужило къ его пользѣ. Государь, который особенно любилъ Барклая, увидѣлъ въ этомъ новый опытъ вѣрности и преданности на-

Библиотека "Руниверс"

чальству. Послѣдующіе годы находился онъ неотлучно при Барклаѣ и главной квартирѣ; а въ 1815 увидѣли мы его генералъ адъютантомъ, въ лентѣ и покровительственно всѣмъ кланяющагося. Между тѣмъ предался онъ всепредданнѣйшему князю П. М. Волконскому, который доставилъ ему мѣсто дежурнаго генерала главнаго штаба, т. е. директора инспекторскаго департамента. Лучше ничего нельзя было для него придумать. Ничего кромѣ именныхъ и формулярныхъ списковъ тутъ не было; дѣло не головоломное: нужна была только великая точность, а въ этомъ у Закревскаго не было недостатка. Когда въ началѣ 1818 года дворъ находился въ Москвѣ, его вельможескія замашки внушили къ нему почтеніе Москвитянъ и оттого легко было его сосватать на молодой, богатой наслѣдницѣ, единственной дочери графа Ѳедора Андреевича Толстаго, который, если припомнятъ, былъ начальникомъ Пензенскаго резервнаго ополченія. Всегда вѣрный закону преданности, онъ оставилъ мѣсто свое, коль скоро и послѣдній патронъ его Волконскій, одержимый тяжкими недугами, въ 1823 году принужденъ былъ разстаться съ должностію начальника главнаго штаба и уѣхать за границу. Онъ вѣрно зналъ, что сіе новое пожертвованіе не останется безъ возмездія. Меня не было въ Петербургѣ, когда его сдѣлали Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Какимъ образомъ это случилось, я вовсе не понимаю: жители Финляндіи не знали и не знаютъ понынѣ Русскаго языка, а онъ не зналъ ни одного иностраннаго или, лучше сказать, ничего не зналъ. Но впрочемъ страна сія управлялась особыми законами. Генералъ-губернаторъ, какъ конституціонный король, могъ входить въ дѣла только поверхностно. Къ тому же Закревскій, въ видѣ подручника и наперсника, призвалъ къ себѣ на помощь грамотѣя Буткова.

По должности дежурнаго генерала хорошо ознакомился онъ съ молодыми великими князьями Николаемъ и Михаиломъ, бывшими сперва бригадными, потомъ дивизіонными начальниками въ гвардіи. По воцареніи перваго, могъ онъ питать честолюбивѣйшія надежды. Предложивъ мнѣ посѣтить его, Бутковъ вѣроятно имѣлъ намѣреніе одолжить меня, и я за то благодаренъ ему; но самъ я никакъ не ожидалъ величія, которое предстоитъ Закревскому. Одинъ со мною въ кабинетѣ разговаривалъ онъ, можно сказать, пріязненно, жалѣлъ о томъ, что я долженъ отправиться въ отдаленное мѣсто, жалѣлъ и о томъ, что въ Финляндіи нельзя ландсгевдингами (губернаторами) никого опредѣлять изъ Русскихъ: безъ того мнѣ первому предложилъ бы такое мѣсто. Потомъ прибавилъ онъ съ улыбкою: «Теперь я ничто; но кто знаетъ, утро вечера мудренѣе, можетъ быть и я на что нибудь могу вамъ пригодиться, тогда смѣло обращайтесь ко мнѣ, я радъ буду, что могу, для васъ

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать». За столь доброе намѣреніе какъ было его не возблагодарить? Только, подумалъ я про себя, мудрено, чтобъ этотъ человѣкъ могъ подняться еще выше и чтобы я могъ воспользоваться его благотворными обѣщаніями, которыхъ не требовалъ. Я отъ того такъ распространился о Закревскомъ, что и онъ въ послѣдствіи имѣлъ нѣкоторое вліяніе на судьбу мою.

Въ продолженіе истекшихъ лѣта и даже осени, куда мнѣ было заниматься тѣмъ, что происходило и при дворѣ, и въ обществѣ, и въ политическомъ и въ словесномъ мірѣ? Всему оставался я чуждымъ. Тѣмъ болѣе возбуждено было мое любопытство, когда опять начали приходить ко мнѣ силы. По случаю траура, почти цѣлый годъ театры были закрыты. А между тѣмъ для драматическаго искуства наступила счастливая эпоха: оно было особенно покровительствуемо новымъ Государемъ, который любилъ зрѣлища. По раздраженному состоянію, въ которомъ еще находились мои вѣки, не дозволено мнѣ было употреблять лорнета; по близорукости же моей не могъ я, безъ его помощи, ясно различать предметы на сценѣ, а слушать только что говорится. Отъ того, не смотря на сильное желаніе, не спѣшилъ я посѣтить театръ. Одинъ разъ, и всего только одинъ разъ, не могъ я одолѣть сего желанія. Давали Французскую комедію въ пяти дѣйствіяхъ l'école des vieillards (Школа стариковъ), сочиненіе Казимира Делавинья, и въ ней главную роль игралъ нововыписанный, весьма хорошій актеръ Женіесъ. Мнѣ показалось, что она отзывается революціоннымъ духомъ; въ ней были изображены гнусные поступки одного знатнаго человѣка Дюка, а выраженія всѣхъ благородныхъ чувствъ вложены въ уста людей средняго состоянія, которые покрываютъ стыдомъ и срамомъ, преслѣдуютъ убійственными поношеніями порочнаго и терпѣливаго Дюка. Въ своей Бессарабіи, а потомъ въ Крыму, я ничего не читалъ, кромѣ дѣловаго и отъ того никакъ не подозрѣвалъ, что съ нѣкотораго времени, благодаря свободѣ книгопечатанія, всѣ Французскіе романы и драмы наперерывъ старались снабжать всѣми добродѣтелями простонародіе и унижать, топтать въ грязь высшія сословія. Почти вся заграничная литература взяла это направленіе, и немного лѣтъ спустя обнаружились пагубныя ея послѣдствія. *) Въ этой главѣ, и безъ того уже слишкомъ длинной, не мѣсто еще говорить какъ о ней, такъ и о нашей словесности въ особенности.

Всѣ ожидали великихъ перемѣнъ въ министерствѣ, даже цѣлаго возобновленія его. Оно совершилось медленно. Правда, въ этомъ же

*) Въ это время можно было сравнить ее съ началомъ революціи 1789 года, но неизбѣжно затѣмъ должна была послѣдовать эпоха ея терроризма.

Библиотека "Руниверс"

году вновь учреждены два министерства: полиціи или корпусъ жандармовъ, о которомъ уже я говорилъ, и другое министерство императорскаго двора, въ вознагражденіе примѣрной, испытанной вѣрности князя П. М. Волконскаго. Всѣ придворныя части, гофъ-интендантская, конюшенная, театральная и другія, не перемѣняя названій, поступили въ вѣдомство его въ видѣ департаментовъ. Высшіе придворные чины также какъ бы обратились въ придворныхъ директоровъ, что̀ кажется не возвысило ихъ званія. Изъ прежнихъ министровъ старики сохраняли свои мѣста и не показывали намѣренія оставить ихъ; дабы склонить ихъ къ тому, придумано было средство и, кажется, что графъ Кочубей подалъ о томъ мысль. Давно уже у министровъ не было товарищей; надлежало воскресить сіе званіе. Каждому изъ тѣхъ, коихъ желали удалить, дано было по товарищу, симъ же послѣднимъ въ руководство инструкція, дающая имъ право входить во всѣ дѣла, и нѣкоторымъ контролировать дѣйствія самихъ министровъ. Выборы были довольно счастливы: назначены люди зрѣлыхъ лѣтъ, нѣкоторые съ большою опытностію, другіе съ достаточнымъ умомъ и познаніями, чтобы скорѣе пріобрѣсти ее.

Перваго назову я генералъ-адъютанта князя Александра Сергѣевича Меншикова, знаменитаго потомка знаменитаго предка, хотя онъ и не получилъ званія товарища, а данъ былъ просто въ помощь морскому министру адмиралу Моллеру. Онъ дотолѣ находился въ военной сухопутной службѣ, но всегда имѣлъ страсть къ морской части. Онъ только что воротился изъ Персіи, куда отправленъ былъ передъ войной съ чрезвычайнымъ порученіемъ и въ удовлетвореніе желанія его былъ переименованъ контръ-адмираломъ. Я скоро буду имѣть пріятный случай говорить пространнѣе о семъ необыкновенномъ человѣкѣ.

Министру юстиціи князю Лобанову нельзя было дать товарища менѣе чѣмъ князя, и отъ того на сіе мѣсто назначенъ былъ сенаторъ князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ. До полковничьяго чина находился онъ въ военной службѣ; но, познавъ, что рожденъ онъ болѣе мирнымъ, хотя дѣятельнымъ гражданиномъ, чѣмъ воиномъ, перешелъ въ статскую. Онъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, потомъ въ Москвѣ. Даромъ, что князь, онъ былъ небогатъ и для поправленія состоянія два раза женился на купеческихъ дочеряхъ, что̀ влекло его въ связи не совсѣмъ знатныя. Онъ дружился преимущественно съ людьми дѣловыми, и тяжебныя дѣла давали пищу его разговорамъ и помышленіямъ. Когда кто изъ сенаторовъ примется усердно за исполненіе своихъ обязанностей (что̀ бываетъ очень рѣдко), когда онъ начнетъ пристально вникать въ существо дѣлъ, его сужденіямъ подлежащихъ, когда онъ сочленовъ своихъ будетъ избавлять отъ труда

Библиотека "Руниверс"

читать и мыслить, и они слѣпо будутъ приставать къ его мнѣніямъ, то онъ прослыветъ величайшимъ дѣльцомъ. Когда же онъ изъ знатнаго рода (что̀ почти никогда не бываетъ), то слава его отъ того еще болѣе умножится. Долгоруковъ совсѣмъ оподъячился, когда его посадили въ Сенатъ, и тогда уже онъ могъ замѣнить лучшаго оберъ-секретаря. Аристократія смотрѣла на него съ почтительнымъ изумленіемъ: ей казалось сверхъестественнымъ, что человѣкъ, изъ среды ея, могъ добровольно и исключительно посвятить себя сухимъ и скучнымъ занятіямъ законовѣдѣнія. Молва о немъ доходила до Государя, и онъ самъ избралъ его почти преемникомъ Лобанову.

Много распространяться о Блудовѣ мнѣ нечего: онъ давно и коротко знако́мъ моимъ читателямъ. Говорили, что Государь имѣлъ намѣреніе назначить его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но что будто бы князю А. Н. Голицыну, премного оскорбленному преемникомъ его Шишковымъ, казалось забавнымъ къ престарѣлому ребенку приставить довольно молодаго еще дядьку, того самаго, который мальчикомъ писалъ на старика эпиграммы и котораго имени тотъ равнодушно слышать не могъ. Увѣряли, будто Голицынъ представилъ Государю, что часть ввѣренная Шишкову, болѣе согласна съ прежними, любимыми занятіями Блудова, и онъ назначенъ былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Нѣкоторые изъ директоровъ департаментовъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, старѣе въ чинѣ Дашкова, обидѣлись, когда его назначили товарищемъ къ ихъ министру. Но въ этомъ человѣкѣ было нѣчто равняющее его тотчасъ съ мѣстомъ, которое онъ получалъ, какъ бы высоко оно ни было: какая-то нравственная сила, которой скоро и охотно покорялись ему подчиняемые. Онъ также не вовсе безызвѣстенъ моимъ читателямъ. Имъ предоставляю я посудить о чувствахъ, какія возбудили во мнѣ сіи назначенія. Зависти я никогда не зналъ; правда, иногда сильно досадовалъ я, видя быстрое возвышеніе злыхъ глупцовъ, ибо въ этомъ я видѣлъ вредъ для службы и для общества; за то съ какою искреннею, неописанною радостію смотрѣлъ я на успѣхи людей мною любимыхъ и достойно уважаемыхъ!

Нѣчто странное происходило тогда во мнѣ. Разстройство нервъ производитъ душевную, жестокую болѣзнь, которую не испытавшимъ ее трудно, почти не возможно объяснить. Когда эта боль совершенно утихаетъ, остается еще волненіе въ крови, порождающее пріятныя и сильныя ощущенія; они неизвѣстны въ спокойномъ, совсѣмъ здоровомъ состояніи. Два года сряду все болѣе и болѣе прилѣплялся я къ Воронцову, высоко оцѣнивалъ похвальныя его свойства, украшалъ его тѣми, коихъ онъ и не имѣлъ. Все что̀ послѣ происходило между нами,

Библиотека "Руниверс"

должно было охладить меня къ нему. Горько было для меня разочарованіе и оставило нѣкоторую пустоту въ сердцѣ. Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ я въ немъ необходимость новаго обожанія, потребность новаго кумира. Я не искалъ его: онъ самъ собою представился. И это былъ человѣкъ, котораго не болѣе пяти разъ случалось мнѣ издали видѣть, котораго въ этомъ году ни разу я не встрѣчалъ, и это былъ..... Николай Павловичъ. Я отъ всей души любилъ кротость его брата, какъ всякій добрый Русскій гордился его славой и оплакалъ кончину его. Тутъ было совсѣмъ иное: восторженность, энтузіазмъ. Да не подумаютъ однако, что счастливые, всѣмъ сердцемъ моимъ одобряемые его выборы, породили во мнѣ сіи чувства: нѣтъ! Но ясность въ выраженіи желаній, но прямота его дѣйствій, но твердость его воли, но замѣтное его руссолюбіе: вотъ что плѣнило меня, ну, право какъ женщину. Продлилось ли сіе обожаніе? Здѣсь сказать еще не могу. Теперь я вѣрую въ одно Божество, Ему одному въ душевномъ умиленіи поклоняюсь, Тому, Которому молиться учили меня еще съ малолѣтства.

Давно уже наступила пора, прибавить ли? давно уже прошла пора отправиться мнѣ къ должности. Шесть мѣсяцевъ послѣ моего назначенія я не думалъ еще трогаться съ мѣста. Осуждая Тимковскаго за его медленность, я не предвидѣлъ, что обстоятельства заставятъ меня поступить почти такъ же какъ онъ. Лѣтомъ съ болѣзнію моею мнѣ не было возможности думать объ отъѣздѣ. Въ началѣ осени, когда дворъ воротился изъ Москвы, пытался было я приткнуться къ какому нибудь министерству, чтобы оттуда занять потомъ иное мѣсто; но мнѣ объяснили, что, если не вступая въ должность, къ которой назначенъ, буду проситься объ увольненіи отъ нея, то навсегда долженъ буду разстаться съ службой. Потомъ пугала меня мысль о дальномъ пути, въ глухую осень и со здоровьемъ не совсѣмъ еще исправнымъ. Что же болѣе всего останавливало меня—былъ совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Небольшая ихъ сумма отъ жалованья, сбереженная въ Бессарабіи на черные дни въ Петербургѣ, была вся истрачена. Однакоже я началъ собираться въ дорогу на обѣщанные мнѣ взаймы тысячу рублей ассигнаціями.

По службѣ принадлежалъ я тогда къ двумъ министерствамъ, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Вмѣстѣ со званіемъ Керченскаго градоначальника былъ я и начальникомъ таможеннаго округа. Это поставило меня въ необходимость передъ отъѣздомъ явиться къ министру Канкрину. Я зналъ, что онъ не благоволитъ къ Воронцову и вообще къ Новороссійскому краю, и не безъ труда рѣшился на таковое предпріятіе; въ исполненіи его не имѣлъ однакожъ причины раскаиваться. Я давно замѣтилъ, что весьма умные люди почти всегда меня любили. «Отчего бы это было?» вопросилъ я себя. «Оттого, что, чувствуя свое

Библиотека "Руниверс"

превосходство надъ тобою, они не могутъ видѣть въ тебѣ соперника; а между тѣмъ разстояніе, тебя отъ нихъ отдѣляющее, не такъ велико, чтобы языкъ ихъ для тебя остался непонятнымъ и чтобы ты не въ состояніи былъ дать настоящую цѣну ихъ умственнымъ способностямъ; къ тому же въ разговорахъ съ ними ты всегда наслаждаешся, и это у тебя написано на лицѣ». Этимъ отвѣтомъ, самому себѣ даннымъ, остался я доволенъ, хотя онъ и не совсѣмъ польстилъ моему самолюбію. Послѣ обмѣна нѣсколькихъ словъ съ угрюмымъ Канкринымъ, сдѣлался онъ какъ будто ласковѣе и повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ посадилъ противъ себя подлѣ камина и началъ пускать ужаснѣйшія облака табачнаго дыма. Глаза мои страдали; но я заговорился, заслушался. Я коснулся Бессарабіи, сказавъ ему, что я былъ въ ней единственнымъ въ Россіи вице-губернаторомъ, который не имѣлъ чести находиться подъ его начальствомъ. Онъ съ любопытствомъ сталъ меня распрашивать о семъ краѣ; пользуясь симъ, я старался представить ему, сколь вредно для благосостоянія области положеніе, въ которомъ она находится, будучи стиснута на всемъ протяженіи своемъ двумя таможенными линіями, Прутскою и Днѣстровскою. Съ гнѣвомъ сказалъ онъ мнѣ: «Я вижу, вы хотите лишить насъ большаго таможеннаго сбора; да этому никогда не бывать». Какъ умѣлъ старался я доказать ему, что промышленность и торговля страдаютъ оттого въ Бессарабіи и что когда онѣ оживятся, то гораздо болѣе будетъ пользы для казны. Онъ возражалъ съ жаромъ; оставаясь почтительнымъ, я не уступалъ ему. Чѣмъ же кончилось? Онъ изрекъ: «впрочемъ, батушка *), я не сказалъ послѣдняго слова; я этимъ дѣломъ займусь, подумаю и, можетъ быть, ваше желаніе исполнится». Главное желаніе мое состояло въ томъ, чтобы, со снятіемъ таможенной линіи, маленькая Бессарабія удобнѣе могла быть поглощена огромной Россіей. Дуракъ бы разсердился и, можетъ быть, указалъ бы мнѣ двери; но это былъ Канкринъ. Зная сколь всѣ минуты для него дороги и начиная чувствовать боль въ глазахъ, я хотѣлъ было сократить свое посѣщеніе, но онъ меня удерживалъ. Увидѣвъ столь неожиданное для меня благорасположеніе его, я дерзнулъ обратиться къ нему со всепокорнѣйшей просьбой: объяснилъ ему причины удерживавшія меня въ Петербургѣ и просилъ, чтобы жалованье мое (которое простиралось тогда до десяти тысячъ рублей ассигнаціями) за время просрочки не было задержано. Онъ подумалъ и сказалъ: «это не совсѣмъ въ порядкѣ; но такъ и быть, я не забуду и распоряжусь, чтобы вы были удовлетворены». Съ предовольнымъ сердцемъ и съ распухшими вѣками воротился я домой.

*) Это слово всегда употреблялъ онъ, разговаривая по русски.

Библиотека "Руниверс"

Дни черезъ два потомъ отправился я къ министру внутреннихъ дѣлъ за приказаніями и наставленіями. Это было не въ первый разъ, кажется въ третій по возвращеніи его изъ Москвы. Старикъ Василій Сергѣевичъ былъ добръ и ласковъ; заставитъ, бывало, меня подождать съ минуту, позоветъ потомъ къ себѣ и усадитъ; но лишь только я заикнусь о чемъ нибудь дѣльномъ, онъ меня перерветъ и найдетъ средство меня учтиво выпроводить. Въ безконечной Россіи, гдѣ со всѣхъ концовъ дѣла стекаются на одинъ пунктъ, при централизаціи нашей, министру необходимы энергія и дѣятельность среднихъ лѣтъ. Опасаясь быть раздавленнымъ, семидесятилѣтній Ланской весьма искусно должность свою обратилъ въ синекюру. Одинъ онъ изъ министровъ не обидѣлся, когда ему дали товарища. Дашковъ еще довольно молодъ и не довольно чиновенъ, чтобы надѣяться скоро занять мое мѣсто, вѣроятно подумалъ онъ. Передамъ ему власть, свалю на него всю обузу; пусть какъ хочетъ возится съ директорами, а я спокойнѣе буду возсѣдать на высотѣ. По крайней мѣрѣ дѣйствія его были согласны съ этимъ мнѣніемъ. «Ну что вы?» сказалъ онъ мнѣ.—Да пріѣхалъ откланиваться вашему высокопревосходительству.—«Куда же вы спѣшите, поживите еще съ нами».—Я уже и такъ живу здѣсь седьмой мѣсяцъ послѣ назначенія къ должности и боюсь отвѣтственности.—«О, это дѣло другое!» Вотъ нашъ разговоръ. Потомъ заговорили о чемъ-то другомъ.

Не понимаю и не помню какъ рѣчь зашла о Варшавѣ и о живущемъ въ ней, бывшемъ первомъ секретарѣ Китайскаго посольства Байковѣ, котораго лѣтъ двадцать потерялъ я изъ виду. Одно уже имя этого наглаго человѣка сдѣлалось неблагопристойностью. Министръ съ веселымъ видомъ и весьма вольнымъ слогомъ пустился мнѣ разсказывать о его похожденіяхъ, о его любовныхъ подвигахъ съ Польками. Старый Екатерининской гусарской полковникъ мнѣ весь открылся. Моложе, я бы покраснѣлъ, а тутъ мнѣ даже не стошнилось, и въ свою очередь разсказалъ я два-три анекдота довольно соблазнительныхъ; послѣ того онъ не хотѣлъ меня выпустить. И вотъ человѣкъ, подумалъ *я*, который извѣстенъ своимъ умомъ и своею опытностію! О старость, старость съ молодыми привычками и желаніями!

О Керчи ни полслова; я зналъ, что все будетъ напрасно. Но за градоначальника ея началъ я ходатайствовать. При опредѣленіи въ должность всѣ губернаторы получаютъ извѣстную сумму на подъемъ и путевыя издержки; о градоначальникахъ на этотъ счетъ ничего положительнаго не было сдѣлано; вѣроятно всѣ были довольно богаты, чтобы не хлопотать о томъ; мнѣ трудно было безъ того обойтись. На просьбу мою отвѣчалъ Ланской: «пришлите мнѣ записку, я представлю ее въ Комитетъ Министровъ; я чай у васъ тамъ есть знако-

Библиотека "Руниверс"

мые, да и я самъ васъ поддержу». Въ слѣдствіе того получилъ я пять тысячъ рублей ассигнаціями.

«Да кстати, вдругъ сказалъ онъ, представлялись ли вы Государю?»—Нѣтъ, я не почиталъ себя довольно важной особой, чтобы удостоиться сей чести. «Такъ если не представлялись, то должны по крайней мѣрѣ откланиваться: это необходимо.» Это меня изумило, то есть обрадовало и вмѣстѣ испугало. Съ ребячества, по примѣру Нѣмецкаго учителя моего Мута, зналъ я наизустъ генеалогію всѣхъ владѣтельныхъ домовъ въ Европѣ, но судьба не допускала меня находиться вмѣстѣ съ самымъ мелкимъ изъ ихъ многочисленныхъ членовъ. Отъ того высоко стояли они въ глазахъ моихъ: я смотрѣлъ на нихъ почти какъ на историческія лица. И вдругъ долженъ я предстать предъ тѣмъ, который несравненно ихъ выше, передъ державной владыкой своимъ, увидѣть на яву того кѣмъ я бредилъ!

Повинуясь необходимости, напередъ поѣхалъ я къ оберъ-камергеру графу Литтѣ, который долженъ былъ меня представить. Уже въ старости былъ онъ еще красивымъ геркулесомъ, съ голосомъ стентора, и женатъ на одной изъ племянницъ князя Потемкина, сестрѣ графини Браницкой и княгини Голицыной. Я лично былъ съ нимъ знакомъ, много разъ обѣдалъ у него, но нѣсколько лѣтъ какъ отъ вельможескихъ знакомствъ уклонился. Мнѣ совѣстно было явиться къ нему, однако онъ принялъ меня благосклонно, и вскорѣ потомъ былъ я извѣщенъ о днѣ представленія.

Наступилъ для меня сей великій день, Воскресенье 23 Генваря 1827 года. Въ назначенный часъ явился я въ Аничковскій дворецъ, въ которомъ по временамъ любилъ жить новый Императоръ, какъ вмѣстѣ напоминающемъ ему молодость его и семейное счастіе. Прождавъ съ нѣкоторыми другими гражданскими чиновниками первыхъ пяти классовъ болѣе получаса въ какой-то залѣ, насъ позвали въ комнату предъ царскимъ кабинетомъ. Не буду описывать тревожнаго духа, съ какимъ вошелъ я въ нее. Отворилась дверь, и вышелъ человѣкъ весьма еще молодой, высокаго роста, тоненькій, жиденькій, блѣдный, съ нагнутыми нѣсколько плечами и со взглядомъ совсѣмъ не суровымъ, какимъ ожидалъ я его. Откуда взялись у него черезъ два года спустя, вмѣстѣ съ стройностію тѣла, эти богатырскія формы, эти широкія грудь и плеча, это высокоподъятое величественное чело? Тогда еще ничего этого не было. Надобно было ему обойти напередъ всѣхъ представляющихся, чтобы дойти до меня; ибо я всѣхъ моложе былъ чиномъ: кажется, было мнѣ довольно времени, чтобы ободриться; напротивъ, смятеніе мое все болѣе возрастало. Когда же съ привѣтливою улыбкой онъ обратилъ ко мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ,

Библиотека "Руниверс"

то въ одну секунду вѣрноподданическій мой страхъ превратился въ неизъяснимую радость. Онъ сказалъ, «что Керчь по положенію своему можетъ сдѣлаться большимъ, богатымъ, торговымъ городомъ, и что онъ ожидаетъ того; ибо городокъ сей отданъ въ хорошія руки, прибавивъ, что много наслышанъ обо мнѣ съ самой лучшей стороны.» Не помню, что отвѣчалъ я; но помнится только, что не совсѣмъ глупо. Керчь, ужасная ссылка! Послѣ того я такъ бы и полетѣлъ въ тебя. И что я говорю? Послѣ этого представленія, опять полюбилъ я жизнь и ею радъ бы былъ пожертвовать для него.

Тотчасъ за тѣмъ въ другой залѣ послѣдовало другое представленіе, молодой Императрицѣ. Я увидѣлъ женщину стройную, хотя не съ веселымъ, однакоже съ наиприятнѣйшимъ лицомъ, премиленькую барыньку или барышню, щеголевато одѣтую по послѣдней модѣ. Тогда былъ трауръ по герцогѣ Іоркскомъ, и хотя она была въ черномъ платьѣ, однако бархатномъ съ цвѣтными лентами и въ беретѣ, только что вошедшемъ въ употребленіе головномъ уборѣ, который мнѣ показался весьма страннымъ. Не говоря ни слова, пожаловала она мнѣ ручку, которую я поцѣловалъ. У меня что-то въ сердце стѣснилось: по моимъ старинным понятіямъ, Русскую Царицу хотѣлось бы мнѣ видѣть отличною отъ всѣхъ другихъ смертныхъ женъ, какъ бы онѣ красивы ни были. А все таки, смотря на нее, такъ сказать сквозь супруга ея, я благоговѣлъ передъ нею.

Тѣмъ все еще не кончилось; насъ повезли въ зимній дворецъ представляться Маріи Ѳеодоровнѣ. Тутъ увидѣлъ я настоящую Императрицу. Она съ головы до ногъ одѣта была въ черное платье, по случаю кратковременнаго траура, но какъ бы въ обычное одѣяніе послѣ потери обожаемаго сына. Врожденная милость свѣтилась въ очахъ этой твердой жены, красота прежнихъ лѣтъ все еще проглядывала изъ за морщинъ, неумолимымъ временемъ наведенныхъ на лицо ея, величавый голосъ ея не терялъ благозвучія отъ картаваго слегка произношенія словъ, и въ старости ея находилъ я нѣчто еще обворожительное. Она удостоила меня разговоромъ по французски, распрашивала о прежней службѣ моей, распрашивала о Крымѣ, о его климатѣ, о его жителяхъ. Ободренный, восхищенный, я пустился врать о такой странѣ, которой еще не видалъ; сказалъ, что недѣли черезъ три или четыре надѣюсь найдти тамъ розы, а она сказала, что ей пріятно думать о счастіи, коимъ могутъ пользоваться поселяющіеся въ томъ краю. Эти десять минутъ разговора остались самой блестящей точкой въ моихъ воспоминаніяхъ.

Уставши отъ различныхъ сильныхъ ощущеній въ это утро, я какъ не свой воротился къ себѣ и съ того же дня дѣятельно принялся

Библиотека "Руниверс"

за сборы къ отъѣзду. Они продолжались около недѣли, и наконецъ, прощаясь съ любезными моему сердцу, я просилъ ихъ не забывать, не оставлять меня, можно сказать въ чужой, дальной сторонѣ.

VI.

Ровно черезъ недѣлю послѣ представленія моего, въ Воскресенье 30 Генваря въ восемь часовъ утра, оставилъ я Петербургъ. Зима стояла въ немъ такая теплая, какой не запомню; только 14 Декабря, въ день годовщины послѣ бунта, Нева покрылась льдомъ, и въ Генварѣ при всякомъ появленіи солнца таяло на мостовой и капало съ крышекъ. Отъ того и мнѣ по шоссе ѣхать было трудно, особливо въ коляскѣ на полозьяхъ. Однако, понадѣясь на возрастающія силы, съ горяча въ первый день сдѣлалъ я 140 верстъ, но въ Чудовѣ принужденъ былъ остановиться и ночевать.

На другой день опять долженъ былъ я остановиться въ Новгородѣ, чтобы отдохнуть, отобѣдать и попытаться увидѣть содержащагося подъ стражей племянника моего Алексѣева; но меня къ нему не пустили, и я поѣхалъ далѣе. За Бронницами прекращалось тогда шоссе, на дорогѣ было гораздо болѣе снѣгу, особенно въ Валдайскихъ горахъ, и отъ того-то могъ бы я ѣхать шибче; но оставшаяся слабость не дозволяла мнѣ и ста верстъ сдѣлать въ сутки и каждую ночь заставляла ночевать. Такимъ образомъ по легоньку дотащился я до Москвы, 5 Февраля по утру.

Грустная встрѣча ожидала меня въ ней. Хотя зять мой генералъ Алексѣевъ физически и немного пострадалъ отъ перваго удара паралича, но весь нравъ его измѣнился: постоянная задумчивость замѣнила въ немъ бодрость, шутливость, безпечность, которыя прежде никогда его не покидали; а бѣдная сестра моя, укрѣпясь вѣрою, старалась показывать твердость, но глубокая горесть ее снѣдавшая, всегда была замѣтна. Надъ ихъ первенцемъ все еще висѣлъ мечъ неправосудія. У нихъ остановился я и сколько было возможно старался ободрить, обнадежить и развеселить ихъ. Люди въ слѣдъ за Фортуной бѣгутъ отъ печали; немногіе только короткіе часто навѣщали ихъ, посѣщенія же другихъ знакомыхъ все болѣе рѣдѣли. И по чувству, и по обязанности большую часть времени проводилъ я съ ними, а нельзя же мнѣ было не пожелать увидѣть нѣсколькихъ пріятныхъ или почтенныхъ знакомыхъ въ Москвѣ.

Въ Аглинскомъ клубѣ встрѣтилъ я Ив. Ив. Дмитріева, и въ этотъ пріѣздъ знакомство мое съ нимъ завязалось покороче. Если бы частыя, утреннія посѣщенія мои ему наскучили, я бы тотчасъ замѣтилъ; но,

Библиотека "Руниверс"

кажется, было совсѣмъ противное. Онъ былъ всегда степенно веселъ, пока разговоръ не касался недавно умершаго друга его Карамзина. Одинъ разъ позвалъ онъ меня къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ нѣкоторыми литераторами и полулитераторами, коихъ не вижу нужды называть здѣсь. Замѣчателенъ былъ мнѣ сильный споръ, который послѣ обѣда зашелъ о романтизмѣ и классицизмѣ. Въ Бессарабіи и потомъ въ Петербургскомъ уединеніи моемъ едва подозрѣвалъ я существованіе перваго, а тутъ позналъ, сколько силы онъ уже успѣлъ пріобрѣсть.

Еще захотѣлось мнѣ видѣть другаго старика, котораго общество мнѣ было столь же пріятно, хотя въ другомъ родѣ. Швейцарецъ-Французъ Кристинъ помолодѣлъ, сталъ добрѣе съ тѣхъ поръ, какъ патронъ его, графъ д'Артуа, подъ именемъ Карла X, началъ царствовать во Франціи. Душа его рвалась туда, онъ мечталъ о переселеніи; многолѣтнія привычки, удобная, красивая осѣдлость, собственный домъ, старость, а паче всего старая вѣдьма, графиня де-Броль, его околдовавшая, приковывали его къ Москвѣ. У него часто бывалъ одинъ прескучный, по моему даже нелѣпый, Французъ Декампъ, который пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы на публичныхъ лекціяхъ преподавать новѣйшую Французскую литературу, и Кристинъ помогалъ ему набирать подписчиковъ и слушателей. Онъ съ глубокимъ презрѣніемъ говорилъ о Расинѣ, о Буало и даже о поэтическомъ талантѣ Вольтера, и все называлъ новѣйшихъ писателей, Виктора Гюго и другихъ, которыхъ геніальныя мысли, не стѣсненныя узами правилъ Аристота, возьмутъ высокій полетъ и должны удивить міръ своею смѣлостію. «Да вѣдь совершенное безначаліе въ словесности рано или поздно должно повлечь за собою ниспроверженіе законныхъ властей и постановленій», говорилъ я ультралегитимисту Кристину, и никакъ не могъ того растолковать ему. Французъ, какъ бы уменъ ни былъ, если нѣтъ основательности въ разсудкѣ, всегда будетъ прельщаться всякой новизной.

Нѣсколько лѣтъ уже тогда завелась въ Москвѣ Итальянская труппа; она играла на небольшомъ театрѣ въ домѣ Ст. Ст. Апраксина, у Арбатскихъ воротъ. Но въ эту зиму онъ умеръ; вмѣстѣ съ его жизнію должно было прекратиться и ея существованіе; послѣднія представленія ея были на Масляницѣ. Истинныхъ любителей музыки, какъ и всегда, у насъ было весьма немного; подражаніе нѣсколькимъ знатнымъ домамъ, мода—поддерживали сіе частное заведеніе, которое, впрочемъ, обходилось довольно дешево. Но и тутъ говорили, будто тотъ самый Гедеоновъ, который послѣ управлялъ императорскими театрами, а тогда завѣдывалъ кассой этой труппы, не всегда держалъ ее въ исправности и часто черпалъ изъ нея. Мнѣ хотѣлось испытать, выдержатъ ли мои нервы громкіе звуки оперы, и я поѣхалъ слушать Ворону-Воровку,

Библиотека "Руниверс"

Россини; къ большому удовольствію, которое я ощутилъ, примѣшалось еще нѣчто похожее на боль. Примадона мадамъ Анти имѣла препріятный голосъ; тенора звали, кажется, Перуцци, а у Тоси былъ славный басъ. Все вмѣстѣ было прекрасно, все было гораздо выше Одесской посредственности, хотя далеко отъ совершенства, которымъ гораздо позже восхищались мы въ Петербургѣ. Тамъ было ужасно дорого и превосходно, а тутъ дешево и мило; послѣднее, мнѣ кажется, лучше, ибо бо́льшему числу людей доставляетъ средства часто наслаждаться.

Тутъ въ креслахъ встрѣтилъ я двухъ Одесскихъ знакомыхъ, Пушкина и Завалѣевскаго. Увидя перваго, я чуть не вскрикнулъ отъ радости; при видѣ втораго едва не зѣвнулъ. Послѣ ссылки въ Псковской деревнѣ, Москва должна была раемъ показаться Пушкину, который съ малолѣтства въ ней не бывалъ и на неопредѣленное время въ ней остался. Я узналъ отъ него о мѣстѣ его жительства и на другой же день поѣхалъ его отыскивать. Это было почти наканунѣ моего отъѣзда, и оттого не болѣе двухъ разъ могъ я видѣть его; сомнѣваюсь, однако, еслибъ и продлилось мое пребываніе, захотѣлъ ли бы я видѣть его иначе, какъ у себя. Онъ весь еще исполненъ былъ молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь: общество его не могло быть моимъ. Особенно не понравился мнѣ хозяинъ его квартиры, нѣкто Соболевскій. Хотя у него не было ни роду, ни племени, однако нельзя было назвать его непомнящимъ родства, ибо недавно умерла мать его, нѣкая богатая вдова, Анна Ивановна Лобкова, оставивъ ему хорошій достатокъ, и незаконный отецъ его, Александръ Николаевичъ Соймоновъ никакъ отъ него не отпирался, хотя и не имѣлъ большихъ причинъ его любить. Такого рода люди, какъ уже гдѣ-то сказалъ я, все берутъ съ бою и наглостью стараются предупредить ожидаемое презрѣніе. Этотъ былъ остроуменъ, даже уменъ и расчетливъ и не имѣлъ никакихъ видимыхъ пороковъ. Онъ легко могъ бы имѣть большіе успѣхи и по службѣ, и въ снисходительномъ нашемъ обществѣ, но надобно было подчинить себя требованіямъ обоихъ. Это было ему невозможно, самолюбіе его было слишкомъ велико. Оставивъ службу въ самомъ маломъ чинѣ, онъ жилъ всегда посреди такъ называемой холостой компаніи. Слегка уцѣпившись за добродушнаго Жуковскаго, попалъ онъ и на Вяземскаго; безъ увлеченія, безъ упоенія раздѣлялъ онъ шумныя его забавы и сталъ искать связей со всѣми молодыми литературными знаменитостями. Какъ Николай Перовскій лѣзъ на знатность, такъ этотъ карабкался на равенство съ людьми извѣстными по своимъ талантамъ. Находка былъ для него Пушкинъ, который такъ охотно давалъ тогда фамиліарничать съ собою: онъ помѣстилъ его у себя, подчивалъ славными завтраками, смѣшилъ своими холодными шутками и забавлялъ

Библиотека "Руниверс"

его всячески. Не имѣя ни къ кому привязанности, человѣкъ этотъ былъ желченъ, завистливъ и за всякое невниманіе лицъ, ему даже вовсе постороннихъ, спѣшилъ мстить довольно забавными эпиграммами въ стихахъ, кои для успѣха приписывалъ Пушкину. Сего не совсѣмъ любезнаго оригинала случится, можетъ быть, встрѣтить на полѣ, нѣсколько болѣе обширномъ.

Прошло около двухъ недѣль. Съ самаго пріѣзда, расчитывая, что зимній путь долженъ прекратиться для меня въ Харьковѣ, на наемныхъ отправилъ я туда коляску свою, а самъ купилъ дешевую, зимнюю кибитку, дабы легче мнѣ было ѣхать. Послѣ обѣда, 19 Февраля, почти въ сумерки, оставилъ я Москву и ночевалъ въ Подольскѣ. На другой день, сколь возможно сберегая силы свои, опять остановился я ночевать на послѣдней станціи не доѣзжая Тулы, куда и прибылъ я 21 числа рано поутру.

По предложенію, сдѣланному мнѣ въ Петербургѣ Тульскимъ губернаторомъ, Николаемъ Сергѣевичемъ Тухачевскимъ, двоюроднымъ братомъ моимъ, и повторенному въ Москвѣ супругой его Надеждой Александровной, въѣхалъ я прямо въ ихъ губернаторскій домъ, гдѣ и былъ встрѣченъ двумя пожилыми дѣвами, сестрами его, Ольгой и Пелагеей Сергѣевными. Онѣ показали мнѣ письмо, коимъ поручаетъ онъ имъ, въ его отсутствіи, угостить меня какъ нельзя лучше; онѣ и сами готовы были сіе сдѣлать, говорили онѣ, и безъ его предувѣдомленія, по обязанности родства. Ихъ мать, а моя родная тетка, Елисавета Петровна 1821 года скончалась въ домѣ сестры своей, а моей матери, и была похоронена въ нашей Симбуховской сельской церкви. Съ 1815 года не упоминалъ я объ этомъ семействѣ, а теперь пришлось къ слову. Дѣла бѣднаго Тухачевскаго были не въ лучшемъ положеніи: вслѣдствіе доноса по дѣлу о какихъ-то расхищенныхъ казенныхъ лѣсахъ въ Архангельской губерніи, гдѣ онъ тогда находился вице-губернаторомъ, былъ онъ вызванъ въ Петербургъ. Слѣдствіе началось за нѣсколько дней до моего отъѣзда и не обѣщало хорошаго конца. Жена его въ Москвѣ отъ нервныхъ припадковъ лѣчила дочь, которая совершенно разошлась уже съ мужемъ, Кусовымъ. Состояніе ихъ было плохое; не знаю, исключая жалованья, какія средства представляло имъ губернаторское мѣсто, чтобы жить открыто; я думаю, болѣе всего средство дѣлать долги. Цѣлые сутки продержали меня двоюродныя сестры мои, закормили и не иначе выпустили какъ на слѣдующее утро. Никого у нихъ я не видѣлъ; день былъ будничный, великопостный, и не скажу, чтобы я весело провелъ его.

Послѣдній день, въ который хорошо могъ я ѣхать на саняхъ, былъ 22 Февраля: подморозило и дорога была гладкая. Необходимо мнѣ было

Библиотека "Руниверс"

скорѣе воспользоваться ею, и я рѣшился ѣхать день и ночь: только, пріѣхавъ 23 по утру въ Орелъ почувствовалъ ужаснѣйшую усталость и долженъ былъ остановиться. На постояломъ дворѣ комната была теплая, стѣны ея такъ же чисты и бѣлы какъ и постель, на которую я опустился. Но пока я поѣлъ, выспался, погода перемѣнилась, сдѣлалась большая оттепель, я опять заторопился и въ тотъ же вечеръ пустился далѣе.

Ну ужъ ночь была! Глубокій снѣгъ растаялъ, лошади и повозка безпрестанно проваливались, везущіе и ѣдущіе совсѣмъ выбились изъ мочи, когда показался пасмурный день. Все таки днемъ было виднѣе, слѣдственно лучше ѣхать. Какъ ни старался я въ этотъ день быть неутомимымъ, однако не могъ доѣхать до Курска: за двѣ станціи до этого города остановился я въ каменномъ, чистенькомъ почтовомъ домикѣ. Отъ часу становилось не легче; 25-го яркое солнце освѣтило полурастаявшія снѣжныя равнины. Видно, я спѣшилъ, что въ Курскѣ, остановясь подлѣ огромной гостинницы богатаго Ѳеодора Марковича Полторацкаго, я не вошелъ въ нее, не выходилъ изъ повозки и что-то далъ, дабы мнѣ скорѣе привели лошадей. Цѣлые водопады съ шумомъ лились по бокамъ улицъ этого гористаго города. На ночь однако опять я остановился въ такомъ же чистенькомъ казенномъ строеніи.

Знакомаго мнѣ губернатора Кожухова не было уже въ Курскѣ: въ концѣ истекшаго года онъ былъ отставленъ. На его мѣсто назначенъ тоже знакомый мнѣ генералъ-маіоръ Степанъ Ивановичъ Лѣсовскій, который полковникомъ во Франціи былъ подъ начальствомъ Алексѣева и командовалъ Кинбургскимъ драгунскимъ полкомъ; но и онъ еще не пріѣзжалъ. Замѣтить должно, что съ самаго начала этого царствованія строго принялись за губернаторовъ и одного послѣ другаго спѣшили удалить, какъ бы съ тѣмъ, чтобы истребить память незабвеннаго брата ихъ опредѣлившаго. Особенно сей участи подверглись всѣ тѣ, кои были покровительствуемы Аракчеевымъ; всѣхъ называть не буду, а укажу только на Жеребцова въ Новгородѣ и на Тухачевскаго въ Тулѣ. Имъ наслѣдовали люди рѣшительно хуже ихъ и долго не оставались на мѣстахъ. Кожуховъ пользовался особою милостію покойнаго Государя, былъ примѣрнымъ начальникомъ губерніи, былъ строгъ въ этой безпокойной сторонѣ и сохранялъ въ ней порядокъ, который никогда уже послѣ того тамъ водворенъ быть не могъ.

Все болѣе подвигаясь на Югъ и 26-го рано поутру проѣхавъ городокъ Обоянь, потащился я то по снѣгу, то по голой мокрой землѣ и такимъ образомъ дотащился до Бѣлгорода еще засвѣтло. Не по доброй волѣ остановился я въ семъ довольно большомъ уѣздномъ городѣ, нѣкогда губернскомъ, пограничной крѣпости и мѣстопребываніи

Библиотека "Руниверс"

епархіальнаго архіерея, носившаго его имя: мнѣ совершенно отказали дать почтовыхъ лошадей подъ зимнюю повозку. Я былъ въ отчаяніи, не зналъ что предпринять; а между тѣмъ остался въ уютной комнатѣ небольшой гостинницы, напротивъ какого-то богатаго женскаго монастыря. Въ продолженіи вечера успѣлъ я надуматься и рѣшился на отважное дѣло: оставалось еще 73 версты до Харькова; ихъ проѣхать въ двухъ перекладныхъ, хотя крытыхъ телѣгахъ согласился я, живаго или мертваго привезутъ меня въ сію спасительную пристань, гдѣ ожидалъ я найти свою коляску. Кибитку свою продать мнѣ нельзя было; я отдалъ ее въ уплату за ночлегъ и за кушанье. День былъ пасмурный, сырой, холодный, 27 Февраля, когда рано поутру выѣхалъ я изъ Бѣлгорода. Крохи снѣга не было въ полѣ, за то грязь препорядочная, и я съ какимъ-то остервененіемъ выносилъ получаемые мною толчки. На послѣдней станціи показалось солнце; ему стоило немного усилій и времени, чтобы разогрѣть воздухъ, и совсѣмъ повѣяло весной, когда часу во второмъ по полудни пріѣхалъ я въ Харьковъ.

Спросивъ, гдѣ могу найти я лучшее помѣщеніе, мнѣ сказали, что единственная гостинница находится въ центрѣ города, и что тамъ же и клубъ или зала благороднаго собранія по примѣру другихъ губернскихъ городовъ. Содержателемъ былъ нѣкто Матусковъ, историческое лицо въ лѣтописяхъ Харьковскихъ, котораго значительность возрастала вмѣстѣ съ умноженіемъ народонаселенія и благосостоянія сего города. Сдѣланный Екатериною губернскимъ, онъ все еще походилъ при ней на большую Малороссійскую деревню. При Александрѣ основанъ университетъ его и учреждены въ немъ четыре ярманки, отъ чего онъ быстро поднялся. Множество храмовъ, каменныхъ зданій и правильныя улицы украшали его, когда въ первый разъ я его увидѣлъ. Но, о горе! весенней грязью могъ онъ поспорить съ Одессой. Въ первый день я не обратилъ на то большаго вниманія; ибо, довольный отведеннымъ мнѣ номеромъ, послѣ сильнаго потрясенія, я до слѣдующаго утра съ нимъ не разставался. Я не имѣлъ чести увидѣть самаго г. Матускова, или просто Матуска, какъ служители его называли, и въ томъ не было большой нужды: столъ былъ отличный, дешевый и прислуга самая исправная.

Первой заботой моей по пріѣздѣ въ Харьковъ было послать по всѣмъ постоялымъ и ямскимъ дворамъ узнать о пріѣздѣ моей коляски; но не было объ ней ни слуху ни духу, что̀ повергло меня въ величайшее смущеніе, особенно когда на другой день узналъ я, что всѣ сообщенія затруднены непроходимою грязью. Итакъ я принужденъ на неопредѣленное время оставаться въ мѣстѣ мнѣ совершенно незнакомомъ, или тягаться, переписываться и добиваться своей собственности, или

Библиотека "Руниверс"

за дорогую цѣну купить новый вегикулъ *), оставаться въ уединенной своей комнатѣ, безъ книгъ, безъ развлеченій и безъ возможности малѣйшей прогулки по улицамъ. Какое неожиданное тюремное заключеніе!

Однако на другое утро захотѣлось мнѣ, хотя на малое время, вырваться изъ него, глядя въ окно на ясное небо. Вышедъ на улицу, увидѣлъ я вдали извощика съ парою лошадей и сопровождавшему меня трактирному слугѣ сказалъ, чтобы онъ кликнулъ его. Тотъ закричалъ, видно, знакомцу: Бутковъ, сюда! Подъѣхалъ сей, по мнѣнію моему, похититель славнаго дворянскаго имени; я сѣлъ на его дрожки и велѣлъ ѣхать сперва куда нибудь. Въ послѣдствіи по разспросамъ узналъ я, что многочисленнымъ родомъ Бутковыхъ, отъ единаго корня происходящимъ, изобилуетъ Харьковская губернія и частію Екатеринославская и что онъ производитъ въ одно время и воиновъ, и гражданскихъ чиновниковъ, и священниковъ, и церковнослужителей, и ремесленниковъ, и пахарей. Проѣхавъ не безъ труда нѣсколько десятковъ саженъ съ моимъ высокоимяннымъ возницею, мнѣ вдругъ пришло въ голову отправиться къ губернатору.

Сію должность занималъ тогда Василій Гавриловичъ Муратовъ, который прежде того долго служилъ по дипломатической части. Я мало зналъ его, хотя нѣсколько разъ мелькомъ встрѣчался съ нимъ въ жизни. Въ Воронежѣ когда-то братъ повезъ меня на балъ, данный по случаю брака его съ дѣвицей Гарденіной. Въ первый разъ его увидѣлъ я, когда подавалъ Растопчину просьбу объ опредѣленіи меня въ Иностранную Коллегію; въ послѣдній, когда черезъ него подавалъ канцлеру Воронцову просьбу объ увольненіи меня изъ оной; оба раза показалъ онъ себя учтивымъ и обязательнымъ. И тутъ принялъ меня какъ нельзя лучше, обнадежилъ, что велитъ постараться отыскать экипажъ мой и сказалъ, что самъ ко мнѣ явится съ приглашеніемъ на обѣдъ. Онъ почитался примѣрнымъ губернаторомъ, былъ дѣятеленъ, честенъ, строгъ и справедливъ, но, благодаря особому покровительству Аракчеева, бывалъ иногда нѣсколько самоуправенъ, и я предвидѣлъ, что ему на мѣстѣ нельзя будетъ остаться.

Въ слѣдъ за посѣщеніемъ моимъ засадилъ онъ меня въ карантинъ. Смотря по времени, извощики брали непомѣрную цѣну за ѣзду; онъ велѣлъ съ 1 Марта положить умѣренную таксу, и ни одинъ изъ нихъ не сталъ являться на улицахъ; пѣшкомъ же ходить не было возможности. Но и тутъ судьба послала мнѣ спасителя, утѣшителя, о коемъ говорить буду ниже. Когда г. Муратовъ посѣтилъ меня, разговоръ нашъ сначала былъ самый пріязненный; но лишь только вымолвилъ

*) Véhicule (по дурной привычкѣ я часто употребляю Французскія слова).

Библиотека "Руниверс"

я, что наканунѣ отыскалъ и навѣстилъ меня вице-губернаторъ, мой давнишній знакомый, какъ вдругъ обращеніе его перемѣнилось, чело его наморщилось, и онъ поспѣшилъ меня оставить; о новомъ свиданіи и объ обѣдѣ уже слова не было. Гдѣ же мнѣ было знать, что между сими господами величайшая вражда? И вотъ какъ въ провинціи и умные люди становятся мелочны, раздражительны и забываютъ законы приличія.

Утѣшитель, о коемъ сейчасъ упомянулъ, былъ Димитрій Андреевичъ Донецъ-Захаржевскій, хотя не изъ числа пріятелей, а издавна весьма добрый знакомый. Около года находился онъ тутъ вице-губернаторомъ. Человѣкъ онъ былъ весьма достаточный, не слишкомъ способный къ дѣламъ, и служилъ неохотно, только по мягкосердію своему, изъ угожденія къ родителямъ и роднымъ. По ихъ же настаиванію женился онъ на мужевидной дочери извѣстнаго при Екатеринѣ генералъ-прокурора графа Самойлова, Еленѣ Александровнѣ, но скоро долженъ былъ съ ней разстаться, убѣдившись, что она одного почти съ нимъ пола; вообще имѣлъ онъ самыя блистательныя родственныя связи. Онъ рожденъ былъ артистомъ, искусно рисовалъ и прекрасно игралъ на фортепіано; комнаты его всегда были наполнены изрядными картинами, превосходными эстампами и множествомъ рѣдкихъ артистическихъ мелочей, коихъ былъ онъ постояннымъ собирателемъ. Кроткій, уступчивый нравъ его иныхъ обманывалъ; ибо онъ отнюдь не лишенъ былъ самолюбія, которое не допускаетъ даромъ давать себя въ обиду. Онъ былъ довольно дикъ, чуждался общества даже провинціальнаго и въ уединеніи своемъ обрадовался, узнавъ о моемъ пріѣздѣ; а послѣ ему стало меня жаль. Дабы сколько нибудь отогнать отъ меня скуку, предложилъ онъ мнѣ всякой день передъ самымъ обѣдомъ присылать за мной легонькія дрожки, запряженныя лихой тройкой и тѣмъ же образомъ и путемъ каждый вечеръ отвозить меня домой; сверхъ того снабдилъ онъ меня книгами по моему выбору. Такъ провелъ я нѣсколько дней; безъ него не знаю, что бы со мною сталось.

Непонятно, какъ губернаторъ могъ дойти до сильной ссоры съ этимъ человѣкомъ совершенно безъ претензій. Не разсчелъ также Муратовъ, что родная сестра Захаржевскаго, Елисавета Андреевна была въ замужествѣ за всемогущимъ тогда Бенкендорфомъ. Онъ не зналъ за собой никакой вины, шелъ прямымъ путемъ и полагалъ, что сего достаточно, чтобы оставаться на мѣстѣ, даже безъ особой поддержки. Черезъ мѣсяцъ послѣ того могъ онъ узнать, сколько ошибался: его безъ просьбы отставили отъ службы.

Наконецъ, 4 Марта пришли мнѣ сказать о прибытіи моей коляски; ее нужно было починить, и это задержало меня еще два дни. Напрасно

Библиотека "Руниверс"

думаютъ, что на Югѣ въ Мартѣ все цвѣтетъ: тамъ онъ почитается худшимъ мѣсяцемъ въ году. Зима не жестокая, слабая, дремлющая въ предыдущіе мѣсяцы, вдругъ какъ будто пробуждается и вступаетъ въ нервный, не менѣе того лютый, бой съ весною все болѣе возрастающею. Въ южной Франціи кто не страшится giboulées de Mars, отъ которыхъ иногда гибнутъ сливы и виноградныя лозы? Нѣчто подобное можно встрѣтить и въ нашей полуденной Россіи. Хуже дня для выѣзда не могъ я выбрать какъ Воскресенье 6 Марта: дотолѣ все хорошо было въ воздухѣ, спокойно, свѣтло, и тепло; вдругъ откуда ни возмись ураганъ, который разыгрался не въ одномъ этомъ мѣстѣ; цѣлыя сутки свирѣпствовалъ онъ по всей Украйнѣ и въ прилежащихъ къ ней двухъ Новороссійскихъ губерніяхъ, можетъ быть и далѣе, ломалъ деревья, срывалъ крыши и трубы; свистъ и шумъ были оглушительны; холодный дождь шелъ безпрестанно, а порывы бури, иногда удерживая его въ воздухѣ, сильными ручьями ниспровергали его потомъ на землю. Сколько разъ казалось мнѣ, что вѣтеръ готовъ опрокинуть мою коляску; ее качало со стороны на сторону, какъ бы ладью въ морѣ. Мнѣ хотѣлось было середь дня остановиться на первой станціи Мерефѣ: у смотрителя была довольно просторная комната; но въ ней помѣщалось все семейство его, крикливыя дѣти и больная, умирающая, вѣчно охающая мать его; прислониться было негдѣ, и я принужденъ былъ пуститься далѣе. Наконецъ, благополучно доѣхалъ я до второй станціи, изрядnаго мѣстечка Водолаги, гдѣ находилось тогда шелковичное заведеніе и гдѣ нашелъ я изрядный пріютъ. Выѣхавъ когда едва только разсвѣтало и пріѣхавъ когда смерклось, въ борьбѣ съ стихіями, всего сдѣлалъ я только 45 верстъ.

Буря утихала и дождикъ унялся на другой день, но грязь сдѣлалась глубже и вязче. Отъ того и въ этотъ день немного болѣе я отъѣхалъ и былъ очень доволенъ, когда вечеромъ могъ остановиться въ уѣздномъ городѣ Константиноградѣ у одной старой доброй вдовы, которая комнаты свои за умѣренную цѣну отдавала проѣзжимъ. Они были такъ опрятны и теплы, что послѣ ночевки я не безъ сожалѣнія съ ними разстался. На этомъ пути какъ не замѣтить постепеннаго распространенія Россіи? Бѣлгородъ былъ нѣкогда пограничная крѣпость, около которой поселилась слобода; граница отдалилась, крѣпость упразднена, и слобода, обращенная въ городъ, сдѣлалась мѣстомъ центральнаго управленія губерніей. Тоже самое было и съ Константиноградомъ: тутъ былъ поселенъ Бѣлевскій пѣхотный полкъ и потому названа Бѣлевская крѣпость, построенная для защиты слободъ Украинскихъ отъ Татарскихъ и Запорожскихъ набѣговъ. Прошло время, и крѣпость, какъ болѣе ненужная, хотя не срыта, но обезоружена и сдѣ-

Библиотека "Руниверс"

лалась складочнымъ мѣстомъ для военныхъ припасовъ. Она вмѣстѣ съ пребольшимъ казеннымъ плодовитымъ садомъ, извѣстнымъ во всей сторонѣ, придала нѣкоторую значительность сему городку и способствовала къ умноженію въ немъ населенія. Екатерина любила давать городамъ Новороссійскаго края, къ которому и Бѣлевскъ былъ приписанъ, имена своихъ дѣтей и внуковъ; вотъ почему и этотъ въ честь Константина Павловича названъ Константиноградомъ. Теперь онъ уѣзднымъ въ Полтавской губерніи.

Предъ восхожденіемъ солнца, 8 числа, прояснѣло и сдѣлался маленькій морозъ; тоненькій ледокъ покрылъ грязь и лужи; но колеса мои прорѣзывали его, и мнѣ отъ того было нелегче. Ужъ я ѣхалъ, ѣхалъ, а когда совсѣмъ смерклось, все еще не доѣхалъ до мѣста назначеннаго мною для отдохновенія. Въ глубокую ночь спустился я пѣшкомъ по крутой, каменистой горѣ, не доѣзжая Новомосковска и, наконецъ, попалъ въ него. Тутъ также была прежде Московская крѣпость, воздвигнутая почти посреди Запорожскихъ куреней. Ея и слѣдовъ нѣтъ, а вмѣсто нея народонаселеніе, состоящее изъ десяти тысячъ душъ, по большой части, говорятъ, старовѣровъ, покрываетъ собою тутъ пространство болѣе чѣмъ на пять верстъ. У каждаго жителя своя усадьба со дворомъ и съ садомъ; и отъ того нескоро могъ я добраться до убѣжища, которое на эту ночь должно было укрыть меня. Отъ Новомосковска до Екатеринослава оставалось всего тридцать верстъ; я довольно скоро проѣхалъ ихъ 9-го поутру. Тутъ опять предсталъ мнѣ старый другъ мой, Днѣпръ, въ священныя волны котораго столько разъ погружался я отрокомъ. Сердце взыграло во мнѣ, когда проѣзжалъ я по наведенному чрезъ него плавучему мосту.

По выѣздѣ изъ Харькова только въ четвертые сутки пріѣхалъ я въ Екатеринославъ, а всего не съ большимъ двѣсти верстъ. Во всемъ губернскомъ городѣ не было ни одной гостинницы, а какой-то заѣзжій домъ, куда меня привезли, и гдѣ не знаю чѣмъ бы я могъ покормиться. Но иногда хорошо имѣть большое знакомство. Не прошло часу, какъ на заѣзжемъ дворѣ явились дрожки парой, и кучеръ съ запиской отъ полковника Пфейлицера Франка, объ которомъ такъ давно не было помину. Онъ писалъ ко мнѣ, что онъ боленъ, безъ чего самъ бы пріѣхалъ ко мнѣ, что онъ гоститъ у роднаго, женатаго брата, отставнаго полковника же Франка, губернскаго предводителя, и что они всѣмъ семействомъ приглашаютъ меня обѣдать запросто, хотя бы въ дорожнемъ платьѣ Вотъ что было причиною сего внезапнаго приглашенія: обширный домъ господина Франка находился почти у самаго выѣзда и стоялъ на высотѣ, отъ которой садъ шелъ прямо внизъ ко Днѣпру, и откуда въ близи были видны Заднѣпровье и мостъ. Появленіе, на

Библиотека "Руниверс"

немъ путешественника въ коляскѣ на почтовыхъ было тогда происшествіемъ. Весьма еще немногіе посѣщали тогда Крымъ, почти никто по этой дорогѣ, и особенно въ это время года; всѣ отправлялись сперва въ Одессу, единственный Новороссійской городъ извѣстный тогда нашему Сѣверу, а оттуда, если вздумается, то пожалуй и въ Таврiду. Жизнь была самая единообразная, скучная и отъ того возбуждала любопытство къ предметамъ, кои въ иномъ мѣстѣ остались бы безъ замѣчанія. Увидѣвъ на мосту незнакомую коляску, послали тотчасъ узнать, кто пріѣхалъ, гдѣ остановился и поспѣшили убѣдительно звать меня къ себѣ. Для этихъ Франковъ я былъ находкой, а они для меня.

Моего Франка нашелъ я дѣйствительно хворающимъ и искренно обрадованнымъ моему пріѣзду. Его звали Отто Романовичъ, а брата его Антонъ Романовичъ, отъ чего многіе путались въ разговорѣ съ ними. Послѣдній былъ въ отсутствіи, гдѣ-то въ деревнѣ, а супруга его принимала меня вмѣстѣ съ деверемъ. Не знаю, какъ завела судьба Курляндца въ Екатеринославскую губернію, и какъ, будучи не въ первой молодости, умѣлъ онъ плѣнить богатую красавицу, вдову Варвару Димитріевну Гавриленкову; это искусство, которымъ владѣютъ у насъ Нѣмцы. Огромное состояніе скоро дало ему первенство между новымъ и недавно образовавшимся дворянствомъ, и онъ игралъ въ губерніи большую ролю. Неравную съ нимъ участь имѣлъ знакомецъ мой, и онъ повѣдалъ мнѣ свои горести. Года за полтора передъ тѣмъ изъ разсчетовъ не столько корысти, какъ честолюбія, женился онъ на дѣвѣ, которая его и меня по крайней мѣрѣ десятью годами была старѣе. Пусть вспомнятъ въ Бѣлой Церкви Ергольскую, столь любимую и уважаемую семействомъ Браницкихъ, безъ которой старая графиня жить не могла и которая саму Воронцову называла просто Лизой. Вѣроятно Франкъ полагалъ, что за ней будетъ нивѣсть что̀ приданаго и что посредствомъ этого брака онъ поступитъ почти въ родство съ своими покровителями. И какъ онъ ошибся! Графъ и графиня Воронцовы, безъ вѣдома коихъ дѣло было полажено и совершено, не знаю почему, нашли сей поступокъ подлымъ и совершенно къ нему перемѣнились; графинѣ же Браницкой больно бы было разстаться съ своей любимицей, и она умѣла удержать ее при себѣ. Къ тому же, не находя въ супругѣ ожидаемой горячности, и сама Наталья Николаевна скоро къ нему охладѣла; жить имъ вмѣстѣ не оставалось возможности, и онъ женатъ былъ только номинально. Вотъ положеніе! Однако онъ по прежнему оставался въ службѣ; въ началѣ зимы Воронцовъ отправился къ родителю въ Англію, а онъ, пользуясь его отсутствіемъ, пріѣхалъ раздѣлить горе со счастливымъ братомъ. Замѣтивъ, что назначеніемъ въ градоначальники справедливая моя досада не совсѣмъ потушена, сталъ онъ го-

Библиотека "Руниверс"

ворить со мною откровеннѣе; боговъ своихъ спустилъ онъ на землю и принялся вычитывать всѣ слабости сихъ смертныхъ.

Между тѣмъ каждый день ожидалъ меня хорошій обѣдъ, самый ласковый пріемъ, и къ услугамъ моимъ при возвратившейся хорошей погодѣ были парныя дрожки. Тутъ у г-жи Франкъ познакомился я съ губернаторомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Свѣчинымъ: новая жертва, обреченная несправедливости Воронцова. Онъ служилъ полковникомъ въ гвардейской артиллеріи и былъ женатъ на какой-то родственницѣ Кочубея; чрезъ его покровительство получилъ онъ мѣста сперва Полтавскаго вице-губернатора, а потомъ и Екатеринославскаго губернатора. Это было уже во время управленія нашего графа, но безъ его спроса и вѣдома; какое преступленіе могло казаться выше самодержавному Воронцову! Гоненія скоро начались, но посреди безпрестанныхъ хлопотъ и разъѣздовъ прошлогоднихъ онъ не успѣлъ еще столкнуть его; потомъ уѣхалъ, и до возвращенія его Свѣчинъ могъ еще усидѣть на мѣстѣ. Онъ былъ человѣкъ кроткій, заботливый, безкорыстный, и въ губерніи всѣ состоянія любили его. За обѣдомъ, на которой онъ позвалъ меня, увидѣлъ я жену и дочерей его, столь же тихихъ, печальныхъ и молчаливыхъ какъ онъ самъ.

За чѣмъ было, казалось, оставаться мнѣ въ городѣ совсѣмъ не веселомъ, почти въ глуши построенномъ? Мнѣ такъ надоѣла дорога, что о продолженіи ея безъ ужаса не могъ я думать; съ часу на часъ, со дня на день откладывая свой выѣздъ, прожилъ я болѣе трехъ дней.

Сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ Великая Екатерина въ мѣстѣ почти необитаемомъ лично положила тутъ основаніе города, который Потемкинъ назвалъ ея славою.. Черезъ четыре года онъ умеръ, и съ его смертію прекратились усилія сдѣлать его, если не великолѣпнымъ, то значительнымъ городомъ. Послѣ же смерти Екатерины все устремилось къ потушенію ея славы и къ истребленію, если возможно, воспоминанія объ оной. Павелъ Первый, хотя и оставилъ въ этомъ городѣ главное управленіе краемъ, въ немъ учрежденное, но велѣлъ ему именоваться Новороссійскъ. При Александрѣ сперва Николаевъ, Херсонъ и, наконецъ, Одесса въ дали отъ него нанесли ему смертельные удары: тамъ поселились генералъ-губернаторы. Тощее существованіе его продолжалось, и ни разу Императоръ не удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ; судьбѣ угодно было, чтобы по крайней мѣрѣ бренные его остатки единый день въ немъ оставались.

Потемкинъ любилъ все дѣлать на слишкомъ широкую руку; отъ того затѣи его иногда не имѣли успѣха. По плану, имъ утвержденному, широкая площадь въ видѣ улицы и подъ симъ названіемъ спускалась съ высокой горы и въ прямомъ направленіи въ низу тяну-

Библиотека "Руниверс"

лась черезъ весь городъ; по бокамъ были все низкіе домики. Единственное каменное зданіе во всемъ Екатеринославѣ былъ острогъ, ни одной каменной церкви, всѣ строенія были деревянныя. Онѣ обходились дешевлѣ, ибо строевой лѣсъ изъ Малороссіи весьма удобно сплавлялся только до этого мѣста (далѣе же встрѣчались извѣстные пороги). Въ прочихъ же частяхъ каменистой Аравіи, называемой Новая Россія, нигдѣ деревяннаго болѣе найти нельзя. Возили меня также смотрѣть достопримѣчательности города. На вершинѣ горы подъ именемъ площади находится пространное, пустое поле; съ трудомъ могъ я разглядѣть на немъ нѣчто выходящее изъ земли: то были выведенныя три или четыре сажени кирпичныхъ стѣнъ собора, который величиною долженъ былъ равняться почти съ церковію Св. Петра въ Римѣ. Въ разстояніи четверти версты оттуда, по склоненію горы къ рѣкѣ, находился Потемкинскій дворецъ; онъ состоялъ изъ одной залы, которую легко можно было бы обратить въ огромный манежъ, да изъ двухъ комнатъ по бокамъ, изъ которыхъ каждую можно было бы назвать пребольшой залой; мелкихъ комнатъ было немного. Все это было безъ половъ, безъ оконъ, безъ дверей, и дождь капалъ сверху сквозь дырявую деревянную крышу. За то садъ при немъ содержался въ исправности и чистотѣ; онъ шелъ внизъ вплоть до Днѣпра и на немъ захватывалъ нѣсколько островковъ, соединенныхъ между собою полусогнившими мостиками *).

Мнѣ предстоялъ еще предлинный путь. Пониже пороговъ, Днѣпръ круто поворачиваетъ влѣво и огибаетъ большое пространство земли. Вблизи лѣваго берега его населеніе гуще, и отъ того учрежденъ тамъ почтовый трактъ. Выѣхавъ изъ Екатеринослава, надобно сперва проѣхать неподалеку отъ знаменитаго острова Хортицы, нѣкогда Запорожской Сѣчи, или столицы, откуда казаки распространили свои завоеванія на всю Украйну. Участь сего мѣста нынѣ гораздо скромнѣе: тутъ Нѣмецкая колонія, кажется Нейенбургъ; sic transit gloria mundi. Далѣе мѣстечко Канцерополь, гдѣ, если не ошибаюсь, надобно переправиться съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра и потомъ кружиться вслѣдъ за нимъ. Добрый губернаторъ, войдя въ мое положеніе, предложилъ мнѣ средство, дабы въ этомъ мѣстѣ на двѣ трети сократить

*) Мнѣ сказывали недавно, что соборъ выстроенъ гораздо, гораздо въ меньшемъ размѣрѣ противъ предположеннаго, что прежнія стѣны служатъ только оградой широкому мѣсту, среди коего онъ построенъ; что Потемкинскій дворецъ пріобрѣтенъ городомъ; что попеченіемъ предводителя барона Франка онъ отдѣланъ хорошо и просто, что онъ служитъ дворянству для его выборовъ и его увеселеній и что, наконецъ, на пьедесталѣ возвышающаяся бронзовая статуя Екатерины Великой теряется въ неизмѣримомъ пространствѣ такъ называемой площади.

Библиотека "Руниверс"

мой путь. Прямо черезъ степь верстъ на девяносто шла особая дорога, такъ сказать поперекъ дуги, какъ тетива въ лукѣ, и упиралась опять въ Днѣпръ. По ней гоняли воловъ и ѣздили одни только солевозы. На всемъ пространствѣ, на самой серединѣ дороги, было одно только селеніе, и въ немъ только можно было перемѣнить лошадей. Г. Свѣчинъ послалъ приказаніе мнѣ заготовить ихъ тамъ.

Я на все рѣшился и выѣхалъ 13 Марта послѣ ранняго обѣда. Съ самаго Петербурга ѣхалъ я почти въ потьмахъ, закрывая со всѣхъ сторонъ коляску и сколь возможно оберегая глаза свои отъ вѣтра, солнца и стужи; тутъ предосторожности сіи мнѣ показались не нужны. День былъ пасмурный, но тихій и теплый, земля успѣла высохнуть, лугъ чудесно зеленѣлся, и мнѣ сперва любо было ѣхать, хотя ѣзда была не шибкая, ибо на однѣхъ лошадяхъ долженъ былъ я сдѣлать болѣе сорока верстъ. Все было пустынно; очень рѣдко, и то издали высовывались изъ земли хутора, то-есть небольшія землянки, около которыхъ паслись немногія овцы. Стало смеркаться, я началъ торопить ямщика и очутился въ одинокомъ и большомъ селеніи Томаковкѣ. По милости губернатора не однѣ лошади, но и квартира была мнѣ тамъ приготовлена, и я нашелъ ее совсѣмъ не такъ тѣсной и безпокойной какъ ожидалъ. Слѣдующій день, 14 число, былъ свѣтлѣе за то и свѣжѣе; лугъ казался еще красивѣе и, говорятъ, былъ усѣянъ цвѣтами, подъ именемъ полевыхъ тюльпановъ, но я ихъ не видалъ по близорукости ли своей, или отъ того, что они, подобно фіалкамъ, прячутся подъ травой. Лошади, вѣроятно болѣе привычныя къ длиннымъ упряжкамъ, мчали меня живо и часу въ одинадцатомъ примчали въ городокъ Никополь.

Тутъ было прежде Запорожское селеніе Никитинъ Рогъ. Русскіе построили тутъ Никитинскую крѣпость, по упраздненіи ея назвали городокъ Никополемъ; не знаю, почему не Никитополемъ. Я этотъ день не ослѣпился своимъ величіемъ, хотя городничій и встрѣтилъ меня въ мундирѣ, проводилъ къ себѣ и накормилъ завтракомъ или обѣдомъ. Я зналъ, что въ городѣ безуѣздномъ и непроѣздномъ всякій путешественникъ долженъ казаться дивомъ и что отъ губернатора дано было предписаніе на счетъ моего пріема. Не знаю, было ли въ инструкціяхъ г. городничаго, чтобы онъ самъ на паромѣ провожалъ меня за Днѣпръ или онъ сдѣлалъ сіе изъ особой ко мнѣ учтивости. На противномъ берегу простился я съ нимъ и вступилъ, наконецъ, если еще не въ Тавриду, то по крайней мѣрѣ въ Таврическую губернію.

Меня везли шибко, не смотря на пески, которые встрѣчались часто по сосѣдству съ большой рѣкой. Вечеромъ пріѣхалъ я въ большое, богатое селеніе Каховку надъ Днѣпромъ, основанное начальствовав-

Библиотека "Руниверс"

шимъ тутъ графомъ Каховскимъ, но не принадлежащее уже его потомству. Мартъ вдругъ опять сдѣлался угрюмъ и суровъ; воздухъ охолодѣлъ, тучи нависли, когда рано поутру оставилъ я Каховку. Я спѣшилъ въ Крымъ, надѣясь, что тамъ, наконецъ, согрѣетъ меня вешнее солнце, и опять ошибся.

Глубокій ровъ, прорытый Татарами поперекъ перешейка, отдѣляющаго полуостровъ отъ твердой земли, при самомъ въѣздѣ въ Турецкой Оръ-Капи (нашъ Русской Перекопъ) существовалъ еще, и на немъ по прежнему была застава, у которой меня остановили. Пока прописывали въ ней мою подорожную, 15 Марта во второмъ часу пополудни, предстали мнѣ вмѣстѣ Югъ и Сѣверъ: проходилъ небольшой табунъ верблюдовъ и большими хлопьями посыпалъ снѣгъ. Грустно мнѣ стало, и еще болѣе, когда остановился я въ бѣдномъ городѣ, состоящемъ изъ одной улицы широкой и грязной. Ничто не можетъ быть отвратительнѣе дороги изъ Перекопа въ Симферополь: безводная степь, на которой все произростающее мрачнаго оливковаго цвѣта; зимой въ большую грязь по ней нѣтъ почти проѣзда, немного высыхаетъ она къ концу Февраля, лѣтомъ же въ сухое время, если лошади хороши, пространство сіе обыкновенно пролетаютъ. Вотъ отъ чего въ самомъ жалкомъ состояніи находились станціонные домики, на которыхъ никто не останавливался. Я принужденъ былъ однако сіе сдѣлать на второй станціи Дюрмень; мнѣ сказали, что по всей дорогѣ на ней одной могу я найти теплую комнату съ печью, а на всѣхъ же другихъ всю зиму нечѣмъ топить. Писарь уступилъ мнѣ эту конурку, и я проспалъ въ ней на какомъ-то сундукѣ. Снѣгъ выпавшій наканунѣ скоро исчезъ; 16 числа было свѣтло и холодно; земля не довольно увлажилась, чтобы препятствовать моей ѣздѣ, и одинъ предметъ, обративъ на себя мое вниманіе, постоянно развлекалъ меня: въ видѣ бѣлаго пара, не высоко надъ землею, подымался Чатыръ-дагъ, по нашему Палатъ, гора; онъ все болѣе густѣлъ, подымался и образовалъ изъ себя большое облако на краю горизонта; скоро заблисталъ онъ отъ солнечныхъ лучей, которые отражалъ снѣгъ покрывающій его вершину, и мнѣ, никогда не бывшему на Кавказѣ, показался онъ наконецъ Эльбрусомъ, *огромнымъ*, *величавымъ*, воспѣтымъ Пушкинымъ. Я тогда подъѣзжалъ уже къ Симферополю.

Если Чатыръ-дагъ подобно Везувію не изрыгаетъ пламени и не такъ извѣстенъ цѣлому міру, то и Симферополь, близъ подошвы его построенный, весьма далеко не сходствуетъ съ Неаполемъ. Переѣхавъ въ бродъ черезъ Салгиръ, который почиталъ я рѣчкой и въ которомъ нашелъ только быстрый потокъ, увидѣлъ я себя на безконечномъ полѣ, среди коего достроивалась довольно хорошей архитектуры собор-

Библиотека "Руниверс"

ная церковь; по бокамъ же въ довольно дальнемъ отъ нея разстояніи были два двухэтажныя каменныя зданія: присутственныя мѣста и страннопріимный домъ Таранова - Бѣлозерова. Вотъ весь настоящій Симферополь, или лучше сказать тогдашній. За предѣлами поля находилось Татарское селеніе Акмечеть, подъ Русскимъ управленіемъ обратившееся въ Татарской городокъ. Видъ на него съ наружи былъ довольно пріятенъ; изъ-за красныхъ черепичныхъ кровель подымались пять - шесть минаретовъ, перемѣшанныхъ съ высокими раинами; внутренность же была совсѣмъ не привлекательна: въ немъ были узкія, кривыя, неопрятныя улицы съ домами на дворѣ, съ каменными запачканными стѣнами или съ грязными лавками на лицо. Впрочемъ, хотя гораздо менѣе оставленнаго мною Кишинева, онъ мнѣ болѣе полюбился: въ немъ была истинно Азіатская физіогномія, а въ томъ никакой, какъ на безобразномъ лицѣ безъ всякаго выраженія. Я знаю, что чрезъ нѣсколько лѣтъ поле покрылось правильными улицами и домами, что новый городъ, примкнувъ къ старому, спутался съ нимъ, что имя Акмечети забыто даже между Татарами и что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изо всего вышла блестящая, новая столица бывшаго Крымскаго ханства, въ чемъ однако я имѣю причины сомнѣваться.

На самомъ рубежѣ предполагаемой Европы и существующей Азіи, стоялъ двухэтажный трактиръ подъ громкимъ названіемъ Одессы; въ немъ я остановился. Мнѣ отвели въ верхнемъ этажѣ цѣлую половину его, которая состояла изъ одной небольшой комнаты и другой пребольшущей. О спокойствіи останавливающихся въ ней хозяева, видно, мало заботились: замки были всѣ переломаны, двери плохо притворялись, окна тоже, отовсюду дуло, съ низу сквозь полъ слышны были голоса, и самыя половицы подъ ногами подымались и опускались какъ клавиши. И въ этой комнатѣ, какъ сказали мнѣ, цѣлую зиму провелъ несчастный Батюшковъ; слѣдственно въ ней осаждали его мрачныя думы, болѣе разстроивались его нервы, усиливалось его сумашествіе, и въ ней посягнулъ онъ разъ на собственную жизнь. Черезъ годъ послѣ него два мѣсяца изнывала въ ней баронесса Крюденеръ, давно безъ обожателей, давно уже и безъ слушателей, въ добровольной ссылкѣ, не менѣе того для нея жестокой; изъ нея съ отчаяніемъ отправилася она умирать въ Старый Крымъ. Я всегда былъ немного суевѣренъ; не имѣя ни извѣстности, ни дарованій сихъ особъ обоего пола, не могъ я и опасаться одинаковой съ ними участи; не смотря на то, исполнился я тоски. Вечеромъ явился ко мнѣ великій плутъ, Итальянецъ Томазини, съ предложеніемъ услугъ, съ большою живостію въ движеніяхъ и съ вѣчно смѣющимся лицомъ, и не могъ развеселить меня. Онъ былъ тутъ въ трактирѣ проѣздомъ въ

Библиотека "Руниверс"

Керчь, гдѣ по подряду строилъ карантинъ и таможню, и отъ того искалъ моего знакомства, чтобы не сказать покровительства.

На другой день, 17-го, сдѣлалось опять тепло. Когда солнце примется тутъ грѣть, въ какое бы то время года ни было, то скоро начнетъ и печь. Меня это нѣсколько развеселило и я имѣлъ въ этотъ день случай видѣть довольно любопытный феноменъ: пока солнце сіяло надъ Симферополемъ, видно было, что на Чатыръ-дагѣ идетъ сильный снѣгъ. Пользуясь погодой, отправился я съ посѣщеніемъ къ губернатору, который за неимѣніемъ казеннаго дома жилъ въ собственномъ имъ самимъ построенномъ, въ четырехъ или пяти верстахъ отъ города, въ прекрасной долинѣ. Деревья еще не распускались, но кустарники тамъ всѣ уже покрыты были листьями.

Мнѣ былъ нѣсколько знакомъ Димитрій Васильевичъ Нарышкинъ; мы съ нимъ видѣлись въ Мобёжѣ и въ Одессѣ. Будучи сыномъ Анны Ивановны, урожденной гр. Воронцовой, онъ приходился внучатнымъ братомъ нашему генералъ-губернатору, который его отмѣнно любилъ. Воспитаніе получилъ онъ Французское, аристократическое, служилъ въ гвардіи, потомъ въ достославную нашу войну три года сряду находился при родственникѣ своемъ, который ни себя, ни окружающихъ своихъ въ сраженіяхъ не щадилъ, за то и старался ихъ быстро повышать. При корпусной квартирѣ въ 1818 году видѣлъ я его уже молоденькимъ полковникомъ; послѣ того получилъ онъ дозволеніе остаться во Франціи, женился на дочери графа Растопчина и вышелъ въ отставку. Въ 1823 году, по представленію Воронцова, съ чиномъ статскаго совѣтника, получилъ онъ мѣсто Таврическаго губернатора. Вотъ вкратцѣ формуляръ его, и что̀ къ тому прибавить? Онъ былъ чрезвычайно добрый малый: похвала умѣренная для правителя области. Но онъ былъ еще довольно молодъ, лѣтъ тридцати пяти, добродушенъ, простъ въ обращеніи, и имѣлъ въ себѣ болѣе военнаго, чѣмъ дворцоваго; съ дѣлами по возможности старался ознакомиться. Онъ принялъ меня, я думаю какъ и всякаго, со врожденною благосклонностію, и пригласилъ на другой день къ себѣ обѣдать. Все напоминало у него лучшій, образованнѣйшій свѣтъ: и умная, любезная, просвѣщенная хозяйка, Наталья Ѳеодоровна, и домъ, который походилъ на небольшой царской загородный дворецъ, и отличное убранство комнатъ; все прочее тому соотвѣтствовало. Посѣтилъ я также и вице-губернатора Никанора Лонгинова; онъ тутъ начиналъ уже жить домкомъ, въ опрятной и хорошей квартирѣ надъ Салгиромъ и раза два звалъ меня обѣдать.

Какъ было мнѣ не позавидовать имъ! Оба были люди не мудреные, а дѣла у нихъ шли какъ нельзя лучше. Отъ чего же такъ? Или

Библиотека "Руниверс"

ихъ было очень мало, или они не имѣли большой важности. Надобно также полагать, что у обоихъ были хорошіе подчиненные помощники.

Здоровье мое, еще разстроенное и слабое, какъ бы Божіимъ чудомъ хранилось среди мученій этого продолжительнаго пути. Но отъ безпрестанныхъ перемѣнъ въ температурѣ оно мнѣ измѣнило, я сильно захворалъ и въ той самой комнатѣ, въ которой видѣлъ я преддверіе того свѣта. Долженъ признаться, что я не на шутку струсилъ. Посѣщали меня съ участіемъ Нарышкинъ и Лонгиновъ, посѣщали и два медика, оба Нѣмцы, родившіеся и воспитанные въ Россіи.

Одинъ изъ нихъ, Ѳеодоръ Карловичъ Мюльгаузенъ, былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, свѣдущій во многихъ наукахъ, ученый ли по медицинской части, не думаю, ибо не имѣлъ даже докторскаго диплома и, какъ врачъ въ «Причудницѣ» Дмитріева, въ Симферополѣ почитался знаменитымъ, потому что долго былъ въ немъ одинъ. Онъ имѣлъ прекрасную дачу въ смежности съ городомъ, на ней построилъ каменный домъ и развелъ обширный плодовитый садъ. Отъ искренняго сердца презиралъ онъ варварскую страну, въ которой родился и нажился, никакъ не бралъ труда скрывать это чувство и отъ того казался еще просвѣщеннѣе.

Другой, Андрей Ѳеодоровичъ Арендтъ, былъ родной братъ извѣстному въ Петербургѣ лейбъ-медику. Вотъ этотъ былъ настоящій Русской человѣкъ, который долголѣтней практикой пріобрѣлъ великое искусство. Его лѣченію обязанъ я скорымъ выздоровленіемъ. Однако вмѣсто двухъ дней, которые намѣренъ былъ я провести въ Крымской столицѣ, я долженъ былъ пробыть въ ней восемь и только 24 Марта послѣ обѣда оставилъ ее.

У самаго выѣзда въ Карасубазаръ приготовлена была мнѣ для ночевки теплая и чистенькая квартира. Поднявшись до свѣта, 25 числа, я не проѣхалъ черезъ этотъ хорошо населенный и издревле торговый городокъ, по причинѣ великой въ немъ грязи; самъ ямщикъ повезъ меня чрезъ сады, по наружной его сторонѣ. Сквозь сумракъ рождающагося дня, между церквей и мечетей, могъ я однако разглядѣть зданіе новой для меня формы: большой Азіатской каравансарай. Оставалось еще шестьдесятъ верстъ до Ѳеодосіи; я довольно скоро проѣхалъ ихъ, ибо поспѣлъ еще туда до ранняго обѣда.

Я поспѣшилъ къ градоначальнику, Андрею Васильевичу Богдановскому, предмѣстнику моему въ Керчи. Какъ въ столь отдаленныхъ мѣстахъ мало церемонятся, то онъ оставилъ меня обѣдать, а я потомъ оставался у него до поздняго вечера. Со мной была весьма любезна супруга его, Настасья Александровна, дочь главноначальствовавшаго надъ Московскимъ Воспитательнымъ Домомъ, Александра Михай-

Библиотека "Руниверс"

ловича Лунина, чуть ли не фрейлина, Московская барышня, зрѣлая и и даже перезрѣлая, когда вышла замужъ. Она мнѣ разсказывала, какъ въ Керчи умирала съ тоски; и неудивительно: она безъ Французскаго языка ступить не могла, а на немъ не съ кѣмъ ей было тамъ разговаривать; она любила играть на фортепіано, а тамъ некому было ее слушать; въ Ѳеодосіи же нашлось нѣсколько человѣкъ, которые умѣли ее понимать. Совсѣмъ противное являлъ мужъ ея. Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей цѣлый вѣкъ прослужилъ онъ въ армейскихъ полкахъ и слѣдственно не получилъ никакого образованія. Мужикъ онъ былъ честный; отъ природы съ умомъ тупымъ, однакоже не безъ смѣтливости и особенно не безъ разсчетливости въ денежныхъ дѣлахъ. Съ необычайною бережливостію, отъ скуднаго жалованья, откладывая копѣечку на копѣечку, нажилъ уже онъ небольшой капиталецъ, когда наслѣдовалъ богатому Воронцову въ начальствованіи Нарвскимъ пѣхотнымъ полкомъ, и при сдачѣ онаго, показалъ себя чрезвычайно умѣреннымъ въ требованіяхъ, за что̀, говорятъ, былъ щедро имъ вознагражденъ. Проживая мало во Франціи, когда получалъ тамъ огромное содержаніе и присоединяя къ тому жалованныя аренды и земли, честнымъ образомъ сдѣлался онъ, наконецъ, почти богатъ. Мягкость характера и учтивыя формы нескоро давали замѣнить въ немъ остатки солдатчины. Генеральское званіе не совсѣмъ еще тогда потеряло свою цѣну, и въ Москвѣ не трудно было ему соединиться съ пожилою дѣвою, также съ хорошимъ достаткомъ. Онъ начиналъ жить спокойно, когда Воронцовымъ вновь увлеченъ былъ на службу, съ пожертвованіемъ, особенно для жены, всѣхъ свѣтскихъ удовольствій въ жизни. Къ сожалѣнію, онъ былъ въ числѣ тѣхъ невѣждъ, которые не постигаютъ даже необходимости знанія дѣлъ въ гражданской службѣ.

И вотъ человѣкъ, который подобно мнѣ избранъ былъ градосоздателемъ! Стало быть, и онъ казался способнымъ къ приведенію въ исполненіе великихъ предначертаній Воронцова; стало быть, и онъ удостоенъ былъ высочайшаго довѣрія. О какое разочарованіе! Сколько въ одинъ день сбыло у меня спѣси и какъ умножилось отвращеніе мое отъ Керчи, отъ которой былъ уже я такъ близко. Болѣе чѣмъ когда убѣдился я въ томъ, что Воронцовъ находитъ умъ и способности только въ тѣхъ людяхъ, кои ему угождаютъ и которыхъ почитаетъ онъ себѣ преданными.

Непростительно бы было, посѣтивъ хотя на минуту нѣкогда великолѣпную, богатую Кафу, умолчать о нынѣшнемъ ея состояніи. Надъ моремъ, за горой она скрыта отъ глазъ путешественниковъ. Въ верстѣ отъ нея находится почтовая станція, съ которой надобно спуститься, чтобы въѣхать въ городъ, такъ что проѣзжающіе, перемѣняя

Библиотека "Руниверс"

на ней только лошадей, могутъ его и не увидѣть. Проѣхавъ древнюю башню, мѣстами поврежденную, но еще твердо стоящую, подлѣ которой застава, въѣзжаешь въ улицу не Европейскую, и не Азіатскую, а Новорусскую, широкую, правильную, прямую съ двухъ и трехэтажными домами, совершенно по образцу тѣхъ, кои находишь въ нашихъ Великороссійскихъ губернскихъ городахъ. Съ лѣвой ея стороны сперва тянется на небольшомъ пространствѣ широкой съ сухими деревьями бульваръ, и о него какъ бы разбиваются морскія волны. Съ правой идутъ параллельно еще двѣ регулярныя улицы только съ низкими домами. Все это вмѣстѣ на концѣ упирается въ высокую гору, которая становится поперекъ и съ этой стороны никому не даетъ выѣзда. Внѣ города нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ прежде бывшихъ строеній; симъ доказывается, что прежняя Каффа съ своими двумя стами тысячъ жителей тѣснилась на томъ самомъ только мѣстѣ, которое занимаетъ нынѣшняя Ѳеодосія. Вѣроятно Генуэзцы, ее сооружавшіе, брали въ образецъ свой отческій городъ Геную, гдѣ, какъ говорятъ, улицы такъ тѣсны и гдѣ дома, возвышаясь одинъ надъ другимъ, образуютъ терасы до самаго верха горъ. Такъ можно предполагать, ибо Ѳеодосія лежитъ въ одной лощинѣ, покатости же горъ совершенно пусты, а на вершинѣ виднѣются еще остатки каменныхъ стѣнъ и башенъ, которыя вѣроятно прежнему городу служили границей и защитой. Турки завоевали Кафу, нами послѣ названную именемъ давно несуществующей Ѳеодосіи, и разорили ее. Потомъ большіе ея Христіанскіе храмы обратили въ мечети, настроили множество бань, лавокъ, караван-сараевъ, и отъ сочетанія двухъ разныхъ архитектуръ среди разрушенія она долго сохраняла видъ весьма оригинальный. Когда же при Александрѣ въ 1805 году учрежденъ въ ней портовый городъ, то первымъ градоначальникомъ назначенъ былъ прежде бывшій, если вспомнятъ, Кіевскій военный губернаторъ, просвѣщенный Англичанинъ, генералъ отъ инфантеріи Феньшъ: такъ важны еще были мѣста сіи, пока не зависѣли отъ генералъ-губернаторовъ. Онъ ничего лучше не придумалъ для пользы своего города, какъ выпросить у казны огромныя суммы, раздать ихъ заимообразно жителямъ и склонять ихъ къ строенію домовъ. Все старое принялся онъ разрушать, а каменья раздавать даромъ; такою дешевизною матеріаловъ Ѳеодосійцы еще болѣе завлечены были къ постройкамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ городу сему дана, наконецъ, та пошлая физіогномія, которую нашелъ я въ немъ.

Конечно, наружное устройство давало видъ благосостоянія городу, который годъ отъ году болѣе бѣднѣлъ. Но того ли единственно хотѣлось правительству? Для того ли оно тратилось? Надобно было подумать напередъ, чѣмъ будетъ торговать Ѳеодосія. Одними естественными

Библиотека "Руниверс"

Крымскими произведеніями? Но въ Анатоліи, въ Архипелагѣ и другихъ полуденныхъ странахъ они находятся гораздо въ большемъ изобиліи. Что́ необходимое для жителей можетъ быть привозимо? Азіатскія издѣлія, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, къ которымъ Татары такъ привыкли. Но такимъ образомъ значило оставить ихъ вѣчными данниками Восточной промышленности. Оно такъ и было, пока Московскіе фабриканты не догадались вырабатывать матеріи по Турецкому образцу прочнѣе и лучше и не пустить ихъ тутъ дешевлѣ. Вывоза товаровъ не было, прекратился и привозъ. Какъ никому не пришло въ голову устроить прочную дорогу въ новооткрытый портъ изъ нашихъ внутреннихъ губерній, столь изобильныхъ земными продуктами, даже отягченныхъ ими безъ всякаго сбыта, что́ богатило бы ихъ и портовый городъ? Не лучше ли бы великія суммы, пожертвованныя на частныя строенія, обратить было на сей предметъ? А всѣ, наконецъ, стали обвинять бѣдную Ѳедосью въ безплодіи и осуждать ее на вѣчное ничтожество. Для нанесенія ей послѣдняго удара учрежденъ былъ, почти въ глазахъ у нея, новый портъ, и мнѣ суждено было стараться возвысить его, дабы совершено ее уронить. О преимуществахъ одного города передъ другимъ долженъ говорить въ слѣдующей главѣ.

VII.

Отъ Ѳеодосіи до Керчи 96 верстъ. Я надѣялся потихоньку пріѣхать туда ночью, но меня везли шибко, и 26 Марта еще засвѣтло имѣлъ я торжественный въѣздъ въ свою Баратарію. Также какъ въ Никополѣ, народъ высыпалъ изъ домовъ, только не бѣжалъ за мной; также по болѣзни полиціймейстера, исправляющій должность его частный приставъ встрѣтилъ меня за городомъ верхомъ у колеса и провожалъ меня до самой квартиры моей. Она мнѣ была отведена у одного Кулисича, Славянина-Далмата, который пытался завести тутъ торгъ и построилъ двухэтажный каменный домъ у подошвы Митридатовой горы. Верхнее жилье не было отдѣлано, а въ нижнемъ находилась широкая, длинная, но весьма низкая зала, служащая для зимнихъ увеселеній Керченской публики, для баловъ, на которыхъ не знаю кто танцовалъ и подъ какую музыку.

Въ ней черезъ полчаса послѣ пріѣзда моего предстали мнѣ всѣ чиновники, карантинные, таможенные и нѣкоторые морскіе, также весьма неважные первостатейные граждане.

Впереди всѣхъ стоялъ исправляющій мою должность, начальникъ карантинной конторы, отставный гвардейской артиллеріи полковникъ

Библиотека "Руниверс"

Александръ Никитичъ Синельниковъ, обвѣшанный крестами. За одинъ присѣсть хочется мнѣ намарать портретъ его. Ему было 38 лѣтъ, какъ онъ сказывалъ, а мнѣ казалось менѣе, онъ былъ не высокъ и не низокъ, не худъ и не толстъ, стройно сложенъ, но лицо имѣлъ обезьянье. Кадетской Корпусъ, въ которомъ былъ онъ воспитанъ, оставилъ на немъ печать свою, и онъ все казался немолодымъ кадетомъ; ухватки его были солдатскія, всѣ тѣлодвиженія быстры, равно какъ и рѣчь, и я все ожидалъ услышать отъ него: здравія желаю или ради стараться. Черезъ Михаила Павловича, который любилъ такія манеры, получилъ онъ у Воронцова мѣстечко, какъ думалъ онъ, покойное. И вотъ какими людьми Петербургская протекція часто надѣляетъ провинціи! По примѣру предмѣстника своего, Фонъ-Дена, онъ болѣе всего заботился о чистотѣ улицъ: чистоплодіе, какъ я слышалъ, осталось и понынѣ лучшимъ удѣломъ Керчи. На первый случай будетъ пока и его одного; о другихъ буду говорить послѣ.

Сколь мало наружностію своею показалась мнѣ привлекательною столица моя, не менѣе того я радъ былъ, что въ нее пріѣхалъ: тутъ по крайней мѣрѣ оканчивалось мое путешествіе, и я могъ почитать себя на мѣстѣ. Успокоиваясь духомъ, хотѣлось мнѣ успокоиться нѣсколько и тѣломъ, и для того попросилъ я г. Синельникова дни на два дать мнѣ отдыхъ и продолжать занимать мое мѣсто, что́, кажется, не совсѣмъ ему было противно.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ послѣ назначенія моего въ должность, наконецъ, вступилъ я въ нее 29 Марта. Первыя бумаги мною распечатанныя не могли мнѣ быть весьма пріятными. Опредѣленный градоначальникомъ въ Одессу, тайный совѣтникъ графъ Паленъ, послѣ отъѣзда графа Воронцова, управлявшій Новороссійскими губерніями, по высочайшему повелѣнію объявлялъ мнѣ высочайшій выговоръ за Левинсоновское дѣло. Съ другой стороны я получилъ увѣдомленіе, отзывъ или предписаніе, не знаю какъ назвать, отъ генерала Паскевича, коимъ объявляетъ онъ о вступленіи своемъ на должность главноначальствующаго въ Грузіи на мѣсто генерала Ермолова. Темрюкъ, Тамань и Бугазскій мѣновой дворъ на Кубани по части карантинной и таможенной были подвѣдомственны Керченскому градоначальству, а находились на землѣ Черноморскихъ казаковъ, зависящихъ отъ главнаго Закавказскаго управленія. Отъ того генералъ сей не почиталъ ли и меня своимъ подчиненнымъ?

На другой день послѣ моего пріѣзда былъ у меня почти семидесятилѣтній старецъ, Еникольской комендантъ, генералъ-маіоръ Карлъ Яковлевичъ Бухгольцъ, въ которомъ, казалось, и лѣта, и положеніе его должны были погасить страсти и честолюбіе. Онъ на слѣдующій

Библиотека "Руниверс"

день пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ Еникале. Надобно было сдѣлать десять верстъ, то есть двадцать взадъ и впередъ, а мнѣ надоѣло уже считать версты; дѣлать было нечего: я не хотѣлъ оскорбить его отказомъ. При въѣздѣ моемъ въ старую уже Турецкую крѣпость, хотя называютъ ее Ени-кале, то есть новою, встрѣтилъ онъ меня въ полной формѣ и съ рапортомъ въ рукѣ. Я не принялъ онаго и, отклоняя отъ себя честь сію, сказалъ, что если это соблюдалось при Богдановскомъ, то вѣроятно отъ того, что онъ самъ имѣлъ прежде военный чинъ. По настоящему тому такъ и слѣдовало быть: во всѣхъ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ градоначальникамъ, всѣ служащіе, какого бы они чина ни были, военные, сухопутные и морскіе, имъ были подчинены. Мнѣ хотѣлось оказать только учтивость и уваженіе къ лѣтамъ, а въ послѣдствіи это самое было употреблено противъ меня во зло.

По дорогѣ къ Ени-кале, въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, достроивался огромный центральный карантинъ. Чиновники жили пока въ городѣ, а нѣкоторые изъ нихъ въ семи верстахъ отъ него, только съ другой стороны, также надъ проливомъ, въ карантинной заставѣ, которую и называли старымъ карантиномъ. Мнѣ необходимо было ее видѣть. Мѣстоположеніе въ самомъ маломъ видѣ совершенно сходствовало съ Ѳедосійскимъ: также надобно было спускаться съ горы, потомъ ѣхать по узкой долинѣ, и гора на концѣ, круто поворачивая къ проливу, также заслоняла дорогу проходящимъ и проѣзжающимъ. Тутъ были кое-гдѣ деревья, нѣсколько виноградниковъ, разсѣянные домики для карантинныхъ служителей и, наконецъ, одинъ поболѣе другихъ, совершенно въ Татарскомъ вкусѣ, занимаемый директоромъ карантиннаго дома Бородинымъ. Не далѣе какъ въ началѣ Іюня назначено было всѣхъ живущихъ тутъ перевести въ большой карантинъ, и мѣсто сіе должно было опустѣть. Мнѣ пришло въ голову въ день самаго перваго ему посѣщенія моего сей уголокъ, сей пріютъ обратить въ хуторъ или дачу для градоначальника и на все лѣто поселиться въ немъ: и мнѣ удалось послѣ мысль сію осуществить. Въ тотъ же день имѣлъ я случай познать неудобства величія. Лишь только подъѣхалъ я къ горѣ, какъ внезапно былъ поднятъ флагъ, и съ брандвахты, въ близи стоящей, мнѣ въ честь сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ. Лошади испугались, понесли меня внизъ и чуть не сломили мнѣ голову. Тогда я попросилъ на будущее время избавить меня отъ сей чести.

Другая непріятность ожидала меня въ день Свѣтлаго Воскресенья, 3 Апрѣля. Домъ Кулисича, гдѣ я жилъ, былъ во ста шагахъ отъ небольшой каменной крѣпости, тогда еще существовавшей, безъ караульни и безъ часовыхъ. Посреди ея находился соборъ, древній храмъ,

Библиотека "Руниверс"

вросшій въ землю, неизвѣстно какимъ-то народомъ построенный. Былъ обычай предоставлять всѣмъ мальчишкамъ въ городѣ право лазить на его колокольню и цѣлый день звонить во всѣ колокола; они безпрестанно мѣнялись, и устали между ими не могло быть: такъ должно было продолжаться всю недѣлю. Съ разстройствомъ нервъ я страдалъ, чувствовалъ муку невыносимую, и молчалъ, уважая обычай. Какъ то однако узнали о претерпѣваемомъ мною, и совсѣмъ не изъ сострадавія, а на первыхъ порахъ желая мнѣ всячески угодить, на третій или на четвертый день послѣ праздника жители воспретили звонъ. Я удивился, когда умолкъ голосъ колокола, въ Керчи единственный вѣщатель всеобщей радости. Одинъ только Русской народъ умѣетъ веселиться о Святой; въ эту великую седьмицу онъ весь исполняется какимъ-то непонятнымъ для него блаженствомъ. Греки оставались мрачны, какъ и всегда.

Когда я хорошенько началъ заниматься дѣломъ, то увидѣлъ, что покамѣстъ его очень мало. Это давало мнѣ возможность не всякой день имѣть неудовольствіе работать съ найденнымъ мною правителемъ канцеляріи моей Минарскимъ. Откуда взяли этого человѣка? Богдановскій и Синельниковъ почитали его великимъ дѣльцемъ, а онъ имѣлъ только нѣкоторый навыкъ въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ. Наружность его была нестерпима: на безобразномъ, болѣе широкомъ чѣмъ толстомъ туловищѣ подымалась столь же широкая голова, какъ у Шумилова въ посланіи Фонъ-Визина. «Тупѣйшаго ума пространная столица». То, что у другихъ людей по-русски называется лицомъ, у него слѣдовало по-русски же назвать образиной. Съ безсмысленными взглядами оно выражало вмѣстѣ и глупость, и злость, и не было наружно обманчиво. Прибавить ли къ тому изо рту несносной духъ перегорѣлой водки? Онъ былъ какъ боченокъ всегда ею весь налитый и никогда не былъ пьянъ. Въ Керчи казалось тогда поживиться было нечѣмъ, а онъ находилъ какія-то тайныя средства, если не богатѣть, то жить весьма безбѣдно. Къ счастію между канцелярскими были порядочные ребята и когда случится что поважнѣе я призывалъ ихъ, чтобы, щадя глаза свои, заставлять писать ихъ подъ мою диктовку.

И такъ если въ Кишиневѣ осужденъ я былъ на муку, то въ Керчи на скуку. Не знаю, что лучше? Какъ вездѣ, куда я вновь поступалъ на службу, и здѣсь былъ я окруженъ незнакомыми мнѣ лицами, людьми, о коихъ никогда не слыхивалъ. Мнѣ были нужны наблюдательность и осторожность, и долго ни съ кѣмъ не рѣшался я быть довѣрчивымъ. Безъ общества, безъ книгъ, безъ большихъ занятій по службѣ, житье мое было не самое веселое.

Библиотека "Руниверс"

Я вспомнилъ первые мѣсяцы пребыванія моего въ Кишиневѣ. Тутъ было у меня еще болѣе свободнаго времени, и одинъ добрый человѣкъ, котораго назову послѣ, снабдилъ меня книгами, у него хранящимися, имъ некупленными и даже не читанными, въ которыхъ много говорится о Пантикапеѣ и бывшемъ Босфорскомъ царствѣ. Представился случай создать мнѣ себѣ довольно большой трудъ, и я воспользовался имъ. Въ видѣ записки началъ я составлять вкратцѣ исторію классическихъ мѣстъ, куда судьбою заведенъ я былъ во дни ихъ запустѣнія. Все болѣе завлекаемый предметомъ моимъ, я довелъ ее до настоящихъ временъ, все это заключилъ и описаніемъ ввѣреннаго мнѣ города и его окрестностей и взглядомъ на будущую возможную судьбу его. Сочиненіемъ сей записки занимался я все лѣто и въ началѣ осени; въ ней находится множество подробностей, кои повторять здѣсь было бы напрасно; чтеніемъ ея, если угодно, пополнится все недостающее въ сей главѣ. За вѣрность въ описаніи мѣстъ и происшествій могу я ручаться; только мнѣнія мои насчетъ торговли въ этомъ городѣ должны были измѣниться: время и опытъ показали мнѣ ихъ ошибочность.

Изъ сей записки увидятъ, какъ иностранецъ, начавшій въ Россіи поприще свое съ самаго низкаго ремесла, смѣлостію, дерзостію, предпріимчивостію умѣлъ склонить правительство къ открытію новаго порта и надѣялся начальствовать въ немъ изъ видовъ своекорыстія. Имя Скасси должно остаться незабвеннымъ въ Керчи, ибо онъ былъ главнымъ виновникомъ возрожденія сего города. Онъ поселился въ немъ, купилъ небольшой домикъ и по близости построилъ дачу. Назначеніе Богдановскаго только на нѣкоторое время разстроило его планы: онъ увидѣлъ человѣка, узналъ все отвращеніе жены его отъ сихъ мѣстъ и старанія ея оставить ихъ. Досада и отчаяніе его были велики, когда узналъ онъ о моемъ назначеніи; продолжительное же отсутствіе мое опять воскресило его надежды. А лишь только онъ увидѣлъ въ газетахъ, что я выѣхалъ изъ Петербурга, какъ самъ сталъ собираться туда съ намѣреніемъ вредить мнѣ чрезъ покровителя своего графа Нессельрода. Гдѣ-то мы дорогой разъѣхались, и потомъ нигдѣ не случалось мнѣ съ нимъ встрѣтиться.

По званію попечителя несуществующей торговли съ Абазинцами, пустаго мѣста для него созданнаго, получалъ онъ 35 тысячъ ассигнаціями и имѣлъ при себѣ штатъ, изъ нѣсколькихъ чиновниковъ состоящій. Первымъ изъ нихъ былъ коллежскій ассессоръ Димитрій Ѳедоровичъ Кодинецъ, преблагородный человѣкъ, скромный и образованный, который, какъ замѣчалъ я, внутренно стыдился рода службы, въ который нечаянно попалъ. Его общество было для меня утѣшеніемъ,

Библиотека "Руниверс"

и онъ-то снабжалъ меня немногими книгами, которыя служили мнѣ развлеченіемъ. Я говорилъ ему откровенно, что въ Керчи надолго никакъ поселиться не могу и что, можетъ быть, не дождусь даже возвращенія Воронцова, чтобы оставить ее, и онъ вѣроятно писалъ о томъ къ Скасси, успокоилъ его и чрезъ то и меня на нѣкоторое время.

Совсѣмъ инаго разряда былъ другой, *) молодой Ашикъ, малый видный собою, вѣчно улыбающійся и полоумный. Его Скасси привезъ съ собою изъ Рагузы, вмѣстѣ съ сестрой и матерью: а послѣдняя, по званію полу-тещи была домоправительницей у его начальника. Еще было два мелкихъ существа при немъ, Грекъ Хартуллярій, величайшій изъ плутовъ, который надувалъ самаго Скасси и подъ конецъ продавалъ его, да мальчикъ Французикъ Люилье, сынъ раззорившагося въ Петербургѣ портнаго. Его безжалостно подвергалъ онъ величайшимъ опасностямъ, безпрестанно посылая его къ Черкесамъ, что̀ послужило однако къ пользѣ юноши: онъ выучился ихъ языку, принялъ ихъ обычаи и одежду и довольно вѣрныя извѣстія привозилъ изъ горъ.

На какомъ бы маломъ пространствѣ люди ни были собраны, сколь бы ни мало было число ихъ, скоро начнутся несогласія и ссоры между ими. Въ Керчи нашелъ я двѣ партіи: съ одной стороны были правительство и народъ, съ другой слабая оппозиція. Взбалмошный Синельниковъ конечно не по собственному убѣжденію а по настаиванію Скасси и тайнымъ происканъ Грековъ, сталъ преслѣдовать Керченскаго полиціймейстера, отставнаго гвардіи Павловскаго полка подполковника Ивана Даниловича Щиржецкаго, умнаго Поляка, не столько хитраго, какъ осторожнаго. Онъ преступилъ за границы власти своей, удаливъ его отъ исправленія должности и поручивъ ее частному приставу. Безъ всякой видимой причины предметомъ его гоненій сдѣлался также старшій карантинный врачъ Христіанъ Ивановичъ Кельцъ, Нѣмецъ тупой, болтливый и скучный, притомъ великій добрякъ. Эти два человѣка часто видѣлись между собой, и тогда доставалось Синельникову. Щиржецкій оказался здоровымъ, явился ко мнѣ и я предложилъ ему опять вступить въ должность. Скоро опытъ показалъ мнѣ, что я могу имѣть въ немъ преполезнаго сотрудника, даже по письменнымъ дѣламъ. Въ Кельцѣ видѣлъ я жертву и отъ того былъ съ нимъ ласковъ и утѣшалъ его. А вотъ и готовая мнѣ партія. Но я желалъ водворить миръ и согласіе и успѣвалъ въ томъ, стараясь со всѣми быть вѣжливымъ, не показывая впрочемъ слабости и никому не ока-

*) Первый изъ нихъ, Кодинецъ, былъ въ послѣдствіи повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Тегерапѣ, а втораго Ашика къ удивленію моему сдѣлали начальникомъ Керченскаго музеума.

Библиотека "Руниверс"

зывая особаго предпочтенія. Вообще все это лѣто былъ я весьма доволенъ своимъ поведеніемъ.

О другихъ служившихъ въ Керчи важныхъ особахъ, право, не стоило бы говорить, еслибъ не было между ими старшаго члена карантинной конторы, надворнаго совѣтника Антона Павловича Пасхали, Грека, бывшаго прежде въ нашей морской службѣ. Онъ имѣлъ наружность непротивную, былъ довольно полонъ собою, тихъ, молчаливъ и весьма сладкорѣчивъ, когда прерывалъ молчаніе. Изощренное долгими наблюденіями чутье мое съ перваго раза угадало ядъ въ медоточивыхъ рѣчахъ его. Мнѣнія о немъ я никому не сообщалъ, а еще менѣе давалъ замѣтить ему самому, и мы пока оставались въ ладахъ. Преданный Скасси, онъ помыкалъ сумасброднымъ Синельниковымъ, настроивалъ его, какъ хотѣлъ по своему усмотрѣнію и былъ величайшій интриганъ. Интриги! И гдѣ? И для чего? Право, при умѣ у этого человѣка было мало разсудка.

Въ вѣдомствѣ моемъ было еще миніатюрное адмиралтейство, подъ начальствомъ флота капитана 1-го ранга Владимира Васильевича Бурхановскаго, очень порядочнаго человѣка, большаго домосѣда, который въ постороннія дѣла не мѣшался и съ которымъ я рѣдко видѣлся. Подъ его управленіемъ состояла небольшая флотилія, которая лѣтомъ нѣсколько разъ ходила въ Редутъ-Кале.

Мѣсто управляющаго таможней оставалось долго празднымъ; за мѣсяцъ до моего пріѣзда назначенъ былъ на него изъ Таганрога нѣкто Василій Ѳеодоровичъ Гудимъ-Левковичъ, пріѣхавшій только въ Маіѣ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи и былъ женатъ на Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ, дочери предсѣдателя Таганрогскаго Коммерческаго Суда Шауфуса: чета добродушная, привѣтливая и гостепріемная, которая съ самаго начала мнѣ полюбилась. По совѣту моему г. Гудимъ старался сблизиться съ Синельниковымъ, нѣсколько разъ посѣщалъ его, а тотъ отказывался даже отъ приглашеній его на обѣды и вечера. Онъ хотѣлъ жить особнякомъ, окруженный одними своими подчиненными. Тутъ узналъ я только, что въ портовыхъ городахъ между карантиномъ и таможней всегда существуетъ какое-то соперничество а иногда большія несогласія. Такимъ образомъ число преданныхъ мнѣ все умножалось.

Гудимъ любилъ жить довольно широко и открыто и потому нанялъ лучшій домъ въ городѣ, принадлежащій гражданину Триполитѣ и занимаемый прежде градоначальникомъ Богдановскимъ, что̀ мнѣ было весьма пріятно. Я жалѣлъ денегъ, имѣя въ виду другія издержки: какъ бы не находя для себя приличнаго помѣщенія, я продолжалъ жить даромъ въ пустомъ нижнемъ этажѣ Кулисича и питаться тѣмъ,

Библиотека "Руниверс"

что̀ мнѣ присылали отъ Нѣмца Шварца изъ вновь заведеннаго имъ перваго трактира; тамъ были и двѣ-три комнаты подъ номерами, стоявшія большую часть времени пустыми. Кушанье было дешевое, не весьма вкусное, по крайней мѣрѣ опрятно приготовленное; оно состояло по большой части изъ картофеля и рѣпы, двухъ произведеній недавно появившихся въ сихъ мѣстахъ. Греки не хотѣли знать другихъ овощей кромѣ потлоджанъ, родъ длинныхъ огурцовъ, которые варили и жарили они въ постномъ маслѣ; оттого предмѣстникъ мой Богда̀новскій вынужденнымъ нашелся выписать Нѣмцевъ, огородниковъ изъ колоній на Млочныхъ Водахъ, и съ тѣхъ поръ за столомъ его появилась, какъ и вездѣ, всякого рода зелень. Благодареніе ему за то: важная конечно, но единственная услуга, оказанная имъ Керчи.

Когда Гудимъ будто перехватилъ у меня домъ Триполитò, предложено мнѣ отъ города занять домъ, ему принадлежащій, называемый генеральскимъ. Онъ былъ построенъ или купленъ для пріѣзда генералъ-губернаторовъ и другихъ важныхъ лицъ, посѣщающихъ Керчь, но ни мало не соотвѣтствовалъ своему назначенію: на дворѣ, имѣя два этажа и пять оконъ по фасаду, внутреннія его небольшія комнаты были просто выбѣлены, даже безъ карнизовъ, а мебели были самыя простыя, самыя плохія; при немъ находился небольшой флигель.

На это временное помѣщеніе, равно какъ и на чрезъ мѣру скромное житье мое, Греки смотрѣли съ удовольствіемъ: оно показывало имъ, что я болѣе проѣзжій, чѣмъ осѣдлый между ними. Естественнымъ образомъ чувствовали мы взаимную антипатію, хотя я не подавалъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, и они съ своей стороны оказывали мнѣ всевозможную покорность и почтительность. Это былъ народъ самый негодный, ничтожный и горделивый. Въ семидесятыхъ годахъ графъ Орловъ-Чесменскій съ острововъ Архипелага снялъ, такъ сказать, пѣну ихъ жителей, что̀ было въ нихъ худшаго, и населилъ ими Керченскіе пустыри, только что нами пріобрѣтенные, когда остальныя части Крыма намъ еще не принадлежали. Въ этой глуши, пользуясь важными привиллегіями имъ данными, они составили изъ себя нѣчто въ родѣ республики, которая не процвѣтала ни промышленностію, ни нравственностію, ни знаніемъ.

Явился Скасси. Ему легко было показать себя ихъ другомъ и покровителемъ. Когда Русскія начальства принимали какія-нибудь справедливыя мѣры, несогласныя съ ихъ волею, они кидались къ нему съ жалобою; а онъ, съ сожалѣніемъ пожимая плечами, говорилъ, что онъ безвластенъ имъ помочь, но когда онъ будетъ начальствовать, то дѣло пойдетъ инымъ образомъ. Онъ умѣлъ увѣрить ихъ, что учрежденіе порта, по его настаиваніямъ, сдѣлано единственно для ихъ пользы (а

Библиотека "Руниверс"

объ общей государственной никто не думалъ), что когда власть будетъ въ его рукахъ, ни одного Русскаго не подпуститъ онъ къ торговлѣ и ея выгодамъ, а привлечетъ другихъ Грековъ изъ Турецкихъ владѣній и что такимъ образомъ составится отдѣльное богатое Греческое владѣніе. При всей удивительной хитрости сихъ людей какъ мало было въ нихъ понятливости и дальновидности. Все-таки надобно назвать главнѣйшихъ изъ нихъ: Хамаритó, Триполитó, Кордú, Посполитáки, другихъ не помню. Только первый изъ нихъ былъ 3-й гильдіи купцомъ, онъ же и градскимъ главою; всѣ прочіе принадлежали къ мѣщанскому сословію, а Богъ вѣсть, что̀ мечтали о себѣ. Удивительно ли послѣ того, что всякое назначеніе новаго начальника отдаляло исполненіе ихъ надеждъ, которыя могъ только осуществить желанный Скасси?

На бѣду, матушкѣ моей, которая полагала, что царствію моему въ Керчи не будетъ конца, угодно было, чтобы я жилъ въ ней по губернаторски; для того отправила она ко мнѣ большой обозъ сухимъ путемъ до Таганрога, а оттуда въ Керчь Азовскимъ моремъ. Въ немъ находились всѣ пожитки мои и книги, за четыре года предъ тѣмъ отправленныя мною изъ Петербурга въ Пензу, также множество всякой посуды, столовыхъ приборовъ и бѣлья; при всемъ этомъ были поваръ, лакей и кучеръ. Предупредить того я никакъ не могъ, ибо увѣдомленъ былъ послѣ отбытія людей и вещей, и они благополучно привезены въ концѣ Маія.

Другое обстоятельство еще болѣе заставило думать Грековъ, что я намѣренъ засѣсть между ними. Я сказалъ, какъ прельстился я небольшимъ домикомъ въ карантинѣ, который только въ началѣ Іюня долженъ былъ очиститься. Но г. Бородинъ, въ немъ помѣщенный, въ званіи адъютанта Паскевича, получившій нѣкогда Георгіевскій крестъ, пожелалъ опять находиться подъ его начальствомъ, вступилъ въ военную службу и отправился къ нему за Кавказъ въ первой половинѣ Маія; я въ тотъ же самый день принялся за домикъ. Отецъ мой любилъ вѣчно строиться, а у меня всегда была страсть отдѣлывать и убирать комнаты, и случай къ тому представился. Нужны были деньги, а для этихъ небольшихъ затѣй и ихъ было у меня достаточно. Первому градоначальнику въ Одессѣ, всемогущему Ришельё, отпускаемо было ежегодно по пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями, что̀ по нынѣшнему курсу составляетъ 50 тысячъ серебромъ, на употребленіе ихъ по усмотрѣнію его для пользы города, даже безъ всякаго отчета, и можно поручиться, что ни одной копѣйки изъ нихъ не обращалъ онъ въ собственную пользу. Таже довѣренность оказана была и Керченскимъ градоначальникамъ на томъ же основаніи, только великая разница была въ суммѣ: выдаваемо было всего по пяти тысячъ ассиг-

Библиотека "Руниверс"

націями. Отдѣливъ изъ нихъ нѣкоторую часть, прибавилъ я къ ней собственныхъ полторы тысячи рублей. Денегъ тогда было у меня въ доволь; жалованья получилъ я болѣе десяти тысячъ ассигнаціями, которыя со дня опредѣленія по день пріѣзда моего были мнѣ выплачены сполна; не говоря о вспомоществованіи, пожалованномъ мнѣ на подъемъ и обзаведеніе. Я ничѣмъ не заводился, дорогу сдѣлалъ въ одной колескѣ и жилъ съ начала батракомъ; слѣдственно пожертвованіе, сдѣланное мною, не было слишкомъ значительно. Я началъ небольшія передѣлки для препровожденія времени и для удовольствія моихъ преемниковъ, а Греки вздумали, что я хочу устроить себѣ постоянное жилище.

Неужели не позволено мнѣ будетъ съ нѣкоторою подробностію описать гнѣздо мною свитое, одно свѣтлое пятнышко среди мрачныхъ воспоминаній моихъ о Керчи. Домикъ мой стоялъ у самой подошвы горы крутой въ утесѣ и на нѣкоторой высотѣ надъ взморьемъ или проливомъ. По образцу Татарскихъ строеній, широкая и длинная, низкая и сквозная зала дѣлила его на двѣ равныя половины, и въ каждой изъ нихъ было по двѣ комнаты, узкихъ и длинныхъ. Въ залѣ было шесть дверей; одна изъ нихъ выходила на крыльцо, другая прямо напротивъ къ горѣ, отъ которой только полторы сажени отдѣляли ее; остальныя четыре вели въ четыре боковыя комнаты. Вмѣсто крыльца была площадка, гладкимъ камнемъ выложенная подъ навѣсомъ изъ холста трехъ разныхъ цвѣтовъ. Передъ нею терраса, обращенная въ славный цвѣтникъ стараніями любезнѣйшаго Бородина. Это была величайшая рѣдкость. Удивительно, какъ въ полуденныхъ странахъ пренебрегали цвѣтами; только на Сѣверѣ, въ Англинскихъ паркахъ и на Петербургскихъ дачахъ, а еще болѣе въ Гарлемѣ знаютъ цѣну красотѣ ихъ. Отъ террасы узкая каменная лѣстница шла внизъ до дорожки, ведущей къ морю. Внутренность домика хотѣлось мнѣ отдѣлать самымъ необыкновеннымъ образомъ, и одинъ чиновникъ таможенный, страстно любящій живописное и рисовальное искусство, въ семъ дѣлѣ явился мнѣ сильнымъ помощникомъ. Одна комната по его рисунку очень красиво была драпирована синимъ флагтухомъ пополамъ съ бѣлымъ коленкоромъ; другую оклеилъ онъ простой, толстой бумагой и по ней очень искусно и мило нарисовалъ онъ рядъ Турецкихъ желтыхъ шалей, будто развѣшанныхъ съ ихъ пестрыми украшеніями, бордюрами, пальмами. Зала была раскрашена полосами всевозможныхъ цвѣтовъ, остальныя двѣ комнаты были просто выкрашены. Нужны были мебели, и въ этомъ случаѣ мнѣ посчастливилось. Вслѣдъ за огородниками прибылъ изъ колоній съ береговъ Азовскаго моря хорошій Нѣмецъ-столяръ, который оставался почти безъ работы. Я заказалъ

Библиотека "Руниверс"

ему стулья, столы, шкафы изъ орѣховаго дерева, которымъ нерѣдко въ Крыму топятъ печи, и все по рисункамъ того же чиновника, котораго, увы, прозваніе я позабылъ. За довольно высокую цѣну выписалъ я изъ Ѳеодосія Турецкія шерстяныя матеріи для покрышки диванов и обшивки мебелей, также нѣкоторыя Турецкія издѣлія, между прочимъ небольшіе столики съ наклейкой изъ перламутра и черепахи. Все вмѣстѣ съ привезенными изъ Пензы вещицами, картинками, эстампами и прочимъ разставлено было, казалось мнѣ, довольно со вкусомъ. Отъ дверей залы, какъ сказалъ я, было шесть или семь шаговъ до горы, въ которой Бородинымъ былъ вырытъ погребъ, съ каменнымъ сводомъ при входѣ. Погребъ велѣлъ я зарыть, превратилъ впадину въ гротъ, а сводъ украсилъ мохомъ и разноцвѣтными разной величины раковинами, коими изобилуютъ берега Босфора. Также какъ во всѣхъ Керченскихъ домикахъ, потолки тутъ были досчатые съ планочками, выкрашенные темною масляною краскою; великое затрудненіе представилось мнѣ, когда въ двухъ комнатахъ, обращенныхъ на Югъ, надобно было пробивать ихъ и надъ отверстіями въ крышѣ дѣлать фонари, дабы свѣтъ проникалъ только сверху. Всѣ окна въ сихъ комнатахъ были совсѣмъ задѣланы, оставлены только въ тѣхъ, кои на Сѣверъ заслонены были высокой горой отъ солнечныхъ лучей. Все это предосторожности противъ жестокостей горящаго свѣтила.

Какъ усладительно мнѣ бывало лежать на диванѣ, въ прохладѣ, подъ защитою толстыхъ каменныхъ стѣнъ отъ палящаго зноя, продолжавшагося во все лѣто. Двѣ комнаты мои весьма похожи были на каюты въ корабляхъ; съ девяти часовъ утра до шести вечера, ежедневно, постоянно дулъ вѣтеръ; онъ не прохлаждалъ воздуха, а высоко воздымалъ волны, которыя съ шумомъ и ревомъ разбивались о берегъ; внимая имъ, мнѣ казалось иногда, что я въ безопасности посреди моря. Однимъ словомъ, я умѣлъ создать себѣ наслажденія даже въ Керчи. Немало удовольствія чувствовалъ я и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Грековъ, которыхъ, равно какъ и Минарскаго, видѣлъ я въ городѣ, по утрамъ три раза въ недѣлю: сего достаточно было для принятія ихъ вздорныхъ просьбъ, для полученія и отправленія бумагъ съ почты и на почту.

Когда вскорѣ по пріѣздѣ моемъ прошли слухи о намѣреніи моемъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы ускользнуть изъ Керчи (слухи, кои не опровергалъ я и не подтверждалъ), то и тогда Греки плохо имъ вѣрили. Они разсуждали такъ между собою: «Чего здѣсь нѣтъ у этого человѣка? И нѣсколько сотенъ Донскихъ козаковъ, составляющихъ карантинную и таможенную стражу, изъ коихъ двое всякой день у него на вѣстяхъ, и пребольшой катеръ съ

Библиотека "Руниверс"

двѣнадцатью матросами-гребцами, на которомъ сколько ему угодно можетъ онъ разгуливать по проливу (des superbes droits du Seigneur), и сколько почестей, и какая власть! Возможно ли съ такими благами добровольно разстаться?» Эти варвары не имѣли понятія объ умственныхъ, о нравственныхъ удовольствіяхъ, коихъ я былъ совершенно лишенъ. Когда же дошло до нихъ о неимовѣрной, по ихъ мнѣнію, роскоши моего лѣтняго мѣстопребыванія, то они еще болѣе убѣдились въ томъ, что я приковался къ своей должности. О томъ скоро увѣдомленъ былъ Скасси въ Петербургѣ, и пошли совѣты о средствахъ положить конецъ сатрапскому житью моему.

О немъ еще нѣсколько словъ. Я хотѣлъ жить въ уединеніи, а не въ совершенномъ отшельничествѣ и для того спѣшилъ населить опустѣвшіе домики. Одинъ изъ нихъ занялъ нанятый мною женатый садовникъ, который подсаживалъ деревцы, ходилъ за виноградомъ и цвѣтами. Ему въ помощь даны были двѣнадцать матросовъ съ катера, которые съ унтеръ-офицеромъ тутъ же были размѣщены и которые работали за умѣренную плату; разумѣется, все это было изъ собственнаго моего кармана. Прислуга у меня состояла изъ семи человѣкъ, въ числѣ коихъ было два Татарина въ Азіатскихъ костюмахъ; всѣ они по возможности обязаны были заниматься садоводствомъ. Сверхъ того находилось на моемъ иждивеніи двое канцелярскихъ, которые или писали подъ диктовку, или переписывали мои бумаги. Это конечно не составляло мнѣ общества, по крайней мѣрѣ сколько-нибудь оживляло мою пустыню. Имѣя хорошаго повара и все нужное для угощенія, при неимовѣрной дешевизнѣ припасовъ, нельзя мнѣ было не приглашать къ себѣ погулять и пообѣдать людей мнѣ болѣе пріятныхъ. Дабы не возбудить неудовольствій, принужденъ я былъ звать и другихъ; но почти всѣ отговаривались подъ предлогомъ неимѣнія экипажа (какъ будто таратайки и телѣжки не экипажъ), я не настаивалъ и былъ тѣмъ весьма доволенъ. Въ мирномъ убѣжищѣ моемъ мнѣ не очень хотѣлось видѣть непріязненныя лица, и для того я самъ ѣздилъ къ нимъ въ городъ; къ тому же мнѣ казалось смѣшнымъ, принимая тутъ просителей, какъ будто подражать Святому Людовику, когда онъ судилъ и рядилъ подъ Венсенскимъ дубомъ. На горѣ, надо мной, видны были не развалины, а на довольно большомъ протяженіи остатки древнихъ каменныхъ фундаментовъ, что̀ и служило доказательствомъ существованія тутъ нѣкогда городка Нимфеи. Симъ именемъ хотѣлось мнѣ назвать и хуторъ мой; но на немъ не было ни одной Нимфы, исключая матери семейства, довольно пожилой жены садовника. Всѣ эти мелочи, подробности всякому покажутся ничтожными, для меня же онѣ драгоцѣнны тѣмъ болѣе, что, приводя ихъ себѣ на

Библиотека "Руниверс"

память, по мѣстѣ семъ творю я поминки: ибо, какъ мнѣ сказывали, не осталось на немъ и слѣдовъ того, что̀ при мнѣ было; оно по частямъ роздано въ наймы городскимъ жителямъ, которые развели свои хозяйства, прежнимъ домикамъ дали развалиться и на другихъ мѣстахъ настроили себѣ новые.

Пользуясь правомъ, осматривая заставы, разъѣзжать по берегамъ, я лѣтомъ два раза отлучался изъ Керчи. Первое путешествіе сдѣлалъ я на Азіатской берегъ, въ Тамань, вмѣстѣ съ Синельниковымъ, не весьма пріятнымъ для меня спутникомъ. Рано по утру 29 Іюня, въ Петровъ день, сѣли мы съ нимъ на мой катеръ и отправились черезъ проливъ. Съ Апрѣля мѣсяца не было ни капли дождя, и около полудня, не смотря на свѣжесть морской влаги, начали мы чувствовать жаръ нестерпимый. Болѣе тридцати верстъ должны мы были проѣхать, а едва сдѣлали двадцать, когда на небѣ показались облака, которыя мы радостно привѣтствовали. Не съ такимъ удовольствіемъ увидѣли мы черныя тучи, которыя вскорѣ потомъ начали подниматься съ Запада; не успѣли мы еще доплыть до противуположнаго берега, когда все потемнѣло, какъ въ сумерки. Счастливыми почли мы себя, вошедъ въ приготовленную намъ квартиру, ибо въ эту самую минуту пошелъ проливной дождь и сдѣлалась гроза, какія можно видѣть только въ жаркихъ климатахъ. Громъ заглушалъ рѣчи наши, а съ огненнаго неба ниспадали цѣлые катаракты.

Хозяинъ, насъ пріютившій, былъ нѣкто г. Арцыбашевъ, дворянинъ старинной фамиліи, очень пріятный и благовоспитанный юноша, съ большимъ состояніемъ, который весьма косвенно принималъ участіе въ дѣлѣ 14 Декабря. За то и не былъ онъ сосланъ въ Сибирь, а изъ кавалергардскаго полка переведенъ тѣмъ же порутчичьимъ чиномъ въ Таманскій гарнизонный баталіонъ. Наказаніе немаловажное: онъ велъ тутъ самую томительную жизнь. Онъ нанималъ лучшій домъ, то-есть одинъ только порядочный въ этомъ пригородкѣ, имѣлъ хорошій столъ, и самъ начальникъ его, полковникъ Бобоѣдовъ, почти всякой день приходилъ къ нему обѣдать. Я не вѣрилъ ему, когда онъ утверждалъ, что въ Керчь пріѣзжаетъ какъ бы въ какую столицу; а тутъ имѣлъ я случай убѣдиться въ истинѣ его словъ. Когда прояснѣло, и гроза, продолжавшаяся три или четыре часа, совсѣмъ утихла, пошли мы сперва въ небольшую церковь, соборомъ именуемую, посмотрѣть на единственную тутъ достопримѣчательность, извѣстный Тмутараканскій камень. Оттуда пошли гулять, а куда?.. въ поле, въ степь. Было почти сухо; алчущая земля съ жадностію поглотила всю дождевую воду, пріятная прохлада смѣнила зной, а мнѣ стало грустно. Чувствительно было совершенное отсутствіе человѣка; я былъ въ

Библиотека "Руниверс"

краю земли давно отжившемъ вѣкъ свой, истощенномъ, отъ котораго давно бѣжали новыя поколѣнія, тогда какъ курганы кругомъ свидѣтельствовали вездѣ о безчисленности племенъ его обитавшихъ. Царствовало угрюмое, могильное молчаніе; не встрѣтишь вспаханнаго куска земли, не услышишь скрипа телѣги, не завидишь вдали появленія всадника: все было пусто и мертво. Не знаю, гдѣ были гарнизонные солдаты, а въ самой Тамани я ихъ почти не видѣлъ. По близости находилась крѣпость Фанагорія; до нея мнѣ не было никакого дѣла, и я не полюбопытствовалъ взглянуть на нее.

Проведя ночь весьма покойно, благодаря доброму нашему хозяину, на другой день рано поутру отправились мы въ коляскѣ, принадлежащей томуже гостепріимному Арцыбашеву, на Бугазскій мѣновой дворъ. Печальная картина вчерашняго вновь представилась намъ и на протяженіи двадцати верстъ: ни хижинки, ни деревца, ни человѣка, ни звѣря не случилось намъ увидѣть. Быстрая ѣзда и утренній холодокъ сколько-нибудь разгоняли неодолимую тоску. Многостоющія карантинныя зданія, куда мы пріѣхали, только что достроенныя, уже разваливались; тутъ нашли мы чиновника Дю-Брикса, сына одного поганаго Француза въ Керчи живущаго: какъ нарочно объ эту пору ни одного пассажира не было. По крайней мѣрѣ имѣлъ я удовольствіе въ первый и въ послѣдній разъ увидѣть устье знаменитой рѣки Кубани, въ древности Гипаниса. Давъ лошадямъ отдохнуть и выкормиться, поскакали мы обратно въ Тамань, гдѣ опять ожидалъ насъ хорошій обѣдъ. Тотчасъ послѣ него сѣли мы на катеръ и черезъ нѣсколько часовъ прибыли къ Европейскому берегу. Арцыбашевъ былъ совершенно правъ: увидѣвъ Керчь, намъ показалось, что изъ гробовъ мы возвратились къ жизни.

Въ началѣ Іюля другую прогулку сдѣлалъ я въ Ѳеодосію, съ намѣреніемъ внимательнѣе посмотрѣть на сію соперницу моей Керчи. Почти тоже впечатлѣніе которое произвелъ на меня сей послѣдній городъ по возвращеніи изъ Тамани, почувствовалъ я въѣзжая въ Ѳеодосію, гораздо болѣе оживленную, болѣе образованную. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ все это сдѣлалось наоборотъ. Богдановскій принялъ меня какъ добраго сосѣда; супруга его какъ человѣка, съ которымъ до сыта могла наговориться по-французски. Быстрымъ взглядомъ осмотрѣлъ я мѣстности города и уже описалъ ихъ; о живущихъ не сказалъ ни слова, ибо въ первый пріѣздъ не видалъ ихъ, а въ это трехдневное пребываніе нашелъ между ими три лица довольно примѣчательныхъ.

Въ карантинной конторѣ начальникомъ былъ князь Павелъ Ивановичъ Долгорукій, старшій сынъ поэта, бывшаго Пензенскаго вице-

Библиотека "Руниверс"

губернатора. Онъ былъ человѣкъ добрый, довольно скучный, который безпрестанно игралъ на фортепіано очень хорошо, но слишкомъ громко, отъ того что былъ почти глухъ. Управлялъ таможней Павелъ Васильевичъ Гаевскій, старожилъ Ѳеодосійскій, умный, весьма чванный, къ тому же великій хлѣбосолъ. Третья особа, на которую обращались всѣ взоры, была крещеная Еврейка Марья Семеновна Гейницъ, вдова послѣдняго коменданта, отчего и прозвана старой комендантшей. Она слыла очень богатою, не имѣла ни дѣтей, ни родныхъ, и всѣ, надѣясь на ея наслѣдство, угождали ей: вотъ почему всегда говорила она утвердительно и повелительно.

Еще примѣчателенъ былъ одинъ несчастливецъ, не сосланный, а поневолѣ поселившійся въ Ѳеодосіи, Семенъ Михаиловичъ Броневской, много лѣтъ бывшій въ ней градоначальникомъ, человѣкъ честнѣйшій и просвѣщеннѣйшій, конечно немного задорный, часто не въ ладахъ съ Новороссійскими генералъ-губернаторами, отъ коихъ градоначальства тогда еще не зависѣли. Сіе поколебало довѣренность къ нему правительства; довершили же его паденіе происки Греческой партіи, которая и тутъ находится и которая клеветами своими умѣла очернить его въ глазахъ всѣхъ министровъ. Еще при Александрѣ былъ онъ уволенъ отъ должности безъ просьбы, безъ вины и безъ копѣйки пенсіона, тогда какъ кромѣ одного сада у него ровно ничего не было. Во дни долгаго управленія своего купилъ онъ въ полуторѣ верстѣ отъ города восемь или девять десятинъ удобной земли, небольшой участокъ, на коемъ построилъ онъ домикъ, состоящій изъ четырехъ или пяти комнатъ и который засадилъ онъ любимыми своими миндальными деревьями. Какъ будто изъ благодарности за его попеченія доставляли они ему пропитаніе: около трехъ тысячъ ассигнаціями давали они ему ежегоднаго дохода *). Какое положеніе! Оставаться безъ всякой власти среди враговъ своихъ, которые при встрѣчахъ явно оказывали ему презрѣніе; за то всѣ Русскіе чиновники и всѣ порядочные люди пріязненнымъ и почтительнымъ обхожденіемъ наперерывъ старались утѣшить его. Двѣ трети года проводилъ онъ въ единственномъ своемъ убѣжищѣ; на зиму же, по недостатку въ дровахъ, удалялся къ старому другу своему генералу Бекарюкову, въ имѣніе его, верстъ за тридцать находящееся. Я посѣтилъ его, выслушалъ жалобную его исторію и нашелъ, что подобная участь ожидаетъ и меня, если я долго на мѣстѣ оставаться буду.

---

*) Послѣ смерти Броневскаго, сія дачка досталась по покупкѣ герою Кавказа Котляревскому, который на ней оканчиваетъ славную, болѣзнями и ранами отягченную жизнь свою.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ все, что въ Ѳеодосіи на этотъ разъ могъ я увидѣть и замѣтить.

Числомъ посѣтителей, хотя и не качествомъ, городъ Керчь въ это лѣто не былъ богатъ. Первый, показавшійся въ Іюлѣ, былъ знакомый нашъ полковникъ баронъ Пфейлицеръ-Франкъ, который находился въ сопровожденіи или, не знаю, сопровождалъ окружнаго жандармскаго начальника, полковника Михаила Петровича Родзянку. Въ первый разъ увидѣлъ я голубой мундиръ, для многихъ тогда еще столь страшный, и въ немъ человѣка благороднаго, самаго обходительнаго. Они провели въ Керчи всего полторы сутки и большую часть у меня на хуторѣ. Ни одной жалобы, ни одного доноса подано не было.

Впрочемъ, Греки могли бы имѣть на меня большое неудовольствіе, еслибъ знали истину. Званіе Керченскаго Грека, точно также какъ и Нѣжинскаго, прежде заключало въ себѣ нѣчто важное. Они составляли особое сословіе, особое общество, въ которое не могли входить жители города другихъ націй. Они одни участвовали въ выборахъ, одни пользовались доходами съ поземельныхъ угодьевъ и распоряжали городскими суммами. Желая навсегда удержать за собою права сіи, они неохотно, и то въ маломъ числѣ, допускали Русскихъ и Татаръ селиться на городской землѣ. Весною сотни двѣ бродягъ шатались въ окрестностяхъ по обѣимъ сторонамъ пролива; всѣ они были бѣглые изъ Курской, Калужской, кажется, даже изъ Костромской губерній. Имъ вздумалось подать мнѣ просьбу о дозволеніи поселиться въ Керчи. Будучи о томъ предувѣдомленъ, тайно поручилъ я сказать имъ, что велю всѣхъ ихъ схватить, если въ просьбѣ не назовутъ себя Задунайскими переселенцами. Я очень хорошо зналъ, что не имѣю права приписать ихъ къ городу безъ согласія Грековъ и утвержденія Таврической Казенной Палаты; не менѣе того о семъ причисленіи послалъ я къ ней бумагу. Къ счастію, Минарскій не захотѣлъ предостеречь меня: онъ видѣлъ въ этомъ глупость мою и радъ былъ дать мнѣ ее сдѣлать. Въ отвѣтѣ своемъ Палата вопросила меня, имѣютъ ли сіи люди паспорты, свидѣтельства объ увольненіи отъ обществъ? Тогда частнымъ, секретнымъ, дружескимъ, ласковымъ письмомъ старался я пристыдить Лонгинова, доказывая, какъ нелѣпо требовать видовъ у людей, спасшихся бѣгствомъ отъ Турецкой сабли, отъ гоненій, даже истязаній, претерпѣваемыхъ тогда Христіанами на Востокѣ. Утвержденіе Палаты не замедлило затѣмъ послѣдовать.

Вотъ тутъ-то Греки, еще прежде Минарскимъ изъѣщенные, съ торжествомъ явились ко мнѣ, дабы показать мнѣ (впрочемъ, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ) всю противузаконность моего поступка.

Библиотека "Руниверс"

Я казался изумленнымъ, смущеннымъ и началъ извиняться невѣдѣніемъ своимъ, происходящимъ отъ новости въ занимаемой мною должности. «Неужели, господа, сказалъ я имъ, захотите вы градоначальника вашего и вице-губернатора уличить въ непростительной опрометчивости? Не лучше ли будетъ, если заднимъ числомъ напишу я вамъ предложеніе, а вы, заднимъ же числомъ, дадите ваше согласіе. Къ тому же, продолжалъ я, что̀ такое эти люди? Они всегда будутъ въ вашей зависимости и умножатъ только число служителей вашихъ». Сіе послѣднее, кажется, убѣдило ихъ сдѣлать все по моему. Имъ хотѣлось устыдить меня, заставить просить себя, и на первый случай этого было съ нихъ довольно.

Долженъ признаться, я покривилъ тутъ душой, но для собственной ли пользы? Мнѣ хотѣлось какъ можно болѣе на эту почву набросать Русскихъ сѣмянъ, въ надеждѣ (что̀ говорю я? въ увѣренности), что когда добрая трава разростется, то непремѣнно заглушитъ негодную: le froment étouffera l'ivraie.

Въ томъ же Іюлѣ навѣстилъ меня прелюбезнѣйшій Александръ Ивановичъ Казначеевъ, который тогда безъ дѣла и безъ должности разгуливалъ по Крыму. Въ предыдущемъ году былъ онъ раздосадованъ тѣмъ, что, вмѣсто ожидаемой Аннинской ленты, получилъ только Владимирской крестъ 3-й степени. Правителю канцеляріи лента! Согласіе между чинами, мѣстами и орденами начинало уже разрушаться и понятія о томъ смѣшиваться. Онъ одинъ имѣлъ право смѣло и чистосердечно говорить съ Воронцовымъ и по возвращеніи послѣдняго изъ Петербурга, можетъ быть, слишкомъ рѣзко объяснилъ ему свое неудовольствіе; тотъ вышелъ изъ терпѣнія, и они поссорились. Слѣдствіемъ того было удаленіе его отъ должности и назначеніе на его мѣсто въ три года три чина получившаго Лекса, всегда покорнаго, угодливаго, болѣе хитраго и болѣе свѣдущаго въ дѣлахъ. Со всегдашнимъ безпристрастіемъ моимъ въ этомъ случаѣ я не смѣю винить графа, къ которому охолодѣлъ, а скорѣе много-любимаго мною Казначеева. Онъ прогостилъ у меня дни три, если не болѣе. Какъ всѣ люди, недовольные своимъ положеніемъ, и я желалъ возбудить въ немъ состраданіе; но, судя по одной наружности, онъ нашелъ его довольно пріятнымъ. Жестокій, къ сожалѣнію моему, онъ нимало не пожалѣлъ обо мнѣ!

Кстати о Лексѣ. Я давно потерялъ изъ вида Одессу. Сношенія мои съ нею хотя были рѣдки, но пріятны. Въ отношеніяхъ ко мнѣ исправляющаго должность генералъ-губернатора господствовалъ такой скромный и вѣжливый тонъ, къ какому Воронцовъ съ Казначеевымъ не пріучали насъ. Замѣтно было, что Новороссійскимъ краемъ управ-

Библиотека "Руниверс"

ляетъ дипломатъ и канцеляріей его человѣкъ, который старается со всѣми ладить.

Скоро долженъ былъ я познакомиться съ временнымъ моимъ начальникомъ. Въ Керчи приготовлялись къ важному событію: къ торжественному открытію порта, причемъ самъ онъ долженъ былъ присутствовать. Прежде еще чѣмъ онъ появится, желательно мнѣ въ кратцѣ изобразить жизнь его и характеръ. Третій сынъ Палена, столь извѣстнаго при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра, графъ Ѳеодоръ Петровичъ почти въ малолѣтствѣ Екатериною пожалованъ былъ конногвардейскимъ офицеромъ. Онъ былъ красивъ собою, любезенъ, уменъ, но, какъ говорятъ, плохой наѣздникъ. Разъ Императоръ, прогуливаясь верхомъ съ отцемъ-Паленомъ, встрѣтилъ его въ полной формѣ, также на конѣ. Замѣтивъ его неловкость, Павелъ по-нѣмецки, съ негодованіемъ, спросилъ у отца, кто онъ таковъ? Это мой сынъ, ваше величество, отвѣчалъ онъ, ein dummer Junge, es wäre besser ihm zum Kammerherren zu machen (глупой мальчикъ, ему бы лучше быть камергеромъ). Вотъ какъ вдругъ попалъ онъ въ четвертый классъ. Вездѣ, гдѣ потомъ находился въ миссіяхъ, отличался онъ и способностями, и приличіемъ поступковъ; былъ поперемѣнно чрезвычайнымъ посланникомъ въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, въ Бразиліи и, наконецъ, въ Мюнхенѣ. Кажется, онъ не поладилъ съ Нессельроде и оставилъ службу.

Будучи съ нимъ пріятелемъ, Воронцовъ предложилъ ему вакантное мѣсто Одесскаго градоначальника, съ тѣмъ, чтобы при отъѣздѣ передать ему на время управленіе Новороссійскаго края. Онъ никогда по административной части не служилъ; оттого дѣйствовалъ осторожно, осмотрительно, ничего лишняго не затѣвалъ, придерживаясь существующаго порядка, и ввѣрился Лексу, въ чемъ и не имѣлъ причины раскаяваться.

При первой съ нимъ встрѣчѣ, онъ мнѣ чрезвычайно полюбился. Съ малыхъ лѣтъ видѣлъ я лучшее общество, а онъ былъ самымъ пріятнымъ его представителемъ и назывался въ немъ милымъ Фрицомъ. Кипучая кровь, добрѣйшее сердце, благороднѣйшія чувства и правила, живой умъ, веселый нравъ, въ немъ было все то, что̀ приходилось мнѣ по душѣ. Были, конечно, и недостатки, принадлежащіе болѣе вѣку и только въ моихъ глазахъ: республиканизмъ, украшенный какимъ-то древнимъ рыцарскимъ духомъ, и безвѣріе, умѣряемое наружнымъ уваженіемъ ко всѣмъ чужимъ вѣрованіямъ.

Я очистилъ и приготовилъ для него генеральскій домъ, а самъ помѣстился въ одной комнаткѣ флигеля. Онъ пріѣхалъ 4 Августа съ намѣреніемъ на другой же день открыть портъ и тотчасъ потомъ

Библиотека "Руниверс"

уѣхать. Тщетно просилъ я его взглянуть на Еникале, на Тамань и посѣтить мой хуторъ. Однако уговорилъ его отложить наше торжество до 6-го числа, до великаго праздника Преображенія Господня. Онъ все отговаривался тѣмъ, что я тутъ полный хозяинъ и что онъ долго въ гостяхъ оставаться не любитъ, опасаясь обременить собою.

Наше празднество не было довольно великолѣпно, чтобы заслуживать большаго описанія; нѣсколько словъ долженъ я, однако, сказать объ немъ. По совершеніи протоіереемъ молебствія съ водоосвященіемъ на берегу взморья, отправились мы въ самый большой изъ карантинныхъ магазиновъ, въ который свѣтъ проходилъ сквозь верхнія окна и гдѣ былъ накрытъ столъ на шестьдесятъ приборовъ. Не знаю откуда набрали столько народу; издержки были большею частію на счетъ городскихъ суммъ, (Греки разщедрились), частію же изъ карантинныхъ. Синельниковъ всѣмъ распоряжался и дѣлалъ приглашенія. Обѣдъ былъ препорядочный, вино лилось съ избыткомъ, и не было конца тостамъ, которые сопровождались выстрѣлами изъ пушекъ. Синельниковъ гдѣ-то досталъ ихъ съ военныхъ судовъ и перевезъ на берегъ. Несчастное приключеніе, бывшее въ продолженіи обѣда, многимъ показалось худымъ предвѣщаніемъ для открывающагося порта. Одинъ молодой человѣкъ, служившій въ карантинѣ канцелярскимъ, имѣлъ страсть къ артиллерійскому дѣлу и выпросилъ себѣ позволеніе находиться при одной изъ пушекъ. Наканунѣ, говорятъ, обнималъ онъ ее, садился на нее верхомъ, приговаривая: ну, завтра поѣздимъ мы на тебѣ! Тщетно прикладывалъ онъ зажженный фитиль къ орудію, а когда нагнулся къ отверстію пушки, чтобы взглянуть внутрь ея, она выпалила и пыжомъ убила его на повалъ.

Ни графу Палену, ни мнѣ ничего не сказали о томъ, дабы не нарушить веселаго расположенія нашего, еще умножившагося къ концу трапезы. Паленъ согласился остаться на нѣкоторое время. Къ семи часамъ вечера начали пріѣзжать дамы; я такъ называю ихъ потому, что ихъ мужья и отцы имѣли чины и что сами онѣ кое-какъ выучились танцовать; вскорѣ явилось нѣсколько морскихъ офицеровъ, и начался балъ, единственный, который видѣлъ я въ Керчи. Онъ происходилъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы обѣдали, въ томъ же огромномъ сараѣ, который легко бы можно было обратить въ большую приходскую церковь. Онъ освѣщенъ былъ сотнями свѣчекъ, а не свѣчей, то есть сальныхъ, а не восковыхъ, ибо сихъ послѣднихъ трудно было достать. Въ девять часовъ Паленъ сказалъ мнѣ: Кажется, довольно, и предложилъ воротиться домой. Мы еще кое о чемъ потолковали по возвращеніи, и между прочимъ сказалъ онъ мнѣ: «Я исполнилъ высшее предписаніе; а согласитесь, что мнѣ здѣсь нечего было дѣлать; при васъ дѣло обошлось бы

Библиотека "Руниверс"

и безъ меня». Я простился съ нимъ, а на другой день, 7-го Августа, я не успѣлъ еще проснуться, когда онъ поспѣшилъ ускакать отъ насъ.

И такъ, три дня провели мы почти съ глазу на глазъ и успѣли хорошо другъ друга разглядѣть. Хозяйство мое все было на хуторѣ, а онъ по-барски возилъ съ собою собственнаго повара; такимъ образомъ хозяину пришлось обѣдать у гостя втроемъ со старшимъ Сафоновымъ, который одинъ сопровождалъ его. Какъ и со всѣми, былъ онъ учтивъ и ласковъ съ Керченскими Греками и спрашивалъ у нихъ разъ, безъ меня, объ ихъ нуждахъ; они отвѣчали, что всѣмъ совершенно довольны, и ни одной жалобы отъ нихъ не было ни подано, ни заявлено, не только на меня, ни даже на полицію. Вообще, Керчи онъ отмѣнно понравился, но она ему не совсѣмъ полюбилась. У него вырвалось, что безъ глубокаго сожалѣнія онъ не можетъ подумать объ ужасной скукѣ, которая ожидаетъ меня зимой. Улыбаясь, отвѣчалъ я ему, что, можетъ быть, умру отъ нея, если онъ не захочетъ спасти меня. Затѣмъ объяснилъ я ему, какъ графъ Воронцовъ подъ предлогомъ дѣлъ службы извлекалъ меня иногда изъ Кишинева въ Одессу, а что тутъ идетъ дѣло о *важныхъ* совѣщаніяхъ по предмету устройства и благосостоянія новаго порта. Онъ поколебался сначала, не будучи очень увѣренъ еще въ правахъ своихъ; наконецъ, былъ мною убѣжденъ и обѣщался по первому отзыву моему доставить мнѣ пригласительную бумагу. Я былъ утѣшенъ сей надеждой и нѣсколько дней послѣ отъѣзда его оставался совершенно спокоенъ.

Вдругъ, 20 Августа, прискакали мнѣ сказать, что къ намъ пожаловали гости еще знаменитѣе Палена, бывшій генералъ-губернаторъ графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ съ супругою, и что онъ остановился въ какомъ-то небольшомъ домикѣ, отказавшись отъ генеральскаго дома. По совѣту обманщика Скасси купилъ онъ негодное имѣньице съ соляными озерами, близъ Кумышъ-Буруна, неподалеку отъ Керчи, и пріѣхалъ взглянуть на свое владѣніе. Я поспѣшилъ ихъ увидѣть и, признаюсь, обрадовался имъ: графиня была ко мнѣ всегда очень добра, а онъ былъ любезнѣе, веселѣе, забавнѣе и каламбурнѣе чѣмъ когда либо. Ужъ я ли не возился съ ними, для нихъ цѣлую недѣлю велъ кочевую жизнь, каталъ ихъ по взморью, угощалъ ихъ обѣдами у себя и въ карантинѣ, и въ городскомъ домѣ, и на хуторѣ. Въ день коронаціи, 22 числа, въ мундирѣ пошелъ я къ обѣднѣ; къ молебну явился и графъ Ланжеромъ въ Андреевской лентѣ съ бриліантовой звѣздой. По окончаніи молебствія потребовалъ онъ, чтобы я шелъ передъ нимъ, говоря: les autorités locales avant tout. Я церемонился, все ждало, протопопъ былъ въ недоумѣніи, наконецъ, я повиновался, но, подходя къ протоіерею, немного отстранился и глазами

Библиотека "Руниверс"

указалъ ему на Ланжерона, къ которому самъ поднесъ онъ крестъ. Въ Керчи другой иллюминаціи тогда не знали кромѣ горящихъ смоляныхъ бочекъ, въ большіе торжественные дни ихъ ставили передъ жилищемъ градоначальника; я велѣлъ зажечь ихъ предъ квартирой Ланжерона. Съ обѣихъ сторонъ недѣлю продолжался обмѣнъ ласкъ и привѣтствій.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ланжерона, могъ бы я увидѣть нѣкоторую небольшую, едва замѣтную перемѣну въ обхожденіи со мной Грековъ; но я какъ-то не обратилъ на то вниманія. Между тѣмъ мнѣ захотѣлось потѣшить самого себя, а совсѣмъ не ихъ, и для того затѣялъ я большую вечеринку 10 Сентября у себя на хуторѣ. Я былъ намѣренъ проститься съ нимъ, вслѣдъ за тѣмъ разстаться и съ самой Керчью, не возвращаться въ нее болѣе изъ Одессы, а оттуда послать прошеніе объ увольненіи моемъ, мѣсяца два спустя, дабы не столь кратковременнымъ показалось нахожденіе мое въ должности.

На свою вечеринку позвалъ я всѣхъ первостатейныхъ жителей съ ихъ женами, которыхъ только можно было пригласить, также всевозможныхъ чиновниковъ и чиновницъ, что̀ составило болѣе пятидесяти душъ обоего пола; всѣ пріѣхали кто на чемъ попало. Чѣмъ было угостить ихъ? Я долженъ былъ нарочно посылать въ Ѳеодосію за шкаликами и восковыми свѣчами; на мѣстѣ же нашелъ я достаточное количество плошекъ и всѣми употребляемыхъ бумажныхъ фонарей, которые таможенный художникъ мой разукрасилъ разноцвѣтными красками. Домикъ мой внутри горѣлъ какъ въ огнѣ; снаружи былъ обвѣшанъ длиннымп фестонами разцвѣченныхъ фонарей, остальное на довольно большомъ протяженіи освѣщено было всѣмъ, что̀ можно зажечь, даже смоляными бочками. Ночь была тихая, теплая, очаровательная, и морская равнина также иллюминована была сіяніемъ безчисленныхъ звѣздъ. Ни музыки достать, ни плясать—было негдѣ. Въ комнатахъ и безъ того становилось душно, большая часть посѣтителей предпочитала гулять на воздухѣ и возвращаться въ нихъ только для отдохновенія. Все заключилось ужиномъ, и всѣхъ, смѣю сказать, накормилъ я на убой и напоилъ на пропалую. Гораздо за полночь всѣ съ видимою благодарностію оставили меня. Одно удивило меня въ этотъ вечеръ: градской голова Хамаритò, всегда полусогбенный предо мною, тутъ подошелъ ко мнѣ смѣло и свободно безъ наклоненія головы, взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ мнѣ ее; гостепріимство на этотъ разъ не дозволило мнѣ ее быстро отнять у него. Послѣ того оставался я еще три дня въ пріятномъ, совершенномъ уединеніи; наканунѣ же Воздвиженія, 13 числа, вечеромъ совсѣмъ перебрался въ

Библиотека "Руниверс"

генеральской домъ и съ нетерпѣніемъ началъ ожидать бумаги отъ Палена.

Вскорѣ потомъ стало мнѣ весьма очевидно, что противъ меня есть замыселъ у Грековъ. Они вдругъ сдѣлались дерзки; низшіе изъ нихъ начали буянить, безпрестанно заводили драки на базарѣ, не слушались полиціи, пренебрегали ею, даже обижали ее, и они же приходили ко мнѣ съ жалобами, грубымъ тономъ изъясненными. На улицѣ встрѣчаясь со мной, снимали, правда, шапки, но съ видомъ угрюмымъ, недовольнымъ. Однимъ словомъ, смѣшно сказать, я увидѣлъ начало настоящаго возмущенія.

Что бы это все значило? спросилъ я у себя. А вотъ что. Зимой графъ Воронцовъ долженъ былъ изъ Лондона воротиться въ Петербургъ, а тогда недавно пожалованный статскій совѣтникъ Скасси долженъ былъ лишиться всякой надежды на полученіе давно желаемаго мѣста. Надобно было предупредить этотъ пріѣздъ, произвести какой-нибудь большой скандалъ, пустить о немъ молву въ преувеличенномъ видѣ; для того нужно было вывести меня изъ терпѣнія, заставить дѣйствовать самоуправно; потомъ, не теряя времени, нанести мнѣ окончательный ударъ. Паленъ самъ собою не рѣшился бы кого нибудь представить на мое мѣсто, а Нессельродъ между тѣмъ Государю предложилъ бы Скасси. Какъ все это хорошо было обдумано! Объ одномъ не помыслилъ г. Скасси, о томъ, что, бывъ опредѣленъ безъ вѣдома и согласія Воронцова, онъ на мѣстѣ усидѣть бы не могъ. Изъ Петербурга письменно чрезъ Пасхали возбуждалъ онъ жителей Керчи вооружиться на меня. Ланжеронъ, во время недавняго пребыванія своего, лаская меня, лично ободрялъ ихъ и поощрялъ къ тому же. Могло ли прійти мнѣ въ голову, что старый воинъ, изъ знатнаго рода, стоявшій на самой высокой степени, спустится до столь пакостныхъ интригъ и будетъ дѣйствовать столь измѣнническимъ образомъ? Тотъ, который всегда хвалился своимъ рыцарствомъ и, плѣнившись новаго рода славой, съ Вашингтономъ въ Америкѣ сражался за свободу! Если, передъ революціей, des chevaliers français tel était le caractère: нѣтъ ничего удивительнаго, что она вспыхнула. Всегда покровительствуя Скасси, Ланжеронъ ненавидѣлъ Воронцова и во мнѣ хотѣлъ мстить ему. Странны было отношенія мои къ послѣднему: я осужденъ былъ страдать отъ него и за него.

Также какъ Паленъ былъ временнымъ генералъ-губернаторомъ, и я почиталъ себя временнымъ градоначальникомъ; также какъ онъ, хотѣлъ я миромъ и добрымъ согласіемъ ознаменовать краткое мое управленіе. Отъ того, статься можетъ, бывалъ я иногда слишкомъ снисходительнымъ и долженъ былъ казаться слабодушнымъ. Видя почести,

Библиотека "Руниверс"

оказанныя мною лѣтамъ и высокому чину Ланжерона, потомъ привѣтливость, съ которою, какъ всякій учтивый хозяинъ, во время пустаго праздника моего на хуторѣ принималъ я ихъ, Греки возмечтали, что я, все болѣе прилѣпляясь къ своей должности и чуя опасность, хочу ихъ умилостивить. Чего же болѣе для подлыхъ душъ! Что̀ дѣлать, пришлось мнѣ осадить ихъ.

Много было злоупотребленій, на которыя долженъ былъ я смотрѣть сквозь пальцы; нѣкоторыя захотѣлось мнѣ исправить. Главнѣйшій изъ нихъ былъ обычай принятый Греками молодыми и среднихъ лѣтъ, послѣ учрежденія градоначальства, вступать въ казенную службу, то-есть числиться по разнымъ канцеляріямъ, не посѣщая ихъ и продолжая торговать по лавкамъ и лавочкамъ: все это для того, чтобы не платить податей и послѣ получить даромъ одинъ или два офицерскихъ чина. Я поручилъ одному человѣку составить ихъ списокъ, потомъ далъ приказаніе всѣмъ вѣдомствамъ исключить ихъ изъ службы, если добровольно ея не оставятъ, или не согласятся заниматься ею, оставя торговлю. Человѣкъ полтораста возвратилъ я такимъ образомъ въ податное состояніе. Изумленные столь строгою и вмѣстѣ справедливою мѣрою они сначала не смѣли даже возроптать.

Другой ударъ, имъ нанесенный, былъ для нихъ едвали еще не чувствительнѣе. Больно было для Русскаго сердца моего слышать о жестокомъ обращеніи простыхъ, ничтожныхъ Грековъ съ Русскими крѣпостными ихъ людьми, какъ скотъ купленными на Коренной ярманкѣ. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права владѣть ими, ибо купчія крѣпости совершены были на чужія имена людей, коихъ права были столь же сомнительны; но никакой жалобы до меня не доходило. Кто-то подбилъ одного изъ сихъ несчастныхъ подать мнѣ просьбу объ освобожденіи его отъ незаконнаго ига; видя, съ какою благосклонностію она была принята, другіе и во множествѣ послѣдовали сему примѣру. Чтобы отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, велѣлъ я изъ сихъ просьбъ составить дѣло и отправить его въ Ѳеодосійской уѣздный судъ. Я зналъ, что какъ въ немъ, такъ и въ Таврической гражданской палатѣ Греки выиграютъ тяжбу; за то по крайней мѣрѣ должны будутъ хлопотать и много тратиться. Зналъ я также, что дѣло тѣмъ не кончится, а пойдетъ въ Московскій аппеляціонный департаментъ Сената, гдѣ пріятель мой Жихаревъ находился оберъ-прокуроромъ. Въ слѣдующемъ году писалъ я къ нему и умолялъ, именемъ Россіи, чести и нашей дружбы, склонить сенаторовъ къ справедливому рѣшенію. Я просилъ, чтобы, не довольствуясь освобожденіемъ людей, не имѣющихъ пристанища, Сенатъ предписалъ указомъ водворить ихъ на жительствѣ въ Керчи. Все сдѣлалось послѣ согласно съ моимъ

Библиотека "Руниверс"

желаніемъ, и болѣе чѣмъ сотнею душъ умножилось Русское Керченское народонаселеніе.

А покамѣстъ дни тяжко шли для меня за днями, и я начиналъ уже терять надежду на полученіе отъ Палена обѣщаннаго официальнаго приглашенія. Съ какимъ-то внутреннимъ остервененіемъ, я почти рѣшился, если нужно, остаться часть зимы, не подавая просьбы объ отставкѣ и, воздерживаясь отъ малѣйшей запальчивости, хладнокровно продолжать войну свою съ Греками, въ то время когда Европейскія державы начинали вооружаться за нихъ. Наконецъ, когда уже переставалъ я думать объ Одессѣ, получилъ бумагу изъ нея и поспѣшно собрался въ дорогу. Сдавъ должность свою Синельникову, въ Воскресенье 10 Октября, безъ прощаній и проводовъ, оставилъ я Керчь.

VIII.

Погода была чудесная; казалось, что наступила новая весна. Въ Ѳеодосіи остановился я только съ тѣмъ, чтобы отобѣдать у Богдановскаго и переночевать: нечего было уже мнѣ въ ней видѣть и узнавать. Утро, въ которое на другой день рано оставилъ ее, неиначе умѣю назвать какъ радостнымъ; физическое наслажденіе, которое я чувствовалъ, объяснить нельзя; оно заставило меня забыть все житейское.

Я пріостановился немного на первой станціи, называемой Кринички, отъ которой влѣво поворачиваетъ дорога въ извѣстную Судакскую долину. Не помню кому тогда принадлежало это имѣніе *), почтовый же домикъ былъ хорошъ и опрятенъ, а за нимъ находился преобширный господскій садъ, хорошо содержанный, и мнѣ захотѣлось по немъ прогуляться. Также былъ тутъ обильный родникъ или криница, давшая названіе сему мѣсту; предупреждали всѣхъ, чтобы не пили изъ нея, утверждая, что часто производитъ она лихорадку; и неудивительно: вода въ ней чрезвычайно студеная, и въ ужасные жары спѣшатъ утолить ею жажду свою. Листья и на половину еще не облетѣли съ деревьевъ, и я упивался не водой, а такимъ бальзамическимъ воздухомъ, какимъ никогда не случалось дышать мнѣ на Сѣверѣ.

Тотъ же день остановился я опять въ Карасу-Базарѣ, который не могъ видѣть въ первый проѣздъ черезъ него. Пока строился и все не достроивался Симферополь, главныя военное и губернское начальства въ немъ помѣщались. Любопытенъ мнѣ показался этотъ Азіат-

*) Нынѣ имѣніе сіе сдѣлалось собственностію знаменитаго живописца нашего Айвазовскаго.

Библиотека "Руниверс"

ской городокъ, который живетъ собственною своею внутреннею торговлею. Ея душою Караимы еще болѣе чѣмъ Армяне; но что̀ такое первые? Всѣ скажутъ: Жиды. Нынѣ достовѣрно доказано, что они остатотъ древняго, сильнаго Хазарскаго народа, совсѣмъ не Іудейскаго происхожденія, хотя и принявшаго Моисеевъ законъ и сокрушеннаго Византійской имперіей въ X вѣкѣ съ помощію нашего Великаго Владимира. Они одѣты одинаково съ Татарами, говорятъ единственно ихъ языкомъ и болѣе чѣмъ другіе чуждаются Евреевъ-Талмудистовъ. Они слывутъ самыми честными людьми; вообще все мнѣ въ нихъ понравилось: и откровенная наружность, и живость взглядовъ, и большая опрятность, отличающая ихъ отъ другихъ жителей Крыма. Одинъ изъ нихъ, довольно богатый, предложилъ мнѣ переночевать у него, но я предпочелъ прежнюю квартирку за городомъ.

Когда 12 числа рано поутру пріѣхалъ я въ Симферополь, то не засталъ въ немъ Нарышкина, который только что уѣхалъ въ Петербургъ на встрѣчу къ графу Воронцову, и я обѣдалъ у любезной его супруги. Управлялъ губерніей Лонгиновъ, и по приглашенію его, въ угожденіе маленькому его тщеславію, 14, въ день рожденія вдовствующей Императрицы, хотѣлъ я быть у молебна въ соборѣ, гдѣ онъ долженъ былъ играть первую роль; но не такъ-то случилось. Еще 13-го, прогуливаясь вечеромъ, зашелъ я на принадлежащій дворянскому собранію преобширный дворъ, на которомъ какой-то пріѣзжій эквилибристъ увеселялъ и удивлялъ публику, состоящую по большой части изъ простонародія, своими прыжками по натянутой веревкѣ. Я сидѣлъ въ одномъ сюртукѣ, и мнѣ было почти жарко.

Зима, равно какъ и предтеча ея осень, въ Крыму всегда является неожиданнымъ несчастіемъ, ибо никогда не знаешь, когда, и все надѣешься, что она не скоро придетъ. Весь Октябрь, а иногда весь Ноябрь, стоитъ такая погода, пользуясь которой я тогда не ѣхалъ, не путешествовалъ, а болѣе гулялъ. Вдругъ 14 Октября пошелъ мелкой дождикъ, воздухъ сдѣлался сыръ и небо пасмурно, что̀ и помѣшало мнѣ идти въ церковь. Въ этотъ день обѣдалъ я у одного новаго знакомца, страннаго человѣка, о коемъ слѣдуетъ поразсказать.

На окраинѣ площади-поля стояли незамѣтно рядомъ два дома, одинъ довольно большой, другой—премаленькой. Въ послѣднемъ, убѣгая отъ ужаснаго трактира, въ которомъ передъ тѣмъ останавливался, по найму занималъ я двѣ комнатки; другой принадлежалъ отставному поручику, Александру Ивановичу Султану-Керимъ-Гирееву. Судьба его была столь же странна, какъ онъ самъ и сочетаніе имянъ его. Въ Кавказскихъ горахъ, одинъ Англинской миссіонеръ проповѣдывалъ христіанскую вѣру и никого не успѣлъ обратить въ нее, кромѣ одного

Библиотека "Руниверс"

молодаго мальчика изъ Черкесовъ. Оттуда едва успѣлъ онъ унести ноги и увезти съ собою юнаго прозелита. Какъ съ трофеемъ явился онъ съ нимъ въ Шотландію и сталъ выдавать его за потомка Гиреевъ, царствовавшихъ въ Тавридѣ; послѣ того женилъ онъ его на милой дѣвочкѣ Нильсенъ, методисткѣ или квакершѣ. Когда Библейское Общество въ Россіи усилилось, то Пинкертонъ, глава его въ Эдинбургѣ, отправилъ молодую чету въ Петербургъ, гдѣ она была принята не только благосклонно, даже милостиво. Мужу данъ прямо чинъ поручика, только отставнаго, а женѣ большой участокъ земли на Южномъ берегу, вспомогательная сумма на обработываніе ея и по шести тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго пенсіона. Потомъ послали ихъ въ Крымъ для распространенія вѣры ихъ (право, не знаю какой) не только между Татарами, пожалуй, хоть между Русскими. Крещеный Султанъ имѣлъ столь же мало успѣха, какъ и креститель его; впрочемъ, онъ мало о томъ заботился. Александръ Ивановичъ занимался болѣе размноженіемъ своего семейства *) и своего состоянія, когда я познакомился съ нимъ и когда по сосѣдству пришелъ онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ на обѣдъ.

Это былъ добрый, честный полудикарь, котораго характеръ ни сектеризмъ, ни кротость жены не могли совершенно смягчить, котораго опасно было сердить и трудно унимать; а она, не лишенная еще прелестей, была образъ первобытной христіанки, смиренно готовой на мученичество. Онъ клялся всегда одной Англіей, которой обязанъ былъ полупросвѣщеніемъ, и чуждался Россіи, которая дала ему пріютъ и состояніе (видно, уже наша доля такая); а она отечествомъ, казалось, почитала небо, а землю временнымъ изъ него изгнаніемъ. За столомъ былъ онъ говорливъ, даже шуменъ, а она молчалива, съ потупленными взорами и пріятной улыбкой, только что отвѣчая на вопросы; въ кушаньѣ также было нѣкоторое смѣшеніе Англинскаго съ Татарскимъ. Всѣ эти противоположности показались мнѣ крайне любопытными.

Погода вновь перемѣнилась по утру 15 числа, когда я опять долженъ былъ пуститься въ дорогу. Дождя не было, за то ужасный, сильный восточный вѣтеръ, еще довольно теплый, который то нагонялъ, то разгонялъ облака; по крайней мѣрѣ, онъ высушилъ землю, и я могъ не скакать, а летѣть по ней до Перекопа и за него. Въ Керчи завелся я легонькой, двумѣстной каретой; я получилъ ее отъ подрядчика Томазини и, право, не даромъ, а въ промѣнъ за почтовую мою коляску, съ прибавкою трехъ сотъ рублей ассигнаціями. На длинномъ пути изъ

*) Старшая дочь его, весьма красивая собою, гораздо послѣ подъ именемъ Султанши, удостоилась чести быть фрейлиной при Высочайшемъ дворѣ и жить во дворцѣ.

Библиотека "Руниверс"

Петербурга какъ скучно, какъ грустно мнѣ бывало сидѣть въ темнотѣ закутаннымъ, закрытымъ отъ дождя, а тутъ могъ я хотя сквозь стекла свободно смотрѣть на Божій свѣтъ. Но на что было глядѣть въ этой отвратительной степи? Высохшая, побѣлѣвшая, высокая, кустообразная трава ковыль, силою вѣтра оторванная отъ корня, по дуновенію его кубаремъ катилась черезъ поле и попадала иногда подъ ноги лошадямъ. Быстрота ихъ бѣга, раздвоя воздухъ, производила другой вѣтеръ, разсѣкающій вихорь, и оттого бѣдная каретка моя ужаснымъ образомъ качалась. Дни становились коротки, на ночь я всегда останавливался, и потому, не смотря на скорость ѣзды, въ этотъ день могъ я только сдѣлать 160 верстъ и выѣхать изъ полуострова. На станціи Чаплинкѣ нашелъ я дурной ночлегъ, но и имъ удовольствовался.

Вѣтеръ утихъ 16 числа; сдѣлалось совершенно ясно, но что-то отмѣнно холодно, какъ иные говорятъ, сиверко. Не останавливаясь въ Каховкѣ, гдѣ я передъ тѣмъ ночевалъ, по мосту переѣхалъ я чрезъ мой любезный Днѣпръ и перемѣнилъ лошадей въ незнакомомъ мнѣ еще городѣ Бериславѣ, бывшемъ Кизикирменѣ. Онъ разбросанъ и разсѣянъ на большомъ пространствѣ, и я только кончикъ его могъ увидѣть. Отъ него еще отъѣхалъ я двѣ станціи; въ имѣніи, заселенномъ княземъ Потемкинымъ, доставшемся племяннику его Василью Васильевичу Энгельгардту, называемомъ, кажется, Тягинка, остановился я и попросилъ, чтобы меня куда нибудь пустили ночевать. Мнѣ сказали, чтобы я ѣхалъ на дворъ къ управляющему; онъ былъ въ отлучкѣ, а вмѣсто его приняли меня двѣ хозяйки, жена и теща его, и пригласили меня къ себѣ. Тутъ Польское шляхетное семейство занимало весь господскій домъ, довольно просторный, и я могъ подивиться великолѣпію сдѣланнаго мнѣ пріема. Всѣ комнаты освѣтились восковыми свѣчами, и два часа (время едва достаточное для приготовленія славнаго ужина) дамы продержали меня у себя въ гостиной, меня, утомленнаго и голоднаго (ибо два дни я ничего почти не ѣлъ). Со свойственною Полькамъ любезностію старались онѣ меня занимать, а я къ тому почти былъ не чувствителенъ. Послѣ ужина, за которымъ не нужно было меня потчивать, повели меня въ особую комнату, положили на роскошную постель съ батистовыми простыней и наволоками и покрыли розовымъ атласнымъ стеганымъ одѣяломъ. Такое гостепріимство должно приписать скукѣ, которую эти бѣдныя женщины претерпѣваютъ въ уединеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, какъ велики должны быть доходы съ имѣнія, когда и управитель пользуется толикими пріятностями жизни. Вотъ что подумалъ я, сладостно засыпая.

Я забылъ приказать, чтобы меня поранѣе разбудили; оттого проспалъ я до девятаго часа утра; потомъ пошло чайничаніе, что и про-

Библиотека "Руниверс"

держало меня еще нѣсколько времени. Первый легонькій морозъ былъ на зарѣ этого 17 числа, и я увидѣлъ кровли инеемъ покрытыя. Я спѣшилъ въ Херсонъ, до котораго оставалась одна только станція. Мнѣ желательно было въ первый разъ посмотрѣть на городъ, почти мѣсто рожденія моего (ибо черезъ три мѣсяца по оставленіи его родителями моими, явился я въ свѣтъ). Но, о горе! пошелъ ужасный снѣгъ, сдѣлалась просто вьюга, мятель, когда я подъѣзжалъ къ нему: зги было не видать, пока на почтовомъ дворѣ перемѣнялъ я въ немъ только лошадей. «Да это по нашинскому, какъ иные говорятъ, и стоитъ ли жить въ Южномъ краю, чтобы видѣть такіе ужасы», сказалъ я себѣ. Шестьдесятъ верстъ оставалось до Николаева, и весь передрогнувъ остановился я въ немъ, хотя было еще свѣтло. Скорѣе велѣлъ я подать себѣ что-нибудь поѣсть и затопить каминъ, случившійся въ комнатѣ трактира, въ которомъ я остановился. На другой день, 18 Октября, проснулся я до свѣта и, не повидавшись ни съ кѣмъ, уѣхалъ изъ Николаева. Нѣ оставалось и слѣдовъ вчерашняго снѣга, но сдѣлалось холодновато и сыро. Часу въ пятомъ вечера пріѣхалъ я въ Одессу и остановился на Итальянской улицѣ, въ большихъ комнатахъ Отеля де-Сикара, какъ подобало званію моему, при довольно хорошихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, всѣ эти квартиры осенью и зимой становятся гораздо дешевлѣ лѣтняго.

Когда, 19-го, явился я къ Палену, встрѣтилъ онъ меня не холодно, но съ примѣтнымъ замѣшательствомъ. Онъ принужденъ былъ объявить мнѣ, что изъ Керчи получена на меня ужаснѣйшая жалоба. Мы стали объясняться, и мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что причиною всему былъ Ланжеронъ. Вы точно угадали, сказалъ онъ. Сколько разъ твердилъ онъ ему: это не губернаторъ, а паша, тиранъ. Да давно ли я самъ былъ тамъ, отвѣчалъ Паленъ, и не могъ замѣтить и тѣни неудовольствія. Погодите, погодите, возражалъ тотъ, вы все увидите изъ просьбы, которую получите (потомъ нѣсколько разъ вѣтреный старецъ прибѣгалъ справляться о полученіи ея). Послѣ отъѣзда моего Греки могли надѣяться, что я къ нимъ не ворочусь, тѣмъ болѣе, что и все имущество мое безъ себя велѣлъ я укладывать; изъ чего же они бились? Имъ хотѣлось мести, имъ хотѣлось заставить думать, что они меня выжили. Стараясь имѣть и чиновниковъ на своей сторонѣ, Скасси тайно переписывался съ Синельниковымъ и увѣрялъ его, что хлопочетъ о назначеніи его моимъ преемникомъ; этотъ болванъ тому вѣрилъ, а Минарскій съ его согласія и вѣдома писалъ просьбу. Въ хорошихъ рукахъ находился я! Обо всемъ обстоятельно послѣ увѣдомленъ я былъ Щиржецкимъ и Гудимомъ.

Библиотека "Руниверс"

При формальномъ отношеніи графъ Паленъ препроводилъ ко мнѣ копію съ помянутаго прошенія. Оно было подписано нѣсколькими сотнями *однихъ* Грековъ, и въ главѣ подписчиковъ, разумѣется, находилось имя главы городскаго, Хамаритò, заправлявшаго маленькимъ имѣніемъ Ланжерона. Исторія этого дѣла можетъ показаться не весьма любопытною; для того постараюсь укоротить ее. представивъ единственно содержаніе просьбы, обвиненія на меня и мои отвѣты. Греки утверждали, во первыхъ, будто я, неизвѣстно по какой враждѣ къ нимъ, всѣхъ людей, принадлежащихъ къ ихъ націи, велѣлъ выгонять изъ службы. Въ доказательство противнаго, ссылался я на недавнія представленія мои объ опредѣленіи иныхъ Грековъ къ мѣстамъ, о повышеніи другихъ чинами, прибавляя, что сидѣльцамъ и лавочникамъ дѣйствительно воспретилъ я числиться на службѣ. 2-е, будто бы я, подъ предлогомъ выпрямленія улицъ, безжалостно ломаю обывательскіе дома и, между прочимъ, сломалъ домикъ, единственное достояніе и убѣжище бѣдной вдовы. На это отвѣчалъ я, что въ Строительномъ Комитетѣ, который собиралъ я раза два-три, при разсмотрѣніи Высочайше утвержденнаго плана, случилось мнѣ на немъ указывать мѣста, на коихъ, вѣроятно, со временемъ нѣкоторыя строенія должны будутъ подвергнуться сломкѣ, но что по моему приказанію ни одной черепицы дотолѣ не было снято съ кровли; что же касается до хижины бѣдной вдовы, то она безъ двора и призора стоитъ поперекъ улицы въ самомъ тѣсномъ и проходномъ мѣстѣ, безпрестанно угрожая паденіемъ и давно оставлена самой хозяйкой, изъ опасенія быть раздавленною; что я предлагалъ жителямъ купить ее за 140 рублей ассигн., запрошенныхъ владѣлицей, тогда какъ одни матеріалы стоютъ втрое болѣе, но что Дума не изъявила согласія, и домишко стоитъ еще не тронутымъ. Наконецъ, 3-е, что я бросилъ Керчь, поселился на хуторѣ и туда никого не велѣлъ пускать къ себѣ. Оставаясь на городской землѣ, сказалъ я въ возраженіи моемъ, не покидалъ я города; пріѣздъ ко мнѣ на хуторъ никогда и никому не былъ воспрещенъ, разстояніе такъ близко, что безъ большаго труда можно было туда ѣздить, а что, впрочемъ, и сіе было не нужно, ибо три раза въ недѣлю принималъ я всѣхъ въ городскомъ домѣ. Все была одна подобная сему явная ложь, которую такъ легко мнѣ было опровергнуть. Въ заключеніи своемъ говорятъ Греки, что если я не буду удаленъ отъ должности, они всѣмъ населеніемъ оставятъ Россію, и что подобная сему просьба отправлена отъ нихъ и къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Весь этотъ вздоръ встревожилъ графа Палена гораздо болѣе чѣмъ меня. Ничего въ этомъ родѣ не встрѣчалось во время его управленія, коего постоянная тишина была тѣмъ нарушена. Такая гадкая дерзость

Библиотека "Руниверс"

должна была возмутить чистоту души его; негодованіе свое едва могъ онъ скрыть отъ Ланжерона. Получивъ отъ меня письменныя объясненія, сколько припомню, слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ онъ жителямъ Керчи. Они поступили совершенно въ противность законовъ, не избравъ кого либо между себя для принесенія жалобы, а подписавъ ее цѣлымъ міромъ. Обманъ въ ней столь очевиденъ, что нѣтъ никакой надобности дѣлать по ней какое либо изслѣдованіе. Будучи Русскими подданными, они не могутъ оставить Россію безъ Высочайшаго соизволенія; условія въ этомъ случаѣ съ правительствомъ походятъ на угрозу и показываютъ возмутительный духъ. За это должны бы они быть подвергнуты строжайшему наказанію, но какъ градоначальникъ увѣряетъ, что все сдѣлано ими по невѣдѣнію и по наущенію злонамѣренныхъ людей, то во вниманіе къ его ходатайству за нихъ, онъ, Паленъ, сему дѣлу не хочетъ дать дальнѣйшаго хода. Это, конечно, единственная энергическая, грозная бумага, которую подписалъ онъ во время управленія своего. Копію съ нея отправилъ онъ къ Ланскому, отъ котораго, то есть подъ именемъ котораго, отъ товарища его Дашкова, мнѣ столь благопріятствующаго, полученъ былъ въ Керчи отзывъ, писанный въ томъ же смыслѣ.

Послѣ того все умолкло, все притихло. Скасси соумышленниковъ своихъ пересталъ возбуждать къ новымъ подвигамъ; въ Ноябрѣ со дня на день ожидали въ Петербургъ графа Воронцова.

Итакъ, два раза въ Новороссійскомъ краю восторжествовалъ я надъ несправедливостію моихъ враговъ: въ первый разъ по случаю непріятности у меня съ Молдавскими боярами, мнѣ было это довольно лестно; борьба же съ этою сволочью нѣсколько унижала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ.

Но довольно о Керчи; постараюсь на время забыть объ ней, и веселая моя Одесская жизнь поможетъ мнѣ въ томъ.

Прежде всего буду говорить о новыхъ сношеніяхъ моихъ съ Ланжерономъ и желаю, чтобъ и другимъ показались они столь же забавными, какъ и мнѣ самому. Я пошелъ къ нему будто являться; онъ принялъ меня сухо и величаво и вдругъ спросилъ, что̀ у васъ хорошаго подѣлывается въ Керчи?—Да, кажется, ничего, все идетъ своимъ порядкомъ.—Какъ ничего, возразилъ онъ съ жаромъ, жалоба цѣлаго города на вопіющія притѣсненія начальства, ничего по мнѣнію вашему? Прехладнокровно отвѣчалъ я: «Сущая бездѣлица, о которой, право, не сто́итъ мнѣ много думать; одна ложь и клевета. Паленъ слишкомъ благороденъ, чтобы не вступиться за меня; Воронцовъ, котораго ожидаютъ въ Петербургѣ, сдѣлаетъ тоже, тамъ есть и другіе люди», и я пустился хвастаться предъ нимъ знаменитыми моими связями. Онъ не молвилъ

Библиотека "Руниверс"

ни слова, на лицѣ его показалась ужасная досада, и онъ едва поклонился мнѣ, когда я началъ съ нимъ прощаться.

За то Паленъ съ каждымъ днемъ становился со мною любезнѣе. Были у него и нѣкоторые капризы: напримѣръ, онъ ужасно не любилъ, чтобы во время представленія кто-нибудь приходилъ въ его совсѣмъ отдѣльную ложу близъ сцены; всѣ это знали, и онъ всегда сидѣлъ одинъ, дабы безъ развлеченія наслаждаться музыкой, до которой онъ былъ великій охотникъ. Мнѣ сказалъ онъ: Зачѣмъ вамъ понапрасну тратиться? Когда бы вамъ ни вздумалось послушать оперу, приходите ко мнѣ въ ложу; я вамъ даю право живота и смерти въ ней, прибавилъ онъ, улыбаясь. Такой милости никто еще не удостоился, и я спѣшилъ воспользоваться ею. Войдя въ ложу, я только что поклонился ему и сѣлъ близъ него на мѣстѣ своемъ; у насъ не было никакого условія, а во все продолженіе перваго акта я съ нимъ рта не открывалъ, и онъ казался предоволенъ. Началось междодѣйствіе, онъ пошелъ навѣщать другія ложи, и я остался одинъ.

Насупротивъ въ такой же ложѣ сидѣлъ Ланжеронъ съ супругой и также, какъ всѣ, дивился изъявленію столь необычайной пріязни. Я могъ замѣтить, что онъ исчезъ, а минуты черезъ двѣ за мною послышался мнѣ шорохъ. Я обернулся, всталъ и подошелъ къ занавѣскѣ или портьерѣ у дверей; изъ-за угла ея почти въ тѣни показалась голова Ланжерона, который въ полголоса сказалъ мнѣ: «Послушайте, шеръ Вигель, знаете ли вы, что за васъ досталось мнѣ отъ графини? Она не можетъ мнѣ простить, что я не позвалъ ее, когда вы были у меня. Она поручила мнѣ на завтра звать васъ къ себѣ обѣдать. Ко мнѣ бы вы, можетъ быть, не поѣхали; но не будете столь неучтивы, чтобы отказать дамѣ». Я поклонился и сказалъ, что буду. Когда передъ поднятіемъ занавѣсы воротился Паленъ, я успѣлъ разсказать ему о происходившемъ въ его отсутствіе. Возможно ли сердиться на этого человѣка? сказалъ онъ засмѣявшись. Но какъ же и уважать его?

Итакъ, въ слѣдующій день пошелъ я обѣдать въ непріятельскій станъ. Хозяйка, неизмѣнная въ чувствахъ своихъ, какъ и всегда приняла меня съ искреннею ласкою; хозяинъ же старался быть любезнымъ, веселымъ, но все какъ-то не клеилось. Онъ имѣлъ на меня особое неудовольствіе, о причинѣ котораго узналъ я вскорѣ. Соль, добываемую на озеркахъ его, близъ Кумышъ-Буруна, Хамарито хотѣлъ продавать на Бугазѣ, а Керченская таможня ея не пропустила. Департаментъ внѣшней торговли строго предписалъ ей Горцамъ, нуждающимся въ соли, не иначе отпускать ее за Кубань, какъ самой лучшей доброты, дабы сохранить ихъ довѣренность; а Ланжероновская соль была самаго худшаго качества, вся перемѣшенная съ иломъ и грязью. Меня, не вѣ-

Библиотека "Руниверс"

давшаго о томъ, обвинялъ онъ и Французскимъ письмомъ жаловался Палену, которому до того никакого дѣла не было. Въ этомъ письмѣ, которое мнѣ показывали, утверждаетъ онъ, что онъ совершенно знаетъ Русскіе законы и Русскій языкъ, и въ доказательство того выписываетъ по русски законъ на сей предметъ. «Владѣльцовъ земли, указуйтъ Эмператрисъ Екатеринъ, продаитъ своимъ соли по вольнымъ цѣна».

У графини Ланжеронъ была старшая сестра Генріетта Адольфовна, вдова нѣкоего Аркудинскаго, во второмъ замужествѣ за отставнымъ генералъ-маіоромъ Павломъ Сергѣевичемъ Пущинымъ. Съ свойствами дебелой натуры, была она сообщительна, весела, гостепріимна, и нерѣдко лучшее Одесское общество собирала у себя на вечерахъ, кои, по ея приглашенію, съ удовольствіемъ я посѣщалъ. Мужъ ея принималъ всѣхъ учтиво и весьма приличнымъ образомъ игралъ роль хозяина. О немъ, какъ о бригадномъ начальникѣ въ дивизіи Орлова, некстати попавшемся въ либералы и за то лишившемся службы, мимоходомъ уже говорилъ я; надобно еще что нибудь къ тому прибавить. Нѣкогда камерпажъ, офицеръ и потомъ полковникъ въ Семеновскомъ полку, онъ, разумѣется, часто бывалъ въ Петербургскихъ обществахъ. Держать въ нихъ себя пристойно, не слишкомъ выставлять себя, говорить недурно по французски достаточно было тогда, чтобы почитаться образованнымъ человѣкомъ; и всѣ сіи условія выполнялъ онъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Одессѣ. Никогда, бывало, ничего умнаго не услышишь отъ него; никогда ничего глупаго онъ не скажетъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей, которыхъ иногда называютъ, но о коихъ никогда не говорятъ. Счастливые люди, какъ безмятежно течетъ ихъ жизнь!

Мы однакоже съ нимъ иногда разсуждали кой о чемъ. Не съ досадою, а съ сожалѣніемъ говорилъ я ему о нападеніяхъ на меня свояка его; притомъ объяснилъ, что къ дѣлу о соли я такъ мало причастенъ, что узналъ о немъ только въ Одессѣ. А онъ возьми да и перескажи Ланжерону. Чрезъ нѣсколько дней сей послѣдній, встрѣтивъ меня, осыпалъ упреками: да какъ я могъ повѣрить, да какъ я могъ вообразить себѣ? Потомъ поклялся мнѣ *честію*, что въ этомъ вздорномъ дѣлѣ былъ онъ совсѣмъ постороннимъ. Я уже, право, и не зналъ, что о немъ подумать. Видно, тотъ правъ, который сказалъ о нѣкоторыхъ Французахъ: criminel sans penchant, vertueux sans dessein. По крайней мѣрѣ послѣ того мы жили ладно.

Исключая двухъ многорѣченныхъ графовъ, было тогда еще въ Одессѣ два высокочиновныхъ графа. Графа Северина Потоцкаго и графа Витта зналъ я уже за четыре года предъ тѣмъ, изобразилъ ихъ,

Библиотека "Руниверс"

но тутъ только съ ними познакомился. Всѣ вмѣстѣ составляли не только сіятельную, но, по мнѣнію моему, въ разныхъ родахъ блестящую четверку. Всѣ ко мнѣ казались отмѣнно благосклонны, только Паленъ и Ланжеронъ съ нѣкоторой стороны не совсѣмъ баловали меня; каждый изъ нихъ по одному только разу удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Графъ же Потоцкій, погулявши пѣшкомъ, часто заходилъ ко мнѣ отдохнуть и побесѣдовать. Виттъ дѣлалъ тоже, но только рѣже.

Причиною особаго ко мнѣ благоволенія Витта была незаконная связь его съ одною женщиною и ею мнѣ оказываемая пріязнь. Каролина Адамовна Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, разводная жена, составила съ нимъ узы, кои бы легко могли быть извиняемы, если бы хотя немного прикрыты были тайной. Сколько разъ видѣли мы любовниковъ, пренебрегающихъ законами свѣта, которые покидаютъ его и живутъ единственно другъ для друга. Тутъ ничего этого не было. Напротивъ, какъ бы гордясь своими слабостями, чета сія выставляла ихъ на показъ цѣлому міру. Сожитіе двухъ особъ равнаго состоянія предполагаетъ еще взаимность чувствъ: Виттъ былъ богатъ, расточителенъ и располагалъ огромными казенными суммами; Собаньская никакой почти собственности не имѣла, а наряжалась едва ли не лучше всѣхъ и жила чрезвычайно роскошно, слѣдственно не гнушалась названіемъ наемной наложницы, которое иные ей давали. Давно уже извѣстно, что у Полекъ нѣтъ сердца, бываетъ только тщеславный или сребролюбивый разсчетъ, да чувственность. Съ помощію перваго, завлекая могучихъ и богатыхъ, пріобрѣтаютъ онѣ средства къ удовлетворенію послѣдней. Никакихъ нѣжныхъ чувствъ онѣ не питаютъ, ничто ихъ не останавливаетъ; сами матери совѣсть, стыдъ истребляютъ въ нихъ съ малолѣтства и научаютъ ихъ только искусству обольщать.

Такъ сужу я нынѣ, и мнѣ кажется это довольно гадко; но тогда, ослѣпленный привлекательностію Собаньской, я о томъ не помышлялъ. Ей было уже лѣтъ подъ сорокъ, и она имѣла черты лица грубыя; но какая стройность, что̀ за голосъ и что̀ за манеры! Двѣ или три порядочныя женщины ѣздили къ ней и принимали у себя, не включая въ то число графиню Воронцову, которая приглашала ее на свои вечера и балы, единственно для того, чтобы не допустить явной ссоры между мужемъ и Виттомъ; Ольга же Нарышкина-Потоцкая, хотя по матери и родная сестра Витту, не хотѣла имѣть съ ней знакомства; всѣ прочія также чуждались ея. Въ этомъ унизительномъ положеніи какую твердость умѣла она показывать и какъ высоко подыматься даже надъ преслѣдующими ее женщинами! Мнѣ случалось видѣть въ гостиныхъ, какъ, не обращая вниманія на строгіе взгляды и глухо шумящій женскій ропотъ негодованія, съ поднятой головой она бодро шла мимо всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

прямо не къ послѣднему мѣсту, на которое садилась, ну право, какъ бы королева на тронъ. Много въ этомъ случаѣ помогали ей необыкновенная смѣлость (нынѣ ее назвалъ бы я наглостію) и высокое свѣтское образованіе.

Она еще дѣвочкой получила его въ Вѣнѣ, у родственницы своей, извѣстной графини Розаліи Ржевуской, дочери той самой княгини Любомирской, которая во время революціи погибла на эшафотѣ за безпредѣльную любовь свою къ Франціи. Салонъ этой Розаліи нѣкоїда слылъ первымъ въ Европѣ по уму, любезности и просвѣщенію его посѣтителей. Нашей Каролинѣ захотѣлось нѣчто подобное завести въ Одессѣ, и ей нѣсколько удалось. Паленъ и Потоцкій часто бывали то на утреннихъ, то на вечернихъ ея бесѣдахъ и веселостію ума оживляли на нихъ разговоръ; Витта считать нечего, онъ имѣлъ собственный. домъ, а проводилъ тутъ дни и ночи; Ланжерона строгая жена не пускала къ ней. Вообще изъ мужскаго общества собирала она у себя все отборное, прибавляя къ тому много забавнаго, потѣшнаго, между прочимъ одну г-жу Кирикò и одного г. Спàда, о которыхъ говорено будетъ послѣ. Изъ Вознесенска, изъ военныхъ поселеній пріѣзжали къ ней на поклоненіе жены генераловъ и полковниковъ, мужья же ихъ были передъ ней на колѣнахъ. Не смотря на свои аристократическія претензіи, она высватала меньшую сестру свою за одного весьма богатаго, любезнаго и образованнаго негоціанта Ивана Ризнича, который въ угожденіе ей давалъ пышные обѣды, чтò и составляло ей другой домъ, гдѣ она принимала свое общество. Такое существованіе было довольно пріятно и совсѣмъ не уединенно, и она тѣшилась мыслію, что позорный ея тріумфъ производитъ зависть въ женщинахъ, вѣрныхъ своему долгу.

Имѣя отъ Витта обѣщаніе жениться на ней, она заблаговременно хотѣла пользоваться правами супруги; онъ же просилъ о разводѣ съ законной женой, которая тому противилась, и съ ея же согласія тайно старался длить тяжбу по этому дѣлу. У Собаньской было много ума, ловкости, хитрости женской и, повидимому, самый вѣрный разсчетъ; но былъ ли въ ней разсудокъ? Вся жизнь ея прежде и послѣ доказывала противное. Блестящая сторона ея поразила мой умъ, но отнюдь не проникла въ сердце; а какъ къ удивленію, которое производятъ въ насъ женщины, всегда примѣшивается нѣсколько нѣжности, то и сочтено это страстію; дамы жалѣли обо мнѣ, а я внутренно тѣмъ забавлялся. Я такъ много распространился объ этой женщинѣ, вопервыхъ, потому, что она была существо особаго рода, и потому еще, что въ домѣ ея находилъ большую отраду. Изъ благодарности питалъ я даже къ ней нѣчто похожее на уваженіе; но когда

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько лѣтъ спустя узналъ я, что Виттъ употреблялъ ее и серіознымъ образомъ, что она служила секретаремъ сему въ рѣчахъ столь умному, но безграмотному человѣку и писала тайные его доносы; что потомъ изъ барышей поступила она въ число жандармскихъ агентовъ: то почувствовалъ необоримое отъ нея отвращеніе. О недоказанныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ ее подозрѣвали, не буду и говорить. Сколько мерзостей скрывалось подъ щеголеватыми ея формами!

Болѣе двухъ лѣтъ не былъ я въ Одессѣ и долженъ былъ найдти нѣкоторыя перемѣны въ ея обществѣ. Изъ безчисленной свиты Воронцова бо́льшая часть оставалась въ ней; нельзя же было ему весь этотъ длинный хвостъ тащить за собою въ Англію, и при немъ находился одинъ только молодой Сафоновъ. Казначеевъ уѣхалъ въ Петербургъ на встрѣчу къ своему графу, а жена его и безъ него даже принимала гостей. Левшинъ на казенный счетъ путешествовалъ за границей. Изъ числа служившихъ при графѣ Воронцовѣ со времени управленія его четверо успѣли жениться. О неудачной, невыгодной женитьбѣ барона Франка уже говорилъ я. Также намекалъ я, кажется, о болѣе счастливомъ супружествѣ Марини съ дѣвицею Франоли; сія любезная чета жила уже домкомъ и была посѣщаема короткими и пріятелями.

Какъ назвать мнѣ насильственный бракъ Брунова? Инженерный генералъ Лёхнеръ, въ чинѣ полковника находясь въ Стокгольмѣ при Сухтеленѣ, женился на хорошенькой, бѣдной Шведочкѣ, по имени Брюсъ, будто бы происходившей отъ Шотландскихъ королей. Въ Одессѣ всѣ плѣнялись ея личикомъ, фигуркою и особенно танцами. Не понимаю, какъ могъ ей понравиться Бруновъ, когда мужъ ея, конечно, невзрачный и неуклюжій во сто разъ былъ его красивѣе. Всѣмъ была извѣстна эта связь, но въ снисходительной Одессѣ мало говорили о томъ, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ. Когда же секретъ комедіи пересталъ имъ быть для мужа, онъ прогнѣвался. Между протестантами получить разводъ весьма легко; симъ не удовольствовался раздраженный Лёхнеръ, вызвалъ соблазнителя на дуэль и, такъ сказать, съ пистолетомъ къ горлу, заставилъ его жениться на соблазненной. Жили ли Бруновы потомъ счастливо, сказать не умѣю, только жили уединенно; однако часто, весьма часто посѣщалъ ихъ Паленъ, что̀ было чрезвычайно пріятно неревнивому новому супругу.

Истинно-счастливымъ супругомъ нашелъ я одного Лекса. Нельзя было искать ему невѣсты въ кругу называемомъ блестящимъ; добрые люди нашли ему подругу въ купеческомъ сословіи. Сирота, оставшаяся послѣ довольно богатаго торговца Кленова, въ малолѣтствѣ лишившаяся матери, а вскорѣ потомъ и единственнаго брата, была такъ

Библиотека "Руниверс"

счастлива, что наслѣдство ею полученное попало въ руки добросовѣстныхъ опекуновъ, которые умножили его. Говорили послѣ, что у нея до двадцати пяти тысячъ ассигнаціями доходу съ домовъ, лавокъ, хлѣбныхъ магазиновъ, а что-то о ней и слуху не было, и она, можно сказать, изъ-подъ спуду вышла за Лекса и явилась въ свѣтъ. Премолоденькая, прехорошенькая, премиленькая бабёночка была эта Варвара Евтѣевна, воспитанная въ Одесскомъ пансіонѣ обращенномъ послѣ въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ. Жаль только, что въ немъ плохо учили по-русски, а по-французски она, видно, не успѣла выучиться и отъ того ни на одномъ изъ двухъ языковъ порядочно не умѣла говорить. Однако, вѣрно по привычкѣ, на иностранномъ безпрестанно какъ чечоточка болтала, подобно Богдановской или Лѣнтягиной въ «Чудакахъ» Княжнина, которая прелестнымъ языкомъ любила забавляться. Точно они были счастливы; послѣ двухлѣтняго супружества Лексъ все еще былъ влюбленъ въ жену свою, а она всѣмъ сердцемъ была къ нему привязана. Она была чрезвычайно молода, мало видѣла удовольствій, и ей хотѣлось повеселиться, а онъ не могъ отказать ей въ удовлетвореніи ея безвинныхъ желаній. Они завели у себя небольшіе балы, столь же скромные и веселые какъ они сами, почти единственные этой зимой въ Одессѣ; а какъ онъ игралъ самую важную роль при Паленѣ, то всѣ, начиная съ высокихъ особъ, охотно на нихъ ѣздили. Фортуна совершенно ему улыбалась, и онъ былъ ея достоинъ, никакъ не забываясь, не пьянѣя отъ ея даровъ.

Никто изъ адъютантовъ Воронцова не находился тогда въ Одессѣ: Шаховской вышелъ въ отставку, Синявинъ по особой протекціи проживалъ въ Петербургѣ, Херхеулидзевъ былъ не знаю гдѣ (я о томъ не спросилъ). Одинъ Варламъ нѣсколько времени состоялъ при генералѣ Ротѣ, временно управляющемъ въ Новороссійскомъ краѣ по военной части, но скоро сошелъ въ могилу: повѣсть о печальной кончинѣ его приходится разсказать.

Самый младшій изъ шести братьевъ Сушковыхъ, Москвѣ и разнымъ губерніямъ извѣстныхъ смѣлостію своихъ поступковъ, которые нерѣдко имѣли для нихъ весьма непріятныя послѣдствія, Николай Васильевичъ, принялся было сперва за поэзію и довольно успѣшно, но вскорѣ потомъ бросилъ ее, чтобы заняться службой. Весьма молодымъ человѣкомъ былъ онъ совѣтникомъ Таврической казенной палаты и сильно поссорился съ вице-губернаторомъ Курутой. Онъ очень полюбился Воронцову, который въ этомъ дѣлѣ весьма несправедливо держалъ его сторону, за что, кажется, былъ онъ преслѣдуемъ Министерствомъ Финансовъ. Гораздо послѣ отъѣзда моего изъ Кишинева, по представленію покровительствующаго ему Воронцова, назначенъ былъ

Библиотека "Руниверс"

онъ членомъ Бессарабскаго Верховнаго Совѣта на мѣсто опредѣленнаго при мнѣ и потомъ умершаго статскаго совѣтника Угрюмова. Варламъ въ то время гостилъ у слѣпаго отца. Причиною раздора его съ Сушковымъ была г-жа Фурманъ, равно къ обѣимъ привѣтливая; подробности же непріятныхъ между ими встрѣчъ мнѣ неизвѣстны. Разъ гдѣ-то, не умѣя отвѣчать на колкости Сушкова, глупый, вздорный и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно трусливый, Варламъ въ запальчивости при всѣхъ далъ ему пощечину, и потомъ ну бѣжать, оставивъ шляпу и шинель. Тѣмъ не должно было кончиться; на слѣдующее утро вооруженные враги выѣхали за городъ въ условленное мѣсто, но самимъ Варламомъ предупрежденная полиція была въ засадѣ и не допустила ихъ до драки; начальство же вскорѣ подъ предлогомъ коммиссіи разослало ихъ въ противоположныя стороны. Дѣло было серіозное, оно сдѣлалось національнымъ. Молодежь Молдаванская съ самодовольствіемъ твердила: вотъ какъ наши бьютъ Русскихъ! Торжество однако не было на сторонѣ Варлама; никто изъ Русскихъ, особенно изъ военныхъ его сослуживцевъ, не хотѣлъ ни говорить съ нимъ, ни глядѣть на него; Воронцовъ изъ Англіи велѣлъ написать къ нему, чтобы онъ искалъ другаго начальника, а что съ такимъ пятномъ онъ при немъ остаться не можетъ. Приведенный въ отчаяніе, онъ тайно согласился, наконецъ, на возобновленіе поединка. Между тѣмъ все казалось забытымъ, какъ вдругъ узнали, что Сушковъ, проѣзжая чрезъ Тирасполь, въ немъ остановился, что господа сіи стрѣлялись въ полѣ и что Варламъ палъ отъ руки своего противника. Кажется, и тутъ ожидалъ онъ помощи; она опоздала, однако успѣла схватить виновнаго на мѣстѣ преступленія. Нѣсколько мѣсяцевъ содержался онъ въ Тираспольской крѣпости, былъ судимъ, осужденъ, прощенъ, и время заключенія его сочтено ему за наказаніе. Потомъ отправился онъ опять на Сѣверъ и довольно счастливо продолжалъ тамъ службу.

Зная, что Воронцовъ иныхъ людей почитаетъ своею собственностію, иногда караетъ ихъ, но всегда готовъ ихъ миловать, Казначеевъ поѣхалъ къ нему въ Петербургъ. Другіе два опальные, Бруновъ и Франкъ, не рѣшились на то: ихъ женитьба была причиною совершенной къ нимъ немилости. Обѣимъ Курлянцамъ и пріятелямъ житье было у Палена. Почитая и меня недовольнымъ, но только осторожнымъ въ рѣчахъ, и мнѣ оказывали совершенное благорасположеніе. Въ день имянинъ моихъ 14 Ноября Бруновъ пріѣзжалъ меня поздравить; мнѣ жаль, что я не успѣлъ предупредить васъ, сказалъ я ему; а онъ отвѣчалъ, что онъ протестантскій Филиппъ и самъ не знаетъ, когда бываетъ имянинникъ.

Библиотека "Руниверс"

На Франка имѣлъ я небольшую досаду. По его просьбѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при себѣ съ жалованьемъ, опредѣлилъ я младшаго брата его, отставнаго штабсъ-ротмистра барона Александра Франка, нѣсколько помѣшаннаго, какъ сказали мнѣ послѣ. Онъ явился ко мнѣ передъ самымъ выѣздомъ моимъ изъ Керчи. Когда же безъ меня поднялась тамъ тревога, онъ почелъ меня погибшимъ, сблизился со злѣйшими изъ моихъ непріятелей, сдружился съ ними и сталъ гласно порицать мои поступки. Узнавъ о томъ, я нашелъ, что тутъ болѣе подлости, чѣмъ сумасшествія. Нельзя мнѣ было брата его не упрекнуть за такой подарокъ. Вы напрасно хорошо его приняли, такихъ людей надобно держать въ ежёвыхъ рукахъ, сказалъ онъ. Я едва видѣлъ его и никогда не брался его воспитывать, отвѣчалъ я.

Жаль мнѣ, что я обѣщалъ читателей моихъ познакомить съ двумя курьезными созданіями, Кирикò и Спàда; но какъ быть, надо выполнить данное слово. Находившійся долго въ Бухарестѣ генеральнымъ консуломъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лука Григорьевичъ Кирикò, Армяно-Католикъ, былъ просто человѣкъ необразованный и корыстолюбивый. Жена же его, съ молоду красотка, всегда въ обществѣ, изумляла его совершеннымъ невѣдѣніемъ приличій, какою-то простодушною, дѣтски-откровенною неблагопристойностію въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Она мыслила вслухъ, никогда не смѣялась, за то всѣхъ морила со смѣху своими разсказами. Худенькая, живая, огненная, бѣда бывало, если кто ее раздразнитъ; не смотря на то, мистификаціямъ съ ней конца не было. Изъ анекдотовъ объ ней составилась бы книжица, но кто бы взялся ее написать и какая цензура пропустила бы ее? Я позволю себѣ привести здѣсь два или три примѣра ея наивнаго безчинства. Описывая счастливую жизнь, которую вела она среди Валахскихъ бояръ, говорила она мнѣ, какъ и многимъ другимъ: «Всѣ онѣ были отъ меня безъ памяти, а какъ эти люди не умѣютъ изъясняться въ любви, иначе какъ подарками, то и засыпáли меня жемчугомъ, алмазами, шалями. Какъ же мнѣ было не чувствовать къ нимъ благодарности? Инымъ скрѣпя сердце оказывала ее; съ другими же, которые мнѣ болѣе нравились, признаюсь, предавалась ей съ восторгомъ». Разъ поутру у Собаньской сидѣли мы съ Паленомъ; вдругъ входитъ мадамъ Кирикò, объявляетъ, что намѣрена провести тутъ цѣлый день и для того привезла съ собою рукодѣлье. Живость разговора не позволила сперва замѣтить, въ чемъ оно состояло; когда же Собаньская на столѣ увидѣла малиновое бархатное мужское исподнее платье, то почти съ ужасомъ вскрикнула: что̀ это такое, моя милая? «Да такъ, отвѣчала она; вы знаете, какой мерзкой скряга у меня мужъ; съ трудомъ могла у него выпросить эту вещь; хочу ее здѣсь распороть и вы-

Библиотека "Руниверс"

кроить изъ нея шпенцеры для дочерей». Съ трудомъ могли ее увѣрить, что это уже слишкомъ безцеремонно. Изъ этого можно посудить о прочихъ поступкахъ сей варядной, даже превосходительной шутихи, которая, впрочемъ, кое-какъ выучилась по французски и давала у себя иногда вечера. Двѣ миленькія, скромныя дочки ея, Констанція и Валерія, перестали уже краснѣть отъ ея словъ, а показывали видъ будто ихъ не слышатъ. Вообще служила она публичнымъ увеселеніемъ, но Собаньская какъ-то особенно умѣла ею овладѣть.

Тотъ, котораго ставили ей въ пару, былъ совсѣмъ иныхъ свойствъ, чопорный, осторожный, размѣряющій слова свои. Португальскій Жидокъ Спàда, мальчикомъ привезенъ былъ во Францію, крещенъ и воспитанъ у Капуциновъ, которые и постригли его монахомъ своего ордена. Во время революціи всѣ монастыри были уничтожены, и онъ явился въ Россію свѣтскимъ человѣкомъ и эмигрантомъ. Онъ одаренъ былъ большою памятью, зналъ числа всѣхъ важныхъ происшествій въ мірѣ, имена всѣхъ владѣтельныхъ государей въ Европѣ, предковъ ихъ и родословную ихъ фамилій; зналъ также наизустъ множество стиховъ изъ Французскихъ классическихъ сочиненій. Хронологическія таблицы не суть еще исторія, и вытверженные стихи не доказываютъ еще большихъ познаній въ литературѣ, но и въ тогдашнее время, и особенно въ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ, все это принято за ученость. Ему посчастливилось; за высокую цѣну въ знатныхъ домахъ находился онъ то домашнимъ секретаремъ, то чтецомъ, то библіотекаремъ, а болѣе всего собесѣдникомъ. Долѣе всего оставался онъ у князя Бѣлосельскаго, котораго дурные Французскіе стихи онъ переписывалъ и выслушивалъ ихъ съ подобострастіемъ. Раздѣляя мнѣнія Петербургскаго аристократическаго общества, какъ всѣ челядинцы домовъ его составляющихъ, смотрѣлъ онъ съ презрѣніемъ на просвѣщенныхъ, независимыхъ и даже богатыхъ людей, къ тому кругу не принадлежащихъ. По мѣрѣ какъ науки и истинное просвѣщеніе начали проникать и въ высшій кругъ, цѣнность Спàды, хотя и не плата ему, стала ниспадать. Подъ конецъ находился онъ при графѣ Кочубеѣ, не знаю въ какомъ качествѣ, и отправился съ нимъ въ Крымъ и въ Одессу. Кажется, наконецъ, надоѣлъ онъ всему семейству, ибо нашли средство благотворнымъ образомъ освободиться отъ него. Для него создали въ Одессѣ мѣсто цензора иностранной литературы, съ довольно хорошимъ содержаніемъ. Тутъ все-таки могъ онъ подышать аристократическимъ воздухомъ: было довольно графовъ и князей съ Европейскимъ образованіемъ. Онъ не чуждался также иностранныхъ негоціантовъ, только самыхъ богатыхъ. Право дурачить его признавалъ онъ единственно въ людяхъ и женщинахъ, имъ знатными признаваемыхъ, и нѣкоторые изъ нихъ поль-

Библиотека "Руниверс"

зовались имъ безчеловѣчно. Малаго роста, худенькій, стянутый, всегда опрятно одѣтый фертикъ, онъ могъ бы казаться молодымъ, еслибъ глубокія морщины на лицѣ и лысина во все пространство головы не обнаруживали его лѣтъ; къ тому же и дыханіе его было не весьма свѣжее. А онъ былъ чрезвычайно влюбчивъ и между тѣмъ по этой части довольно хвастливъ. Мнѣ случилось подслушать, какъ онъ Собаньской разсказывалъ сцену свою съ графиней Кочубей. Увлеченный неодолимою страстію, одинъ разъ онъ палъ къ ея ногамъ, когда никого не было въ комнатѣ; вдругъ отворяется дверь, входитъ самъ Кочубей, останавливается, съ хладнокровіемъ государственнаго человѣка говоритъ: «меня это не удивляетъ, я давно того ожидалъ» и выходитъ вонъ.—«Что ты сдѣлалъ, воскликнула графиня, удались несчастный, ты насъ обоихъ губишь». Если это была и правда, то уже навѣрно напередъ приготовленная фарса. Его взяла съ собой Воронцова, когда верстъ за сорокъ вмѣстѣ съ Ольгой Нарышкиной и Киселевой, сестрой ея, она поѣхала на встрѣчу къ мужу; его посадили въ особую двумѣстную карету, съ весьма некрасивой горничною Ольги. По прибытіи на мѣсто свиданія, въ ожиданіи, остановились они въ довольно тѣсномъ помѣщеніи, куда горничная часто входила съ видомъ смущеннымъ, даже отчаяннымъ. Ее спросили о причинѣ ея горя, а она, указывая на Спàду, сказала: «зачѣмъ вы меня сгубили, зачѣмъ такъ долго оставили на единѣ вотъ съ этимъ извѣстнымъ соблазнителемъ?» Съ нимъ приняли видъ грозный, укоризненный и стали называть человѣкомъ во зло употребляющимъ довѣренность своихъ знакомыхъ. Тщетно клялся онъ и божился, почти плакалъ, увѣряя, что во всю дорогу даже не глядѣлъ на нее. «Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчали ему; она шляхтянка, слѣдовательно дворянка, и васъ будутъ умѣть заставить загладить вашъ проступокъ и женитьбой возвратить честь вашей жертвѣ». Несчастный вопилъ, что эта мерзавка, конечно, влюбилась въ него, къ тому же хочетъ сдѣлать выгодную партію. Нѣсколько дней потомъ трепеталъ онъ при мысли сего совсѣмъ не аристократическаго союза. Ольга Нарышкина, безжалостная, безсердечная, какъ всѣ Потоцкіе, поступала съ нимъ иногда хуже. Прогуливаясь пѣшкомъ, она попріятельски заходила навѣстить его въ опрятной, съ нѣкоторымъ кокетствомъ убранной его квартиркѣ. Желая будто ближе посмотрѣть на картинки, въ ней развѣшенныя, она съ грязными ногами лазила на канапе, на кресла и какъ бы ненарочно раздирала матеріи, ихъ покрывающія..

Забавные сіи два существа, Кирико и Спада ненавидѣли другъ друга. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на нее, какъ на дикую женщину, она же видѣла въ немъ подлаго шута, а Собаньская старалась приглашать ихъ въ одно время. Благодаря Палена, находился я въ самомъ

Библиотека "Руниверс"

веселомъ расположеніи духа, и оттого сіи каррикатурныя лица доставляли мнѣ иногда минуты блаженства; во дни скорби я увѣренъ, что безъ отвращенія не могъ бы я смотрѣть на нихъ.

Еще два человѣка умножали для меня пріятности тогдашней Одесской жизни, не имѣя, впрочемъ, ничего общаго съ предыдущими. Австрійскаго генеральнаго консула Тома отрекомендовалъ уже я публикѣ въ шестой части сихъ Записокъ. О Бларамбергѣ, директорѣ музеевъ Одесскаго и Керченскаго, не упомянулъ ни слова. Онъ обязанъ былъ каждое лѣто ѣздить въ Керчь, и передъ этимъ въ Іюнѣ онъ цѣлые три дня своимъ присутствіемъ освѣжалъ для меня духоту Керченской скуки. Онъ тоже былъ не молодъ лѣтами, имѣя ихъ около шестидесяти, но молодъ былъ онъ пылкимъ умомъ своимъ: при глубокой учености, особенно по археологической части, не было въ немъ и тѣни педантства. Оба имѣли страсть къ каламбурамъ, и когда бывало сойдутся у третьяго, Ланжерона, то начинается между ними настоящій бой. Хотя праздная, но разсѣянная жизнь моя давала мнѣ возможность только урывками посѣщать ихъ.

Изъ двухъ дамъ, о коихъ говорилъ я, описывая первое пребываніе мое въ Одессѣ, упомянулъ я лишь объ одной, объ Ольгѣ Нарышкиной, о графинѣ же Эделингъ не сказалъ ни слова. Ту и другую встрѣчалъ я только на вечерахъ у Пущиной. Послѣдняя изъ братолюбія почитала обязанностію на меня коситься и мало со мною говорить. Александръ Стурдза продолжалъ ото всей души ненавидѣть меня за Бессарабскія дѣла.

Что̀ касается до мужа Ольги, Льва Нарышкина, то онъ велъ самую странную жизнь, то есть скучалъ ею, никуда не ѣздилъ и двѣ трети для проводилъ во снѣ. Она также мало показывалась, но дабы не отстать отъ привычки властвовать надъ властями, въ ожиданіи Воронцова, задумала плѣнить Палена и, къ несчастію, въ томъ успѣла. Изъ любви и уваженія къ нему никто не позволялъ себѣ говорить о семъ маленькомъ его сумасбродствѣ.

Владычество Ольги надъ Паленомъ не простиралось такъ далеко, чтобы поссорить его со мною. Я продолжалъ пользоваться правомъ одинъ сидѣть съ нимъ въ ложѣ. Никогда еще не видали въ Одессѣ столь славной Итальянской труппы, какъ въ это время, и никогда послѣ подобной ей не бывало. Примадонна Ама́ти была хороша, очень хороша, да и только. Двадцатилѣтняя же Морикони была чудесна, очаровательна и красотой лица, и стройностію тѣла, и искусствомъ играть и пѣть, а паче всего голосомъ контральто, который, я увѣренъ, съ трудомъ бы найти и въ самой Италіи. Мужественная красота Дезирò совершенно отвѣтствовала его голосу, густому басу, вмѣстѣ съ тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

нѣжному и гибкому. Тенора Молинелли я только слушалъ, а не глядѣлъ на него; какъ можно было сочетать столь прелестный голосъ съ такимъ гадкимъ лицомъ, несносной игрой и подлой фигурой! Все что́ было для подставки—было также весьма не худо. Россини былъ тогда во всемъ своемъ могуществѣ, соперниковъ у него не было, и казалось, никогда не будетъ: оперы его, переведенныя на всѣ языки, игрались на всѣхъ театрахъ; въ Одессѣ другихъ тогда знать не хотѣли. Изъ безчисленнаго ихъ множества я назову только тѣ, кои болѣе другихъ меня восхищали: Семирамиду, Танкреда, Отелло. Послѣ жестокихъ нервныхъ страданій въ 1826 году, въ продолженіи лѣта 1827-го бралъ я въ Керчи ванны изъ морской воды; тѣмъ много успокоились мои бѣдные нервы, и оставшееся въ нихъ легкое раздраженіе умножало только мои музыкальныя наслажденія. Можно посудить, какія удовольствія доставлялъ мнѣ тогда Одесскій театръ.

Въ отношеніи къ политическимъ извѣстіямъ и дѣламъ Одесса была также любопытнымъ мѣстомъ. Едва ли мы не первые въ Россіи узнали о Наваринскомъ сраженіи. Оно обрадовало насъ не менѣе Грековъ. Впрочемъ, много гордиться, право, было нечемъ: три сильныя державы неожиданно напали на одну слабую; мы одни были обиженные, а въ этой битвѣ не играли даже главной роли. Въ этомъ однако какъ бы предполагалось намѣреніе раздѣлить Турцію, такъ же, какъ нѣкогда Польшу. Еще въ Керчи извѣстіе о рожденіи порфиророднаго Константина меня восхитило, а отъ чего? Право, самъ бы сказать не умѣлъ; тутъ по крайней мѣрѣ могло оно мнѣ казаться предзнаменованіемъ воздвиженія Креста во градѣ Константиновомъ. Купечество сначала нѣсколько пріуныло, ожидая, что вскорѣ потомъ послѣдуетъ разрывъ, и для иностранныхъ судовъ запрутся Босфоръ и Дарданеллы. Ко всеобщему удивленію однакоже всякій день корабли приходили и уходили въ продолженіи почти всего Ноября, въ самое худое время для мореплаванія. Испуганный султанъ показывалъ видъ, будто случившееся почитаетъ слѣдствіемъ какого-то недоразумѣнія. Между тѣмъ и въ войскѣ замѣтно было сильное движеніе: оно подвигалось къ Дунаю и Пруту, дабы при первомъ знакѣ броситься въ Турецкія владѣнія. И съ Петербургомъ также шла дѣятельная переписка какъ частная, такъ и оффиціальная.

Тамъ удерживали нашего графа Воронцова гораздо долѣе, чѣмъ мы ожидали и чѣмъ самъ онъ намѣренъ былъ оставаться. Его присутствіе почитали необходимымъ для совѣщаній по предмету предпринимаемой войны. И дѣйствительно, его указанія и совѣты могли быть весьма полезны: управляя областями сопредѣльными съ театромъ будущихъ военныхъ происшествій, онъ давно и съ мѣстностями его хорошо былъ знакомъ. Дабы на что нибудь рѣшиться, и я сначала

Библиотека "Руниверс"

дожидался возвращенія его въ Одессу; но черезъ нѣсколько времени вотъ какъ раздумалъ я самъ съ собою: «Тебѣ извѣстно моральное могущество этого человѣка надъ тобою; нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ склонять тебя не оставлять должности; ты не устоишь, особливо когда для успокоенія твоего онъ удалитъ нѣсколькихъ чиновниковъ,—и что же? Несчастный, тогда-то совсѣмъ ты будешъ осужденъ на Керчь». При сей ужасной мысли волосы мои, тогда еще не сѣдые, стали воздыматься на лбу моемъ. Наконецъ, я предпочелъ написать ему трогательное письмо, въ которомъ изложилъ всѣ мучительныя стороны моего положенія, умоляя его доставить мнѣ нѣсколько приличное содержаніе при временномъ увольненіи отъ службы. На это письмо долго не получалъ я отвѣта.

Сама судьба хотѣла спасти меня. Чтобы болѣе возбудить во мнѣ отвращенія отъ мѣста служенія моего, Одесса въ эту зиму расточала передо мной всѣ увлекательныя удовольствія образованной жизни. Ничего не было въ ней похожаго на то, что я видѣлъ въ началѣ 1824 года: не было взыскательности, предпочтеній, мелочныхъ интригъ маленькихъ Нѣмецкихъ дворовъ; не было той нестерпимой скуки, которую прежде въ ней, какъ и во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ, претерпѣваютъ люди не участвующіе въ торговлѣ; не было безумной роскоши нашей сѣверной столицы, гдѣ удовольствіями называютъ только танцы, карты, многочисленныя собранія въ огромныхъ комнатахъ, ярко освѣщенныхъ; не было разорительнаго и безтолковаго ей подражанія, которымъ отличается не одна Москва, но и бо́льшая часть нашихъ губернскихъ городовъ; не было педантства и негостепріимства ученыхъ городовъ Нѣмецкихъ. Я никогда не бывалъ въ Парижѣ зимой, въ другихъ же мѣстахъ, любимыхъ путешественниками, Ниццѣ, Неаполѣ, Флоренціи, и совсѣмъ не бывалъ. По слухамъ и разсказамъ я зналъ, а еще болѣе угадывалъ, удовольствія, коими по зимамъ тамъ пользуются люди просвѣщенные и женщины любезныя. Ихъ салоны суть биржевыя залы, гдѣ вѣрно оцѣниваются умы, гдѣ идетъ безпрестанный промѣнъ идей, гдѣ блестятъ острыя слова, не поражая никакой личности, гдѣ и глубокія мысли, чтобы не пугать, являются въ легкой оболочкѣ; гдѣ споры, порождаемые разностію въ мнѣніяхъ, всегда сопровождаются обоюдными уступками, гдѣ вѣрный тактъ не позволяетъ задѣвать чьего либо самолюбія, гдѣ умѣютъ и говорить, умѣютъ и слушать, гдѣ царствуютъ учтивость и приличіе вмѣстѣ со свободой и веселостію, однимъ словомъ, вся общежительность, которая во Франціи пережила всѣ ужасы ея революцій. Счастливый уголокъ въ Россіи, гдѣ бы можно было это встрѣтить, былъ любимою моей мечтою, и на этотъ разъ она почти осуществилась для меня въ Одессѣ.

Библиотека "Руниверс"

Какъ нарочно на этотъ разъ исчезло и обыкновенное ея зимнее безобразіе, глубокая грязь. Наступила сильная зима, которую назвалъ я Русскою, а которую жители называли Очаковскою. Выпалъ большой снѣгъ 19 Ноября, а на другой день, 20-го, день восшествія на престолъ, въ соборъ къ молебну и оттуда къ Палену на завтракъ, отправились всѣ мы въ саняхъ, и потомъ съ ними не разставались; слѣдственно, и сообщенія сдѣлались совершенно свободны. Многимъ это не полюбилось, между прочимъ и мнѣ сначала. Почти вездѣ было худое устройство печей, и я начиналъ очень зябнуть въ своихъ большихъ комнатахъ отеля Сикара, несмотря на усиленное топленіе. Одинъ Русскій тутъ трактирный служитель вывелъ меня изъ бѣды. Онъ предложилъ мнѣ перейти въ три небольшія комнаты на дворѣ надъ самой кухней, пока онѣ еще не заняты; смиреніе мое было вознаграждено: въ нихъ рѣдко бывало менѣе 17 градусовъ теплоты, и я скоро могъ обогрѣться. Видъ изъ нихъ на море былъ не весьма пріятенъ: въ продолженіи Декабря весь заливъ покрылся льдомъ, и тамъ, куда глазъ едва могъ достигать, легкій паръ показывалъ, что вода еще не замерзала. Иностранное купечество спряталось по норамъ, а для насъ, людей Русскихъ, по большей части выросшихъ и возмужавшихъ на Сѣверѣ, зима сія совсѣмъ не казалась такъ жестокою. Для меня въ особенности время не шло, а летѣло.

Надобно было однако подумать, что житью этому придетъ конецъ. Графу Палену хотѣлось, чтобы во время управленія его никто бы не оставлялъ должности и никто бы отъ нея удаленъ не былъ, чтобы управленіе сіе сдать точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его принялъ. Жандармская часть весьма справедливо доносила о безпорядочной, безобразно-позорной жизни Бессарабскаго губернатора Тимковскаго. Дѣланы были по сему предмету запросы, но и его Паленъ старался всячески спасать, предоставляя настоящему хозяину Воронцову дѣлать перемѣны между главными начальствами. Вотъ отчего и меня уговаривалъ онъ возвратиться въ Керчь, хотя бы на малое время, дабы тамошняя сволочь не могла подумать, что она заставила меня выйти изъ службы. Я согласился съ условіемъ, чтобы въ день отъѣзда моего вручить ему просьбу объ отставкѣ, которую по усмотрѣнію своему онъ можетъ отправить, и чтобы это оставалось тайной между имъ, мною и Лексомъ.

Шумныхъ удовольствій не было, и потому новый 1828-й годъ начался весьма тихо, можетъ быть, пріятно для тѣхъ, кои встрѣтили его въ кругу семействъ своихъ и друзей; я же всю эту ночь провелъ въ глубокомъ снѣ. Одна Ольга Нарышкина умѣла начать его забавнымъ образомъ. Она созвала къ себѣ на вечеръ все общество свое, состав-

Библиотека "Руниверс"

ленное изъ людей ей поклоняющихся или ее забавляющихъ. Всѣ были костюмированы и замаскированы, и между прочимъ, бѣдную Казначееву, толстую и кривобокую, нарядила она Тирольскимъ мальчикомъ. Мужъ, по обыкновенію своему, въ десять часовъ залегъ спать; но по условію между имъ и женою въ полночь вся гурьба съ шумомъ вошла въ его спальню и заставила его встать съ постели. Будто раздосадованный, будто съ просонья, будто никого не узнавая, принялся онъ всѣхъ бранить; болѣе всѣхъ досталось Казначеевой... На другой день разсказы объ этой продѣлкѣ занимали весь городъ.

Могъ ли я ожидать, что эта знаменитая Ольга будетъ причиною поспѣшнаго моего отъѣзда изъ Одессы? Разговаривая съ Паленомъ, разъ замѣтилъ я ему, что ничего не нахожу въ ней особенно привлекательнаго. «Это отъ того, сказалъ онъ съ жаромъ, что она не удостоиваетъ васъ своего вниманія: займись она вами полчаса — и вы бы были у ногъ ея». Мнѣ бы слѣдовало замолчать, а я спросилъ: да полно, вы не влюблены въ нее, графъ?— «Оно, можетъ быть, и такъ, отвѣчалъ онъ, но только слишкомъ нескромно спрашивать меня о томъ». Онъ повернулся ко мнѣ спиной и вдругъ охолодѣлъ ко мнѣ. Въ цѣлой Одессѣ я одинъ не зналъ о его слабости; ибо никто мнѣ о томъ не говорилъ, и я ихъ вмѣстѣ не видѣлъ. Это было въ первой половинѣ Генваря.

Я не подосадовалъ на него, а отъ всей души пожалѣлъ объ немъ. Надобно было, однако, чтобы тутъ не узнали о перемѣнѣ его ко мнѣ, а еще менѣе въ Керчи, куда я писалъ о намѣреніи моемъ скоро возвратиться туда и тамъ совсѣмъ остаться. Я сдѣлалъ еще болѣе: добрый сотрудникъ мой въ Бессарабіи, Шкляренко, вскорѣ послѣ отъѣзда моего оттуда, оставилъ должность, не знаю по какимъ причинамъ, и жилъ безъ дѣла у себя на хуторѣ Полтавской губерніи, въ Зеньковскомъ уѣздѣ; я выписалъ его оттуда въ Одессу, опредѣлилъ правителемъ моей канцеляріи на мѣсто Минарскаго, съ которымъ, послѣ происходившаго, я вмѣстѣ служить не могъ и, недѣли за двѣ передъ тѣмъ, отправилъ его въ Керчь.

Дни черезъ два послѣ этой пустой размолвки, пошелъ я къ Палену, зная его благородство и скромность и не опасаясь никакой непріятной встрѣчи. Онъ встрѣтилъ меня если не дружески, то вѣжливо, а я объявилъ ему, что, согласно его совѣту, скоро намѣренъ ѣхать въ Керчь. Вмѣстѣ съ тѣмъ вручилъ ему просьбу объ увольненіи, прося его убѣдительно представить ее по усмотрѣнію, такъ, чтобы могъ я удалиться сколько-нибудь выгоднымъ образомъ. Онъ обѣщался сдѣлать все, что̀ можетъ, и мы разстались какъ нельзя лучше.

Библиотека "Руниверс"

IX.

Послѣ веселія почти всегда бываетъ горе. Послѣ пріятно разсѣянной жизни, осужденъ я былъ испытать всѣ непріятности ужасной дороги. Не приведи Богъ никого ѣхать зимой изъ Одессы въ Крымъ! Я располагалъ выѣхать 17-го Генваря по утру; но соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей для полученія подорожной, о чемъ надлежало бы мнѣ подумать наканунѣ, задержало меня большую часть дня. Потомъ таможня, желая показать точность и исправность свою передъ начальникомъ таможеннаго округа, продержала меня еще нѣсколько времени, такъ что на первую станцію, Аджеликъ или Дофинку, успѣлъ я пріѣхать, когда давно уже смерклось.

Я ѣхалъ въ двухъ экипажахъ: въ открытыхъ саняхъ и въ двумѣстной каретѣ на колесахъ; иначе нельзя было. Сильные вѣтры на степи въ иныхъ мѣстахъ нагоняли большіе сугробы снѣга, въ другихъ сгоняли его съ земли; въ иныхъ мѣстахъ версты двѣ и болѣе можно было ѣхать хорошимъ зимнемъ путемъ, въ другихъ мѣстахъ съ версту и болѣе тащиться по голой замерзшей землѣ. Я предпочиталъ сани и, въ случаѣ только бури, намѣренъ былъ спасаться отъ нее въ карету. Зги было не видать и продолжать путь сдѣлалось опасно. Изъ двухъ золъ я выбралъ меньшее: остановился ночевать на станціи, въ холодной, всю зиму нетопленной комнатѣ. Нужда, говорятъ, великая мастерица на выдумки: я велѣлъ отыскать пребольшой горшокъ, купить поболѣе водки и, вливъ въ него, зажегъ ее. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, воздухъ сдѣлался теплѣе, и при свѣтѣ пылающаго синеватаго огня, весь окутанный, могъ я довольно спокойно заснуть, приказавъ до свѣту разбудить себя.

Я выѣхалъ 18-го, когда еще совсѣмъ было темно, а карету свою еще ранѣе отправилъ впередъ. Скоро стали показываться море и свѣтъ. Я сдѣлалъ болѣе восемнадцати верстъ, сидя съ слугою своимъ въ саняхъ, къ которымъ изъ предосторожности велѣлъ придѣлать цыновочный верхъ, какъ началъ замѣчать, что ямщикъ мой часто посматриваетъ на море; я самъ увидѣлъ на горизонтѣ, надъ нимъ, узкую багроватаго цвѣта полосу, которая скоро превратилась въ широкую темно-лиловую. «Бѣда, баринъ, сказалъ ямщикъ».—«Что̀ такое?» спросилъ я.—«До станціи почти шесть верстъ; не знаю, успѣемъ ли мы доѣхать; будетъ ужасная буря».—«Да на небѣ все чисто и ясно, и нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка».—«Ну, вы увидите». Не прошло четверти часа, какъ небо стало заволакивать густыми облаками и началъ слегка повѣвать вѣтеръ. Въ это время мы поравнялись съ какой-то корчмой;

Библиотека "Руниверс"

ямщикъ умолялъ меня остановиться въ ней, но мнѣ хотѣлось догнать свою карету. Спустя еще четверть часа, появился снѣгъ и сильно загудѣлъ вѣтеръ, начиналась гибельная степная вьюга; ямщикъ гналъ лошадей безъ памяти и остановился у другой корчмы, гораздо болѣе первой, у самаго въѣзда въ селеніе Тилигулъ или Коблевку. Войдя въ нее, я увидѣлъ длинную комнату, въ доль на двое разгороженную: въ просторной половинѣ спасалось чье-то большое помѣщичье семейство, а за перегородкой тѣснилось Жидовское во всей обычной нечистотѣ. Мнѣ чуть не стошнилось, и я спросилъ: далеко ли до станціоннаго дома? Да съ четверть версты будетъ. Ну такъ скорѣе туда! «Что вы, воскликнули всѣ, да посмотрите что на дворѣ происходитъ». И подлинно казалось, что представленіе свѣта: съ верху валилъ снѣгъ, а вѣтеръ, свирѣпствуя, подымалъ его и съ низу, и все вмѣстѣ мѣшая, съ какою-то яростію крутилъ въ воздухъ. Надобно было видѣть шествіе мое по ужасно широкой улицѣ селенія; я сидѣлъ въ саняхъ, а слуга мой и ямщикъ шли подлѣ лошадей; два проводника, мною нанятыхъ, шли по бокамъ; но смотря на близкое разстояніе, они оставались невидимы и только что перекликались съ нами. Но вотъ я и у присгани, гдѣ нашелъ свою карету, заключавшую въ себѣ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. «Какъ васъ Богъ донесъ?» спросилъ смотритель.—«Да какъ видишь, любезный, и хочу ѣхать далѣе».—«Это невозможно, воскликнулъ онъ, я не могу вамъ дать ни ямщика, ни лошадей; не хочу губить ихъ, да и не смѣю: на этотъ счетъ есть у насъ строгія письменныя предписанія отъ начальства», и въ доказательство пошелъ было ихъ отыскивать. Улыбаясь, я остановилъ его и сказалъ, что за то обязанъ онъ дать мнѣ хорошій пріютъ. Онъ уступилъ мнѣ свою комнату небольшую, но теплую и чистую, и самъ перешелъ въ другую. Буря, мятель цѣлый день не унимались. Каково мнѣ было скучать въ такомъ уединеніи! Но безопасность, тишина, молчаніе внутри, когда снаружи бунтовали стихіи, имѣли также свою пріятность.

До свѣту 19-го разбудилъ меня своимъ пріѣздомъ курьеръ, кѣмъ-то посланный и гдѣ-то также принужденный останавливаться. Онъ объявилъ мнѣ, что все утихло и улеглось: для меня это было сигналомъ отъѣзда. Былъ морозъ, совершенно Русская зимняя ѣзда, и самыя бурныя волны Буга были льдомъ окованы. Глаза мои не вынесли двухдневнаго испытанія холода и вѣтра, надобно было ихъ полѣчить, и я принужденъ былъ остановиться въ Николаевѣ. Прямо поѣхалъ я къ полиціймейстеру, Павлу Ивановичу Ѳедорову, всегда готовому на одолженія, о которомъ разъ случилось уже мнѣ говорить. Надежда на его помощь меня не обманула: онъ помѣстилъ меня постоемъ въ домикѣ, который почитался самымъ теплымъ въ городѣ.

Библиотека "Руниверс"

Рѣдко горе бываетъ безъ утѣшенія, и я нашелъ его въ доброй Малороссіянкѣ, хозяйкѣ моей. Она была вдовой не очень богатаго купца, который оставилъ ей малолѣтную дочь, домикъ и небольшой капиталъ. Съ нею вмѣстѣ жила родная сестра ея, также вдова надворнаго совѣтника и прокурора, получающая пенсіонъ; сими средствами жили онѣ не очень скудно. Хоть убей меня, а теперь не буду умѣть назвать ихъ; право, совѣстно: память сердца, видно, была у меня всегда плохая. Я не искалъ въ нихъ просвѣщенія и любезности, а нашелъ лучше того: нѣжное чувство сострадательности, которое такъ понятно однимъ только добрымъ женщинамъ. Комната о трехъ окнахъ, называемая залою, раздѣляла насъ; но и черезъ это небольшое пространство не проходили онѣ, чтобы не потревожить мой покой. А онъ начиналъ тяготить меня, и только по моему приглашенію онѣ меня посѣтили. Какъ изобразить всю заботливость сихъ сестеръ милосердія о здоровьѣ моемъ, о моей пищѣ? Привыкнувъ знаться съ людьми разныхъ состояній и какъ прилежный наблюдатель нравовъ съ участіемъ выслушивать ихъ разсказы, бесѣды и сихъ простыхъ и уже немолодыхъ женщинъ бывали для меня занимательны.

Выучившись самъ, наконецъ, лѣчить глаза свои и въ запасѣ имѣя нѣкоторыя нужныя лѣкарства, я не призывалъ на помощь врача: терпѣніе, діэтъ и употребляемыя мною средства скоро помогли; все таки однако цѣлую недѣлю долженъ былъ я выдержать карантинъ. Раза два навѣстилъ меня Ѳедоровъ, а объ адмиралѣ Грейгѣ не было ни слуху ни духу: всякой Англичанинъ болѣе или менѣе почитаетъ себя лордомъ.

Не смотря на то, будучи съ нимъ знакомъ, я не хотѣлъ оставить Николаевъ, не явившись къ нему, и 26 по утру отправился съ моимъ почтеніемъ на дрожкахъ моей хозяйки. У подъѣзда встрѣтилъ меня слуга, который сказалъ, что адмиралъ на *той* половинѣ и пошелъ провожать меня туда. *Та* половина была на дворъ длинная пристройка къ главному корпусу строенія. По входѣ въ переднюю, слуга сказалъ мнѣ, что я могу идти далѣе безъ доклада. Не знаю, или часы шли у меня невѣрно или въ приморскихъ городахъ обѣдали тогда гораздо ранѣе даже чѣмъ въ губернскихъ, только въ первой комнатѣ нашелъ уже я накрытый столъ, а въ другой даму и съ полдюжины мужчинъ, все моряковъ. Замѣшательство Грейга было едва ли не сильнѣе того, которое я въ себѣ почувствовалъ. Нахмурясь угрюмо, не сказавъ мнѣ ни слова, онъ обратился къ дамѣ и сквозь зубы назвалъ меня по фамильному имени. «Ахъ Боже мой! Ахъ какъ я рада! Какъ много наслышана объ васъ, какъ давно хотѣла съ вами познакомиться и, наконецъ, нечаянный случай, кажется, хочетъ насъ сблизить».

Библиотека "Руниверс"

Вотъ восклицанія дамы, на которыя едва успѣвалъ я отвѣчать поклонами. Надобно объяснить причины такихъ странностей.

Въ Новороссійскомъ краю всѣ знали, что у Грейга есть любовница Жидовка и что мало по малу, одна за другой, всѣ жены служащихъ въ Черноморскомъ флотѣ начали къ ней ѣздить, какъ бы къ законной супругѣ адмирала. Проѣзжимъ она не показывалась, особенно пряталась отъ Воронцова и людей его окружающихъ, только не по доброй волѣ, а по требованію Грейга. Любопытство на счетъ этой таинственной женщины было возбуждено до крайности, и отъ того узнали въ подробности всѣ происшествія ея прежней жизни. Также какъ Потоцкая, была она сначала служанкой въ Жидовской корчмѣ подъ именемъ Ліи, или подъ простымъ названіемъ Лейки. Она была красива, ловка и умѣніемъ нравиться наживала деньги. Когда прелести стали удаляться и доставляемые ими доходы уменьшаться, имѣла она уже порядочный капиталъ, съ которымъ и нашла себѣ жениха, прежнихъ Польскихъ войскъ капитана Кульчинскаго. Надобно было перемѣнить вѣру; съ принятіемъ св. крещенія, къ прежнему имени Лія прибавила она только литеру *ю* и сдѣлалась Юліей Михайловной. Черезъ нѣсколько времени, слѣдуя Польскому обычаю, она развелась съ нимъ и подъ предлогомъ продажи какого-то строеваго корабельнаго лѣса пріѣхала въ Николаевъ. Ни съ кѣмъ кромѣ главнаго начальника не хотѣла она имѣть дѣла, добилась до свиданія съ нимъ, потомъ до другаго и до третьяго. Какъ всѣ люди съ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, которые страшатся неудачъ, въ любовныхъ дѣлахъ Грейгъ былъ ужасно застѣнчивъ; она на двѣ трети сократила ему путь къ успѣху. Ей отмѣнно хотѣлось выказать свое торжество; изъ угожденія же гордому адмиралу, который стыдился своей слабости, жила она сначала уединенно и ради скуки принимала у себя мелкихъ чиновницъ; но скоро весь городъ или, лучше сказать, весь флотъ пожелалъ съ нею познакомиться. Она мастерски вела свое дѣло, не давала чувствовать оковъ ею наложенныхъ и осторожно шла къ цѣли своей, законному браку. Говорили даже, что онъ совершился и что у нихъ есть двое дѣтей; тогда не понимаю, зачѣмъ было такъ долго скрывать его.

Оправдываясь въ неумышленной нескромности, я слагалъ вину на слугу, а Юлія Михайловна сказала, что не бранить его, а благодарить должна. Самъ же Алексѣй Самойловичъ, видя мое учтивое, привѣтливое, хотя свободное, съ нею обхожденіе, началъ улыбаться и заставилъ у себя обѣдать. Въ ея наружности ничего не было Еврейскаго; кокетствомъ и смѣлостію она скорѣе походила на мелкопомѣстныхъ Польскихъ паней, такъ же какъ онѣ не знала иностранныхъ языковъ, а съ Польскимъ выговоромъ хорошо и умно выражалась по-русски. За

Библиотека "Руниверс"

столомъ сидѣлъ я между нею и адмираломъ. Неожиданно съ симъ послѣднимъ зашелъ у насъ разговоръ довольно серіозный. Рѣчь коснулась до завоевательницы и создательницы Новороссійскаго края, и онъ вспомнилъ, какъ въ послѣдній годъ ея царствованія, будучи только двадцати-двухлѣтнимъ лейтенантомъ, въ память великихъ заслугъ отца его, былъ онъ на все лѣто приглашенъ въ Царское Село, какъ она милостиво со всѣми и съ нимъ обходилась и какъ въ безпрестанномъ созерцаніи земнаго Божества можно было предугадывать и понимать вѣчное блаженство. Мнѣ не забыть разсказа всегда хладнокровнаго, малорѣчиваго Грейга; легкій румянецъ сталъ покрывать его блѣдное лицо; казалось, что камень разогрѣлся, раскалился отъ жара прекраснаго воспоминанія. Какое сладкое могущество эта женщина имѣла надъ людьми! Посидѣвъ еще нѣсколько времени послѣ обѣда, я хотѣлъ раскланяться съ хозяевами; но они не согласились проститься со мною, а требовали слова еще увидѣться; я далъ однако съ намѣреніемъ не сдержать его.

На другой день, 27-го, помаленьку я началъ сбираться въ дорогу, когда явился ко мнѣ курьеръ съ приглашеніемъ *Алексѣя Самойловича и Юліи Михайловны* пожаловать къ нимъ на вечеръ, балъ и маскарадъ 28-го числа. Мнѣ слѣдовало бы отказаться, вопервыхъ, потому что это былъ день кончины отца моего, вовторыхъ, что я два лишнихъ дня долженъ былъ потерять въ пути; но мнѣ не хотѣлось невниманіемъ платить за учтивость, да и любопытство увидѣть Николаевское общество во всемъ его блескѣ взяло верхъ надъ долгомъ. Дней за десять передъ тѣмъ видѣлъ я Одесское, но не могъ судить о великой разницѣ между ими, не будучи ни съ кѣмъ знакомъ. Мужчины нѣсколько пожилые и степенные, равно какъ и барыни ихъ, сидѣли чинно въ молчаніи; барышни же и офицерики плясали безъ памяти. Масокъ не было, а только двѣ или три костюмированныя кадрили. Женщины были всѣ одѣты очень хорошо и прилично по модѣ, и госпожа Юлія увѣряла меня, что она всѣхъ выучила одѣваться, а что до нея онѣ казались уродами. Сама она, нарядившись будто Магдебургской мѣщанкой, выступила сначала подъ покрываломъ; ее велъ подъ руку адъютантъ адмирала Вавиловъ, также одѣтый Нѣмецкимъ ремесленникомъ, который очень забавно передражнивалъ ихъ и коверкалъ Русскій языкъ. На лицѣ Грейга не было видно ни удовольствія, ни скуки, и онъ прехладнокровно расхаживалъ, мало съ кѣмъ вступая въ разговоры. Сильно возбудилъ во мнѣ удивленіе своимъ присутствіемъ одинъ человѣкъ въ Капуцинскомъ платьѣ; онъ былъ не наряженный, а настоящій Капуцинъ съ бородой, отецъ Мартинъ, католической капелланъ Черноморскаго флота, который, какъ мнѣ сказывали

Библиотека "Руниверс"

послѣ, тайно вѣнчалъ Грейга съ Юліей. Оттого при всѣхъ случаяхъ старалась она выставлять его живымъ доказательствомъ ея христіанства и законности ея брака; только странно было видѣть монаха на балѣ. Мнѣ было довольно весело, смотря на бо̀льшую часть веселящихся, которые казались совершенно счастливыми.

Наконецъ, 29-го по утру, вырвался я изъ Николаева. Послѣ легкаго мороза безъ вѣтра, примѣтно сдѣлалось теплѣе; солнце ярко засіяло; обрадуясь ему, пташки вились по воздуху и щебетаньемъ своимъ радовали мое сердце. Я сдѣлался умнѣе, сидѣлъ въ каретѣ, защищая глаза свои отъ частыхъ перемѣнъ погоды. Скоро пріѣхалъ я въ Херсонъ и на этотъ разъ хотѣлъ непремѣнно его осмотрѣть. Просторная комната низенькаго трактира, въ которой я остановился, имѣла для меня большую привлекательность: въ ней былъ воздухъ какимъ не дышалъ я всю эту зиму; она была вытоплена не по-новороссійски, такъ что въ одной рубашкѣ можно было по ней расхаживать. Подали мнѣ препорядочный обѣдъ, послѣ котораго прилегъ я отдохнуть и нечувствительно заснулъ. Когда я проснулся, начинало смеркаться, и пришелъ навѣстить меня бывшій мой сотрудникъ въ Бессарабіи, совѣтникъ Кармазинъ, старикъ, котораго Петрулинъ перетащилъ изъ Херсона и который, при мнѣ получивъ отставку съ хорошей пенсіей, возвратился въ него. Мы потолковали кой о чемъ, и я долженъ былъ до слѣдующаго утра отложить прогулку мою по городу. Погода за ночь опять измѣнилась, и сдѣлалось пасмурно и не холодно, хотя безъ оттепели. Улицы Херсона были правильны, а наружность его не красива и даже печальна. Древнія руины, какъ сильные бойцы, послѣ продолжительной борьбы съ людьми и стихіями устоявшіе, хотя лишенные членовъ и покрытые рубцами, а новыя строенія полуразрушенныя подобны трупамъ тощихъ юношей, обезображенныхъ смертію: вотъ что̀ являлось тогда въ Херсонѣ. Горазно пріятнѣе было мнѣ взглянуть на крѣпость, въ верстѣ отъ него находящуюся: тамъ все было сохранено и поддержано. Войдя въ соборъ, мнѣ хотѣлось увидѣть мѣсто, гдѣ положено было тѣло князя Потемкина; но мнѣ отвѣчали, что никто о томъ не знаетъ. Увѣряютъ, что, когда по приказанію Павла Перваго должно было вынуть останки основателя Херсона, тайно вырытъ былъ трупъ протопопа и вмѣсто Потемкина похороненъ гдѣ-то въ полѣ.

Воротившись домой обѣдать, 30 числа, я предпочелъ ѣхать въ Крымъ по другой дорогѣ болѣе короткой. Въ этомъ мѣстѣ мой родимый Днѣпръ не похожъ на самого себя, не широкъ и не узокъ: прежде превращенія своего въ лиманъ, онъ дѣлится на рукава и образуетъ семнадцать острововъ, между коими плаваніе хотя не опасно, но

Библиотека "Руниверс"

затруднительно и продолжительно; отъ того лѣтомъ рѣдко кто по этой дорогѣ ѣздитъ. Все было покрыто льдомъ въ эту зиму. Часа черезъ два пріѣхалъ я на противуположну, берегомъ Таврической губерніи, въ городъ Днѣпровскъ, бывшее селеніе Алешки, коимъ онъ и понынѣ называется. Была уже ночь, и меня привезли къ одному Татарину, зажиточнѣйшему изъ жителей. Мой пріѣздъ не очень долженъ былъ понравиться женскому полу; его тотчасъ куда-то запрятали. Черезъ полчаса пожаловалъ ко мнѣ городничій (стоило бы объ имени его спросить и его не запомнить) и объявилъ, что онъ счелъ долгомъ навѣстить пріѣзжаго товарища. Я немного удивился и чуть ли не обидѣлся, когда онъ прибавилъ: «вѣдь вы тамъ у себя, а мы здѣсь у себя градоначальники». Служить въ Новороссійскомъ краѣ и не знать разницы между званіями градоначальника и городничаго, это уже становилось забавно. Очень замѣтно было, что онъ даточный, безграмотный солдатъ, во время войны вышедшій въ офицеры и по праву раненаго получившій мѣсто. Нѣсколько времени потѣшился я необыкновеннымъ его невѣжествомъ, но наконецъ соскучился, безъ церемоніи сказалъ, что хочу спать и попросилъ любезнаго собрата оставить меня.

Хорошо, что я поѣхалъ въ каретѣ; ибо въ слѣдующее утро 31 числа сдѣлалось опять ужасно холодно и вѣтрено. Эта сторона, выходящая клиномъ между Днѣпровскимъ лиманомъ и Чернымъ моремъ, весьма богата, какъ увѣряютъ, пастбищными мѣстами, и отъ того многіе иностранцы и между прочимъ герцогъ Ангальтъ-Кетенскій владѣютъ ими и содержатъ мериносовъ и электоралей. Мнѣ было не до наблюденій: я не видѣлъ конца своему странствованію и гдѣ было можно скакалъ безъ памяти. Только что разсвѣтало, когда я пріѣхалъ на первую станцію Костогрызово, коей названіе мнѣ не полюбилось; не знаю почему, я видѣлъ въ немъ худое предвѣщаніе. Однако комната въ каменномъ станціонномъ домѣ была очень велика и очень высока, и въ ней по Русскому обычаю находились палати и огромная Русская печь. Не успѣлъ я оглядѣться, какъ вошелъ молодой морской офицеръ, весь посинѣвшій отъ холода, въ одной холодной шинели, изъ отпуска возвращающійся въ Севастополь. Надобно было видѣть, съ какимъ проворствомъ бѣднага вскочилъ на печь; оттуда, съ этой высоты, сказалъ онъ мнѣ, что за три дни передъ тѣмъ видѣлъ меня въ Николаевѣ на балѣ у Грейга. Я тамъ былъ пріѣзжій и, разумѣется, въ толпѣ его замѣтить не могъ. Мнѣ стало жаль его тѣмъ болѣе, что ему отказали въ лошадяхъ: по малому числу ихъ на этой малопроѣзжей дорогѣ всѣ были взяты подъ мои двѣ повозки. Я предложилъ ему чемоданъ свой положить въ мои сани, а самому сѣсть

Библиотека "Руниверс"

со мною въ карету. Только что хотѣлъ я тоже самое сдѣлать съ однимъ изъ двухъ сопровождавшихъ меня слугъ; въ такихъ случаяхъ тѣснота не бѣда, а умножаетъ только теплоту внутри экипажа. Онъ съ радостію и благодарностію принялъ спасительное мое предложеніе. Бесѣда съ незнакомымъ не могла быть для меня занимательна, но я чувствовалъ какой-то ужасъ среди окружающей меня замершей пустыни, и присутствіе одного лишняго человѣческаго лица уменьшало его. Отъ Днѣпровска до Перекопа девяносто верстъ. Я засвѣтло проѣхалъ сей послѣдній городъ и располагалъ ѣхать всю ночь; но не такъ-то случилось. Нѣсколько верстъ не доѣзжая до первой станціи за Перекопомъ, вѣтеръ завылъ грозящимъ голосомъ; наученный опытомъ, я опустилъ стекла и спросилъ у ямщика, не возвѣщаетъ ли это бурунъ (степной вихорь). Да, отвѣчалъ онъ съ примѣтнымъ испугомъ; кажется, быть бѣдѣ. Я предался волѣ Божіей, и тутъ опять она спасла меня. Жестокая вьюга совсѣмъ разьярилась, когда уже я былъ на мѣстѣ. Не весело было мнѣ ночевать точно въ погребѣ, хотя хорошо закутаннымъ, но дышать холоднымъ воздухомъ. Еще хуже меня, вѣроятно, провелъ эту ночь мой сопутникъ въ своей холодной шинели. Я мало заботился о немъ, а онъ бѣдняжка очень ухаживалъ за мною. Въ разстройствѣ духа, въ которомъ я почти два дни находился, забылъ я даже спросить о его имени.

Передъ разсвѣтомъ, 1 Февраля, утихла буря, и я пустился далѣе, только чувствовалъ начало сильной простуды. Часу въ четвертомъ пополудни пріѣхали мы въ Симферополь. Я далъ себя везти куда хотѣли, лишь бы не въ Одесской трактиръ, и попалъ, не знаю, въ какой-то низенькой домикъ съ тремя чистыми выбѣленными комнатами, только всю зиму не топленный; видно, я былъ безъ памяти, что согласился въ немъ остаться. Офицеръ мой простился со мною и уѣхалъ, спѣша поспѣть къ сроку отпуска; а я безъ всякой помощи, пока затопляли печи, лежалъ уже въ лихорадкѣ. Скоро однако явился спаситель, а читателю являются два лица, ему еще неизвѣстныя.

Нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Керчь отставной съ мундиромъ уланской ротмистръ Иванъ Алексѣевичъ Забѣлинъ и мнѣ очень полюбился. Получивъ послѣ отца богатое наслѣдство, онъ женился на красавицѣ и вышелъ въ отставку. Онъ былъ влюбленъ, она была щеголиха, мотовка, и разстройство дѣлъ скоро заставило его опять искать службы. У него было имѣньице близъ Ѳеодосіи, и его выбрали исправникомъ. Дѣятельность его, расторопность обратило на него вниманіе губернскаго начальства, и онъ опредѣленъ былъ полиціймейстеромъ въ Симферополь. Привязанность его къ женѣ, кажется, начинала уменьшаться, но не уменьшились ея требованія; а какъ она

Библиотека "Руниверс"

умѣла овладѣть имъ, то для удовлетворенія ихъ, какъ полагать должно, прибѣгалъ онъ къ средствамъ не совсѣмъ позволительнымъ. Онъ не рожденъ былъ для лихоимства, неискусные же въ немъ скоро попадаются въ петлю. Лишившись мѣста, отданъ былъ онъ подъ судъ; но какъ его всѣ любили, жалѣли объ немъ, то была надежда, что онъ скоро оправдается. Ему очень хотѣлось быть при мнѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и мнѣ также хотѣлось; но я объявилъ ему, что сіе невозможно, пока дѣло его не кончится въ судѣ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, поспѣшилъ онъ ко мнѣ и нашелъ меня, послѣ сильнаго озноба, въ жару, почти въ бреду: холодный воздухъ въ комнатахъ всегда производитъ на меня это дѣйствіе. Онъ сталъ меня упрашивать переѣхать къ нему, и я не имѣлъ силы отказаться.

Онъ жилъ даромъ въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ Татарскихъ мурзъ, посреди стараго города и его кривыхъ, грязныхъ улицъ. Мегмедъ-мурза-Крымтаевъ былъ въ своемъ родѣ великій чудакъ. Нижнее жилье дома своего, состоящее изъ пяти или шести комнатъ, занималъ онъ самъ. Въ немъ не было половъ, а глиной убитая земля, вся засѣянная табачною золою, заступала ихъ мѣсто; кругомъ были широкіе, низкіе диваны, покрытые изорванной матеріей; вездѣ пыль и паутина, неопрятность и скверный духъ. За то въ верхнемъ этажѣ все отдѣлано было по-европейски, стѣны оклеены красивыми бумажными обоями и всѣ мебели отличныя, выписныя. Тамъ изрѣдка принималъ онъ почетныхъ гостей, никого изъ нихъ не пуская внизъ, а на эту зиму уступилъ онъ сей этажъ четѣ Забѣлиныхъ, изъ дружбы къ мужу; злословіе говорило,—изъ любви къ женѣ. Вотъ куда я переселился! Скоро пріѣхалъ и докторъ Арндтъ, прописалъ мнѣ что-то; но теплый воздухъ комнатъ, я думаю, мнѣ болѣе помогъ, чѣмъ его лѣкарство.

На другой день, пришедъ немного въ себя, я почувствовалъ, что тутъ мнѣ неловко оставаться и на этотъ счетъ объяснился съ Забѣлинымъ, который просилъ меня не оставлять его по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи буду выѣзжать. Предобрѣйшій малый былъ этотъ Забѣлинъ; услуги свои оказывалъ онъ мнѣ не изъ какихъ либо видовъ: ибо мѣсто, о которомъ просилъ онъ меня, было уже занято Франкомъ. Черезъ часъ послѣ нашего разговора, явился и хозяинъ нашъ мурза въ полной формѣ. На немъ былъ богато изукрашенный серебряными тесемочками синій кафтанъ, а на шеѣ висѣла жалованная золотая медаль съ брилліантами. Онъ пришелъ просить меня, чтобы я почиталъ себя его гостемъ и не обидѣлъ его, отказываясь отъ предлагаемаго гостепріимства; все это было настроено Забѣлинымъ. Многіе смотрѣли на то съ худой стороны и между прочимъ вице-губернаторъ Лонгиновъ, за отсутствіемъ губернатора управлявшій губерніею, кото-

Библиотека "Руниверс"

рый велѣлъ мнѣ сказать, что какъ бы ни желалъ меня видѣть, не можетъ рѣшиться навѣстить живущаго у подсудимаго. На то поручилъ я отвѣчать ему, что не только охотно увольняю его отъ посѣщенія, но и своимъ не хочу возмутить его излишнюю деликатность.

Въ этомъ году подвижные праздники были ранѣе обыкновеннаго, и пятница на Масляницѣ пришлась 3 Февраля, черезъ два дни по пріѣздѣ моемъ. Климатъ и образъ жизни не допускали тутъ никакого сходства съ нашей Русской масляницей; никто не зналъ что̀ такое кататься съ горъ, о блинахъ тогда и помину не было, и не знаю даже, встрѣчались ли пьяные. Однако именно въ этотъ день на всѣхъ лицахъ написано было веселіе. Южное солнце одержало совершенную побѣду надъ бывшими непогодами; оно горѣло, озаряло водопады, образованные внезапно растаявшимъ снѣгомъ, которые быстро и шумно по всѣмъ покатостямъ неслись въ Салгиръ. Мнѣ чрезвычайно захотѣлось выѣхать, погулять, и гдѣ то достали коляску: были мѣста, гдѣ черезъ бурные потоки въ самомъ городѣ почти невозможно было проѣхать.

Безпрестанно препятствія. На другой день узнали, что по дорогѣ водой снесено множество мостиковъ и что овраги, ею наполнившись, превратились въ глубокія рѣчки. Поневолѣ надобно было отложить свой выѣздъ.

Принужденъ будучи остановиться, я сдѣлалъ нѣсколько посѣщеній и между прочимъ госпожѣ Нарышкиной, которая пригласила меня обѣдать 5-го числа, въ послѣдній день Масляницы Въ тотъ же день вечеромъ полюбопытствовалъ я взглянуть на костюмированный балъ въ такъ называемомъ Благородномъ Собраніи. Зала была немного повыше, пошире и подлиннѣе Керченской залы въ домѣ Кулисича. То, что̀ называютъ Таврическимъ дворянствомъ, на двѣ трети состоитъ изъ Татарскихъ мурзъ, и совершенное ихъ отсутствіе на этомъ балѣ меня удивило. Мнѣ сказали, что они никакъ не хотятъ ознакомиться съ обычаями Запада, и не знаю, осуждать ли ихъ за то. Мнѣ показали на танцующую въ Русскомъ сарафанѣ высокую и плотную дочь знаменитаго Палласа, и я смотрѣлъ на нее съ почтеніемъ къ памяти ея отца. Послѣ тутъ же сказали мнѣ что она только пріемышъ живущей въ Крыму вдовы знаменитаго Палласа, и что ей не слѣдовало бы присвоивать себѣ его славнаго имени. Я замѣтилъ на сіе, что по росту и дородству ея, по смѣлости пріемовъ и взглядовъ, надобно бы, по крайней мѣрѣ, дозволить ей называться Палладой.

Продолжаю мой дневникъ. Въ Понедѣльникъ 6-го числа воротился изъ Петербурга губернаторъ Нарышкинъ, о чемъ узналъ я вечеромъ. На другой день, пока я собирался къ нему, пріѣхалъ онъ самъ ко мнѣ, но можно сказать, только что повернулся. Онъ поспѣшилъ меня видѣть,

Библиотека "Руниверс"

сказалъ онъ, дабы доказать, что онъ не раздѣляетъ слишкомъ строгихъ правилъ вице-губернатора: видно, они съ нимъ начинали не ладить. На разспросы мои о Петербургѣ не хотѣлъ отвѣчать, увѣряя, что не имѣетъ времени, но готовъ удовлетворить любопытство мое, когда соглашусь на другой день пріѣхать къ нимъ обѣдать.

Погода всѣ эти дни постоянно была теплая, большія воды стекли, дорогу постарались починить, и 9-го числа отправился я изъ Симферополя. Въ Ѳеодосіи на полчаса завернулъ въ Богдановскому, потомъ немного поѣлъ, немного поспалъ и 10-го Февраля въ сумерки пріѣхалъ въ Керчь.

Встрѣчи на этотъ разъ мнѣ не было; доброжелателей своихъ не извѣстилъ я даже о точномъ времени моего пріѣзда. Недѣли за двѣ до выѣзда моего изъ Одессы писалъ я къ полиціймейстеру Щиржецкому, прося его нанять помѣсячно, будто для себя, каменный двухъ-этажный домъ отставнаго генералъ-маіора Каламары, который по близости отъ Керчи жилъ у себя на хуторѣ. Онъ построилъ домъ въ надеждѣ, что его будутъ нанимать градоначальники, но совсѣмъ отдѣлалъ его незадолго передъ тѣмъ какъ Богдановскій собирался оставить Керчь; я же не нанялъ его подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть сыръ; онъ оставался пустымъ, и хозяинъ за дешевую цѣну уступилъ его. Щиржецкій будто переуступилъ его мнѣ, и въ него были уже перевезены мои люди и вещи. Мнѣ не хотѣлось долѣе жить дàромъ и одолжаться Грекамъ; домъ же этотъ имѣлъ для меня особое удобство: онъ находился при самомъ въѣздѣ въ городъ со стороны Ѳеодосіи и даже былъ отдѣленъ небольшимъ пространствомъ отъ первыхъ его застроеній, такъ что я бы могъ, если бы хотѣлъ, и не заглядывать въ Керчь. Онъ былъ довольно просторенъ, исключая флигеля имѣлъ по шести комнатъ въ каждомъ этажѣ, и въ немъ помѣщались канцелярія моя и правитель ея Шкляренко. Сей послѣдній первый явился ко мнѣ и разсказалъ, какъ искусно умѣлъ онъ избѣгнуть малѣйшихъ непріятностей съ Синельниковымъ.

На другой день явились ко мнѣ главныя лица. Не показывая никакой ласки, принялъ я ихъ какъ слѣдовало вѣжливымъ образомъ; жителямъ же велѣлъ объявить, чтобы они безъ особой нужды, съ пустяками, подлежащими разбирательству полиціи, впередъ ко мнѣ не ходили. Имъ самимъ не очень хотѣлось встрѣчать всегда угрюмое чело мое.

Потерявъ надежду въ это время сдѣлаться моимъ преемникомъ и ожидая другаго болѣе удобнаго къ тому случая, Скасси изъ Петербурга не подзадоривалъ болѣе Грековъ, и они, склонивъ голову, сдѣлались тихи и послушны. Казенныя строенія пріостановлены до наступленія настоящей весны, никакихъ иностранныхъ судовъ въ портѣ не пока-

Библиотека "Руниверс"

зывалось, и я совсѣмъ почти безъ дѣла началъ вести жизнь покойную, уединенную, но признаюсь весьма скучную. И погода была тогда не весьма благопріятная; правда, еще до пріѣзда моего Босфоръ очистился отъ льда, коимъ покрытъ былъ болѣе трехъ недѣль и въ воздухѣ сдѣлалось тепло, но впродолженіи Февраля и большей части Марта небо оставалось мрачно и не рѣдко шли холодные дожди.

День Свѣтлаго Воскресенья совпадалъ (да простятъ мнѣ сіе слово, неологами введенное въ общее употребленіе) со днемъ Благовѣщенія 25-го Марта, и въ этотъ-то именно день была настоящая слякоть. Главные чиновники въ мундирахъ и Греки отправились въ соборъ, гдѣ богослуженіе было по-гречески; я же въ сюртукѣ пошелъ во временную церковь, неподалеку отъ меня въ большомъ каменномъ сараѣ устроенную, одними канцелярскими служителями наполненную, изъ коихъ нѣкоторые добровольно составили хоръ пѣвчихъ. Отслушавъ тамъ заутреню и обѣдню, не безъ труда по грязи воротился я домой, а по утру, сказавшись больнымъ, никого не принималъ.

Странное дѣло! Когда я не скрывалъ намѣренія своего оставить должность никто не хотѣлъ мнѣ вѣрить; а тутъ, когда я принужденнымъ нашелся лгать и увѣрять, что хочу всю жизнь посвятить Керчи, всѣ мнѣ повѣрили. И даже когда въ Апрѣлѣ получены были письма извѣщающія о моей будто отставкѣ, никто и слушать не хотѣлъ, называя это Апрѣльскими вѣстями. Между тѣмъ этотъ Апрѣль оживилъ меня, погода сдѣлалась опять чудесная, и родились заботы совсѣмъ новыя для меня въ своемъ родѣ.

Еще середь зимы пріѣхалъ въ Керчь неизвѣстно зачѣмъ любимецъ царскій, флигель-адъютантъ полковникъ Василій Алексѣевичъ Перовскій и по приглашенію, сдѣланному Скасси, остановился въ его домѣ. Когда меня о томъ увѣдомили, меня это немного потревожило; но вскорѣ послѣ получилъ я отъ него въ Одессѣ коротенькое письмо съ препровожденіемъ письма врученнаго ему ко мнѣ отъ Дашкова, который совѣтовалъ мнѣ на счетъ положенія моего откровенно съ нимъ объясниться. Въ отвѣтѣ моемъ къ нему не утерпѣлъ я, чтобы не говорить о предубѣжденіяхъ, которыя знакомство со Скасси должно было дать ему противъ меня. На это между прочимъ отвѣчалъ онъ мнѣ. «Возможно ли, чтобы, имѣя съ вами общихъ пріятелей, Дашкова и Жуковскаго, захотѣлъ я вредить вамъ? Я желалъ бы по возможности быть вамъ даже полезнымъ». Въ Мартѣ получилъ я наконецъ и письмо отъ графа Воронцова собственноручное, длинное, ласковое въ отвѣтъ на давно мною къ нему писанное. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ въ немъ: «Вы хотите меня оставить, и я долженъ исполнить ваше желаніе; а еслибы вы знали сколько копій принужденъ я былъ ломать

Библиотека "Руниверс"

за васъ съ однимъ здѣсь весьма сильнымъ человѣкомъ». Этотъ сильный человѣкъ не могъ быть иной какъ Нессельроде. На счетъ же обезпеченія существованія моего послѣ отставки выражался очень неясно.

Недолго Перовскій оставался въ Керчи: когда я воротился въ этотъ городъ, онъ находился въ Екатеринодарѣ, главномъ городѣ Черноморскихъ казаковъ. Тамъ наказнымъ атаманомъ былъ генералъ-лейтенантъ Власовъ, человѣкъ всѣми восхваляемый, но обвиняемый, преслѣдуемый доносами интриганта Скасси. Главною цѣлью путешествія Перовскаго, казалось, было изслѣдованіе поступковъ Власова, и къ счастію оно открыло ему истину съ помощью измѣнника Грека Хартулляри, подчиненнаго Скасси, котораго онъ бралъ съ собой. Въ началѣ Апрѣля Перовскій былъ уже въ Тамани, и у насъ черезъ проливъ началась дѣятельная, собственноручная, ото всѣхъ тайная съ нимъ переписка.

Я узналъ, впрочемъ подозрѣвая то и прежде, что вскорѣ и въ моемъ сосѣдствѣ должны начаться военныя дѣйствія. Собравъ небольшой отрядъ войска, порученный его начальству, Перовскій спряталъ его за камышами Кубани, и для перехода черезъ эту рѣку и нападенія на Анапу, дожидался только появленія флота, который атаковать долженъ былъ крѣпость со стороны Чернаго моря. Приготовленія къ симъ дѣйствіямъ, доставленіе ему съѣстныхъ припасовъ и мѣры осторожности, дабы не узнали о томъ непріятели, были содержаніемъ нашей секретной переписки. Согласно съ его письмами и по собственному усмотрѣнію, дѣйствовалъ я довольно самовластно. Напримѣръ, двухъ Армянъ, пріѣзжавшихъ изъ Анапы и выдержавшихъ карантинный срокъ, оказавшихся впослѣдствіи лазутчиками, велѣлъ я задержать и не пускать въ обратный путь. У моихъ любезныхъ Татаръ, рыболововъ, называемыхъ тутъ забродчиками, велѣлъ отобрать всѣ лодки, дабы прекратить имъ всякое сообщеніе съ противоположной стороной. Это ихъ чрезвычайно прогнѣвало, и чрезъ то на время остановлена была вся рыбная ловля. Чуя приближеніе грозы, которая впрочемъ не надъ ними должна была разразиться, жители Керчи почитали себя какъ бы въ осадномъ положеніи и безъ ропоту повиновались.

Не знаю, право, изъ чего я мучилъ такъ животъ свой, когда частнымъ образомъ былъ увѣдомленъ о назначеніи на мое мѣсто новаго градоначальника. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга Воронцова, прибывшаго 28 Марта въ Одессу, было подписано нѣсколько указовъ 12 Марта. Однимъ изъ нихъ графъ Паленъ уволенъ отъ должностей настоящей и временной; о предназначеніи его предсѣдателемъ дивана княжествъ Молдавскаго и Валахскаго, разумѣется, ни слова не сказано. На его мѣсто въ Одессу градоначальникомъ переведенъ изъ Ѳеодосіи

Библиотека "Руниверс"

Богдановскій, а на мѣсто послѣдняго назначенъ въ Ѳеодосію Казначеевъ. Были еще нѣкоторыя перемѣщенія: Бессарабскій Тимковскій по всей справедливости безжалостно отставленъ, безо всякаго содержанія, а на его мѣсто назначенъ какой-то Тургеневъ, который никогда къ должности не пріѣзжалъ и, чего-то испугавшись, тотчасъ подалъ въ отставку. На мѣсто новаго знакомаго моего Екатеринославскаго Свѣчина, отставленнаго безъ просьбы и безъ вины, опредѣленъ мой добрый знакомый Харьковскій Донецъ-Захаржевскій. Наконецъ, отъ того же числа Керчь-Еникальскимъ градоначальникомъ сдѣланъ Иванъ Алексѣевичъ Стемковской, о которомъ буду говорить послѣ. А обо мнѣ въ указѣ не упомянуто ни слова, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было.

Тогда въ гражданскихъ дѣлахъ не было такого быстраго исполненія какъ нынѣ. Для соблюденія всѣхъ формальностей Сенату нужно было дней двѣнадцать, а иногда и недѣли двѣ; когда же встрѣтятся большіе праздники, то и болѣе. Экстра-почта изъ Петербурга въ Одессу ходила тогда въ восемь дней, и оттуда уже по разнымъ мѣстамъ разсылались для исполненія Высочайшіе указы: вотъ отчего я такъ поздно получилъ оффиціальное извѣщеніе о назначеніи Стемковскаго. А между тѣмъ, вѣроятно, по ошибкѣ изъ Петербурга бумаги приходили на мое имя, и между прочимъ предписаніе министра финансовъ о наложеніи амбарго 25 Апрѣля на всѣ Турецкія суда (а ихъ ни одного не было), ибо въ этотъ день должны начаться военныя дѣйствія.

Такъ какъ въ указѣ я не былъ названъ, то по порученію Воронцова приглашали меня не спѣшить отъѣздомъ и сдачею должности; Стемпковской также изъ Одессы писалъ ко мнѣ и упрашивалъ дождаться его пріѣзда. Тутъ, кажется, мѣсто начертать краткую его біографію. Сынъ бѣднаго дворянина и племянникъ жены коменданта генерала Коблѐ, онъ находился при ней въ Одессѣ, когда Ришельѐ пріѣхалъ начальствовать въ этотъ городъ. Дюку мальчикъ полюбился, онъ воспиталъ его, опредѣлилъ въ службу, взялъ къ себѣ въ адъютанты и дѣятельно употреблялъ по службѣ. Можно сказать, что Стемпковской выросталъ вмѣстѣ съ Одессой и принималъ участіе въ устройствѣ новаго портоваго города. Свѣтская образованность была въ немъ отличная, а ученость его по археологической части простиралась до того, что онъ былъ избранъ членомъ Французскаго Института. Въ Парижѣ, въ 1818 году, познакомился я съ нимъ: въ чинѣ полковника числился онъ тогда по арміи и изъ особой любви и уваженія Государя къ состоящему также по арміи генералу Ришельѐ оставленъ былъ при немъ. Умирая, дюкъ завѣщалъ ему все, что̀ имѣлъ въ Россіи, хорошую аренду, городской домъ и хуторъ въ Одессѣ и на Южномъ берегу Крыма дачу Гурзуфъ. Возвратившись въ отечество, онъ нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ поносилъ еще эполеты, а потомъ перешелъ въ штатскую службу, но не имѣлъ мѣста. Что̀ сказать мнѣ еще для изображенія его? Наружность имѣлъ онъ пріятную, а характеръ кроткій и твердый, то есть истинно благородный. Вотъ, наконецъ, выборъ Воронцова, который можно назвать дѣйствительно счастливымъ. Ланжеронъ и Скасси сказали: наша взяла, и какъ они опять ошиблись!

Ничто не останавливало меня въ Керчи. Не то было время, чтобы Греки могли зазнаться передо мной; одинъ только Синельниковъ поднялъ носъ въ нетерпѣніи, хотя временно, заступить мое мѣсто. Съ равнымъ нетерпѣніемъ и я ожидалъ 25 Апрѣля. Меня весьма забавляла мысль, что я будто участвую въ военныхъ подвигахъ, и мнѣ хотѣлось ихъ довершить самымъ важнымъ. Въ 45 верстахъ отъ Керчи находится высокая Апухъ-гора, выдвинутая въ море, и съ нея, хотя въ тускломъ отдаленіи, но простыми глазами, можно видѣть Анапу; въ зрительную же трубку можно сосчитать всѣ строенія этой крѣпости. Будучи предувѣдомленъ, что въ вышеозначенное число нашъ флотъ придетъ атаковать ее, мнѣ желательно было воспользоваться единственнымъ случаемъ посмотрѣть на сраженіе изъ безопаснаго мѣста, какъ бы изъ ложи на театральное зрѣлище. Для того по дорогѣ къ горѣ разставлены были у меня казаки съ приказаніемъ, лишь только завидятъ корабли, прискакать меня о томъ увѣдомить.

Дней двѣнадцать какъ всѣ читали въ газетахъ о назначеніи мнѣ преемника, и болѣе недѣли указъ о томъ находился у меня въ рукахъ; а я все медлилъ объявить его. Никто не могъ понять причины такого упорства, и стали подозрѣвать тутъ великую тайну. Между тѣмъ 25-го Апрѣля прошло, и не было никакихъ извѣстій съ Апухъ-горы; Перовской стоялъ притаившись за Кубанью, а флотъ, на которомъ находились князь Меншиковъ и Грейгъ, былъ удерживаемъ противными вѣтрами.

Долѣе 1-го Маія, мнѣ рѣшительно нельзя было оставаться. Въ этотъ день вечеромъ подписалъ я самъ себѣ подорожную до Ѳеодосіи, все еще по званію градоначальника, и потомъ бумагу Синельникову, которою, извѣщая его объ отъѣздѣ моемъ, будто въ округъ, поручаю ему исправленіе моей должности, ни словомъ не упомянувъ Стемпковскаго. Для прощанья посѣтили меня въ тотъ же вечеръ два доброхота моихъ, Щиржецкій и Гудимъ-Левковичъ; мы слышали въ это время шумъ множества фузей, пущенныхъ съ Керченскихъ пригорковъ прибывшими сухимъ путемъ морскими офицерами. Они должны были участвовать въ экспедиціи и радостно привѣтствовали приближеніе ея.

Очень рано по утру, 2-го Маія, простился я съ Шкляренкой и шелъ садиться въ карету, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ извѣ-

Библиотека "Руниверс"

стіемъ, что флотъ показался. Но увы! уже было поздно, ибо еще наканунѣ отправилъ я бумагу къ Синельникову. На первой станціи узналъ я нѣчто для меня любопытное. Въ околоткѣ всѣ знали о городскихъ несогласіяхъ, и смотритель смѣясь объявилъ мнѣ, что еще наканунѣ вечеромъ Скасси пріѣхалъ изъ Петербурга съ важными порученіями; но, узнавъ, что я нахожусь еще въ городѣ, туда не поѣхалъ, а остановился въ двухъ верстахъ отъ него у себя на хуторѣ.

Въ Ѳеодосію пріѣхалъ я къ самому обѣду и въѣхалъ прямо ко вновь прибывшему градоначальнику Казначееву, который убѣдилъ меня на нѣсколько дней остаться у него. Мнѣ и самому хотѣлось, ибо по сдѣланному согласію ожидалъ я вѣстей изъ Керчи, какъ о начатіи военныхъ дѣйствій, такъ и о томъ, что происходило въ этомъ городѣ въ первые дни послѣ отъѣзда моего. Гудимъ увѣдомилъ меня, что въ тоже утро, 2 Маія, когда узнали объ отъѣздѣ моемъ и о прибытіи Скасси, всѣ въ мундирахъ (и онъ въ томъ числѣ изъ любопытства) отправились къ нему на поклоненіе. Великій мужъ, покровитель Керченской торговли, принялъ ихъ ласково и величаво. Привѣтственную рѣчь произнесъ краснорѣчивый Синельниковъ; она ограничилась ругательствами на меня; Скасси въ молчаніи выслушалъ ее съ одобрительной улыбкой. Потомъ стали умолять его удостоить городъ своимъ пребываніемъ въ немъ, тѣмъ болѣе, что онъ очищенъ отъ моего присутствія; на это послѣдовало милостивое согласіе. Какія были у него порученія и какъ исполнилъ онъ ихъ, увидимъ мы послѣ *).

Мнѣ отставному спѣшить было не къ чему, и я дней пять оставался въ Ѳеодосіи. Куда мнѣ сперва было ѣхать, если не прямо въ Москву. Но Казначеевъ, испытавшій на себѣ незлопамятность Воронцова, убѣдилъ меня, сдѣлавъ небольшой крюкъ, отправиться къ нему въ Одессу, дабы съ его помощію устроить дѣла свои на будущее время. Туда же ожидали Государя съ Императрицей, и онъ могъ имѣть удобный случай доложить обо мнѣ. Я выѣхалъ 7-го, а 9-го, въ Николинъ день, пріѣхалъ въ Симферополь.

---

*) Такъ какъ мнѣ не придется болѣе говорить о моихъ Керченскихъ другахъ и недругахъ, то здѣсь хочу сказать нѣсколько словъ о ихъ участи. Высокое образованіе не могло сойтись съ самымъ грубымъ варварствомъ; Синельниковъ не могъ ужиться со Стемпковскимъ; если у него былъ недостатокъ въ умѣ и знаніи, за то въ храбрости былъ избытокъ. Онъ вступилъ опять въ военную службу на Кавказѣ, получилъ Георгіевскій крестъ, генералъ-маіорской чинъ и вскорѣ потомъ убитъ въ сраженіи съ горцами. Гудимъ давно уже управляющимъ Херсонскою Палатою Государственныхъ Имуществъ. Щиржецкой вскорѣ послѣ меня переведенъ непремѣннымъ членомъ Екатеринославскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, но скоро потомъ умеръ. За Шкляренко долго благодарилъ меня Стемковской въ письмахъ своихъ, называя его драгоцѣннымъ наслѣдствомъ, мною оставленнымъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ находится правителемъ канцеляріи Смоленскаго и Бѣлорусскаго генералъ-губернатора и, кажется, управляетъ губерніями.

Библиотека "Руниверс"

По предварительному предложенію моего добраго мурзы, Мегметъ-Крымтаева, чрезъ Забѣлина, остановился я опять у него. Помѣщеніе было для меня удобное, но лѣтомъ оно не отличалось благовоніемъ. Мнѣ хотѣлось было взглянуть на Южный берегъ, который я не видалъ и о которомъ такъ много слышалъ; но потребовалось бы на то довольно времени, а я его и такъ уже много истратилъ, и я довольствовался двумя поѣздками по близости къ Симферополю.

Первую дѣлалъ я за 15 верстъ, по дорогѣ къ Чатырдагу и морю, въ имѣніе моего хозяина мурзы, называемое Магмудъ-Султанъ, гдѣ находится источникъ Салгира. Надобно было сперва карабкаться верхомъ по высокой и крутой горѣ, а съ вершины ея пѣшкомъ спускаться потомъ въ каменную воронку, цѣпляясь за бока ея. На днѣ ея бьетъ съ чрезвычайной быстротой природный водометъ, пробивается сквозь камни и, выходя изъ ущелья, образуетъ рѣчку. Немного тяжела показалась мнѣ эта поѣздка, за то зрѣлище увидѣлъ я любопытное.

Другую поѣздку сдѣлалъ я за 30 верстъ, въ Бахчисарай, съ которымъ въ цѣлой обширной Россіи всѣхъ познакомили стихи Пушкина. Въ лощинѣ лежитъ городъ, то есть одна улица, длиною болѣе версты; на ней все жарится и варится, все шьется и прядется, но она своей Азіатской физіогноміей не могла меня поразить послѣ Карасу-Базара и старой части Акмечети. На самомъ концѣ улицы, изъ которой нѣтъ выѣзда, находится нѣчто въ видѣ нашихъ древнихъ Московскихъ монастырей; каменная ограда, широкіе ворота, а надъ ними башня и нѣсколько келій, наружу выходящихъ; это знаменитый ханскій дворецъ. Онъ одинъ привлекаетъ сюда вниманіе путешественниковъ и заслуживаетъ его. Благодаря стараніямъ Воронцова, забытый сей дворецъ исправленъ былъ заново; позолота, живопись были подновлены, даже покрыты тканями, нарочно заказанными въ Царьградѣ по обращикамъ прежнихъ изорванныхъ кусковъ, и я могу сказать, что нашелъ его въ томъ видѣ, въ которомъ оставили его ханы.

На все это достаточно мнѣ было трехъ дней. Въ Симферополѣ я почти ни съ кѣмъ не видѣлся; лѣтомъ обыкновенно этотъ городъ пустѣетъ: зажиточные жители и нѣкоторая часть изъ служащихъ переселяются въ прекрасныя, садами наполненныя долины Альмы, Качи и Бельбека. Тогда начинали уже жить и на Южномъ берегу, и между прочими тамъ находился губернаторъ Нарышкинъ съ семействомъ.

Вечеромъ, 12 Маія, поскакалъ я опять, но нигдѣ не останавливаясь на сей избитой уже мною дорогѣ, ни въ Перекопѣ, ни въ Берославѣ; по утру 14-го поспѣлъ я въ Херсонъ. Дорога была сухая и гладкая; начинались и жары, однакоже еще весьма сносные. На одинъ часъ остановился я, чтобы въ дорожномъ платьѣ увидѣть вновь опре-

Библиотека "Руниверс"

дѣленнаго и вновь прибывшаго Херсонскаго вице-губернатора, роднаго брата Дашкова, Андрея Васильевича.

Отъ него узналъ я много важныхъ вѣстей, по большому отдаленію до насъ въ Крымъ еще не дошедшихъ. Въ самый день начатія военныхъ дѣйствій и отъѣзда Государя изъ столицы, 25 Апрѣля, послѣдовали великія перемѣны въ министерствахъ: всѣ старики были уволены. Еще въ Сентябрѣ, нетерпѣливый, бѣшеный князь Лобановъ, при товарищѣ находя положеніе свое стѣсненнымъ, бросилъ Министерство Юстиціи; на его мѣсто назначенъ управляющимъ министерствомъ товарищъ его, князь Долгоруковъ. Графа Татищева, кажется, понудили подать въ отставку: на его мѣсто опредѣленъ военнымъ министромъ извѣстный своимъ фанфаронствомъ Чернышовъ; ему же на время отсутствія Дибича въ армію поручено и начальство надъ главнымъ штабомъ. Старцы, Ланской и Шишковъ, изъ коихъ первый былъ еще довольно бодръ, получили тайное приглашеніе также просить объ увольненіи отъ должностей. На мѣсто перваго сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ прежней должности, Финляндской генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Закревской, о которомъ много говорено въ началѣ сей части Записокъ. На мѣсто послѣдняго, бывшій долго въ отставкѣ, генералъ-лейтенантъ князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ, попечитель Дерптскаго университета. О дѣйствіяхъ сихъ господъ придется, можетъ быть, мнѣ много говорить.

Пріятнымъ образомъ изумило меня и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько смутило назначеніе статсъ-секретаря Блудова въ должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, съ оставленіемъ его товарищемъ министра просвѣщенія. Ливенъ былъ протестантъ и самый усердный, а только православный могъ завѣдывать дѣлами иновѣрцевъ, дабы не давать предпочтенія одной религіи передъ другой. Для того эта часть, въ видѣ особаго министерства, опять отдѣлена была отъ Народнаго Просвѣщенія, какъ было то сначала при Голицынѣ. Но зачѣмъ было при этомъ случаѣ не произвесть Блудова въ тайные совѣтники? Это и сдѣлано нѣсколькими мѣсяцами позже. Когда гдѣ-нибудь установится какой-нибудь порядокъ и нѣсколько поколѣній привыкнутъ къ нему, то зачѣмъ безъ всякой нужды нарушать его? Всѣ увидѣли въ томъ совершенное измѣненіе всего существовавшаго со временъ Петра Великаго: разрывъ чиновъ съ мѣстами. И мало ли что послѣ увидѣли! *).

---

*) Одна Московская дама спросила у одного Англійскаго путешественника, какой чинъ имѣетъ Питтъ? Тотъ никакъ не умѣлъ отвѣчать ей на это. Тогда генеральство ѣздило цугомъ, а штабъ-офицеры четверней. Ну, сколько лошадей запрягаетъ онъ въ карету? спро-

Библиотека "Руниверс"

На нѣсколько часовъ для отдохновенія остановился я въ Николаевѣ, у моихъ добрыхъ сестеръ-хозяевъ, которыя мнѣ обрадовались и меня успокоили. Городъ былъ совершенно пустъ; флотскіе всѣ были на морѣ, а изъ чиновниковъ и жителей, кто только могъ, поскакалъ въ Одессу, чтобы взглянуть на царскую чету. Даже сама Юлія Михайловна и полицеймейстеръ Ѳедоровъ были въ отлучкѣ.

Ни одного человѣческаго лица не встрѣтилъ я на Одесскихъ улицахъ, когда 15 Маія, въ четыре часа по полудни, чрезъ Херсонскую заставу въѣхалъ я въ этотъ городъ. Между тѣмъ вдали слышанъ былъ звонъ колоколовъ и вслѣдъ за тѣмъ пушечная пальба. Все народонаселеніе хлынуло къ противоположной Тираспольской заставѣ, чтобы встрѣтить Государя. Ихъ Величества, проѣхавъ сквозь шумныя толпы, остановились во вновь богато и прихотливо отдѣланномъ домѣ графа Воронцова, надъ самымъ моремъ. Лишь только Императрица вышла на балконъ, Воронцовъ махнулъ платкомъ, и по этому сигналу началась ужасная трескотня со всѣхъ военныхъ и купеческихъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, равно какъ и съ батарей, окружающихъ карантинъ. Въ сію минуту подъѣзжалъ я къ отелю Сикара, въ которомъ взяли съ меня за комнаты не такъ дорого, какъ я ожидалъ; ибо пріѣзжихъ не было столь много, какъ сказывали. Какъ рѣзокъ показался мнѣ переходъ отъ пустоты и молчанія къ шуму и суетѣ народной! Удивительнымъ могло показаться и то, что въ этой части лѣтомъ ужасно пыльной Одессы не было ни пылинки: казалось, что хотѣли исчерпать море, чтобы увлажить улицы, чрезъ кои Царю надлежало проѣзжать.

Только и рѣчей было тогда, что о царскомъ путешествіи да о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Неизлишнимъ считаю повторить здѣсь мною слышанное. Государь, какъ сказалъ я выше, выѣхалъ изъ Петербурга 25 Апрѣля и отправился прямо къ арміи въ Бессарабію; въ тотъ же день выѣхала Императрица и путешествовала медленнѣе до Бендеръ, гдѣ могла ожидать новыхъ распоряженій. Тутъ случилось нѣчто забавное. Около этого времени управлялъ областію Бессарабской вице-губернаторъ Фирсовъ, мой преемникъ; но вслѣдствіе не грознаго, а язвительнаго письма отъ Воронцова заболѣлъ и внезапно умеръ. Тогда должность губернаторская перешла въ руки преждерѣченнаго предсѣдателя Уголовнаго Суда Курика, человѣка самолюбиваго, безтолковаго, суетливаго, которому представился случай выказать себя. Онъ узналъ, что Государь намѣренъ изъ Измаила отправиться въ Бен-

---

сила она. Обыкновенно ѣздитъ парой, отвѣчалъ онъ. «Ну, хороша же великая держава, у которой первый министеръ только что капитанъ», замѣтила она. Многіе и понынѣ готовы еще такъ думать.

Библиотека "Руниверс"

деры, дабы неожиданнымъ пріѣздомъ обрадовать Императрицу. Ему изъ усердія захотѣлось предупредить Ея Величество; для того послалъ онъ особаго чиновника курьеромъ съ донесеніемъ о томъ, и когда Царь прибылъ, то нашелъ, что его уже ожидали. Можно представить себѣ его гнѣвъ, какъ онъ былъ раздраженъ такою глупою смѣлостію! Послѣ этого, разумѣется, Курикъ не могъ долго остаться на мѣстѣ *). Пробывъ менѣе сутокъ въ Бендерахъ, Государь вмѣстѣ съ супругою 15 Маія имѣлъ въѣздъ въ Одессу.

Извѣстія о малочисленномъ дворѣ, тогда въ Одессѣ находившемся, имѣлъ я почти ежедневно отъ Анны Петровны Юшковой, родственницы и пріятельницы Жуковскаго, вышедшей за Англо-Американца Зонтага, который былъ тогда капитаномъ надъ Одесскимъ портомъ. По рекомендаціи Жуковскаго, Государыня поручила ей преподаваніе иностранныхъ языковъ, равно какъ и Русскаго, маленькой еще дочери своей Маріи Николаевнѣ, ее сопровождавшей. Дитя не очень приневоливали учиться; но г-жа Зонтагъ своею ластительностію умѣла какъ-то привлекать ее къ ученію, что́, кажется, очень понравилось.

Военныя дѣйствія ограничивались пока переходомъ войскъ черезъ Дунай у Сатунова, да по сю сторону Дуная осадой Браилова. Михаилъ Павловичъ тутъ съ гвардіей блистательнымъ образомъ хотѣлъ начать свое военное поприще. Россія дорого заплатила за первый его знаменитый подвигъ. Наскучивъ продолжительной осадой, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ взялъ онъ штурмомъ эту крѣпость. Говорятъ, онъ плакалъ при видѣ великаго множества убитыхъ, изувѣченныхъ молодцовъ-гвардейцевъ, какъ ребенокъ, у котораго переломали его игрушки, солдатиковъ его.

Болѣе всего, конечно, занимало меня мое собственное дѣло. Дни три-четыре Воронцовъ былъ неуловимъ для меня: онъ какъ тѣнь слѣдовалъ за Государемъ; наконецъ, мнѣ удалось его найти. Онъ встрѣтилъ меня ласками и проводилъ обѣщаніями, настоящаго же толку я никакъ не могъ добиться.

---

*) Еще прежде этой продѣлки Курика, Воронцовъ позаботился въ это критическое время о порученіи Бессарабской области вѣрному и надежному человѣку. По его избранію управляющимъ на время войны назначенъ приверженецъ его, Таганрогскій градоначальникъ Дунаевъ, съ сохраненіемъ прежней должности. Онъ пріѣхалъ въ Одессу въ одно время со мной, и я имѣлъ случай мимоходомъ съ нимъ познакомиться. Онъ мнѣ показался тоже человѣкомъ армейскимъ, но гораздо болѣе смышленымъ, чѣмъ Богдановскій. Пребываніе въ Таганрогѣ покойнаго Императора, его болѣзнь, кончина, потомъ пребываніе Императрицы отъ начала осени до весны, поставили его въ необычное тревожное состояніе, отъ котораго едва могъ онъ отдохнуть. Управленіе Бессарабіей довершило разстройство его разсудка; въ концѣ, кажется, этого года онъ сошелъ съ ума и вскорѣ потомъ умеръ.

Библиотека "Руниверс"

Къ неописанной радости моей, пріѣхалъ въ Одессу Дашковъ. Въ званіи статсъ-секретаря сопровождалъ онъ Государя, а по совершенному знанію дѣлъ Востока, во время этой кампаніи, былъ ему чрезвычайно полезенъ своими свѣдѣніями. Въ продолженіи немногихъ дней, что́ онъ тутъ оставался, каждый день раза по два видѣлся я съ нимъ. Отъ него узналъ я, что Воронцовъ будто по волѣ Государя, препроводилъ просьбу мою въ Комитетъ Министровъ, гдѣ, какъ дѣло неважное, при множествѣ другихъ, оно залежалось. По сдѣланной однако справкѣ наканунѣ отъѣзда его, Комитетъ положилъ причислить меня въ герольдіи, съ производствомъ трехъ тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, впредь до опредѣленія меня къ другой должности; это бы меня совершенно удовлетворило, и болѣе я требовать не могъ. Но, дабы кончить тутъ же скучный разсказъ о дѣлѣ моего увольненія, прибавлю, что положеніе Комитета, отправленное въ армію, въ Іюлѣ мѣсяцѣ получило всемилостивѣйшее утвержденіе, съ тою только разницею, что вмѣсто трехъ тысячъ содержанія велѣно мнѣ выдать ихъ единовременно, въ видѣ пособія. Со мною все дѣлалось не по людски.

Нашелъ я и Стемковскаго, который, по увѣреніямъ его, дожидался меня. Много бесѣдовали мы съ симъ безпристрастнымъ и благонамѣреннымъ человѣкомъ. Я сообщилъ ему все что̀ зналъ о Керченскихъ дѣлахъ. Они отчасти и ему были извѣстны; хорошо зналъ онъ и Скасси, и очень хорошо понималъ его. Хотя онъ дотолѣ находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не менѣе того, приготовляясь къ оборонительной войнѣ, при мнѣ отправился онъ во ввѣренный ему градъ.

Кажется, давно ли оставилъ я Одессу, а какъ много изъ зимнихъ моихъ знакомыхъ не нашелъ я въ ней! Ланжеронъ какъ-то приплелся къ арміи, гдѣ и безъ него было такъ много главныхъ начальниковъ и полныхъ генераловъ. Паленъ отправился на предсѣдательство въ Бухарестъ и имѣлъ неосторожность правителемъ дѣлъ взять съ собою алчнаго земляка Брунова, въ чемъ послѣ много долженъ былъ раскаиваться. Передъ отъѣздомъ сдѣлалъ онъ другой промахъ: палъ къ ногамъ Ольги Нарышкиной, умоляя ее развестись съ мужемъ и выдти за него; она расхохоталась и указала ему двери. Собаньская старалась казаться веселою, любезною; но изъ самыхъ насмѣшекъ ея могъ я замѣтить глубокую досаду, видя, что, по праву чина, шутиха ея, дѣйствительная статская совѣтница Кирико́ съ дочерьми представлялась Императрицѣ, а ей къ тому и слѣда не было. Вотъ все что̀ на этотъ разъ могу сказать я объ Одессѣ, въ которой самъ не знаю зачѣмъ, безъ всякой для себя пользы, прожилъ я двѣ недѣли.

Разставаясь съ Новороссійскимъ краемъ надолго, можетъ быть навсегда, на прощаньи мнѣ желательно въ послѣдній разъ о выгодахъ

Библиотека "Руниверс"

его для Россіи объяснитъ мнѣніе мое, плодъ пятилѣтнихъ наблюденій, иногда ошибочныхъ, но впослѣдствіи исправленное болѣе зрѣлыми размышленіями.

Отъ Иртыша и Амура до Китайской стѣны, отъ рѣки Урала до Хивы, Заволжье до Каспійскаго моря, Донскія равнины до Азовскаго моря и Кавказа, все это одна неизмѣримая степь, огромное кочевье, чрезъ кое густыми толпами неоднократно протекалъ человѣческій родъ. Иногда онъ останавливался, живалъ и живетъ и понынѣ; но нельзя сказать, чтобы онъ когда либо населялъ сію пустыню, ибо никогда и нигдѣ прочныхъ жилищъ въ ней не основывалъ. Не одна страсть къ подвижной жизни, а болѣе естественныя причины тому препятствовали. Новороссійскими губерніями до впаденія Прута въ Дунай дополняется и заключается сія цѣпь пустошей. Великое пространство отъ Тихаго океана вплоть до Чернаго моря можно почитать предѣломъ, раздѣляющимъ двѣ части свѣта, долженствующимъ навсегда отдѣлять Россію отъ настоящей Азіи.

Но еще въ отдаленныя отъ насъ времена, приблизясь къ сему рубежу, Русскіе съ оружіемъ въ рукахъ далеко проходили за него, когда въ сей Западной степи властвовали попеременно Печенѣги, Хазары и Половцы. Рано или поздно суждено ей было сдѣлаться ихъ достояніемъ. Гораздо послѣ, по завоеваніи уже Сибири, приблизились они и къ Восточной, болѣе расширенной части степей, но до настоящаго времени вооруженной рукой не пытались въ нее проникнуть.

Неподалеку отъ Украины, за степями, былъ прекрасный уголокъ, очень извѣстный еще древнимъ. Просвѣщенные Греки, послѣ нихъ промышленные Генуэзцы построили въ немъ города, завели въ немъ торговлю, обогатили и украсили его. Геологи полагаютъ, что Крымскія степи нѣкогда были покрыты моремъ; соляныя озера, солончаки и самые роды растеній подкрѣпляютъ сію догадку. Вслѣдствіе какого нибудь сильнаго переворота на земномъ шарѣ вода вѣроятно утекла въ Азовское море, прорвала цѣпь Кавказскихъ горъ, гдѣ нынѣ Керченскій проливъ, и соединила его съ Чернымъ моремъ. Оторванный отъ Кавказа лоскутъ горъ всей странѣ далъ названіе Тавриды, ибо Тавръ значитъ гора. Сею страною овладѣли, наконецъ, Татары и превратили ее въ логовище, откуда сіи хищные звѣри устремлялись на добычу. Екатерина задумала сіе природой облаготворенное мѣсто вырвать изъ варварскихъ рукъ и подарить имъ Россію; смѣлый искусный, дальновидный Потемкинъ помогъ ей въ томъ. Оба были увѣрены, что прелести южнаго Крыма заманятъ большое населеніе, привлекутъ и большіе капиталы, коихъ сами не щадили. Въ сихъ пріят-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ мечтахъ умеръ Потемкинъ, а она успѣла еще увидѣть, что ожиданія ея были тщетны.

И неудивительно ли, когда жители Сѣвера, и особенно изъ нихъ просвѣщенный классъ, чувствуютъ столь сильное влеченіе къ Югу? Англичане, когда всеобщій миръ то дозволяетъ, такъ и стремятся въ Италію, Нѣмцы едва ли еще не болѣе ихъ; первые за наслажденіями, другія за наслажденіями и прибылью in das schöne Land wo die Citronen blühn, прибавляя: dahin, dachin wo die goldenen Münzen glühn. Въ Италіи искусства вмѣстѣ съ пріятностями жизни и роскошной природой. Вслѣдъ за другими и мы повадились туда ѣздить. А что могли мы найдти во вновь пріобрѣтенномъ нами полуденномъ краѣ? Надобно бы было жертвовать годами, чтобы чѣмъ нибудь тамъ завестись. Между тѣмъ онъ славился у насъ, и самое отдаленіе украшало его въ глазахъ нашихъ.

Были путешественники, въ то время почитавшіе себя туристами, которые предпринимали трудную поѣздку въ сію какъ бы новообрѣтенную землю и описанія свои объ ней отдавали въ печать, какъ напримѣръ Сумароковъ, Измайловъ и Муравьевъ-Апостолъ.

Вскорѣ послѣ присоединенія Западныхъ губерній не стало Екатерины; при ней не успѣли еще хорошо разглядѣться на счетъ ихъ выгодъ. При Александрѣ сильно возчувствовали потребность, необходимость сбыта земныхъ продуктовъ, даромъ въ нихъ пропадающихъ, начали искать мѣста на Черномъ морѣ между Бугомъ и Днѣстромъ,—и родилась Одесса. Вдругъ оживились губерніи Херсонская, Полтавская, Кіевская, Волынская, Подольская (Бессарабія тогда еще намъ не принадлежала). Раздались громкія, весьма заслуженныя похвалы новорожденному городу и основателю его Ришельё.

Послѣ двадцатилѣтнихъ, безпрерывныхъ, быстрыхъ, неимовѣрныхъ успѣховъ этого города увидѣлъ я его въ первый разъ. Зачѣмъ повторять здѣсь сказанное мною при описаніи его въ 1823 году? Все показалось мнѣ въ немъ строющимся, недоконченнымъ, недостроеннымъ, хотя въ широкомъ размѣрѣ: абрисъ или эбошъ, какъ угодно, огромной картины. Пять лѣтъ едва прошло, и я нашелъ въ немъ всѣ пріятности общежитія. Приписать ли это присутствію или отсутствію новаго тогда, нынѣ давняго начальника Воронцова? Я по опыту знаю великое мастерство его привлекать людей; онъ употребилъ его для пользы не цѣлаго края, а двухъ мѣстностей, Одессы и Южнаго берега Крыма. На сіи два предмета было постоянно обращено все нѣжное, попечительное его вниманіе. Удачныя предпріятія Воронцова не доказываютъ ли однако, что Русскіе совсѣмъ не чуждаются собственнаго полуденнаго неба, не смотря на ужасное отдаленіе его отъ обѣихъ столицъ, отъ

Библиотека "Руниверс"

центра всей Русской жизни и дѣятельности, на всѣ неудобства сообщеній по нескончаемому пути, на всѣ мученія и лишенія, не разъ мною описанныя?

Разсматривая карту Черноморскихъ береговъ, можно подивиться, что отъ Днѣпровскаго лимана до устья Кубани на столь великомъ протяженіи находишь только одинъ извѣстный портовый городъ, тогда какъ берега пролива Ламаншъ ими усѣяны. Конечно есть и Ѳеодосія; но у нея нѣтъ по сосѣдству большихъ судоходныхъ рѣкъ, каковы Днѣстръ, Бугъ, Ингулъ и Днѣпръ, нѣтъ небольшой степи, которую на волахъ въ пять дней можно проѣзжать. Безконечная степь отдѣляетъ ее отъ плодородныхъ внутреннихъ нашихъ областей, которыя для отправки могли бы снабжать ее пшеницей; привозъ изъ Азіи прекратился, благодаря успѣхамъ нашей Русской промышленности, какъ объяснилъ я при описаніи сего города. Отдаленный Таганрогъ былъ всегда ея соперникомъ, а тутъ вдругъ по сосѣдству явилась и Керчь. Увидѣвъ онѣмѣніе, оцѣпенѣніе Ѳеодосіи, я сказалъ ей вѣчную память, а малому муравейнику моему, гдѣ все копошилось, предсказывалъ славную будущность. Это все находится въ запискѣ моей о Керчи, которую въ Одессѣ я представилъ Воронцову. Увы! Не хвастаюсь тѣмъ, а каюсь въ томъ: кажется, она сильно на него подѣйствовала.

Напрасно думаютъ, что Воронцовъ ненавидитъ и преслѣдуетъ Ѳеодосію; при его умѣ это было бы слишкомъ безразсудно. Но онъ видитъ въ ней нѣчто отставное, слѣдственно безполезное; поддерживать ее, помогать ей почитаетъ онъ излишнимъ; однимъ словомъ, онъ поступаетъ съ ней точно также какъ со мной поступилъ. Онъ къ ней равнодушенъ, также какъ и къ Таганрогу; изъ портовыхъ городовъ, до него основанныхъ, возлюбилъ онъ только одну Одессу, какъ готовую ему столицу.

Керчь дѣло совсѣмъ иное. Я успѣлъ объяснить ему, что какъ при немъ назначенъ туда первый градоначальникъ, при немъ открытъ въ ней портъ, то она и должна почитаться его созданіемъ. Настоящей торговли въ ней нѣтъ и до сихъ поръ, но благодаря его неусыпнымъ стараніямъ она сдѣлалась если не весьма богатымъ, за то красивѣйшимъ городомъ въ Крыму. Многія постороннія причины способствовали первоначальнымъ ея успѣхамъ. Русское населеніе, коему едва положилъ я начало, при Стемковскомъ быстро увеличилось; умноженіе народонаселенія привлекаетъ и ремесленниковъ, а они были подъ рукою въ Нѣмецкихъ колоніяхъ. Азовское море, будучи объявлено практическимъ, всѣ суда въ него идущія должны останавливаться въ Керчи и выдерживать трехнедѣльный карантинный срокъ. Множество судовъ чрезвычайно оживляетъ видъ на ея портъ, но прибыли ей отъ

Библиотека "Руниверс"

того мало, все равно что̀ главной заставѣ, чрезъ кою проѣзжаетъ множество экипажей и телѣгъ; изъ привознаго однако кое-что перепадаетъ для ея внутренней торговли. Послѣ удаленія Грейга отъ начальства, князь Меньшиковъ выпросилъ повелѣніе изгнать изъ Николаева и Севастополя разбогатѣвшихъ Евреевъ, кои подъ покровительствомъ Юліи захватили тамъ всѣ подряды. Они кинулись въ Симферополь, а еще болѣе въ Керчь, стали селиться, строиться и со врожденною имъ дѣятельностью довольно успѣшно торговать. Сдѣлавшись проѣзжимъ мѣстомъ на установленномъ трактѣ изъ Новороссійскихъ губерній на Кавказъ, Керчь въ тоже время посредствомъ пароходства имѣетъ моремъ еженедѣльное, регулярное сообщеніе съ Ѳеодосіей, Ялтой, Севастополемъ и Одессой. Наконецъ, въ ней мѣстопребываніе двухъ штабовъ, сухопутнаго и морскаго; одинъ генералъ-адъютантъ и одинъ вице-адмиралъ постоянно живутъ въ ней: первый начальствуетъ надъ крѣпостями и войсками, расположенными по Западному берегу Чернаго моря; другой надъ военными судами, вдоль этого берега крейсирующими. Все это я смѣю назвать только искусственною жизнію.

Тамъ гдѣ восчувствуются неодолимыя потребности и представятся способы къ ихъ удовлетворенію, тамъ все совершится простымъ, естественнымъ образомъ. Хлѣбородныя губерніи Курская, Харьковская, Воронежская, Екатеринославская давно искали дешевѣйшаго, кратчайшаго, легчайшаго пути для отвоза своихъ произведеній и отправленія ихъ за море. Ни Таганрогъ, ни Керчь имъ такихъ удобствъ, какія найдены ими на Бердянской косѣ и пристани не представляютъ. Безъ всякой помощи отъ казны, сначала даже безъ всякаго поощренія, сталъ подыматься городъ Бердянскъ, о коемъ въ мое время и помину не было. Я все мечталъ о каботажомъ плаваніи, которое Керчи должно было доставлять продукты нашихъ внутреннихъ губерній; еслибъ могло мнѣ придти на мысль сіе неизвѣстное тогда мѣсто, я бы призадумался, и надежды мои ослабѣли-бъ. Какъ новый памятникъ его управленія, Воронцовъ сильно покровительствуетъ Бердянску, не замѣчая, что онъ будущая гибель его любезной Керчи.

И что̀ съ нею будетъ, когда могучая рука Воронцова отъ нея отодвинется, когда онъ самъ отыдетъ на покой или въ вѣчность? Доселѣ единственно была она поддерживаема счастливыми для нея случаями; собственною жизнію, кажется, ей не жить.

Всѣ эти поименованные города, Бердянскъ, Керчь, Ѳеодосія могутъ процвѣтать, не дѣлая ни малѣйшаго подрыва Одессѣ; развѣ только одна Ѳеодосія, если она воскреснетъ, и то не въ торговомъ, а въ общежительномъ отношеніи, можетъ съ нею удачно посоперничать. Жаль, что добраться до нея такъ трудно, впрочемъ, какъ говорить въ

Библиотека "Руниверс"

настоящее время о затрудненіяхъ, когда при помощи новыхъ изобрѣтеній такъ много препятствій устраняется, когда дѣйствіе пароходовъ съ моря перенесено на сухіе пути и ихъ сокращаетъ? Носятся слухи, что затѣваютъ желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву. Увѣряли меня, что Англичане предлагали правительству также на свой счетъ устроить желѣзную дорогу въ Ѳеодосію и что имъ будто бы отказано. Тамъ гдѣ есть выгоды, эти люди ведутъ самый вѣрный разсчетъ и на нихъ въ этомъ случаѣ положиться можно.

Лишь только про себя началъ я прилежно разсматривать вопросъ о сей новой дорогѣ, какъ тысячу убѣжденій въ пользу проэкта объ ней появилось мнѣ. Если проводить ее чрезъ узенькой Геническій проливъ и натуральное шоссе Арабатской стрѣлки, то напередъ пройдетъ она чрезъ большую, гладкую степь, на которой не встрѣтитъ она ни горы, которую надлежало бы ей или огибать или прорѣзывать, ни широкой рѣки, чрезъ кою пришлось бы дѣлать мостъ, что̀ чрезвычайно уменьшитъ расходы на ея построеніе. По ней для отправленія за границу во множествѣ будетъ доставляемо въ Ѳеодосію все то, въ чемъ она для торговли нуждалась. Но чѣмъ же въ замѣнъ будетъ она снабжать Россію? Предметовъ для вывоза такъ много, что вдругъ ихъ исчислить нельзя. Во первыхъ, столовое вино. Отрасль сію насадилъ, возрастилъ и довелъ до возможнаго совершенства Воронцовъ, за что, по всей справедливости, вѣчная ему благодарность. До него не слыхивали о Крымскомъ винѣ, нынѣ во всѣхъ губерніяхъ, до самой Москвы, оно вошло во всеобщее употребленіе; оттого и цѣны на него слишкомъ поднялись, тогда какъ на мѣстѣ отъ соревнованія они чрезвычайно упали; удобное и дешевое сообщеніе установитъ равновѣсіе между ими. И чѣмъ не богатъ чудный вертоградъ, называемый Южнымъ Крымомъ? Сочными грушами, гораздо лучше всѣхъ Французскихъ, крупными абрикосами, фигами, гранатами, миндалемъ и, наконецъ, сотнею сортовъ душистаго винограда. Жалко видѣть при наступленіи осени высокія груды сихъ садовыхъ и лѣсныхъ произрастеній на базарахъ не раскупленными, хотя отдаютъ ихъ почти задаромъ. Еслибъ (это одно только предположеніе) желѣзная дорога проведена была изъ Петербурга до Ѳеодосіи, тогда эти плоды во всей свѣжести своей черезъ трое сутокъ являлись бы на столахъ первыхъ столичныхъ гастрономовъ. Изъ чего разводить теперь плодовитые сады, развѣ для собственнаго удовольствія; тогда сдѣлавшись источникомъ великихъ доходовъ для владѣльцевъ, они всюду будутъ размножаться. Нужда, наконецъ, научила Крымскихъ жителей дѣлать то, чего они прежде не умѣли, сушить фрукты, приготовлять изюмъ, инжиръ и шепталу, лакомства любимыя Англичанами и нашимъ среднимъ состояніемъ, которыя доселѣ изъ дальнихъ странъ

Библиотека "Руниверс"

привозились на Петербургскую биржу и Макарьевскую ярманку, а мы можемъ имѣть ихъ дома. Вотъ велика важность, скажутъ иные, фрукты! Да развѣ Мальта и большая часть Португаліи не живутъ апельсинами?

Въ Крыму Русскіе варвары начали сажать тутовыя деревья и весьма успѣшно разводить шелководство по примѣру варвара Реброва, который симъ промысломъ на Кавказѣ нажилъ милліоны. Также во множествѣ начали они сѣять табакъ; я въ этомъ дѣлѣ не судья, но любители увѣряютъ, что онъ въ родѣ Турецкаго, если еще не лучше. Самая безобразная часть Крыма—степная, приноситъ великую пользу: она съ овецъ доставляетъ мягкую шерсть и Крымскіе тулупы столь извѣстные. Я не говорю уже о Крымскихъ яблокахъ, о дикихъ каштанахъ, о грецкихъ орѣхахъ, которые тамъ почитаются за ничто, ни объ орѣховомъ деревѣ, которымъ, если оно будетъ вывозимо для мебелей, перестанутъ топить печи. Паровозы, кажется, съ порядочнымъ грузомъ могутъ отправляться въ обратный путь.

На самой дорогѣ находятся соляныя озера Геническія и Перекопскія; съ нихъ будетъ увозима соль, предметъ отмѣнно важный. Далѣе дорога идетъ черезъ три уѣзда Екатеринославской губерніи, гдѣ недавно открытъ каменный уголь; говорятъ, его такое обиліе, что развѣ въ тысячу лѣтъ онъ истощится. Какая находка! Паровозство снабжать имъ будетъ всѣ наши безлѣсныя губерніи. И при всѣхъ явныхъ сихъ выгодахъ, одобреніе и исполненіе проэкта встрѣтило уже и будетъ встрѣчать величайшія затрудненія. Воронцовъ разъ осудилъ Ѳеодосію на смерть и никогда приговора своего не отмѣнитъ. Завистливые Одессане будутъ всячески интриговать, чтобы никакое мѣсто въ Новороссійскомъ краю не сравнялось съ ихъ великимъ градомъ.

Чего желаетъ Одесса? Чтобы къ ней проведена была желѣзная дорога и чтобы сіе сдѣлано было на казенный счетъ; ни одинъ изъ ея богатыхъ негоціантовъ не будетъ рисковать малѣйшимъ капиталомъ для сего предпріятія. Нынѣ имѣетъ она прямое сообщеніе со всей Европой: пароходы изъ нея, пройдя небольшой уголъ Чернаго моря, вступаютъ въ устье Дуная, плывутъ до Галаца и потомъ вверхъ по рѣкѣ подымаются прямо до Вѣны. Изъ сосѣднихъ губерній получаетъ она въ избыткѣ все то, что̀ требуется для заграничной торговли. Можетъ ли положеніе быть счастливѣе и какія неблагопріятныя обстоятельства могутъ измѣнить его? Но за то какую великую пользу Россія получаетъ отъ нея? Польскіе помѣщики изъ Западныхъ губерній, постоянно ей враждебные, лѣтомъ сами привозятъ пшеницу для продажи, но съ вырученными деньгами рѣдко возвращаются домой: подобно нашимъ инымъ подгороднымъ крестьянамъ, они все на мѣстѣ пропиваютъ и проигры-

Библиотека "Руниверс"

ваютъ шулерамъ, во множествѣ собирающимся, по большей части иностраннымъ. Благодатный край, гдѣ эти иновѣрные владѣютъ православными мужиками, ничего не выигрываетъ; ни собственное ихъ благосостояніе, ни благостояніе жителей не умножается отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Вообще, что́ сама Одесса можетъ доставить Россіи? И что могутъ производить ея сухія, обгорѣлыя окрестности? Правда, благодаря порто-франко, который не что иное какъ постоянная, хорошо устроенная контрабанда *), изъ нея во множествѣ вывозятся иностранныя ткани и такъ-называемыя галантерейныя вещи. А что́ это такое? Все то что́ выходитъ изъ моды, все то что́ не сходитъ съ рукъ, всякую оборошь, Парижъ для продажи отправляетъ въ Марсель, а тамъ нераспроданное идетъ къ намъ въ Одессу, откуда перескакиваетъ въ наши Юго-западныя губерніи. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, все свѣжее, лучшее привозится въ Петербургъ, въ Рижской портъ и провозится черезъ всю сухую границу; тамъ по крайней мѣрѣ оплачивается она таможенными пошлинами.

Кто болѣе всѣхъ извлекаетъ пользу изъ Одесской торговли? Во-первыхъ Французы, Рубо и другіе; всѣ они, какъ волки въ лѣсъ, смотрятъ во Францію; по примѣру многихъ другихъ отбывшихъ своихъ соотечественниковъ, они непремѣнно переведутъ туда огромные капиталы, у насъ нажитые. Потомъ Греки; у нихъ также есть теперь отечество, куда отплывутъ ихъ богатства. Наконецъ Жиды, которые подъ особеннымъ, даже пристрастнымъ, покровительствомъ главнаго мѣстнаго начальства размножаются и богатѣютъ. Вотъ эти намъ останутся. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, они уже и теперь преслѣдуютъ и безнаказанно обижаютъ людей всѣхъ другихъ націй. Говорятъ, имъ будетъ велѣно нарядиться въ Европейское платье; жаль, право, если это случится. Тогда-то они завеличаются передъ нашими брадатыми мужичками, которые доселѣ съ презрѣніемъ смотрѣли на ихъ ермолки, фесики и черное платье, а тогда увидятъ въ нихъ господъ. Если все такъ продлится, какъ мнѣ сказывали, то безъ сомнѣнія Евреи, наконецъ, выживутъ христіанъ и совершенно овладѣютъ Одессой. Можетъ быть, запрутъ они церкви, или будутъ пускать въ нихъ за деньги, или обратятъ ихъ въ синагоги; кто знаетъ, можетъ быть, они взбунтуются и

*) Увѣряютъ, будто Воронцовъ сказалъ «что діаволъ изобрѣлъ таможни, а Господь Богъ, во благости Своей, послалъ контрабанду». Можетъ быть, это относится къ Одессѣ, ибо дѣйствительно безъ сей послѣдней она бы много потеряла. Городъ богатѣетъ, но какая отъ того прибыль казнѣ, то-есть государству, то-есть Россіи? Два предмѣстія Пересыпь и Молдаванка населились, красиво обстроились контрабандистами и всякаго другаго рода грабителями. Какъ увѣряли меня, недавно къ ихъ операціямъ присоединились честные Нѣмцы колоній Гроссъ-Либенталя и Лустдорфа.

Библиотека "Руниверс"

выберутъ себѣ въ короли, кого? Одного ли изъ Ротшильдовъ или.... больно для сердца моего вымолвить это имя. И Одесса ожидаетъ еще новыхъ поощреній отъ правительства! О, она твердо полагается на то чего нѣтъ, на его безразсудность!

То ли дѣло Ѳеодосія! Вотъ это былъ бы Русскій, нашъ собственный портъ. И объ одной ли Ѳеодосіи идетъ дѣло? О благосостояніи цѣлаго полуострова. Весьма справедливо онъ названъ садомъ Россіи, и для прогулокъ въ него изъ Одессы заведено пароходство. Но зачѣмъ же только гулять въ немъ? Зачѣмъ же не селиться? А возможно ли? И что для того сдѣлано? Я помню, какъ покойный начальникъ мой Бетанкуръ, въ 1820 году, послѣ поѣздки своей по всей Россіи, съ досадой говорилъ мнѣ о южномъ Крымскомъ берегѣ. «Все природа, да природа, говорилъ онъ, а нигдѣ не видать слѣдовъ рукъ человѣческихъ». Теперь бы онъ того не сказалъ, когда на каждомъ шагу встрѣчаются дѣйствія трудовъ людскихъ, за то не увидѣлъ бы лица человѣческаго. Воронцовъ съ большими издержками на высотѣ построилъ шоссе, но только по одному направленію. Онъ умѣлъ заманивать туда и царя, и царицу, и многихъ богатыхъ вельможъ, которые настроили тамъ виллы, дворцы, замки и завели прекрасные сады. Но одинъ придворный воздухъ имъ кажется теплымъ и здоровымъ, и едва ли они въ нихъ заглядывали. И подлинно, кому охота какъ дикой козѣ карабкаться со скалы на скалу, особенно женщинамъ, которыя, какъ дамы среднихъ вѣковъ, не иначе какъ на палефруа могутъ посѣщать самыхъ ближнихъ сосѣдокъ? Конечно это можетъ имѣть свои пріятности весной, лѣтомъ и осенью; но зимой, когда прекращаются сообщенія моремъ, а часто и черезъ горы, когда раздувшіеся водопады уносятъ мосты и обнаруживается совершенный недостатокъ въ самыхъ простыхъ мѣстныхъ припасахъ: тогда житье тамъ становится невыносимо. А зимой-то именно Югъ бываетъ пріятенъ, и туда врачи отправляютъ слабыхъ здоровьемъ. Люди, разсѣянные лѣтомъ, обыкновенно на зиму собираются въ одно мѣсто, въ которомъ пріятно могли бы провести время, найти всѣ удобства образованной жизни. Гдѣ такое мѣсто въ Крыму? Его надобно пріискать; оно даже и найдено, но находится не въ томъ видѣ и состояніи, въ которомъ надлежало бы ему быть.

Ѳеодосія представляетъ всевозможныя выгоды для учрежденія въ ней большаго портоваго и общежительнаго города. Также какъ южный берегъ, коему служитъ она заключеніемъ, отъ сѣверныхъ вѣтровъ защищается она высокой горой, а къ Керчи идутъ отъ нея цвѣтущіе холмы и долины. Мѣстоположеніе прекрасное и удовлетворяетъ всѣ вкусы; любители горъ могутъ лазить по нимъ и, пожалуй, созидать на нихъ замки; тѣ которые предпочитаютъ разъѣзжать въ экипажахъ или

Библиотека "Руниверс"

спокойно прогуливаться пѣшкомъ могутъ дѣлать сіе безъ всякихъ затрудненій. Когда Керченскій проливъ и Одесскій портъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль замерзаютъ, на чудесной Ѳеодосійской рейдѣ не показывается ни одна льдинка. Она имѣетъ форму подковы, коей оконечности близко сходятся, и такъ глубока, что корабли могутъ подходить къ самымъ домамъ, тогда какъ въ Керчи, также какъ и въ Одессѣ, гавань устроена посредствомъ моловъ.

Мы видѣли, какъ люди умные, достаточные, образованные, по службѣ, по необходимости или случайно въ Одессѣ на зиму собравшіеся, умѣли жизнь въ ней сдѣлать пріятною и веселою; въ Одессѣ, гдѣ и зимой такъ печаленъ, такъ грустенъ взглядъ на снѣгомъ не покрытую, тощую, почернѣвшую землю, на деревья, кое-гдѣ торчащіе, полумертвые недоростки, никогда пятнадцати-лѣтняго возраста не достигающіе, гдѣ никогда не знаютъ тѣни. Общество въ ней мѣняется каждую зиму: это волшебный фонарь, въ которомъ то свѣтлѣетъ, то становится мрачно. Изъ людей хорошаго общества кто не посѣщалъ Одессу, и многіе ли изъ нихъ оставались въ ней?

Гораздо южнѣе, Ѳедосія имѣетъ передъ ней преимущество болѣе теплаго климата и роскошной природы, ее окружающей. Она въ одно время можетъ сдѣлаться нашей Марселью и нашей Ниццой, и сотни тысячъ, нашими земляками тамъ проживаемыя, будутъ въ ней издерживаться и оставаться дома; въ Одессѣ этому никогда не бывать. Тогда и Южный берегъ внезапно оживится, когда изъ Ѳеодосіи на пароходахъ въ пять или въ шесть часовъ можно будетъ поспѣвать въ Ялту, когда менѣе смѣлые будутъ проѣзжать по прекрасной дорогѣ усѣянной дачами и садами, съ одной стороны до Севастополя, съ другой, до Керчи. И на сей послѣдней отразился бы блескъ ея; она жила бы ея жизнію, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ собственной своей мнимой торговлей *). Великолѣпныя построенія на Южномъ берегу, которыя нынѣ владѣльцы готовы отдавать задаромъ, возвысятся въ цѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, на лѣто будутъ дорого отдаваться въ наймы.

Съ Европой у насъ сообщеній бездна, въ томъ числѣ и Одесса; съ Азіей они болѣе или менѣе затруднительны, и какъ на сей предметъ не обратить вниманія? Когда не было еще пароходства, я помню, какъ къ Керченской пристани менѣе чѣмъ въ двое сутокъ приходили суда изъ Синопа и Требизонда. Въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ находится богатая Англинская контора, тайно снабжающая товарами и нашъ Закавказскій край. Кому неизвѣстно, что Англія совершенно

*) Точно также какъ уѣздный городокъ Аккерманъ, благодаря сосѣдству Одессы, вырось до шестнадцати-тысячнаго населенія.

Библиотека "Руниверс"

убила промышленность въ Малой Азіи, замѣнивъ ея издѣлія собственными, сначала болѣе дешевыми? Удобное и дешевое сообщеніе подало бы, можетъ быть, нашему Московскому предпріимчивому и изворотливому купечеству мысль сдѣлать также напередъ пожертвованія, дабы подорвать тамъ Англійское торговое господство; мы видѣли, какъ въ подобномъ случаѣ оно успѣшно дѣйствовало въ Крыму. Еще одно обстоятельство, которое доселѣ осталось незамѣченнымъ: на Черномъ морѣ есть, не знаю, водовороты ли или мѣста, подверженныя особенно сильному дуновенію вѣтровъ, которыя мореплаватели на пути изъ Константинополя въ Одессу и обратно стараются избѣгать и для того подвигаются къ самой Ѳеодосіи; меня увѣряли, что несоблюденіе этого объѣзда самаго Государя дней десять на морѣ продержало.

Но довольно. Для кого и для чего я все это пишу? Кто будетъ слушать меня, кто будетъ меня читать? Но пускай никто; по крайней мѣрѣ, довольно съ меня и того, что безкорыстными моими желаніями блага моему отечеству потѣшилъ я свое воображеніе. Громкій, всеобщій голосъ истины по сему предмету непремѣнно когда нибудь услышитъ правительство; дай Богъ, чтобы это было скорѣе!

X.

Часу въ двѣнадцатомъ по утру 29 Маія оставилъ я Одессу. Я не поѣхалъ, а полетѣлъ изъ нея, ибо, противъ обыкновенія моего, середъ ночи перемѣнивъ только лошадей въ Николаевѣ, на другой день, 30-го числа, былъ уже я отъ нея за триста верстъ, въ Елисаветградѣ. Послѣ довольно знойнаго дня наступилъ прохладный, тихій вечеръ; послѣ утомительныхъ для зрѣнія степей увидѣлъ я большіе сады, обширностію своею похожіе на рощи. Ими окруженъ весь городъ, и это расположило меня остановиться на ночь и пріятнымъ образомъ подышать въ немъ.

На слѣдующее утро, 31-го, проѣхалъ я къ военнымъ поселеніямъ принадлежащее, величиной своей примѣчательное мѣстечко Петриковку, которому недавно пожалованъ какой-то новый титулъ. Около обѣденнаго времени, между послѣднимъ Новороссійскимъ городкомъ Крюковымъ и первымъ Малороссійскимъ городомъ Кременчугомъ переѣхалъ я на паромѣ раздѣляющій ихъ, часто упоминаемый Днѣпръ. На берегу встрѣтилъ я дожидающихся переправы Башкиръ, которыхъ изъ Оренбургской губерніи вели въ Турцію на убійство или на убой. Кременчугъ показался мнѣ лучше многихъ губернскихъ городовъ, пользующихся честію сего названія. Когда онъ былъ пограничнымъ го-

Библиотека "Руниверс"

родомъ, говорятъ, былъ онъ гораздо многолюднѣе; но онъ снабдилъ первоначальнымъ населеніемъ весь Новороссійскій край. Въ немъ нашелъ я хорошій трактиръ и хорошій обѣдъ. Отъ него проѣзжая Малороссійскими селеніями, не могъ налюбоваться ими. Всѣ они занимаютъ большое пространство, наполненное садами, и имѣютъ видъ рощъ, сквозь деревья коихъ бѣлѣются хаты. Ночевать пріѣхалъ я въ Рѣшетиловку, богатое имѣніе, принадлежавшее Василью Степановичу Попову, и у одного изъ поселянъ нашелъ ночлегъ, который желательно бы было вездѣ находить даже за границей.

Рано по утру, 1-го Іюня, пріѣхалъ я въ Полтаву и пробылъ въ ней цѣлые сутки. Подъѣзжая къ ней, отъ невѣжественнаго ямщика тщетно требовалъ я указанія мѣста, гдѣ происходила наша знаменитая битва. Вѣроятно, славное воспоминаніе о сей побѣдѣ заставило при Александрѣ избрать мѣстомъ главнаго управленія сей малый городъ. Также какъ Симферополь, онъ дѣлится на-двое, на старый и на новый; въ первой я не заглядывалъ, въ послѣднемъ остановился. Широкія въ немъ, правильныя улицы, обставленныя низенькими домиками, съ большими между ими разрывами, ведутъ къ круглому, обширному полю, названному городской площадью; вокругъ него подымаются высокія, казенныя, каменныя строенія, а въ самой серединѣ стоитъ также очень высокій памятникъ Петру Великому. Пустота этой площади, на краю города находящейся, показалась, наконецъ, ужасною, и чтобы наполнить ее, насадили по четыремъ угламъ ея четыре сада или сквера. Городъ этотъ былъ тогда еще весьма небогатъ; въ немъ не было ни одной гостиницы, а низенькій деревянный какой-то заѣзжій домъ, въ которомъ тотъ день кромѣ меня не было ни одного проѣзжающаго. Я занялъ двѣ маленькія выбѣленныя комнатки и долженъ былъ довольствоваться плохой пищей. Послѣ обѣда пошелъ я гулять въ большой, прекрасный садъ, казенный или общественный, который спускается по горѣ до живописной рѣчки Ворсклы. По близости отъ него находились два довольно красивыя строенія, Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ и собственный домъ попечительницы его, жены генералъ-губернатора князя Репнина; жаль только, что все это запрятано въ уголъ, который изъ путешественниковъ, подобно мнѣ, рѣдко кѣмъ посѣщается.

Начиная съ Полтавы, я намѣренъ былъ останавливаться во всякомъ губернскомъ городѣ, дабы дать себѣ о немъ нѣкоторое понятіе. Во всѣхъ находившихся у меня по дорогѣ неоднократно бывалъ я, почти не видавъ ихъ.

Въ первый изъ нихъ, мнѣ уже нѣсколько знакомый Харьковъ, пріѣхалъ я 3-го Іюня. Въ немъ не нашелъ я ни одного изъ моихъ прошлогоднихъ знакомыхъ; не могъ даже остановиться въ знакомой

Библиотека "Руниверс"

мнѣ гостиницѣ Матускова, а въ какомъ-то вновь заведенномъ трактирѣ. Пріятно было смотрѣть на Харьковъ, который, видимо, росъ. Прогуливаясь по его улицамъ, тогда уже не грязнымъ, видѣлъ я множество новыхъ каменныхъ домовъ; одни изъ нихъ начинали отдѣлывать, другіе были только что выстроены, а иные еще строились. Съ удовольствіемъ посѣтилъ я университетскій садъ, съ длинными, прямыми, густыми аллеями, который на концѣ Сумской улицы, почти внѣ города, служитъ мѣстомъ общественныхъ прогулокъ. На краю его была открытая бесѣдка, откуда очень хорошій видъ на кварталы и сады, находящіеся за рѣчкой Лопанью.

Останавливаясь въ Бѣлгородѣ и въ Обояни только для прокормленія своего и 6-го числа пріѣхавъ въ Курскъ, присталъ я въ великолѣпной тогда гостиницѣ Полторацкаго. Я не знаю, что бы сталъ я дѣлать вечеромъ въ Курскѣ, гдѣ у меня тогда не было ни одного знакомаго, еслибъ попеченіями бывшаго губернатора Кожухова, безжалостно отставленнаго, у выѣзда изъ города не былъ насаженъ славный садъ при строеніяхъ, принадлежащихъ Приказу Общественнаго Призрѣнія. Туда я поспѣшилъ и пріятнымъ образомъ нагулялся. Онъ былъ устроенъ въ угожденіе императору Александру, который такъ любилъ природу и который, проѣзжая черезъ губернскіе города, почти въ каждомъ приказывалъ заводить лѣтнія публичныя гульбища, и такимъ образомъ оставлялъ въ нихъ благодѣтельные слѣды своего присутствія.

Тоже самое нашелъ я и въ Орлѣ, куда пріѣхалъ 8-го поутру. По волѣ покойнаго, большое пространство было засажено молодыми деревьями, не успѣвшими еще много подняться на крутомъ берегу, гдѣ Орликъ впадаетъ въ Оку. Теперь, говорятъ, онъ разросся и служитъ большимъ украшеніемъ городу, который послѣ пожаровъ хорошо выстроился.

Во Мценскѣ долженъ былъ я остановиться противъ воли. Въ рессорахъ и колесахъ моей каретки оказалось довольно сильное поврежденіе, починка ихъ замедлила довольно успѣшную дотолѣ ѣзду мою, такъ что я поспѣлъ въ Тулу только 11-го числа въ полдень.

На всемъ пространствѣ, которое проѣхалъ я, начиная отъ самой Одессы, Тула есть первый старинный губернскій городъ, напоминающій времена еще Татарскія, за то и первый, въ которомъ не нашелъ я бульвара или сада для общественныхъ прогулокъ. Я нашелъ въ немъ небольшой, зубчатый кремль, а посреди его древній, довольно просторный соборъ, и поспѣшилъ посѣтить ихъ. Также пожелалъ я видѣть извѣстный оружейный заводъ. Какой-то чиновникъ взялся быть моимъ проводникомъ и безжалостно во всѣхъ подробностяхъ показы-

Библиотека "Руниверс"

валъ мнѣ производство работъ, отчего утомленный вечеромъ я воротился въ свою гостинницу. Тамъ сказали мнѣ, что семейство бывшаго губернатора Тухачевскаго живетъ въ трехъ верстахъ отъ Тулы, въ селеніи своемъ Архангельскомъ, на большой Московской дорогѣ, и я счелъ пріятною обязанностію на другой день навѣстить его. Къ тому же мнѣ показалось кстати памятный день рожденія отца моего 12 Іюня провести въ кругу родственниковъ.

Селеньице Архангельское, изъ 150 душъ состоящее, въ верстѣ отъ большой дороги и въ трехъ отъ Тулы, при большихъ долгахъ было тогда, какъ и прежде, единственнымъ достояніемъ супруговъ Тухачевскихъ. А все въ немъ было на барскую руку: огромный двухъэтажный домъ съ большими флигелями, довольно богатая по тогдашнему времени отдѣлка его и садъ, идущій внизъ по горѣ до широкаго пруда. Но въ немъ съ двухлѣтняго возраста воспитывался Кирѣевскій, владѣлецъ пяти тысячъ душъ, коего Тухачевскій былъ опекуномъ; слѣдственно на счетъ перваго все это и было сооружаемо. Говорили, что прежде гремѣлъ тутъ оркестръ изъ крѣпостныхъ людей и живало нѣсколько разнаго рода иностранцевъ и шутовъ. Недовольный своимъ опекуномъ, Кирѣевскій однако нѣжно любилъ тетку, жену его. Дабы въ будущемъ обезпечить ея содержаніе, онъ взялъ себѣ Архангельское, требующее издержекъ, а въ замѣнъ принялъ на себя всѣ долги семейства и далъ ей имѣніе въ Орловской губерніи съ равнымъ числомъ душъ, но приносящее большой доходъ. И туда она собиралась уже отправиться.

Одни слуги были на ногахъ, а господа только что вставали съ постели, когда рано поутру пріѣхалъ я въ Архангельское. Меня встрѣтила въ гостиной домашняя шутиха, прозванная Марухой, остатокъ прежняго боярскаго житья; я принялъ ее за путную и началъ было серіозно съ нею разговаривать. Вскорѣ однако явилась сама Надежда Александровна съ радостнымъ восклицаніемъ: ah, mon cousin! Я говорилъ уже о ея слабости, о пристрастіи къ иностранному и въ особенности къ Французскому языку, который она знала довольно плохо. Къ ея несчастію и къ несчастію ея семейства, мамзель Питонъ, низенькая, сухощавая и, какъ мнѣ казалось, ядомъ налитая Француженка вселилась къ ней въ домъ и въ душу. Она давала направленіе всѣмъ ея дѣйствіямъ и воспитанію ея дѣтей, имѣя осторожность не мѣшаться въ дѣла самого хозяина, который имѣлъ своего особаго рода забавы. Онъ былъ стариннаго покроя помѣщикъ и чванный хлѣбосолъ, который въ это время, несчастный, все еще находился въ Петербургѣ подъ судомъ. Два сына были въ военной службѣ, а единственная дочь Кусова жила въ Москвѣ. Итакъ, съ моей кузиной были только ея зо-

Библиотека "Руниверс"

ловки, Ольга и Пелагея Сергѣевны, пожилыя провинціальныя дѣвы, меня въ прошломъ году угощавшія, совершенный контрастъ съ Питоншей, и въ горѣ и въ радости не отступавшей отъ владѣнія своего г-жей Тухачевской.

Разговоры о всякой всячинѣ, воспоминанія о былomъ дали мнѣ нескучно провести этотъ день. Присутствіе Питонши одно мнѣ не совсѣмъ было пріятно, хотя она и старалась быть со мной отмѣнно вѣжлива. Еще одно поразило меня непріятнымъ образомъ. Мать владѣлицы Архангельскаго, Кирѣевская жила тутъ долго съ нею и съ малолѣтнимъ внукомъ и своимъ большимъ состояніемъ умножала ей средства жить роскошно. Сказывали, что она была Русская барыня прежняго вѣка, со старинными навыками въ пищѣ и одеждѣ, едва умѣвшая подписывать свое имя. Она жила, жила и умерла; а какъ другой церкви не было кромѣ домовой въ маленькой комнаткѣ господскаго дома, то ее и похоронили въ саду. Мнѣ показали низенькій надъ нею памятникъ, окруженный цвѣтами съ Французскою надписью. Это я нашелъ слишкомъ противнымъ здравому смыслу и религіи нашей.

Пагубнымъ слѣдствіемъ этой галломаніи была низкая доля, постигшая бѣдную Кусову. Злодѣйка Питонъ старалась все болѣе и болѣе умножить въ ней отвращеніе отъ богатаго дома Кусовыхъ и особенно отъ мужа ея. Такъ длилось восемь лѣтъ, пока это отвращеніе не превратилось въ нервическую болѣзнь, отъ которой вылѣчить мать повезла ее въ Москву. Тамъ она мало показывалась въ обществѣ, которому могла бы служить украшеніемъ, а болѣе жила въ кругу модныхъ торговокъ Кузнецкаго моста, куда ввелъ ее злой геній ея семейства. Наконецъ, явился магнетизёръ Делонѐ, который взялся ее совершенно исцѣлить. Онъ былъ какимъ-то лѣкаремъ, офицеромъ здравія, officier de santé въ Наполеоновой арміи и взятъ военноплѣннымъ въ Москвѣ. Въ ней онъ и остался и хотя не прослылъ знаменитымъ врачемъ, пріобрѣлъ однакоже изрядную практику. Я его видѣлъ гораздо позже; мужикъ былъ онъ дюжій, смѣлый, со всѣми грубыми манерами Наполеоновской солдатчины. Магнетизмъ имѣлъ плодотворное вліяніе на Кусову: отъ незаконнаго сожитія ея съ Делонѐ народилось шесть человѣкъ дѣтей обоего пола. Разумѣется, ей никуда нельзя было показываться въ свѣтъ, а мать принуждена была смотрѣть на то снисходительно, ибо Делонѐ былъ Французъ. Я часто смотрю съ удивленіемъ, видя у насъ такъ много дамъ и дѣвицъ, сохраняющихъ чистоту нравовъ, когда родители берутъ къ нимъ въ гувернантки первую попавшуюся Француженку.

Распростившись съ вечера и вставши на другой день со свѣтомъ, я прибылъ благополучно въ Москву 14 Іюня, часу въ десятомъ утра.

Библиотека "Руниверс"

Но въ ней не все нашелъ я благополучнымъ. Домъ зятя и сестры моихъ, гдѣ я остановился, былъ еще гораздо мрачнѣе и печальнѣе чѣмъ тогда, какъ въ предшествующемъ году я его оставилъ. Въ Мартѣ мѣсяцѣ генералъ Алексѣевъ вторично получилъ сильный апоплексическій ударъ, отъ котораго лишился онъ почти языка, памяти и не владѣлъ одной рукой и ногой. Одной улыбкой выразилъ онъ удовольствіе меня видѣть; слова съ трудомъ выходили изъ устъ его, за то обильны были слёзы, которыя потекли у него изъ глазъ. Ихъ не было у сестры моей; казалось, источникъ ихъ изсякъ, не было ни вздоховъ, ни рыданій; всѣ мученія скрывались въ груди ея; только въ образной облегчала она ихъ молитвами. О вѣра! Ты одна можешь подать такую силу страждущимъ. Для этой бѣдной женщины полна была чаша горестей. Дѣла́ были въ совершенномъ разстройствѣ, и надлежало скрывать сіе положеніе отъ больнаго, въ которомъ оставалось довольно памяти, чтобы скоро замѣтить совершенную перемѣну въ образѣ жизни. Меньшой сынъ ея, какъ милость, получилъ дозволеніе выйдти въ отставку и находился при ней. А старшій, ея любимецъ, находился въ армейскомъ полку, отъ котораго не могъ отлучаться, и неизвѣстно было, чѣмъ и когда кончится его незаслуженное наказаніе. О Бенкендорфъ!

Все еще надѣясь получить приличное содержаніе отъ казны, я рѣшился остаться съ нею, чтобы раздѣлять ея горести и недостатки. О немилостивомъ рѣшеніи, по моей просьбѣ, узналъ я только въ концѣ Іюля, и тогда уже осталось мнѣ единымъ средствомъ отправиться въ Пензу и зарыться тамъ въ деревнѣ. Была еще другая причина, остановившая меня тогда въ Москвѣ.

Мнѣ повторяли врачи и въ Петербургѣ, и на Югѣ, что мнѣ необходимо пользоваться Маріенбадскими минеральными водами, и для того посылали за границу; а съ чемъ бы я туда отправился? Старый и знаменитый Лодеръ съ помощію молодаго доктора Енихена завелъ первыя въ Россіи искусственныя минеральныя воды. Они только что были открыты надъ Москвой рѣкой, близъ Крымскаго брода, въ переулкѣ, въ обширномъ домѣ съ двумя вновь пристроенными галлереями и садомъ. Какъ же мнѣ было не воспользоваться симъ случаемъ? Всякой день рано по утру ходилъ я пѣшкомъ со Старой Конюшенной на Остоженку. Движеніе, благорастворенный утренній воздухъ, гремящая музыка и веселыя толпы гуляющихъ больныхъ (изъ коихъ на двѣ трети было здоровыхъ), разгоняя мрачныя мысли, нравственно врачевали меня не менѣе чѣмъ Маріенбадская вода, коей я упивался. Знакомствъ, разговоровъ я избѣгалъ и довольствовался бесѣдой любезнаго старика Кристина, который почти всегда бывалъ здоровъ, а тутъ лѣчился, кажется, отъ неизлѣчимой болѣзни, отъ старости. Новизна, мода

Библиотека "Руниверс"

обыкновенно влекутъ праздное Московское общество, какъ сильное движеніе воздуха все гонитъ его къ одному предмету. Потому-то сіе новое заведеніе сдѣлалось однимъ изъ его увеселительныхъ мѣстъ.

Было еще и другое, куда также отправлялся я по воскреснымъ днямъ. Мѣсто за тремя горами, принадлежавшее графу Толстому, прозванное Трехгорнымъ, было имъ передано зятю его новому министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому, который приказалъ открыть его для публики. Слово загородный домъ состарѣлось для Москвичей, его начало замѣнять слово дача. Вотъ, кажется, отъ чего, дача Закревскаго, во что переименовали Трехгорное, какъ бы волшебствомъ всѣхъ привлекала. Всѣ другія гульбища брошены, опустѣли. Новый владѣлецъ дѣйствительно хорошо изукрасилъ сіе мѣсто. Отъ большихъ воротъ шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей, съ двумя боковыми узкими для пѣшеходцевъ, до главнаго дома надъ самой рѣкой. Съ обѣихъ сторонъ сихъ аллей было по три острова, четвероугольныхъ, равной величины, раздѣленныхъ между собою вновь прокопанными канавами, наполненными тогда еще чистой, проточной водой и соединенныхъ деревяннымя мостиками. Каждый изъ сихъ острововъ былъ посвященъ памяти одного изъ героевъ, подъ начальствомъ которыхъ Закревской находился: Каменскаго, Барклая, Волконскаго и другихъ. На каждомъ посреди густоты деревьевъ находился или храмикъ или памятникъ сказаннымъ воинамъ: необыкновенная, новаго рода правильность, напоминающая нѣчто фрунтовое. Самая чистота, въ которой все это было содержимо, какъ бы заимствована была у Аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Недолго сія дача была въ славѣ у Москвичей. Она продана и нынѣ подъ названіемъ уже Студенецъ принадлежитъ Обществу Садоводства, которое мало заботится о порядкѣ и чистотѣ. А какъ мѣсто низкое, сырое и болотистое, то оно и находится въ отвратительномъ запущеніи.

Разъ случилось мнѣ быть и на дачѣ одного г. Ошанина, находившейся не подалеку отъ сгорѣвшаго и вновь еще не исправленнаго Петровскаго дворца, а нынѣ попавшей въ составъ разведеннаго послѣ Петровскаго парка. Изъ нея подымались воздушные шары, только безъ людей, отъ чего стеченіе народа бывало превеликое. Но лучшее общество, и особенно дамы, туда не ѣздило, гнушаясь хозяиномъ, который слылъ презрѣннѣйшимъ негодяемъ.

Обѣ столицы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пустѣютъ лѣтомъ. Потребность чистаго воздуха становится все ощутительнѣе, и всѣ разъѣзжатся по деревнямъ и по дачамъ. Чтобы кого либо увидѣть, съ кѣмъ нибудь встрѣтиться, надобно ѣхать въ Англійской клубъ, учрежденный по примѣру Петербургскаго, кажется, въ 1805 году. Во

Библиотека "Руниверс"

время многократныхъ проѣздовъ моихъ черезъ Москву, не болѣе одного или двухъ разъ удалось мнѣ быть въ этомъ клубѣ. Въ этотъ же пріѣздъ я сдѣлался довольно частымъ его посѣтителемъ, благодаря совсѣмъ не заслуженной мною благосклонности нѣкоторыхъ членовъ, которые каждый день записывали меня гостемъ. Можетъ быть, я этимъ обязанъ былъ званію пріѣзжаго, которыхъ такъ охотно заманиваютъ туда, какъ всякую новость.

Московской Англійской клубъ есть мѣсто прелюбопытное для наблюдателя. Онъ есть представитель большой части Московскаго общества, въ кратцѣ вѣрное его изображеніе, его эссенція. Записные игроки суть корень клуба: они даютъ пищу его существованію, протчіе же члены служатъ только для его красы, для его блеска. Почти всѣ они люди достаточные, старые или молодые помѣщики, живущіе въ независимости, въ безпечности, въ бездѣйствіи; они не терпятъ никакого стѣсненія, не умѣютъ ни къ чему себя приневолить, даже къ соблюденію самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ правилъ общежитія. Членъ Московскаго Англійскаго клуба! О это существо совсѣмъ особаго рода, не имѣющее подобнаго ни въ Россіи, ни въ другихъ земляхъ. Главною, отличительною чертою его характера есть увѣренность въ своемъ всевѣдѣніи. Онъ съ важностію будетъ разсуждать о предметахъ вовсе ему чуждыхъ, незнакомыхъ, безъ опасенія выказать все свое невѣжество. Онъ горячо станетъ спорить со врачемъ о медицинѣ, съ артистомъ о музыкѣ, живописи, ваяніи, съ ученымъ о наукѣ, которую тотъ преподаетъ и такъ далѣе. Я почитаю это не столько слѣдствіемъ невѣжества, какъ весьма необдуманнаго самолюбія. Выслушавъ васъ не совсѣмъ терпѣливо, согласиться—съ вами значило бы въ чемъ нибудь да признать передъ собою ваше превосходство. Эти оспариванія сопровождались всегда не весьма вѣжливыми выраженіями. «Нѣтъ, воля ваша, это неправда, это быть не можетъ, ну кто этому повѣритъ?» такъ говорилось съ людьми мало знакомыми, а съ короткими: «ну полно, братецъ, все врешь; скажи просто, что солгалъ.» Удивительно, какъ все это обходилось миролюбиво, безъ всякой взаимной досады. Не нравилось мнѣ, что эти господа трунятъ другъ надъ другомъ; пусть бы на счетъ преклонности лѣтъ, а то на счетъ наружныхъ, тѣлесныхъ недостатковъ и недостатковъ Фортуны; это казалось мнѣ уже безчеловѣчно. Не доказывается ли тѣмъ, что наше общество было еще въ дѣтствѣ? Дѣти всегда безжалостны, ибо не испытали еще сильной боли; мальчики въ кадетскихъ корпусахъ, въ пенсіонахъ точно также обходятся между собою. Хотя я не достигъ тогда старости, хотя не былъ еще и близокъ къ ней, мнѣ не нравилось также совершенное равенство, которое царствовало въ клубѣ между стариками и молодыми. Но

Библиотека "Руниверс"

не то ли же самое мы видимъ въ простонародіи? Такъ обходятся молодые парни съ дядей Ѳеодотомъ, съ дядей Парѳеномъ, говорятъ имъ ты, а слушаются ихъ, и даже съ дѣдушкой Антипомъ, который, когда ему вздумается прикрикнуть, заставитъ всѣхъ замолчать. Время мало что̀ измѣнило въ разсказанномъ мною, донынѣ все осталось почти по прежнему. Причиной Европа, у которой такъ стараемся мы все перенимать: она также освобождается отъ всякихъ узъ, какъ въ общественной жизни, такъ и въ словесности, и быстрыми шагами идетъ къ варварству, изъ котораго только что мы стали выступать. Вотъ мы и встрѣтились.

Вѣстовщики, ѣдуны составляли замѣчательнѣйшую, интереснѣйшую часть клубнаго сословія. Первые ежедневно угощали самыми неправдоподобными извѣстіями, и имъ вѣрили, ихъ слушали, тогда какъ истина, все дѣльное, разсудительное отвергалось съ презрѣніемъ. Послѣдніе были законодателями вкуса въ отношеніи къ кушанью и были весьма полезны: образованные ими преемники ихъ превзошли, и столъ въ Англійскомъ клубѣ до днесь остался отличнымъ. Что̀ касается до протчихъ, то право лучше бы было ихъ не слушать. Что̀ за нелѣпости, что́ за сплетни! Шумимъ, братецъ, шумимъ, какъ сказано въ комедіи Грибоѣдова. Нѣкоторые берутся толковать о дѣлахъ политики, и имъ весьма удобно почерпать объ ней свѣдѣнія: въ газетной комнатѣ лежатъ на столѣ всѣ дозволенные газеты и журналы Русскіе и иностранные; въ нее не часто заглядываютъ, а когда кому вздумается присѣсть да почитать, то обыкновенно военные приказы о производствѣ или объявленія о продажѣ просроченныхъ имѣній. Былъ одинъ такой баринъ-чудакъ, который въ вѣдомостяхъ искалъ одни объявленія объ отдачѣ въ услуги, то есть о продажѣ крѣпостныхъ дѣвокъ, какъ за нимъ подмѣтилъ одинъ любопытствующій. Самый оппозиціонный духъ, который тутъ находимъ, совсѣмъ не опасенъ для правительства: онъ, какъ и все протчее, не что иное какъ совершенный вздоръ. Одинъ изъ нашихъ земляковъ, послѣ весьма долгаго отсутствія, воротился въ Россію совершеннымъ Французовъ *), чѣмъ-то оскорбленный въ одномъ изъ Московскихъ клубовъ, въ послѣдствіи размножившихся, сказалъ о дворянскомъ: c'est de la canaille proprement dite, а про Англійской: c'est de la canaille proprement mise.

Меня можно спросить: да зачѣмъ же ты часто бывалъ въ такомъ мѣстѣ? Да такъ. Я тогда не былъ еще такимъ брюзгою какъ нынѣ: ничѣмъ не брезгалъ. Какъ голова, такъ и желудокъ мой все

*) Г. Хлюстинъ, который по имени долженъ бы быть совершенно Русскимъ человѣкомъ; сестра, его вышедшая въ Парижѣ за Француза, всегда подписывалась née de Custine.

Библиотека "Руниверс"

переваривали. Я наслаждался въ разговорѣ съ умнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ; мнѣ бывало весело съ людьми другаго рода, меня забавляли ихъ глупости, и я тайкомъ любилъ надъ ними смѣяться. За столомъ гастронома, послѣ изысканныхъ кухонныхъ произведеній, готовъ я былъ съ удовольствіемъ хлебнуть щецъ изъ сѣрой капусты. Увы, какъ это время уже далеко! Въ клубѣ никакихъ мнѣній я не предлагалъ, ни чьихъ не оспаривалъ, отъ того со всѣми жилъ въ ладу и даже имѣлъ счастіе прослыть добрымъ и простымъ малымъ.

Да не подумаютъ, однакоже, что въ клубѣ не было ни одного человѣка съ примѣчательнымъ умомъ. Напротивъ, ихъ было довольно, но они посѣщали его рѣже и говорили мало. Обыкновенно ихъ можно было находить въ газетной комнатѣ; я назову пока одного Ив. Ив. Дмитріева, не разъ мною упомянутаго, и похвастаюсь тѣмъ, что со мною бывалъ онъ многорѣчивъ. Его холодная, важная наружность придавала еще болѣе цѣны его шутливости и остроумію. Кто бы могъ ожидать? Какъ Аѳинскіе мужики Аристида, хотѣли было исключить его изъ общества, право не помню за что; но вдругъ опомнились и выбрали его почетнымъ членомъ. Но онъ съ тѣхъ поръ, кажется, не являлся къ нимъ.

Кратковременнымъ тогда пребываніемъ моимъ въ Москвѣ воспользовался я, чтобы случайно сдѣлать одно весьма лестное знакомство. Въ заведеніи минеральныхъ водъ встрѣтилъ я Прасковью Ивановну Мятлеву, которая пріѣхала изъ Петербурга не съ тѣмъ, чтобы полѣчиться, а чтобы погулять. Она обошлась со мной какъ съ давнишнимъ знакомымъ, узнавъ отъ меня о жалкомъ положеніи сестры моей, поспѣшила ее навѣстить, а меня во временную квартиру свою пригласила на чай. Никого почти не нашелъ я у нея кромѣ начальствовавшаго въ Москвѣ князя Димитрія Владимировича Голицына, ея двоюроднаго брата, которому она меня представила. Довольно продолжительный съ нимъ разговоръ меня съ нимъ ознакомилъ, а онъ изъявилъ сожалѣніе, что сіе сдѣлалось не прежде. Тогда я испросилъ у него дозволенія къ нему явиться, а онъ назначилъ мнѣ часъ, въ который будетъ совершенно свободенъ. Дни черезъ три послѣ того былъ я у него въ кабинетѣ. Мнѣ показалось, что въ продолженіи цѣлаго часа, на единѣ съ нимъ проведеннаго, онъ не почувствовалъ скуки; прощаясь со мной, сказалъ онъ, что, къ сожалѣнію, его княгиня Татьяна Васильевна находится въ подмосковной деревнѣ, Вязёмахъ, но что по возвращенію ея, онъ хочетъ меня ей представить. Я же былъ почти на отъѣздѣ и отвѣчалъ, что не надѣюсь скоро имѣть сію честь.

Это былъ человѣкъ примѣчательный, хотя не геніальный. Онъ находился съ матерью въ Парижѣ во время начала первой революціи;

Библиотека "Руниверс"

какъ покорнѣйшій сынъ, онъ былъ упитанъ строгими аристократическими правилами гордой княгини Натальи Петровны, а какъ семнадцатилѣтній юноша увлеченъ новыми идеями, которыя сулили міру блаженство. Сіе образовало весьма необыкновенный характеръ; въ немъ встрѣчалось все то, что было лучшаго въ рыцарствѣ со всѣмъ, что было хвалы достойно въ республиканизмѣ. Болѣе чѣмъ кто былъ онъ преданъ, вѣренъ престолу, но никогда передъ нимъ не пресмыкался, никому изъ приближенныхъ къ нему не льстилъ, никогда не былъ царедворцемъ, большую часть жизни провелъ въ арміи и на поляхъ сраженій добывалъ почести и награды. Отъ того-то и въ обхожденіи его была вся прелесть откровенности добраго, Русскаго воина съ любезностію, учтивостію прежнихъ Французовъ лучшаго общества. И это была не одна наружность: подъ нею легко было открыть пучину добродушія. Удивительно ли, что Москва была такъ долго имъ очарована, когда послѣ двухъ свиданій я былъ имъ совершенно плѣненъ?

Къ сожалѣнію, какъ почти всѣ молодые баре его времени, онъ плохо зналъ Русской языкъ, за то очень хорошо постигнулъ онъ Русской духъ. Онъ зналъ, что нѣтъ никакой пользы съ этимъ народомъ капральничать, употреблять излишнюю строгость, дѣйствовать инквизиторіально, вездѣ совать носъ свой, входить во всѣ мелочи, мѣшаться даже въ семейныя, домашнія дѣла, какъ поступалъ одинъ изъ его преемниковъ: бразды правленія держалъ онъ твердою рукою, но нѣсколько опустивши ихъ. Какъ Екатерина, говорилъ онъ: vivons et laissons vivre. Онъ не потворствовалъ порокамъ, но и не преслѣдовалъ ихъ; только люди, съ худой стороны замѣченные, какого бы чина и званія они ни были, въ его общество доступа имѣть не могли. Примѣры жестокихъ наказаній у насъ не столько могутъ людей удерживать отъ зла, какъ смѣшеніе угрозъ и ласки. Въ противномъ случаѣ, дворянинъ какъ и мужикъ почувствуетъ въ душѣ какое-то ожесточеніе, скажетъ за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ и скоро можетъ дойти до преступленій. Изрѣдка, и то въ чрезвычайныхъ случаяхъ, Голицынъ умѣлъ показывать себя взыскательнымъ начальникомъ, строгимъ исполнителемъ закона. Со всѣми учтивый, даже ласковый, онъ однако умѣлъ безобиднымъ, непримѣтнымъ образомъ давать чувствовать высоту своего сана. Бывало слово: «что-то скажетъ о томъ князь, какъ это князю будетъ досадно» останавливало многихъ.

Надобно замѣтить, что у насъ Москва старое балованное дитя, которому необходимо давать немного проказничать, лишь бы было не совсѣмъ вредно для нравственности общественной. Независимое въ ней житье составляетъ главную ея привлекательность; она опустѣетъ, если

Библиотека "Руниверс"

противъ ея жителей будутъ принимаемы стѣснительныя мѣры. А при Голицынѣ она процвѣтала и все болѣе населялась. Когда въ другихъ частяхъ Россіи трепетали при появленіи свѣтло-синихъ мундировъ жандармскихъ, онъ одинъ Московскую губернію, какъ каменной стѣной умѣлъ оградить отъ Бенкендорфа и его жандармеріи. Въ ней жили также привольно, безъ оглядки, какъ бы ихъ не существовало. Онъ пользовался совершенною довѣренностію обоихъ императоровъ Александра и Николая, которые не только что уважали его, но и сердечно любили, и ни одного изъ приближенныхъ къ нимъ любимцевъ онъ не боялся. Удивительное было въ немъ искусство безъ труда повелѣвать людьми, овладѣвъ ихъ сердцами, искусство, коему научала все таже Екатерина и которое нынѣ такъ рѣдко встрѣчается. Увы, ничего нѣтъ въ мірѣ семъ прочнаго, долговѣчнаго! съ умноженіемъ лѣтъ снисходительность князя Голицына превратилась въ удивительную слабость, отъ которой происходило множество безпорядковъ въ его управленіи. Это было гораздо послѣ, и лучше бы было здѣсь о томъ и не упоминать.

Война близъ мѣстъ, въ которыхъ безъ малаго пять лѣтъ провелъ я, предметъ, который недавно такъ исключительно занималъ меня, началъ я терять изъ виду. Въ дали отъ опасностей, Московское равнодушіе ко всему, что происходитъ на границѣ и за границей, мало по малу стало и мной овладѣвать. И тѣмъ лучше, ибо дѣла наши за Дунаемъ шли довольно плохо. Огромнѣйшія силы были двинуты съ Сѣвера на Югъ, самъ Императоръ, и его братъ, и его гвардія находились при войскахъ; Англія послѣ Наварина отшатнулась отъ насъ, но и не мѣшала намъ; за то Французы намъ помогали, сражаясь въ Мореѣ. Ослабленная Турція, казалось, должна была пасть; но она держалась, защищалась упорно, и мы почти не шли впередъ. Мнѣ случилось въ Англійскомъ клубѣ спросить у кого-то, не помню, о причинѣ сильной пушечной пальбы, которую я слышалъ утромъ. «Да какъ же, развѣ вы не знаете, отвѣчалъ онъ насмѣшливо: совершено великое дѣло, и мы его празднуемъ, взяли какую то Исачку». И дѣйствительно, послѣ двухъ послѣднихъ побѣдъ при Лейпцигѣ и Парижѣ, которыя мы торжествовали, этотъ успѣхъ не могъ казаться столь важнымъ. Я вспомнилъ тогда, что въ 1810 году, въ одномъ и томъ же донесеніи графа Каменскаго о первыхъ дѣйствіяхъ Задунайской арміи, было сказано о занятіи малыхъ крѣпостей Исакчи, Тульчи и Бабадага, о взятіи штурмомъ Базарджика и о сдачѣ важной крѣпости Силистріи; и мнѣ стало за нашихъ что-то стыдно. Миновавъ Силистрію и Шумлу, все потянулось къ Варнѣ, которую обложили съ моря и съ твердой земли. Осаднымъ войскомъ начальствовалъ князь Меньшиковъ, но ему прострѣлили ногу; тогда на его мѣсто изъ Одессы былъ призванъ

Библиотека "Руниверс"

графъ Воронцовъ. Все лѣто провозились съ этой Варной и только въ началѣ Октября успѣли войти въ нее. Тѣмъ и кончилась кампанія.

Неуспѣхи этой кампаніи были для всей Россіи загадкой, которая объяснилась слѣдующею зимой. Главнокомандующій арміей былъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ, прославившійся въ 1812 году, а послѣ доказавшій, сколь малы были его военныя способности. За то никто не слушался его. Главнымъ же распорядителемъ былъ начальникъ императорскаго штаба, кипучій генералъ Дибичъ, котораго наши солдаты прозвали самоваръ-пашой. Голова его полна была стратегическихъ идей, но какъ отъ того распоряженія его безпрестанно противорѣчили одно другому, то тѣмъ и умножалось неустройство. Подвозъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ былъ медленъ и совершенно неисправенъ. Губительныя Молдавскія лихорадки свирѣпствовали въ войскѣ и въ сутки сотнями валили людей. Во многихъ мѣстахъ показалась и чума. При столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, всякая другая армія, состоящая не изъ Русскихъ солдатъ и не съ Турками имѣющая дѣло, непремѣнно была бы истреблена.

Вотъ и для меня пришла пора сбираться въ походъ, отправляться на всегдашнее жительство въ неизбѣжную Пензу, мѣста печальной родины моей, какъ говоритъ стихъ Пушкина. Лучше бы, подумалъ я, отправиться мнѣ куда нибудь на вѣчное жилище: тамъ по крайней мѣрѣ, подъ землею, могъ бы я оставаться совершенно спокоенъ. Только къ концу Іюля удостовѣрился я, что мнѣ рѣшительно отказано въ щедротахъ царскихъ, и намѣревался выѣхать тотчасъ послѣ Успеньева дня; но сестра уговорила меня провести съ ней день ея именинъ, 26 Августа, и я только 28-го Августа оставилъ Москву.

XI.

Въ ночи съ 4-го на 5-е Сентября я остановился на станціи Куглѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Пензы, во вновь построенномъ, весьма помѣстительномъ и порядочно прибранномъ почтовомъ домѣ. Мнѣ стало грустно, когда рано поутру выглянулъ я изъ окна: отъ перваго утренняго мороза побѣлѣли всѣ крыши. Но по мѣрѣ приближенія къ Пензѣ, воздухъ совершенно разогрѣвался, и мнѣ на душѣ стало повеселѣе: я думалъ о моемъ семействѣ и объ удовольствіи, которое пріѣздъ мой принесетъ, между прочими, старшей сестрѣ моей Елисаветѣ, въ тотъ день имянинницѣ.

Подымаясь по горѣ Лѣкарскою улицей и приближаясь къ низенькому на ней дому нашему, я вышелъ изъ каретки и пошелъ пѣшкомъ.

Библиотека "Руниверс"

У растворенаго окна увидѣлъ я сидящую мать мою, которая любовалась яркимъ солнцемъ, не обращая вниманія на проходящихъ, и оттого или не узнала меня, или не замѣтила. Черезъ ворота вошелъ я на дворъ и велѣлъ позвать сестру; она бросилась меня обнимать, а потомъ пошла предупредительно обо мнѣ докладывать. Предосторожности напрасныя! Какъ радость, такъ и печаль только скользятъ по сердцу старцевъ: ту и другую сильно чувствовать они уже не въ состояніи. Конечно, мать моя была растрогана моимъ пріѣздомъ, обрадовалась, а во мнѣ умножилась печаль, смотря на признаки разрушенія, обозначенныя на ея лицѣ. Ей былъ семдесятъ седьмой годъ отъ роду, а казалось лѣтъ девяносто.

Въ нравѣ ея послѣдовали также большія измѣненія. Она сохраняла твердость воли, попрежнему оставалась главой своего семейства и дома; но прежде свѣтлый разсудокъ ея не допускалъ ни до какихъ излишнихъ, несправедливыхъ требованій, а тутъ лѣтами, болѣзнями и душевными страданіями онъ былъ обезсиленъ, и они породили въ ней своенравіе и прихоти почти дѣтскія, съ коими сообразоваться, кои удовлетворять было весьма трудно.

Старшая сестра съ удивительнымъ самоотверженіемъ посвящала ей все свое существованіе, была при ней безотлучно и жила только ея жизнію. Ей было гораздо за пятьдесятъ, а она все называлась Лизанькой и находилась, какъ говорится, на побѣгушкахъ. Ею распоряжались, ее бранили, какъ дѣвочку. Но иногда старушка-мать, взявъ ее обѣими руками за голову, говорила: «сокровище мое, подпора ты моя, что бы я была безъ тебя въ моей слабости?»

Одною изъ главныхъ причинъ мрачности духа моей матери было разстроенное положеніе ея хозяйственныхъ дѣлъ. Въ 1820 году не было у нея ни одной копѣйки долгу, а тутъ не было ни одной принадлежащей ей крестьянской души, которая не была бы заложена. Какъ это случилось? Брату, когда онъ женился, необходимо было къ приданой жены его деревнѣ прикупить душъ полтораста. Денегъ у него не было, онъ заложилъ собственную и уговорилъ родительницу также заложить и часть ея имѣнія. Проценты въ казну выплачивалъ онъ самъ, а долговой капиталъ пока лежалъ на ней. Къ тому же есть слабости весьма извинительныя въ женщинахъ добродѣтельныхъ: ихъ тщеславіе имѣетъ предметомъ не себя, а мужа и дѣтей. Мать наша желала, чтобы фамильное имя вѣчно любимаго, незабвеннаго супруга было прославлено сыномъ и внукомъ, носящими сверхъ того имя его, при крещеніе имъ данное. Для того ничего не щадила она, чтобъ одного поддержать на губернаторствѣ, какъ думала она, а другаго въ званіи офицера гвардіи; то и другое по стариннымъ понятіямъ ея было очень

Библиотека "Руниверс"

важно. Между тѣмъ были и неурожайные годы; да и умственныя силы ея нѣсколько слабѣли, а она хотѣла сама одна управлять своими дѣлами и принуждена была прибѣгать къ займамъ. И вдругъ, тотъ и другой остановились на поприщѣ: одинъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, другой въ первой молодости.

Я всегда былъ любимымъ ея сыномъ; нѣжность ея ко мнѣ не уменьшилась, за то ея требованія увеличились до чрезмѣрности. Живши съ нею, когда былъ гораздо моложе, я пользовался совершенною свободой въ поступкахъ; тутъ же безъ спроса не смѣлъ я отлучиться со двора. Я могъ посѣщать только тѣхъ, кои были ей угодны. Когда для поддержанія здоровья ходилъ я прогуливаться пѣшкомъ, за мной издали всегда слѣдовалъ слуга, обязанный смотрѣть, чтобы на меня кто-нибудь не наѣхалъ, или чтобъ я не зашелъ въ какое-нибудь неприличное мѣсто. Впадая почти въ ребячество, и во мнѣ хотѣла она видѣть мальчика. Можно себѣ представить, какъ мучителенъ былъ для меня такой образъ жизни. Я безропотно покорялся ему и не дѣлалъ никакихъ попытокъ, чтобъ отъ него освободиться, зная, что, при ея горестяхъ и хворости, малѣйшее неповиновеніе мое убьетъ ее. Мое поведеніе почти никого не удивляло и казалось самымъ естественнымъ: непреклонность родительской воли и неограниченность дѣтской покорности пока все еще сохранялись въ нравахъ.

Съ приближеніемъ зимы становилось для меня еще тягостнѣе. Остывшая кровь въ жилахъ моей матери требовала большой наружной теплоты: только лѣтнею порой и въ красные дни при началѣ осени открывались ея окна, и она любила грѣться на солнышкѣ. Но коль скоро наступала глухая осень, все закупоривалось, и она никуда не выходила изъ малой горницы, жарко натопленной, гдѣ, лежа на диванѣ, принимала барынь, посѣщавшихъ ее изъ уваженія, можно даже сказать, изъ благоговѣнія. Духота была смертная, невыносимая; а какъ было жаловаться, когда и посторонніе ее переносили? Со мной нерѣдко бывали дурнота и головокруженіе.

Въ началѣ Ноября получено печальное извѣстіе о кончинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государь успѣлъ еще пріѣхать изъ арміи, чтобы закрыть ей глаза. Благотворная дѣятельность сей незабвенной женщины почти ежегодно населяла наши внутреннія области примѣрными супругами и матерями. Воспитанныя подъ ея личнымъ наблюденіемъ дѣвицы, вмѣстѣ съ хорошею образованностію наученныя всему доброму, распространяли добрые нравы въ семействахъ, въ кои возвращались. Страждущее человѣчество было также предметомъ ея неусыпныхъ заботъ. Изъ множества примѣровъ выберу я одинъ на выдержку. Въ Маріинской больницѣ лежалъ одинъ старый бѣдный мѣща-

Библиотека "Руниверс"

нинъ. У него антоновъ огонь показался на ногѣ, ее слѣдовало отнять; но онъ не соглашался и хотѣлъ такъ умереть. Императрица подошла къ его постелѣ и, желая спасти его жизнь, стала увѣщевать къ выдержанію страшной операціи. «Матушка, кабы при тебѣ: я бы, кажется, выдержалъ». Оборотясь къ доктору, спросила она, когда думаютъ къ тому приступить.—Да завтра поутру; позже будетъ опасно.—«Буду», сказала она и сдержала слово. Страдалецъ и тѣмъ не былъ доволенъ и требовалъ, чтобы, во время мученій его, она дозволила бы ему держать ея руку. Она согласилась и на то. Пусть сыщутъ гдѣ-нибудь примѣръ такого мужественнаго человѣколюбія!

Въ концѣ Ноября изъ Москвы былъ я извѣщенъ, что тамъ, наконецъ, получено предписаніе назначенныя мнѣ въ пособіе три тысячи рублей ассигнаціями выдать изъ Московскаго уѣзднаго казначейства. Это подало мнѣ новыя мысли. Я подумалъ: «малый остатокъ сбереженныхъ мною денегъ отъ Керченскаго жалованья присоединивъ къ этой суммѣ, могу я нѣсколько мѣсяцевъ, даже болѣе полугода, провести пріятнымъ образомъ въ Москвѣ на свободѣ; а тамъ что Богъ дастъ, ворочусь опять въ Пензу, поступлю рѣшительнѣе, зароюсь въ деревнѣ у брата и тамъ, по крайней мѣрѣ, обрѣту покой».

Чтобы получить дозволеніе моей матери, мнѣ непремѣнно нужно было скрыть отъ нея мои намѣренія. Я представилъ ей желанія и надежды, коихъ вовсе не имѣлъ, заговорилъ о вступленіи въ службу и безъ затрудненій получилъ ея благословеніе и согласіе.

Итакъ 9-го Декабря отпустила она меня, а 12-го числа прибылъ я въ Москву.

Не смотря на глубокій трауръ по императрицѣ, въ Москвѣ продолжались собранія и вечеринки; только танцевъ еще не было. Но съ Рождества начались балы и спектакли. Въ Петербургѣ дворъ такъ сильно пристрастился къ симъ увеселеніямъ, что въ лишеніи ихъ видѣлъ для себя жестокую обязанность и въ нѣжномъ состраданіи допускалъ ихъ въ другихъ городахъ. Москву нашелъ я въ прежнемъ видѣ, который, кажется, потомъ не долго она сохраняла. Все также въ широкихъ размѣрахъ, все тоже хлѣбосольство безъ изысканности, все таже многочисленная, лѣнивая и неопрятная прислуга, зловоніе также наполняло переднія. Однимъ словомъ, старая столица все еще была безпечна, весела и казалась счастливою. Въ послѣдствіи, частыя посѣщенія двора, облегченіе средствъ къ сообщенію съ Петербургомъ болѣе сблизили ее съ нимъ и измѣнили оригинальность ея характера.

Меня взяло раздумье. Время шло для меня быстро, незамѣтно, среди разсѣянной жизни, отъ которой я начиналъ уже уставать. Кончился 1828 годъ, начался 1829 и наступилъ уже Великій постъ. Я жилъ

Библиотека "Руниверс"

почти даромъ, издержекъ у меня было мало, исключая экипажа, что́ обходилось тогда довольно дешево и, по моимъ разчетамъ, я могъ бы продлить мое пребываніе въ Москвѣ до осени. А тамъ.... подымался передъ мной ужасный призракъ Пензы. Мысль объ обманутыхъ надеждахъ моей матери также меня мучила.

Тутъ вспомнилъ я лестныя предложенія Закревскаго, когда онъ еще не былъ министромъ, и рѣшился писать къ нему. По слухамъ, Нижегородскаго гражданскаго губернатора, Ивана Семеновича Храповицкаго, съ тѣмъ же званіемъ, переводили въ Петербургъ, и я сталъ проситься на его мѣсто. Я недолго дожидался отвѣта: министръ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ предлагалъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, ибо по заочности будто бы нельзя было ничего сдѣлать. Сестра присовѣтовала мнѣ воспользоваться случаемъ, и я, не задумавшись, ни съ кѣмъ не простясь, 23-го Марта отправился опять искать счастія.

Снѣгъ лежалъ еще на новомъ шоссе, по приказанію Государя быстро устроенномъ до Твери, и я каретку свою долженъ былъ поставить на полозья. Далѣе, до станціи Хотиловской, саннымъ путемъ было еще лучше; но оттуда уже я тащился почти по голой землѣ. Въ Валдаѣ, гдѣ опять начиналось шоссе, совсѣмъ обнаженное отъ снѣга, долженъ былъ я остановиться, чтобы сдѣлать кой-какія починки и бросить полозья. Тогда уже я шибко поѣхалъ до самаго Петербурга, куда и прибылъ 27-го Марта передъ вечеромъ.

XII.

Странное дѣло! Въ который разъ Петербургъ встрѣчалъ меня неудачами?

На другой день по пріѣздѣ поспѣшилъ я въ мундирѣ къ Закревскому и былъ имъ тотчасъ ласково принятъ, но съ перваго слова получилъ отъ него отказъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по словамъ его, долженъ быть губернаторомъ богатый человѣкъ, ибо нигдѣ для этого мѣста не требуется болѣе представительности. Къ тому, прибавилъ онъ, самъ Государь на сіе мѣсто выбралъ Бибикова.

«Да развѣ нѣтъ другихъ губерній въ Россіи?» сказалъ онъ мнѣ, «вотъ-таки теперь открывается вакансія въ Екатеринославѣ».—Я бы не желалъ», отвѣчалъ я, «возвращаться въ Новороссійскій край».—«Понимаю, сказалъ онъ, вы не поладили съ Воронцовымъ; ну что́ за бѣда, не бойтесь, мы васъ отсюда не выдадимъ». Это меня изумило: по послѣднимъ словамъ Воронцова въ Одессѣ, я почиталъ ихъ въ тѣснѣйшей связи. Я объяснилъ ему, что мнѣ желательнѣе начальствовать тамъ, гдѣ нѣтъ генералъ-губернатора и находиться подъ непосредственнымъ,

Библиотека "Руниверс"

милостивымъ его начальствомъ и покровительствомъ. Это ему полюбилось, и онъ сказалъ: «Хорошо, да только въ такомъ случаѣ надобно будетъ немного подождать. А покамѣстъ вы у меня навѣдывайтесь, навѣщайте меня, только съ условіемъ, безъ мундира, а во фракѣ, какъ вы посѣщаете другихъ знакомыхъ вашихъ». Все это казалось довольно ободрительнымъ.

Былъ я у Блудова, но не охотно согласился онъ говорить за меня Закревскому. Они оба въ Валахіи и за Дунаемъ служили нѣкогда при графѣ Каменскомъ и играли тамъ важныя роли; и хотя не было между ними несогласій, а еще менѣе вражды, но совершенная разность въ характерѣ и воспитаніи никогда не допускала ихъ сойтись между собою. Изъ уваженія къ памяти перваго благодѣтеля своего, Каменскаго, Закревскій сохранилъ связи съ двоюроднымъ братомъ его, Александромъ Александровичемъ Поликарповымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и своякомъ Блудова. Его сей послѣдній просилъ объясниться на мой счетъ съ Закревскимъ. Тотъ изъявилъ удивленіе и сожалѣніе о томъ, что будто бы я его бросилъ, и поручилъ пригласить меня въ слѣдующій день къ себѣ на вечеръ, часовъ въ восемь.

Это было въ Пятницу на Святой недѣлѣ. Мнѣ сказали, что у министра какая-то тайная конференція съ министромъ двора, княземъ Волконскимъ, и пока провели внизъ, гдѣ принимались просители. Прождавъ около часа и слыша, какъ кареты подъѣзжаютъ къ крыльцу и отъѣзжаютъ отъ него, я послалъ опять доложить о себѣ; мнѣ велѣно быть на другой день въ двѣнадцать часовъ утра. Это было ужасно обидно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ странно, что изъ любопытства узнать, чѣмъ это все кончится, принудилъ я себя поѣхать и на другой день. Я вошелъ въ комнату, аудіенцъ-камеру, наполненную просителями всякаго рода и состоянія. Скоро явился и самъ министръ; принимая прошенія и коротко отвѣчая на нихъ, онъ раза два прошелъ мимо меня, будто меня не замѣчая; наконецъ къ послѣднему подошелъ ко мнѣ и вопросилъ: что вамъ надобно? Я взглянулъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ: «Мнѣ? Ничего. Вы приказали мнѣ вчера явиться къ вечеру, потомъ сегодня поутру, и я явился, дабы узнать что вашему высокопревосходительству угодно». Въ примѣтномъ замѣшательствѣ промолвилъ онъ: «Да вѣдь нынѣ еще Святая Недѣля; Христосъ воскресъ!» «Во истину», отвѣчалъ я, и мы облобызались. Потомъ повелъ онъ меня въ боковую комнату, гдѣ былъ его особый кабинетъ, и тамъ сказалъ мнѣ: «Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ отпускъ; а вы пока напишите мнѣ записочку, въ которой скажите, что такой-то желаетъ получить губернаторское мѣсто въ такой-то и въ такой то губерніи; я положу ее въ свой портфель, не забуду ея, и когда откроется вакансія, вы

Библиотека "Руниверс"

непремѣнно получите желаемое». Поблагодаривъ его за добрыя намѣренія, я отвѣчалъ, что воспользоваться ими не могу, ибо имѣю въ виду другую должность въ Петербургѣ. «Очень радъ», сказалъ онъ, «желаю вамъ счастія», и мы разстались.

Сдѣлавшись товарищемъ Шишкова, совѣстливый Блудовъ щадилъ его старость, оказывалъ всевозможное уваженіе, старался заставить его забыть прежнія литературныя ссоры, прилежно вникалъ во всѣ дѣла министерства, но, при случаѣ несогласія въ мнѣніяхъ, всегда искусно и осторожно склонялъ его на свою сторону, тогда какъ, въ силу данной ему инструкціи, онъ ежедневно могъ бы раздражать его. Впрочемъ и Шишковъ такъ ослабѣлъ, что при докладываніи ему бумагъ почти всегда засыпалъ крѣпкимъ сномъ.

Никогда почти Шишковъ не видалъ Государя; а Блудовъ, имѣя много и особыхъ порученій, нерѣдко бывалъ у него съ докладомъ.

Однажды, между разговоромъ, Государь мимоходомъ вспомнилъ, съ какимъ неудовольствіемъ видѣлъ онъ Уніатскихъ священниковъ когда онъ начальствовалъ гвардейскою бригадой въ Литвѣ.—«Какъ бы ихъ къ намъ присоединить?» сказалъ онъ. — «Дѣло трудное», отвѣчалъ Блудовъ, «надобно дѣйствовать осторожно во всемъ что̀ касается до совѣсти и вѣры и при нашей общей вѣротерпимости. Если бы можно было открыть между ихъ духовенствомъ людей, которые бы согласились намъ способствовать, тогда бы можно ожидать успѣха».—«Да вѣдь я не тороплю», сказалъ Государь, «скоро не требую, а желаю только, чтобъ это дѣло оставалось у насъ въ виду».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Государь, призвавъ Блудова, сказалъ ему: «пока ты ищешь людей, а я тебѣ нашелъ человѣка; на, возьми, прочитай», и вручилъ ему бумагу, четко и мелко исписанную. Въ ней изображено было все горестное состояніе Греко-уніатской церкви, ея бѣдность, ея уничиженіе, преслѣдованіе Римскихъ католиковъ и упорство, съ какимъ Уніаты стараются сохранить обряды отцовской вѣры. Пробѣжавъ ее, Блудовъ, изумленный силою слога и ясностію изложенія дѣла, воскликнулъ: «да, это точно находка; позвольте мнѣ, В. В., призвать этого человѣка и переговорить съ нимъ». — Ну дѣлай, какъ хочешь», отвѣчалъ Государь. Сія длинная записка приложена была къ коротенькой докладной запискѣ Шишкова.

Сочинителемъ ея былъ Іосифъ Симашко, Уніатскій каноникъ, сынъ бѣднаго сельскаго священника въ Кіевской губерніи, съ величайшимъ успѣхомъ учившійся въ Виленскомъ университетѣ. . . . . Карташевскій, кажется, сначала дѣйствовалъ безъ вѣдома Блудова. Съ его робостію, онъ имѣлъ въ виду только удовольствіе со временемъ нѣсколько ослабить силу Католиковъ. Въ этомъ намѣреніи склонилъ онъ министра

Библиотека "Руниверс"

и его товарища поставить преграду дальнѣйшему распространенію Католицизма въ западныхъ губерніяхъ запрещеніемъ строить, подъ именемъ каплицъ (часовенъ), каменныя церкви посреди Православнаго населенія. Вотъ что̀ подало Симашкѣ мысль и возбудило въ немъ смѣлость представить свою записку.

Иновѣрная духовная коллегія состояла изъ двухъ департаментовъ, Римско-католическаго и Греко-уніатскаго. Въ каждомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ и было по одному члену изъ епископовъ и по нѣскольку канониковъ, депутатовъ изъ епархій, отъ выборовъ на три года; въ числѣ послѣднихъ находился и Симашко. Въ ихъ общихъ собраніяхъ большинство голосовъ было всегда на сторонѣ Католиковъ, которые самовластно господствовали надъ бѣдными Уніатами. Чтобъ ихъ со временемъ присоединить къ Православію, нужно было напередъ разъединить ихъ съ Католиками. Учрежденіемъ особой Греко-уніатской коллегіи положено основаніе сему по истинѣ важному предпріятію. Это было въ 1828 году, передъ самымъ отъѣздомъ Государя въ армію.

Въ тоже время отпущенъ на покой Шишковъ, и Блудовъ тогда же попалъ бы на его мѣсто, еслибы по ходатайству вдовствующей императрицы не былъ опредѣленъ министромъ просвѣщенія сынъ сердечнаго друга ея, княгини Ливенъ, человѣкъ извѣстный нравственностію и религіозными чувствами. Но онъ былъ протестантъ, и Главное Управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, какъ оно было первоначально при основателѣ его, Голицынѣ, передано было въ руки Блудова. Хотя Карташевскій и находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но мысль о подчиненности человѣку равнаго съ нимъ чина ему не нравилась. Къ тому же оставаться директоромъ единственнаго департамента въ министерствѣ подъ главнымъ начальствомъ человѣка просвѣщеннаго, ознакомленнаго со ввѣренною ему частію, умнаго, дѣятельнаго, иногда и взыскательнаго, значило бы сдѣлаться его правителемъ канцеляріи. Не прошло года, и онъ сталъ просить объ увольненіи; думали привязать его Аннинскою лентой, но онъ отъ намѣреній своихъ не отказывался.

Трудно было пріискать ему преемника въ дѣлахъ совсѣмъ особаго рода, въ которыхъ многолѣтнимъ служеніемъ пріобрѣлъ онъ великую опытность. Это дало Блудову мысль предложить мнѣ вступить въ его департаментъ пока ученикомъ и быть отданнымъ на выучку къ Карташевскому. Тутъ не было никакого лицепріятія, желанія сдѣлать мнѣ добро: онъ зналъ, какъ съ давнихъ поръ одержимъ я былъ сильнымъ Православнымъ руссолюбіемъ и видѣлъ, что въ моемъ положеніи мнѣ было не до выбора мѣстъ. Мнѣ показалось нѣсколько унизительнымъ, но я долженъ былъ согласиться. Можетъ быть, Блудовъ тогда бы еще

Библиотека "Руниверс"

рѣшился представить меня въ должность директора (какого лучшаго руководителя могъ бы я имѣть?); но онъ собирался въ дорогу, опять отправлялся за границу, въ Карлсбадъ. Временно назначили Дашкова на его мѣсто, но онъ не хотѣлъ принять его безъ Карташевскаго, и сей послѣдній согласился остаться еще на нѣкоторое время. При этомъ случаѣ, чтобы пощадить мое самолюбіе, Дашковъ уговорилъ Блудова испросить мнѣ званіе вице-директора департамента съ четырьмя тысячами рублей жалованья изъ экстраординарныхъ суммъ. Конечно, это было идти изъ поповъ во діаконы; но все таки было лучше.

Въ самый день отъѣзда Государя въ Варшаву, 25-го Апрѣля, между прочими подписаны и указы о назначеніи Дашкова временно главноуправляющимъ, о моемъ вице-директорствѣ и о пожалованіи Симашки викарнымъ Полоцкимъ епископомъ.

Болѣе недѣли послѣ царскаго отъѣзда Блудовъ не пользовался даннымъ ему отпускомъ. Онъ приводилъ къ концу нѣкоторыя дѣла, исподоволь заставлялъ меня трудиться и давалъ мнѣ изустныя наставленія. Пріятно ему было видѣть, какъ я вспыхнулъ отъ радости, когда онъ началъ мнѣ открывать тайныя предположенія на счетъ Уніи: это было такъ согласно съ моими политическими и религіозными мнѣніями. Я всегда полагалъ, что нѣтъ узъ, которыя бы крѣпче связывали между собою разные народы, одному правительству подвластные, какъ единовѣріе, и не могъ надивиться, какъ сія простая истина не бросалась въ глаза правительственнымъ лицамъ. Даже Поляки понимали ее и, дабы ополячить Украйну, старались ее католицизировать.

Все-таки Блудовъ состоялъ еще товарищемъ министра просвѣщенія и ладилъ съ Ливеномъ, что̀ мнѣ казалось гораздо труднѣе, чѣмъ съ Шишковымъ. Правда, онъ почти исключительно занимался особо ввѣренною ему частію и мало входилъ въ дѣла просвѣщенія, но странности Ливена были невыносимы. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ повезъ меня къ нему знакомить, дабы въ случаѣ нужды доставить мнѣ его покровительство. Передъ тѣмъ тоже самое сдѣлалъ онъ съ Карташевскимъ и съ начальникомъ отдѣленія Покровскимъ. Въ старцѣ, которому прямой станъ и генеральскіе эполеты давали еще нѣкоторый видъ бодрости, трудно мнѣ было узнать Карла Андреевича, храбраго полковника съ Егорьевскимъ крестомъ, неутомимаго танцовщика, котораго, будучи малолѣтнымъ, часто видѣлъ я въ Кіевѣ у моихъ родителей. На лицѣ его было написано благодушіе, изображающее совершенно спокойное состояніе духа, плодъ истинно-христіанскихъ чувствованій, коими былъ онъ проникнутъ. Онъ принялъ меня очень ласково, звалъ къ себѣ обѣдать когда хочу, хотя бы всякій день, но о Кіевѣ ни полслова, какъ бы избѣгая воспоминанія о прежнихъ по мнѣнію его за-

Библиотека "Руниверс"

блужденіяхъ. Онъ принадлежалъ къ сектѣ Гернгутеровъ или Моравскихъ братій, Германскихъ старовѣровъ, которые крѣпко держались Аугсбургскаго исповѣданія, или, лучше сказать, по фанатизму своему и могуществу, былъ ихъ главой. Въ Остзейскихъ губерніяхъ дворянство его ненавидѣло за быстрое распространеніе сей секты между жителями: въ короткое время число сектаторовъ его стараніями отъ трехъ тысячъ возрасло до сорока. Оно могло быть вредно и для государства вообще: между Лютеранами-мужиками Православная вѣра, въ случаѣ ихъ обращенія, встрѣтила бы гораздо менѣе затрудненій, чѣмъ между этимъ отчаяннымъ народомъ. Связанный съ Ливеномъ узами службы, Блудовъ былъ имъ отмѣнно любимъ и терпѣливо переносилъ непріятное сіе положеніе; да и серіозно сердиться на него было невозможно, а ссориться не безопасно. Я же попытался было раза два у него обѣдать; но добровольно, безъ всякой цѣли, осуждать себя на скуку и сухоядѣніе мнѣ показалось безразсуднымъ. Случалось иногда, что присланный откуда-нибудь чиновникъ, съ важнымъ порученіемъ, застанетъ его въ залѣ, громко распѣвающаго псалмы передъ налоемъ. Онъ обернется къ нему, выслушаетъ его, но, не отвѣчая ему, продолжаетъ свою литургію и уже по окончаніи ея примется за дѣло.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я лѣто 1829 года; оно было не холодно и не жарко, не дождливо и не сухо. Дѣла наши съ Турками шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году: весь политическій горизонтъ въ Европѣ, казалось, выяснился. Слѣдствіемъ лѣченія минеральными водами въ Москвѣ было самое удовлетворительное состояніе моего здоровья; всѣ лихія болѣсти меня покинули. Голова моя была полна пріятной мысли, что я могу содѣлаться участникомъ въ полезномъ и святомъ дѣлѣ.

Для служащихъ подъ его начальствомъ Дашковъ былъ сокровищемъ: никто лучше его не умѣлъ сдѣлать службу для нихъ пріятною, особенно для тѣхъ, коихъ онъ любилъ и уважалъ; это испыталъ я тогда на себѣ. Докладовъ не принималъ онъ у себя дóма, а каждую недѣлю одинъ разъ пріѣзжалъ въ департаментъ для выслушанія ихъ. По окончаніи занятій всегда проходилъ со мною мимо чиновниковъ рука объ руку, дабы показать нѣкоторое равенство между нами, и потомъ мы уѣзжали вмѣстѣ, въ его каретѣ.

Карташевскій, тоже мой начальникъ, былъ со мною взыскателенъ; но какъ же? Требовалъ, чтобы всякій день бывалъ я въ департаментѣ, а когда случится, что лѣность мнѣ помѣшаетъ, онъ позволялъ себѣ самые учтивые, самые нѣжные упреки. Всѣ входящія бумаги прочитывали мы вмѣстѣ. Всѣ важныя, секретныя дѣла прежняго времени для прочтенія давалъ мнѣ на домъ, вводилъ меня во всѣ таин-

Библиотека "Руниверс"

ства своей части и поступалъ вмѣстѣ и братски, и учительски. Замѣтно было, что онъ спѣшилъ передать мнѣ свое наслѣдство. Ему было лѣтъ пятьдесятъ, но, будучи сухощавъ и заботливо опрятенъ, онъ казался моложе: нравственная чистота отвѣчала наружной. Главнымъ недостаткомъ его была нерѣшительность. И у меня онъ требовалъ совѣтовъ; когда же я излагалъ мнѣніе, онъ спѣшилъ опровергать его, но лишь только я отъ него отступался, какъ онъ приставалъ къ нему. Онъ былъ сынъ небогатаго дворянина Уфимской губерніи; не знаю гдѣ учился, но хорошо выучился. Женатъ былъ онъ на Надеждѣ Тимоѳеевнѣ Аксаковой, женщинѣ весьма любезной, съ которою онъ меня познакомилъ.

Князь Долгоруковъ не былъ настоящимъ министромъ юстиціи, а только управляющимъ министерствомъ, товарищемъ бывшаго министра Лобанова. Дать ему товарища значило почти тоже, что̀ сказать: выходи вонъ. Крайне тѣмъ оскорбленный, Долгорукій не хотѣлъ допустить своего товарища къ занятіямъ по своему министерству, подъ предлогомъ, что онъ управляетъ особою, отдѣльною частію. Дашковъ повиновался, но представилъ о томъ Государю въ Варшаву. Скоро пришелъ отвѣтъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ непріятнымъ замѣчаніемъ, объяснено, что одно для Дашкова временное назначеніе, а другое — прямая его обязанность. Чтобъ изъявить свое неудовольствіе, Долгоруковъ сталъ проситься въ отпускъ на 28 дней, получилъ его и сдалъ министерство своему товарищу. Время было каникулярное, вакантное, и у нашего временнаго начальника оставалось его довольно, чтобы часть его удѣлить занятіямъ по нашему департаменту. Но лишь только, по окончаніи срока отпуска, Долгоруковъ объявилъ о намѣреніи вступить опять въ должность, какъ былъ уволенъ отъ нея, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а Дашковъ былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ.

Это было въ половинѣ Іюля. Тогда, озабоченный дѣлами важной и новой должности, въ которую вступалъ уже полнымъ хозяиномъ, Дашковъ объявилъ, что нашими дѣлами онъ можетъ заниматься поверхностно. Я видѣлъ его рѣдко въ министерскомъ домѣ, куда онъ переѣхалъ, Карташевскій еще рѣже, а прочіе наши сослуживцы никогда. И это продолжалось также недолго.

Всѣ рекомендаціи Блудова у Ливена имѣли большой вѣсъ. Симъ пользуясь, Карташевскій умѣлъ понравиться министру просвѣщенія, который представилъ объ учрежденіи новаго учебнаго округа въ Бѣлоруссіи и о назначеніи его попечителемъ оного. Указъ воспослѣдовалъ о томъ 8-го Августа. Дашковъ не почиталъ себя въ правѣ поручить мнѣ департаментъ, а представилъ о томъ въ Комитетъ Министровъ,

Библиотека "Руниверс"

который, съ высочайшаго разрѣшенія, и назначилъ меня исправляющимъ должность директора.

Итакъ, не думавъ, не гадавъ, сдѣлался я почти одинъ главою департамента, который вмѣстѣ съ тѣмъ и составлялъ особое небольшое министерство. Другаго бы на моемъ мѣстѣ обрадовало, а меня испугало: я опасался, чтобы не надѣлать множества глупостей. Дашковъ гораздо болѣе имѣлъ ко мнѣ довѣренности, чѣмъ я самъ къ себѣ. Я сдѣлалъ нѣжное воззваніе къ моимъ сотрудникамъ, обратился къ ихъ опытности, и всѣ они изъявили готовность усердно мнѣ помогать.

Между Протестантскими церквами по обоимъ наименованіямъ, Лютеранскому и Реформатскому, царствовала страшная неурядица, не было единства, каждая консисторія управлялась по своему, ни въ богослуженіи, ни въ нарядѣ пасторовъ не было единообразія, а что̀ важнѣе всего, не было главнаго правительственнаго мѣста, подобно коллегіи у Католиковъ. Для государства вообще тутъ не было никакого вреда, мнѣ кажется, была даже польза; но Ливенъ и Нѣмцы, которые у насъ такъ сильны, вопіяли и молили объ уставѣ для Евангелическаго исповѣданія. Одинъ видѣлъ въ томъ средство для распространенія своей секты; другіе, напротивъ, надѣялись остановить тѣмъ ея дѣйствія. Блудовъ, уступая общему желанію, испросилъ учрежденіе особаго на сей предметъ комитета, который бы производилъ свои работы подъ наблюденіемъ и руководствомъ департамента духовныхъ дѣлъ. Къ началу осени онъ долженъ былъ собраться и открыть свои засѣданія.

Подъ предсѣдательствомъ сенатора графа Тизенгаузена, комитетъ сей долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ свѣтскаго и духовнаго званія. Старшими же членами назначены два епископа: одинъ домашній, единственный С.-Петербургскій епископъ Сигнеусъ, бывшій Абовскій; другой, выписной изъ Пруссіи, Померанскій епископъ Ритшль*). Одни приготовленія къ открытію комитета вовлекли насъ въ большую переписку. Надобно было видѣть, какъ нѣкоторые Протестанты, и въ особенности начальникъ Протестантскаго отдѣленія Фонъ-Поль, засуетились передъ пріѣздомъ Пруссака. Казалось, что ожидаютъ чрезвычайнаго посла отъ какой-нибудь великой державы. Для него отъ казны нанято было прекрасное помѣщеніе съ мебелью, на Англійской набе-

*) Не говоря объ Англіи и объ Англиканской вѣрѣ, у Протестантовъ только въ Швеціи и Даніи сохраняется званіе епископовъ. Они тоже, что̀ у насъ генералъ-суперинтенденты, съ равными имъ правами. Нельзя себѣ представить, до такой степени имя епископа ненавистно Лютеранамъ. У насъ всего только былъ одинъ, первый и послѣдній, Сигнеусъ, и тотъ въ семъ званіи переведенъ изъ Финляндіи, послѣ завоеванія ея. Король Прусскій, который такъ любилъ подражать всему тому, что̀ видѣлъ въ Россіи, учредилъ въ своихъ владѣніяхъ два епископства, Бранденбургское и Померанское.

Библиотека "Руниверс"

режной. Ко мнѣ приступили, чтобъ я встрѣтилъ его въ сей квартирѣ и самъ вручилъ ему деньги, назначенныя на его издержки. Разумѣется, я не согласился и предоставилъ эту честь г. Фонъ-Полю. Когда, увидѣвшись съ Дашковымъ, со смѣхомъ разсказалъ я ему о томъ, онъ отъ негодованія страшно нахмурилъ брови.

Я дождался перваго посѣщенія г. епископа въ черномъ фракѣ. Единственнымъ украшеніемъ его былъ наперсный, золотой, совсѣмъ гладкій крестъ на черной лентѣ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ весьма хорошимъ и благонамѣреннымъ, только при первой встрѣчѣ разсердилъ меня. Я сказалъ ему, что, вѣроятно, въ его паствѣ есть много овецъ, блеющихъ по-славянски. «Охъ, нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «въ городахъ вы ничего не услышите, кромѣ Нѣмецкаго языка; только въ деревняхъ, и то въ отдаленныхъ, еще въ употребленіи сей варварскій языкъ». Обязанность гостепріимства заставила меня замолчать.

Наконецъ мы дождались Блудова. Онъ возвратился ко дню именинъ своихъ, 21-го Сентября, и для отдыха пробывъ нѣсколько дней въ Павловскѣ, посреди своего семейства, пріѣхалъ въ столицу. Онъ одобрилъ все то, что было сдѣлано во время его отсутствія, и у меня какъ гора съ плечъ свалилась.

XIII.

Полгода прошло съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ немъ ничто меня такъ не занимало какъ вступленіе мое въ службу и приспособленіе себя къ новой должности, на которую былъ предназначенъ. За ходомъ дѣлъ какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, я не слѣдилъ и, можетъ быть, тѣмъ лучше: никогда еще въ столь блестящемъ видѣ не представлялся мнѣ міръ.

И я ли одинъ былъ недальновиденъ? Совершенное спокойствіе въ настоящемъ и самыя льстивыя надежды въ будущемъ многихъ ослѣпляли. Государь съ Императрицей, послѣ коронаціи въ Варшавѣ, нѣсколько времени въ ней оставались, потомъ посѣтили родителя въ Берлинѣ и почти все лѣто провели въ путешествіяхъ.

Конецъ траурнаго срока приближался. Исполненная величія Марія Ѳеодоровна и печальные Александръ и Елисавета лежали въ могилахъ. Царская чета начала удостоивать своими посѣщеніями частныхъ людей, разумѣется, только знатныхъ или богатыхъ. Обрадованное сею новизной, высшее общество приготовляло празднества, шумныя зимнія увеселенія. Вездѣ заблистала роскошь. Великолѣпныя казенныя зданія подымались со всѣхъ сторонъ, и театръ никогда еще не находился въ столь цвѣтущемъ положеніи. Передъ нами явились всѣ наружные признаки народнаго благосостоянія.

Библиотека "Руниверс"

Дѣла наши съ Турками шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году. Въ Азіи, перешагнувъ Саганлугъ, наши войска въ первый разъ увидѣли берега Евфрата; въ Европѣ, послѣ великой побѣды при Кулевчѣ, въ первый разъ перешли Балканъ, какъ во времена Олега подступили къ воротамъ Цареграда, и въ Адріанополѣ предписанъ былъ миръ, повидимому, самый выгодный для Россіи. Два полководца, два новые фельдмаршала, Дибичъ-Забалканскій и Паскевичъ-Эриванскій, обезсмертивъ свои имена, покрыли новою славой Русское оружіе.

Не знаю, право, какъ приступить мнѣ къ изображенію достопамятной зимы съ 1829 на 1830 годъ, когда, казалось, миръ и тишина водворились въ цѣлой Европѣ, но когда опытные люди чуяли уже приближеніе нескончаемо-бурныхъ временъ, посреди коихъ мы живемъ и понынѣ; одни ожидали ихъ съ тайнымъ удовольствіемъ, другіе съ ужасомъ. Что касается до меня, то сквозь полупрозрачную повязку, покрывавшую мои глаза, мнѣ все представлялось въ радужномъ свѣтѣ: я мечталъ о благоденствіи и могуществѣ моего отечества. Долго, долго длилось сіе ослѣпленіе. Сознаюсь въ своемъ грѣхѣ: въ ошибочное мнѣніе мое входило много эгоизма. Быстрые успѣхи по службѣ, коихъ дотолѣ я никогда не знавалъ, заставляли меня думать, что у насъ все идетъ какъ нельзя лучше. Я почиталъ себя какъ бы въ ковчегѣ, предназначенномъ для спасенія и возрожденія рода человѣческаго, и хотя съ прискорбіемъ, но безъ страха смотрѣлъ на потопъ, готовившійся поглотить весь Западъ.

Весь политическій горизонтъ казался ясенъ, а барометръ его внимательнымъ умамъ уже показывалъ непогоду. Всегда великимъ народнымъ революціямъ въ мірѣ предшествовали сильные перевороты въ нравахъ, въ мнѣніяхъ и особенно въ словесности, которая служила вѣрнымъ ихъ изображеніемъ...

Совсѣмъ безъ умысла, съ 1823 года я уклонился отъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ Европѣ. Мой міръ заключался весь въ одной Бессарабіи, а потомъ въ Керчи. Но въ 1829 году, находясь болѣе въ сношеніяхъ съ просвѣщеннымъ міромъ, я съ новымъ, особеннымъ любопытствомъ принялся за литературу, какъ иностранную, такъ и нашу. Какимъ удивленіемъ, какимъ ужасомъ я былъ пораженъ! Тѣ, которые не переставали слѣдить за постепеннымъ развитіемъ пагубныхъ системъ, не могли того восчувствовать. Не помню въ какомъ-то журналѣ я нашелъ большіе отрывки и даже цѣлыя сцены изъ трагедіи Гернани. Вѣроятно, никто изъ насъ никогда не читалъ сочиненій Прадона и Шопелена: только ихъ имена, препрославленныя въ твореніяхъ Буало, были извѣстны и мнѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что знаменитый Викторъ Гюго взялъ ихъ манеру и присвоиваетъ се-

Библиотека "Руниверс"

бѣ ихъ стихи; но нѣтъ, журналы не на смѣхъ ихъ напечатали и превозносятъ до небесъ. Случилось мнѣ также прочитать двухъ извѣстнѣйшихъ тогда поэтовъ, Казимира де-Лавиня и Ламартина: какая сила въ воображеніи и въ выраженіяхъ! Но замѣтна уже была порча въ стихотворномъ языкѣ, и я нашелъ какое-то отсутствіе благородства. Ссудили меня также романами; героемъ перваго былъ Ганъ Исландскій, болѣе медвѣдь, чѣмъ человѣкъ. Во второмъ Les Mauvais Garçons, коего авторъ скрывалъ себя подъ именемъ Библіофила Жакоба, представлены не ужасы, а всѣ пакости, всѣ мерзости неурядицы, бывшей нѣкогда во Франціи. Въ какомъ отвратительномъ видѣ является тутъ человѣчество! Все злодѣи или мошенники; первые, разумѣется, въ блистательномъ видѣ. Искусства много, и содержаніе такъ занимательно, что, не смотря на чувствуемую тошноту, я дочиталъ до конца.

Болѣе полутораста лѣтъ какъ мы живемъ чужимъ умомъ, подражая, передразнивая Европу. До временъ Екатерины всѣ тѣ, кои имѣли притязаніе на просвѣщеніе, говорили и писали по-нѣмецки. При ней показался Французскій языкъ; его произведеніями сперва плѣнилась знать, за нею всѣ молодые благовоспитанные люди. На Парнассѣ тогда господствовалъ Вольтеръ съ собратіей, и обѣ столицы наши наполнились безбожниками. Послѣ революціи, прибывшіе къ намъ, бѣжавшіе отъ нея маркизы и аббаты начали опредѣляться у насъ наставниками къ дѣтямъ. Наученные опытомъ и несчастіемъ, они обратились къ вѣрѣ и стали воспитанникамъ своимъ проповѣдывать христіанство и монархизмъ. Такъ продолжалось до 1815 года, хотя и въ этотъ промежутокъ времени являлись республиканцы, только въ небольшомъ числѣ, для занятія учительскихъ должностей въ частныхъ домахъ и казенныхъ заведеніяхъ. Съ помянутаго же года Россія начала входить въ болѣе частыя и тѣсныя сношенія съ Западомъ. Галлогерманизмъ съ двойною силой началъ дѣйствовать на читающую у насъ публику, а Нѣмецкія философическія бредни увлекать умы учащихся въ университетахъ.

Отъ театра я почти отвыкъ и рѣдко его посѣщалъ. А никогда еще на него не тратилось такъ много денегъ, никогда еще костюмы, декораціи и представленія балетовъ не были такъ великолѣпны, Французская и Русская труппы никогда еще не были такъ многочисленны. Но трагедія и высшая комедія совсѣмъ были брошены; ихъ замѣнили такъ называемыя мѣщанскія драмы и комедіи (comédies bourgeoises); особенно же изобиловали мелодрамы и водевили; однимъ словомъ, трогательное или умно-забавное должно было уступить мѣсто ужасному и отвратительному, или непристойно-шутовскому. Это было мнѣ не совсѣмъ по вкусу.....

Библиотека "Руниверс"

Уже нѣсколько лѣтъ какъ молодой Каратыгинъ блисталъ на Русской сценѣ въ трагическихъ роляхъ. Природа сама сложила его для нихъ: мужественный голосъ и лицо, высокій и красивый станъ, все дала она ему. Но дала ли она ему способности? Если нѣтъ, то онъ умѣлъ пріобрѣсть ихъ прилежнымъ изученіемъ своего искусства и благодаря совѣтамъ умной, образованной и достаточной жены. По ея желанію, съ нею ѣздилъ онъ въ Парижъ, и тамъ, дивясь Тальмѣ, какъ переимчивый Русскій, удачно старался подражать ему. Но увы, время классицизма прошло, и онъ могъ только изумлять насъ въ чудовищныхъ роляхъ. Жена его тоже имѣла много таланту въ благородныхъ роляхъ, только картавый выговоръ много вредилъ ей. Старшая Семенова сошла со сцены и вышла за князя Гагарина; меньшая Нимфодора продолжала все еще плѣнять въ маленькихъ операхъ. Сосницкій, хотя уже весьма въ зрѣлыхъ лѣтахъ, игралъ еще молодыхъ людей въ комедіяхъ. Дюръ, славный буфъ, былъ еще молодъ, но вскорѣ потомъ умеръ. Воротниковъ былъ уморителенъ, когда игралъ деревенскихъ дурачковъ и создалъ роли Филатокъ. Прочіе были все прежніе актеры; а изъ новыхъ, право, назвать некого.

Переходя изъ одной крайности въ другую, я охолодѣлъ къ Французскому театру: онъ опротивѣлъ мнѣ, и я никогда почти его не посѣщалъ. И оттого могу только припомнить себѣ и говорить здѣсь о двухъ главныхъ лицахъ тогдашней труппы. Я уже разъ назвалъ Жениса; мнѣ случалось видѣть его въ обществѣ; это былъ самый несносный Французъ, за то на сценѣ достоинъ бы онъ былъ играть одинаковыя роли съ Тальмою. Мадамъ Виржини Бурбье, красивая собою, также создана была играть Селименъ и Эльмиръ; но все это уже было брошено.

Только одинъ Итальянскій театръ меня тогда еще притягивалъ. Года за два передъ тѣмъ поручено было меломану, знатоку въ музыкѣ и самому артисту, графу Михаилу Віельгорскому на казенный счетъ выписать изъ Италіи пѣвцовъ и пѣвицъ, и онъ сдѣлалъ сіе удачно и дешево. Но такъ какъ это былъ одинъ только высшій капризъ, то первую зиму желаніе угождать, новизна, мода, заставляли лучшее общество посѣщать представленія оперъ плодовитаго и разнообразнаго Россини, который тогда былъ неистощимъ...

Библиотека "Руниверс"

КЕРЧЬ.

СОЧИНЕНІЕ

ФИЛИПА ФИЛИППОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

(1827).

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ седьмой части его Записокъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.
1893.

Библиотека "Руниверс"

*

Записка эта въ первый разъ напечатана, безъ имени сочинителя, въ I-й книгѣ Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ 1864 года, но по списку невѣрному и неполному. П Б.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКА О КЕРЧИ.

I.

Есть мѣсто въ мірѣ, почти совсѣмъ неизвѣстное, или, лучше сказать, почти совсѣмъ забытое, но не менѣе того примѣчанія достойное. Въ семъ мѣстѣ, кажется, какъ будто Европа и Азія хотятъ соединиться и тѣмъ воспрепятствовать соединенію двухъ морей, Чернаго и Азовскаго. Кажется, какъ будто въ семъ намѣреніи идутъ пространныя равнины, однѣ отъ подошвы Кавказа, а другія отъ подошвы горъ Таврическихъ, и тамъ, гдѣ бы имъ почти сойтись, онѣ отдѣляются Босфоромъ Киммерійскимъ или просто Босфоромъ (ибо Ѳракійскій знаютъ гораздо болѣе подъ именемъ Константинопольскаго пролива). Такъ-то образуются два полуострова, Керченскій и Таманскій. Сіи послѣдніе предѣлы двухъ частей свѣта, раздѣленные природою, были нѣкогда соединены подъ однимъ правительствомъ и составляли одно царство, не весьма обширное, но долго существовавшее и въ древнія времена весьма извѣстное по образованности и промышленности его жителей, по торговому и вмѣстѣ по воинственному ихъ духу, который въ нихъ сохранялся и выгодами ихъ положенія между морей, и опасностями онаго, ибо со всѣхъ сторонъ было окружено многочисленными хищными варварами.

Тѣмъ, кои чтеніемъ почтятъ сію Записку желаемъ мы вкратцѣ пересказать все, что̀ знаемъ объ древней исторіи и географіи сей земли, представить потомъ нынѣшнее положеніе ея и объяснить, наконецъ, надежды наши на будущее ея благосостояніе. О давнопрошедшемъ почерпнули мы свѣдѣнія наши не изъ Страбона, Скилакса, или Перпила, безымяннаго автора, не изъ Де-Боза, Вальяна, Кари, или Рауля-Рашета, которые въ новѣйшія времена объясняли древности Босфора (ихъ творенія не имѣли мы еще ни случая, ни возможности достать), но мы слѣдовали тому, что̀ читали въ сочиненіяхъ новѣйшихъ нашихъ соотечественныхъ авторовъ, которые ссылаются на вышесказанныхъ писателей, и тому, что̀ слышали отъ г. Бларамберга, почтеннаго и любезнаго археолога и нумизмата, который остатокъ дней своихъ посвятилъ ученымъ изысканіямъ о семъ краѣ, и все, что̀ о томъ писано, знаетъ наизусть.

Иные сочтутъ, можетъ быть, безполезнымъ знать то, что́ происходило здѣсь въ отдаленнѣйшія эпохи исторіи, тогда какъ прежнее положеніе сей

Библиотека "Руниверс"

земли не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ, когда протекли вѣка и все перемѣнилось въ мірѣ, когда открытіе Америки и новаго пути въ Индію и вообще успѣхи просвѣщенія дали новое направленіе торговлѣ. Сіе замѣчаніе, конечно, будетъ справедливо; но при видѣ обнаженныхъ степей тамъ, гдѣ были храмы и вертограды и безмолвія могилы тамъ, гдѣ были жизнь и движеніе, да позволено намъ будетъ стараться возбудить участіе и вниманіе къ симъ опустѣвшимъ, нѣкогда цвѣтущимъ мѣстамъ. Конечно, послѣ сдѣланнаго нами выше сего признанія, не станутъ подозрѣвать насъ въ намѣреніи щеголять ученостію, которой не имѣемъ.

Одна Греческая колонія, весьма извѣстная, Милетъ, въ Іоніи, была уже за шестьсотъ лѣтъ до Рождества Христова довольно богата, сильна и многолюдна, чтобы самой основывать новыя колоніи. Она послала избытокъ своего населенія на Азіятскій берегъ Босфора, а на Европейскій другихъ поселенцевъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того: вотъ начала Фанагоріи въ Азіи и Пантикапеи въ Европѣ. Сіи два сосѣдственные, новорожденные города-близнецы, безъ зависти, безъ междоусобія, съ самаго начала бытія своего, старались превзойти другъ друга въ успѣхахъ мореплаванія, торговли и въ военномъ искусствѣ, дабы защититься отъ окружающихъ ихъ Скиѳовъ. По примѣру другихъ городовъ праматери своей Греціи, они имѣли народное правленіе и по опредѣленнымъ временамъ избираемыхъ правителей, судей и военачальниковъ, и цвѣли въ тишинѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ безызвѣстности. Сіе причиною было, что происшествія, ознаменовавшія первые годы ихъ существованія, и самое названіе правителей Пантикапеи, не дошли до свѣдѣнія потомства. Извѣстно только, что Фанагорія управлялась *Археанактидами;* но какія были границы ихъ власти, на сколько времени избирались они, сдѣлались ли ихъ права, наконецъ, наслѣдственными и когда, сего также не знаютъ. Достовѣрно то, что одинъ изъ сихъ Археанактидовъ, *Спартакъ* или *Спартакосъ,* управляя Фанагоріей десять лѣтъ, распространилъ въ теченіе сего времени власть свою и завоеванія, переплылъ черезъ проливъ, овладѣлъ Пантикапеей, кою и назначилъ быть столицей, украсилъ вѣнцомъ чело свое, объявилъ себя царемъ и былъ основателемъ царства Босфорскаго или Воспорскаго. Вѣроятно, имѣя духъ властолюбивый и предпріимчивый, онъ насильственно овладѣлъ Фанагорійцами, своими соотечественниками; но что Пантикапейцы недобровольно ему покорились, сіе доказывается ихъ защитою и его завоеваніемъ. Его царствованіе началось въ 439 году до Рождества Христова и продолжалось 17 лѣтъ: десять въ Фанагоріи и семь въ Пантикапеѣ. Ему наслѣдовалъ сынъ его *Селевкъ.*

Съ сего времени исторія Воспора дѣлается извѣстнѣе, сношенія его съ Грецією становятся чаще и связи тѣснѣе. Діодору Сицилійскому обязаны первые владѣтели Воспора спасеніемъ именъ ихъ и дѣяній отъ забвенія. Нельзя сказать, чтобы владѣтели сіи мелькали только на престолѣ Воспорскомъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ царствовали болѣе сорока лѣтъ; но какъ немногіе отличаются особенными чертами характера, и царствованія немногихъ ознамено-

Библиотека "Руниверс"

ваны чрезвычайными происшествіями, то довольно будетъ сдѣлать имъ, такъ сказать, поименный списокъ, выбравъ потомъ изъ нихъ тѣхъ только, коихъ память дѣйствительно заслуживаетъ быть сохранена.

Послѣ *Селевка*, втораго царя Воспорскаго, былъ 3-й *Спартакъ II-й*, потомъ 4-й *Сатиръ I-й*, 5-й *Левконъ*, 6-й *Спартакъ III-й*, 7-й *Перисадъ*, 8-й *Сатиръ II-й*, 9-й *Пританъ*, 10-й *Эвмилъ*, 11-й *Спартакъ IV-й*. Всѣ сіи цари династіи Спартака I-го. Изъ нихъ имя *Левкона* останется навсегда извѣстнымъ по Демосѳеновой рѣчи противъ Лентина, гдѣ онъ называетъ его благодѣтельнымъ другомъ Аѳинской республики. Онъ имѣлъ право гражданства въ Аѳинахъ, и увѣряютъ, что въ Пантикапеѣ былъ воздвигнутъ мраморный столбъ, на коемъ былъ начертанъ дружественный союзъ Левкона съ Аѳинянами. Сей царь былъ законодателемъ Воспора и распространилъ его предѣлы, завоевалъ древнюю Ѳеодосію, которая была верстахъ въ 40 на Западъ отъ нынѣшней. Онъ велъ значительный торгъ хлѣбомъ съ Греціей и, по словамъ Страбона, изъ одной Ѳеодосіи вывезено въ Аѳины въ царствованіе его милліонъ сто тысячъ медимновъ жита, то-есть 550 т. нашихъ четвертей.

Перисадъ царствовалъ долго, счастливо и мудро и по смерти свой подданными своими былъ сопричтенъ къ сонму боговъ. Онъ оставилъ престолъ тремъ сыновьямъ своимъ, выше сего поименованнымъ, Сатиру II-му, Притану и Эвмилу. Изъ нихъ меньшій былъ честолюбивый властелинъ, искусный воинъ и тиранъ кровожадный. Онъ съ помощью варваровъ воевалъ противъ братьевъ своихъ, кои, одинъ послѣ другаго пали въ битвахъ, овладѣлъ престоломъ и, не довольствуясь смертію ихъ, обагрился кровію ихъ женъ, дѣтей и приверженцевъ. Но онъ царствовалъ искусно, славно и мечталъ о покореніи всѣхъ береговъ Чернаго моря, когда испуганные кони опрокинули его изъ колесницы и убили его. *Эвмилу* наслѣдовалъ сынъ его *Спартакъ IV-й*, послѣ коего исторія Воспора дѣлается неизвѣстною на 160 лѣтъ отъ потерянныхъ мѣстъ въ Діодорѣ. Послѣдній царь Спартакова рода, другой *Перисадъ*, со всѣхъ сторонъ тѣснимый варварами, добровольно уступилъ престолъ свой великому Митридату, царю Понтскому, который, къ наслѣдственнымъ владѣніямъ присоединивъ многія земли вдоль по восточному берегу Чернаго моря, сдѣлался близкимъ сосѣдомъ Воспора.

Царствованіе Митридата дѣлитъ на двое исторію сего края. До него государство сіе хотя и не было обширное, но пользовалось политическою независимостію, которую послѣ него утратило при его преемникѣ и хотя долго еще называлось царствомъ, но дѣйствительно было ни что иное, какъ Римская провинція.

Митридатъ-Евпаторъ, шестой въ Понтѣ и первый по имени въ Воспорѣ, былъ, какъ извѣстно всѣмъ, кто знаетъ исторію, мощный и лютый врагъ Рима. Послѣ сорокалѣтней съ нимъ борьбы, побѣжденъ будучи Пом-

Библиотека "Руниверс"

пеемъ въ Малой Азіи, онъ бѣжалъ въ Воспорскую свою столицу, съ новыми замыслами противъ ненавистнаго ему народа. Отсюда хотѣлъ онъ предпринять походъ черезъ Скиѳію и Панноніо, побѣждая или увлекая съ собою всѣ встрѣчающіяся ему дикія племена и уже мысленно грозилъ истребленіемъ державному, вѣчному граду; но здѣсь судьба положила предѣлъ его жизни и славы. Счастіе, подданные и дѣти, все ему измѣнило; первая Фанагорія возстала противъ побѣжденнаго героя, за нею Херсонъ, Ѳеодосія, Нимфея отложились отъ него; наконецъ, въ Пантикапеѣ однимъ утромъ, при восхожденіи солнца, увидѣлъ онъ съ горы, доселѣ носящей его имя и гдѣ стояли чертоги его, въ нижней части города, мятежное войско свое подъ предводительствомъ Фарнака, своего сына. Тогда рука одного любимца изъ состраданія избавила его отъ жизни.

Сіе происшествіе, прославившее то мѣсто, на которомъ теперь живемъ и сіе пишемъ, случилось въ 65-мъ году до Рождества Христова.

Тѣло Митридата, посланное отцеубійцею Фарнакомъ въ даръ Помпею, было съ честію предано землѣ въ Синопѣ, Понтской его столицѣ, а *Фарнакъ* утвержденъ Помпеемъ на престолѣ Воспорскомъ. Но, пользуясь возникшими потомъ междоусобіями въ Римѣ, онъ овладѣлъ и Понтомъ; вскорѣ же потомъ Юлій Кесарь, явившись послѣ Фарсальской битвы въ Малой Азіи, заставилъ бѣжать его въ Пантикапею, гдѣ оставленный имъ намѣстникомъ *Асандръ* встрѣтилъ его кинжаломъ и вмѣсто его воцарился.

Владычество *Асандрово* было продолжительно, съ начала подъ названіемъ этнарха, а потомъ царя, всего 34 года, отъ 40-го до 6-го года до Рождества Христова. Но оно съ начала было потревожено *Митридатомъ II-мъ* Пергамскимъ, коего Юлій Кесарь, наименовавъ царемъ Воспорскимъ, послалъ противъ Асандра, а сей побѣдилъ его. Послѣ же того, умѣвъ угодить Августу, Асандръ былъ утвержденъ имъ въ царскомъ достоинствѣ. Наконецъ, узнавъ, что Скрибоній посланъ Августомъ начальствовать надъ войсками въ Воспорѣ, лишилъ себя жизни голодомъ, какъ утверждаютъ, но вѣроятнѣе умеръ отъ старости (ибо ему было за 90 лѣтъ).

Прибывъ въ Воспоръ, *Скрибоній* женился на Динамисѣ, вдовѣ Асандра и дочери Фарнака, и объявилъ себя царемъ. Агриппа, бывшій тогда въ Малой Азіи, послалъ противъ него *Полемона*, царя части Понта и Малой Арменіи и сына ритора Зенона. Скрибоній былъ умерщвленъ прежде прибытія Полемона, а сей послѣдній встрѣтилъ сопротивленіе въ народѣ и долженъ былъ побѣдить его.

По смерти Полемона, шестаго Воспорскаго царя по Митридатѣ (если считать Митридата II-го и Скрибонія) были слѣдующіе цари, извѣстные только по оставшимся медалямъ: 7-й *Савроматъ I-й*, 8-й *Гепапирисъ*, супруга предшествующаго, 9-й *Рискупоръ I-й*, 10-й *Полемонъ II-й*. Сей послѣдній, возведенный на престолъ Калигулою, долженъ былъ, по повелѣнію Клавдія, усту-

Библиотека "Руниверс"

пить его 11-му *Митридату III-му*, потомку Великаго, который, прибывъ въ Воспоръ, нашелъ тронъ свой уже занятымъ 12-мъ *Котисомъ I-мъ*, братомъ своимъ.

Вотъ продолженіе списка сихъ царей:

13-й *Рискупоръ II-й*, при Домиціанѣ, въ 83-мъ году по Р. Х.

14-й *Савроматъ II-й*, при Адріянѣ.

15-й *Котисъ II-й*, тоже при Адріянѣ, который, изъ особеннаго къ нему благоволенія, подчинилъ ему Херсонъ и другія мѣста въ Тавридѣ.

16-й *Римиталкъ*, тоже при Адріянѣ, въ 132 году по Р. Х. По смерти сего императора онъ былъ изгнанъ

17-й *Эвпаторомъ*, Антониномъ на царствѣ утвержденный.

18-й *Савроматъ III-й* и
19-й *Рискупоръ III-й* } при Коммодѣ.

20-й *Котисъ III-й* при Каракаллѣ и Гетѣ.

21-й *Котисъ IV-й*.

22-й *Иннтимій*, при Александрѣ-Северѣ.

23-й *Рискупоръ IV-й*, при Гордіянѣ, Филиппѣ и до Галіана.

24-й *Тиранъ*, при Пробѣ.

25-й *Тоторсъ*, при Діоклитіанѣ, слѣдственно, уже въ концѣ третьяго столѣтія по Р. Х.

Всѣхъ сихъ владѣтелей Воспора, вышепоименованныхъ и послѣдующихъ, можно почитать болѣе губернаторами, чѣмъ царями. Царствованіе большой части изъ нихъ извѣстно только по медалямъ, въ великомъ множествѣ отрываемымъ близъ мѣстъ, коими они управляли. На одной сторонѣ видно изображеніе современнаго императора, а на другой владѣльца Воспорскаго, съ надписью: иногда *архонтосъ*, иногда *василевсъ* то есть, старѣйшина или царь. Въ самыхъ посланіяхъ своихъ императоры Римскіе называли ихъ regulus, уменшительное rex, то есть, корольками. Однимъ словомъ, ихъ можно примѣнить къ ханамъ Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ, утверждаемыхъ нашимъ Государемъ, и кои въ Омскѣ, или Оренбургѣ, украшаются богатымъ одѣяніемъ, шапкою и саблею, отъ нашего двора имъ даруемыми; или къ малозначущимъ князьямъ, коихъ чрезъ каждыя семь лѣтъ Порта посылаетъ управлять малозначущими народами, Молдавскимъ и Валашскимъ, и коимъ, при отправленіи, вручаются отъ Султана шубы, кука и топузъ.

Кажется, въ продолженіи сего времени городъ Пантикапея утратилъ имя свое. Проливъ, царство, на немъ стоявшее, и столица его, все получило общее названіе Воспора. Фанагорія превратилась въ Таматархію, уже позже, при Византійскихъ императорахъ.

Около того же времени началось страшное явленіе въ мірѣ, вооруженное переселеніе дикихъ народовъ съ Сѣвера и Востока на Югъ и Западъ. Еще въ началѣ втораго столѣтія по Р. Х. Алане являются на сѣверной сторонѣ Кавказа и покоряютъ Воспоръ и Таврію, но скоро потомъ вытѣсняются Го-

Библиотека "Руниверс"

тами, около половины сего столѣтія. Какъ Воспоръ былъ въ числѣ крайнихъ предѣловъ великой имперіи съ сей стороны, то первый онъ долженъ былъ принимать удары, ей наносимые варварами. Но какъ первыя сіи вторженія можно почитать одними набѣгами, какъ побѣдители столь же быстро удалялись, какъ и приходили, и нигдѣ власти своей прочно не основывали: то земли сіи совершенно не разорялись, и царьки могли опять, подъ щитомъ Рима, продолжать свое владычество. Весьма жаль, что подробности сихъ нашествій въ исторіи не сохранились.

Но возвратимся къ Воспорскимъ царямъ и окончимъ списокъ ихъ.

26-й *Савроматъ IV-й*, при Діоклитіанѣ, имѣлъ духъ завоевательный и, побѣдивъ Лазовъ въ Колхидѣ, дошелъ до границъ царства Лидійскаго, гдѣ былъ встрѣченъ кесаремъ Констансомъ - Хлоромъ, который не могъ побѣдить его, а довольствовался обороною. Между тѣмъ протевонъ города Херсона, Христосъ, по повелѣнію Діоклитіана, собравъ войско, пошелъ къ Воспору, завоевалъ оный и не прежде оставилъ, какъ по отступленіи Савромата и заключеніи мира его съ имперіею.

27-й *Савроматъ V-й*, внукъ предыдущаго, желалъ отомстить Херсонцамъ за дѣда, но былъ разбитъ ими при урочищѣ Каффа, вѣроятно, тамъ, гдѣ нынѣшняя Ѳеодосія.

28-й *Рискупоръ V-й* извѣстенъ по медалямъ съ изображеніемъ Константина Великаго.

29-й *Савроматъ VI-й* велъ войну съ Херсонцами и предложилъ протевону ихъ, Фарнаку, единоборство, который, согласясь, употребилъ хитрость, чтобы убить его. Послѣ того побѣдитель отпустилъ побѣжденныхъ Меотійцевъ - Сарматовъ по домамъ, а Воспорянъ заключилъ въ узы, и границу, прежде бывшую въ Каффѣ, отдалилъ до какого-то Киверника, то есть, верстъ на сорокъ.

Съ симъ Савроматомъ, кажется, кончается Воспорское царство. Еще открываются по медалямъ нѣсколько царей, Рискупоровъ, человѣка два-три, Ареанзесъ и наконецъ Радамеадъ, коего самое существованіе возрождаетъ споры между учеными археологами. Главное—знать участь Воспора: имъ въ концѣ четвертаго столѣтія овладѣли Гунны и совершенно его разорили.

Чрезъ полтораста лѣтъ, побѣды полководцевъ императора Юстиніана возвратили Тавриду и Воспоръ Восточной имперіи; возвратилась и къ нимъ тѣнь благоустроеннаго правленія. Юстиніанъ возобновилъ укрѣпленіе городовъ и сдѣлалъ новыя крѣпости: Горзовиту (нынѣшній Гурзуфъ), Алустонъ (нынѣшнюю Алушту) и Лампасъ (нынѣшній Кучюкъ-Лампадъ). Все сіе не надолго: одни варвары смѣнялись другими и довершали разореніе сей благословенной и несчастной страны. Воспоръ исчезнулъ навсегда, и чрезъ

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько вѣковъ онъ долженъ былъ опять возродиться, но только уже подъ другимъ названіемъ, воскрешенный неизвѣстнымъ до того еще народомъ Русскимъ.

*

Окончивъ, такимъ образомъ, краткое историческое изображеніе древняго Воспора, слѣдуетъ, кажется, приступить и къ географическому его описанію, столько, сколько свѣдѣній нашихъ на то достанетъ.

Полуостровъ Керченскій должно считать отъ перешейка (впрочемъ, не очень узкаго, ибо имѣетъ 30 верстъ ширины), который идетъ отъ Каффы, нынѣшней Ѳеодосіи, до Арабата, гдѣ начинается коса или стрѣлка сего имени. Сіе мѣсто было, кажется, постоянною границею Воспорскаго царства на Западъ, и Асандръ укрѣпилъ его стѣною, коей остатки и по нынѣ видны. Отсюда полуостровъ идетъ до пролива безъ малаго верстъ на сто, ширины же имѣетъ во многихъ мѣстахъ болѣе шестидесяти. Въ семъ-то заключается Европейско-Воспорское владѣніе; нѣкоторые изъ царей владѣли и Ѳеодосіей, также Милетинцами основанной колоніей, и отъ нынѣшней Ѳеодосіи на Западъ лежавшей; иные же простирали свои завоеванія до рѣки Тапсиса, нынѣшняго Салгира, но не далѣе (все это не болѣе, какъ верстъ на двѣсти во внутрь земли отъ Пантикапеи).

Азіятскія владѣнія Воспора были пространнѣе и занимали почти всѣ земли между Палюсомъ Меотійскимъ, нынѣ Азовскимъ моремъ, и Кубанью, тогда называвшеюся Гипанисомъ, то есть всю нынѣшнюю землю Черноморскихъ козаковъ. Говорятъ, что Воспору принадлежали на Азовскомъ морѣ также Греками населенные города: Гермонаса и Діоскурія, но сіе не достовѣрно; Тана же или нынѣшній Азовъ никогда въ его владѣніи не былъ.

Древнѣйшіе обитатели сихъ странъ были Киммеріяне, одно и тоже съ Цимбрами, Кимбрами или Кимврами, извѣстными во времена Римской республики. По мнѣнію г. Муравьева-Апостола, Кимвровъ назвали Греки Киммеріанами, портя или поправляя пріятнѣйшими для ихъ слуха звуками названія чуждыхъ имъ народовъ, городовъ и людей. Изъ того онъ выводитъ заключеніе, что и Кримъ, или Крымъ, есть ни что иное какъ Татарами испорченное слово Кимвръ или Кимръ. Дѣйствительно, нельзя названію Крыма сыскать другаго происхожденія.

Киммеріяне были отсюда въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. изгнаны Тавро-Скиѳами или горными Скиѳами, которые потому и дали имя Тавриды всему полуострову Крымскому. Знающіе же древніе восточные языки утверждаютъ, что и понынѣ въ Азіи Тавромъ называютъ всякую цѣпь огромныхъ горъ, и что гора по-ассирійски называлась Тоира, по-халдейски Тиру и по-сирійски Туро.

Библиотека "Руниверс"

Сіи варвары, съ коими поселившимся посреди ихъ Грекамъ часто приходилось сражаться, не были однакоже кочующими и совершенно чуждыми искусству зодчества.

Основанные ими города, коими послѣ Греки овладѣли, удивляли огромностію своихъ зданій. Донынѣ еще видны основанія ихъ; они составлены изъ камней ужасной величины, такъ что можно сомнѣваться, чтобъ сіе было не твореніе природы, а рукъ человѣческихъ, если бъ они не были правильно положены и обтесаны. Г. Бларамбергъ называетъ сіе циклопскою или гигантскою работою, совершенно отличною отъ произведеній позднѣйшихъ временъ архитектуры, коихъ здѣсь также много находится остатковъ. Все Греческое прельщаетъ легкостію, красотою, вкусомъ, всѣ же творенія глубокой древности изумляютъ огромностію массъ.

Весь Керченскій полуостровъ есть плоская равнина; не доѣзжая Керчи только верстъ за двадцать, начинается цѣпь маленькихъ холмовъ, постепенно возвышающихся къ проливу и оканчивается Митридатовой горой, величайшей изъ сихъ холмовъ и выходящей мысомъ въ самый проливъ. Полуостровъ сей былъ весь населенъ, какъ думать должно; но нѣтъ ни одного извѣстнаго мѣста, ни внутри онаго, ни по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей: всѣ города тѣснились около пролива. Причиной сему полагать должно то, что Греки первоначально здѣсь основали свои жилища и потомъ распространили свои владѣнія; другая причина, что мѣсто сіе издревле изобильно было лѣсомъ и родниками лучшей воды, въ чемъ далѣе чувствуютъ недостатокъ.

Вотъ названія примѣчательнѣйшихъ мѣстъ, о коихъ говорятъ Геродотъ, Скилаксъ и Страбонъ весьма подробно, означая даже разстояніе одно отъ другаго:

1-е. *Цитея* или *Скиѳея*, на самомъ Черномъ морѣ, близъ теперешней Апухъ-горы, въ 45-ти верстахъ отъ Керчи. Сей городъ былъ построенъ Скиѳами, какъ имя его показываетъ. Есть теперь остатки фундамента сего города и въ горѣ пространныя пещеры, гдѣ были гробницы его жителей.

2-е *Киммеріонъ* по-гречески, *Киммеріумъ* по латыни, въ 17-ти верстахъ отъ Керчи, на проливѣ, близъ теперешняго селенія Камышъ-Бурунъ, построенный Киммеріянами; остатки его, равно какъ и Скиѳеи, суть громады скалъ, какъ бы волшебною силою порядкомъ положенныя. Планы сихъ городовъ сняты и начертаны г. Бларамбергомъ.

3-е *Нимфея*, любимое мѣсто Митридата, но въ которомъ онъ не окончилъ жизни, какъ тѣ, кои читали Расинову трагедію, его имя носящую, подумать могутъ. Остатки, то есть основанія сего города, видны въ 7-ми верстахъ только на полдень отъ Керчи, на горѣ, надъ старымъ карантиномъ, изъ коего, въ началѣ сего 1827 года, переведенъ карантинъ въ новое строеніе.

4-е. *Пантикапея*, нынѣшняя Керчь. О семъ городѣ будемъ говорить подробнѣе при описаніи теперешняго его состоянія.

Библиотека "Руниверс"

5-е. *Мирмикіонъ*, то есть Муравейникъ, въ 4 верстахъ отъ Керчи на Сѣверъ. Это было самое промышленное мѣстечко въ Воспорѣ: тутъ были всѣ ихъ фабрики, мануфактуры, и по трудолюбію жителей оно названо Муравейникомъ. Нынѣ построенъ на семъ мѣстѣ новый карантинъ.

6-е. *Геракліонъ* или *Иракліонъ*. Тутъ не былъ настоящій городъ, а только храмъ Геркулесовъ и около него священная ограда (enceinte sacrée), внутри коей и внѣ ея были жилища; полагать должно, что сіе было посадъ, какъ нынѣ въ Сергіевой Лаврѣ и въ другихъ монастыряхъ сіе встрѣчается. Воспоряне, будучи въ необходимости часто сражаться, изъ всѣхъ боговъ язычества поклонялись болѣе двумъ героямъ-полубогамъ, Геркулесу и Ахиллу, ихъ имя призывали на помощь въ бояхъ и ихъ заступленію приписывали побѣды надъ врагами.

7-е. *Портеміонъ* или врата Меотійскія, городокъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Еникале, въ 10-ти верстахъ отъ Керчи и въ 6-ти отъ новаго карантина. Тутъ въѣзжаютъ въ Азовское море и тутъ самое узкое мѣсто Босфора.

Древніе историки и географы съ такою точностію означили мѣста, гдѣ существовали города сіи, что съ Страбономъ въ рукахъ и считая по пяти стадій на версту или по сту сажень, весьма легко отыскать ихъ остатки. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ по ихъ описанію должны быть заливы и бухты, воды отъ береговъ удалились, и нынѣ остались соляныя озера.

На Азіятской сторонѣ извѣстны два слѣдующіе города:

8-е. *Фанагорія*, о коей часто упоминается въ сей Запискѣ; нынѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея существованія, и ея мѣсто занялъ городъ Тамань. Въ двухъ верстахъ же отъ него построена Суворовымъ крѣпость, которой, изъ уваженія къ древности, дано имя Фанагорійской.

9-е. *Ахиллея*, маленькій городъ при устьѣ или лиманѣ Гипаниса, на томъ мѣстѣ, или близъ мѣста, гдѣ нынѣ Бугазскій мѣновой дворъ съ Черкесами. Городъ сей по набожности Воспорянъ къ Ахиллу, о коей мы выше упомянули, былъ названъ его именемъ.

Въ числѣ народовъ, поработившихъ описываемую нами страну, одинъ народъ мужественный, многочисленный, сильный, на нѣсколько вѣковъ утвердилъ въ ней свое владычество. Хозары или Козары, сплеменные съ Турками, уже гораздо прежде того извѣстные своими походами въ Арменію, Иверію, Мидію, въ началѣ седьмаго столѣтія, пройдя Кавказъ, быстро распространили свои завоеванія отъ устья Волги до Днѣстра, отъ Каспійскаго до Чернаго моря, и основали, подъ управленіемъ своихъ кагановъ, могущественное, знаменитое царство, въ составъ коего вошла и Таврида. Все сіе пространство земли, и въ особенности Крымъ, получили названіе Хозаріи. Сосѣдственныхъ же съ ними Славянъ Хозары обложили данью.

Чрезъ триста лѣтъ послѣ того, около 965 года по Рождествѣ Христовѣ, сіи самые данники, Славяне, подъ названіемъ уже Русскихъ и подъ предво-

Библиотека "Руниверс"

дительствомъ князя своего *Святослава*, героя древнѣйшихъ временъ Россіи, побѣдили Хозаровъ, взяли столицу ихъ Саркелъ или Бѣлую Вѣжу на Дону, разбили потомъ Ясовъ и Касоговъ, какъ полагаютъ, Осетинцовъ и Черкесовъ, и покорили всѣ владѣнія Хозарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, въ томъ числѣ и Таматархію, древнюю Фанагорію.

Владимиръ великій и святый, сынъ Святослава, принялъ христіанскую вѣру и былъ крещенъ близъ сихъ мѣстъ, въ древнемъ Херсонѣ, все еще остававшемся подвластнымъ восточнымъ императорамъ. Получивъ Таматархію съ лежащими окрестъ ея землями въ наслѣдство отъ отца, онъ передъ смертію, при раздѣленіи своихъ владѣній между двѣнадцатью сыновьями, отдалъ ее въ удѣлъ храбрѣйшему изъ нихъ, Мстиславу.

Мстиславъ Владимировичъ, прозванный Храбрымъ и Удалымъ, былъ первымъ княземъ Таматархскимъ или (какъ Русскіе по своему переиначили) Тмутараканскимъ. Имя сего витязя славно въ нашихъ лѣтописяхъ: онъ помогъ Греческому императору, въ 1016 году, отнять у Хозаровъ Тавриду и тѣмъ сокрушить и уничтожить навсегда ихъ царство. Потомъ воевалъ онъ съ Касогами, въ единоборствѣ побѣдилъ князя ихъ, Редедю, сильнаго великана, и овладѣлъ его землями. Наконецъ, недовольный малостію своего удѣла, или, можетъ быть, скучая праздностію, собралъ подвластныхъ ему Хозаровъ, Грековъ, Черкесовъ и Касоговъ и пошелъ войною на старшаго брата своего, великаго князя Ярослава, тогда всей Россіей владѣвшаго. Покоривъ Черниговъ и одержавъ послѣ того побѣду надъ братомъ у города Листвена, заключилъ съ нимъ миръ, по коему они раздѣлили государство пополамъ, и Днѣпръ служилъ границею ихъ владѣній. Проживъ потомъ въ мирѣ и согласіи съ братомъ еще 10 лѣтъ, онъ умеръ въ 1036 году бездѣтенъ.

Послѣ кончины Ярослава (въ 1054 году), Тмутаракань и Воспоръ достались въ удѣлъ одному изъ сыновей его, *Святославу*, князю Черниговскому. По отдаленности, поручилъ онъ управленіе сей области сыну своему, Глѣбу Святославичу.

Но въ 1064 году молодой *Ростиславъ* Владимировичъ, сынъ Владимира, умершаго прежде отца своего, великаго князя Ярослава, и не получившій никакого удѣла, рѣшился вооруженной рукою пріобрѣсти оный и безъ большаго сопротивленія овладѣлъ Тмутараканью. Его отважность и побѣды надъ горскими народами устрашили коварныхъ Грековъ, съ помощію же Русскаго князя, незадолго предъ тѣмъ Тавридою овладѣвшихъ: одинъ изъ нихъ, по имени Котопанъ, вкравшись въ его довѣренность, отравилъ его ядомъ. Исторія описываетъ сего юношу красивымъ, храбрымъ и добродушнымъ, и его безвременная кончина была несчастіемъ для Россіи.

Призванный потомъ опять жителями Тмутараканской области сынъ Черниговскаго князя, *Глѣбъ* Святославичъ, прежде ею управлявшій, содѣлался ея отдѣльнымъ княземъ.

Библиотека "Руниверс"

Получивъ потомъ княжество Новгородское, *Глѣбъ*, въ 1077 году, уступилъ Тмутаракань другому брату своему, *Роману* Святославичу.

Въ половинѣ сего одинадцатаго столѣтія вышелъ изъ Азіи одинъ народъ, коего имя дотолѣ было неизвѣстно, но останется долго памятнымъ въ нашей исторіи, по бѣдствіямъ, имъ Россіи причиненнымъ. Половцы или Команы, по мнѣнію покойнаго Карамзина единоплеменные съ нынѣшними Киргизами и другихъ варваровъ превосходившіе жестокостію, вѣроломствомъ и безобразіемъ, заняли берега Чернаго моря. Сихъ варваровъ нанялъ вышеименованный князь Романъ Святославичъ, чтобы идти войной противъ дяди своего, великаго князя Всеволода; они заключили миръ со Всеволодомъ и на обратномъ пути умертвили Романа. Тогда великій князь прислалъ управлять Тмутараканью намѣстника своего, Ратибора.

Вскорѣ потомъ два молодыхъ князя, *Давидъ* Игоревичъ и *Володарь* Ростиславичъ, изъ коихъ первый былъ внукъ великаго Ярослава, а послѣдній правнукъ (будучи сыномъ князя Тмутараканскаго, Ростислава Владимировича, Греками отравленнаго ядомъ) пришли завоевать сію область и овладѣли ею.

Ихъ княженіе также было непродолжительно. Третій изъ Святославичей, *Олегъ*, долго находившійся въ плѣну у Грековъ на островѣ Родосѣ, съ помощію ихъ, возвратился въ Тмутаракань, изгналъ князей Давида и Володаря, отмстилъ за смерть брата своего, Романа и получилъ область сію по наслѣдственному праву. Всѣ сіи происшествія были отъ 1078 до 1084 года.

Чрезъ десять лѣтъ послѣ того, Олегъ Святославичъ, коего гордость и властолюбіе столь извѣстны въ Русской исторіи, взявъ въ помощь Половцевъ, пошелъ съ ними противъ двоюроднаго брата своего, Владимира Всеволодовича Мономаха, который княжилъ тогда въ Черниговѣ. Сей миролюбивый герой, дабы избавить отечество отъ междоусобія и ужасовъ войны съ Половцами, добровольно уступилъ ему Черниговъ, а самъ переѣхалъ въ Переяславль. Съ тѣхъ поръ Олегъ какъ будто забылъ Тмутараканское свое княжество, вмѣстѣ съ другими Русскими князьями велъ кровопролитныя войны противъ Половцевъ, и когда въ 1111 году одержана Русскими надъ ними знаменитая побѣда, то ничего уже о Тмутаракани болѣе не упоминается; самое имя ея исчезаетъ въ Русской исторіи. Кажется, еще прежде того городъ сей уже сдѣлался добычей Половцевъ.

Итакъ, безъ малаго полтораста лѣтъ князья Русскаго племени владѣли сею страною. Ихъ было всего шесть поколѣній: 1-й Святославъ, 2-й Св. Владиміръ, 3-й Мстиславъ и Ярославъ Владимировичи, 4-й Святославъ Ярославичъ, 5-й Ростиславъ Владимировичъ, Давидъ Игоревичъ, Глѣбъ, Романъ и Олегъ Святославичи, всѣ пятеро внуки Ярослава, и 6-й Володарь Ростиславичъ, правнукъ его.

Прошли вѣка, имя Тмутаракани и дѣянія ея князей сохранились въ исторіи нашего отечества; но долго, очень долго, не знали у насъ даже мѣста,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ существовали городъ и княжество сего имени. Писатели наши терялись въ догадкахъ; наконецъ, весьма недавно одинъ нечаянный случай рѣшилъ сію историческую задачу. Мраморная плита необыкновенной длины лежала въ Тамани у дверей казармы Черноморскихъ казаковъ и служила ступенью для входа въ нее; никто не обращалъ вниманія на высѣченную на ребрѣ ея надпись. Одинъ любопытный взоръ открылъ Русскія литеры, началъ разсматривать прилежнѣе и нашелъ то, чего тщетно дотолѣ искали. Надпись все объяснила; она нижеслѣдующая:

Въ лѣто ѕ. ф. ѳ. Їнд. г. Глѣбъ Князь мѣрилъ м̂ по леду ѡ̂ Тьмуторокана до Кърчева л и д. сажє.

Слѣдственно, въ 6586 году отъ сотворенія міра и въ 1068 отъ Рождества Христова. И разстояніе отъ Тамани до Керчи точно то, что̀ оно и по нынѣ, ровно 30 верстъ. Сія надпись подаетъ поводъ думать, что городъ Кырчевъ построенъ предками нашими на развалинахъ или изъ развалинъ упадшей и забытой Пантикапеи. Самое названіе его имѣетъ что-то Русское и похоже на Корчеву въ Тверской губерніи.

Столь счастливо найденная плита разсмотрѣна многими учеными, признана законною и положена съ честію въ Таманской соборной церкви *). Не оставалось и тѣни сомнѣнія о мѣстѣ, гдѣ была Тмутаракань, и даже симъ именемъ названъ городъ Тамань на многихъ иностранныхъ картахъ, съ тѣхъ поръ изданныхъ. Впрочемъ, удивительно только одно то, какъ сіе прежде не могло войти никому въ голову, какъ можно было полагать Тмутаракань на Окѣ, когда цѣлый рядъ ея князей всегда дѣлалъ союзы или воевалъ съ народами, обитавшими, какъ достовѣрно извѣстно, на Кавказѣ и на берегахъ Днѣпра, Дона и Азовскаго моря.

Кажется, послѣ всего вышеписаннаго, есть ли какая возможность сомнѣваться въ томъ, чтобы Воспорское царство и княжество Тмутараканское не были одно и тоже, и чтобъ найденный камень не былъ дѣйствительно драгоцѣнный остатокъ нашихъ древнихъ временъ? Утверждаютъ, однакоже, что одинъ извѣстный нашъ писатель, г. Свиньинъ, извѣстный по разнообразнымъ твореніямъ своимъ на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ, по многократнымъ путешествіямъ, по мореплаваніямъ, дипломатическимъ миссіямъ, журналамъ, рисункамъ, картинамъ, по изданіямъ своихъ и чужихъ сочиненій, по всеобщимъ своимъ познаніямъ, что сей ученый мужъ, художникъ, воинъ и законодатель, отвергаетъ сію истину, и что гдѣ-то сказалъ онъ, написалъ, или напечаталъ, что Тмутараканскій камень есть подложный.

Всѣ тѣ, кои, подобно намъ, видѣли сей камень и его надпись, могутъ утвердительно сказать, что онъ имѣетъ всѣ признаки древности. А между

*) Нынѣ въ Керченскомъ музеѣ. См. «Изслѣдованіе Тмутараканскаго камня съ Русскою надписью, Григорія Спасскаго». Спб. 1844 г. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ опасаться должно, что мнѣніе г. Свиньина, такъ давно и такъ справедливо заслужившаго довѣренность читающей публики, вовлечетъ всѣхъ въ заблужденіе, въ которомъ самъ онъ находится, что совсѣмъ объясненная историческая истина опять сдѣлается загадкой, и мы опять пошли съ гг. Татищевымъ и Свиньинымъ искать Тмутаракани около Мурома и Рязани.

Со всѣмъ уваженіемъ, которое имѣемъ къ познаніямъ г. Свиньина, не столь глубокимъ, сколь многоразличнымъ, осмѣлимся ему замѣтить, что всякій обманъ долженъ быть сдѣланъ съ какимъ-нибудь намѣреніемъ; а какое тутъ можно видѣть намѣреніе? Нѣтъ, мы не дошли еще до такой тонкости, чтобы составлять каменные фальшивые документы, и для того единственно, чтобы доказать древнее право наше на владѣніе уголкомъ земли, котораго у насъ никто не оспариваетъ, о которомъ бо́льшая часть нашихъ соотечественниковъ даже и не знаетъ, и тогда, какъ вездѣ лучшія права наши суть могущество Россіи и сила ея оружія.

Но, оспаривая г. Свиньина, мы бросили Тмутаракань въ рукахъ у нечестивыхъ Половцевъ; возвратимся же къ нимъ. Не надолго и симъ гнуснымъ варварамъ досталось терзать сію прекрасную землю: участь всей нынѣшней Югозападной Россіи была безпрестанно переходить изъ рукъ въ руки.

Страшная гроза собралась на Востокѣ, оттуда прошла она на Западъ съ ужасною быстротою, разрушая многія древнія Азіатскія царства; здѣсь разразилась она и чрезъ нѣсколько лѣтъ распространила опустошенія свои по всему нашему отечеству. Славный завоеватель, Чингизъ-ханъ, основалъ сильное Монголо-Татарское царство; сынъ и преемникъ его, Октай, слѣдуя его примѣру, послалъ племянника своего, Батыя, искать новыхъ побѣдъ на Сѣверъ и Западъ Каспійскаго моря. Тутъ встрѣтилъ сей послѣдній всегдашнихъ враговъ нашихъ, Половцевъ. Несмѣтное число воиновъ Батыя ихъ устрашило, и они сообщили свой ужасъ сосѣдственнымъ князьямъ южной Россіи. Соединя силы свои съ Половцами, сіи Русскіе князья пошли искать Татаръ, встрѣтили ихъ неподалеку отъ сихъ мѣстъ, и знаменитая съ ними битва при рѣчкѣ Калкѣ (въ нынѣшнемъ Мелитопольскомъ уѣздѣ, немного на Западъ отъ Маріуполя), въ 1224 году, истребила самое имя Половцевъ и была для Россіи первымъ изъ тѣхъ жестокихъ ударовъ, которые въ послѣдствіи времени едва ея не сокрушили.

Свирѣпый Батый, тогда удалившійся, спустя нѣсколько лѣтъ воротился опять, и въ 1239 году покорилъ всю Россію, предавъ ее огню и мечу. Основавъ Кипчацкую или Золотую Орду на берегахъ Волги, въ степяхъ Саратовской губерніи, онъ былъ первымъ ея ханомъ, но подвластнымъ великому хану Большой Орды, и владычество Татаръ простиралось тогда почти до Карпатскихъ горъ. Всѣ остатки народовъ не-Славянскаго племени, и между прочимъ Половцы, смѣшались съ ними.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ смерти Батыя, въ 1256 году, начались въ Кипчацкой ордѣ, имъ основанной, несогласія, которыя, однакоже, тогда еще ея не ослабили. Но уже вскорѣ послѣ того, около 1260 года, одинъ смѣлый воевода ханскій, по имени *Ногай*, не только сдѣлался независимымъ владѣтелемъ описываемыхъ нами мѣстъ, но повелѣвалъ въ самой ордѣ и мѣнялъ хановъ по произволу. Онъ заключилъ союзъ съ Греческимъ императоромъ, Михаиломъ Палеологомъ, женился на побочной дочери его, основалъ свои кочевья или улусы вокругъ всего Азовскаго или, какъ оно тогда уже называлось, Суражскаго моря, въ бывшемъ Воспорѣ и во всей Тавридѣ, властвовалъ болѣе тридцати лѣтъ и по смерти оставилъ Татарамъ, внѣ Крымскаго полуострова живущимъ, имя свое, которое они и донынѣ сохраняютъ.

При жизни сего Ногая, торговля съ плодами тогдашняго просвѣщенія и промышленности проникнула опять въ сіи мѣста, въ которыхъ они нѣкогда процвѣтали, но гдѣ варварство давно уже истребило и слѣды ихъ. Двѣ знаменитыя Итальянскія республики, Венеція и Генуя, спорили тогда о владычествѣ на моряхъ. Крестовые походы, въ которыхъ онѣ участвовали, познакомили ихъ съ Востокомъ. Венеціяне первые на Сурожскомъ морѣ основали колонію Азовъ; вслѣдъ за ними явились и Генуезцы на берегахъ Тавриды, сдѣлали выгодныя предложенія владѣвшимъ тогда ею Монголо-Татарамъ и выпросили у нихъ уголокъ земли, гдѣ бы учредить свою контору и складочное мѣсто для товаровъ. Имъ отвели пустое урочище, именуемое Каффа, о коемъ мы выше сего уже говорили: весьма не пространная, узкая долина, какъ бы спрятанная между моремъ и высокими горами, въ которую одинъ только въѣздъ съ Востока; они и тѣмъ остались довольны. Имѣя много золота, большую дѣятельность, искусныхъ зодчихъ, Генуезцы усердно приступили къ строенію домовъ: скоро возникъ новый, прекрасный городъ, своимъ великолѣпіемъ изумилъ Татаръ и возбудилъ ихъ опасенія и зависть. Дошло до ссоры и войны. Генуезцы подняли съ горной стороны высокія каменныя стѣны съ башнями и изъ-за нихъ смѣялись усиліямъ Татаръ. Нѣсколько разъ потомъ въ продолженіи времени воевали они, примирялись, но не упускали ни единаго случая, чтобъ не дѣлать новыхъ пріобрѣтеній и не распространять свою власть и торговлю. Въ исчисленіи городовъ и мѣстъ, коими республика владѣла тогда въ Тавридѣ, находимъ мы Балаклаву, Судакъ и наконецъ Cerchio, picciol luogo, какъ говоритъ Одерико. И такъ Греческая Пантикапея, Русскій Кръчевъ, сдѣлалась Италіанскою Черкіо, какъ послѣ обратилась въ Татарскую Керчь.

Здѣсь мѣсто упомянуть о знаменитомъ ханѣ *Узбекѣ*, въ Кипчацкой ордѣ царствовавшемъ съ 1312 по 1341 годъ и возстановившемъ прежнюю силу ея. Его имя кровавыми буквами начертано въ исторіи нашей: онъ князей безпрестанно призывалъ въ орду на судъ и на казнь, и семерыхъ, въ томъ числѣ Михаила Тверскаго и двухъ сыновей его, Димитрія и Александра, предалъ смерти. Онъ любилъ сіи мѣста и по нѣскольку мѣсяцевъ забавлялся

Библиотека "Руниверс"

звѣриною ловлею на великомъ пространствѣ отъ Тавриды до Терека. Первый изъ хановъ принялъ онъ магометанскую вѣру, ввелъ ее между своими подданными, и при немъ начала она имѣть поклонниковъ въ Крыму. Изъ любви и уваженія къ его памяти, многіе Татары приняли имя Узбековъ, коими и до нынѣ называются въ Хивѣ.

Со смертію Узбека началось постепенное паденіе Золотой Орды. Въ Сараѣ, главномъ городѣ ея, одинъ ханъ смѣнялъ и убивалъ другаго, иногда три хана съ многочисленнымъ войскомъ спорили между собою о владычествѣ, возникали новыя царства, Татары рѣзались, и все возвѣщало близкій конецъ чудовищнаго ихъ могущества. Посреди сихъ неустройствъ и междоусобія возсталъ одинъ смѣлый воинъ Темникъ *Мамай*, который, не принимая титула ханскаго, повелѣвалъ ими и который могъ бы замедлить паденіе орды; но въ 1380 году разбитый Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ, онъ бѣжалъ къ Азовскому морю, въ сосѣдство древняго Воспора, и на томъ самомъ мѣстѣ, близъ нынѣшняго Маріуполя, гдѣ въ 1224 году была Калковская битва, побѣжденъ вооружившимся противъ него ханомъ *Тахтамышемъ*, потомкомъ Чингисъ-хана. Онъ скрылся въ Каффѣ, но тамъ Генуезцы коварно умертвили его въ угожденіе Тахтамышу.

Въ сіе время явился на Востокѣ *Тамерланъ*, новый ужасъ человѣчества. Подобно Чингисъ-хану возникъ онъ почти изъ ничтожества до степени властелина міра, но, кажется, еще превзошелъ его геніемъ, блестящими качествами и лютостію, владѣнія же свои распространилъ до Египта. Онъ сначала покровительствовалъ Тахтамыша, но чрезъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1395 году, озлобленный его неблагодарностію, пошелъ истребить его, настигъ между Терекомъ и Кубанью, разбилъ на голову, обратилъ въ бѣгство и въ слѣдъ за нимъ, съ безчисленнымъ войскомъ ворвавшись въ Россію, дошелъ до самаго Ельца. Бытіе нашего отечества, можно сказать, висѣло на волоскѣ, все было въ ужасѣ... но Провидѣніе, предназначившее великія судьбы сему народу, избавило его, какъ и въ слѣдующія времена неоднократно чудеснымъ образомъ спасало оно его. Тамерланъ удалился тѣмъ же путемъ, мимоходомъ разрушивъ Сарай, Астрахань и наконецъ сравнялъ съ землею богатый Венеціянскій Азовъ, предавъ, какъ онъ сказалъ, державу Батыеву губительному вѣтру истребленія.

Но оставимъ Кипчацкую орду, безпрестанно въ междоусобныхъ браняхъ идущую къ разрушенію своему. Одинъ Татарскій наѣздникъ и смѣльчакъ, старый князь *Едигей*, долго въ сихъ войнахъ участвовавшій, повелѣвавшій судьбами самихъ хановъ, при концѣ дней своихъ составилъ для себя особливое государство изъ Черноморскихъ и Азовскихъ улусовъ, то-есть изъ нынѣшней Таврической и частію Кавказской губерній. Послѣ смерти его, многочисленные его сыновья раздѣлили его владѣнія и вскорѣ потомъ погибли въ междоусобіи; тогда Черноморскіе Татары избрали ханомъ осмнадцатилѣтняго юношу, славившагося происхожденіемъ отъ Чингисъ-хана, который къ

Библиотека "Руниверс"

имени своему Ази прибавилъ, изъ благодарности къ воспитавшему его земледѣльцу Гирею, названіе сего послѣдняго. Съ симъ *Ази-Гиреемъ* началась около половины пятнадцатаго столѣтія особенная Крымская орда, разбойничье гнѣздо, которое, отдѣляемо будучи отъ Россіи пространными степями, его ограждавшими въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ, утомляло ее почти періодическими набѣгами.

Около того же времени случилось горестное происшествіе въ мірѣ: Турки въ 1453 году взяли Константинополь. Чрезъ двадцать два года послѣ того Магометъ II-й послалъ свой флотъ въ Черное море, подъ предводительствомъ капитана-паши, который завоевалъ Каффу и всѣ Генуезскія владѣнія въ Крымскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ заключилось въ 1475 году блестящее, но краткое существованіе сего торговаго города, Кучукъ-Стамбула или Маленькаго Царьграда, какъ Турки сами его назвали. Крымскіе ханы вскорѣ покорились султану и признали надъ собою его владычество. Таврида и Воспоръ, хотя и остались особливымъ ханствомъ, но вошли въ составъ владѣній Оттоманской Порты, въ зависимости коей были триста лѣтъ, безъ всякой надежды когда-либо опять озариться свѣтомъ вѣры и наукъ.

И въ сію-то эпоху, когда магометанизмъ торжествовалъ на Югѣ, одинъ сѣверный народъ, долго подъ игомъ его стенавшій, раздробленный, униженный, изнуренный, едва не исчезнувшій въ мірѣ, началъ оживать, соединяться и испытывать силы свои противъ мучителей. Любезное отечество наше воскресало. Не вдругъ установились въ немъ порядокъ и спокойствіе: Русскому народу надлежало еще пройти сквозь рядъ бѣдствій, коими Небу угодно было искусить его твердость; но, не смотря на вновь наносимые ему удары, онъ болѣе и болѣе утверждалъ свою независимость, одолѣвалъ враговъ и безпрестанно шелъ къ невидимой высокой цѣли, какъ будто внимая тайному голосу, зовущему его къ чему-то необыкновенно-великому. Едва прошло сто лѣтъ, и уже при Грозномъ Іоаннѣ Васильевичѣ всѣ Татарскія царства, порожденныя издыхающею Кипчацкой ордой, одно за другимъ предъ нимъ пали; только прелестный Крымъ остался тогда непокореннымъ: судьба хотѣла позже симъ цвѣткомъ украсить побѣдный вѣнецъ одной безсмертной, долго надъ Русскими царствовавшей.

Мы выше сего сказали, что Крымъ сдѣлался вертепомъ разбойниковъ; почти ежегодно толпы хищниковъ выходили изъ него и бросались на Литву, Польшу и Россію, не для славы и завоеваній, а для грабежа. Атаманы ихъ, именующіе себя ханами, данники Порты и ею покровительствуемые и всѣ изъ роду Гиреевъ, подражали султанамъ въ грубой роскоши; вся исторія ихъ состоитъ изъ вѣроломства, братоубійствъ и дѣяній звѣрскаго мужества. Имя одного только *Менли-Гирея*, сына Ази-Гирея, должны мы произносить съ почтеніемъ и благодарностію; онъ былъ современникъ великаго князя Ивана Васильевича, царствовалъ, какъ и онъ, сорокъ лѣтъ, всегда былъ постояннымъ другомъ его и Россіи и оказалъ безчисленныя имъ услуги.

Библиотека "Руниверс"

Все сіе пространство, между Великороссійскими владѣніями и Крымомъ, бывъ открыто для внезапныхъ вторженій Татарскихъ, наполнилось еще многочисленными вооруженными шайками бѣглецовъ изъ Россіи и Польши, которые, видя въ Черкесахъ (иначе все еще по старому Косогами или Козахами называющихся) удалыхъ наѣзниковъ и подражая ихъ молодечеству, приняли, по мнѣнію своему почетное имя ихъ, Козаковъ. Тогда мирные жители древней Россіи, Литовцами завоеванной и уже называемой тогда Малою Россіею и Украиной, должны были, для защиты семействъ своихъ, собственности и жизни, сдѣлаться вмѣстѣ хлѣбопашцами и воинами, составить родъ военныхъ поселеній и, по примѣру другихъ, также назвали себя козаками. Часть всѣхъ козаковъ сихъ основала жилища свои на Дону, другіе же по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, изъ коихъ нѣкоторые, ниже пороговъ его поселившіеся, получили названіе Запорожцевъ. Сіи послѣдніе, то союзники, то враги Крымцевъ внутри полуострова, и Ногайцевъ, внѣ онаго живущихъ, имѣли почти одинаковые съ ними нравы.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла сего края до тѣхъ поръ, пока возрастающее безпрестанно могущество Россіи и ея завоеванія къ нему не приблизились.

Еще Россія и Турція только по однимъ слухамъ знали другъ друга; скоро начались однакоже у нихъ нѣкоторыя торговыя сношенія, посреди коихъ были уже замѣтны признаки будущей непримиримой вражды между сими народами. Войны не было, а козаки и Татары, какъ бы передовое войско двухъ державъ, почти никогда не прекращали непріязненныхъ дѣйствій: одни при всякомъ случаѣ нападали и грабили сосѣдственныя имъ мѣста и города, подвластные Туркамъ; другіе продолжали набѣги свои въ Россію. Взаимныя жалобы царя и султана оставались безъ удовлетворенія; всегда одинъ отвѣтъ, одно извиненіе, что, по отдаленности, самовольства сихъ людей укротить не можно.

А между тѣмъ сіи воины, съ гордостію и удальствомъ именующіе себя *вольными* козаками, свободно избирающіе своихъ атамановъ, едва признающіе надъ собою владычество царей и великихъ князей, сіи дикіе рыцари, сіи преступные, непокорные и отпадшіе сыны Россіи, всѣ оставались привязанными къ матери своей прелестью воспоминаній, узами и крови, и языка, и вѣры. Въ сраженіяхъ они призывали на помощь святыню Московскую и Кіевскую, изображали ее на знаменахъ своихъ, усердно молились угодникамъ, почивающимъ въ сихъ древнихъ столицахъ, которыя называли святыми мѣстами и почитали наравнѣ съ Іерусалимомъ и Аѳонскою горой. Сама Россія была для нихъ какъ нѣкое божество, которому они издали поклонялись: имени ея ради, во славу и честь ея, творили чудеса и всякое значительное завоеваніе ей, одной ей, приносили въ даръ, какъ бы славою и побѣдами желая купить ея прощеніе.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, когда изнуренный злобою и развратомъ, утопающій въ крови подданныхъ, давно забывшій и добродѣтель и честь, неистовый Иванъ Васильевичъ приближался ко гробу и равнодушно смотрѣлъ на посрамленіе войскъ своихъ, отважный Ермакъ Тимофѣевичъ, съ горстію своихъ козаковъ, проходилъ неизмѣримое пространство, открывалъ, такъ сказать, новую часть свѣта, покорялъ Сибирское царство, указывалъ Россіи путь до Китая, обремененный добычею падалъ съ нею къ стопамъ недостойнаго государя и блескомъ завоеваній своихъ освѣщалъ мракъ послѣднихъ дней тирана. Такимъ образомъ Донскіе козаки изъ одного удальства въ 1637 году, въ царствованіе воинственнаго Амурата, взяли приступомъ Азовъ (Турками разоренный, но потомъ ими же укрѣпленный городъ), пять лѣтъ держались въ немъ и отсиживались, осаждаемы будучи стотысячною Турецкою арміею и многочисленнымъ флотомъ, изумляли непріятелей почти сверхъестественнымъ мужествомъ и упорствомъ, безпрестанно умоляли Россійскаго государя взять Азовъ за себя, представляя всѣ выгоды сего завоеванія, коимъ удержаны бы были Крымцы и Ногайцы отъ набѣговъ и, наконецъ, не видя никакой помощи, бросили уже удаляющимся Туркамъ однѣ развалины Азова. Добродушный, но слабый Михаилъ Ѳеодоровичъ, первый царь изъ дома Романовыхъ, отецъ великаго человѣка и дѣдъ исполина, не имѣлъ чудеснаго ихъ генія, ихъ предпріимчивости, ихъ дальновидности, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на подвиги козаковъ, милостиво принималъ ихъ посланныхъ, ласкалъ ихъ, дарилъ, но ни на что отважное не могъ рѣшиться.

Но уже наступали времена славы и величія Россіи: царствованіе мудраго Алексѣя Михайловича и правленіе умной и честолюбивой дочери его Софіи Алексѣевны приготовляли чудеса Петра Великаго. Уже первому изъ нихъ знаменитый гетманъ козаковъ Малороссійскихъ Богданъ Хмельницкій, устыдясь повиноваться Польшѣ, условіями, заключенными 6-го Января 1654 года въ Переяславлѣ, отдалъ себя, воинственный народъ, имъ предводимый и всѣ земли и города, симъ послѣднимъ занимаемые. Тогда-то и Кіевъ, древній, прекрасный, златоверхій Кіевъ, послѣ долгой разлуки, возвратился ко вздыхавшей по немъ цѣлыя столѣтія и нѣкогда крещенной имъ Россіи, возвратился къ ней во всей чистотѣ православія Русскаго; какъ мученикъ святый, неоднократно опаленный, онъ претерпѣлъ всѣ гоненія господствовавшихъ надъ нимъ язычниковъ Литовскихъ и Татарскихъ и всѣ истязанія еще лютѣйшихъ изувѣровъ, Римскихъ католиковъ, и ни на часъ не поколебался въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Казалось, съ возвращеніемъ его благодать небесная сошла на Россію. Уже во дни правительницы Софіи, въ 1686 году, союзнымъ трактатомъ противъ Турокъ, Польша отказалась въ пользу Россіи отъ мнимыхъ правъ своихъ на покровительство Малороссійскихъ козаковъ и Украины; при сей же правительницѣ, въ первый разъ Русскія войска начали дѣйствовать наступательно противъ Крыма, и любимецъ ея, князь Василій Голицынъ въ 1687 году подступалъ уже къ Перекопу.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ Петръ Великій взошелъ надъ Россіей, и все приняло въ ней новый видъ. Въ дивныя времена его Русское оружіе не проникало еще до мѣстъ, нами описываемыхъ, но кругомъ вездѣ оно уже гремѣло. Одною изъ первыхъ мыслей сего предпріимчиваго и творческаго генія была война съ Турками; первый опытъ, который хотѣлъ онъ сдѣлать изъ созданнаго имъ регулярнаго войска и устроивающагося въ Воронежѣ перваго флота, было употребленіе ихъ противъ враговъ просвѣщенія, котораго онъ алкалъ. Онъ началъ первую войну свою и, можно сказать, первую войну Россіи съ Турціей, въ 1695 году, на двадцать третьемъ году своего возраста, походомъ къ устью Дона. Сей походъ былъ не совсѣмъ удаченъ: Петръ Великій еще учился побѣждать; но на слѣдующій 1696 годъ Турки вездѣ разбиты, и взятъ приступомъ Азовъ, съ помощію тогда вѣрнаго, но послѣ славнаго измѣною своею, гетмана Мазепы. Въ 1698 году городъ сей, вслѣдствіе перемирія, заключеннаго съ Турками на два года и потомъ обращеннаго въ тридцатилѣтній миръ, уступленъ Россіи со всѣмъ округомъ.

Сіе пріобрѣтеніе было отмѣнно важно, хотя заключалось въ весьма небольшомъ пространствѣ. Оно доказываетъ, что Петръ Великій искалъ еще болѣе пользу своего народа, чѣмъ славу его, и тѣмъ въ потомствѣ умножилъ собственную. Это было единственное отверстіе, черезъ которое торговлѣ Россійской открывался тогда морской путь въ отдаленнѣйшія страны. Дабы упрочить и ополезить сіе новое пріобрѣтеніе, Петръ Великій поспѣшилъ умножить укрѣпленія Азова и на сѣверной сторонѣ моря сего имени построилъ новый портовый городъ, Таганрогъ, недавно прославленный кончиною одного изъ его преемниковъ.

Основанный полубогомъ, который населялъ и животворилъ пріобрѣтаемыя имъ безлюдныя степи Юга, равно какъ и непроходимые лѣса и болота Сѣвера, и вездѣ, гдѣ ни ступалъ, оставлялъ слѣды величія своего, юный Таганрогъ началъ быстро процвѣтать. Торговля для политическихъ тѣлъ столь же необходима, какъ воздухъ для человѣческихъ; безъ нея душно народу, она все живитъ, свѣжитъ, и движетъ, и обращается туда, гдѣ представляется ей какая нибудь возможность сообщаться. И потому нимало не удивительно, при взглядѣ на нынѣшній Таганрогскій портъ, что изъ средины Россіи, со всѣхъ сторонъ заслоненной тогда отъ морей, потекли товары къ сей единственной точкѣ, гдѣ могли они выгодно сбываться.

Здѣсь не мѣсто говорить о всѣхъ неудобствахъ сего, такъ называемаго, порта; далѣе постараемся мы объяснить ихъ. Еслибъ Петръ Великій, владѣя Крымомъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ Россія владѣетъ, избралъ Таганрогъ для учрежденія тутъ порта, то со всѣмъ благоговѣніемъ къ священной памяти величайшаго изъ Русскихъ должны бы мы были сказать, что онъ сдѣлалъ ошибку. Но онъ не избиралъ и не предпочиталъ, а основалъ тутъ торговый городъ, какъ Генуезцы въ Каффѣ, не имѣя ничего лучшаго и изъ малаго умѣя извлекать пользу. Въ запискахъ одного Англійскаго морскаго офицера,

Библиотека "Руниверс"

во многихъ походахъ его сопровождавшаго, найдено, говорятъ, недавно, что Государь самъ ему въ томъ сознавался и изъявлялъ сожалѣніе, что не имѣетъ въ рукахъ своихъ Керчи и Босфорскаго пролива.

Съ безпокойнымъ духомъ смотрѣли Турки на растущіе Азовъ и Таганрогъ. Недальновидное ихъ правительство, если не умѣло предвидѣть, то, по крайней мѣрѣ, кажется, предчувствовало, куда нѣкогда могутъ довести сіи первые шаги Московъ-гяуровъ, коихъ имя, дотолѣ съ презрѣніемъ, но тогда уже съ досадой и ужасомъ, они произносить начинали. Болѣе десяти лѣтъ не дерзали они воевать противъ Россіи; но когда низложенный подъ Полтавою, бѣшенный Карлъ XII спасся въ Бендеры, когда всегдашній недругъ нашъ, Крымскій ханъ, Девлетъ-Гирей, началъ имѣть ссшибки съ приближающимися войсками нашими, то, возбуждаема будучи ими, Порта рѣшилась, въ концѣ 1710 года, объявить войну.

Достопамятный и неудачный походъ 1711 года въ Молдавію есть событіе непріятное для самолюбія народнаго; но оно доказываетъ, какое уваженіе и страхъ Петръ Великій успѣлъ уже поселить во врагахъ своихъ. Стѣсненный между непріятельскою арміею и Прутомъ, обложенный со всѣхъ сторонъ, какъ сѣтями, сей левъ казался имъ еще ужасенъ. Первое слово о мирѣ принято съ удовольствіемъ: не смѣя коснуться его, съ радостію смотрѣли они на его удаленіе. Но миръ, заключившій сію вторую войну съ Турками, лишилъ Россію плодовъ, пріобрѣтенныхъ первою: Азовъ уступленъ имъ обратно, и разрушенъ недавно построеный молъ въ Таганрогѣ.

Двадцать пять лѣтъ продолжался миръ сей. Между тѣмъ Петра Великаго не стало; но преобразованная имъ Россія, по направленію, имъ данному, быстрыми шагами пошла къ просвѣщенію. Воцарилась суровая Анна Ивановна, или, лучше сказать, временщикъ ея, Биронъ; при немъ, въ государственномъ управленіи и въ войскѣ первыя мѣста заняли иноземцы. Одни, считая себя наставниками, призванными образовать младенчествующій народъ, съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣли на грубые нравы его и, думая исправлять ихъ строгостію, безжалостно Россію терзали; другіе, вводя дисциплину въ войскѣ, начали ломать Русскія кости, чтобы дать имъ Нѣмецкую прямизну. Все безмолвно покорствовало въ вѣрности къ престолу и къ священной крови Романовыхъ, въ жилахъ Императрицы текущей. Только одинъ Минихъ изъ всѣхъ чужестранцевъ сихъ думалъ о славѣ, и то о собственной: ему хотѣлось войны съ Турками. Походъ Крымскаго хана, Капланъ-Гирея, къ Кубани, чрезъ земли, Россіи принадлежащія, нарушеніе тѣмъ послѣдняго трактата, разбитіе хана нашими войсками, посланными препятствовать ему, и неудовлетворительные отвѣты султана, все это подало поводъ къ войнѣ, которой противился канцлеръ Остерманъ; но мнѣніе Миниха превозмогло.

Въ первый разъ послѣ ига Татарскаго, Русскія войска, въ 1736 году, вошли въ Крымъ подъ предводительствомъ искуснаго, къ сожалѣнію, не-Рус-

Библиотека "Руниверс"

скаго полководца Миниха. Упорство и неустрашимость стодесятитысячной Турецко-Татарской арміи, защищавшей хорошо укрѣпленныя линіи Перекопа, не могли остановить ихъ; они видѣли предъ собою неприступное убѣжище скрывающее толпы злодѣевъ, со столь давняго времени и такъ часто опустошавшихъ предѣлы Россіи, разбили армію, пробились сквозь укрѣпленія и кипя местію, кинулись во внутрь полуострова. Ужасовъ сей истребительной войны нельзя представить; казалось, что время нимало не изгладило изъ памяти бѣдствій, нѣкогда Татарами нашимъ предкамъ нанесенныхъ; казалось, что душа безчеловѣчнаго Бирона, тогда въ Россіи повелѣвавшаго, перешла въ каждаго изъ ея воиновъ; цвѣтущій Крымъ они залили кровію. Погибли тогда въ огнѣ и великолѣпіе Бакчисарая, и богатства Козлова: сады, мечети, бани, равно какъ и беззащитные жители, все предавалось разрушенію или смерти. Надѣлавъ много шуму, проливъ много крови, Минихъ къ осени долженъ былъ опять тою же дорогою выйти изъ Крыма.

Въ слѣдующемъ 1737 году Минихъ пошелъ къ Очакову; а другой, также иностранный генералъ, Ласси вступилъ въ Крымъ другою дорогою, идя вдоль Азовскаго моря чрезъ узкой Енпченской проливъ и Арабатскую косу или стрѣлку, пока ханъ стоялъ и ожидалъ его у Перекопа. Арабатская коса идетъ между Азовскимъ моремъ и Гнилымъ или Сивашскимъ; она имѣетъ болѣе ста верстъ длины, а ширины отъ двухъ до четверти верстъ, или и менѣе, и на концѣ ея построена, для защиты Крыма, крѣпость Арабатъ, которая даетъ ей свое имя. Ничего не могло быть отважнѣе сего предпріятія; вѣрно, Ласси зналъ, что онъ ведетъ людей, которымъ стоитъ показать опасности и приказать ихъ преодолѣть, чтобы быть увѣрену въ ихъ повиновеніи. Цѣль нимало не соотвѣтствовала дерзости предпріятія, ибо удержаться въ Крыму намѣренія не было; повторены только ужасы предыдущаго похода: восемь сотъ селеній и многолюдный торговый Карасу-Базаръ сдѣлались жертвою пламени.

Въ 1738 году Русскіе вошли въ Крымъ въ третій и въ послѣдній разъ, опять черезъ Перекопъ, съ тѣмъ же самимъ генераломъ Ласси; но едва сдѣлали три перехода впередъ, какъ должны были воротиться, чувствуя всякаго рода недостатки въ краю, ими же самими разоренномъ. Минихъ симъ временемъ обратился совсѣмъ въ другую сторону: взявши Очаковъ, онъ занялъ Хотинъ и Яссы, и потомъ осаждалъ Бендеры. Одинъ Керченской полуостровъ, уголокъ забытый, не участвовалъ тогда въ бѣдствіяхъ, весь Крымъ постигшихъ.

Въ концѣ слѣдующаго 1739 года приступила Россія къ миру, между Австріей и Турціей заключенному; все, что̀ взято, отдано опять назадъ. Тѣмъ и кончилась сія безчеловѣчная, безполезная и безславная война, достойная временъ людоѣда Бирона. Не будемъ слишкомъ строго судить воиновъ нашихъ; вспомнимъ, что въ то время почти всѣ народы такъ воевали. Скорѣе должно обвинить всѣхъ генераловъ, сихъ мнимыхъ нашихъ просвѣтителей и

Библиотека "Руниверс"

побѣдодавцевъ, всѣхъ этихъ Штокмановъ, Штофельновъ, Шпигилей, Левендалей, Брендалей, Кайзерлинговъ и Ферморовъ, коихъ имена являются въ тогдашнихъ реляціяхъ и посреди коихъ замѣтно одно только Русское имя, Аракчеева! Устрашая Русскихъ солдатъ болѣе, чѣмъ непріятели, имъ легко бы было удержать ихъ отъ жестокостей, но, можетъ быть, не безъ удовольствія смотрѣли они на остервенѣніе ихъ и тѣшились отчаянной борьбой двухъ храбрыхъ народовъ, какъ медвѣжьей травлей. Кого въ семъ случаѣ варварами назвать можно?

Мы приблизились къ эпохѣ блистательнѣйшей въ исторіи нашего Отечества. Божество, во образѣ женщины, возсіяло въ 1762 году на Россійскомъ престолѣ, и потомъ, въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ, лило на народъ, ему поклоняющійся, просвѣщеніе, счастіе и славу. Въ золотой вѣкъ Екатерины Второй Русскіе рѣшительно взяли верхъ надъ Турками.

Первая война съ ними началась въ 1768 году; предлогомъ къ оной служило имъ преслѣдованіе нашими войсками Польскихъ конфедератовъ до Балты, города, Турціи принадлежащаго. Мы слишкомъ удалились бы отъ предмета своего, еслибъ позволили себѣ, хотя вкратцѣ, описывать походы Румянцова въ Молдавію и за Дунай. Скажемъ только, что кампанія 1770 года открыта была блестящимъ образомъ: побѣдою его, 21-го Іюля, при Кагулѣ, морскою побѣдою Орлова, 24-го Іюня, при Чесмѣ, и взятіемъ неприступной тогда крѣпости Бендеръ Панинымъ.

Въ 1771 году другая армія, подъ предводительствомъ князя Василія Михайловича Долгорукаго, названнаго за то Крымскимъ, заняла полуостровъ сего имени. Она вошла двумя отдѣленіями: первое, не встрѣтя сопротивленія, переправилось чрезъ Ениченской проливъ и прошло Арабатскую косу, а второе должно было опять пробиваться чрезъ линіи Перекопа.

Съ удивленіемъ увидѣли жители Крыма посреди себя мирными гостями тѣхъ самыхъ воиновъ, которые съ небольшимъ тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, казалось, хотѣли оставить въ цвѣтущемъ ихъ краѣ однѣ могилы и развалины. Такъ времена и люди перемѣнились. Такое поведеніе имѣло послѣдствія самыя выгодныя для Россіи. Татаръ легко убѣдили сбросить съ себя иго Оттоманской Порты, признать надъ собою покровительство Россіи и свободно пользоваться правомъ самимъ избирать своихъ хановъ, изъ семейства, триста лѣтъ ими владѣющаго. При радостныхъ восклицаніяхъ и съ большимъ торжествомъ выбрали они и посадили на престолъ молодаго Сагинъ-Гирея, котораго судьба назначила быть послѣднимъ ханомъ Крымскимъ.

Въ семъ самомъ 1771 году древній Воспоръ или Тмутараканское княжество коего, имена уже давно были забыты въ мѣстахъ, ихъ носившихъ, увидѣли опять, послѣ шести съ половиною вѣковъ, прежнихъ властителей своихъ, Русскихъ. Отрядъ ихъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Николая

Библиотека "Руниверс"

Владимировича Борзова, приблизился къ Киммерійскому проливу и занялъ на берегу его двѣ крѣпостцы весьма не важныя, въ десяти верстахъ одна отъ другой отстоящія, Керчь, старую, и Еникале, новую крѣпость, какъ имя сіе потурецки означаетъ. Подлѣ каждой изъ нихъ форштатъ, изъ шести или семи Татарскихъ хижинъ состоящій, и вокругъ—безчисленное множество могилъ и кургановъ. Вотъ въ какомъ видѣ предстала имъ тѣнь Воспорскаго царства.

Между тѣмъ безпрестанные успѣхи Румянцова нѣсколько лѣтъ съ ряду, совсѣмъ въ другой сторонѣ, утомили Турецкое правительство и заставили новаго султана, Абдулъ-Гамида, приказать верховному визирю своему заключить миръ, во что бы ни стало. Миръ сей подписанъ 10-го Іюля 1774 года побѣдоносною рукою Румянцова въ палаткѣ сего великаго полководца, въ лагерѣ при деревнѣ Кучюкъ-Кайнарджи. Условія его были умѣреннѣе, чѣмъ Турки ожидать могли. Возвращеніе совсѣмъ уже разореннаго и почти не существующаго Азова, признаніе независимости Крымскихъ хановъ, присоединеніе къ Россіи Керчи, Еникале и Кинбурна [1]), вотъ главныя статьи.

Почему Императрица довольствовалась тогда пріобрѣтеніемъ сихъ незначительныхъ мѣстъ, мы того сказать не можемъ; была ли она, подобно Петру Великому, убѣждена выгодами положенія Керчи для торговли? Видѣла ли она въ Воспорѣ древнюю собственность Россіи, которую возвратить надлежало? Или, что̀ всего вѣроятнѣе и что̀ въ послѣдствіи времени опытъ показалъ, она тогда уже имѣла намѣреніе, чтобы, схвативъ съ обоихъ концовъ послѣдній обломокъ огромнаго, нѣкогда наше Отечество подавлявшаго и давно уже погибшаго, Батыева царства и отдѣливъ его отъ Турокъ, послѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, безъ усилій, приставить его къ Россіи?

Промежутокъ времени между первою и послѣднею Турецкою войною при императрицѣ Екатеринѣ миромъ назвать невозможно. Едва прошелъ годъ послѣ заключенія Кайнарджійскаго трактата, какъ уже верховный визирь началъ съ негодованіемъ говорить Русскому послу, князю Репнину, объ уступкѣ, сдѣланной Турціей, и изъявлять надежду на непродолжительность мира. Съ тѣхъ поръ были безпрерывныя покушенія Турецкаго правительства, чтобы возстановить власть свою въ Крыму; тайно имъ подосланные старались взбунтовать Татаръ. Селимъ-Гирей, родственникъ хана, явился въ Бакчисараѣ и, по бѣгствѣ сего послѣдняго въ Каффу, сѣлъ на его престолѣ, поддержанный возмутившимся народомъ. Гарнизоны, оставленные въ Кинбурнѣ и Керчи, и другія войска, вблизи находившіяся, заняли полуостровъ, и все пришло въ прежній порядокъ. Показался Турецкій флотъ, начались

---

[1]) Кинбурнъ или Киль-Бурунъ и Акиль-Бурунъ, то есть, Ахилловъ носъ или мысъ, есть крѣпость, построенная Турками на остроконечности Таврической губерніи, гдѣ кончается лиманъ Днѣпра и начинается Черное море, противъ Очакова и подлѣ длиннаго острова, Тендры, гдѣ, равно какъ и на мысу семъ, было Ахиллово пристанище и праздновались игры въ честь сего полубога.

Библиотека "Руниверс"

и непріязненныя дѣйствія, былъ уже явный разрывъ; но стараніемъ Французскаго посланника, Сенъ-При, въ 1779-мъ году, кое-какъ поладили, и новый договоръ подтвердилъ всѣ прежніе.

Еще за годъ до того явно обнаружилось намѣреніе Екатерины овладѣть Крымомъ и всѣмъ пространствомъ, между имъ и Россіей находящимся. Посреди голой степи, на землѣ, еще трактатами намъ неуступленной, въ виду Ногайцевъ и все еще не совсѣмъ покорной Запорожской Сѣчи, во сто верстахъ отъ Перекопа и въѣзда въ полуостровъ, при Днѣпровскомъ лиманѣ, ея повелѣніемъ родился въ 1778 году и вскорѣ выросъ, новый городъ съ большою крѣпостію, адмиралтействомъ и верфью [1]). Онъ названъ древнимъ именемъ *Херсона*, въ память ли прежняго Херсона, въ которомъ крестился Св. Владиміръ и коего развалины видны близъ Севастополя, или, можетъ быть въ предзнаменованіе владычества Россіи надъ Таврическимъ Херсонисомъ.

Часъ сей, наконецъ, наступилъ. Русскія войска почти не выходили изъ Крыма; въ началѣ 1783 года князь Потемкинъ отправился туда самъ, и волею, или неволею, убѣжденіями, или угрозами, склонилъ Сагинъ-Гирея [2]) отказаться отъ ханскаго своего престола въ пользу Россійской Императрицы, которой именемъ Потемкинъ и вступилъ во владѣніе полуострова. Порта замолчала тогда, но начала приготовляться въ войнѣ.

Поспѣшимъ окончить первую часть сей исторической Записки, въ коей часто поневолѣ должны мы были касаться до происшествій, не прямо къ Керчи относящихся, но которыя, однакоже, на судьбу сего мѣста имѣли великое вліяніе. Что остается сказать намъ? Крымъ присоединенъ навсегда къ Россіи, ему возвращено классическое названіе Тавриды, долго потерянное имъ во времена варварства; грубыя Татарскія имена городовъ его, Козлова, Акмечети, Ахтіара и Каффы, замѣнены Греческими, для слуха пріятными, названіями: Евпаторіи, Симферополя, Севастополя и Ѳеодосіи. Онъ обращенъ въ губернію, въ коей введенъ гражданскій порядокъ, основанный на общихъ законахъ, въ государствѣ существующихъ; разнороднымъ жителямъ его поданы способы къ просвѣщенію и обогащенію, и если до сихъ поръ они не умѣли тѣмъ воспользоваться, то не вина правительства; по крайней мѣрѣ, нетревожимые въ дѣлахъ вѣроисповѣданія своего, необремененные налогами, ведутъ они спокойную и лѣнивую жизнь, подъ сѣнію кроткой державы, еще болѣе милосердой къ покореннымъ народамъ, чѣмъ къ наслѣдственнымъ.

---

[1]) Строить города на непріятельской землѣ и посреди войны есть древній обычай у Русскихъ царей. Еще до Петра Великаго и Петербурга выстроенъ Иваномъ Васильевичемъ Свіяжскъ, въ 30 верстахъ отъ Казани, во время осады сего города.

[2]) Сей несчастный ханъ согласился ѣхать на житье въ Воронежъ съ 800 тысячь рубл. жалованья. Недовольный чѣмъ-то онъ послѣ изъявилъ желаніе отправиться въ Константинополь; согласились на то, желая отъ него отдѣлаться, а его въ Турецкой столицѣ ожидала честь быть удавленнымъ шелковой веревкой.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь нельзя прейти молчаніемъ достопамятный для Крыма 1787 годъ, въ которомъ осчастливленъ былъ онъ посѣщеніемъ новой своей Владычицы. Много было тогда говорено и писано о семъ путешествіи, напоминающемъ времена баснословныя; здѣсь, до сихъ поръ, оно служитъ эпохой: такой-то, говорятъ, родился, такой-то женился послѣ, а такой-то до появленія здѣсь Сѣверной Царицы. Старики и понынѣ съ восторгомъ разсказываютъ дѣтямъ и внукамъ, какъ они видѣли свѣтозарную женщину, окруженную царями и вельможами, величественно плывущую по Днѣпру въ позлащенной яхтѣ, какъ народы изъ дальнихъ мѣстъ бѣжали къ ней на встрѣчу и на поклоненіе, какъ города и села съ жителями минутно являлись на ея пути, чтобы, среди пустыни, развеселить ея взоры, какъ все устроено было для изумленія. Далѣе Ѳеодосіи она не поѣхала, и во всемъ Крыму одна только Керчь осталась во мракѣ, Керчь, хотя не важное, но самое первое ея завоеваніе и ключъ, открывшій ей Тавриду!

Сей 1787 годъ памятенъ въ Новороссійскомъ краю еще по двумъ происшествіямъ. Въ теченіи его прекратилось существованіе Запорожской Сѣчи и уничтожилось самое имя Запорожцевъ. Сіе противонатурное общество даетъ понятіе, что̀ такое была Спарта въ древности, въ которой любителямъ ея все кажется прекраснымъ: оно не могло быть терпимо, когда окрестъ его вездѣ начиналось устройство. Съ начала отобраны у него всѣ селенія, лежащія вправо отъ Елисаветграда, пониже Кременчуга, по Днѣпру, куда отсылались тѣ изъ Запорожцевъ, которымъ позволялось жениться, и одно изъ сихъ селеній, *Половица*, сдѣлано губернскимъ городомъ и названо Славою Екатерины; потомъ построено нѣсколько укрѣпленій, которыя, удерживая буйныхъ и мало по малу стѣсняя, лишали ихъ всей отважности. Наконецъ, изречено повелѣніе... жениться симъ, добровольно безбрачнымъ, и идти спокойно населять землю Кубанскую, между рѣкою сего имени и Азовскимъ моремъ, или Азіятскій Воспоръ, который, вмѣстѣ съ Крымомъ, въ 1783 году, поступилъ во владѣніе Русское и по удаленіи Ногайцевъ совершенно опустѣлъ. Противиться было невозможно: они съ видомъ благодарности должны были принять дарованныя имъ земли, лѣса, соляныя озера, рыболовли, однимъ словомъ, всѣ угодья изобильной страны, которыя, конечно, не могли замѣнить въ глазахъ ихъ потерянной прежней вольности. Иные изъ нихъ поудалѣе, вспомнивъ, какъ нѣкогда предшественники ихъ, спускаясь въ непрочныхъ ладьяхъ по Днѣпру и чрезъ бурныя волны всего Чернаго моря, отваживались брать приступомъ Синопъ, рѣшились убѣжать къ Туркамъ чрезъ всѣ опасности, и тамъ, за Дунаемъ, поселиться близъ невѣрныхъ. Оттуда по одиночкѣ, или малыми партіями, выходятъ они въ Валахію и Молдавію и безнаказанно грабятъ и убиваютъ жителей сихъ несчастныхъ княжествъ, не имѣющихъ ни войска, ни полиціи, и подъ словомъ Запорожецъ разумѣютъ тамъ нынѣ всякаго разбойника. На Кубани это названіе забыто, и Запорожцы переименованы въ войско Черноморскихъ козаковъ, весьма неправильно, намъ кажется: ибо земли ихъ только въ одномъ мѣстѣ прие-

Библиотека "Руниверс"

гаютъ къ Черному морю, и то на пространствѣ 25 верстъ. Въ награду за услуги и мужество, оказанныя ими и кошевымъ ихъ атаманомъ, Чепѣгою, при взятіи укрѣпленнаго острова Березани, противъ Очакова, присоединено къ ихъ нынѣшнему имени Черноморскихъ козаковъ названіе *вѣрныхъ*, котораго, кажется, они стараются быть достойными.

Послѣднее важное происшествіе сего 1787 года было внезапное нападеніе Турокъ на Кинбурнъ, пораженіе, претерпѣнное ими отъ Суворова и, слѣдственно, начало войны. Продолженіе ея и конецъ суть предметы, совсѣмъ посторонніе Керчи: довольно будетъ, если скажемъ, что для Русскихъ побѣда слѣдовала за побѣдой, крѣпость падала за крѣпостью, и что Ясскій миръ, въ 1791 году, съ той стороны еще болѣе распространилъ владѣнія наши.

Недолго послѣ того жила Благодѣтельница Россіи. Годы бѣгутъ за годами, и много прошло уже времени со дня ея кончины. Съ тѣхъ поръ Россія имѣла новые чрезвычайные успѣхи во всѣхъ родахъ: ея воины съ побѣдою входили въ столицы Италіи, Германіи и Франціи, много было шуму, много славы, много происшествій. Все это между современниками изглаживаетъ память о Екатеринѣ; свидѣтели и участники ея великихъ дѣяній одинъ за другимъ уходятъ въ землю; тѣхъ, коихъ смерть еще пощадила, слушаютъ новыя поколѣнія съ равнодушіемъ или презрѣніемъ, полагая, что видѣнное ими превосходитъ разсказываемое, и чтобы съ участіемъ слушать и вѣщать о ней, скоро останемся только мы, любезные ровесники, мы, у которыхъ конецъ ея необыкновенно - благополучнаго царствованія и первоначальные, блаженные дни младенчества нашего, сливаясь вмѣстѣ, остались въ памяти, какъ прелестный сонъ, котораго изъяснить невозможно.

Такъ, въ насъ, по крайней мѣрѣ, неблагодарность къ ней будетъ непростительна; особенно же здѣсь, посреди этого обширнаго пространства земли, какъ бы отъ вѣка обреченнаго запустѣнію и варварству, гдѣ дотолѣ бродили одни дикія племена Скиѳскія, кочевали попеременно Печенѣги, Козары, Половцы, Монголы и Татары, гдѣ торговля и просвѣщеніе не во многихъ мѣстахъ иногда могли прислониться, и вскорѣ потомъ были изгоняемы, въ этой Новой Россіи, гдѣ все говоритъ объ ней и объ ея мудромъ правленіи, въ краю, завоеванномъ мечемъ ея Румянцовыхъ, Суворовыхъ, Каменскихъ и Кутузовыхъ, населенномъ, обстроенномъ своенравною, но сильною волею ея Потемкина, кто изъ насъ можетъ здѣсь вспомянуть объ ней безъ умиленія и восторга, и кто осмѣлится осудить или осмѣять ихъ? Существо чудесное! Великій мужъ и женщина чувствительная, она умѣла соединять всю силу, всю твердость ума, отличающихъ одинъ полъ, съ слабостями, которыя мы любимъ находить въ другомъ, и которыя, по воплощеніи своемъ, сія неземная осуждена была приносить въ дань міру сему, въ который она, для счастія людей, была ниспослана.

Библиотека "Руниверс"

Если наши пламенныя желанія насъ не обманываютъ, то великій духъ ея не оставлялъ ни ея семейства, ни страну и народъ, ею облаготворенный, и перешелъ весь во младенца, предъ самою смертію ея, отъ ея сына рожденнаго. Онъ явился въ мірѣ, когда она его покидала; послѣдніе лучи сего заходящаго свѣтила озаряли колыбель его, и она нарекала его именемъ, любезнымъ для Русскихъ воиновъ, и морскихъ, и сухопутныхъ. Теперь онъ царствуетъ надъ нами. Будемъ же молить Всевышняго, чтобы онъ слѣдовалъ по стопамъ ея въ государственномъ правленіи, не искалъ для себя иныхъ образцовъ, чтобы изъ созданнаго ею сохранилъ все уцѣлѣвшее и возстановилъ все разрушенное, чтобы, подобно ей, всегда любилъ народъ Русскій и, подобно ей, былъ всегда имъ обожаемъ, и какъ она, царствовалъ долго, счастливо и славно!

II.

Желая представить положеніе, въ которомъ нашли мы маленькій городъ Керчь, необходимо нужно будетъ намъ означить напередъ перемѣны, послѣдовавшія съ нимъ съ того времени, какъ онъ вновь поступилъ во владѣніе Россіи.

Когда сіе мѣсто въ 1771 году заняли Русскія войска, и потомъ оно въ 1774 году, по Кайнарджійскому миру, намъ совсѣмъ было уступлено: то, какъ первое завоеваніе, оно много превлекало на себя вниманіе правительства. Не принадлежали тогда Россіи ни Крымъ, ни нынѣшній Мелитопольскій уѣздъ (тогда жилище кочующихъ Ногайцевъ), ни даже Тамань, почти въ виду Керчи стоящая; другаго сообщенія съ Россіей сіе новое владѣніе тогда не имѣло какъ чрезъ Таганрогъ и Азовское море. Находившійся въ то время съ флотомъ въ Архипелагѣ, графъ Орловъ-Чесменскій, предложилъ поселить тутъ болѣе тысячи семействъ Грековъ-островитянъ, которые, боясь ужасовъ Турецкаго мщенія, молили его принять ихъ подъ свое покровительство и увезти съ собою. Такое предложеніе не могло быть отвергнуто: спасти отъ сабли Магометанской несчастныхъ единовѣрцевъ, населить ими отдаленный и отдѣленный отъ насъ край,—и польза и справедливость того требовали; къ тому же воскресеніе Греціи было всегда любимою мечтою Императрицы, какъ оно и донынѣ еще есть заблужденіе умовъ самыхъ просвѣщенныхъ.

Щедрою рукою посыпались милости на сихъ пришельцевъ: двадцать тысячъ десятинъ удобной земли, соляныя озера, многочисленныя привиллегіи и права и тридцатилѣтняя льгота, и все это только въ пользу людей одной Греческой націи, должны были ихъ утѣшить въ новомъ отечествѣ за потерю оставленной ими родины. Соземцы ихъ, въ Крыму живущіе, Татарами какъ Жиды Христіанами, пренебрегаемые, и также, какъ Жиды Христіанъ Татаръ обманывающіе, толпами изъ всѣхъ концовъ полуострова потекли въ сіе убѣжище, въ сію новую Элладу. Въ самое короткое время народонаселеніе въ Керчи и Еникале возросло до шестнадцати тысячъ душъ,

Библиотека "Руниверс"

сильный гарнизонъ умножалъ многолюдство, и сіи двѣ Греческія колоніи представляли видъ дѣятельный и веселый. До сихъ поръ довольно свѣжія ямы, гдѣ видны остатки камней, служившихъ основаніемъ домовъ, показываютъ, какъ далеко простиралось заселеніе двухъ городовъ.

Сіе цвѣтущее состояніе не было продолжительно. Какъ скоро Крымъ рѣшительно присоединенъ къ Россіи, то Греческіе выходцы изъ разныхъ городовъ и селеній его поспѣшили обратно на прежнія свои пепелища: тамъ представлялось имъ гораздо болѣе удобствъ обманывать и грабить Татаръ съ безопасностію. Керчь и Еникале не опустѣли еще, но почти на половину уменьшилось число ихъ жителей.

Сильнѣйшій ударъ благосостоянію сихъ городовъ былъ нанесенъ двадцать лѣтъ позже. Прежде нежели дойдемъ мы до того, должно объяснить начало величайшаго, богатѣйшаго, торговѣйшаго изъ городовъ Новороссійскихъ, почти столицы всего края, Одессы. Контръ-адмиралу Рибасу, искусному моряку, тонкому и пронырливому Итальянцу, удалось съ гребнымъ флотомъ, которымъ онъ начальствовалъ, взять въ 1790 году Турецкую крѣпостцу Гаджибей. Это было не что иное, какъ съ небольшимъ числомъ разбросанныхъ вокругъ его землянокъ маленькій шанецъ въ степи, надъ крутымъ берегомъ Чернаго моря, на половинѣ дороги между Бугскимъ и Днѣстровскимъ лиманами. Кажется, завоеваніе это было единственный трофей Рибаса; но какъ иностранцы всегда у насъ мастера выставлять въ большомъ видѣ содѣянное ими и украшать истину, то подвигъ г. Рибаса почтенъ чудеснымъ.

Незадолго передъ симъ чудеснымъ подвигомъ начали строить еще новый городъ. Когда послѣ долговременной осады взятъ былъ приступомъ Очаковъ 6 Декабря 1788 года, и разрушенныя огнемъ и ядрами стѣны его потонули въ крови жителей, то побѣдитель его князь Потемкинъ захотѣлъ въ память этого великаго дня и въ честь святаго чудотворца Николая, покровителя Русскихъ солдатъ, въ праздникъ коего они Очаковъ штурмовали, поставить новый городъ, не на дымящихся развалинахъ прежняго, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Основателемъ взялся быть Фалѣевъ, простой гражданинъ, подъ покровительствомъ Потемкина разбогатѣвшій въ подрядахъ: онъ на постройку Николаева истощилъ всю собственную казну свою и за то похороненъ въ соборной церкви сего города.

Князь Потемкинъ не могъ предвидѣть, что возникающій городокъ Николаевъ, въ 60 верстахъ отъ любимаго его Херсона (въ которомъ уже сдѣланы были купеческій и военный порты и которому въ обширныхъ замыслахъ своихъ назначилъ онъ быть столицею Южной Россіи) скоро затмитъ его блескъ и будетъ первою виною его паденія. Но какъ мѣсто, гдѣ находится Николаевъ, при устьѣ судоходной рѣки Ингула и соединенія лимановъ Днѣпровскаго и Бугскаго, гораздо удобнѣе для строенія и храненія ко-

Библиотека "Руниверс"

раблей, то тотчасъ послѣ смерти Потемкина и переведено туда главное управленіе Черноморскаго флота.

Главнымъ начальникомъ Черноморскихъ портовъ и флота назначенъ былъ доблестный Мордвиновъ, честь имени Русскаго, который прежде дѣлами, нынѣ же совѣтами съ пользою ревностно служитъ государству. Онъ сдѣлался вторымъ или, лучше сказать, настоящимъ основателемъ Николаева: въ рукахъ такого человѣка не могъ сей городъ не увеличиться, не усилиться, не украситься. Между адмиралами Русскимъ и Неаполитанцемъ было какое-то соперничество, какія-то несогласія. Дѣло странное! Иностранцы въ Россіи не любятъ, когда Русскіе имѣютъ какіе-нибудь блестящіе успѣхи. Рибасу стало завидно: онъ началъ выдумывать, какъ ему помрачить Мордвинова и, наконецъ. затѣялъ третій большой городъ.

Верстахъ въ осмидесяти отъ Николаева и съ небольшимъ въ сорока отъ теперешней Одессы, на пересохшемъ нынѣ заливѣ Тилигулѣ и рѣчкѣ сего имени, въ древности былъ маленькій Греческій городъ Ордиссосъ или Одиссосъ, построенный въ честь Одиссея-Улисса, въ долгихъ странствованіяхъ своихъ будто бы и сіи мѣста посѣтившаго. Сего было достаточно, чтобы плѣнить, даже въ старости, еще пылкое и цвѣтущее воображеніе Императрицы; Рибасъ зналъ это и поспѣшилъ предложить основаніе Одессы на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шанецъ Гаджибей и которое было свидѣтелемъ его славы *).

Въ 1794 году указомъ велѣно заложить уѣздный городъ Одессу и позволено иностраннымъ купеческимъ кораблямъ приходить къ его порту съ товарами. Такими портами усѣяны всѣ берега Чернаго моря: гдѣ ни приткнись, вездѣ можно сдѣлать ему подобный, открытый со всѣхъ сторонъ и для всѣхъ вѣтровъ. Какая мысль была у Рибаса, Богъ знаетъ; неужели одно удовольствіе обманывать? Между тѣмъ инженерному генералу Де-Волану, строившему по новой границѣ на Днѣстрѣ новую линію крѣпостей, приказано построить также крѣпость и въ Одессѣ, хотя городъ сей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Днѣстра находился. Со всѣми средствами, которыя были дозволены Рибасу, со всѣми его усиліями, въ два года едва могло накопиться жителей тысячи полторы, и все почти однихъ бродягъ; впрочемъ, Римъ и Венеція такъ начинались.

При наслѣдникѣ Екатерины Второй Новороссійскій край былъ совсѣмъ почти заброшенъ: изъ трехъ намѣстничествъ, Екатеринославскаго, Таврическаго и Вознесенскаго, его составлявшихъ, сдѣлана одна Новороссійская губернія, коею нѣсколько времени управлялъ военный губернаторъ Бердяевъ. Онъ дѣлалъ представленіе между прочимъ о томъ, чтобы всѣ казенныя зданія

*) Въ 36-ти верстахъ оттуда построенъ былъ въ тоже время Овидіополь въ честь Овидію, который изъ ссылки своей въ древней Мизіи не только за Дунай, но и за Днѣстръ будто бы иногда перебирался. Весьма неравною участью пользуются города Овидія и Улисса.

Библиотека "Руниверс"

въ Одессѣ и даже землю, на которой городокъ сей былъ расположенъ, продать съ публичнаго торга, и о томъ въ Совѣтѣ было разсуждаемо. Впрочемъ, предложеніе сіе не столь безразсудно, какъ иные думаютъ.

Съ восшествіемъ на престолъ покойнаго государя Александра Павловича, въ 1801 году, просіяло небо для Великой и Малой, для Старой и Новой Россіи. Время блаженное, радостное утро столь бурнаго дня и столь пасмурнаго вечера! Нѣтъ, подобнаго тебѣ намъ никогда не видать! Молодые министры молодаго царя вмѣстѣ съ нимъ вскипѣли почти невиданнымъ дотолѣ желаніемъ блага Отечеству и благородный жаръ свой сообщили всѣмъ сословіямъ народнымъ. Но если молодость есть время успѣховъ и счастія, то она же есть и время заблужденій.

Между сими министрами обширными свѣдѣніями, благородными правилами, острою памятью, рѣдкимъ патріотизмомъ и трудолюбіемъ отличался графъ Кочубей, въ такія лѣта, въ какія немногимъ позволено стать на высокую степень. Онъ въ самой первой молодости былъ посланникомъ въ Константинополѣ, зналъ хорошо Турцію, и когда управленію его вручено Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, то онъ обратилъ особое вниманіе на провинціи, сопредѣльныя съ областями, Турціи принадлежащими. Его рано созрѣвшій умъ постигнулъ выгоды, какія цѣлое государство получать можетъ отъ Черноморской торговли и вообще какое вліяніе на будущую участь Россіи имѣть должны образованіе и благосостояніе края сего. Онъ умѣлъ объяснить все это Императору, и положено довершить начатое Петромъ и Екатериной.

Къ сожалѣнію, кажется, ошиблись тогда въ средствахъ къ достиженію предположенной цѣли. Учрежденіе трехъ главныхъ портовъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, Одессы въ 1803, Ѳеодосіи и Таганрога въ 1804 годахъ, назначеніе въ нихъ чиновныхъ и довѣренныхъ градоначальниковъ, хотя и увѣнчаны были быстрыми успѣхами, но сіе служитъ только доказательствомъ взаимной потребности народовъ обмѣнивать произведенія земли своей, и какъ торговля умѣетъ преодолѣвать препятствія, поставляемыя ей природою: ибо мы смѣло можемъ сказать, выборъ мѣстъ былъ весьма ошибоченъ.

Природа сама указывала тогда на Очаковъ и Керчь. Очаковъ близко отъ Одессы, въ равномъ съ нею находится разстояніи какъ отъ западныхъ и южныхъ губерній Россійскихъ, такъ и отъ Константинополя, но имѣетъ предъ нею преимущество быть на широкомъ устьѣ Днѣпра и Буга вмѣстѣ: когда каналомъ будутъ обходиться пороги первой изъ сихъ рѣкъ, то даже изъ Смоленской губерніи могутъ приходить къ нему суда, которыя далѣе къ Одессѣ по Черному морю идти не могутъ. Чрезъ лиманъ имѣетъ Очаковъ прямое, близкое и безопасное сообщеніе съ Таврическою губерніею, а уже о преимуществахъ его рейда предъ Одесскимъ и говорить нечего.

Библиотека "Руниверс"

Одесса, какъ мы выше сказали, стоитъ на открытомъ морѣ; искуственный портъ ея, съ чрезвычайными издержками сдѣланные два мола, существуютъ только съ небольшимъ двадцать лѣтъ, а уже пространство между молами и вокругъ ихъ заносится пескомъ и иломъ и съ каждымъ годомъ мелѣетъ. Время покажетъ необходимость бросить Одессу или употребить милліоны на продолженіе моловъ.

Первымъ градоначальникомъ Одессы былъ дюкъ - де - Ришелье. Этого человѣка можно назвать цвѣтомъ и перломъ Французскихъ эмигрантовъ: онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе другихъ знатныхъ земляковъ своихъ, душа его пылала какимъ-то необыкновеннымъ чистымъ огнемъ, онъ былъ способенъ чувствовать энтузіазмъ, искренно привязался ко второму отечеству своему, Россіи, и умѣлъ привязывать къ себѣ Русскихъ. Безъ семьи, безъ родства, онъ полюбилъ маленькій новый городокъ, порученный его управленію, какъ нѣжное дитя, которое надлежало ему лелѣять, растить и воспитывать. Способы даны ему были чрезвычайные, для умноженія народонаселенія дозволены ему всѣ средства, сотни тысячъ рублей могъ онъ употреблять, не давая никакого отчета; однимъ словомъ, довѣренность къ нему даже самаго царя была неограниченная, и, къ чести его сказать должно, что онъ никогда ея во зло не употреблялъ.

Отверстіе, сдѣланное произведеніямъ природы и раждающейся промышленности, которыя дотолѣ накоплялись, пропадали и не имѣли, куда вытекать, оживило всю югозападную Россію. Помѣщики ея и крестьяне трудолюбивѣе принялись за хлѣбопашество, видя, какъ часто изъ погорѣлыхъ отъ солнечнаго зноя мѣстъ требовалась пшеница. Все способствовало увеличенію и обогащенію Одессы. Любезный, снисходительный характеръ ея градоначальника, этотъ привольный родъ жизни, который умѣлъ онъ завесть, совершенное отсутствіе этикета, неумѣстнаго въ торговомъ городѣ, среди степи раждающемся, все привлекало не только иностранцевъ, но и многихъ нашихъ и Польскихъ богачей. Надобно сказать правду: свой своему по неволѣ другъ, и Французы въ Одессѣ пользовались особеннымъ покровительствомъ и чрезвычайно тамъ поддерживались. Тысячи мелочей, предметы роскоши и потребности прихотей украсили едва построенныя лавочки; вездѣ Французскія вывѣски, Французскія моды, и посреди ихъ полудикіе жители, Азіатскіе нарядя и обряды, противоположностію своею еще болѣе поражали. У насъ явились Бордо и Марсель; кто не знаетъ, какое у насъ пристрастіе ко всему Французскому, даже послѣ всего, что было съ нами, и потому-то Одесса вошла въ большую моду.

Такіе необычайные успѣхи и въ столь короткое время заставляли ожидать еще важнѣйшихъ. Надобно было не однимъ городомъ ограничить счастливое управленіе дюка - де - Ришелье, а распространить его на весь край, и онъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскихъ губерній. Но Одесса

Библиотека "Руниверс"

осталась навсегда исключительнымъ предметомъ его неусыпныхъ попеченій, а остальное какъ будто для нея только существовало.

Другія два градоначальства, Ѳеодосійское и Таганрогское, остались независимыми. Между Таганрогомъ, находящимся близъ Великороссійскихъ губерній и отдаленной отъ него Одессой, соперничества быть не могло: одинъ портъ не могъ сдѣлать подрыва другому, а только невольно раждалась зависть въ жителяхъ Таганрога при видѣ быстрыхъ успѣховъ Одессы. Одна только Ѳеодосія, отовсюду удаленная и не имѣющая ничего, кромѣ произведеній Крыма на обмѣнъ привозимыхъ къ ней товаровъ, страдала отъ совмѣстничества съ другими портами. Вообще же между градоначальниками, не зависящими ни другъ отъ друга, ни отъ генералъ-губернатора, было соревнованіе, которое имѣло весьма полезное вліяніе на участь ввѣренныхъ имъ городовъ.

Каждое изъ сихъ градоначальствъ имѣло въ вѣдѣніи своемъ не одинъ только портовый городъ, но и большую еще дистанцію вдоль морскаго берега или литораль, гдѣ устроены были каратинныя, таможенныя заставы и кордоны карантинной и таможенной стражи. Въ дистанцію Ѳеодосійскаго градоначальства вошли сначала маленькіе города Керчь и Еникале и оставались до 1812 года, когда Таганрогскій градоначальникъ, Папковъ, какъ попечитель торговли по Азовскому морю, убѣдилъ правительство, чтобы, по положенію ихъ при входѣ сего моря, они въ его управленіе поступили.

Учрежденіе градоначальствъ и трехъ портовъ было пагубно для Керчи. Прежде того жители его поддерживались нѣсколько заграничной торговлей и была въ немъ нѣкоторая промышленность. Генералъ Феньшъ, первый Ѳеодосійскій градоначальникъ, вѣроятно, большой нелюбитель древности, разрушилъ стѣны и башни Ѳеодосіи, еще Генуезцами построенныя, которыя время и варвары пощадили, и потомъ ополчился и противъ Керчи. Онъ выпросилъ указъ, чтобы запретили тамъ всякую выгрузку товаровъ и совершенно уничтожили карантинъ и таможню, тамъ существующіе. Видя разореніе города своего, бо́льшая, лучшая часть жителей, рѣшилась его оставить; немногіе перешли во враждебную, сосѣдственную Ѳеодосію, откуда ударъ имъ былъ нанесенъ, а почти всѣ, имѣющіе капиталы и опытность въ торговыхъ оборотахъ, переселились въ Таганрогъ и Маріуполь, гдѣ и донынѣ находятся. Все, что̀ осталось, можно назвать оборышью: люди бѣдные, грубые, числомъ въ обоихъ городахъ не болѣе полуторы тысячи, живущіе одной только рыбной ловлей въ проливѣ, пересушиваніемъ ея въ балыки, развозомъ ихъ по всѣмъ ярмаркамъ Южной Россіи и отдачей въ наймы пожалованной земли, изъ коей бо́льшая часть остается не обработанною.

Возгорѣвшаяся въ 1806 году война съ Турками должна остаться памятна для Керчи. Здѣсь снарядилась и отсюда отправилась морская экспедиція къ Анатолійскимъ берегамъ, противъ Требизонда. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ сюда, въ 1807 году, генералъ-губернаторъ Ришелье съ отрядомъ

Библиотека "Руниверс"

войскъ, переправился чрезъ Босфоръ и подступилъ къ Турецкой крѣпости Анапѣ, за Кубанью, у подошвы Кавказскихъ горъ лежащей. Но онъ нашелъ ее уже занятою взявшимъ ее за нѣсколько дней до того со стороны моря начальникомъ Черноморскаго флота, маркизомъ де-Траверсе, и потому вступилъ въ нее безпрепятственно. Лавры, похищенные маркизомъ у дюка, должны были охолодить сихъ господъ Французовъ другъ къ другу; но душа послѣдняго была превыше зависти. Онъ желалъ быть полезенъ, и обозрѣніе Керченской бухты подало ему самыя счастливыя мысли. Походъ его къ Анапѣ имѣлъ для Керчи важныя послѣдствія, какъ мы ниже сего увидимъ.

Достовѣрно мы не могли дознаться, когда построена Анапа. Она изъ четырехъ Турецкихъ крѣпостей, лежащихъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря, есть крайняя и ближайшая къ Русскимъ владѣніямъ. Зачѣмъ онѣ тутъ? Какъ онѣ тутъ? Богъ знаетъ. Правительство наше мало на нихъ обращало вниманія; около нихъ Турецкаго ничего нѣтъ; они на землѣ мнимыхъ данниковъ и явныхъ и тайныхъ враговъ нашихъ, горскихъ народовъ, которымъ чрезъ нихъ Турки подвозятъ орудія и всякаго рода товары и припасы. Въ 1791 году бралъ уже Анапу графъ Гудовичъ, и въ тотъ же годъ, по трактату, отдали ее обратно; въ 1807 году опять овладѣлъ ею маркизъ де-Траверсе, какъ мы выше сказали, потомъ приказалъ взорвать ея укрѣпленія, бросилъ ее и удалился. Въ 1809 году безъ сопротивленія занялъ ее генералъ Панчулидзевъ, а дюкъ де-Ришелье ходилъ далѣе и взялъ другую крѣпость, Суджукъ-Кале. Въ 1812 году, при заключеніи Бухарестскаго мира, повторена прежняя оплошность, и онѣ возвращены Турціи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ чувствуютъ сдѣланную ошибку. Впрочемъ, крѣпости сіи вредны въ мирное время, а въ военное совсѣмъ не опасны: генералы наши ходятъ брать ихъ шутя.

Теперь намъ предстоитъ дѣло весьма затруднительное. Чтобы объяснить причины возрожденія Керчи, надобно напередъ разсказать повѣсть о двухъ любовникахъ. Герой и героиня сего романа суть лица столь необыкновенныя, что мы не знаемъ, достанетъ ли искусства нашего для изображенія ихъ. Сіе однакоже неизбѣжно. И такъ мы начнемъ съ героя.

Одинъ молодой Генуезецъ, по имени Скасси, за какія-то мерзкія шалости, говорятъ иные, за воровство, былъ выгнанъ изъ дому старшаго брата своего, искуснаго врача. Нѣсколько времени шатался онъ въ Марсели, въ Ливорнѣ и другихъ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря и исправлялъ тамъ самыя низкія должности. Но онъ былъ смѣтливъ, проворенъ, весьма не глупъ, успѣлъ узнать всѣ состоянія людей и наблюдательно смотрѣлъ на слабости человѣческія; въ послѣдствіи времени все это много къ успѣхамъ его послужило. Вдругъ узналъ онъ, что въ какомъ-то Русскомъ, новостроющемся приморскомъ городѣ Одессѣ охотно принимаются всякіе бродяги; въ предпріимчивой головѣ его родились тысячи замысловъ, тысячи надеждъ, часть коихъ, къ сожалѣнію, время оправдало. Онъ захотѣлъ испытать счастія и

Библиотека "Руниверс"

посмотрѣть, нельзя ли будетъ, преставъ слыть плутомъ, не преставать обманывать людей и самому попасть въ люди. Съ первымъ отплывавшимъ кораблемъ онъ пожаловалъ въ Одессу; тамъ, сначала, въ какомъ-то трактирѣ вступилъ онъ въ скромную должность маркёра (это всѣ жители Одессы помнятъ) и печально началъ считать били, въ упованіи, что со временемъ будетъ считать сотни тысячъ собственныхъ рублей. Но Фортуна скоро ему улыбнулась; онъ возвысился въ достоинствѣ и поступилъ счетчикомъ въ контору торговаго дома Ренò. Отсюда ему уже повезло; далѣе и болѣе, наконецъ узналъ его самъ градоначальникъ Ришелье, оцѣнилъ его достоинства и началъ употреблять для тайныхъ порученій. Въ управленіи люди всякаго рода бываютъ нужны.

Какъ бы ни обширны были намѣренія господина Скасси, могъ ли онъ тогда думать, что онъ самъ попадетъ въ создатели градовъ? Чего на Руси не творится! Когда въ 1809 году Ришелье ходилъ къ Суджукъ-Кале, то взялъ его съ собою. Тутъ замѣтилъ онъ раждающуюся взаимную нѣжность между Генуезцемъ и одной дѣвой горъ, бывшей тогда уже женою Русскаго коменданта въ Анапѣ. Желая завести съ Абазинцами сношенія благопріятныя для Россіи, ласковымъ обхожденіемъ привлечь ихъ на нашу сторону и въ Керчи открыть новый источникъ богатства, онъ полагалъ, что можно страсть сихъ молодыхъ людей употребить, какъ полезное къ тому орудіе. Любовь должна была завязать узелъ, который бы въ послѣдствіи времени соединилъ просвѣщеніе съ варварствомъ, образованные народы съ дикими. Мысль прекрасная, достойная рыцаря и Француза. Исполненіе ея не замедлилось; но, прежде нежели о томъ будемъ говорить, должно на время оставить Скасси и обратиться къ его красавицѣ.

Молодая Черкешенка, взятая въ плѣнъ, привезена была, почти въ дѣтствѣ, къ первому губернатору Тавриды, В. В. Каховскому, богатому, старому и холостому. Она была рѣдкой красоты, коей остатки и донынѣ, въ немолодыхъ ея лѣтахъ, еще видны. Прекрасное дитя природы, она усладила, она очаровала старость губернатора; онъ окрестилъ ее и посвятилъ въ свои наложницы: дѣло не совсѣмъ христіанское; но любовь заставляетъ все забывать, и стариковъ еще болѣе, чѣмъ молодыхъ. Въ упоеніи ею, Каховскій прожилъ нѣсколько лѣтъ и, изнуренный ея восторгами, умеръ въ объятіяхъ своей возлюбленной, оставя ей большую часть всего своего имущества.

Привыкнувъ къ Европейскому образу жизни, сія женщина не забывала, однакоже, родину, младенческія свои забавы, пріюты горъ, дикую и величественную природу Кавказа. Сдѣлавшись свободною, поспѣшила она туда. Радость ожидала ее въ кругу ближнихъ; она хотѣла навсегда тамъ остаться, но новыя привычки манили ее обратно въ Крымъ. Сосѣдство мѣстъ доставляло ей удобность часто удовлетворять потребностямъ, такъ сказать, двойной своей натуры.

Библиотека "Руниверс"

Такая жизнь сдѣлала изъ нея существо совсѣмъ необыкновенное и оригинальное. Ея высокій, стройный станъ, какъ уголь черные глаза, смѣлыя ухватки, странныя выраженія, показываютъ въ ней горскую породу. Все это, однакоже, умѣряется благопристойностію, вѣжливостію, свѣтскимъ навыкомъ: она любитъ наряжаться по послѣдней модѣ, являться въ токахъ, въ перьяхъ. Но вдругъ все это бросаетъ ей становится душно, она одѣвается Черкесомъ, накидываетъ на себя бурку, вооружается пистолетами, садится на коня, скачетъ по полямъ и взбирается смѣло на крутизны. Говорятъ, что въ прежнія времена никто не обгонялъ ее на бѣгу, никто не умѣлъ такъ искусно плавать, ни такъ мѣтко стрѣлять изъ лука.

По преданіямъ древности, близъ сихъ мѣстъ жили Амазонки. Она во всемъ на нихъ похожа, но разнствуетъ тѣмъ только, что, подобно имъ, не выжигала сосцовъ своихъ и никогда не лишала себя возможности быть супругою и матерью. Напротивъ того, ей слишкомъ знакома любовь; но не это романическое, платоническое чувство, которое въ большихъ городахъ питается вздохами, надеждами, воспоминаніями: ея ретивому сердцу нужно все положительное, совершенно вещественное, ея любовь есть пламенная, своевольная, даже бѣшеная и неразборчивая иногда въ выборѣ предметовъ.

Сія мужественная жена давно уже извѣстна всему Крыму. Замѣтивъ, что титулы крещеной Черкешенки и вдовствующей любовницы губернатора Каховскаго не даютъ въ немъ большихъ правъ на уваженіе, она задумала приличнымъ супружествомъ и новымъ званіемъ получить ихъ. Дѣло было не трудное: съ достаткомъ и остатками красоты ей легко было сыскать сѣдое и неимущее превосходительство. Она соединилась бракомъ съ генераломъ Бухольцемъ, который былъ послѣ назначенъ комендантомъ въ Анапу, былъ тамъ съ нею во время похода Ришелье къ Суджукъ-Кале, и тутъ-то въ первый разъ встрѣтилась она съ г. Скасси.

Связи Итальянца съ Черкешенкой не могли остаться тайной. Ришелье посредствомъ сихъ связей захотѣлъ положить основаніе другимъ прочнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, какъ мы выше сказали. Онъ предложилъ госпожѣ Бухольцъ путешествіе въ горы вмѣстѣ съ Скасси, а ему поручилъ развѣдать о народонаселеніи, о способахъ и о расположеніи къ намъ Натухайцевъ и Шапсуховъ, тѣхъ изъ Кавказцевъ, которые живутъ ближе къ Черному морю и, зная его сладкорѣчіе, его искусство убѣждать, велѣлъ ему представить имъ въ самомъ лучшемъ видѣ торговыя сношенія съ Россіей. Перспектива путешествія на родину вмѣстѣ съ возлюбленнымъ восхитила огненную Черкешенку; но опасности, съ тѣмъ сопряженныя, были не по вкусу робкаго любовника. Отказаться было стыдно: онъ дрожащею ногою вступилъ въ стремя и пустился за нею.

Новая Аріадна, она не довольствовалась тѣмъ, чтобы дать только одну нить Тезею-Скасси: она съ радостію сама хотѣла предшествовать ему въ ла-

Библиотека "Руниверс"

виринеъ Кавказскихъ горъ, среди безчисленныхъ Кентавровъ-Абазинцевъ, отклоняя отъ него или раздѣляя съ нимъ всѣ опасности и готовясь, если нужно, погибнуть съ нимъ вмѣстѣ, être perdue ou retrouvée.

Живы и цѣлы возвратились наши любовники чрезъ двѣ или три недѣли. Скасси побывалъ въ странѣ, куда далеко никто не заѣзжалъ, въ странѣ чудесъ; было что̀ ему поразсказать; славные бубны привезъ онъ изъ-за горъ. Въ Европѣ есть нація, самая любезная, самая умная, храбрая и блистательная, но люди сей націи, даже самые степенные, всѣ болѣе или менѣе подвержены легкомыслію и легковѣрію. Между ними одна только грубая ложь почитается ложью, а почти всякая другая—пріятною выдумкой, украшеніемъ истины и дополненіемъ, которое воображеніе дѣлаетъ къ тому, что̀ дѣйствительно существуетъ. Ришелье былъ Французъ, съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ слушалъ Скасси, вѣрилъ ему, а онъ... онъ вралъ безщадно. Въ двѣ недѣли онъ все увидѣлъ, все распозналъ, со всѣми подружился, началъ выдумывать какія-то мудреныя названія мѣстъ и рѣкъ, тяжелыя для слуха и трудныя для выговора. Какъ водится между иностранцами, бранилъ и порицалъ Русскихъ, сихъ варваровъ, которые не умѣютъ взяться за этотъ прекрасный народъ. Онъ брался менѣе чѣмъ въ годъ завести съ нимъ самыя тѣсныя сношенія, даже отчасти образовать его и такъ, ничѣмъ, одними ласковыми рѣчами и обманомъ покорить подъ ноги Русскаго царя сихъ враговъ и супостатовъ. Онъ и поднесь еще обманываетъ, но только не ихъ.

Воротившись въ Одессу, дюкъ де-Ришелье не переставалъ думать о новыхъ планахъ своихъ: учрежденіе въ Керчи порта и градоначальства, единственно съ цѣлью привлечь туда Черкесовъ, познакомить ихъ съ нашими обычаями, сотворить имъ новыя потребности, однимъ словомъ, сдѣлать первый шагъ къ образованію и порабощенію ихъ, было постоянною его мыслію. Времена къ тому не благопріятствовали: не только приводить въ исполненіе, но и предлагать ничего новаго, полезнаго тогда было невозможно. Грозно близился 1812-й годъ; онъ наступилъ, и Россія любовію къ-вѣрѣ, храбростію воиновъ, искусствомъ стараго полководца, непоколебимостію царя, единодушными усиліями, неожиданнымъ патріотизмомъ, пожарами и морозами побѣдила всю Европу, подъ предводительствомъ Наполеона на нее нахлынувшую. Сей 1812-й годъ былъ также бѣдственъ и для Новороссійскихъ губерній: жестокая зима, какой сторожилы не запомнятъ, и моровая язва ихъ опустошали; особенно отъ чумы пострадали Одесса, Ѳеодосія и Керченскій полуостровъ.

Но пока все это происходило, пока Наполеонъ побѣждалъ и былъ побѣждаемъ, что̀ дѣлалъ Скасси? Переходъ не великъ отъ Корсики къ Генуѣ. Скасси попеременно жилъ то въ Одессѣ, то въ Анапѣ, собиралъ какія-то свѣдѣнія посредствомъ госпожи Бухольцъ въ Кавказскихъ горахъ (но самъ туда болѣе не дерзалъ, даже и съ нею) и привозилъ свѣдѣнія сіи потомъ къ дюку. Когда же Бухарестскимъ миромъ въ 1812 году отдана Анапа Туркамъ

Библиотека "Руниверс"

обратно, и Бухольцъ сдѣланъ комендантомъ въ Фанагоріи, то Скасси перевелъ главную квартиру свою въ Керчь. Босфоръ раздѣлялъ тогда постоянныхъ любовниковъ; какъ часто разсѣкали они волны его, спѣша на свиданіе! Случалось иногда, что Черкешенка, горя нетерпѣніемъ, бросалась вплавь съ сѣверной косы къ Еникале (разстояніе болѣе шести верстъ), и Тезей съ Аріадной обратились совершенно въ Геро и Леандра.

Буря въ Европѣ начинала утихать. Дюкъ де-Ришелье прежде вторичнаго занятія Парижа, заплативъ болѣе, нежели кто изъ иностранцевъ долгъ благодарности усыновившей его гостепріимной Россіи, поспѣшилъ исполнить первыя свои обязанности и служить отечеству и законному королю своему. Всѣмъ извѣстно, какая блестящая участь ожидала во Франціи сего достойнаго человѣка. На хвостѣ орла сего хотѣлъ взлетѣть и паукъ Скасси, но Парижъ не степи Новороссійскія: много тамъ есть людей, подобныхъ Скасси и поудалѣе его.

Прежде нежели онъ туда пріѣхалъ, посѣтилъ онъ отчизну свою, Геную. Тотъ, кто служилъ ему вмѣсто отца, съ нѣжностію въ объятія свои принялъ блуднаго брата и велѣлъ готовить пиръ; блудный же братъ былъ ни нагъ, ни босъ: онъ одѣтъ былъ франтовски и гремѣлъ тяжелымъ кошелькомъ съ деньгами, разными средствами добытыми. Съ обыкновеннымъ искусствомъ своимъ представилъ онъ Новую Россію, Тавриду и Кавказъ, какъ обѣтованныя земли, гдѣ текутъ медъ и млеко, гдѣ богатая жатва ожидаетъ руки искусныхъ и просвѣщенныхъ людей; увѣрилъ, что онъ тамъ изъ числа почетнѣйшихъ, и что ему предназначено сдѣлать тамъ славное себѣ имя. Но для великихъ предпріятій потребны капиталы; онъ обѣщался удесятерить ихъ, когда они ему даны будутъ. Словомъ, онъ успѣлъ совершенно ослѣпить доктора, расшевелить его честолюбіе и вкрасться въ его довѣренность, и когда сей бѣднякъ проливалъ слезы радости, слушая его, гордился имъ, злодѣй! онъ замышлялъ его ограбить. Онъ выманилъ у него довѣренное письмо къ банкирамъ на неопредѣленную сумму и поспѣшилъ съ нимъ въ Парижъ.

Тамъ нашелъ онъ покровителя своего Ришелье, который однакоже во Франціи ничего въ пользу его сдѣлать не могъ. Скасси же самъ успѣлъ тамъ сдѣлать слѣдующее: захватить на имя брата 50 тыс. франковъ *), вымучить у дюка разные проекты, имъ составленные, о Керчи и Черкеской торговлѣ, и рекомендательное письмо къ графу Нессельроде.

Съ проектами, съ рекомендаціями и съ деньгами явился онъ въ сѣверной столицѣ въ концѣ 1816 г. Россія такъ богата вновь пріобрѣтенными

*) Достовѣрно знаютъ въ Одессѣ, что изъ сей суммы выплачено старшему брату Скасси только шесть тысячъ франковъ, остальное за нимъ пропадаетъ. Докторъ пишетъ ко всѣмъ, жалуется, называетъ своего единоутробнаго мошенникомъ, разбойникомъ, а тотъ тому только смѣется.

Библиотека "Руниверс"

землями; Русскіе такъ много доселѣ заботились о чинахъ и такъ мало о сдѣланіи себѣ имени; иностранцы такъ у насъ во всемъ предпочитаются, что всякій сорванецъ, лишь бы былъ чужеземный, можетъ смѣло выдавать себя за великаго человѣка, предлагать разныя перемѣны въ управленіи частей, ему вовсе незнакомыхъ, браться за все, и министерство, если не всегда будетъ съ нимъ соглашаться, то со вниманіемъ будетъ его выслушивать. Имѣя даръ слова и мѣстныя познанія о Керченскомъ полуостровѣ, Черноморіи и Кубани, Скасси началъ толковать объ нихъ въ гостиныхъ, куда онъ втерся, и ему дивились, какъ человѣку, открывшему совсѣмъ неизвѣстныя земли. На уворованныя у брата деньги онъ угощалъ, давалъ обѣды случайнымъ людямъ и прослылъ богачемъ, который изъ Италіи привезъ большія суммы для важныхъ заведеній въ Южной Россіи.

Надобно было такое усердіе вознаградить. Менѣе нельзя было сдѣлать, какъ пожаловать его прямо въ надворные совѣтники, причислить къ Иностранной Коллегіи, назначить его какимъ-то коммисаромъ какой-то несуществующей еще торговли съ Абазинцами, дать ему хорошее жалованье и мѣстопребываніемъ избрать Керчь, съ правомъ уѣзжать оттуда какъ и когда ему угодно, по его усмотрѣнію. Такимъ образомъ вступилъ онъ въ службу въ 1817 году.

Ему было нужно сдѣлать первый шагъ: онъ на немъ не долженъ былъ остановиться. Послѣ долгаго отсутствія воротился онъ, наконецъ, въ Керчь и нашелъ тамъ госпожу Бухольцъ, уже довольно состарѣвшуюся, а мужа ея комендантомъ въ Еникале. Онъ предложилъ ей дружбу въ замѣнъ любви, уже невозвратно въ обоихъ погаснувшей. Она была неспособна чувствовать и то и другое, а онъ лишь только употреблялъ ихъ для своихъ видовъ. Послушная велѣніямъ дружбы, какъ нѣкогда готовая всѣмъ жертвовать для любви, она неоднократно, не щадя покоя своего, въ угожденіе ему ѣздила въ самую глубь Кавказа. Старанія тщетныя! Препятствія остались непреодолимы: они въ обычаяхъ сихъ уединенныхъ, храбрыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроломныхъ народовъ.

Такія препятствія разохотили бы всякаго другаго, но Скасси они устрашить не могли. Недостатокъ въ настоящихъ успѣхахъ началъ онъ замѣнять вымышленными, удвоилъ, утроилъ въ себѣ безстыдство и болѣе нежели когда пустился лгать. Ни разу не ступалъ онъ ногою за Кубань, а въ донесеніяхъ своихъ министерству онъ успѣлъ уже въ какомъ-то Пшадѣ, котораго отъ роду не бывало, заключить торговый договоръ съ Абазинцами, и господинъ Тетъ-Бу-де-Марнньи, Французскій вице-консулъ въ Ѳеодосіи и пріятель его, въ четырехъ литографированныхъ рисункахъ успѣлъ уже передать потомству знаменитые его подвиги: появленіе его между горцами, совѣщанія съ старѣйшинами, заключеніе этого Пшадскаго трактата и, наконецъ, первую мѣну товаровъ.

Библиотека "Руниверс"

Хотя мы много совѣсти и не полагаемъ въ г. Скасси, но вѣрно иногда ему было совѣстно и смѣшно, видя, какъ легко ему дурачить Русскихъ. Его смѣлость, его наглость возрастали съ легковѣріемъ министерства. Впрочемъ и мудрено было дознаться до правды. Кто могъ изобличать его? Кому бы пришла охота ѣхать во внутрь Кавказа съ тѣмъ только единственно, чтобы допросить, знаютъ ли тамъ еще Скасси? Завѣса горъ, пропастей и дебрей и поднесь еще скрываетъ истину.

Можно было только судить по однимъ послѣдствіямъ. Его спросили, наконецъ: да гдѣ же эта торговля, эта обѣщанная прибыль, эта довѣренность Черкесовъ, эти связи? Тогда онъ началъ извиняться недостаткомъ способовъ, ему данныхъ, обвинять слишкомъ строгія мѣры, принимаемыя командующимъ въ Грузіи генераломъ Ермоловымъ противъ горскихъ народовъ, и самое удаленіе большихъ городовъ, въ которыхъ торговля, роскошь и всѣ наслажденія образованной жизни могли бы прельщать и привлекать сихъ дикарей. И на сей конецъ рѣшился онъ предложить учрежденіе новаго порта въ Керчи.

Онъ вспомнилъ, что землякъ его Рибасъ былъ отцемъ Одессы и что только перемѣна царствованія и обстоятельствъ не допустила его собрать плоды его стараній. Разгорѣлись въ немъ честолюбіе и жадность къ интересу. Милліоны во снѣ ему начали сниться: онъ видѣлъ, какъ они уже отдаются въ его распоряженіе; онъ видѣлъ себя первымъ градоначальникомъ по предложенію его созидаемаго города. Съ тѣхъ поръ интриги его, происки имѣли уже постоянную цѣль.

Къ достиженію ея ему нужно было орудіе. Въ Новороссійскихъ губерніяхъ начальствовалъ тогда графъ Ланжеронъ, землякъ, родственникъ дюка-де-Ришелье, пріятель его и товарищъ въ счастіи и несчастіи. По всѣмъ симъ уваженіямъ избранъ онъ былъ его пріемникомъ; но не въ одну форму природа вылила сихъ людей. Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, неосновательнѣе графа Ланжерона еще ничего видно не было. Добрый и честный человѣкъ, храбрый на войнѣ, пріятный въ обществѣ, любезный балагуръ, Французъ по превосходству, онъ созданъ былъ для того, чтобы находиться посланникомъ при какомъ нибудь маленькомъ Нѣмецкомъ или Итальянскомъ дворѣ, или управлять гдѣ нибудь придворнымъ театромъ. Революціонною бурею выброшенный изъ своего отечества, онъ беззаботно и весело прожилъ вѣкъ въ чужой землѣ и дослужился у насъ до высокаго чина и голубой ленты. Доживъ почти до семидесяти лѣтъ, онъ все сохранилъ легкій тонъ Версальскаго царедворца, остался двадцатилѣтнимъ Французскимъ полковникомъ: и пишетъ куплеты, и говоритъ каламбуры. Нашли, что онъ не годится командовать корпусомъ и дали ему въ управленіе край, который обширностію своею можетъ почитаться цѣлымъ королевствомъ. Такой человѣкъ былъ находка для Скасси.

Вопервыхъ, будучи твореніемъ дюка-де-Ришелье, онъ имѣлъ наслѣдственное право на покровительство и пріязнь графа Ланжерона. Симъ поль-

Библиотека "Руниверс"

зуясь, безъ церемоніи предложилъ онъ ему способствовать учрежденію въ Керчи центральнаго порта, и себя градоначальникомъ. Чтобы болѣе интересовать его въ семъ дѣлѣ, купилъ онъ для него за безцѣнокъ, въ 25 верстахъ отъ Керчи, маленькую осѣдлость, небольшое помѣстье Тибичикъ, съ небольшимъ при немъ солянымъ озеромъ, и виноградный садъ подлѣ Еникале, расписалъ самими блестящими красками будущую торговлю съ Черкесами посредствомъ новаго Керченскаго порта, и наконецъ убѣдилъ его тѣмъ, что учрежденіе порта будетъ дѣлаться подъ руководствомъ и распоряженіями его, графа Ланжерона, что вся честь и слава отъ того къ нему отнесется, а въ удѣлъ Скасси останутся труды, и что, имѣя уже въ своемъ завѣдываніи Одессу, потомъ Керчь, это послужитъ поводомъ къ подчиненію ему остальныхъ двухъ Новороссійскихъ портовыхъ городовъ. „Ma foi, c'est charmant, mon cher Scassi“! воскликнулъ Ланжеронъ, и началъ дѣйствовать.

Въ Петербургѣ его не очень слушались, особенно же сіе дѣло встрѣтило большія затрудненія. Всѣ министры, исключая графа Нессельроде, упорно тому противились, болѣе же всѣхъ скупой и вмѣстѣ съ тѣмъ неразсчетливый министръ финансовъ Гурьевъ. Къ тому же, пользуясь тишиной, въ Европѣ воцарившейся, и путешествуя впродолженіе послѣднихъ годовъ по отдаленнѣйшимъ сторонамъ своей имперіи, покойный Государь, равно какъ и великіе князья, братья его, удостоили и Керчь своимъ посѣщеніемъ. Взглядъ на сей городъ не имѣетъ ничего привлекательнаго: народонаселенія вокругъ его мало, все представляетъ развалины, могилы и запустѣніе, и онъ имъ отмѣнно не понравился. Жители Ѳеодосіи и Таганрога, провѣдавъ объ умыслахъ Скасси и ожидая отъ нихъ для себя самыхъ вредныхъ послѣдствій послали своихъ депутатовъ и, своей стороны, всѣми мѣрами старались отвратить правительство отъ предлагаемыхъ перемѣнъ. Препятствія со всѣхъ сторонъ возрастали.

Вотъ тутъ-то надобно было Скасси явить себя достойнымъ роли, которую онъ на себя принялъ, и по всей справедливости должно сказать, что онъ превзошелъ себя. Слѣдовать за нимъ во всѣ безпрерывныя путешествія его изъ Керчи въ Петербургъ, Москву и Одессу, посреди всѣхъ многосложныхъ и хитросплетенныхъ его интригъ, было бы дѣло невозможное и напрасное. Довольно будетъ сказать, что онъ нашелъ дорогу въ переднія всѣхъ министровъ и въ кабинеты нѣкоторыхъ изъ нихъ, что онъ вошелъ въ милость къ знатнымъ дамамъ, старался угадывать и предупреждать ихъ желанія, кланялся, просилъ, убѣждалъ директоровъ канцелярій, дружился съ канцелярскими, знакомился съ любовницами и камердинерами, употреблялъ искательства и ласкательства, а гдѣ нужно, то и нахальство, словомъ, приводилъ въ движеніе всѣ пружины и, наконецъ, добился до желаемаго. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1821 года изданъ указъ объ учрежденіи въ Керчи порта и градоначальства, и утверждены штаты его.

Покойный Государь неохотно согласился на то: онъ лучше министровъ видѣлъ невозможность этой Черкесской торговли, и хотѣлъ, чтобы сдѣлана

Библиотека "Руниверс"

была только проба. Одинъ графъ Нессельроде за это дѣло чрезвычайно горячо принялся. Отчего Керчь и Скасси такъ постоянно пользуются его высокимъ покровительствомъ? Это осталось загадкой для всѣхъ и тайной между имъ и г. Скасси. Будучи зятемъ министра финансовъ, Гурьева, онъ и его склонилъ на свою сторону; другіе же министры и члены Государственнаго Совѣта дали свое согласіе довольно равнодушно и, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы отвязаться отъ Скасси.

Не совсѣмъ, однакоже, исполнились его желанія: градоначальникомъ его не сдѣлали. Но нѣтъ худа безъ добра: въ Россіи очень часто малый чинъ препятствуетъ достойному человѣку получить мѣсто, которое бы онъ съ пользою для службы могъ занять; но за-то иногда случается, что ни какая протекція помочь не можетъ какому нибудь иностранному шуту къ полученію мѣста повыше, если онъ заблаговременно не подумалъ запастись чинами. Сіе самое случилось съ Скасси. Онъ полагалъ, что всегда можетъ онъ перескакивать черезъ чины, и не зналъ, что у насъ, попавши разъ на дорогу, постепенно надобно по ней идти. Чтобы его утѣшить и не лишить надежды, оставили мѣсто Керченскаго градоначальника вакантнымъ, а его подвинули, произвели въ слѣдующій чинъ, составили для него штатъ, назвали его попечителемъ Керченской торговли съ Абазинцами и Черкесами, дали ему на канцелярію и расходы по 35 т. рублей ежегодно, до 200 тысячъ заимообразно безъ процентовъ (и, вѣроятно, безъ отдачи) на разныя коммерческія заведенія. Сверхъ того, велѣно ему безпошлинно отпускать нѣсколько тысячъ пудъ Крымской соли, для продажи ея горцамъ за самую умѣренную цѣну.

Вотъ какимъ образомъ человѣкъ, родившійся далеко отъ Россіи, завлеченный въ нее слѣдствіями развратной молодости, состоянія низкаго, безъ правилъ, безъ познаній, вооруженный только мѣднымъ лбомъ, пронырствомъ своимъ успѣлъ захватить довѣренность правительства, получить чины и большія суммы, и слыветъ человѣкомъ нужнымъ. Теперь уже онъ статскій совѣтникъ и кавалеръ двухъ Россійскихъ орденовъ; въ отечествѣ своемъ также досталъ онъ нынѣ дешевою цѣною почетные титулы: онъ членъ Академіи Аркадовъ въ Римѣ и кавалеръ ордена, которымъ былъ украшенъ искусный Пинетти, ордена Золотой Шпоры. Приличнѣе всего бы называться ему кавалеромъ Промышленности, въ томъ смыслѣ, какъ слово сіе во Франціи принимается,

Такіе люди, каковъ этотъ кавалеръ де-Скасси, въ старину бывали нерѣдки. Иные изъ нихъ владѣли секретомъ дѣлать золото, иные имѣли сообщенія съ духами и съ невидимымъ міромъ и предсказывали будущее; а иные, среди площадей, взгромоздившись на доски, въ пестрыхъ нарядахъ, непонятнымъ языкомъ, продавали лекарства отъ всѣхъ болѣзней. Волхвы и чародѣи, алхимисты, астрологи и шарлатаны, всѣ обманывали народъ. Въ особенности же Италія, которая нѣкогда давала законы міру, въ порабощеніи и

Библиотека "Руниверс"

безсиліи своемъ, изобиловала такими людьми; ея сыны, уже не оружіемъ, а хитростію старались овладѣть другими. Съ умноженіемъ просвѣщенія число такого рода людей уменьшается Въ новѣйшія времена перемѣнились совсѣмъ ихъ занятія и самое имя; ихъ зовутъ нынѣ во Франціи aventuriers, а въ Россіи еще для нихъ названія не пріискано; ибо природныхъ въ ней было очень мало или, лучше сказать, до таинственнаго Старинкевича и ни одного въ ней не было.

Не будемъ къ нимъ слишкомъ строги; сознаемся, что для поддержанія себя въ опасномъ положеніи, которое они избрали, имъ потребны умъ, смѣлость и дѣятельность чрезвычайная. Завидовать ихъ успѣхамъ также не должно: какъ дорого они за нихъ платятъ! Они не знаютъ ни покоя, ни дружбы, ни довѣренности, живутъ всегда одни съ собою, всего страшатся, во всякомъ проницательномъ взглядѣ видятъ обвиненіе, всѣмъ жертвуютъ своенравной богинѣ, Фортунѣ; вотъ какъ течетъ ихъ несчастная жизнь, и почти всегда какой ужасный конецъ ихъ ожидаетъ! Вспомнимъ жребій двухъ славнѣйшихъ изъ сихъ людей въ прошедшемъ вѣкѣ, Ѳеодора Нейгофа, который нѣсколько времени былъ королемъ Корсиканскимъ, и Іосифа Бальзами, который, подъ именемъ графа Каліостро, морочилъ всю просвѣщенную Европу. Одинъ изъ нихъ умеръ на соломѣ въ Лондонской тюрьмѣ, куда былъ посаженъ за долги, а другой окончилъ жизнь въ Римѣ, въ тюрьмахъ инквизиціи. Сохрани Боже нашего героя отъ подобной участи! Мы зла ему не желаемъ, а желаемъ ему даже успѣховъ, но только, чтобъ они были не столь позорны и не столь накладны для Россіи.

Мы забыли сказать, что съ утвержденіемъ порта въ Керчи, въ 1821 году, подчинивъ всѣ градоначальства Новороссійскому генералъ-губернатору: все равно, еслибъ ихъ уничтожили. Градоначальникъ нуженъ тамъ, гдѣ еще ничего нѣтъ, или гдѣ мало что̀ сдѣлано: это не есть постоянная должность, это коммиссія, это довѣренный постъ. Тамъ, гдѣ уже все приведено въ устройство, гдѣ дѣла̀ текутъ своимъ порядкомъ, гдѣ торговыя сношенія совсѣмъ установились, такіе портовые города должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и губернскими, какъ Архангельскъ, Ревель, Рига и Астрахань, или должны быть подчинены мѣстному губернскому начальству, какъ Либава и Нарва. Первые градоначальники назначались послѣ строгаго выбора; за то они облечены были довѣренностію почти неограниченною, имѣли большую власть и могли съ способностями и усердіемъ быть весьма полезны. Нынѣ же Одесскій градоначальникъ есть оберъ-полицеймейстеръ, а прочіе немного повыше обыкновенныхъ городничихъ. Въ другихъ портахъ пусть бы такъ, благосостояніе ихъ отнынѣ будетъ зависѣть отъ политическихъ обстоятельствъ; но въ рождающейся Керчи не знаемъ, хорошо ли это?

Съ исполненіемъ указа объ учрежденіи Керченскаго порта все шло отмѣнно медленно, исподоволь и какъ будто нехотя. Насилу къ концу 1822 года открыты въ немъ портовая карантинная контора и первоклассная портовая

Библиотека "Руниверс"

таможня. Инспекторомъ карантиннымъ присланъ армейскій полковникъ фонъ-Денъ, и ему же покамѣстъ велѣно было исправлять должность градоначальника. Этотъ полковникъ былъ воспитанъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, зналъ очень хорошо фрунтъ, любилъ порядокъ, чистоту, особенно же эту наружную чистоту, которая съ нѣкотораго времени въ Россіи такъ тщательно соблюдалась. Впрочемъ, онъ былъ весельчакъ, любилъ играть въ карты, попить, поѣсть и погулять, въ книги никогда не заглядывалъ, терпѣть не могъ ничего печатнаго и читалъ одни только приказы въ Инвалидѣ. Усердствуя, какъ умѣлъ, устройству ввѣренныхъ ему городовъ, онъ тотчасъ приказалъ по дорогамъ и улицамъ срывать и ровнять всѣ бугорки, засыпать ихъ камешками, посыпать песочкомъ и по бокамъ прорывать канавки. Около крѣпостей надолбы и перила началъ тотчасъ красить казенною краской и, съ негодованіемъ видя древнюю церковь, изъ дикаго камня построенную, почернѣвшую отъ столѣтій, мимо ея пролетѣвшихъ, скорѣе велѣлъ ее бѣлить. Словомъ, Керчь и Еникале сдѣлались какъ на показъ: пріѣхавши въ нихъ, можно было почесть себя въ военныхъ поселеніяхъ.

Легко можно представить себѣ отчаяніе Грековъ, неопрятнѣйшихъ изъ людей. Незадолго передъ тѣмъ воротился Скасси, давно уже покровитель двухъ городовъ и провидѣніе ихъ жителей. На пространномъ полѣ интриги заставляетъ Бомарше говорить Альмавиву: „Надобно все обработывать, даже тщеславіе глупца“. Слѣдуя сему правилу, Скасси всегда ласкаетъ Керченскую чернь и питаетъ спѣсь въ сихъ грубыхъ невѣждахъ. Они бросились къ нему съ жалобами; онъ пожималъ плечами и давалъ надѣяться, что при немъ такъ не будетъ.

Все это недолго продолжалось. Чрезвычайная перемѣна скоро послѣдовала во всемъ краѣ; захотѣли, наконецъ, чтобы Новая Россія обрусѣла, и въ 1823 году прислали управлять ею Русскаго барина и Русскаго воина. Слишкомъ много хвалить графа Воронцова намъ не позволено: съ нѣкоторою основательностію будутъ подозрѣвать насъ въ пристрастіи. Оставляя все, что онъ сдѣлалъ полезнаго вообще, скажемъ только, что онъ такое былъ въ отношеніи къ Керчи. Въ Августѣ мѣсяцѣ 1823 года посѣтилъ онъ сей городъ; какъ Кесарь, онъ пришелъ, увидѣлъ и... въ мигъ распозналъ истину съ ложью. Химера Черкесской торговли передъ нимъ исчезла и, кажется, онъ первый умѣлъ понять дѣйствительную пользу, настоящія выгоды, которыя государство со временемъ получать можетъ отъ Керченскаго порта.

Съ внутреннимъ убѣжденіемъ поспѣшилъ онъ ходатайствовать у покойнаго Государя за Керчь, и чрезъ два мѣсяца, именно въ Октябрѣ 1823 года, въ городѣ Вознесенскѣ, по докладу его, назначенъ первымъ Керчь-Еникальскимъ градоначальникомъ генералъ Богдановскій, давнишній его сослуживецъ и котораго похвальныя свойства ему коротко были извѣстны.

Какой неожиданный ударъ для надменнаго Скасси! Всѣ его замыслы, какъ дымъ, должны были исчезнуть. Отъ досады онъ не лопнулъ, но глубоко

Библиотека "Руниверс"

скрылъ ее въ коварномъ Итальянскомъ сердцѣ своемъ. Привыкнувъ всегда носить личину, онъ ласкался къ графу Воронцову, улыбался Богдановскому и страдалъ безсильнымъ желаніемъ вредить столь благонамѣреннымъ людямъ.

Со всею приверженностію къ графу Воронцову, со всѣмъ уваженіемъ къ Богдановскому и, прибавимъ еще, съ изрядным таки самолюбіемъ, скажемъ правду: какъ первый сей выборъ для Керчи, такъ и послѣдующіе были неудачны. По неволѣ людей посылать не должно: генералъ Богдановскій, равно какъ и преемникъ его, много въ своей жизни обязанные графу Воронцову, не могли противиться его желаніямъ и пожертвовали пріятностями жизни его полезнымъ намѣреніямъ. Умный и осторожный Богдановскій есть рабъ своего слова и рабъ всѣхъ обязанностей своихъ: онъ чрезвычайно аккуратенъ, менѣе чѣмъ должно онъ никакъ не сдѣлаетъ, но и болѣе также никогда. Онъ слишкомъ два года терпѣливо перенесъ Керченскую жизнь, какъ птица на вѣткѣ во время непогоды, выжидая лучшаго времени и никакъ не думая вить гнѣзда; онъ ничего тамъ не захотѣлъ завести. Онъ дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ все держать въ порядкѣ, почиталъ себя болѣе исполнителемъ распоряженій высшаго начальства, былъ правдивъ, никакихъ личностей себѣ не позволялъ. Съ Скасси подъ конецъ былъ онъ въ явномъ несогласіи, но всѣ ядовитыя стрѣлы Итальянца скользили только о непоколебимое его хладнокровіе. Керчь была для него, какъ уродливая жена, которой, давши слово въ вѣрности, онъ, какъ честный человѣкъ, не могъ измѣнить и которой, кромѣ любви, онъ ни въ чемъ не отказывалъ. Настоящая жена его та, съ которой онъ соединенъ передъ самымъ сюда прибытіемъ, была единственною его отрадой въ сей пустынѣ. Воспитанная въ столицѣ, она любила если не шумныя веселости, то пріятности общежитія, а здѣсь ихъ совсѣмъ была лишена. Ея таланты, любезность и скромность еще болѣе были замѣтны въ кругу этихъ глупыхъ и злыхъ чиновницъ, бывшихъ прачекъ.

Во время управленія г. Богдановскаго, ничто не дѣлалось въ Керчи иначе какъ подъ наблюденіемъ его, но по распоряженіямъ и проектамъ, утверждаемымъ самимъ генералъ-губернаторомъ. Въ началѣ 1826 года, согласно съ сильнымъ его желаніемъ, оставилъ онъ здѣшнее мѣсто и переведенъ градоначальникомъ въ Ѳеодосію. Тогда-то Керчь осталась на жертву Лигурійцу Скасси и одному Вандалу Синельникову, карантинному инспектору, которому поручено было временно градоначальствовать.

Намъ теперь болѣе ничего не остается, какъ описать городъ сей, въ который мы прибыли въ началѣ нынѣшняго 1827 года.

Надобно почти въѣхать въ него, чтобы его увидѣть Дорога изъ Ѳеодосіи съ послѣдней станціи идетъ все на изволокъ, переломъ дѣлается верстахъ въ двухъ съ половиною отъ Керчи подлѣ такъ называемаго Золотаго Кургана. Этотъ курганъ можно почесть горой, онъ изъ земли и каменьевъ сложенъ, а Золотымъ названъ потому, что, когда роются въ немъ, почти

Библиотека "Руниверс"

всегда въ гробницахъ находятъ золотыя вещи. Суевѣрные разсказываютъ, что подъ нимъ засажена какая-то дѣвица, сотворившая страшное преступленіе, за то проклятая и осужденная сидѣть цѣлыя столѣтія въ подземельѣ, пока не сыщется добрый человѣкъ, который согласится благословить ее. Говорятъ, что по временамъ она является, ночью, печально бродитъ вокругъ кургана, завидя всякаго проходящаго спѣшитъ къ нему съ мольбою; а онъ, не думая давать благословенія, съ ужасомъ отъ нея удаляется.

Отъ этого волшебнаго кургана начинаешь непримѣтно спускаться. Скоро открывается множество разбросанныхъ каменныхъ избушекъ, построенныхъ Русскими поселенцами, и которыя со временемъ, по утвержденному плану, должны составить новые кварталы города. Наконецъ въѣзжаешь и въ Керчь, то есть въ главную и почти единственную улицу сего города, которая отъ первыхъ прочныхъ застроеній до крѣпости имѣетъ длины болѣе версты. Она идетъ по косогору довольно высокихъ холмовъ и Митридатовой горы; дойдя же до нея, между ею и крѣпостью, у подошвы ея лежащей, поворачиваетъ вправо и ее обходитъ: можно сказать, весь городъ лежитъ у ногъ Митридата *) По обѣимъ сторонамъ этой главной улицы идутъ еще двѣ другія, не столь длинныя и не столь обстроенныя и соединяющіяся съ нею переулками. Параллельныхъ улицъ болѣе дѣлать невозможно: справа гора, а съ лѣва болото, низменное мѣсто, куда стекаются ручьи изо всѣхъ фонтановъ и которое, при сильныхъ вѣтрахъ съ моря, затопляется. Первая половина большой улицы довольно широка, идетъ по прямой линіи и отстроилась только съ учрежденія градоначальства; другая же, составлявшая старый городъ, и крива, и коса, и грязна. Пять или шесть вновь построенныхъ каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ даютъ Керчи видъ города.

Народонаселеніе все еще простирается не болѣе какъ до 2,500 душъ въ обоихъ городахъ; если все такъ пойдетъ, какъ шло донынѣ, то трудно ожидать, чтобы оно умножилось. Таврическая Казенная Палата, обязанная отчетностію Министерству Финансовъ, очень строго поступаетъ при перечисленіи жителей изъ другихъ губерній; общества, при увольненіи людей, желающихъ переселиться въ Керчь, неохотно даютъ свое согласіе, а для принятія ихъ здѣсь встрѣчается еще болѣе затрудненій.

Сначала Керчь была многочисленная Греческая колонія; девять-десятыхъ изъ ея населенія разошлись, но остальное удержало за собой всѣ привилегіи, права и выгоды, которыя имъ императрицею Екатериною пожалованы. Какая за то отъ нихъ польза государству? Никакой. Всякая Нѣмецкая, или другая какая, колонія съ столь давняго времени и при столь выгодномъ мѣстоположеніи сдѣлалась бы знаменитою. А между тѣмъ сіи Керченскіе Греки воображаютъ, что ихъ однихъ правительство имѣло въ виду, учреждая

*) Народъ называетъ эту гору просто Митридатъ. Говорятъ: „я былъ на Митридатѣ, я пойду на Митридата".

Библиотека "Руниверс"

здѣсь портъ. Скасси ихъ въ томъ увѣрилъ. На смѣхъ, обѣщался онъ имъ хлопотать въ Петербургѣ, чтобы дано имъ было муниципальное правленіе, и чтобы всѣ полицейскія власти и даже градоначальникъ были ими и изъ среды ихъ избираемы; онъ тронулъ слабую сторону ихъ, тщеславіе. Эти люди, столь хитрые въ мелочныхъ обманахъ, но которые въ глубокомъ невѣжествѣ своемъ далѣе носа своего ничего не видятъ, охотно вѣрятъ ему. При такомъ расположеніи умовъ, какъ трудно всякому иностранному капиталисту, а кольми паче Русскому, которыхъ также они называютъ иностранцами, да еще и худшими, рѣшиться что нибудь завести и войдти въ ихъ сословіе; Они сами всячески тому противятся, а безъ ихъ согласія нельзя быть Керченскимъ жителемъ; когда же они согласятся, то въ какой жестокой надобно быть отъ нихъ зависимости! Ибо какъ они одни избиратели и избираемые, то всегда имъ надобно кланяться.

Русскихъ простолюдиновъ они охотно принимаютъ, зная ихъ проворство и трудолюбіе. Они ихъ за дешевую цѣну нанимаютъ, а высокой тѣ отъ нихъ просить не смѣютъ. Но если кто изъ нихъ порасторгуется, поразживется и начнетъ состояніемъ равняться съ Греками, то надобно видѣть, какъ начнутъ всѣ на него нападать, привязываться къ нему, мѣшать ему во всемъ, и всѣ усилія градоначальника едва могутъ его спасти. Этимъ Крымскимъ Грекамъ или Татаро-Грекамъ (ибо они не только исторіи Греціи, или же ученаго Еллинскаго языка, но и того, который нынѣ Греками говорится, не знаютъ, а говорятъ всѣ только по-татарски), этимъ варварамъ сказалъ кто-то, что въ древности былъ какой-то городъ Лакедемонъ, коего жители, Спартанцы, пользовались совершенною свободою и имѣли у себя Илотовъ, съ которыми могли, какъ съ собаками, обходиться. Ихъ увѣрили, что они происходятъ отъ этихъ Спартанцевъ, и что, по примѣру предковъ, должны имѣть своихъ Илотовъ. И эта сволочь, эти люди, изъ коихъ нѣтъ ни одного, который бы могъ попасть въ купцы 3-й гильдіи, между коими тотъ почитается богачемъ, кто до 30 тысячъ рублей имѣетъ въ оборотѣ и на нихъ крохоборствуетъ, каждый изъ нихъ имѣетъ по одной или по двѣ семьи Илотовъ Каждый годъ ѣздятъ они на ярмарки: Роменскую, Харьковскую и Коренную, и разводятъ балыки; купцы, которые у нихъ покупаютъ, получаютъ отъ мотоватыхъ помѣщиковъ, вмѣсто должныхъ денегъ, живыхъ людей, и ими платятъ Грекамъ за копченую рыбу. Разумѣется, что купчія совершаются на чужое имя. О стыдъ имени Русскаго! Сердце раздирается, когда услышишь вопли сихъ несчастныхъ единоземцевъ, терзаемыхъ самыми презрѣнными изъ пришлецовъ *). Бывшій градоначальникъ, Богдановскій, не могъ

*) Въ Армянскомъ городѣ Нахичеванѣ, подлѣ Таганрога, житье еще хуже этимъ невольникамъ. Какъ городъ сей многолюднѣе, богаче Керчи и весь населенъ Армянами, то защитить Русскихъ крѣпостныхъ людей совершенно некому. Послѣдній мясникъ имѣетъ собственныхъ слугъ и обращается съ ними, какъ Европейцы съ Неграми. Жребій ихъ облегчается, когда они принимаютъ Армянскую вѣру.

Библиотека "Руниверс"

остаться равнодушнымъ къ неистовствамъ Грековъ: пользуясь указомъ 1823 года, онъ полицейскою властію, безъ церемоніи, началъ отбирать людей у тѣхъ, кои не имѣли права ими владѣть: многихъ избавилъ онъ такимъ образомъ отъ оковъ; но что же вышло? Все его возненавидѣло, и Скасси обрадовался случаю, началъ подстрекать Грековъ; они послали прошенія въ Сенатъ, оттуда потребовались объясненія, и начались дѣла. Чѣмъ они кончатся, неизвѣстно; а извѣстно только то, что старый вѣтреникъ, Ланжеронъ, у сенаторовъ, а Скасси у оберъ-секретарей хлопочутъ за жителей de leur bonne ville de Kertsch.

Началомъ всѣхъ непріятностей и потомъ несчастій для Ѳеодосійскаго градоначальника Броневскаго было его состраданіе. Двѣ дѣвки, измученныя Грекомъ Качони, у котораго онѣ были крѣпостными, не видя никакого спасенія, съ отчаянія бросились въ море; съ тѣхъ поръ Броневскій началъ принимать строгія мѣры къ обузданію Спартанцевъ. Все соединилось противъ него, ябеды, доносы посыпались, самыя невинныя его дѣянія перетолковывались, все, что̀ онъ предпринималъ онъ полезнаго для города, называлось притѣсненіемъ, всякое оказанное имъ снисхожденіе названо слабостію, а малѣйшая строгость злоупотребленіемъ власти. И онъ погибъ! Лишеніе добраго имени и способностей для того, кто имѣлъ ихъ, есть нравственная смерть, въ сравненіи съ которой физическая ничто. Будучи въ крайней нищетѣ и не имѣя способовъ оставить мѣсто казни, онъ бродитъ, какъ тѣнь среди убійцъ своихъ и учитъ осторожности градоначальниковъ, которые могли бы быть увлечены опаснымъ человѣколюбіемъ.

И эти Греки во всемъ подобны другимъ соотчичамъ своимъ, разсѣяннымъ по Россіи. И эти Греки, минусъ просвѣщеніе, напоминаютъ предковъ своихъ, коихъ характеръ исторія сохранила! И эти Греки возбуждаютъ нынѣ живѣйшее участіе во всей Европѣ! Они коварны, злобны, мстительны, непостоянны, падменны, корыстолюбивы болѣе Жидовъ. Отличительная же ихъ черта есть неблагодарность. Кто ихъ хорошо не знаетъ, тому неизвѣстно, сколько ея вмѣщаться можетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Пусть вспомнятъ мужика, который изъ Аѳинъ выгонялъ Аристида только за то, что онъ слылъ правдивѣйшимъ изъ мужей республики; пусть прочитаютъ записки западныхъ воиновъ, этихъ Крестоносцевъ, которые отъ невѣрныхъ шли освободить гробъ Господень: они дышатъ откровенностію людей непросвѣщенныхъ и выставляютъ всю черноту Грековъ въ среднемъ вѣкѣ. Можно смѣло сказать, что изо ста спорныхъ дѣлъ, производящихся въ портовыхъ коммерческихъ судахъ, 99 по жалобамъ Грековъ или на Грековъ; никакой вѣры къ симъ людямъ имѣть невозможно; вездѣ какой-то безпокойный духъ, вездѣ гнусные обманы. Если гдѣ составится пріятельское общество изъ 15 или 16 человѣкъ и замѣшается между ними одинъ Грекъ, то прощай веселіе: тотчасъ рождаются раздоръ и вражда. Ихъ много служитъ въ Черноморскомъ флотѣ и морскіе офицеры другихъ націй такъ хорошо это знаютъ, что формально ихъ чуждаются и другихъ сношеній, какъ по службѣ, съ ними не имѣютъ.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, Грецiя была нѣкогда посреди всеобщаго мрака блестящей точкой, которая, увеличиваясь, сдѣлалась источникомъ свѣта, разлившагося по всему земному шару. Всякая нацiя имѣла свой славный перiодъ, и эти самые Греки заимствовали у другихъ народовъ и потомъ усовершенствовали художества, науки и изощрили этотъ вкусъ изящнаго, которому мы болѣе всего дивимся. За блистательною, хотя и порочною жизнiю послѣдовало продолжительное тлѣнiе; воскресенiя никогда не будетъ. Еще такого примѣра не было, и Персiяне Фетъ-Али-шаха совсѣмъ не Кировы Персы, и Египтяне Махмедъ Али-паши не построятъ пирамидъ. Магометанское варварство, какъ хладъ, все мертвитъ. Какъ отъ сильнаго мороза притупляется ядъ всѣхъ зловредныхъ насѣкомыхъ и растенiй, такъ и отъ него Греки окоченѣли; но пусть они отойдутъ, пусть, согрѣтые свободою, соединятся въ политическое тѣло: тогда мы увидимъ! Развѣ дунетъ хорошiй вѣтеръ съ Невы или изъ Альбiона, разгонитъ и заглушитъ этотъ смрадъ.

Что намъ толкуютъ безпрестанно о Гомерѣ и Еврипидѣ, о Сократѣ и Платонѣ, о Демосѳенѣ и Есхилѣ, о Солонѣ и Ликургѣ, о Ѳемистоклѣ и Эпаминондѣ? Зачѣмъ указываютъ на другихъ славныхъ Грековъ, которые позднѣе явились, на этихъ святителей, благочестивыхъ, краснорѣчивыхъ и златоустыхъ отцовъ Восточной церкви? А развѣ цари-пророки не были Iудеи, и самъ Богочеловѣкъ развѣ погнушался родиться между ними? А что такое потомство этихъ Iудеевъ? Нѣтъ, что бы ни говорили господа Филеллины, какъ бы ни призывали тѣни великихъ мужей древней Грецiи, лучи ихъ безсмертiя сквозь тьму временъ не отражаются на этой вонючей грязи.

Люди, которые любятъ находить сходства, говорятъ, будто Греки характеромъ похожи на Французовъ, а другiе будто на Нѣмцевъ; тѣхъ, кои знаютъ многихъ Грековъ, спрашиваемъ мы: видѣли ли они хотя одного изъ нихъ веселонравнаго? Они всѣ угрюмы, мрачны и улыбаются только содѣланному ими злу. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ они болтливы и легкомысленны; но сей послѣдній недостатокъ производитъ въ Французахъ самыя любезныя качества: обходительность, незлобiе, иногда, такъ сказать, неумышленныя одолженiя, и въ самомъ простомъ Французѣ нерѣдко встрѣчаются порывы великодушiя, о которомъ Греки и понятiя не имѣютъ. Какъ Нѣмцы, любятъ они умствовать; но все ихъ многорѣчiе для того только, чтобъ скрыть истину, тогда какъ всякiй Нѣмецъ отъ чистаго сердца ищетъ находить истину и готовъ показать ее цѣлому свѣту. Народы просвѣщенные, вы, которые такъ усердно вступаетесь за тѣхъ, коихъ не знаете, вы со временемъ будете обижаться всякимъ съ ними сравненiемъ. А вы, Молдаване и Волохи, которые болѣе двухъ вѣковъ отъ нихъ страдаете, потомки Славянъ и Римлянъ вмѣстѣ, вы, въ которыхъ недавно мы осуждали неосторожно привитые пороки, вы можете всей Европѣ дать отвѣтъ. Самая ненависть ваша къ грабителямъ и развратителямъ вашимъ уже показываетъ въ васъ зародышъ всего добраго.

Библиотека "Руниверс"

На такомъ маломъ пространствѣ и съ горстью такихъ людей, подъ вліяніемъ Скасси, всякій градоначальникъ долженъ имѣть болѣе заботъ, чѣмъ при управленіи многолюдной губерніи. Будетъ ли тутъ время ему думать о какомъ-нибудь полезномъ устройствѣ, особливо тогда, какъ въ 700 верстахъ отъ Одессы онъ о всякой бездѣлицѣ долженъ спрашиваться у генералъ-губернатора? Къ тому должно еще прибавить, что по отдаленности Керчи порядочные чиновники неохотно туда ѣдутъ (почти всѣ, которые тамъ служатъ, суть люди выгнанные и которыхъ въ другія мѣста не принимаютъ); всѣ они опредѣлены были господиномъ Скасси при началѣ учрежденія градоначальства и ему преданы. Кто же захочетъ остаться тамъ долго градоначальникомъ? Какъ же быть? Назначить самого Скасси? Онъ надѣлаетъ много добра.

Слѣдуетъ вопросъ: если въ Керчи учрежденъ портъ для Черкеской торговли и есть попечитель этой торговли, то зачѣмъ тутъ градоначальникъ? Если назначенъ градоначальникъ, то какого же другаго попечителя надобно? Въ такой карманный городокъ опредѣлить двухъ начальниковъ, почти равныхъ властію, значитъ тоже, что̀ засадить двухъ вороновъ въ канареечную клѣтку. Они будутъ драться: другой пользы не будетъ.

Вотъ что̀ есть примѣчательнаго въ этой клѣткѣ и вокругъ нея.

1. *Митридатова гора.* На ней былъ Акрополисъ или верхняя часть города Пантикапеи и стояли царскіе чертоги, какъ мы въ началѣ сей записки сказали. Вѣроятно, многія обрушенныя великолѣпныя зданія время на ней покрыло землею и ее возвысило; по крайней мѣрѣ, гдѣ ни копнись, вездѣ обломки колоннъ, капителей и мраморныхъ барельефовъ. Жители Керчи въ невѣдѣніи своемъ и не знаютъ, что̀ это такое за Митридатъ; большая часть изъ нихъ полагаетъ, что онъ былъ гигантъ, превращенный въ каменную гору и засыпанный землею. Прошло близъ двухъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ великій человѣкъ погибъ на сей горѣ; она все называется его именемъ и вѣками сохранитъ его. Все великое исчезаетъ въ мірѣ, но долго, долго остается память объ немъ. Сію гору въ нѣкоторомъ отношеніи можно уподобить одной скалѣ, брошенной среди океана, темницѣ и могилѣ чуднаго генія, который въ наши дни волновалъ, мучилъ и восхищалъ вселенную; она назовется его именемъ и въ теченіе многихъ вѣковъ будетъ имъ славиться.

Митридатова гора въ утесъ стоитъ надъ проливомъ, и въ низу подлѣ него самый узкій проѣздъ. На вершинѣ горы стоятъ кресла Митридатовы, на которыхъ, вѣроятно, онъ никогда не сидѣлъ; это нѣсколько довольно-большихъ камней, случаемъ или руками сложенныхъ, между коими есть впадина, въ которую можно сѣсть; видъ съ этого мѣста во всѣ стороны далеко простирается. Одинъ бокъ горы, который къ Керчи, довольно отлогъ, такъ что на немъ поселилась цѣлая матроская слобода, и когда въ хижинахъ вечеромъ зажгутся огни, то съ низу взглядъ на нихъ очень пріятенъ.

Библиотека "Руниверс"

По неволѣ должно теперь сдѣлать отступленіе и сказать, какая это слобода. Въ Русскій портъ Редутъ-Кале, въ Мингреліи, ежегодно привозился изъ Керчи въ значительномъ количествѣ провіантъ, частію для войскъ, тамъ расположенныхъ, частію для всего отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, и сіе дѣлалось посредствомъ найма каботажныхъ судовъ, которыя только подлѣ береговъ могутъ плавать, а въ самое море не идутъ. Это было сопряжено съ большими издержками для казны, и Скасси чрезъ Ланжерона предложилъ весьма полезное дѣло по первому взгляду. Согласившись съ симъ предложеніемъ, правительство приказало купить одиннадцать купеческихъ судовъ, оснастить ихъ, снарядить и вооружить, а для управленія ими даны флотскіе офицеры и матросы. Вся эта операція поручена Скасси; а онъ покупалъ суда, по какой цѣнѣ и какой величины хотѣлъ; ему подчинили эту флотилію и онъ попалъ въ адмиралы. Кажется, все это было въ началѣ 1821 года, но отчетовъ онъ до сихъ поръ не отдалъ. Контроль ихъ отъ него требуетъ, а онъ всячески отъ того уклоняется; поживился онъ тутъ, кажется, порядочно, но не соблюлъ никакого форменнаго порядка. Всѣ эти суда онъ перекрестилъ; одному далъ свое имя, другое назвалъ Ланжерономъ. Перевозка провіанта на сихъ транспортныхъ судахъ обходилась казнѣ дѣйствительно гораздо дешевлѣ прежняго; матросы цѣлаго экипажа, по большей части семейные, обзавелись, построили домики, составили слободку, умножилось тѣмъ народонаселеніе Керчи, и съ умноженіемъ потребностей болѣе денегъ пустилось въ оборотъ. Флотилію эту послѣ отдали въ вѣдѣніе градоначальника. Все это до сихъ поръ прекрасно, но вотъ что худо.

Суда были старыя и весьма непрочныя и въ шесть лѣтъ совершенно обветшали, такъ что теперь ихъ надобно бросить. По соглашенію графа Воронцова съ адмираломъ Грейгомъ къ концу нынѣшняго года должно будетъ ихъ перевести въ Севастополь и они тамъ будутъ догнивать. Строеніе каботажныхъ судовъ прежнимъ наймомъ чрезвычайно было поощряемо; оно ежегодно умножалось и по той пропорціи перевозка годъ отъ году становилась бы дешевлѣ. Нынѣ, не взирая на помощь, которую даетъ казна, число каботажныхъ лодокъ въ шесть лѣтъ много уменьшилось; каботажъ есть жизнь Керчи, какъ мы далѣе покажемъ. Теперь опять надобно будетъ нанимать ихъ по прежнему, но уже гораздо дороже прежняго; гдѣ же прибыль? Истрачено много денегъ на покупку судовъ, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ никуда не годились, и разорены бѣдные морскіе солдаты, которые теперь за безцѣнокъ начинаютъ домишки свои продавать. Вотъ какъ надобно быть недовѣрчиву къ обширнымъ планамъ этихъ смѣлыхъ иностранныхъ прожектеровъ, которые всегда одну свою только пользу имѣютъ въ виду.

2. *Крѣпость*, построенная Турками, вѣроятно, для обороны со стороны пролива, ибо съ Митридатовой горы весь гарнизонъ можно забросать каменьями. Въ ней примѣчательнаго есть одна древняя башня, говорятъ, еще Генуэзская и церковь, коей времени основанія никто хорошенько не знаетъ. Она должна быть очень древняя, ибо часть ея вошла въ землю, но остальное

Библиотека "Руниверс"

довольно высоко подымается. Куполъ ея поддерживается четырьмя мраморными столбами, а помостъ составленъ весь изъ мраморныхъ плитъ разной величины, на коихъ высѣчены разныя фигуры, кои служили совсѣмъ для другаго употребленія. Эта-то церковь была убѣлена г. фонъ-Деномъ. При Туркахъ она была мечетью: у входа ея стоитъ высокій минаретъ, который нынѣ служитъ колокольней.

3. *Музеумъ.* Онъ открытъ только въ 1823 году подъ управленіемъ Бларамберга и покамѣстъ помѣщается въ домѣ одного Француза Шевалье дю-Брюкса. Собраніе древностей дѣлается съ успѣхомъ: теперь находится уже въ музеумѣ большое количество Воспорскихъ медалей, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, урны съ пепломъ умершихъ, большія амфоры, въ которыхъ древніе хранили вино и деревянное масло, лакриматоріи разныхъ составовъ, формъ и величины, глиняные сосуды и маленькія статуи, очень хорошо сохранившіяся. Пять или шесть колоссальныхъ мраморныхъ торсовъ и множество обломковъ архитектуры и скульптуры, въ которыхъ знатоки находятъ искусство и прекрасную отдѣлку, дѣлаютъ сіе собраніе весьма любопытнымъ. Есть также много очень хорошихъ золотыхъ вещей, вѣнецъ изъ золотыхъ листьевъ, открытый въ могилѣ какой-то царицы, пропасть золотыхъ перстней съ рѣзными камнями, браслеты и проч. и проч.

Директоръ сего музея, г. Бларамбергъ, живетъ въ Одессѣ, рѣдко и на короткое время пріѣзжаетъ въ Керчь, и отъ того-то медленно умножается сія коллекція. За ея храненіемъ имѣетъ присмотръ мѣстное начальство.

Конечно, для любителя древности нигдѣ почти нѣтъ столь богатой жатвы, какъ въ окрестностяхъ Керчи. До сихъ поръ насчитали 1,200 кургановъ; но и половины, кажется, не сосчитали: немногіе изъ нихъ взрыты и всѣ почти не понапрасну, остальное можно почитать неисчерпаемымъ источникомъ. Когда откроютъ курганъ и найдутъ въ немъ разные предметы въ Греческомъ вкусѣ, то надобно рыться еще глубже въ землю: тамъ находишь другія гробницы народовъ, нынѣ уже неизвѣстныхъ. Эти подземелья весьма пространны; обыкновенно въ нишѣ или впадинѣ находишь человѣческія кости, близъ которыхъ, на каменномъ столѣ, почти всегда каменная чаша и желѣзныя орудія, копья и стрѣлы, а немного поодаль, на каменномъ канапе, скелетъ лошади.

Когда приведутся въ исполненіе намѣренія графа Воронцова построить особливое зданіе для музеума, опредѣлить къ тому особливаго чиновника, который бы имѣлъ постоянное пребываніе въ Керчи, и начнутъ систематически, по порядку, разрывать курганы, то собраніе Керченскихъ древностей будетъ одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ. Ѳеодосія имѣетъ также свой музеумъ, но только по одному названію; онъ находится подъ надзоромъ доктора Граперона, который столь же мало смыслитъ въ археологіи, какъ и въ медицинѣ, а, какъ Французъ, берется за все, и сей музеумъ только бо

Библиотека "Руниверс"

гать вещами, похищенными у Керчи, когда сей городъ былъ подвластнымъ Ѳеодосіи. Большіе споры идутъ о томъ между гг. Бларамбергомъ и Граперономъ, особливо же за одного грифона *), высѣченнаго на камнѣ. Этотъ грифонъ былъ эмблемою Пантикапеи, украшалъ долго ворота Керченской крѣпости, и насильственно завладѣла имъ Ѳеодосія.

4. *Старый карантинъ* находится въ семи верстахъ отъ Керчи, немного повыше того мѣста, гдѣ въ старину была Нимфея, а лѣтъ двадцать тому назадъ большая прекрасная и густая роща фруктовыхъ деревьевъ, на горѣ, по горѣ и подъ горою. Это самое заставило выбрать сіе мѣсто, посреди обнаженной степи для учрежденія на немъ карантинной заставы, хотя тутъ стояніе для судовъ самое невыгодное, по близости къ Черному морю: стремленіе вѣтровъ при истокѣ пролива бываетъ ужасное, и нерѣдко гибли корабли.

Небреженіемъ и варварствомъ каторжныхъ чиновниковъ, которые въ карантинную заставу опредѣлялись, роща совсѣмъ истребилась: чтобы не покупать дровъ, они рубили деревья и ими топили печи. Теперь всего осталось деревьевъ съ тридцать, грушевыхъ и миндальныхъ, и нѣсколько кустовъ очень хорошаго винограда. Попеченіемъ послѣдняго директора карантиннаго дому, Бородина, который, какъ Цинцинатъ, оставилъ мечъ для мирныхъ занятій и обрабатыванія земли, и опять взялся за него и сражается теперь съ Персіянами, разведенъ довольно большой разсадникъ молодыхъ деревьевъ и посажена бездна цвѣтовъ. Строенія сего карантина нынѣшнимъ лѣтомъ опустѣли, одинъ только домикъ прибранъ и передѣланъ для жительства градоначальника. Мѣстоположеніе прекрасное, и если сдѣлать тутъ хуторъ или дачу, и попадется оно къ рукамъ, то сдѣлается украшеніемъ для Керчи и весьма пріятной прогулкой.

5. *Новый карантинъ*, построенный по проекту инженернаго генерала Потье и окончанный въ нынѣшнемъ году, находится въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, къ Сѣверу, и слѣдственно почти на половинѣ дороги къ Еникале.

Множество большихъ строеній и магазиновъ чрезвычайной величины, на великомъ пространствѣ, окруженномъ двойною каменною стѣною, и хорошо укрѣпленная пристань дѣлаютъ сей карантинъ первѣйшимъ въ Россіи и не послѣднимъ въ Европѣ. Допросныя, окурныя, маркитантскія, пассажирскія комнаты, парлаторіи, чумный кварталъ, все выстроено и отдѣлано прекрасно и на такомъ мѣстѣ, гдѣ суда, какъ на дворѣ, безопасно стоять могутъ. Десять тысячь погонныхъ сажень или пять верстъ каменной высокой

*) Господинъ Бларамбергъ, столь страстно любящій древность, имѣетъ еще другую страсть: говорить каламбуры и играть словами. Въ нетерпѣніи своемъ онъ говоритъ: «Il faut absolument que je mette la griffe sur ce griphon», на что ему кто-то отвѣчалъ: «Cela sera difficile, parceque m-r Graperon a mis le grappin dessus».

Библиотека "Руниверс"

стѣны, не считая кровель, окончинъ, печей, половъ и дверей, и все это стоило 347 тыс. рублей! Такое чудо дано было сдѣлать графу Воронцову; подъ его личнымъ распоряженіемъ, и его стараніями сдѣланы въ Одессѣ торги и подряды. Хвала ему! Какъ искусному генералу, ему случалось съ малымъ числомъ войскъ бить непріятелей; какъ искусный правитель, онъ умѣетъ съ малыми средствами дѣлать великое. Сей человѣкъ, столь щедрый на собственныя деньги, бываетъ всегда разсчетливъ, бережливъ и почти скупъ, когда дѣло идетъ о казенномъ или общественномъ интересѣ.

6. *Бугазскій мѣновой дворъ.* Впадая въ Черное море, рѣка Кубань образуетъ обширный заливъ, губу, лиманъ или бугазъ. Отъ Анапы идетъ на сорокъ верстъ узкая коса, которая, отдѣляя сей бугазъ отъ моря, оставляетъ пространство менѣе версты, для соединенія ихъ. На самой сей переправѣ построенъ Мѣновой Дворъ, говорятъ, будто съ Черкесами. Спрашивается, зачѣмъ онъ тутъ? Съ Кавказскихъ горъ развѣ только птицы могутъ летать къ этому мѣсту, минуя Анапу. Абазинцы пойдутъ ли промѣнивать свои товары сорокъ верстъ далѣе и за границу, когда все потребное могутъ они найдти подъ руками, въ Анапѣ? И неужели Турки такъ глупы, что они станутъ способствовать этой мѣнѣ? Они никого и ничего не пропустятъ.

Такъ угодно было Скасси. Мѣновой Дворъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ, хотя въ маломъ видѣ. Никакихъ товаровъ въ немъ нѣтъ, ни одинъ Черкесъ не является, и пассажировъ, кромѣ Грузинъ и Армянъ, захваченныхъ горцами и убѣжавшихъ отъ неволи, тамъ не бываетъ. Доходу съ этого двора получаетъ казна ежегодно отъ 16 до 18 рублей, а что̀ стоитъ его содержаніе? Этого мало. Надобно было быть Скасси, чтобы построить большое зданіе, но для дешевизны, изъ битой земли съ глиной и на топкомъ мѣстѣ. Это зданіе въ одно время и строилось, и разваливалось; чрезъ годъ, или два, все обрушится, а сто̀итъ оно казнѣ 95 тысячь рублей. Предвидя сіе, градоначальникъ Богдановскій, хлопоталъ чтобы, на первый случай, сдѣлать для пробы строеніе тысячь въ пять; Скасси возопилъ противъ того и умѣлъ убѣдить даже самого графа Воронцова, который согласился все строеніе начать въ одно время.

Участіе, которое принимаетъ Скасси въ существованіи Бугазскаго Мѣноваго Двора, объясняется слѣдующимъ: чрезъ него онъ имѣетъ сношенія съ Анапскимъ пашей, разумѣется, не клонящіяся ко вреду государства, не для измѣны, а только для своей корысти. Получаемую имъ соль, безданно, безпошлинно, онъ отправляетъ не къ Черкесамъ, а дорогою цѣною продаетъ Туркамъ, а тѣ еще дороже перепродаютъ ее горцамъ: вотъ весь барышъ этого Мѣноваго Двора.

7. *Темрюкъ*, селеніе Черноморскихъ козаковъ, близъ Азовскаго моря, находится въ 90 верстахъ отъ Керчи и входитъ въ округъ Керченскаго

Библиотека "Руниверс"

градоначальства. Окрестности его, болѣе нежели гдѣ, усыпаны курганами; утверждаютъ, что тутъ было удѣльное помѣстье Воспорскихъ царицъ; и дѣйствительно, во множествѣ находимыя тутъ медали и памятникъ какой-то славной царицы Комосаріи подкрѣпляютъ сіе мнѣніе.

8 *Еникале.* Крѣпость и городокъ въ Азіатскомъ вкусѣ, идутъ терра сами съ горы и до самаго моря, съ коего видъ на нихъ живописенъ. Внутренность города весьма неопрятна; но строенія, хотя не весьма прочныя, больше чѣмъ въ Керчи, и странностію формъ, равно какъ и цвѣтовъ, коими испещрены, привлекаютъ на себя любопытный взоръ путешественниковъ. Около Еникале болѣе всего ловится рыбы и его можно назвать отечествомъ балыковъ.

9. *Маякъ*, построенный въ трехъ съ половиною верстахъ на Сѣверъ отъ Еникале, у самаго входа въ Азовское море, на счетъ Таганрогскаго купечества: довольно высокая башня, около которой нѣтъ никакого жилья. Ничего не можетъ быть печальнѣе ея окрестности. Маякъ сей освѣщается только въ мрачныя осеннія ночи; онъ зависѣлъ отъ Таганрогскаго градоначальства, но скоро долженъ поступить въ вѣдѣніе Керченскаго.

Ширина Керченскаго пролива или Босфора не во всѣхъ мѣстахъ равная: одинъ Таманскій заливъ входитъ болѣе чѣмъ на тридцать верстъ внутрь земли. Керченская бухта идетъ полумѣсяцемъ отъ Павловской батареи до безъименнаго мыса и имѣетъ въ окружности болѣе двѣнадцати верстъ. Двѣ косы: одна, сѣверная, къ Еникале, а другая южная, къ Павловской батареѣ, съ противоположнаго берега, подходятъ на разстояніе шести верстъ, а фарватеръ болѣе версты нигдѣ ширины не имѣетъ, такъ что мимо двухъ укрѣпленій ни одно судно прокрасться не можетъ: оно всегда отъ нихъ будетъ на пушечный выстрѣлъ.

Въ сихъ мѣстахъ томлюсь я уже нѣсколько мѣсяцевъ, скитаюсь по берегамъ этого Босфора, не встрѣчаю ни одного давно знакомаго лица, не слышу занимательныхъ разговоровъ, не имѣю съ кѣмъ бы обмѣнять одной мысли. Все вокругъ меня пусто, печально, погорѣло. Не знаю, когда наступитъ минута избавленія моего и не утѣшаюсь даже возможностію быть полезнымъ. Говорятъ, будто я здѣсь начальствую; но люди, съ которыми осужденъ я жить, соединяя варварство съ хитрою злобою и невѣжество ума съ развратомъ сердца, хотя и низко мнѣ кланяются, но къ прямодушію моему питаютъ сильную ненависть. Положиться ни на кого и ни на что не могу. Я не похищалъ небеснаго огня, а какъ Прометей, котораго баснословіе приковало къ Кавказу, я пригвожденъ къ мѣстамъ, ему сосѣдственнымъ, и пуще ястреба съѣдаетъ меня грусть.

Мысленно переношусь я иногда въ счастливыя мѣста и времена, когда я былъ молодъ, здоровъ и веселъ, когда безпечно текла жизнь моя или въ

Библиотека "Руниверс"

кругу родной семьи, или въ кругу друзей и пріятелей, мнѣ Небомъ дарованныхъ. Въ поднебесную возносятъ меня сіи воспоминанія; но за то, какъ тяжело упадаю я опять потомъ въ сію пропасть, въ сію Керчь!

Когда тѣлесныя мои страданія дадутъ мнѣ отдыхъ, когда больное, слабое зрѣніе мое немного прояснѣетъ, то скорѣе берусь я за перо: оно здѣсь мое единственное утѣшеніе. Безъ всякаго плана, а только для разсѣянія своего принялся я описывать все видѣнное, слышанное и читанное мною о мѣстѣ пребыванія моего и даже о всемъ краѣ. Богъ вѣсть, какъ составилась, наконецъ, толстая тетрадь. Кто будетъ читать ее? По крайней мѣрѣ, я постараюсь скрыть ее отъ всѣхъ глазъ, и развѣ самымъ искреннимъ, самымъ снисходительнымъ знакомымъ рѣшусь когда нибудь ее показать.

О вы, почтенные друзья мои, которые служили мнѣ образцами въ молодости, были подпорой и утѣшеніемъ всей жизни моей, и теперь, когда дряхлость меня пришибла, когда въ безлюдномъ, безотрадномъ заточеніи кончается неудачное мое служеніе, остались моимъ послѣднимъ упованіемъ, можетъ быть, дойдетъ до васъ когда нибудь сія записка! Если вы загляните въ нее, то вы не будете слишкомъ строги: вы вспомните, что мнѣ и на мысль никогда не приходило быть авторомъ. Какъ узникъ, для развлеченія, маретъ углемъ стѣны темницы своей, такъ я симъ нескладнымъ описаніемъ облегчалъ иногда неизъяснимую тоску моего сердца.

III.

Въ сей запискѣ вездѣ хвалили мы намѣренія правительства учредить въ Керчи портъ, указывали на сіе мѣсто, какъ на самое выгодное для торговли, и въ тоже время не совсѣмъ выгодно отзывались о г. Скасси, который подалъ объ этомъ мысль и всѣми силами поддерживаетъ ее. Чтобы не быть обвиняемымъ въ противорѣчіи должно объясниться.

Во первыхъ, мысль сія принадлежитъ не Скасси, а дюку де-Ришельё. Онъ гораздо послѣ ее себѣ присвоилъ и тогда только, когда увидѣлъ совершенную неудачу свою съ Черкесами. Но и тутъ ему только хотѣлось своротить вниманіе правительства и направить его на другой предметъ, гдѣ бы еще нѣсколько лѣтъ ему можно было обманывать.

Надобно напередъ спросить: какая торговля можетъ быть съ Кавказскими народами и въ чемъ она состоитъ? Вотъ отвѣты:

Можно дѣлать условія съ дикими, которые близки еще къ первородному состоянію человѣка: они умѣютъ еще хранить святость слова. Но какой трактатъ, какія клятвы могутъ связать людей, между коими отцы и матери малыхъ дѣтей учатъ воровать; между коими тотъ пользуется уваженіемъ, кто

Библиотека "Руниверс"

отличился обманомъ, внезапнымъ нападеніемъ на сосѣда и пріятеля и похищеніемъ его стадъ и рабовъ, людей, у которыхъ нѣтъ никакой вѣры, а какое-то, перемѣшанное изъ христіанства и магометанства, суевѣріе заступаетъ ея мѣсто?

Взаимныя потребности дѣлаютъ между народами торговлю необходимою. Въ главномъ городѣ Черноморскихъ казаковъ, Екатеринодарѣ, и въ устьѣ Лабинской крѣпости уже давно учреждены мѣновые дворы съ Черкесами. Что̀ туда привозится и что̀ обмѣнивается? Казаки отпускаютъ имъ одну только соль съ своихъ озеръ, въ которой они имѣютъ нужду, и получаютъ отъ нихъ оленьи рога, въ маломъ количествѣ шкуры волчьи и шакаловы, да лѣсъ, и то не строевой, а только для топлива. Вотъ чѣмъ все ограничивается, и безъ совершенной перемѣны въ положеніи сихъ народовъ никакъ умножиться не можетъ. Надобно еще замѣтить, что въ Екатеринодарѣ и Усть-Лабинской крѣпости одна только Кубань отдѣляетъ горцевъ отъ Россіи, и что въ Керчь имъ надобно гораздо далѣе идти.

Всѣ нужды свои могутъ горцы удовлетворять дòма: изъ шерсти, которую даютъ имъ стада, ихъ жены ткутъ очень порядочное сукно, онѣ же плетутъ такъ искусно серебряныя тесьмы, которыми Черкесы украшаютъ свои наряды. Они сами научились дѣлать обыкновенныя оружія, Турки доставляютъ имъ стволы ружейные и сабельные клинки, а они уже ихъ отдѣлываютъ и натачиваютъ. Какъ быть съ ними? Они въ насъ никакой нужды не имѣютъ. Одни говорятъ, что надобно напередъ просвѣтить ихъ и познакомить съ нашими обычаями, чтобы послѣ поработить; а другіе, что прежде должно ихъ покорить, а потомъ думать о ихъ образованіи. Намъ кажется, что и то и другое есть дѣло весьма трудное, но возможное, и что оба вмѣстѣ надо начать, искусно и усердно за то принявшись.

Прежде всего должно Туркамъ заградить путь, отнять Анапу, Суджукъ-Кале и другія укрѣпленія по восточному берегу Чернаго моря и поставить, если нужно, эскадру, которая бы круглый годъ крейсировала и никому не давала бы приставать къ берегамъ. Раздѣлены будучи ущельемъ, по которому вытекаетъ Терекъ, гдѣ учреждена военная дорога и построена Владикавказская крѣпость, отдѣлены будучи съ Юга отъ Азіятскихъ народовъ вновь пріобрѣтенными Закавказскими провинціями, съ Востока Каспійскимъ моремъ, съ Запада отъ Турокъ Чернымъ и съ Сѣвера имѣя границей Кубань, Куму и Терекъ, надобно, чтобы, куда бы они ни сунулись, вездѣ встрѣтили Россію, карающую, сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ милосердую и правосудную къ покореннымъ.

Кажется, это была мысль генерала Ермолова. Его корпусъ былъ малочисленъ, а велико было пространство земель, ему ввѣренныхъ. Присылаемые рекруты нескоро могли быть годными для службы; потребно было время, чтобы пріучить солдатъ къ климату, къ опасностямъ, трудностямъ и образу

Библиотека "Руниверс"

тамошней жизни; за то берегъ онъ ихъ, какъ зѣницу своего ока. Сіи недостатки долженъ былъ онъ замѣнять этимъ страхомъ, который разсѣвалъ онъ вокругъ себя между злодѣями, его окружающими. Его грозное имя въ горахъ съ ужасомъ произносилось, маленькихъ дѣтей имъ матери пугали, и онъ положилъ уже начало покоренія горцевъ.

Заслужить любовь вѣрныхъ слугъ государевыхъ и заставить трепетать враговъ его, кажется, вина еще не столь великая. Но Скасси считалъ это преступленіемъ, не возлюбилъ генерала Ермолова доносилъ, что онъ тиранствомъ своимъ мѣшаетъ ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Этотъ плюгавый червь думалъ состязаться со львомъ, и, можетъ быть, подточилъ славную молву объ немъ.

Ермоловъ имѣетъ всѣ пороки и всѣ блестящія качества Русскихъ: онъ гордъ, властолюбивъ, хитеръ, а иногда жестокъ и неумолимъ, какъ они; но, какъ они, онъ храбръ, уменъ и искусенъ. Его можно назвать Русскимъ народомъ вкратцѣ. Онъ никогда не начальствовалъ ни арміей, ни даже корпусомъ во время войны, отличался, какъ и другіе, и самъ ни одной побѣды надъ непріятелемъ не одержалъ, а любимъ какъ Суворовъ. Не побѣды и добродѣтели въ немъ любятъ, а сходство и надежды.

Кажется, надобно бы, подобно Ермолову, на нѣсколько времени отказаться отъ филантропіи, вести войну съ этими народами подъ малѣйшимъ предлогомъ и всѣхъ плѣнныхъ отсылать внутрь Россіи, а мужчинъ распредѣлять даже по кавалерійскимъ полкамъ; по прошествіи же нѣсколькихъ лѣтъ возвращать имъ свободу и отпускать домой. Еще есть другое средство. Эти народы почти безпрестанно ведутъ междоусобную войну, стараются захватить семейства своихъ противниковъ и продаютъ ихъ потомъ. Въ Редутъ-Кале можно всегда имѣть пару мальчиковъ или дѣвочекъ за 70 карбованцевъ или серебряныхъ рублей. Пусть правительство воспрещаетъ, по прежнему, частнымъ людямъ дѣлать такую покупку, но пусть возьметъ ее на себя. Дѣло будетъ неразорительное; но надобно стараться покупать плѣнниковъ такого возраста, въ которомъ бы имъ невозможно было забыть родину и нетрудно бы было сдѣлать новыя привычки. Учить ихъ Закону Божію, Русской грамотѣ, какому нибудь ремеслу, женить ихъ даже между собою и лѣтъ чрезъ десять позволять имъ возвратиться въ горы. Невозможно, чтобы потомъ, мало по малу, все тамъ не перемѣнилось. Но филантропіей съ такими людьми ничего не возмешь: они ея и не поймутъ и ей не повѣрятъ.

Впрочемъ, мы ошибаемся, можетъ быть, какъ и г. Скасси, который теперь уже вѣрно не ошибается, но только не сознается.

Какъ часто обманъ и ложь наводятъ на истину, особенно въ Россіи, и успѣхи Скасси въ разсужденіи Керчи могутъ служить тому примѣромъ. Онъ вѣрно серьезно не думалъ, чтобы посредствомъ мнимой Черкеской торговли могъ бы сей городъ сдѣлаться знаменитымъ портомъ: ему хотѣлось только, поль-

Библиотека "Руниверс"

зуясь легковѣріемъ министерства, имѣть большія суммы въ своемъ распоряженіи, строиться, начальствовать, хвастаться, пожить и повеселиться. Онъ былъ подлѣ истины, а на нее не попалъ; видно, онъ не имѣлъ съ нею ничего общаго.

Главная и первая польза отъ учрежденія Керченскаго порта есть безопасность отъ внесенія чумной заразы. За исключеніемъ Одесскаго градоначальства и его округа, надобно, чтобы въ Керчи былъ единственный центральный карантинъ для всей южной Россіи: если чума заберется въ карантинъ, то тамъ и надобно ее задушить; если она прорвется изъ-за стѣнъ его, тогда оцѣпить Керчь; когда и тутъ ея не удержать, то весьма легко будетъ запереть Керченскій полуостровъ, проведя линію только на 30 верстъ пониже Ѳеодосіи и до Арабата; когда она пойдетъ далѣе, то необходимо будетъ отдать ей въ жертву весь Крымъ и поставить стражу на узкомъ перешейкѣ Перекопа и узкомъ же Ениченскомъ проливѣ, а Россія все таки спасена, и на каждомъ шагу легкія средства могутъ остановить распространеніе зла. Но когда она пойдетъ за Перекопъ, то надобно уже быть большóму несчастію. Крымъ можно почитать обсерваціоннымъ корпусомъ, Керченскій полуостровъ авангардомъ, а Керчь съ карантиномъ аванпостами противъ моровой язвы, сего ужаснаго врага.

Въ Таганрогѣ и по всему Азовскому морю должно бы карантины совсѣмъ уничтожить: они стóятъ большихъ денегъ, а на какую они потребу? Положимъ, что Константинополь и всѣ берега Чернаго моря принадлежали бы Россіи, теперь содержаніе портовыхъ карантиновъ и ихъ линій и стражи стóитъ казнѣ до полутора милліона: во что бы тогда ихъ содержаніе обошлось? Не лучше ли бы во сто разъ было учредить одинъ каратинъ въ Цареградѣ, укрѣпить сей единственный пунктъ, обратить на него все вниманіе, соблюдать въ немъ всю строгость и, по выдержаніи карантиннаго термина, пускать корабли гулять по Черному морю и приставать, гдѣ имъ угодно. Все это было бы и легче, и безопаснѣе. Отъ большаго къ малому: Керчь, въ отношеніи къ Азовскому морю, точно тоже, что Константинополь къ Черному; сама природа поставила тутъ заставу, и суда ходили бы въ Азовское море только на практику.

Какъ трудно на большомъ протяженіи береговъ не просмотрѣть иногда тайно пристающую лодку; какъ трудно положиться на казаковъ, которые обыкновенно содержатъ кордонъ, на сихъ хищныхъ и храбрыхъ людей, которые любятъ деньги и столь же мало боятся чумы, какъ и сабельныхъ ударовъ, чтобы они иногда за рубль всякую всячину не пропустили! Въ Таганрогѣ, можно сказать, одна только мнимая предосторожность отъ чумы: брандтвахта стоитъ далеко отъ города, а еще далѣе отъ нея могутъ стоять корабли, и она видитъ только верхи ихъ мачтъ. Пассажиры, сколько хотятъ, могутъ сообщаться между собою и съ кѣмъ хотятъ.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ какой ходъ имѣла доселѣ торговля съ Таганрогомъ. Корабли, пройдя Черное море, останавливались въ Керчи, выдерживали шестидневный обсерваціонный только терминъ; тутъ отдѣлялись товары, сомнѣнію не подверженные, и отправлялись въ Таганрогъ, гдѣ людямъ и судамъ все-таки полный карантинъ выдерживать надлежало; товары же, пріемлющіе заразу, посылались въ Ѳеодосію моремъ, слишкомъ сто верстъ назадъ и, по выдержаніи карантина, или по очищеніи ихъ посредствомъ газа, могли быть отвезены въ Таганрогъ. Изъ Керчи давались по два гвардіона изъ отставныхъ солдатъ на каждое судно, идущее въ Таганрогъ, дабы они наблюдали, чтобъ не было сообщенія между судами и не было бы на нихъ тайно провозимыхъ товаровъ. Эти гвардіоны на самомъ небольшомъ окладѣ, и потому за бездѣлицу готовы сказать и позволить дѣлать, что̀ шкиперу угодно. Еще случается, что, во время бури на Азовскомъ морѣ, суда требуютъ помощи и получаютъ ее отъ береговыхъ жителей, которые потомъ никакъ не объявляютъ о томъ, что имѣли сообщеніе, и кому то видѣть и доказывать? Какія ужасныя затрудненія для торговли, и все по пустому: опасность таже. Одинъ Богъ спасалъ доселѣ Россію: ибо если чума въ Таганрогѣ, то ничто ея не остановитъ, и она въ Москвѣ.

Теперь будетъ иначе: съ открытіемъ порта въ Керчи, могутъ суда выдерживать здѣсь весь карантинный терминъ и очищать товары, не дѣлая въ Ѳеодосію понапрасну взадъ и впередъ двѣсти верстъ. Когда прежде были въ Керчи одна карантинная и таможенная заставы, то представить себѣ нельзя, какіе служили тутъ люди! Немного получше тѣхъ, которыхъ посылаютъ работать въ рудники; и по сю пору есть еще изъ нихъ оставшіеся. Вмѣсто шестидневнаго обсерваціоннаго термина, и шести часовъ суда не останавливались; товары, безъ соблюденія малѣйшей предосторожности, безъ пошлинъ и самые запрещенные, были впускаемы: это была открытая дверь для контрабанды. По бѣдности края, къ счастію, немного ея требовалось. Керченскіе Греки получали отъ того большую пользу; они вопіютъ теперь противъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ градоначальниками, и говорятъ, что закрыли, а не открыли Керченскій портъ. И здѣсь также Провидѣніе берегло Крымъ.

Еще разъ должно повторить: по всему Азовскому морю и въ Таганрогѣ ничего карантиннаго не нужно; это одна лишняя издержка. Лучше и проще будетъ всѣ предосторожности сосредоточить въ Керчи, назначить въ ней карантинъ опытныхъ и надежныхъ чиновниковъ, а потомъ уже возложить на градоначальника самую строгую отвѣтственность. По выдержаніи здѣсь карантина, пускай корабли всякой величины идутъ себѣ въ Азовское море, если хозяевамъ ихъ будетъ охота. Тогда только можно будетъ ручаться за безопасность Россіи.

Азовское море, по увѣренію Дюро-де-Ламаля, со временъ Геродотовыхъ, уменьшилось на цѣлую треть. Съ каждымъ годомъ упадаютъ его воды примѣтнымъ образомъ; низкіе берега его, большіе заливы и великое число озеръ,

Библиотека "Руниверс"

въ близкомъ разстояніи отъ него находящихся, показываютъ, какъ далеко оно прежде простиралось. Теперь его почитать должно болѣе Донскимъ лиманомъ, чѣмъ моремъ; всѣ морскія карты, которыя съ него снимались, невѣрны, ибо каждый годъ переносятся его мели: гдѣ была прошлаго года подводная песчаная коса, тамъ нынѣ стало глубоко, а гдѣ была глубина, тамъ обмелѣло. Суда, которыя берутъ болѣе двѣнадцати футовъ воды, по немъ ходить не могутъ; бури бываютъ на немъ сильнѣе, чѣмъ въ самыхъ большихъ моряхъ, пристать почти негдѣ, а болѣе пяти сотъ верстъ должно симъ моремъ идти.

Одна крайняя необходимость заставляетъ бѣдныхъ мореплавателей и купцовъ ежегодно подвергать себя на немъ чрезвычайнымъ опасностямъ. Учрежденіе порта въ Керчи всѣхъ ихъ радуетъ: они надѣются, что торговля вся изъ Таганрога перейдетъ сюда, и что всѣ нужные имъ предметы будутъ доставляться къ нимъ оттуда посредствомъ каботажныхъ судовъ. Намъ случалось чрезъ переводчика толковать о томъ съ шкиперами; на вопросъ, не будетъ ли имъ дороже обходиться покупка Русскихъ товаровъ, когда продавцы ихъ должны будутъ дѣлать новыя издержки, платя за транспортъ ихъ отъ Таганрога въ Керчь, и сами они по той пропорціи не будутъ ли возвышать цѣну товаровъ, ими привозимыхъ? Они отвѣчаютъ, что, если счесть опасности, съ плаваніемъ по Азовскому морю сопряженныя, всѣ ихъ риски, большіе проценты, которые должны они платить, застраховывая товары и суда, и болѣе всего время, которое они теряютъ: то теперь-то должны они товары свои гораздо дороже продавать, чтобы получить какой нибудь барышъ. Дѣйствительно, вмѣсто одного рейса, который могутъ они сдѣлать каждый годъ въ Таганрогъ, три раза могутъ они прійти и уйти изъ Керчи: противные вѣтры въ Азовскомъ морѣ, льды, которые долго покрываютъ устье Дона, и ранняя зима мѣшаютъ тому въ Таганрогѣ.

Надобно знать, что это такое Таганрогскій портъ. Когда постоянно дуютъ сѣверовосточные вѣтры, то вода на двадцать верстъ отъ него уходитъ, иногда приближается къ нему, но рѣдко посѣщаетъ его берега. Приходятъ корабли въ Таганрогъ. Говорятъ, пришли въ него тѣ, которые никогда не бывали, спрашиваютъ, гдѣ же портъ, гдѣ же городъ? Имъ указываютъ, и они, съ помощію зрительной трубки едва могутъ ихъ открыть. Многочисленное сухопутное войско могло бы эту гавань обратить въ поле битвы. Царское Село можно также назвать портовымъ городомъ, какъ и Таганрогъ. Хотѣли рыть въ немъ новую гавань, исправить и продлить молы; восемь милліоновъ исчислено на то по смѣтѣ, ихъ будетъ недостаточно, и все будетъ по пустому.

Умершій уже нынѣ государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, бывшій долго Таганрогскимъ градоначальникомъ, человѣкъ чрезвычайно умный, ученый и благонамѣренный, былъ ослѣпленъ на счетъ Таганрога, какъ мать, которая не видитъ пороковъ дѣтей своихъ. Онъ такъ сильно былъ убѣжденъ въ выгодахъ Таганрогской торговли, такъ искусно умѣлъ изображать ихъ, что, имѣя доступъ къ покойному Государю, и его заставилъ любить сей городъ, съ именемъ котораго теперь неразлучны самыя горестныя воспоминанія

Библиотека "Руниверс"

Когда съ такимъ портомъ, изъ котораго товары везутся верстъ пять или шесть на тѣлегахъ, грузятся потомъ на маленькія лодки, на нихъ подвозятся къ кораблямъ и тамъ уже окончательно перегружаются, когда со всѣми неудобствами плаванія по Азовскому морю, торговля идетъ довольно хорошо, то чего не можно ожидать, когда умножится число каботажныхъ судовъ и товары на нихъ будутъ привозиться къ безопасному порту, къ которому отовсюду подходить будетъ близко и легко? Теперь немногіе смѣльчаки дерзаютъ пускаться къ Таганрогу; тогда число купцовъ и требованій на пшеницу, коровье масло, икру, сало, желѣзо и прочее и прочее утроится. Выгоды, которыя получатъ отъ него внутреннія Россійскія губерніи, неисчислимы. Если даже каналомъ и не соединять Волгу съ Дономъ, но только чтобъ хорошенько населилось это шестидесятиверстное пространство между Дубовской и Голубинской станицами, и взята бы была привычка возить этимъ волокомъ: то изъ Сибири потекутъ товары въ Черное море и далѣе.

Каботажъ! Каботажъ! На размноженіе его должно быть устремлено все вниманіе мѣстнаго начальства, онъ будетъ новой отраслью народной промышленности. У насъ очень мало купеческихъ кораблей: онъ будетъ основаніемъ купеческаго флота, изъ прибрежныхъ жителей, особливо же изъ Черноморскихъ казаковъ; онъ образуетъ хорошихъ матросовъ для сего флота, а уже о прибыли, которую получатъ хозяева каботажныхъ судовъ, и говорить нечего. Теперь, говорятъ, таковыхъ судовъ есть до трехъ сотъ; правительство помогаетъ всякому, кто хочетъ строить новыя, ссудою въ 4 т. рублей, число ихъ умножится; но какъ бы ни увеличилась торговля, восьми сотъ будетъ достаточно для всѣхъ торговыхъ операцій по Азовскому морю.

Большую взаимную помощь могутъ ожидать другъ отъ друга Керчь и Мелитопольскій уѣздъ, который заключается между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. По берегамъ его, лѣтъ съ двадцать тому, поселились Менонисты и составили Нѣмецкія колоніи; трудолюбіе произвело чудеса: колоніи эти похожи на прекрасные сады, между коими разбросаны опрятные домики; хлѣбопашество, пчеловодство, садоводство, все въ лучшемъ состояніи, всякія ремесла производятся съ успѣхомъ. Такой примѣръ не могъ остаться безъ подражателей, онъ имѣлъ чрезвычайно полезное вліяніе на сосѣдственныя Русскія селенія весьма зажиточныхъ раскольниковъ, въ великомъ числѣ за наказаніе туда сосланныхъ. Одинъ Французскій эмигрантъ, графъ Мезонъ, изъ малаго числа иностранцевъ, кои принесли Россіи существенную пользу, поселился между кочующими вокругъ Ногайцами, принялъ ихъ образъ жизни, получилъ ихъ совершенную довѣренность и, безпрестанно показывая имъ на счастливую жизнь трудолюбивыхъ Нѣмцевъ, старался и ихъ склонить къ домоводству. Одинъ Богъ знаетъ, какихъ трудовъ ему это стоило; онъ лишился здоровья, и въ одной изъ дракъ между сими бѣшеными, иногда возмущенными противъ своего наставника и благодѣтеля, ему переломили ногу. Но съ постоянною непреклонною волею онъ достигнулъ желаемаго: Ногайцы

Библиотека "Руниверс"

бросили кочевать, начали строить домы и пашуть хлѣбъ. Уже построенъ и городъ Ногайскъ, а графъ Мезонъ живетъ въ Симферополѣ, въ отставкѣ и бѣдности!

Вся эта сторона, которая примыкаетъ къ Екатеринославской губерніи и Маріуполю, а съ другаго бока къ Ениченскому проливу, населилась чуднымъ образомъ; все цвѣтетъ... но цвѣтетъ въ пустынѣ. Жителямъ сихъ мѣстъ возить свои издѣлія въ Таганрогъ далеко, дорого, и они не сбудутъ ихъ; подвозъ изъ другихъ мѣстъ слишкомъ великъ, а въ Керчь хотя и близко, но не за чѣмъ: тамъ еще ничего нѣтъ. Сообщенія съ другими частями Россіи они имѣютъ мало; все употребляется, все издерживается на мѣстѣ. Однакоже, въ одномъ большомъ селеніи, Молочныхъ Водахъ, завелась ежегодная ярмарка, куда всѣ эти Мелитопольскіе жители съѣзжаются; годъ отъ году она становится богаче, разнообразіе и пестрота нарядовъ чрезвычайно на ней занимательны, и четырнадцатью разными языками говорятъ тамъ торгующіе. Замѣчанія достойны также въ семъ уѣздѣ: Бердянская коса, весьма населенная и принадлежащая графу Орлову-Денисову, и Обиточная пристань, самая лучшая по всему Азовскому морю. Когда покойный Государь проѣзжалъ чрезъ сіи мѣста, то не могъ ими налюбоваться и до глубины сердца былъ тронутъ непритворнымъ усердіемъ жителей; это было за нѣсколько дней до его кончины.

Многіе думаютъ, что съ возвышеніемъ Керчи упадутъ Ѳеодосія и Таганрогъ, жалѣютъ о бѣдныхъ жителяхъ, которые отъ того разорятся, жалѣютъ и о потерѣ суммъ, которыя казна уже на строеніе и поддержаніе сихъ городовъ употребила. Если Керчь мѣсто неудобное для торговли, то чего бояться Таганрогу и Ѳеодосіи? Этотъ новый портъ ихъ не подорветъ. А если выгоды отъ учрежденія сего порта очевидны, то зачѣмъ же упрямиться, и для того, что уже разъ сдѣлана ошибка, не думать ее исправлять? Ѳеодосія не упадетъ, ибо уже она давно упала и никогда высоко не подымалась; Таганрогъ не упадетъ, а перестанетъ только быть приморскимъ городомъ (чѣмъ онъ, впрочемъ, и никогда не бывалъ) и останется весьма значительнымъ пунктомъ для торговли, складочнымъ мѣстомъ и богатою рѣчною пристанью, какъ Гжатскъ, Моршанскъ и Рыбинскъ.

Возьмемъ географическую карту, взглянемъ на мѣсто, гдѣ находится Керчь, и внимательно разсмотримъ удивительное положеніе сего города. Вообразимъ себѣ,что уже онъ отстроенъ, богатъ, и что торговля его въ полномъ дѣйствіи. На Сѣверозападѣ видимъ мы Донъ, которымъ произведенія природы и искусствъ текутъ изъ самыхъ нѣдръ Россіи въ Нахичевань, Ростовъ и Таганрогъ, а оттуда каботажемъ по Азовскому морю, при попутномъ вѣтрѣ, въ полторы сутки привозятся въ Керчь; прямо на Сѣверъ видимъ мы этотъ Мелитопольскій уѣздъ, которому сосѣдство Керчи даетъ новую жизнь и который безпрестанно съ нею сообщается чрезъ Обиточную пристань, откуда моремъ въ Босфоръ обыкновенно ѣзды бываетъ десять часовъ; Нѣмецкіе ремесленники, всякаго рода мастеровые, приходятъ оттуда и находятъ въ Керчи занятіе и

Библиотека "Руниверс"

хлѣбъ. На Востокѣ, въ виду Керчи, на противоположномъ Азіатскомъ берегу, встрѣчаемъ мы Черноморскихъ козаковъ, между Русскими болѣе другихъ въ грубыхъ нравахъ затвердѣвшихъ людей; для нихъ вблизи свѣтитъ новый свѣтъ; долго отворачиваются они отъ него, но, наконецъ, привыкаютъ къ нему, получаютъ навыки къ людкости и чувствуютъ потомъ потребность знанія. Немного подалѣе, верстахъ во ста, Турецкая крѣпость Анапа; она взята (или непремѣнно будетъ взята, все равно) и сдѣлалась однимъ изъ рынковъ Керчи. По старой привычкѣ приходятъ въ нее горскіе народы, но находятъ уже все новое, мало по малу осмѣливаются идти далѣе, и въ Керчи узнаютъ, наконецъ, что̀ такое Европейское образованіе. Къ Югозападу сообщеніе съ Редутъ-Кале и Мингреліей бываетъ съ небольшимъ въ сутки, а если будетъ чрезъ горы и лѣса учреждена оттуда дорога къ Араксу, то можно легко будетъ получать товары изъ Персіи; въ два, три-дня поспѣваютъ корабли къ Керчи отъ Анатольскихъ береговъ, изъ Синопа и Требизонда, и доставляютъ оттуда все потребное для Азіатской роскоши. Къ Западу весь Крымъ, который, участвуя въ успѣхахъ Керчи, будетъ ей обязанъ улучшеніемъ своего состоянія. Или вся Черноморская торговля одна только мечта для Россіи, или Керчь есть важнѣйшій ея пунктъ.

Но когда все это будетъ? Вотъ чего никто угадать не можетъ. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ нынѣ, скоро сего ожидать нельзя. Генералъ-губернаторъ живетъ за семь сотъ верстъ и такъ пристально заняться одной Керчью не можетъ, а всякій градоначальникъ скоро восчувствуетъ всю непріятность своего положенія. Лишенный всѣхъ удовольствій жизни, въ сомнительной надеждѣ со временемъ сдѣлать себѣ имя, онъ будетъ за все отвѣчать, со всѣхъ сторонъ будетъ связанъ, никакой почти не будетъ имѣть власти, ничего полезнаго, по мнѣнію своему, онъ предпринять будетъ не въ состояніи, и тѣмъ только будетъ озабоченъ, чтобы обороняться отъ Скасси и безпокойныхъ Грековъ. Скоро все надоѣстъ ему, другой заступитъ его мѣсто и также долго не останется. Въ сихъ частыхъ перемѣнахъ безо всякой-пользы будутъ проходить годы.

Если бы кто нибудь изъ военныхъ генераловъ съ достаточными свѣдѣніями, лично извѣстный Государю и пользуясь его Монаршей милостію, согласился принять сіе мѣсто, и хотя остался бы въ зависимости генералъ-губернатора, но ему дано бы было болѣе простора, и если бы Скасси ему подчинили, а что̀ еще лучше и того, и совсѣмъ бы удалили: то дѣло пошло бы тогда иначе. Еще бы того лучше, если бъ Ѳеодосійское градоначальство вовсе уничтожили, весь округъ его присоединили къ Керченскому и, по примѣру Таганрога, назвали бы градоначальника Керчь-Еникольскимъ и Ѳеодосійскимъ *).

*) Таганрогскій градоначальникъ называется также Ростовскимъ, Нахичеванскимъ и Маріупольскимъ.

Библиотека "Руниверс"

На первый случай позволили бы мы себѣ предложить правительству нижеслѣдующее.

Прежде всего, внушить Грекамъ, что Керчь перестала быть Греческой колоніей съ тѣхъ поръ, какъ она объявлена Русскимъ портовымъ городомъ, что люди всѣхъ націй могутъ въ немъ селиться и имѣютъ съ Греками равныя права на владѣніе землей, озерами и прочимъ, съ чего нынѣ Греки собираютъ доходъ и дѣлятъ между собою, а другіе имъ за то платятъ. Новыми привилегіями должны уничтожиться тѣ, которыя дарованы въ 1775 году. Послѣ того сыщется много охотниковъ переходить сюда, отъ времени до времени чрезвычайно будетъ умножаться число жителей, и, наконецъ, во всей массѣ поглотится Греческая нечистота.

Потомъ надобно, чтобы правительство озаботилось пріискать хотя одного капиталиста, который бы взялся построить домъ, магазины и учредить контору въ Керчи, заблаговременно скупилъ бы въ Таганрогѣ большое количество пшеницы и, при наступленіи навигаціи, нанялъ бы каботажныя суда, чтобъ перевезти ее, и здѣсь остановилъ бы корабли и предложилъ имъ продажу: они съ благодарностію согласятся. Отъ этого перваго шага все будетъ зависѣть: обѣднѣвшіе негоціянты Ѳеодосійскіе и такъ уже помышляютъ сюда перейти и дожидаются только, чтобъ имъ данъ былъ примѣръ; Таганрогскіе пришлютъ сюда повѣренныхъ, вотъ и начнется торговля. Большой необходимости нѣтъ, чтобъ капиталистъ сей былъ купецъ, онъ можетъ быть дворянинъ и помѣщикъ; напримѣръ, одинъ Русскій богачъ, именно Николай Никитичъ Демидовъ, давно уже живетъ и веселится въ чужихъ краяхъ, но не забываетъ и любитъ отечество и на всякое общеполезное въ немъ дѣло готовъ. Если бъ кто захотѣлъ возбудить его самолюбіе и патріотизмъ, то онъ бы пожертвовалъ на сіе предпріятіе большія суммы; онъ отъ того бы не розорился а напротивъ чрезъ то увеличились бы его золотыя горы; его бы, по всей справедливости, можно было назвать основателемъ Керчи, и онъ оставилъ бы по себѣ славную память. Стоитъ ему только прислать прикащика и деньги,—и Керчь будетъ настоящій портовый городъ.

Надобно будетъ подумать также о томъ, чтобы сократить и облегчить сообщенія Керчи съ близлежащими мѣстами. Для того надобно съ начала устроить хорошій мостъ чрезъ Ениченскій проливъ, который имѣетъ ширины только шестьдесятъ саженъ; теперь на немъ самая дурная переправа, которая отнимаетъ охоту обозамъ идти гужемъ чрезъ Арабатскую стрѣлку; но, не смотря на то, болѣе шестидесяти тысячъ телѣгъ ежегодно чрезъ нее проходятъ. Назначивъ самую умѣренную пошлину съ каждой телѣги, можно быть увѣрену, что въ три мѣсяца окупится мостъ, а потомъ казна будетъ получать съ него порядочный доходъ.

Всего нужнѣе будетъ для здѣшнихъ мѣстъ купить пароходъ, который бы два раза въ недѣлю ходилъ изъ Керчи въ Тамань и обратно и перево-

Библиотека "Руниверс"

зилъ бы почту и проѣзжающихъ. Керчь стоитъ до сихъ поръ въ совершенномъ уединеніи, никто чрезъ сей городъ не ѣздитъ, до него есть почтовыя станціи, опять начинаются они отъ Тамани, но между сими городами сообщеніе прерывается иногда на нѣсколько дней, а иногда болѣе чѣмъ на недѣлю. Потому-то никто не ѣздитъ чрезъ Керчь на Кавказъ, хотя бы сей дорогой, по которой вездѣ есть почтовыя станціи, можно ѣдущимъ изъ Кіевской, Волынской, Подольской и Херсонской губерній на Кавказъ и въ Грузію, выбросить до шестисотъ верстъ. Катера и рыбачьи лодки могутъ идти на греблѣ и противъ вѣтра, но должны употребить очень много времени, никакого экипажа и ничего тяжелаго съ собой взять не могутъ, и при малѣйшей бурѣ подвержены большей опасности; одни казенные лансоны могутъ перевозить тяжести, но они должны идти при благопріятной погодѣ, а частными людьми употреблены быть не могутъ. Теперь если изъ Керчи кто вздумаетъ писать въ Тамань и письмо отдастъ на почту, то оно обойдетъ все Азовское море, сдѣлаетъ чрезъ Симферополь, Орѣховъ, Таганрогъ, Черкасскъ. Ставрополь и Екатеринодаръ болѣе 1600 верстъ, и придетъ чрезъ три недѣли, а Тамань въ глазахъ. Пароходъ соединилъ бы столь близкія и въ тоже время столь отдаленныя мѣста.

На покупку парохода и доставку его нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ рублей. Гдѣ ихъ взять бѣднымъ жителямъ Керчи? Надобно, чтобы казна дала ихъ взаймы и съ обыкновенными процентами. Остальные пять дней въ недѣли будетъ пароходъ сей расхаживать по Босфору и проводить суда. Надобно знать, что хотя Керченская бухта и чудесная, но входъ въ нее опасенъ: фарватеръ глубокъ, но весьма не широкъ, вездѣ есть подводныя косы, часто суда по неосторожности попадаютъ на мель и даютъ сто, двѣсти и пятьсотъ рублей, чтобы ихъ стащили. Также и выходъ изъ Керченскаго порта, а особливо изъ Босфора, затруднителенъ: изъ тридцати двухъ вѣтровъ только подъ четырьмя можно выбраться въ Азовское море, и надобно выжидать ихъ; хозяева судовъ даютъ Богъ знаетъ что, дабы ихъ выпроводили, и они могли выиграть время, отъ котораго въ торговлѣ очень много зависитъ. Пока иностранные корабли продолжаютъ ходить въ Таганрогъ, да и послѣ круглый годъ, пароходъ бы дѣйствовалъ и въ два года навѣрно выработалъ бы сумму, достаточную, чтобы расплатиться съ казною. Послѣ того остался бы онъ для города Керчи главнѣйшимъ источникомъ его доходовъ.

Сколько еще полезнаго можно предложить, сколько есть еще предметовъ, коихъ усовершенствованіе, не обременяя казны, могло бы быть благодѣяніемъ для рождающагося города! Но кто будетъ слушать наши предложенія? Кто повѣритъ ихъ пользѣ? Искусства Скасси мы не имѣемъ. Намъ не суждено видѣть счастливые дни Керчи, до нихъ еще далеко; въ ожиданіи ихъ будутъ для насъ проходить годы въ одиночествѣ, вдали отъ всего привычнаго, знакомаго, роднаго и милаго, и въ безпрестанной борьбѣ съ злобою и коварствомъ людей; такая убійственная жизнь продлиться не можетъ. Пусть же

Библиотека "Руниверс"

другіе, здоровѣе, терпѣливѣе и счастливѣе насъ, предпринимаютъ и дѣйствуютъ; пусть они увидятъ то, чего намъ желать только позволено. Намъ же ничего болѣе не остается дѣлать, какъ окончить сію записку, положить перо и, можетъ быть... скоро проститься съ Керчью. Дай Богъ не видать сего города, пока онъ совершенно не преобразится!

Едва сія записка была окончена, какъ громъ Наваринской побѣды огласилъ Новороссійскій край, и въ тоже время, съ другаго конца, прилетѣло извѣстіе о покореніи Эривани и Тавриса. Какое удивительное вліяніе сіи происшествія будутъ имѣть на участь здѣшнихъ мѣстъ! Послѣ долгаго, безпокойнаго сна какое счастливое пробужденіе! Какая новая эпоха открывается, и какой рядъ новыхъ побѣдъ сіи первыя побѣды обѣщаютъ! Поклонники Лжепророка опять вездѣ блѣднѣютъ передъ Русскими. О Русскій Богъ и Богъ вселенной, не даромъ Тебя соотечественники мои себѣ присвоили, и сами себя, другъ друга и весь животъ свой Тебѣ предали! Всегда и вездѣ являешь Ты себя покровомъ избраннаго Тобою народа. О Русскій Богъ, храни же всегда Русскаго царя и Русское царство и лишеннаго всѣхъ радостей земныхъ утѣшай хотя благодѣяніемъ и славою Отечества его!

Библиотека "Руниверс"

РОДОСЛОВІЕ ВИГЕЛЕЙ.

№ | № отцовскій.

I.

1. Вольдемаръ Вигель (Вигеліусъ), владѣлецъ мызъ Иллукъ и Куртна въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ.

II.

2. Лаврентій Владимировичъ, р. 1689, ум. 1764, драбантскій капитанъ въ службѣ Карла XII; ж. Гертруда *Бриммеръ*. — 1

III.

3. Лаврентій, Прусскій генер.-маіоръ и комендантъ въ Торнѣ; ж. N N *Глазенапъ*.
4. Оттонъ
5. Фридрихъ
6. Вальдемаръ

Прусскіе офицеры, убитые въ Семилѣтнюю войну.

7. Иванъ Лаврентьевичъ, премьеръ-маіоръ и комендантъ Орской крѣпости; ж. N N Семенова.
8. Яковъ Лаврентьевичъ, ум. 1802, Спбургскій судья въ Надворномъ Судѣ; женатъ былъ восемь разъ (на нянькахъ и кухаркахъ) при живыхъ женахъ. — 2
9. Филиппъ Лаврентьевичъ, р. 12 Іюня 1740, ум. Янв. 1812; генер.-маіоръ и комендантъ Кіевскій, потомъ тайн. сов. и Пензенскій губернаторъ. Женатъ былъ 2 раза: 1 ж. Пелагея Андр. *Симбухина*, 2 ж. Мавра Петровна *Лебедева*, р. 1752, вышла замужъ 1773. ум. послѣ 1829 г.

   1. Софія Лаврентьевна, зам. за Иваномъ Сандерсомъ.

IV.

10. Андрей Филипповичъ (отъ 1-го брака, умеръ черезъ недѣлю послѣ рожденія).

    2. Елисавета Филипповна, р. 1774, дожила до глубокой старости. — 9

    3. Наталья Филипповна, р. 1775, замуж. за генер.-лейтен. Ильею Иванов. *Алексѣевымъ* (р. 1773, ум. 1830).

Библиотека "Руниверс"

11. Александръ Филипповичъ, р. 1776, ум. въ молодости.
12. Павелъ Филипповичъ, р. 1777, подков., ж. Марѳа Ефимовна *Чемесова.*
13. Николай Филипповичъ, р. 1778, супр. Варвара Ивановна *Тулинова.*

4. Екатерина Филипповна
5. Мавра Филипповна
6. Анна Филипповна

} умерли въ дѣтствѣ. } 9

14. Филиппъ Филипповичъ, р. 12 Ноября 1786, ум. 20 Марта 1856. Тайн. сов., директ. департ. иностр.-исповѣд. Авторъ этихъ Записокъ.

7. Александра Филипповна, р. 1791, зам. за *Юматовымъ.*

V.

8. Наталья Павловна, р. 19 Янв. 1825, зам. за Пензенск. уѣзд. предв. двор. Алексѣемъ Алексѣев. *Панчулидзевымъ.* р. 1816, ум. 1880.

9. Софія
10. Анна

} Павловны, умерли дѣвицами въ молодыхъ годахъ. } 12

15. Филиппъ Николаевичъ, ж. Анна Александровна *Охотникова.* 13

VI.

16. Александръ Филипповичъ, ум. 1875 холостымъ. За его смертью родъ пресѣкся. 15

Родословная роспись дворянъ Панчулидзевыхъ.

I.

1. Имеретинскій дворянинъ Давидъ Матвѣевичъ Панчулидзе переселился изъ Имеретіи въ Россію въ царствованіе императрицы Анны Ивановны; въ 1764 въ чинѣ кол. асессора находился въ г. Мценскѣ Бѣлгородской губерніи воеводою; въ 1776 воеводскимъ товарищемъ въ Великомъ Устюгѣ; въ 1780 предсѣдателемъ Великоустюжской Верхней Расправы; въ 1782 совѣтникомъ Саратовской гражданской палаты;. Жена Марія Гавриловна? 1818.

II.

2. Иванъ Давидовичъ, ген.-лейт., р. 1760, ум. 1817; жена Марія Андреевна *Баратынская*, тетка поэта р. 1781, ум. 1845.
3. Алексѣй Давидовичъ, д. с. с. Саратовскій губернаторъ, р. 1762, ум. 1834; былъ женатъ 3 раза; 1-я жена Марія Александровна } 1

Библиотека "Руниверс"

Гладкова (р. 1770, ум. 1799, 2 сына и 2 дочери); 2-я жена Анна Сергѣевна *Мчсмеріани* (ум. 1802, 1 дочь); 3-я жена Екатерина Петровна *Демидова* (дочь Петра Евдокимов. Демидова, р. 1782, ум. 1847, 1 сынъ и 3 дочери). } 1

4. Семенъ Давидовичъ, ген.-маіоръ, р. 1770, ум. 1819, жена Александра Ивановна *Ступишина* (ум. 1841).

1. Анна Давидовна, р. 1774, за Кикинымъ.

III.

2. Екатерина Ивановна, ум. дѣвицею.

3. Анна Ивановна, за ген.-маіор. Геркенъ.

4. Елисавета Ивановна, р. 1810, въ 1-мъ бракѣ за княземъ Кугушевымъ, во 2-мъ за Тамбовск. помѣщикомъ Недобровымъ. } 2

5. Марія Алексѣевна, р. 1785, ум. 1845, за Александромъ Михаиловичемъ Устиновымъ.

5. Александръ Алексѣевичъ, р. 1790, ум. 7 Янв. 1867, тайн. сов., Пензенскій губернаторъ (съ 1831 по 1859 г.), женатъ былъ два раза: 1-я жена Софія Николаевна *Сушкова* (р. 1800, ум. 1843, 4 сына); 2-я жена Варвара Николаевна *Загоскина* (по 1-му мужу Ахлебинина, 1 сынъ).

6. Анна Алексѣевна, р. 1793, ум. 1815, за Львомъ Яковлевичемъ Рославлевымъ.

6. Димитрій Алексѣевичъ, р. 1798, ум. 1822. } 3

7. Ольга Алексѣевна, р. 1802, ум. 1842, за генер.-маіор. Егоромъ Ивановичемъ Пашковымъ

8. Варвара Алексѣевна, р. 1806, ум. 1836, за Парменомъ Ивановичемъ Владыкинымъ.

9 Людмила Алексѣевна, дѣвица, р. 9 Мая 1812.

7. Алексѣй Алексѣевичъ, р. 16 Мая 1816, ум. 12 Мая 1880. отст. гвардіи поручикъ, Пензенскій уѣздный предвод. дворянства; жена Наталія Павловна *Вигель*, р. 19 Янв. 1825.

10. Софія Алексѣевна, дѣвица, р. 27 Мая 1817.

8. Иванъ Семеновичъ, р. 1814, ум. 1843 (сумасшедш.).

11. Агнія Семеновна, р. 1816, за генер.-лейт. Доббышевымъ. } 4

Примѣчаніе. Изо всѣхъ лицъ 3-го колѣна въ живыхъ находятся только Людмила и Софія Алексѣевны, которыя проживаютъ на своей виллѣ въ мѣст. Траункирхенъ, на берегу Гмундскаго (или Траунскаго) озера, въ Верхней Австріи.

IV.

9. Алексѣй Александровичъ, р. 1819, ум. 1888; д. с. с., Черниговскій губернаторъ; женатъ былъ два раза: 1-я ж. Зинаида Евгеніевна *Телешева*, р. 1829, ум. 1871; 2-я ж. Марія Владимировна *Сѣбо.* } 5

Библиотека "Руниверс"

10. Александръ Александровичъ, отст. гв. полковникъ, р. 1823, ум. 1890, ж. Ольга Дмитріевна *Бухвостова*.
11. Самуилъ Александровичъ, кам.-юнк., род. 1825, ж. Екатерина Николаевна *Васильчикова*. } 5
12. Михаилъ Александровичъ, род. 1827, ум. 1847.
13. Давидъ Александровичъ, род. 1850, земскій нач. въ Пензенск. губ., ж Наталія Петровна *Юматова*, р. 1859.
14. Павелъ Алексѣевичъ, р. 14 Марта 1847, кам.-юнк., консулъ въ Любекѣ; 3 Декаб. 1880 Высочайше разрѣшено ему присоединить къ его фамиліи фамилію *Вигель*, пользоваться гербомъ сего рода и именоваться впредь „Вигель-Панчулидзевъ“, съ тѣмъ чтобы въ нисходящемъ его потомствѣ фамилія Вигель переходила бы только къ одному старшему въ родѣ.; ж. Марія Карловна *Шнейдеръ*, род. 5 Янв. 1862 г.
15. Владиміръ Алексѣевичъ, р. 24 Февр. 1848, ум. 5 Янв. 1890 г., ж. Наталія Александровна *Королькова* р. 20 Апр. 1854.

12. Екатерина Алексѣевна, р. 27 Авг. 1849, за кол. регистр. Ѳедоромъ Михайл. Обуховымъ, ум. 30 Іюня 1882. } 7

13. Марія Алексѣевна, р. 18 Іюня 1851, за мир. судьею Городищенскаго уѣзда Вас. Васильев. Сабуровымъ, р. 1847.

16. Викторъ Алексѣевичъ } близнецы, р. 25 Дек. 1852 { ум 1 Апр. 1854.
17. Левъ Алексѣевичъ } { ум. 2 Апр. 1854.

18. Сергѣй Алексѣевичъ, р. 7 Нояб. 1885, ж. Надежда Борисовна Полторацкая, р. 16 Марта 1861.
19. Николай Алексѣевичъ, р. 8 Дек. 1856, отст. гв полков., ж. Анастасія Михайл. Кирьякова, р. 80 Нояб. 1862.

14. Варвара Алексѣевна, р. 8 Іюля 1860.

20. Александръ Алексѣевичъ, р. 30 Авг. 1866, ум. 8 Іюня 1890.

V.

Отъ 1-го брака:

15. Софія Алексѣевна, р. 1846, ум. 1871, за Викторомъ Франц. Бѣлявскимъ.

21. Александръ Алексѣевичъ, р. 1847, ж. Екат. Семенов. Смирнова. ум. 30 Дек. 1881.

16. Ольга Алексѣевна, р. 1848, ум. 1867, за Петромъ Лукичемъ Соколовскимъ. } 9

17. Зинаида Алексѣевна, р. 1851, ум. 1892, за Борисомъ Александров. Араповымъ.

22. Алексѣй Алексѣевичъ, р. 1852, ж. на *Сѣбо*.
23. Евгеній Алексѣевичъ, р. 1853.

Библиотека "Руниверс"

Отъ 2-го брака:

24. Владиміръ Алексѣевичъ, р. 1872.
18. Марія Алексѣевна, р. 1874.
19. Ольга Алексѣевна, р. 1879.
20. Вѣра Алексѣевна, р. 1881. — 9

21. Марія Александровна, р. 1862, въ 1-мъ бракѣ за Gallia, во 2-мъ за Никол. Александров. Кормилицынымъ. — 10

22. Софія Самуиловна, р. 1855, ум. 1874, за Евген. Егор. Колокольцовымъ.
23. Екатерина Самуиловна, р. 1857, ум. 1892.
24 Елисавета Самуиловна, р. 1859. — 11

25. Анастасія Давидовна, р. 1878.
26. Нина Давидовна, р. 1880.
27. Анна Давидовна, р. 1881, ум. 1888.
25. Александръ Давидовичъ, р. 1883.
26. Алексѣй Давидовичъ, р. 1887.
27. Николай Давидовичъ, р. 1890. — 13

28. Наталья Владимировна, р. 27 Іюля 1874.
28. Алексѣй Владимировичъ, р. 11 Іюля 1875, ум 20 Нояб. 1877.
29. Надежда Владимировна, р. 10 Сент. 1877. — 15

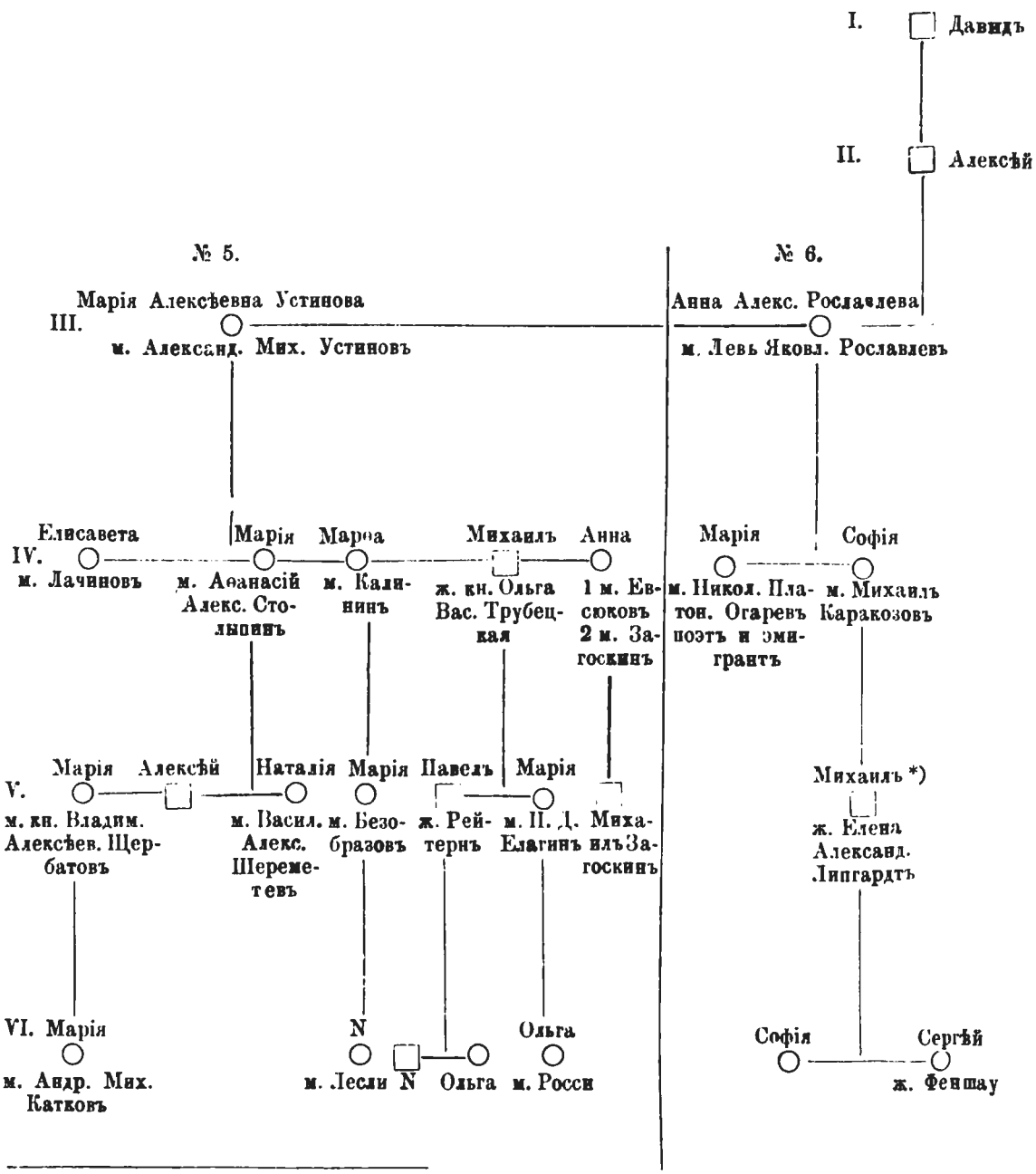
30. Анна Сергѣевна, р. 4 Февр. 1884, ум. 4 Авг. 1885.
29. Сергѣй Сергѣевичъ, р. 28 Мая 1886.
30. Юрій Сергѣевичъ, р. 20 Декабря 1887.
31. Татьяна Сергѣевна, р. 28 Ноября 1891. — 16

31. Алексѣй Николаевичъ, р. 4 Апр 1884.
32. Дмитрій Николаевичъ, р. 8 Ноября 1889, ум. 14 Іюля 1890. — 19

33. Алексѣй Александровичъ. 11 Окт. 1874.
34. Семенъ Александровичъ. 17 Нояб. 1876.
35. Александръ Александровичъ. 10 Авг. 1878.
32. Анна Александровна. 8 Іюня 1880. — 21

Библиотека "Руниверс"

Потомство дочерей Алексѣя



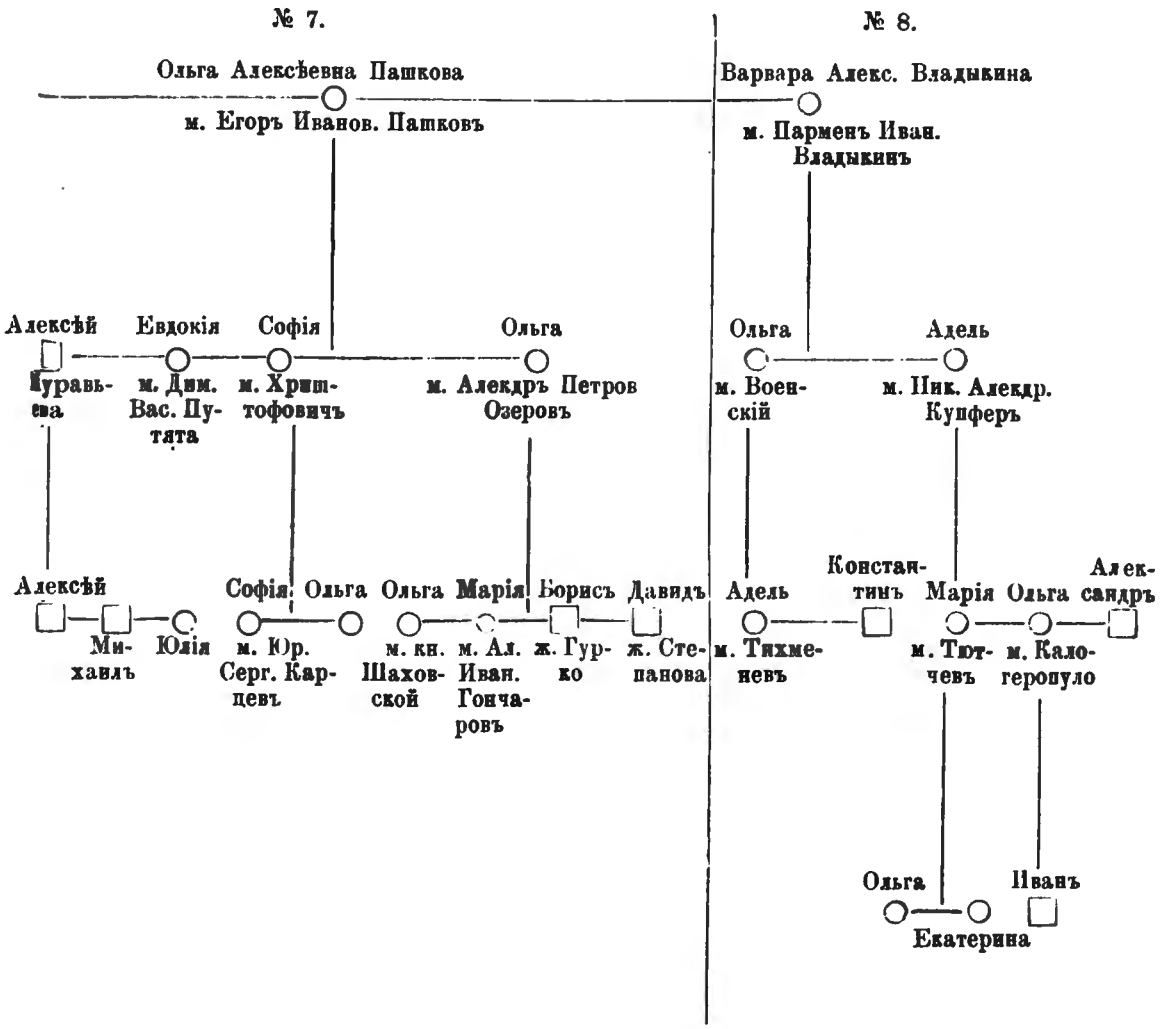
*) Мих. Мих. Каракозовъ въ 1867 г. получилъ разрѣшеніе принять и носить

Библиотека "Руниверс"

Давидовича Панчулидзева.

Матвѣевичъ

Давидовичъ



фамилію своей матери и переименовался въ Рославлева.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ КЪ ЗАПИСКАМЪ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ. *)

Абафи Мих. VI, 108.
Аббасъ-Мирза VII, 118.
Абдулъ-Гамидъ К, 23.
Августъ принцъ V, 91.
Аверинъ Пав. Ив. V, 84.
Адамовичъ V, 31, 154.
Адамсъ проф., II, 118.
Азмидовъ VI, 144; VII, 27, 28.
Айвазовскій Ив. Конст. VII, 175.
Аксакова Над. Тимоѳ. VII, 249.
Александра монахиня I, 54.
Александра Павловна в. княжна III, 9.
Александра Ѳеодоровна имп. IV, 183; V, 69, 70, 159; VII, 131, 215—217, 251.
Александровъ II, 116.
Александръ Михаиловичъ князь К, 16.
Александръ Невскій V, 84.
Александръ I, I, 28, 41, 107, 177, 180, 183, 190, 208, 215; II, 5—8, 13, 14, 16, 18, 19, 31, 32, 41, 43, 48, 50, 53, 54, 58, 63, 65, 78, 101, 122, 130, 177, 188, 195, 204, 206, 211, 212, 219, 231—233, 238; III, 3, 4, 9—15, 17—30, 40 - 83, 89, 90, 102, 108, 109, 112, 113, 117, 118, 120, 125, 134, 156, 160, 179, 180—184; IV 9—11, 24, 33—49, 53, 54, 61, 64, 65, 69, 77, 80—84, 87, 89, 96, 98, 99, 114, 115, 121, 126—129, 132, 133, 137, 139, 140, 145, 149—156, 162—166, 170, 176—181; V, 6, 8—14, 16, 19, 21, 26, 31, 32, 35, 36, 49, 50, 58—62, 64—67, 70—72, 79,93,100, 111—113, 139, 141—143, 154—160, 170, 175, 177, 198, 201; VI, 4, 5, 9, 11—13, 15, 16, 18, 20, 34, 35, 37, 39—47, 50, 52, 56, 60, 63, 65, 66, 69, 70, 72, 80, 101, 105, 136, 143- 145, 147, 158, 161, 172, 188; VII, 5, 16, 25, 34, 35, 40, 52, 70—79, 100, 101, 108—111, 117, 118, 137, 143, 151, 210, 216, 219, 228, 229, 238, 251; К, 30, 42, 62, 64, 65.
Александръ герцогъ Виртембергскій V, 121; VI, 42, 44, 45, 57.
Алексѣева Нат. Фил. I, 139, 181, 195. 204; II, 222; III, 39, 47, 55, 74; IV,64, 103, 104, 110, 118; V, 109, 159; VII, 111, 113.
Алексѣевъ Ал-ъ Ильичъ I, 139, V,155, 156; VI, 22, 29, 78; VII, 111—114, 132.
Алексѣевъ Илья Ив. I, 94, 95, 111, 158, 167, 170, 220; II, 64, 65, 112, 128, 204, 217; III, 17, 19, 40—44, 51, 52, 60—64, 114, 176; IV, 36, 64, 81, 103, 104, 117, 163, 164; V, 54, 109—111, 120, 124, 141—144, 155, 183; VI, 21, 29, 57, 152, 175, 176; VII, 94, 112, 121, 132, 136, 232.
Алексѣевъ Никол. Ильичъ V, 155, 156; VI, 22, 73; VII, 113.
Алексѣевъ Ник. Ст. VI, 114—116.
Алексѣевы I, 13; III, 94, 96, 155, 181, 187; VI, 74.
Алексѣй Михайловичъ царь III, 173; IV, 22, 30, 58; К, 19.
Алмазова Варв. Петр. IV, 67.
Алопеусъ V, 89.
Альбрехтъ Бранденбургскій V, 84.
Алферовъ Сем. Никиф. I, 56.
Амалія принцесса Баденская III, 103.
Амати пѣвица VII, 192.
Амбанъ мандаринъ II, 178.
Амвросій митр. VI, 36.
Ананьевскій Ив. Серг. I, 26.
Анастасевичъ III, 149, 154.

*) Римская цифра означаетъ *часть*, Арабская—страницу, буква *К.*—записку о Керчи.

Библиотека "Руниверс"

Анастасія царица IV, 22.
Ангальтъ графъ V, 37.
Ангальтъ-Кётенскій герцогъ VII, 203.
Ангіенскій герцогъ I, 96.
Ангулемская герцогиня V, 131, 133, 134.
Андре V, 35; VI, 52;
Андріё актр. II, 49; III. 121. 131.
Анна Іоанновна I, 93; II, 7, 31, 105; III, 87, 180; IV, 16, 23, 29, 90; K, 21.
Анна Павловна великая княжна III, 74; IV, 183.
Анна Ѳедоровна великая княгиня IV, 68.
Анненкова Анѳ. Никол. II, 84.
Ансельмъ-де-Жибори III, 52, 53, 61, 62, 106.
Анстеты IV, 134.
Анти пѣвица VII, 134.
Антоанъ III, 6, 7.
Антоній архимандр. V, 186.
Аполлосъ архим. II, 119.
Апостолъ Даніилъ гетманъ, VI, 14.
Апраксинъ Ст. Ст. III, 101, 102; IV, 169; V, 88; VII, 133.
Апрѣлевы VI, 62.
Аракчеевъ графъ А. А. III, 13—15, 21, 40—46, 50, 60—63, 71, 74, 75, 79, 80, 89, 115, 156; IV, 31, 93, 131, 132, 181, V, 58—60, 65—67; VI, 16, 37, 38, 40, 60, 62, 65, 136; VII, 39, 71, 100, 136, 138.
Аракчеевъ П. Андр. VI, 83.
Арапова Ольга А-др. II, 232; IV, 76, 77, 79.
Араповъ VI, 39.
Араповъ Н. Андр. II, 94, 232; IV, 76, 77, 78.
Араповъ Пименъ Никол. IV, 77.
Арбенева Мароа Ив. II, 36, 37.
Арбеневъ III, 159.
Арбеневъ Іосафъ Ивел. II, 36, 37.
Арендтъ Андр. Ѳедор. VII, 149.
Арендтъ II-й Ѳедор. VII, 97.
Аркіенъ дѣвица I, 86.
Аркудинская Генр. Адольф. VII, 183.
Арндтъ IV, 80.
Арсеньева Ав. И. VI, 177, 192; VII, 59, 74.
Арсеньева Анна Александр. V, 79, 80.
Арсеньевъ Д. В. VI, 176.
Арсеньевъ Н. В. VI, 176, 177, 183, 189, 191.
Арсеньевъ Н. Ив. V, 79.
Арсеньевы VII, 86.
Артуа (д') графъ IV, 139; V, 5, 133, 134; VI, 30, 32.
Арфаловъ II, 90, 91; IV, 15; V, 67, 68.
Арцыбашевъ (въ Тамины) VII, 164, 165.
Аткинсонъ IV, 177.
Ашикъ археол. VII, 157.
Аѳанасій еписк. IV, 2.
Аѳанасій преосвящ. IV, 55.
Аѳанасьевъ Ив. Ефим. IV, 57.

*

Бабе-Пажель VI, 21.
Багратіонъ II, 187, 204, 218; III, 41, 50, 51, 62, 88, 89, 170; III, 43, 45, 53.
Баденская маркграфиня V, 21, 100.
Баженовъ архит. II, 41.
Байкова II, 57.
Байковъ Левъ VII, 129.
Байковъ Левъ Серг. II, 107, 111, 112, 119—121, 128, 142, 158, 166, 167, 173, 174, 176, 178, 180, 210—212.
Базенъ Петръ Петр. V, 19, 20, 22, 27, 115, 116; VI, 24, 138.
Баккаревичъ II, 59.
Бакулина II, 152.
Бакулинъ II, 166; IV, 172.
Баланеско Россетъ VII, 12—13, 20, 22, 24.
Балачанъ IV, 28.
Балашовъ Ал-дръ Дм. III, 114; IV, 7, 127, VII, 107.
Бальзами Іосифъ (Каліостро) K. 44.
Бальши IV 28; VII, 4, 12.
Бальшъ VI, 160, 180, 182; VII, 10, 12 84, 64, 66.
Бантышъ-Каменскій Дм. Ник. I, 164.
Бантышъ-Каменскій Н. Н. I, 159, 161—163, 167, 175, 177, 184, 195, 222, 223; II, 16, 124.
Бантышъ Конст. I, 161.
Баранова Праск. Никол. I, 155.
Барановъ губ. II, 65.
Баратаева А-ра Сем. II, 202.

Библиотека "Руниверс"

Баратаева Ел. Сем. II, 202.
Баратаевъ Сем. Мих. II, 134.
Баратынскій Абр. Андр. I, 91.
Барбишъ II, 170.
Барклай-де-Толли гр. I, 93; III, 50, 51, 60, 80, 89, 98; IV, 4, 39, 43, 45, 49, 50, 53; V, 62, 79, 81—83, 85; VI, 60; VII, 122, 123, 233.
Барковъ III, 82.
Бароцци VI, 185.
Баррасъ V, 135.
Барятинскій князь Ив. Серг. IV, 79.
Батенковъ Гавр. Степ. VII, 103.
Батори Ст. VI, 108.
Батый К. 15, 16.
Батюшковъ К. Н. IV, 141—144, 164, 177; V, 45; VI, 55; VII, 147.
Батюшковъ Пав. Льв. VII, 115.
Баусъ V, 179—181.
Бахметева Викт. Стан. V, 186; VI, 114, 020, 144.
Бахметевъ А. Н. VI, 70, 96, 110, 11°, 414, 115, 150, 179, 180; VII, 4—8, 13, 11, 21, 25, 42, 54.
Башиловъ об. прок. I, 50, 55.
Башмакова В. Арк. VI, 188.
Башмаковъ Д. Евл. VI, 188.
Башотъ VI, 191; VII, 23, 30, 52.
Беберъ V, 56.
Беверлей врачъ III, 3.
Бегидовъ полк. VII, 79.
Безбородко князь А. А. I, 32; II, 4; III, 12; VI, 47.
Безобразовъ Ал-ъ Мих. II, 58.
Безроднова I, 53.
Безсонова А. Ѳ. VI, 28.
Безсонова Ек. Ѳ. VI, 28.
Бейзаде VI, 113.
Бейсъ Китаецъ II, 178—180.
Бекорюковъ генер. VII, 166.
Бекетова Анна Матв. IV, 90, 99.
Бекетова Пр. П. I, 218; II, 77; III, 115.
Бекетовъ Ал-ѣй Матв. IV, 99.
Бекетовъ Ап. Никол. II, 76, 77; IV, 99.
Бекетовъ прокур. II, 88, 230.
Беклемишевъ Ан. Н. VI, 79.
Беклемишевы III, 176; VI, 79.
Беклешовъ Ал-ъ Андр. I, 117, 118, 141, 142, 180, 192, 209; II, 3, 8, 11, 63, 65, 123, 218.
Беклешовъ Серг. Андр. I, 141.
Бенигсонъ II, 224, 225, 228; IV, 73, 81.
Бенкендорфъ А-ъ Хр. II, 109, VII, 107—110, 112—114, 139.
Бенкендорфъ К. Хр. II, 161, 173, 174, 177; VII, 108.
Бенкендорфы II, 109, 110; III, 123; VI, 71; VII, 108, 232, 233.
Бергъ Петръ Ив. VII, 42.
Бердъ V, 161—163.
Бердяевъ К. 30.
Бережецкая Настасья I, 53.
Берилова I, 155.
Беркгеймъ VII, 41.
Бернадотъ III, 6, IV, 53, 64, 102, 133, 136; V, 49.
Бернаденъ-де-Сенъ-Пьеръ III, 59.
Беррійская герцогиня V, 133—135.
Бертень III, 121.
Бертье VI, 63.
Бестужевъ А. А. VI, 57.
Бестужевъ губ. II, 136, 137, 139.
Бестужевъ-Рюминъ Петр. Дм. II, 130, 131.
Бестужевы VI, 42, 46.
Бетанкуръ г-жа VI, 26.
Бетанкуръ Авг. Авг. V, 11—23, 28—32, 72, 115, 117, 142, 154, 156, 164—174, 178—194, 199—20.; VI, 24, 26, 27, 38—49, 57, 59, 64, 66, 67, 92; VII, 225.
Бетанкуръ Альфонсъ V, 162, 182.
Бетанкуръ Анна Ив. V, 15.
Бетанкуръ Карол. Авг. V, 15, 180.
Бетанкуръ Матильда Август. V, 15.
Бетманъ V, 103.
Бибиковъ Ал-дръ Ильичъ III, 102, 103.
Бибиковъ Нижег. губ. VII, 243.
Билимъ VI, 192; VII, 67.
Биронъ герцогъ Эрнестъ-Іоганъ II, 7; 105, 109; III, 114, 180; IV, 16, 23, 29; V, 79; VII, 21, 22.
Биронъ Луиза IV, 160.
Блакасъ графъ II, 213.
Бланкъ Бор. Карл. III, 138, 143.
Бларамбергъ археол. VII, 192; К. 3, 10, 53, 54.

Библиотека "Руниверс"

Блудова графиня Анна Андр. III, 90, 91; IV, 20, 136, 137, 149, 153, 165; V, 73, 86, 98, 99, 102, 105, 109, 130; VII, 015.
Блудова гр. Ант. Дм. VII, 105.
Блудова Лидія Дм. VII, 105.
Блудовъ гр. Андр. Дм. VII, 105.
Блудовъ гр. Вадимъ Дм. VII, 105.
Блудовъ гр. Д. Н. I, 67, 165, 166, 222; II, 45, 47, 48, 53—56, 216; III, 3, 40, 89, 91, 106, 127, 149, 150, 169, 171, 175, 177; IV, 20, 136, 137, 141, 142, 144, 150—153, 159, 165, 169, 171—176; V, 38, 52, 72-74, 79, 81—83, 89, 96—99, 102-104, 107—109, 171; VI, 55, 69, 71—73, 97, 105, 107, 142, 187; VII, 101—105, 122, 126, 214, 244—251.
Блюхеръ IV, 103, 162.
Бобешъ шутъ V, 112.
Боборыкинъ Петръ Ив. I, 70.
Бобоѣдовъ полк. VII, 164.
Бобринскій графъ III, 156.
Богаченко VI, 165.
Богдановичъ II, 119; III, 75, 76.
Богдановская Наст. Александр. VII, 149, 187.
Богдановскій Андр. В. V. 140; VII, 86, 98, 149, 154—159, 165, 175, 207, 210, 216; K. 45, 46, 48, 55.
Богданъ г-жа VI, 194.
Боде баронъ Андр. Карл. V, 179, 182, 195.
Боде баронъ Левъ Карл. I, 220; V, 179.
Бодеско К. Ѳом. VI, 157, 166.
Боіелдье III, 130.
Болина III, 131, 132.
Болотникова Елисав. Христіан. III, 156, 158; IV, 135.
Болотниковъ А. У. III, 155, 156, 158, 161, 167—169; IV, 135; V, 177.
Болтинъ IV, 25,
Большаковы I, 165.
Бонне III, 122.
Бора (де) Екатерина V, 101.
Боргондіо VI, 54, 55.
Борейшъ П. Ваниф. VI, 45.
Борзовъ Никол. Владимір. K. 23.
Борисовъ III, 156.
Бородинъ VII, 154, 160—162; K. 54.
Борстель V, 87.
Боскампъ VI, 124.
Бофремонъ V, 4—6.
Бошнякъ-Ага III, 106.
Брадке Анна Ѳедор. III, 165.
Брамбуръ III, 164.
Браницкая граф. А. В. I, 43—45, 112, 118, 119; III, 103; IV, 118; VII, 130.
Браницкая графиня Елис. Ксав. V, 143; VI, 83, 85, 86, 126, 170.
Браницкіе IV, 30; VII, 142.
Браницкій Владисл. I, 45; VI, 125.
Браншю г-жа II, 200.
Брасъ VI, 52.
Бреверны I, 8.
Брегетъ V, 28, 117;
Брейтигамъ V, 39.
Брендаль K. 22.
Бреннъ III, 178; V, 24.
Бриммеръ фонъ, Гертруда I, 8.
Бриммеръ Е. Ад. VI, 128.
Бробекъ г-нъ I, 119.
Бровцына I, 212.
Брогліо гр-я А. П. II, 33; VI, 30.
Броккаузенъ I, 42.
Брокеръ Ад. Ѳом. IV, 61.
Броль гр-я VII, 133.
Броневскій Сем. Мих. VII, 166; K, 49.
Бруновъ Ф. И. VI, 95, 97, 99, 104, 123, 124, 186; VII, 34, 186, 188, 217.
Брунъ г-жа IV, 148.
Брунъ I, 7.
Брызгаловъ чудакъ I, 178.
Брюкль пѣвица II, 51; III, 124; VI, 54.
Брюксъ VII, 165.
Брюловъ V, 31.
Брюсъ VII, 186.
Брянскій V, 34.
Бублейниковъ VII, 86.
Будбергъ баронъ Андр. Як. III, 9—11, 16.
Буксгевденъ гр. II, 234, 236; III, 12, 20, 44, 50; IV, 180; VI, 36.
Буксгевдены I, 8.
Булгакова М. К. VI, 68; VII, 119.
Булгакова Нат. Вас. I, 52.
Булгакова Ал-ъ Як. I, 164.

Библиотека "Руниверс"

Булгаковъ Конст. Як. I, 164; VI, 27, 67—69, 71—73; VII, 65, 119, 120.
Булгаковъ Як. Ив. I, 164; VI, 67.
Булгаковы I, 52; VI, 68.
Булгаринъ Ѳад. Венед. VI, 56, 57.
Буле III, 143.
Булыгинъ Дм. Алекс. IV, 89, 95, 96.
Бунге аптекарь I, 42.
Бунина Ек. Аѳ. V, 43.
Бунины въ Бѣлевѣ II, 54.
Бурбье Виржини, актриса VII, 254.
Бургоэнь III, 120.
Бурнашевъ Курск. губ. II, 90.
Бурхановскій Влад. Вас. VII, 158.
Бутеневъ Апол. П. VI, 187; VII, 52.
Бутковъ Мих. Гр. VII, 61.
Бутковъ П. Гр. VII. 120.
Бутковы VII, 68, 120, 123, 138
Бутъ V, 39.
Бухгольцъ г-жа К. 38, 40.
Бухгольцъ Карлъ Як. VII, 153; K, 37, 39.
Буше II, 40.
Бушенъ (фонъ) Елисав. Христ. III, 156.
Бушенъ Софья Никол. III, 158; IV, 135.
Быковъ дядька I, 95.
Быховецъ V, 181; VI, 27.
Бѣгичевъ генер. I, 143—145.
Бѣликовичъ Ант. Кузм. VII, 58.
Бѣликовичъ Теофила Ос. VII, 58.
Бѣлоклоковъ Ив. Никит. III, 33, 37.
Бѣлосельская княгиня Анна Григ. IV, 153, 159, 160.
Бѣлосельскій князь Ал-ъ Мих. II, 227; IV, 159; VII, 190.
Бѣлуга-Коханская Іулъяна Конст. I,197.
Бѣляковъ III, 12, 29; IV, 130.

*

Вавиловъ адм. VII, 201.
Вадковскій Осдоръ Ив. II, 86;
Валберхова V, 33, 34.
Валдовскій VI, 52, 185.
Валуа Генрихъ I, 96.
Валуевъ Петръ Степ. III, 22.
Вальвиль актриса I, 154, 185.
Вальховскій V, 51.
Ванъ мандаринъ II, 178.
Варенцовъ Петръ Алексѣев. V, 162, 171, 172; VI, 45.
Варламъ К. К. VI, 121; VII, 119, 187, 188.
Варукъ V, 63.
Варѳоломей VI, 104, 140—143, 166.
Василій Дмитріевичъ вел. князь IV, 15.
Васильевъ II, 116.
Васильевъ гр. II, 12, 34, 35, 63; III, 9, 84; V, 171.
Васильчиковъ Лар. Вас. VI, 18, 34.
Васильчиковъ Ил. В. II, 109.
Васильчиковъ А-й Вас. II, 109, 111.
Васильчиковъ II, 161, 173, 179, 182—185, 187.
Васильцовскій I, 163.
Вашингтонъ V, 20.
Вахмейстеръ графъ III, 63.
Вегелинъ VI, 96.
Веллингтонъ IV, 162, 164; V, 141, 142; VI, 7, 71; VII, 117.
Величкинъ VI, 51.
Вельяминовъ-Зерновъ II, 59.
Вельяшевъ II, 93, 94; IV, 6.
Вельяшевъ А. П. V, 158; VI, 39—41.
Вельяшевъ Кирилъ А-др. II, 93.
Вельяшевъ П. Ард. VI 39.
Веселицкая Іуліана Конст. I, 197, 200; VI, 82.
Вестерманъ пасторъ III, 114.
Вестманъ Илья Карл. II, 16.
Вейсманъ ген. I, 93.
Вейдемеейеръ Ив. Андр. III, 78; IV, 133.
Вигеліусъ Валдемаръ I, 7.
Вигель Фил. Лавр. II, 63; IV, 2, 3.
Вигель Яковъ Лавр. I, 10, 152.
Вигель Фил. Н. VI, 23, 34, 57.
Вигель Пелагея Анд. I, 24.
Вигель Мавра Петр. III, 174, 175.
Вигель Ал-дра Фил. I, 32, 71; III, 37; V. 68.
Вигель Варв. Ив. III, 46.
Вигель Ек. Фил. III, 46.
Вигель Елисавета Ф. I, 25, 32, 66, 196; II, 65; V, 68.
Вигель Иванъ I, 10.
Вигель Нат. Ф. I, 32, 66, 94.
Вигель Ник. Ф. I, 32, 68, 202; II, 62, 121, 205, 221, 229; III, 18, 20; V, 174.

Библиотека "Руниверс"

Вигель Пав. Фил. I, 32, 68, 204, 224; II, 121, 205; III, 20, 44; IV, 4, 39, 117, 164; V, 108, 128, 155, 174, 194; VI, 21, 24.
Виклёфъ V, 97.
Виландъ V, 99.
Виллié врачъ IV, 181.
Вильгельмъ принцъ Прусск. (вп. императоръ) V, 70, VII, 117.
Виноградовъ Никол. Ѳедор. V, 170.
Винклеръ II, 175.
Винтерфельдъ V, 90.
Вирстъ II, 30.
Виртембергскій кронъ-принцъ IV, 183.
Витали VI, 132.
Витгенштейнъ графъ IV, 45, 64, 81, 101; VI 105, 127; VII, 90, 239.
Витикиндъ V, 148.
Витовтъ V, 84.
Висковатовъ III, 129, 148.
Витты I, 49.
Виттъ графиня VI, 125.
Виттъ графъ И. О. VI, 125, 126, 136, 137; VII, 183—186.
Вишневская Ульяна Степ. I, 62.
Вишневской Ив. Гавр. I, 62.
Віадо V, 180.
Віельгорскій графъ М. Юр. IV, 154, 155, 160; V, 55, 161; VII, 254.
Віолинъ Фроимъ VII, 47.
Владимиръ Всеволодовичъ кн. К. 13.
Владимиръ Святославичъ кн. К. 12, 25.
Владыкинъ II, 114.
Воеводская II, 37.
Воейкова VI, 30.
Воейковъ подк. VII, 122.
Воейковъ А. Ѳ. V, 43, 44, 76; VI, 67; VII, 95—97.
Воланы I, 49.
Волконскіе кн. IV, 24.
Волконская княжна VI, 121, 131.
Волконскій князь Д. П. IV, 180.
Волконская княгиня Ек. Алексѣевна IV, 180.
Волконскій князь П. М. IV, 180, 181, V, 64; VI, 61 — 63; VII, 120, 123, 125; 233, 244,
Волконскій князь Григ. Сем. IV, 144, VII, 55.
Володарь Ростиславичъ кн. К. 13.
Вольтеръ III, 53.
Волховскіе IV, 21.
Вонифатьевъ Петръ Дм. II, 175—177, 179, 182, 210.
Ворожейкинъ VI, 78.
Воронихинъ тракт. II, 41, 42; III, 178; V, 24.
Воробьевъ акт. II, 53; III, 130.
Воронцовы VI, 138, 168.
Воронцовъ гр. Р. Лар. II, 58.
Воронцовъ гр. А-лъ Ром. II, 11, 16; VII, 138; II, 4, 11.
Воронцовъ графъ С. Р. II, 4,
Воронцова княгиня Елисав. Ксав. V, 143; VI, 84, 124, 127 — 129, 132, 134, 138, 170, 171, 187, 189; VII, 142, 184, 191.
Воронцовъ князь М. С. I, 76; IV, 87, 164; V, 110, 111, 120, 122, 136, 138—144; VI, 27, 71, 72, 76, 85, 89 — 107, 110—124, 134—154, 159, 166—169, 172, 173, 176— 179, 183—191; VII, 45, 46, 48, 54, 56, 59, 60, 69—71, 82, 84—87, 97—99, 104, 114 — 116, 120, 122, 126, 127, 142, 143, 148, 150, 153, 157, 168, 169, 171, 173, 178, 181, 186—188, 193, 195, 200, 208—211, 214—225, 239, 243; К, 45, 46, 52, 53, 55.
Воротниковъ акт. VII, 254.
Ворцель I, 200.
Востоковъ Ал-дръ Христофор. III, 153.
Войцеховичъ г-жа I, 211.
Войцеховичъ Ив. Андр. I, 210.
Всеволожская Анна Серг, VII, 41.
Всеволожскіе IV, 21.
Всеволожскій воевода I, 27.
Всеволожскій Андр. Алексѣев. I, 23; II, 223.
Всеволожскій А-й Андр. II, 233.
Вяземскіе князья I, 56; IV, 21.
Вяземскій князь Андр. Ив. III, 141.
Вяземскій князь А. А. II, 34; IV, 135.
Вяземская княгиня Елена Никитишна II, 35; III, 5.
Вяземскій князь П. А. I, 50; III, 141—143; IV, 123—126, 164; V, 36, 40—42, 45, 67; VI, 55; VII, 134.

Библиотека "Руниверс"

Вяземская княгиня В. Ѳ. IV, 123—125: VI, 29.
Вязимиръ князь V, 87.
Вязмитиновъ Серг. Кузм. II, 11, 63, 203; III, 13, 16; IV, 127; V, 31, 154, 198, 201.
Высоцкій Н. П. VI, 86.
Вышковскій IV, 138.

*

Габлицъ Карлъ Иван. II, 29; III, 75, 77, 116.
Габоръ-Бетлемъ VI, 108.
Гавриленкова Варв. Дм. VII, 142.
Гавриловъ Матв. Гавр. III, 134, 135.
Гавріилъ митроп. II, 8; VI, 144; VII, 21, 25.
Гагарины князья IV, 24, 99.
Гагаринъ кн. VII, 4.
Гагаринъ князь I, 150.
Гагаринъ князь VII, 254,
Гагарина княгиня Праск. Юрьевна IV, 70.
Гагаринъ князь Ив. Алексѣев. III, 132.
Гагаринъ князь Никол. Серг. IV, 46.
Гагаринъ князь Ѳедоръ Серг. IV, 70,
Гагарина княг. I, 150; III, 102.
Гагарина княжна I, 202; IV, 59.
Гаевскій Пав. Вас. VII, 166.
Гагеръ I, 37, 69.
Гальяни тракт. II, 102.
Ганаускій графъ V, 101.
Ганнибалъ Ив. Абр. I, 29; VI, 10.
Гарданнъ врачъ V, 108, 135.
Гарденины II, 62.
Гарденина дѣвица VII, 138.
Гарри докт. II, 116, 128.
Гартингъ И. Марк. VI, 70, 154, 160. VII, 4, 7, 14.
Гартунгъ Елисав. Петр. III, 35.
Гашетъ гр-ня VII, 41.
Гваренги II, 41, 42; III, 100; V, 24; VI, 50.
Гедеминъ IV, 15, 22.
Гедеоновъ А-ъ Михаил. VII, 133.
Гедеонъ митр. Кіевск. (князь Четвертинскій) IV, 68.
Гейницъ Марья Сем. VII, 166.
Геймъ апт. II, 112.
Гельмеръ архит. I, 42.
Гельмъ II, 139, 158, 163.
Генрихъ IV-й V, 132, 133.
Генріетта герцогиня Виртембергская V, 103.
Георгій принцъ Ольденбургскій III, 49, 73, 111; V, 16, 157, 158, 177.
Гераковы II, 56.
Гераковъ Гавр. III, 147.
Гердеръ V, 99.
Геркенъ Ѳедоръ Ѳедор. II, 139.
Герль V, 111.
Германъ Ел. Гав. II, 200, 201.
Германъ Ив. Фил. II, 199.
Германъ Ѳ-ръ Ив. II, 201.
Гермесъ Богд. Андр. II, 195, 196.
Гернгроссъ Анна Ѳедор. III, 165; IV, 63.
Гернгроссъ Родіонъ Ѳедор. III, 165.
Гернгросъ Ѳ. Ѳ. V, 54, 57.
Гернетъ г-жа IV, 148.
Гессенъ-Дармштатскія принцессы V, 92.
Гёте V, 99.
Гизо V, 44.
Гики IV, 28.
Гика Георгій, VI, 160; VII, 50, 51, 115.
Гильфердингъ учит. I, 111; V, 158.
Гладковъ И. Вас. II, 69.
Гладковъ Гр. Вас. II, 69, 71.
Глазенапъ I, 9.
Глейхенъ графъ IV, 3.
Глинка Серг. Никол. III, 140; IV, 123.
Глѣбъ Святославичъ кн. К, 12, 13.
Гнѣдичъ Н. И. III, 129, 146, 154; IV, 143, 144, 168, 171, 177; V, 34.
Гогенекъ графъ VI, 162.
Гогенлое-Кирхбергъ пр. Ек. Ив. II, 36.
Годой IV, 13.
Годуновы IV, 22.
Годуновъ Борисъ III, 114.
Голенищевъ-Кутузовъ И. Логин. II, 11,
Голенищевъ-Кутузовъ Пав. Ив. III, 133, 141, 143.
Голиковъ II, 27.
Голицыны князья III, 74, 86, 116, 179; IV, 10, 15—18, 62, 63, 104, 105, 130, 181; V, 48, VII, 93.
Голицына княжна Анна Петр. III, 32,

Библиотека "Руниверс"

Голицына княг. I, 112, 119, 120, 124, 125, 142; IV, 8, 111, 130.
Голицына Анна Серг. VII, 41.
Голицына княгиня Варв. Петр. IV, 105, 106; V, 67.
Голицына княжна Елисав. Петр. III, 32.
Голыцына княгиня Ек. Ив. рожд. Сологубъ, II, 76; IV, 11.
Голицына княг. Нат. Петр. I, 138; II, 17; IV, 17; VII, 237.
Голицына княжна М. В. I, 132.
Голицына княг. Т. Вас. VII, 236.
Голицынъ князь Ал-дръ Никол. III, 117, 118; IV, 82, 181; V, 64, 65, 198, VI, 64, 65, 150, VII, 40, 126, 214, 246.
Голицынъ князь А. И. V, 35, 36.
Голицынъ князь А-ъ Мих. I, 175; IV, 16.
Голицынъ кн. А. С. I, 127, 128, 142; II, 75.
Голицынъ кн. Вас. С. I, 128; II, 75; IV, 8, 41, 107, 108, 111, 113; VI, 77.
Голицынъ князь Вас. Вас. IV, 16; К, 19.
Голицынъ кн. Гр. С. I, 121, 125; II, 75; IV, 8—15, 18, 40—42, 76, 79, 91—97, 107, 108; V, 68, 175, 177, 178.
Голицынъ кн. Дм. М. II, 109; IV, 16.
Голицынъ Дм. Вл. VI, 29, 35—37; VII, 236—238.
Голицынъ кн. Д. Н. II, 109.
Голицынъ кн. М. С. I, 121, 127, 132, 140; II, 75.
Голицынъ кн. Пав. С. I, 127, 142; II, 75; IV, 8, 106—108, 110, 113, 118.
Голицынъ князь Петръ Алексѣев. IV, 169.
Голицынъ князь С. М. IV, 18.
Голицынъ кн. С. С. II, 75, 204.
Голицынъ князь Серг. Ѳедор. I, 120—123, 127, 132, 134, 136; II, 204, 223; III, 57, 58; IV, 8, 10, 16, 17, 108.
Голицынъ князь Ѳед. Серг. I, 120, 126, 127; II, 19, 72—76, III, 103, 104; IV, 24, 104—106, 112, 116, 118.
Голицынъ II, 173.
Голицынъ II. VI, 58.
Головина Нат. Ив. IV, 169.
Головина Дарья Ив. IV, 169.
Головинъ Ив. IV, 169.
Головинъ графъ Н. Н. VI, 47.
Головкина графиня I, 150.
Головкина Н. Ю. II, 208.
Головкина Ек. Льв. II, 208.
Головкинъ графъ III, 11, 124.
Головкинъ графъ Гавр. Ив. II, 106.
Головкинъ гр. Ю. А. II, 104—108, 111, 112, 117, 119, 120, 121, 128, 158, 160, 164, 166, 167, 171—176, 178—180, 182, 186, 195, 210—212.
Голубцова М. Богд. II, 34, 35.
Голубцовъ Ив. Александр. II, 34.
Голубцовъ Ѳ. Александр. II, 33, 121; III, 9, 76—78, 84, 91.
Голубцовы II, 35, 36.
Гонтаръ V, 61.
Гонтары V, 103.
Гонзагъ-де-Неверъ Марія I, 86.
Гончаровы V, 171.
Гоппе III, 104.
Горденинъ фабрик. I, 203.
Гордѣевъ VI, 159.
Горемыкинъ III, 164.
Горихвостовъ Петръ Абросим. I, 212; II, 68, 69.
Горнъ V, 8.
Гортензія-Бонапарте VI, 32.
Горчакова княгиня Варв. Юр. IV, 130.
Горчакова княжна III, 144; IV, 50; VI, 157.
Горчаковъ князь Ал-ѣй Ив. IV, 50, 130, 131, 179.
Горчаковъ кн. Вас. Никол. II, 188, 189.
Готманъ Андр. Данил. V, 27, 30.
Готманъ Петръ Данил. V, 180.
Гоферъ III, 58.
Гофманъ VII, 27.
Гофъ г-жа IV, 100, 101.
Граль пасторъ I, 42.
Граматинъ III, 150, 153.
Граммонъ V, 4.
Граперонъ врачъ К, 53, 54.
Графоръ проф. I, 140, 141.
Грегори V, 83.
Грегуаръ V, 50, VI, 6.
Грейгъ адмир. А. С. VI, 99, 100, 136; VII, 199—203, 211, 221; К, 52.
Гречъ III, 152; IV, 80, 173; VI, 56.

Библиотека "Руниверс"

Грибовской VI, 181.
Грибоѣдовъ VI, 55.
Григорій архіеп. VI, 114, 116.
Гриммъ баронъ V, 30.
Гросслупъ IV, 147.
Грохольскій гр. I, 84.
Груби Ос. Ив. окул. VII, 96, 97, 104, 119.
Груберъ патеръ II, 105, 173.
Грузиновъ акт. II, 71.
Грузинскій царевичъ князь Егоръ Александр. V, 186, 189.
Губаревъ I, 222.
Гудимы I, 198.
Гудимъ-Левковичъ Вас. Осдор. VII, 158, 159, 179, 211, 212.
Гудовичъ гр. И. В. I, 101; IV, 35, К, 35.
Гудовичъ графъ Мих. Вас. IV, 35, 92.
Гульяновъ IV, 52.
Гуляевъ I, 27.
Гундуровы кн. II, 189.
Гуржеевъ И. Иль. VI, 96.
Гурковская I, 82.
Гурьева Авд. Петр. V, 144; VI, 127, 129.
Гурьевъ графъ А. Д. II, 13, VI, 60, 61, 99, 127, 185.
Гурьевъ Д. А. II, 109, 110, 161—163, 173, 207; III, 84—87, 91, 92, 99, 101, 104, 105, 116; V, 28, 61, 143, 198.
Гурьевы К, 42, 43.
Гурьева Марья Дм. V, 62.
Гурьева Праск. Никол. II, 208.
Густавъ Адольфъ III, 65, V, 97.
Густавъ Ваза III, 65, V, 103.
Густавъ IV, I, 179; III, 19, 51; VI, 31.
Гусъ Ив. V, 97.
Гуфландъ VI, 129.
Гюго Викт. III, 108.
Гюсъ актриса VI, 31.

*

Давидъ Игоревичъ кн. К, 13.
Давыдовъ Д. В. IV, 75; V, 45.
Далмасъ актеръ V, 55.
Дамасъ II, 33; III, 7.
Данжевиль-Виндербергъ VI, 52, 185.
Данжо маркизъ V, 118.
Данилевскій директ. гимн. I, 211.
Данилевскій-Михайловскій IV, 87.
Данилова III, 121.
Дантонъ V, 20.
Дараганъ Евва Як. I, 43.
Дашковъ Андр. Вас. VII, 214, 217.
Дашковъ Д. В. III, 150, 153; IV, 141, 142, 169, 171—176; V, 38—40, 66; VI, 55; VII, 104, 126, 129, 181, 208, 247—251.
Дашковъ князь Пав. Мих. I, 56, 61, 75, 101, 102, 117.
Дашковы князья I, 56.
Двурѣченцовъ VI, 175.
Деболи VI, 124.
Девель I, 37, 69.
Девлетъ-Гирей ханъ К, 21.
Девлеткильдѣевы I, 206.
Деволанъ Францъ Павл. V, 17, 156, 157; VI, 43, 45; К, 30.
Девонширскій герц. VII, 117.
Дезиро пѣв. VII, 192.
Деказъ VI, 8.
Декампъ VII, 133.
Делиль III, 59.
Делоне докт. VII, 231.
Дельвигъ баронъ V, 51.
Демейсъ живопис. I, 44.
Демидова Ек. Алексѣевна I, 149.
Демидовъ Никол. Никит. II, 148; IV, 46; V, 117, 127, 136; К. 66.
Демидовъ Петр. Гр. I, 149.
Демидовы II, 32, 236; III, 182; V, 171.
Денъ VII, 153; К, 45, 53.
Державинъ Гавр. Ром. II, 12, 63; III, 81, 82, 119, 151, 180; IV, 165, 172; V, 37, 48; VI, 55.
Дестремъ V, 19, 20.
Дибичи VI, 62.
Дибичъ И. И. II, 229; IV, 103; VI, 62, 63; VII, 214, 239, 252.
Дивовъ Пав. Гавр. IV, 133; V, 60, 62.
Дидло I, 155; II, 50; III, 121; V, 35.
Диль I, 42.
Димитрій Іоанновичъ великій князь IV, 26.
Дмитревскій акт. II, 52; VI, 51.
Дмитріевъ Ив. Дм. IV, 88.
Дмитріевъ Ив. Ив. I, 187; II, 76; III, 80—83, 133—139, 143, 150, 152, 157;

Библиотека "Руниверс"

IV, 134, 135, 141; V, 39, 40, 42, 45, 108; VII, 132.
Димитрій архіеп. VI, 150; VII, 33, 78, 79.
Димитрій Михаиловичъ князь К, 16.
Добровольскіе III, 32.
Доброславскій Андр. Михаил. II, 108, 112, 120, 158.
Довре Ѳедоръ Филип. II, 118, 128, 130—132, 157, 158, 173.
Докторова Варв. Ѳедор. II, 85.
Докторовъ Аѳ. Аѳ. II, 85.
Долгорукова княжна Варв. Юр. IV, 131.
Долгорукова княг. Ек. Вас. I, 99; II, 70, 71; IV, 41.
Долгорукова княг. Нат. Ив. II, 69.
Долгоруковъ князь Ал-й Алексѣев. VII, 125, 126, 214, 249.
Долгоруковъ князь Вас. Мих. К, 23.
Долгоруковъ князь Вас. Серг. II, 69, 218.
Долгоруковъ князь Ив. Мих. III, 135; IV, 77, 78.
Долгоруковъ князь Мих. Петр. III, 42—44.
Долгоруковъ князь Никол. Вас. V, 127.
Долгорукій князь Пав. Ив. VII, 165.
Долгоруковъ князь Петръ Петр. III, 42—44.
Долгоруковъ кн. Серг. Никол. I, 177.
Долгорукій кн. Юрій Владим. I, 175; II, 223.
Доливо-Добровольскій Флоръ Осип. III, 32.
Дольстъ баронъ III, 100.
Донецъ-Захаржевскій Дм. Андр. VII, 139, 210.
Доничи VII, 4.
Доничъ VI, 144; VII, 8.
Дориньи г-жа и г-нъ I, 119.
Дофинé VI, 88.
Дохтуровъ IV, 87.
Древицъ полк. I, 28.
Дринскій Владим. Егор. II, 87, 88.
Дружининъ III, 92; IV, 177.
Дрындинъ IV, 55.
Дубенская Анна Егор. II, 90.
Дубенская Елисав. Петр. III, 35.
Дубенскій Гр. Льв. II, 90.
Дубенскій Ксеноф. Гаврил. III, 35.
Дубенскій Никол. Порф. III, 35.
Дубенскій Порфир. Гаврил. III, 35.
Дубикъ V, 145.
Дудышкинъ купецъ I, 181.
Дульскій гр. I, 84.
Дунаевъ А. И. V, 140; VII, 75, 86.
Дурасова Варв. Як. II, 194.
Дурасова Ек. Никол. III, 45.
Дурасова Степ. Алексѣевна IV, 90.
Дурасовъ Н-й Н-ев. II, 193, 195.
Дюбарри г-жа I, 106; V, 119.
Дюбуа м-ль I, 106—108, 112.
Дюмушель пѣвецъ III, 122.
Дюпоръ III, 120, 121; V, 35.
Дюпре-де-Сенъ-Моръ VI, 27.
Дюронъ I, 188; III, 119.
Дюроръ Альбертъ V, 96.
Дюровъ VI, 51.
Дюро-де-Ламаль К, 61.
Дюръ VII, 254.
Дютакъ II, 50.
Дютуръ Карол. Ант. VII, 105.
Дягилевъ II, 147.

*

Евреиновъ А-ъ Мих. II, 230, III, 95.
Евреиновъ Вас. Вас. II, 127.
Евреиновъ И. В. II, 129.
Евреиновы I, 163, 164; II, 131, 135; III, 32; IV, 95.
Евсюковъ городнич. III, 38.
Ежова Ек. Ив. V, 33, 36; VI, 51.
Екатерина I-я III, 85, 179.
Екатерина II-я I, 22, 24, 29, 31, 33, 58, 72, 89, 90, 93, 138, 152, 179, 180, 215, 219; II, 7, 13, 27, 89, 94, 105, 106, 166, 215, 219, 226, 236; III, 9, 13, 16, 20—23, 26, 35, 41, 50, 59, 66, 67, 84—86, 94, 99, 102, 110, 116, 117, 124, 134, 144, 156, 161, 180, 181; IV, 17, 23, 24, 29, 36, 37, 46, 54, 58, 135, 142, 145, 154, 159, 169, 179; V, 10, 16, 24, 48, 53, 54, 61, 174—176, 181, 184; VI, 31, 32, 64, 101; VII, 83, 89, 90, 141, 143, 218, 219, 237, 238, 253; К, 23—30, 47.
Екатерина Медичисъ VI, 5.
Екатерина Павловна великая княгиня

Библиотека "Руниверс"

III, 49, 57, 73, 74, 92, 147, 150, 156; IV, 34, 38, 183; V, 155, 156, 164, 177.
Елагинъ Дм. Владим. II, 88, 89.
Елена Павловна в. княжна VII, 89.
Елецкіе IV, 21.
Елисавета Алексѣевна имп. II, 18, 76, 219, 221; III, 90; IV, 11, 105, 129, 176; V, 35, 64, 90, 100, 155; VI, 129; VII, 69, 73, 101, 116, 251.
Елисавета Петровна имп. I, 93; II, 7; III, 87, 124, 173, 177, 180; IV, 16, 23, 58, 105, 145, 152; V 85, 175; VI, 87.
Елисавета принцесса VI, 30.
Ельчанинова Над. Карп. III, 159.
Енихенъ докт. VII, 232.
Ергольская Нат. Егор. I, 63.
Ергольская И. И. VI, 85; VII, 142.
Ергольскій Ник. Ив. I, 63; VI, 85.
Ермакъ Тимоѳѣевичъ К, 19.
Ермолаевъ Ал-дръ **Ив.** III, 154.
Ермоловъ А. П. I, 76; IV, 87; V, 66, 127; VI, 102; VII, 55, 117, 118, 122, 153; К, 41, 58, 59.
Ермолаевъ Никол. Степ. IV, 97.
Еропкинъ П. Д. I, 174.
Еропкины IV, 21.
Есипова I, 212.
Есиповъ Петръ Вас. II, 136, 137. 139.
Ефимовичъ I, 166; II, 16.

*

Ж... С. Ѳ. VI, 190, 191, 193.
Жадановъ VII 35.
Жданова V, 187.
Ждановскій I, 163.
Жеваховъ князь I, 220.
Жедринскій Владим. Егор. IV, 55, 56.
Жедринскій Ег. Мих. I, 131; II, 86—88.
Желтухина Ан. Никол. II, 133.
Желтухинъ Ал-й Ѳедор. II, 91, 132.
Желтухинъ Петръ Ѳедор. II, 133.
Желтухинъ Сер. Ѳедор. II, 133, 203.
Желтухинъ Ѳедоръ Ѳедор. II, 132, 133.
Желтухинъ VII, 45, 78.
Женіесъ акт. VII, 124, 254.
Жено VI, 52.
Жерве II, 26.
Жеребцова Ек. Алекс. I, 149.
Жеребцовъ А. А. V, 54; VII, 136.
Жигничеръ Симеонъ Глав. VII, 43.
Жилло Ром. Ст. VII, 65, 67.
Жихаревъ Ст. Нет. II, 217; III, 129, 152; IV, 171, 175—177; VI, 55; VII, 174.
Жишка Ив. V, 97.
Жозефъ-Бонапарте королева Испанская III, 49; V, 103; VI, 32.
Жозефъ VI, 193.
Жорданъ Анна Ив. V, 15.
Жоржъ III, 119, 120, 123; IV, 166; V, 35.
Жоффренъ г-жа I, 108.
Жуковскій В. А. I, 115, 141, 190; II, 54, 55, 237; III, 40, 136, 137, 139, 143; IV, 87, 112, 164—171, 174, 176, 177, V, 36, 40—47, 51, 71, 76; VI, 55, 97, 169; VII, 104, 134, 208, 216.
Жулковскій тайн. с. VII, 80.

*

Забѣлинъ Ив. Алексѣев. VII, 204, 205, 213.
Забѣлины VII, 205.
Завадовскій гр. П. В. II, 13; III, 79, 152,
Заваліевскій Н. Степ. VI, 120—122; VII, 134.
Загоскина Нат. М. II, 98—101; V, 189.
Загоскинъ М. Н. II, 121; III, 138; IV, 167, 173; VI, 55.
Загоскинъ Н. М. II, 100, 103.
Загряжская Нат. Кир. II, 111.
Загурскій I, 131.
Закревскій графъ А. А. IV, 91; VII, 120—124, 214, 233, 243, 244.
Залуцкій графъ IV, 142.
Залѣсскія I, 82.
Замфораки братья VI, 184.
Зандъ V, 97.
Занфтлебенъ V, 39,
Запольскій Янъ VI, 108.
Захаржевская Елис. Андр. VII, 139.
Захаровъ архит. II, 41; V, 24.
Звенигородскіе IV, 21.
Зейдлицъ V, 90.
Зеленковъ V, 39,
Зеленой Ив. Вас. II, 193.
Зертысъ Каменскій Амвросій I, 161.
Злобинъ В. Алексѣев. II, 21—23, 101, 102, 121, 127; III, 55.

Библиотека "Руниверс"

Зловъ V, 35.
Золотарева Ек. Алексѣевна IV, 100.
Золотаревъ А. М. VI, 122, 138.
Золотаревъ Дм. Вас. IV, 100.
Зонтагъ Анна II. VII, 216.
Зубова О. А. I, 150; II, 150.
Зубовъ Вас. Никол. II, 89.
Зубовъ князь III, 159, 160; V, 183; VI, 101.
Зуевъ П. Хар. VI, 82.

*

Иваненки I, 198.
Ивановъ I, 163; II, 119.
Ивашкинъ полицм. I, 189.
Ивеличева II, 510.
Игумновъ II, 114.
Ижоринъ I, 166.
Измайловъ Ал-дръ Ефим. III, 153;
Измайловъ Владим. Вас. III, 139, 143,
Измайловъ Левъ Дм. V, 186.
Иконина III, 121.
Ильинъ II, 51; VI, 27.
Илья лейбъ-кучеръ IV, 181.
Инзовъ И. Н. VI, 90, 96, 102, 110, 112—114, 123, 141, 145, 147, 148, 150—152, 179; VII, 5, 8, 12—14, 18, 20, 21, 24, 25, 32, 42, 43, 58, 64.
Иннокентій III, 73.
Ипсиланти князь V, 123; VI, 112, 115, 162, 163; VII, 69.
Ириней архим. VI, 149, 150; VII, 33.
Исленьевъ Петръ Алексѣев. III, 25, 26.
Истомина V, 35.

*

Іеронимъ Бонапарте II, 49.
Іоаннъ III-й IV, 21.
Іоаннъ Васильевичъ Грозный III, 114; IV, 21, 27; K, 17—19, 24.
Іоаннъ Антоновичъ царь V, 164.
Іосифъ Бонапарте III, 6, 7.

*

Кавелинъ Дм. Александр. II, 27; V, 43; VI, 65.
Каверинъ Павелъ Никит. I, 177.
Казасси II, 50.
Казиміръ IV-й V, 84; VII, 8.
Казначеева В. Д. VI, 131; VII, 196.
Казначеевъ А. И. V, 140; VI, 91—97, 103, 104, 120, 122—124, 131, 141, 166, 172, 178, 183, 190; VII, 85, 86, 168, 186, 188, 210, 212.
Калакуцкой VI, 149.
Каламара ген.-м. VII, 207.
Калипсо VI, 152, 154.
Каліархи V, 123, 124, 126, 133.
Каліастро графъ K, 44.
Калло-Дербоа VI, 5.
Калоннъ VI, 30.
Каменская гр. А. П. I, 99, 161; II, 221, III, 90, 91.
Каменскій VI, 68.
Каменскій графъ М. Ѳед. П. 221, 224; K, 27.
Каменскій графъ Н. М. III, 41, 44—50, 62—64, 75, 169, 171; VII, 120—122, 233, 238, 244.
Каменскій графъ Серг. Мих. III, 89, 105, 106; VII, 122.
Каменскій фельдм. I, 174.
Камеронъ II, 42; V, 24.
Кампенгаузенъ II, 29; III, 115, 116; VI, 64.
Кандалинцовъ III, 55.
Канкринусъ раввинъ VI, 60.
Канкринъ Ег. Фр. VI, 60, 61, 187; VII, 70, 127, 128.
Канкринъ Фр. Люд. VI, 60.
Каннингъ VI, 71.
Кантакузина княг. VI, 157.
Кантакузинъ Геор. Матв. VI, 157—159, 163.
Кантемиръ князь I, 161.
Кантъ V, 85.
Капланъ-Гирей K, 21.
Капнистъ В. В. II, 27; III, 146.
Каподистрія графъ Ив. Апт. V, 62—67, 72, 124; VI, 11, 69—71, 112, 128—130, 150, 180; VII, 34.
Карайкина III, 132.
Карамзина Ек. Андр. IV, 125.
Карамзинъ Н. М. I, 185, 187; II, 48, 53, 54, 56, 228; III, 82, 83, 126, 133—135, 138—143, 150, 152, 184; IV, 25, 86, 125, 139, 171; V, 36, 37, 40, 42, 45, 71, 114; VI, 9, 11, 19, 56, 192; VII, 100, 101, 133; K, 13.

Библиотека "Руниверс"

Каратыгина актр. II, 51, 52; V, 34.
Каратыгинъ акт. VI, 50; VII, 254.
Карауловъ Ал-ѣй Гавр. IV, 57, 93, 94, 97.
Карауловъ Пав. Петр. II, 110, 173.
Карбоньеръ V, 158, 199; VI, 40, 41.
Каріонъ-де-Низасъ V, 135.
Карлъ Великій V, 104, 145, 147.
Карлъ III-й V, 13, 14.
Карлъ IV-й V, 13.
Карлъ X-й VII, 81, 133.
Карлъ XII-й III, 19, 65; V, 78, 96; K, 21.
Карлъ XIII-й III, 51; VI, 31.
Кармазинъ VII, 67, 202.
Карнѣевъ II, 112, 120, 128.
Карнѣевъ Зах. Як. V, 176.
Каролина королева VI, 94.
Карташевская Над. Тимоѳ. VII, 249.
Карташевскій Гр. Ив. VII, 245 - 249.
Кастелли ген. II, 134.
Кастелли Н-й Ст. II, 202.
Кастелли Софья Вас. II, 134.
Катакази г-жа VI, 154.
Катакази К. Ан. VI, 104, 111—113, 116, 144, 155, 166, 173, 178, 189—193; VII, 15, 43, 46, 48—57, 66—73, 76, 83, 116.
Каталани г-жа I, 108; V, 145; VI, 53, 133.
Катаржи VI, 156; VII, 4, 8.
Катенинъ VI, 16.
Катенинъ П. А. III, 129, 148.
Каховская II, 132.
Каховскій графъ VII, 146.
Каховскій В. В. K, 36, 37.
Кацикъ VII, 61.
Качеповскій Мих. Троф. III, 141, 143.
Качони K, 49.
Качька Елисавета Гавр. II, 199.
Кашинцова VI, 159.
Кашкаровъ Никол. Степ. IV, 56, 91, 92.
Квадри VI, 48.
Кейзерлингъ K, 22.
Кекъ Степ. Андр. I, 211.
Кельцъ Христ. Ив. VII, 157.
Кемпенъ Акулина Бор. I, 180.
Кенсона I, 130.
Керлерб I, 131, 140.
Кеттлеръ Готардъ V, 79, 84.
Кешкулясы VI, 106.
Кикина Анна Дав. II, 129.
Кильдюшевскій П. П. II, 60.
Кинскіе IV, 30.
Кипріанъ архим. VI, 81.
Кирико́ г-жа VII, 185, 189, 191, 217.
Кирико́ Лука Гр. VII, 189.
Кириченко-Астромовъ I, 115.
Кирѣевская Надежда Александр. IV, 155; VII, 231.
Кирѣевскій VII, 230.
Киселева Софья Стан. VII, 191.
Киселевскій VI, 83.
Киселевъ Дм. Ив. VI, 114.
Киселевъ П. Д. VI, 110, 114, 116, 127.
Киселевы II, 83.
Кишенская IV, 47.
Кишенскій Никол. Ѳедор. IV, 46, 48, 89.
Клапротъ II, 118, 179, 182, 187.
Клейнмихели VI, 62.
Клементъ II, 120, 139, 142, 143, 158, 179, 182, 183.
Кленовъ VII, 186.
Климовскій V, 34; VI, 50.
Кноррингъ II, 229.
Кноррингъ генер. VII, 120.
Кнорингъ Богд. Ѳедор. III, 50, 51, 54.
Княжнинъ III, 69, 82, 124, 127; IV, 115.
Кобле Генріета Александр. II, 12; III, 114; IV, 52; VI, 88; VII, 120.
Кобургскій принцъ III, 121.
Ковалевъ И. Г. VI, 83.
Когари III, 49.
Кодинецъ Дм. Ѳеодор. VII, 156, 157.
Кожина Ек. Вас. IV, 41—33.
Кожинъ В. Ив. II, 69—71.
Кожины II, 71.
Кожухова А. П. VI, 80.
Кожуховъ А. Ст. VI, 79, 80; VII, 136, 229.
Козицкая IV, 90.
Козицкіе IV, 159.
Козицынъ Петръ Вас. IV, 57, 93—95, 97.
Козловскіе IV, 21.
Козловскій князь Петръ Бор. I, 175, 176, 184; II, 14, 15, 19.

Библиотека "Руниверс"

Козловскій тайн. сов. I, 198.
Козодавлева Анна Петр. III, 31, 32, 35—38.
Козодавлевъ V, 7, 198.
Козодавлевъ Ос. Петр. 30 39, 54, 77, 88, 112, 113, 154.
Козодавлевы IV, 24.
Коленкуръ III, 8, 48, 49. 52; V, 26.
Колесовъ V, 184.
Колинетъ Роза I, 155.
Коловраты IV, 30.
Кологривова Праск. Юр. IV. 69, 71. 123; VI, 30.
Кологривовъ Петръ Александр. IV, 71, 74.
Кологривовы IV, 99.
Колокольцова I, 218.
Колокольцова Алек. Богд. III, 27.
Колокольцова Елисав. Григ. III. 25, 26.
Колокольцовъ II, 197.
Колокольцовъ Анол. Никиф. III, 25, 26.
Колокольцовъ Дм. Анол. III. 27: IV. 56, 91, 96, 97.
Колокольцовъ Ѳ. М. IV, 140.
Колóмби V, 179.
Колонтаева дѣвица VII, 68.
Колосова III, 121; VI, 51.
Колтовская II, 150.
Колунчековы I, 206.
Колычовъ Ст. Ал-сѣев. I. 166, 188: II, 16.
Кокориновъ архит. II. 41.
Кокошкина II, 150.
Комаровскій гр. Евгр. Ѳедот. VII. 106.
Комбурлей Мих. Ив. IV. 49.
Коммаріе г-жа V, 117, 136.
Конде принцъ I, 96: II, 188: VII. 91.
Кондоиди III, 158.
Коновницына III, 115.
Коновницынъ графъ V, 64.
Коновницынъ П. П. IV, 179.
Константинова VI, 169.
Константинъ Николаевичъ в. кн. (его рожденіе), VII, 193.
Константинъ Павловичъ вел. кн. II. 45, 107, 219: III, 17, 19, 48, 101; IV. 49. 68, 138, 180; V, 10, 70. 111, 113; VI. 15, 79, 154: VII, 76, 79, 81. 84. 106, 141.
Константинъ Палеологъ IV, 21.
Констанъ Бенжаменъ IV, 161; V, 114; VI, 6.
Копіева Ал-дра Данил. IV, 12.
Копіева Над. Карп. III, 159.
Копіевъ Ал-дръ Данил. IV, 12, 13, 125, 148.
Копіевъ Ал-ѣй Данил. III, 159—163, 182.
Копіевъ Дан. Самойл. III. 159.
Корбе И. М. с. судья I, 63.
Корде Шарл. V, 17.
Корди VII, 160.
Кореневъ подполк. II, 199.
Корецкіе IV, 15.
Корибутъ Воронецкая княжна I, 83.
Корнилова А-ра Ефр. II, 166.
Корниловъ А-й Мих. губ. II, 164, 166, 187, 196.
Корнѣевъ II, 179, 182.
Корнѣевъ Ег. Вас. III, 75, 76.
Коробчиха купч. II, 66.
Коробьинъ Кіевскій губерн. I, 198.
Королькова Дарья Ив. I, 111, 113: II, 229.
Корфъ баронъ V, 51.
Коссаковскіе IV, 30.
Костровъ Ермилъ Ив. I, 114.
Котляревскій герой Кавк. VII, 166.
Котляревскій Петръ Степ. IV, 182.
Коттенъ г-жа IV, 13.
Коцебу V, 97.
Кочубей Марья Вас. V, 176: VII, 191.
Кочубей III, 11, 12, 16, 84, 87, 111; IV, 130.
Кочубей графъ В. П. II, 4, 5, 12, 61—64, 83, 103, 104, 206. 229, 230; V, 177, 198: VI. 10. 37, 63, 71, 73. 94, 147. 187, 189: VII, 39, 100, 104, 135, 143, 190: K, 30.
Кошелева О. Ѳ. I. 202.
Кошелевъ А-ъ Ив. I. 203.
Кошкарова Ольга Вас. III, 38.
Кошкаровъ Ив. Ѳедор. III, 37, 38.
Краснокутскій Григ. Ив. I, I, 64.
Красномилашевичъ Вас. Иван. I. 58.
Кребильонъ II, 33.
Крейдеманъ V. 74.
Крейцбергъ V, 76.

Библиотека "Руниверс"

Кривская ур. кн. Мещерская I, 14.
Кривская Марья Григ. III, 174.
Криницкій Н. Андр. VI, 96, 112; VII, 4, 6, 7, 22, 31,
Кристинъ Ферд. VI, 30—32; VII, 133, 232.
Крогеръ Петръ IV, 107, 108, 110.
Крогеръ Теофила Петр. IV, 108, 111, 113; VI, 58.
Кроль V, 39.
Круа герцогъ V, 78.
Крузенштернъ II, 105, 143.
Крупенскіе VII, 4, 12, 13, 15, 17, 18, 24, 50, 51, 74.
Крупенскій М. Е. VI, 104, 110, 141, 144, 166, 175, 177, 192.
Кручковъ V, 158, 200.
Крыжановскіе III, 32.
Крыжановская Марья Конст. III, 56.
Крыжановскій IV, 7—9, 15; VI, 36.
Крыжановскій Ал-дръ Ѳедор. III, 56, 57, 94—96.
Крыловъ И. А. I, 134—136; II, 51; III, 112, 118, 125, 130, 144, 152—154; IV, 81, 143—145, 164—172, 177; V, 7.
Крюднеръ баронесса V, 11; VII, 41.
Крюкова Над. Александр. V, 182.
Крюковскій III, 129.
Крюковъ Ал-дръ Сем. V, 181, 182.
Ксавье актеръ III, 120.
Куденговенъ графиня IV, 101.
Кулисичъ VII, 152, 154, 158, 206.
Кульневъ III, 51.
Кульчинская Юл. Мих. VI, 99; VII, 200—202, 215.
Куракина княгиня Нат. Ив. IV, 169.
Куракинъ князь II, 3, 8, 14—16, 19.
Куракинъ А. Б. князь I, 119, 181, 192—195, 222; II, 15, 63, 74; III, 16, 87, 88, 111, 112; V, 98.
Куракинъ князь А-й Бор. II, 8; III, 12, 13, 87, 88, 111, 112; IV, 169.
Куракины князья I, 175; II, 8; III, 12, 18, 30, 31, 39, 54, 55, 77; IV, 15, 130.
Курбатовы I, 163.
Куликъ П. В. VI, 104, 111, 116, 143, 191, 192, 195; VII, 6, 7, 19—22, 24, 26—28, 32, 57, 215, 216.
Курнанъ VI, 23, 24, 34.
Курута VI, 187; VII, 70, 83, 187.
Кусова Елис. Ник. IV, 160; VII, 135, 230, 231.
Кусовъ Ив. Вас. IV, 155, 156.
Кусовъ Никол. Ив. IV, 155, 156.
Кусовникова V, 172.
Кусовниковъ III, 55.
Кутайсовъ I, 153, 159, 180.
Кутайсовъ гр. А-ъ Ив. II, 236, 237; V, 24.
Кутанъ VI, 5.
Кутузова Ек. Ильин. III, 103.
Кутузовъ II, 221, 228.
Кутузовъ князь Мих. Лар. III, 101, 170, 171; IV, 39, 44, 54, 73, 75, 76, 84, 87, 101, 164, 180; VI, 68; VII, 122; К, 27.
Кутузовъ Пав. Ив. IV, 172.
Кюхельбекеръ V, 51.

*

Лабатъ-де Вивансъ I, 146; II, 32, VI, 35.
Лабатъ дѣвицы VI, 36.
Лабаты II, 37.
Лабзинъ Ал-дръ Ѳедор. III, 154 IV, 83.
Лабордъ I, 110, 111.
Лагардъ II, 33; III, 7.
Лагарпъ I, 80; II, 7, 14; III, 53, 183; IV, 139; V, 6.
Ладыжинская А-ра Ѳед. II, 78.
Ламановъ II, 76.
Ламанскіе III, 105.
Ламбаль принцесса III, 122.
Ламбертъ гр. II, 107, 158, 167, 171—173; IV, 178; V, 11, 23, 47.
Ламбровичъ Леонтій митр. VI, 150.
Ламоттъ II, 33; VII, 42.
Лампи I, 44.
Ланжеронъ графиня VI, 128, 129, 138.
Ланжеронъ графъ VI, 90, 96, 102, 128, 133, 135, 138, 151, 174, 185, 186, 189; VII, 81, 98, 171—174, 179—185, 192, 211, 217; К, 41, 42, 49, 52.
Лановъ VII, 81.
Ланской IV, 130.
Ланской В. С. VI, 64, 147; VII, 39, 87, 95, 100, 129, 181, 214.
Ланской Серг. Ст. V, 55.

Библиотека "Руниверс"

Ларошфуко IV, 35; V, 4.
Ларошъ III, 119.
Ласси К, 22.
Ласси-де генер. I, 120.
Латухинъ V, 167.
Лафайетъ V, 20.
Лафонтенъ V, 106.
Лафонъ г-жа II, 71.
Лебедева I, 25; III, 132.
Лебедева Елисав. Петр. III, 174, 175.
Лебедева Мавра Петр. III, 174.
Лебедевъ ген.-л. II, 164.
Лебедевъ Евгр. Алексѣев. III, 173;
Лебедевъ И. И. I, 14; III, 173.
Лебедевъ И. Кондр. I, 14; III, 173.
Лебедевъ Илья Петр. III, 174.
Лебедевъ П. И. I, 13; III, 173.
Лебланъ пѣвецъ III, 122.
Леванда протоіерей I, 65.
Левашова VI, 30.
Леве III, 124.
Левендаль К, 22.
Левинсонъ VII, 47, 53, 84, 85, 87, 88, 95, 98.
Левинъ Ѳ. И. IV, 92, 93, 94, 97, 89.
Левицкая V, 130.
Левицкій ген. I, 64.
Левшинъ А. Ир. VI, 91, 97, 135; VII, 56, 86, 97, 98, 104.
Левшинъ Дм. Ир. VII, 186.
Легранъ г-жа II, 200.
Легуве V, 111.
Ледрю г-жа VI, 73.
Лекень V, 34.
Лексъ Варв. Евт. VII, 187.
Лексъ М. И. VI, 96, 97, 99, 104, 123, 139, 166, 174, 179, 183, 189, 190; VII, 168, 169, 186, 187, 195.
Ле-Лорнь III, 6.
Леманъ Елисав. Христіан. III, 156.
Лемонте V, 118.
Леонтьева III, 97, 98.
Леонтьева Елис. Петр. II, 79—83; IV, 106; VI, 58, 76.
Леопольдовъ VII, 114.
Лепикъ V, 24.
Лермонтовъ VI, 4.
Леруа актриса I, 153.
Лерхе окул. VII 97.
Лехнеръ генер. VII, 186.
Либгардъ инженеръ-маіоръ I, 22.
Либошицъ врачъ V, 191.
Либштейнъ V, 128, 129.
Ливенъ графиня Д. Хр. VI, 71.
Ливенъ гр. Ш. К. I, 80, II, 11; III, 156.
Ливенъ графъ III, 13, 15; VI, 71, 95.
Ливенъ княг. Ш. К. I, 80; VII, 246.
Ливенъ князь Карлъ Андр. VII, 214, 247—250.
Лидерсъ VI, 158.
Лидерсы VI, 159; VII, 72.
Линденеръ I, 91.
Линденштейнъ II, 51; III, 124.
Липранди III, 63.
Липранди Ив. Петр. V, 120, 121; VI, 102, 107, 115, 117, 176; VII, 75, 82, 83.
Липранди П. П. VI, 103.
Лисянскій II, 105.
Литльтонъ г-жа V, 130—132.
Литта графъ VII, 120, 130.
Личъ Джонъ I, 132, 137, 142.
Лобановъ князь Дм. Ив. II, 232; III, 16; V, 34, 66; VI, 47; VII, 100, 115, 125, 126, 214, 249.
Лобановъ Мих. Евстаф. IV, 168.
Лобановы князья III, 12, 115.
Лобкова Ан. Ив. VII, 134.
Лобковичи IV, 30.
Лобо V, 89.
Логвиновъ И. А. VI, 176.
Лодеръ докт. III, 18; VII, 232.
Ложечникова I, 110.
Ломоносовъ М. В. III, 82; IV, 25; VI, 169.
Лонгиновъ Никан. М. VI, 92, 97; VII, 83, 86, 116, 148, 149, 167, 178, 205.
Лонгиновъ Никол. М. VI, 92, 174; VII, 116.
Ланчковскій протоіер. VII, 33.
Лопотевъ III, 164.
Лопухина III, 12.
Лопухина А. П. I, 108.
Лопухина Д. П. VI, 86.
Лопухина княжна I, 150.
Лопухинъ II, 63.
Лунинъ А-ъ Михаил.. VII, 149.

Библиотека "Руниверс"

Лопухинъ И. Вл. II, 215.
Лопухинъ князь III, 54, 79.
Лопухинъ кн. П. В. I, 119; II, 8; V, 56, 60, 121.
Лопухинъ князь П. П. V. 56.
Лопухины III, 12.
Лоранъ г-нъ I, 103.
Лоранъ г-жъ I, 100.
Лораны I, 103.
Лористонъ III, 8. IV, 40.
Лошкаревъ III, 76.
Лубяновская Ал-дра Як. V. 177.
Лубяновскій Петръ (протоіерей) V, 176.
Лубяновскій О. Петр. II. 25, 27, 29; III, 73; V. 157, 176—178; VI, 59, 7[illegible], 77, 78.
Луиза герцогиня V, 99.
Луиза королева (ей стихи) II. 177; V, 91, 92.
Лунинъ V, 56, 114.
Лупа герцогъ Гасконскій III, 6.
Лупандинъ VI, 45.
Лутовиновъ I, 108.
Львовъ I, 208, 218.
Львовъ Пав. Юр. III. 149
Львовы II, 56.
Лѣсовскій Ст. Ив. г. м. VII, 136.
Лѣсогоровъ танцоръ V, 33.
Любомирская княгиня VII, 185.
Любомирская княжна Клементина Ксав. IV, 107.
Любомирскій князь Ксав. IV, 107.
Людовикъ король Голандскій III, 90.
Людовикъ XI-й IV, 47.
Людовикъ XIV-й IV, 11; V, 105, 118, 130.
Людовикъ XV-й I, 105. V, 92, 125.
Людовикъ XVI-й V, 8, 20, 105, 128; VI, 5, 7.
Людовикъ XVIII й IV. 150; V. 4, 20, 80, 124, 135, 140; VI, 5, 8.
Людовикъ Святой V, 4.
Люилье V, 28; VII. 157.
Люстихъ V. 35.
Лютеръ IV. 82; V, 94, 97, 101.

*

Мавроени VI, 160.
Маврокордато Конст. VI, 113; VII 31.
Магіё IV, 50, 62.
Магіёръ IV. 113. 139, 140; V. 50.
Магницкій II, 25, 27, 59, 107; V, 43, 67; VI. 65; VII. 40.
Маджіорлетти пѣв. I, 156.
Мазепа IV. 30; К. 20.
Майковъ III. 82.
Макаровъ Мих. Никол. I, 176; III. 137. 138, 140, 143, 188.
Макаровъ Петръ Ив. III, 137.
Макдональдъ IV, 81.
Малевинскій VII, 64.
Маленина Ал-ра Вас. II, 89.
Маленинъ И. Андр. II. 89.
Малинелли пѣвецъ VII. 193.
Малиновскій А-ъ Ѳедор. I, 163. 167; II, 16; IV, 30.
Мальцекъ баронъ VI, 162.
Мальцовы V, 171.
Малютинъ полк. I, 91, 92.
Маматказина княг. II, 147.
Маматказины I, 206.
Мамлѣевы I, 206.
Мамоновъ графъ IV, 46, 59.
Мандини Павелъ пѣвецъ I. 156.
Маничаровъ Петръ Макар. V, 18, 19. 162, 167, 172, 190, 192; VI, 46, 71, 72.
Мансонъ г-жа V, 112.
Мансурова г-жа II, 202.
Мансуровъ Бор. Александр. II, 131, 134, 139, 140. 146, 202.
Мансыревы I. 206.
Манукъ-бей VII, 54.
Манюэль VI, 6.
Мара III, 122.
Маразли VI, 127.
Маратъ V, 17.
Марини VI. 94. 104. 124. 138; VII, 186.
Маринъ С. II. III. 129, 147, 172.
Марія Антуанета III. 122; V, 8, 125, 130.
Марія-Каролина королева III, 7.
Марія-Луиза эрцгерцогиня III. 88; V. 131.
Марія Николаевна вел. княжна VII, 216.
Марія Павловна вел. княгиня IV, 39; V, 80, 98, 99.

Библиотека "Руниверс"

Марія Ѳеодоровна имп. II, 18. 110; III. 12, 36. 92, 93. 176; IV, 68, 149, 176; V, 38, 45, 71, 98, 155; VI. 15; VII, 108, 131, 241, 242, 251.
Маркелова Елена Ив. VII, 95.
Маркетти III, 122.
Марковъ III, 131.
Марковъ гр. Арк. Ив. II, 107; VI. 31. 32.
Марлинскій VI, 57.
Маріонъ парикм. I, 146.
Марсъ актриса III, 119.
Мартинъ Павелъ VII, 201.
Мартынова Дарья Мих. V. 189.
Мартынова Елисав. Петр. IV. 119.
Мартынова Нат. Мих. V, 189.
Мартыновъ II, 171, 173.
Мартыновъ Анд. Еф. II. 115.
Мартыновъ Андр. Серг. II, 90; IV, 5, 7, 8, 57.
Мартыновъ Дм. Мих. IV, 119.
Мартыновъ Мих. Ильичъ I, 23; II, 98; IV, 55.
Мартыновъ Савва Мих. IV, 55, 56, 88.
Мартыновъ Ѳедоръ Мих. II. 98, 99; IV. 119; V, 189.
Мартыновы I, 13.
Марченко полк. I, 84.
Масальскій князь III, 22.
Массъ VI, 83.
Масюковы I, 198.
Матусковъ (въ Харьковѣ) VII. 137, 229.
Матюшкина графиня Анна Алексѣевна IV, 154.
Маусъ VI. 59.
Махмудъ султанъ VII, 76.
Машкова Елисав. Александр. IV, 76. 77.
Машкова Нат. Павл. IV, 79.
Машкова Ольга Александр. IV, 76.
Мегметъ-мурза-Крымтаевъ VII. 205, 213.
Мегюль III. 130.
Медоксъ I, 172.
Мезіеры VI, 52.
Мезонфоръ (де-да) маркизъ V. 119.
Мезонъ графъ К, 63, 64.
Мейеръ VI. 96.
Мекленбургская принц. VI. 31.
Меланхтонъ V, 94.
Мелиссино П. И. IV. 137.
Меллеръ-Закомельскій баронъ II. И. V, 64; VI, 59.
Мельвиль виконт. I. 131; II, 88.
Мельгунова Анна Никол. II, 132.
Мельгунова Ек. Алексѣевна IV, 180.
Мельгуновъ V, 171.
Меншиковъ князь А. С. I. 202; III. 15. 67; VII, 125, 211, 221, 238.
Мерзляковъ III, 135, 136, 153.
Мерзляковъ А-й Ѳед. II, 54.
Мерлина Ал-дра V, 177.
Мерлинъ Як. Данил. V, 178.
Мессъ пѣвецъ III, 122.
Местръ графъ Іосифъ II, 227; IV. 161.
Местръ графъ Ксаверій II, 227.
Метлеркамфъ VI, 184.
Меттернихъ VI, 18.
Мехмедъ-Али К, 50.
Меццофанти VI, 130.
Мещерская княгиня Ек. Ив. V. 99.
Мещерская княжна I, 14.
Мещерскій князь II. С. V, 65.
Миклашевскій I, 208.
Милашевичъ I, 74.
Миленинъ III. 96.
Миллеръ IV, 27.
Миллеръ метрдотель IV, 181.
Мило VI, 116.
Милоновъ III. 150, 153.
Милорадовичъ III. 41; IV, 87.
Милорадовичъ графъ М. А. (его управленіе въ Петербургѣ). V, 122, 154, 201. 202; VI. 10, 39, 51, 52, 55, 126; VII, 40, 108, 110.
Минарскій VII, 155, 162, 167, 179, 196.
Минихъ гр. К. 21. 22.
Мирабо VII, 13.
Мировичъ VII, 104.
Мистивой князь V. 87.
Митусовъ Гр. Петр. VII. 115.
Михаилъ арх. черн. VI, 37.
Михаилъ Павловичъ вел. князь VI. 15. 16. 122; VII. 102, 123, 153. 216.
Михаилъ Палеологъ царь К. 16.
Михаилъ князь Тверской К, 16.
Михаилъ Ѳеодоровичъ царь V, 173; К, 19.

Библиотека "Руниверс"

Михайловъ II, 112.
Михайловъ Андр. Алексѣев. V, 25, 31.
Михайловъ контръ-адмир. VII, 63.
Михельсонъ III, 88.
Михневичъ VI, 143.
Моберли VI, 127.
Модерахъ Карлъ Ѳедор. II, 145—148, 151, 196, 201.
Модюи Ант. V, 25, 27, 29; VI, 50.
Моисей архіерей V, 188.
Мойеръ Марья Андр. V, 76, 77.
Моле Іаковъ V, 53.
Моллеръ адмир. VII, 125.
Моллеръ Ант. Вас. VI, 60.
Молоствовы Порфирій и Христофоръ Львовичи II, 131.
Молчановъ VII, 111, 112, 114.
Молчановъ Петръ Степ. III, 12; IV, 130, 131, 179.
Монари VI, 133.
Монастырскій VII, 79.
Монготье III, 121; VI, 52.
Монморанси V, 4.
Монпансье герцогиня V, 8.
Монруа VI, 51.
Монтеверде VI, 99.
Монтескіу-Фезенсакъ III, 6, 7.
Монферранъ I, 127; III, 178; V, 28, 30—33, 177; VI, 47, 48.
Монфоконъ II, 32.
Мордвинова Вѣра Никол. IV, 96.
Мордвинова Генр. Алекс. IV, 52.
Мордвиновъ VI, 99, 100; K, 29.
Мордвиновъ Н. С. I, 180; II, 11—14; III, 79, 152; IV, 51—53, 62, 63, 105.
Морелли де Розетти II, 37.
Морель V, 79.
Моренгеймъ баронъ V, 179, 195.
Морино г-нъ I, 103.
Моро III, 52; IV, 102.
Морозовъ VI, 41.
Морикони пѣв. VII, 192.
Москотиньевъ предс. палаты I, 62.
Мотерби V, 84.
Мошинскій II, 119.
Мошковская I, 199.
Мстиславскій князь IV, 16.
Мстиславъ Владимировичъ K, 12, 13.
Муравьева Ек. Ѳ. IV, 139, 141; V, 50.
Муравьевъ-Апостолъ Ив. Матв. V, 14; K, 9.
Муравьевы-Апостолы V, 56.
Муравьевъ И. М. VI, 14.
Муравьевъ М. Никит. II, 13; IV, 139; VI, 44; VII, 82.
Муравьевъ Никита Мих. IV, 140; V, 50, VI, 56.
Муравьевъ Н. Н. III, 140.
Муравьевъ Серг. Ив. VI, 14, 17, VII, 82.
Муравьевы VI, 14.
Муратовъ I, 203.
Муратовъ Вас. Гавр. VII, 138, 139.
Мурузи VI, 113, 130.
Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ графъ Вас. Валентин. III, 132; V, 56.
Мусинъ-Пушкинъ М. Никол. II, 202.
Мутъ Христіанъ Ив. I, 37, 39, 41, 42, 95, 129; V, 95; VII, 39, 130.
Мыльниковъ куп. II, 158.
Мыльниковы II, 165.
Мюльгаузенъ Ѳедоръ Карл. VII, 149.
Мюратъ IV, 73.
Мятлева Праск. Ив. I, 170, 183, 185; IV, 157, 158; VII, 236.
Мятлевъ Петръ Вас. IV, 157.

*

Навроцкій С. Ѳ. VI, 162, 163.
Наполеонъ 1-й I, 188; II, 33, 38, 60, 219—222, 224, 232, 234; III, 4—8, 10, 16—21, 40—52, 57—60, 68, 71, 74, 88—90, 111, 112, 120, 123, 125, 128, 184; IV, 8, 34—49, 53—56, 64, 65, 72—87, 91, 95, 101, 102, 112—115, 126, 127, 133—136, 149—151, 160—164, 183, 184; V. 4, 6, 7, 9, 10, 14, 19, 20, 26, 35, 38, 50, 62, 66, 85, 88, 93, 95, 100, 126, 127, 131, 133, 135, 137, 138, 140, 150, 175, 176; VI, 5, 7, 8, 12, 53, 62, 63, 66; VII, 92, 118; K, 38.
Нартовъ Андр. Андр. III, 151.
Нарышкина I, 50.
Нарышкина Анна Никитишна III, 10.
Нарышкина Ек. Льв. II, 104.
Нарышкина Марья Алексѣевна II, 104; V, 10, 54; VI, 124, 188.

Библиотека "Руниверс"

Нарышкина Марья Антон. IV, 10, 69, 137—139.
Нарышкина Нат. Ѳ. VII, 148.
Нарышкина Ольга Степ. VI, 188; VII, 184, 191, 192, 195, 217.
Нарышкинъ II, 158, 173.
Нарышкинъ А-ъ Льв. I, 146; II, 48, 49, 92, 104, 208; III, 10, 11, 74, 126, 129, 147, 155; V, 35.
Нарышкинъ Дм. Вас. VII, 70, 148, 149, 178.
Нарышкинъ Дм. Льв. IV, 10, 69, 137—139; V, 54, 140.
Нарышкинъ Л. Ал. II, 92, 106, 109, 110; V, 111, VI, 125; VII, 192, 206, 213.
Нарышкинъ Петръ Александр. V, 183.
Нарышкины II, 76, 92, 175; IV, 138; V, 103, 188.
Нассау-Зигенъ принцъ V, 145.
Наталья Алексѣевна великая княгиня V, 92, 99.
Негри VI, 112.
Нейгофъ Ѳедоръ К, 44.
Нейшичъ IV, 12.
Нелединскій-Мелецкій Юр. Ал. V, 42.
Нелидова Ек. Ив. III, 12.
Нелидовъ кам.-юнк. II, 139, 142, 143, 146, 156—158, 160, 173, 182.
Нелидовъ Арк. Ив. II, 109, 110, 128.
Нелюбова Софья Вас. II, 134.
Нелюбовъ Вас. Вас. II, 134.
Нессельроде графиня М. Д. V, 62.
Нессельроде графъ IV, 114, 133, 134.
Нессельроде графъ К. В. V, 60—62, 64, 66, 103; VI, 71, 172; VII, 98, 156, 169, 173, 209; К, 42, 43.
Нессельроде-Эресговенъ графъ Вильг. V, 61.
Нефедьевъ III, 29.
Нечаевъ Анд. Анд. II, 131, 139.
Никитинъ Алекс. I, 40.
Николай I-й III, 179; IV, 183; V, 69, 70, 155; VI, 42; VII, 79—81, 87, 91, 97, 99, 100—106, 108, 109, 111—113, 117, 119, 122, 123, 126, 127, 131, 212, 214—217, 227, 238, 241, 243, 245—251.
Николь аббатъ I, 69, 139; II. 75, 110, V, 48; VI, 23; VII, 108.
Нилусъ генер. I, 41, 53, 61, 201.
Нильсенъ VII, 177.
Ноальи V, 4.
Новикова Дарья Мих. (инокиня Дороѳея) V, 189, 192,
Новиковъ Н-й Ив. II, 215; III, 133, 154; VI, 150.
Новосильцова Кат. Александр. II, 36.
Новосильцовъ II, 217; III, 16, 84, 117; IV, 170.
Новосильцовъ Ник. Ник. II, 6, 12.
Новосильцовъ П. И. I, 26; II, 36.
Новосильцовы I, 13.
Ногай К, 16.
Ноденъ Никол. Як. V, 29, 30, 73, 153, 154; VI, 24, 66.

*

Оболонская I, 59.
Оболонскій Дем. Дем. I, 59.
Обольяниновъ Петръ Хрис. I, 180; II, 8.
Обрѣзкова Пр. В. I, 12, 52.
Обрѣзковъ Мих. Алексѣев. II, 95.
Огарева Ал-дра Богд. III, 27.
Огарева Варв. Ив. II, 233.
Огаревъ Бог. Ильичъ I, 26; II, 34, 233; III, 27.
Огаревъ Ив. Ил. II, 233.
Огаревъ Плат. Богд. II, 34; IV, 118.
Огаревы II, 34.
Огюстъ I, 156; V, 24; VI, 185.
Оде-де-Сіонъ V, 54, 55.
Одинцовы IV, 20.
Одоевская княг. I, 107.
Одоевскій кн. Петръ Ив. I, 104—107.
Одоевскіе IV, 21.
Оже Ипполитъ V, 113, 114, 135.
Озеровъ Владисл. Александр. III, 127, 128.
Озеровъ Сем. Никол. III, 77, 91, 101, 104.
Оксенштіернъ III, 65.
Олегъ Святославичъ кн. К, 13.
Оленина Елисав. Марк. IV, 143—145, 168, 177.
Олениныъ Ал-ѣй Никол. III, 153; IV, 142, 144, 168, 177; V, 52.

Библиотека "Руниверс"

Олизаръ гр. I, 84.
Олисовъ Гавр. II, 125.
Оловянникова VI, 73.
Олсуфьева Марья Адам. II, 109;
Олсуфьевъ III, 158.
Олсуфьевъ Серг. Адам. IV, 118.
Ольга Павловна в. княжна VII, 89.
Ольденбургскій принцъ III, 171; VI, 43.
Опочинина А-ра Ѳ. I, 218; II, 78.
Опочининъ III, 100, 101, 103, 104.
Опочининъ Петръ Мих. II, 77.
Опперманъ VI, 42.
Оранскій принцъ IV, 184; V, 102.
Орлеанскій герцогъ V, 5, 135.
Орлова гр. Анна Ив. I, 157.
Орлова-Денисова Ек. В. VI, 78.
Орлова-Чесменская граф. VI, 65.
Орловъ М. Ѳ. V, 51, 52, VI, 55, 115, 116, 170; VII, 183.
Орловъ графъ Ал-ѣй Гр. V, 48, 49; VII, 159; K, 23, 28.
Орловъ графъ Вл. Гр. I, 182.
Орловъ графъ Мих. Гр. V, 48, 49.
Орловъ графъ Ѳедоръ Григ. V, 48.
Орловъ-Денисовъ гр. K, 64.
Орловъ-Чесменскій графъ II, 223.
Орловъ князь I, 22, 25.
Орловъ князь Ал-ѣй Ѳедор. V, 49.
Орловъ князь Гр. Гр. V, 48.
Осиповъ II, 112, 128, 145.
Остафьевъ А. Ф. VI, 156, 193.
Остерманъ гр. И. А. I, 174; III, 74; IV, 45; K, 21.
Оттонъ VI, 91, 102, 122.
Офренъ актеръ I, 154.
Офросимова Наст. Дм. IV, 38.
Охлебининъ Сем. Авдѣев. I, 214.
Охотниковъ VI, 115.
Ошанинъ игрокъ I, 214; VII, 233.

*

Павелъ I-й I, 21, 89—92, 97, 102, 107, 113, 119, 121, 122, 125, 130, 138, 141, 153, 162, 168, 169, 176, 177, 179—181, 190, 193, 194, 208, 215; II, 7, 11, 13, 17, 18, 28, 37, 40, 43, 53, 130; III, 4, 9, 12, 14, 15, 22, 23, 26, 54, 55, 59, 67, 81, 82, 86, 102, 117, 133, 134, 156, 160, 177, 180, 181; IV, 23, 36, 71, 170, 179, 180; V, 24, 35, 61, 62, 66, 79, 92, 163, 164, 175; VI, 101; VII, 143, 169, 202.
Павлинъ іеромон. VI, 81.
Павловы I, 13,
Пагани VI, 159.
Паленъ графъ Петръ Алекс. I, 176, 180, 181; II; 8; III, 78, 123, 160; VII, 111, 169.
Паленъ графъ П. П. VI, 78, 79.
Паленъ графъ Ѳ Петр. VII, 153, 169—173, 175, 179—192, 195, 196, 209, 217.
Пали IV, 24.
Палладіе II, 4.
Палласъ г-жа VII, 206.
Пальчевскій VII, 97.
Панина граф. Соф. Влад. I, 182.
Панинъ гр. Ник. Ив. I, 193.
Панинъ графъ П. И. K, 23.
Панкратьевъ I, 208.
Панснеръ проф. II, 118.
Панчулидзе Давыдъ III, 28.
Панчулидзева Анна Дав. II, 129.
Панчулидзева А. И. VI, 76.
Панчулидзевъ K, 35.
Панчулидзевъ Ал-ѣй Давыд. III, 28—31.
Панчулидзевъ Сем. Давыд. III, 97.
Папковъ K, 32.
Паравичини графъ VII, 59, 60, 68.
Паскевичъ гр. Ив. Ѳ. VII, 118, 119, 160, 252.
Пассеки Вас. Вас. III, 198; VII, 94.
Пассекъ Петръ Богд. III, 59.
Пасхали Ант. Павл. VII, 158, 173.
Паулуччи маркизъ V, 79.
Пашкова IV, 90.
Перевощиковъ V, 31, 154.
Перекусихина М. Сав. II, 36; III, 117.
Пересѣкинъ VII, 104.
Перетцъ III, 12.
Пермяковъ II, 149.
Перовскіе III 84.
Перовскій II, 161. 173, 174.
Перовскій Вас. Ал. VII, 208, 209, 211.
Перовскій Л. А. II, 188.
Перовскій II-й Ив. II, 111, 120; VII, 134.
Перро V, 25.
Перуцци пѣвецъ VII, 134.

Библиотека "Руниверс"

Пестель Ив. Бор. II, 195.
Пестель Пав. Ив. V, 67; VII, 102.
Петерсонъ III, 94
Петрово-Соловово Θед. Нпк. I, 202.
Петрулинъ В. В. VI, 110, 139, 149, 176, 189, 192; VII, 60, 65, 67, 70, 202.
Петръ I-й I, 80; II, 7, 31, 150, 181; III, 66, 78, 114, 179; IV, 13, 16, 22, 25, 27—32, 68, 82, 90, 184; V, 13, 46, 103, 168; VI, 107; VII, 228; К, 19—21, 24, 30.
Петръ II-й IV, 23; V, 8.
Петръ III-й I, 9, 20, 21, 75, 90, 93; II, 7; IV, 29.
Пещуровъ Никита Иван. I, 146, 147; III, 98, 99.
Пикулинъ Лука Егор. V, 144—153; VI, 61, 62.
Пилецкій Мартынъ VI, 36.
Пинетти К, 43.
Пинкертонъ IV, 83; VII, 177.
Писемскій Петръ Як. V, 171.
Питонъ VII, 230, 231.
Питтъ VII, 214.
Пиччини III, 121.
Піонъ IV, 113, 115.
Плавальщиковъ акт. I, 172.
Плагіано VI, 113.
Платовъ IV, 45, 87; V, 122.
Плещеева Анна Ив. V, 44, 45.
Плещеевъ А. А. V, 44, 45.
Плуталовъ Григ. Вас. V, 163.
Побѣдоносцевъ В. П. III, 143.
Повало-Швейковская IV, 63.
Повало-Швыйковскій Кіевскій ген.-губ. I, 199.
Подгурскій VI, 143.
Пожарскій князь IV, 16, 22.
Позняковъ III, 188.
Познякъ II, 27.
Покровскій Гав. Сем. II, 59.
Полевой II, 165, 186, 187.
Полетика П. И. V, 37, 38, 40, 72—74, 127; VII, 104.
Поликарпова Елис. Павл VII, 122.
Поликарповъ А-ъ А-др. VII, 244.
Политковскій III, 107.
Политковскій Гавр. Герас. V, 171.
Полихронія VI, 152, 154.
Полтева А-ра Ник. I, 104.
Полторацкій Конст. Марк. II, 189; IV, 145.
Полторацкій Маркъ Θедор. IV, 145.
Полторацкій Θ. Марк. VII, 136, 229.
Поль-фонъ VII, 250, 251.
Полуектова Л. VI, 29.
Померанцевъ акт. I, 172.
Понинскіе гр. I, 83.
Пономаревъ акт. II, 53.
Понятовскій Стан. I, 83, 113.
Понятовскій князь Іосифъ V, 96.
Поповъ VI, 36, 65.
Поповъ В. М. V, 65.
Поповъ Вас. Ст. I, 32; III, 56, 57, 95; VII, 228.
Поповъ Гавр. Степ. III, 34.
Поповъ Ив. Дм. V, 163, 164.
Портицкій VII, 64.
Посполитаки VII, 160.
Потаповъ II, 112.
Потемкина III, 103.
Потемкинъ графъ Серг. Павл. III. 129, 148.
Потемкинъ князь Гр. Ал. I, 29—33, 43, 44, 119, 124, 139, 219; III, 56, 59, 86, 159, 170; IV, 11, 169; VI, 101, 109, 125, 144, 165; VII, 143, 178, 202, 218, 219; К, 25, 27, 29.
Потемкинъ Як. Ал. VI, 13, 16, 34.
Потò танцм. I, 52, 53, 61; II; 50; V, 24.
Потоцкая гр. Констанція II, 117.
Потоцкая граф. О. Ст. VI, 114, 124, 126, 127, 134, 136, 138.
Потоцкая гр. Софья VII, 200.
Потоцкіе гр. IV, 30; VI, 132, 137; VII, 89, 90, 185, 191.
Потоцкій Ал. VI, 188.
Потоцкій графъ Ив. Осип. II, 116, 118, 119, 128; VI, 125, 137.
Потоцкій графъ Сев. Осип. II, 116; VI, 137; VII, 183.
Потоцкій графъ Ст.-Фел. VI, 125.
Потоцкій гр. Феликсъ II, 117.
Потье V, 19, 20; VI, 53, 138, 146; К, 54.
Поццо-ди-Борго III, 184; V, 126, 127.

Библиотека "Руниверс"

Пражевская Татьяна Еким. I, 63.
Пражевской Прокоф. Ѳедор. I, 63.
Прево-де-Люміанъ Ив. Ив. V, 54, 55.
Прелеста VI, 59.
Приклонскій IV, 179.
Прованскій графъ V, 4.
Прозоровская княжна IV, 24.
Прозоровскій VI, 176.
Прозоровскій А. А. II, 223.
Прозоровскій кн. III, 58, 88, 170; IV, 10, 106.
Прокопій V, 97.
Прокоповичъ Ѳеофанъ IV, 82.
Прони V, 118.
Протасова Анна Степ. IV, 36.
Протасова Ек. Аѳ. V, 43, 76.
Протасовы V, 76.
Прудниковъ V, 30.
Прункулъ IV, 28.
Прункулъ И. К. VI, 111, 143, 157; VII, 8, 9, 12, 13, 20, 32.
Пугачевъ III, 163.
Пукалова В. П. IV, 131.
Пукаловъ Ив. Ант. IV, 131.
Пупертова I, 82.
Пушкина Ел. Гр. VI, 30.
Пушкинъ Ал. Мих. VI, 29.
Пушкинъ А. С. III, 181; IV, 86, 99, 137, 165; V, 51, 82; VI, 9—11, 19, 55, 97, 98, 116, 119—124, 132, 150, 153, 169, 171—174; VII, 111, 112, 114, 134, 135.
Пушкинъ Ал-ѣй Мих. IV, 125.
Пушкинъ Вас. Льв. I, 187, 188; II, 70; III, 136, 181; IV, 125; V, 36, 40—42, 45, 108, 111.
Пущина VII, 192.
Пущинъ П. С. VI, 115, 116; VII, 183.
Пшеничный Григ. Григ. III, 18.
Пѣвцова Софья Карл. II, 146, 147, 198, 200, 201.
Пѣвцовъ Ат. Степ. II, 146, 151, 198.

*

Рагоцкій VI, 108.
Рагузинскій Сав. Влад. II, 105.
Радичъ Л. И. VI, 103, 104, 105, 116, 191; VII, 44, 76, 82, 83.
Радуканъ боярь VII, 65.
Радюльфъ IV, 50, 62, 113.
Раевская Ел. Н. VI, 85, 115.
Раевскій А. VI, 115, 116, 169, 171, 172, 188.
Раевскій Н. H.IV, 87; VI, 83, 169, 170.
Разумовская графиня IV, 170; V, 176.
Разумовскіе I, 59; IV, 134.
Разумовскій гр. Ал-ѣй Григ. IV, 153.
Разумовскій гр. А. К. II. 111; III, 83, 84; IV, 170.
Разумовскій графъ Григ. Кир. III, 83.
Разумовскій гр. К. Г. I, 82; III, 83; IV, 153.
Разумовскіе графы III, 67, 152; V, 64, 65.
Рале-Самфиракн VI, 184; VII, 12, 13.
Рамазановъ V, 33; VI, 50.
Рандъ Ѳ. Як. V, 157, 158, 162, 166, 167, 172, 178, 179, 190—192, 199—202; VI, 27, 38—41, 43, 45, 46, 49, 66, 67; VII, 97.
Ранцовъ И. Ром. II, 58.
Ранцовы II, 58; IV, 6, 59.
Растиньякъ II, 33; III, 7.
Раупахъ V, 6.
Раутенштернъ II, 86, 87.
Раухъ V, 91.
Рахманова актр. II, 53, 98; V, 33.
Ребровъ шелков. VII, 223.
Редедя князь К, 12.
Резимонъ V, 20.
Рейфъ, V162, 166, 167, 172.
Рейхардтъ V, 57.
Ренне VI, 176, 181.
Ренò VI, 89, 91, 101, 119, 127, 168; VII, 70; К, 36.
Репнинъ князь Н. Гр. V, 176, VI, 150; VII, 228.
Ржевуская граф. Розалія VII, 184, 185.
Ржевускій гр. I, 84.
Ребиндеръ Бор. Борис. IV, 148.
Ребиндеръ Бор. Владим. IV, 147, 148.
Ребиндеръ графъ III, 186.
Ребиндеры I, 7.
Редовскій проф. II, 118.
Реймерсъ II, 67.
Реманъ II, 116, 121, 158.
Рёмеръ Никол. Ѳедор. III, 34.
Репнинская Ел. Вас. II, 134.

Библиотека "Руниверс"

Репнинъ князь II, 5; IV, 117.
Ржевскіе IV, 21.
Рибасъ VI, 186; К, 28, 29.
Рибопьеръ гр. Ал-дръ И. III, 102; IV, 116, 130, 178.
Рибопьеръ И. С. III, 101—105, 109.
Ризничъ Ив. VI, 127; VII, 47, 185.
Римскій-Корсаковъ Андр. Петр. III, 33.
Римскій-Корсаковъ Петръ Воин. III, 33.
Рингъ III, 158.
Ритшль еписк. VII, 250.
Ришаръ III, 59.
Ришелье герцогъ VI, 5, 89, 90, 110, 132, 134, 135, 174, 181, 186; VII, 160, 210; К, 31, 32, 34—39, 41, 57.
Ріуффъ-де-Торанъ баронъ VI, 182; VII, 48, 49.
Робеспьеръ V, 20; VI, 5.
Роганъ V, 4.
Роде III, 38.
Родзянко Мих. Петр. VII, 167.
Родіоновъ Илья III, 165.
Розенбергъ ген. I, 96, 101; II, 63.
Розенбергъ часовщ. II, 136, 201.
Розенкранцъ II, 35.
Розенъ баронъ Гр. Вл. VI, 34.
Розены I, 8.
Рокасовскій Ал-ѣй Ив. V, 181.
Рокасовскій Платонъ Ив. V, 181.
Рокуръ VI, 99, 100.
Роланъ г-жа IV, 135.
Ролленъ-де-Бельвилль I, 129, 140, 218, 219.
Романовскій II, 203.
Романіусъ генер.-поруч. I, 28.
Романъ Святославичъ кн. К, 13.
Ромодановскій князь I, 202, 203.
Россетъ Алеко VII, 50.
Россетъ Разнованъ VII, 50, 51, 115—117, 120.
Россеты IV, 28; VII, 4, 23, 51.
Росси актриса V, 24.
Росси живоп. VII, 27.
Росси Карлъ Ив. V, 24, 25, 27.
Ростиславъ Владимировичъ кн. К, 12, 13.
Ростопчина граф. Н. Ѳ. VI, 148.
Ростопчинъ Вас. Ѳедор. IV, 36.
Ростопчинъ графъ С. Ѳ. V, 54.
Ростопчинъ графъ Ѳ. В. I, 150—152, 158, 176; IV, 35—38, 44, 45, 61, 91, 134; V, 54, 124—127; VII, 138.
Росцишевская I, 82.
Ротшильдъ VII, 225.
Ротшильды V, 103.
Ротъ Логинъ Осип. VII, 90, 91, 187.
Ртищевъ Н. Ѳ. IV, 182.
Рубо VII, 224.
Рубцовъ Никандръ Самойл. III, 105.
Рувье дѣвица VI, 138.
Рудневъ V, 187.
Румянцовъ В. И. VI, 100.
Румянцовъ графъ Н. П. I, 76, 192; II, 12, 63, 175; III, 10, 11, 40, 64, 73, 78, 79, 87, 89, 90; IV, 133; V, 159, 160.
Румянцовъ гр. П. А. I, 72, 75, 77, 78; II, 13; III, 170; IV, 70; V, 61—64; К, 23, 24, 27, 30
Румянцовъ гр. С. П. I, 76.
Руничъ I, 208; VI, 65; VII, 41.
Руновскій I, 208.
Русановъ IV, 73; V, 140; VII, 86.
Руско V, 24.
Руссель II, 125.
Руссо Жанъ-Жакъ III, 59, 60.
Руссовъ VII, 8,
Рылѣевъ К. Ѳ. VI, 57; VII, 102.
Рышкано VII, 4, 12.
Рыщевская графиня IV, 49, 51, 62, 68, 72, 76, 99—101, 113.
Рювиль I, 54, 55.
Рѣдькинъ И. О. VI, 160; VII, 66, 68, 69, 71.
Рябининъ Андр. Мих. IV, 67.
Рязановъ II, 105, 143.

*

Сабанѣевъ И. В. VI, 103, 116, 136, 190, 191; VII, 45, 75, 76.
Саблуковъ А-ндръ Александр. V, 158, 162, 167, 168, 172, 199.
Сабурова Анна Вас. I, 106.
Сабурова Елисав. Петр. IV, 119.
Сабуровы I, 13.
Савари III, 5, 7, 8, 52.
Савковъ Ив. Кирил. II, 200.
Сагинъ-Гирей К, 23, 25.

Библиотека "Руниверс"

Сакенъ IV, 114; VI, 34.
Сальватори IV, 35.
Салли V, 54,
Салтыкова гр. Д. П. I, 99—101, 158, 159, 183, 184; II, 64, 207.
Салтыкова графиня Праск. Ник. III, 86.
Салтыковъ Ал-дръ Вас. IV, 46.
Салтыковъ князь А. П. II, 209; III, 11; IV, 133; V, 42.
Салтыковъ гр. Ив. II. I, 78, 82, 93—96, 99, 100, 111, 103, 117, 118, 138; II, 65, 124.
Салтыковъ Мих. Александр. III, 59, 60; V, 42.
Салтыковъ кн. Н-й Ив. II, 11; IV, 130, 131, 133, 157, 180; III, 11.
Салтыковъ гр. П. С. I, 182.
Салтыковъ гр. С. А. I, 182.
Салтыковъ Серг. Вас. III, 85, 89, 90.
Салтыковы князья I, 118, 151, 157, 157, 158, 168, 170, 174, 177, 184, 220; II, 218; IV, 46, 98; V, 60, 88, 130.
Самбурскій IV, 179.
Самойлова Елена Александр. VII, 139.
Самойловъ III, 131; VI, 50.
Саморъ князь V, 87.
Самуилъ Кіевскій митроп. I, 64.
Сандерсъ Марина Игн. VII, 62, 63.
Сандерсъ Ольга Ѳеодор. VII, 63.
Сандерсъ Оед. Ив. I, 11, 12.
Сандулаки Ѳеодосіу VII, 13, 62.
Сандунова V, 34.
Сандуновъ акт. I, 171.
Сандуновы I, 171.
Сангленъ (де) Яковъ III, 115.
Саражиновичъ II. Г. VI, 96.
Сафоновъ Ст. Вас. VII, 82, 83, 97, 171, 186.
Сахарова актр. I, 172.
Сахновская Татьяна Еким. I, 63.
Сванъ квакеръ II, 186.
Сведенборгъ V, 176.
Свиньинъ Пав. Петр. К, 14, 15.
Свѣчинъ Ал-й Ив. VII, 143, 145, 210.
Святославъ в. кн. К. 12.
Святославъ Ярославовичъ кн. К, 13
Себастіани III, 170.
Севастьяновъ V, 20.
Северинъ Д. П. V, 39, 40, 42, 145.
Северинъ П. И. V, 39, 40.
Сеидъ V, 97.
Селеховъ VI, 96.
Селимъ-Гирей К, 24.
Селифонтова А-ра Еф. II, 187.
Селифонтовъ Ив. Осип. II, 164—166, 187, 195.
Семенова Нимфодора III, 132; IV, 166; V, 34; VI, 50; VII, 254.
Семеновъ I, 10; II, 171, 173, 177, 182.
Семишинъ полк. VII, 94.
Сенваль III, 122, 123.
Сенноверъ Ст. Игн. V, 17, 18, 119; VI, 24.
Сенноверъ Стефанія V, 18.
Сенъ-Жюстъ VI, 5.
Сенъ-При II, 33; К, 24.
Сенъ-Феликсъ VI, 53.
Синявинъ адмир. III, 52.
Серафимъ митр. VI, 37, 65.
Сердобинъ II, 15.
Серебряковъ Дм. Сем. II, 57, 59; V, 157, 178, 200.
Серра-Капріола дюкъ II, 35.
Сеславинъ IV, 75.
Сесси VII, 53.
Сестренцевичъ IV, 83.
Сибилева дѣвица I, 113.
Сибиряковы II, 165.
Сиверсъ графъ V, 16.
Сигаревичъ протоіер. I, 41.
Сигизмундъ Августъ V, 84,
Сигнеусъ епис. VII, 250.
Сизовъ куп. II, 182.
Сикстъ V-й IV, 7.
Симашко Іосифъ VII, 245, 246.
Симбухинъ Андр. Петр. I, 24.
Синельниковъ Ал-ъ Никит. VII, 153. 155, 157, 158, 164, 170, 175, 179, 207, 211, 212; К, 46.
Синявская актр. I, 172.
Синявинъ И. Г. VI, 121, 124, 188; VII, 187.
Сипягинъ Никол. Мартемьян. V, 170.
Сиракъ VI, 89, 127.
Сіесъ II, 220; V, 50.
Скавронскіе графы VI, 78.

Библиотека "Руниверс"

Скавронскій графъ Пав. Март. III, 85,86.
Скарронъ V, 17.
Скасси VII, 98, 156—160, 163, 171, 173, 179, 181, 207—212, 217; К. 35, 37—43, 45, 46, 49, 51, 52, 55, 57, 59, 65, 67.
Скина VI, 113.
Скляренко Вл. Моис. VI, 142, 143, 166, 173, 175.
Скоробогатовъ VI, 166.
Скрипкинъ штыкъ-юнкеръ I, 41.
Скуратовъ Малюта I, 92.
Скюдери врачъ IV, 67.
Славичъ VI, 165.
Словцовъ II, 26.
Смирновъ Владимиръ Савичъ V, 182, 194.
Смирновъ Никол. Вас. I, 218, 219.
Смирновы V, 130, 132; VI. 154.
Смиттенъ г-жа III, 80.
Сабаньская Карол. Адам. VII, 184, 185, 189, 190, 191, 217.
Соболевскій Серг. Александр. VII, 134.
Собѣсскій Іоаннъ I, 86.
Соймоновъ Ал-ъ Никол. VII, 134.
Соковнина Софья Вас. I, 52.
Соколовскій I, 162.
Соколовъ лакей I, 55.
Соколовъ V, 66.
Солнцова Анна Матв. IV, 99.
Солнцевъ Матв. Мих. IV, 99.
Сологубъ гр. Ек. Ив. II, 76; IV, 11.
Сологубъ гр. Наталья Льв. II, 76.
Сологубъ граф. VI, 157.
Сосницкій V, 33, VI, 50; VII, 254.
Сосновскій II, 35.
Софія Алексѣевна царевна IV, 16, К, 19.
Софія Ѳоминишна царица IV, 21.
Сохацкій III, 143;
Спада VII, 185, 189, 190, 191.
Спасскій II, 159.
Сперанская-Багрѣева Е. М. II, 10.
Сперанскій графъ М. М. II, 7—10, 13, 23—25, 27, 29, 30, 34, 57, 59—61, 63, 103, 206, 223; III, 16, 18, 19, 40, 54, 67—88, 99, 107, 109—116, 183, 184; IV, 33—35, 38, 52, 92, 95, 96, 143, 178; V, 43, 67, 68, 175—177; VII, 103, 122.
Спренглортенъ I, 188.
Стакельберги IV, 134.
Сталь г-жа IV, 136; VI, 32, 33.
Сталь фонъ-Голстейнъ II, 189.
Стамати братья VI, 184.
Станевичъ Евстаф. III, 149.
Станиславъ У, 96.
Старинкевичъ Никол. Александр. V, 121, 122, 124—126; К, 44.
Старовъ II, 41; V, 24.
Стасовъ Вас. Петр. V, 25, 27, 29.
Стемпковскій Ив. Алексѣев. VII, 210—212, 217, 220.
Стенгопъ VII, 41.
Степанова V, 34.
Степанъ свящ. I, 35, 36; VI, 82.
Стефанъ воевода Молдавскій VI, 21.
Стивенсъ г-жа II, 23.
Стивенсъ дѣвица II, 10, 22.
Столыпина Вѣра Никол. IV, 96.
Столыпинъ А. А. I, 208-215, 216; II, 24, 61, 63, 76, 230; IV, 91—97, 105, 109.
Столыпинъ А. Д. I, 172.
Столыпины V, 67.
Стриттеръ I, 162.
Строганова баронесса Нат. Мих. IV, 157—159, 161; V, 117, 118.
Строгановъ баронъ Ал-дръ Серг. IV, 158—161.
Строгановъ графъ А-ъ Серг. II, 5, 6, 41, 49; III, 177, 179.
Строгановъ Григ. Александр. IV, 160.
Строгановъ р. Пав. А-др. II, 5, 12; III, 16.
Строгановы графы III, 106, 117, 124; IV, 142, 153, 181.
Струве Хр. Андр. II, 114, 171—173, 174; V, 99.
Студиловская IV, 138.
Ступишина Агнія Дм. II, 75, 79; VI, 58, 76.
Ступишина Ал-дра Ив. II, 80, 81.
Ступишинъ И. Алексѣев. I, 213; II, 79; III, 97, 159;
Ступишины II, 79; IV, 106; VI, 76.
Стурдза А. Ск. 123, 129, 130; VI, 158, 159, 161, 186; VII, 24, 192.

Библиотека "Руниверс"

Стурдза Гр. Д. VI, 160, 162.
Стурдза Дм. VII, 8.
Стурдза И. М. VI, 104, 112, 116, 117.
Стурдза М. Гр. VI, 160.
Стурдза Рокс. Скорлат. V, 64, VI, 128, 129, 156—160.
Стурдза Скарл. Д. VI, 70, 71, 129, 130, 144, 150, 180; VII, 4, 12, 14, 34.
Стурдза Янко VI, 155; VII, 8, 42, 54.
Стурдзы IV, 28; VII, 4, 12, 23, 24.
Суворовъ князь А. В. I, 76, 77, 96, 179; II, 4, 228; III, 26, 41, 144, 145, 170; IV, 67, 70, 84, 130; К, 26, 27, 59.
Сулима Пр. Аким. I, 211.
Султанъ-Керимъ-Гиреевъ Ал. Ив. VII, 176, 177.
Сумарокова М. П. I, 133.
Сумароковъ Пав. Ив. I, 132, 133.
Сумароковъ Панкрат. III, 82, 127, 143.
Сумароковъ С. П. I, 133.
Сухтеленъ Марья Петр. II, 44.
Сухтеленъ Пав. Петр. II, 45.
Сухтеленъ Петръ Корн. II, 43, 44.
Сухтеленъ гр. Руфъ Корн. II, 113, 114, 119, 139—142, 146, 147, 152, 157, 158, 160, 161, 163, 173; III, 41; IV, 136, 143, 177.
Сухтелены I, 49; II, 63.
Суццо гр. VI, 113.
Суццо Н. VI. 113.
Сушковъ Ник. Вас. VII, 187, 188.
Сушковы VII, 187.
Сѣдлницкіе IV, 30.
Сѣнной Ив. Алексѣев. II, 170, 171.

•

Таафе гр. VII, 42.
Тавастъ III, 164.
Талейранъ III, 87; IV, 150, VI, 172.
Талуетъ III, 6.
Тальма́ актеръ IV, 161.
Талызина А. И. I, 104; II, 95.
Таманскій кап. I, 137, 142.
Тамара I, 62.
Таниознь Фр. консулъ VII, 44.
Танской VII, 35.
Танѣева Ек. Никол. III, 45, 46, VI, 62.
Танѣевъ Серг. Мих. III, 45.
Танѣевы II, 37.
Тарановъ-Бѣлозеровъ VII, 147.
Тарашкевичъ VI, 166.
Тардифъ VI, 105, 106.
Тарховъ I, 163.
Татаринова VI, 36.
Татищевъ А. И. VI, 59.
Татищевъ графъ II, 223; VII, 100, 214.
Татищевы IV, 21, 25.
Твердышевъ IV, 90, 159.
Тезиковъ II, 230.
Теннеръ II, 119.
Тепловъ сенаторъ II, 111, 120, 171, 173, 174; III, 132.
Теребеневъ IV, 79.
Терпигоревъ III, 102.
Теслевъ кап. II, 119.
Тизенгаузенъ графъ сенат. VII, 250.
Тимковскій Вас. Ѳедор. VII, 46, 54, 56, 57, 66, 67, 69—72, 75, 81, 86, 87, 97, 99, 195.
Тимофѣевъ II, 190.
Тинькова Анф. Никан. II, 84, 87.
Тиньковъ Серг. Як. II, 84, 85, 230.
Титова II, 150.
Титовъ П. Я. V, 55.
Тихомировъ Никол. Спир. II, 59.
Товаровъ Ал-дръ Григ. III, 188; IV, 122; V, 196; VII, 113.
Товаровы III, 188.
Този пѣвецъ VII, 134.
Толстая гр. Аграѳ. Ѳедор. VII, 123.
Толстая графиня Анна Ег. V, 186.
Толстая графиня Степ. Алексѣевна IV, 90, 91.
Толстой графъ Андр. Ив. IV, 90.
Толстой графъ Ив. Петр. IV, 90.
Толстой графъ Петръ Алексѣев. II, 203; III, 7, 8; IV, 44, 53, 56, 89—91, 93, 95, 97; V, 143.
Толстой графъ Петръ Петр. IV, 90.
Толстой гр. Ст. Ѳедор. II, 85.
Толстой графъ Ѳедоръ Андр. IV, 89, 90; VII, 123, 233.
Толстой графъ Ѳ. Ив. американецъ II, 143; III, 43, 74, 75.
Толстые графы I, 210; V, 127, 186.
Толь III, 114.
Томазини VII, 147, 177.

Библиотека "Руниверс"

Томонъ II, 41, 42, 48; V, 24, 27.
Томъ VI, 173, 174; VII, 192.
Тонъ V, 31.
Топорковъ д. с. с. II, 16.
Топорнина Ал-дра Степ. IV, 12.
Торанъ-(де) г-жа VII, 49.
Тормасовъ Ал-дръ II. III, 58; IV, 43, 134; VI, 29.
Торнау фонъ, баронесса VI, 63.
Торси IV, 153.
Торстенсонъ III, 65.
Торсуковъ Арх. Александр. II, 36.
Траверсе (де) маркизъ IV, 148; VI, 59; VII, 35.
Треборнъ почтъ-д. II, 66.
Трегубовъ Н. Я. VI, 90, 93.
Тредьяковскій V, 41.
Трескина Над. Ив. I, 14; III, 174, 175.
Трескинъ Ив. Львов. III, 174, 175.
Трескинъ Петръ Ив. III, 174, 175.
Третеръ Вас. Карл. V, 21, 22, 26, 29, 200.
Триполито VII, 158, 159, 160.
Трифилій іеромон. VI, 81.
Трощинскій Дм. Прок. I, 180; II, 63; III, 84; IV, 134; V, 65.
Трубецкая княжна Праск. Юр. IV, 70; VI, 80.
Трубецкіе кн. II, 215, 226; III, 106, 140; IV, 15, 22, 24; VI, 150.
Трубецкой князь Гр. II. VI, 30, 79,
Тугутъ графъ III, 60.
Тулинова Анна Сем. II, 66.
Тулинова Вар. И. II, 62.
Тулиновъ А-й Ив. II, 205.
Тулиновъ И. И. II, 62, 66.
Тулиновы II, 62, 65, 205, 223; III, 46 V, 174; VI, 10, 23; VII, 210.
Туманскій В. И. VI, 119, 132.
Туманскій Ив. Гр. I, 63.
Тургеневъ Ал-дръ И. I, 165, 177; II, 213 – 217 (его характеристика); III, 33, 34, 118, 133, 150, 181; V, 45—47, 65, 121, 140; VI, 55, 65.
Тургеневъ Андрей Ив. I, 165.
Тургеневъ Ив. Петр. II, 214.
Тургеневъ Никол. И. V, 45 - 48, 56, 140, 158; VI, 10, 12, 56.
Тургеневъ Серг. И. V, 140.
Турнъ-Таксійская княгиня V, 145.
Турчаниновa Фелицата дѣвица, I, 113 – 116, 118, 196; II, 150.
Турчаниновъ А-ъ А-ндр. I, 113.
Туссень-Мезьеръ III, 119.
Тутолминъ Тимоф. Ив. II, 218, 223.
Тухачевская Елис. Петр. III, 174, 175; IV, 155; V, 113, VII, 135.
Тухачевская Над. Александр. IV, 155; VII, 135, 231.
Тухачевскій Н. А. Тульск. губ. V, 120; VII, 230.
Тухачевскій Никол. Серг. IV, 155; VII, 135, 136.
Тухачевскій Серг. Сем. III, 174; IV, 155.
Тухачевскія VII, 135.
Тучковъ Никол. Алексѣев. III, 40, 41, 43
Тютчева Над. Ив. III, 174, 175.
Тютчевъ III, 176; VI, 131.
Тюфякина княг. II, 38.
Тюфякинъ князь П. И. III, 22; V, 35, 36; VI, 50, 51.

*

Уварова Дарья Ив. IV, 169.
Уваровъ С. С. графъ II, 15, 216; III, 106; IV, 169, 173—176; V, 8, 40, 41, 51; VII, 41.
Уваровъ Сем. Ѳедор. IV, 169.
Уваровъ Ѳедоръ Петр. IV, 170; VI, 34.
Уваровъ Ѳедоръ Семен. IV, 169.
Угрюмовъ ст. с. VII, 81, 188.
Улыбышева Агаѳья Ив. IV, 78.
Улыбышева Ел. Александр. IV, 77—79.
Улыбышевъ Ив. IV, 76—78.
Унгернъ-Штернбергъ баронъ I, 20.
Урсулъ VI, 164, 165, 166.
Урусова княжна Ек. Серг. I, 114; II, 228.
Урусовы княжны VI, 29.
Успенскій IV, 25 – 27.
Устиновы V, 171.
Ухтомскій князь VI, 78.
Ушаковы I, 13.

*

Фабръ V, 19, 20; VII, 97.
Фалѣевъ К. 29.
Фантацци III, 122.
Фанъ-деръ-Флитъ А-а Ефр. II, 166.

Библиотека "Руниверс"

Феньшъ Кіевск. г. губ. I, 198—201; VII, 151; К, 32.
Фердинандъ принцъ Кобургскій III. 49.
Фердинандъ VII-й V, 179; VI. 7.
Фердинандъ д' Эсте VII, 117.
Фердинандъ эрцгерцогъ III, 58.
Ферзенъ гр. I, 92.
Ферморъ гр. I, 75; К, 22.
Фетъ-Али-шахъ К, 50.
Фигнеръ IV, 75.
Филаретъ М. М. III, 73; IV, 82.
Филиповскій VII, 97.
Филисъ актр. II, 48, 49; III, 39, 121, 122, 131, 132; IV, 166; VI, 52.
Фирихъ VI, 159, 162.
Фирсовъ в. губ. VII, 99, 215.
Фитингофъ г-жа V, 11.
Фіоранти III, 130.
Флёри VI, 180, 181.
Фодоасъ III, 6.
Фодоръ-Менвіель III, 132.
Фоксъ II, 6.
Фокъ Переясл. коменд. I, 39, 42, 43.
Фокъ Макс. Як. I, 39,
Фокъ Петръ Як. I, 43.
Фонвизинъ Д. III, 35, 124.
Фонтанъ V, III.
Фанъ-Фокъ Макс. Як. VII, 39, 107—110.
Форсеваль г-жа I, 107—110, 113, 118.
Форсеваль госп. I, 108, 129; III, 22.
Фотинъ врачъ VII, 44.
Фотій архимандр. VI, 65.
Фохтсъ Каролина Ив. VII, 60.
Франкони V, 112.
Франкъ баронъ V, 140.
Франкъ Ант. Ром. VII, 142.
Франкъ VII, 144, 188, 189, 205.
Франкъ г-жа VII, 143.
Франкъ-Пфейлицеръ От. Ром. баронъ VI, 90, 91, 95, 122, 124, 172; VII, 86, 141, 142, 167.
Францовъ IV, 73.
Францъ II, II, 233.
Фраполи дѣвица VI, 138; VII, 186.
Фреморъ I, 52.
Фридрихъ принцъ Виртембергскій I, 31, 32.
Фридрихъ I-й V, 85.
Фридрихъ Великій V, 30, 88, 91, 92, 94, 100.
Фрожеръ актеръ I, 156 III, 119.
Фуа VI, 6.
Фундуклей VI, 93.
Фурманъ Ал. Ѳедор. VII, 68.
Фурманъ г-жа VII, 188.
Фурманъ Ром. Ѳедор. VII, 68.
Фуше III, 111; VI, 10.
Фюалдесъ V, 112.

*

Хамаритъ VII, 160, 172, 180, 182.
Ханджери княг. VI, 180.
Ханджери Телемакъ VI, 152.
Хартулларій VII, 157, 209.
Хвостова А-а. Петр. II, 225, 227; III, 6, 7, 59, 155, 158; IV, 131, 135, 136; VII, 41.
Хвостовъ А-ъ Сем. II, 112, 157.
Хвостовъ Вас. Сем. II, 156, 193, 196.
Хвостовъ графъ Д. И. III, 129, 143—146, 149, 154, 161; IV, 50, 131, 166, 168.
Хвостовъ Дм. Сем. II, 225, 226.
Хвостовы II, 139, 140, 156, 158, 171, 173, 174.
Хераскова II, 225.
Херасковъ М. М, I, 114; III, 133, 135, 143.
Херескуловъ II, 225.
Херубини III, 122, 130.
Херхеулидзевъ князь Зах. С. VI, 122; VII, 187.
Хилкова княжна Анна Мих. III, 32, 36.
Хилкова княгиня Елисав. Петр. III, 32.
Хитровъ сенат. VII, 4.
Хлюстинъ VII, 235.
Хмельницкій Богд. I, 57; IV, 30; К, 19.
Хмѣльницкій Никол. Ив. V, 154; VI, 55.
Хованская кн. I, 51, 54, 55, 68.
Хованская княжна Анна Александр. V, 79, 80.
Хованская княжна Нат. I, 53, 184, 185.
Хованскія княжны I, 184.
Хованскій князь Вас. А. I, 51—53, 55, 57; II, 65, 204.
Ховрина Ал-дра Степ. IV, 12.
Ховринъ Левъ Вас. IV, 12.

Библиотека "Руниверс"

Холоневская IV, 49.
Хомяковъ А. Ст. III, 148.
Хорватъ О. И. VI, 101.
Хотяевъ VII, 35.
Храповицкая IV, 67.
Храповицкій Ив. Сем. VII, 243.
Хребтовичъ графъ VI, 37, 176.
Христина королева III, 65.
Христіанъ принцъ Датскій, V, 49.
Христіернъ III, 65.
Хрущова Агафья Ив. IV, 78.
Хрущовъ Александръ Павл. V, 157, 200, 201.
Хрущовъ Ал-дръ Петр. IV, 78, 79.
Хрущовъ Петръ Петр. IV, 78, 79.
Хрущовы II, 94; V, 189; VI, 39, 45.

*

Цвиллингъ Ив. Ив. V, 166.
Цейеръ II, 25.
Цирлейнъ Эд. Карл. II, 112, 113.
Цитенъ V, 90.
Циціановъ кн. II, 105.

*

Чаадаевъ П. Я. VI, 18, 20.
Чарторижскіе IV, 30, 181.
Чарторыжскій кн. Ад. II, 5, 11, 105, 206; III, 9, 16, 84, 117; V, 10.
Чацкій гр. I, 84.
Чегодаевы I, 206.
Чемесова Марѳа Андр. VI, 58, 76.
Чемесова Марѳа Ефим. IV, 106, 108.
Чемесовъ Е. П. I, 26, 213; II, 81, 83, 84, 125; IV, 106; VI, 58.
Чемесовы II, 83, 86; VI, 58.
Чепѣга атаманъ К, 26.
Черкасская княгиня Над. Александр. V, 182.
Чернецкій музык. I, 42.
Черникова III, 131.
Чернина гр. VI, 181,
Чернины IV, 30.
Чернышова графиня Анна Ив. V, 44.
Чернышова граф. Д. П. I, 138.
Чернышовъ граф. А. И. VII, 214.
Чернышовъ графъ З. Гр. I, 122.
Чернышовъ графъ Ив. Григ. V, 44, 99.
Чернышовъ гр. П. Г. I, 99.
Чернышовы гр. II, 226; IV, 87, 162, 163.
Четвериковъ I, 198.
Четвертинская княжна Жанета IV, 68, 138.
Четвертинская княгиня Над. Ѳедор. IV, 67, 68, 70, 113.
Четвертинскій князь Ант. IV, 68.
Четвертинскій князь Борисъ Ант. III, 102; IV, 59, 68, 69, 99, 137.
Четвертинскій князь Густавъ Антон. IV, 68.
Четвертинскій кн. Конст. Ант. IV, 68.
Чингисъ-ханъ К, 15.
Чичаговъ П. В. II, 12; III, 16, 87; IV, 39, 43, 81; V, 125, 126; VI, 68; VII, 61.
Чоблоковъ III, 55; V, 21.
Чороковъ Григ. Петр. II, 234.
Чудаковской I, 209.
Чудовской V, 90.
Чулковъ Вас. Ив. I, 14, 15, III, 173, 174.

*

Шабо́ баронъ VI, 23.
Шаликовъ III, 138—140, 143.
Шапошниковъ III, 129, 148.
Шардонъ г-жа I, 48, 49, 51, 53, 84, 200.
Шардонъ инжен. I, 46, 48, 49, 141; II, 43.
Шаренбергъ III, 164.
Шатобріанъ V, 111; VI, 182.
Шатровъ III, 133.
Шауфусъ Елис. Ѳ. VII, 158.
Шаховская княжна IV, 67.
Шаховской кн. А. А. II, 51, 56; III, 38, 125, 126, 128—130, 144, 147, 150, 151; IV, 164, 166, 168, 171—173, 175, 177; V, 33, 36; VII, 187.
Шаховской князь Бор. Гр. V, 185.
Шаховской кн. Вал. М. VI, 51, 55, 121.
Шаховской князь Никол. Григ. V, 185, 186.
Шварценбергъ князь III, 57; IV, 81; V, 98.
Шварцъ И. Н. II, 127, 128; III, 114; VI, 16, 20, 54; VII, 159.
Шварцъ тракт. II, 139.
Шевалье актриса I, 155; II, 48; V, 24.
Шевалье-дю-Брюкъ К, 53.

Библиотека "Руниверс"

Шевалье-де-Карро VI, 181.
Шевалье-де-Сиво VI, 181.
Шеваревъ II, 129.
Шевелева I, 124.
Шевыревъ V, 44.
Шемаевъ V, 35.
Шёнфогель докторъ I, 60.
Шепелевъ Дм. Дм. V, 189.
Шепингъ III, 123.
Шервудъ VII, 91.
Шереметева Варв. Петр. IV, 67.
Шереметева Ек. Вас. IV, 67.
Шереметевъ гр. Дм. Никол. IV, 67; VII, 27.
Шереметевъ графъ Н. П. I, 146, 193.
Шереметевъ Серг. Вас. IV, 67.
Шетарди II, 7.
Шиллеръ V, 99.
Шиль III, 58.
Ширковъ Семенъ Ерм. I, 58.
Ширковы I, 58.
Шишкинъ VI, 45.
Шишкова жена министра I, 12.
Шишковъ Ал. Сем. II, 55, 56; III, 144, 148, 150; IV, 35, 52, 80, 141, 143, 165; V, 41, 111; VI, 65; VII, 40, 100, 125, 214, 245—247.
Шишковъ в. губ. II, 164.
Шкляренко VII, 196, 207, 211, 212.
Шкоттъ баронесса III, 160.
Шлыковъ III, 175.
Шоазель-Гуфье гр-я VI, 114, 125.
Шовеленъ VI, 7.
Шпигель К, 22.
Шредеръ Андр. Андр. V, 127.
Штакеншнейдеръ V, 31.
Штейнбергъ II, 51.
Штейнгель III, 80.
Штейнгель Ив. Ѳедор. II, 195, 196;
Штейнсбергъ III, 124.
Штейнъ баронъ IV, 80; V, 6, 8, 46, 51, 93; VI, 35.
Штиглицъ III, 12.
Штокманъ К, 22.
Штосъ ф.-егерь II, 112, 116, 177.
Штофельнъ К, 22.
Штуттергеймъ V, 83.
Шубертъ А-й Петр. II, 117, 118, 128, 129, 157, 167, 182, 189.
Шуберты II, 179, 207.
Шувалова гр. Е. П. II, 10.
Шуваловъ графъ Андр. Петр. III, 51, 53.
Шуваловъ графъ Пав. Андр. III, 50, 51, 53, 60, 61, 75.
Шуйская княг. I, 84; II, 35.
Шуйскій царь I, 83; III, 65; IV, 22.
Шульженко VI, 112.

*

Щедринъ V, 31.
Щениковъ V, 34.
Щербатова княжна I, 202; IV, 24.
Щербатова княжна Анна Андр. III, 90; IV, 136
Щербатова княжна А. М. VI, 18.
Щербатова княж. Марья Анд. IV, 149.
Щербатова княг. Анна Мих. III, 32, 36.
Щербатовъ князь Андр. Ник. III, 32, 90; IV, 25.
Щиржецкій Ив. Дан. VII, 157, 179, 207, 211, 212.
Щученковы I, 163.

*

Эвеніусъ VI, 43.
Эгмонтъ V, 8.
Эдлингъ графиня Рокс. Скарл. V, 64; VII, 192.
Эделингъ графъ Альб. VI, 128, 129.
Эйбенъ баронъ I, 126.
Эйтнеръ VI, 146, 184.
Эйхфельдъ VI, 116, 184.
Экартъ V, 98.
Элимъ князь V, 99.
Эллизенъ Ег. Ег. V, 56, 72; VII, 97.
Эльсонъ архит, VII, 73.
Эмме И. Ѳ. VI, 75.
Энгельгартъ гр. А. В. I, 43.
Энгельгардтъ В. В. VI, 86; VII, 178.
Энгельгардтъ Ив. Мих. II, 146, 147.
Энгельгардтъ III, 86; IV, 58.
Энгельсонъ IV, 40.
Эртель I, 168, 169, 177, 180; III, 114.
Эспехо Каролина VI, 67.
Эспехо V, 180; VI, 22, 42.

Библиотека "Руниверс"

Эссенъ Петръ Кирил. II, 201; VII, 55.
Эстенвиль (д') маркиза V, 126.

*

Юматова Ал-дра Фил. V, 69.
Юматова Анна Дм. V, 69.
Юматовъ Дм. Ив. V, 69.
Юматовъ Петръ Ив. V, 69.
Юматовъ Ст. Ив. V, 69.
Юматовы VI, 75.
Юнгъ-Штиллингъ V, 176.
Юни Францъ Александр. II, 111, 112, 120.
Юргенсъ IV, 146—148.
Юсупова княгиня Т. В. I, 131, 143, III, 103.
Юсуповъ князь V, 113.
Юсуповы IV, 32.
Юшкова Анна Петр. II, 202; VII, 216.
Юшковы II, 140—142.

*

Яблоновская княг. I, 83,
Яблоновскій князь I, 12.
Ягелло V, 84.
Ягницкій V, 140; VII, 86.
Языковъ Дм. Ив. III, 153.
Якоби ген.-г. II, 164.
Яковлевъ акт. I, 159; II, 51—53; V, 34; VI, 47, 48.
Яковлевы I, 13.
Якубовичъ декабр. I, 59.
Яновская Іул. Ос. VI, 82.
Яновскій Евст. Яковл. I, 35.
Яновской шт.-лек. I, 41.
Янъ Казимиръ I, 86.
Ярославъ Владимировичъ кн. К, 12, 13.
Яхонтовъ I, 41.

*

Ѳедоровъ Пав. Ив. II, 51; VII, 83, 198, 199, 215.
Ѳеодоръ Іоанновичъ царь IV, 21.
Ѳеофилактъ III, 73.

*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I. Послѣ Наполеона.—Ссылка А. С. Пушкина.—Семеновская исторія.—П. Я. Чаадаевъ 3
II. Племянникъ.—Москва въ 1820 году.—Кристинъ 21
III. Верченія въ Михайловскомъ замкѣ.—Закрытіе ложъ.—Паденіе Бетанкура 34
IV. Герцогъ Александръ.....Исакіевскій соборъ.—Каталани.—Литература 46
V. Женитьба брата.—Е. Ф. Канкринъ.—Дибичъ.—Фотій.—К. Я. Булгаковъ.—Бессарабія (1823) 57
VI. Липецкъ.—Кіевъ.—Графиня Браницкая.—Новороссія 73
VII. Одесскія власти.—Бруновъ.—А. С. Пушкинъ.—У адмирала Грейга. 89
VIII. На пути въ Кишиневъ.—Кишиневскія власти.—М. Ѳ. Орловъ.—И. П. Липранди 101
IX. Польскіе Атриды.—Графиня Эдлингъ.—Одесскій театръ.—Виттъ.—Северинъ Потоцкій 118
X. Бессарабскія дѣла.—Царане.—И. Н. Инзовъ.—Полихронія..... 139
XI. Князь Кантакузинъ.—Поѣздка къ Австрійской границѣ.—Разбои. 155
XII. Раевскіе.—Вторая ссылка А. С. Пушкина.—Консулъ Тома.... 168
XIII. Озлобленіе Молдаванъ.—Французы въ Кишиневѣ.—Графъ Кочубей на Югѣ (1824) 175
XIV. Желтухинъ.—Вице-губернаторство 190

ЗАМѢЧАНІЯ НА СОСТОЯНІЕ БЕССАРАБІИ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I. Конецъ Александрова царствованія.—Дамская колонія въ Крыму.—Чума.—Торги на откупъ.—Рознаванъ и Гика.—В. Ѳ. Тимковскій 39
II. Поѣздка по Бессарабіи.—Иностранныя поселенія.—Одесса (Ноябрь 1825)..... 57

Библиотека "Руниверс"

III. Характеристика Александра Павловича.—Междуцарствіе.—Пріемы Воронцовскаго управленія 74
IV. Поѣздка въ Петербургъ.—Глазная болѣзнь.—Осень 1826 88
V. Н. М. Карамзинъ.—Д. Н. Блудовъ.—Графъ Бенкендорфъ.—Племянникъ Алексѣевъ.—Графъ Закревскій.—Сборы въ Керчь.—Представленіе Николаю Павловичу 100
VI. Москва въ 1827 году.—Тухачевскіе.—Харьковъ.—Екатеринославъ.—Симферополь.—Ѳеодосія 132
VII. Синельниковъ.—Керченскіе чины.—Жизнь въ Керчи.—Графъ Ѳ. П. Паленъ 152
VIII. Одесса въ 1827 году.—Собаньская.—Н. В. Сушковъ.—Спада.. 175
IX. Ю. М. Кульчинская.—В. А. Перовскій. — Отставка. — (Весна 1828).—Царская чета въ Одессѣ.—Стемпковскій —Преимущества Ѳеодосіи 197
X. Подъ Тулою.—Москва въ 1828 году.—Англійскій клубъ.—Князь Д. В. Голицынъ 227
XI. Поѣздка въ Пензу.—Одряхленіе матери 239
XII. Въ Петербургѣ.—Новыя власти.—Поступленіе на службу въ Департаментѣ Иностранныхъ Исповѣданій 243
XIII. Передъ Польскимъ мятежемъ.—Театръ въ Петербургѣ 251

ЗАПИСКА О КЕРЧИ.

РОДОСЛОВНАЯ ВИГЕЛЕЙ И ПАНЧУЛИДЗЕВЫХЪ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Библиотека "Руниверс"